DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pushkin21push

Printed in Russia

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т. II.

ИЗДАНІЕ
БРОГКАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. 6.

891.73
9P987Pus
t.2

Изъ черновыхъ набросковъ и недошедшихъ произведеній 1818—1819 гг.

Въ скобки заключены слова, въ подлинникѣ зачеркнутыя.

212. ПОЗВОЛЬ ДУШѢ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕДЪ ТОБОЙ.

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою;
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть—
Скучая жизнью, томимый суетою —
(Я жажду) близъ тебя, другъ нѣжный, отдохнуть—
Ты помнишь, милая,—зарею нашихъ лѣтъ
Младенцы, мы... любить умѣли —
Какъ быстро наши лѣта улетѣли
Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало!—
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ! —
Къ чему мнѣ жить. Я не рожденъ для щастья,
(Я не рожденъ) для дружбы, для забавъ,
. . . . . избѣжавъ
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья.

213. КАКЪ СЛАДОСТНО!... НО, БОГИ, КАКЪ ОПАСНО.

Какъ сладостно!... но, Боги какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милой взоръ!—
Забуду ль я отнынѣ... улыбку, взоръ прекрасной
Могуль забыть (волшебный) разговоръ?
Волшебница, зачѣмъ тебя я видѣлъ.—
(Узнавъ тебя), блаженство я позналъ
И щастіе мое возненавидѣлъ.

214. И Я СЛЫХАЛЪ, ЧТО БѢЛЫЙ СВѢТЪ.

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ —
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нее отрады нѣтъ:—
Что жизни бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда не тихой дружбы свѣтъ...
Но слушай, чувство есть другое
Оно и нѣжитъ и томитъ,
Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горитъ —
Оно мучительно, жестоко,
Коль язвы пламенной, глубокой
Элей надежды не живитъ...
Вотъ страсть, которой я сгораю,
Которой вяну и дышу,
(Которую въ душѣ ношу)
И ни на что не промѣняю..

215. КЪ ***

Щастливъ, кто близъ тебя любовникъ упоенной
Безъ томной робости твой ловитъ нѣжный взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ
И слѣдъ улыбки незабвенной.
К

216. ЭЛЕГІЯ.

(Къ Кагульскому памятнику)

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ Россіянъ,
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не задунайскій Великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ...

217. НАПРАСНО, МИЛЫЙ ДРУГЪ, Я МЫСЛИЛЪ УТАИТЬ.

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
(Тоскующей души) холодное волненье.
Ты поняла меня — проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить...
(Исчезли навсегда часы) очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...

218. ДУБРОВЫ, ГДѢ ВЪ ТИШИ СВОБОДЫ.

Дубровы, гдѣ въ тиши свободы
Встрѣчалъ я щастьемъ каждый день,
Ступаю вновь подъ ваши своды
Подъ вашу дружескую тѣнь.

219. СКАЖИ, КАКІЯ ЗАКЛИНАНЬЯ.

Скажи какія заклинанья
Имѣютъ надъ тобою власть.
— Всѣ хороши: на всѣ призванья
Готовъ я какъ бы съ неба пасть—
Довольно одного желанья —
Я какъ догадливый холопъ—
Въ ладони по турецки хлопъ,
Присвистни, позвони и мигомъ
(Явлюсь) Что дѣлать—я служу,
Живу, кряхчу подъ вѣчнымъ игомъ—
Какъ нянька бѣдная (хожу).
За вами—слушаю, гляжу.

220. ВСЕ ПРИЗРАКЪ, СУЕТА.

Все призракъ, суета
Все дрянь и гадость
Стаканъ и красота
Вотъ жизни радость
Любовь и вино
Намъ нужны равно

Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ бы весь вѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю
Лѣнь съ ними—заодно
Вино я съ нею славлю
Она мнѣ льетъ вино.

221. ДАВНО-ЛИ ТАЙНЫМИ СУДЬБАМИ.

Давно-ли тайными судьбами
Намъ жизни чаша подана?
Еще для насъ она полна,
Къ ея краямъ, прильнувъ устами,
Мы пьемъ восторги и любовь,
(намъ) надежды, наслажденье,
(Для насъ) всѣ (новы) заблужденья,
Какъ новы

222. Я МАЛО ЖИЛЪ И НАСЛАЖДАЛСЯ МАЛО.

Я мало жилъ, и наслаждался мало...
Но иногда цвѣты веселья рвалъ—
Я жизни видѣлъ лишь начало
(Кто знаетъ)

223. НЕДАВНО ТИХИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ.

Недавно тихимъ вечеркомъ
Пришелъ гулять я въ рощу нашу
И тамъ у рощи подъ дубкомъ
Увидѣлъ спящую Наташу

224. ЗА СТАРЫЕ ГРѢХИ НАКАЗАННЫЙ СУДЬБОЙ.

За старые грѣхи наказанный судьбой
Я стражду 8 дней съ лекарствами въ желудкѣ
Съ Меркуріемъ въ , съ раскаяньемъ въ раз[суд]кѣ.

225. НО Я НЕ ТОТЪ! МОИ ЗЛАТЫЕ ГОДЫ!

(Кн. А. М. Горчакову. Отрывокъ).

Но я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ иногда за чашей ликованья
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой—
И ты поймешь души моей страданья!...

226. ПОСЛАНІЕ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

(начало).

Въ себѣ всѣ блага заключая,
Ты, наконецъ, къ ключамъ отъ рая
Привяжешь камергерскій ключъ.

1820

227. ДОРИДѢ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить;
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

228. ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые
И блѣдное лице, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея обьятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

229. МНѢ БОЙ ЗНАКОМЪ.

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной Славы,
Люблю войны кровавыя забавы
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

230. (ОЛЕНЬКѢ МАССОНЪ).

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Какже ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья,
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условной—
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопотъ,
И служанки сонный ропотъ,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачь—
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.

231-232. НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю—онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
Кто жъ онъ, «преданный безъ лести»?
Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ вѣнчаннаго солдата
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу;
А впрочемъ. . . . . .

ГРАФЪ А. А. АРАКЧЕЕВЪ.
Съ гравированнаго портрета Уткина.

ГРАФЪ Ѳ. И. ТОЛСТОЙ (АМЕРИКАНЕЦЪ).
Съ портрета Рейхеля 1817 г.

233. ВЪ ЖИЗНИ МРАЧНОЙ И ПРЕЗРѢННОЙ.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ,
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ—
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ
И теперь онъ—слава Богу
Только что картежный воръ.

234. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТИЛО.

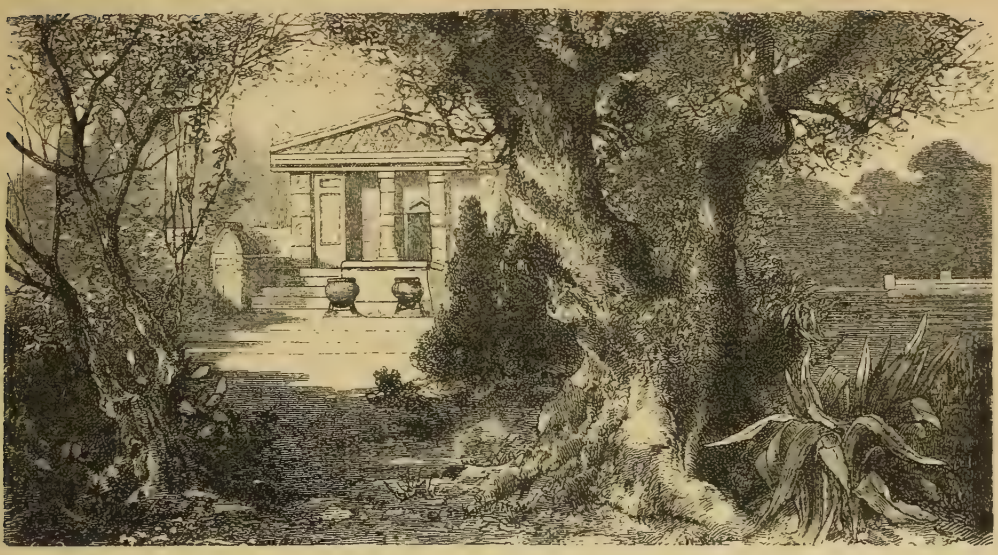
Подражаніе Байрону.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь:
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ..,
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

---

235. МНѢ ВАСЪ НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ.

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной,
Мнѣ васъ (не) жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной,
(Мнѣ васъ не жаль), невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя,
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя —
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
(Гдѣ прежній жаръ) и нѣга вдохновенья?...
Придите вновь, года моей весны.



ХРАМЪ ДІАНЫ ВЪ ТАВРИДѢ.
Рисунокъ-реконструкція А. Шмитца (A. Schmitz),

236. ЧААДАЕВУ.

Съ морскаго берега Тавриды.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

. . . . . .

Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

237. О ДѢВА-РОЗА, Я ВЪ ОКОВАХЪ.

Подражаніе турецкой пѣснѣ.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

238. УВЫ, ЗАЧѢМЪ ОНА БЛИСТАЕТЪ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Щастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ унынiе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

239. (НА КАЧЕНОВСКАГО).

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣньи посѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
Затѣйникъ золъ! съ улыбкой скажетъ Глупость;
Невѣжда глупъ! зѣвая скажетъ Умъ.

240. КОГДА-БЪ ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛЪ СДУРУ.

Когда-бъ писать ты началъ сдуру
Тогдабъ на вѣрно ты пролезъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру
Какъ внидешь въ царствіе Небесъ.

241. КАКЪ БРАНЬ ТЕБѢ НЕ НАДОѢЛА.

Какъ брань тебѣ не надоѣла?
Разчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ—я празденъ, я безъ дѣла,
А ты бездѣльникъ дѣловой.

242. ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

243. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слёзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключь отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной,
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Пушкинъ у Бахчисарайскаго фонтана.
Рисунокъ В. Я. Суреньянца.

244. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

245. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ;
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Лубочная картина второй половины XIX в. (Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота).

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Съ гравюры 1820-хъ г.

246. КЪ ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ нёмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

---

247. НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Рисунокъ И. Левитана.

248. РѢДѢЕТЪ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУ́ЧАЯ ГРЯДА.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучь осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

249. АПТЕКУ ПОЗАБУДЬ.

Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ
И не мори больныхъ, но утѣшай здоровыхъ.

Изъ Черновыхъ набросковъ.

250. ТАМЪ НА БРЕГУ, ГДѢ ДРЕМЛЕТЪ ЛѢСЪ СВЯЩЕННЫЙ.

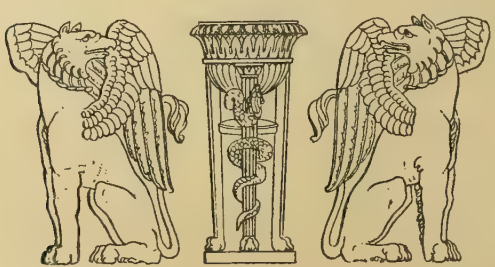
Тамъ на брегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный
Твое я имя повторялъ
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

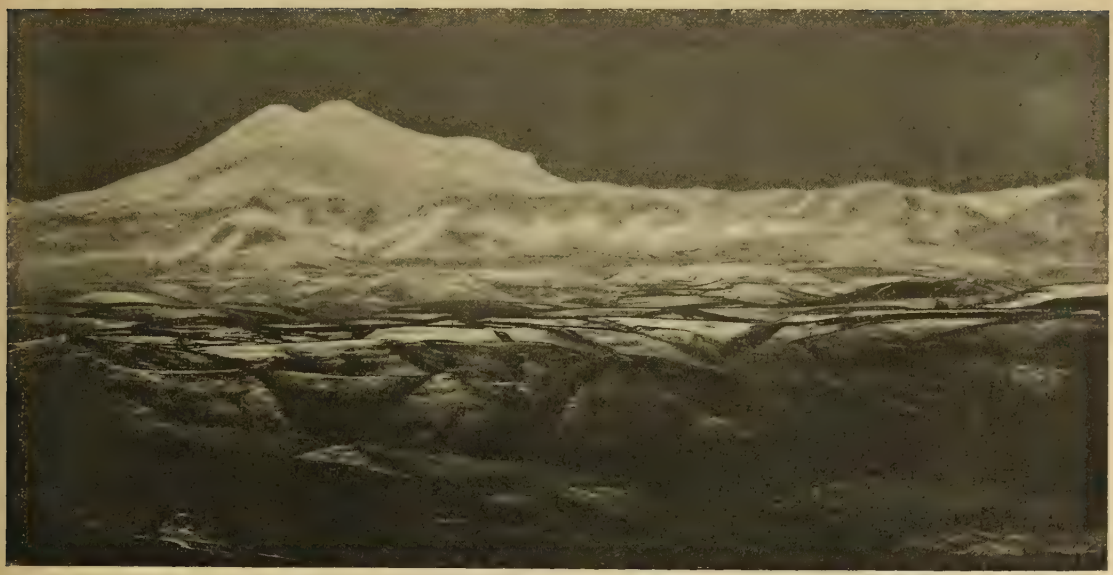
---

251. Я ВИДѢЛЪ АЗІИ БЕЗПЛОДНЫЕ ПРЕДѢЛЫ.

(Болѣе законченныя и разборчивыя строки).

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы
Кавказа дальній край..... обгорѣлы
Жилище (дикое) черкесскихъ табуновъ
. . . . . .
Я видѣлъ.... вершины
Обвитые вѣнцомъ холоднымъ облаковъ
И закубанскія равнины
(Ужасный край) чудесъ!—Тамъ жаркіе ручьи
Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ
...благословенныя (цѣлебныя) струи
Надежда вѣрная (страдальцевъ) изнуренныхъ
Мой взоръ встрѣчалъ близъ дивныхъ береговъ
Увядшихъ юношей пировъ
На муку тайную Кипридой осужденныхъ
. . . . . .
И старость хилая въ печальныхъ сѣдинахъ
. . . . . .





«КОЛОССЪ ДВУГЛАВЫЙ».
(*Эльбрусъ съ Машукомъ*).

ПУШКИНЪ НА КАВКАЗѢ ВЪ 1820 ГОДУ.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1820 года Пушкинъ не по своей волѣ покинулъ Петербургъ и отправился на службу въ Екатеринославъ въ распоряженіе И. Н. Инзова, бывшаго въ то время главнымъ попечителемъ иностранныхъ колонистовъ южной Россіи.

Попавъ неожиданно въ незнакомый городъ, Пушкинъ скучалъ и не зналъ, что съ собою дѣлать. Катаясь какъ-то въ лодкѣ по Днѣпру, онъ выкупался и схватилъ жестокую лихорадку. На его счастье проѣхалъ чрезъ Екатеринославъ на Кавказскія минеральныя воды корпусный командиръ Николай Николаевичъ Раевскій, извѣстный генералъ 1812 года. Его сопровождали двѣ дочери и младшій сынъ Николай *), гвардіи ротмистръ, съ которымъ Пушкинъ былъ друженъ еще со времени пребыванія въ Лицеѣ.

Раевскій-младшій поспѣшилъ разыскать Пушкина въ Екатеринославѣ. Онъ нашелъ его—небритаго, блѣднаго, исхудалаго, въ бѣдной еврейской хатѣ. Поэтъ лежалъ на досчатомъ диванѣ; вмѣсто лѣкарства стояла предъ нимъ кружка оледенѣлаго лимонада. Раевскій поручилъ больного попеченіямъ д-ра Рудыковскаго, состоявшаго при генералѣ, и предложилъ ему совмѣстную поѣздку на Кавказъ. Нечего и говорить, что Пушкинъ съ восхищеніемъ принялъ предложеніе своего друга. Инзовъ, переведенный въ это время въ Кишиневъ, былъ очень радъ возможности передать

*) По словамъ д-ра Рудыковскаго («Встрѣча съ Пушкинымъ», Русскій Вѣстникъ 1841 г., № 1), генерала Раевскаго сопровождали на Кавказъ оба его сына. Въ письмѣ поэта къ брату Льву отъ 24 сентября 1820 г. сказано положительно, что Раевскій ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми. Точно также и въ путевыхъ запискахъ Геракова упоминается только одинъ младшій сынъ Николай. Но въ «Путешествіи въ Арзрумъ», вспоминая о своемъ первомъ посѣщеніи Кавказа въ 1820 г., Пушкинъ говоритъ, что часто сиживалъ съ Ал. Раевскимъ на берегу Подкумка. Для устраненія этихъ противорѣчій остается предположить, что Ал. Раевскій прибылъ на воды и уѣхалъ оттуда отдѣльно отъ остальныхъ членовъ своего семейства.

генералу Раевскому надзоръ за порученнымъ ему молодымъ человѣкомъ.

Изъ Екатеринослава путешественники направились на Кавказъ чрезъ Новочеркаскъ и Ставрополь. Поѣздка совершалась не спѣша, какъ ѣздили въ старину. Генерала Раевскаго встрѣчали всюду съ подобающимъ почетомъ, предоставляли ему всякія удобства. Больной Пушкинъ быстро поправился. Постоянное общеніе съ просвѣщенными и дружески расположенными къ нему людьми лучше и скорѣе всякихъ лѣкарствъ возстановило его здоровье. Въ семьѣ Раевскихъ чувствовалъ онъ себя спокойно и привольно. Исчезло тягостное чувство душевнаго одиночества, томившее его въ Екатеринославѣ. Онъ зналъ, что всякая мысль его, всякое впечатлѣніе найдетъ себѣ откликъ и сочувствіе.

Къ Пушкину возвратилась его обычная шаловливость. По заведенному порядку, пріѣзжіе на воды обязывались заявить коменданту имена и званія свои. Пушкинъ вызвался составить списокъ и отмѣтилъ въ немъ д-ра Рудыковскаго лейбъ-медикомъ, а себя недорослемъ. Мѣстныя медицинскія власти всполошились, прочитавъ списокъ, и когда мистификація открылась, Рудыковскому пришлось оправдываться въ именованіи себя неподлежащимъ придворнымъ званіемъ. Пушкинъ же такъ и остался недорослемъ въ спискѣ посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ *).

Въ 1820 г. городъ Пятигорскъ еще не существовалъ даже по имени. Пріѣзжіе ютились въ небольшомъ поселкѣ и отправлялись оттуда ежедневно къ горячимъ сѣрнымъ ваннамъ, устроеннымъ въ ветхихъ турлучныхъ постройкахъ. Въ 1819 году генералъ Ермоловъ возобновилъ нѣкоторыя изъ нихъ, но все же отсутствіе даже элементарныхъ удобствъ свидѣтельствовало о выносливости больныхъ и увѣренности ихъ въ цѣлебной силѣ источниковъ даже при самой непріютливой обстановкѣ.

Именно это неблагоустройство и восхищало Пушкина. «Въ мое время»,—вспоминалъ онъ въ 1829 году, послѣ вторичнаго посѣщенія Горячеводска,—«ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость.... Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей, но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался».

Попавъ на Кавказъ послѣ бурной петербургской жизни, оставившей въ сердцѣ его горькій осадокъ, Пушкинъ чувствовалъ себя очень хорошо. Здѣсь онъ отдохнулъ душою и тѣломъ среди прекрасной южной природы и въ кругу милаго семейства Раевскихъ. Свободный отъ стѣснительныхъ условій пустой свѣтской жизни, онъ думалъ, что обрѣлъ, наконецъ, ту свободу, которая была тогда его кумиромъ. Его восхищали на Кавказѣ и простая обстановка, напоминавшая военный станъ, и горная природа, неотразимо дѣйствующая на уроженца сѣверныхъ равнинъ, и наконецъ, по собственному его слову, «та тѣнь опасности, которая такъ нравится мечтательному воображенію».

Тогдашнія настроенія Пушкина напоминаютъ его характеристику «Кавказскаго плѣнника»:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

*) Въ іюнѣ 1820 г. былъ на водахъ, проѣздомъ изъ Персіи, англійскій чиновникъ Виллокъ, за которымъ, по распоряженію генерала Ермолова, было установлено негласное наблюденіе. О жизни Виллока на водахъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Краковскій донесъ въ Тифлисъ рапортомъ отъ 1 іюля 1820 г. № 1839, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «21 іюня приходили къ Виллоку лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій, лейбъ-гвардіи ротмистръ Николай Николаевичъ Раевскій и недоросль, находящійся въ свитѣ его высокопревосходительства генерала Раевскаго, Александръ Сергѣевъ Пушкинъ».

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Пушкинъ въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія на Кавказскихъ водахъ. Единственный для этого источникъ—его письмо къ брату Льву изъ Кишинева отъ 24 сентября 1820 г. Изъ него знаемъ, что поэтъ купался въ горячихъ сѣрныхъ водахъ, которыя принесли ему большую пользу; посѣтилъ группы желѣзныхъ (Желѣзноводскъ) и кислыхъ (Кисловодскъ) источниковъ, много бродилъ по живописнымъ окрестностямъ этихъ мѣстъ и неразъ любовался при солнечномъ восходѣ величественною картиною снѣжной цѣпи Кавказа. Подобно «Кавказскому плѣннику»,

Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Картина эта произвела на Пушкина неизгладимое впечатлѣніе. Въ письмѣ къ брату онъ выражаетъ сожалѣніе, что тотъ не видалъ «великолѣпную цѣпь кавказскихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными». Въ 1829 году поэтъ вновь записалъ въ своемъ дневникѣ: «въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ-же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины кавказской цѣпи».

Изъ всѣхъ посѣтителей Кавказскихъ водъ въ 1820 г. только одинъ отмѣтилъ въ печати свою встрѣчу тамъ съ Пушкинымъ. Это былъ Гавріилъ Васильевичъ Гераковъ, пользовавшійся въ 1820-хъ годахъ весьма своеобразною извѣстностью. Маленькаго роста, тупой и бездарный, Гераковъ обладалъ непомѣрнымъ самолюбіемъ, считалъ себя великимъ писателемъ и приставалъ ко всѣмъ съ непрошенными совѣтами и наставленіями. Литературныя произведенія его могли бы дать богатое собраніе изреченій для пополненія знаменитыхъ афоризмовъ Кузьмы Пруткова, этого типическаго представителя самолюбивой бездарности.

Въ 1820 г., сопровождая въ качествѣ ментора какого-то юношу, совершавшаго образовательную прогулку по Россіи, Гераковъ попалъ на Кавказскія воды и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 2 августа: «тутъ увидѣлъ Пуш..на, юнаго поэта, который необыкновенными своими дарованіями обращаетъ по справедливости общее на себя вниманіе. Желая ему душевно всякаго блага, я ему высказалъ нѣкоторыя истины, которыя онъ слушалъ со смиреніемъ, что безъ сомнѣнія дѣлаетъ честь его сердцу и характеру».

Часть дневника, изъ котораго взятъ этотъ отзывъ о Пушкинѣ, появилась первоначально въ Булгаринскомъ «Сѣверномъ Архивѣ» 1823 г. № 1. Надо думать, что поэтъ не оцѣнилъ одобрительной аттестаціи и позволилъ себѣ непочтительно отнестись къ Геракову. По крайней мѣрѣ, въ полномъ изданіи дневника, вышедшемъ въ 1828 г.*), нѣтъ уже рѣчи о необыкновенныхъ дарованіяхъ Пушкина и отзывъ о немъ изложенъ въ менѣе благосклонныхъ выраженіяхъ: «тутъ увидѣлъ Пуш—на молодого, который готовъ съ похвальной стороны обратить на себя вниманіе общее; точно онъ можетъ, при дарованіяхъ своихъ; я ему отъ души желаю всякаго блага; онъ слушалъ и полную правду, но смирялся; и эта перемѣна дѣлаетъ ему честь».

Въ книгѣ Геракова находимъ цѣлый рядъ хронологическихъ датъ, по которымъ можно прослѣдить путь Раевскихъ, а слѣдовательно и Пушкина, по Кубани и Крыму и, такимъ образомъ, значительно пополнить хронологическую канву для біографіи поэта. Въ сохраненіи этихъ датъ заключается несомнѣнная и притомъ единственная литературная заслуга Геракова. Другія хронологическія указанія сгруппированы въ книгѣ Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», (изд. 2-ое, Спб., 1907). 7 іюня генералъ Раевскій писалъ своей дочери Екатеринѣ Николаевнѣ: «другой день на водахъ, милая моя катинька». Изъ другихъ его писемъ къ дочери видно, что путешественники и на водахъ не сидѣли по долгу на одномъ мѣстѣ, а перекочевывали изъ Горячеводска въ Желѣзноводскъ, изъ Желѣзноводска въ Кисловодскъ. Оттуда Раевскій писалъ 26 іюля: «31-го мы возвращаемся». На самомъ же дѣлѣ Раевскіе тронулись въ обратный путь лишь 5 августа. Они выѣхали въ свое крым-

*) Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ. Петроградъ 1828.

ское имѣніе Гурзуфъ. Пушкинъ по прежнему сопровождалъ ихъ. Путь лежалъ по правому берегу Кубани чрезъ станицы линейныхъ и черноморскихъ казаковъ. Въ то время Кубань отдѣляла русскія владѣнія отъ земель непокорныхъ черкесскихъ племенъ. Горскіе хищники пользовались малѣйшею оплошностью кордонныхъ постовъ для прорыва въ наши предѣлы. Они жгли станицы, отгоняли табуны и стада и уводили въ плѣнъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Кто не могъ дать за себя выкупа отводился на невольничій рынокъ въ турецкую Анапу. По всей кордонной линіи шла безпрерывная партизанская война, державшая въ постоянной тревогѣ населеніе пограничныхъ станицъ. Казаки выходили на полевыя работы, какъ на сраженіе, съ оружіемъ въ рукахъ. Начало 1820 года ознаменовалось особенно смѣлыми набѣгами черкесовъ. Пользуясь тѣмъ, что Кубань покрылась толстою ледяною корою, огромныя партіи хищниковъ нѣсколько разъ прорывались на русскую сторону.

Ермоловъ принялъ всѣ мѣры для безопаснаго слѣдованія Раевскихъ по линіи. Мѣстные начальники получили отъ него приказаніе назначать для конвоя достаточное число казаковъ, а въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и пѣхоту съ артиллеріей. Ермоловъ, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ генералу Раевскому, распорядился объ оказаніи ему особаго почета. Увѣдомляя атамана Черноморскаго казачьяго войска о предстоящемъ проѣздѣ генерала, онъ писалъ ему (отъ 27 іюля № 3103): «генералъ Раевскій, знаменитый заслугами своими, самъ отзовется съ похвалою на счетъ вашъ, похвала его сдѣлаетъ вамъ много чести».

Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествіе совершилось со всѣми возможными по тому времени удобствами. Пушкинъ былъ въ восхищеніи отъ поѣздки. Онъ писалъ брату Льву Сергѣевичу: «видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы— любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ Ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа— они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь чеченца. Ты понимаешь какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію».

Изъ дневника Геракова видно, что 8 августа Раевскіе прибыли на ночлегъ въ Кавказскую крѣпость (нынѣ станица) на Кубани, гдѣ стоялъ тогда Кабардинскій егерскій полкъ. Въ редутѣ Изрядный источникъ, 10 августа, путешественники вступили въ предѣлы Черноморскаго казачьяго войска. Здѣсь встрѣтилъ ихъ атаманъ Матвѣевъ и сопровождалъ до Тамани. Августа 15 переплыли они, какъ выразился Пушкинъ, изъ Азіи въ Европу, т. е. изъ Тамани въ Керчь, а чрезъ два дня были въ Ѳеодосіи, которую нашъ поэтъ предпочитаетъ называть средневѣковымъ ея именемъ Кафа.

Въ Ѳеодосіи Пушкинъ познакомился съ Семеномъ Михайловичемъ Броневскимъ, занимавшимъ въ 1802—1804 гг. должность правителя канцеляріи главнокомандующаго на Кавказѣ князя П. Д. Циціанова. Въ 1823 г. Броневскій издалъ плодъ многолѣтнихъ трудовъ своихъ по изслѣдованію исторіи и географіи Кавказскаго края подъ названіемъ «Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ» (Москва 1823, двѣ части). Живя въ Ѳеодосіи въ домѣ Броневскаго, Пушкинъ, конечно, много бесѣдовалъ съ нимъ о Кавказѣ и быть можетъ даже ознакомился съ его рукописями. По крайней мѣрѣ очеркъ быта черкесовъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ описаніе этого народа въ книгѣ Броневскаго.

На Кавказскихъ водахъ Пушкинъ отдѣлалъ окончательно (26 іюля 1820 г.) эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ». Никакихъ другихъ стихотвореній его, написанныхъ на Кавказѣ въ 1820 г., до сихъ поръ не открыто. Такимъ образомъ оправдываются слова Пушкина, что на Кавказѣ душа его была

. . . . . какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огнь поэзіи угасъ.

Изъ эпилога къ «Руслану» и изъ элегіи «Погасло дневное свѣтило» можно заключить, что въ то время Пушкинъ переживалъ мучительный процессъ разсчета со своимъ прошлымъ, которое не оставило ему ничего, кромѣ сожалѣнія о легкомысленно прожитыхъ годахъ. Ему казалось,

что послѣ испытанныхъ разочарованій охладѣвшая душа его потеряла способность отзываться на впечатлѣнія

И скрылась отъ него навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Къ счастію, этотъ періодъ разочарованія и сомнѣнія скоро миновалъ. Въ Крыму Пушкинъ вновь воспрянулъ и духомъ и тѣломъ. Во второй половинѣ 1820 г. написано имъ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній. Къ этому же времени относятся и первоначальные наброски поэмы «Кавказскій плѣнникъ», получившей окончательную отдѣлку въ имѣніи Раевскаго Каменкѣ 20 февраля 1821 года.

По словамъ П. И. Бартенева (Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 1139) внѣшняя основа этой поэмы взята Пушкинымъ изъ разсказа его московскаго знакомца и дальняго родственника Нѣмцова, который любилъ выдумывать про себя разныя небылицы. Однажды разсказывалъ онъ при Пушкинѣ будто, живя на Кавказѣ, попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ влюбившеюся въ него черкешенкою.

Если и былъ такой Нѣмцовъ, то едвали Пушкинъ имѣлъ надобность въ его фантастическихъ разсказахъ для сюжета своей поэмы. Нѣтъ сомнѣнія, что на Кавказѣ случилось ему слышать не одинъ разсказъ о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ офицеровъ въ плѣну у горцевъ. Исторіи полковника Дельпоццо и особенно маіора Швецова были тогда еще хорошо памятны кавказскимъ служакамъ. Любовь же горской дѣвушки къ русскому плѣннику такая благодарная тема для поэтическаго произведенія, что она напрашивалась сама собою.

Первоначально Пушкинъ избралъ мѣстомъ дѣйствія своей поэмы Чечню; но художническая добросовѣстность не позволила ему описывать незнакомую мѣстность. Онъ писалъ Гнѣдичу 24 марта 1821 г. изъ Кишинева: «съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьѣ ледяныя главы Казбека и Эльбруса.— Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняго Кавказа».

Перенеся мѣсто дѣйствія съ береговъ Терека въ закубанскія равнины, населенныя черкесскими племенами, Пушкинъ упустилъ согласовать съ этой перемѣной всѣ части поэмы. Оттого въ пѣснѣ черкесскихъ дѣвицъ казакъ предостерегается противъ злыхъ замысловъ чеченца, который ходитъ за рѣкой.

Е. Вейденбаумъ.

Изъ рисунковъ Пушкина въ черновой «Кавказскаго Плѣнника». (Тетрадь Румянцевскаго музея № 2365; воспроизводится въ первый разъ).

1821

252. ЗЕМЛЯ и МОРЕ.

Идиллія Мосха.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ,
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

---

253. ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

254. КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

---

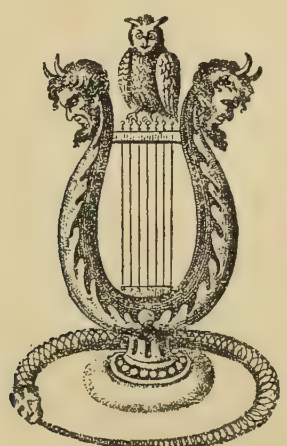
255. ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

---

256. МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тросника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.



257. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Кавказъ уже съ конца XVIII столѣтія привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ писателей и представлялся нашей молодежи въ особомъ, романическомъ освѣщеніи. Туда, въ ранней юности, влекло Карамзина, который «мечталъ быть завоевателемъ чернобровой пылкой черкешенки»; Державинъ, въ цитируемой Пушкинымъ одѣ гр. Зубову, и впослѣдствіи—Жуковскій, въ посланіи къ Воейкову, яркими поэтическими красками изображали дикую и величественную природу этого дальняго края и воинственный бытъ его населенія. Замѣчательно, однако, что ни одинъ изъ нашихъ писателей,—если не считать Воейкова, пребываніе котораго на Кавказѣ ничѣмъ не отразилось въ литературѣ,—ни въ XVIII, ни въ началѣ XIX вѣка не былъ на Кавказѣ; всѣ говорили и судили о немъ только «изъ прекраснаго далека». Пушкинъ, по счастливой случайности, былъ первымъ изъ русскихъ поэтовъ, которому удалось посѣтить если не самый Кавказъ, то, по крайней мѣрѣ, его преддверіе—минеральныя воды, гдѣ поэтъ провелъ, съ семействомъ Раевскихъ, два мѣсяца.

Несмотря на то, что молодому поэту не пришлось проникнуть дальше «однообразныхъ равнинъ, гдѣ возвышаются, на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа», такъ что онъ только «съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса» (письмо къ Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г.),—впечатлѣніе, произведенное на него кавказскою природою, было очень сильно и глубоко. «Жалѣю, мой другъ»,—писалъ онъ брату вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Кишиневъ (24 сентября 1820 г.),—«что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной». Рядомъ съ этими картинами, столь необычными для жителя нашей сѣверной равнины, воображеніе поэта рисовало оригинальные типы горцевъ, также видѣнные имъ только издали,—картины ихъ первобытной жизни, отъ которой вѣяло дикой свободой и удалью. «Кавказъ, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ брату: «Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ... Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы, любовался нашими казаками. Вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ Ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться... Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію»...

Подъ вліяніемъ тѣхъ же первыхъ впечатлѣній Кавказа поэтъ наскоро занесъ въ свою записную книжку (находится теперь въ Публичной Библіотекѣ), карандашемъ и со множествомъ поправокъ, нѣсколько стихотворныхъ строкъ:

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы,
Кавказа дальній край..... обгорѣлы,
Жилище дикое черкесскихъ табуновъ,
Я видѣлъ Машука и Эльбруса вершины,
Обвитыя вѣнцомъ летучихъ облаковъ,
И закубанскія равнины...
Ужасный край чудесъ! Тамъ жаркіе ручьи
Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ,
Тамъ изливаются цѣлебныя струи,
Надежда вѣрная страдальцевъ изнуренныхъ...

Написанный одновременно эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ», представляющій по своему содержанію много общаго съ посвященіемъ «Кавказскаго Плѣнника», отражаетъ въ себѣ тѣ же впечатлѣнія:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой...

По цѣлымъ часамъ сидѣлъ поэтъ съ другомъ своимъ Ал. Раевскимъ на берегу Подкумка, созерцая красоты горнаго ландшафта и бесѣдуя о Кавказѣ. Нахлынувшія на него новыя впечатлѣнія представляли рѣзкую противоположность съ тѣми, какія онъ переживалъ въ Петербургѣ, и съ тѣми горькими думами, которыя сопровождали его въ изгнаніе. Тамъ, далеко позади, остались и «минутной младости минутные друзья», съ ихъ самодовольнымъ, эгоистическимъ легкомысліемъ, «красы Лаисъ, завѣтные пиры и клики радости безумной», а вмѣстѣ съ ними—и «презрѣнная суета», и «двуязычная непріязнь» съ «простодушною клеветою»... Ему стало казаться, что его душа уже замерла для наслажденій тою жизнью, которая еще недавно представлялась въ такомъ розовомъ, привлекательномъ освѣщеніи и отъ которой теперь оставался только противный осадокъ:

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

... рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
И легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала...

Въ преддверіи величественной и дикой горной страны, окруженной романтическимъ ореоломъ и населенной дикимъ, но вольнолюбивымъ и смѣлымъ народомъ, лицомъ къ лицу съ этой могучей природой, поражающей воображеніе, точно такъ же, какъ и позже, при переѣздѣ «изъ Азіи въ Европу» на кораблѣ, среди «свободной стихіи», поэтъ представлялъ себя добровольнымъ «отступникомъ свѣта» и «другомъ природы», отъ которой онъ, «искатель новыхъ впечатлѣній», ждалъ успокоенія и обновленія.

Таково было то настроеніе, при которомъ сложился первоначальный замыселъ «Кавказскаго Плѣнника». Пушкинъ задумалъ свою поэму, вѣроятно, еще на Кавказѣ. 15 августа (см. выше статью Е. Г. Вейденбаума: «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 г.») поэтъ переѣхалъ изъ Тамани въ Керчь, 17-го былъ въ Ѳеодосіи, а черезъ недѣлю, 24 августа, почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Гурзуфъ, уже занесъ въ свою записную книжку заглавіе новаго своего произведенія: «Владиміръ», тутъ же замѣненное другимъ названіемъ: «Кавказъ». Вопреки мнѣнію В. Е. Якушкина (акад. изд. Пушк., II, 382, 413—414), совершенно произвольно утверждающаго, что имя «Владиміръ» не имѣетъ никакого отношенія къ «Кавказскому Плѣннику» и «указываетъ на замыслы Пушкина о поэмѣ изъ древне-русской исторіи», мы полагаемъ, согласно съ Анненковымъ, что поэтъ именно хотѣлъ дать это имя своему Плѣннику: иначе—зачѣмъ бы онъ написалъ его на той страницѣ записной своей книжки, которая предназначена была для заглавія новой поэмы и на которой, кромѣ заглавія, ничего другого и нѣтъ? Пушкинъ отказался отъ первоначальнаго своего намѣренія дать герою поэмы собственное имя—можетъ быть, подъ вліяніемъ тогдашней журнальной критики, упрекавшей его въ томъ, что онъ «никакъ не назвалъ» Финна въ «Русланѣ»; можетъ быть, ему захотѣлось еще больше подразнить «забавниковъ Вѣстника Европы» поэмой, въ которой вовсе не будетъ собственныхъ именъ. На такое предположеніе наводитъ замѣчаніе самого Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Гнѣдичу (22 апрѣля 1822): «Тѣ, которые пожурили меня за то, что никакъ не назвалъ моего Финна, не нашедъ здѣсь ни одного имени собственнаго, конечно, почтутъ это за непростительную дерзость. Правда, что большей части моихъ читателей никакой нужды нѣтъ до имени, и что я не боюсь никакой запутанности въ разсказѣ».

На оборотѣ заглавнаго листка поэмы въ записной книжкѣ находимъ два эпиграфа:

Gieb meine Jugend mir zurück!
Goethe, Faust.

C'est donc fini comme une histoire,
Qu'une grand'mère dans ses vieux ans
Vient de chercher dans sa mémoire
Pour la conter à ses enfans.

Въ рукописи «Кавк. Плѣнника», находящейся теперь въ Румянцевскомъ Музеѣ, находимъ итальянскій эпиграфъ—изъ Пиндемонте, поэта, въ Россіи совершенно неизвѣстнаго, автора сатиръ и посланій въ гораціанскомъ стилѣ (1753—1828):

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della nativa sua dolce terra:
Egli il cuor non lascia fitto in oggetti
Che di più riveder non a speranza,
E ciò, che vive, morto non piange.

Наконецъ, изъ позднѣйшаго письма Пушкина къ кн. Вяземскому, отъ 14 октября

1823 г., мы узнаемъ, что для поэмы предназначался еще одинъ эпиграфъ, именно—два стиха изъ посланія Вяземскаго къ «американцу» Толстому:

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Поэтъ исключилъ этотъ эпиграфъ вслѣдствіе своихъ личныхъ отношеній къ Толстому, на котораго въ записной книжкѣ 1820 г., рядомъ съ набросками «Кавказскаго Плѣнника», находится злая эпиграмма. Соотвѣтственно этому, и изъ самой поэмы выкинуты были стихи, имѣющіеся въ черновыхъ ея рукописяхъ:

Родился онъ среди снѣговъ,
Но въ немъ страстей таился пламень;
Въ минуту счастья—сынъ пировъ,
Во дни гоненья—твердый камень...

Эпиграфы, по примѣру Вальтера Скотта и Байрона, были въ ту пору вообще въ модѣ. Но Пушкинъ, приготовивъ ихъ цѣлый рядъ, въ концѣ концовъ, при печатаніи своей поэмы, всѣ ихъ отбросилъ.

Среди первоначальныхъ набросковъ «Плѣнника» находимъ три п р о г р а м м ы поэмы:

I. (Буря. Бешту. Пѣсни. Игры. Черкесъ. Дѣва. Воспоминанье. Прощ. Портр...) Нападенье. (Война. Прощанье). Побѣгъ *).

II. Черкесъ. (Табунъ). Бой. Бѣгъ. Аулъ... Хата. Дѣва.

III. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Бешту. Черкесы. Пиры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ.

Пушкинъ былъ занятъ своей поэмой цѣлые полгода—и окончилъ ее, въ первоначальномъ видѣ, только 20 февраля 1821 г., въ имѣніи Раевскихъ, Каменкѣ, а эпилогъ написанъ 15 мая въ Одессѣ. Поэма посвящена давнишнему другу Пушкина, которому поэтъ былъ обязанъ и своей поѣздкой на Кавказъ,—Н. Н. Раевскому, младшему сыну героя 12-го года. Раевскій, въ ранней молодости служившій въ гвардейскихъ гусарахъ и стоявшій съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, подружился съ лицеистомъ Пушкинымъ, который былъ на два года старше его. Затѣмъ они часто видались въ Петербургѣ—и, по словамъ Пушкина (въ письмѣ къ брату 24 сентября 1820), Раевскій оказалъ ему «важныя услуги, вѣчно незабвенныя». Мы не знаемъ, въ чемъ именно заключались эти услуги, но изъ посвященія видимъ искреннюю, сердечную привязанность поэта къ своему молодому другу, съ которымъ его соединяла также и общность литературныхъ интересовъ. Весьма вѣроятно предположеніе, что именно черезъ Раевскаго и его сестеръ Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства о томъ, что подъ ихъ руководствомъ поэтъ началъ учиться англійскому языку, а въ августѣ 1820 г., когда онъ плылъ съ Раевскимъ на кораблѣ «изъ Азіи въ Европу», имъ была написана, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія: «Погасло дневное свѣтило»—первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму. Мы знаемъ также, что Н. Раевскій довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ разныхъ литературныхъ вопросахъ... *).

Но и послѣ окончанія «Кавказскаго Плѣнника» Пушкинъ все еще продолжалъ его отдѣлывать и не торопился печатать. Въ декабрѣ 1820 г. онъ писалъ Гнѣдичу изъ Каменки: «Покамѣстъ у меня еще поэма готова, или почти готова», а въ мартѣ слѣдующаго года сообщалъ Дельвигу: «Кончилъ я новую поэму К а в к а з с к і й П л ѣ н н и к ъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать. Ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ—и будешь правъ». На другой день, въ письмѣ къ Гнѣдичу, который, какъ видно, возлагалъ на новое произведеніе Пушкина большія надежды, поэтъ извѣщаетъ его, что новая поэма «окрещена К а в к а з с к и м ъ П л ѣ н н и к о м ъ», и тутъ же прибавляетъ: «Вы ожидали многое, найдете малое, очень малое». Такимъ образомъ, едва окончивъ свою поэму, Пушкинъ былъ уже ею недоволенъ—и почти повторялъ о ней слова, сказанныя въ свое время о «Русланѣ»: «Только послѣдній, т.-е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе».

Рѣшившись, наконецъ, напечатать «Плѣнника», Пушкинъ сначала предложилъ изданіе поэмы Гнѣдичу («въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно»,—писалъ онъ 24 марта 1821 г.), но не спѣшилъ съ

*) Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи з а ч е р к н у т ы.

*) См. Л. Н. М а й к о в а: «Пушкинъ», Спб. 1899, стр. 137—161: «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ».

исполненіемъ этого обѣщанія, да, повидимому, не получалъ и отъ Гнѣдича опредѣленнаго отвѣта. Полгода спустя, 21 сентября, въ письмѣ къ Гречу, поэтъ жаловался на молчаніе Гнѣдича и, въ заключеніе, писалъ: «Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать; хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? Длиною 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы; разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался».

Дѣло, однако, затягивалось, и еще 2 января 1822 г. поэтъ писалъ кн. Вяземскому: «Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ». Пушкинъ былъ не очень доволенъ пріемами Гнѣдича, издавшаго «Руслана», за котораго авторъ, кажется, не получилъ никакого вознагражденія, и потому не особенно охотно соглашался на новое участіе Гнѣдича въ подобномъ же дѣлѣ. Гнѣдичъ, между тѣмъ, узналъ о предложеніи Пушкина Гречу—и обидѣлся. «Онъ правъ», писалъ Пушкинъ брату 21 января 1822 г.: «Я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему Плѣнника. Къ тому же, ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума».

Только 29 апрѣля 1822 г., т.-е. слишкомъ 14 мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія поэмы, Пушкинъ отослалъ переблѣненную рукопись Гнѣдичу, поручая ему издать ее. «Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать»,—писалъ онъ. «Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ,—вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника... завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой, или вовсе никакъ не называйте, издавайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ; отдаю вамъ его въ полное распоряженіе».

Получивъ рукопись, Гнѣдичъ тотчасъ же отправилъ ее въ цензуру,—или, какъ выражался Пушкинъ,—«подъ Бирукова». Послѣдній, между прочимъ, предложилъ нѣсколько поправокъ эстетическаго характера: такъ, напримѣръ, ему не понравился эпитетъ: «долгій поцѣлуй разлуки»; неудачными находилъ онъ и стихи:

Его томительную нѣгу
Вкусила тутъ она вполнѣ.

Извѣщенный объ этомъ Гнѣдичемъ, Пушкинъ исправилъ забракованное цензоромъ мѣсто поэмы, предоставивъ Гнѣдичу замѣнить слово долгій какимъ угодно другимъ. Гнѣдичъ напечаталъ: «горькій поцѣлуй разлуки», и Пушкинъ, по полученіи печатнаго экземпляра поэмы, писалъ ему (22 сентября 1822): «Горькій поцѣлуй—прелесть». Въ слѣдующихъ изданіяхъ поэмы онъ, однако, возстановилъ прежній эпитетъ.

Кромѣ указанныхъ замѣчаній, Бируковъ опротестовалъ выраженіе: небесный пламень, и Пушкинъ согласился съ нимъ, находя, что оно «слишкомъ обыкновенно». Далѣе, цензоръ замѣтилъ, что черкешенкѣ неприлично говорить о томъ, что

Не много радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала—

и исправилъ эти стихи такъ:

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

«Ей дней—ей-ей неблагозвучнѣе ночей»,—писалъ Пушкинъ Гнѣдичу. «Зарѣзала меня цензура»!—говоритъ онъ по этому же поводу въ позднѣйшемъ письмѣ къ кн. Вяземскому (14 октября 1823 г.), которому хотѣлъ поручить второе изданіе своей поэмы: «Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей Судьба на долю ей послала. То ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась,—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малый, уговори его, или я слягу».

Больше всего пострадало отъ цензуры посвященіе поэмы, изъ котораго пришлось выбросить всѣ стихи, касающіеся личной судьбы поэта. Замѣчательно, что этихъ стиховъ не одобряли даже люди вполнѣ порядочные и искренно расположенные къ Пушкину: Александръ Тургеневъ писалъ

кн. Вяземскому: «Жаль, что изъ предисловія должно выкинуть все то, гдѣ онъ говоритъ о клеветѣ и о гоненіи на него,— и неправда, и неблагородно! Оттого и стихи сіи нехороши, car rien n'est beau que le vrai». Очевидно, Тургеневъ и другіе, раздѣлявшіе его мнѣніе, находили ссылку Пушкина въ порядкѣ вещей и считали, что изгнаннику неприлично жаловаться на свою судьбу: вѣдь, могло быть и гораздо хуже!...

Гнѣдичъ просилъ Пушкина прислать, для приложенія къ изданію поэмы, свой портретъ. «Своего портрета у меня нѣтъ,— да на кой чортъ имѣть его?»—отвѣчалъ Пушкинъ 13 мая. Тѣмъ не менѣе, Гнѣдичъ отыскалъ и напечаталъ, въ гравюрѣ Е. Гейтмана, портретъ Пушкина въ ранней молодости, о которомъ помѣстилъ въ книжкѣ, послѣ текста поэмы, слѣдующее примѣчаніе:

«Издатели присовокупляютъ портретъ Автора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ».

«Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно, не знаю, справедливо ли»,—писалъ Пушкинъ Гнѣдичу 27 сентября 1822 г. *).

Цензурное разрѣшеніе на печатаніе Кавказскаго Плѣнника было подписано Бируковымъ 12 іюня 1822 г., но печатаніе шло медленно, и Пушкинъ только въ концѣ сентября получилъ отъ Гнѣдича экземпляръ поэмы, вмѣстѣ съ экземпляромъ переведеннаго Жуковскимъ Шильонскаго Узника. «Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой Плѣнникъ?»—спрашивалъ онъ брата въ письмѣ отъ 8 октября: «A-t-il produit du scandal,—пишетъ мнѣ Orlof,– voilá l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ Плѣнника: онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей».

На новое произведеніе Пушкина, вслѣдъ за его появленіемъ въ печати, прежде всего обратили вниманіе близкіе къ поэту лица. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ; я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный; жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ—ни малѣйшаго благоразумія». *) Чаадаевъ, по словамъ самого Пушкина въ письмѣ къ Вяземскому отъ 6 февраля 1823 г., «вымылъ (ему) голову за Плѣнника: онъ находитъ, что онъ недовольно blasé. Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ по этой части...» Н. Раевскій также считалъ поэму своего друга «плохою», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что она «открыла путь, на которомъ посредственность встрѣтитъ камень преткновенія» **).

Журнальная критика, въ общемъ, встрѣтила Кавказскаго Плѣнника большими похвалами. Первымъ отозвался Сынъ Отечества въ небольшой библіографической замѣткѣ, ***) въ которой было сказано:

«Пѣвецъ Руслана и Людмилы даритъ насъ новымъ прекраснымъ произведеніемъ легкаго, пламеннаго, краснорѣчиваго пера. Пребываніе Поэта въ піитической странѣ, видѣвшей страданія Прометея и прибытіе Аргонавтовъ Греческихъ, въ странѣ, и нынѣ отличной воинственными, романтическими нравами своихъ жителей, побудило его воспѣть дикія красоты ея и оживить картину Кавказскихъ горъ повѣстію о происшествіяхъ, какія нерѣдко случаются въ тѣхъ мѣстахъ. Любители истинной поэзіи найдутъ въ семъ небольшомъ, изящномъ стихотвореніи пріятную для себя пищу». Далѣе выписанъ эпилогъ поэмы.

Благонамѣренный ****) также отмѣтилъ въ новой поэмѣ «прекраснѣйшія картины, описанныя съ натуры мастерскою рукою, естественный и благородный разсказъ, легкую исправную версификацію» и пр., но высказалъ сожалѣніе, что въ поэмѣ встрѣчаются «нынѣшнія модныя слова и выраженія, напримѣръ: привѣтъ, сладострастіе, молодая жизнь, а также нѣкоторые излишніе и изысканные эпитеты».

Вѣстникъ Европы, въ нѣсколько за-

*) По темнымъ слухамъ портретъ приписывается иногда лицейскому гувернеру Пушкина С. Р. Чирикову. Это должно быть рѣшительно отвергнуто. Портретъ, несомнѣнно, принадлежитъ Брюлову. Подробнѣе см. соч: Пушкина подъ ред. П. А. Ефремова, т. VIII (Спб. 1905) стр. 384.

Ред.

*) Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 337.

**) Майковъ, Пушкинъ, стр. 146.

***) 1822, ч. 80, № 35, Современная Русская Библіографія.

****) 1822, ч. 19, № 36, Извѣстія о новыхъ книгахъ 1822 года.

поздалой, но зато очень длинной статьѣ, подписанной буквами М. П. *), послѣ общаго разсужденія о томъ, что «молодой стихотворецъ быстро идетъ впередъ», и подробнаго пересказа поэмы, остановился на частныхъ замѣчаніяхъ, преимущественно порицательнаго свойства. «Характеръ Черкешенки отдѣланъ мастерски»; она «есть истинная дочь Кавказа, и портретъ ея долженъ висѣть подлѣ портрета Душеньки въ галлереѣ красавицъ, созданныхъ Русскими стихотворцами»; но «жаль, что любезной Пушкинъ не описалъ намъ подробнѣе этаго волшебнаго мгновенія, въ которое героиня его воспламенилась любовію къ плѣннику... Здѣсь былъ предметъ для прекраснѣйшаго піитическаго описанія». Что касается характера Плѣнника, то онъ, по мнѣнію критика, «страненъ и вовсе непонятенъ. Нельзя сказать, что составляетъ его основу: любовь или желаніе свободы... По мнѣ, Пушкинъ могъ бы привести причиною желанія свободы любовь къ Отечеству. Зачѣмъ не взялъ онъ въ своего плѣнника етаго прекраснаго, Русскаго чувства: хотя страдать, но на родинѣ?.. Холодность плѣнника къ благодѣяніямъ Черкешенки во всѣхъ отношеніяхъ неизвинительна... Слова, сказанныя плѣнникомъ о себѣ:

Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,

или:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей,

показываютъ, что плѣнникъ смотрѣлъ на любовь не съ благородной стороны. Можно ли выставлять такія чувства!... Сіи стихи... напоминаютъ соблазнительности, коими наполнена первая поема Пушкина. Пусть вспомнитъ онъ, что первымъ украшеніемъ Гомеровой Венеры почитается поясъ стыдливости, изобрѣтенный симъ великимъ Стихотворцемъ. Неужели чувственности должна говорить Поэзія? Это ли святая цѣль ея?»

Указавъ, далѣе, на «превосходный слогъ» и «легкость стихосложенія», критикъ отмѣчаетъ «нѣкоторыя погрѣшности касательно языка»,—въ такомъ родѣ:

«Обнять страданіе — едва ли сказать можно».—«Въ сіяніи луны—нельзя сказать; при свѣтѣ луны».—«Первоначальная (любовь)—слово самое прозаическое».—«Сѣдой (потокъ)—прилагательное непристичное».—«Что такое берегъ пѣнистой?»—«Подъ влажной буркой, и пр. Ему бы лучше скинуть влажную бурку и осушиться».—«На берегу завѣтныхъ водъ: что значатъ завѣтныя воды?» и т. д.

Два послѣднія указанія рецензента вызвали замѣчанія Пушкина въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14 октября 1823 г.: 1) Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ, и влажна только сверху, слѣдственно, можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ накрыться,—а сушить нѣтъ надобности. 2) На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы».

Подробный разборъ Кавказскаго Плѣнника былъ данъ П. А. Плетневымъ въ Соревнователѣ Просвѣщенія *). Критикъ начинаетъ статью замѣчаніемъ, что «повѣсть написана въ родѣ новѣйшихъ Англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона... Въ нихъ Поэтъ не предается вымысламъ чудеснаго, не составляетъ обширнаго повѣствованія, но, избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается отдѣлкою картинъ, представляющихся воображенію, смотря по всѣмъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главное дѣйствіе. Въ подобныхъ сочиненіяхъ выборъ происшествія, мѣстныя описанія и опредѣленность характера дѣйствующихъ лицъ составляютъ главное». Изложивъ затѣмъ содержаніе поэмы, Плетневъ высказываетъ, что «происшествіе можно бы сдѣлать и разнообразнѣе, и даже полнѣе... Ходъ страсти... слишкомъ здѣсь коротокъ. Еще болѣе остается неполнымъ разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ другой поэмѣ, явился намъ и познакомилъ насъ съ своею судьбою». Далѣе критикъ обращаетъ особенное вниманіе читателей на описательную часть поэмы. «Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими дарованіями противъ Пушкина; но его описанія Кавказскаго края навсегда останутся первыми, единственными. На нихъ остался удивительный отпечатокъ видимой истины, понятной, такъ сказать, осязаемости мѣстъ, людей, ихъ жизни и ихъ занятій... Сверхъ того, сколько смѣлости въ начертаніи оныхъ, сколько искусства въ отдѣлкѣ! Краски и тѣни, т.-е.

*) 1823, ч. 128, № 1.

*) 1822, № 10.

слова и разстановка ихъ, перемѣняются, смотря по различію предметовъ. Стихотворецъ то отваженъ, то гибокъ, подобно разнообразной природѣ этого дикаго Азіатскаго края». Въ этихъ описаніяхъ, въ которыхъ «каждый стихъ блеститъ новою, приличною ему краскою», нашъ поэтъ, по мнѣнію Плетнева, «счастливо побѣждаетъ» Байрона. Что касается дѣйствующихъ лицъ поэмы, то характеръ черкешенки изображенъ прекрасно, но характеръ плѣнника «не совсѣмъ обдуманъ и, слѣдственно, не совсѣмъ удаченъ». Впрочемъ, прибавляетъ критикъ,—«встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи». Въ заключеніе своего разбора Плетневъ замѣчаетъ, что «критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, потому что они питаютъ образованный вкусъ; они однимъ своимъ появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разрѣшаютъ шумные толки невѣжества и пристрастія».

Наконецъ, въ Сынѣ Отечества *) появилась статья о Кавказскомъ Плѣнникѣ кн. Вяземскаго. Послѣ общихъ разсужденій о значеніи «романтической» поэзіи и объ ея правѣ на существованіе вопреки отрицательному приговору классиковъ,—тема, которую Вяземскій подробнѣе развилъ впослѣдствіи, въ своемъ предисловіи къ Бахчисарайскому Фонтану, критикъ переходитъ къ разбору поэмы. «Пушкинъ»,—говоритъ онъ,—«созерцая высоты поэтическаго Кавказа, пораженъ былъ Поэзіею Природы дикой, величественной. Поэзіею нравовъ и обыкновеній народа грубаго, но смѣлаго, воинственнаго, красиваго; и, какъ Поэтъ, не могъ пребыть въ молчаніи, когда все говорило воображенію его, душѣ и чувствованіямъ языкомъ новымъ и сильнымъ. Содержаніе настоящей Повѣсти просто и, можетъ быть, слишкомъ естественно; для читателя ея много занимательнаго въ описаніи, но мало въ дѣйствіи. Жаль, что Авторъ не приложилъ болѣе изобрѣтенія въ драматической части своей Поэмы: она была бы полнѣе и оживленнѣе. Характеръ Плѣнника новъ въ Поэзіи нашей, но сознаться должно, что онъ не всегда выдержанъ и, такъ сказать, не твердою рукою дорисованъ; впрочемъ, достоинство его не умаляется отъ нѣкотораго сходства съ героемъ Байрона. Британскій Поэтъ не воображенію обязанъ характеромъ, приданнымъ его герою. Не входя въ изслѣдованіе мнѣнія почти общаго, что Байронъ себя описывалъ въ изображеніи Child Harold, утвердить можно, что подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы, жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовольствоваться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ называемаго благоразумія; необходимыя послѣдствія подобной распри: волненіе безъ цѣли, дѣятельность пожирающая, неприкладываемая къ существенному; упованія, никогда не совершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ, должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ неистребимый зародышъ скуки, приторности, пресыщенія, которыя знаменуютъ характеръ Child Harold, Кавказскаго Плѣнника и имъ подобныхъ. Впрочемъ, повторяемъ: сей характеръ изображенъ во всей полнотѣ въ одномъ произведеніи Байрона: у нашего Поэта онъ только означенъ слегка; мы почти должны угадывать намѣреніе Автора и мысленно пополнять недоконченное въ его твореніи. Не лишнее, однако же, притомъ замѣтить, что въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ характеромъ своего героя, встрѣчаются пропуски, которые, можетъ быть, и утаиваютъ отъ насъ многія черты, необходимыя для совершеннѣйшаго изображенія».

Затѣмъ критикъ замѣчаетъ, что «Авторъ представляетъ героя своего равнодушнымъ, охлажденнымъ, но не безчеловѣчнымъ, и мы съ неудовольствіемъ видимъ, что онъ избавленный отъ плѣна рукою страстной черкешенки.... не посвящаетъ памяти ея ни одной признательной мысли, ни одного сострадательнаго чувствованія».

Что касается черкешенки, то—«лицо ея совершенно поэтическое. Въ ней есть какая-то неопредѣленность, очаровательность. Явленіе ея, конецъ,—все представляется тайною. Мы знаемъ о ней только одно, что она любила, и довольны... Кстати, о строгихъ толкователяхъ, или, правильнѣе, перетолкователяхъ, замѣтимъ, что, можетъ быть, они поморщатся и отъ новаго произведенія Поэта пылкаго и кипящаго

*) 1822, ч. 82, № 49.

жизнію. Пускай ихъ мертвая оледенѣлость не уживается съ горячностію дарованія во цвѣтѣ юности и силы, но мы съ своей стороны, уговаривать будемъ Поэта слѣдовать независимымъ вдохновеніямъ своей поэтической Эгеріи, въ полномъ увѣреніи, что бдительная цензура, которой нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать Писателей въ предѣлахъ позволеннаго».

Статья оканчивается замѣчаніемъ, что «все, что принадлежитъ до живописи въ настоящей Повѣсти, превосходно» и что стихосложеніе въ ней—«отличное: можно, кажется, утвердить, что въ цѣлой Повѣсти нѣтъ ни одного вялаго, нестройнаго стиха. Все дышитъ свѣжестью, все кипитъ живостью необыкновенною»...

Какъ Плетневъ, такъ и Вяземскій упоминаютъ въ своихъ статьяхъ о пропускахъ въ текстѣ поэмы. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, переписывая Кавказскаго Плѣнника для отсылки Гнѣдичу, исключилъ, въ разныхъ мѣстахъ, 16 стиховъ. Первый изъ этихъ пропусковъ—четверостишіе: «Родился онъ среди снѣговъ» и пр., послѣ стиха 70 первой пѣсни («Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ»), обусловливался, какъ сказано выше, личными отношеніями къ «американцу»—Толстому; второй пропускъ—8 стиховъ о свободѣ послѣ ст. 82 той же 1 пѣсни («Свобода! онъ одной тебя» и пр.)—сдѣланъ былъ, конечно, по цензурнымъ соображеніямъ; наконецъ, въ заключительныхъ строкахъ 1 пѣсни, послѣ стиховъ:

Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ—

выкинуто было еще 4 стиха:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Здѣсь, можетъ быть, Пушкину показалось слишкомъ смѣлымъ и неумѣстнымъ упоминаніе о «дѣвахъ веселья» (буквальный переводъ французскаго filles de joie). Первые два пропуска въ изданіи 1822 г. были обозначены двумя рядами точекъ, и при первомъ изъ нихъ подъ строкою оговорено: «Какъ это мѣсто, такъ и другія означены точками самимъ Сочинителемъ». Третій пропускъ былъ обозначенъ только многоточіемъ въ концѣ предшествующаго стиха.

Критикою Вяземскаго Пушкинъ былъ очень доволенъ. «Благодарю тебя, милый Вяземскій!»—писалъ онъ 6 февраля 1823 г.: «Пусть утѣшитъ тебя Богъ за то, что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ пріятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка. До сихъ поръ, читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч., мнѣ казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки пріятельницъ Варюшки и Буянова. Все, что ты говоришь о романтической поэзіи,—прелестно... Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этого стоитъ. Стыдно, что благороднѣйшій классъ народа, классъ, мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной расправѣ трусливаго дурака»...

Надо, однако, замѣтить, что Пушкинъ самъ, гораздо раньше всѣхъ своихъ критиковъ, сознавалъ недостатки и пробѣлы поэмы и предвидѣлъ, что характеръ плѣнника вызоветъ упреки въ неопредѣленности и неясности. Въ черновомъ письмѣ къ Гнѣдичу онъ хотѣлъ было подробно высказать собственное мнѣніе о своей поэмѣ, но оставилъ эти мысли для себя:

«Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія; описаніе нравовъ черкесскихъ (самое сносное мѣсто во всей поэмѣ) не связано ни съ какимъ происшествіемъ и есть не что иное, какъ географическая статья или отчетъ путешественника; характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ,—да и что за характеръ? кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собою истекали изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ избавительницы: de la вотъ вамъ и сцены ревности, и отчаяніе, опасности, для свиданій и проч. нашего плѣнника и проч.; мать, отецъ и братъ ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ,—всѣмъ этимъ я пренебрегъ, во-первыхъ, отъ лѣни, во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, какъ обѣ части моего Плѣнника были уже кончены, а сызнова начать не имѣлъ я духа...

«Мѣстныя краски вѣрны, но понравятся ли читателямъ, избалованнымъ поэтиче-

скими панорамами Байрона и В. Скотта? Я боюсь и напомнить объ ихъ волшебныхъ картинахъ своими блѣдными, тощими рисунками, сравненіе мнѣ будетъ убійственно. Къ счастію, наши аристархи не въ состояніи уничтожить меня основательнымъ образомъ; тяжкія критики ихъ мало меня безпокоятъ: онѣ столь же безвредны, какъ и тупы, а шутки плохія и площадныя ничуть не смѣшны и не забавны...

«Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго Плѣнника. Но, признаюсь, люблю его, самъ не зная, за что: въ немъ есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ея трогаетъ душу. Прелестная быль о Пигмаліонѣ, обнимающемъ холодный мраморъ, нравилась пламенному воображенію Руссо...»

Вяземскому, по поводу его критики, поэтъ сдѣлалъ только одно замѣчаніе: «Ты говоришь, душа моя, что онъ (плѣнникъ)— с . . . с . . за то, что не горюетъ о черкешенкѣ; но что говорить ему? Все понялъ онъ—выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями,—это разумѣется, иначе быть нельзя; не надобно все высказывать,—это есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что плѣнникъ не кинулся въ рѣку вытаскивать мою черкешенку; да, сунься-ка: я плавалъ въ кавказскихъ рѣкахъ,—тутъ утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь. Мой плѣнникъ— умный человѣкъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ черкешенку, онъ правъ, что не утопился...»

Подобный же упрекъ былъ сдѣланъ Пушкину его кишиневскимъ пріятелемъ кн. В. П. Горчаковымъ. «Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и очень снисходительны»,— отвѣчалъ ему поэтъ. «Зачѣмъ не утопился мой плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой,—я объ этомъ не подумалъ. Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ не связано, и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлѣе».

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Вяземскому (14 октября 1823) Пушкинъ опять возвращается къ финальной сценѣ своей поэмы и замѣчаетъ: «Теперь я согласенъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить».

«Стихи моего сердца», «тайный гласъ души моей», «*я* не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія»,—всѣ эти выраженія съ достаточною ясностью указываютъ на личную основу Кавказскаго Плѣнника. Выше мы видѣли, каково было то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго задумана была поэма; это же настроеніе отразилось и въ характерѣ ея героя. Пушкинъ въ лицѣ своего плѣнника объективировалъ себя и придалъ своему созданію собственныя чувства и мысли, конечно, въ поэтически-приподнятомъ тонѣ. Разъѣзжая въ предгорьяхъ Кавказа подъ охраною казаковъ и подстрекая свое «мечтательное» воображеніе «тѣнью опасности», онъ, конечно, легко могъ представить себѣ, въ чемъ именно могла заключаться эта опасность,—и фантазія нарисовала ему картину плѣна и освобожденія при помощи влюбленной черкешенки. Тѣсная связь основного мотива въ характерѣ плѣнника съ субъективнымъ чувствомъ Пушкина, помимо всего прочаго, еще особенно подчеркивается «элегіей изъ поэмы Кавказъ»— «Я пережилъ свои желанья». Эта элегія, какъ видно изъ рукописи Румянцевскаго музея, первоначально составляла часть рѣчи плѣнника, обращенной къ черкешенкѣ, и должна была войти въ текстъ послѣ стиховъ 54—55 II-й части:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей...

но потомъ Пушкинъ выдѣлилъ ее изъ поэмы и переписалъ особо (22 февраля 1821 г., т. е. два дня спустя послѣ окончанія поэмы въ первоначальной ея редакціи). «Черты охлажденнаго чувства» и «старость души», которую Пушкинъ считалъ одною изъ характерныхъ особенностей современной ему молодежи и внѣшними признаками которой служили бездѣйствіе и равнодушіе,—эти мотивы нерѣдко попадаются у Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ; достаточно указать, напримѣръ, на

ПУШКИНЪ въ 1820 г.

Карандашный портретъ Ж. Верне.

черновые наброски 1822 г.: «Ты правъ, мой другъ», «Красы Лаисъ», «Пиры, любовницы, друзья...» и пр. и относящуюся къ одному изъ нихъ замѣтку: «Ко всему была охота, ко всему охладѣлъ; вѣтреный, я сталъ безчувств... Теперь кого упрекну?... И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу,— какъ мертвецъ, не въ силахъ... любовь; труды, не могу...»

Личное уныніе поэта, вызванное житейскими неудачами и разочарованіями, находило аналогичныя настроенія въ современной европейской поэзіи—у Байрона, съ которымъ Пушкинъ впервые познакомился въ эпоху созданія Кавказскаго Плѣнника, и особенно—у Шатобріана, съ произведеніями котораго онъ былъ уже давно и хорошо знакомъ. На недостаточную яркость характера Плѣнника, въ смыслѣ «байронизма», указывалъ, какъ мы видѣли, кн. Вяземскій, предполагавшій, что сдѣланные въ поэмѣ пропуски должны были служить матеріаломъ для болѣе рѣзкихъ очертаній. Но уже Погодинъ, въ одной статьѣ Московскаго Вѣстника 1827 г., подмѣтилъ близкое родство Плѣнника не съ байроновскими героями, а съ Ренэ Шатобріана—главнымъ дѣйствующимъ лицомъ двухъ романовъ: «Ренэ» и «Атала». Это указаніе, на которое не обратила вниманія наша критика, было подробно обслѣдовано и развито въ недавнее время В. В. Сиповскимъ, въ особомъ этюдѣ: «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ» *). Заключенія г. Сиповскаго нельзя не признать весьма значительными. Рядомъ сопоставленій онъ доказываетъ, что «байронизмъ» Пушкина въ Кавказскомъ Плѣнникѣ сказался лишь въ немногихъ «наносныхъ» чертахъ, каковы упоминанія о «грозномъ» страданіи, о «бурной» жизни и о гордомъ, одинокомъ молчаніи, съ которымъ плѣнникъ «таилъ движенья сердца своего». Но эти черты оказались совсѣмъ не выдержанными и только внесли противорѣчіе въ тотъ образъ, который, несмотря на свою призрачность, былъ довольно близокъ къ автору и подтверждался цѣлою группою его лирическихъ стихотвореній. Такимъ образомъ, «вліянія внутренняго, глубокаго Байронъ на Пушкина не имѣлъ во время созданія Кавказскаго Плѣнника; герой пушкинской поэмы чуждъ гордой семьѣ байроновскихъ героевъ, и нѣсколько чертъ, взятыхъ у нихъ, его совсѣмъ не маскируютъ, такъ какъ съ нимъ органически не сливаются». Къ этимъ словамъ можно еще прибавить, что въ ту пору нашъ поэтъ былъ знакомъ съ Байрономъ еще очень мало и зналъ его больше «по-наслышкѣ». Между тѣмъ, Шатобріанъ былъ его любимымъ писателемъ—и неудивительно, что Плѣнникъ оказался гораздо ближе къ Ренэ, нежели къ соотвѣтствующимъ лицамъ байроновскихъ поэмъ. Ренэ оставилъ родину вслѣдствіе несчастной любви, а также, повидимому, и оттого, что среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безмѣрнымъ эгоизмомъ (эту черту мы встрѣтимъ въ пушкинскомъ Алеко). Впрочемъ, причины, заставившія его покинуть «родной предѣлъ», имъ самимъ такъ же мало выяснены, какъ и Кавказскимъ Плѣнникомъ. Самая свобода, «веселый призракъ» которой мерещился вдали обоимъ героямъ, также неясна обоимъ. Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ Америки, но тоска слѣдуетъ за нимъ по пятамъ; его «охлажденное сердце» недолго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской; теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которую онъ оставилъ на родинѣ... Атала, влюбленная въ «плѣнника» Ренэ, является къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно тайкомъ ходитъ къ нему и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви. Потомъ она освобождаетъ юнаго плѣнника и умираетъ въ борьбѣ съ своею любовью. Другая героиня Шатобріана, Селюта, отдавшая всю свою жизнь Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признаніе, что его сердце занято думой о другой женщинѣ. Селюта ведетъ жизнь несчастную и, наконецъ, потерявъ дорогого человѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку. Всѣ эти трогательныя исторіи изображаются на фонѣ блестяще-написанныхъ картинъ американской природы. Извѣстно, что соблюденіе такъ наз. «мѣстнаго колорита» (couleur locale) выставлялось сторонниками романтизма какъ одно изъ главныхъ условій поэтической живописи; Шатобріанъ и въ этомъ отношеніи былъ учителемъ нашего поэта: въ погонѣ за мѣстными красками, французскій писатель нарочно ѣздилъ въ Америку и присматривался къ природѣ, къ обычаямъ и нравамъ тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ служитъ рамкою для его романовъ. Пушкинъ, какъ

*) Пушкинъ, жизнь и творчество. Спб. 1907, стр. 477–518.

видно изъ его переписки и изъ предисловія ко 2-му изданію Кавказскаго Плѣнника, придавалъ мѣстному колориту очень важное значеніе; но его знакомство съ Кавказомъ въ пору созданія поэмы было еще очень недостаточно; поверхностныя личныя наблюденія лишь въ незначительной степени дополнялись литературными источниками, каковы, напр., поэтическія, но все-таки взятыя изъ вторыхъ рукъ описанія Державина и Жуковскаго; можетъ быть, пользовался Пушкинъ также и разсказами Броневскаго *), но во всякомъ случаѣ для картинъ кавказской природы и жизни у поэта былъ лишь очень скудный матеріалъ. Пушкинъ и самъ сознавалъ это. «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа»,—писалъ онъ Гнѣдичу: «я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца...» Недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями объясняются и допущенныя въ поэмѣ этнографическія ошибки,—появленіе «чеченца» на берегу Кубани и смѣшеніе черкесовъ съ грузинами (черкешенка поетъ грузинскія пѣсни). Все это не помѣшало, однако, Пушкину силою своего воображенія дополнить недостатокъ фактическаго матеріала и создать тѣ яркія картины, которыхъ до него не знала наша поэзія и которыя по достоинству были оцѣнены современной поэту критикой**).

Изъ отзывовъ позднѣйшей критики о Кавказскомъ Плѣнникѣ слѣдуетъ остановиться на замѣчаніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго. Первый, въ небольшой статейкѣ «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», напечатанной въ Арабескахъ 1835 г., но написанной еще за три года передъ тѣмъ, съ восторгомъ говоритъ о пушкинскихъ картинахъ Кавказа: «Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги, и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только что начинавшую читать Россію... Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и всѣми чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи». *) и т. д.

Въ этихъ словахъ Гоголя слиты воедино впечатлѣнія Кавказскаго Плѣнника и позднѣйшихъ, посвященныхъ Кавказу, стихотвореній 1829 г.; но уже то обстоятельство, что Гоголь не выдѣляетъ ранней поэмы Пушкина, показываетъ, какъ высоко цѣнилъ онъ—самъ великій мастеръ поэтической живописи — красоту пушкинскихъ описаній въ этой поэмѣ. Бѣлинскій, выписавъ приведенное нами мѣсто изъ Гоголя въ общей части своей статьи о Пушкинѣ 1846 г. и обращаясь затѣмъ къ разбору собственно Кавказскаго Плѣнника, также начинаетъ свою рѣчь о поэмѣ восторженной похвалой именно картинамъ природы. «Кавказскій Плѣнникъ,— говоритъ критикъ,—былъ принятъ публикой еще съ бо́льшимъ восторгомъ, чѣмъ Русланъ и Людмила,—и, надо сказать, эта маленькая поэма вполнѣ достойна была того пріема, которымъ ее встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполнѣ самимъ собой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ представителемъ своей эпохи: Кавказскій Плѣнникъ насквозь проникнутъ ея паѳосомъ. Впрочемъ, паѳосъ этой поэмы двойственный: Пушкинъ былъ явно увлеченъ двумя предметами—поэтической жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ и потомъ элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей,—и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію... Несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, не-

*) См. выше статью Е. Г. Вейденбаума

**) О «Кавказ. Плѣн.» см. также дальше въ статьяхъ Н. П. Дашкевича и Н. А. Котляревскаго.

*) Соч. Гоголя, изд. X-е (М. 1889), т. V, стр. 207—208.

смотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зрѣлищемъ горъ и жизнью ихъ обитателей, многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности. Принимаясь за Кавказскаго Плѣнника съ гордымъ намѣреніемъ слегка перелистовать его, вы незамѣтно увлекаетесь имъ, перечитываете его до конца и говорите: «все это юно, незрѣло, и однакожь такъ хорошо!» Какое же дѣйствіе должны были произвести на русскую публику эти живыя, яркія, великолѣпно-роскошныя картины Кавказа при первомъ появленіи въ свѣтъ поэмы! Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался для русскихъ завѣтной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзіи, страной кипучей жизни и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцѣнною кровью сыновъ ея и подвигами ея героевъ. И Кавказъ—эта колыбель поэзіи Пушкина—сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова...»

Бѣлинскому, можно думать, было извѣстно, что въ числѣ первыхъ стихотворныхъ попытокъ 14-лѣтняго мальчика Лермонтова были именно перепѣвы пушкинской поэмы, озаглавленные: «Кавказскій Плѣнникъ» и «Черкесы», гдѣ даже повторяются цѣликомъ, безъ измѣненій, многіе стихи Пушкина. Въ этихъ юношескихъ наброскахъ Лермонтова нѣтъ почти никакихъ картинъ кавказской природы, ему въ ту пору, конечно, вовсе невѣдомой, и все вниманіе обращено на романическую фабулу. Плѣнникъ не одинъ: у него есть товарищи по несчастью, съ которыми онъ вмѣстѣ груститъ о своей судьбѣ. Его спасаетъ черкешенка и бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ; но злая пуля черкеса настигаетъ бѣглеца, а черкешенка бросается въ Терекъ, къ отчаянію ея отца, оказавшагося убійцей Плѣнника. Такимъ варіантомъ 14-лѣтній Лермонтовъ думалъ исправить развязку пушкинской поэмы, вѣроятно, показавшуюся ему, какъ и взрослымъ критикамъ 20-хъ годовъ, не совсѣмъ удовлетворительной...

«Какъ истинный поэтъ»,—продолжаетъ Бѣлинскій,—«Пушкинъ не могъ описаній Кавказа вмѣстить въ свою поэму какъ эпизодъ кстати: это было бы слишкомъ дидактически, а слѣдовательно—и прозаически, и потому онъ тѣсно связалъ свои живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмы. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ какъ впечатлѣнія и наблюденія Плѣнника, героя поэмы, и оттого онѣ дышатъ особенной жизнью, какъ будто самъ читатель видитъ ихъ собственными глазами на самомъ мѣстѣ. Кто былъ на Кавказѣ, тотъ не могъ не удивляться вѣрности картинъ Пушкина: взгляните хотя съ возвышенностей, при которыхъ стоитъ Пятигорскъ, на отдаленную цѣпь горъ... Описанія дикой воли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ дышатъ чертами ярко вѣрными...»

Переходя къ анализу изображенныхъ въ поэмѣ характеровъ, Бѣлинскій, прежде всего, замѣчаетъ, что черкешенка «есть лицо совершенно идеальное и только внѣшнимъ образомъ вѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи черкешенки особенно выказалась вся незрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныхъ лица своей поэмы,—это положеніе, наиболѣе плѣнившее публику, отзывается мелодрамой—и, можетъ быть, потому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но—такова сила истиннаго таланта!—при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмы, при всей его безцвѣтности въ отношеніи къ дѣйствительности, въ рѣчахъ черкешенки и Плѣнника столько элегической истины чувства, столько сердечности, столько страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи, въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать какой-то дѣтскости...»

Что касается самого Плѣнника, то онъ являлся, въ глазахъ Бѣлинскаго, «героемъ своего времени». Его характеръ возбудилъ восторгъ въ публикѣ именно тою неопредѣленностью и противорѣчивостью, которая была вѣрно подмѣчена, но совсѣмъ не вѣрно истолкована критикой 20-хъ годовъ. «Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ, болѣе или менѣе, свое собственное изображеніе. Эта тоска юношей по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не предшествовали никакія очарованія, эта апатія души во время ея сильнѣйшей дѣятельности, это кипѣніе крови при душевномъ холодѣ, это чувство пресыщенія, послѣдовавшее не за роскошнымъ пиромъ жизни, а смѣнившее собой голодъ и жажду,

эта жажда дѣятельности, проявляющаяся въ совершенномъ бездѣйствіи и апатической лѣни, словомъ, эта старость прежде юности, эта дряхлость прежде силы,—все это черты «героевъ нашего времени» со временъ Пушкина. Но не Пушкинъ родилъ или выдумалъ ихъ: онъ только первый указалъ на нихъ, потому что они уже начали показываться еще до него, а при немъ ихъ было уже много... И Пушкинъ былъ самъ этимъ Плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ. Въ этомъ отношеніи Кавказскій Плѣнникъ есть поэма историческая».

Въ этихъ словахъ великаго критика совершенно вѣрно подмѣчена тѣсная связь поэмы Пушкина съ настроеніемъ современнаго поэту поколѣнія. Дѣйствительно, Кавказскій Плѣнникъ является хронологически первымъ изъ тѣхъ произведеній нашей изящной литературы

Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человѣкъ
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Въ элегической характеристикѣ пушкинскаго героя,—характеристикѣ туманной и отрывочной, теперь, въ исторической перспективѣ, намъ не трудно угадать знакомыя черты той эпохи, отличительною особенностью которой, по выраженію одного позднѣйшаго критика, была «напряженность нервовъ чувства при параличѣ нервовъ движенія». Въ пору созданія Кавказскаго Плѣнника это положеніе уже ясно сознавалось мыслящею частью русскаго общества, и сознаніе его становилось, подъ вліяніемъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ, все болѣе и болѣе жгучимъ и невыносимымъ. «Туманный призракъ свободы» уже успѣлъ перелетѣть съ Запада на Востокъ, въ самое сердце еще такъ недавно неподвижной Россіи, и мечты нѣмецкаго Тугендбунда уже находили отголосокъ въ «вольнолюбивыхъ надеждахъ» Союза Благоденствія. Пушкинъ еще въ Петербургѣ «съ волненіемъ» не только «внималъ», но и самъ сочинялъ «пѣсни, одушевленныя свободой», и «съ вѣрой, пламенной мольбою обнималъ ея гордый идолъ»; свою поэму онъ отдѣлывалъ въ той самой Каменкѣ, которая уже становилась «гнѣздомъ» будущихъ декабристовъ...

По пословицѣ: «Все минется, одна правда остается», описательная часть Кавказскаго Плѣнника, полная поэтической правды, и въ глазахъ самого поэта, и въ мнѣніи критики пережила повѣствованіе, которымъ Пушкинъ, какъ мы уже видѣли, былъ недоволенъ уже при самомъ окончаніи поэмы. Впослѣдствіи поэтъ отзывался о своемъ произведеніи еще строже. «Плѣнникъ—зеленъ»,— писалъ онъ Бестужеву 30 ноября 1826 г.,—«и передъ поэзіей кавказской природы поэма моя—голиковская проза». Въ своихъ критическихъ замѣткахъ начала 1830-хъ годовъ Пушкинъ говоритъ, что «Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я—мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись». Насмѣшки относились, конечно, къ неудачному «байронизму» героя, который изъ «мрачнаго, демоническаго», гордо замкнутаго въ себѣ страдальца обратился въ элегическаго «нытика». Ник. Раевскій говорилъ Пушкину о необходимости изгнать изъ поэтическаго слога напыщенность и внести въ него естественность и простоту и въ то же время находилъ, что «произведенія отрывочнаго свойства требуютъ всей роскоши поэзіи—сильно задуманнаго характера и положенія». Ничего этого онъ не видѣлъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ и потому относился къ этому произведенію отрицательно. Пушкинъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ, но ему, все-таки было жаль своей юношеской поэмы, въ которой были «стихи его сердца». Въ 1829 г., во время своей поѣздки въ Арзрумъ, когда онъ имѣлъ случай проѣхать черезъ весь Кавказъ, провѣрить и дополнить свои раннія впечатлѣнія, онъ случайно нашелъ въ Ларсѣ «измаранный списокъ» своего Плѣнника и «перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно». Можно ду-

мать, что это замѣчаніе относится особенно къ описательной части поэмы.

Кромѣ описаній и повѣствовательнаго эпизода, въ поэмѣ представляетъ интересъ и еще одна сторона—политическая, именно—то отношеніе поэта къ русскому завоеванію Кавказа, которое выразилось въ «эпилогѣ». Эпилогъ этотъ, мало соотвѣтствующій общему «вольнолюбивому» настроенію автора, написанъ три мѣсяца спустя послѣ окончанія поэмы. Но основная его тема намѣчена уже въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 24 сентября 1820 г.: «Ермоловъ наполнилъ его (Кавказъ) своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіанами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи...» Завоеваніе Кавказа представляется Пушкину исторической миссіей Россіи—со временъ чуть ли не Мстислава Тмутараканскаго,—и онъ мечтаетъ о возможности когда-нибудь поэтически изобразить эти кровавыя картины нашей исторіи, вспомнить подвиги покорителя лезгинъ и мингрельцевъ Циціанова, взятіе Ленкорани Котляревскимъ и тѣ упорныя, многолѣтнія битвы, которыя сдѣлали русскихъ «князьями заоблачной державы». Впечатлительный поэтъ видимо увлекся «грозными преданьями» Кавказа и тѣми мыслями, какія ему приходилось слышать въ военной средѣ, окружавшей генерала Раевскаго; это увлеченіе становится еще болѣе понятнымъ, если вспомнить, что Пушкинъ еще такъ недавно мечталъ о «мундирѣ и саблѣ» и рисовалъ себя на конѣ «среди воинственныхъ дружинъ». Боевой тонъ «эпилога» вызвалъ строгое осужденіе кн. Вяземскаго. «Мнѣ жаль», писалъ онъ Тургеневу 27 сентября 1821 г.,—«что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ, «какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена»? Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ и волосы дыбомъ становятся. Если бы мы просвѣщали племена, то было бы что воспѣть. Поэзія—не союзница палачей; политикѣ они могутъ быть нужны и тогда суду исторіи рѣшить, можно ли ее оправдывать, или нѣтъ; но гимны поэта не должны быть славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ—настоящій анахронизмъ. Досадно и то, что, разумѣется, мнѣ о томъ и намекнуть нельзя будетъ въ моей статьѣ. Человѣколюбивое и нравственное чувство мое покажется движеніемъ мятежническимъ и бѣсовскимъ внушеніемъ въ глазахъ нашихъ христолюбивыхъ цензоровъ...» [1]).

Мы не знаемъ, высказаны ли были эти мысли Вяземскимъ самому Пушкину (переписка поэта не даетъ на это никакихъ указаній); но, сравнивая эпилогъ Кавказскаго Плѣнника съ тѣмъ, что писалъ Пушкинъ восемь лѣтъ спустя,—въ Путешествіи въ Арзрумъ,—о завоеваніи Кавказа и о необходимости просвѣщенія черкесовъ, видимъ, что отъ прежняго юношескаго шовинизма не осталось уже и слѣда.

Первое изданіе Кавказскаго Плѣнника, встрѣченное публикой съ большимъ сочувствіемъ, скоро разошлось, и Гнѣдичъ, уже лѣтомъ 1823 г., завелъ рѣчь о новомъ изданіи поэмы. Но Пушкинъ, получившій отъ него за первое изданіе только одинъ печатный экземпляръ да 500 р. асс., не торопился съ своимъ согласіемъ: «Timeo Danaos», писалъ онъ Вяземскому изъ Одессы, 19 августа 1823 г.: «боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде...» Вяземскій предложилъ поэту свои услуги, и Пушкинъ, въ письмѣ отъ 14 октября, поручилъ ему второе изданіе Руслана и Плѣнника, причемъ сообщилъ и нѣсколько поправокъ къ тексту послѣдняго. Это изданіе, однако, тогда не состоялось,—можетъ быть, потому, что Вяземскій взялся за изданіе Бахчисарайскаго Фонтана; по крайней мѣрѣ, Пушкинъ, 13 іюня 1824 г., писалъ брату: «Слушай, душа моя! Деньги мнѣ нужны. Продай на годъ Кавказскаго Плѣнника за 2000 р.,—кому бишь?» При этомъ опять сообщены были тѣ же поправки къ тексту, о которыхъ уже писано было Вяземскому. Между тѣмъ, нѣкій Евстафій Ольдекопъ, почтовый цензоръ, служившій потомъ въ III Отдѣленіи, напечаталъ Кавказскаго Плѣнника, безъ согласія автора, съ нѣмецкимъ стихо-

*) Майковъ, Пушкинъ, стр. 146, 150.

1) Остафьевскій Архивъ, II, 274.

творнымъ переводомъ Вульферта. Возмущенный этой продѣлкой, Пушкинъ хотѣлъ начать противъ Ольдекопа дѣло и переписывался объ этомъ съ Вяземскимъ и другими своими друзьями, но ничего не добился; впослѣдствіи, въ 1827 г., онъ опять пробовалъ жаловаться на самоуправство Ольдекопа Бенкендорфу, но и отъ него не получилъ никакого удовлетворенія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что новое изданіе Плѣнника задержалось именно вслѣдствіе исторіи съ Ольдекопомъ. Оно было сдѣлано самимъ Пушкинымъ только въ 1828 г., причемъ въ текстъ поэмы были внесены нѣкоторыя исправленія. Въ третій разъ Кавказскій Плѣнникъ былъ напечатанъ Пушкинымъ безъ перемѣнъ съ изданія 1828 г., въ книгѣ: «Поэмы и повѣсти Александра Пушкина», Спб. 1835, часть I.

Громкій успѣхъ новой поэмы Пушкина побудилъ знаменитаго балетмейстера Дидло, въ концѣ 1822 г., составить изъ нея «большой древній національно-пантомимный балетъ», подъ названіемъ: «Кавказскій Плѣнникъ, или Тѣнь невѣсты», съ музыкою Кавоса. Этотъ балетъ былъ поставленъ сначала въ Петербургѣ, съ Истоминой въ роли черкешенки, а впослѣдствіи—и въ Москвѣ [1]). Слухъ о немъ дошелъ и до Пушкина, который писалъ брату изъ Кишинева, 30 января 1823 г.: «Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ-Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику...» Модный въ ту пору композиторъ Гениште положилъ на музыку «Черкесскую пѣсню».

Приведенное выше замѣчаніе Н. Раевскаго о томъ, что Кавказскій Плѣнникъ «открылъ путь, на которомъ посредственность найдетъ себѣ камень преткновенія», оказалось, въ нѣкоторомъ родѣ, предсказаніемъ: «Именно эта поэма Пушкина, столь скоро осужденная самимъ авторомъ, была принята читателями съ особеннымъ восторгомъ и открыла эру байроническаго повѣтрія въ русской литературѣ: подражанія Кавказскому Плѣннику продолжали плодиться и въ то время, когда съ творчества самого Пушкина спадалъ послѣдній налетъ байронизма» [2]). Изъ этихъ подражаній намъ извѣстны: «Киргизскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ Н. Муравьева, взятая съ истиннаго происшествія Оренбургской линіи», М. 1828 (рец. въ Моск. Телегр. № 12 и СПб. Вѣд. № 94), и «Московскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ, соч. Ѳ. С-ва», М. 1829. Въ 1832 г. Н. В. Станкевичъ, въ сотрудничествѣ съ Н. А. Мельгуновымъ, напечаталъ въ Молвѣ (№ 75) пародію на поэмы бездарныхъ подражателей Пушкина и Баратынскаго, подъ заглавіемъ: «Калмыцкій Плѣнникъ».

П. Морозовъ.

---

1) См. Дамскій Журналъ 1827, № 20.

1) Майковъ, Пушкинъ, 151.

Предисловіе Пушкина ко 2-му изданію «Кавказскаго Плѣнника» (Спб. 1828)

Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и Горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившихъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и проч.

КАВКАЗСКІЙ

ПЛѢННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1822.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ.
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили.
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту, (1) пустынникъ величавый,
Ауловъ (2) и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва разцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, какъ вѣрный цвѣтъ надеждъ.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ-МЛАДШІЙ.

Рисунокъ 1819 г., кн. И. Долгорукаго, въ альбомѣ М. Н. Раевской (въ замужествѣ Орловой), нынѣ принадлежащемъ внучкѣ ея Е. Н. Орловой.

Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но, сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей, (3)
Удары шашекъ (4) ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.
Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
Вотъ Русской! хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ, недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.
И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкеской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ;
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.
За саклями (5) лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой...
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой волновалась думой...
Въ Россію дальній путь ведётъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье,
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.
Свершилось... цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него.
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.
Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучь

3

Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ ~~[illegible]~~ неприступныя горъ
Надъ нимъ воздвинулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ —
Какъ сна ужаснаго тревоги,
~~[illegible]~~...
И слышитъ — загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги.
Все, все сказалъ ужасный звукъ;
Затмилась предъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

51

За саклями лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ. нѣтъ надзора;
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;

ИЗЪ ЧЕГОДАЕВСКОЙ РУКОПИСИ «КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА», НЫНѢ ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОМУ ЛИЦЕЮ.

По подлинной рукописи воспроизводится здѣсь впервые.

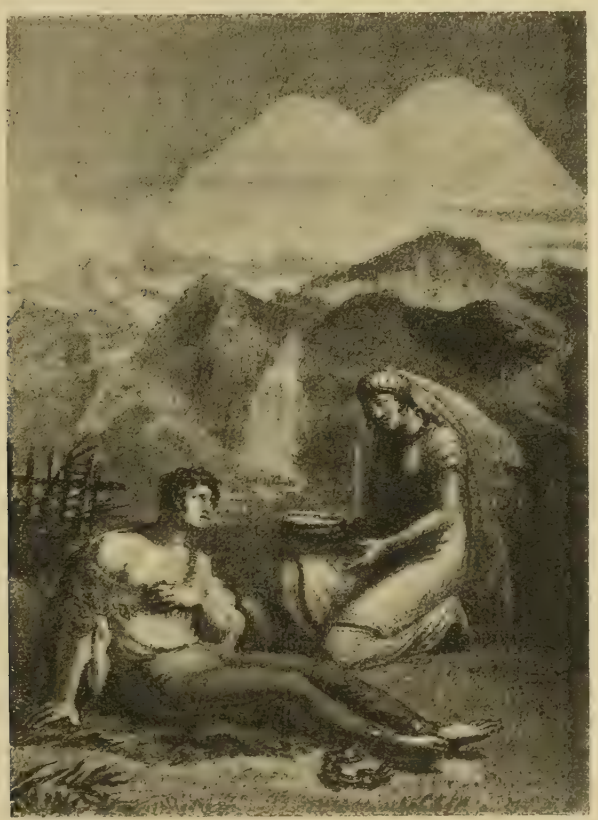
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотритъ онъ,
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ (6) прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ, и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой;
Но все къ Черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла;
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.
За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной;
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сотъ душистой,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;
На немъ покоитъ нѣжный взоръ;
Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой, (7)
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Руской жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.
Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обниметъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.
Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ. (8)
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Неизданный рисунокъ Г. П. Кондратенки.

Передастъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Русской жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Желалъ онъ воспоминать.
Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.
Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блестящемъ ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ аломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій:
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались:
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какою радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ,
Непобѣдимый, непреклонный.

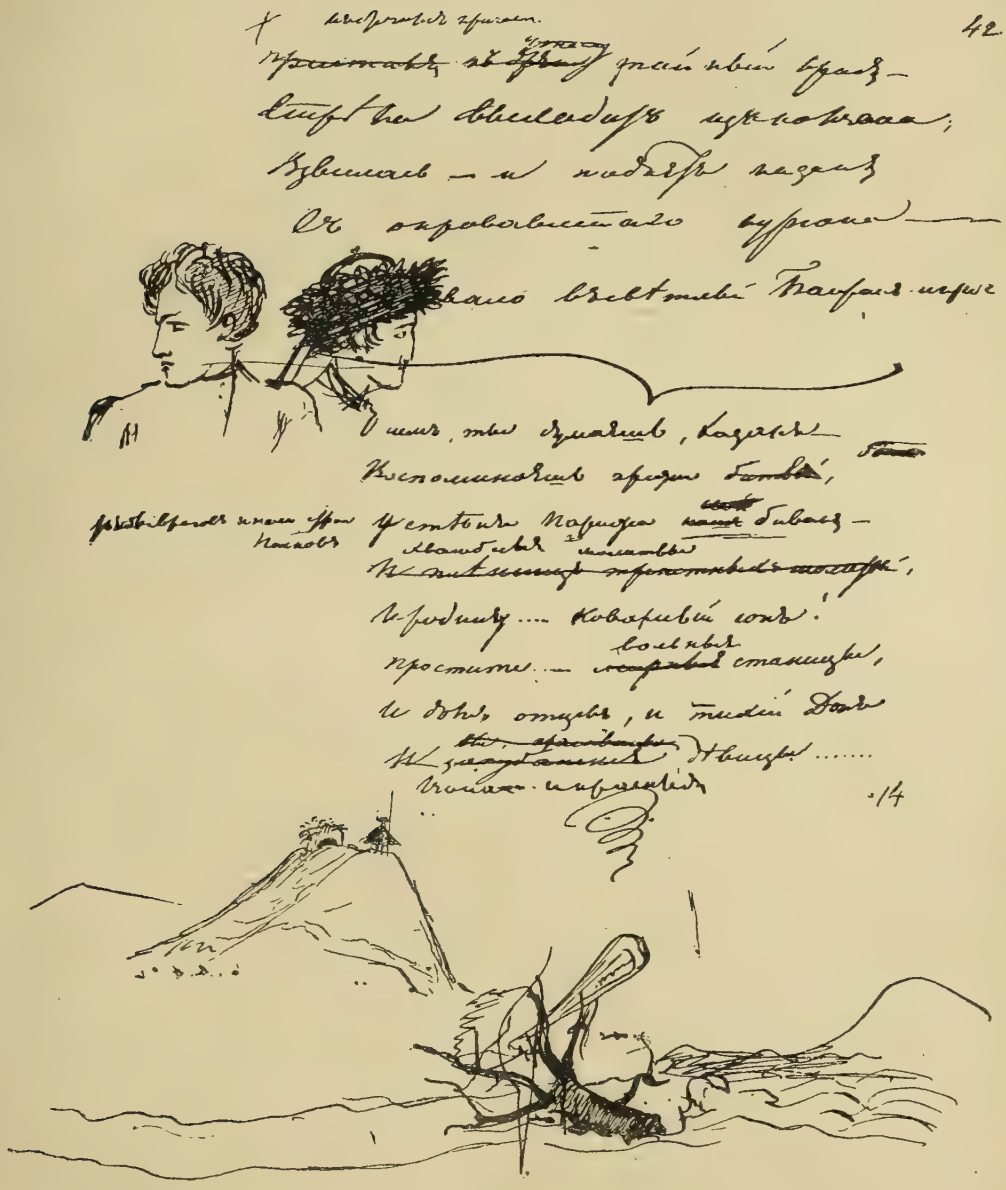


ПЛѢННИКЪ И ЧЕРКЕШЕНКА.

Рисунокъ Галактіонова («Полярная звѣзда» 1824).

Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь.
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,

И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его—стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана—
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьёй
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь (9) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной. (10)
Бывало, въ свѣтлый Байранъ (11)
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.
Но Руской равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладной,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ —
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.



ИЗЪ РУКОПИСИ «КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА»,

находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ. (тетрадь № 2365).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгарая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата;
Но умолю отца и брата;
Не то—найду кинжалъ иль ядъ.
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена;
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена...
Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.
«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня; но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ..
«Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи полныя слезами
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжко мыслить о другой!...
«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.
«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости... дай руку—на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»
Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая:
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

ЧЕРКЕШЕНКА.

Неизданный рисунокъ Кн. Г. Г. Гагарина.

ГОРНЫЙ АУЛЪ.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

«Ахъ, Руской, Руской, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала;
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Уже ль навѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, Рускій? ты любимъ?...
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»
Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пѣни.
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали браговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавитъ тягостная цѣпь...»
Свѣтила ночи затмевались;
Въ дали прозрачной означались

Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.
Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель.
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.
Однажды слышитъ Руской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ! въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ,
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони,
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.
Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
Изъ трубокъ дымъ вiясь синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Рускія пѣвицы:
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ Руской о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.
Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна
Къ нему приближилась о н а.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги, сказала дѣва горъ:
Нигдѣ Черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;

НАБѢГЪ.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

Возми кинжалъ: твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ, дѣва говоритъ,
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой! Руской возопилъ,
Я твой навѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...»—Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль? ты любилъ другую!..
Найди ее, люби ее;
О чемъ же я еще тоскую?
О чемъ унынie мое?...
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—
Къ Черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,

И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... брега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли;
Но нѣтъ Черкешенки младой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.
Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.
Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далёкой
Освобожденный плѣнникъ шёлъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали Рускіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Изъ итальян. перевода «Кавказскаго плѣнника» Rocchigiani (Неаполь 1834).

(Пушкинская коллекція П. Е. Рейнбота).

ЭПИЛОГЪ.

Такъ муза, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,

Кн. П. Д. ЦИЦІАНОВЪ.

И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава [12] древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіянъ
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ:
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,

На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на ТерекѢ сѢдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ Рускихъ барабановъ,
И въ сѢчѢ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичь Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,

ГЕНЕРАЛЪ П. С. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—востокъ подьемлетъ вой!...
Поникни снѢжною главой,
Смирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,

А. П. ЕРМОЛОВЪ.

Съ портрета Доу въ Зимнемъ дворцѣ.

Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «КАВКАЗСКОМУ ПЛѢННИКУ».

(1.) Бештау, или, правильнѣе, Бештау, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

(2.) Аулъ. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

(3.) Уздень, начальникъ или князь.

(4.) Шашка, Черкеская сабля.

(5.) Сакля, хижина.

(6.) Кумысъ дѣлается изъ кобыльяго молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми Горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

(7.) Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ: Бакунина и Циціанова—измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

(8.) Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь, сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ.
Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ:
Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ;
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковскій, въ своемъ посланіи къ г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа:

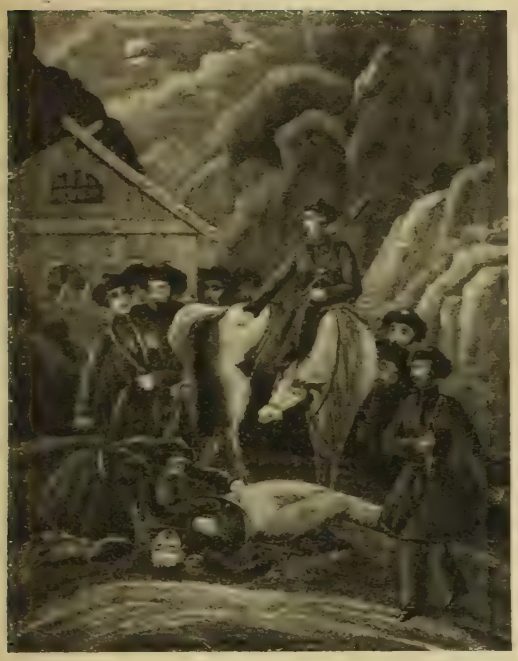
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ, часто притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль Черкесъ сидѣлъ,
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой,
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камушинецъ,
И Корбулакъ, и Албазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь, соратникъ быстроногій—
Пхъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ;
Скалы свободы ихъ пріютъ.
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни:
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ;
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы.

(9.) Чихирь, красное Грузинское вино.

(10.) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать, почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ (т.-е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнію за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

(11.) Байранъ или Байрамъ, праздникъ розговѣнья. Рамазанъ, Музульманскій постъ.

(12.) Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракана (остр Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. Ист. Гос. Росс. Томъ II.



«КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ» ВЪ ЛУБОЧНЫХЪ КАРТИНАХЪ.

Изъ Пушкинской коллекціи Академіи Наукъ. Число лубочныхъ картинъ, посвященныхъ «Кавказскому Пленнику» очень велико. Здѣсь взята серія изъ 4-хъ картинъ, сравнительно, лучшихъ.

258. ПРИМИТЕ НОВУЮ ТЕТРАДЬ.

(Можетъ быть приписка къ «Кав. Плѣннику»).

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши и вы дѣвицы:
Не веселѣе ль вамъ читать
Игривой Музы небылицы
Чемъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы, —
Иль усыпительный журналъ
Который ввѣкъ не зная цѣли
Усердно такъ тяжелъ и грубъ —
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочетъ золъ и только глупъ?

---

259. О ВЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛИ.

О вы, которые любили
Парнаса тайныя [мечты]
И (Музы вѣтреной) цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили
Спасите трудъ небрежный мой —
Отъ рукъ невѣжества слѣпова,
Отъ взоровъ зависти косой
Картины, (вымыслы), разсказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ...
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы —
Въ Архивахъ ада отыскалъ...

---

260. Я ПЕРЕЖИЛЪ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?
Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.
Рис. И. Левитанъ.

АГЛАЯ АНТОНОВНА ДАВЫДОВА.

261. КОКЕТКѢ (КЪ АГЛАѢ).

(И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ прямодушная Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли
Чтобъ умеръ отъ любви повѣса)?
Послушайте: вамъ 30 лѣтъ,
Да 30 лѣтъ—не многимъ болѣ—
Мнѣ за 20; я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ;
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны;
Проказы утомить успѣли;
Вамъ вѣрно съ вашей стороны
Измѣны также надоѣли —
Остепенясь мы охладѣли,
Не къ стати намъ учиться вновь
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва-ли три недѣли.
Сначала были мы друзья
Но скука, случай, мужъ ревнивый...
Безумнымъ притворился я
Вы притворилися стыдливой.
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ Гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу—
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно,
Могли бъ мы жить безъ (лишнихъ) ссоръ
Опять и дружно и спокойно;
(Но нѣтъ! сегодня поутру
Вы вдругъ въ трагическомъ жару
Сѣдую воскресили древность:
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
Помилуйте—нѣтъ, право нѣтъ
Я не дитя, хоть и поэтъ —)
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слёзы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить
А намъ уже пора злословить.

262. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что̀ ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуку вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ б...

---

263. КЪ ГНѢДИЧУ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольной гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ-же я-какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья—
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ—
Твой гласъ достигъ уединенья
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья—
Избранникъ Ѳеба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны—
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ;
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ—мимоходомъ—

---

264. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда она въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой,
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

ДЕКАБРИСТЪ В. Л. ДАВЫДОВЪ (въ старости).

265. ВАС. ЛЬВ. ДАВЫДОВУ

Межъ тѣмъ, какъ Генералъ Орловъ—
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;—
Межъ тѣмъ какъ ты проказникъ умной,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Ан
Сидятъ Раевскіе мои—
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой разпустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная
Бунтуетъ нашъ безрукой князь...
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя...
На этихъ дняхъ тиранъ собора
Митрополитъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ невзначай:
Велѣлъ жить долго всей Россіи....

. . . . . .

Пошелъ христосоваться въ рай.
Я сталъ уменъ, и лицемѣрю—
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю
Что Богъ проститъ мои грѣхи—
Какъ Государь мои стихи.

Говѣетъ Инзовъ и намѣдни—
Я промѣнялъ (Вольтера) бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы.
Однакожъ гордый мой разсудокъ
[Меня порядочно] бранитъ,
А мой ненабожный желудокъ
При..... вовсе не варитъ.

. . . . . .

. . . хоть напримѣръ Лафитъ
Иль Кло-д-вужо тогда ни слова;
А то—подумать такъ смѣшно—
Съ водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крѣпусь, не внемля сатанѣ...
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ эвхаристія (другая)
Когда и ты и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ—
Спасенья чашу наполняли
Безпенной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали!...

Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучь изчезъ?
Но,—нѣтъ!—мы щастьемъ насладимся,
Кровавой чаши причастимся
И я скажу: Христосъ воскресъ —

---

266. ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда, какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружен умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ обьятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;

Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но просвѣтивъ себя загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ;
Ораторъ Лужниковъ—никѣмъ не замѣчаемъ—
Мнѣ мало досаждалъ своимъ осиплымъ лаемъ.
Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я: но только, ради Бога,
Гони ты Шеннинга отъ нашего порога.

267. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой вѣкъ разнообразной
Тобой украсилъ я —
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ;
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой. —
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И Музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачной, легкой дымъ
Носился надъ тобой,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою

. . . . . .

Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ
Она твоя подруга
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстной...
Завѣтной твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ когда
Перо по книжкѣ бродитъ
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья;
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль
То (правды?) слогъ суровой,
То странность риѳмы новой
Неслыханной дотоль.
(Любовница свободы
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла;)
Съ глупцовъ сорвавъ одежду
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной
Ни ядомъ клеветы
И сердца простоты
Ни лестью ни измѣной
Не замарала ты.
Но здѣсь—на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду —
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хореи,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки
Всегдашнiя мечты
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвенья трачу я;
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя—
Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада
И ты, въ углу пустомъ
Оспротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихiй домъ...
Чедаевъ другъ мой милой
Тебя возьметъ унылой;
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу прежнихъ лѣтъ—
Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ —
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

Одна изъ головокъ Пушкинской тетради № 2365, повидимому еврейки. Воспроизводится впервые.

268. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

(ЕврейкѢ).

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
Сегодня слѢдуя душой
Закону Бога-человѢка,
Съ тобой цалуюсь, Ангелъ мой.
А завтра къ вѢрѢ Моисея
За поцалуй я не робѢя
Готовъ Еврейка приступить—
И даже то тебѢ вручить,
Чемъ можно вѢрнаго Езрея
Отъ православныхъ отличить.

---

269. НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ.

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѢхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѢ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѢла въ шушунѢ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѢзвою гремушкой.
Ты, дѢтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѢвами плѢнила,
И межъ пеленъ оставила свирѢль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ
И ты его тихонько посѢтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѢнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѢтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѢнялъ твой станъ полувоздушной.
Вся въ локонахъ, обвитая вѢнкомъ,
Прелестная глава благоухала,
Грудь бѢлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

---

270. АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать—неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
«Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ иступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде,
Во время оно и со мной.

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.
Съ портрета Орловскаго.

271. НЕДАВНО Я, ВЪ ЧАСЫ СВОБОДЫ.

(Сѣтованія).

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ,
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы,
И, признаюсь, ропталъ на Бога,
И думалъ: вѣтренный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И, сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно сталъ въ угоду міра
Благоразумный человѣкъ!
О горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы?

272. ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы подъ лавровые своды
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?
Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.
Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады Татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.
Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.
Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?
И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРСАКОВЪ.

Лицейскій товарищъ Пушкина. Предполагаютъ, что стихотвореніе «Гробъ юноши» вызвано извѣстіемъ о его смерти во Флоренціи (1820).

273. ГРОБЪ ЮНОШИ.

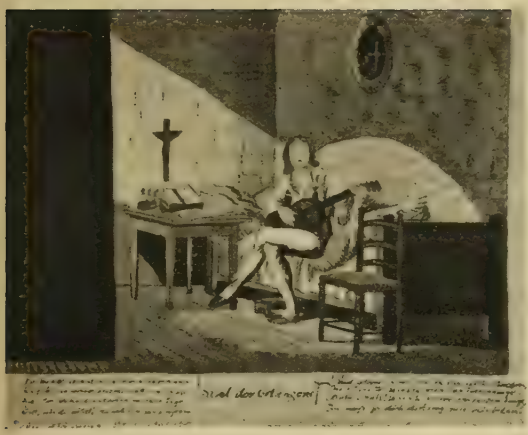
. . . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...
Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.
Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?
Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьёй
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.
Напрасно блещетъ лучь денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...

274. КИНЖАЛЪ.

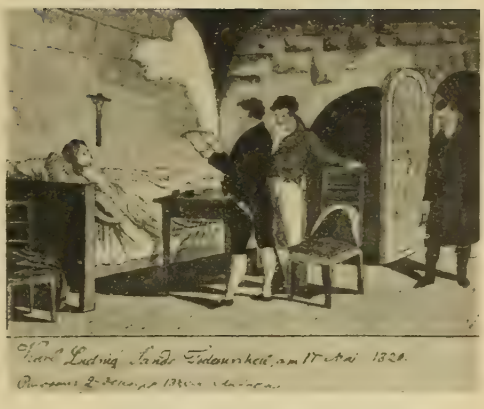
Лемноскій Богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій Кинжалъ,
Послѣдній Судія позора и обиды;
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечь закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ.
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одѣждъ.
Какъ адскій лучь, какъ молнія Боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ
И озираясь онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ;
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ;—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ Вольности безглавой
Палачь уродливый возникъ.
Апостолъ гибельный! усталому Аиду
Ты перстомъ жертвы назначалъ;
Но вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Евмениду...
О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ подписи кинжалъ.

Зандъ прощается съ родиной.

Зандъ убиваетъ Коцебу.



Зандъ въ темницѣ.



Чтеніе смертнаго приговора
17 мая 1820.

Занда отвозятъ на мѣсто казни
20 мая 1820.

Зандъ на плахѣ.

Казнь Занда.

Кромѣ гравюры -портрета Занда, всѣ остальныя картинки, иллюстрирующія подвигъ Занда кѣмъ-то (какъ видно изъ русскихъ помѣтокъ) рисованы, или вѣрнѣе срисованы, акварелью, въ ноябрѣ и декабрѣ 1835 г. въ Либавѣ. Гравюра и акварели были доставлены на московскую Пушкинскую выставку 1899 г. П. А. Ефремовымъ.

275. УМОЛКНУ СКОРО Я.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолжёнъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

276. МОЙ ДРУГЪ, ЗАБЫТЫ МНОЙ.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю невполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцалуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

НАПОЛЕОНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.
Картина Ораса Верне.

277. НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучь безсмертія горитъ.
Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.
Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ;
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Рускихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Рускихъ разгадалъ...
Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Изкуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Могила Наполеона на островѣ Св. Елены.

278. ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто ни заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

---

279. КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.

Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечь хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несете!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ: а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;

Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если, обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Береговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

280. ВЪ КРОВИ ГОРИТЪ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ.

(Подражаніе Пѣснѣ пѣсней Соломона).

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.

Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

281. П. С. ПУЩИНУ.

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь—свобода!
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй—имъ просвѣщенный!

282. М. Э. ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда—Зоя:
Женюсь и буду вамъ родня...

283. ЛИЗѢ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ.

Лизѣ страшно полюбить,
Полно нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь—можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть—
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами,
Кто бы ей помогъ упасть.

284. ВСЕГДА ТАКЪ БУДЕТЪ И БЫВАЛО.

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

285. КЛЕВЕТНИКЪ БЕЗЪ ДАРОВАНІЯ.

(На Каченовскаго).

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

286. СОСТАВЛЕПЪ ОНЪ ИЗЪ ПОДЛОЙ СПЕСИ.

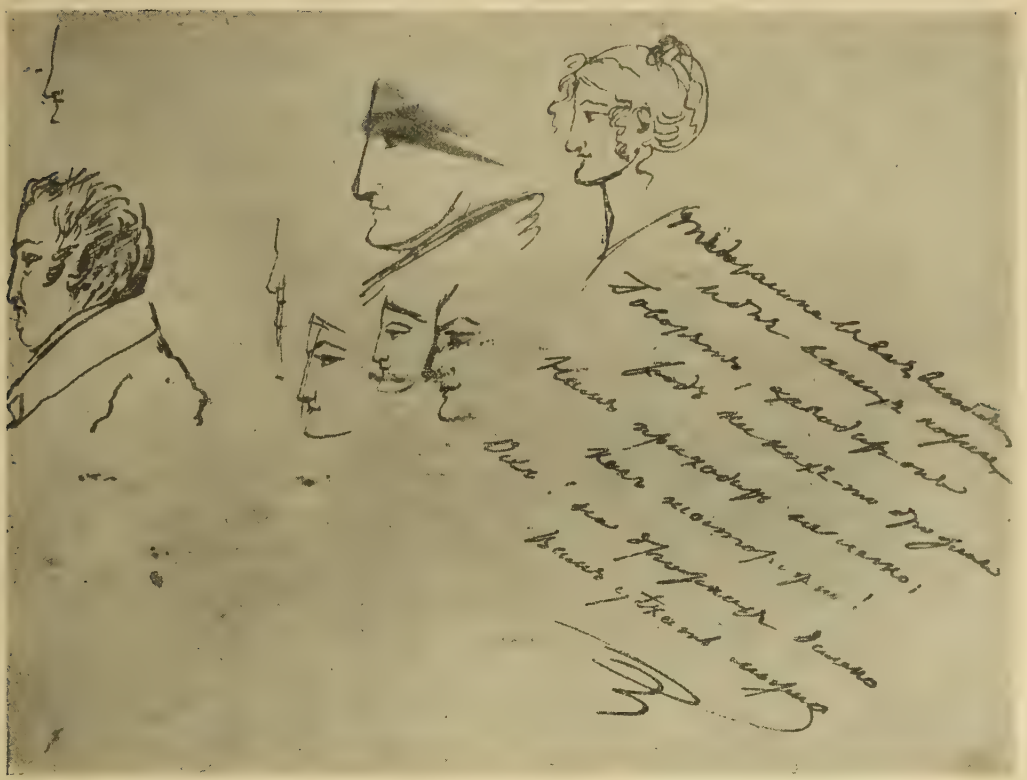
Составленъ онъ изъ подлой спеси;
Я не видалъ негоднѣй смѣси:
Въ сраженіи онъ трусъ, въ трактирѣ онъ бурлакъ.
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ.

287. ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБѢ.

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
И вдругъ—бѣда: казнитъ ее Меркурій
Раскаяться приходитъ ей пора
Она больна, глазъ пухнетъ понемногу
Вдругъ лопнулъ онъ; что жъ дама?—слава Богу,
Все къ лучшему, вотъ лишняя . . . .!

288. ХОТЬ ВПРОЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ИЗРЯДНЫЙ.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный;
Эмилій человѣкъ пустой.
Да ты чѣмъ полонъ шутъ нарядный?
А, понимаю, самъ собой;
Ты полонъ дряни, милый мой!



Листъ 43 Кишиневской тетради № 2365.
Воспроизводится впервые. Въ крайнихъ двухъ наброскахъ Пушкинъ, видимо, изобразилъ какихъ-то Кишиневцевъ; полный мужчина можетъ быть «Тодорашка» Крупенскій или «Маврогеній».

289—295. (КИШИНЕВСКІЯ ДАМЫ).

1.

Раззѣвавшись отъ обѣдни
Къ Катакази ѣду въ домъ
Что за Греческія бредни,
Что за Греческій содомъ!
Подогнувъ подъ . . . ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ Египетскіе боги.
Дамы прѣютъ и молчатъ.

2.

Признаюсь предъ всей Европой,
Хромоногая кричитъ;
Маврогеній толстож . . . .
Душу, сердце мнѣ томитъ!
Мужъ! вотще карманы грузно
Ты набилъ въ семьѣ моей,
И вотще ты пятишь . . . .,
Маврогеній мнѣ мплѣй!

3.

Здравствуй, круглая сосѣдка!
Ты бранчива, ты скупа
Ты неловкая кокетка
Ты спѣсива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи—
Все прощаю! Богъ съ тобой;
Ты съ утра до поздней ночи
Рада въ банкъ играть со мной—

4.

Вотъ Еврейка съ Тодорашкой
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
Лапу держитъ подъ . . . . . .
Пѣна на ея лицѣ,
Весь отъ ужаса хладѣю,
Ахъ, Еврейка, Богъ убьетъ!
Если вѣрить Моисею
Скотоложница умретъ!—

5.

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,
О чувствительная сводня,
О краса Молдавскихъ дуръ;
Смотришь, каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жъ одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ . . . . . .

6.

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсисъ,
Не хочу судить я строго
Но къ тебѣ не льнетъ душа;
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

7.

Тодорашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ не легко;
Какъ неосторожно!
Охъ! На дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

296. ДОБРА ЧУЖАГО НЕ ЖЕЛАТЬ (ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ).

(Приписывается Пушкину).

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь,
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ,
Не нужна вся мнѣ благостыня,
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во-плоти—
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
Кто рабъ усилій безполезныхъ,
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я страдаю.

297. ПОВѢРЬ МНѢ, БЫТЬ ТЕБѢ ПАНГЛОСОМЪ.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ
Ты боленъ: это не мечты
И то-то братецъ будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты.

Изъ черновыхъ набросковъ 1821 г.

298. ЗАВИДУЮ ТЕБѢ, ПИТОМЕЦЪ МОРЯ СМѢЛЫЙ.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!
Привѣтствуетъ тебя свободный океанъ...

299. НАПЕРСНИЦА МОИХЪ СЕРДЕЧНЫХЪ ДУМЪ.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ
О ты, чей гласъ пріятный и небрежный
Смирялъ порой (мечты души) мятежной
И веселилъ (порой унылый) умъ
О, вѣрная, задумчивая лира,
(Послушная) перстамъ.....

300. ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО.

Вечерня отошла давно;
Уже и самъ (Игуменъ) строгій
Свои молитвы прекратилъ
И кости ветхія склонилъ
(Перекрестясь,) на одръ убогой.
(Повсюду) сонъ и тишина;
Но въ церкви дверь отворена,
И озаряетъ лучь лампады
И темну живопись иконъ,
И ихъ богатые оклады,
И раздается въ тишинѣ
То тяжкій вздохъ [то] шопотъ (томной?).
И мрачно дремлетъ въ вышинѣ
Старинной сводъ, глухой и (темный)
Стоитъ за клиросомъ монахъ
И грѣшникъ, неподвижны оба
И . . . . ихъ . . . . . .
И грѣшникъ блѣденъ какъ . . . . .
Несчастный,—полно, перестань.
. . . . исповѣдь злодѣя;
Заплачена тобою дань
Тому, кто въ мукахъ (пламенѣя?)
Лукаво грѣшника блюдетъ
И къ вѣчной гибели ведетъ—
Аминь!—опомнись.... (время, время)
Я разрѣшу тебя,—грѣховъ
Сложи мучительное

301. Я СЛУШАЮ ТЕБЯ И СЕРДЦЕМЪ МОЛОДѢЮ.

Я слушаю тебя—и сердцемъ молодѣю,
(Пировъ и радости блистательный пѣвецъ—)
Пѣвецъ-Гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ
И пылкую потѣху драки
И завитки своихъ усовъ—
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей,
Повѣрь, я снова пламенѣю
Воспоминаньемъ прежнихъ дней.

302. НЕ ТѢМЪ ГОРЖУСЬ Я, МОЙ ПѢВЕЦЪ.

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что . . . . . стихами,
Играю смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
(Порывы) страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И что разящій голосъ лиры

(Неправду) въ ужасъ приводилъ;
(Не тѣмъ,) что . . . . . .
И бурями (души) моей
И (жаждой) воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей;—
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена—
(Самолюбивыхъ думъ отрада).
(Мечтанье суетнаго) сна...

303. ВЪ ТВОЮ СВѢТЛИЦУ, ДРУГЪ МОЙ НѢЖНЫЙ.

Въ твою свѣтлицу другъ мой нѣжный
Я прихожу въ послѣдній разъ—
Любви щастливой, безмятежной
Дѣлю съ тобой послѣдній часъ
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ
Не жги свѣчей.

304. ВО ВРЕМЕНА ЦАРЯ ДОДОНА.

(Во времена Царя Додона)
Былъ монастырь, гдѣ чернецы
(Достойны были Вавилона)
Безъ правилъ, безъ закона

305. ВОТЪ МУЗА, РѢЗВАЯ БОЛТУНЬЯ.

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты столь любилъ.
(Она раскаялась) шалунья:
Придворный тонъ ее плѣнилъ.

306. ПРИМИ ВЪ ЗАЛОГЪ ВОСПОМИНАНЬЯ.

(Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи)
(И) подъ завѣтною печатью
Прими опасные стихи.

307. НЕ УДИВЛЯЙСЯ, МИЛЫЙ МОЙ.

Не (удивляйся) милый мой
Ея израильскому платью,
Ее всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью.

308. ГРЕЧАНКА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

(Гречанка, я люблю тебя)
Затмились прелести другія,
Горю тобой
Я твой на вѣкъ, Эллеферія!
(Пускай иныхъ плѣняетъ блескъ
И ласки Музъ и лѣни...
Милѣе мнѣ Эллеферія).

309. ВЪ ЮРЗУФѢ БѢДНЫЙ МУЗУЛЬМАНЪ.

Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ
Недавно жилъ съ дѣтьми, съ женою;
Душевно почиталъ священный Алькоранъ
И щастливъ былъ своей судьбою;
Мехметъ—такъ звался онъ—прилежно цѣлый день
(Смотрѣлъ) за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ—
Не зная, что такое лѣнь—
Жену свою любилъ; Селима это знала,
И каждый годъ ему дѣтей она рожала,
Но у татаръ ужъ такъ заведено—
По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ—(она въ то время)
Несла трехмѣсячное (бремя),
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная (жена)
Имѣетъ прихоти, то эти, то другія,
И Боже упаси, какія!
Фатима говоритъ умильно муженьку—
Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку,
Теряю память я, разсудокъ,
Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша;
Всего мнѣ должно опасаться,
Не смѣю даже почесаться,
А то родится дочь съ отмѣткой на носу—
Такой я муки не снесу—
Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ
Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ.
Мехметъ разнѣжился, собрался.
Въ кушакъ старинную (жестянку?) завязалъ
Поцѣловалъ жену и въ ближнюю долину побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ—зато въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,

Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
По щастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ...
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава и тѣнь и вѣтерокъ,—
Все нѣжило, все говорило:
Люби иль почивай! люби....
Мехмету въ умъ не приходило
Хоть было бы не спать благоразумно и вѣрнѣй
Все такъ. Махмутъ какъ Царь лежитъ въ долинѣ.

Положимъ, что Царямъ дано
Подъ балдахиномъ
Хоть это, впрочемъ, мудрено.

310. КРАСЫ ЛАИСЪ, ЗАВѢТНЫЕ ПИРЫ.

Красы лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ Музъ минутные дары—
И лепетанье славы шумной
(Все скучно мнѣ)—разоблачивъ кумиръ,
Я вижу призракъ безобразной.
Но что-жъ теперь тревожить хладной миръ
Души безчувственной и праздной—
Любилъ я (жизнь) и славу и любовь,
И многому я въ жизни вѣрилъ
(Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ).

311. A SON AMANT EGLÉ SANS RESISTANCE.

A son amant Eglé sans resistance
Avait cedé—mais lui pâle et perclus
Se demenait-enfin n'en pouvant plus
Tout essoufflé tira... sa révérance—
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? M'en direz vous la cause,—
Est-ce dégout—mon Dieu, c'est autre chose.—
Excès d'amour? Non, excès de respect.

312. ПРОГРАММА И ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ ВЪ СТИХАХЪ.

Вальберхова вдова—Сосницкой ея братъ—Брянской любовникъ Вальберховой—Рамазановъ, Боченковъ, С. даетъ завтракъ—Брянской принимаетъ гостей. Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра,—С. все проигрываетъ, гнетъ Величкина на карту,—Отчаяніе его.

С. и В.

В. игралъ? Игралъ—Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? добро либералы—да ты то что... За чемъ не въ свѣтѣ—тамъ вся молодежь. С. Вы всѣ бранчивы—скучно—То ли дѣло ночь играть—В. Скоро ли отстанешь? С. никогда—сестрица милая,—уѣзжай—у меня будетъ завтракъ. В. Игра?... С. Нѣтъ—В. Прощай.

С. и В.

С. Карты... Величкинъ. Проиграетесь.—С. Полно врать—я поспѣю.—В. и Бр.—Бр. и Вальб. Бр. и Рамазановъ узнаютъ, уговариваются.

Вал. Что за шумъ, Величкинъ—играютъ *Вал.* Поди за Брянскимъ. И Бр. такой же.—*Бр.* и *Вальберхова*. Я пополамъ—ему урокъ Онъ проигрывается... *С.* въ отчаяніи. *Бр. Вел.* уговариваетъ,—тотъ его ставитъ на карту,— проигрываетъ. *Вел.* плачетъ, *С.* тоже. *Бр.* и *Рам.* Конецъ.—

Бр. Рам. С. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

—Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался;—пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

Я шелъ къ тебѣ, сестра—благо, даже въ одномъ домѣ...—Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ—Занятъ былъ.—Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки.—Я даю завтракъ.—Богъ знаетъ, какое общество. Зачемъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ, и проч.

Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались—
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались—
Откуда и куда?—Я шелъ къ тебѣ, сестра—
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.—Пора.—
Ей Богу занятъ былъ... дѣлами, службой—
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой... и радъ бы
Съ тобою посидѣть, но, видишь ли, бѣда,

Всегда разъѣдемся,—я дома, ты въ каретѣ;
Никакъ ни съѣдемся...
—Но мы могли бы въ свѣтѣ—
Видаться каждый день—
—Конечно!—я бы могъ—
Пуститься въ (свѣтъ?). Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ—
По щастью модный кругъ теперь (совсѣмъ) не въ модѣ;
(Ты знаешь, мы живемъ . . . . . на свободѣ—
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ нашихъ дамъ,
И (васъ) оставили на жертву (старикамъ)
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка—
А впрочемъ, не найдешь живаго человѣка—
Въ отборномъ обществѣ.
—Хвалиться есть ли чемъ
Что тутъ хорошаго! Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые пустясь въ 15 лѣтъ (на волю)
Привыкли . . . . . лишь къ пороху, да къ полю:
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ—
Но ты который съ годъ (учиться) пересталъ,
Который не знавалъ походной пыли съ роду
За чемъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?
—Въ кругу своемъ они—
О дѣльномъ говорятъ—читаютъ Жомини—
—Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ да трубкою плѣнился
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ—
Гдѣ (вѣчно) не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

---

313. ВСЕ ЖАЛОБЫ, УПРЕКИ, СЛЕЗЫ.

(Отрывокъ изъ другой комедіи).

Все жалобы, упреки, слезы—мочи нѣтъ;
Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостóмъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ, будто бы, невиннаго гулянья.
Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
А, здравствуйте, maman! «Куда же ты? постой.
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить»—Я зналъ—«Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье»...
—А въ чемъ же?—«Да во всемъ; во-первыхъ, ты жены
Не видишь никогда—точь-въ-точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...»

314—318. ОТРЫВКИ «АДСКОЙ» ПОЭМЫ.

1.

(Въ Геннѣ праздникъ. Въ тмѣ кромѣшной
Есть отдаленный уголокъ)
Гдѣ слезъ льется
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
(Гдѣ свищутъ адскіе бичи)
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ (грѣшника) внимая стонъ
Ужасный Сатана хохочетъ.

2.

Что козырь?—Черви—мнѣ ходить.
Я бью—нельзя-ли погодить.
Беру—кругомъ насъ обыграла,
Ей, смерть, ты право сплутовала
Ужъ (полно) нѣтъ-ли тутъ.
Молчи, ты глупъ и молоденекъ
Ужъ не тебѣ меня ловить
Вѣдь мы играемъ не [для] денегъ,
Лишь только бъ вѣчность проводить.

3.

«Кто тамъ?»—Здорово, господа
Зачемъ пожаловалъ сюда?—
Привелъ я гостя. «Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Ф[рикенъ] нашъ пріятель!—
Живой!—Онъ живъ да нашъ давно—
Сегодня ль, завтра ль—все равно!
— Объ этомъ думаютъ двояко;
Обычай требовалъ, однако,
Соизволенья моего...
Но, впрочемъ, это—ничего.
Вы знаете, всегда другу
Я рада оказать услугу.
Я дамой крою; бью тузомъ,
Позвольте, козырь—ну, пойдемъ

4.

Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье
Какой порядокъ и молчанье
Какой огромный сводовъ рядъ—
Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?
Все тихо...—Тамъ, гораздо далѣ.
Гдѣ мы теперь—въ парадной залѣ.

5.

«Сегодня балъ у Сатаны...
На именины всѣ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсенка
На кухню тащатъ поросенка...
А этотъ бѣсъ—какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

Изъ Кишиневскихъ силуэтовъ Пушкинской тетради № 2365.
Воспроизводится впервые.

ИЗЪ «АДСКИХЪ» РИСУНКОВЪ КИШИНЕВСКОЙ ТЕТРАДИ № 265.

Листъ 50 (оборотъ); воспроизводится впервые. Чтобы разсмотрѣть нижніе рисунки, надо повернуть книгу бокомъ

Изъ «Адскихъ» рисунковъ Пушкина въ Кишиневской тетради № 2365 (листъ 49, оборотъ). Воспроизводится впервые.

«Адскіе», какъ ихъ можно обозначить, рисунки Пушкина представляютъ собою существенное дополненіе къ тѣмъ отрывкамъ изъ «адской» поэмы, которые помѣщены на стр. 85. Въ творческомъ воображеніи Пушкина несомнѣнно бродило много отдѣльныхъ деталей будущей поэмы, часть которыхъ онъ набросалъ въ стихотворной формѣ, а часть только зарисовалъ. Такъ, верхнюю половину рисунка, помѣщеннаго на настоящей страницѣ, можно, конечно, считать иллюстраціей къ тэмѣ «Сегодня балъ у Сатаны». Но загадочная нижняя часть рисунка, затѣмъ почти всѣ рисунки на стр. 86 и нѣкоторые другіе рисунки тетради № 2365 изображаютъ совсѣмъ другіе моменты, а все вмѣстѣ указываетъ, что замыселъ былъ большой и сложный. Рядъ вѣдьмъ на рис. страницы 86-й можетъ быть указываетъ на намѣреніе изобразить Вальпургіеву ночь, шабашъ на Лысой горѣ; пригорюнившійся большой чертъ (стр. 86), можетъ быть страдаетъ отъ любви и т. д.

Довольно правдоподобно приводя въ связь «сатанинское» настроеніе «адской» поэмы и «Гавриліады», Анненковъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», стр. 174) такъ характеризуетъ «адскіе» рисунки Пушкина:

«Здѣсь является впервые тотъ циклъ художническихъ шалостей, которому французы даютъ названіе diableries—чертовщины. Этотъ родъ изображеній отличается у Пушкина, однакоже, совсѣмъ не шуткой: нѣкоторые эскизы обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячечное, свирѣпое состояніе фантазіи, что пріобрѣтаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщикомъ».

Съ этой характеристикой очень трудно согласиться. Въ «чертовщинѣ» Пушкина нѣтъ ничего мрачнаго или патологическаго; за ничтожными исключеніями, рисунки веселые и забавные, вольтеріански-фривольные.

Извлеченные нами рисунки принадлежатъ къ лучшимъ образчикамъ несомнѣннаго художническаго таланта Пушкина. Въ рисункахъ Пушкина совсѣмъ нѣтъ изящества, но экспрессивность—временами прямо первоклассная. Сколько движенія въ компаніи пляшущихъ чертей, во взмахѣ смычка чорта-скрипача, и самое поразительное—какими ничтожными средствами все это достигнуто! Простымъ росчеркомъ пера, безъ всякаго детализированія, однимъ уловленіемъ самой сущности поворотовъ, изгибовъ и т. п.

Въ этой силѣ и твердости рисунка сказалась общая черта творчества Пушкина: никакой запутанности, полная ясность и опредѣленность.

С. В.

319. ТЕКИТЕ МЕДЛЕННѢЙ ВЪ МОЕМЪ ВОСПОМИНАНЬИ.

Теките медленнѣй въ моемъ воспоминаньи
Въ безпечныхъ радостяхъ — въ живомъ очарованьи

---

320. НАПРАСНО РОЩУ ОГЛАШАЕТЪ.

Напрасно рощу оглашаетъ
Охотника веселый рогъ.

---

321. ОДНА ЧЕРТА РУКИ МОЕЙ.

Одна черта руки моей
И ты довольна, другъ мой нѣжный—

---

322. ДО МЕНЯ ДОХОДЯТЪ.

До меня доходятъ
И звуки струнъ
Печаль на душу мнѣ наводятъ.

---

323. МОЛВОЙ ПОКИНУТЫЙ ИЗГНАННИКЪ.

(Молвой покинутый изгнанникъ
Въ степяхъ Молдавіи забытъ).

---

324. НЕПРИМИРИМОЮ СУДЬБОЮ.

(Непримиримою) судьбою
Пѣвцы давно разлучены
. . . . . .
Ихъ лиры вѣтренной порою
Не славятъ счастья чередою
Умы тоской омрачены.—

---

325. МЛАДЫХЪ ПИРОВЪ УТИХЛИ СМѢХИ.

Младыхъ пировъ утихли смѣхи
Утихъ безумства вольный гласъ
Любовницы забыли насъ
И разлетелися утѣхи
Въ изгнаніи
Гдѣ
Я въ степи
Вообр
Горишь ли ты
Пи...
Гдѣ ты

---

326. ЧУГУНЪ КАГУЛЬСКІЙ, ТЫ СВЯЩЕНЪ.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для Рускаго, для друга славы,
Ты средь торжественныхъ знаменъ
Упалъ, горящій и кровавый,
Героевъ Сѣвера губя
Но

АЮ-ДАГЪ.

Съ очень рѣдкой литографіи (Брауна и Биати) 1820-хъ гг., изъ собранія П. А. Ефремова.

ПУШКИНЪ ВЪ КРЫМУ.

Правительство, переводя коллежскаго секретаря А. С. Пушкина, по службѣ, изъ Петербурга въ канцелярію генерала Инзова, хотѣло, конечно, наказать сочинителя «возмутительныхъ» стиховъ, «наводнившаго» ими всю Россію. Однако, этотъ переводъ скорѣе оказалъ Пушкину неожиданную услугу, такъ какъ вырвалъ его изъ мутнаго омута Петербургской жизни, далъ ему увидѣть новыя мѣстности и новую природу, оживилъ его фантазію, сблизилъ его съ благороднымъ семействомъ Раевскихъ. Лѣто, проведенное на Кавказѣ и въ Крыму, самъ Пушкинъ относитъ къ числу «счастливѣйшихъ» дней своей жизни.

Чтобы полно охарактеризовать жизнь Пушкина въ ту эпоху, необходимо разобрать его отношенія къ отдѣльнымъ членамъ семьи Раевскихъ, опредѣлить вліяніе на него Байрона, съ которымъ онъ тогда ближе ознакомился, выяснить, насколько отразились на его творчествѣ новыя впечатлѣнія. Такая задача осуществима только въ рядѣ очерковъ и до извѣстной степени выполнена подборомъ статей даннаго тома. Авторъ же настоящей замѣтки ограничиваетъ свою работу гораздо болѣе узкими рамками, желая только прослѣдить путешествіе Пушкина по Тавридѣ, установить, такъ сказать, его подробный «дорожникъ», «итинерарій».

На Кавказѣ, на минеральныхъ водахъ, Пушкинъ и Раевскіе (отецъ—генералъ, два сына—Николай и Александръ, и двѣ дочери—Софья и Марія) прожили немногимъ больше мѣсяца *). По окончаніи курса лѣченія рѣшено было всѣмъ, кромѣ Александра Раевскаго, ѣхать въ Крымъ, въ Юрзуфъ, гдѣ уже находились—жена гене-

*) Самъ Пушкинъ считаетъ (въ письмѣ къ брату 1820 г.) «два мѣсяца», но это невѣрно: изъ Екатеринослава онъ выѣхалъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая, а изъ Пятигорска—5 августа.

ГУРЗУФЪ (ЮРЗУФЪ) ВО ВРЕМЕНА ПУШКИНА.

Съ очень рѣдкой литографіи (Бигати въ Одессѣ) 1820-хъ г., изъ собранія П. А. Ефремова.

рала, Софья Алексѣевна, и двѣ его другихъ дочери, Екатерина и Елена. Пушкинъ долженъ былъ мечтать объ этомъ путешествіи съ восторгомъ; позднѣе онъ признавался, что въ тѣ дни ему

казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ...

Какъ уже знаютъ читатели изъ предыдущихъ статей, нѣкоторыя свѣдѣнія о переѣздѣ Раевскихъ отъ Пятигорска до Ѳеодосіи даютъ «Путевыя записки» Г. Геракова *), смѣшного, написаннаго стилемъ XVIII вѣка, дневника стараго литератора, гордившагося тѣмъ, что онъ зналъ Державина и что Денисъ Давыдовъ написалъ къ нему шесть стиховъ. Геракова тѣмъ лѣтомъ, сопровождая одного изъ своихъ учениковъ, совершалъ путешествіе «по многимъ россійскимъ губерніямъ» и случайно выѣхалъ изъ Пятигорска въ Крымъ одновременно съ Раевскими. Въ теченіе десяти дней онъ, какъ неотвязчивая тѣнь, бѣжитъ передъ ними, вездѣ на нѣсколько часовъ предупреждая пріѣздъ Пушкина.

2 августа Геракова еще видѣлъ Раевскихъ въ Пятигорскѣ. Подъ этимъ числомъ и занесена отмѣченная уже въ статьѣ г. Вейденбаума забавная запись въ дневникѣ Геракова: «Тутъ увидѣлъ я Пуш(ки)на, молодого, который готовъ съ похвальной стороны обратить на себя вниманіе общее; точно онъ можетъ при дарованіяхъ своихъ; я ему отъ души желаю всякаго блага; онъ слушалъ и колкую правду, но смиряся; и эта перемѣна дѣлаетъ ему честь.» Нѣсколькими строками далѣе опять упоминается имя Пушкина: «Часъ времени съ

*) «Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ». 1820. Статскаго Совѣтника Гавріила Геракова. Петроградъ 1828. «Продолженіе путевыхъ записокъ» etc. Петроградъ 1830 г. Гавр. Вас. Геракова (р. 1775, ум. 1838), кромѣ этой книги, выпустилъ еще рядъ патріотическихъ сочиненій: «Герои русскіе за 400 лѣтъ» (1801), «Чувство вѣрноподданнаго» (1807), «Твердость духа россіянъ» (1813) и др.

ПУШКИНЪ СЪ РАЕВСКИМИ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.
Картина Айвазовскаго.

Маринымъ *) и Пушкинымъ языкомъ почесали и разошлись».

Вѣроятно, Гераковъ произвелъ на Пушкина самое неблагопріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ нигдѣ далѣе въ своихъ «запискахъ» Гераковъ, который еще не разъ встрѣчался съ Раевскими, не упоминаетъ о другихъ бесѣдахъ съ Пушкинымъ. Можетъ быть, говоря о «колкой правдѣ», которую будто бы смиренно выслушивалъ Пушкинъ, Гераковъ разумѣлъ свои собственныя рѣчи. Пушкинъ, разумѣется, не обратилъ никакого вниманія на мелочныя нападки «старозавѣтнаго» литератора, надъ которымъ давно перестали даже смѣяться, и это-то пренебреженіе и показалось Геракову «смиреніемъ».

Гераковъ выѣхалъ изъ Пятигорска 5 августа, въ два часа дня. Судя по тому, что Раевскіе пріѣзжали на почтовыя станціи постояно послѣ него черезъ нѣсколько часовъ, надо предположить, что они выѣхали въ тотъ же день, къ вечеру. Маршрутъ Геракова былъ: Георгіевскъ, Ставрополь, Прочный-Окопъ, Темизбекъ, Кавказская крѣпость, Карантинный редутъ, Екатеринодаръ, Темрюкъ, Тамань. Вѣроятно, таковъ же былъ и путь Раевскихъ, по крайней мѣрѣ Гераковъ трижды видѣлъ ихъ по пути: 8-го въ Темизбекѣ, 9-го въ Кавказской крѣпости, 14-го въ Тамани. Дорога заняла восемь дней, такъ какъ Гераковъ былъ въ Тамани уже ночью 12-го.

Всѣ эти дни, отъ 5 до 12 августа, стояла жара, и путешественники страдали отъ зноя. О путевыхъ впечатлѣніяхъ Пушкина см. выше стр. 20.

Въ Тамань Раевскіе пріѣхали, кажется, на день позже Геракова, утромъ 13-го. «Тамань—самый скверный городишко изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи»,—писалъ нѣсколько лѣтъ спустя Лермонтовъ. Въ 1820 году это было жалкое селеніе, куча деревянныхъ лачугъ, съ 200 жителей, полунищихъ, полуразбойниковъ. Гераковъ остановился въ собственно-городѣ, а Раевскіе въ крѣпости Фанагоріи, у

*) Аполлонъ Маринъ, полковникъ, участникъ Бородинскаго боя, бывшій ученикъ Геракова, съ которымъ онъ случайно встрѣтился въ Пятигорскѣ.

ПУШКИНЪ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Картина Айвазовскаго.

ея коменданта, грека по происхожденію, Каламара.

Погода къ концу путешествія нѣсколько ухудшилась и сильный вѣтеръ не позволялъ пуститься въ море. Это заставило Раевскихъ, какъ и Геракова, прожить въ Тамани болѣе двухъ сутокъ. Подъ 14 августа у Геракова записано: «Генералъ Н. Н. Раевскій былъ у насъ». Потомъ, отдавая визитъ, Гераковъ со своимъ спутникомъ ѣздили на дрожкахъ къ Раевскимъ, въ крѣпость. «Пили чай, — записалъ Гераковъ, — съ его дочерьми и англичанкою, доброю Матень». Пушкинъ за этимъ чаемъ, какъ видно, не присутствовалъ.

Въ письмѣ Пушкина къ брату (1820 г.) о Тамани сказано всего нѣсколько словъ: «Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма». Дѣйствительно, изъ Тамани видны Керчь и Еникале.

15 августа явилась, наконецъ, возможность плыть черезъ проливъ. Гераковъ выѣхалъ въ 9 ч. утра на канонерской лодкѣ и добрался до Керчи только къ 5 часамъ, хотя обычно этотъ переѣздъ совершался тогда часа въ 2 съ половиною. «Раевскій послѣ насъ пріѣхалъ»,—записалъ Гераковъ, Слѣдовательно Раевскіе и Пушкинъ совершали переправу на другомъ суднѣ. «Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу на кораблѣ», выразился объ этой переправѣ Пушкинъ.

Восточный берегъ Крыма неинтересенъ: берега плоскіе, илистые, возвышенности въ глубинѣ страны незначительныя, растительность скудная. Пушкинъ признается брату (письмо 1820 г.), что, подъѣзжая къ Керчи, онъ думалъ такъ: «Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи». Прибывъ въ Керчь, онъ «тотчасъ» поспѣшилъ къ «Митридатовой гробницѣ», даже счелъ нужнымъ сорвать тамъ цвѣтокъ «для памяти»; потомъ не преминулъ, какъ туристъ, совершить паломничество на Золотой холмъ.

ПУШКИНЪ НА АЙ-ПЕТРИ.

Картина Айвазовскаго.

Но очень скоро ему пришлось убѣдиться, что «напрасно чувство возбуждалъ» онъ.

Въ двухъ письмахъ Пушкинъ говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ Керчи и въ обоихъ описываетъ свое разочарованіе. Въ письмѣ къ брату (1820 г.) онъ пишетъ: «На ближней горѣ, посереди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни,—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи».

Въ письмѣ къ Дельвигу (1824 г.), сравнивая свои впечатлѣнія съ впечатлѣніями А. Муравьева-Апостола, который тѣмъ же лѣтомъ 1820 г. тоже путешествовалъ по Крыму, Пушкинъ выражается еще опредѣленнѣе: «Я тотчасъ отправился на такъ называемую Митридатову гробницу (развалины какой-то башни), тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, кирпичи—и только».

Въ черновомъ наброскѣ этого письма *) Пушкинъ добавлялъ еще: «Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ!»

Впрочемъ, и Муравьевъ-Апостолъ, хотя Пушкинъ и поражается «различіемъ ихъ впечатлѣній», не очень восхищался Керчью и особенно остатками Митридатовыхъ временъ. «Здѣсь остались,—пишетъ онъ **),—развалины огромныхъ цоколей, можетъ быть, служившихъ портикомъ царскихъ чертоговъ. Одному изъ нихъ присваивается имя Креселъ Митридатовыхъ безо всякой другой причины, кромѣ той, что непремѣнно хотѣлось найти здѣсь какой-нибудь

*) Соч. Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Переписка подъ ред. В. Сантова. Спб. 1906.

**) А. Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе по Тавридѣ. Въ 1820 годѣ. Спб. 1823. Это—собраніе писемъ, въ общемъ загроможденныхъ quasi-научными изысканіями.

ПУШКИНЪ У СКАЛЪ АЮ-ДАГА

Картина Айвазовскаго.

памятникъ знаменитѣйшаго изъ царей Воспорскихъ».

Зато Гераковъ, конечно, былъ въ восхищеніи. «Мы всходили,—пишетъ онъ,—на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Митридатъ, Понтійскій Государь, сиживалъ. Я сѣлъ на сіи большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня, и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная, величественная картина!»

Позднѣе Пушкинъ не устоялъ, однако, передъ соблазномъ украсить свои стихи звучнымъ именемъ и въ «Путешествіе» Онѣгина вставилъ-таки Митридата:

Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ,
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ...

Болѣе, чѣмъ урочища съ историческими воспоминаніями, могла заинтересовать Пушкина современная жизнь Керчи. Керчь была въ то время уже довольно значительнымъ, торговымъ городомъ, съ населеніемъ въ 4000 человѣкъ. Большинство жителей были греки, и въ городѣ сохранялись старинные полугреческіе, полу-турецкіе обычаи. Цѣлый день можно было видѣть, какъ на пестрыхъ коврахъ, разостланныхъ передъ домиками, сидятъ, поджавъ ноги, ихъ владѣльцы, работаютъ, пьютъ кофе, бесѣдуютъ. Но, вѣроятно, эти впечатлѣнія были стерты въ памяти Пушкина болѣе яркими картинами уличной жизни Одессы и Кишинева.

ДОМЪ РИШЕЛЬЕ (ВПОСЛѢДСТВІИ ГУБОНИНА) ВЪ ГУРЗУФѢ, ГДѢ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.

Картина Г. П. Кондратенки. Воспроизводится впервые.

У Геракова находимъ только такую запись подъ 15 авг.: «Былъ у Н. Н. Раевскаго, который послѣ насъ пріѣхалъ; сынъ меньшой очень боленъ; жаль молодца».

Изъ Керчи Раевскіе поѣхали въ Ѳеодосію, или, какъ тогда называли этотъ городъ, въ Кефу,—вѣроятно, тоже моремъ, потому что въ распоряженіе ген. Раевскаго былъ предоставленъ военный бригъ. Ѳеодосія была тогда не многимъ больше Керчи и нисколько не привлекательнѣе ея по мѣстоположенію. Тѣ же невысокіе холмы за городомъ, то же плоское побережье и такая же скудная растительность вокругъ. Грязно-сѣрыя развалины генуэзскихъ башенъ посреди города не украшаютъ его нисколько. И Муравьевъ-Апостолъ, и Гераковъ согласно жалуются, что въ городѣ негдѣ было укрыться отъ лѣтняго крымскаго зноя. На берегу моря былъ уже разведенъ бульваръ, но молодыя деревья еще не давали тѣни.

Пушкинъ ни въ письмахъ, ни въ стихахъ не помянулъ самую Ѳеодосію ничѣмъ добрымъ. «Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу,—разсказываетъ онъ (письмо 1820 г.),—остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ,—и, подобно старику Виргилія, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещенной» *).

Гераковъ подробно описываетъ садъ Броневскаго. «Садъ его,—пишетъ онъ,—имъ разведенный, имѣетъ болѣе 10,000 фруктовыхъ деревьевъ... Въ саду много есть милаго, семо и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: то остатки колоннъ Паросскаго мрамора, то камни съ надписями, — памятникъ воздвигнутый племянницѣ его, храмики, горки и проч.». Въ этомъ приморскомъ саду, среди колоннъ, горокъ и храмиковъ, мы и въ правѣ представлять себѣ Пушкина въ Ѳеодосіи.

16-го августа Гераковъ, посѣтивъ Броневскаго, еще разъ упоминаетъ, что засталъ тамъ генерала Раевскаго «съ дочерьми и б о л ь н ы м ъ с ы н о м ъ». Но, повидимому, въ тотъ же день или на слѣдующее утро Раевскіе уже выѣхали изъ Ѳеодосіи.

*) Сем. Богд. Броневскій (ум. 1830 г.)—бывшій градоначальникъ Ѳеодосіи. Въ 1823 г. онъ издалъ «Новѣйшія историческія и географическія извѣстія о Кавказѣ».

До сихъ поръ путешествіе по Крыму мало радовало Пушкина. Керчь обманула его ожиданія; знойная, пыльная и скучная Ѳеодосія не могла вознаградить за то. Пушкинъ долженъ былъ возлагать новыя надежды на морской переѣздъ въ Юрзуфъ. Но берега отъ Ѳеодосіи до Алушты тоже малоинтересны, а къ Алуштѣ корабль подошелъ уже поздно ночью, въ темнотѣ. То, что самъ Пушкинъ разсказываетъ объ этомъ переѣздѣ, доказываетъ, какъ онъ былъ разочарованъ (письмо 1824 г.): «Передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ»—сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не л ю б о п ы т с т в о в а л ъ».

Въ другомъ письмѣ (1820 г.) Пушкинъ добавляетъ: «Ночью на кораблѣ написалъ я элегію». Это—стихи: «Погасло дневное свѣтило». Здѣсь еще нѣтъ ни малѣйшаго слѣда восторга передъ Крымомъ. Правда, элегія представляетъ собою подражаніе Байроновскому «Чайльдъ-Гарольду». Но все же нельзя однимъ этимъ объяснить полное отсутствіе мѣстнаго колорита. Великій мастеръ эпитетовъ не нашелъ ни одного живого, точнаго слова, чтобы изобразить именно берега Крыма. Пушкинъ говоритъ еще въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: «земли полуденной волшебныя края»—опредѣленіе, равно подходящее и къ Испаніи и къ Индіи. Вѣтрило, угрюмый «океанъ», воспоминанія прошлаго, жизни на Сѣверѣ,—вотъ что исключительно занимаетъ воображеніе Пушкина въ этой элегіи.

«Передъ свѣтомъ я заснулъ»,—разсказываетъ далѣе Пушкинъ (Письмо 1824 г.). Ему суждено было поразительное пробужденіе. «Корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Дагъ... И кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный».

Позднѣе, въ «Путешествіи» Онѣгина, Пушкинъ изобразилъ тѣ же впечатлѣнія въ стихахъ:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При блескѣ утренней Киприды,
Какъ васъ в п е р в о й увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ

ПУШКИНЪ ВЪ КРЫМУ.

Картина Айвазовскаго.

«ПЛАТАНЪ ПУШКИНА» ВЪ ГУРЗУФѢ, ПЕРЕДЪ ДОМОМЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною...

Пушкину, дѣйствительно, могло казаться, что онъ видитъ брега Тавриды «впервой»: они явились ему совершенно въ новомъ обликѣ. Только съ этой минуты начинается у Пушкина его любовь къ Крыму, которую сохранялъ онъ долго послѣ.

Юрзуфъ—одно изъ прекраснѣйшихъ и характернѣйшихъ мѣстъ на южномъ берегу Крыма. Гряда Крымскихъ горъ красивыми линіями замыкаетъ горизонтъ. Широкая прибрежная полоса тонетъ въ садахъ и лѣсахъ. Своеобразную красоту придаетъ мѣстности большая темная скала, глубоко вдающаяся въ море. Она нѣсколько напоминаетъ медвѣдя, уткнувшагося мордой въ воду, и потому татары называютъ ее Аю-Дагъ, Медвѣдь-гора. Берегъ моря—то песчаный, то изъ мелкихъ камешковъ, нѣжно шелестящихъ съ волнами при легкомъ прибоѣ.

Въ 1820 году Юрзуфъ принадлежалъ герцогу де-Ришелье, устроителю Одессы. У него былъ въ Юрзуфѣ свой «замокъ», причудливое, некрасивое и неудобное зданіе. По словамъ А. Муравьева-Апостола, «замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не должно строить заочно, а можетъ быть и то, что самый отмѣнно-хорошій человѣкъ можетъ имѣть отмѣнно-дурной вкусъ въ архитектурѣ. Въ этомъ «замкѣ» и поселились Раевскіе, но Некрасовъ (въ «Рус. Женщинахъ») ошибся, говоря: «поэтъ наверху пріютился»: Пушкинъ жилъ внизу юрзуфскаго дома.

«Въ Юрзуфѣ,—разсказываетъ Пушкинъ (письмо 1824 г.),—жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равноду-

шіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество».

Окрестности Юрзуфа: нагорные лѣса, въ которыхъ встрѣчаются развалины старинныхъ городовъ, живописная долина рѣки Сюнарпутяна, роскошный Никитскій садъ, уже славившійся и въ то время,—очень замѣчательны. Но, сколько можно судить, Пушкинъ почти не познакомился съ ними, и его выраженіе «я жилъ сиднемъ» надо понимать почти буквально. Разгоравшаяся любовь къ Раевской, работа надъ поэмой, изученіе Байрона—удерживали его отъ далекихъ прогулокъ. «Суди, былъ ли я счастливъ,—писалъ онъ брату (1820 г.),—свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; — счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море»...

Въ Юрзуфѣ писался «Кавказскій Плѣнникъ» и было набросано нѣсколько стихотвореній; Юрзуфомъ навѣяны написанныя позже «Нереида» и «Рѣдетъ облаковъ летучая гряда». Когда Пушкинъ пытался описать Крымъ, въ его цѣломъ, ему прежде всего вспоминались картины Юрзуфа; таковы лучшія строфы стихотворенія «Желанія»:

Я помню горъ прибрежныя стремнины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины...
. . . . . .
Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада...

Наконецъ, прямо о Юрзуфѣ говоритъ Пушкинъ въ заключительныхъ стихахъ «Бахчисарайскаго Фонтана», гдѣ онъ вспоминаетъ, какъ

Зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Въ Юрзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли. Тѣмъ временемъ наступилъ срокъ возвратиться ему къ Инзову на мѣсто службы. Вѣроятно, около 6 сентября *) Пушкинъ и генералъ Раевскій, вдвоемъ, выѣхали изъ Юрзуфа, направляясь въ Бахчисарай, окольнымъ путемъ, мимо Ялты и Алупки (моремъ?), черезъ Кикенеисъ, т.-е. черезъ самыя замѣчательныя мѣстности южнаго берега. Семейство Раевскихъ направилось въ Бахчисарай болѣе прямымъ путемъ.

Изъ Кикенеиса Пушкинъ и Раевскій поднялись на Яйлу по тому переходу который у татаръ носитъ названіе «Шайтанъ-мердвенъ», «Чортова лѣстница». Это — нешироката лѣстница, пробитая въ самомъ массивѣ скалъ, подымающаяся почти вертикально, ступенями громадной величины «Страшный переходъ по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти, — увѣряетъ Пушкинъ (письмо 1824 г.).—По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ».

По Яйлѣ путешественники проѣхали въ Георгіевскій монастырь; это было уже совершенно крюкомъ въ сторону. Но Георгіевскій монастырь посмотрѣть стоило. Даже въ дубоватомъ описаніи Геракова чувствуется красота этой мѣстности. «Проѣхавъ семь верстъ,—пишетъ онъ,—съ горы на гору,

*) Хронологія второй половины путешествія Пушкина по Крыму довольно запутана. Для выясненія ея у насъ имѣются слѣдующія данныя. Гераковъ видѣлъ Раевскихъ въ Ѳеодосіи 16 августа. Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Юрзуфѣ «три недѣли». 8 сентября Гераковъ повстрѣчалъ Раевскаго уже въ Симферополѣ. Между 16 августа и 8 сентябремъ (23 дня) и должны лежать тѣ три недѣли, которыя Пушкинъ провелъ въ Юрзуфѣ. Доказательствомъ, что Пушкинъ былъ въ Юрзуфѣ уже въ августѣ, служитъ помѣта въ черновой тетради «Кавказскаго Плѣнника»: «Юрзуфъ.... Августа»; на той же страницѣ тетради карандашомъ написано: «Владиміръ. 1820. А(в)густа 24.» (Соч. Изд. Акад. Наукъ. II, стр. 382). Съ другой стороны у насъ есть стихотвореніе Пушкина, помѣченное: «1820. Юрзуфъ, 20 сентября» (Соч. Изд. Акад. Наукъ. II, стр. 332)—дата, которую невозможно согласовать съ другими. 24 сентября уже помѣчено письмо Пушкина къ брату изъ Кишинева. Въ четыре дня нельзя было совершить путешествія изъ Юрзуфа, черезъ Кикенеисъ и Бахчисарай, въ Кишиневъ. Приходится или дать другое объясненіе датѣ «20 сентября, Юрзуфъ», или причислить ее къ немалочисленнымъ описямъ Пушкина.

«СКАЛА ПУШКИНА» ВЪ ГУРЗУФѢ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

остановились у небольшого портика, со вкусомъ выстроеннаго, вошли въ оный—и мы въ Георгіевскомъ монастырѣ, и вдругъ глазамъ нашимъ явилось Черное море, крутые, дикіе берега, нависшія огромные скалы, высунувшіеся въ шумную влагу граниты, въ величественномъ и мрачномъ видѣ». Монастырь расположенъ на уступѣ горы, съ которой ведетъ къ морю очень крутой спускъ. Въ 1820 г. въ монастырѣ было съ архіепископомъ всего десять монаховъ, ютившихся въ небольшихъ келійкахъ, «надъ коими,—разсказываетъ Муравьевъ-Апостолъ,—видны опустѣвшія, осыпающіяся пещеры, въ коихъ прежніе отшельники обитали».

«Монастырь и его крутая лѣстница къ морю,—говоритъ Пушкинъ (письмо 1824 г.),—оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны». Пушкинъ написалъ даже стихи къ этимъ развалинамъ, начинающіеся вопросомъ:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ...

Холодныя сомнѣнія, однако, были вполнѣ умѣстны и, напр., Муравьевъ-Апостолъ въ своихъ письмахъ рѣшительно отвергаетъ, чтобы здѣсь именно былъ «грозный» храмъ Артемидѣ.

Изъ Георгіевскаго монастыря Пушкинъ и Раевскій поѣхали въ Бахчисарай, гдѣ уже дожидалось ихъ семейство Раевскихъ. Пушкинъ увидѣлъ «берега веселые Салгира», единственной значительной въ Крыму рѣки, о которыхъ потомъ вспоминалъ не разъ въ стихахъ **).

Надо думать, что Пушкинъ, пріѣхавшій

**) Описывая Салгиръ, Гераковъ, вѣроятно, прямо намекаетъ на Пушкина, говоря, что эта рѣка, «прославленная плаксивыми путешествен-

«ГРОТЪ ПУШКИНА» ВЪ ГУРЗУФѢ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

въ Бахчисарай полубольнымъ, остался тамъ съ семействомъ Раевскаго, тогда какъ генералъ Раевскій проѣхалъ дальше, въ Симферополь. По крайней мѣрѣ Гераковъ, опять появляющійся въ эти дни вблизи отъ Пушкина, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько встрѣчъ съ Н. Н. Раевскимъ въ Симферополѣ, 8, 9 и 17 сентября. Впрочемъ, между Бахчисараемъ и Симферополемъ всего четыре часа ѣзды.

Пушкинъ увѣряетъ въ письмахъ, что Бахчисарай не произвелъ на него особаго впечатлѣнія, объясняя это тѣмъ, что его тогда мучила лихорадка. «Вошедъ во дворецъ, — разсказываетъ Пушкинъ (Письмо 1824 г.),—увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ истлѣваетъ... NN (Раевскій) почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема».

Совсѣмъ иначе, однако, изобразилъ Пушкинъ свое посѣщеніе въ стих. «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» (1820). Позднѣе, въ «Путешествіи» Онѣгина, Пушкинъ тоже разсказалъ о своемъ посѣщеніи Бахчисарая въ другомъ тонѣ:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая,
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ,
Навелъ твой безконечный шумъ *),
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ?

никами, романтическими писателями», на самомъ дѣлѣ «менѣе ручья, ибо и утки ходятъ поперекъ онаго». Надо, однако, замѣтить, что Салгиръ, какъ всѣ горныя рѣчки, послѣ дождей совершенно мѣняется и тогда, даже въ верховьяхъ, представляетъ стремительный и бурный потокъ.

*) А въ письмѣ: «по каплямъ падала вода»...

ЛЮБИМЫЙ КИПАРИСЪ ПУШКИНА ВЪ ГУРЗУФѢ.
Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

Если вѣрить дневнику Геракова, Пушкинъ прожилъ въ Бахчисараѣ до 20 сентября. Подъ 19 сентября у Геракова записано: «Въ осьмомъ часу вечера, бывъ приглашенъ, пилъ чай у Раевской; тутъ были всѣ четыре дочери ея; одной только я прежде не видалъ, Елены; могу сказать, что мало столь прекрасныхъ лицъ». 20 сентября, уѣзжая изъ Бахчисарая, Гераковъ прощался съ Раевскими. Можетъ быть, въ тотъ же день уѣхали и Раевскіе. Пушкинъ ихъ проводилъ до Перекопа, а оттуда направился къ Инзову, въ Кишиневъ, гдѣ уже и былъ 24 сентября.

Все путешествіе Пушкина по Крыму заняло немногимъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Изъ этого времени самъ Пушкинъ считаетъ «счастливѣйшими» днями только три недѣли, проведенныя въ Юрзуфѣ; остальные дни онъ или скучалъ, или былъ равнодушенъ, или страдалъ отъ лихорадки. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Крымъ сталъ отодвигаться для Пушкина въ прошлое, онъ началъ пріобрѣтать все больше и больше очарованія. Пушкинъ, котораго въ Бахчисараѣ пришлось «почти насильно» вести осматривать гаремъ, Пушкинъ, который «не любопытствовалъ» взглянуть на Чатырдагъ, позднѣе испытывалъ по Крымѣ настоящую «тоску по родинѣ».

Уже послѣ перевала на Яйлу у Пушкина «сердце сжалось», и онъ «началъ тосковать о миломъ полуднѣ», «хотя все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы». А тотчасъ по пріѣздѣ въ Кишиневъ онъ уже писалъ брату (письмо 1820 г.): «Другъ мой, любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ».

Въ стихотвореніи «Желаніе» (1821 г.) есть восклицанія:

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты,

На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?

Тѣ же выраженія повторены въ заключеніи «Бахчисарайскаго Фонтана» (1822 г.):

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро ль васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ!

Въ письмѣ къ Дельвигу(1824 г.), Пушкинъ опредѣленно ставитъ вопросъ: «Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?»

Наконецъ, въ послѣдней пѣснѣ «Онѣгина», которая писалась уже въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ, какъ о чемъ-то дорогомъ и любимомъ, вспоминаетъ, какъ онъ вдвоемъ «съ ласковой Музой» бродилъ по крымскимъ берегамъ.

Какъ часто по брегамъ Тавриды,
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ!

Валерій Брюсовъ.

ПУШКИНЪ ВЪ КРЫМУ.

Автопортретъ, рисованный Пушкинымъ во время его пребыванія въ Крыму (Румянцевскій музей).

ПУШКИНЪ и РАЕВСКІЕ.

Въ полномъ отчаяніи, подъ гнетомъ тяжелаго прошлаго и неизвѣстнаго будущаго, уѣзжалъ Пушкинъ въ изгнанье на югъ. Какъ уже знаютъ читатели изъ предыдущихъ статей, тамъ ждала его встрѣча, принесшая ему «счастливѣйшія минуты въ жизни» [1])—и не менѣе важныя. То была встрѣча съ семействомъ героя 12-го года генерала Раевскаго.

Пушкина знали Раевскіе еще по Царскому Селу и Петербургу, гдѣ въ обществѣ военной молодежи сблизился съ нимъ младшій сынъ генерала, лейбъ-гусаръ Николай Николаевичъ-младшій и даже успѣлъ оказать ему какія-то «незабвенныя услуги» [2]). Знали Раевскіе и объ отъѣздѣ Пушкина въ Екатеринославъ въ началѣ мая 1820 г., такъ какъ даже собирались передать черезъ него въ Кіевъ письмо старшему изъ двухъ сыновей старика Раевскаго, Александру, но «мама забыла послать его съ Пушкинымъ», пишетъ 7-го мая 1820 г. Александру Николаевичу сестра [3]). Неудивительно поэтому, что когда въ томъ же маѣ Раевскіе проѣздомъ оказались въ Екатеринославѣ, Николай Николаевичъ, едва вышелъ изъ коляски въ 10 часовъ вечера, тотчасъ же пустился въ поиски за Пушкинымъ [4]). На слѣдующій день Пушкинъ уже былъ на пути къ Кавказскимъ водамъ [5]).

Изъ Раевскихъ пока были на лицо старикъ генералъ, его сынъ Николай и двѣ младшихъ дочери, Марія, 14-15 лѣтъ, и малолѣтняя Софія. «Я помню, какъ во время этого путешествія», позднѣе вспоминала первая изъ нихъ: «недалеко отъ Таганрога я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкою. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала для забавы бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ, у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость:

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами»! [1])

Изъ Кавказской природы Муза Пушкина
...для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племенъ, возросшихъ на войнѣ...
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ и ржанье табуновъ [2])...

Впрочемъ, дальше Минеральныхъ водъ въ глубь Кавказа Пушкинъ на этотъ разъ не ѣздилъ.

О пребываніи въ Крыму см. выше В. Я. Брюсова.

Общество Раевскихъ въ Юрзуфѣ увеличилось женой генерала, Софьей Але-

1) Письмо къ брату 1820 г. 24 сентября.
2) Ibid. Слѣдъ этого знакомства и дружбы въ стих. запискѣ П-а къ Жуковскому 1819 г. (т. I, стр. 529).
3) Гершензонъ. Семья декабристовъ, Былое 1906, X, Дата показываетъ, что къ 7-му П—нъ уже выѣхалъ изъ Петербурга.
4) Какъ это отвѣчаетъ характеристикѣ, данной Н. Раевскому отцомъ: «Николай будетъ, можетъ быть, легкомысленъ, надѣлаетъ много глупостей и ошибокъ, но онъ способенъ на порывъ, на дружбу, на жертву, на великодушіе». Гершензонъ XI, 163.
5) Письмо 1820 г. 24 сен.; Гершензонъ X.

1) Онѣгинъ, I, строфа XXXIII. Записки кн. М. Н. Волконской, 22.
2) Эпилогъ Кавказскаго Плѣнника.

Гравюра Кардели (1812). Внизу изображенъ эпизодъ изъ Отечественной войны, воспѣтый Жуковскимъ въ его «Пѣвцѣ во станѣ Русскихъ Воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
„Отважные сыны"—Александръ и Николай Николаевичи.

КАМЕНКА.

Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1853 г.

ксѣевной, и двумя ихъ дочерьми, Екатериной, старшей изъ всѣхъ сестеръ, и 16-тилѣтней Еленой. Александръ Раевскій еще оставался на Кавказѣ. Въ домѣ оказалась старинная библіотека; Пушкинъ нашелъ въ ней сочиненія Вольтера и принялся ихъ перечитывать. Но нѣкогда «единственный старикъ» теперь долженъ былъ раздѣлять свою славу съ новымъ кумиромъ—Байрономъ. Сохранилась легенда, что произведенія Байрона были книгой, по которой Пушкинъ учился англійскому языку подъ руководствомъ Екатерины Николаевны Раевской [1]); послѣдняя рѣшительно опровергала это, такъ какъ ей въ то время было 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію; по замѣчанію Екатерины Н., все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью ея брата Николая читалъ Байрона, и когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали къ ней за справкой [1]). Съ тою же Ек. Н. Пушкинъ часто спорилъ и разговаривалъ о литературѣ. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Н. Раевская, хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну; онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны [2]).

1) Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. В. Евр. 1874 г. № 1, стр. 8.

1) Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, 1899 г., стр. 52—53.

2) Бартеневъ. Пушкинъ въ южной Россіи, Р. Архивъ 1866 г., стр. 1115.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣткому замѣчанію М. Н. Раевской-Волконской, Пушкинъ «въ качествѣ поэта считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ»; однако, его сердечныя увлеченія этого времени представляются не вполнѣ ясными. Въ гурзуфскомъ стихотвореніи 1820 г.: «Увы, зачѣмъ она блистаетъ» трогательный образъ дорогой поэту дѣвушки съ «тихой, ясною душою» и «нѣжной красотою» увяданья «во цвѣтѣ юности живой» напоминаетъ Елену Н. Раевскую, высокую, стройную, съ прекрасными голубыми глазами, но очень болѣзненную, возбуждавшую постоянныя опасенія насчетъ ея здоровья. Можно бы думать поэтому, что слѣдующія, близкія по времени стихотворенія: «Тамъ на брегу», «О дѣва-роза», «Нереида», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», навѣяны также Еленой Н. Но подходитъ ли къ скромной, застѣнчивой Еленѣ Н. сравненіе съ «розой гордой» и не примѣнимо ли оно скорѣе къ Екатеринѣ Н. Раевской, «женщинѣ необыкновенной», по отзыву Пушкина, которую въ Кишиневѣ шутя называли «Марѳой-посадницей»? Съ другой стороны, изъ переписки Пушкина съ Бестужевымъ по поводу элегіи «Погасло дневное свѣтило» видно, что героиня послѣдней и «молодая женщина», разсказъ которой Пушкинъ «суевѣрно перекладывалъ въ стихи» въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», одно и то же лицо, обозначенное въ письмѣ къ Дельвигу (1824, дек.) иниціаломъ К**. Кто скрытъ подъ этимъ К**? Трудно допустить, чтобы Пушкинъ въ частномъ письмѣ къ другу умышленно выбралъ иниціалъ, не соотвѣтствующій имени своей героини: проще было бы вовсе не упоминать о немъ; если же такъ, то наиболѣе подходящимъ лицомъ для иниціала К** будетъ Катерина Николаевна (Китти, Катя) Раевская.

Кто бы ни была эта таинственная К**, ея образъ долго царилъ въ душѣ поэта,—

АЛЕКСАНДРЪ РАЕВСКІЙ въ 1813 г.
Изъ альбома Е. Н. Раевской-Орловой. Позднѣйшій портретъ см. при «Демонѣ».

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную
Всѣ думы сердца къ ней летятъ.
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

пишетъ онъ въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» и не рѣшается печатать этой поэмы, «потому что многія мѣста ея относятся къ одной женщинѣ, въ которую», признается поэтъ (письмо брату 25 авг. 1823 г.), «я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ... Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!» Пушкинъ словно смущенъ тѣмъ, что могъ влюбиться такъ «глупо», т.-е. не похоже на его обычныя увлеченія («роль Петрарки мнѣ не по нутру», замѣчаетъ онъ), и, однако, какъ сильно въ немъ это чувство даже нѣсколько лѣтъ спустя! Когда Бестужевъ напечаталъ элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» съ тремя заключительными стихами, очевидно, представлявшими тогдаслишкомъ ясныя указанія на предметъ любви поэта, Пушкинъ дважды упрекаетъ Бестужева: «Ты напечаталъ именно тѣ стихи, о которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно»[1]).—«Богъ тебя проститъ, ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще кстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу[2]).—Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдую объ ней съ однимъ

1) Письмо 1824 г. 12 января.

2) Рѣчь идетъ о другомъ письмѣ къ Бестужеву, отъ 18 февраля 1824 г., съ упоминаніемъ о томъ, что въ «Бах. Ф.». Пушкинъ «суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve».

изъ П. Б. моихъ пріятелей?... Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики... Голова у меня закружилась...» [1]).

Наступила, однако, пора генералу Раевскому возвращаться на службу въ Кіевъ, гдѣ была главная квартира 4 корпуса второй арміи, которымъ онъ тогда командовалъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ; семейство его на время осталось въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ [2]). Они переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій Пушкина, была береза, сѣверная береза! Сердце его сжалось; онъ началъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ и еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Сильное впечатлѣніе произвелъ на него Георгіевскій монастырь съ крутою лѣстницей къ морю и развалины храма Діаны, навѣявшія поэту посланіе Чаадаеву 1820 г. съ «морского берега Тавриды». Въ Бахчисараѣ онъ осматривалъ ханскій дворецъ и «странный памятникъ влюбленнаго хана»—знаменитый «фонтанъ слезъ», о которомъ онъ еще «прежде слыхалъ» со словъ К*** [3]).

Въ серединѣ сентября Пушкинъ простился съ Крымомъ. Затѣмъ, по воспоминаніямъ М. Н. Раевской-Волконской, онъ проводилъ Раевскихъ до Каменки (Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ.), гдѣ жила мать старика Раевскаго, во второмъ бракѣ Давыдова, а оттуда явился къ Инзову въ Кишиневъ. Екатерина Н. Раевская отрицала это; по ея словамъ, Пушкинъ послѣ посѣщенія Бахчисарая доѣхалъ съ ними только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа [1]), и, кажется, должно отдать предпочтеніе указанію Ек. Н. По крайней мѣрѣ, ни въ письмахъ Пушкина, а онъ часто касался своего путешествія съ Раевскими, ни въ стихотвореніяхъ его нѣтъ никакихъ даже намековъ на пребываніе въ Каменкѣ или возлѣ нея непосредственно послѣ Крыма.

НИК. НИКОЛ. РАЕВСКІЙ-МЛАДШІЙ
въ гусарскомъ мундирѣ.
Другой портретъ его см. выше, стр. 41.

24-го сентября 1820 г. Пушкинъ уже въ Кишиневѣ и въ длинномъ письмѣ брату съ увлеченіемъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки: «Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскихъ». Надежда эта скоро сбылась. Между 14-го и 24 ноября того же года пріѣхалъ Пушкинъ въ Каменку [2]), повидимому, къ именинамъ Да-

1) 1824 г. 29 іюня.
2) Бартеневъ, 1120.
3) Письмо Дельвигу 1824, XII.

1) Бартеневъ, 1121; Гротъ, 53.
2) Кишиневомъ, 14-го ноября, помѣчена «Черная шаль»; передъ 24-мъ застаетъ въ Каменкѣ П-а Якушкинъ; 25 го Инзовъ на одномъ дѣлѣ ставитъ помѣтку: Увѣдомить по пріѣздѣ г. Пушкина. (Дѣло о Пушкинѣ, Одесса, 1899 г.).

выдовой, на которыя обыкновенно съѣзжалось много гостей, и затѣмъ загостился до второй половины марта слѣдующаго года. Любопытна переписка, происшедшая по этому поводу между Инзовымъ и однимъ изъ радушныхъ хозяевъ Пушкина. «М. Г. Иванъ Никитичъ», обращается къ Инзову Александръ Львовичъ Давыдовъ, старшій изъ братьевъ: «по позволенію вашего превосходительства, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ доселѣ гоститъ у насъ, а съ генераломъ Орловымъ намѣренъ былъ возвратиться въ Кишиневъ; но, простудившись очень сильно, онъ до сихъ поръ не въ состояніи предпринять обратный путь. О чемъ долгомъ поставляю увѣдомить ваше превосходительство и при томъ увѣрить, что коль скоро Александръ Сергѣевичъ получитъ облегченіе въ своей болѣзни, не замедлитъ отправиться въ Кишиневъ». Отвѣтъ Инзова, 29 декабря—лучшая характеристика этого добродушнаго начальника Пушкина: «М. Г., Ал. Л. До сего времени я былъ въ опасеніи о г. Пушкинѣ, боясь, чтобы, онъ не взирая на жестокость большихъ морозовъ съ вѣтромъ и метелью, не отправился въ путь и гдѣ нибудь, при неудобствахъ степныхъ дорогъ, не получилъ несчастья. Но, получивъ почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15 сего мѣсяца, я спокоенъ и надѣюсь, что ваше превосходительство не позволите ему предпринять путь, поколѣ не получитъ укрѣпленія въ силахъ». Жестокіе морозы, впрочемъ, ничуть не помѣшали Пушкину прервать свое пребываніе въ Каменкѣ поѣздкой въ Кіевъ, гдѣ 8 февраля имъ написано стихотвореніе «Земля и море».

СОФЬЯ АЛЕКСѢЕВНА РАЕВСКАЯ.

Жена генерала Н. Н. Раевскаго.

Барская усадьба въ Каменкѣ расположена на возвышенномъ берегу р. Тясмина, среди обширнаго сада, спускающагося къ рѣкѣ, и раздѣлена дорогой на двѣ части; въ правой, если смотрѣть съ рѣки, былъ «большой» домъ, нынѣ не сохранившійся, въ лѣвой флигель, для младшихъ членовъ семьи, и нѣсколько пониже, «маленькій сѣренькій домикъ» съ колонками—т. н. билліардная, гдѣ внутри посрединѣ стоялъ билліардъ, а у стѣнъ книги. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ усадьбы берега Тясмина сближаются и образуютъ нависшіе надъ рѣкою скалистые утесы, отъ которыхъ и самое мѣстечко получило свое названіе; особенно красивы утесы съ рѣки. Здѣсь, по преданію, любилъ отдыхать П.И. Чайковскій подъ тихій рокотъ и плескъ струй Тясмина, и это же мѣсто, быть можетъ, отразилось въ поэтической картинѣ элегіи: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», написанной въ Каменкѣ:

...Лучъ осеребрилъ увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины....

Въ общемъ, однако, не замѣтно, чтобы Пушкинъ увлекался природой Каменки и Кіева: онъ весь еще подъ обаяніемъ роскошнаго юга. Иное впечатлѣніе произвело на него общество Каменки. «Теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ

4 мъ дек дат. письмо П на изъ Каменки Гнѣдичу; 15-мъ и 29 дек. помѣчена приводимая ниже переписка А. Л. Давыдова и Инзова 8-мъ февр. 1821 г.—въ Кіевѣ нап. Земля и море; 20 февр. въ Каменкѣ окончаніе Кавказскаго Плѣнника; 22-мъ февр. Я пережилъ свои желанья. 23 марта П-ъ пишетъ Дельвигу уже изъ Кишинева.

Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго», читаемъ мы въ письмѣ его Гнѣдичу 4 декабря 1820 г.: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ». Общество, дѣйствительно, было интересное. Кромѣ Раевскихъ, изъ хозяевъ здѣсь выдавался Василій Львовичъ Давыдовъ (портретъ его см. на стр. 61), отставной гусарскій полковникъ; онъ отличался прямотою и остроуміемъ, былъ «ревностнымъ членомъ тайнаго общества» и кончилъ дни свои въ Красноярскѣ [1]); среди гостей, безспорно, наиболѣе замѣтнымъ являлся «благороднѣйшій изъ людей», Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ [2]).

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ.

Младшая изъ дочерей Раевскаго.

Сынъ младшаго брата екатерининскихъ Орловыхъ, онъ воспитывался въ аристократическомъ пансіонѣ аббата Николя, юношей вступилъ въ Кавалергардскій полкъ, быстро выдвинулся въ Отечественную войну и уже въ 1812 г. состоялъ флигель-адъютантомъ; въ 1814 г. государь поручилъ ему заключить капитуляцію Парижа, затѣмъ послалъ его въ Данію для заключенія договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи и наконецъ, назначилъ ген.-маіоромъ своей свиты. У него было въ избыткѣ все, что нужно для успѣховъ въ свѣтѣ: молодость, знатность, богатство, расположеніе царя, открытый и смѣлый характеръ, прекрасная представительная наружность. Но онъ не пошелъ обычной карьерой царедворца. «Подобно всѣмъ людямъ съ живой и пылкой душой, но безъ устойчивыхъ идей, основанныхъ на прочныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе» [1]). Сближеніе его въ Нанси въ 1815 г. съ Н. И. Тургеневымъ возбудило его либеральныя стремленія, и по возвращеніи въ Россію онъ составилъ петицію къ государю объ уничтоженіи крѣпостного права, которую подписали, кромѣ него, многіе высшіе сановники; судьба этого адреса неизвѣстна. Выбранный въ члены общества «Арзамасъ», гдѣ онъ получилъ имя Рейна, Орловъ вмѣсто обычной шутливой надгробной рѣчи указывалъ, что недостойно мыслящихъ людей заниматься пустяками и литературными препирательствами, когда кругомъ такъ много нужнаго дѣла и умолялъ своихъ сочленовъ дать дѣятельности общества иное, болѣе патріотическое направленіе. Онъ предлагалъ съ этою цѣлью двѣ мѣры: 1) завести журналъ, «коего статьи новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи»; 2) предоставить каждому изъ живущихъ не въ столицѣ членовъ учредить на мѣстѣ его пребыванія филіальное общество подъ руководствомъ главнаго и, такимъ образомъ, покрыть всю Россію сѣтью отдѣленій. Особаго сочувствія среди арзамасцевъ этотъ планъ не встрѣтилъ, но мысль о журналѣ не заглохла, и сохранилась даже программа его, по кото-

[1]) Баронъ Розенъ, Записки декабриста, 1907 г. 158 стр.

[2]) Дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ приводятся по цит. ст. Гершензона.

[1]) Н. Тургеневъ.

рой первое мѣсто въ журналѣ отводилось политическому отдѣлу съ участіемъ Орлова, Н. И. Тургенева и Д. Сѣверина; цѣлью его ставилось «распространеніе идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее». Журналъ, однако, не былъ разрѣшенъ. Потерпѣвъ неудачу въ «Арзамасѣ», Орловъ задумалъ самостоятельно организовать общество «изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи», но также не имѣлъ успѣха. Затѣмъ, онъ снова вырабатываетъ записку на имя государя и собираетъ подъ нею подписи,— на этотъ разъ съ протестомъ по поводу дарованія конституціи Польшѣ и слуховъ объ отдѣленіи отъ Россіи Литвы, что не только задѣвало національное чувство русскихъ, но и разсматривалось, какъ актъ несправедливости по отношенію къ родинѣ, вынесшей на своихъ плечахъ всю тяжесть Наполеоновскихъ войнъ и оставленной въ прежнемъ положеніи, тогда какъ Польша получала свободу. О запискѣ заблаговременно узналъ императоръ и потребовалъ ее у Орлова; тотъ не представилъ ея и вскорѣ былъ удаленъ въ Кіевъ на должность начальника штаба при 4-мъ корпусѣ Раевскаго. Въ Кіевѣ Орловъ прожилъ два года, по 1820 г. Заставъ здѣсь учрежденную генераломъ Раевскимъ ланкастерскую школу на 40 кантонистовъ, онъ вскорѣ сдѣлалъ изъ нея блестящую образцовую школу съ 1800 учениковъ., куда присылались для обученія кантонисты изъ многихъ другихъ мѣстъ, и обученными здѣсь учителями были открыты такія же школы въ Москвѣ, Могилевѣ, Херсонѣ. Но еще болѣе популярнымъ сталъ Орловъ своею блестящею, полною энтузіазма рѣчью въ защиту широкаго, свободнаго просвѣщенія массъ, произнесенною въ августѣ 1819 г. въ кіевскомъ отдѣленіи Библейскаго общества, и письмами къ Д. Бутурлину съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостного права. Назначенный въ 1820 г. командиромъ 16 дивизіи въ Кишиневѣ, онъ по пути туда изъ Кіева, въ Тульчинѣ вступилъ въ Тайное Общество, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже былъ приглашенъ на московскій съѣздъ.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ,
въ замужествѣ Орлова.
Съ портрета, принадлежащаго теперь ея внучкѣ Е. Н. Орловой.

Ѣхать въ Москву Орловъ колебался и предложилъ Якушкину, черезъ котораго получилъ приглашеніе, погостить съ нимъ въ Каменкѣ, куда Орловъ собирался вмѣстѣ съ Охотниковымъ. Якушкинъ согласился, надѣясь за эту поѣздку убѣдить Орлова прибыть на съѣздъ, — и такъ собралось въ Каменкѣ то общество «умовъ оригинальныхъ», о которомъ писалъ Пушкинъ. Якушкинъ, между прочимъ, сохранилъ слѣдующій любопытный эпизодъ изъ этой встрѣчи, прекрасно характеризующій «демагогическіе споры» Каменки. «Всѣ вечера проводились на половинѣ у Василія Львовича, и вечернія бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все, происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевскаго насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу, или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полу-

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

Съ портрета, принадлежащаго теперь его внучкѣ Е. Н. Орловой.

шутливымъ и полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія, и т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: насколько было-бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую-бы могло принести Тайное Общество Россіи. Тутъ, испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло-бы быть хоть на сколько-нибудь полезно; Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если-бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились-бы?—Напротивъ, навѣрное бы присоеди-

«Рекрутъ Гименея» Орловъ въ строгомъ подчиненіи у своей «Марѳы Посадницы». Силуэты-каррикатуры въ альбомѣ Ек. Ник. Раевской-Орловой.

нился, отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись, кромѣ А. Л., рогоносца величаваго, который дремалъ, и Пушкина, который былъ очень взволнованъ; онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ-же получитъ свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка—онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезами на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собою, и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Въ 27-мъ году, когда онъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество; я не стоилъ этой чести».

Что касается «аристократическихъ обѣдовъ», то по этой части славился Александръ Львовичъ Давыдовъ. Онъ очень любилъ покушать и, по воспоминаніямъ М. де-Рибаса, самъ разсказывалъ, что, будучи въ 1815 году во Франціи, вмѣстѣ съ окупаціоннымъ корпусомъ, и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славились или приготовленіемъ какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ рѣдкихъ фруктъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ [1]). Для него-то, по преданію, въ

[1]) Яковлевъ. Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Одесса, 1887, 117 стр.

саду, возлѣ «большого» дома, былъ устроенъ гротъ, нынѣ слывущій подъ именемъ Пушкинскаго, чтобъ лѣтомъ онъ могъ тамъ предаваться своей страсти, безъ помѣхи со стороны жары, отъ которой онъ сильно страдалъ, благодаря своей толщинѣ. Это тотъ Давыдовъ, къ которому въ 1824 г. Пушкинъ обратился съ посланіемъ:

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хринъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды,
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.

Но и «аристократическіе обѣды» не обходились безъ «демагогическихъ споровъ», или по крайней мѣрѣ—тостовъ. Отъ начала апрѣля 1821 г. сохранилось извѣстное уже читателю стихотворное письмо Пушкина къ Василію Львовичу Давыдову, интересное для насъ упоминаніями о лицахъ, въ кругу которыхъ Пушкинъ незадолго передъ тѣмъ проводилъ время въ Каменкѣ:

Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ, съ бутылками Ай,
Сидятъ Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь,
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь,
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя.
. . . . . .
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ..
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ...

Подъ тѣми Пушкинъ подразумѣвалъ итальянскихъ карбонаріевъ, а подъ той—революціонную Францію, скованную реставраціей и даже воевавшую за укрѣпленіе династіи Бурбоновъ въ Испаніи.

О женскомъ обществѣ Каменки Пушкинъ упомянулъ вскользь, но вниманія ему удѣлялъ не меньше, чѣмъ «демагогическимъ спорамъ» и «аристократическимъ обѣдамъ»!

Поэтъ еще переживалъ то высокое чувство къ одной изъ Раевскихъ, которое развилось въ немъ за время путешествія съ ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекался и легкомысленной супругой Ал. Л. Давыдова, урожденной графиней де Грамонъ. А. Л. женился на ней въ Митавѣ, во время пребыванія въ этомъ городѣ Людовика XVIII. Аглая Давыдова «весьма хорошенькая, вѣтреная и кокетливая,какъ истая француженка, искала въ шумѣ развлеченій средство не умереть со скуки въ варварской Россіи». Описывая пребываніе Д. В. Давыдова въ Каменкѣ наканунѣ 12-го года, сынъ знаменитаго партизана говоритъ, что Аглая Антоновна была магнитомъ, привлекавшимъ къ себѣ желѣзныхъ дѣятелей славнаго Александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ Каменкѣ, но главное—умирало у ногъ прелестной Аглаи. Д. В. Д-овъ воспѣвалъ ее въ стихахъ. Екатерина Николаевна Давыдова не стѣсняла молодежи, такъ какъ соединяла въ себѣ какую-то величавость съ рѣдкимъ простодушіемъ, или, скорѣе, близорукостью относительно нравовъ [1]). Ко времени знакомства съ Пушкинымъ Аглаѣ Антоновнѣ было тридцать съ лишнимъ лѣтъ, но года мало вліяли на нее. Отношенія къ ней Пушкина не отличались поэтичностью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ ироническое посланіе«Аглаѣ» (№ 261) и, еще болѣе, эпиграмма на нее же. (№ 328) Отношенія эти отразились и на дочери Аглаи Антоновны, Адели, дѣвочки лѣтъ 12-ти. По разсказу Якушкина, Пушкинъ «вообразилъ себѣ (или, вѣрнѣе, напустилъ на себя видъ), что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и раскраснѣвшись смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала, что дѣлать, и готова была плакать. Мнѣ стало ее жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: «посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя».—«Я хочу наказать кокетку, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной

1) Р. Старина 1872, кн. 4-ая, стр. 632.

любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня». Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Можетъ быть, именно на основѣ такихъ отношеній возникло самое стихотвореніе «А д е л и,» не совсѣмъ подходящее для посвященія маленькой дѣвочкѣ, которой поэтъ совѣтуетъ «ловить часъ упоенья», «отдать младыя лѣта любви» и т. п.

Каменкой закончилось пребываніе Пушкина въ тѣсномъ кругу семьи Раевскихъ, но не прервались связи съ ними и ихъ вліяніе. 15-го мая 1820 года состоялась свадьба Орлова и Ек. Н. Раевской. Домъ молодыхъ супруговъ въ Кишиневѣ сталъ центромъ умственной жизни и политическаго вольнодумства [1]). Вигель такъ о немъ отзывался: «прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина... Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій, съ жаромъ витійствовали. Тутъ былъ и Липранди... На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій... съ чадолюбіемъ были воспріяты. Къ ихъ пылкому патріотизму, какъ полынь къ розѣ, сталъ прививаться тутъ западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками князь Александръ Ипсиланти... Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи».

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ДАВЫДОВА.

Пушкинъ бывалъ здѣсь часто, хотя въ началѣ своего знакомства съ Орловымъ такъ охарактеризовалъ его Чаадаеву: Le seul homme, que j'ai vu, qui est heureux à force de vanité [1]). «У насъ,—пишетъ Екат. Ник. брату Александру (конецъ 1821 г.)—безпрестанно идутъ шумные споры—философскіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у насъ немало оригиналовъ». «Пушкинъ,—пишетъ она въ другой разъ (12 ноября 1821 г.),—больше не корчитъ изъ себя жестокаго; онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно. Онъ только что кончилъ оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ». «Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его теперешній конекъ — вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера. Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предпріимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія. Я хотѣла-бы видѣть, какъ бы ты сцѣпился съ этими спорщиками» (23-го нобяря 1821 г.). 8-го декабря 1822 года. Екат. Ник. пишетъ брату: «Посылаю тебѣ

[1]) Объ Орловыхъ въ Кишиневѣ и отношеніи Пушкина къ нимъ см. цит. ст. М. О. Гершензона.

[1]) Бартеневъ, 1131.

письмо, кажется отъ Пушкина; его принесла г-жа Тихонова... Пушкинъ послалъ Николаю отрывокъ поэмы [1]), которую не думаетъ ни печатать, ни кончать. Это странный замыселъ, отзывающійся, какъ мнѣ кажется, чтеніемъ Байрона. Его дали Муравьевымъ, которые привезутъ его тебѣ». Къ Орловымъ пріѣзжали родные Ек. Н., и Пушкинъ вновь переживалъ счастливые часы жизни въ Каменкѣ, а съ переѣздомъ въ Одессу опять былъ вмѣстѣ съ А. Н. Раевскимъ.

Такова была жизнь Пушкина въ кругу Раевскихъ. Чтобъ оцѣнить все значеніе ея, нужно прежде всего вспомнить, въ какую годину она началась.

Когда я погибалъ, безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...

Эти слова посвященія «Кавказскаго плѣнника» Н. Н. Раевскому сыну могутъ быть смѣло отнесены ко всему его семейству, начиная съ отца, который какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми и привязывать ихъ къ себѣ. Подъ кровомъ дружбы и участія расцвѣла любовь, одна изъ самыхъ чистыхъ, возвышенныхъ въ жизни поэта; среди красотъ «полуденнаго края» и литературныхъ увлеченій Раевскихъ ему стали близки романическія грезы Шатобріана и Байрона; общество Каменки ввело его въ кипучую атмосферу, какъ нельзя болѣе подходящую для того Sturm-und-Drang-Periode, который на югѣ Россіи пришлось затѣмъ пережить Пушкину. Литературные и общественные взгляды Пушкина развивались въ непосредственномъ вліяніи Раевскихъ, и за многое мы должны быть благодарны имъ. Это была высокоодаренная и не менѣе образованная семья [1]). Они любили поэзію, за исключеніемъ А. Н. Раевскаго, и хорошо были знакомы съ иностранной литературой, читали Байрона и Вальтеръ-Скотта въ то время, когда ихъ, особенно перваго, почти не знали наши даже записные литераторы. Подъ руководствомъ Раевскихъ Пушкинъ занимается англійскимъ языкомъ и начинаетъ особенно увлекаться Байрономъ. На глазахъ у нихъ создается «Кавказскій плѣнникъ» и здѣсь же критикуется. «Николай и Александръ Раевскіе и я, мы много надъ нимъ посмѣялись», — замѣчаетъ поэтъ, вынужденный самъ признать характеръ своего героя неудачнымъ. Н. Н. Раевскій-сынъ довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы. Такъ, онъ читаетъ въ рукописи «Братьевъ-разбойниковъ» и отмѣчаетъ въ видѣ достоинства простоту слога этого произведенія, о которомъ и самъ Пушкинъ писалъ: «какъ сюжетъ, c'est un tour de force; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ». Съ нимъ же Пушкинъ дѣлится мыслями при созданіи «Бориса Годунова», и вотъ что, между прочимъ, отвѣчаетъ Н. Н.: «Спасибо за планъ твоей трагедіи. Что сказать тебѣ о немъ? У тебя нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, я желалъ бы, чтобы ты справлялся съ источни-

АЛЕКСАНДРЪ ЛЬВОВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

[1]) Имѣются въ виду «Братья-разбойники».

[1]) См. Л. Майкова, Пушкинъ, стр. 137 и сл.

«ПУШКИНСКІЙ ГРОТЪ» ВЪ КАМЕНКѢ.

Съ фотографіи, хранящейся въ библіотекѣ Кіевскаго Университета.

ками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологію прежде, чѣмъ приняться за «Валленштейна». Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, разумѣется, не совмѣстно... но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принятъ для первой. Хороша или дурна будетъ трагедія... ты довершишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, несмотря на прекрасные образцы ея въ «Цыганахъ» и въ «Разбойникахъ». Ты сведешь, наконецъ, поэзію съ ея ходуль».

Это письмо достаточно характеризуетъ взгляды Н. Н. Раевскаго и ясно показываетъ, въ какомъ направленіи могъ онъ вліять на Пушкина. Простота, естественность, отсутствіе рутины, тщательность разработки сюжета по первоисточникамъ— вотъ основные принципы Раевскаго, въ ту пору еще неясные для большинства нашихъ критиковъ. Любопытенъ и совѣтъ воспользоваться «нашими», очевидно, народными размѣрами. Сопоставимъ съ этимъ любовь Орлова къ русскому языку, который онъ желалъ видѣть даже въ письмахъ, что, напримѣръ, видно изъ его письма къ Ал. Раевскому 13 окт. 1820 г.: «Любезный другъ, благодарю за твое занимательное письмо изъ Крыма, которымъ я тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что оно писано по-русски и довольно чистымъ русскимъ языкомъ» [1]). Подобнымъ же образомъ черезъ годъ съ небольшимъ Пушкинъ укоряетъ

[1]) Гершензонъ, № 10, стр. 303.

брата (22 янв. 1822 г.): «какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты—не московская кузина».

Вообще на выработку взглядовъ Пушкина кружокъ Раевскихъ повліялъ сильно. «Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась предъ глазами его и служила какъ бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что оттуда же получилъ онъ и созерцаніе, подсказавшее ему его «Наставленія брату» [1]), проникнутыя безпощаднымъ, почти циничнымъ скептицизмомъ; то былъ голосъ Пушкинскаго «демона», который, «одолѣвъ въ борьбѣ» умъ поэта, «сочеталъ его невольно своей таинственной судьбѣ»:

Неистощимый клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

[1]) Анненковъ, В. Е. 1874 г. № 1, стр. 28.

Въ этомъ демонѣ съ самаго начала узнавали Александра Ник. Раевскаго, и новыя свѣдѣнія о послѣднемъ только подтверждаютъ старую догадку. «Какъ онъ холоденъ»,—характеризуетъ А. Н. Раевскаго отецъ: «я ищу въ немъ проявленій любви, чувствительности, и не нахожу ихъ... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить [1]). Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него... У него умъ наизнанку; онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что всякій смыслъ испаряется... Онъ не разсуждаетъ, а «споритъ», и рѣчь его полна сарказмовъ» [2]). Разсказываютъ, что Александръ Раевскій былъ причиной ссоръ Пушкина съ гр. Воронцовымъ; но поэтъ не вспоминаетъ объ этомъ и до конца питалъ ко всѣмъ Раевскимъ «чувство глубокой преданности», памятникомъ которой осталось трогательное ходатайство его предъ Николаемъ о молодыхъ Раевскихъ послѣ смерти ихъ отца.

А. Лобода.

[1]) То же, но рѣзче отмѣчаетъ Вигель, говоря, что въ «нѣжныхъ чувствахъ» А. Н. Р-ій «видѣлъ одно смѣшное сумасбродство».

[2]) Гершензонъ, № 11, стр. 162 и д.

327. У КЛАРИСЫ ДЕНЕГЪ МАЛО.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ,—идижъ къ вѢнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

---

328. ИНОЙ ИМѢЛЪ МОЮ АГЛАЮ.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги—понимаю;
Другой за то, что былъ французъ.
Клеонъ—умомъ ее стращая
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ—
Скажи теперь, мой другъ Аглая,
За что̀ твой мужъ тебя имѣлъ?

---

329. МОЙ ДРУГЪ, УЖЕ ТРИ ДНЯ.

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ.
Спаситель Молдованъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ,
За то, что Яской панъ
Извѣстный нашъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіанъ,
Побитъ немножко мною,
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
(Къ моей каморкѣ) строгой
Приставилъ караулъ
. . . . . .
Невинною (игрою),
А именно—мараю
Небрежныя черты.
Пишу каррикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Е....выхъ куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ!

Изъ Кишиневскихъ портретовъ Пушкинской тетради № 2365; воспроизводится впервые.

330. БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой Рускою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго:
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

331. ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.
Такъ, Музы насъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.
Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;
Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.
Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.
Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струёй.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(ПИСАНО ВЪ 1822 ГОДУ.)

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1827.

«БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ».

Поэма «Братья Разбойники»—отрывокъ какого-то болѣе объемистаго, утраченнаго цѣлаго. Поэтъ сжегъ нервоначальную редакцію своей поэмы, и тѣ строфы, которыя дошли до насъ были отданы имъ на храненіе его другу Н. Н. Раевскому. Пушкинъ придавалъ, кажется, нѣкоторую цѣну своему юношескому произведенію и въ нѣсколько пріемовъ надъ нимъ работалъ. Сохранившійся у его друга отрывокъ онъ напечаталъ въ «Полярной звѣздѣ» на 1825 г. и издалъ его затѣмъ отдѣльно въ Москвѣ въ 1827 г. Прослѣдить постепенный ростъ работы Пушкина надъ «Братьями Разбойниками» трудно въ виду отсутствія достаточныхъ указаній, но несомнѣнно, что эта работа шла очень неровно, и художникъ нѣсколько разъ мѣнялъ ея планъ, стремясь согласить въ немъ два трудно примиримыхъ настроенія, а именно—настроеніе, внушенное ему тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ онъ работалъ, и то личное расположеніе духа, въ какомъ онъ самъ обрѣтался въ первый годъ своей жизни на югѣ.

Уже въ наброскахъ, которые сохранились въ бумагахъ поэта и которые очевидно относятся къ «Братьямъ Разбойникамъ»,—слегка замѣтно смѣшеніе народнаго эпическаго тона съ лирическимъ взволнованнымъ тономъ души поэта *).

*) Вотъ эти наброски:

1.

На Волгѣ въ темнотѣ ночной
Вѣтрило блѣдное бѣлѣетъ,
Въ бразды попутный вѣтеръ вѣетъ,
Недвижны волны, руль заснулъ,
Плывутъ ребята удалые
И стоя пѣсню есаулъ.....

(Рукопись Публичной Библіотеки).

2.

Насъ было два брата, мы вмѣстѣ росли,
И жалкую младость въ нуждѣ мы вели,
И алчная жажда владѣла душой,
И вмѣстѣ мы вышли на первый разбой.

(Рукопись Румянцовскаго Музея).

Еще яснѣе это смѣшеніе проступаетъ наружу въ томъ первоначальномъ планѣ поэмы, который сохранился въ черновыхъ бумагахъ Пушкина. Планъ этотъ данъ въ такомъ видѣ: I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ. II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... Пѣснь на Волгѣ. III. Купеческое судно, дочь купца. IV. Сходитъ съ ума. «Поэма». Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ, молодцы готовы отплыть. Есаулъ: гдѣ-то нашъ атаманъ?—они плывутъ и поютъ. Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій; онъ беретъ себѣ другую—та сходитъ съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его.

На этомъ планѣ очень замѣтно вліяніе народныхъ пѣсенъ. Атаманъ и «дѣва», разбойничья лодка на рѣкѣ, нападеніе на купеческое судно—все это мотивы, которые нерѣдко встрѣчаются въ народной поэзіи.

Рядомъ съ мотивами народными въ первоначальной программѣ намѣчены эпизоды, которые очень напоминаютъ уже не народныя, а литературныя обработки темъ изъ жизни морскихъ и лѣсныхъ разбойниковъ, какъ, напр., сумасшествіе покинутой разбойникомъ любовницы, смерть взятой имъ въ плѣнъ и любимой имъ дѣвушки, впечатлѣніе, произведенное этой смертью на душу разбойника, повышеніе въ немъ чувства ненависти къ людямъ, его ожесточеніе въ грабежахъ и месть невиннымъ за личную неудачу. Всѣ эти мотивы нерѣдко попадаются въ ходкой тогда «романтической» литературѣ, и кое что напоминающее ихъ можно найти и въ поэмахъ Байрона напр. въ «Корсарѣ» и въ «Ларѣ. Разработалъ ли Пушкинъ эти литературные мотивы въ первоначальной сожженой редакціи поэмы—неизвѣстно. Отрывокъ, который дошелъ до насъ, соотвѣтствуетъ, очевидно, лишь первому параграфу программы: «Разбойники. Исторія двухъ братьевъ». Откуда Пушкинъ взялъ эту исторію, мы знаемъ изъ его собственнаго письма. Въ Ноябрѣ 1823 года Пушкинъ писалъ князю П. А.

Вяземскому изъ Одессы: «Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы».

Поэма, такимъ образомъ, не плодъ романтической мечты, а отзвукъ реальнаго факта. Быть можетъ это-то обстоятельство и было причиной того, что въ поэмѣ никакъ не могло быть установлено единство настроенія. Слить вмѣстѣ въ одномъ художественномъ образѣ реальный типъ бѣглаго арестанта съ поэтическимъ обликомъ разбойника, какимъ онъ является въ народныхъ пѣсняхъ,—было дѣломъ очень труднымъ. Въ поэмѣ должна была быть видна спайка и впечатлѣніе неизбѣжно должно было дробиться. Быть-можетъ, поэтому-то Пушкинъ и остался недоволенъ поэмой и сжегъ ее. «Разбойниковъ я сжегъ—и по дѣломъ»—говорилъ онъ. Но сжегъ онъ не всю поэму и пощадилъ очевидно ту ея часть, которая ему казалась наилучшей и наиболѣе выдержанной. Но и въ этомъ отрывкѣ выдержанности строгой нѣтъ—ни въ настроеніи, ни во внѣшней формѣ. Поливановъ, комментируя въ своемъ изданіи «Братьевъ Разбойниковъ», высказалъ очень вѣрное замѣчаніе: онъ отмѣтилъ, что во внутренней и во внѣшней формѣ поэмы замѣчается постоянное чередованіе народнаго склада и книжныхъ пріемовъ. Такъ, напр., начало поэмы, очевидно, поддѣлано подъ народный стиль, а затѣмъ обработка становится чисто-литературной. Въ разсказѣ разбойника объ ихъ прошлой вольной жизни снова встрѣчаются народныя выраженія, а потомъ изложеніе начинаетъ походить на «Шильонскаго Узника» Байрона.

Несомнѣнно, что Пушкину было трудно совладать съ этой, повидимому, столь несложной темой. Трудность заключалась однако не столько въ литературномъ матеріалѣ, который былъ неоднороденъ—(такъ какъ въ немъ реальный фактъ переплетался съ традиціонными образами, созданными народной фантазіей), сколько въ психическомъ настроеніи самого художника.

Поэтъ былъ «несвободенъ» въ обработкѣ этой темы, такъ же какъ онъ былъ несвободенъ, когда писалъ своего «Кавказскаго Плѣнника». Въ немъ художникъ, привыкшій къ пластическому воззозданію своихъ впечатлѣній и чувствъ боролся съ человѣкомъ, настроеннымъ тревожно на необычный для себя ладъ. Съ одной стороны, разбойничій мотивъ требовалъ очень опредѣленнаго и яснаго развитія, согласнаго съ правдой жизни, съ другой—правда души самого художника требовала, чтобы этому разбойничьему мотиву была придана окраска, соотвѣтствующая настроенію, которое переживалъ самъ авторъ.

Это личное настроеніе поэта тогда было туманное и «романтическое», какъ принято выражаться. Молодой художникъ, одаренный исключительной способностью отзывчиваго отношенія ко всѣмъ явленіямъ повседневности, послѣ веселой жизни въ столицѣ, избалованный успѣхомъ, попалъ неожиданно, не то чтобы въ ссылку, а въ положеніе поднадзорнаго и былъ лишенъ главнаго своего удовольствія—круженія въ вихрѣ впечатлѣній разнообразныхъ, неожиданныхъ и новыхъ. Привыкшій до сего времени только отзываться на эти богатыя впечатлѣнія внѣшней жизни, онъ теперь вынужденъ былъ углубляться за недостаткомъ ихъ въ свои собственныя чувства и мысли. Такое самоуглубленіе должно было привести его неизбѣжно ко всякаго рода преувеличенію этихъ чувствъ, ихъ силы и интенсивности, такъ какъ оцѣнка ихъ совершалась подъ преобладающимъ давленіемъ фантазіи въ виду необычайно спокойныхъ условій внѣшней жизни, среди которыхъ поэту теперь приходилось жить. Жилъ же Пушкинъ тогда въ обществѣ милыхъ людей, на Кавказскихъ водахъ, на южномъ берегу Крыма, и жилъ съ одной неотвязной думой, съ однимъ чувствомъ, которое подавить въ себѣ онъ пока не могъ, хотя оно вообще его душѣ было мало свойственно. Это было чувство обиды, недовольство людьми, извѣстное горделивое превознесеніе своей личности надъ другими, какъ личности пострадавшей, непонятой и гонимой. Поэтъ не могъ не сознавать, что хоть онъ въ Петербургѣ и «провинился» смѣлостью рѣчи и разными неосторожными» выходками либеральнаго свойства,—съ нимъ все-таки поступлено несправедливо. Чувство обиды осталось въ сердцѣ Пушкина и эту обиду надо было на комъ нибудь выместить... Если мы вспомнимъ, что въ эти годы (въ началѣ двадцатыхъ) въ тѣхъ слояхъ интеллигентнаго русскаго общества, къ которымъ Пушкинъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію, довольно отчетливо стало сказываться повышенное и тревожное чувство недовольства порядками той самой

жизни, на которую не такъ давно смотрѣли люди съ обычнымъ имъ сантиментальнымъ благодушіемъ,—то сильное повышеніе этой тревоги и недовольства въ душѣ обиженнаго Пушкина становится еще болѣе понятно. Наконецъ не надо забывать, что именно въ это-же время Пушкинъ впервые сталъ вчитываться въ поэзію Байрона. Между нимъ и англійскимъ писателемъ почти не было духовнаго родства—они были люди разные по міросозерцанію, настроенію, по темпераменту, воспитанію и по характеру, но не ощутить на себѣ тяжелой силы этой протестующей поэзіи Байрона Пушкинъ не могъ. Какъ поэтъ, онъ долженъ былъ почувствовать красоту этой, въ сущности ему враждебной, стихіи. И на короткій срокъ Пушкинъ покорился болѣе сильному художнику, тѣмъ болѣе, что въ собственной душѣ ощущалъ потребность сказать людямъ горькое и вызывающее слово. Онъ, какъ извѣстно, и сказалъ его въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», изобразивъ въ общихъ и туманныхъ очертаніяхъ образъ какого-то разсерженнаго и обиженнаго людьми человѣка, который чувствуетъ, что онъ непріязненно настроенъ въ отношеніи ближнихъ, но никакъ не можетъ самъ себѣ выяснить, въ чемъ заключается главная причина и гдѣ главный источникъ этого непріязненнаго чувства. При своемъ тогдашнемъ настроеніи бодромъ, хотя и разочарованномъ, Пушкинъ молчать не могъ, такъ какъ таить своихъ чувствъ онъ вообще не умѣлъ, а тѣмъ болѣе тѣхъ чувствъ, которыя ему причиняли боль и тревогу.

За годы своей жизни на югѣ онъ неоднократно пытался закрѣпить въ пластическихъ образахъ это лирическое чувство недовольства и глухого протеста—двухъ новыхъ сердечныхъ ощущеній, какими его жизнь подарила. «Братья Разбойники» были одной изъ такихъ попытокъ и очень своеобразной попыткой, на которой остались несомнѣнные слѣды тревогъ, пережитыхъ и человѣкомъ, и художникомъ въ борьбѣ съ темой, весьма заманчивой по своей эффектности и весьма опасной по своей основной идеѣ.

Что «разбойникъ» былъ готовой красивой фигурой для воплощенія протеста противъ людей и порядка, который они признаютъ и защищаютъ,—это несомнѣнно. На западѣ, какъ извѣстно, разбойничьи романы (въ первоначальной своей формѣ простые романы похожденій) приняли къ концу XVIII вѣка ясную политико-соціальную окраску, и главный герой изъ разбойника превратился въ борца за радикальную идею, которую онъ и проводилъ въ жизнь иногда очень радикальными способами.

Пушкинъ могъ и не читать этихъ романовъ (и, повидимому, не читалъ ихъ), но уже, конечно, ему хорошо было извѣстенъ Карлъ Мооръ—краса всѣхъ благородныхъ разбойничьихъ шаекъ на западѣ. Но если-бы онъ и плохо помнилъ его жизнеописаніе, то въ первый же годъ жизни на югѣ поэзія Байрона несомнѣнно ему о ней напомнила, хотя и не называя его по имени. Но всѣ эти западные разбойники не имѣли ничего общаго съ тѣми, которые на глазахъ поэта убѣжали изъ тюрьмы въ Екатеринославѣ. Тѣ были переодѣтые рыцари, а эти простые каторжники; одни были борцами за идею, другіе просто грабители на большой дорогѣ. А между тѣмъ, именно эти-то грабители и навязали художнику тѣ реальные образы, въ которые онъ пожелалъ вложить свое личное чувство обиженнаго и разсерженнаго человѣка.

Передъ поэтомъ становилась очень трудная задача: надлежало—весьма тонкое, въ основѣ своей гуманное чувство раздраженія на людскую несправедливость довѣрить людямъ совсѣмъ негуманнымъ и несправедливымъ по существу. Получалась извѣстная идейная и психологическая фальшь, которую Пушкинъ, конечно, отчетливо чувствовалъ. Выйдти изъ этого затрудненія художникъ могъ только двумя путями. Можно было идеализировать этихъ простыхъ грабителей, выкрасить ихъ въ романтическую краску, подогнать подъ идейный типъ; или ихъ нужно было оставить такими, какими ихъ создала природа, но сдѣлать все возможное, чтобы найдти для нихъ снисхожденіе въ сердцѣ читателя.

Первый способъ разрѣшенія трудной задачи былъ для художника немыслимъ, такъ какъ противорѣчилъ всей правдѣ и жизни, и искусства: нельзя было этихъ именно каторжныхъ сдѣлать людьми идеи, не нарушая правдоподобія. Пушкину и въ голову не приходила возможность такого истязанія правды. Положимъ, въ первоначальномъ планѣ поэмы онъ хотѣлъ подкрасить тему разными красивыми деталями, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ, но очевидно, что даже этотъ скромный пріемъ прихорашиванья ему не понравился и онъ уничтожилъ тѣ части поэмы, въ которыхъ преобладалъ

этотъ народный складъ [1]). Прійдя къ выводу, что всякая идеализація тѣхъ оригиналовъ, которые натолкнули его на тему о «братьяхъ разбойникахъ», будетъ художественной ошибкой, Пушкинъ инымъ способомъ постарался разрѣшить противорѣчіе между формой и содержаніемъ въ своей поэмѣ, которое его мучило.

Типы братьевъ разбойниковъ онъ оставилъ реальными, какими ихъ дала сама жизнь; никакой общей или соціальной идеи онъ не навязалъ этимъ каторжникамъ; освободиться всецѣло отъ народнаго склада въ поэмѣ онъ не смогъ, но сдѣлалъ такъ, что эта народная образная рѣчь художественнаго впечатлѣнія не портила; и наконецъ противорѣчіе между гуманнымъ личнымъ чувствомъ художника и негуманнымъ поведеніемъ его героевъ онъ смягчилъ, стремясь въ читателѣ вызвать чувство состраданія къ преступникамъ. Такимъ образомъ и самая идея протеста, воплощенная въ актѣ возмущенія разбойниковъ,—сохранена была въ цѣлости, и съ другой стороны сохранена была полностью и гуманная идея автора, который это возмущеніе понималъ не въ прямомъ, а въ символическомъ смыслѣ, какъ протестъ сильнаго человѣка противъ установленнаго порядка.

Обработка темы, какъ видимъ, представляла много трудностей и, вѣроятно, на нихъ то Пушкинъ и намекалъ, когда писалъ Вяземскому (въ октябрѣ 1823 г.) «какъ сюжетъ—c'est un tour de force; это не похвала,—напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ». Съ послѣдними словами можно не соглашаться, но что для художественнаго произведенія un tour de force не похвала—это вѣрно.

Въ чемъ же заключался этотъ «искустный пріемъ» обработки, которымъ авторъ очевидно также былъ мало доволенъ?

Давно уже было замѣчено, что та часть поэмы «Братьевъ Рзабойниковъ» въ которой разсказана смерть одного изъ нихъ въ темницѣ, очень напоминаетъ поэму Байрона «Шильонскій узникъ». Планъ разсказа какъ будто тотъ же и даже ощущенія разсказчика, которыя онъ испыталъ у одра своего умиравшаго товарища, какъ будто сходны съ тѣмъ, что выстрадалъ Бониваръ, присутствуя при медленной смерти своего брата въ Шильонѣ... Естественно предположить, что, когда Пушкинъ писалъ свою поэму, онъ держалъ въ памяти весь сценарій знаменитой поэмы Байрона.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1823 года Пушкинъ писалъ Вяземскому, «нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года». Переводъ Жуковскаго «Шильонскаго узника» былъ изданъ въ 1822 году, и Пушкинъ не имѣлъ его подъ руками, когда писалъ свою поэму. Стиль поэмы принадлежитъ безраздѣльно Пушкину и, хоть Пушкинъ былъ въ большомъ восторгѣ отъ перевода Жуковскаго, но, какъ мы видѣли, и своимъ слогомъ былъ очень доволенъ и призналъ его за лучшее, что имъ было написано. Страннымъ можетъ показаться, что Пушкинъ въ этомъ письмѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о самомъ сюжетѣ поэмы Байрона.

Зналъ ли онъ «Шильонскаго узника», когда писалъ свою поэму? Кромѣ эпизода въ тюрьмѣ между поэмой Байрона и поэмой Пушкина нѣтъ рѣшительно ничего сходнаго. Несходенъ и стихъ въ чередованіи рифмъ. Конечно, могло случиться, что Пушкинъ, принимаясь за чтеніе Байрона (а онъ сталъ его изучать въ тотъ же годъ когда писалъ свою поэму), на первыхъ же порахъ остановился на «Шильонскомъ узникѣ» и тогда, конечно, разсказъ Бонивара могъ навести его на мысль воспользоваться байронической сценировкой для собственнаго сюжета.

Но не будетъ никакой натяжки, если мы предположимъ, что Пушкинъ очень смутно помнилъ поэму Байрона или вовсе не зналъ ее, когда писалъ своихъ «Братьевъ Разбойниковъ». По крайней мѣрѣ, ни поэтъ, ни его друзья, ни современная критика не настаивали на сходствѣ этихъ двухъ поэмъ, о чемъ они конечно заговорили бы, если бы въ этой зависимости «Братьевъ Разбойниковъ» отъ «Шильонскаго узника» были такъ увѣрены, какъ позднѣйшіе критики и

1) Самой мысли о разбойникѣ идейномъ, одушевленномъ народными стихійными силами, Пушкинъ однако не оставилъ. Во время своего плѣненія въ селѣ Михайловскомъ онъ напр. очень интересовался цикломъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ и нѣсколько пѣсенъ о немъ въ своемъ переложеніи занесъ въ тетрадки. Позднѣе, какъ извѣстно, онъ очень увлекся исторіей Пугачева и посвятилъ ему цѣлую монографію, матеріалы для которой добывалъ съ большимъ трудомъ. Но эти разысканія въ области психологіи разбойника относятся уже къ тому времени, когда въ душѣ Пушкина всякое личное чувство протеста и раздраженія улеглось и когда онъ могъ работать надъ литературнымъ и историческимъ сюжетомъ, не внося въ него чисто лирическаго настроенія.

изслѣдователи. И въ самомъ дѣлѣ обѣ эти поэмы въ гораздо большей степени непохожи другъ на друга, чѣмъ сходны между собой. У Байрона дана агонія борца за идею, героя въ нравственномъ смыслѣ безупречнаго, дана трагедія страшныхъ мукъ человѣка, который хоронитъ въ этомъ героѣ не только брата, но страдающую и правую идею. У Пушкина данъ разсказъ о простой болѣзни самаго обычнаго каторжника, который бредитъ въ лихорадкѣ убійствами и ужасами предстоящей казни. Тяжелое и непріятное впечатлѣніе, какое этотъ бредъ производитъ, смягчается проблесками раскаянія, которое обнаруживаетъ разбойникъ. Болѣзнь его къ тому же не смертельна и онъ благополучно выздоравливаетъ для дальнѣйшихъ разбойничихъ подвиговъ. Основная мысль поэмы Байрона—страшная истина, въ силу которой людская несправедливость и долгое страданіе могутъ отучить человѣка отъ жажды счастія и даже отъ любви къ свободѣ, могутъ человѣка полнаго силъ обратить въ вялаго ипохондрика. Намѣреніе Пушкина было какъ разъ обратное—показать какъ сильна воля къ жизни въ человѣкѣ, закаленномъ преступленіемъ и злобой. Для Байрона смерть младшаго Бонивара—трагическая необходимость, изъ которой вытекаетъ вся психологическая мотивировка душевныхъ движеній старшаго брата. У Пушкина смерть одного изъ разбойниковъ простая случайность, которая почти никакого вліянія (если не считать мимолетныхъ слезъ и молитвы) на психику товарища не оказываетъ.

Сходнаго мало между этими двумя поэмами, и если бы родство ихъ было тѣсное, то Пушкинъ, говоря о томъ, какъ переводъ Жуковскаго ему повредилъ, не могъ же промолчать объ оригиналѣ, который былъ для него гораздо опаснѣе. Это молчаніе указываетъ какъ будто на то, что поэту и въ голову не приходило сравнивать свою поэму съ «Шильонскимъ узникомъ». Всѣ эпизоды изъ «Братьевъ разбойниковъ», которые окрашены какъ будто въ байроническую краску, могли быть сочинены безъ посторонней помощи. Поэту нужно было смягчить характеръ своихъ кровожадныхъ и неукротимо-злобныхъ героевъ для того, чтобы сдѣлать ихъ выразителями своего личнаго протестующаго чувства. Люди, «которые прошли всѣ степени злодѣйства и рѣзали хладной рукой вдовицу и бѣдныхъ сиротъ», должны были стать болѣе человѣчны, нужно было указать, что ихъ «вскормила чуждая семья», что «жизнь была имъ не въ радость», что они «сносили нужду и горькое презрѣніе», что они «отогнали прочь совѣсть» (которая была въ ихъ сердцѣ) и тогда только вышли на большую дорогу. Нужно было заставить ихъ страдать въ тюрьмѣ, заставить въ ихъ мозгу мелькнуть мысль о томъ, что ихъ «сманили» въ дремучій лѣсъ и «научили» убійству, надо было заставить ихъ испытать «мученья докучной совѣсти», испытать ужасъ отъ приближенія призраковъ лицъ ими убіенныхъ, заставить подумать о «Божьемъ гнѣвѣ»; надо было погубить одного изъ нихъ такъ, чтобы онъ погибъ случайно въ то время, когда мнилъ себя внѣ опасности, на свободѣ; наконецъ, надо было, присутствуя на оргіи разбойниковъ, пригрозить имъ тѣмъ, что въ «черный день ихъ совѣсть проснется» *).

Поэма была по основному настроенію своему несомнѣнно «байроническая» въ томъ смыслѣ, что въ ней былъ выраженъ непримиримый взглядъ на жизнь и на людей, взглядъ, привитый Пушкину самой жизнью, а не книгами, взглядъ, который поэтъ на короткій срокъ усвоилъ и питалъ въ себѣ чтеніемъ Байрона. Но едва ли Байронъ помогъ художнику въ данномъ случаѣ воплотить этотъ взглядъ въ образы.

Бѣлинскій, которому «Братья разбойники» очень не нравились, называлъ эту поэму «престраннымъ явленіемъ», «неразгаданной вещью»».

Дѣйствительно, большого труда стоила автору эта попытка согласовать въ единомъ художественномъ произведеніи идейный, политически красивый типъ протестующаго разбойника, реально грубый типъ русскаго каторжника, образъ «молодца» изъ народныхъ пѣсенъ и свой собственный портретъ, списанный съ него въ одну изъ нерадостныхъ минутъ его жизни.

Для историка, который пытается по уцѣлѣвшему отрывку возстановить процессъ работы художника надъ столь запутанной темой, многое должно остаться «неразгаданнымъ».

Несторъ Котляревскій.

---

1) Критика того времени оттѣнила эти смягчающія вину обстоятельства. Такъ, напр., въ наиболѣе подробной критической замѣткѣ, посвященной «Братьямъ разбойникамъ» въ «Сынѣ Отечества» (1827 № 16, 399—402), рецензентъ благодарилъ автора зато, что онъ показалъ, какъ въ душѣ такихъ преступныхъ и развратныхъ людей Промыселъ сохранилъ хоть братскія чувства.

РАЗБОЙНИКИ У КОСТРА.

Рисунокъ Галактіонова («Полярная Звѣзда» 1825).

332. БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развратъ, обманъ—
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.
Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ:
«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость;
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.

Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь:
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.
Ахъ, юность, юность удалая!
Житьё въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ-ли позднею дорогой
Богатый Жидъ иль попъ убогой,—
Все наше! все себѣ берёмъ.
Зимой бывало въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ, и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—всё даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!
И чтожъ? попались молодцы;
Не долго братья пировали,
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старшій былъ пятью годами,
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!...» но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужь онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его—онъ неопасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужь видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.
Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ.

Литографія Тиля («Рус. Художеств. Листокъ» 1859 г.).

ПОБѢГЪ БРАТЬЕВЪ-РАЗБОЙНИКОВЪ.

Рисунокъ К. Трутовскаго. («*Сѣверное Сіяніе*» *1862 г.*).

И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкой шумъ залётной птицы.
По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье;
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Въ слѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужь на островъ мы вступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждёмъ. Одинъ ужь тонетъ,
То захлебнётся, то застонетъ
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужь глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ,онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь,
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.

Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
И на груди моей уснулъ.
«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужь не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмой, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда мужу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ».
Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!
И кружка вновь пошла кругомъ;
Намигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

Младшій изъ братьевъ-разбойниковъ въ бреду.

Рисунокъ С. Иванова.

ОЛЕГЪ и КУДЕСНИКЪ.
Акварель В. Васнецова.

333. ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

ОЛЕГЪ ПРОЩАЕТСЯ СЪ КОНЕМЪ.

Акварель В. Васнецова.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Акварель В. Васнецова.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой:
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Садится съ дружиною вѣрной
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и допрежъ носилъ бы меня,
И хочетъ увидѣть онъ кости коня

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора.
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!

Лит. Н. Кадушина СПБ

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалёкой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!...

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

ТРИЗНА ПО ОЛЕГѢ.

Акварель В. Васнецова.

334. ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную сѣнь,
Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужь косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

335. ВАДИМЪ.

(Отрывки драмы и поэмы).

ВАДИМЪ.

(Я ждалъ тебя, Рогдай! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть—)
Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

РОГДАЙ.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ, они тебя съ надеждой именуютъ...

ВАДИМЪ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли—
Изгнанью моему давно ль рукоплескали...
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню—

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучь,
Сверкая межъ вечернихъ тучь,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило;
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій плескъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?
Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ чёлнъ;
Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на брега
Глаза вперивъ, не молвитъ слова.
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ...
«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь!»—и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливой,
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикой и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости—пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долголѣтней муки,
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь—все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто же тотъ? Блистаетъ младость
Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
Прекраснъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда Славянина
И набедрѣ Славянскій мечь.
Славянъ вотъ очи голубыя,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечь...
Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ...
Проходитъ ночь, огонь погасъ,
Остылъ и пепелъ; водъ пучина
Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на Славянина.
Видалъ онъ дальныя страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.

Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ изступленныхъ.
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечь главы героевъ коситъ;
Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Киріаландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчь и славы дальной.
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы:
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина;
Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ...
Онъ видитъ Новгородъ-великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,—
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ;—
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ—
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ ли здѣсь—мой милый цвѣтъ?
Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ—
Онъ входитъ... Что же? страшный видъ!
Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ—
Дѣвица мертвая лежитъ!...
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ,—и слабый стонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она!—ея черты!
На персяхъ рану обнажаетъ;—
Она погибла! восклицаетъ.
Кто могъ?... и слышитъ голосъ:—ты!
Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ,
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина надъ челномъ,
Кипитъ, подъемлется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ—и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское...
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ—брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло...

336. УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,
Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!
«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскія края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ.... да я!...

337. ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

338. ЛЮБЛЮ ВАШЪ СУМРАКЪ НЕИЗВѢСТНОЙ.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя—
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

339. ГОРИШЬ ЛИ ТЫ, ЛАМПАДА НАША.

(Я. Н. Толстому).

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь-ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ:
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина,—
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!

340. ЦАРЬ НИКИТА.

I.

(Начало сказки, безусловно Пушкинское—черновикъ въ Румянц. музеѣ, тетрадь № 2366).

Царь Никита жилъ когда-то,
Славно, мирно и богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Царь трудился по немногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ 40 дочерей.
40 дѣвушекъ прелестныхъ,
40 ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой,
Что за глазки—Боже мой!
Ротикъ алый,—темный волосъ
Ножки—чудо!—Нѣжный голосъ
Васъ съ ума свести бы могъ,
Словомъ, съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло—
Одного не доставало...
Да чего же одного?
Такъ бездѣлки, ничего;
Ничего иль очень мало,
Все равно не доставало.
Какъ бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры...

II.

(Продолженіе, впослѣдствіи по памяти записанно братомъ поэта Львомъ Сергѣевичемъ)

Какъ быть, помоги мнѣ Богъ!...
. . . . . .
. . . . . .
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца;
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ;
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ,
Съ ужасомъ разинулъ ротъ,
Охалъ, ахалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
Отдаленный не махнуть.
Царь собралъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ,
Издалъ имъ такой приказъ:
«Если кто нибудь изъ васъ. .
. . . . . .
То, шутить я не привыкъ,
Дамамъ вырѣжу языкъ!...»
Царь былъ строгъ, но справедливъ;
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И берегъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались,
Втайнѣ думали мужья:
Провинись жена моя!...
. . . . . .
. . . . . .

ГРЕЧАНКА ЭПОХИ БАЙРОНА.

(Портретъ Аѳинской дѣвушки, относящійся къ 1813 г. По наброску Кокериля рис. Чэлонъ для «Byron Gallery», London 1833).

341. ГРЕЧАНКѢ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

342. (БАРАТЫНСКОМУ).

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

АДЕЛЬ АЛЕКСАНДРОВНА ДАВЫДОВА.
(*Позднѣйшій портретъ ея, когда она перешла въ католичество и стала монахиней*).

343. А Д Е Л И.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.

Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!

Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

344. ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,

Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

ЛИСТЪ 28 КИШИНЕВСКОЙ ТЕТРАДИ № 2365

съ отрывкомъ программы «Гавриліады».

ГАВРИЛІАДА.

1.

Воистину, еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту.
Любезныхъ устъ улыбкою довольной,
. . . . . .
Пою стихи на лирѣ богомольной...
Смиренныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ . . . . . напѣвы,
И . . . . . сойдетъ на сердце дѣвы,
Властитель онъ и мыслей, и сердецъ!
Шестнадцать лѣтъ, невинное смиренье,
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движенье,

Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя, ... описалъ...
Ахъ, милая, ты право обманулась.

2.

Въ тиши полей, вдали . . . . . .
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ;
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ...
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была иная честь
На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть
Лѣнивый мужъ своею старой . . . .
Въ часть утренній не . . . . .
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ еврейкой,
Ее кормилъ—и больше ничего...
Но . . . . . во время оно
. . . . . склонилъ привѣтный взоръ
На стройный станъ, на дѣвственное лоно
Рабы своей—и, чувствуя задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубокой
. . . . . достойный вертоградъ
Сей вертоградъ забытый, одинокій,—
Щедротами таинственныхъ наградъ.
Въ своемъ саду . . . . сладко дремлетъ
. . . . . рекъ—и дѣвѣ снится сонъ:

3.

Предъ нею вдругъ открылся. . .
Въ глубинѣ . . . . необозримой
Во сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тамъ . . . . волнуются, кишатъ,
Безчислены . . . . . .
Струнами арфъ бряцаютъ . . . .
. . . . . въ безмолвіи сидятъ
Главы закрывъ . . . . . .
И яркими одѣянъ . . . . . .
. . . . . стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ, вдругъ очамъ явился онъ!
Всѣ пали ницъ; умолкнулъ арфы звонъ. . .
Склонивъ главу, едва . . . . дышетъ,
Дрожитъ, какъ листъ, и голосъ . . .
слышитъ:
«Краса земныхъ любезныхъ дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовію пылая,
Причастница ты славы будь моей;
Готова будь къ невѣдомой . . . . . .
Женихъ грядетъ, грядетъ къ своей рабынѣ!»
Вновь . . . . одѣлся . . . . тронъ;
Возсталъ . . . . . легіонъ
И раздались . . . . арфы звуки...
Склонивъ главу, сложивъ умильно руки,
Лицу . . . . . предстоитъ...
Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взоры?
Кто сей, въ толпѣ придворныхъ молодыхъ,
Съ нея очей не сводитъ голубыхъ?
Пернатый шлемъ, роскошные уборы,
Сіянье . . . . и локоновъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый—
Все нравится . . . молчаливой...
Замѣченъ онъ, одинъ онъ сердцу милъ—
Гордись, гордись, ...
Пропало все, не внемля дѣтской пени;
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденныя въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
И нѣжилась на лонѣ томной лѣни;
Но дивный сонъ, но милый . . . . . .
Изъ памяти ея не выходилъ
. . . . . любить она хотѣла,
Его слова пріятны были ей
И передъ нимъ она благоговѣла,
Но . . . . казался ей милѣй.
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ.
Что дѣлать намъ? Судьба такъ приказала,
Согласны въ томъ невѣжды и педантъ.

4.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другаго я не смыслю разговора!
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы, и страданій,—
Не правда ли—въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ
страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложѣ наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать—
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

4.

И ты, ... , позналъ ея волненье,
И ты пылалъ, ... , какъ и мы!
. . . . постыло все . . . .
Наскучило . . . . . .
Онъ сочинялъ любовные псалмы
И громко пѣлъ: «Люблю, люблю . . . !
«Въ унынiи . . . . влачу . . .
«Гдѣ . . . . . ?—къ . . . . полечу
«И на груди красавицы почiю!»—
И прочее . . . все, что придумать могъ.
. . . . любилъ восточный пестрый слогъ.
Потомъ, призвавъ любимца— . . . ,
Свою любовь онъ прозой объяснялъ;
Бесѣды ихъ намъ . . . . утаила:
. . . . немного оплошалъ;
Но говоритъ армянское преданье,
Что . . . . . , не пожалѣвъ похвалъ,
Въ Меркурiи . . . . избралъ,
Замѣтя въ немъ и умъ и дарованье,—
И вечеркомъ къ . . . подослалъ.
. . . . . другой хотѣлось чести:
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ счастливъ;
Переносить записочки, да вѣсти
Хоть выгодно,—но онъ самолюбивъ!
И славы сынъ, намѣренье сокрывъ,
Сталъ нехотя услужливый угодникъ
. . . . . а по . . . . . .
Но, старый врагъ, не дремлетъ сатана
Провѣдалъ онъ, шатаясь въ бѣломъ свѣтѣ,
Что . . . имѣлъ еврейку на примѣтѣ,
Красавицу, которая должна
. . . . . .
Лукавому великая досада!
Хлопочетъ онъ . . .
. . . . . , между тѣмъ,
На . . . . сидѣлъ въ унынiи сладкомъ;
Весь міръ забывъ, не . . . . . онъ ничѣмъ,—
И безъ него все шло своимъ порядкомъ.
Что-жь дѣлаетъ . . . ? гдѣ оно,
. . . . . печальная супруга?

5.

Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна.
Съ ея души не сходитъ образъ милый...
. . . . . .
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье...
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею...
И говоритъ: «Любимица . . . !
«Не убѣгай! я—плѣнникъ твой послушный! . . . »
Возможно-ли? О, чудо изъ чудесъ!
Кто-жь говорилъ съ еврейкой простодушной?
Кто-бъ это былъ?—Увы, конечно,—бѣсъ!
Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились . . . . въ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младаго сердца праздность,
На сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
— «Кто ты, змѣя? По льстивому напѣву,
«По красотѣ, по блеску, по глазамъ
«Я узнаю того, кто . . . . . .
«Привлечь успѣлъ къ таинственному . . .
«И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
«Ты погубилъ неопытную дѣву,
«А съ нею—весь . . . . . !
«Мы въ безднѣ бѣдъ невинно потонули!
«Не стыдно-ли?! . . . »
— . . . васъ обманули,
И я не погубилъ, а спасъ.
— «Спасъ?! отъ кого?»
— Отъ . . .
— «Врагъ опасный! . . »
— Онъ былъ влюбленъ . . .
— «Послушай, берегись!»
— Онъ къ ней пылалъ . . .
— «Молчи!»
— . . . любовью страстной,
Она была въ опасности ужасной . . .
— «Змѣя, ты лжешь!»
— Ей-Богу!
— «Не божись!»
— Но выслушай! . . .
Подумала . . . . . .
«Нехорошо въ саду, наединѣ,
«Украдкою внимать навѣтамъ змiя,—
«И кстати-ли повѣрить сатанѣ? . . .
«Но . . . . меня хранитъ и любитъ;
« . . . . ,—онъ, вѣрно не погубитъ
«Своей рабы—за что-жь?—за разговоръ!
«Къ тому же, онъ не дастъ меня въ обиду...
«Да и змѣя скромна довольно съ виду . . .
«Какой тутъ грѣхъ? гдѣ зло? . . . Пустое,
вздоръ! . . »
Подумала—и ухо приклонила,
Забывъ на часъ любовь и . . . .
Лукавый бѣсъ, надменно развернувъ
Гремучiй хвостъ, согнувъ дугою шею,
Съ вѣтвей скользитъ—и падаетъ предъ нею.
Желанiй огнь во грудь ея вдохнувъ,
Онъ говоритъ:
—Съ разсказомъ . . .
Не соглашу разсказа моего:

Онъ вымысломъ хотѣлъ плѣнить еврея,
Онъ важно лгалъ—и слушали его;
. . . наградилъ въ немъ слогъ и умъ покорный,
Сталъ . . . . —извѣстный господинъ;
Но я, повѣрь, историкъ не придворный,—
Не нуженъ мнѣ . . . . важный чинъ.
Онѣ должны, красавицы другія,
Завидовать огню твоихъ очей;
Ты рождена, о скромная . . . . . .
Чтобы плѣнять . . . . дѣтей,
Чтобъ властвовать надъ нѣжными сердцами,
Улыбкою блаженство имъ дарить,
Сводить съ ума двумя-тремя словами,
По прихоти—любить и не любить,—
Вотъ жребій твой! Какъ ты, младая...
Въ своемъ саду—скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ унынiи цвѣла...
Всегда одни, глазъ на глазъ, ...
На берегахъ . . . . . свѣтлыхъ рѣкъ
Въ спокойствiи вели невинный вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность!
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни праздность,—
Ничто любви не пробуждало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, пили, ѣли,
Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ...
Что скажешь ты? . . . . несправедливый,
. . . . . , угрюмый и ревнивый,
. . . . подругу полюбя,
Ее хранилъ для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
. . . . . , какъ будто въ заточеньѣ,
У ногъ его, ...
Хвали его, красѣ его дивись,
Взглянуть не смѣй украдкой на другого,
Съ . . . . тихонько молвить слово,—
Вотъ жребій той, которую...
Себѣ возьметъ въ подруги наконецъ.
И что-жь потомъ?—за скуку и мученье
Награда вся . . . . . .
Старухъ докучная мольба,
Да чадъ . . . . . , да подъ алмазомъ,
Написанный какимъ-то...
Какъ весело! Завидная судьба!
Мнѣ стало жаль моей прелестной . . . ;
Рѣшился я, ... на зло,
Разрушить сонъ и юноши, и дѣвы.
Ты слышала, какъ все произошло?
Два . . . . . .
Завѣтный знакъ, любви символъ призывный—
Открыли ей неясную мечту...
Проснулися неясныя желанья...
Она свою познала красоту,
И нѣгу чувствъ, и сердца трепетанье,
И юнаго . . . . . наготу...
Я видѣлъ ихъ! Любви моей науки
Прекрасное начало видѣлъ я!
Въ тѣнистый лѣсъ ушла чета моя...
Тамъ быстро ихъ блуждали взгляды, руки...
У милыхъ ногъ супруги молодой
. . . искалъ восторговъ, упоенья,
Онъ вопрошалъ источникъ наслажденья
И въ немъ терялся, закипѣвъ душой...
И, не страшась . . . . . .
Вся въ пламени, власы раскинувъ . . .
Едва-едва устами шевеля,
Лобзаніемъ . . . отвѣчала,
Въ слезахъ любви, въ безчувствiи лежала.
Подъ тѣнью пальмъ—и юная земля
Любовниковъ цвѣтами покрывала...
Блаженный день! Увѣнчанный супругъ
Жену ласкалъ съ утра до поздней ночи!
Во тьмѣ ночной смежалъ онъ рѣдко очи...
Какъ ихъ тогда украшенъ былъ досугъ!..
Ты знаешь, . . . утѣхи прерывая,
. . . . . .
Изъ мирной стороны,
Гдѣ безъ трудовъ они столь сладко жили
И дни свои невинно проводили
Въ объятіяхъ лѣнивой тишины.
Но имъ открылъ я тайну сладострастья
И младости веселыя права,
Томленье чувствъ, восторги, слезы счастья,
И поцѣлуй, и нѣжныя слова!..
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель . . . несчастливъ отъ меня?
Не думаю; но знаю только я,
Что съ . . . остался я пріятель.
Умолкнулъ . . . въ тишинѣ
Коварному внимала сатанѣ.
«Что-жъ?» думала: «Быть можетъ, правъ лукавый?
«Слыхала я: ни почестьми, ни славой,
«Ни золотомъ блаженства не купить
«Слыхала я, что надобно любить!...
«Любить... Но какъ?... Зачѣмъ.... и что такое»?...
А между тѣмъ, вниманье молодое
Ловило все въ разсказѣ сатаны:
И дѣйствія, и странныя причины,
И смѣлый слогъ, и вольныя картины:
Охотники мы всѣ до новизны!
Часъ отъ часу неясное начало
Опасныхъ думъ казалося яснѣй...
И вдругъ—змѣи какъ будто не бывало,
И новое явленье передъ ней:
. . . зритъ красавца молодого
У ногъ ея! Не говоря ни слова,
Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей,
Чего-то онъ краснорѣчиво проситъ,
Одной рукой цвѣточекъ онъ подноситъ,

Другая мнетъ простое полотно
И крадется . . . торопливо...
И . . . касается игриво
До милыхъ тайнъ... Все для . . . диво,
Все кажется ей ново, мудрено...
А между тѣмъ румянецъ не стыдливый
На дѣвственныхъ ланитахъ заигралъ,
И томный жаръ, и вздохъ нетерпѣливый
Младую грудь.... подымалъ
Она молчитъ... И вдругъ—не стало мочи,
Закрылися блистательныя очи, —
Къ лукавому на грудь склонивъ главу,
Вскричала: «Ахъ!» . . . . . .

6.

О милый другъ! кому я посвятилъ
Всѣ первыя надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую . . .
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь ли ты, о милая моя?...
Отецъ грѣха, лукавый врагъ...
Ты есть и былъ предъ нею виноватъ.
Ея тебѣ пріятенъ былъ...
И ты успѣлъ преступною забавой
. . . супругу просвѣтить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спѣши ловить... Но близокъ, близокъ
часъ!...
Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучъ погасъ.
Все тихо . . . Вдругъ надъ дѣвой утомленной
Шумя, ...
Посолъ любви, блестящій сынъ . . . .
Отъ ужаса, при видѣ . . . . .
Красавица лицо себѣ закрыла . . .
Предъ нимъ возсталъ, смутился мрачный...
И говоритъ: «Счастливецъ горделивый!
«Кто звалъ тебя? зачѣмъ оставилъ ты
«. . . . . дворъ, . . . высоты?
«Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
«Занятіямъ чувствительной четы? . . . »
Но . . . . . , нахмуря взоръ ревнивый,
Рекъ на вопросъ—и дерзкій, и шутливый:
—Проклятый врагъ . . . . . красоты,
Повѣса злой, измѣнникъ безнадежный.
Ты соблазнилъ красу . . . нѣжной,
И смѣешь мнѣ вопросы задавать,
Бѣги сейчасъ, измѣнникъ, рабъ мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!—
«Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ.
«. . . . . прислужниковъ покорныхъ,
«Радѣтелей . . . . . !»
Проклятый рекъ—и, злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
. . . . . ударилъ прямо въ зубы.
Раздался крикъ; шатнулся . . .
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ
жаромъ,
И . . . . нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ,—
И бросились въ объятія другъ другу . . .
Ни . . . . . , ни бѣсъ не одолѣлъ . . .

7.

Сплетенные, крутясь, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой...
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой,
Усталые, забывъ и брань и рѣчи...
Такъ . . . . . боролись межъ собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И наконецъ, желая кончить разомъ,
Съ . . . . . сбилъ шеломъ,
Златой шеломъ, украшенный алмазомъ;
Схвативъ врага за нѣжные власы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. . . . предъ собою
. . . . . зритъ юныя красы
И за него въ безмолвіи трепещетъ...
Ужъ ломитъ бѣсъ, ужъ адъ въ восторгѣ
плещетъ...
Но къ счастію проворный . . . . .
Впился ему въ . . . . . .
(Излишнее почти во всякомъ боѣ),—
. . . . . .
Проклятый палъ, пощады запросилъ,
И въ темный адъ едва нашелъ дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица смотрѣла чуть дыша;
Когда же въ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо . . . . обратился,—
Огонь любви въ лицѣ ея разлился

И нѣжностью исполнилась душа.
О, какъ была еврейка хороша!
Посолъ пылалъ и чувствія чужія
Такъ изъяснилъ въ . . . . . словахъ:
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
«. . . . . и ниспровергнетъ адъ!...
«Но—признаюсь душою откровенной—
. . . . . .
И, передъ ней колѣнопреклоненный,
Онъ, между тѣмъ, ей нѣжно руку жалъ...
Потупя взоръ, прекрасная вздыхала...
И . . . . . ее поцѣловалъ.
Смутясь, она краснѣла и молчала...
Ея груди дерзнулъ коснуться онъ...
«Оставь меня», ... прошептала,—
И въ тотъ же мигъ лобзаньемъ заглушенъ
Невинности послѣдній крикъ и стонъ...
. . . . . .
Что дѣлать ей? Что скажетъ . . . ревнивый?
Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной,
И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь.
Но поутру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ—такъ томна;
Въ восторгѣ мужъ; мать шепчетъ: слава Богу!
А старый другъ стучится у окна...
Ужъ . . . съ извѣстіемъ пріятнымъ
. . . . . путемъ обратнымъ,
Наперсника нетерпѣливый...
Привѣтствіемъ встрѣчаетъ благодатнымъ:
«Что новаго?»—Я сдѣлалъ все, что могъ:
Я ей открылъ...—«Ну, что-жъ она?» — Готова.
И . . . . . , не говоря ни слова
. . . всталъ, и маніемъ бровей
Всѣхъ удалилъ, какъ древле богъ Гомера,
Когда смирялъ безчинныхъ онъ дѣтей...
Но Греціи навѣкъ угасла вѣра,
Зевеса нѣтъ, мы сдѣлались умнѣй.
Упоена живымъ воспоминаньемъ,
Въ своемъ углу . . . въ тишинѣ
Покоилась...
Душа горитъ и нѣгой, и желаньемъ
Младую грудь волнуетъ новый жаръ...
Она зоветъ тихонько, ...
Его любви готовитъ тайный даръ...
Ночной покровъ ногою отдалила,
Довольный взоръ съ улыбкою склонила
И, счастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивится красотѣ,
И между тѣмъ, въ задумчивости нѣжной,
. . . . . , прелестна и томна,
И чашу пьетъ отрады безмятежной...
Смѣешься ты, лукавый сатана!
И что-же, вдругъ...

8.

Аминь, аминь! чѣмъ кончу я разсказы?
Навѣкъ забывъ старинные проказы,
Я пѣлъ тебя . . . . .
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, внимательное пѣнье!
Храни меня, внемли мое моленье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаянье мое благослови:
Пріемлю я намѣренья благія—
Перемѣнюсь—Елену видѣлъ я!...
Она мила какъ нѣжная...
Подвластна ей навѣкъ душа моя!
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье—
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ...
И я тогда, . . . утѣшитель
. . . тебя, ...
О, рогачей заступникъ и хранитель
. . . тогда, . . . меня...
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь...

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

346. Ѳ. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

347. ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Не рѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ Англійскій романъ съ Французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя—
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ—цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье—
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.
Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ.
Рѣшилъ—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,

То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басеньки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный—
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему,
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходной
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ,
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,

Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
«Все правда», скажешь ты, «не стану спорить съ вами;
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я не рѣдко плачу,
Читаю, да крещусь—мараю наудачу...
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти...»
Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если не возможно
Домой тебѣ убраться осторожно
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

---

348. ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Сѣверинъ.
Потомку предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ миѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

---

349. НѢТЪ НИ ВЪ ЧЕМЪ ВАМЪ БЛАГОДАТИ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати
И умны вы не впопадъ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНАЕВЪ.

350. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ:
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ: въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ кабачкѣ?

351. ПИРЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, ДРУЗЬЯ.

Пиры, любовницы, друзья
Изчезли съ милыми мечтами
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня.

Изъ черновыхъ набросковъ.

352. ИЗГНАНЬЕ СЛАВНО.

Изгнанье славно, спору нѣтъ,
Но промѣнялъ-бы (я)

.....

353. (ИЗЪ ПОЭМЫ ИЛИ СКАЗКИ О ЦАРѢ ЗЕНЗЕВЕѢ).

1.

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и села зажжены...

2.

(Въ Арменію, въ палаты Зензевея)
Съѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчая
Готовитъ пиръ—столы свои
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно 40 дней.

3.

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ щастливымъ супругомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ (ландышъ) мая,
Рѣзва, какъ лань кавказкихъ горъ...
(Невинна, какъ...)

---

354. ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди—тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ и обокралъ
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги...

---

355. БРАТЪ МИЛЫЙ, ОТРОКОМЪ РАЗСТАЛСЯ ТЫ СО МНОЙ.

(Брату)

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой...
Ввѣряешься любви...

356. НА ТИХИХЪ БЕРЕГАХЪ МОСКВЫ.

На тихихъ берегáхъ Москвы
Церквей вѢнчанныя крестами
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѢнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи,
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи.
Щедротами царей...

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Портретъ, рисованный Пушкинымъ, повидимому, въ 1826—27 г.
Изъ собранія И. С. Остроухова. Воспроизводится впервые.

357. (Кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ)

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой;
И блескомъ (колкихъ словъ) и шутками богатой,
Щастливый Вяземскій, завидую тебѢ.
Ты право получилъ, благодаря судьбѢ
СмѢяться весело надъ злобою ревнивой
НевѢжество разить Анаѳемой игривой...

358. КАКЪ НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО.

Какъ наше сердце своенравно!
томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь
Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ.
Ты согласилась, нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ
И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ
Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ...

359. КТО, ВОЛНЫ, ВАСЪ ОСТАНОВИЛЪ.

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
(Вы, бури,) вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ [свободы],
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

360. ВЕНЕРѢ, ѲЕБУ И ѲЕМИДѢ.

(Венерѣ), Ѳебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.

361. ДОГОРАЛА МОЛОДАЯ.

(Въ голубомъ эѳирѣ полѣ).

Догорала молодая
Въ голубомъ эѳирѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой
Старый Дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догаресой молодой...

362. ВЪ ЛѢСАХЪ ГАРГАРІИ ЩАСТЛИВОЙ.

Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на темной небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана—
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Послѣднюю стрѣлу колчана...

363. ТАВРИДА.

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, тишина цар[итъ] въ душѣ моей, ненависть, раскаянiе, все исчезаетъ,— любовь, одушев[леніе].

Покойны чувства, ясенъ умъ,
. . . . . .
Пью съ воздухомъ любви томленье
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.

—

Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
(Холма) Тавриды, край прелестный!
Одушевленныя поля.

—

Ты вновь со мною, наслажденье
(Спокойны чувства), ясенъ умъ,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.
Воскрѣсли чувства, ясенъ умъ,
(Пью съ воздухомъ любви томленье,
Все мило мнѣ въ уединеньи,
Лазурь небесъ, и тѣнь, и шумъ)...
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный
(Тебя я посѣщаю вновь).
. . . . . .
Пью воздухъ сладострастья
(И слышу водъ знакомый гласъ)
(Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ)
(Знакомыхъ водъ мнѣ внятенъ гласъ)
Давно затерянnаго счастья.
Щастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...

364. ТЫ ПРАВЪ, МОЙ ДРУГЪ.

Ты правъ, мой другъ—напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ
И наслажденья лѣни сонной.
Я дружбу зналъ—и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселья и свободы—
Я зналъ любовь прелестною ме(чтой?)
Очарованьемъ, упоеньемъ—
. . . . . .
Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ—
Я зналъ—и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было—жаркихъ думъ
Уединенное волненье.—
Но все прошло. Остыла въ сердцѣ кровь;
Въ ихъ наготѣ я нынѣ вижу
И свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь,
(Угрюмый) опытъ ненавижу.
Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ.
Въ ней чувствъ ужъ нѣтъ. Такъ легкой
листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣетъ.
(Разоблачивъ плѣнительный кумиръ
Я вижу)
Какъ бьется лань, пронзенная стрѣлой,
И силится

365. УЖЕЛИ ОНЪ КАЗАЛСЯ ПРЕЖДЕ МНѢ.

Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ
Ужели въ (презрѣнной) . . . глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ
Что жъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой
(Кого любилъ), къ чему стремился
Кого-жъ (поэтъ?) возвышенной
Боготворить не постыдился.
Я говорилъ предъ хладною толпой
Языкомъ истины (свободной),
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородной.
(Я замолчалъ—съ веселостью людей
. . . . . для избранныхъ судей).

366. ВСТРѢЧАЛИСЬ МНѢ НАПЕРСНИКИ МОЛВЫ.

(Встрѣчались мнѣ наперсники молвы,
Но что въ избранныхъ видѣлъ я
Ничтожный блескъ одежды)
. . . . . .
Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злодѣй иль малодушной
Предразсужденья
Тиранъ-льстецъ,
Предразсудковъ рабъ послушной.

367. О ГЕЛІОСЪ, ВНЕМЛИ.

О, Геліосъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій,
Внемли, богъ (покровитель?) моленію старца!
. . . . . .
Нынѣ, ежели ты слѣпому вождемъ не предыдешь.
Рекъ, и сѣлъ на камнѣ слѣпецъ утомленный. Но слѣдомъ
. . . . . дѣти страны той пустынной
Скоро сбѣжались на лай собакъ, ихъ стада стерегущихъ;
Ярость унявъ ихъ, они защитили безсильнаго старца,
Издали . . . . . приближались;
Сей бѣлоглавый старикъ, одинокій, слѣпой,—ужь не богъ ли?
Гордъ и высокъ; виситъ на поясѣ бѣдномъ простая
Лира, и голосъ его возмущаетъ волны . . . . . .
Вотъ, шаги онъ услышалъ,—ухо клонитъ, въ смущеньѣ,
Руки простеръ для моленья, страшась не счастья.—Не бойся,
Коль только не скроетъ въ земномъ старѣющемъ тѣлѣ
Богъ-покровитель. Столь величавая прелесть
Старость твою украшаетъ, вѣщали они незнакомцу:
Если жъ ты—смертный, то знай, что тебя . . . . .
Къ людямъ боговъ дружелюбныхъ. . . . . .

ПУШКИНЪ ВЪ БЕССАРАБІИ.

(20 сентября 1820—2 іюля 1823)

Нынѣшній Кишиневъ, съ его совершенно руссифицированной и обезличенной аристократіей греко-румынскаго происхожденія, не можетъ дать никакого представленія о Бессарабіи пушкинскаго времени. Наводненный русскими чиновниками и солдатами съ нижняго Поволжья, застроенный по однообразному плану городовъ Новороссійскаго Края, съ огромнымъ сквером вокругъ собора и соборомъ казеннаго николаевскаго типа, съ отсутствіемъ всего, что напоминало бы многовѣковую румынскую культуру, Кишиневъ теперь—типичный южнорусскій городъ, лишенный всякихъ индивидуальныхъ особенностей.

Въ началѣ 20 гг. это была «Азія», и въ плохо выдержанномъ, но все-таки восточномъ его колоритѣ заключался весь этнографическій интересъ города. Пушкинъ имѣлъ полное право называть вновь присоединенную къ Россіи область Молдавіей: «теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи»,—писалъ онъ брату 24 сентября 1820 года; «я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу»—сообщалъ онъ ему же по переѣздѣ въ Одессу. Восемь лѣтъ русскаго управленія областью (съ 1812), на первыхъ порахъ не посягавшаго на своеобразную культуру этой восточной части Молдавскаго господарства, носившей неоффиціальное названіе «Запрутской Молдавіи», еще не успѣло сгладить тѣ специфическія «азіатскія» черты, которыя внѣшнимъ образомъ выражались прежде всего въ пестротѣ городского населенія. Бессарабія въ то врсмя пользовалась самоуправленіемъ; въ Кишиневѣ засѣдалъ Верховный Совѣтъ изъ «природныхъ» бояръ; была выборная мѣстная администрація; въ канцеляріяхъ и учебныхъ заведеніяхъ оставался румынскій языкъ и т. д. Русскихъ чиновниковъ и солдатъ въ то время было сравнительно мало, они чувствовали себя здѣсь не то гостями, не то завоевателями и расплывались среди уличнаго калейдоскопа румынъ, грековъ, евреевъ, болгаръ, украинцевъ, албанцевъ, турокъ, караимовъ, французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и. т. д. А послѣ пораженія партизанскихъ отрядовъ Ипсиланти въ Валахіи, — въ Кишиневъ стали стекаться деморализованные войной и готовымъ продовольствіемъ четники-гетеристы, которые изъ героевъ быстро превращались въ бродягъ, увеличивая ряды толпы и вмѣстѣ съ тѣмъ—этнографическій интересъ «проклятаго города».

Узкія и кривыя улицы, тѣсные и грязные дворы, устланныя неровнымъ булыжникомъ площади—все было полно самаго разнообразнаго люда: остроконечныя бараньи качулы румынъ перемѣшивались съ широкими чалмами-тюрбанами турокъ и красными фесками грековъ; просторныя дуламы (кафтаны, халаты) бояръ—съ щегольскими фраками европейцевъ и военными мундирами русскихъ. Среди говорливаго шума протискивались крытые рыдваны (возки) бояръ, длинныя молдавскія каруцы крестьянъ, запряженныя цугомъ, верховые суруджи съ хлопающими бичами, а рядомъ—недавно только введенныя въ Бессарабіи плетеныя брички польскаго образца или нарядныя вѣнскія коляски чиновниковъ. Высшее общество, котораго Пушкинъ на первыхъ порахъ сторонился и съ которымъ впослѣдствіи сошелся близко, въ это самое время охотно мѣняло свою старую полу-восточную, полу-славянскую культуру и, казалось, не находило силъ бороться противъ культуры французской, которая широкимъ потокомъ напирала на нихъ съ двухъ сторонъ—изъ молдавской столицы, изъ Яссъ, гдѣ замѣна всего стараго французскимъ являлась своего рода

ЛИСТЪ 46 КИШИНЕВСКОЙ ТЕТРАДИ № 2366.

Воспроизводится впервыс. Тутъ представлены основные интересы кишиневскаго періода: увлеченіе древне-рус. исторіей (программа; изображеніе Ольги), греческимъ возстаніемъ (портретъ Ипсиланти), настроеніе «Кинжала» (портреты Занда и Марата). Тутъ-же программа «Братьевъ Разбойниковъ» и нѣсколько кишиневскихъ портретовъ.

протестомъ противъ ненавистнаго румынамъ долгаго фанаріотскаго правленія, и изъ русской столицы, представители которой были въ Бессарабіи законодателями всякаго рода модъ и свѣтскаго тона. Конечно, это нисколько не касалось простого народа, тѣхъ царанъ — (крестьянъ) и «разéшей» (однодворцевъ), мимо которыхъ всѣ новшества проходили безъ всякаго слѣда. Впрочемъ, и Пушкинъ стоялъ въ сторонѣ отъ жизни народа.

Пушкинъ вращался преимущественно среди греко-румынской аристократіи Кишинева (старое названіе Кешенéу—татарскаго происхожденія, съ румынскимъ суффиксомъ ей, а не Кишлà-ноу, какъ повторяется во всѣхъ біографіяхъ Пушкина), въ то время—типичнаго восточнаго

городка. Стѣсненные покатости у берега небольшой рѣчки Быка; каменные домики съ черепичными или деревянными крышами; нѣсколько одинокихъ холмиковъ, на вершинахъ которыхъ высились церкви непривычной для великоросса архитектуры, съ пестрыми росписями на наружныхъ стѣнахъ; узкія, кривыя и грязныя улицы съ «турецкой» мостовой, остатки которой сохранились и теперь,—такова была «старая» часть города. Въ ней сосредоточивалась вся мѣстная жизнь. Верхняя, «новая» часть только недавно стала застраиваться по европейскому плану и носила названіе «русской магалы» (-пригорода); намѣчены были широкія площади; прямыя улицы обсаживались акаціями. Это—аристократическая часть Кишинева. Вокругъ города были другія «магалы»: хаты сельскаго типа съ соломенными и камышевыми крышами, фруктовые и виноградные сады съ группами стройныхъ тополей, огромныя пространства огородовъ, носившихъ названіе булгарій (ихъ разводили эмигранты-болгары), небольшія рощи и т. д. Окаймленный широкой полосой зелени, городъ, съ противоположной горы Рышкановки и тогда былъ красивъ; но въ самомъ Кишиневѣ трудно было найти красивыя мѣста, и отъ каждаго уголка вѣяло далеко не параднымъ востокомъ.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ жилъ въ трехъ домахъ—изъ нихъ сохранился только первый, хотя о немъ рѣже всего упоминается въ біографіяхъ поэта. По однимъ свѣдѣніямъ, первой его квартирой былъ домъ какого-то молдованина, по другимъ—«заѣзжій» (по-румынски каса де абште) домъ русскаго переселенца Ивана Николаева Наумова, смышленаго мужика, состоявшаго при квартирной комиссіи. Мы располагаемъ письмомъ бывшаго преподавателя мѣстной гимназіи, добраго знакомаго отца автора настоящей статьи, В. И. Оата, отъ 1898 г. По словамъ кишиневскаго старожила, «домикъ, изъ котораго Пушкинъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переселился въ домъ намѣстника существуетъ и понынѣ, хотя уже не въ томъ видѣ, въ которомъ я еще помню его въ началѣ 60 годовъ, и какимъ онъ, по всему вѣроятію, былъ въ то время, когда въ немъ жилъ поэтъ. Домикъ этотъ находится въ третьемъ полицейскомъ участкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Антоновская и Прункуловская улицы, идущія внизъ отъ Андреевской по направленію къ бывшему дому Прункула, скрещиваются подъ острымъ угломъ, во дворѣ подъ № 19 (съ Антоновской улицы). Это—небольшой домикъ изъ трехъ комнатъ съ кухней и сѣнями, принадлежащій вдовѣ казачьяго сотника Прасковьѣ Андреевнѣ Атаманчуковой. Другіе два домика въ томъ же дворѣ построены сравнительно недавно. Теперь фасадъ этого домика, значительно противъ прежняго измѣненный, со стороны Антоновской улицы закрытъ отчасти досчатымъ заборомъ и новымъ флигелемъ, въ которомъ помѣщается мелочная лавка. Въ началѣ 60 гг., со стороны Антоновской улицы, домикъ былъ совершенно открытъ; осѣненный тѣнью нѣсколькихъ роскошныхъ акацій, подъ которыми былъ разбитъ хорошенькій цвѣтникъ, огороженный съ улицы штахетами, въ лѣтнее время онъ представлялъ въ ensemb.'ѣ довольно поэтическій уголокъ. Въ такомъ видѣ домикъ запечатлѣлся въ моей памяти, въ то время, когда я еще былъ въ IV кл. кишиневской гимназіи и, живя по сосѣдству, у домовладѣлицы вдовы Екатерины Грекуловой, часто слыхалъ разсказы о Пушкинѣ и свидѣтельства о томъ, что онъ жилъ въ томъ домикѣ. Не разъ, во время затѣвавшихся бесѣдъ о Пушкинѣ, память о пребываніи котораго въ Кишиневѣ была еще довольно свѣжа, добродушная старушка Грекулова разсказывала мнѣ, что въ молодости она жила въ указанномъ домикѣ, и у нея квартировалъ Пушкинъ». Теперь этотъ домикъ вросъ въ землю до оконъ; дворъ заросъ бурьяномъ; почернѣвшая крыша заросла крапивой и дикими цвѣтами.

Затѣмъ Пушкинъ переѣхалъ въ двухэтажный домъ намѣстника, стоявшій на «Инзовской» горѣ и принадлежащій боярину Доничу, который въ 1818 году выѣхалъ надолго заграницу и сдалъ домъ намѣстнику бессарабской области А. Н. Бахметеву. Вокругъ дома былъ разбитъ фруктовый и виноградный садъ; говорятъ, что здѣсь росли даже апельсины. Стѣны дома были расписаны пестрыми цвѣтами и растеніями, и у нѣкоторыхъ кишиневцевъ должны быть куски штукатурки со слѣдами росписей Инзовскаго дома [1]). Пушкинъ занималъ двѣ

1) Я видѣлъ ихъ у своего учителя рисованія Николая Александровича Голынскаго, которому принадлежитъ одинъ изъ лучшихъ видовъ «Пушкинскаго домика», срисованный въ 1854 г. (Домъ Инзова, бывшаго намѣстника Бессарабіи. Въ этомъ домѣ жилъ Пушкинъ, въ бытность свою въ Кишиневѣ и здѣсь написалъ поэму «Цыгане». СПБ. 1864. Снято съ натуры въ 1854. Гравир. на камнѣ К. Егоровъ). Раньше видъ домика былъ помѣщенъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» на

ДОМЪ ИНЗОВА ОКОЛО 1840 Г.

(*«Одесскій Альманахъ» на 1840 г.*).

комнаты внизу. Три окна съ желѣзными рѣшетками выходили въ садъ, на сѣверъ. Зимой 1821 года случилось землетрясеніе, и построенный на горѣ вблизи каменоломенъ домъ далъ трещину. Инзовъ съ канцеляріей переѣхалъ въ другое помѣщеніе, но Пушкинъ остался: жить «отшельникомъ въ развалинахъ» его, какъ романтика, повидимому, занимало. Уже послѣ выѣзда поэта изъ Кишинева. Инзовъ снова переселился въ домъ на «Инзовой горѣ» (1823), но затѣмъ домъ быстро разрушался; едва ли кто-нибудь жилъ въ немъ, и въ началѣ 50 гг. о немъ въ первые говорятъ уже какъ о настоящихъ развалинахъ. Въ 60 гг. сохранились однѣ стѣны, испещренныя надписями, большей частью неприличными; по периламъ лѣстницы еще можно было подниматься въ комнату, гдѣ жилъ поэтъ; показывали окно, изъ котораго онъ стрѣлялъ. Въ половинѣ 70 гг. на «Инзовой» горѣ были выстроены конюшни гусарскаго лубенскаго полка; мѣсто пушкинскаго дома сдѣлалось мѣстомъ свалки сора и навоза изъ конюшенъ; среди остальныхъ стѣнъ ютились босяки, почему еще раньше губернаторъ Гангардтъ приказалъ ихъ срыть. Въ началѣ 70 годовъ, по словамъ инспектора Кишиневской семинаріи Льва Мацѣевича, на мѣстѣ Пушкинскаго дома была только «насыпь изъ мусора»; но это не вѣрно, такъ какъ въ 1883 году остатки стѣнъ были выше человѣческаго роста, и прохожіе пользовались ими, какъ уборной. Теперь здѣсь— совершенно ровное мѣсто безъ всякихъ слѣдовъ постройки.

Наконецъ, третій домъ, въ которомъ недолго жилъ Пушкинъ, занималъ чиновникъ особыхъ порученій при Воронцовѣ Николай Степановичъ Алексѣевъ. Съ нимъ Пушкинъ былъ друженъ и поселился у него въ 1823 году или предъ послѣднимъ отъѣздомъ въ Одессу или, вѣрнѣе, во второй половинѣ марта 1824 года, когда двѣ недѣли гостилъ въ Кишиневѣ, пріѣхавъ уже изъ Одессы. Домъ этотъ, который со-

1840 годъ, когда, по словамъ Надеждина, домъ «назначенъ къ перестройкѣ по причинѣ сильнаго поврежденія при послѣднемъ землетрясеніи». Литографія «Одесскаго Альманаха» воспроизведена на настоящей страницѣ, литографія Егорова на стр. 163.

временники называютъ «глиняной мазанкой», помѣщался гдѣ-то на окраинѣ «стараго» города, а болѣе подробныя свѣдѣнія неизвѣстны.

Въ предѣлахъ Бессарабіи Пушкинъ пробылъ, какъ указано въ началѣ очерка, съ 20 сентября 1820 года по 2 іюля 1823. Обѣ даты можно считать вполнѣ достовѣрными: 21 сентября онъ былъ уже въ Кишиневѣ, а отъ Днѣстра до Кишинева ровно день пути; 2 іюля 1823 года И. П. Липранди встрѣтилъ его по дорогѣ между Бендерами и Тирасполемъ. А такъ какъ эти города раздѣляетъ только Днѣстръ, граница между Бессарабской и Херсонской губерніями, слѣдовательно въ нашемъ распоряженіи—совершенно точная дата. Но два года и девять съ половиной мѣсяцевъ, падающихъ на бессарабскій періодъ, если вычислить разницу между указанными сроками,—на самомъ дѣлѣ нужно сократить, такъ какъ Пушкинъ нѣсколько разъ оставлялъ Бессарабію. Во первыхъ, приблизительно съ 20 чиселъ ноября 1820 года до начала марта 1821 года онъ провелъ въ Каменкѣ откуда, какъ мы знаемъ (см. выше стр. 109) 15 декабря А. Л. Давыдовъ извѣщалъ Инзова, что Пушкинъ боленъ и не можетъ вернуться къ сроку; затѣмъ въ январѣ вмѣстѣ съ Раевскимъ Пушкинъ уѣзжаетъ въ Кіевъ, въ февралѣ онъ опять въ Каменкѣ, и только въ началѣ марта В. П. Корчановъ засталъ Пушкина въ Кишиневѣ у М. Ѳ. Орлова. Во вторыхъ, съ конца апрѣля до послѣднихъ чиселъ мая 1821 г. Пушкинъ ѣздилъ съ разрѣшенія Инзова въ Одессу. Слѣдующая поѣздка въ Каменку и Кіевъ относится къ ноябрю 1822 г., и вторая поѣздка въ Одессу для представленія Воронцову—къ періоду съ конца мая по начало іюля 1823 года, когда 2 іюля на границѣ бессарабской области его видѣлъ Липранди. Такимъ образомъ, если изъ этихъ временныхъ отлучекъ вычесть тѣ три дня, на которые Пушкинъ покинулъ Одессу въ концѣ января 1824 года для поѣздки въ Бендеры и Каушаны, и тѣ двѣ недѣли которыя онъ провелъ въ Кишиневѣ, уже гостемъ у Н. С. Алексѣева съ половины до конца марта того же года, то въ среднемъ получится, что къ бессарабскому періоду жизни поэта относится всего около двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. Послѣ того, какъ на время отпуска гр. А. Ѳ. Ланжерона Инзовъ сталъ исправлять должность намѣстника всего Новороссійскаго края (съ іюля 1822 года),—въ Пушкинѣ замѣчается тяготѣніе къ Одессѣ. Объ этомъ онъ все чаще и все настойчивѣе говоритъ друзьямъ, и въ началѣ лѣта 1823 года они начинаютъ хлопотать, чтобъ новый намѣстникъ, графъ М. С. Воронцовъ, взялъ Пушкина къ себѣ съ цѣлью «спасти его нравственность».

Такимъ образомъ, «бессарабскій» періодъ закончился и начался «одесскій».

Въ Кишиневъ Пушкинъ попалъ случайно. Въ 1820 году намѣстникъ бессарабской области А. Н. Бахметевъ выхлопоталъ отпускъ для лѣченія, и его должность временно занялъ И. Н. Инзовъ, который перевелъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ и Попечительный Комитетъ о колонистахъ Южнаго Края. Инзовъ прекрасно понималъ, что Пушкинъ присланъ къ нему не для канцелярской работы. Поэтому «служба» изгнанника-поэта состояла въ исполненіи легкихъ порученій, командировокъ въ видѣ наказанія за разныя «вольности», или же въ родѣ той, о которой позднѣе, въ конца мая 1824 года, Пушкинъ докладывалъ Воронцову въ извѣстномъ шутливомъ четверостишьи: «Саранча летѣла, летѣла и т. д.»[1]). Опредѣленныхъ обязанностей у него не было, и когда намѣстникъ дѣлалъ ему серьезныя внушенія за выходки,—Пушкинъ по нѣсколько дней не являлся въ канцелярію. Инзовъ прекрасно понималъ настроеніе изгнанника, лишеннаго столичныхъ друзей. Другъ и воспитанникъ масоновъ, человѣкъ образованный, добрый, обходительный, скорѣе просто гуманный, чѣмъ питавшій особенныя симпатіи къ славянамъ,—Иванъ Никитичъ Инзовъ относился къ Пушкину поотечески, умѣлъ его сдерживать, иногда журилъ, самъ жилъ по-солдатски и снисходилъ къ «африканскому» темпераменту легкомысленнаго чиновника, прикомандированнаго къ нему лишь на время. И самъ Пушкинъ былъ убѣжденъ, что требованіе явиться въ Кишиневъ—результатъ канцелярской формалистики, потому что незадолго передъ тѣмъ, благодаря ходатайству за него статсъ-секретаря И. А. Каподистріи, «сферы» почти согласились вернуть его въ

1) О Пушкинѣ-чиновникѣ на службѣ Мин-ва иностр. дѣлъ на югѣ Россіи извѣстно немногое. Въ архивѣ попечительства о болгарскихъ колонистахъ, «хранящемся» на чердакѣ магистрата болгарской колоніи Камратъ, бендерскаго уѣзда, существуютъ дѣла съ подписями Пушкина, быть можетъ, подготовленныя имъ къ докладу, съ его справками и т. д. До сихъ поръ этимъ архивомъ не занимался никто, и составъ его еще не выясненъ.

РАЗВАЛИНЫ ДОМА ИНЗОВА ВЪ 1854 г.

(Литографія 1864 г.).

Петербургъ. Но затѣмъ Каподистрія покинулъ службу, а черезъ годъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи. Время шло, Пушкинъ долго не могъ привыкнуть къ тому, что въ Бессарабіи онъ уже не гость; его раздражало, что въ Петербургѣ о немъ забыли,—и долго онъ не могъ заняться чѣмъ-либо серьезнымъ, хандрилъ, капризничалъ, искалъ случая къ ссорѣ, становился болѣзненно самолюбивымъ, къ знакамъ вниманія относился съ нѣкоторою подозрительностью, словомъ, обнаруживалъ «строптивость характера», столь смущавшую представителей мѣстныхъ аристократическихъ «салоновъ».

Впрочемъ, о «неуимчивомъ» поэтѣ «сферы» не забывали. Долгое отсутствіе его изъ Кишинева въ концѣ 1820 и началѣ 1821 года дало поводъ мѣстной полиціи «обезпокоиться» по поводу «исчезновенія» поднадзорнаго поэта и донести 14 января областному правительству, что Пушкинъ уѣхалъ въ Москву. А такъ какъ въ Москву его Инзовъ не отпускалъ, то это положило начало сплетнямъ о бѣгствѣ Пушкина. Возможно, что подъ вліяніемъ этихъ слуховъ 1 августа Погодинъ сообщалъ В. Д. Корнильеву, будто Пушкинъ бѣжалъ изъ Кишинева и присоединился къ возставшимъ грекамъ.

13 апрѣля 1821 же года жившій въ славянской Люблянѣ (Лайбахъ) гр. И. А. Каподистрія сдѣлалъ, по приказанію государя, запросъ Инзову о поведеніи Пушкина, такъ какъ кишиневскіе шпіоны донесли куда слѣдуетъ, что Пушкинъ открыто бранитъ и военное начальство, и правительство. Черезъ двѣ недѣли Инзовъ послалъ одобрительный отзывъ и просилъ о высылкѣ поэту содержанія. Старикъ-намѣстникъ писалъ, что «при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ» Пушкинъ «не оказываетъ никакого участія въ сихъ дѣлахъ..., но, побуждаясь тѣмъ же духомъ, коимъ наполнены всѣ парнасскіе жители, къ ревностному подражанію нѣкоторымъ писателямъ въ разговорахъ своихъ со мною обнаруживаетъ иногда піитическія мысли». 19 ноя-

бря того же года кн. П. М. Волконскій запрашивалъ Инзова объ отношеніи «парнасскаго жителя» къ мѣстной масонской ложѣ молдавскаго князя (на самомъ дѣлѣ господаря)) Михаила Суццу. 1 декабря намѣстникъ отвѣтилъ, что масонскихъ ложъ въ Молдавіи не имѣется, и поведеніе Пушкина—хорошее.

Пребываніе поэта въ Кишиневѣ нѣсколько разъ прерывалось, какъ мы видѣли, поѣздками въ Каменку, въ Одессу, къ Дунаю. Послѣ одной изъ поѣздокъ къ Раевскимъ, ему стало необыкновенно тяжело. Изъ Кишинева выѣхали нѣсколько друзей, въ томъ числѣ П. С. Пущинъ, уволенный вслѣдствіе непріятности съ корпуснымъ командиромъ; петербургскіе друзья замолкли, словно сговорились; управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде оставилъ безъ послѣдствій прошеніе о переводѣ или отпускѣ въ Петербургъ на 2—3 мѣсяца; раньше о томъ же Пушкинъ просилъ, быть можетъ, и В. А. Жуковскаго; ко всему этому прибавилось нѣсколько неудачъ личнаго характера. «Бессарабскому пустыннику», какъ называетъ себя онъ раньше, въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 13 мая 1822 года, въ концѣ концовъ пришлось примириться съ обстоятельствами, втянуться въ пестрое кишиневское общество, находить развлеченіе въ тѣхъ «юродствахъ», которыя понятны были очень немногимъ и едва-ли понятны были самому поэту. Нѣсколько любовныхъ интригъ, въ которыхъ біографъ напрасно сталъ бы искать чего-нибудь хотя немного глубокаго, и нѣсколько столкновеній въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ царила атмосфера той-же бивуачной распущенности, служатъ поводомъ къ дуэлямъ—болѣе жалкимъ, чѣмъ опаснымъ. Словно желая «испытать» судьбу, Пушкинъ какъ будто самъ ищетъ опасностей, рискуетъ жизнью въ самыхъ пустыхъ и безпечныхъ проказахъ, то вѣря въ мощь своей природной удали и бросая вызовъ судьбѣ, то превращаясь въ покорно-веселаго школьника и добродушно-игриваго «добраго малаго». Характерная для большинства русскихъ писателей двойственность — въ кишиневской обстановкѣ получаетъ особенный просторъ для «африканскаго» темперамента неуравновѣшаннаго Пушкина. Изъ безпорядочно-легкомысленнаго эпикурейца онъ превращается вдругъ въ фаталиста — и какъ будто созерцаетъ жизнь съ высоты; изъ «неунимчиваго», дерзко-задорнаго забіяки всякаго рода «вольностей»—въ смиреннаго отшельника, не выходившаго изъ своихъ двухъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ намѣстническихъ апартаментовъ. То заносчивый, то дерзкій, кощунственный, легко раздававшій направо и налѣво свои рукописи, съ ногъ до головы «анархистъ», — Пушкинъ въ одно мгновеніе могъ обратиться въ человѣка, слишкомъ даже снисходительнаго къ другимъ, способнаго къ философскому самобичеванію, дорожившаго каждой написанной имъ бездѣлушкой, требовавшаго сочувствія у друзей и т. д. Очевидно, за каждымъ моментомъ подъема у него быстро наступала реакція. Приводившая въ ужасъ его біографовъ «сатанинская чувственность» чередуется съ какимъ-то «праздничнымъ просвѣтлѣніемъ», съ проявленіями «зрячей силы души»,—и то, и другое, какъ нормальный переходъ отъ свѣта къ тѣни, стихійно находитъ воплощеніе въ поэзіи, въ этотъ именно періодъ необыкновенно мощной и разнообразной.

Благодаря этимъ контрастамъ, бессарабскій періодъ признается выдающимся въ жизни Пушкина всѣми біографами. Для однихъ важно то, что здѣсь Пушкинъ въ первый разъ познался съ красотами и великолѣпіемъ русскаго юга; другіе обращаютъ вниманіе на то, что впервые живя вполнѣ самостоятельно въ Кишиневѣ, Пушкинъ могъ наблюдать разнообразіе человѣческихъ отношеній. Третьи называютъ этотъ періодъ серьезной подготовительной школой, четвертые приписываютъ Кишиневу роль «волшебной скалы», гдѣ «сладость уединенія» сосѣдила съ философскимъ «самопознаніемъ» и т. д. Разобраться въ этихъ мнѣніяхъ трудно, да и лишнее. Каждый смотритъ со своей точки зрѣнія и правъ съ одной лишь стороны. Для такой разносторонней натуры, какъ Пушкинъ, разсматриваемый періодъ важенъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. Прежде всего, онъ самъ предъявляетъ къ жизни болѣе серьезныя требованія. До сихъ поръ «дитя суроваго сѣвера» было на югѣ только гостемъ, туристомъ, диллетантомъ — теперь онъ надолго привязанъ къ мѣсту ссылки и служенія; развившаяся въ немъ любознательность заставляетъ его присматриваться ко всему болѣе глубоко: къ новымъ друзьямъ, знакомымъ, къ начальству онъ долженъ выработать болѣе опредѣленныя отношенія; оторванный отъ круга прежнихъ друзей, онъ дорожитъ имъ больше, чѣмъ раньше

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ ИНЗОВЪ.

Литографія Песоцкаго.

ше; въ Кишиневѣ впервые начинаетъ онъ жить воспоминаніями, и письма его изъ «проклятаго города», которому онъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе уже въ Одессѣ,—полны интереса, даже любви ко всему, что далеко отъ него, а масса новыхъ впечатлѣній какъ будто не въ силахъ заслонить этого прошлаго.

Вынужденный силой обстоятельствъ приспособляться къ новой обстановкѣ, Пушкинъ скоро погрузился въ водоворотъ свѣтской жизни, сталкивался съ разнообразными людьми—сталкивался съ ними въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и постоянно заставлялъ друзей вмѣшиваться въ непріятныя исторіи. Большая часть сколько-нибудь достовѣрно установленныхъ столкновеній Пушкина происходила съ военными. Первое по времени съ гусарскимъ полковникомъ лейбъ-гвардейцемъ Ѳ. Ѳ. Орловымъ, въ пьяномъ видѣ, во время игры на бильярдѣ въ концѣ октября 1820 года, когда Пушкинъ мѣшалъ играющимъ и получилъ за это «школьника». Дѣло обошлось безъ дуэли только благодаря вмѣшательству Липранди. Слѣдующее, въ концѣ 1821 года,—съ офицеромъ генеральнаго штаба Зубовымъ, за игрой въ банкъ, когда Пушкинъ систематически проигрывалъ и замѣтилъ, что «не слѣдовало бы платить за подобнаго рода проигрыши». «Составъ преступленія» на лицо, и дуэль происходила за городомъ, по ганчештской дорогѣ (или дорогѣ «въ Молдавію»), въ мѣстности «Малина» (теперь—кладбище). Пушкинъ хотѣлъ испытать себя—трусъ ли онъ; когда въ него стрѣляли—онъ ѣлъ черешни, а затѣмъ отказался стрѣлять и бросился къ «врагу» съ объясненіемъ. Его великодушія не оцѣнили, и Инзовъ отправилъ его въ Аккерманъ. Третье столкновеніе—

съ полковникомъ егерскаго полка С. М. Старовымъ, который «заступился» за своего офицера въ мѣстномъ «казино» относится къ январю 1822 года. Поводъ—самый глупый. Пушкинъ велѣлъ оркестру играть мазурку, офицеръ—вальсъ; музыканты «ослушались» офицера. И такой же глупой оказалась дуэль въ полѣ на Рышкановкѣ, за рѣчкой Быкомъ, во время мороза и снѣжной вьюги, когда противники, оба опытные стрѣлки, почти не могли разсмотрѣть другъ друга. Дуэль окончилась обмѣномъ любезностей. «Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ»,—сказалъ Пушкинъ. «И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ,—отвѣтилъ Старовъ.—Я долженъ сказать по правдѣ, что вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете». Въ связи съ этой дуэлью была и четвертая—съ румыномъ Тудораки Балшемъ, почтеннымъ старцемъ, имѣвшимъ право даже носить бороду, какъ членъ Верховнаго Совѣта бессарабской области. Его жена, красавица Маріола, повидимому, ревновала Пушкина, слишкомъ скоро оказавшаго предпочтеніе предъ нею какой-то новой звѣздѣ,—и напомнила о «не очень хорошо оконченной» дуэли со Старовымъ. Послѣдовало объясненіе съ мужемъ, объясненіе, въ которомъ больше безобразнаго мальчишества, чѣмъ даже раздраженнаго самолюбія. Во всемъ этомъ дѣлѣ Пушкинъ былъ кругомъ виноватъ: вмѣсто удовлетворенія онъ далъ пощечину почтенному боярину, и притомъ въ то самое время, когда тотъ пріѣхалъ просить у него же извиненія. Охарактеризовалъ эту исторію Вяземскій въ письмѣ къ А. Тургеневу отъ 30 мая, замѣтивъ какъ-то вскользь, что «кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина»... Память объ этой «вольности» сохранилась въ наброскѣ Пушкина «Мой другъ, уже три дня...». Пятое столкновеніе произошло со старшимъ чиновникомъ управленія колоніями И. Лановымъ, не менѣе солиднымъ старикомъ, бывшимъ адъютантомъ Потемкина, человѣкомъ чваннымъ, самодовольнымъ, любителемъ выпить. Ссора произошла за обѣдомъ у Инзова. Лановъ назвалъ Пушкина, сильно надоѣдавшаго ему насмѣшками, «молососомъ». Поэтъ не остался въ долгу, назвалъ «виносососомъ». Старикъ вызвалъ Пушкина на дуэль, припоминалъ свои удачныя дуэли прежнихъ лѣтъ; но она не состоялась благодаря увѣщаніямъ хозяина. Наконецъ, послѣднее столкновеніе относится къ веснѣ или лѣту 1822 года, предъ той сомнительной ссылкой въ Измаилъ, о которой говоритъ П. И. Бартеневъ. Ссора произошла за картами и кончилась тѣмъ, что Пушкинъ снялъ сапогъ и ударилъ «противника» по лицу. Еще одна дуэль могла произойти — уже назначены были время и мѣсто—съ кишиневскимъ помѣщикомъ Инглези, съ женой котораго, Людмилой, Пушкинъ имѣлъ свиданіе въ окрестностяхъ Кишинева. Опять въ дѣло вмѣшался Инзовъ: Пушкина онъ посадилъ на десять дней на гауптвахту, а Инглези предложилъ уѣхать съ женой за границу. Не дошло дѣло до дуэли только благодаря умѣлому вмѣшательству Липранди и по другому поводу, еще болѣе ничтожному. Въ пріятельской компаніи шла рѣчь о книгахъ, Пушкинъ просилъ достать ему какую-то книгу. Неизвѣстный грекъ удивился: «какъ! вы—поэтъ, и не знаете объ этой книгѣ!» Поэтъ обидѣлся и хотѣлъ вызвать способнаго некстати удивляться собесѣдника на дуэль.

Такова канва для исторіи дѣйствительныхъ и несостоявшихся дуэлей. Онѣ необыкновенно характерны и подчеркиваютъ извѣстный колоритъ «кишиневскихъ вольностей» изгнанника. Нетрудно замѣтить, что самыя столкновенія носили тотъ же характеръ, что и безпечные кутежи, невинныя шалости, забавныя проказы. Для кишиневскихъ аристократовъ во всемъ этомъ было что-то необыкновенное и во всякомъ случаѣ занимательное. Румынскіе бояре смотрѣли на поэта, какъ на безшабашнаго повѣсу, человѣка несерьезнаго, отчасти боялись его, отчасти заискивали передъ нимъ, такъ какъ инстинктивно чувствовали, что небрежность Пушкина въ обращеніи рѣшительно со всѣми, видно, опирается на какое-то неизвѣстное имъ право. Ихъ б о я р я с ы (боярыни) окружали его чѣмъ-то таинственнымъ, героическимъ, даже демоническимъ, тоже побаивались и то же заискивали предъ смѣлымъ кавалеромъ изъ свиты намѣстника. Кромѣ того, имъ льстили ухаживанія русскаго к у к о н а ш а (барчука) «Пушки», какъ называли они его. Въ такія переходныя эпохи высшее общество всегда отличается легкостью нравовъ, безсильно противъ свѣтской непринужденности, созданной западной цивилизаціей, и съ отвращеніемъ смотритъ на традиціи своего раболѣпно-гаремнаго «домостроя» съ его замкнутостью.

Особенно «отзывчивыми» оказались женщины, которыя взглянули на неизвѣстную имъ раньше «свѣтскость», какъ на принципъ: «все дозволено».

Чутко улавливающій атмосферу каждой новой обстановки, Пушкинъ не могъ иначе вести себя въ греко-румынскихъ салонахъ кишиневской аристократіи, знатность которой въ большинствѣ случаевъ болѣе чѣмъ сомнительна. Превращенныя силою обстоятельствъ и боязнью отстать отъ моды въ «салоны», небольшія комнаты кишиневскихъ бояръ напоминали востокъ нисколько не меньше, чѣмъ площади и улицы города. Устланныя пестрыми коврами съ грузными топчанами (родъ диванов) вдоль стѣнъ, комнаты наполнялись фигурами самаго разнообразнаго тона и костюма. Солидные бояре расхаживали съ длинными чубуками, въ высокихъ шапкахъ, длинныхъ дуламахъ съ разноцвѣтными полосами, папучахъ (башмакахъ) и цвѣтныхъ мешти (чулкахъ). Бояре перваго ранга носили, согласно обычаю, бороды; остальные брились, и это Пушкинъ отмѣтилъ въ наброскѣ «Мой другъ, уже три дня»:

И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ...

Новыхъ гостей встрѣчали восточнымъ угощеніемъ—дульчацы (варенье), шербетомъ, турецкимъ кофе; на балахъ и раутахъ играли лаутари (крѣпостные цыгане-музыканты). Столъ въ боярскихъ домахъ также носилъ мѣстный характеръ: плацынды, каймаки и другія блюда надоѣдали Пушкину, и онъ радовался, когда офицеры угощали его русскимъ столомъ. Ни одна подробность не ускользала отъ наблюдательности Пушкина, и появленіе въ новосозданныхъ салонахъ развязнаго молодого человѣка, въ то время уже извѣстнаго поэта, съ необыкновенно общительнымъ характеромъ, безпечнаго на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ проходившаго опасные пороги «жизненной смуты»,—могло настроить черноокихъ южанокъ далеко недвусмысленно. По опредѣленію біографовъ, оно создало «нравственно-одуряющую атмосферу». Конечно, для сколько-нибудь серьезныхъ увлеченій здѣсь не было мѣста. Пустыя, пестро разряженныя въ аляповатыя вѣнскія моды и сверху закутанныя въ неизмѣнныя турецкія шали, по восточному этикету сильно раскрашенныя, съ подведенными «сурьме» глазами, кишиневскія куконицы (барыни) могли вызвать въ Пушкинѣ только экзотическое любопытство, интересъ, такъ-сказать, зоологическій и забавно-шутливыя эпиграммы, въ родѣ немногихъ сохранившихся и написанныхъ, повидимому, въ концѣ 1821 года «Кишиневскихъ дамъ». Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бессарабіи, Пушкинъ увлекался много разъ, навѣрное, много больше, чѣмъ объ этомъ мы знаемъ. Онъ увлекался «мраморной» красавицей, существомъ загадочнымъ, Ундиной до превращенія ея въ женщину, Пульхерицей Варѳоломей; увлекался первой красавицей въ Кишиневѣ Маріолой Рали или Замфираки; прекрасной цыганкой, съ необыкновенно романтичнымъ прошлымъ, Шекорой-Людмилой Инглези; иностранной пѣвицей съ пылкимъ темпераментомъ Аникой Сандулаки; маленькой, некрасивой, полной огня и страсти, Калипсо Полихрони, которая плѣняла поэта не столько своими греческими и турецкими романсами, сколько какими-то неясными намеками на то, что она была любовницей «самого» Байрона, когда жила въ Константинополѣ. Въ началѣ апрѣля 1823 года Пушкинъ обѣщаетъ познакомить кн. П. А. Вяземскаго «съ гречанкой, которая цѣловалась съ Байрономъ», посвящаетъ ей стихотвореніе («Гречанкѣ», 1822; первоначальные наброски,—«Гречанка, я люблю тебя», относятся къ концу 1821 года), а румынскій поэтъ Костаки Негруцци досказываетъ дальнѣйшую исторію Калипсо. Переодѣвшись послушникомъ, она долго жила въ древнемъ Нямецкомъ монастырѣ, что́ у подножья Карпатъ, молча несла аскетическіе подвиги, и только послѣ смерти ея монахи узнали, что это была женщина. Бессарабскія воспоминанія вообще полны пикантныхъ разсказовъ, сюжеты которыхъ напоминаютъ «Декамеронъ» и вообще бродячія исторіи любовныхъ авантюръ. Судя по нимъ, Пушкинъ пользовался успѣхомъ, и однажды, во время свиданія за городомъ съ аристократкой-румынкой, на влюбленныхъ изъ-за кустовъ бросилась цыганка, покинутая прежняя любовница поэта. На ряду съ этимъ шли такія же мимолетныя, пустыя и скорѣе всего безплодныя ухаживанія за женами военныхъ или чиновниковъ—Еленой Соловкиной, Маріей Эйхфельдтъ, которой также посвящены стихи, Маріей Шрейберъ и другими. Всего не перечислить. Эти ухаживанія и увлеченія также мало интересны для «исторіи души поэта», какъ неинтересны

и всѣ плоскія четверостишья, приписываемыя авторами воспоминаній о кишиневскомъ періодѣ «сочинителю» Пушкину. Пушкинъ просто короталъ время — не больше. Недаромъ, когда мужья жаловались на него Инзову, то старый намѣстникъ наказывалъ его, какъ мальчишку, и на нѣсколько дней оставлялъ безъ сапогъ: болѣе серьезнаго наказанія не заслуживали слишкомъ несерьезныя «вольности».

Изученіе всѣхъ матеріаловъ, касающихся разсматриваемаго періода, приводятъ къ тому выводу, что мы почти всегда имѣемъ дѣло съ двумя Пушкиными, и чтобы покончить съ «безпечнымъ шалуномъ», упомянемъ о нѣсколькихъ фактахъ, самихъ по себѣ характерныхъ, но имѣющихъ цѣну все-таки анекдотовъ. Пушкинъ выучилъ попугая (по другимъ версіямъ — сороку) намѣстника браниться по-румынски, и когда мѣстный архіерей Димитрій (Сулима) пріѣхалъ на Пасху къ Инзову,—птица встрѣтила его «сквернословіемъ». Надо знать, что малороссъ по происхожденію, преосвященный хорошо зналъ румынскій языкъ и написалъ основательный отзывъ о «Начертаніи правилъ валахо-молдавскаго языка» Гинкулова для X-го присужденія демидовскихъ наградъ (1841), составилъ историческую записку о монастыряхъ Бессарабіи и т. д. Поэтому эффектъ шутки получился полный. Другой разъ Пушкинъ сдѣлалъ какое-то шутливое замѣчаніе по поводу Евангелія въ присутствіи ректора семинаріи Иринея (впослѣдствіи, съ 1824 г., пензенскаго архіерея) и боялся, чтобы тотъ не донесъ на него въ Синодъ. То онъ украдетъ папучи (башмаки) у боярыни, которая для удобства и отъ непривычки снимала ихъ, садясь по-турецки на диванъ, когда бывала даже въ чужихъ домахъ; то переодѣвается въ разные костюмы и появляется въ городскомъ саду туркомъ, румыномъ, сербомъ; шалитъ въ церкви, стоя позади старика Инзова; дѣлаетъ поклоны и гримасничаетъ знакомымъ дамамъ. Одинъ разъ его видѣли на улицѣ безъ шляпы: это онъ проигрался за ночь и на утро, въ залогъ за вино, оставилъ трактирщику свою шляпу. Другой разъ онъ въѣхалъ верхомъ на крыльцо дома, на одной изъ главныхъ улицъ, увидавъ въ окнѣ красивую дѣвушку.

Напыщенныхъ бояръ, гордившихся своимъ происхожденіемъ отъ Комненовъ, и русскихъ офицеровъ, державшихся въ сторонѣ отъ простонародья, Пушкинъ шокировалъ выходками другого рода: онъ присоединялся къ джéку (хороводъ) на площади или гдѣ нибудь въ окрестностяхъ и подъ звуки кобзы отплясывалъ сербéшти (сербскій танецъ) или мититику. Едва-ли къ числу положительныхъ факторовъ придется отнести принадлежность Пушкина къ масонской ложѣ (№ 25), въ домѣ Каушки въ «старомъ» городѣ, присоединенной къ союзу «Астреи» почти наканунѣ официальнаго закрытія ложъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ забавный случай съ «масономъ» болгарскимъ архим. Ефремомъ: народъ увидѣвъ его входящимъ въ подвалъ съ завязанными глазами, рѣшилъ, что архимандриту угрожаетъ какая-то опасность, произвелъ разгромъ подвала и извлекъ изъ «дьявольскаго судилища» вдвойнѣ перепуганнаго монаха. Мы уже знаемъ, что кн. П. М. Волконскій дѣлалъ запросъ Инзову о масонскихъ ложахъ въ Молдавіи и, въ частности, объ отношеніи къ нимъ Пушкина. Не можетъ быть, чтобы старый масонъ Инзовъ не зналъ о существованіи въ Кишиневѣ ложи, носившей, какъ увидимъ дальше, столь близкое для русскаго поэта-изгнанника названіе ложи «Овидія»; тѣмъ не менѣе, 1 декабря 1821 г. онъ отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ, а въ ночь съ 4 на 5 декабря произошло послѣднее засѣданіе послѣдней ложи въ Россіи, послѣ чего она закрылась. Воздѣйствіе Инзова здѣсь несомнѣнно.

Воспоминанія разныхъ бессарабскихъ «старожиловъ», въ общемъ весьма сомнительной достовѣрности, передаютъ рядъ Пушкинскихъ «остротъ», въ стилѣ довольно плоскихъ экстравагантностей на холостыхъ пирушкахъ. Но при всей недостовѣрности этихъ разсказовъ, правы, повидимому, были тѣ товарищи поэта, которые отмѣчаютъ желаніе «бѣса арабскаго» опередить участниковъ веселыхъ компаній даже въ шалостяхъ самыхъ пошлыхъ и всюду быть первымъ. Взятыя во всемъ объемѣ, приписываемыя Пушкину и связываемыя съ Кишиневымъ остроты или вульгарны, или поразительно ординарны, словно провинціальная жеманница, которая проситъ «написать стишокъ» въ ея пестрый альбомъ.

Однако при всей безпорядочности время провожденія, Пушкинъ не переставалъ работать. Къ новымъ произведеніямъ, законченнымъ или только задуманнымъ, онъ относился серьезно, съ печатаніемъ не спѣшилъ. Онъ читалъ книги изъ библіотеки Инзова по богословскимъ наукамъ, мистикѣ,

исторіи, географіи (перешла въ одесскую городскую библіотеку), изъ библіотеки И. Липранди по исторіи и географіи Турціи, славянскихъ земель и Румыніи (перешла въ библіотеку Генеральнаго штаба), самъ выписывалъ книги и журналы, кое-что доставалъ и у друзей, и у офицеровъ генеральнаго штаба, много размышлялъ, многое пережилъ, словомъ, имѣлъ право въ «Посланіи къ Чаадаеву» (1821 г.) сказать о себѣ то же, что́ говорилъ черезъ годъ послѣ пріѣзда въ Кишиневъ:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Плодамъ дневъ моихъ, съ порядкомъ дружелъ умъ:
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ:
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

СТАРО-МОЛДАВСКІЙ БОЯРСКІЙ КОСТЮМЪ.
(*Тудоръ Владимиреску*).

Кишиневскій періодъ, періодъ «пыла и порывовъ», по замѣчанію Анненкова, обыкновенно ставитъ втупикъ біографовъ, желающихъ слѣдовать однимъ фактамъ,—конечно, наиболѣе достовѣрнымъ. А опредѣлить достовѣрность массы анекдотовъ, разсказовъ о дебошахъ, вспышкахъ «необузданнаго нрава», притомъ опредѣлить степень достовѣрности завѣдомо беллетристическихъ упражненій въ родѣ «воспоминаній» (?) Е. Францевой,—очень трудно. «За чашей ликованія», среди «игръ Вакха и Киприды», достовѣрное стихійно перемѣшивалось съ невѣроятнымъ даже для самихъ участниковъ этихъ «вольностей». П. Бартеневъ допускаетъ даже, что Пушкинъ только «прикидывался буяномъ, развратникомъ, яростнымъ вольнодумцемъ». Еще труднѣе охарактеризовать этотъ періодъ, несомнѣнно самый бурный въ жизни Пушкина. Во всякомъ случаѣ, его нельзя назвать «ночью, облегавшей сознаніе поэта», или «исторіей заблужденія самаго свѣтлаго ума эпохи», какъ характеризуетъ его тотъ же Анненковъ, своеобразно понимавшій байронизмъ и пугавшійся всякихъ «демоническихъ безчинствъ», антисоціальныхъ порывовъ—«слѣпо бунтующей личности» — того художественно-философскаго анархизма, который дѣйствительно расцвѣлъ въ творчествѣ Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ.

Въ числѣ органическихъ факторовъ, поддерживающихъ «байронизмъ» разсматриваемаго періода, не на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ греческая революція, которая необыкновенно живо чувствовалась въ Кишиневѣ. Гетеристы поднялись для возстановленія попранной свободы, боролись противъ реальныхъ угнетателей, провозглашали идеальныя человѣческія права. Всѣ симпатіи передового элемента въ Бессарабіи были на сторонѣ греческихъ «повстанцевъ», прежде всего—какъ героевъ, которыхъ ожидаетъ или слава, или мученичество. Пушкинъ страстно слѣдитъ за ходомъ возстанія, начало котораго почти совпало съ его пріѣздомъ въ Бессарабію (21 февраля 1821 года А. Ипсиланти съ братьями прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, а 11 марта поднялъ знамя возстанія), сообщаетъ друзьямъ новости (напр., письмо А. Н. Раевскому въ мартѣ 1821 г.), ведетъ, правда очень недолго, журналъ гетеріи и немного охладѣваетъ послѣ того, какъ четы Ипсиланти, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ битвѣ съ турками

подъ Скулянами и Драгашанами 29 іюня, явились въ Кишиневъ настоящими «бенàрями» (бѣглецами) въ видѣ остатковъ деморализованныхъ шаекъ. Греческимъ движеніемъ вдохновлено стихотвореніе «Востань, о Греція». «Дѣло Греціи меня живо трогаетъ. Вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы», — писалъ Пушкинъ въ 1823 году. «Съ удивленіемъ слышу я, что ты (очевидно, А. Н Раевскій) почитаешь меня врагомъ освобожденія Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы; но, чтобъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа». Это относится уже къ іюню 1824 года. Впрочемъ, иначе и не могъ бы мыслить Пушкинъ, въ то самое время особенно чувствовавшій на самомъ себѣ тяжесть правительственнаго гнета. Едва ли славянскими симпатіями, а не общимъ гуманнымъ чувствомъ, объясняется его первое стихотвореніе, написанное въ Кишиневѣ 5 октября 1820 года, въ которомъ воспѣвается «гроза луны, свободы воинъ» («Дочери Карагеоргія»). Наконецъ, въ январѣ 1824 года Пушкинъ просилъ Липранди достать ему переводъ двухъ пѣсенъ гетеристовъ и вскорѣ получилъ ихъ.

Многое должно было поразить воображеніе этнографа-романтика и историка-мечтателя въ своеобычной Бессарабіи начала 20-хъ годовъ. На Кавказѣ и въ Крыму Пушкинъ былъ недолго, плѣнялся природой, восторгался стариной, но изучать не имѣлъ возможности ни того, ни другого. Въ Бессарабіи онъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ столкнуться съ мѣстнымъ языкомъ, безъ котораго нельзя обойтись и теперь, несмотря на всѣ руссификаторскія стремленія правительства въ теченіе цѣлаго столѣтія. Однимъ изъ его учителей румынскаго языка былъ б а д я (дяденька) Тодоръ, экономъ намѣстническаго дома. Съ нимъ Пушкинъ бесѣдовалъ по-румынски, скорѣе всего—просто обмѣнивался нѣсколькими ходячими фразами-привѣтствіями, отъ него записывалъ выраженія и отдѣльныя слова въ книжку, болѣе трудныя—на стѣнѣ, чтобы легче запомнить; составилъ не дошедшій до насъ русско-румынскій словарь и т. д. По другимъ свѣдѣніямъ, Пушкинъ знакомился съ румынскимъ языкомъ при помощи извѣстнаго поэта Костаки Негруцци, жившаго въ то время въ Кишиневѣ, хотя это очень мало правдоподобно. Замѣтимъ, между прочимъ, что Пушкинъ чуть не единственный изъ русскихъ писателей правильно передавалъ этническій терминъ м о л д о в а н ъ («И грекъ и молдованъ тяжелый»—въ «Отрывкахъ изъ путешествія Евгенія Онѣгина»), слѣдуя румынскому произношенію moldovan, Moldóva, а не нѣмецкому Moldau, французскому Moldavie и т. п. Памятью о знакомствѣ поэта съ румынскимъ языкомъ остался переводъ цыганской х о р ы (плясовая пѣсня) «Пѣсня Земфиры», которую онъ слышалъ въ исполненіи л а у т а р е й боярина Варѳоломея, и молдавской пѣсни «Черная шаль», записанной отъ молодой румынки Мардьолины въ «Зеленомъ трактирѣ въ октябрѣ 1820 года. Обѣ пѣсни—типичные любовные романсы, принадлежавшіе неизвѣстнымъ пѣвцамъ-крѣпостнымъ, которые всегда имѣлись при дворахъ бояръ. По свидѣтельству В. П. Горчакова, въ домахъ, гдѣ бывалъ Пушкинъ, лаутари исполняли еще романсъ «Te iubesc peste masurâ» («Чрезмѣрно люблю тебя»); по воспоминаніямъ А. Вельтмана,—«Prin amorului dulceatâ» («Любовной сладостью»)—и другой романсъ, начало котораго имъ сохранено въ собственномъ переводѣ:

Есть ли я живу,—я живу лишь для милой;
Безъ нея мнѣ все грустно и уныло.

Сообщаемые Е. Францевой «макароническіе» шутливые стихи, написанные будто бы Пушкинымъ на злободневные случаи, съ нѣсколькими румынскими словами и выраженіями, конечно, принадлежатъ не Пушкину; но такое смѣшеніе языковъ въ стихотвореніяхъ-шуткахъ само по себѣ правдоподобно и оправдывается болѣе достовѣрными примѣрами, сохраненными у другихъ современниковъ поэта. Умѣвшій опредѣлять цѣнность этнографическихъ особенностей во всемъ, Пушкинъ, по нашему убѣжденію, передалъ до сихъ поръ бытующее въ Бессарабіи турецкое названіе одного сорта винограда, к а д ы н - п а р м а к («женскіе пальчики»), въ послѣдней фразѣ своего «Винограда»

Продолговатый и прозрачный,
Какъ п е р с т ы д ѣ в ы молодой *).

*) Наше предположеніе не теряетъ значенія даже въ томъ случаѣ, если предположеніе В. Е. Якушкина, что «Виноградъ» написанъ въ Юрзуфѣ въ августѣ—сентябрѣ 1820 года, найдетъ болѣе устойчивое основаніе.

Рисунокъ Пушкина изъ Кишиневской тетради № 2365 (л. 42). Воспроизводится впервые. Относится къ малоизслѣдованному эпизоду бессарабскаго періода. Пушкинъ вызвалъ на дуэль бывшаго французскаго офицера—авантюриста Денильи, а тотъ струсилъ, спрятался за жену и дуэль несостоялась. (См. переписку Пушкина 1822 г.).

Въ «Цыганахъ», начатыхъ уже въ Одессѣ въ концѣ 1823 или началѣ 1824 года, вѣрно переданъ этнографическій колоритъ, скрашенный только той интернаціональной романтической дымкой, которая обыкновенно нивеллируетъ всякія яркія національныя черты. И хотя сохранившіяся въ бумагахъ Пушкина замѣтки о происхожденіи и нравахъ цыганъ скорѣе всего взяты изъ какихъ-нибудь книжныхъ источниковъ,— вся поэма свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ зналъ цыганскій бытъ много ближе, чѣмъ просто любознательный туристъ. Румынскій бытъ, слишкомъ прозаичный и малохарактерный, едва ли могъ плѣнить Пушкина, и поэтому вполнѣ закономѣрнымъ является то, что самое крупное произведеніе, навѣянное Бессарабіей, рисуетъ бытъ вольныхъ, своеобразныхъ, дикихъ и поэтичныхъ цыганъ. О сюжетѣ «Цыганъ» сохранилось нѣсколько версій. Менѣе правдоподобная изъ нихъ относитъ случай къ 1821 году. Вмѣстѣ съ Кіріенко—Волошиновымъ Пушкинъ вышелъ на разсвѣтѣ за городъ, перешелъ рѣчку Быкъ, набрелъ на богатый таборъ и увидалъ не болѣе не

менѣе, какъ совершенно «готовый» эпилогъ «Цыганъ». На огромномъ старомъ камнѣ сидѣлъ старикъ, начальникъ табора Маноля, и кому-то грозилъ въ безумномъ отчаяніи. Возлѣ него лежала убитая красавица—дочь Аргира, жена скрипача Урлана, а внизу подъ камнемъ—трупъ интеллигентнаго молодого человѣка, очевидно, сброшеннаго съ холма, въ бархатномъ щегольскомъ костюмѣ, съ выхоленными руками и волнистыми волосами. «Литературно» переданная Е.Францевой мелодрама, съ красивыми и на удивленіе «точными» діалогами, впечатлѣніями невольныхъ зрителей потрясающей сцены, массовыми движеніями растерявшагося табора и т. д.—явное сочинительство. Еще болѣе лубочна — сцена гаданія Пушкину тетки Смаранды, предсказаніе дуэли, на которой поэтъ будетъ убитъ, цѣлый разсказъ, будто бы отъ лица Маноли, о его любви къ легкомысленной Замфирѣ, о дурнушкѣ-дѣвочкѣ Аргирѣ, ея чудесномъ превращеніи въ «жемчужину табора», объ увлеченіи ею румынскаго помѣщика Петраки Янко, объ убійствѣ этого помѣщика цыганкой-соперницей Негрицей, о новомъ увлеченіи ею польскаго графа Чарницкаго, и, наконецъ, о знакомой уже намъ развязкѣ. Поэтому не имѣетъ значенія и все свидѣтельство о первоначальномъ (sic) видѣ поэмы: «Бессарабскіе кочующіе цыгане. Истинное происшествіе», вмѣстѣ съ «колыбельной пѣсней» Аргиры, сильно напоминающей стиль автора воспоминаній въ фельетонахъ кавказскихъ газетъ. По другой версіи, сообщенной внукомъ извѣстнаго румынскаго писателя Стамати М. Шонимымъ, Пушкинъ увидалъ цыганскій таборъ также въ окрестностяхъ Кишинева, но съ западной стороны, по направленію къ Боюканамъ. Толпа взрослыхъ и ребятъ бросились къ нему, очевидно, за подачками. Пушкинъ испугался, убѣжалъ въ городъ, пришелъ къ Стамати, попросилъ перо и чернилъ и набросалъ начало поэмы: «Цыгане шумною толпой»... По третьей версіи, интересъ къ цыганамъ пробудился въ Пушкинѣ подъ вліяніемъ любви къ женѣ помѣщика Инглези, Шекорѣ-Людмилѣ, которую изъ табора купилъ румынъ помѣщикъ Бодиско; послѣ смерти мужа она вышла за Инглези. Увлеченіе Людмилой было, повидимому, самымъ серьезнымъ въ ряду остальныхъ «шалостей», и свою любовницу онъ изобразилъ въ Замфирѣ. Узнавъ объ ухаживаніяхъ поэта, мужъ Людмилы заперъ ее въ чуланъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, дуэль не состоялась,—и Инглези увезъ жену заграницу. Когда она узнала о новыхъ увлеченіяхъ Пушкина, уже въ Одессѣ (по всей вѣроятности, Ризничъ), то была настолько убита, что симптомы чахотки проявились съ новой силой, и она умерла, будто повторяя послѣднія слова извѣстной пѣсни Замфиры.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя.

Въ «Запискахъ» Смирновой, тоже довольно мало достовѣрныхъ, о знакомствѣ съ цыганами читаемъ: «Пушкинъ разсказывалъ свои Wanderungen у цыганъ въ Молдавіи (sic); тамъ въ одномъ таборѣ онъ слышалъ разсказъ—объ убійствѣ женщины, которымъ воспользовался для поэмы: онъ нашелъ своего Алеко и Замфиру подъ шатромъ». Такимъ образомъ, мѣсто дѣйствія переносится уже далеко отъ Кишинева, словно оправдывая слова самого поэта:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ.

Авторъ замѣтки «Пушкинъ въ Болградѣ». («Русск. Архивъ» 1900, III, стр. 400) указываетъ на какое-то преданіе, будто «именно въ окрестностяхъ Болграда, между этимъ послѣднимъ и Измаиломъ (с. Чешме-Варуитъ?), онъ встрѣтилъ и нѣкоторое время сопровождалъ цыганскій таборъ». Что дѣло происходило во время одной изъ поѣздокъ Пушкина на югъ Бессарабіи,—объ этомъ говорятъ и другіе источники, хотя указаніе на окрестности Болграда слишкомъ неопредѣленно. Говоря о симпатіяхъ Пушкина къ югу Бессарабіи, въ связи съ происхожденіемъ «Цыганъ», Аненковъ въ «Матеріалахъ» (стр. 91) замѣчаетъ, что на этотъ разъ поэтъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный.

Но въ свое время П. Бартеневъ («Пушкинъ на югѣ Россіи», стр. 110) указалъ на то, что этотъ отрывокъ (см. выше, стр. 2) имѣетъ въ виду извѣстную Румянцевскую колонну въ Царскомъ Селѣ (I, стр. 189). Правда, въ другихъ мѣстахъ упоминаются «степи Кагула» «Кагульскія воды», очевидно, извѣстное озеро около Кагула, мѣсто Кагульской битвы (около с. Волканешты), берега Дуная и т. д.; но у насъ есть два

«ПУШКИНСКІЙ» ТАБОРЪ У ЧУГОРСКИХЪ ВОРОТЪ НА ПРУТѢ.

Со снимка архитектора А. Н. Смирнова.

болѣе достовѣрныхъ свидѣтельства. Во-первыхъ, Пушкинъ въ «Цыганахъ» ясно намекаетъ на Прутъ, какъ границу между Россіей и Молдавіей, вассальнаго господарства Турціи, и на остатки какихъ-то древнихъ крѣпостей, въ данномъ случаѣ едва ли извѣстнаго Троянова Вала.

> Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
> Ужасный гулъ не умолкалъ,
> Гдѣ повелитель тыя грани
> Стамбулу русскій указалъ...
> Встрѣчалъ я посреди степей,
> Надъ рубежами древнихъ становъ,
> Телѣги мирныя цыгановъ,
> Смиренной вольности дѣтей.

Знакомый съ археологіей Бессарабіи безошибочно остановится на Чугорскихъ Воротахъ, что на Прутѣ, недалеко отъ впаденія его въ Дунай, а совпаденіе пушкинскаго упоминанія о «рубежахъ древнихъ становъ» со слѣдами доисторическаго городища въ этомъ мѣстѣ подтверждается еще слѣдующимъ фактомъ. Кочующій до сихъ поръ по южной Бессарабіи, прежней буджацкой степи, одинъ цыганскій таборъ ежегодно располагается у Чугорскихъ воротъ, въ воспоминаніе бывшаго «при прадѣдахъ» случая, аналогичнаго описанному въ «Цыганахъ». По свидѣтельству архитектора пограничной стражи Александра Николаевича Смирнова, доставившаго намъ помѣщенный на настоящей страницѣ снимокъ съ этого историческаго табора, среди цыганъ хранится преданіе о томъ, что съ ними провелъ нѣсколько дней «русскій баринъ по имени Александръ». Нѣкоторые изъ цыганъ прибавляютъ, что это былъ поэтъ; но г. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ очевидны позднѣйшія толкованія, сдѣланныя цыганамъ кѣмъ-нибудь «изъ образованныхъ людей».

Если этимъ не исчерпывается все этнографическое воспитаніе русскаго поэта въ Бессарабіи, то въ заключеніе мы можемъ привести мнѣніе Л. Майкова, который живость и яркость красокъ въ «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» готовъ объяснять не чѣмъ инымъ, какъ впечатлѣніями, которыя

залегли въ душѣ поэта со времени его жизни въ Кишиневѣ, и особенно впечатлѣніямя «скитаній» по Бессарабіи. Изъ такихъ путешествій по южной Бессарабіи мы знаемъ два достовѣрныя и одно сомнительное. Первое относится къ 9—23 декабря 1821 года, когда Пушкинъ вмѣстѣ съ Н. П. Липранди ѣздилъ къ берегамъ Чернаго моря и Дунаю, посѣтивъ Бендеры, Каушаны, Паланку, Аккерманъ и Шàбо *), Татарбунаръ, Измаилъ, Голжадъ, Мово на Прутѣ. Второе—къ концу января 1824 года, когда Пушкинъ ѣздилъ только въ Бендеры и Каушаны, на три дня, уже изъ Одессы. Сомнительная поѣздка въ Измаилъ весной или лѣтомъ 1822 года основана на словахъ одного П. И. Бартенева, и связана съ одной изъ пустыхъ дуэлей; хотя Липранди не могъ совершенно опровергнуть всего этого извѣстія, но въ то же время онъ ничѣмъ не могъ и подтвердить его, а потому лучше о третьей поѣздкѣ не говорить.

Мы уже упоминали, что Пушкина плѣняло и прошлое Бессарабіи. Его онъ скорѣе только чувствовалъ, чѣмъ зналъ, хотя и пробовалъ изучать по книгамъ, взятымъ у Липранди; чувствовалъ его «поэтически», останавливаясь лишь на тѣхъ историческихъ моментахъ, которые будили въ немъ фантазію. Онъ не умѣетъ разобраться въ созданныхъ этой фантазіей картинахъ: то восторгается слѣдами воспѣтой Державинымъ «русской славы», которая соединена съ громкими именами отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова,—пишетъ отрывокъ «Чугунъ Кагула, ты священенъ...» (конецъ 1821 года); то бредитъ тѣнью Овидія, которая «дунайскихъ ищетъ береговъ»,—

И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого.

Объ Овидіи Пушкинъ упоминаетъ нѣсколько разъ («Къ Овидію», «Цыгане», «Чаадаеву», «Баратынскому изъ Бессарабіи», «Евгеній Онѣгинъ», VIII), вѣритъ въ то, что находится близъ его могилы, въ судьбѣ римскаго поэта находитъ сходство со своимъ изгнанничествомъ. Память объ Овидіи поддерживалась еще названіемъ мѣстной масонской ложи, закрытой въ началѣ декабря 1821 года. 27 іюня 1822 г. Пушкинъ пишетъ Гнѣдичу, что «живетъ межъ гетовъ и сарматовъ», — и этимъ исчерпывается интересъ Пушкина къ древнему періоду исторіи Бессарабіи. Да и не могъ онъ долго останавливаться на немъ уже потому, что вещественныхъ памятниковъ этой эпохи почти не существуетъ, а для поэта-романтика они говорятъ больше, чѣмъ сухіе памятники письменности. Обстановка Бахчисарая сообщила ему извѣстное настроеніе, которое такъ цѣльно передано въ поэмѣ, вдохновленной остатками дворца крымскихъ хановъ. Нѣчто подобное Пушкинъ ожидалъ найти и въ бывшей лѣтней столицѣ буджацкихъ хановъ, въ Каушанахъ, и долго не вѣрилъ, когда ему говорили, что тамъ ничего не осталось отъ былого владычества нѣкогда значительныхъ буджацкихъ татаръ, потомки которыхъ всего нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были переселены изъ степей южной Бессарабіи въ Крымъ. Въ Варницѣ около Бендеръ Пушкинъ интересовался всѣмъ, что̀ сохранилось отъ пребыванія здѣсь Карла XII и Мазепы, разспрашивалъ о нихъ глубокаго старика-украинца, нарисовалъ поразительно вѣрную картину жизни «шведскаго паладина» въ почетномъ турецкомъ плѣну и первый угадалъ, что Мазепа похороненъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, ясно заявивъ, что

Тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы.

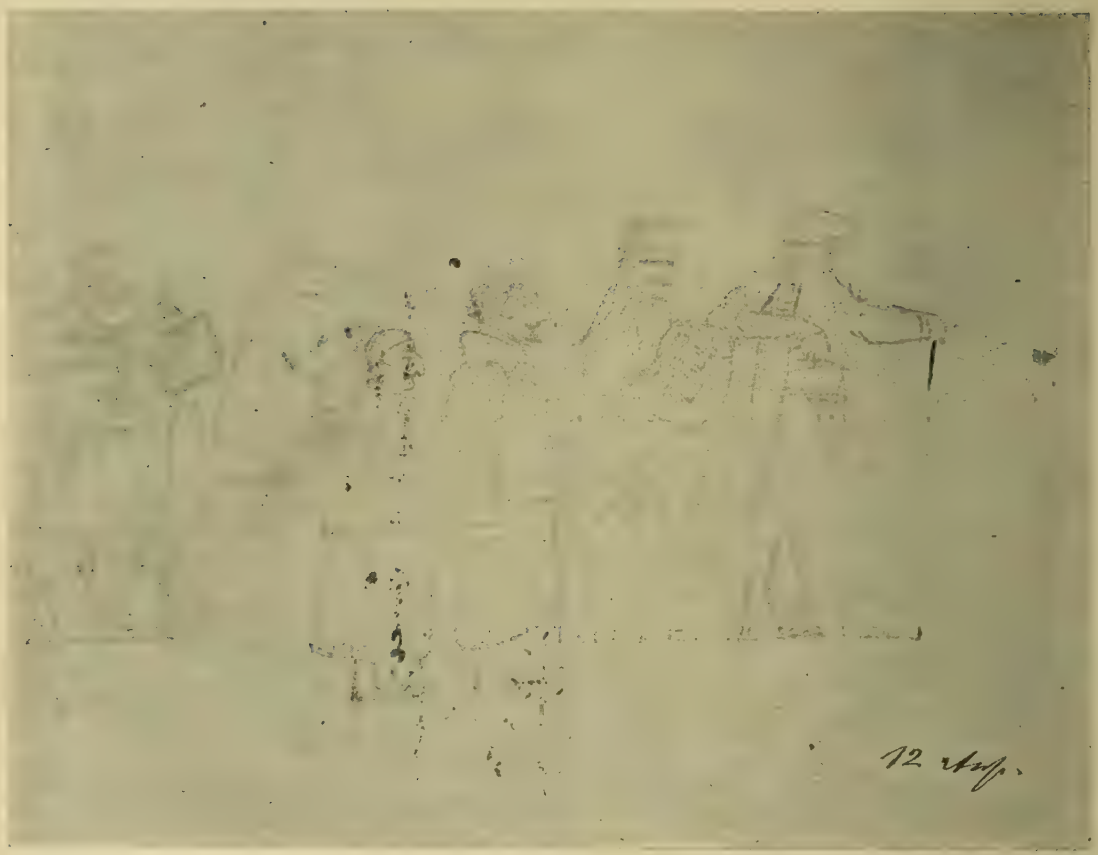
И сдѣлалъ онъ это наблюденіе, по всей вѣроятности, путемъ того историческаго ясновѣдѣнія, котораго не было у точныхъ историковъ, опредѣленно говорившихъ о погребеніи Мазепы въ Варницѣ, описывавшихъ самое погребеніе стараго гетмана и т. д. (Бантышъ-Каменскій, Маркевичъ, Афанасьевъ-Чужбинскій); и только въ 60 гг., послѣ изданія румынской «Хроники» Николая Костина, стало дѣйствительно извѣстнымъ, что тѣло скончавшагося въ Варницѣ Мазепы сейчасъ же было перевезено въ Галицъ на Дунаѣ и похоронено въ монастырѣ св. Георгія. Во второй половинѣ 1822 года, проѣздомъ въ Измаилъ, Пушкинъ былъ въ селеніи Табаки, гдѣ въ то время жили чиновники Инзовской канцеляріи. Незадолго до этого (29 декабря 1819 г.)

*) У большинства біографовъ Пушкина, въ томъ числѣ и у Н. О. Лернера («Труды и дни», 2 изд., стр. 71), названію этой колоніи, состоящей сплошь изъ виноградныхъ садовъ и расположенной по направленію отъ Аккермана къ Черному морю, придается французская окраска съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. На самомъ дѣлѣ, это—турецкое слово ашá-агáб, т.-е. «нижніе сады», и мѣстный выговоръ сохраняетъ главное ударе́ніе: Ш а́ б о.

ОСТАТКИ АККЕРМАНСКОЙ КРѢПОСТИ.
Съ фотографическаго снимка А. И. Яцимирскаго.

Табаки были переименованы въ Болградъ, какъ болѣе подходящее названіе главной колоніи болгаръ-эмигрантовъ, и, судя по нѣкоторымъ подробностямъ, мы думаемъ, что, описывая бѣдное болгарское село, Пушкинъ имѣлъ въ виду именно Табаки. Румынскимъ періодомъ исторіи Бессарабіи Пушкинъ совсѣмъ не вдохновился—скорѣе всего потому, что въ его время не было ни одного источника, кромѣ сырыхъ матеріаловъ, притомъ на румынскомъ языкѣ и въ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе, историческія пѣсни («баллады») интересовали его, и въ бумагахъ его, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, были двѣ записи, по всей вѣроятности, не обработанныя: «Дука. Молдавское преданіе XVII вѣка» и «Дафна и Дабижа. Молдавское преданіе 1663 года». Въ Измаилѣ Пушкинъ старался представить себѣ картину штурма могучей твердыни русскими войсками, удивлялся храбрости ихъ и не могъ понять, какъ они взбирались на отвѣсныя стѣны крѣпости. Въ Аккерманѣ, лежащемъ на Днѣстровскомъ лиманѣ противъ города Овидіополя (Херсонской губерніи), который снова воскресилъ въ душѣ поэта мысль объ Овидіи,—Пушкинъ, по преданію, сохраненному Надеждинымъ, цѣлую ночь просидѣлъ въ одной изъ прибрежныхъ башенъ древней генуэзской цитадели «погруженный въ созерцаніе; прибавляютъ, что башня эта съ тѣхъ поръ называется Овидіевой». Наконецъ, Пушкина интересовала судьба бессарабскаго гайдука Урсула, съ которымъ нѣкоторые біографы упорно соединяютъ даже созданіе образа «Братьевъ разбойниковъ» *),—и по просьбѣ Пушкина для него кѣмъ-то было переписано все судебное дѣло объ Урсулѣ, кото-

*) Конечно, нельзя повторять за А. Ѳ. Вельтманомъ, будто разсказы объ Урсулѣ внушили Пушкину мысль написать поэму, такъ какъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Одессы отъ 11 ноября 1823 г. Пушкинъ опредѣленно говоритъ: «Вотъ тебѣ и «Разбойники». Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ». Оно произошло въ Екатеринославлѣ въ 1820 году. Ср. Л. Майковъ, «Историко-литер. очерки», СПБ. 1895, стр. 120, 121, 126.



КИШИНЕВСКІЕ ТИПЫ, ЗАРИСОВАННЫЕ ПУШКИНЫМЪ.

Карандашный рисунокъ въ кишиневской тетради № 2365. Должно быть сцена въ церкви. Воспроизводится впервые.

раго поймали въ апрѣлѣ 1823 года и казнили въ Кишиневѣ въ началѣ 20 годовъ (оригиналъ дѣла находится въ архивѣ попечительства о болгарскихъ колоніяхъ, въ с. Комратѣ). Образъ вольнолюбиваго гайдука могъ вдохновить Пушкина и въ созданіи написаннаго въ томъ же Кишиневѣ «Узника» (1822), тѣмъ болѣе, что контрастъ между узникомъ и вольной птицей—обычный художественный пріемъ въ румынскихъ пѣсняхъ, которыя, какъ мы видѣли, зналъ русскій поэтъ. Подробныя свѣдѣнія объ Урсулѣ сохранились въ воспоминаніяхъ Вельтмана, Липранди и Вигеля, а Пушкинъ упоминаетъ о немъ два раза (V, 121, VII, 58). Другой бессарабскій гайдукъ, Кирджали, о которомъ Пушкинъ узналъ отъ управляющаго канцеляріей Инзова, И. И. Лекса, послужилъ героемъ для небольшой поэмы, и сохранился только отрывокъ съ тѣмъ же заглавіемъ.

Итакъ, «жизненная школа» была начата Пушкинымъ въ Бессарабіи Быть можетъ, здѣсь ее онъ покончилъ бы, если бы по своей подвижной природѣ до конца жизни не долженъ былъ всегда «начинать новое» [*]).

Литература: Н. И Надеждинъ, «Прогулка по Бессарабіи («Одесскій Альманахъ

---

[*]) Статья А. П. Ященирскаго задается исключительно цѣлью охарактеризовать тѣ впечатлѣнія, которыя дала Пушкину сама Бессарабія. О другихъ сторонахъ бессарабскаго періода см въ разныхъ статьяхъ настоящаго тома о политическихъ настроеніяхъ въ ст. «Пушкинъ и Раевскіе» и «Пушкинъ и декабристы»; о литературныхъ—въ ст. П. И. Дашкевича и предисловіяхъ къ «Братьямъ Разбойникамъ», «Бахчис. Фонтану» и «Цыганамъ». *Ред.*

КИШИНЕВСКІЕ ТИПЫ, ЗАРИСОВАННЫЕ ПУШКИНЫМЪ.

Очевидно греки-повстанцы. Воспроизводится впервые. Изъ Кишиневской тетради № 2365.

на 1840 г.», Одесса, 1839; 308 — 357); В. П. Горчаковъ, «Выдержки изъ дневника», Москвитянинъ, 1850, II, 146—182, III, 233—264, VII, 166—198; К. П. Зеленецкій, «Свѣдѣнія о пребываніи А. П. въ Кишиневѣ, въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», Москвитянинъ, 1854, IX; K. Negruzzi «Păcatele tîneretilor» (т.-е. «Грѣхи молодости». Яссы, 1857—воспоминанія о Калипсо и Пушкинѣ); П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи» (М. 1862, стр. I—150; перепечатано съ добавленіями въ Русскомъ Архивѣ, 1866, VIII—IX); В. П. Горчаковъ, «Воспоминанія о П.», Московскія Вѣдом., 1854, № 19; Н. Гербановскій, «Нѣсколько словъ объ А. П.», Бессарабскія Областн. Вѣдом., 1866, № 44; Ф. Ф. Вигель, «Воспоминанія», (М. 1865, ч. VI, стр. 125—140, ч. VII, стр. 5—17); Н. Гербановскій, «Нѣсколько словъ о пребываніи П. въ Кишиневѣ», «Новоросс. Вѣдомости» 1869, №№ 49 и 50; его же, «Новыя свѣдѣнія о пребываніи П. въ Бессарабіи», Новоросс. Телеграфъ, 1879, № 1374; Левъ Мацѣевичъ, «Изъ Кишинева о Пушкинѣ», Правда, 1880, №№ отъ 23, 24 и 27 мая; А. Тре(гу)бовъ, «П. и Людмила И-зи». Одесскій Вѣстн. 1880, № 118; Е. В. Некрасова. «Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія П. въ Кишиневѣ», Вѣстн. Евр., 1881, III; Л. Мацѣевичъ, «Кишиневскія преданія о П.», Истор. Вѣстн., 1883, V, 381—397; В. А. Яковлевъ, «Отзывъ о П. съ юга Россіи. 1887». Перепечатаны статьи Мацѣевича, Трегубова, М. З., Гербановскаго; И. Ѳедоровъ, въ Историч. Вѣсти., 1891, V.; Л. Н. Майковъ, «Историко-литерат. очерки» (СПБ. 1895, 96—129); А. И. Яцимирскій, «Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ», Этнограф. Обозр., 1895, III Е. Д. Францева, «А. П. въ Бессарабіи». Русское Обозрѣніе, 1897, I, 20—40, II, 535—559, III, 5—48; Г. В. Александровскій, «Жизнь и творчество

А. П. на югѣ Россіи» «Ежегодникъ» коллегіи П. Галагана. Кіевъ. 1898—99); Воскресенскій, «П. въ Бессарабіи», (Кишиневъ, 1899); Ив. Халиппа, «Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ А. П. 1820—1823» («Труды Бессарабской губерн. учен. архив. комм., Кишиневъ, 1900, т. I, стр. 97—170, съ планомъ «стараго» города); «А. П. въ Бессарабіи. Кишиневъ, 1899, стр. 1—29); «П. въ Кишиневѣ», Русск. Архивъ, 1899, VI, 340—348 перепечатано изъ Моск. Вѣдом., 1887, № 39); А. И. Яцимирскій «Пѣсня Замфиры въ «Цыганахъ» П. и цыганская хора», Извѣстія отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1899, IV, 301—304; Г. О. Булашевъ, «А. П. на югѣ Россіи» («Сборникъ Пушкина», изд. Кіевскаго педаг. общ-ва, Кіевъ, 1899, ч. II, стр. 21—70); А. Н. Шимановскій, «А. П. въ Кишиневѣ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью» (Кишиневъ, 1900); А. И. Маркевичъ, «П. и Новороссійскій Край» («Сборникъ Новоросс. унив.» Одесса, 1900); А. И. Яцимирскій «Румынскія параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ П.», Русск. филолог. Вѣстн., 1901, кн. I—II, (I. Могила гетмана Мазепы; II. Мѣсто изгнанія Овидія; III. Повѣрья о вурдалакахъ и др.); А. П. К., «Пушкинъ въ Болградѣ», Русскій Архивъ, 1900, III, 400—402; «П. въ Кишиневѣ. Записано со словъ В. П. Горчакова въ 1861 году», Русскій Архивъ, 1900, III, 403; А. П. К. «Инзовъ въ южной Бессарабіи», Русскій Архивъ, 1900, XII; Н. Лернеръ, «Нѣчто новое о П. въ Кишиневѣ, Бессар, Губ. Вѣдом., 1902, № 88 (отъ 19 апрѣля); А. И. Яцимирскій, «Черная Шаль» А. П. и «румынская пѣсня», «Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1906, IV, 372—378.

А. Яцимирскій.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ КИШИНЕВѢ.

Снимокъ 1907 г.

368. ЗИМА МНѢ РЫХЛОЮ СТѢНОЮ.

(Изъ записки В. П. Горчакову)

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ,
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей.

---

369. ВОЗСТАНЬ, О ГРЕЦІЯ, ВОЗСТАНЬ.

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ и Ѳермопилы.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.
Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

Изъ надписей Бахчисарайскаго дворца. Рис. В. Суреньянца.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца Пушкинъ принесъ въ даръ не только двѣ розы, но и роскошную поэму, которая дышетъ всею нѣгой Востока и въ самомъ теченіи своихъ стиховъ таитъ упоительный соблазнъ страсти. «Бахчисарайскій фонтанъ», эта драгоцѣнная восточная ткань нашей литературы, одно изъ многихъ проявленій пушкинскаго божественнаго многообразія, представляетъ какой-то пиръ слова, какой-то праздникъ звуковъ, необычайный по своей яркости и великолѣпію. Трудно вообразить себѣ большее соотвѣтствіе между содержаніемъ и формой; «сладострастіе стиховъ» такъ необходимо здѣсь, въ этой пѣснѣ о гаремѣ, и нельзя было бы иначе воплотить дыханіе чувственности, которая воздвигла въ Бахчисараѣ свой дворецъ и свой грѣшный храмъ.

Но въ эту обитель грѣха вошла святыня; чувственность въ разгарѣ своей оргіи встрѣтила духовное; магометанская луна столкнулась въ своемъ движеніи съ христіанскимъ крестомъ,—и эти двѣ силы въ своемъ вѣковѣчномъ поединкѣ создали трагедію, и новая кровь, новое преступленіе взволновали море человѣческихъ страстей.

Гурія и Мадонна, двѣ стихіи, которыя трепетали въ сердцѣ Пушкина, нашли въ этой поэмѣ свое олицетвореніе и свое признаніе, и обѣ онѣ показаны какъ двѣ неизбывныя, вѣчныя категоріи жизни, обѣ онѣ показаны въ своей различной красотѣ.

Появленіе Мадонны внесло смуту въ духъ и дворецъ Гирея, и грозный ханъ сидитъ, потупя взоръ. Вокругъ него—рабы, которыхъ онъ не удостаиваетъ даже слова, которыхъ онъ удаляетъ однимъ движеніемъ руки нетерпѣливой; но если до сихъ поръ это раболѣпство ничѣмъ не омрачалось и не зналъ повелитель, что такое—неисполненное желаніе, неосуществленная мечта, то нынѣ эта хрупкая дѣвушка съ томно-голубыми очами, его заточница, повергла въ горе царственную душу, предстоитъ хану какъ высшее повелительное начало, и плѣнникомъ своей плѣнницы сдѣлался гордый властелинъ. Это не обычныя узы любви, и польская княжна для Гирея не только нравственно-недосягаемая женщина, которая его не любитъ, не только чистая дѣвственница, вѣчное дитя: она сильна тѣмъ, что пришла изъ другого міра и воплощаетъ другое міросозерцаніе; она побѣждаетъ Гирея этой спокойной мощью духовности, о которой онъ раньше не думалъ. Вселенная была для него какъ одинъ безпредѣльный гинекей, и женщины въ своемъ

разнообразіи, во всѣхъ оттѣнкахъ своей красоты, были покорными и радостными служанками его сладострастія, рабынями его прихотливаго ложа. Онъ отвергалъ, теперь его отвергли,—уже въ этомъ одномъ великое страданіе и обида; но самое странное и страшное—то, что женщина, которая доселѣ была для него только тѣло, существо ласки и презрѣнія,—женщина внезапно явилась носительницей идеала, задумчивой весталкой духа. Въ гаремъ проникло христіанство, и въ видѣ христіанки. Гирей недоумѣваетъ какъ мужчина и какъ мусульманинъ. И оттого—

Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

А кругомъ унылые цвѣты—«жены робкія Гирея», цвѣты, сорванные и унесенные изъ Божьяго сада, для того чтобы претвориться въ достояніе одного. Ревниво укрытыя отъ солнца, отъ міра и людей, онѣ увядаютъ «на лонѣ скуки безотрадной»; онѣ не смѣютъ ни думать, ни желать, и многія, существующія для одного, онѣ напрасно обманываютъ свое сердце и мѣняютъ пышные уборы, заводятъ игры, разговоры. Это не измѣна, это—внѣшняя перемѣна, и она только оттѣняетъ все трагическое однообразіе ихъ жизни. И около нихъ, для того чтобы еще больше чувствовали онѣ себя живыми вещами,—около нихъ безпрестанно ходитъ злой евнухъ. Безстрастный между страстей и стражъ чужой страсти, онъ равнодушенъ не только тѣломъ, но и душой. Онъ не родитель, не созидатель, онъ не сопричастенъ къ творчеству міра, и онъ—послѣдній. Отъ него не будетъ продолженія. Покорный хану не менѣе, чѣмъ святой заповѣди Корана, безъ воли, безъ любви, безъ вѣры, онъ страшенъ тѣмъ, что уже никакія слезы, никакіе взоры, никакія мольбы не властны надъ его обезображенной замкнувшейся душою. Какой-то каменный островъ среди волнующагося людского океана, воплощенная отдѣльность, самый одинокій въ мірѣ, своей извратившейся природой обреченный на эту безмѣрную уединенность, оскорбленіе человѣчества и человѣческій истуканъ, онъ своимъ безчувствіемъ только усиливаетъ ту безстыдную чувственность, которая разлита въ душистомъ воздухѣ гинекея. Гаремъ и евнухъ, это связывается въ одно, это—слитный жизненный фактъ; но какія здѣсь соединены противоположности и какая зловѣщая игра въ этомъ сближеніи необузданной страсти и неумолимаго скопчества! Оргія женской наготы и равнодушный къ ея чарамъ евнухъ, тотъ, чьи желанія стали безкрылыми!..

«Вокругъ игриваго фонтана» сидятъ похищенныя у міра жены Гирея, а невольницы этихъ невольницъ оглашаютъ гаремъ пѣсней звонкой и пріятной—пѣснью, въ которой одной Пушкинъ выразилъ міросозерцаніе Ислама. Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку,—но тотъ блаженнѣй, кто лелѣетъ женщину. И вотъ мы узнаемъ о Заремѣ, душѣ гинекея. Съ восточной цвѣтистостью, съ какой-то ласкающей пѣгой и полнотою звучности говоритъ Пушкинъ:

. . . . Но гдѣ Зарема?
Звѣзда любви, краса гарема?

Она—краса не только гарема, но и всей земли. Теперь она печальна и блѣдна, теперь она какъ пальма, смятая грозою, поникла юной головою, потому что эта женщина-пальма не въ силахъ жить безъ жгучаго солнца любви, безъ любви своего Гирея. Но даже печальная и блѣдная, она превыше всѣхъ красотою,—и мы знаемъ, какой восторгъ рождали въ читателяхъ эти стихи, посвященные ея очарованію:

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Черныя змѣи косъ, черныя ночи очей, оттѣненныя лилейнымъ челомъ; вся бѣлизна лиліи и вся темь огненной ночи сочетались въ ней и создали изъ нея пламенное существо, царицу грѣха.

И тѣмъ не менѣе Гирей презрѣлъ ея красы и, пылкій, онъ проводитъ одиноко ночи хладные часы—

Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Панна затмила одалиску. Чернокудрая должна была склониться передъ бѣлокурой, и не могли соперничать черныя очи съ очами томно-голубыми. Страстная душа Гирея познала обаяніе томнаго.

Какъ далеки онѣ одна отъ другой—Зарема и Марія! Княжна цвѣла въ странѣ родной, сѣдой отецъ гордился ею и звалъ отрадою своею, подобно тому какъ это было и съ другой Маріей:

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей

(у Пушкина такъ часто мы слышимъ этотъ мотивъ отцовской любви — вспомнимте, напримѣръ, еще Цыгана и Земфиру, Годунова и Ксенію). Марія, тихая нравомъ, съ арфой въ рукахъ, которой она оживляла домашніе пиры, еще не знала любви и «независимый досугъ» посвящала однѣмъ забавамъ. И вотъ послѣ набѣга татаръ, когда былъ убитъ ея сѣдой отецъ и въ замкѣ сталъ править скупой наслѣдникъ, она, такая дѣвственная, такая юная, княжна по крови и по сердцу, попадаетъ въ неволю гарема и увядаетъ, какъ и другія его обитательницы. Но передъ этимъ цвѣткомъ чистоты поникаетъ самый гаремъ, къ ней не приближается евнухъ,

Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой,

и въ своемъ заточеніи княжна Марія возжигаетъ лампаду передъ ликомъ Дѣвы Пресвятой. Въ гаремѣ—икона, въ гаремѣ—неугасимая лампада. Кругомъ все утопаетъ въ безумной нѣгѣ, и грѣшная, «соблазнительная» природа Тавриды, которая предстала Пушкину «въ блескѣ брачномъ», сама зоветъ къ упоенію страстнаго брака, — а въ дальнемъ отдѣленіи гарема возжена лампада, и

Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.

Ликъ Богоматери и передъ нимъ на колѣняхъ плѣнная княжна,—Марія передъ Маріей.

Наше сердце—это гаремъ, и живутъ въ немъ огневыя желанія, и тоскуетъ оно по черноокой Заремѣ, и нужны ему язвительныя лобзанія. Но въ дальнемъ отдѣленіи сердца скрывается она, священная обитель, гдѣ теплится наша лампада, гдѣ осѣняютъ насъ не множество картинъ старинныхъ мастеровъ, а только одна Мадонна, чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ, и молитвенно созерцаетъ ее властелинъ сердечнаго гарема. Мадонна въ гаремѣ — святое среди грѣшнаго—это въ сильной или въ слабой мѣрѣ извѣстно каждому.

Въ одну изъ ночей въ гаремѣ мужского сердца происходитъ роковое столкновеніе Мадонны и Гуріи. Слушаетъ евнухъ, и кажется ему, что вездѣ шорохъ, крики, шептанье,—но все молчитъ, и только его, безлюбовнаго тревожатъ соловьи, неразлучные съ милой розой. Для евнуха соловей— это шумъ. Еще бьютъ сладкозвучные фонтаны изъ мраморной темницы. Живая струя фонтана, свободная стихія, заключена въ темницу, и это не утѣшеніе, что темница— мраморная. «Послушныя» двери заперты, безопасенъ гаремъ, и все полно тишины, страсти и тайны—«подъ вліяніемъ луны» (какъ свѣжо здѣсь слово: *вліяніе;* какъ явственно, что здѣсь оно употреблено въ своемъ первичномъ, въ своемъ непосредственномъ смыслѣ!).

Подъ роскошнымъ пологомъ крымской ночи совершается трагедія. Зарема входитъ въ комнату Маріи. Но передъ Маріей, передъ Мадонной все трепещетъ, и потому дрожащей рукою касается одалиска «вѣрнаго» замка. И видитъ Зарема кроткій ликъ Божественной Маріи, и кроткое лицо Маріи земной, и надъ обѣими—крестъ, любви символъ священный.

Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.

Нѣтъ, не потому Зарема почувствовала въ кельѣ Маріи нѣчто родное и забытое, что Зарема была грузинка и вѣра ея матери была вѣра Маріи,—не потому только: главное и глубокое основаніе здѣсь то, что «всякая душа—христіанка», и видъ спящей подъ крестомъ юной княжны взволновалъ въ сердцѣ Заремы то психологическое христіанство, которое есть у каждаго. Безмятеженъ и безгрѣшенъ сонъ Маріи, но уснула она въ слезахъ, и кажется, что это не она покоится на дѣвственномъ ложѣ (а въ другихъ покояхъ нѣтъ ложа дѣвственнаго и всюду брачность гинекея): это ангелъ, сонный ангелъ, проливаетъ слезы о бѣдной плѣнницѣ гарема.

Безмятежный сонъ Маріи прерываетъ Зарема и разсказываетъ свою горестную повѣсть. Она всю жизнь ожидала своего хана, она прирожденная гурія, наложница тѣломъ и душою; она «первыхъ опытовъ любви послушнымъ сердцемъ ожидала». И сбылись ея женскія грезы и надежды: ее позвалъ Гирей. Но съ тѣхъ поръ какъ явилась Марія, Гирей забылъ Зарему, и душа его «преступной думой омрачилась»— думой измѣны. То, что Гирея плѣнило святое, дѣвственное, что восточную душу его озарила Мадонна, что луна для него поблекла въ сіяніи лампады, теплящейся передъ иконой, это для Заремы—преступленіе. Она молитъ Марію, она грозитъ ей, но не мольбы и не угрозы поражаютъ Марію: она чувствуетъ другое, она испытываетъ позоръ.

Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей;
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.

Ее пробудили отъ дѣвственнаго сна, и къ ужасу своему она узнала, что влюбленная душа Гирея не только угрожаетъ ея дѣвственности, но что она, Марія, уже не дѣвственна, такъ какъ она живетъ въ страстныхъ чувствахъ и помыслахъ мужчины, такъ какъ ревнуетъ къ ней одалиска, изъ-за нея отлученная отъ ханскаго ложа. Какой позоръ! Зарему въ страстныхъ мечтаніяхъ Гирея замѣнила Марія, и тѣ лобзанія хана, которыя горятъ на Заремѣ, не чувствуетъ ли ихъ Марія на себѣ? Она, съ томно-голубыми очами, со звуками арфы въ душѣ, она, Марія передъ Маріей, богомолица Мадонны, она побѣдительно соперничаетъ съ одалиской, и властелинъ гарема мысленно владѣетъ ею. Проститъ ли это ей Мадонна, и не погаснетъ ли лампада предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой?

Только теперь земная дѣва, предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой, поняла, что она въ гаремѣ. «Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?» Что дѣлать ей, Психеѣ, въ мірѣ-гаремѣ? О, если бы «кончиной ускоренной» кто-нибудь пресѣкъ ея унылые дни!

Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

И вотъ изъ гарема отлетѣла Марія къ небесамъ. «Нѣтъ Маріи нѣжной». На арфѣ міра порвалась ея печальная струна,—«мгновенно сирота почила». Убила ли ее дѣйствительно Зарема кинжаломъ—кто знаетъ? Но безспорно то, что Зарема убила ее, робкую Психею, своимъ посѣщеніемъ, своимъ признаніемъ. Его подслушалъ евнухъ, стражъ чужой страсти, и донесъ Гирею, и Зарема «гарема стражами нѣмыми» въ пучину водъ опущена. Какъ много сладострастія вмѣстѣ съ нею потеряла земля, какъ много чаръ и грѣха опущено въ пучину водъ!

О Заремѣ говоритъ все сохранившееся сладострастіе въ мірѣ, весь трепетъ любовной страсти и любовнаго страданія; и каждый гаремъ, и каждое гаремное сердце является ея нетлѣннымъ памятникомъ.

Но все томное и голубое въ мірѣ, всѣ арфы жизни поютъ Психею, славятъ Марію, польскую панну. И Гирей, предавшій презрѣнію свой гаремъ, до сихъ поръ плѣненный своей почившей плѣнницей, воздвигнулъ въ ея память мраморный фонтанъ, завѣщалъ ему свои слезы, и вотъ

Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Неизсякаемая скорбь человѣческаго сердца, вѣчный фонтанъ печали!

Проходятъ «ѣдкіе годы», сглаживаютъ всякія надписи, но они безсильны передъ надписями Пушкина. Среди послѣднихъ во всей пышности Востока горятъ и сверкаютъ стихи «Бахчисарайскаго фонтана». Сладки они, какъ «шербетъ ароматный»; нѣжатъ они сладострастной красотою, и слышится въ нихъ то самое «дыханіе розъ», которое влекло поэта къ невольному забвенію, опьяняло его самого на лонѣ крымской природы. Онъ вопрошалъ фонтанъ любви, фонтанъ печальный, и по дворцу летучей тѣнью мелькала дѣва передъ нимъ.

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?

Чью тѣнь видѣлъ Пушкинъ—Маріи или Заремы? Чистая душа Души-Психеи являлась ему, или, ревностью дыша, носилась Гурія въ чарахъ женскаго грѣха? Чью бы тѣнь ни видѣлъ Пушкинъ, когда онъ въ своей памяти возсоздавалъ Бахчисарая въ забвеньи дремлющій дворецъ, несомнѣнно, что ему одинаково близки были и земная красота Заремы, и небесная томность Маріи. Все вмѣщала его богатая душа, и хотя послѣдняя ея молитва была обращена къ Мадоннѣ, чистѣйшей прелести чистѣйшему образцу, но властны и сильны были въ немъ и жгучіе мотивы страсти, ея пафосъ, ея крымская плѣнительность. Плѣнительны для него эти пышныя розы, которыя, вѣроятно, любила вплетать въ свои черныя косы Зарема, этотъ янтарь и яхонтъ винограда (празднество красокъ!),—краса его долины злачной, отрада осени златой, продолговатый и прозрачный, какъ персты дѣвы молодой, какъ персты Маріи, о которой плачетъ Гирей, о которой неутѣшно плачетъ Бахчисарайскій фонтанъ...

Ю. Айхенвальдъ.

II.

Несомнѣнный отголосокъ любви къ одной изъ Раевскихъ, поэма о «фонтанѣ любви» принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ произведеній Пушкина. Поэтическая легенда фонтана глубоко врѣзалась въ сердце поэта. Пушкинъ, который воспользовался легендой въ томъ видѣ, въ какомъ передала ее Ек. Н. Раевская, счелъ фонтанъ памятникомъ прекрасной плѣнницы хана. И. М. Муравьевъ-Апостолъ указалъ другой ея мавзолей (см. ниже): «Холмъ... на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ. Это мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керимъ-Гирея... Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена»... Пушкинъ, который былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время [1]), какъ и Муравьевъ, не зналъ этого мавзолея: въ декабрѣ 1824 г. онъ писалъ Дельвигу: «Что касается до памятника ханской любовницы [2]), о которомъ говоритъ М., я объ немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму,—а то бы непремѣнно имъ воспользовался». Пушкинъ, вопреки Муравьеву, считаетъ Марію полькой и даетъ грузинскую кровь страстной Заремѣ, лицу, вѣроятно, выдуманному имъ и едва ли фигурировавшему въ легендѣ. Полькой, именно Потоцкой, считалъ Марію и Мицкевичъ, который въ 1825 г. былъ въ Крыму и посѣтилъ Бахчисарайскій дворецъ. (Памятникомъ этого путешествія остались сонеты: «Бахчисарай ночью», «Гробъ Потоцкой», «Могилы Гарема», отмѣченные несомнѣннымъ вліяніемъ Пушкина). Пушкинъ старался точно слѣдовать легендѣ. «Недостатокъ плана»—писалъ онъ А. А. Бестужеву 8 февраля 1824 г. [3])—«не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печаталъ потому, что деньги были нужны». «Въ моемъ эпилогѣ»—писалъ онъ Вяземскому [4])—«описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно».

Впервые Пушкинъ упоминаетъ о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»въ письмѣ изъ Одессы отъ 25 августа 1823 г. къ брату, когда поэма была, повидимому, уже окончена. Поэтъ вложилъ въ нее столько личнаго, задушевнаго, она казалась ему такой интимной картиной его собственной сердечной жизни, что онъ, который всегда посвящалъ своихъ друзей въ ходъ своихъ работъ, ничего не сообщилъ о ней ни брату, ни Вяземскому, пока его не вынудила нескромность В. И. Туманскаго. «Я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!»... [5]) А такъ какъ Туманскій, по словамъ поэта, уже успѣлъ написать кому-то въ Петербургъ, что Пушкинъ ему «открылъ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр.», и, конечно, это могло дойти до особы, имя которой Пушкинъ такъ ревниво скрывалъ, и она могла оскорбиться откровенностью поэта, [6]) то Пушкинъ письмомъ къ брату, жившему въ Петербургѣ, очевидно, думалъ предупредить послѣдствія нескромности своего одесскаго друга.

Недаромъ поэтъ писалъ Бестужеву что, работалъ «единственно для себя». Давно уже стремившійся жить литературнымъ трудомъ и вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, Пушкинъ рѣшилъ напечатать поэму. Сначала онъ хотѣлъ назвать ее «Харемомъ», какъ сообщалъ объ этомъ впослѣдствіи въ своихъ критическихъ замѣткахъ, но его соблазнилъ эпиграфъ изъ Саади, «меланхолическій эпиграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы», и который Пушкинъ повторилъ въ концѣ «Онѣгина»:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

«Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть»—писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г. [7]).

1) Переписка П., изд. академіи наукъ, ред. В. И. Саитова, I, 161. Книга Муравьева еще печаталась, когда поэма Пушкина была готова (ibid., 85).

2) Въ черновой редакціи — «Потоцкой» (Ibid., 163).

3) Ibid., 99.

4) 20 декабря 1823 г. (Ibid., 93).

5) Переписка П., цитир. изд., I, 75—76.

6) Когда А. А. Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г. напечаталъ безъ позволенія Пушкина его элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда»..., поэтъ какъ уже было указано (см. выше 107—108) очень сердился на него.

7) Ibid., 78, 79.

ПУШКИНЪ ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

Картина В. Суренъянца.

Вяземскому поэтъ поручилъ изданіе «Фонтана» и, отправляя ему поэму, писалъ 4 ноября 1823 г. [8]): «Я выбросилъ то, что цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою... [9]) Напечатай, да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызывайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе... Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай, выпиши изъ нея что посноснѣе,—да заворожи все это своею прозою, богатой наслѣдницею твоей прелестной поэзіи»... Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ черезъ нѣсколько дней [9а]), Пушкинъ послалъ ему нѣсколько поправокъ[10]) Вяземскій исполнилъ просьбу друга и далъ предисловіе—«Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова» [11]) 10 декабря 1823 г. «Бахчисарайскій Фонтанъ» былъ дозволенъ цензурою и вскорѣ вышелъ въ свѣтъ [12]).

Поэма принесла Пушкину ожидаемыя денежныя выгоды. Вяземскій сбылъ ее книгопродавцамъ съ большой пользой для автора. Никогда еще русскій писатель не получалъ такого гонорара, который достался Пушкину. 8 марта «Русс. Инвалидъ» (№ 59) писалъ: «Московскіе книгопродавцы купили новую поэму «Бахчисарайскій Фонтанъ», сочиненіе А. С. Пушкина, за 3000 руб. Итакъ, за каждый стихъ заплачено по пяти рублей. Доказательство, что не въ одной Англіи и не одни англичане щедрою рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи». Въ XIII № «Новостей Литературы», вышедшемъ въ апрѣлѣ, появилась замѣтка кн. П. А. Вяземскаго «О Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи»; въ ней говорилось, что книгопродавецъ Пономаревъ заплатилъ за поэму три тысячи руб., по пяти рублей за стихъ. Книгопродавцы даже поссорились между собою за честь быть издателями «Бахчисарайскаго Фонтана», и 1 мая Вяземскій писалъ А. Ѳ. Воейкову: «Я слышу, что между книгопродавцами возникаетъ брань за «Бахчисарайскій Фонтанъ» [13]). Въ майскомъ № (9) «Дамскаго Журнала» была помѣщена замѣтка, подписанная И. П—ъ «Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи». Въ ней было сообщено, что «Бахчисарайскій Фонтанъ купленъ не книгопродавцемъ Пономаревымъ, какъ было сказано въ XIII № «Новостей Русской Литературы», а книгопродавцемъ Ширяевымъ. Первый... былъ только посредникъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ издателемъ княземъ П. А. Вяземскимъ, получилъ за посредство 500 руб. и слѣдовательно—не поспоритъ, если на 10 стр. XIII № «Новостей Русской Литературы» имя его замѣнится именемъ Ширяева. Ширяевъ выдалъ за рукопись 3000 руб., принялъ на свой счетъ печатанье, стоившее 500 руб., присовокупя къ тому плату посреднику. Такимъ образомъ каждый стихъ пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей». Эта щедрая плата, необычная даже для нашего времени (приблизительно 2 р. 50 к за стихъ на нынѣшнія деньги), обрадовала и ободрила автора. Получивъ отъ Вяземскаго часть денегъ, онъ писалъ ему [14]): «начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другова. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р. а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму». Вяземскій увѣрялъ его и клялся [15]), что «ни копейки отъ себя не бросилъ въ Бахчисарайскій Фонтанъ».

Еще до появленія въ печати поэма ходила по Петербургу въ рукописи, и Пушкинъ бранилъ брата, А. И. Тургенева, А. Ѳ. Воейкова, всюду читавшихъ ее, за ихъ «милостивое попеченіе» о его славѣ. «На что

8) Ibid., 82—83.

9) 10 стиховъ въ концѣ поэмы отъ «Всѣ думы сердца къ ней летятъ» Пушкинъ откинулъ; они появились впервые въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 68.

9а) Ibid., 84—85.

10) О нихъ см. въ исторіи текста.

11) См. ниже.

12) 17 января 1824 г. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» уже печатается, а 26 февраля Тургеневъ благодарилъ его за присылку отпечатанной поэмы («Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», т. III). Пушкинъ получилъ ее лишь въ началѣ апрѣля (Переписка П., I, 102, 105).

13) Ср. «Остаф. Архивъ», III, 38.

14) 8 марта 1824 г., изъ Одессы (Переписка П., I, 101—102).

15) Письмо 6 ноября 1824 г. (Ibid. 145).

это похоже?»—отчитывалъ Пушкинъ брата Льва Сергѣевича: «въ Петербургѣ ходитъ тысяча списковъ—кто же послѣ будетъ покупать? Я на совѣсти грѣха не имѣю и тутъ. Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ,—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ, обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей Славы, чертъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ Фонтанъ расходится,—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія» [16]).

Получивъ отпечатанную поэму, Пушкинъ, который только теперь познакомился съ предисловіемъ Вяземскаго [17]), писалъ ему въ началѣ апрѣля въ 1824 г. [18]): «разговоръ прелесть, какъ мысли, такъ и блистательный способъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Эта статья tour de force et affaire de parti... Твой разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси... Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая»... Одно лишь мѣсто не понравилось Пушкину въ «Разговорѣ» Вяземскаго—это похвала автору поэмы: «это непристойность»—писалъ онъ брату [19])—«и въ Бахч. Ф. я забылъ замѣтить это Вяземскому». «Бахчисарайскій Фонтанъ» былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ, и Пушкинъ радовался, что «Фонтанъ шумитъ» [20]). И сама поэма, и «Разговоръ» Вяземскаго вызвали оживленные толки. П. В. Анненковъ [20a]) въ общемъ вѣрно резюмировалъ впечатлѣніе, произведенное поэмою въ печати: «Всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились при появленіи «Бахчисарайскаго Фонтана» въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка»... Поэма поразила критику, какъ образецъ романтизма, теорію котораго Вяземскій остроумно пытался обосновать въ своемъ предисловіи. Оно вызвало едва ли не больше разговоровъ, чѣмъ сама поэма, и въ возгорѣвшуюся полемику долженъ былъ вмѣшаться самъ Пушкинъ, напечатавшій въ «Сынѣ Отечества» письмо въ защиту Вяземскаго [21]). Поэма казалась «классикамъ» рядомъ такихъ еретическихъ новшествъ, что Вяземскому пришлось отстаивать и слогъ ея, и выборъ вымысла, и техническіе пріемы автора. Такой судья какъ Карамзинъ [22]) обратилъ вниманіе лишь на частности, не обращая вниманія на главное: «слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи. О евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе холодно». К. Ѳ. Рылѣевъ, познакомившись съ первой главою «Онѣгина», призналъ ее шагомъ назадъ по отношенію къ «Бахчисарайскому Фонтану». Широкой публикѣ поэма очень понравилась. «Татарская пѣсня» изъ «Фонтана» появилась въ приложеніи къ III ч. извѣстнаго альманаха «Мнемозина» съ музыкою кн. В. Ѳ. Одоевскаго. 28 сентября 1825 г. въ Петербургѣ была поставлена передѣлка «Фонтана»—составленная кн. А. А. Шаховскимъ романтическая трилогія

16) Письмо 1 апрѣля 1824 г., изъ Одессы (ibid., 104—105). Еще въ началѣ января Пушкинъ писалъ брату (Ibid., 94): «остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи, но это—бездѣлица, поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи»..

17) «Жду съ нетерпѣніемъ твоего Фонтана, т. е. твоего предисловія»—писалъ онъ ему 8 марта (ibid., 102).

18) Ib d., 105—106.

19) Письмо 27 марта 1825 г. (ibid., 199).

20) Ibid., 99, 101.

20a) «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 97.

21) М. А. Дмитріевъ отвѣчалъ Вяземскому «Вторымъ разговоромъ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана» («Вѣстн. Евр.» 1824 г., мартъ. № 5). Вяземскій помѣстилъ въ «Дамскомъ Журналѣ» (№ 7, апрѣль) статью: «О литературныхъ мистификаціяхъ по случаю»... и т. д. Дмитріевъ напечаталъ «Отвѣтъ на статью: О литературныхъ мистификаціяхъ» («Вѣстн. Евр.», № 7, апрѣль), на который Вяземскій возразилъ «Разборомъ Второго Разговора» («Дамс. Журн.», № 8, апрѣль). Дмитріевъ отвѣтилъ «Возраженіемъ на разборъ Второго Разговора» («Вѣстн. Евр.» № 8, апрѣль), а въ майской книжкѣ «Дамс. Журн.», № 9, появилось «Мое послѣднее слово» кн. Вяземскаго, которымъ окончилась полемика. (См. «Остафьевск. Архивъ», т. III, стр. 27–43). Появились также замѣтки—въ «Новостяхъ Литературы» 1824 г., №№ 11 и 12; «Благонамѣренный», ч. 26; стат. Вяземскаго въ «Сынѣ Отечества», ч. 92, №№ 12 и 18; стат. А. Перов каго (тамъ же, № 13); «Литерат. Листки» 1825 г., № 7; отвѣтъ В. Олина на послѣднюю статью въ «Русс. Инвалидѣ» 1825 г., № 52.

22) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб., 1866, стр. 370—371.

«Керимъ-Гирей, крымскій ханъ», съ пѣніемъ, хорами и танцами; Семенова играла въ ней Зарему [23]).

Уже въ сентябрѣ 1824 г. нѣсколько книгопродавцевъ предлагали Пушкину черезъ Дельвига [24]) продать имъ второе изданіе поэмы. Но оно вышло лишь въ 1827 г. въ Петербургѣ и немного разнится отъ перваго; оно было иллюстрировано четырьмя гравюрами Галактіонова, воспроизведенными въ настоящемъ изданіи [25]). Третье изданіе [26]), безъ гравюръ и предисловія Вяземскаго, но съ прибавкой письма Пушкина къ Дельвигу, вышло также въ Петербургѣ, въ 1830 г. Четвертое вышедшее при жизни поэта изданіе появилось въ его «Поэмахъ и Повѣстяхъ» 1835 г., ч. I.

Интересно мнѣніе самого Пушкина о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ». Посылая Вяземскому поэму, авторъ называлъ ее «безсвязными отрывками» [27]); этотъ отзывъ онъ повторилъ вскорѣ въ письмѣ къ Дельвигу [28]): «Безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда авторъ успѣлъ давно остыть къ своему произведенію и стать безпристрастнымъ и даже взыскательнымъ критикомъ, онъ самъ писалъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ, что «сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство»; вспоминая, какъ хохоталъ Александръ Раевскій надъ стихами, въ которыхъ Гирей «часто въ сѣчахъ роковыхъ подъемлетъ саблю и съ размаха недвижимъ остается вдругъ, блѣднѣетъ...», Пушкинъ и самъ призналъ, что «молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама». [29])

Поэтъ считалъ «Фонтанъ» слабѣе «Кавказскаго Плѣнника» (см. цитированныя критическія замѣтки). Съ нимъ не согласились, однако, ни Н. А. Полевой (1833 г.), ни Бѣлинскій (1844 г.). Великій критикъ видитъ въ авторѣ «Бахчисарайскаго Фонтана» — «молодого поэта, еще неопытными пальцами пробующаго извлекать изъ музыкальнаго инструмента самобытные звуки, плоды первыхъ, горячихъ вдохновеній... Въ основѣ поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполнѣ развившемуся и возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею и можетъ быть оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ». Еще въ 1835 г. Бѣлинскій высказалъ [30]), что «въ лицѣ Гирея выражена мысль, что чѣмъ шире и глубже душа человѣка, тѣмъ менѣе способенъ онъ удовлетворить себя чувственными наслажденіями». Теперь Бѣлинскій яснѣе опредѣлилъ свою мысль. «Въ дикомъ татаринѣ, пресыщенномъ гаремной любовью, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки, и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Маріи—все европейское, романтическое: это—дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски-благочестивое. И чувство, невольно внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское, которое перевернуло вверхъ дномъ татарскую натуру деспота-разбойника. Самъ не понимая, какъ, почему и для чего, онъ уважаетъ святыню этой беззащитной красоты, онъ—варваръ, для котораго взаимность женщины никогда не была необходимымъ условіемъ истиннаго наслажденія,—онъ ведетъ себя въ отношеніи къ ней почти такъ, какъ паладинъ среднихъ вѣковъ... Смертью Маріи не кончились для хана муки нераздѣленной любви... Марія взяла всю жизнь Гирея; встрѣча съ нею была для него минутой перерожденія, и если онъ отъ новаго невѣдомаго ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдѣлался человѣкомъ, то животное въ немъ умерло, и онъ пересталъ быть татариномъ comme il faut. Итакъ, мысль поэмы—перерожденіе (если не просвѣтлѣніе) дикой души черезъ высокое чувство любви» [31]). И, отмѣтивъ мелодраматизмъ

---

23) Переписка П., I, 177, 189.

24) П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб., 1861 г., стр. 373—375.

25) Письмо Дельвига къ Пушкину 10 сентября 1824 г. (Переписка П., I, 131).

26) О второмъ изданіи появились замѣтки въ «Москов. Телеграфѣ» 1827 г., ч. 18, стр. 234—235 и «Сѣверн. Пчелѣ» 1827 г., № 152 (письмо Порфирія Фалалеевича Байскаго, псевд. Ор. Сомова); на него послѣдовалъ отвѣтъ въ «Славянинѣ» Воейкова, 1828 г., ч. 5, № 13, стр. 510—511.

27) О третьемъ изданіи была напечатана замѣтка въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., т. I, № 22, стр. 177—178.

28) Переписка П., I, 82, письмо 4 ноября, 1823 г.

29) 16 ноября 1823 г. (ibid., 87).

30) Полное собр. соч. Бѣлинскаго, под. ред. С. А Венгерова, т. II, стр. 285.

31) Апол. Григорьевъ («Сочин.», I, 513) назвалъ Гирея «мученикомъ» страсти.

сцены Заремы съ Маріей, посмѣявшись вмѣстѣ съ Александромъ Раевскимъ и самимъ поэтомъ надъ романтическимъ татариномъ, неестественно содрагающимся «въ сѣчахъ роковыхъ», и указавъ «много частностей обаятельно прекрасныхъ», великій критикъ заканчиваетъ свое сужденіе о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» восторженной похвалою: «это—прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ—строгую отчетливость выполненія» [32]). Защищая однажды Пушкина противъ нападковъ В. П. Боткина, Бѣлинскій писалъ ему 27 февраля—1 марта 1840 г.: «въ послѣднее время мнѣ открылся «Бахч. фонтанъ»; мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу—великое міровое созданіе» [33]). Одна изъ лучшихъ оцѣнокъ поэмы принадлежитъ Н. А. Котляревскому [34]), который прекрасно оцѣнилъ богатый элементъ личныхъ душевныхъ переживаній, такъ причудливо сплетенныхъ съ роскошнымъ узоромъ поэмы: «пѣснь любви пѣснь личныхъ, интимныхъ воспоминаній, своего рода перлъ любовной лирики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы... Субъективность художника сказывается въ глубокомъ пониманіи психологіи любви, любви то страстной, то примиренной съ отказомъ, то нѣжной и воздушной, неуловимо тонкой!»..

Современная поэту критика обратила вниманіе на сходство героевъ «Бахчисарайскаго Фонтана» съ героями Байрона. Пушкинъ самъ признавалъ, что Фонтанъ «отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ». Когда кто-то «критиковалъ» жгучія очи Заремы, Пушкинъ [35]) не могъ съ нимъ согласиться, потому что «дѣло шло о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ; не люблю я Мура, потому что онъ черезчуръ уже восточенъ [36]). Онъ подражаетъ ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гаффиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ «Гяурѣ», въ «Абидосской невѣстѣ» и проч.» Образы «Бахчисарайскаго Фонтана» напоминаютъ героевъ «Гяура», «Корсара», «Абидосской невѣсты». Вполнѣ справедливо мнѣніе В. В. Сиповскаго [37]), что сходство «Бахчисарайскаго Фонтана» съ поэмами Байрона внѣшнее и неглубокое—«простое подражаніе манерѣ пользоваться couleur locale, подходящимъ колоритомъ; вліянія же внутренняго мы здѣсь не найдемъ,—ни одинъ герой этой поэмы не говорилъ отъ сердца самого Пушкина, ни одному изъ нихъ не вложилъ онъ, подобно Байрону, гордыхъ рѣчей своего разочарованнаго сердца...»

Шли годы. Накопивъ въ душѣ много «прозаическихъ бредней», житейскаго «пестраго сору», готовясь уже разстаться съ «страннымъ спутникомъ» своей молодости—Онѣгинымъ, Пушкинъ тоскливо оглядывался на пройденный путь, вспоминалъ невозвратное прошлое, полное нерастраченной свѣжести и невспугнутыхъ надеждъ:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ.
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...

Н. Лернеръ.

---

32) «Сочиненія» В. Бѣлинскаго, ч. VIII, М., 1860, стр. 444—450.

33) А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», изд. 2-ое, 1908 г., стр. 293.

34) «Литературныя направленія Александровской эпохи», Спб., 1907 г., стр. 100—101.

35) Переписка П., I, 206—207.

36) Эта чрезмѣрная, вычурная «восточность», которая такъ не нравилась Пушкину у Т. Мура, бьетъ въ глаза въ сонетахъ Мицкевича, навѣянныхъ Бахчисараемъ.

37) «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ» Спб., 1899 г., стр. 19. Ср. дальше статью Н. П. Дашкевича.

РАЗГОВОРЪ

между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевскаго острова [1]).

Кл. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую, третью Поэму, то есть, поэму по романтическому значенію, а по нашему, незнаю какъ и назвать.

Изд. Да, онъ прислалъ *Бахчисарайской фонтанъ*, которой здѣсь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалѣть, что онъ много пишетъ; скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событіемъ; для повѣрки нужно время; а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишутъ; то пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Бейронъ, Вальтеръ Скоттъ и еще нѣкоторые неутомимо пишутъ, и читаются не утомимо.

Кл. Выставя этихъ двухъ Британцевъ, вы думаете зажать ротъ критикѣ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства неробкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по пристрастію къ нему суевѣрной черни читателей. Своенравная, она часто оставляетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Изд. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма—не сужденіе. Дѣло въ томъ, что пора истинной, классической литературы у насъ миновалась...

Изд. А я такъ думалъ, что еще не настала...

Кл. Что нынѣ завелась какая-то школа новая, никѣмъ не признанная, кромѣ себя самой; не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, пишущая на обумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами...

Изд. Взятыми изъ Словаря Россійской Академіи, и коимъ новые поэты возвратили въ языкѣ нашемъ право гражданства, похищенное, не знаю, за какое преступленіе и безъ суда; ибо до сей поры мы руководствуемся болѣе употребленіемъ, которое свергнуто быть можетъ употребленіемъ новымъ. Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэтовъ нашихъ Китайской неподвижности? Смотрите на природу! лица человѣческія, составленныя изъ однѣхъ и тѣхъ же частей, вылиты не всѣ въ одну физіогномію, а выраженіе есть физіогномія словъ.

Кл. За чѣмъ же по крайней мѣрѣ давать Рускимъ словамъ физіогномію Нѣмецкую? Что значитъ у насъ этотъ духъ, эти формы Германскія? Кто ихъ ввелъ?

Изд. Ломоносовъ!

Кл. Вотъ это забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ стихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ Нѣмцамъ? Скажу болѣе. Возмите три знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литтературы, вы въ каждой найдете отпечатокъ Германской. Эпоха преобразованія, сдѣланная Ломоносовымъ въ Рускомъ стихотворствѣ; эпоха преобразованія въ Руской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романтическое и противузаконное, если такъ хотите назвать его, не явно ли показываютъ господствующую наклонность литтературы нашей! И такъ наши поэты современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гете и Шиллеру. Да и у насъ ли однихъ Германскія Музы распространяютъ свое владычество? Смотрите и во Франціи,—въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литтературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечтанія о *Всемірной державѣ*, и во Франціи, сіи хищницы пріемлютъ уже нѣкоторое господство, и вытѣсняютъ мѣстныя, наслѣдственныя Власти. Поэты, современники наши, не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Рускаго покроя въ литтературѣ; можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народнаго въ Петріадѣ и Россіадѣ, кромѣ именъ?

Кл. Что такое народность въ словесности? Этой фигуры нѣтъ ни въ Піитикѣ Аристотеля, ни въ Піитикѣ Горація.

Изд. Нѣтъ ея у Горація въ Піитикѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ. Отпечатокъ народности, мѣстности: вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существен-

[1]) Предисловіе кн. П. А. Вяземскаго къ I-му изд. «Бахч. Фонтана». Повторено въ изд. 1827.

нѣйшее достоинство Древнихъ, и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи [1]) своей указалъ на Катулла въ числѣ источниковъ, и упомянулъ о немъ въ характеристикѣ того времени.

Кл. Ужь вы, кажется, хотите въ свою вольницу Романтиковъ завербовать и древнихъ классиковъ. Того смотри, что и Гомеръ и Виргилій были Романтики.

Изд. Назовите ихъ, какъ хотите; но нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами Романтической школы, чѣмъ съ своими холодными, рабскими послѣдователями, кои силятся быть Греками и Римлянами заднимъ числомъ. Не уже ли Гомеръ сотворилъ Иліаду, предугадывая Аристотеля и Лонгина, и въ угожденіе какой-то *классической совѣсти*, еще тогда не вымышленной? Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшинъ вашихъ, опредѣлено ли въ точности, что такое *Романтическій родъ* , и какія имѣетъ онъ отношенія и противуположности съ *классическимъ?* Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случилось мнѣ отыскать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полнаго, математическаго, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многіе вѣруютъ въ классической родъ потому, что такъ имъ велѣно; многіе не признаютъ Романтическаго рода потому, что онъ не имѣетъ еще законодателей, обязавшихъ въ вѣрности безусловной и безпрекословной. На романтизмъ смотрятъ, какъ на анархію своевольную, разрушительницу постановленій, освященныхъ древностію и суевѣріемъ. Шлегель и Г-жа Сталь не облечены въ латы свинцоваго педантства, отъ нихъ не несетъ схоластическою важностію, и правила ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣютъ вѣса, потому что не налягаютъ съ важностію; не всѣ изъ насъ поддаются заманчивости, увлеченію, многіе только что порабощаются господству. *Стадо подражателей*, о коихъ говоритъ Горацій, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умы многихъ учениковъ? Добрая указка, съ коей учители по пальцамъ вбиваютъ умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ пастырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любитъ раболѣпствовать...

Кл. Вы такъ много мнѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ къ стати сдѣлать отпоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ романтической литературѣ нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла опредѣленнаго, утвержденнаго общимъ условіемъ. Вы сами признались въ томъ! весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая литература, чего она требуетъ...

Изд. Потому что условились въ опредѣленіи, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ея въ природѣ; она есть; она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ. Дайте срокъ! придетъ часъ, педанство и на ея воздушную одежду положитъ свое свинцовое клеймо. Въ которомъ нибудь столѣтіи Бейронъ, Томасъ Муръ, какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій попадутся подъ рѣзецъ испытателей, и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи потускнѣютъ отъ кабинетной пыли, и закоптятся отъ лампаднаго чада комментаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ; прибавимъ, если только въ будущихъ столѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая притомъ кусать и живыхъ...

Кл. Позвольте, между тѣмъ, замѣтить вамъ мимоходомъ, что ваши отступленія совершенно романтическія.—Мы начали говорить о Пушкинѣ, отъ него кинуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія столѣтія.

Изд Виноватъ! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единства времени и мѣста. У васъ умъ домосѣдъ. Извините—я остепенюсь; чего вы отъ меня желаете?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. Признаюсь, изъ заглавія не понимаю, что тутъ можетъ быть годнаго для поэмы. Понимаю, что можно написать къ *фонтану* стансы, даже оду...

Изд. Да, тѣмъ болѣе, что у Горація уже есть *Бландузскій ключь.*

Кл. Впрочемъ мы романтиками пріучены къ нечаянностямъ. Заглавіе у нихъ эластическаго свойства: стоитъ только захотѣть и оно обхватитъ все видимое и невидимое; или обѣщаетъ одно, а исполнитъ совершенно другое. Но разскажите мнѣ...

Изд. Преданіе, извѣстное въ Крыму и понынѣ, служитъ основаніемъ поэмѣ. Разсказываютъ, что Ханъ Керимъ Гирей похитилъ красавицу Потоцкую, и содержалъ

[1]) Quellen der Geschichte der Römer.

ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ; полагаютъ даже, что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Преданіе сіе сомнительно и Г. Муравьевъ-Апостолъ *въ путешествіи своемъ по Тавридѣ*, недавно изданномъ, возстаетъ, и кажется довольно основательно, противъ вѣроятія сего разсказа. Какъ бы то ни было,—сіе преданіе есть достояніе поэзіи.

Кл. Такъ! въ наше время обратили Музъ въ разскащицъ всякихъ небылицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если питать ее однѣми сказками?

Изд. Исторія не должна быть легковѣрна; поэзія напротивъ. Она часто дорожитъ тѣмъ, что первая отвергаетъ съ презрѣніемъ, и нашъ поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что онъ воспользовался тѣмъ и другимъ съ отличнымъ искуствомъ. Цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью. Есть отпечатокъ Восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ. По мнѣнію судей, коихъ приговоръ можетъ считаться окончательнымъ въ словесности нашей, поэтъ явилъ въ новомъ произведеніи признакъ дарованія зрѣющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти судьи? мы другихъ не признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы* и *Благонамѣреннаго*; и то потому, что пишемъ съ ними за одно. Дождемся, что они скажутъ!

Изд. Ждите съ Богомъ! а я пока скажу, что разсказъ у Пушкина живъ и занимателенъ. Въ произведеніи его движенія много. Въ раму довольно тѣсную вложилъ онъ дѣйствіе полное, не отъ множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но отъ искуства, съ какимъ поэтъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія! *Дѣйствіе* зависитъ, такъ сказать, отъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаетъ ему крылья или гирями замедляетъ ходъ его. Въ твореніи Пушкина участіе читателя поддерживается съ начала до конца.—До этой тайны иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостью слога.

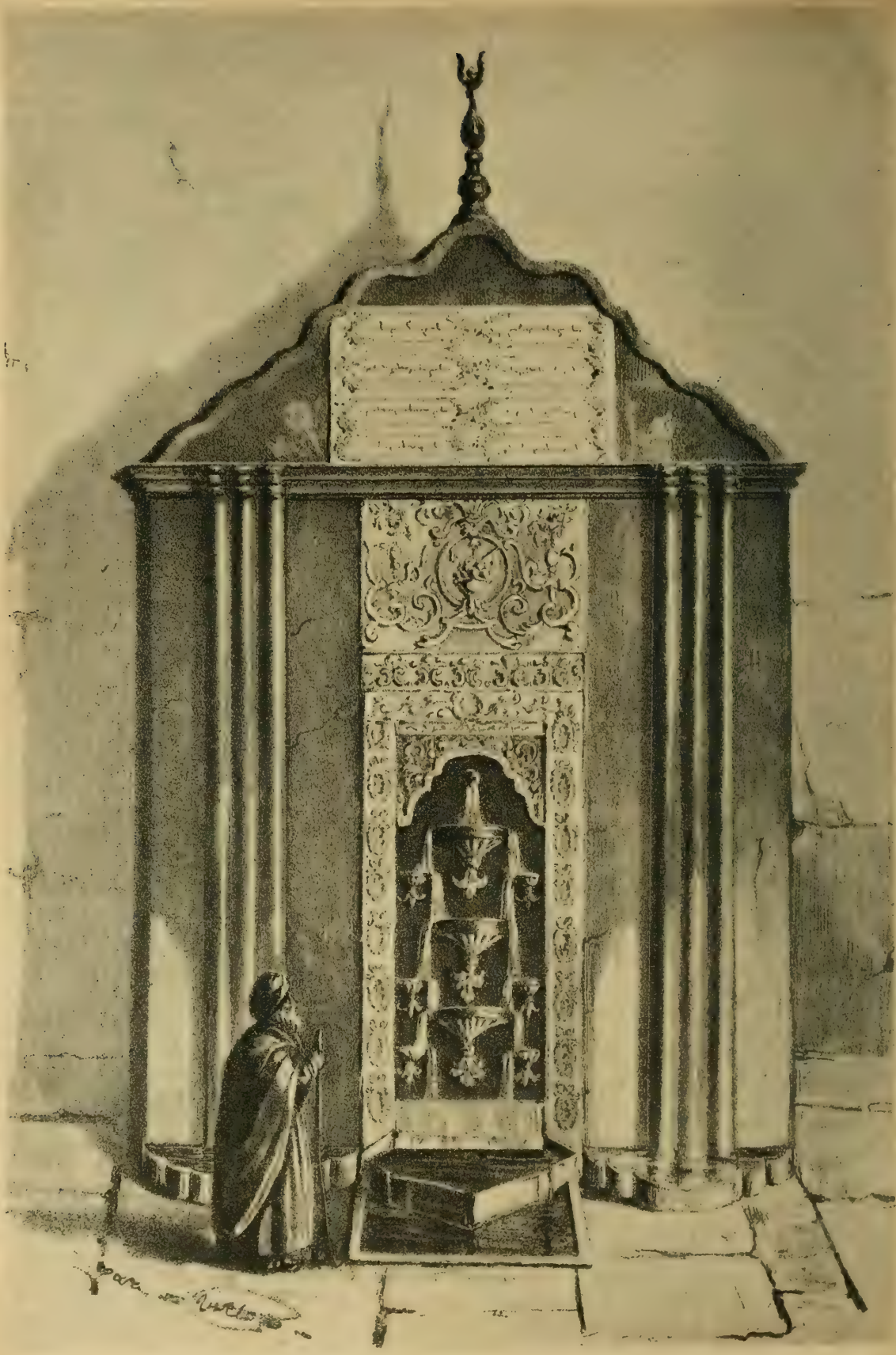
Кл. Со всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романтическому, все это дѣйствіе только слегка обозначено. Читатель въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть подмастерьемъ автора и за него досказывать. Легкіе намеки, туманныя загадки: вотъ матеріалы, изготовленные романтическимъ Поэтомъ, а тамъ читатель дѣлай изъ нихъ, что хочетъ. Романтической зодчій оставляетъ на произволъ каждому распоряженіе и устройство зданія—сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія.

Изд. Вамъ не довольно того, что вы передъ собою видите зданіе красивое: вы требуете еще, чтобъ видѣнъ былъ и остовъ его. Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго; что за охота видѣть производство? Твореніе искуства—обманъ. Чѣмъ менѣе выказывается прозаическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому. Частыя мѣстоименія въ рѣчи замедляютъ ея теченіе, охлаждаютъ разсказъ. Есть въ изобрѣтеніи и въ вымыслѣ также свои *мѣстоименія*, отъ коихъ дарованіе старается отдѣлываться удачными эллипсисами. За чѣмъ все высказывать, и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и остраго? а о людяхъ понятія лѣниваго, тупаго и думать нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ читателѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый изчезаетъ кругъ.

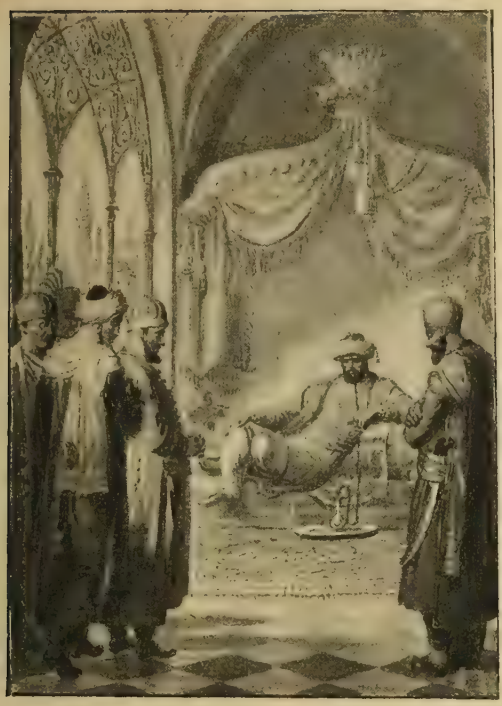
Онъ пѣнялъ Поэту, за чѣмъ тотъ не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утонула. Оставимъ прозу для прозы! И такъ довольно ея въ житейскомъ быту и въ стихотвореніяхъ, печатаемыхъ въ Вѣстникѣ Европы.

P. S. Тутъ Классикъ мой оставилъ меня съ торопливостію и гнѣвомъ, и мнѣ вздумалось положить на бумагу разговоръ, происходившій между нами. Перечитывая его, мнѣ впало въ умъ, что могутъ подозрѣвать меня въ лукавствѣ; скажутъ: «Издатель нарочно ослабилъ возраженія своего противника, и съ умысломъ утаилъ все, что могло вырваться у него дѣльнаго на защиту своего мнѣнія!»—Передъ недовѣрчивостію оправдываться напрасно! но пускай обвинители мои примутъ на себя трудъ перечитать все, что въ нѣкоторыхъ изъ журналовъ нашихъ было сказано и пересказано на счетъ романтическихъ опытовъ,—и вообще на счетъ новаго поколѣнія Поэзіи нашей: если изъ всего того выключить грубыя личности и пошлыя насмѣшки, то безъ сомнѣнія каждый легко увѣрится, что мой собесѣдникъ подъ пару своимъ журнальнымъ клевретамъ.



ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ ВЪ БАХЧИСАРАЙСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Съ рѣдкой литографіи изъ коллекціи П. А. Ефремова.



Рисунокъ Галактіонова (1827); съ подлинника, принадлежащаго теперь Имп. Александровскому Лицею.

370. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой,
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.
Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?
Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой,
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.
Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?
Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведёнъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой;
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ...
Раскинувъ легкіе власы,

Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ жёнъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!
Чтожъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ эвнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель:
Предъ нимъ дверь настежъ. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ жёнъ.
Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматной,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ.

Рисунокъ Галактіонова (1827); съ подлинника.

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и небо возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣетъ, милая, тебя».

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.
Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Картина К. Брюлова.

Гдѣ часто плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы.
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы.
[illegible]
[illegible] мъ Гирея
[illegible]
[illegible] глядѣли,
Какъ рыбы въ ясной глубинѣ
По мраморному ходили днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматный,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ оглашали весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Даретъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ.

[illegible] (1827); съ подлинн[illegible]

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и небо возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣетъ, милая, тебя».

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
[illegible], ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.
Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,

Забьется для красы чужой?
Но, равнодушный и жестокой,
Гирей презрѣлъ твои красы
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокой,
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.
Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали,
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искуствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ, межъ подругъ,
Однѣмъ забавамъ посвящала.
Давно ль? И что же! Тмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ,
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.
Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволи тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей нещастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ жёнъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено сей жить одной;
И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство . . .
Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна возходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ Татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;

Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,
Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилѣжной
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Эвнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.
Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей Пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!
Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тмѣ почной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ эвнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
Обманчивъ сна его покой!...
Какъ духъ, она проходитъ мимо.
Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И Крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило,
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:

Рисунокъ Галактіонова (1827); съ подлинника.

Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молитъ: «сжалься надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!»...
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зритъ;
Въ смятеньѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
«Кто ты? .. Одна, порой ночною,
Зачѣмъ ты здѣсь?»—Я шла къ тебѣ:
Спаси меня; въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.
Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней

ЗАРЕМА и МАРІЯ.

Рис. Зичи.

(По фотографіи съ очень рѣдкой литографіи Поля Пети, должно быть 1860-хъ гг. Изъ Пушкинской коллекціи И. Е. Рейнбота).

Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...
Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ тѣни гарема разцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ,
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной вѣрности мученье,
Ни скука не смущала насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья,
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ,
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу; видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена».
Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей:
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Остатокъ горькихъ юныхъ дней
Провесть наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ какою бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса, на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.
Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный:
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха

Рисунокъ Галактіонова (1827); съ подлинника.

Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.
Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...
Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.
Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичь народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ,
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ.
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...
Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго Гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную..
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! Полно, перестань!
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! Долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать—
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?
Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

Входъ въ «забвенью брошенный» дворецъ.

Рис. Суренъянца.

ХАНСКІЙ ГАРЕМЪ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

(*Литографія Киротена. Изъ коллекціи П. А. Ефремова*).

Ко всѣмъ изданіямъ «Бахч. фонтана», вышедшимъ при жизни Пушкина была приложена «Выписка изъ любопытнаго и занимательнаго путешествія по Тавридѣ, изданнаго И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ», а къ изд. 1830 г. и 1835 г. прилагался также отрывокъ изъ письма автора къ «Д***», т. е. Дельвигу.

I.

Выписка изъ путешествія по Тавридѣ И. М. Муравьева-Апостола.

«Вчера ввечеру, подъѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежитъ, я засвѣтло успѣлъ только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ ханскому дворцу), на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ с а р а я. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической А л а м б р ы; и чѣмъ менѣе видимы становились предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи.

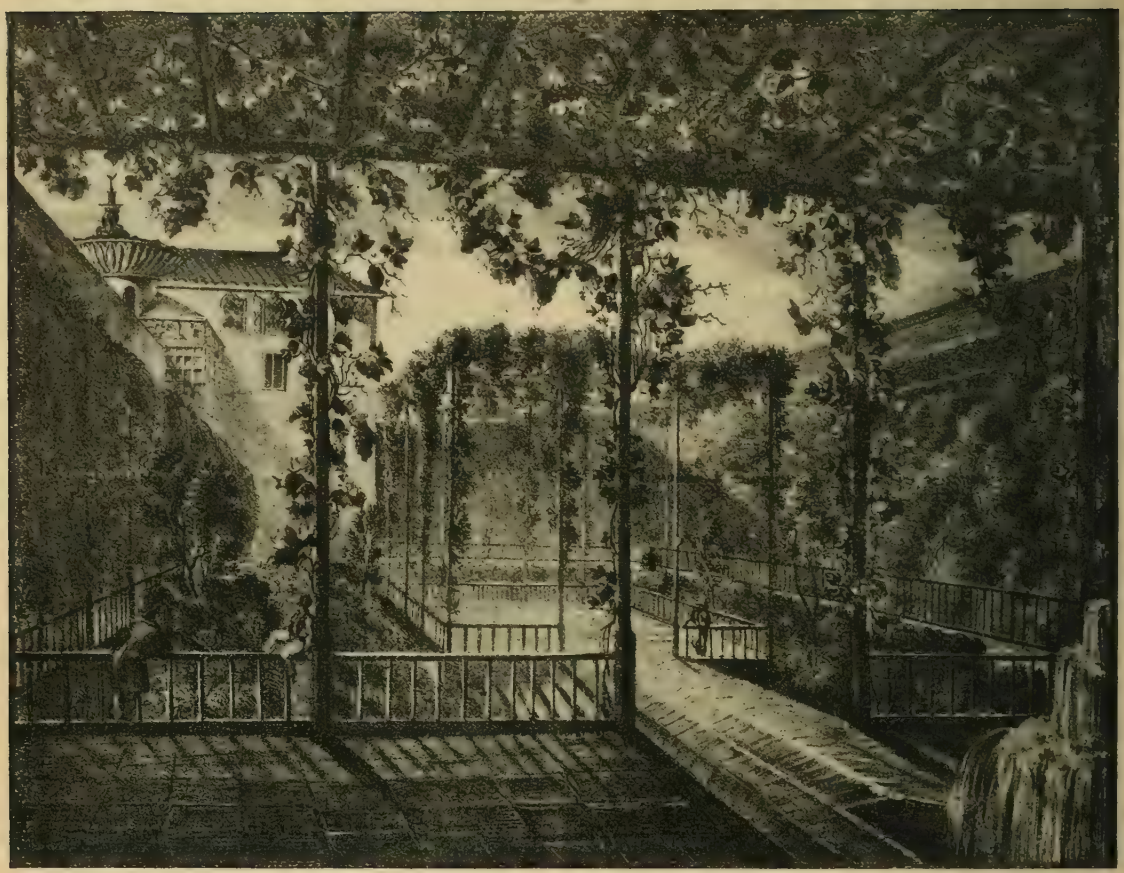
Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но, такъ какъ должно, отъ внѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую г р я з н у ю р ѣ ч к у Сурукъ-су. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на пространномъ параллелограмѣ, коего противоположный входу, малый бокъ граничитъ съ садовыми терасами; оба же большіе заняты на лѣвой сторонѣ мечетью и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотчасъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двухглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое кольцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно ліющіе воду изъ стѣны, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ на супротивъ дверей, другой тотчасъ налѣво.

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій коридоръ отъ лѣваго угла противоположно входу стѣны, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирея хана [1]),

[1]) Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.



САДЪ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

«Рисовалъ съ натуры и на камнѣ Пав. Св.» т. е. Павелъ Свиньинъ.
(Рѣдкая литографія 1829 г. изъ коллекціи П. А. Ефремова).

Другая дверь того же коридора налѣво даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ ханскій диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, снаружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ стѣны вплошь окончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пилястрами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, также не примѣтные, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣпной работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревца, съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки такъ же, какъ и темная стѣна, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи эстеры, т. е. рогожки весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ геніста и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ

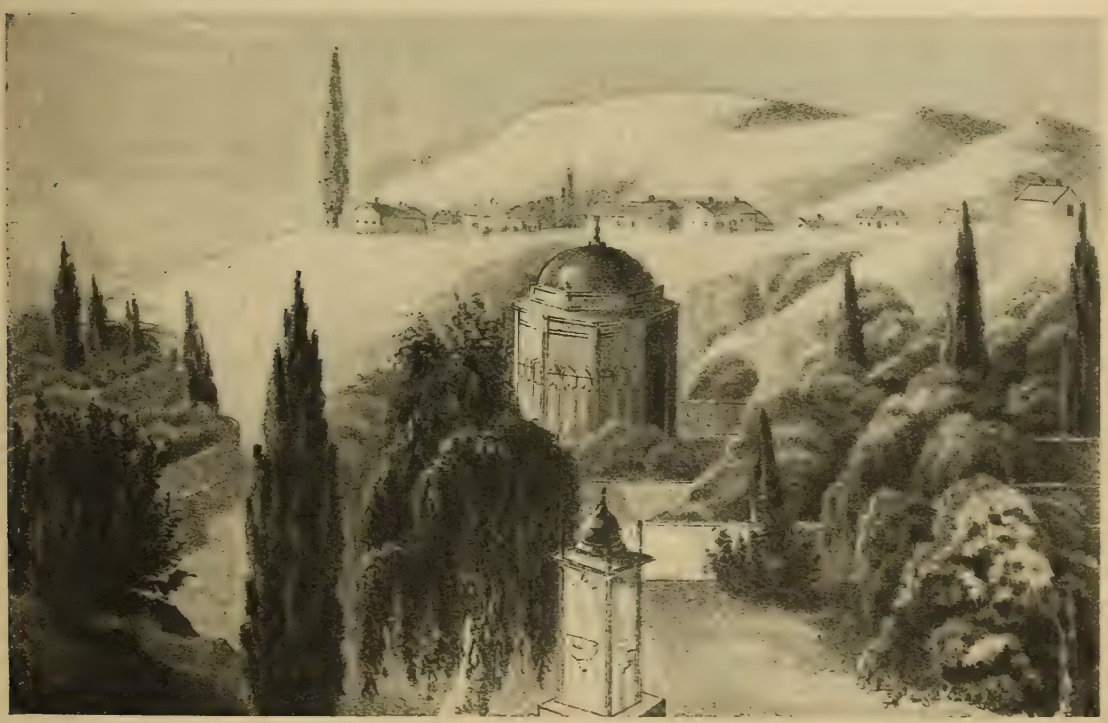
передѣланныхъ для императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ крещеныхъ, ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе черезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать, любострастія, томилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія: обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что въ томъ пользы, когда то же время, рокомъ узницамъ опредѣленное, протекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ угожденіяхъ одному, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! На краю сего гарема стоитъ на большомъ дворѣ высокая шестиугольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, ханскія жены, невидимыя, смотрѣли на игры, въѣзды пословъ и другія позорища. Иные говорятъ, будто тутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимцамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ есть единственная картина, которую супругъ-мусульман анъможетъ представлять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сіи грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вотъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, терасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой ліющіеся въ каменные бассейны. Можетъ быть, нѣкогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висящими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоцѣннѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, и нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, внѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣненными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оставимъ сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отсюда на холмъ, влѣво отъ верхней садовой терасы, на коемъ



ГРОБНИЦА МАРІИ ПОТОЦКОЙ ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

(Съ рѣдкой литографіи, рис. М. Дараганомъ, изъ коллекціи П. А. Ефремова)

стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: упалъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безотрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, чтобы эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они стоятъ въ одномъ: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ».

II.

Отрывокъ изъ письма.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу [1]) на корабль. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы. ... «Вотъ Четырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzarони. Я любилъ, прослушись ночью, слушать шумъ моря и засыпивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужь тосковать о миломъ полудиѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тушь же видѣлъ я и баслословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ, по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рнемы [1]).

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которой говоритъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался [2]).

---

1) Изъ Тамани въ Керчь.

1) Въ изд. 1830 г. въ этомъ мѣстѣ слѣдовало посланіе «Чаадаеву» (№ 236).

2) Въ изд. 1830 г. тутъ очень цѣнная прибавка:

«Разтолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отъ чего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ.

371. ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья—
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

372. ПРОСТИШЬ ЛИ МНѢ РЕВНИВЫЯ МЕЧТЫ.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Насдинѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣдиѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

373. НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожитъ позднее молчанье ночи тёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.

374. СВОБОДЫ СѢЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ.

Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя—
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ.

375. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ.

(Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю)

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда нибудь на старый кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ.
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ—ты знаешь—былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотой нестрогихъ дѣвъ,
Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишиневѣ—видишь самъ—
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣя о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ (милыхъ) три красавца.
На всякой случай, грустной другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь:
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозою, душою,
Но, Вигель, пощади мой....

376. НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖЪ ДРЕМАЛЪ.

(Отрывокъ)

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.
И дѣлу своему Владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ,—и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара—
Все пало, подъ яремъ склонились всѣ главы.
«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра
Паденье славили Великаго Кумира?
. . . . . .
«Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужь правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?
«Давно ль?—и гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну что жь? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»
Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ—и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
Раздался бой полночи—
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.
Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.
Нѣтъ! чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ:
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи

Владыка Запада грозящій предстоялъ.
Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Рускій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...

377. ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошелъ, ... !
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Поразтрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ попрежнему телега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

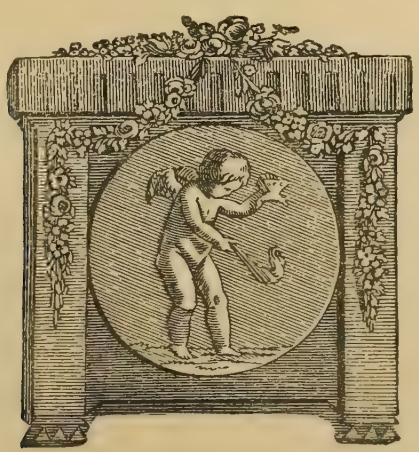
378. (КН. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ).

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

379. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился
И счастье райское принесъ съ собою къ намъ;
Но житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ—въ отчизну къ небесамъ!



380. ДАВЫДОВУ.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма.)

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть;
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

---

381. ИНОСТРАНКѢ.

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

---

382. ПОЛУ-ГЕРОЙ, ПОЛУ-НЕВѢЖДА.

Полу-герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однако-жъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

383. САРАНЧА ЛЕТѢЛА, ЛЕТѢЛА.

(Приписывается Пушкину).

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла,
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла.

ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ.
Литографія Эстерейха, 1823 г.

384. ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ.

Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ,
Явился Бируковъ, за нимъ во слѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій!

---

385. КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый;
И стая тонетъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

«ПРОЩАЙ, СВОБОДНАЯ СТИХІЯ.»

Картина Айвазовскаго.

(Художникъ ошибочно поставилъ годъ: 1827—вмѣсто 1824).

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

386. ПРОЗЕРПИНА.

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной негѣ тонетъ,
И молчитъ и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

ПРОЩАЙ СВОБОДНАЯ СТИХІЯ.

Картина Рѣпина и Айвазовскаго.

386. ПРОЗЕРПИНА.

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пелiона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ въ аидъ ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчитъ и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизiя выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣнiй ложный рой.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ.

387. А. Н. ВУЛЬФУ.

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что?—бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

388. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ рѣшите; жду я слова:
Назначте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и граціи
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнаціи
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Не льзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ, безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады

Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ,
И вѣтреной ея награды.

поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямь, завидѣнъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Кіевскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
(Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;)
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
(Ахъ лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!)

книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ?
Уже ли ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
. . . . . .
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
(Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви).
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла

Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, ненужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

И такъ, любовью утомленной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

Портретъ Дерптскаго періода.

389. КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ
Давно бъ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ щастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье.
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,

Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою,
И Музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

390. АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой:
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавой.
Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

391. ТУМАНСКІЙ ПРАВЪ.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она для глазъ
И, какъ она, премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы также, какъ она предъ нами
Цвѣтете пышною красой
И также колетесь—Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ
И также холодны конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ—сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны.

392. НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ.

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цалуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечь, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;
. . . . . .
Но если . . . . . .

393. ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ.
Недавно тяжкою цензурой угнѣтёнъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербёжъ;
Но извини меня: мнѣ было невтерпежъ.
Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишенки разбирая
(А благо мнѣ читать теперь большой досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила и мыслей образъ новый:
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души и смѣлостью ума!
Какъ изумилася поезія сама,
Когда ты разрѣшилъ по милости чудесной
Завѣтныя слова: божественной небесной;
И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа Христа.
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило?
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею,
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю;

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ.

Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ; вѣдаю кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ:
Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двенадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ Русскихъ музъ любилъ,
Ихъ, незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда Святый Отецъ
Омара да Али принявъ за образецъ
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ Музъ, спасая Бантыша
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ честный въ правилахъ, душою превосходный
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки,
Вы были ввержены печальныя науки,

Александръ Шишковъ.

Цензура! вотъ кому подвластна ты была.
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты видно устоялъ,
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить
И между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ отъ тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, по мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата
Престоловъ, олтарей и нравовъ сопостата;
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

394. КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою;»
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

---

395. ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ.

Подражаніе А. Шенье.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1824 году).

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирур. Академіи.
1827.

НАБРОСОКЪ ПРЕДИСЛОВІЯ ПУШКИНА КЪ «ЦЫГАНАМЪ».

Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ п а р і а. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни—вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью,—вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками. Въ Молдавіи цыганы составляютъ большую часть народонаселенія (отличаются дикостію и бѣдностію); но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и Молдавіи крѣпостное состояніе (существуетъ) только между ними; тамъ (нѣтъ крѣпостныхъ, кромѣ) сихъ... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ... доходъ супруги Господаря. Они отличаются передъ прочими большой нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами.

ЦЫГАНКА.

(*Изъ «Description ethnographique des peuples de Russie» Паули*)

ЦЫГАНЫ.

I.

Мысль большого лиро-эпическаго стихотворенія, сопоставляющаго мирную вольность полудикихъ кочевій, величавую въ своемъ смиреніи, невинную и радостную въ первобытной простотѣ и безпечной нищетѣ своей, но ужасающую «сына городовъ», который «для себя лишь хочетъ воли», самою своею безусловностью,—съ байроническимъ мятежомъ своеначальной личности противъ общественнаго начала, равно съ нею несовмѣстимаго въ органически-бытовыхъ, какъ и въ искусственно-осложненныхъ формахъ общежитія;—мысль стихотворенія, которое бы музыкально сплело обѣ эти темы и обострило ихъ противорѣчіе до трагическаго конфликта «роковыхъ страстей», свободно развивающихся въ обѣихъ сферахъ по присущему каждой изъ нихъ внутреннему закону,—эта общая идея болѣе или менѣе смутно или отчетливо предносилась Пушкину, быть-можетъ, уже въ послѣднюю пору его пребыванія въ Бессарабіи. Но утверждать, что онъ покинулъ Кишиневъ съ готовымъ замысломъ «Цыганъ» или хотя бы съ первыми и отрывочными опытами его осуществленія въ словѣ—мы не имѣемъ твердаго основанія.

Установлено, что поэма «Цыганы», являющая торжество таланта уже возмужалаго, создавалась поэтомъ въ Одессѣ, въ началѣ 1824 года, или уже ранѣе, но совершенно созрѣла въ столь благотворномъ для его художественнаго творчества уединеніи села Михайловскаго, гдѣ онъ закончилъ ее 10 октября 1824 года. Изъ связи письма къ кн. П. Вяземскому, въ которомъ поэтъ сообщаетъ другу: «сегодня кончилъ поэму Цыганы,—только-что кончилъ», мы видимъ, что это завершеніе потребовало еще значительной и пристальной работы, а также, что работа эта не была только трудомъ послѣдней редакціи, но и созданіемъ ненаписанныхъ дотолѣ частей произведенія [1]). Тѣмъ не менѣе, поэтическій м а т е р і а л ъ, положенный въ основу «Цыганъ», былъ однимъ изъ пріобрѣтеній кишиневскаго періода.

1) «Переписка», акад. изд. подъ ред. Саитова, № 98.

II.

Извѣстно, что вниманіе Пушкина въ Кишиневѣ съ живостью устремлялось на все, что дѣлалось ему непосредственно доступнымъ изъ области этнографическихъ наблюденій и, въ частности, изъ народной поэзіи племенъ, съ коими прямо или косвенно знакомила его мѣстность и сближала среда [1]). Такъ, на ряду съ южно-славянскими пѣснями, которыя поэтъ при любомъ представившемся случаѣ записывалъ, онъ переложилъ двѣ румынскія: осенью 1820 г.—пѣсню, услышанную имъ отъ молдаванки Маріулы (Маріолицы, или Маргёлы), прислуживавшей въ одномъ кишиневскомъ трактирѣ,—«Черную Шаль»; позднѣе—хору «Ардима, фриджима», исполнявшуюся капеллой дворовыхъ цыганъ, «лаутарей», въ одномъ изъ кишиневскихъ боярскихъ домовъ [2]). Эта хора, вольно, но съ приблизительнымъ сохраненіемъ стихотворнаго размѣра пересказанная Пушкинымъ, была включена имъ въ задуманную поэму и оказалась въ ней «Пѣснею Земфиры».

Намъ кажется, что именно эта молдаванская хора была зерномъ, изъ котораго выросла поэма, зародышемъ лирическаго одушевленія и драматическаго пафоса, естественно раскрывшихся въ дѣйствіи, которое только произволъ художника, или—точнѣе—его вкусъ къ пріемамъ Байрона, облекъ въ форму романтическаго эпоса, тогда какъ по существу этотъ эпосъ остается лирическою драмой. Хора представила воображенію поэта характеръ Земфиры и съ нимъ вмѣстѣ всю пламенную страстность полудикаго народа въ ея вольнолюбивой безудержности и роковой неукротимости. Прибавимъ, что впечатлѣніе хоровой поддержки и общности лирическаго энтузіазма должно было предопредѣлить съ самаго начала важнѣйшую особенность поэмы: ея, напоминающую древнія трагедіи, скрытую

1) Незеленовъ, «А. С. Пушкинъ, ист.-лит. изслѣд.». Спб., 1903, стр. 135.

2) А. П. Яцимирскій, «Черная Шаль Пушкина и рум. пѣсни» (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XI, 1906, кн. 4, стр. 372 сл.).—Срв. его-же «Пѣсня Земфиры и цыг. хора» (Ibid., IV, кн. 1, стр. 301 сл.).

хорическую структуру, сказавшуюся въ противопоставленіи уединенной воли и судьбы героя внутренне-согласному и потому столь цѣльному и незыблемому нравственному міропониманію и верховному суду свободной общины.

III.

Этимъ первоначальнымъ внушеніемъ объясняется, на нашъ взглядъ, легко замѣтная односторонность поэмы въ изображеніи страстей бродячаго племени, мятежность которыхъ является въ ней какъ бы удѣломъ однѣхъ женщинъ: кажется, будто въ этомъ раю первобытной гармоніи нарушеніе равновѣсія живыхъ силъ возникаетъ не иначе, какъ по винѣ извѣчно той же древней Евы или Пандоры. Основнымъ въ цыганской стихіи Пушкинъ воспринялъ именно женскій типъ и его же сдѣлалъ носителемъ болѣе или менѣе выявившагося въ кочевой и соборной жизни индивидуальнаго начала, предоставивъ, изъ обоихъ мужескихъ представителей цыганства, одному (молодому Цыгану) роль формально и внутренне второстепенную, другому (старику)—роль какъ бы предводителя хора, почтенный санъ мудраго соборною мудростью выразителя началъ общиннаго, сверхличнаго сознанія. Этотъ основной женскій типъ сочетался въ фантазіи поэта съ глубоко женственнымъ и музыкальнымъ именемъ: Маріула.

Кто бы ни была знакомая Пушкину носительница этого имени—дѣвушка изъ «Зеленаго Трактира», или дочь табора, съ которымъ нѣсколько дней странствовалъ Пушкинъ, какъ потомъ вспоминалъ самъ, по Буджакской степи [1]), или, наконецъ, ни та ни другая,—важно единственно то, что синтетическій типъ Цыганки сроднился для поэта съ этимъ звукомъ: Маріулой окрестилъ онъ мать Земфиры, очерченную въ разсказѣ стараго Цыгана почти съ большею яркостью, чѣмъ съ какою выступаетъ характеръ главной героини изъ самого дѣйствія. И стихи поэмы, предшествующіе заключительному трагическому аккорду о всеобщей неизбѣжности «роковыхъ страстей» и о власти «судебъ», отъ которыхъ «защиты нѣтъ», опять воспроизводятъ, какъ мелодическій лейтмотивъ, основныя созвучія, пустынныя, унылыя и страстныя:

Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Эти звуки, полные и гулкіе, какъ отголоски кочевій въ покрытыхъ сѣдыми волнами ковыля раздольяхъ, грустные какъ развѣваемый по степи пепелъ безыменныхъ древнихъ селищъ или тѣхъ костровъ случайнаго становья, которые много лѣтъ спустя наводили на поэта сладкую тоску старинныхъ воспоминаній, приближаютъ насъ къ таинственной колыбели музыкальнаго развитія поэмы, обличаютъ первое, чисто звуковое зараженіе пѣвца лирическою стихіей бродячей вольности, умѣющей радостно дышать, дерзать, любя, даже до смерти, и покорствовать смиренномудро. Фонетика мелодическаго стихотворенія обнаруживаетъ какъ-бы предпочтеніе гласнаго звука *у*, то глухого и задумчиваго, и уходящаго въ былое и минувшее, то колоритно-дикаго, то знойнаго и узывно-унылаго; смуглая окраска этого звука или выдвигается въ риѳмѣ, или усиливается оттѣнками окружающихъ его гласныхъ сочетаній и аллитераціями согласныхъ; и вся эта живопись звуковъ, смутно и безсознательно почувствованная уже современниками Пушкина [1]), могущественно способствовала установленію ихъ мнѣнія объ особенной, магической напѣвности новаго творенія, изумившей даже тѣхъ, которые еще такъ недавно были упоены соловьиными трелями и фонтанными лепетами и всею влажною музыкой пѣсни о садахъ Бахчисарая [2]).

1) Срв. Библ. для Чтенія 1840 г. т. 39 (Зелинскій Крит. Лит. о Пушк., изд. 2, IV, стр. 149): «Звучные стихи П. достигли въ Цыганахъ высшей степени развитія. Они исполнены невыразимой мелодіи; отъ нихъ дышетъ и вѣетъ какой-то обворожительной музыкой».

2) Уже и начинается поэма со звуковъ: «Цыганы шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ; — — — ночуютъ». И пѣсня, о которой мы говоримъ,—со звуковъ: «Старый мужъ, грозный мужъ»... Риѳмы: «гула», «блеснула», «Кагула»—отвѣчаютъ основному звуку: «Маріула». Для дальнѣйшаго подтвержденія нашего общаго наблюденія ограничимся простыми цитатами нѣсколькихъ мѣстъ поэмы:

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину

1) Хотя Вельтманъ въ своихъ Воспоминаніяхъ и увѣряетъ, что «посреди таборовъ нѣтъ женщинъ, подобныхъ Земфирѣ».—Мнѣнія объ обстоятельствахъ возникновенія поэмы разсмотрѣны въ статьѣ г. Ященрскаго «Пушкинъ въ Бессарабіи», стр. 171 и сл. этого тома.

IV.

Этотъ музыкальный запасъ лирической энергіи былъ одновременно удвоенъ инымъ по своему почти религіозному оттѣнку, но родственнымъ по существу настроеніемъ, породившимъ какъ стихотвореніе: «Въ чужбинѣ свято наблюдаю», такъ и другое, вошедшее въ составъ поэмы: «Птичка Божія не знаетъ»... Поэта умиляетъ участь птицъ небесныхъ, не сѣющихъ, не жнущихъ, празднующихъ вѣчный праздникъ безпечной радости; это чувство сладостно миритъ его съ міромъ и Божествомъ; самъ онъ выпускаетъ изъ клѣтки плѣнную птичку, согласуя свою душу съ небеснымъ закономъ вольности и дорожа волею каждаго отдѣльнаго творенія Божія. Съ какимъ-то ясновидѣніемъ почувствовалъ онъ, при созданіи второго изъ названныхъ стихотвореній, всю живую прелесть и мудрую святость невинно-беззаботной, младенчески довѣрчивой къ природѣ и Богу, бездомной, нищей, легкой свободы.

Дохнулъ ли уже самъ поэтъ вольнымъ воздухомъ кочевій или потому и пошелъ дохнуть имъ, что вдохновенно воскресло въ его такъ часто омраченной душѣ еще и это «видѣнье первоначальныхъ чистыхъ дней», — во всякомъ случаѣ настроеніе «Птички» обращаетъ насъ къ той порѣ 1822 или концу 1821 года, когда Пушкинъ незначительнымъ въ прагматической связи его біографіи, но серьезнымъ по внутреннему опыту личнымъ переживаніемъ могъ измѣрить глубину пропасти, раздѣляющей его байроническое свободолюбіе отъ естественной вольности дѣтей природы.

Если своему поэтическому бѣглецу отъ закона, сдружившемуся съ цыганскимъ таборомъ, поэтъ даетъ свое имя въ цыганской его формѣ, не свидѣтельствуетъ ли это о сравненіи двухъ нравственныхъ идеаловъ, которое предстало поэту, во время его кочевыхъ досуговъ и ночлеговъ «подъ изодранными шатрами», какъ острый вопросъ личной душевной жизни? И если изображеніе цыганъ въ поэмѣ «Цыганы» кажется идеализованнымъ, несмотря на то, что трезвость безошибочнаго наблюдателя, какимъ былъ Пушкинъ, не вполнѣ измѣняетъ ему даже здѣсь, то, помимо романтической условности поэтическаго рода, имъ избраннаго, нельзя въ этой идеализаціи не усмотрѣть психологическаго момента нравственной самопровѣрки, при которой положительныя стороны предмета, служащаго мѣриломъ, могли естественно представиться наблюденію съ большею яркостью и существенностью, а не совершенства—показаться случайными и не отличительными признаками; что, несомнѣнно, было лишь благопріятно въ эстетическомъ отношеніи для творенія, задуманнаго въ грандіозно-простомъ, обобщающемъ стилѣ.

Истолковать себѣ не смѣлъ.
—Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ...
— Кочуя на степяхъ Кагула...
— Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему...
—Утѣшься, другъ; она дитя.
Твое унынье безразсудно;
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна...
— Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе; только годъ
Меня любила Маріула.
Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали.—
Ушла за ними Маріула,
Я мирно спалъ; заря блеснула,
Проснулся я: подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ...
— Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.
— Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю. —
Умри жъ и ты! Умру, любя.
— Или подъ юртой остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса...

Прибавимъ къ этимъ выдержкамъ весь эпилогъ, собирающій основные элементы поэтической гармоніи цѣлаго творенія отъ музыкальнаго представленія «туманности» воспоминаній, черезъ глухіе отголоски бранныхъ «гуловъ», до сладостной меланхоліи звука «Маріула», чтобы завершиться созвучіемъ трагическаго ужаса, которымъ дышатъ послѣднія строки:

И подъ изодранными шатрами
Живутъ мучительные сны.
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

V.

Итакъ, мы различаемъ въ «Цыганахъ» Пушкина три формаціи, послѣдовательное наслоеніе которыхъ, несмотря на художественную законченность произведенія, внимательному взгляду выдаетъ постепенность его вызрѣванія и хранитъ отпечатокъ моментовъ душевнаго роста художника; такъ что разбираемая поэма не можетъ быть признана непосредственнымъ и внезапнымъ, а потому и внутренне цѣльнымъ изліяніемъ, твореніемъ «aus einem Gusse».

Первою формаціей, итогомъ поэтическихъ переживаній кишиневскаго періода, мы считаемъ первоначальное лирическое настроеніе, обусловившее всю музыкальную стихію поэмы, ея пафосъ безпечной вольности, при совершенномъ согласіи хорового начала съ началомъ личнымъ, и, наконецъ, трагическое чувство роковой отчужденности индивидуалиста-мятежника, скитальца-Каина отъ этой естественной гармоніи обоихъ началъ. Второю формаціей, пріобрѣтеніемъ одесскаго періода, въ который дано было Пушкину изжить, въ принципѣ, свой байронизмъ до конца, мы признаемъ все описательное и романтически-повѣствовательное въ поэмѣ, все, что обличаетъ въ ней общую зависимость пушкинской Музы отъ Музы Байрона. Третью формацію составляютъ элементы, въ которыхъ сказывается преодолѣніе Байрона и—мы сказали бы—торжество хора надъ утвержденіемъ уединенной воли: слѣдовательно, по-преимуществу сцена какъ-бы хорового суда надъ Алеко въ формѣ заключительной рѣчи стараго Цыгана, какъ и эпилогъ поэмы, своими послѣдними строками, похожими на хоровыя заключенія греческихъ трагедій, сообщающій цѣлому резонансъ древней трагедіи рока. Сюда же, по нѣкоторымъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ, склонны мы отнести и отступленіе объ изгнаніи Овидія.

Разсказъ объ Овидіи понадобился Пушкину въ экономіи поэмы не только какъ дорогой ему лично лирическій мотивъ, или какъ элегическое украшеніе, мечтательная колоритность котораго усиливаетъ настроеніе пустыни и ея младенческихъ обитателей, для коихъ столѣтья—годы, и годы—вѣка, но и для характеристики стараго Цыгана, хорега и корифея общины, которому именно этотъ разсказъ, во всемъ предшествующемъ сценѣ «суда» теченіи поэмы, придаетъ черты какой-то библейской важности и вмѣстѣ младенческой ясности духа. Разсказъ выдержанъ въ родѣ, согласномъ съ заключительною рѣчью старца, тогда какъ его реплики въ бесѣдѣ съ Алеко о невѣрности женской и о любовной ревности, несмотря на ихъ возвышенную прелесть и кроткую мудрость, все еще не содержатъ безусловнаго осужденія всякаго насилія, себялюбивой мстительности и деспотизма. Стиль разсказа, совершенно соотвѣтствующій концу поэмы, различается отъ стиля окружающихъ частей своею безыскусственной народностью, простотой и спокойствіемъ, свойственными просвѣтленному познанію вещей, мало того—какимъ-то прикровеннымъ гіератизмомъ, вспыхивающимъ въ выраженіяхъ чисто библейскихъ (какъ: «имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ и голосъ, шуму водъ подобный»).

Эту третью формацію въ образованіи поэмы мы въ правѣ отнести къ тому времени, когда поэтъ уединяется въ селѣ Михайловскомъ и одновременно работаетъ, кромѣ «Онѣгина», надъ завершеніемъ «Цыганъ» и первыми сценами «Бориса Годунова». Хронологическая близость этого завершенія въ эпохѣ созданія 4-ой сцены «Годунова» (сцены въ Чудовомъ монастырѣ) позволяетъ намъ осмыслить внутреннюю связь, объединяющую первый замыселъ лѣтописца съ окончательнымъ поворотомъ поэмы къ преодолѣнію байроническаго индивидуализма. Связь дана основнымъ настроеніемъ, овладѣвшимъ душою поэта въ первую пору его заточенія: это было настроеніе духовнаго трезвенія и смиренномудрой отрѣшенности. И слова, набросанныя въ черновой рукописи сцены между Пименомъ и Григоріемъ: «приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ» [1]), кажутся намъ не только помѣтой, опредѣляющей планъ изображенія личности лѣтописца, но на-половину лирическимъ изліяніемъ, автобіографической вѣхой, оставленной художникомъ посреди матеріаловъ его творчества. Такъ, между старымъ Цыганомъ и Пименомъ устанавливается прямое отношеніе, объясняющее не только общія внутреннія особенности того и другого характера, но и замѣтную родственность художнической манеры въ ихъ поэтической обрисовкѣ и словесномъ воплощеніи.

1) Анненковъ, Матеріалы стр. 141, 143.

VI.

Поэма была закончена. Ея завершенію поэтъ посвятилъ много творческаго жара и художнической сосредоточенности. Онъ создалъ наиболѣе зрѣлое изъ большихъ произведеній, дотолѣ имъ написанныхъ. Взыскательный художникъ могъ быть доволенъ; и мощно растущему самосознанію поэта были открыты и величіе его замысла, превосходящаго своею глубиной все прежде завершенное, и гармоническое осуществленіе задуманнаго. Но въ то же время поэма была переходомъ отъ прежняго къ чему-то новому и еще не вполнѣ выясненному ни для самого поэта, ни, въ особенности, для тѣхъ, кому онъ пѣлъ. Между тѣмъ Пушкинъ привыкъ нравиться и казаться себѣ самому общепонятнымъ, для всѣхъ безусловно вразумительнымъ. Онъ могъ жаловаться на холодность толпы, на ея неспособность раздѣлить его лирическій пылъ, его священный восторгъ. Но, по зазершеніи «Цыганъ», онъ впервые оказался не до конца понятнымъ себѣ самому.

Дѣло шло не о лирической настроенности, а о нѣкоторомъ внутреннемъ кризисѣ и поворотѣ, существо котораго было непостижимо, неясно самому тому, кто превыше всего цѣнилъ и любилъ живую ясность. Онъ словно куда-то позвалъ, но самъ не зналъ—куда. Не прочь ли отъ «жизни», отъ воплощенной дѣйствительности конкретныхъ людей и наличныхъ, реальныхъ условій существованія? Художникъ, принимающій трагедію только какъ художникъ—не какъ человѣкъ, привелъ къ общей трагической антиноміи запросовъ правой жизни, которая должна быть, но которой нѣтъ, и законовъ жизни не должной, но осуществленной; любовникъ ясной красоты заблудился въ туманномъ и какъ-бы только мечтательномъ. Отъ байронизма, который былъ оживленъ для Пушкина кровью страсти и ярокъ кровью убійства, не ступилъ ли онъ самъ въ отвлеченный міръ Ленскаго, который не несправедливо осудилъ? [1])

Пушкинъ чувствовалъ, что расколъ его съ Байрономъ--уже совершившееся внутреннее событіе, и вмѣстѣ не зналъ, почему откололся (какъ не зналъ до конца, и отъ чего откололся), ни куда идти. Его успѣхъ тѣсно былъ связанъ съ увлеченіемъ современниковъ Музою Байрона или, точнѣе, ослѣпительнымъ и дерзкимъ ея уборомъ. Скоро, правда, художникъ, опережая толпу, опредѣленно узналъ, куда идти: въ народность, въ старину, въ живую, данную дѣйствительность, «ins volle Menschenleben». Но высшіе, чѣмъ само художество, запросы вѣщаго поэта остались неразрѣшенными; едва забрезжило, подсказанное пророчественнымъ вдохновеніемъ, нѣчто далекое и чистое, какая-то религія въ глубинѣ зримаго міра; но далекій, полу-разслышанный и все-же настойчивый призывъ породилъ только случайные отклики поэта-эхо, пугливое и безплодное желаніе исправиться и остепениться, въ смыслѣ подчиненія своего геніальнаго произвола и мятежа человѣческимъ и признаннымъ нормамъ, да мгновенія душевнаго ужаса, когда безмолвное воспоминаніе медленно развиваетъ предъ человѣкомъ, въ пустынѣ глухой полночи, свой длинный свитокъ.

Смутная тревога и странная неувѣренность овладѣли Пушкинымъ настолько, что кажется, будто онъ боится за свою новую поэму; онъ не только отлагаетъ ея обнародованіе, но избѣгаетъ и друзьямъ сообщать ее иначе, какъ въ отрывкахъ [2]).

---

1) Выраженіе этого недоумѣнія мы находимъ и въ современной поэту критикѣ. И. Кирѣевскій пишетъ въ Моск. Вѣстникѣ 1828 г. (Зелинскій Крит. Лит. о Пушкинѣ, изд. 3, II, стр. 132): «Подумаешь, авторъ хотѣлъ представить золотой вѣкъ, гдѣ люди справедливы, не зная законовъ,—гдѣ все свободно, но ничто не нарушаетъ общей гармоніи... Цыганскій бытъ завлекаетъ сначала нашу мечту, но, при первомъ покушеніи присвоить его нашему воображенію, разлетается въ ничто, какъ туманы Ледовитаго моря».

2) Переписка (ред. Саитова) №№ 121, 124.— 25 января 1825 г. Пушкинъ пишетъ Вяземскому (Переписка № 122): «Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыганы никуда не годятся; не вѣрь—я совралъ—ты будешь ими очень доволенъ». Въ концѣ января Бестужеву (№ 125): «Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата, зато что онъ не сдержалъ своего слова: я не хотѣлъ, чтобы эта поэма извѣстна была раньше времени. Теперь нечего дѣлать: принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ». Въ февралѣ 1825 г. Рылѣевъ благодаритъ Пушкина за «прелестный» отрывокъ изъ «Цыганъ» и совѣтуетъ поспѣшить изданіемъ неизвѣстной публикѣ, но уже нашумѣвшей и нетерпѣливо ожидаемой поэмы (Переписка № 127). И тогда-же Пушкинъ обѣщаетъ брату Льву (№ 128): «Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните». А 19 февр. упрекаетъ Муханова, въ письмѣ къ Вяземскому (№ 130): «Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ Цыгановъ распечатать, а вовсе не

Вскорѣ, однако, ему представилась возможность убѣдиться, что его высшія и самому ему еще не выяснившіяся стремленія непоняты въ такой мѣрѣ, которая обезпечивала ему полную безопасность разоблаченія его поэтической работы. Молва о необычайной красотѣ послѣдняго законченнаго имъ произведенія упредила самое появленіе его въ свѣтъ; то, что стало изъ поэмы общеизвѣстнымъ, окончательно упрочило эту славу; отзывы друзей были восклицаніями восторга; новое и сомнительное въ смѣломъ и вѣщемъ твореніи вовсе не было замѣчено. Въ маѣ 1825 г. Жуковскій пишетъ въ Михайловское: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое? Какъ жаль, что мы розно». На что Пушкинъ съ естественною досадою отвѣчаетъ правымъ провозглашеніемъ автономіи искусства, единственно умѣстнымъ въ случаяхъ такой глухоты имѣющихъ уши слышать и не слышащихъ: «Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи— поэзія... Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ» [3]).

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ продолжаетъ оттягивать появленіе поэмы, которая, по его словамъ, ему «опротивѣла», потому что о ней заговорили [4]). Онъ стыдится ея предъ литературными консерваторами и классиками, но недоволенъ и восторгами романтиковъ, не различающихъ въ ней первой попытки высвобожденія изъ-подъ власти ходячихъ цѣнностей, штемпелеванныхъ фальшивою маркою «байронизма»; впрочемъ, и самъ не склоненъ почесть эту попытку удавшеюся—такъ неувѣренъ онъ въ своемъ новомъ словѣ—и не уважаетъ своего творенія, относя его къ категоріи модно-байроническихъ [1]).

Въ 1827 году, наконецъ, поэма дѣлается достояніемъ публики, и вспыхиваетъ борьба критической мысли вокругъ новаго произведенія,—медленный процессъ усвоенія общественнымъ сознаніемъ высокаго поэтическаго завѣта. Этотъ процессъ обнимаетъ собою періодъ русскаго духовнаго развитія отъ эпохи спора между романтиками и классиками до тѣхъ торжественныхъ дней, когда толкованіе Достоевскаго такъ своеобразно освѣжило внутренній смыслъ вдохновеннаго творенія и въ образѣ, который былъ только поэтическимъ образомъ для поколѣній старѣйшихъ, открыло вѣщій символъ. Но задачею первой критики была начальная и поверхностная эстетическая оцѣнка «Цыганъ» и предварительное выясненіе вопроса о самобытности поэмы, о степени ея оригинальности или подражательности. Прежде всего, должно было рѣшить вопросъ о зависимости отъ Байрона; и раньше, чѣмъ мы разсмотримъ, какъ судили объ этомъ современники, намъ предлежитъ подвергнуть тотъ же вопросъ особенному изслѣдованію, при помощи болѣе точныхъ результатовъ, добытыхъ новѣйшими изученіями.

VII.

Прикосновеніе къ поэзіи Байрона было нужно Пушкину для преодолѣнія, точнѣе— просто и только расширенія той идейной и формальной сферы культурныхъ интересовъ, эстетическихъ оцѣнокъ и умственныхъ предрасположеній, въ которой онъ воспитался и которая наиболѣе отвѣчала

во время». Все же поэтъ медлитъ, и Рылѣевъ въ мартѣ торопитъ его (№ 136). Въ апрѣлѣ (№ 152) онъ же сообщаетъ впечатлѣнія отъ прочтенной Л. С. Пушкинымъ поэмы; Рылѣевъ слышитъ ее уже въ четвертый разъ; все, что онъ «придумалъ» въ смыслѣ критическихъ возраженій, сводится къ тому, что «характеръ Алеко нѣсколько униженъ», ибо приличнѣе ему быть, напримѣръ, кузнецомъ, чѣмъ водить медвѣдя; кромѣ того, Рылѣевъ усматриваетъ «небрежность» слога въ «началѣ» и осуждаетъ гіератическое «рекъ», вводящее заключительныя слова стараго Цыгана. Въ «Полярной Звѣздѣ» появляется, наконецъ, отрывокъ поэмы, и въ маѣ Раевскій-сынъ пишетъ Пушкину (№ 159): «votre fragment — — est, peut-être, le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aie jamais lu dans aucune langue»,— убѣждая его дать въ руки публики все произведеніе.

3) Переписка №№ 162, 166. Срв. отзывъ Вяземскаго (ib. № 189): «Ты ничего жарче этого еще не сдѣлалъ... Это, кажется, полнѣйшее, совершеннѣйшее, оригинальнѣйшее твое твореніе».

4) Переписка № 206 (сентябрь 1825). Правда, уже въ іюлѣ онъ поручилъ было представить поэму въ цензуру (№ 181).

1) 4 декабря 1825 г. (Переписка № 222) Пушкинъ пишетъ Катенину, классику, на его совѣтъ издать «Цыгановъ» (ib. № 218): «Мнѣ, право, совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ я надѣюсь представить что-нибудь болѣе достойное твоего вниманія».—Плетневу, въ мартѣ 1826 г., поэтъ предлагаетъ (Перепи. № 242): «Знаешь ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ... А то, всякій разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн., у меня кровь портится».

глубочайшимъ потребностямъ его личности: мы разумѣемъ французскій XVIII-ый вѣкъ.

Ясность, четкость и замкнутость образовъ, легкость, грація и веселость вымысла, опредѣлительность и подчасъ разсудочность мысли, любовь къ pointe, вѣрность преемственному канону формы, весь строй, вся мѣра, все остроуміе пушкинской поэзіи тѣсно связаны съ этимъ духовнымъ наслѣдіемъ. За него держалось все, что было въ Пушкинѣ умственно-консервативнаго; а былъ онъ по природѣ консерваторъ и лишь временно и какъ-бы случайно революціонеръ, въ какой бы области ни наблюдали мы его міросозерцаніе и самоопредѣленіе. Пушкинъ унаслѣдовалъ и пристрастіе вѣка, при концѣ котораго онъ родился,—къ анекдоту. «Евгеній Онѣгинъ»—распространенный анекдотъ. Анекдотическая заостренность иногда обращается въ мораль, какъ въ томъ же «Онѣгинѣ». Методъ Пушкина, при созданіи большей части стихотвореній,—французскій и «классическій». Пушкинъ, именно какъ сынъ XVIII вѣка,—великій словесникъ, ибо убѣжденъ, что все въ поэзіи разрѣшимо словесно. Изъ полнаго отсутствія сомнѣній въ адэкватности слова проистекаетъ живая смѣлость простодушной живописи. Часто кажется, что поэтъ вовсе не подозрѣваетъ оттѣнковъ и осложненій. Что значатъ эти очень простыя и скупыя слова и очень обычные, почти неестественно здоровые и румяные эпитеты?—непремѣнно ли преодолѣніе внутренняго избытка? И подчасъ какъ-то жутко становится отъ пушкинской ясности, отъ пушкинской быстроты. Мы думали: ars longa; но у него искусство—ars brevis. Такова моцартовская сторона его генія, взлелѣянная преданіемъ XVIII-го столѣтія, и именно французскимъ преданіемъ; недаромъ юноша Пушкинъ съ увлеченіемъ хвалитъ Вольтера-поэта.

Но отъ односторонняго вліянія этихъ воспоминаній нужно было освободиться; и такъ какъ нѣмецкая поэзія была Пушкину въ общемъ чужда, онъ естественно искалъ приблизиться къ пониманію своего времени и «стать съ вѣкомъ наравнѣ» чрезъ посредство поэзіи англійской; а здѣсь неизбѣжно было ему встрѣтиться съ общимъ «властителемъ думъ» эпохи—съ Байрономъ. Онъ не замедлилъ стать, отвлеченно и поверхностно, мятежникомъ, простирая свое рвеніе до «уроковъ чистаго аѳеизма» и увлеченія гетеріей; но подлиннаго содержанія «міровой скорби» усвоить себѣ не могъ. Зато нарядилъ своихъ героевъ въ байроническій и восточный костюмъ и, если не сумѣлъ вдохнуть въ нихъ истинное дерзновеніе, все-же сдѣлалъ ихъ и несчастными, и гордыми. Важнѣе было, однако, при этомъ прикосновеніи къ міру Байрона, расширеніе внѣшне-поэтическаго діапазона, обогащеніе чисто техническое. Байронъ открылъ Пушкину - художнику много формальныхъ средствъ и пріемовъ, новый ритмъ лирическаго и эпическаго движенія въ ходѣ повѣствованія и въ теченіи рѣчи. Нашъ поэтъ подражаетъ ему и въ обрисовкѣ лицъ и положеній, и въ стилѣ описаній, въ отступленіяхъ и переходахъ, въ паузахъ и позахъ. Формальное изученіе Байрона должно было смѣниться преимущественнымъ изученіемъ Шекспира; но Пушкинъ не терялъ пріобрѣтеннаго; истиннымъ же пріобрѣтеніемъ для него всегда было только формальное, только канонъ стиля, въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова. Ибо, когда говорятъ о способности Пушкина «перевоплощаться» подобно Протею, не учитываютъ обычно того обстоятельства, что, отражая чуждыя сферы духа, онъ неизмѣнно уменьшаетъ содержаніе отражаемой идеи, въ совершенствѣ воссоздавая законъ ея воплощенія, ея поэтическую форму.

VIII.

Другимъ средствомъ выйти въ XIX вѣкъ изъ родныхъ граней XVIII-го вѣка было пріобщеніе къ исканіямъ самой французской мысли; и здѣсь особенное значеніе пріобрѣтаетъ въ развитіи пушкинской поэзіи Шатобріанъ, на вліяніе котораго было въ новѣйшей критической литературѣ о Пушкинѣ съ энергіей указано [1]).

Но высоко цѣнимый Пушкинымъ родоначальникъ французскаго романтизма не былъ стихотворцемъ, и потому прямое воздѣйствіе его на Пушкина труднѣе уловить и опредѣлить, чѣмъ воздѣйствіе Байрона. Поскольку Пушкинъ подчинялся чужому вліянію, онъ познавалъ новый законъ поэтической формы, новый ладъ и строй пѣсенъ. Идейное содержаніе твореній, служившихъ ему образцами, не раздѣлялось въ его воспріятіи отъ ихъ словеснаго выраженія и ритмическаго движенія; усвоеніе

1) В. Сиповскій, «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ». Спб. 1899, стр. 27 и сл. Статья перепечатана въ книгѣ того-же автора «Пушкинъ» Спб. 1907.

формы естественно обусловливало и нѣкоторое, неполное отраженіе духовныхъ перспективъ, развертывавшихся въ изучаемыхъ твореніяхъ,—воплощенной въ нихъ мысли и одушевившаго ихъ паѳоса. Поэтому возможно съ вѣроятностью утверждать лишь косвенное вліяніе типовъ Шатобріана на замыселъ «Кавказскаго Плѣнника» [2]) и разбираемой нами поэмы.

Нельзя не видѣть, что въ этой послѣдней характеръ героя, «гордаго человѣка»,—характеръ байроновской семьи своевольныхъ мятежниковъ противъ общественнаго закона; этотъ характеръ совершенно чуждъ природѣ Шатобріановыхъ жертвъ міровой скорби—этихъ скитальческихъ, правда, и повсюду бездомныхъ душъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ душъ глубоко покорныхъ долго не обрѣтаемому ими и все-же непрестанно призываемому высшему, сверхличному началу. Только самое скитальчество и бѣгство въ пустыни и въ общество первобытныхъ людей устанавливаютъ сходство между Алеко и Ренэ; однако, и здѣсь оба различны, поскольку все устремленіе послѣдняго направлено къ идеалу не зараженной старыми язвами, дѣвственной гражданской культуры, тогда какъ Алеко ненавидитъ всякую культуру и всякую гражданственность. Только ясная кротость и строгая покорность души, умудренной страданіями любви и отреченіемъ примиренной съ божественнымъ закономъ жизни, составляетъ общую черту характеровъ Шактаса и отца Земфиры; но если старый туземецъ саваннъ у Шатобріана всецѣло проникнутъ духомъ христіанства и взираетъ на міръ съ высотъ глубоко усвоенной имъ въ ея основныхъ началахъ религіозно-нравственной философіи, старый Цыганъ Пушкина выражаетъ самобытный синтезъ внутреннихъ опытовъ полудикой общины, отдѣленной отъ міра чужихъ идей и выработавшей исключительно изъ условій своего обособленнаго существованія собственный нравственный законъ и собственное абсолютное представленіе о нерушимой и неприкосновенной свободѣ человѣка.

Эти сопоставленія существенно ограничиваютъ предположеніе о непосредственномъ вліяніи повѣстей «Atala» и «René» на поэму «Цыганы». Преобладающимъ является, во всякомъ случаѣ, общее вліяніе духа Байроновой поэзіи,—вліяніе общее потому, что близкой аналогіи замыслу «Цыганъ» у Байрона вовсе нѣтъ. Тѣмъ знаменательнѣе извѣстный параллелизмъ въ рѣшеніи проблемы индивидуализма и свободы у обоихъ поэтовъ: почти одновременно Байронъ писалъ поэму «Островъ», въ которой возславилъ идеалъ анархической вольности невинныхъ дѣтей природы. Сходство результата исканій подтверждаетъ ихъ изначальную однородность: Пушкинъ сдѣлалъ проблему Байрона своей, и разрѣшилъ ее самостоятельно.

Такъ, если анализъ поэтическихъ вліяній обнаруживаетъ въ «Цыганахъ» присутствіе извнѣ воспринятыхъ элементовъ, общій итогъ изслѣдованія утверждаетъ оригинальность Пушкина какъ въ переработкѣ этихъ элементовъ, такъ и въ разрѣшеніи противорѣчій, открытыхъ его предшественниками въ понятіяхъ индивидуализма и свободы. Геній Пушкина, едва прикоснувшись къ этимъ антиномiямъ современнаго ему сознанія, овладѣлъ ихъ философскимъ содержаніемъ неполно и поверхностно, но въ художественныхъ образахъ воплотилъ ихъ съ большею яркостью и большею простотой и намѣтилъ пути ихъ преодолѣнія болѣе смѣлые и болѣе простые. Вопросъ о «гордомъ человѣкѣ» и общественномъ идеалѣ безвластія и безначалія поставленъ русскимъ поэтомъ прямѣе, чѣмъ поэтами Запада, и отвѣтъ на этотъ вопросъ у него долженъ быть признанъ болѣе опредѣленнымъ и болѣе радикальнымъ, нежели у тѣхъ.

IX.

Послѣдовавъ за Байрономъ въ первоначальномъ замыслѣ поэмы и преодолѣвъ его вліяніе въ творческомъ выполненіи этого замысла, Пушкинъ долго самъ не отдаетъ себѣ отчета въ новизнѣ и цѣнности своего обрѣтенія и только смутно сознаетъ, какъ совершившееся событіе, свое освобожденіе отъ недавняго властителя его поэтическихъ думъ. Общество встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидаемое произведеніе необычайными восторгами [1]). Критика того времени, въ значительной мѣрѣ отразившая эти восторги [2]), немедленно поднимаетъ вопросъ объ отношеніи поэмы къ ея первоисточникамъ и раз-

2) Ср. выше статьи П. О. Морозова, Н. П. Дашкевича и Н. А. Котляревскаго.

1) Немногіе протесты, въ родѣ мнѣнія той дамы, которая, по сообщенію самого Пушкина, находила въ поэмѣ только одного честнаго человѣка, а именно, медвѣдя,—конечно, не должны быть приняты въ разсчетъ.

2) Зелинскій, Крит. лит. о произвед. Пушкина. изд. 3, т. II, стр. 69, 70, 71 («Лучшее созданіе Пушкина. Ощущенія новыя; впечатлѣнія силь-

рѣшаетъ его въ общемъ вѣрно: отказывается назвать Пушкина подражателемъ Байрона [3]) и въ то же время ставитъ на видъ его неоспоримую зависимость отъ послѣдняго[4]), поскольку онъ «слѣдствіе вѣка и поэзіи байроновской» [5]), зависимость, не уменьшающую, однако, самобытности русскаго художника [6]), поскольку поэзія его—«его собственная, не байроновская» [7]), и байроновскую скорбь онъ «чувствуетъ русскимъ сердцемъ» [8]).

Таково, по крайней мѣрѣ, господствующее и рѣшительное мнѣніе критики 20-хъ и 30-хъ годовъ, котораго не могутъ затемнить и ослабить ни отдѣльныя попытки представить Пушкина сколкомъ съ Байрона [9]), ни покушенія Надеждина возгласить его Байроновой пародіей [10]). Въ смыслѣ эстетическаго и философскаго изученія эта критика дала немногое, но, быть можетъ, достаточное для первой, еще поверхностной оцѣнки исключительнаго по своей красотѣ и силѣ произведенія; отдѣльныя нападенія на нѣкоторыя частности поэмы не были ни мѣткими, ни прочными по своему вліянію на общее мнѣніе [11]).

ныя... Неужели нѣтъ подражанія? Кажется, рѣшительно нѣтъ». Моск. Телегр. 1827); 132 («Мастерство стихосложенія достигло высшей степени своего совершенства». Моск. Вѣстн. 1828); 170 («Характеры Земфиры и старца—chefs d'oeuvre». Сынъ Отеч. 1829) и пр.

3) Н. Полевой въ Моск. Тел. 1825 г.—Зелинскій II, стр. 32. И. Кирѣевскій въ Моск. Вѣстн. 1828 г.—Зелинскій II, стр. 129.

4) «Вѣроятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы Ц. въ настоящемъ ея видѣ». (Моск. Тел. 1827.—Зелинскій II, стр. 72). «Въ Цыганахъ,—кто не видитъ байроновской тѣни?» (Камашевъ въ С. Отеч. 1831 г.—Зелинскій III, стр. 107).

5) Булгаринъ въ С. Отеч. и Сѣв. Арх. 1833 (Зелинскій III, стр. 177).—К. Полевой въ Моск. Тел. 1829 г. (Зелинскій II, стр. 159): «Поэма сія (Кавк. Плѣнникъ), какъ и другія поэмы Пушкина, слѣдовавшія за нею, были слѣдствіемъ Байрона, овладѣвшаго на время всѣмъ міромъ. Байронъ—только положилъ на ноты пѣсню своего времени». — По вопросу объ отношеніи «Цыганъ» къ интелектуально-нравственнымъ запросамъ вѣка, уже критикъ Моск. Телеграфа въ 1827 г. дѣлаетъ характерное замѣчаніе, что Алеко—«лицо, перенесенное изъ общества въ новѣйшую поэзію, а не изъ поэзіи наведенное на общество, какъ многіе полагаютъ» (Зелинскій II, стр. 75).

6) И. Кирѣевскій въ Моск. Вѣстн. 1828 г. (Зелинскій II, стр. 134): «Всѣ недостатки въ Цыганахъ зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного—самобытнаго, другого—байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія поэта».

7) Булгаринъ въ С. От. и Сѣв. Архивѣ 1833 г.—Зелинскій III, стр. 177.

8) «Но и тогда уже П. освобождался по временамъ отъ этихъ тяжелыхъ оковъ и гордо и свободно запѣвалъ русскимъ голосомъ, какъ въ Братьяхъ-Разбойникахъ, чувствовалъ русскимъ сердцемъ, какъ въ Цыганахъ». (Библ. для Чтенія, 1840 г., т. 39.—Зелинскій, изд. 2, т. IV, стр. 130).

9) «Блѣденъ и ничтоженъ его Кавк. Плѣнникъ, нерѣшительны его Б. Фонтанъ и Цыганы и легокъ Онѣгинъ, русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуана, какъ Плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ-Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байрономъ и пересказано съ французскаго перевода прозою—литографическіе эстампы съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи» (М. Тел. 1833 г.—Зелинскій III, стр. 206). Впрочемъ, критикъ признаетъ, что Пушкинъ дѣлается все «выше и самобытнѣе», что въ «Цыганахъ видна уже мысль» (стр. 208).

10) «Его герои, въ самыхъ мрачнѣйшихъ произведеніяхъ его фантазіи, каковы Братья-Разбойники и Цыганы, суть не дьяволы, а бѣсенята. И ежели иногда случается ему понегодовать на міръ, то это бываетъ просто съ сердцовъ, а не изъ ненависти. Какъ же можно сравнивать его съ Байрономъ?—Пускай спорятъ прочіе: Б. ли Фонтану или Цыганамъ принадлежитъ первенство между произведеніями Пушкина. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть Графъ Нулинъ... Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи, и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи. А Б. Фонтанъ, а Кавк. Плл., а Бр.-Разб., а Цыганы, а Полтава? Это все также пародіи? Безъ сомнѣнія, не пародіи, и тѣмъ для нихъ хуже. Но между тѣмъ, во всѣхъ ихъ проскакиваетъ болѣе или менѣе характерное направленіе поэта, даже, можетъ быть, противъ собственной его воли. Это, конечно, и не удивительно: привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный видъ, не измѣняя самому себѣ, вѣроломныя гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддѣльной сановитости» (Вѣстн. Европы 1829, 8—Зелинскій, II, стр. 195—198).—«Нулина-то и понынѣ читаютъ съ жадностью, а о Борисѣ спроси-ка у публики... Правду сказать, Пушкинъ самъ избаловалъ ее своими Нулиными, Цыганами и Разбойниками. Она привыкла отъ него ожидать или смѣха, или дикости, оправленной въ прекрасные стишки, которые можно написать въ альбомъ или положить на ноты» (Телескопъ 1831 г.—Зелинскій III, стр. 104).

11) Сюда относятся мнѣнія о неумѣстности разсказа объ Овидіи и объ унизительности промысла Алеко въ таборѣ; признаніе стиха: «И отъ судебъ защиты нѣтъ»,—«слишкомъ греческимъ для мѣстоположенія» (послѣ чего, однако, критикъ Моск. Телеграфа за 1827 г. мѣтко замѣчаетъ: «Подумаешь, что этотъ стихъ взятъ изъ какого-нибудь хора древней трагедіи»); осужденіе заключительныхъ словъ Земфиры: «Умру, любя»,—какъ «эпиграмматическихъ»; порицаніе строчки: «И съ камня на траву свалился»,—которое возбудило въ Пушкинѣ гнѣвъ, приводившій въ восторгъ Бѣлинскаго. Прибавимъ, что въ старомъ Цыганѣ критикъ М. Телеграфа (1827 г.) видитъ «безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще пріемлетъ впечатлѣнія».

Амплитуда колебаній критической мысли по вопросу о самобытности поэмы достигаетъ своихъ предѣловъ уже въ концѣ 30-хъ годовъ, когда Фарнгагенъ фонъ-Энзе, подъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Пушкина, предпринимаетъ трудъ доказать, что онъ, какъ «выраженіе полноты современной русской жизни, въ высокой степени національненъ», что «творенія его полны Россіи во всѣхъ отношеніяхъ», что поэзія его, которая «кажется часто подражаніемъ, не будучи таковою»,—«происходитъ изъ собственнаго духа даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не всегда бываетъ отличительна». По Фарнгагену, поэма «Цыганы»—«одно изъ сильнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ созданій Пушкина; она, безъ сомнѣнія, основана на какомъ-нибудь дѣйствительномъ происшествіи; обработка цѣлаго превосходна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она становится совершенно драматическою; съ каждою строкою усиливается дѣйствіе; происшествіе проносится подобно грозной бурѣ и оставляетъ за собою ночь и безмолвіе» [12]).

Шевыревъ, продолжая мысль И. Кирѣевскаго, что «всѣ недостатки поэмы зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного—самобытнаго, другого—байроническаго»,—утверждаетъ, что «противоположность между существомъ обоихъ поэтовъ была причиною того, что вліяніе Байрона скорѣе вредно было, нежели полезно, Пушкину: оно только нарушало цѣльность и самобытность его поэтическаго развитія». И въ «Цыганахъ» критикъ видитъ «два элемента, которые между собою враждуютъ и сойтись не могутъ»,—замѣчаніе, которое было бы вѣрнымъ, если бы продумано было до постиженія антиноміи, лежащей въ самой основѣ произведенія: но, по мысли критика,—«элементъ Байрона является въ призракахъ идеальныхъ лицъ, лишенныхъ существенной жизни, элементъ же самого Пушкина въ картинахъ степей бессарабскихъ и кочевого быта» [13]).

Какъ бы то ни было, благодаря этимъ усиліямъ критической мысли, въ самомъ воспріятіи поэмы, эстетическомъ и философскомъ, началась внутренняя дифференціація: въ большей или меньшей мѣрѣ осознанъ былъ элементъ, привнесенный въ творчество Пушкина извнѣ, и элементъ самостоятельнаго преодолѣнія этой чуждой стихіи. Поскольку дальнѣйшіе споры о вліяніи Байрона сводились къ количественному опредѣленію того и другого изъ обоихъ присутствующихъ элементовъ, они кажутся намъ мало плодотворными. Критики настаиваютъ на разности обоихъ поэтовъ «въ направленіи и духѣ таланта» (по выраженію Бѣлинскаго) и естественно выносятъ впечатлѣніе преобладающей самобытности Пушкина. Они придаютъ этому вопросу большое значеніе, не всегда сознавая отчетливо, что изслѣдованіе вліяній само по себѣ принадлежитъ иной сферѣ разсмотрѣнія художественныхъ произведеній, чѣмъ ихъ эстетическая и философская оцѣнка, и что понятіе оригинальности таланта не совпадаетъ съ понятіемъ его художественно-исторической изолированности.

Бѣлинскій и Чернышевскій, Аполлонъ Григорьевъ и Катковъ, Страховъ и Анненковъ, касаясь роли Байрона въ пушкинскомъ творчествѣ вообще, разбираютъ спорный вопросъ (о степени самобытности послѣдняго) именно съ этой точки зрѣнія и въ этихъ предѣлахъ [14]). Между тѣмъ важнѣйшимъ по внутреннему значенію моментомъ въ спорѣ было доведеніе выше указанной дифференціаціи до той грани, гдѣ ясно предстало бы постиженіе, что элементъ заимствованный былъ элементъ философской и психологической проблемы, элементъ же самобытный и по преимуществу творческій заключался въ попыткѣ самостоятельнаго рѣшенія этой проблемы. Такъ поставилъ вопросъ только Достоевскій.

X.

Первою попыткой раскрыть внутренній смыслъ поэмы была критика Бѣлинскаго. Для него «Цыганы»—«произведеніе великаго поэта», и притомъ поэта, опередившаго свое время. Съ эпохи созданія «Цыганъ», говоритъ Бѣлинскій, «Пушкинъ уже пересталъ быть выразителемъ нравственной настроенности современнаго ему об-

12) Сынъ Отеч. 1839, т. 7—Зелинскій IV (изд. 2), стр. 108, 110, 120.

13) Москвитянинъ 1841 г., 5,39.—Зелинскій IV, стр. 204.

14) Сиповскій, «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ», стр. 8 сл.; стр. 32: «Байронъ далъ Пушкину образчикъ для героя Цыганъ». О байронизмѣ Алеко говоритъ и А. Веселовскій, «Запад. вліяніе въ новой русской литературѣ», изд. 3, стр. 168. По Спасовичу, «Цыганы знаменуютъ выходъ П. изъ области байроновскаго вліянія» (Соч. II стр. 323).

щества и явился уже воспитателемъ будущихъ поколѣній»... Поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею, которая большинствомъ была совсѣмъ не понята, а немногими людьми, радушно привѣтствовавшими поэму, была понята ложно».

Какова же эта идея, по мнѣнію Бѣлинскаго?—«Идея Цыганъ вся сосредоточена въ героѣ... Въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человѣка, который до того проникнутъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ этого достоинства». Убѣжденный, что именно это «хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ своего героя», Бѣлинскій ищетъ далѣе убѣдить читателя, что поэтъ «не успѣлъ» въ исполненіи своего предначертанія. «Желая и думая изъ этой поэмы создать апоѳеозу Алеко, какъ поборника правъ человѣческаго достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько иронческій». Ясно, что при такомъ несоотвѣтствіи замысла и исполненія невозможнымъ оказывается, къ конечномъ счетѣ, усмотрѣть въ поэмѣ иное, чѣмъ «только могучій порывъ къ истинно-художественному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленія».

Алеко, по Бѣлинскому,—«обладающій такою силой жечь огнемъ устъ своихъ»,—долженъ быть «существомъ высшаго разряда,—исполненнымъ свѣтлаго разума и пламенной любви къ истинѣ, глубокой скорби объ униженіи человѣчества». На самомъ дѣлѣ онъ не таковъ: «сердцемъ Алеко овладѣваетъ ревность». Далѣе, критикъ разсматриваетъ ревность какъ «страсть свойственную людямъ по самой натурѣ эгоистическимъ, или людямъ неразвитымъ нравственно». Надѣливъ Алеко, который никогда не дѣлалъ тайны изъ того, что для с е б я хотѣлъ воли, миссіей «мученичества» за «высшія, недоступныя толпѣ откровенія», Бѣлинскій негодуетъ, не видя въ «героѣ убѣжденій» простой гуманности въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе стало руководящею этическою нормой передового русскаго общества въ теченіе трехъ слѣдующихъ десятилѣтій.

Читая разсужденія о томъ, что «человѣкъ нравственно развитой любитъ спокойно, увѣренно, потому что уважаетъ предметъ любви своей» и т. д., естественно усомниться: неужели Пушкинъ «сказалъ въ самомъ дѣлѣ» только это и именно это, хотя «думалъ сказать» нѣчто иное,—такъ какъ «непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго сознательнаго элемента»,—неужели въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ попытался провозгласить поэтическую безнравственность, а «сказалъ»—прозаическую мораль? Не потому ли, напротивъ, поэма является «страшнымъ, поразительнымъ урокомъ нравственности», по признанію самого Бѣлинскаго,—что урокъ этотъ преподанъ въ ней изъ устъ кроткой свободы и запечатлѣнъ покорностью страданія, и такъ непохожъ на головные уроки просвѣтительной прямолинейности?

Въ связи съ односторонностью общей оцѣнки, и отдѣльныя сужденія Бѣлинскаго о частностяхъ поэмы обнаруживаютъ недостаточное проникновеніе въ таинство ея созданія. Такъ какъ онъ, морализируя, видитъ въ Алеко только «чудовищный эгоизмъ», воспріятіе трагическаго, естественно, ослаблено; слова: «и отъ судебъ защиты нѣтъ»—утрачиваютъ свой страшный смыслъ. Старый Цыганъ, по словамъ Бѣлинскаго, «способствуетъ, самъ т о г о не з н а я, преподанію намъ великаго урока»; и если читатель недоумѣваетъ, какъ мужъ Маріулы и отецъ убитой Земфиры можетъ самъ не знать, чему онъ учитъ надъ трупомъ дочери ея убійцу, «гордаго человѣка»,—то критикъ уже поучаетъ: «Несмотря на всю возвышенность чувствованій стараго Цыгана, онъ—не высшій идеалъ человѣка: этотъ идеалъ можетъ реализоваться только въ существѣ сознательно разумномъ, а не въ непосредственно-разумномъ, не вышедшемъ изъ-подъ опеки у природы и обычая,—иначе развитіе человѣчества черезъ цивилизацію не имѣло бы никакого смысла,—бываютъ собаки одаренныя...» и пр.

Критикъ воленъ предпочитать кованый и вѣскій стихъ «Полтавы» напѣвно-нѣжному стиху «Цыганъ»; но называть «погрѣшностями въ слогѣ» особенности словесной формы, художественная преднамѣренность которыхъ совершенно очевидны есть ошибка эстетическаго сужденія. Глаголъ «рекъ», передъ заключительною рѣчью старца, очевидно, приготовляетъ слушателя къ чему-то чрезвычайно торжественному и священному; для Бѣлинскаго-же онъ просто «отзывается тяжелою книжностью». «Изодранные шатры» критикъ свободно поправляетъ въ «изодран-

ные». Стихи: «медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги, косматый гость его шатра,»—кажутся ему «ультра-романтическими»: почему-де онъ «бѣглецъ»? почему—«гость»? Но, вѣдь, и Алеко—гость шатровъ и бѣглецъ изъ человѣческихъ берлогъ, обитаемыхъ такими же звѣрями какъ онъ самъ (ибо гордый человѣкъ—звѣрь въ мирномъ таборѣ): символизмъ пушкинскихъ метафоръ прозраченъ. Бѣлинскій именно не видѣлъ, что Алеко съ самаго начала задуманъ и представленъ не какъ герой и апостолъ просвѣтительной или гуманной общественной идеи (зачѣмъ бы тогда и бѣжалъ онъ отъ просвѣщеннаго общества?)—но какъ своевольникъ, мятежникъ, волкъ въ стадѣ, уединенный и ожесточенный индивидуалистъ и иннормалистъ, беззаконникъ въ принципѣ и по совѣсти, абсолютистъ страстей.

Основоположительное значеніе критики Бѣлинскаго заставило насъ подробно разсмотрѣть его сужденія о разбираемой поэмѣ; и каковы бы ни были въ нашихъ глазахъ недочеты этой критики, мы должны признать всю правильность окончательнаго опредѣленія идеи «Цыганъ», которое мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ 7-ой главы критическаго опыта о «сочиненіяхъ А. С. Пушкина»: «Замѣтьте этотъ стихъ: «ты для себя лишь хочешь воли»,—въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идеѣ».

XI.

Послѣ Бѣлинскаго русская критика не сказала ничего новаго и значительнаго о «Цыганахъ»—до рѣчи Достоевскаго въ пушкинскіе дни 1880 года [1]). Произведеніе, посвященное проблемѣ индивидуализма и міровой скорби, не привлекало къ себѣ вниманія въ ту пору, когда, при общемъ ослабленіи интереса къ пушкинскому творчеству, русская мысль сосредоточилась на вопросахъ морали общественной и скорби гражданской. И самъ Достоевскій предпринимаетъ разсмотрѣніе «Цыганъ» съ общественной точки зрѣнія; но эта точка зрѣнія опредѣляется взглядомъ на религіозное призваніе русскаго народа и потому является у Достоевскаго существенно иною, чѣмъ у его предшественниковъ, уже разглядѣвшихъ въ Алеко заблудившійся типъ отвлеченнаго и нецѣльнаго протеста противъ дурной общественной дѣйствительности, или у современныхъ Достоевскому либеральныхъ противниковъ его проповѣди о «пророческомъ» значеніи пушкинской поэзіи для нашего національнаго самосознанія. Это обусловило новыя проникновенія въ историческую роль и въ религіозно-общественный смыслъ изслѣдуемаго творенія.

Какъ замѣчено было выше, Достоевскій первый отвѣтилъ на вопросъ о байронизмѣ въ «Цыганахъ» утвержденіемъ за Пушкинымъ заслуги самобытнаго рѣшенія байроновской проблемы. Выводя отъ Алеко типъ русскаго «скитальца»,—«отрицательный типъ нашъ, человѣка безпокоящагося и непримиряющагося, Россію и себя самого, т.-е. свое же общество, отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго и искренне страдающаго [1]),—Достоевскій съ силой указываетъ на «чрезвычайную самостоятельность» пушкинскаго генія. «Въ подражаніяхъ»,—говоритъ онъ,—«никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ, напримѣръ, въ Цыганахъ... Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько, еслибъ онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль... Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ по-

1) Такъ, по Каткову, первыя поэмы Пушкина «внутренняго безотносительнаго достоинства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно въ Цыганахъ, не имѣютъ. Имъ не достаетъ высшаго условія художественности: индивидуальности изображеній... Въ Цыганахъ и первыхъ главахъ Евгенія Онѣгина видимъ—бо́льшую зрѣлость представленія. Мысль въ этихъ произведеніяхъ, очевидно, свободнѣе и зорче... Герои этихъ поэмъ представляютъ собой только-что пробудившуюся потребность жить собственнымъ сердцемъ и умомъ; они хотятъ держаться на своихъ ногахъ, быть нравственными единицами, но остаются еще при самыхъ скудныхъ элементахъ сознанія... Алеко бѣжитъ изъ города въ степь отъ мучительныхъ сновъ сердца, тамъ ищетъ свободы отъ страстей, но увлекается новыми страстями и возмущаетъ не очень завидный міръ цыганской вольности. Что бы такое могло изъ него выйти, право, не знаемъ» (Русскій Вѣстникъ 1856 г. Зелинскій VII, изд. 2, стр. 154, 164—166).

1) «Объяснительное слово по поводу рѣчи о Пушкинѣ» (Дневникъ Писателя, августъ 1880 г.).

стоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся».

Итакъ, Пушкинъ, по Достоевскому, заимствуя у Байрона отвлеченную тему, ознаменовалъ ею конкретную особенность русской жизни; съ общекультурной проблемой связалась у него частная и особенная проблема нашей общественности. Такъ какъ литературный типъ «скитальца» отъ «гордаго человѣка»—Алеко до «не пріемлющаго міръ» Ивана Карамазова несомнѣненъ, въ смыслѣ своей исторической достовѣрности, и впервые ощутительно означается именно въ героѣ «Цыганъ», то нельзя не признать вмѣстѣ съ Достоевскимъ, что такое воспріятіе западной идеи нашимъ поэтомъ было, само по себѣ, поистинѣ глубоко самобытно.

Но Пушкинъ, по Достоевскому, не останавливается на перенесеніи общекультурной проблемы въ планъ русской дѣйствительности: онъ почерпаетъ въ глубинѣ русскаго духа и самобытныя нормы ея рѣшенія. «Нѣтъ»,—съ энергіей восклицаетъ Достоевскій,—«эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, проклятаго вопроса, по народной вѣрѣ и правдѣ. Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость; смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ,—вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму».

XII.

Сличая это рѣшеніе съ подлиннымъ свидѣтельствомъ поэмы, нельзя не видѣть, что оно на половину принадлежитъ самому Достоевскому, хотя послѣдній настаиваетъ преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя привнесены имъ самимъ въ истолкованіе пушкинскаго завѣта. «Смирись, гордый человѣкъ»—есть дѣйствительная мысль Пушкина; но ни о «праздномъ человѣкѣ», ни о «родной нивѣ» поэтъ, явно, не думалъ. Далеко было отъ него и представленіе о томъ, что̀ мудрость кочевого табора можетъ совпадать съ нашею народною мудростью, беззаконная свобода цыганства съ нравственными устоями нашей «правды народной». Можно сказать, что старый Цыганъ учитъ Алеко какой-то свободной и возвышенно-кроткой религіи; но какое примѣненіе этой религіи, какое воплощеніе ея духа изберетъ слушающій—это не подсказано содержаніемъ преподаннаго урока: онъ выдержанъ отвлеченно, какъ независимою отъ условій данной дѣйствительности является въ своей вселенской всеобщности истинная религіозная идея.

Здѣсь Достоевскій слишкомъ узко понялъ Пушкина; если-бы онъ принялъ его обрѣтеніе во всей вольной широтѣ его,—широтѣ, до которой не возвышался Байронъ,—новою опорой стало бы это постиженіе для его ученія объ идеѣ всечеловѣчества, какъ нашей національной идеѣ. Поистинѣ, Пушкинъ добылъ самобытное и русское рѣшеніе «проклятаго вопроса»; но это рѣшеніе не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ укладомъ нашей народной жизни, ни, въ частности, съ «трудомъ на родной нивѣ», т.-е. въ эмпирическихъ условіяхъ нашего религіознаго, нравственнаго и бытового уклада.

Скиталецъ, именно въ мѣру своей вѣрности идеѣ вселенской,—она же есть идея русская,—захочетъ остаться скитальцемъ, сознавать себя бездомнымъ гостемъ чужихъ шатровъ, и какъ-бы человѣкомъ не отъ міра сего, равно у себя на родинѣ или на чужбинѣ,—она же въ свѣтѣ религіозной идеи—той, которая освобождаетъ,—уже и не чужбина.

И даже не можетъ опредѣлить себя иначе скиталецъ, если проникнется завѣтами, которые раскрываетъ Достоевскій въ строгомъ напутствіи пушкинскаго старца изгоняемому изъ общины «гордому человѣку»: «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой,—и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь... Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ». Именно, не у цыганъ и нигдѣ, не въ границахъ и историческихъ условіяхъ той или другой страны, а тамъ, гдѣ Духъ; Онъ же дышетъ, гдѣ хочетъ.

Недостатокъ толкованія Достоевскаго, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ выдвигаетъ, несоотвѣтственно съ намѣреніями Пушкина, на первый планъ національно-общественный вопросъ и чрезъ него ищетъ подхода къ религіозному содержанію поэмы, тогда какъ Пушкинъ прямо противопоставляетъ богоборству абсолютно самоутверждающейся личности

идею религіозную—идею связи и правды вселенской—и въ этой одной видитъ основу истинной и цѣльной свободы: «птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда»... Въ религіозномъ рѣшеніи проблемы индивидуализма мы и усматриваемъ величайшую оригинальность и смѣлость пушкинской мысли.

Пушкинъ принимаетъ исканія и притязанія Алеко въ ихъ послѣднемъ, безусловномъ значеніи: личность своеначальна. Что же можно противопоставить этому демоническому самоопредѣленію гордаго человѣка, если не антитезу религіозную?

«Прости! да будетъ миръ съ тобою»...

Какою же должна быть эта религіозная антитеза? Шатобріанъ, въ аналогическихъ условіяхъ, прибѣгаетъ къ антитезѣ религіозной условности—къ вѣроученію и нравоученію, основаннымъ на церковномъ авторитетѣ. У Пушкина, напротивъ, естественно и самопроизвольно, какъ бы изъ устъ самой матери-Земли, поднимается въ обличеніе уединившейся и превознесшейся личности голосъ религіозной безусловности. На утвержденіе своеначалія поэтъ отвѣчаетъ не отрицаніемъ его («смирись», какъ толкуетъ Достоевскій, какъ учитъ Шатобріанъ),—но уже провозглашеніемъ положительнаго религіознаго синтеза: «Наученный горькимъ опытомъ роковыхъ страстей и послѣдняго изгнанія, ты, кто былъ гордъ и золъ, будь нынѣ впервые и воистину—свободенъ».

XIII.

Взглядъ Достоевскаго на «Цыганъ» еще сохраняетъ замѣтный слѣдъ вліянія Бѣлинскаго. Какъ, по мнѣнію этого, герой поэмы—поборникъ человѣческихъ правъ, такъ, по Достоевскому, Алеко «въ своемъ фантастическомъ дѣланіи» стремится къ цѣлямъ «всемірнаго счастія». Только «еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія...—тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо». Но духъ Руссо давно перевоплотился въ исканія Байрона, и въ мрачномъ Алеко ничего не осталось отъ того идиллическаго прекраснодушія, какъ и его индивидуализмъ совершенно противоположенъ закваскѣ «Общественнаго договора».

Не можетъ Достоевскій, по примѣру своихъ предшественниковъ, не гадать и объ общественномъ положеніи Алеко до бѣгства въ таборъ: «принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку: прельстился людьми, живущими безъ закона, и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку». Но въ таборѣ проводитъ Алеко до послѣдней катастрофы цѣлыхъ два года и живетъ нищимъ среди нищихъ; мы знаемъ, что онъ «кинулъ» все, утратилъ и положеніе свое, и состояніе; мы знаемъ, что онъ подлинно «изгнанникъ» и «бѣглецъ», котораго «преслѣдуетъ законъ». Эти факты исключаютъ разъ на всегда гипотезу о «фантазійкѣ» и подмигиванія по поводу «крѣпостныхъ людей». Дѣломъ жизни Алеко отвергъ «блистательный позоръ». И если бы это было не такъ,—не дѣлается ли поэма, прославленная нашими подозрительными по пункту общественной морали критиками, изъ «геніальной»—просто мелкой и смѣшной, какъ эта нарисованная Достоевскимъ «фантазійка»?

Достоевскому все еще мерещится общественная «сатира». Если поведеніе Алеко заставляетъ предполагать ее, то искать ея должно въ отношеніи Пушкина къ тѣмъ общественнымъ условіямъ, которыя сдѣлали Алеко врагомъ всякаго общества и врагомъ до конца; но самъ Алеко, какъ типъ, не есть для Пушкина предметъ сатиры, и менѣе всего—сатиры общественной; вина же его, въ глазахъ поэта,—вина трагическая:

И всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Для Достоевскаго Алеко—«отрицательный типъ», потому что онъ—«скиталецъ». Скитальцевъ русскихъ, съ исторической точки зрѣнія, отрицать нельзя; но и оцѣнивать этотъ типъ, какъ непремѣнно отрицательный, также нельзя: поголовное или огульное осужденіе ихъ было бы неправдой. Да и въ самомъ понятіи «скитальца», какъ уже замѣчено было, нѣтъ ничего завѣдомо осудительнаго. Намъ кажется, что было бы правильнѣе назвать этотъ типъ, поскольку онъ является отрицательнымъ, «бѣглецами». Мы произнесемъ этимъ свой судъ надъ «забезпокоившимися», поскольку они виновны въ побѣгѣ и дезертировали отъ жизни, а не боролись честно и стойко.

«Бѣглецъ» ли Алеко съ общественной точки зрѣнія, мы не знаемъ, потому что видимъ одну только часть его жизни и притомъ находимъ его скитальчество съ цыганами послѣдовательно отвѣчающимъ его принципіальному анархическому отрицанію общественнаго строя.

Только лучъ религіозной идеи обличаетъ въ Алеко «бѣглеца», «раба, замыслившаго побѣгъ»—не отъ людей, а отъ себя самого, такъ какъ правды ищетъ онъ не въ себѣ, а внѣ себя, и не знаетъ, что «не въ вещахъ эта правда и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ собственномъ трудѣ надъ собою». Тотъ, кто «для себя лишь хочетъ воли», — только мятежный рабъ, или вольноотпущенникъ. Анархія, если она не мятежъ рабовъ, должна утверждаться, какъ фактъ въ планѣ духа [1]). Анархическая идея въ планѣ общественности внѣшней отрицаетъ, какъ «отвлеченное начало», самое себя и гибнетъ въ лабиринтѣ безвыходныхъ противорѣчій,—если не полагаетъ основнымъ условіемъ своего осуществленія внутреннее освобожденіе личности отъ себя самой. Подъ этимъ освобожденіемъ мы разумѣемъ такое очищеніе и высвѣтленіе индивидуальнаго сознанія, при которомъ человѣческое *я* отметаетъ изъ своего самоопредѣленія все эгоистически-случайное и внѣшне обусловленное и многообразными путями «умнаго дѣланія» достигаетъ чувствованія своей глубочайшей, сверхличной воли, своего другого, сокровеннаго, истиннаго *я*.

XIV.

Анархическій союзъ можетъ быть воистину таковымъ только какъ община, проникнутая однимъ высшимъ сознаніемъ, одною верховною идеей, и притомъ идеей въ существѣ своемъ религіозной. Такова идеальная община идеальныхъ пушкинскихъ Цыганъ, и только потому осуществляется въ ней истинная вольность. Этотъ глубочайшій анализъ анархическаго идеала опредѣленно намѣченъ въ проникновенномъ твореніи нашего великаго поэта.

Что пушкинскій таборъ—община анархическая, не подлежитъ сомнѣнію: поистинѣ, у кочевниковъ поэмы нѣтъ «законовъ» и «казней». Единственнымъ огражденіемъ общины отъ «убійцъ» и единственною карой за содѣянное преступленіе служитъ исключеніе изъ ея членовъ того, кто не такъ же «робокъ и добръ», какъ всѣ.

Мы дики; нѣтъ у насъ законовъ;
Мы не терзаемъ, не казнимъ;
Не нужно крови намъ и стоновъ,—
Но жить съ убійцей не хотимъ . . .
Мы робки и добры душою;
Ты—золъ и смѣлъ: оставь же насъ.

Прочнѣйшимъ основаніемъ свободы, въ смыслѣ соціологическомъ, является, по смыслу поэмы, бѣдность:

Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгамъ пріученъ [1]).

Нѣтъ у цыганъ ни поля, ни крова, ни обязательнаго труда, ни властнаго вмѣшательства въ частную жизнь, ни нравственнаго воздѣйствія на чужую волю.

Къ чему? Вольнѣе птицы младость . . .

Онъ знаетъ истинную свободу—этотъ безпечный бродячій мірокъ, гдѣ—

Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, безпокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

И все это, скудное, дикое и нестройное, но дышащее полною грудью, живетъ и движется въ глубокомъ и мудромъ согласіи воли съ волей, вольности съ вольностью—и общей воли и вольности съ волею Бога, благословляющаго вольность.

Птичка гласу Бога внемлетъ . . .
Гляди, подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна . . .

Все это, дикое и нестройное, содержится и строится религіознымъ освященіемъ вольности, изъ котораго расцвѣтаютъ благоухающіе цвѣты благодарности и всепрощенія.

Два трупа передъ нимъ лежали.
Убійца страшенъ былъ лицомъ.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;

---

1) См. автора статьи «Кризисъ Индивидуализма», въ Вопросахъ Жизни за 1905 г., сентябрь, стр. 58.

1) «Кризисъ Индивидуализма», стр. 58: «Истинная анархія есть безуміе, разрѣшающее основную дилемму жизни: «сытость или свобода» - рѣшительнымъ избраніемъ свободы».

Могилу въ сторонѣ копали;
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали . . .
Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!..
Прости! Да будетъ миръ съ тобою!»
Сказалъ,—и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега . . .

Такова естественная вольность и естественная религія пушкинскихъ Цыганъ...

Въ двухъ прекраснѣйшихъ своихъ и геніальныхъ поэмахъ Пушкинъ противопоставляетъ личность и множественную, коллективную волю: въ «Цыганахъ» и въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Въ первой изъ нихъ личность утверждаетъ себя какъ абсолютная: ибо такова, и только такова, по мысли Пушкина, идея Алеко, который вовсе не какъ «герой убѣжденій» и альтруистъ или «искатель всемірнаго счастія» пришелъ въ таборъ, и развѣ лишь—если необходимо связать его съ другими соціальными искателями и экспериментаторами нашими—какъ первый (въ литературѣ) изъ «опростившихся» русскихъ людей прошлаго вѣка. Однако, при своемъ абсолютномъ самоутвержденіи, личность эта сама по себѣ только относительна («Но, Боже, какъ играли страсти его послушною душой!..»),—между тѣмъ какъ множественная воля, которая противостоитъ личности, утверждаетъ себя относительной эмпирически, въ смиренной ограниченности своей скудной и беззащитной общины, и все-же является безусловной и сверхчеловѣческимогущественной нравственною мощью своего непреложнаго (ибо согласнаго съ началомъ вселенскимъ) внутренняго закона. Напротивъ, въ «Мѣдномъ Всадникѣ» множественная воля гибнущихъ съ ропотомъ на обрекшую ихъ единичную волю людей въ союзѣ со стихіями возстаетъ противъ одного героя, который торжествуетъ, одинъ противъ всѣхъ, надъ людьми и стихіями.

Отчего же въ первой поэмѣ личность побѣждена и какъ-бы раздавлена волею множества, а во второй—воля множества личностью? Оттого, что здѣсь личность перестала быть личностью, и человѣкъ обратился въ Мѣднаго Всадника, въ безсмертнаго демона съ тѣломъ изъ мѣди на мѣдномъ конѣ. Оттого, что здѣсь личность совлекла съ себя все относительное и преходящее, и абсолютною утвердила свою сверхличную волю, свое вселенское начало, сильнѣйшее всякой случайной множественности. Такъ, въ своей посмертной поэмѣ Пушкинъ рѣшаетъ проблему личности въ полномъ согласіи съ тѣмъ произведеніемъ, которое знаменовало впервые его вступленіе въ пору совершенной художественной зрѣлости и окончательное освобожденіе отъ юношескихъ увлеченій идеею отвлеченнаго индивидуализма.

Вячеславъ Ивановъ.

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

Рѣдкая гравюра по рисунку Т. Г. Шевченко для несостоявшагося изданія соч. Пушкина. Воспроизводится впервые съ экземпляра коллекціи П. А. Ефремова.

396. ЦЫГАНЫ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полу-завѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальный,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Низходитъ сонное молчанье
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Зефиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.
Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала
Онъ хочетъ быть какъ мы Цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду».

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарёй
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
Ктожъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ,
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги».
И съ шумомъ высыпалъ народъ,
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Чтожъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?
Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо на свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда,
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.
Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ вёдро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давноль, надолголь усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Чтожъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

ЗЕМФИРА.

Неизданная акварель В. Я. Суреньянца.

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ:
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ:
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, или пѣсни пой
И сѣда обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
Ктожъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги».
И съ шумомъ высыпалъ народъ,
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Кольыки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-неспокойно.
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ вѣковъ рабовъ однообразной.

Умыло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Чтожъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?
Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на [illegible] дремлетъ:
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ--
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за синє море
Улетаетъ до весны.
[illegible] безпечной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
[illegible] дорога,
[illegible] была ночлега сѣнь;
[illegible] день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ:
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ вёдро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давноль, надолго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Чтожъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Лит. К. Калушина в П.Б.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когдабъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Недышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
И дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая ни кого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихры бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ воспоминая,
И завѣщалъ онъ умирая,
Чтобы на Югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью—чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья
Алеко воленъ какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья вся та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ.
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни
И упоенье вѣчной лѣни
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги
Близь Молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожной
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ—и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.
Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.
Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!
Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

ЗЕМФИРА.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!...

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.
(Уходитъ и поетъ: «Старый мужъ» и проч.).

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена,
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее бывало въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшенъ
Лазурный Юга небосклонъ,
Старикъ Земфирой пробужденъ.
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ:
Послушай, сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я Руское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящаго тѣснитъ дыханье
Домашній духъ; передъ зарёй
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ:
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли проситъ,
Ужъ я... но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно;
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему.—Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцемъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

АЛЕКО.

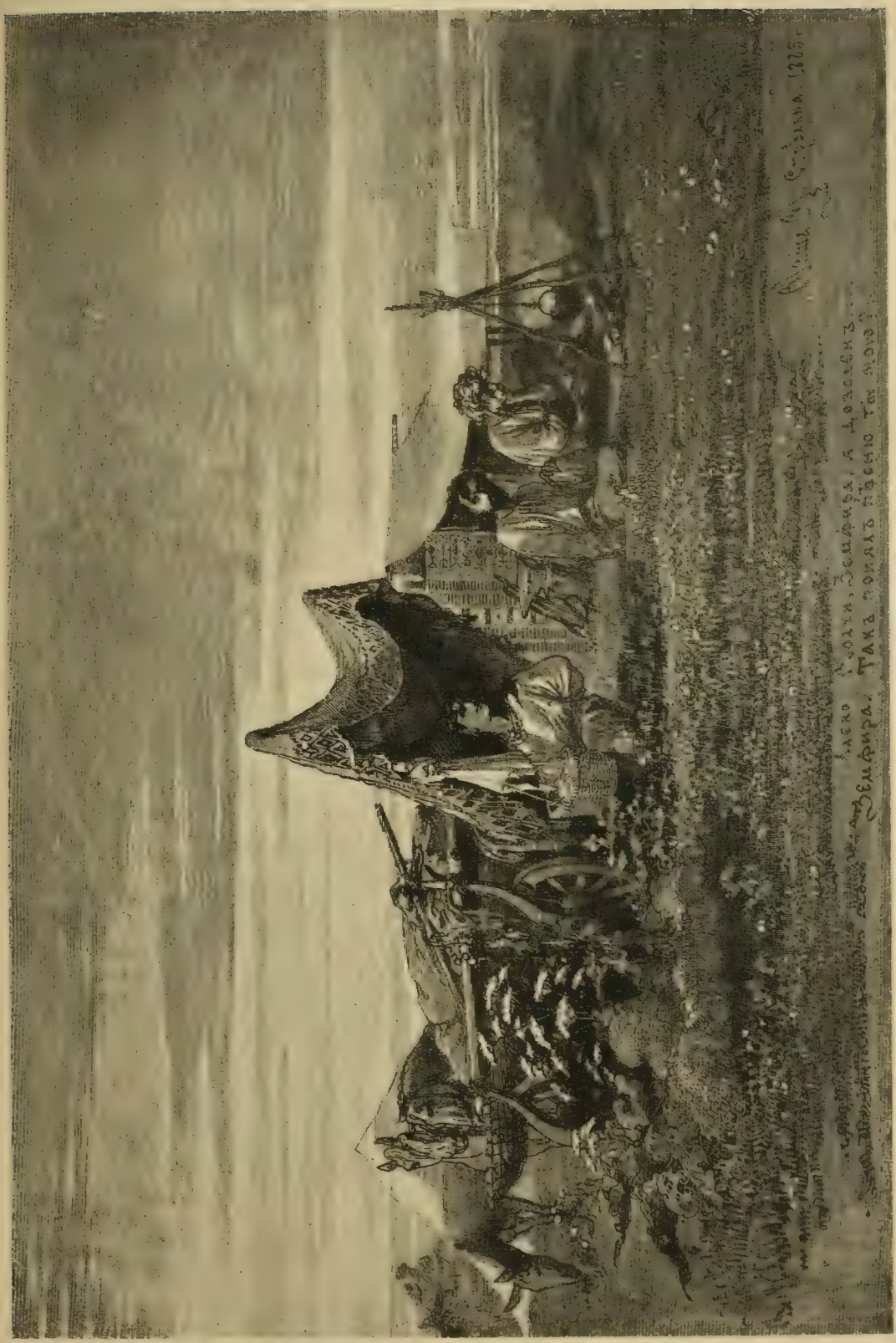
Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ни чему;
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.



ЗЕМФИРА ПОЕТЪ ПѢСНЮ «СТАРЫЙ МУЖЪ, ГРОЗНЫЙ МУЖЪ».

Рисунокъ Микешина.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя,
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льётъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!

АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И чтожъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла!

СТАРИКЪ.

Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль—
(Вотъ, видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль),
Тогда боялись мы Султана;
А правилъ Буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею,
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.
Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.
Однажды близь Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близь нашихъ у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

АЛЕКО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотъ часъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когдабъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

МОЛОДОЙ ЦЫГАНЪ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЪ.

Одно... но долѣ! на прощанье.

ЗЕМФИРА.
Прощай, покамѣстъ не пришёлъ.

ЦЫГАНЪ.
Скажи—когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.
Сего дня; какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...

ЦЫГАНЪ.
Обманетъ! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.
Бѣги—вотъ онъ. Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ съ крикомъ пробудясь во тмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека...
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо: страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ, ужасенъ, бродитъ;
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы,
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идётъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведётъ.
Могила на краю дороги,
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ,
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни...
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

1-й ГОЛОСЪ.
Пора—

2-й ГОЛОСЪ.
Постой!

1-й ГОЛОСЪ.
Пора, мой милый.

2-й ГОЛОСЪ.
Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

1-й ГОЛОСЪ.
Ужъ поздно.

2-й ГОЛОСЪ.
Какъ ты робко любишь.
Минуту!

1-й ГОЛОСЪ.
Ты меня погубишь.

2-й ГОЛОСЪ.
Минуту!

1-й ГОЛОСЪ.
Если безъ меня
Проснется мужъ...

АЛЕКО.
Проснулся я.
Куда вы? не спѣшите оба;
Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

ЗЕМФИРА.
Мой другъ, бѣги, бѣги!

АЛЕКО.
Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!
(*Вонзаетъ въ него ножъ*).

ЗЕМФИРА.
Алеко!

ЦЫГАНЪ.
Умираю!

ЗЕМФИРА.
Алеко, ты убьешь его!
Взгляни ты: весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.
Ничего.
Теперь дыши его любовью.

ЗЕМФИРА.
Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю.
Твое убійство проклинаю,

АЛЕКО.
Умрижъ и ты! (*Поражаетъ ее*).

ЗЕМФИРА.
Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножомъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицемъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;

АЛЕКО У ТРУПА ЗЕМФИРЫ.

Рис. К. Трутовскаго.

Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.
Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ,
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки, и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ;—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

«ОСТАВЬ НАСЪ, ГОРДЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ».

Рисунокъ Зичи.

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Рускій указалъ,
Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.
Но щастья нѣтъ и между вами
Природы бѣдные сыны!
И подъ изодранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

397. ПРИВѢТЪ АЛЕКО СЫНУ.

(Окончательно не отдѣланъ; въ поэму не вошелъ).

Блѣдна, слаба Земфира дремлетъ —
Алеко, съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ.
«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненной даръ свободы...
Останься посреди степей
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.
Рости на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.
Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай Цыгана бѣдный внукъ
(Не знаетъ) нѣги просвѣщенья
И пышной суеты наукъ...
Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Не утолишься жаждой мести.
Зато безпеченъ, здравъ и воленъ,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызеній чуждъ.
Отъ общества быть можетъ я
Отъемлю нынѣ гражданина —
Что нужды — я спасаю сына —
И я бъ желалъ, чтобъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса.
О сколько ѣдкихъ угрызеній
Тревогъ.... разувѣреній
Тогда-бъ я въ жизни не узналъ
О сколько

398.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ. [1])

Посвящено П. А. О. (ПрасковьѢ Александровнѣ Осиповой).

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѢздой,
Клянусь вечернею молитвой [2]):
НѢтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѢнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѢдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѢдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѢхъ вы женъ отличены:

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей.
(L'art arabe, par Prisse d'Avennes, d'après les monuments de Caire . P. 1877).

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей (*L'art arabe par Prisse d'Avennes*).

Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.
А вы, о гости Магомета,
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ [3]).

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье [4]):
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.
Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!
Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?
За то ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?
За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ и финикъ, и оливу,

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes).

Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?
Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой [5]).
Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.
Творцу молитесь; Онъ могучій:

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes).

Онъ правитъ вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.
Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному кличу,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возмемъ.
Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes.).

Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнутъ, Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога роптalъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.
И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.
Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»
И горемъ обьятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.
И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

Примѣчанія Пушкина къ «Подражаніямъ Корану».

1) «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, несмотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ, или третьемъ лицѣ.

2) Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелію и порокомъ, ангелами и человѣкомъ, и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ помнутно.

3) «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

4) Изъ книги *Слѣпецъ*.

5) Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія!

399. ПРИЗНАНІЕ.

(Александрѣ Иван. Осиповой).

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;
И мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный, невинной,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь—мнѣ отрада;
Вы отвернетесь—мнѣ тоска;
За день мученія—награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я въ умиленьѣ, молча, нѣжно,
Любуюсь вами какъ дитя!...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ...
Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!...

ИСПАНСКАЯ СЕРЕНАДА.

Неизданная акварель Николая Брюлова.
(Библіотека Академіи Художествъ).

400. НОЧНОЙ ЗЕФИРЪ СТРУИТЪ ЭФИРЪ.

Испанскій романсъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

401. ПРОСТИ, УКРАИНСКІЙ МУДРЕЦЪ.

(Изъ письма къ А. Г. Родзянкѣ).

Прости, украинскій мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй чемъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ—деревня; ты мой Папа,
Благослови жъ, меня, пѣвецъ!

402. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ,
Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ
Всѣхъ разсмѣшилъ проворный приговоръ—
Ріэго былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ,
Согласенъ я, но онъ за то повѣшенъ—
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ улыбкой наградить.
Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить
И въ подлости осанку благородства.

403. ВОСПИТАННЫЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ.

Воспитанный подъ барабаномъ
Нашъ Ц*** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Аустерлицомъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дремалъ,
Зато былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надоѣлъ—
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ!

404. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

405. ЛИХОЙ ТОВАРИЩЪ НАШИХЪ ДѢДОВЪ.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

406. МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКІЯ ЖЕНЫ.

(Окончательно не отдѣлано Пушкинымъ).

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (славной) войны,
И дымъ парнаскаго кадила.
Въ аллеяхъ Сарскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды . . . . . вела
Съ Даламберомъ иногда
Старушка милая жила
Пріятно, (хоть) немного . . . . .
Вольтеру добрый другъ была,
Наказъ писала, флоты жгла,
И умерла садясь на судно.
(Съ тѣхъ поръ . . . . . Россіи мгла
Россія, бѣдная держава
Твоя удавленная слава
Съ Екатериной умерла

С. Петербургъ.

407. НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты;
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты.

Черновые наброски и отрывки 1823—1824 гг.

408. БЛЕСТИТЪ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТЪ.

Блеститъ луна, недвижно море спитъ,
Молчатъ сады роскошные Гассана;
Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
И съ нимъ его товарищъ молодой.
«Недугъ любви, недугъ тоски душевной
Не отъ меня сокроешь ты.
Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный,
Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали...

---

409. БЫВАЛО ВЪ СЛАДКОМЪ ОСЛѢПЛЕНЬИ.

Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи
Я вѣрилъ избраннымъ душамъ
Я мнилъ ихъ . . . . .
Угодно . . . небесамъ.
На нихъ указывало мнѣнье
. . . . . .

---

410. ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖЪ НАМИ СВЯЗИ НѢТЪ.

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя пѣни.
Все кончено—я слышу твой отвѣтъ—
Обманывать себя не стану
Тебя (роптаніемъ) преслѣдовать не буду
(И невозвратное) быть можетъ позабуду—
(Я зналъ: не для меня) блаженство
Не для меня сотворена любовь—
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

---

411. ПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ БЫЛЪ РОСТОМЪ МАЛЪ.

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ-же Голіаѳа,
Который былъ [и генералъ?]
И положеніемъ не ниже графа.

---

412. (НА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ).

(И. П. Липранди сообщилъ только первую строку этого, видимо, большого стихотворенія),

Мадамъ Ризничъ съ Римскимъ носомъ

---

413. ТЫ ИЗДАЛЪ ДЯДЮ МОЕГО.

(П. А. Плетневу).

Ты издалъ дядю моего:
Творца опаснаго сосѣда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его...
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Ѳеба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель...

---

414. ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ, ВЪ ДЕНЬ ГОНЕНЬЯ.

(Изъ цикла «Подражаній Корану»).

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно Ангелъ Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила
(Съ тѣмъ). . . . . .
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.

---

415. СЛАБЪ И РОБОКЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Можетъ быть изъ цикла «Подражаній Корану»).

Слабъ и робокъ человѣкъ,
Слѣпъ умомъ—и все тревожитъ...

---

416. ЧТО-ЖЕ БУДЕТЪ-ЛИ ВИНО?

(Изъ письма къ брату Льву).

(Что же? будетъ) ли вино?
Лайонъ, (жду) его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода

И терпимость всякихъ винъ.
(Самъ себѣ я господинъ)
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной—
St. Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои
Поэтическій *Аи*
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви,
(Но бургонское...)
(Рейнъ . . . . .)
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Безъ разбора...
. . . . . задора
Вина обхожу кругомъ...
. . . . .

---

417. ПРЕЗРѢВЪ И ШОПОТЪ УКОРИЗНЫ.

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ (обманчивыхъ) надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
(Умолкни], сердца шопотъ сонный,
. . . . . давней сѣнь
Прости, предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши.
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
А ты, въ опасный день разлуки,
Забылъ для брата о себѣ:
Соединимъ же братски руки
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...
. . . . . .
Лишь вспомни иногда, что гдѣ-то
. . . . . .
Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнымъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ.....
И гробъ . . . . . безымянный...
. . . . . .
Моей могилы безвѣстной
Настанетъ часъ желанный
И близъ . . . . . славянъ
И не

---

418. САБУРОВЪ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛЪ.

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ
Бранилъ Россію съ [Молоствовымъ ?]
Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...
Какъ (всѣ) заботы отыскалъ
Съ нимъ проводилъ такъ годъ я круглый,
Но Зубовъ не прельстилъ меня
Своею . . . . . ею смуглой.

419. ЕДВА УСТА КРАСНОРѢЧИВЫ.

Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися—и въ мигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.
Кристаллъ, поэтомъ обновленный,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священный
И дружбы сладостной залогъ—
Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный

ГРАФЪ ОЛИЗАРЪ.

Силуэтъ въ альбомѣ Е. Н. Раевской – Орловой, Воспроизводится впервые.

420. ГРАФУ О.... (ОЛИЗАРУ).

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою,
И вы, бывало, пировали,
(И вы, вы злобой трепетали)
Кремля (позоръ) и плѣнъ,
И мы о камень падшихъ стѣнъ
. . . . . .
(И мы младенцевъ избивали)

Когда . . . . . топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
(И наша дѣва молодая)
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ, гордою душою
Любовь народнаго врага.
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ—
При пѣсняхъ вдохновенья
Вражда . . . . . молчитъ,
И возстаютъ благословенья,
И (на сердца?) нисходитъ миръ...

421. ПОКА СУПРУГЪ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ.

Пока супругъ тебя, красавицу младую
Между шести другихъ еще не заключилъ
Ходи (къ источнику близъ могилъ)
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Какъ невозвратная струя
Блеститъ, бѣжитъ и изчезаетъ—
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
Въ гаремѣ такъ исчезну я.

422. ЗАБЫЛЪ И РОЩУ, И СВОБОДУ.

Забылъ и рощу и свободу,
Невольникъ-чижикъ надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣснью тѣшится живой.

423. МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смѣю надъ тобою
Произносить благословенья
Ты тихой Ангелъ утѣшенья
(Прими желанія) мои
Да будутъ ясны дни
Какъ нынѣ ясенъ жребій
. . . . . .

Прощай прелестное дитя,
Я не скажу тебѣ причины
. . . . . .
Быть можетъ о судьбѣ моей
Она современемъ услышитъ...
Клевета черты мои опишетъ.

424. ПРІЮТЪ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ.

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной,
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ гулъ протяжной

424-а. У МОРЯ ПОДЪ СКАЛОИ.

(У моря) подъ скалой
Пещера дикая таилась
Обитель нѣги въ лѣтній зной
Она прохладной темнотой

ВИДЪ ОДЕССЫ СЪ МОРЯ ВЪ 1824 ГОДУ.

Рисунокъ тушью Л. Манцони. Принадлежитъ Одесской Публичной Библіотекѣ. Изъ собранія графа М. М. Толстого. Воспроизводится впервые.

ПУШКИНЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ...

Пушкинъ.

„Любезныи Пушкинъ, твое описаніе Одессы—грамота на безсмертіе для нашего города“ ..

В. И. Туманскій—Пушкину.

Болѣе двухъ съ половиною лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. Какъ ни была интересна и разнообразна жизнь юнаго поэта въ Бессарабіи, онъ сталъ подъ конецъ тяготиться своимъ пребываніемъ въ полуазіатскомъ, грубомъ городѣ. Его изящной, эстетической натурѣ нужна была другая среда. А неподалеку отъ Кишинева былъ «кусочекъ Европы»—кипучей жизнью цвѣла молодая Одесса. Пушкинъ не разъ туда отпрашивался у своего добраго и снисходительнаго начальника И. Н. Инзова. Въ 1821 г. поэтъ былъ въ Одессѣ весною [1]); здѣсь имъ были написаны эпилогъ «Кавказскаго Плѣнника» и посвященіе поэмы Н. Н. Раевскому. Городъ былъ полонъ греками, возставшими противъ турокъ, но разгара греческаго движенія молодой поэтъ, который горячо интересовался борьбой за освобожденіе Греціи, не видѣлъ. «Въ Одессахъ»,—писалъ онъ кому-то изъ друзей,—«я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ; всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти» [2]). Анненковъ говоритъ, что тогда у Пушкина были въ Одессѣ «любовныя связи» [3]). Это весьма возможно, но, конечно, не онѣ однѣ привлекали его въ Одессу. Вѣроятно, намекая на Одессу, онъ писалъ 23 марта Дельвигу: «скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе». Въ августѣ Пушкина опять тянуло въ Одессу, но его не отпускалъ Инзовъ, очевидно, желая оградить увлекающагося подчиненнаго отъ

[1]) «Русс.Арх.» 1866 г., ст. 1140, 1151-1152.

[2]) Въ Красномъ переулкѣ Одессы, до сихъ поръ населенномъ преимущественно греками и носящемъ любопытный старо-греческій колоритъ, уцѣлѣлъ двухъ этажный каменный домикъ, надъ воротами котораго прибита мраморная доска съ греческой надписью: «Домъ Маразли, въ которомъ собиралась дружеская гетерія, 1821».

[3]) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху».

разныхъ непріятностей, которыя могъ на него навлечь его тогдашній «либерализмъ», отъ разныхъ встрѣчъ, которыя могли быть для него небезопасны. Поздравляя С. И. Тургенева «съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную», Пушкинъ писалъ ему 21 августа изъ Кишинева: «съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою». Поэту опротивѣлъ «проклятый городъ Кишиневъ». О скоромъ избавленіи отъ ссылки не приходилось думать, и Пушкинъ старался перемѣнить ея условія на болѣе сносныя. Уже изъ Одессы онъ писалъ А. И. Тургеневу (1 декабря 1823 г.): «надобно подобно мнѣ провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха».

До насъ дошло немало воспоминаній объ Одессѣ двадцатыхъ годовъ. Читая ихъ, понимаешь, что влекло Пушкина въ этотъ городъ. Лучшей характеристикой тогдашней Одессы служатъ, конечно, стихи самого Пушкина, въ «Путешествіи Онѣгина». Поэтъ, писавшій ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ покинулъ Одессу, прекрасно указалъ и всѣ ея достоинства, и всѣ недостатки. Пушкинъ зоветъ Одессу «пыльной», «грязной», отмѣчаетъ, что она страдала отъ недостатка воды, что въ ней почти не было растительности. «Городъ»— разсказываетъ А. И. Маркевичъ [4]),—«былъ весьма не великъ. Хотя онъ занималъ мѣсто нынѣшнихъ лучшихъ его частей, но дома были небольшіе и рѣдкіе и перемежались съ хлѣбными магазинами, особенно частыми и большими на окраинахъ города... За Преображенскою улицею, отъ такъ называемаго «Чудного дома» уже начинались пустыри, среди которыхъ построены были дома нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, а еще далѣе—обширная усадьба Нарышкиныхъ. На Херсонской улицѣ было нѣсколько недурныхъ домовъ, напр. негоціанта Ризнича; но далѣе шли хлѣбные магазины, и расположены были зданія городской больницы. Соборъ уже существовалъ, и была застроена мѣстность по Дворянскую улицу, а затѣмъ шли плохіе домишки и пустыри, среди которыхъ начиналась постройка института. Дерибасовская улица, хотя и существовала, но пріобрѣла нѣкоторое значеніе лишь съ того времени, когда на углу ея и Преображенской улицы поселился начальникъ края графъ Воронцовъ. Дерибасовскій городской садъ, примыкавшій къ зданіямъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ то время не былъ особенно посѣщаемъ. На той же улицѣ были расположены зданія Ришельевскаго лицея, сохранившіяся донынѣ среди дома Вагнера. Бульвара еще не было, но мѣсто подъ него, занятое растительностью, гдѣ еще недавно можно было охотиться, уже начали расчищать, для чего были сломаны остатки турецкой крѣпости. Внизу бульвара былъ портъ, представлявшій, конечно, только слабый очеркъ нынѣшняго; зато море въ то время было для одесситовъ гораздо доступнѣе. На нынѣшней Театральной площади стоялъ театръ, мѣстность вокругъ котораго была завалена камнями отъ развалинъ бывшаго дома де Ришелье, а въ началѣ Ришельевской улицы находилась популярная кофейня. Улицы въ Одессѣ были еще немощенныя; осенью она тонула въ грязи, а лѣтомъ купалась въ облакахъ пыли... Одесса страдала отъ безводія... Растительность была жалкая... Недуренъ былъ Ботаническій садъ, теперь, къ сожалѣнію, погибшій. За предѣлами Одессы было нѣсколько оазисовъ-дачъ: де Ришелье, графа Ланжерона, нѣсколькихъ богатыхъ негоціантовъ... Но все это было въ самомъ примитивномъ видѣ...» Итакъ, Одесса двадцатыхъ годовъ была городомъ сравнительно еще не очень благоустроеннымъ. Въ такихъ же краскахъ описываетъ наружность города Ф. Ф. Вигель, приходившій въ ужасъ отъ одесской пыли и грязи. Въ этомъ отношеніи Одесса мало разнилась отъ Кишинева, но зато въ ней было то, чего въ Кишиневѣ не было: шумная, оживленная жизнь, блескъ и пестрота, море и итальянская опера... Какъ ни бѣдна природа Новороссійскихъ степей, но югъ— все-же югъ. Туманскій, попавъ въ Одессу, «пошелъ бродить со своимъ лорнетомъ одинъ надъ моремъ» и, влюбившись въ Одессу, сочинилъ «упоительное дыханіе садовъ одесскихъ», небывалыхъ въ ней, «холмы увѣнчанные кистями винограда» [5]). Пушкинъ не прибѣгъ къ выдумкѣ, даже посмѣялся надъ восторженнымъ бредомъ Туманскаго («все хорошо, но дѣло въ томъ,

[4]) «Пушкинскіе дни въ Одессѣ», Од., 1900 г., стр. 129 - 131.

[5]) «Одесса» «Полярная Звѣзда» 1824 г., стр. 240.

ВИДЪ ВХОДА ВЪ РИШЕЛЬЕВСКУЮ УЛИЦУ г. ОДЕССЫ.

Съ литографіи тридцатыхъ годовъ, принадлежащей Одесской Городской Публичной Библіотекѣ. Воспроизводится впервые.

что степь нагая тамъ кругомъ»[5]) и нашелъ своеобразную прелесть въ небогатой природѣ Одессы. «Но солнце южное, но море... Чего жъ вамъ болѣе, друзья? Благословенные края!»—говоритъ онъ. Голубыя южныя волны ласкали глаза поэта, ихъ немолчный плескъ звучалъ сладкой музыкой его уху. Пушкинъ любилъ морское купаніе, любилъ быстро набѣгающую одесскую ночь и описалъ ея мягкость и ласкающую теплоту:

Тихо спитъ Одесса.
И бездыханна, и тепла
НѢмая ночь, луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ..

О любви Пушкина къ морю сохранился любопытный разсказъ К. П. Зеленецкаго [6]), слышавшаго его въ 1840 г. отъ старика-извозчика, который иногда возилъ Пушкина на берегъ моря, на дачу Рено. Старикъ передавалъ, что Пушкинъ, бывало, пріѣдетъ, «посидитъ, походитъ по берегу часъ, полтора, потомъ назадъ». Уроженецъ хмураго сѣвера, Пушкинъ восхищался одесскимъ небомъ. «Тамъ долго ясны небеса», говоритъ онъ въ «ОнѢгинѣ»; въ письмѣ къ Д. М. Княжевичу, уже изъ Михайловскаго, зимой 1824 г., онъ съ тоской восклицаетъ: «здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы». Театръ поэтъ особенно любилъ; одесскому театру имъ посвящены восторженныя строки:

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень—Орфей...

«Россини и итальянская опера!—боже мой, это представители рая небеснаго!...» не скупится Пушкинъ на выраженія восторга въ одномъ одесскомъ письмѣ къ Дельвигу. Вигель разсказываетъ, что вся Одесса посѣщала итальянскую оперу, бывшую мѣстомъ свиданій для свѣтскаго общества [7]). Разсказывая о

[6]) «А. С. Пушкинъ», II, М., 1885 г., стр. 96

[7]) «Записки», М., 1892 г., VI, 133.

своихъ первыхъ одесскихъ впечатлѣніяхъ, Пушкинъ пишетъ брату: «ресторація и итальянская опера обновили мнѣ душу». Весело жилось въ Одессѣ, особенно лѣтомъ, когда въ ней бывало множество пріѣзжихъ—кто ради морскихъ купаній, кто ради «европейскаго воздуха», кто по пути за границу, кто пріѣзжалъ за воспитывавшимися въ Ришельевскомъ лицеѣ и въ пансіонахъ дѣтьми. У театра было кафе; въ антрактахъ публика ѣла приносимое изъ этого кафе мороженое, живописно располагаясь на разбросанныхъ по площади камняхъ. Другое кафе—Отона пользовалось большой популярностью. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ». Попавши въ Одессу, Пушкинъ сразу сталъ записнымъ театраломъ и, кромѣ театра, мало куда ходилъ. Талантливая беллетристка Елена Ганъ (*Зенеида Р—ва*), жившая въ Одессѣ лѣтъ черезъ десять послѣ Пушкина, оставила самое колоритное описаніе общаго облика Одессы, которое достаточно вѣрно характеризуетъ и Одессу пушкинскаго времени, ту дѣловую, кипучую Одессу, которую Пушкинъ въ одномъ письмѣ назвалъ «прозаическою [8]). «Здѣсь природа была если не матерью, то доброю мачехою; украшенная трудами людей, она доставляетъ пищу взорамъ, порою и пищу душѣ; но шагъ впередъ, и очарованіе исчезло. Тамъ тротуары, балконы, пестрыя вывѣски гостинцъ и модъ. Тамъ деревья, растущія будто нехотя вдоль улицъ, блекнутъ подъ слоями бѣлой известковой пыли, которая, вздымаясь въ воздухѣ густыми облаками своими, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра занимаетъ дыханіе и въѣдается въ глаза. Тамъ голова кружится отъ смѣси грохота экипажей по мостовой, визга немазанныхъ колесъ подъ пирамидальными арбами угольщиковъ и воловьими подводами поставщиковъ пшеницы. Тамъ выкиньте изъ головы всѣ мысли, запрячьте подальше всякое чувство, чтобъ, отразившись на лицѣ, онѣ не сдѣлали васъ смѣшнымъ, скорѣе принимайте видъ разсѣяннаго far niente — заимствуйте его хоть отъ этого сына юга и нѣги, который, полулежа на крыльцѣ casino, блаженствуетъ въ полудремотѣ, не выпуская изо рта погасшей сигары. Тамъ можно пройти полгорода, не встрѣтивъ русскаго слова. Италіанскій, французскій, польскій, греческій—вся эта смѣсь языковъ коснется вашего слуха, кромѣ языка русскаго, и, однако жъ, вы въ Россіи. Развѣ случайно вамъ попадется толпа бородачей, которые, возвращаясь съ работы, съ пилами за плечами и апельсиномъ въ рукахъ, толкуютъ межъ собой: «Всѣмъ бы хорошъ городокъ Одеста, да нехристей въ ней столько шатается, что Боже упаси».

Поселившись въ Одессѣ, Пушкинъ сталъ гражданиномъ общества, совсѣмъ не похожаго на то, въ которомъ онъ вращался въ Кишиневѣ. Его составъ былъ иной; оно жило другой жизнью, другими интересами. Кишиневское общество состояло главнымъ образомъ изъ военныхъ, представлявшихъ собою самый культурный элементъ въ Бессарабіи, незначительнаго чиновничества и мѣстныхъ бояръ, едва только начинавшихъ сбрасывать свои традиціонные живописные костюмы. Не такова была физіономія одесскаго общества. Одесса уже тогда стала, благодаря своему выгодному приморскому положенію, культурнымъ центромъ юга; она стала средоточіемъ крупныхъ коммерческихъ предпріятій, находившихся въ рукахъ видныхъ и довольно образованныхъ негоціантовъ европейскаго склада. Вокругъ генералъ-губернатора группировались болѣе или менѣе значительные чиновники, въ Одессу часто наѣзжали представители старой русской и польской аристократіи (Потоцкіе, Понятовскіе, Нарышкины, Сабанскіе, Кочубеи, Залѣскіе, Шеміоты, Ржевускіе, Волконскіе). Еще многочисленнѣе было богатое купечество (Сикаръ, Рено, Моберли, Маразли, Ризничъ). Пушкинъ отмѣтилъ въ описаніи Одессы ея кипучую, бойкую торговую жизнь:

. . Здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? И гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?..

Средній классъ, интеллигенція, русская и иностранная, участвовалъ въ масонской ложѣ (члены которой, по преданію, собирались въ «Чудномъ домѣ»; по другой ле-

[8]) «Теофанія Аббіаджіо»—Полн. собр. сочин. А. Ганъ, Спб., 1905 г., стр. 246.

гендѣ, на дачѣ Гогель). Можно было на улицѣ встрѣтить умнаго англичанина—атеиста Гунчисона; лѣниво двигался по Ришельевской, въ своемъ живописномъ восточномъ костюмѣ, «корсаръ въ отставкѣ Maure Али», съ которымъ свелъ дружбу Пушкинъ. Революціонное движеніе на Апенинскомъ и Пиринейскомъ полуостровѣ, борьба греческой гетеріи съ турецкимъ игомъ—все это было на устахъ у одесскаго общества. Улицы оглашали «языкъ Италіи златой» и французскій языкъ; на послѣднемъ шло преподаваніе въ Ришельевскомъ лицеѣ, на немъ печаталась первая въ Одессѣ газета—«Messager de la Russie Méridionale ou feuille commerciale» (при Пушкинѣ она была уже преобразована въ «Journal d'Odessa»). Двадцатые годы были эпохой увлеченія археологическими раскопками, изысканіями. Памятникомъ возникшей тогда любви къ изученію древности является основанное вскорѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ, одесское общество исторіи и древностей. На всемъ югѣ Россіи и въ Крыму усердно разрабатывались археологическія богатства [9]). Одесса жила, кипѣла, волновалась; въ ней не было узкаго, пошлаго провинціальнаго духа обыкновеннаго русскаго города, въ ней дѣйствительно все «вѣяло Европой», «пестрѣло разнообразностью живой», «блистало югомъ». Приглашая какихъ-то дамъ пріѣхать въ Одессу, Пушкинъ писалъ имъ зимою 1823 г.: «пріѣзжайте, Неба ради!—У насъ есть для васъ приманка—балы, итальянская опера, вечера, концерты»...

Весьма интересенъ отзывъ объ одесскомъ обществѣ пріятеля Пушкина, В. И. Туманскаго [10]), относящійся какъ разъ къ тому времени, когда жилъ въ Одессѣ Пушкинъ. Отзывъ этотъ помѣченъ 1824 г. (16 іюня). «Успѣвъ»—пишетъ Туманскій—«совершенно познакомиться съ высшимъ и среднимъ кругомъ здѣшняго общества, я смѣю, наконецъ, сказать о немъ свое мнѣніе. Начнемъ съ того, что оно, будучи составлено изъ какихъ-то отдѣльныхъ лоскутковъ, чрезвычайно пестро и потому не представляетъ возможности скучать человѣку просвѣщенному и наблюдательному. Далѣе, что тонъ сего общества нехорошъ—въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ это слово въ столицахъ. То-есть, что здѣсь нѣтъ нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ для обращенія въ свѣтѣ, нѣкоторыхъ условныхъ разговоровъ и даже условныхъ наслажденій, при имени которыхъ находитъ уже зѣвота. Большая часть членовъ нашего общества занята либо службою, либо торговлею и торговыми оборотами. Довольно этого одного обстоятельства, дабы почувствовать, что всѣ они ищутъ въ обществѣ отдохновенія, а не новаго труда. Слѣдовательно, каждый поступаетъ по-своему, не принуждая себя къ строгому порядку столичныхъ гостиныхъ... Наши дѣловые господа сообразуются съ пріятными обыкновеніями во всемъ, что требуется благопристойностью, только не въ стараніи скучать самому себѣ и наскучать другимъ. Недостатокъ свѣтскаго образованія гораздо чувствительнѣе въ одесскихъ дамахъ. Замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей, скрывая подъ личиной скромности или свою простоту, или свое невѣжество. Дѣвушки въ обхожденіи своемъ не умѣютъ стать на настоящую точку: однѣ дики или грубы, другія слишкомъ веселы и слишкомъ рано постигаютъ вещи, которыхъ не заботятся скрывать. Впрочемъ, въ общей массѣ все это составляетъ вещь оригинальную и пріятную... Конечно, дѣвушка вольнаго обращенія гораздо занимательнѣе дикой провинціальной барышни или безмолвной, жеманно-скромной дамы. Особливо гречанки меня утѣшаютъ. Недавно еще, покинувъ землю, гдѣ женскій полъ не имѣетъ общественнаго существованія, онѣ вдругъ хотятъ насладиться всею свободою онаго... Нѣкоторыя изъ нихъ очень пригожи и имѣютъ прекрасныя способности, но воспитаніе, воспитаніе!.. Не считаю нужнымъ скрѣплять фамильными именами мое начертаніе одесскихъ обществъ. Какая охота знать, кто дурнѣе: княгиня ли Мурузи или дѣвица Гикъ? Кто стройнѣе: хорошенькая ли Констанція Кирико или хорошенькая Софія Гипшъ? Кто милѣе: Елена или Зинаида Бларамбергъ?»... Этому изображенію одесскаго общества нельзя отказать въ отчетливости. Въ вольной, веселой Одессѣ, дѣйствительно, тогда еще не царилъ принуж-

[9]) Археологіей усердно занимались поэтъ В. Г. Тепляковъ (1804—1842), П. А. Дебрюксъ (1794—1835), изучавшій древнюю географію Таврическаго полуострова; А. Ѳ. Панагіодоръ-Никовулъ (1763—1848), давшій имена Овидіополю, Ольвіополю и другимъ южнымъ мѣстностямъ; И. П. Бларамбергъ (1772—1831), И. А. Стемпковскій (1789—1832), работавшіе надъ изученіемъ древностей юга Россіи. Тогда же начиналась дѣятельность А. Б. Ашика (1802—1854) и профессора Ришельевскаго лицея И. И. Гриневича.

[10]) «Письма В. И. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія», изд. графа Г. А. Милорадовича, Черниговъ, 1891.

денный тонъ свѣтскаго общества, и городъ жилъ по европейскому складу. Отзывъ объ одесскихъ дамахъ не отличается, впрочемъ, полнотою. Существовалъ еще замкнутый и довольно чопорный кружокъ дамъ высшаго общества, группировавшійся около графини Е. К. Воронцовой; но не любившая скучать молодежь, конечно, въ это общество стремилась гораздо меньше, чѣмъ туда, гдѣ блистали женщины, соединявшія съ красотою то отсутствіе жеманства и чопорности, которое Туманскій называетъ «вольнымъ обращеніемъ». Сидя уже въ Михайловскомъ и прося, въ августѣ 1825 г., Вяземскаго писать чаще, Пушкинъ сравнилъ письма друга съ предметами, которые дѣйствовали на него такъ живительно: «они точно оживляютъ меня... какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство Италіанки». Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, значительно позднѣе описываемаго времени, въ Одессѣ еще не вывѣтрился духъ свободы и простоты въ общественныхъ отношеніяхъ. Добрый знакомый Пушкина, М. П. Розбергъ, поступившій въ 1829 г. на службу къ Воронцову чиновникомъ особыхъ порученій, писалъ 3 апрѣля 1830 г. одному изъ своихъ друзей [11]): «здѣсь нѣтъ чопорности, нѣтъ мѣстничества, здѣсь всѣ какъ-то ближе другъ къ другу (чѣмъ въ Москвѣ), и если на балу или вечеринкѣ недостаетъ кого-нибудь, это тотчасъ замѣтно. Причины такого явленія: болѣе тѣсный кругъ высшаго общества, болѣе европеизма въ отношеніяхъ людей къ людямъ»... Въ 1833 году князь П. Черкасскій [12]) писалъ о столицѣ юга: «Одесса городъ замѣтно-буржуазный, гдѣ чины и аристократическія преимущества цѣнятся недорого. Есть у меня двоюродный братъ; онъ здѣсь командовалъ пѣхотной дивизіей и, уѣзжая отсюда, клялся, что ноги его не будетъ въ этомъ городѣ, гдѣ не питали никакого почтенія къ его жирнымъ эполетамъ».

Во главѣ одесскаго общества въ началѣ 20-хъ годовъ стали супруги Воронцовы. Отношенія ихъ къ Пушкину составляютъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ біографіи поэта. Надо замѣтить, что отношенія эти выяснены далеко не въ равной мѣрѣ, а именно покрыты нѣкоторымъ туманомъ таинственности отношенія поэта къ графинѣ Е. К. Воронцовой, тогда какъ давно уже выяснены причины взаимнаго нерасположенія другъ къ другу и разрыва между Пушкинымъ и графомъ М. С. Воронцовымъ. Какъ ни рѣзки отзывы о Воронцовѣ самого Пушкина, какъ ни бываетъ, естественно, несправедливъ каждый, кто берется судить о своемъ собственномъ дѣлѣ, въ которомъ задѣто его самолюбіе, все-же даже изъ этихъ отзывовъ можно видѣть, что Воронцовъ не сразу сталъ гонителемъ поэта. Онъ только не понималъ его, не умѣлъ оцѣнить его значеніе. Воронцовъ былъ человѣкъ умный, образованный, энергичный. Богатый, просвѣщенный, видный военный дѣятель Александровской эпохи, гуманный, стремившійся насаждать образованіе среди солдатъ (при корпусѣ, которымъ онъ командовалъ, стоявшемъ въ Мобежѣ, во Франціи, онъ завелъ походную русскую типографію, произведенія которой очень рѣдки теперь), много сдѣлавшій для цивилизаціи Кавказа, Крыма и Новороссіи (ему не даромъ поставлены памятники въ Одессѣ и въ Тифлисѣ), поощрявшій промышленность и торговлю, онъ не способенъ былъ понять «тонъ души» Пушкина. Многіе удивлялись, что Пушкинъ не ужился съ Воронцовымъ, и, надо сказать, общественное сочувствіе было далеко не всецѣло на сторонѣ Пушкина. Въ «воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I» Пушкинъ выраженіе этого удивленія вкладываетъ въ уста царю: «какъ это вы не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» Происходило это прежде всего (о другихъ причинахъ будетъ сказано ниже) потому, что Воронцовъ, англичанинъ по воспитанію, взглядамъ, симпатіямъ и антипатіямъ, врагъ «корсиканскаго звѣря» — Наполеона, поклонникъ Sainte Alliance des peuples, этой политической химеры, ненавистникъ Байрона и всего романтическаго направленія, не могъ ни понять Пушкина, ни симпатизировать ему. Простоватый, совсѣмъ не блестящій въ сравненіи съ Воронцовымъ Инзовъ, съ своимъ добродушіемъ, старческой снисходительностью, былъ ближе сердцу Пушкина, чѣмъ изящный европеецъ Воронцовъ, по отношенію къ Пушкину бывшій дѣйствительно сухимъ и холоднымъ. Гр. П. Каннистъ [13]) называетъ Воронцова «внутренно-надменнымъ, но съ самыми

[11]) «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина», часть VII, стр. 344—347.

[12]) Тамъ же, стр. 347—350.

[13]) «Русская Старина» 1899 г., май, «Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы», стр. 243.

ДОМЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ ВЪ ОДЕССѢ, НА ПУШКИНСКОЙ УЛИЦѢ, БЫВШІЙ СИКАРЪ, НЫНѢ АЛЬТДОРФЕРЪ.

(*Съ фотографіи 1907 г.*).

изящными внѣшними формами». Воронцовъ, дѣйствительно умѣлъ нравиться людямъ. Вотъ какъ отзываются о немъ М. П. Розбергъ и кн. П. Черкасскій въ цитированныхъ выше письмахъ. «Воронцовъ»—пишетъ кн. Черкасскій — «одинъ изъ самыхъ пріятныхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, чрезвычайно вѣжливый, обладающій самой располагающей наружностью»... Розбергъ говоритъ о Воронцовѣ: «его обращеніе, его поступки всѣ отзываются благородствомъ, какого мы не привыкли видѣть въ нашихъ знатныхъ сановникахъ; образованіемъ онъ опять-таки станетъ выше всѣхъ - ихъ»... По словамъ Розберга (въ томъ же письмѣ), личность Воронцова была одной изъ причинъ весе-

лой и тѣсной общественной жизни въ Одессѣ; значитъ, Воронцовъ умѣлъ сближать людей. И дѣйствительно, Воронцова окружало шумное, разнообразное общество, которому давала тонъ его жена графиня Елизавета Ксаверіевна (рожденная Браницкая). Въ томъ же 1823 г., когда въ Одессу переселился Пушкинъ, ее видѣлъ Ф. Ф. Вигель, посвятившій ей нѣсколько строкъ въ своихъ «Запискахъ» [14]: «ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться молоденькою. Долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время пер-

[14]) VI, 84.

ваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Со врожденнымъ польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода была она душою, молода и наружностью. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ, небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь; улыбка ея устъ, которой подобной я не видалъ, казалось, такъ и призываетъ поцѣлуи». Отношенія графини къ Пушкину, какъ уже сказано, одно изъ недоумѣнныхъ мѣстъ въ исторіи его жизни. Ниже еще скажемъ о томъ, насколько вѣроятны предположенія, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и переписывался съ ней, когда жилъ въ Михайловскомъ, и о томъ, что онъ служилъ ширмою, чтобы отвлечь вниманіе графа отъ пріятеля Пушкина Александра Раевскаго, бывшаго настоящимъ предметомъ любви графини [15]). Несомнѣнно одно, что къ Пушкину она была расположена гораздо болѣе, чѣмъ графъ [16]).

У Воронцовыхъ собиралось большое общество, дѣлившееся на два кружка. «Большая зала»,—разсказываетъ Вигель,—«почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ биліардной. Другое, избранное, отборное, находилось въ гостинной у графини... Всегда можно было найти тутъ Марини, Брунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Синявина [17]). Изъ дамъ ежедневной посѣтительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вмѣстѣ, а вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались». Близко къ Воронцовымъ стояли супруги Гурьевы (графъ Гурьевъ былъ одесскій градоначальникъ), графъ А. Ѳ. Ланжеронъ, предшественникъ Воронцова по управленію Новороссіей и жена его, холодная красавица; извѣстный писатель-реакціонеръ Александръ Скарлатовичъ Стурдза [18]), съ которымъ Пушкинъ былъ хорошо знакомъ, его сестра графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, извѣстная своимъ умомъ южно-русская Смирнова. Близки къ Воронцову были правитель его канцеляріи Александръ Ивановичъ Казначеевъ, родственникъ царскосельскаго товарища Пушкина А. А. Шишкова, относившійся очень хорошо къ своему подчиненному—Пушкину; М. И. Лексъ, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, впослѣдствіи одесскій градоначальникъ, человѣкъ съ литературными вкусами и наклонностями. Въ штатѣ чиновниковъ канцеляріи Воронцова состояли поэтъ Василій Ивановичъ Туманскій, баронъ Ф. И. Бруновъ (впослѣдствіи русскій посолъ въ Лондонѣ). Жена Казначеева, Варвара Димитріевна, рожденная княжна Волконская, женщина, по отзыву Липранди [19]), «очень умная, любезная и начитанная, страстная любительница литературы, устраивала у себя литературные вечера». Къ обществу Воронцовыхъ принадлежали супруги Зонтагъ; мужъ былъ капитаномъ надъ одесскимъ портомъ; жена, Анна Петровна, урожденная Юшкова, родственница и пріятельница Жуковскаго,—извѣстная впослѣдствіи писательница для дѣтей. Въ Одессу часто наѣзжала близкая Пушкину семья Раевскихъ. Одинъ изъ членовъ этой семьи, Александръ Николаевичъ, воспѣтый Пушкинымъ «Демонъ», имѣлъ на него безспорное вліяніе и сыгралъ въ его жизни несомнѣнную роль. Понятно, какъ горячо долженъ былъ стремиться въ Одессу Пушкинъ изъ давно опостылѣвшаго ему Кишинева. Онъ сталъ хлопотать о переводѣ на службу въ Одессу черезъ своего неизмѣннаго друга—вліятельнаго А. И. Тургенева.

7 мая 1823 г. состоялось назначеніе графа М. С. Воронцова новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ бессарабской области; въ его лицѣ впервые соединились оба эти поста. Переѣзду Пушкина предшествовали слѣдующіе переговоры между всегдашнимъ ходатаемъ за Пушкина А. И. Тургеневымъ и бу-

---

[15]) Вигель VI, 171.

[16]) Сохранилось преданіе, разсказанное Аркадіемъ Осиповичемъ Россетомъ, братомъ пресловутой русской Рекамье, А. О. Смирновой («Русскій Архивъ» 1882 г., I, 246), что Пушкинъ называлъ ее la princesse belvétrille,—«оттого, что однажды въ Одессѣ, глядя на море, она твердила извѣстные стихи: не бѣлѣютъ ли вѣтрила, не плывутъ ли корабли?» (изъ баллады В. А. Жуковскаго «Ахиллъ»).

[17]) «Славнѣйшій малый, мой пріятель», писалъ о немъ Пушкинъ брату 1 апрѣля 1824 г.

[18]) «Я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ», писалъ Вяземскому Пушкинъ 14 октября 1823 г. Въ 1819—20 гг. Пушкинъ съ нимъ враждовалъ, (ср. т. I, 529), но въ Одессѣ они сблизились.

[19]) «Русск. Арх.» 1866 г., 1475.

дущимъ начальникомъ поэта. 9 мая, сообщая Вяземскому о новомъ назначеніи Воронцова, Тургеневъ писалъ ему: «не знаю еще, отойдетъ ли къ нему и бѣсъ арабскій. Кажется, онъ былъ прикомандированъ къ лицу Инзова» [20]). 31 мая Вяземскій напоминалъ Тургеневу: «говорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ? Непремѣнно надо бы ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ точно хочетъ остепениться, а скука и досада плохіе совѣтники» [21]). Репутація «бѣса арабскаго» была такъ испорчена вѣстями о его кишиневскомъ образѣ жизни, что Тургеневу пришлось пустить въ ходъ всю свою дипломатическую тонкость. «О Пушкинѣ вотъ какъ было»—разсказываетъ онъ Вяземскому въ письмѣ 15 іюня.—«Зная политику и опасенія сильныхъ міра сего, слѣдовательно и Воронцова, я не хотѣлъ говорить ему, а сказалъ Нессельроде въ видѣ сомнѣнія, у кого онъ долженъ быть, у Воронцова или Инзова. Графъ Нессельроде утвердилъ первато, а я присовѣтовалъ ему сказать о семъ Воронцову. Сказано—сдѣлано. Я послѣ и самъ два раза говорилъ Воронцову, истолковалъ ему Пушкина, и что нужно для его спасенія. Кажется, это пойдетъ на ладъ. Меценатъ, климатъ, море, историческія воспоминанія—все есть; за талантомъ дѣла не станетъ, лишь бы не захлебнулся». И Тургеневъ, тонко понимая положеніе Пушкина среди чуждыхъ ему по духу людей, съ удивительной прозорливостью заключилъ: «Впрочемъ, я одного боюсь: тебя послали въ Варшаву: оттуда тебя выслали; Батюшкова—въ Италію, съ ума сошелъ; что-то будетъ съ Пушкинымъ» [22])? Еще раньше, 1 іюня, Тургеневъ въ немногихъ словахъ извѣщалъ Вяземскаго объ успѣхѣ переговоровъ: «я говорилъ съ Нессельроде и съ графомъ Воронцовымъ о Пушкинѣ. Онъ беретъ его къ себѣ отъ Инзова и будетъ употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту дастъ досугъ и силу развиться» [23]). Пушкинъ былъ отъ души благодаренъ Тургеневу и писалъ ему 1 декабря: «я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ... дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣной своей судьбы».

[20]) «Остаф. Архивъ кн. Вяземскаго», II, 322
[21]) Ibid, 327.
[22]) Ibid, 333–334.
[23]) Ibid, 328.

Инзовъ старался удержать въ Кишиневѣ «либерала» Пушкина, но это ему не удалось. Приблизительно въ іюнѣ, Пушкинъ поѣхалъ въ Одессу. «Здоровье мое» — разсказывалъ онъ въ письмѣ къ брату 25 августа—«давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Реставрація и италіанская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ... Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически и, выѣхавъ оттуда невсегда,

О Кишиневѣ я вздохнулъ»..

Судя по тому, что письмо Пушкина, изъ Кишинева, къ А. А. Бестужеву помѣчено 13 іюня, что Пушкинъ передъ окончательнымъ выѣздомъ изъ Кишинева провелъ тамъ всего «нѣсколько дней», и что около 2 іюля И. П. Липранди встрѣтилъ его на дорогѣ въ Одессу, между Бендерами и Тирасполемъ, надо думать, что переселеніе въ Одессу относится ко второй половинѣ іюня. Липранди положительно утверждаетъ, что Пушкинъ переѣхалъ въ Одессу въ первые дни іюля (раньше 4-го числа) [24]).

Итакъ, началась одесская жизнь Пушкина. Одинокій молодой человѣкъ поселился въ гостиницѣ; въ Одессѣ, какъ говоритъ Вигель, тоже пріѣхавшій въ столицу юга въ іюлѣ 1823 г. [25]), «было тогда только два заѣзжихъ дома подъ именемъ отелей, принадлежавшихъ двумъ купцамъ-французамъ—Сикару и Рено». Въ послѣднемъ остановился Вигель; это была лучшая въ городѣ «гостинница для пріѣзжающихъ», которыхъ привлекалъ «славный» поваръ-французъ Отонъ, бравшій за ѣду «весьма дешевую цѣну, ибо съѣстные припасы стоили тогда весьма мало» [26]). Рядомъ съ Вигелемъ въ гостиницѣ Рено жилъ Пушкинъ. Въ статьѣ Z. W. [28]) о пребываніи Пушкина въ Одессѣ ошибочно сказано, что Пушкинъ жилъ сна-

[24]) «Русс. Архивъ» 1866 г., (стр. 1445, 1480).
[25]) «Записки», VI, 89.
[26]) Ibid., 91; Липранди—«Рус. Арх.» 1866 г. 1469
[27]) «Записки» Вигеля VI, 97.
[28]) «Новоросс. Телеграфъ» 1879 г., № 1333, перепеч. въ сборн. В. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи» Од., 1887, стр. 131.

чала на Пушкинской улицѣ въ домѣ Сикара (теперь Альтдорферъ). Въ домѣ Сикара онъ поселился потомъ, а сначала жилъ у Рено и занималъ угольный фасъ съ балкономъ, съ котораго открывался чудесный видъ на море (на углу Ришельевской и Дерибасовской ул.; нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ страхового общества «Россія» [29]).

Въ Одессѣ начался для Пушкина, какъ выразился онъ самъ, «европейскій образъ жизни»—послѣ «кишиневскихъ цѣпей». Очевидно, на Одессу Пушкинъ смотрѣлъ какъ на ослабленіе этихъ цѣпей и, можетъ быть, возможность совершенно отъ нихъ освободиться. Свой новый образъ жизни Пушкинъ отчасти обрисовалъ въ стихахъ объ Одессѣ. Въ нихъ Пушкинъ подробно описалъ одесскій день свой. «Пушка заревая лишь только грянетъ съ корабля», онъ уже отправляется купаться. Потомъ—трубка и кофе; потомъ—прогулка; затѣмъ—обѣдъ у Отона, въ веселой компаніи, а тамъ—«ужъ темнѣетъ вечеръ синій», пора въ оперу, гдѣ тогда ставили произведенія Россини («Севильскій Цирюльникъ», «Итальянка въ Алжирѣ», «Сорока-Воровка»), иногда съ участіемъ такихъ звѣздъ, какъ Каталани. Но манитъ въ театръ не одинъ Россини. «Только ль тамъ очарованій?». Поэтъ наводитъ свой «разыскательный» лорнетъ на ложи, въ которыхъ красуются одесскія дамы. Въ антрактѣ у него «закулисное свиданіе» съ какой-нибудь хорошенькой фигуранткой изъ кордебалета, или онъ заходитъ въ ложу сказать нѣсколько любезностей красавицѣ «негоціанткѣ молодой», утопающей въ кружевахъ и брилліантахъ. «Финалъ гремитъ, пустѣетъ зала». Публика «побѣжала» на площадь—именно «побѣжала»: выраженіе очень удачное, если вспомнить, что рѣчь идетъ о быстрой, живой, полуиностранной, южной публикѣ. И, вѣроятно, опять Отонъ со своимъ мороженнымъ и гдѣ-нибудь пирушка до разсвѣта или игра въ «благосклонномъ Casino» (на углу Ришельевской и Ланжероновской улицъ, гдѣ теперь домъ Беллино и Коммерель); игроки «скрывались въ подвалахъ кофейни; между ними были и богатые негоціанты, и молодые люди, и чиновники и заѣзжіе помѣщики; въ продолженіе одной только ночи десятки тысячъ рублей переходили изъ рукъ въ руки» [30]).

Жалованье Пушкинъ получалъ небольшое (700 р.) и, конечно, проживалъ гораздо больше. Одинъ «грозный счетъ», который «невидимо росъ» у Отона, пока поэтъ пировалъ среди «ребятъ безъ печали»,—чего стоилъ. 25 августа 1823 г. Пушкинъ пишетъ брату: «изъясни отцу моему, что я безъ денегъ его жить не могу; жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ... Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію... Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извозчика отъ Аничкова моста; онъ вѣчно бранился за 80 к., которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги». Ему же онъ писалъ 12 іюня 1824 г.: «душа моя, деньги мнѣ нужны». Въ письмѣ къ Казначееву онъ говоритъ о своей «répugnance de vendre ses vers pour vivre». Въ онѣгинскихъ варіантахъ есть шутливыя строки:

Я жилъ поэтомъ—
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ .. [31]).

О пушкинскомъ безденежьѣ сохранился любопытный разсказъ одного изъ его бывшихъ кредиторовъ—стараго извозчика, въ 1840 году передававшаго профессору К. П. Зелспецкому слѣдующее: «былъ тутъ въ графской канцеляріи Пушкинъ. Бывало, больно задолжаетъ, да всегда отдастъ съ процентами. Возилъ его разъ на хуторъ Рено. Слѣдовало пять рублей; говоритъ: «въ другой разъ отдамъ». Прошло съ недѣлю... выходитъ: «вези на хуторъ Рено»!.. Повезъ опять. Слѣдовало ужъ десять рублей, а онъ и въ этотъ разъ не отдалъ. Возилъ я его и въ третій, и опять въ долгъ; нечего было дѣлать: и радъ бы не ѣхать, да нельзя... Свирѣпъ былъ, да и ходилъ съ желѣзной дубиной... Прошла недѣля, другая; деньги были мнѣ нужны: пятнадцать рублей для нашего брата не бездѣлица.. Прихожу я къ нему на квартиру. Жилъ онъ въ клубномъ домѣ, во второмъ этажѣ, вотъ сверху, надъ магазиномъ Мирабо. Вхожу въ комнату: онъ брился. Я къ нему:

[29]) Въ № 4614 «Одесскихъ Новостей», 1899 г. 6 мая, было указано со словъ сына перваго въ Одессѣ плацъ-маіора, Михаила Феликсовича де Рибаса, что Пушкинъ жилъ не на Итальянской (нынѣ Пушкинской) улицѣ, въ домѣ Сикара, а въ домѣ Рено. Вѣрно и то, и другое. Проживъ нѣкоторое время въ домѣ Рено, Пушкинъ переѣхалъ на Итальянскую въ домъ Сикара, и Z. W. (Яковлевъ, loco cit.) вполнѣ вѣрно указываетъ объ его квартиры, ошибаясь лишь въ опредѣленіи, которую Пушкинъ занималъ раньше.

[30]) Яковлевъ, «Отзывы», 114.

[31]) «Русская Старина» 1884 г., іюль, 33.

Графиня ЕЛИЗАВЕТА КСАВЕРІЕВНА ВОРОНЦОВА.

(Воронцовскій дворецъ въ Одессѣ).

«ваше благородіе, денегъ пожалуйте», и началъ просить. Какъ ругнетъ онъ меня, да какъ бросится на меня съ бритвой! Я бѣжать, давай Богъ ноги: чуть не зарѣзалъ. Съ той поры я такъ и бросилъ. Думаю себѣ: пропали деньги, и искать нечего, а уже больше не повезу. Только разъ утромъ гляжу—тутъ же и наша биржа—Пушкинъ растворилъ окно; зоветъ всѣхъ, кому долженъ... Прихожу и я: «на, вотъ тебѣ по шести рублей за каждый разъ, да смотри—впередъ не совайся» (sic). («Бумаги А. С. Пушкина»,[F] вып. I, М., 1881, стр. 95—96).

Несмотря на денежныя затрудненія, жизнь Пушкина въ Одессѣ первое время протекала очень весело. У общительнаго, живого, свѣтскаго, жизнерадостнаго молодого человѣка было множество знакомыхъ и пріятелей. Всюду въ городѣ видали Пушкина, въ круглой широкополой шляпѣ и сюртукѣ, замѣнившихъ феску и архалукъ, которые онъ носилъ въ Кишиневѣ, и съ тяжелой желѣзной палкой въ рукѣ [32]).

Пушкинъ, по отзывамъ ряда современниковъ, былъ чрезвычайно популяренъ въ Одессѣ [33]). Прося объ удаленіи Пушкина изъ Одессы, Воронцовъ, между прочимъ, писалъ о поэтѣ министру иностранныхъ дѣлъ: «здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличивается во время сезона купанья. Будучи экзальтированными поклонниками его поэзіи, они думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу непріятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель». Изъ числа друзей или лицъ болѣе или менѣе расположенныхъ къ Пушкину можно назвать В. И. Туманскаго, Ив. Ризнича, негоціанта Сикара, А. И. Казначеева, М. И. Лекса, Никан. М. Лонгинова, А. И. Левшина, Ф. Ф. Вигеля, консула Тома, англичанина Гунчисона и нѣсколько молодыхъ поляковъ, видѣвшихъ въ Пушкинѣ не только выдающагося поэта, но и человѣка гонимаго правительствомъ.

Въ особенно хорошихъ отношеніяхъ былъ Пушкинъ съ молодымъ поэтомъ-романтикомъ В. И. Туманскимъ, тоже состоявшимъ при генералъ-губернаторѣ. Правда, гармонической натурѣ Пушкина, во всемъ соблюдавшаго чувство мѣры и умѣвшаго по достоинству оцѣнивать всѣ окружавшія его явленія, часто казалась странной и смѣшной восторженная сантиментальность и экспансивность Туманскаго. И не разъ онъ вышучивалъ его и даже издѣвался надъ нимъ. Но въ общемъ Пушкинъ любилъ и уважалъ Туманскаго. Въ «Путешествіи Онѣгина» онъ назвалъ его «другомъ». Добрѣйшій А. И. Казначеевъ, котораго Пушкинъ сердечно уважалъ, съ своей стороны тоже очень любилъ молодого поэта. Изъ писемъ Пушкина къ нему можно видѣть, съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращался къ нему поэтъ, въ которомъ онъ принималъ самое заботливое участіе. Изъ числа негоціантовъ Пушкинъ былъ близокъ къ Ив. Ризничу, мужу воспѣтой имъ красавицы, человѣку очень умному и образованному, и къ Сикару. Ризничъ былъ родомъ адріатическій славянинъ, отецъ его былъ богатый купецъ-милліонеръ изъ Тріеста. Ризничъ получилъ хорошее воспитаніе, учился въ Падуанскомъ и Берлинскомъ университетахъ, имѣлъ большую библіотеку. По окончаніи своего образованія онъ открылъ въ Вѣнѣ банкирскую контору, а потомъ переѣхалъ въ Одессу и занялся здѣсь хлѣбной торговлей. Въ Одессѣ Ризничъ занималъ очень почетное положеніе. Онъ былъ прикосновененъ и къ итальянской оперѣ и одно время стоялъ во главѣ одесскаго театра.

Въ 1821 г. Пушкинъ познакомился въ Кишиневѣ съ одесскимъ негоціантомъ Сикаромъ, который очень полюбилъ Пушкина. «Изъ всѣхъ»—разсказываетъ Липранди [34]) —«домовъ, посѣщаемыхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, особенно любилъ онъ обѣдать у Сикара, нынѣ французскаго консула и автора брошюры на французскомъ языкѣ о торговлѣ въ Одессѣ... Пушкинъ былъ всегда приглашаемъ, и здѣсь я его находилъ, какъ говорится, совершенно въ своей тарелкѣ, дающимъ иногда волю болтовнѣ, которая любезно принималась собесѣдниками». На одномъ изъ такихъ обѣдовъ, когда зашла рѣчь о нѣкоемъ Томѣ, Пушкинъ шутя спросилъ: «который Томъ—1-й, 2-й или 3-й»? Но потомъ, когда онъ узналъ, что Томъ былъ тутъ же и слышалъ шутку, Пушкинъ подошелъ къ нему и почтительно извинился. Этотъ Томъ, австрійскій консулъ, и одесскій сторожилъ, человѣкъ всѣми любимый и уважаемый, очень сблизился съ Пушкинымъ. Пушкинъ былъ хорошо знакомъ также съ другимъ одесскимъ негоціантомъ —Ф. Лучичемъ, который былъ одно время

[32]) Палка эта хранится въ музеѣ Одесскаго Общества исторіи и древностей.

[33]) Ср. Яковлевъ, «Отзывы», стр. 8, 154—156.

[34]) «Русс. Архивъ», 1475—1476.

одесскимъ городскимъ головою; за нѣсколько дней предъ своимъ отъѣздомъ изъ Одессы Пушкинъ выигралъ у него въ карты 900 рублей. Въ «Онѣгинѣ» остался слѣдъ воспоминаній Пушкина о добрыхъ отношеніяхъ поэта къ другому одесскому пріятелю —«корсару въ отставкѣ Морали» личности довольно подозрительной. Морали былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія. Поговаривали, что онъ разбогатѣвшій египетскій пиратъ. Но и до сихъ поръ, впрочемъ, одесситы назовутъ вамъ не одну популярную, старую одесскую фамилію и прибавятъ шепоткомъ: «отецъ или дѣдъ его былъ пиратъ»; это колоритная, чисто-одесская сплетня, съ какой-то особенной couleur locale. Морали, по отзыву помнившаго его М. Ф. де Рибаса [35]), былъ отчаянный картежникъ. «Это былъ — разсказываетъ де Рибасъ—человѣкъ прекрасно сложенный, высокаго роста. Голова была широкая, круглая; глаза большіе, черные. Всѣ черты лица были правильныя, а цвѣтъ кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла изъ красной рубахи, поверхъ которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткія шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясомъ. Изъ ея многочисленныхъ складокъ выглядывали пистолеты. Обувь состояла изъ турецкихъ башмаковъ и чулокъ, доходившихъ до колѣнъ. Бѣлая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла къ его оригинальному костюму... Онъ хорошо говорилъ по-итальянски и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежнихъ корсарскихъ подвигахъ». Впрочемъ, одесскіе шулера скоро обыграли до тла бывшаго корсара, и онъ исчезъ изъ Одессы. Пушкину Морали очень понравился. Какъ ни была богата подобными типами старая Одесса, но Морали, безспорно, былъ въ свое время самой замѣчательной въ Одессѣ фигурой, и его оригинальность, таинственность его происхожденія привлекали къ нему Пушкина. Мавръ Али (Maure Ali), разсказываетъ Липранди [36]) «очень полюбилъ Пушкина». Пушкинъ сказалъ Липранди: «у меня лежитъ къ нему душа; кто знаетъ, можетъ быть, мой дѣдъ съ его предкомъ были близкой родней». Полушутя Пушкинъ называлъ Али своимъ «единственнымъ наслажденіемъ» въ Одессѣ и даровалъ ему безсмертіе въ «Онѣгинѣ», о чемъ, вѣроятно, никогда не узналъ «корсаръ въ отставкѣ».

Были у Пушкина въ Одессѣ и недоброжелатели. Этому отчасти способствовалъ онъ самъ, такъ какъ въ его еще не совсѣмъ установившемся характерѣ была значительная доля рѣзкости. Декабристъ Ник. Вас. Басаргинъ, видѣвшій его въ Одессѣ, говоритъ о немъ: «какъ человѣкъ, онъ мнѣ не понравился; какое-то бреттерство, suffisance и желаніе уколоть, осмѣять другихъ» [37]). Жилъ тогда въ Одессѣ арзамасецъ Д. П. Сѣверинъ, «рѣзвый котъ», котораго Пушкинъ въ 1822 г. оскорбилъ безтактной эпиграммой. 25 сентября 1823 г. А. И. Тургеневъ писалъ кн. П. А. Вяземскому, что Пушкинъ въ Одессѣ былъ у Сѣверина, который «сказалъ чтобъ онъ не ходилъ къ нему, обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его». 14 октября Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь». По свидѣтельству Вигеля [38]), не любилъ Пушкина и А. С. Стурдза «за его мнимо-либеральныя идеи», а можетъ быть, замѣтимъ отъ себя, также за эпиграмму; впрочемъ, Пушкинъ какъ-то писалъ о своей «дружбѣ» съ нимъ. Изъ устъ Пушкина, разсказываетъ Липранди, сыпались эпиграммы, не щадившія никого. «Стихи его на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ однажды на балѣ у графа, своимъ содержаніемъ раздражали всѣхъ; начались сплетни, интриги» [39])... Враговъ у Пушкина все прибавлялось. Въ число ихъ вскорѣ попалъ и самъ Воронцовъ. Эти тяжелыя отношенія быстро затуманили одесскую жизнь Пушкина, и Одесса стала ему горше Кишинева.

Меценатомъ Пушкина, какъ надѣялся Тургеневъ, Воронцовъ не сталъ,—тогдашній Пушкинъ и не принялъ бы ничьего покровительства, но въ одномъ отношеніи предчувствіе не обмануло друга: поэтъ дѣйствительно «захлебнулся». Съ Воронцовымъ ему трудно было ладить. Коренная разница въ натурахъ этихъ двухъ людей привела къ такимъ отношеніямъ, которыя Пушкинъ вполнѣ вѣрно формулировалъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу словами: «онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ

---

[35]) Яковлевъ «Отзывы», 110—118. См. также «Русс. Арх.» 1897 г., II, 15—16.

[36]) 1471, 1472.

[37]) «Девятнадцатый вѣкъ» П. И. Бартенева, М., 1872, кн. I, стр. 80.

[38]) «Записки», VI, 130.

[39]) Липранди, 1477.

что-то другое». Для Воронцова Пушкинъ былъ маленькій чиновникъ, къ тому еще провинившійся въ глазахъ правительства. Пушкинъ, съ своей стороны, рѣшительно не могъ, подобно Туманскому, писать стишки на графскіе маскарады и не скрывалъ своихъ чувствъ негодованія и личной гордости и очень ясно выказывалъ ихъ Воронцову. Объ этихъ чувствахъ говоритъ одно его интересное письмо 1825 г. къ Бестужеву: «наши таланты благородны, независимы... Съ Державинымъ умолкъ голосъ лести... У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества—аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ, мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шестисотлѣтній дворянинъ—дьявольская разница»... Поэтическій талантъ, ясно, унижалъ Пушкина въ глазахъ Воронцова, съ полуснисходительнымъ презрѣніемъ глядѣвшаго на навязаннаго ему въ подчиненные «сочинителя», который къ тому же велъ себя отнюдь не съ подобающимъ сочинителю смиреніемъ. И Пушкину приходилось выставлять какъ козырь въ этой войнѣ съ Воронцовымъ свое шестисотлѣтнее дворянство. Борьба дорого обошлась поэту, но еще дороже—бюрократу. Свистъ бичующихъ, злыхъ стиховъ Пушкина о Воронцовѣ слышится до сихъ поръ, а отъ «этихъ поющихъ огней», сказалъ Гейне, «даже самъ Спаситель не дастъ избавленья». Стихъ Пушкина заклеймилъ Воронцова. «Говорили—разсказываетъ Липранди [40]),—что будто бы графъ черезъ кого-то объявилъ Пушкину свое недовольствіе» по поводу его эпиграммъ, «изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и сдѣлалась извѣстной». Графскій выговоръ, переданный поэту, вѣроятно, черезъ Казначеева, былъ «поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ». Что это были за стихи, неизвѣстно, но дошедшія до насъ эпиграммы Пушкина на Воронцова убійственны. Въ одной изъ нихъ онъ совѣтуетъ ему «сохранить и въ самой подлости осанку благородства»; въ другой предвѣщаетъ ему превращеніе изъ полуподлеца въ полнаго подлеца и т. д...

Воронцовъ рѣшилъ отдѣлаться отъ Пушкина и 28 марта 1824 г. написалъ Нессельроде [41]), что Пушкина слѣдуетъ изъ Одессы убрать. Въ письмѣ своемъ Воронцовъ довольно тонко даже хвалилъ Пушкина, увѣрялъ въ своемъ участіи къ нему, но... все-таки просилъ убрать его подальше. П. В. Анненкова [42]) Воронцовская тонкость ввела въ непростительную для этого умнаго біографа ошибку, и онъ призналъ, что письмо Воронцова «по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны». Между тѣмъ комплименты Пушкину, на которые не поскупился Воронцовъ, не имѣли ни малѣйшаго значенія въ сравненіи съ той тѣнью, которую Воронцовъ сумѣлъ набросить на поэта, выставляя его опаснымъ въ политическомъ отношеніи. Воронцовъ предостерегалъ правительство противъ дурного вліянія, которое могли на Пушкина оказать многочисленные поклонники его таланта и заграждалъ ему возвратъ въ Кишиневъ, гдѣ ему было бы вредно общество молодыхъ грековъ и болгаръ. Поэтому, по мнѣнію Воронцова, единственнымъ исходомъ для Пушкина могъ быть переводъ въ другую губернію, гдѣ общество было бы не столь опасно для него, и ему не грозило бы вліяніе заразительныхъ и крайнихъ идей. Другими словами, Воронцовъ дѣлалъ косвенный доносъ на Пушкина. Вскорѣ Воронцовъ не остановился передъ поступкомъ еще болѣе низменнымъ. Этотъ эпизодъ связанъ съ именемъ Александра Раевскаго.

Характеристику этого человѣка читатель найдетъ дальше, въ примѣчаніи къ навѣянному имъ Пушкину стихотворенію «Демонъ». Его черты находимъ также въ «Онѣгинѣ» и въ томъ «духѣ отрицанья», который съ невольнымъ умиленіемъ глядѣлъ на «ангела нѣжнаго». Этотъ «Демонъ» былъ въ сущности довольно дешевый чортъ, но Печоринъ тогда только нарождался, до авдѣевскаго Тамарина было еще очень далеко, и Пушкинъ не только встрѣтилъ съ уваженіемъ воплощеніе молчаливо и гордо протестующаго романтическаго героя въ этомъ сухомъ, себялюбивомъ человѣкѣ, но даже поддался его вліянію. Съ этимъ вліяніемъ Пушкинъ, было, попробовалъ бо-

[40]) Ibid.

[41]) «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», Лейпцигъ, 1875 г., стр. 35—37; «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, 292—293; «Вѣдом. Одесс. Градоначальства» 1899 г., № 102.

[42]) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 258.

роться, но «умный покорилъ мудраго» по мѣткому выраженію М. О. Гершензона [43]), Пушкинъ былъ побѣжденъ: «одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ, онъ сочеталъ меня невольно своей таинственной судьбѣ». Вліяніе Раевскаго было недолгое (есть основаніе думать, что коварный другъ въ пьесѣ 1824 г. «Коварство»—Раевскій), но оно было сильно. Въ Одессу Раевскаго привела страстная любовь къ Воронцовой. Жившій тогда въ Одессѣ Вигель [44]) сообщаетъ слѣдующія подробности: «Въ умѣ Раевскаго была твердость, но безъ всякаго благородства; голосъ имѣлъ онъ самый нѣжный. Не такимъ ли сладкогласіемъ—прибавляетъ набожный Вигель—въ Эдемѣ одаренъ былъ змій, когда соблазнялъ праматерь нашу?... Я не буду входить въ тайну связей его съ ***—(подъ *** здѣсь и дальше скрыто имя Воронцовой)—«но могу поручиться, что онъ дѣйствовалъ болѣе на ея умъ, чѣмъ на сердце и на чувства. Онъ поселился въ Одессѣ и почти въ домѣ господствующей въ ней четы. Но какъ терзалось его ужасное сердце, имѣя всякій день передъ глазами этого Воронцова, славою покрытаго, этого счастливца, богача, котораго вокругъ него все превозносило, восхваляло... При умѣ у иныхъ людей какъ мало бываетъ разсудка! У Раевскаго былъ онъ помраченъ завистью, постыднѣйшею изъ страстей. Въ случаѣ даже успѣха какую пользу, какую честь могъ онъ ожидать для себя? Безъ любви, съ тайною яростію устремился онъ на сокрушеніе семейнаго счастья, супружескаго согласія ***. И что же? Какъ легкомысленная женщина ***, долго не подозрѣвала, что въ глазахъ свѣта фамиліарное ея обхожденіе.. съ человѣкомъ ей почти чуждымъ его же стараніями перетолковывается въ худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидѣла своего мнимаго искусителя и первая потребовала отъ мужа, чтобы ему было отказано отъ дому». Когда случился разрывъ между графиней и Раевскимъ, Вигель не говоритъ. Въ 1828 г. не прекращавшееся преслѣдованіе Раевскимъ Воронцовой послужило причиной его высылки изъ Одесы [45]).

«Козни его»,—продолжаетъ Вигель,—«увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчиваго Пушкина нетрудно было привлечь миловидной ***, которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта... Вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкравшись въ его дружбу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣйшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его... Еще зимой чутьемъ слышалъ я опасность для Пушкина, не позволялъ себѣ давать ему совѣтовъ, но разъ шутя сказалъ ему, что по африканскому происхожденію его все мнѣ хочется сравнить его съ Отелло, а Раевскаго съ невѣрнымъ другомъ Яго. Онъ только что засмѣялся». Къ разсказу Вигеля надо относиться осторожно: самъ онъ признается, что, благодаря «тайнымъ наговорамъ» Раевскаго, «лишился гостиной графини Воронцовой», но Вигеля вообще можно обвинять только въ излишнемъ сгущеніи красокъ, а никакъ не во лжи. Его разсказъ подтверждается словами графа П. Каннниста [46]), пользовавшагося показаніями современниковъ: «Раевскій былъ отличенъ графиней въ окружавшей ее средѣ, но, какъ это нерѣдко бывало и будетъ въ маневрахъ большого свѣта, прикрытіемъ Раевскому служилъ Пушкинъ. На него-то и направился съ подозрѣніемъ взглядъ графа». Терпѣніе Воронцова лопнуло: «отсюда,—разсказываетъ Каннистъ,—«возникли своего рода преслѣдованія и усилія удалить какимъ-нибудь способомъ Пушкина изъ Одессы».

Чрезъ сердце Пушкина пронеслось пламенное увлеченіе Воронцовой. Она—тотъ ангелъ нѣжный, который, сіяя поникшей головою у дверей рая, пробудилъ «жаръ невольный умиленья» въ холодномъ сердцѣ мрачнаго духа зла. Она—та волшебница, чей таинственный пріютъ—«тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынныя скалы»... Своей Татьянѣ, «любимицѣ златой своей весны», поэтъ придалъ нѣкоторыя черты Воронцовой [47]). Ея имя, имя «Элизы» стоитъ въ его «донъ-жуанскомъ спискѣ» вслѣдъ за именемъ холодной кишиневской красавицы Пульхеріи Варѳоломей.

Рядомъ съ Элизой въ спискѣ тѣхъ, кого любилъ Пушкинъ, стоитъ другое имя—Амалія. Оно принадлежало красавицѣ-одесситкѣ, женѣ негоціанта Ризнича, о кото-

[43]) «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 42.
[44]) «Записки», VI, 170—171.
[45]) См. ниже, примѣч. къ пьесѣ «Демонъ».
[46]) «Русс. Старина» 1899 г., май, 243.
[47]) Письмо Раевскаго къ Пушкину 21 августа 1824 г. - «Переписка П.», ред. Саитова, I, 127.

Графъ, позднѣе князь, М. С. ВОРОНЦОВЪ.
Портретъ Доу.

ромъ мы говорили выше. О ней извѣстно очень немногое. Первыя и наиболѣе интересныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Ризничъ собралъ въ пятидесятыхъ годахъ профессоръ Ришельевскаго лицея К. П. Зеленецкій [48]). Весной 1823 г.,—разсказываетъ Зеленецкій,—Ризничъ привезъ изъ Вѣны въ Одессу свою молодую жену. «Она была дочь одного вѣнскаго банкира по фамиліи Риппъ, полунѣмка и полуитальянка, съ примѣсью, быть можетъ, и еврейскаго въ крови... Г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея пламенныя очи, шея удивительной формы и бѣлизны и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни у нея были слишкомъ велики. Потому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ [49]), она всегда носила длинное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодыя и немолодыя головы и сердца. Но этотъ нарядъ и, какъ кажется, другія обстоятельства были причиною, что въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества, который въ то время, какъ и долго потомъ, сосредоточивался въ одномъ извѣстномъ домѣ [50]), г-жа Ризничъ принята не была. Зато всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домѣ Ризничъ. Мужъ занималъ здѣсь, какъ по всему видно, вторую роль, а молодая хозяйка вела самую живую, одушевленную бесѣду и играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница». Въ «Онѣгинѣ» есть упоминаніе о «негоціанткѣ молодой»; окруженная роемъ поклонниковъ, сидитъ она въ ложѣ одесскаго театра, «красой блистая»,—«а мужъ въ углу за нею дремлетъ, въ просонкахъ фора закричитъ, зѣвнетъ и снова захрапитъ». Почему-то принято думать, что здѣсь представлены супруги Ризничъ, но это, конечно,

[48]) «Госпожа Ризничъ и Пушкинъ»—«Одесс. Вѣстникъ» 1856 г.; «Русс. Вѣстн.» 1856 г., т. III, № 11, іюнь, кн. 1, «Современ. Лѣтопись», 203—209; Яковлевъ, «Отзывы», 137—148.

[49]) Sic!

[50]) Воронцовыхъ. См. выше выдержку изъ письма В. П. Туманскаго.

вздоръ: это просто типы легкомысленной одесской дамы изъ высшаго коммерческаго круга и поглощеннаго исключительно дѣловыми заботами, ко всему на свѣтѣ, кромѣ «пшеницы», равнодушнаго ея мужа. Ризничъ былъ не таковъ, чтобы спать въ оперѣ; напротивъ, онъ былъ извѣстенъ какъ завзятый театралъ. Вообще, это былъ человѣкъ интеллигентный [51]); въ 1826 г. онъ помогъ сербскому поэту С. Милутиновичу издать его стихи [52]). Въ «Онѣгинѣ», пожалуй, можно найти мимолетное воспоминаніе объ Амаліи Ризничъ—«тамъ хлопотливаго купца блистаетъ рѣзвая подруга». Если это и не снимокъ съ Ризничъ, то во всякомъ случаѣ близко подходящая къ ней характеристика.

Пушкинъ часто бывалъ у Ризничъ на Херсонской, гдѣ находился домъ негоціанта. Поэтъ страстно увлекся красавицей-иностранкой. Видимо, эта страсть предшествовала увлеченію Воронцовой, а можетъ быть, по странному капризу сердца, потомъ слилась съ нимъ, и поэтъ любилъ въ одно время обѣихъ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго, если вспомнить, что рѣчь идетъ о богатой, сложной натурѣ. Къ тому же—въ данномъ случаѣ отношенія его къ Воронцовой и Ризничъ были неодинаковы. Чувство, внушенное первой,—полное нѣжности преклоненіе предъ «ангеломъ нѣжнымъ»; другая внушила поэту чувственную страсть, знойную irdische Liebe. Надо полагать, о Ризничъ думалъ братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, когда писалъ, что Пушкину любовь «предстала со всею заманчивостью интригъ, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаянія. Однажды въ бѣшенствѣ ревности онъ пробѣжалъ пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ подъ 35 градусами жара» [53]). Зеленецкій разсказываетъ далѣе, что самыми настойчивыми поклонниками Амаліи Ризничъ были Пушкинъ и богатый полякъ Собаньскій,—«на сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника—золото». Это показаніе Зеленецкаго явно невѣрно. Какимъ образомъ деньги могли быть приманкой для дочери вѣнскаго банкира, бывшей замужемъ за богатымъ негоціантомъ? Разсказъ Зеленецкаго, что Амалія Ризничъ уѣхала за границу, гдѣ жила нѣкоторое время съ Собаньскимъ, который ее вскорѣ бросилъ, и затѣмъ умерла въ бѣдности, опровергается новѣйшимъ сообщеніемъ М. Г. Халанскаго [54]), слышавшаго отъ профессора Великой Школы въ Бѣлградѣ П. С. Сречковича, знававшаго Ризнича, въ 1889 г. слѣдующій разсказъ: «Ризничъ внимательно слѣдилъ за поведеніемъ своей жены, заботливо оберегая ее отъ паденія. Къ ней былъ приставленъ вѣрный его слуга, который зналъ каждый шагъ жены своего господина и обо всемъ доносилъ ему. Пушкинъ страстно привязался къ г-жѣ Ризничъ. По образному выраженію Ризнича, Пушкинъ увивался за нею какъ котенокъ (посербски: «као мачe»), но взаимностью не пользовался: г-жа Ризничъ была къ нему равнодушна. Ненормальный образъ жизни въ Одессѣ вредно отразился на здоровьѣ г-жи Ризничъ. У нея обнаружились признаки чахотки, и она должна была уѣхать на родину въ Италію. За ней послѣдовалъ во Флоренцію и князь Яблоновскій (такъ звали соперника Пушкина) и тамъ успѣлъ добиться ея довѣрія... Г-жа Ризничъ недолго прожила на родинѣ: она скоро умерла; умеръ скоро и ребенокъ отъ брака съ Ризничемъ. Г-нъ Ризничъ не отказывалъ ей въ средствахъ во время ея жизни въ Италіи, и показаніе Зеленецкаго, будто она умерла въ нищетѣ, призрѣнная матерью мужа, невѣрно». Амалія Ризничъ оставила Одессу нѣсколькими мѣсяцами раньше Пушкина: въ первыхъ числахъ мая 1824 г. она уѣхала за границу [55]). Въ пушкинской литературѣ до сихъ поръ еще не установлено опредѣленно, какія именно стихотворенія можно съ увѣренностью связывать съ именемъ Ризничъ. Во всякомъ случаѣ, страстная элегія 1823 г. «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...», грустный вздохъ «Подъ небомъ голубымъ...» «Для береговъ отчизны дальной» и двѣ выключенныя Пушкинымъ изъ шестой главы «Онѣгина» строфы о мученіяхъ ревности, по всей вѣроятности, посвящены Амаліи Ризничъ. Противорѣчащіе другъ другу комментаторы почти всѣ единодушно схо-

[51]) Л. М. де Рибасъ, «Изъ прошлаго Одессы», Од., 1894 г., стр. 201; Вигель, «Записки», VII, 184—185; О. М. Лернеръ, «Одесская старина», Од., 1902 г., стр. 18—19; М. Г. Халанскій, «Харьк. Унив. Сборн. въ память П.», 424.

[52]) А. И. Маркевичъ, «Студентъ Ризничъ»—«Вѣдом. Одесс. Градонач.» 1900 г., № 82.

[53]) Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 9.

[54]) «Харьков. Университ. Сборникъ въ память Пушкина», Хар., 1900, стр. 425.

[55]) «Библіографич. Записки» 1858 г., стр. 813.

дятся въ признаніи элегіи 1823 г. внушенной любовью къ Ризничъ. Эта элегія полна самой жгучей, пылкой страсти. При всей субъективности пушкинской поэзіи вообще и въ особенности такихъ пьесъ, какъ данная элегія, все-же трудно судить по ней о дѣйствительныхъ отношеніяхъ поэта и красавицы. Фантазія и дѣйствительность, правда и вымыселъ смѣшиваются въ поэзіи на каждомъ шагу. Но въ отраженіи чувства у великаго поэта все вѣрно и правдиво. По словамъ Пушкина: «я любимъ»..., «лобзанія твои»... нельзя еще думать, что Ризничъ отвѣчала ему взаимностью,—но въ картинѣ его душевныхъ страданій нѣтъ ни одной невѣрной черточки,—такой вѣетъ отъ нея искренностью. Недаромъ Пушкинъ вспоминалъ потомъ, что любилъ «съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ, съ такою нѣжною, томительной тоской, съ такимъ безумствомъ и мученьемъ»...

Муки неудовлетворенной любви и ревности, тяжелое увлеченіе двумя женщинами, ложность общественнаго положенія полуссыльнаго-получиновника, недовольство мѣстнымъ обществомъ, тоска и скука сдѣлали вскорѣ одесскую жизнь Пушкина настоящимъ адомъ. Онъ сталъ даже подумывать о побѣгѣ изъ Россіи, о чемъ можно судить по письму къ брату въ началѣ января 1824 г.,—по L строфѣ первой пѣсни «Онѣгина», «Къ морю»... И поэту мечтались адріатическія волны, берега романтической Бренты, тихіе каналы Венеціи...

Тучи сгущались между тѣмъ надъ головою Пушкина, и его сѣверные друзья знали объ этомъ. Еще въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1824 г. Вяземскій предупреждалъ его: «Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности. Да къ тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкишотствовать противъ власти ни за лицо, ни за мнѣніе, каковы бы они ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно!» Но предупреждать Пушкина было уже поздно. Воронцовъ уже рѣшилъ отдѣлаться отъ Пушкина. Когда гроза разразилась, Тургеневъ писалъ Вяземскому [56]), что «уже нѣсколько разъ, и давно, графъ Воронцовъ представлялъ о семъ, et pour cause». Самому Тургеневу вскорѣ пришлось быть невольнымъ, косвеннымъ виновникомъ обрушившейся на Пушкина административной кары. Весною 1824 г. Пушкинъ писалъ кому-то изъ друзей: «беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ». Не безъ очевидной ироніи разсказываетъ Пушкинъ, что этотъ англичанинъ (Гунчисонъ) «исписалъ листовъ тысячу», чтобы доказать, что нѣтъ разумнаго божества, и что душа не можетъ быть безсмертна: «система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная». Письмо это,—разсказываетъ Анненковъ [57]),—«благодаря не совсѣмъ благоразумной гласности, которую сообщили ему пріятели Пушкина и особенно А. И. Тургеневъ, какъ мы слышали, носившійся съ нимъ по всѣмъ знакомымъ, дошло до свѣдѣнія администраціи». Оно рѣшило судьбу Пушкина и послужило ближайшимъ поводомъ къ его удаленію изъ Одессы.

Между тѣмъ въ Одессѣ отношенія Пушкина и Воронцова дошли до крайняго обострения. Оба и безъ того давно уже не терпѣли другъ друга, но сплетня съ своей стороны подливала масла въ огонь. Роль подстрекателя въ послѣднемъ и рѣшительномъ столкновеніи Пушкина съ Воронцовымъ Вигель приписываетъ Раевскому. Случилось это такъ. Чтобы сорвать свою злобу противъ Пушкина, Воронцовъ воспользовался своимъ положеніемъ начальника, чтобы унизить строптиваго подчиненнаго. «Нѣсколько самыхъ низшихъ чиновниковъ изъ канцеляріи генералъ-губернаторской», разсказываетъ Вигель, «равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія ползающей по степи саранчи; въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничто не могло быть для него унизительнѣе... Для отвращенія сего добрѣйшій Казначеевъ медлилъ исполненіемъ, а между тѣмъ тщетно ходатайствовалъ объ отмѣненіи приговора. Я тоже заикнулся было на этотъ счетъ: куда тебѣ! Воронцовъ поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и онъ сказалъ мнѣ: «если вы хотите, чтобы мы оста-

[56]) «Остафьевскій Архивъ» III, 57.

[57]) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 251—262.

лись въ прежнихъ пріязненныхъ отношеніяхъ, не упоминайте мнѣ никогда объ этомъ мерзавцѣ», а черезъ полминуты прибавилъ: «также и о достойномъ другѣ его Раевскомъ». Послѣднее меня удивило и породило во мнѣ много догадокъ. Во всемъ этомъ было такъ много злого и низкаго, что оно само собою не могло родиться въ головѣ Воронцова, а, какъ узнали послѣ, внушено было самимъ же Раевскимъ». 22 мая 1824 г. Воронцовъ отдалъ предписаніе Пушкину отправиться въ Херсонскій, Елисаветградскій и Александрійскій уѣзды и собрать тамъ свѣдѣнія о ходѣ работъ по истребленію саранчи. Липранди [58]) заявляетъ, что Воронцовъ якобы хотѣлъ дать Пушкину возможность отличиться по службѣ! Это мнѣніе раздѣляютъ П. В. Анненковъ [59]) и А. И. Маркевичъ [60]), но оно опровергается не только разсказомъ Вигеля, но и извѣстнымъ письмомъ Пушкина къ Казначееву, которое онъ набросалъ 22 мая, въ тотъ день, когда состоялся приказъ о командировкѣ. Поэтъ настоятельно просилъ отставки, ссылаясь на полную неспособность къ службѣ, къ которой прикованъ насильственно, и на болѣзнь. Очевидно, онъ думалъ этимъ путемъ отвратить унизительную командировку. Онъ не зналъ ничего о представленіи, давно уже сдѣланномъ Воронцовымъ министру, какъ не зналъ о ложномъ доносѣ, поданномъ на него въ январѣ И. Н. Скобелевымъ, который совѣтовалъ «сочинителя вредныхъ пасквилей» лишить «нѣсколькихъ клочковъ шкуры» [61]),—и думалъ, что его выпустятъ въ отставку, что птицу, которая бьется въ клѣткѣ, въ наказаніе за это отпустятъ на волю. Какъ ни странно это, но въ командировку Пушкинъ отправился. Раевскій убѣдилъ его, что иначе будетъ хуже, и Пушкинъ рѣшился испить горькій глотокъ, не зная, что въ чашѣ униженій это далеко не послѣдній. «По совѣту сего любезнаго друга», — разсказываетъ Вигель, — «Пушкинъ отправился и возвратясь подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго» [62]). Липранди говоритъ о подстрекателяхъ, подъ давленіемъ которыхъ Пушкинъ написалъ по возвращеніи изъ командировки оскорбительное письмо Воронцову. Вигель указываетъ прямо на Раевскаго, который будто бы даже продиктовалъ ему это письмо. Оно не дошло до насъ. Поэтъ въ немъ требовалъ отставки. Ему дано было знать, что увольненіе въ отставку зависитъ отъ Нессельроде; въ то же время Воронцовъ послалъ министру письмо, въ которомъ «поступки Пушкина были представлены въ ужасномъ видѣ». Это частное письмо также неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, если оно дѣйствительно было, нетрудно сообразить, зная характеръ Воронцова и его отношенія къ поэту, что начальникъ не остановился ни передъ клеветой, ни передъ новымъ ложнымъ доносомъ. Бюрократическая машина въ Петербургѣ рѣшительнымъ движеніемъ руки Воронцова была пущена въ ходъ; состоялось высочайшее повелѣніе [63]) выслать Пушкина изъ Одессы въ псковскую деревню его родныхъ.

Н. Лернеръ.

[58]) «Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1478.
[59]) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 253.
[60]) «Пушкинъ и Новороссійскій край»—«Пушкинскіе дни въ Одессѣ», Од., 1900, стр. 138.
[61]) «Русс. Стар.» 1871 г., декабрь, 671—673.
[62]) Вигель, VI, 172; Н. Лернеръ, «Первая одесская газета», Од., 1901, стр. 17; «Былое» 1906 г., октябрь, 308.
[63]) «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, 293—294 1887 г., № 1 246; «Вѣд. Одесс Град.» 1899 г., № 102

Старинная Генуэзская башня у входа въ Одесскій портъ.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ ОДЕССѢ.

Сооруженъ по проекту Х. К. Васильева. Бюстъ работы Ж. А. Полонской.

(Открытъ въ 1889 г.).

Съ фотографіи 1907 г.

425. ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу кого-нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

426. НАШЪ ДРУГЪ ѲИТА.

(На Ѳ. Н. Глинку).

Нашъ другъ Ѳита, Кутейкинъ въ эполетахъ
Бормочетъ намъ разтянутый псаломъ:
Поэтъ Ѳ. не становись Фертомъ!
Дьячекъ Ѳ. ты V въ поэтахъ!

427. ЖЕНИХЪ.

Простонародная сказка.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать,
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и сле дышитъ.
Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.
Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица—и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ санѣхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ и давитъ.
Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ.
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ.
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!
Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ.
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцемъ ея заводитъ:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной и проворной,
Не вздорной, не зазорной.
«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за пирогомъ
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.
«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»
Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ—
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поитъ
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.
Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говоритъ: «послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»
«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
Я жизнь отдать!»—И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли,
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.
Вотъ и женихъ—и всѣ за столъ.

Звенятъ, гремятъ стаканы,
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
Все шумно, гости пьяны.
Женихъ. «А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:
О чемъ невѣста тужитъ?»
Невѣста жениху въ отвѣтъ:
«Откроюсь на удачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу.
Недобрый сонъ меня крушитъ.»
Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»
«Мнѣ снилось, говоритъ она,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.
«И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней; стучу—молчатъ. Зову—
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу—
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу—
Вездѣ сребро, да злато,
Все свѣтло и богато.»
Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать жить тебѣ богато.»
Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На Новгородскую камчу
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.
«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣе дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.
«Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшой,
По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.

Рисунокъ К. ТРУТОВСКАГО.

(*Сѣверное Сіяніе 1862*).

«Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ
Разгульное похмѣлье...»
Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье».
Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.
«Сидитъ, молчитъ, ни ѣстъ, ни пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ.»
Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.
Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;
Смутились гости—Судъ гласитъ:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

428. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р. (Раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait..

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.
Пѣвцу любви, дубравъ и мира
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира,
Несу надгробные цвѣты.

*

Подьялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ,
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ [1])
Заутра казнь, привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца!
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже сіялъ твой мудрый геній,
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «блаженство!»...
О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!...
«Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...
«Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье;
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни, [2])
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ
твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ
вѣрной
И, долго слушая, скажите: это онъ!
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный
сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя [3])
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»
Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:
«Куда, куда завлекъ меня враждебный
геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость;
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый
другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ, Вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой
дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!

Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой... «О, нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ [4]:
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ:
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
Когда святый старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой, играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалёкъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя!»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарёю,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа [5].
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ [6].
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ [7]...
Плачь, муза, плачь!...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «АНДРЕЮ ШЕНЬЕ».

1) Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier).

2) У Авеля у Фанни.
Abel, doux confident de mes jeunes mistères (El. I): одинъ изъ друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3) И Узница моя.
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4) Voyez ses iambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flètri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.—On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.
(H. de la Touche).

5) Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспіерра.

6) На роковой тѣлегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poesie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de le terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.
(H. de la Touche)

7) На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: fourtant j'avais quelque chose là.

Графиня Е. К. ВОРОНЦОВА.
Портретъ Доу (George Daw Esq,).

429. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Минуту!... вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ
Вiясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

430. ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

431. ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тма.

432. ВЕТРОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ.

Вертоградъ моей сестры
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закапаютъ ароматы.

433. КЪ ИМЕНИННИЦѢ.

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили благодатью!
Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка (смѣю вамъ сказать)—
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

434. ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

(На М. Т. Каченовскаго).

— Какъ! Живъ еще курилка-журналистъ?
— Живехонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ—
И старый вздоръ, и вздорную новинку.
— Фу! надѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него!

435. СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ И НѢЖНОЙ ДРУЖБЫ РАДИ.

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а съ зади.

436. ПОЧТЕНІЯ, ЛЮБВИ И НѢЖНОЙ ДРУЖБЫ РАДИ.

Variantes en l'honneur de m-lle N.

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и съ зади.

437. ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Охъ Тетенька! охъ Анна Львовна!
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна,
Была ты къ папинькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ!
Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!

438. ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЪ.

Если жизнь тебя обманетъ;
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

439. САФО.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

440. КОЗЛОВУ.

По полученіи отъ него Чернеца.

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.
А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезёй
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОЗЛОВЪ.

441. П. А. О*** (ОСИПОВОЙ).

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.
Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.
Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

442. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

АННА ПЕТРОВНА КЕРНЪ.

Силуэтъ 1825 г.

Воспроизведенъ по подлиннику.

443. Къ *** (А. П. Кернъ).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.
Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

444. ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
Окружена была, чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

---

445. (ПОСЛАНІЕ А. Г. РОДЗЯНКѢ).

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аѳеизмѣ,
Потолковать еще со мной,
Полтавскихъ Музъ повѣдать тайны,
А пишешь лишь о ней одной!..
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны!
Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной—
Поговоримъ опять объ ней.
Хвалю мой другъ ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей
Подобныхъ матери своей,
И счастливъ кто раздѣлитъ съ ней
Сію пріятную заботу,

Графъ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ.

Не наведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода;
Во-первыхъ вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа...
А во-вторыхъ замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви!

---

446. О Д А.

Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

Султанъ ярится [1]). Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ [2]), и кипитъ.
Открылись грекамъ древни клады [3]),
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питъ [4]).
И се—летитъ продерзко судно
И мещетъ громы обоюдно.
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ,—но недугъ быстропарный [5]),
Строптивый и неблагодарный
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.
Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ.
Какъ здѣсь, ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь, почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла;
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!
Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ—лордъ, графъ—ты, поэты оба!
Се—мнится—явно сходство есть.
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой [6])
Подъ бременемъ Судьбы упругой
Живешь въ любви—и наконецъ

Глубокъ онъ, но единообразенъ,
А ты глубокъ, игривъ и разенъ,
И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.
А я, невѣдомый піита,
Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ піита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу [7]),
И да блюдутъ твой мирный сонъ [8])
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

2) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

3) Подъ словомъ к л а д ы должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ челмоносцамъ.

4) Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ свободы.

5) Горячка.

6) Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою (см. послѣднее замѣчаніе къ одѣ «Заздравный кубокъ»).

7) Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

8) Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ брегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто низпошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лжепророка, Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго піиты.

---

447. ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

---

448. ДВИЖЕНІЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

---

449. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею то же.
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

---

450. СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

---

451. САТИРИКЪ И ПОЭТЪ ЛЮБОВНЫЙ.

(Кн. Вяземскому).

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны
Покойной тетушки моей.
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка—не дядя твой
Но, милый,—Музы наши сестры,
Итакъ ты все-же братецъ мой.

452. БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ.

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра.
Тотъ перепугался.
«Я не зналъ!..—«Ужель?—
Царь расхохотался.
—Первый, братъ, Апрѣль!
Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
За два...
То есть разумѣю,
Вдругъ промолвилъ онъ,
Вѣшаютъ за шею,
Строгъ у нихъ законъ.—

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Опальный Пушкинъ проживалъ въ с. Михайловскомъ, Псковской губ., уже второй годъ. Высланный сперва на югъ Россіи за «вольные» стихи, онъ въ августѣ 1824 года былъ исключенъ со службы и сосланъ изъ Одессы, распоряженіемъ гр. Нессельроде, въ имѣніе его родныхъ, подъ надзоръ мѣстныхъ властей, за замѣчаніе объ «аѳеизмѣ» въ перлюстрованномъ письмѣ,—«системѣ, не столь утѣшительной, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобной»... И вотъ поэтъ попадаетъ подъ двойной надзоръ—свѣтскій и духовный, и обреченъ на безвыѣздное пребываніе въ деревенской глуши. Въ насильственномъ уединеніи онъ предоставленъ собственнымъ грезамъ, обществу книгъ и старушкѣ нянѣ, пзрѣдка уединеніе смѣняется наѣздами въ Тригорское, въ семью П. А. Осиповой, и рѣдкими посѣщеніями немногихъ друзей, рѣшавшихся пріѣхать къ поэту въМихайловское.

Здѣсь-то, въ 1825 году, задумана имъ и выполнена—«Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ».—Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ». (Изъ письма къ кн. Вяземскому отъ 13-го Іюля).

И нѣсколько позже (осенью того же года) Пушкинъ съ прелестнымъ чистосердечіемъ, придающимъ такую привлекательность геніальнымъ натурамъ, сообщалъ своему корреспонденту: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да!..»

Никто лучше самого Пушкина не опредѣлилъ сущности замысла этого произведенія и отношенія автора къ его источникамъ:

«Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей,—писалъ Пушкинъ,—дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

Въ этомъ откровенномъ признаніи поэта, чистосердечность котораго мы не имѣемъ никакихъ основаній подвергать сомнѣнію, заключается ключъ къ уразумѣнію составныхъ элементовъ одного изъ самыхъ цѣльныхъ, выдержанныхъ, зрѣло обдуманныхъ его произведеній, которое не только въ его время составило эпоху въ исторіи нашей драматической литературы, но и понынѣ является непревзойденнымъ, одинокимъ памятникомъ возвышеннаго настроенія и безупречной красоты формы въ рядѣ геніально задуманныхъ и искусно расположенныхъ эпизодовъ. Вопросъ лишь въ размѣрахъ того, что мы должны удѣлить каждому изъ указанныхъ самимъ Пушкинымъ элементовъ, изъ которыхъ составилось его произведеніе, и въ степени самостоятельности отношенія поэта къ своимъ источникамъ и образцамъ.

Шекспира онъ принялъ за образецъ для формы свободной драмы, для изображенія характеровъ и типовъ, и подражалъ его «простотѣ». Пушкинъ вполнѣ сознательно задумалъ реорганизацію нашей драматической системы. Онъ заявляетъ объ этомъ неоднократно въ своихъ письмахъ и черновыхъ наброскахъ. «Я твердо увѣренъ,—писалъ Пушкинъ въ одномъ изъ этихъ набросковъ (безъ даты),—что нашему театру приличны законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены». Собираясь издать въ свѣтъ «Бориса Годунова», черезъ четыре года послѣ его написанія, Пушкинъ признается, что дѣлаетъ это съ «величайшимъ отвращеніемъ», ибо—

«успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе нашей драматической системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобы она тѣмъ самымъ не замедлила хода...» Пушкинъ считалъ свою драму — «романтическимъ» произведеніемъ [1]), потому что романтики, между прочимъ, ссылались на театръ Шекспира въ противовѣсъ правиламъ классической поэтики; онъ прежде всего имѣлъ въ виду обособиться отъ пріемовъ нашего псевдоклассицизма. И наряду съ свободнымъ чередованіемъ сценъ, безъ соблюденія единствъ времени, мѣста и дѣйствія, едва ли не главнымъ является требованіе той «простоты», которую Пушкинъ отмѣтилъ у Шекспира, которой онъ старался подражать. Но эта же простота оказывалась нарушеніемъ пріемовъ входившаго тогда въ моду романтизма и самъ же Пушкинъ, въ письмѣ (франц.) къ Н. Н. Раевскому (30 января 1829 года), замѣчаетъ слѣдующее: «По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ пафосомъ и проч. Стиль ея смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица». Такимъ образомъ, онъ придавалъ огромное значеніе естественности изложенія и хода дѣйствія, инстинктивно почуявъ въ Шекспирѣ великаго реалиста. Пушкинъ и ссылался на него, какъ на примѣръ «простоты» въ воспроизведеніи исторической темы.

Въ двухъ черновыхъ наброскахъ письма къ Н. Н. Раевскому, — одинъ 1825 г., другой—1829 г. (на франц. яз.), отчасти повторяющихъ то же содержаніе, — Пушкинъ говоритъ о своемъ предположеніи написать предисловіе къ «Борису Годунову» и тутъ же высказываетъ нѣкоторыя соображенія о трагедіи вообще. «Это, быть-можетъ, наименѣе признанный родъ. Классики и романтики — всѣ основывали свои законы на правдоподобіи, а именно его-то исключаетъ сущность драмы (la nature du drame). Не говоря уже о времени и т. д., какого чорта правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами зрителей (personnes), которые предполагаются невидимыми тѣми, кто на подмосткахъ. 2) Языкъ. Напримѣръ, Филоктетъ Ла Гарпа говоритъ на чистомъ французскомъ языкѣ, прослушавъ тираду Пирра: Увы, я слышу сладкій звукъ греческой рѣчи и т. д. Посмотрите на древнихъ, ихъ трагическія маски, двойственность дѣйствующаго лица—развѣ все это не условное неправдоподобіе? Время, мѣсто и пр. и пр. Истинные геніи трагедіи никогда не задумывались надъ правдоподобіемъ. Взгляните, какъ смѣло Корнель повелъ Сида. А,—вы хотите правила о 24 часахъ? Извольте, и вслѣдъ затѣмъ онъ вамъ нагромождаетъ событій на четыре мѣсяца. Нѣтъ ничего излишнѣе, по-моему, маленькихъ измѣненій въ принятыхъ правилахъ. Альфіери глубоко возмущался нелѣпостью à parte, онъ его отстраняетъ и затѣмъ удлиняетъ монологъ, думая, что онъ произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какая суетность! Правдоподобіе положеній и правдивость діалога—вотъ истинное правило трагедіи. Я не читалъ Кальдерона, ни Вега, но что за человѣкъ этотъ Шекспиръ! Я не могу очнуться (je n'en reviens pas). Какъ Байронъ-трагикъ мелокъ передъ нимъ (слѣдуютъ замѣчанія о Байронѣ)... И еще есть предубѣжденіе (une manie): когда задумаютъ то или другое лице, то все, что заставляютъ его произносить, даже самыя странныя вещи, всегда носитъ отпечатокъ его характера (какъ педанты и моряки въ старинныхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ,—«дайте мнѣ пить»,—какъ заговорщикъ, и это только смѣшно... Почитайте Шекспира: онъ никогда не боится скомпрометировать дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его выражаться со всей непринужденностью жизни, потому что онъ увѣренъ, что въ своемъ мѣстѣ и въ свое время онъ найдетъ для него языкъ въ соотвѣтствіи съ его характеромъ (le langage de son caractère).

Вы меня спросите: ваша трагедія есть ли трагедія характеровъ или костюмовъ (т. е. воспроизведеніе исторической эпохи). Я избралъ наиболѣе легкій родъ, но я пытался соединить оба вида (трагедіи)»...

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній Пушкина трудно вывести цѣльную «систему» того, чѣмъ должна быть трагедія, но они имѣютъ существенную важность для выясненія принциповъ, которыми руководствовался поэтъ при созданіи «Бориса Годунова». Онъ отвернулся прежде всего отъ всякой напыщенности и ходульности въ рѣчахъ и

[1]) «Романтической трагедіей» онъ называетъ «Б. Г.» въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому 1825 года, отъ 13 іюля и осенью.

положеніи дѣйствующихъ лицъ, отъ искусственнаго пафоса и односторонняго освѣщенія характеровъ въ одномъ только направленіи. Не гоняясь за внѣшнимъ правдоподобіемъ зрѣлища, онъ представилъ рядъ сценъ, въ свободномъ чередованіи, на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ (около 7-ми). Въ заботѣ о правдоподобіи положеній—онъ изучалъ историческій ходъ событій по имѣвшимся у него источникамъ, отступая отъ нихъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это правдоподобіе не нарушалось бы, когда требованія художественнаго замысла расходились съ фактами, почерпнутыми у историка или въ лѣтописяхъ. На первый же планъ выступило требованіе правдивости языка, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, слогъ то важный, внушительный, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ и образомъ мыслей даннаго лица, то «пошлый и низкій», когда выступаютъ «грубыя и пошлыя» лица. Но при этомъ Пушкинъ никогда не теряетъ художественной мѣры въ пользованіи, по его выраженію, и «низкимъ стилемъ».

Эта правдивость языка, естественность положеній и непринужденность разговорной рѣчи въ соотвѣтствіи съ положеніями являются первымъ достоинствомъ произведенія, которое, хотя и не совершило переворота въ «нашей драматической системѣ», но составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи нашего театра, хотя полной постановки на сценѣ оно дождалось лишь въ наши дни, черезъ 80 слишкомъ лѣтъ послѣ написанія. Шекспиръ являлся, конечно, лишь принципіальнымъ руководителемъ Пушкина и, несмотря на подмѣченныя критикою разныя аналогіи съ ситуаціями въ историческихъ хроникахъ Шекспира (особенно—наставленія сыну Генриха IV въ хроникѣ Шекспира и сходные по положенію завѣты Годунова сыну въ сценѣ 21-ой у Пушкина), непосредственныхъ заимствованій нѣтъ [1]). Языку же и «образу мыслей тогдашняго времени» Пушкинъ, по собственному признанію, учился въ лѣтописяхъ.

Отношеніе поэта къ лѣтописямъ и въ то же время слѣдованіе Карамзину «въ свѣтломъ развитіи происшествій»—являются наиболѣе сложнымъ вопросомъ, вызвавшимъ не мало противорѣчивыхъ сужденій. На этой почвѣ—зависимости Пушкина отъ взглядовъ автора «Исторіи Государства Россійскаго»—высказаны были ему самые суровые упреки и только въ послѣднее время можно считать, что значительная часть ихъ отпала.

Два положенія, однако, имъ цѣликомъ усвоены отъ историка. Это, во 1-хъ, изображеніе Бориса, какъ несомнѣннаго виновника убійства царевича Дмитрія Ивановича,—отсюда его мученія совѣсти. Во 2-хъ, изображеніе Самозванца, какъ сознательнаго обманщика-авантюриста, нисколько не вѣрящаго въ свое настоящее призваніе, а дѣйствующаго въ силу честолюбивыхъ замысловъ, пользуясь обстоятельствами времени. Карамзинъ выдаетъ за положительный фактъ убіеніе царевича по приказу Годунова и Самозванца величаетъ Гришкой Отрепьевымъ, бѣглымъ инокомъ, скитавшимся по разнымъ монастырямъ раньше, чѣмъ ему пришло въ голову сыграть роль чудомъ спасеннаго наслѣдника престола, которымъ онъ овладѣваетъ при содѣйствіи поляковъ.

Долженъ ли былъ Пушкинъ, при поэтическомъ воспроизведеніи сюжета, подвергнуть сомнѣнію утвержденія историка и представить дѣло въ иномъ видѣ?

Первый съ рѣшительнымъ обвиненіемъ поэта за его довѣріе къ Карамзину выступилъ Полевой [1]). Въ пространной статьѣ, помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1833 г., онъ подвергаетъ сперва критикѣ изложеніе Карамзина смутнаго періода и тутъ же, привязываясь къ посвященію Пушкина—«Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностью посвящаетъ»,—заявляетъ, что Пушкинъ повторилъ ошибки Карамзина, такъ какъ находился всецѣло подъ его вліяніемъ при созданіи Годунова. Какъ могъ Пушкинъ не понять,—писалъ Полевой,—поэзіи той идеи, что исторія не смѣетъ утвердительно назвать Бориса цареубійцею? Что недостовѣрно для исторіи, то достовѣрно для по-

[1]) Вопросу о Шекспиризмѣ Пушкина въ настоящемъ изд. будетъ посвящена особая статья.

[1]) Впрочемъ, первенство принадлежитъ неизвѣстному чиновнику III отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ отзывѣ о произведеніи, представленномъ въ 1829 году для разрѣшенія къ печати, указано, что пьеса лишена цѣлаго: «это отдѣльныя сцены, или, лучше сказать отрывки изъ X и XI т. Ист. Госуд. Росс., сочиненія Карамзина, передѣланные въ разговоры». Все-дескать позаимствовано изъ Карамзина, «исключая сцены Самозванца въ корчмѣ, сцены юродиваго и свиданія Самозванца съ Мариною».

эзіи. И что могъ извлечь Пушкинъ, изображая въ драмѣ своей тяжкую судьбу человѣка, который не имѣетъ ни силъ, ни средствъ свергнуть съ себя обвиненіе передъ людьми и передъ потомствомъ!» И нѣсколько дальше: «Забывъ притомъ истинную причину его (Годунова) паденія и успѣховъ Самозванца—буйную русскую олигархію, забывъ и политическія отношенія Польши къ Россіи,—онъ (Пушкинъ) естественно долженъ былъ потеряться въ планѣ и развитіи его. Если съ перваго явленія намъ сказали тайну Бориса, чѣмъ сдѣлалась вся драма Пушкина? Это—Le dernier jour d'un condamné (послѣдній день осужденнаго)! Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою, мы видимъ только приготовленія его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника».

Къ Самозванцу Полевой отнесся нѣсколько снисходительнѣе, но все-жъ съ оговоркой: «Характеръ Самозванца едва ли вѣрнѣе и естественнѣе Борисова, но, по крайней мѣрѣ, въ немъ есть жизнь, по крайней мѣрѣ, онъ удалъ, буренъ, порывистъ. Мечтатель въ сценѣ съ Пименомъ, онъ ловко отдѣлывается въ корчмѣ, щегольски отличается у Вишневецкаго и Мнишка, страстенъ у фонтана, и точный искатель приключеній въ трехъ сценахъ: переходъ черезъ границу, допросъ плѣнника, ночлегъ послѣ разбитія. Совсѣмъ не таковъ былъ Самозванецъ историческій, сколько можемъ мы представить его себѣ; но и созданный Пушкинымъ, вслѣдствіе мысли его, какъ исполнитель кары за преступленія Бориса, онъ—можетъ почесться сноснымъ». Полевой противоставляетъ сценамъ Пушкина недоконченную трагедію Шиллера «Дмитрій Самозванецъ», отъ которой сохранился лишь общій планъ и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ. Шиллеръ выставляетъ Самозванца какъ человѣка, убѣжденнаго въ своемъ царскомъ происхожденіи, и только впослѣдствіи его разочаровываютъ. Пушкинъ, конечно, не зналъ отрывковъ трагедіи Шиллера и болѣе раннихъ обработокъ исторіи Самозванца въ западно-европейскихъ литературахъ. Онъ сдѣлалъ своего Гришку Отрепьева откровеннымъ авантюристомъ по общему впечатлѣнію Карамзина, измѣнивъ, какъ увидимъ ниже, лишь многія частности въ обрисовкѣ своего героя.

Къ мнѣнію Полевого о чрезмѣрной зависимости Пушкина отъ Карамзина примкнулъ Бѣлинскій. Онъ также высказалъ [1]) цѣлый рядъ своихъ соображеній въ оцѣнкѣ событій, предшествовавшихъ воцаренію Годунова, и спеціально о его правленіи, приходя къ общему выводу, что драматизмъ Бориса заключался въ томъ, что, будучи человѣкомъ для своего времени замѣчательнымъ, умнымъ и талантливымъ администраторомъ, онъ не былъ великимъ человѣкомъ, не былъ геніемъ. «Между тѣмъ его положеніе непремѣнно требовало отъ него геніальности». Бѣлинскій такъ-же, какъ и Полевой, настаиваетъ на недоказуемости участія Годунова въ убіеніи царевича и обвиняетъ Карамзина въ томъ, что онъ слишкомъ легковѣрно увлекся голосомъ современниковъ Годунова: «грѣшно и стыдно утвердить недоказанное преступленіе за такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Годуновъ. Смерть царевича Димитрія—дѣло темное и неразрѣшимое для потомства». Бѣлинскій ставитъ въ упрекъ Пушкину, что онъ вообще слишкомъ вошелъ въ духъ «Истор. Госуд. Россійск.»,—«до того проникся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ «Исторіи» Карамзина, и оправдывалъ ее не просто, какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ» и т. д. Онъ отдаетъ справедливость «удивительнымъ частностямъ» драмы, но рѣшительно оспариваетъ цѣлое, заявивъ, что «лицо Годунова, получивъ (у Пушкина) характеръ мелодраматическаго злодѣя, мучимаго совѣстью, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаической картиной, или, лучше сказать, статуей, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого Пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другого ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти»...

Вопросъ объ отношеніи Пушкина къ Карамзину заново пересмотрѣнъ за послѣднее время проф. И. Н. Ждановымъ. Наперекоръ Полевому и Бѣлинскому, проф. Ждановъ старается доказать [2]),—что «между

[1]) Въ статьяхъ о Пушкинѣ 1845 г.

[2]) О драмѣ А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ» И. Н. Жданова, Спб. 1892.

разсказомъ историка и замысломъ поэта нѣтъ сходства. Трагедія Пушкина не укладывается въ ту рамку, которая охватываетъ царствованіе Бориса въ «Исторіи Государства Россійскаго». Отмѣтивъ въ рядѣ сценъ слѣды начитанности Пушкина въ другихъ источникахъ, кромѣ «Ист. Госуд. Россійск.» (Новый лѣтописецъ, Житіе царя Ѳедора Ивановича, составленное патріархомъ Іовомъ, Сказаніе Авраама Палицына, Грамота объ избраніи Бориса Годунова, наконецъ, VII томъ Исторіи Россійской Щербатова), Ждановъ указываетъ, какъ на самое существенное отличіе концепціи Пушкина отъ изложенія Карамзина, на то, что у Пушкина Годуновъ не былъ настоящимъ народнымъ избранникомъ, а только казался имъ: «между Борисомъ и русской землей, т.-е. ея боярствомъ и ея народомъ, не было прочной объединяющей связи; Борисъ не былъ земскимъ царемъ». Сопоставленіе драмы Пушкина съ разсказомъ Карамзина, по мнѣнію проф. Жданова,—«позволяетъ утверждать, что въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой,—дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ. Карамзинскій Борисъ появляется на престолѣ, какъ излюбленный царь русской земли, вызывающій общее сочувствіе и боярства и народа. Пушкинскій Борисъ въ первыхъ же сценахъ драмы представляется мнимымъ избранникомъ народа; развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ. Несчастія карамзинскаго Бориса объясняются его болѣзненной подозрительностью, вызвавшею общее недовольство. Несчастія пушкинскаго Бориса объясняются историческими условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, настроеніемъ боярства и народа: бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пушкинъ, принимаясь за обработку своего Бориса Годунова, отнесся самостоятельно къ имѣвшимся у него подъ руками источникамъ. Посмертное посвященіе драмы Карамзину, къ которому привязывается Полевой, вышло почти случайно: Пушкинъ писалъ Плетневу (1830 г.), что хотѣлъ посвятить «Бориса Годунова» Жуковскому, но дочери Карамзина сказали поэту, чтобы онъ посвятилъ «любимый трудъ памяти отца». Въ виду этого Пушкинъ и просилъ Плетнева помѣстить, если не поздно, посвященіе Карамзину въ отдѣльномъ изданіи трагедіи 1831 г. (Вообще же, отнюдь нельзя было упрекать Пушкина въ отсутствіи критическаго отношенія къ автору «Исторіи Госуд. Россійск.»: восторженные отзывы передъ громадностью труда и его значеніемъ—«древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ»,—смѣнялись ѣдкой эпиграммой:

> Въ его исторіи изящность, простота
> Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
> Необходимость самовластья
> И прелести кнута!

Извѣстенъ также разсказъ самого Пушкина о томъ, какъ однажды онъ ему въ лицо сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» и Карамзинъ, подавивъ вспышку гнѣва, прощаясь съ поэтомъ, замѣтилъ ему: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили».

Полевой привязывается къ Пушкину, который служитъ ему предлогомъ подвергнуть самостоятельной критикѣ Карамзина и для изложенія своихъ теорій объ образованіи олигархіи изъ русскаго боярства, послѣ прекращенія удѣловъ. Отчасти и Бѣлинскій пользуется случаемъ развить свои взгляды на отношеніе Годунова къ простому народу. Но всѣ эти разсужденія, служа поправками къ освѣщенію событій у Карамзина, не имѣютъ прямого отношенія къ произведенію Пушкина, такъ какъ выходятъ за его предѣлы, не затрогивая замысла поэта по существу. Полевой могъ быть совершенно правъ въ значеніи, придаваемомъ имъ «буйной русской олигархіи», толпящейся у трона Годунова, но Пушкинъ не оспаривалъ его: въ сценѣ 9, въ домѣ Шуйскаго, бояринъ Пушкинъ достаточно распространяется о мѣрахъ, къ которымъ прибѣгаетъ Годуновъ въ борьбѣ съ представителями «знатнѣйшихъ родовъ», очевидно противодѣйствовавшими его власти:

> Насъ каждый день опала ожидаетъ,
> Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
> А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.
> Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
> Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
> Романовы, отечества надежда?
> Заточены, замучены въ изгнаньи...

И Шуйскій, въ отвѣтъ на рѣчи Пушкина, совѣтуетъ лишь помолчать до времени. Боярская интрига шла своимъ путемъ, и въ первой же начальной сценѣ трагедіи,

самостоятельно созданной поэтомъ, въ разговорѣ между Шуйскимъ и Воротынскимъ достаточно ясно указано, насколько возвеличеніе Бориса не по душѣ «князьямъ природнымъ», «Рюриковой крови»:

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха..

Въ одномъ отношеніи Полевой правъ: Пушкинъ дѣйствительно сжалъ событія настолько близко ко времени паденья Годунова, что представилъ намъ не развитіе характера на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, не различныя переживанія честолюбиваго человѣка на пути къ достиженію власти и затѣмъ кризисъ въ его душѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ событій, а какъ бы сразу подошелъ къ моменту кризиса и подробно развилъ только его. Въ этомъ Пушкинъ, конечно, отступалъ отъ пріемовъ творчества Шекспира и ближе стоялъ къ принципамъ французскаго классицизма. Въ изображеніи послѣднихъ дней «осужденнаго» Бориса устанавливается поразительная аналогія хотя бы съ трагедіей Расина—«Гоѳолія», о чемъ намъ приходилось высказаться въ другомъ мѣстѣ [1]). Находясь подъ впечатлѣніемъ сложныхъ вліяній на его творческую дѣятельность, особенно начитанный съ молодыхъ лѣтъ во французской литературѣ, воспитавшись на чтеніи «Лицея» Ла Гарпа, близко знакомый съ трагедіями Корнеля и Расина, Пушкинъ могъ безсознательно подчиниться пріемамъ классической поэтики, и въ своей трагедіи отразилъ два скрещивавшихся въ немъ теченія: вольный размахъ драмы Шекспира и сосредоточенность психологическаго анализа въ изображеніи душевнаго кризиса въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, по образцу французской классической трагедіи. Роль Бориса никоимъ образомъ не подходитъ подъ масштабъ «романтическаго» произведенія.

Но противорѣчатъ ли концепціи Пушкина разсужденія Бѣлинскаго о томъ, что Борисъ погибъ по недостатку геніальности, тогда какъ въ его положеніи требовалась именно геніальность? Нисколько. Пушкинъ отнюдь не выставляетъ Бориса геніемъ. Замѣчанія Бѣлинскаго вполнѣ подходятъ къ характеристикѣ Бориса и даже представляются какъ бы комментаріями къ его роли. И угрызенія совѣсти, и запоздалое раскаяніе, и сѣтованія на неблагодарность людскую—показатели нѣкотораго малодушія въ моментъ, когда требуется напряженная дѣятельность. Борисъ подводитъ итоги своей жизни: «ни власть, ни жизнь его не веселятъ». Онъ благотворилъ народу, но не сумѣлъ снискать его любви. Въ своихъ расчетахъ онъ обманулся, потому что расчеты въ концѣ концовъ не были достаточно дальновидны или опирались на ошибочное основаніе. Бѣлинскій совершенно правильно указалъ, что у Бориса—«любовь его къ народу была не чувствомъ, а расчетомъ, а потому въ ней есть что-то ласкательное, льстивое, угодническое, и потому народъ не обманулся ею и отвѣтилъ на нее ненавистью». Противопоставленіе, которое дѣлаетъ Бѣлинскій между Борисомъ и Петромъ I какъ нельзя лучше оттѣняетъ то, чего недоставало Борису, чтобы стать «великимъ»; но Пушкинъ отнюдь и не выдаетъ его за великаго человѣка. «Борисъ Годуновъ не былъ человѣкомъ ничтожнымъ, писалъ Бѣлинскій, и даже обыкновеннымъ... Онъ цѣлой головой стоялъ выше своего народа... былъ выше многихъ предразсудковъ своего времени... уважалъ просвѣщеніе... хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ... Уже одно то, что онъ понялъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, и показываетъ, какъ уменъ былъ этотъ несчастный любимецъ счастья... Будь онъ законный, наслѣдный царь,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хранить status quo, улучшая, но не измѣняя его,—а для этого и безъ геніальности достало бы у него ума и способности—и онъ много сдѣлалъ бы полезнаго для Россіи». Съ этими разсужденіями вполнѣ вяжется сцена умиранія Бориса у Пушкина и наставленія, которыя онъ даетъ сыну, упоминая въ числѣ завѣтовъ правителя и то, что—«привычка душа державъ». «Но онъ былъ выскочка (parvenu),—продолжаетъ Бѣлинскій,—и потому долженъ былъ быть геніемъ или пасть—и палъ... У него не было никакой идеи, никакого принципа, чтобы преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Онъ былъ только умнѣе своего времени, но не выше его».

Именно въ такихъ чертахъ и рисуется намъ Пушкинскій Борисъ. Характеристика

[1]) См. Сборникъ С.-Петербургскаго Университета. Памяти Пушкина. 1899 г.

Бѣлинскаго вполнѣ открываетъ образъ, созданный поэтомъ и единственной такъ сказать добавочной чертой, не противорѣчащей цѣлому, но выдѣляемой Бѣлинскимъ,— являются мученія совѣсти Бориса. Эту черту — мотивъ цареубійства — Пушкинъ дѣйствительно взялъ у Карамзина, довѣрившись историку и считая фактъ доказаннымъ. Но вѣдь и Бѣлинскій не отрицаетъ, что на пути къ власти честолюбивый «выскочка» едва ли былъ разборчивъ въ средствахъ достиженія цѣли. Слѣдовательно, при охватившей его общей растерянности, при сознаніи, что онъ не сумѣлъ или не смогъ упрочиться на тронѣ, такъ какъ не пріобрѣлъ любви народной, которой тщетно домогался, при непрекращающейся интригѣ придворной, заставившей его прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ, возобновляя втайнѣ тѣ же пріемы усмиренія, къ которымъ прибѣгалъ царь Иванъ (Грозный) открыто, негеніальный узурпаторъ трона, хотя и продѣлавшій комедію всенароднаго избранія, долженъ былъ всячески испытывать свою совѣсть и искать внутри себя причину своихъ неудачъ. Пушкинъ конкретизировалъ это душевное состояніе, представивъ Бориса подъ гнетомъ воспоминаній объ убіеніи царевича Димитрія. Психологическая правда тутъ несомнѣнна, а достовѣрность мотива, приданнаго для освѣщенія, лежитъ, конечно, на отвѣтственности историка.

Отправляя списокъ своей трагедіи Н. Н. Раевскому, Пушкинъ писалъ ему (30 января 1830 г.), что требуетъ—«прежде ея чтенія, чтобы вы пробѣжали послѣдній (XI) томъ Карамзина». Это-де нужно для лучшаго пониманія трагедіи, «исполненной шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени». Совѣтъ, конечно, полезный для провѣрки добросовѣстности поэта, не желавшаго отступать отъ исторической правды, и признаніе цѣнное, какъ указаніе на то, что въ общемъ онъ все же слѣдовалъ, какъ и самъ сообщалъ объ этомъ, «свѣтлому развитію происшествій» у Карамзина.

Однако, читатель Карамзина, обратившись затѣмъ къ трагедіи Пушкина, не найдетъ у историка бесѣды бояръ—Шуйскаго и Воротынскаго, съ которой открывается трагедія. Она вымышлена поэтомъ, мастерски охарактеризовавшимъ въ этомъ діалогѣ личности простодушнаго и наивнаго Воротынскаго, хитраго и завистливаго Шуйскаго, отношеніе бояръ къ избранію Бориса, давая ясные намеки на послѣдующее недовольство въ придворныхъ кругахъ неродовитымъ правителемъ. Пушкинъ воспользовался намекомъ въ лѣтописяхъ — о князьяхъ Шуйскихъ, которые Бориса «не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людямъ и къ себѣ гоненію» (Жда новъ, ор. с., 24). Въ сценѣ на Дѣвичьемъ Полѣ Пушкинъ использовалъ указаніе, запрятанное Карамзинымъ въ примѣчаніи,— сообщеніе въ одномъ хронографѣ, что— «нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать (когда просили Бориса принять царскій вѣнецъ), но не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною». Не найдетъ читатель Карамзина и рѣчи Бориса въ кремлевскихъ палатахъ: «Ты, отче патріархъ, вы всѣ бояре,—обнажена моя душа предъ вами»... рѣчи, такъ ярко характеризующей настроеніе Бориса при вступленіи на престолъ. Нѣтъ у Карамзина намека на превосходную сцену въ Чудовомъ монастырѣ, вызвавшую общій восторгъ при первомъ напечатаніи ея, еще въ видѣ отрывка въ «Московскомъ Вѣстникѣ», въ 1827 г. Эта сцена, выводя впервые передъ зрителями или читателемъ будущаго Самозванца, характеризуя его буйную, честолюбивую натуру, томящуюся въ бездѣйствіи монашеской обители, рисуя, какъ зародилась въ немъ идея возмездія Борису, на котораго «отшельникъ въ темной кельѣ»— «доносъ ужасный пишетъ», служитъ въ то же время, и съ точки зрѣнія общей архитектоники драмы, какъ бы нѣкимъ интерменцо, намѣчающимъ теченіе времени, промежутокъ въ пять лѣтъ между первыми сценами и слѣдующимъ монологомъ Бориса въ царскихъ палатахъ: «шестой ужъ годъ я царствую спокойно»... Пименъ [1]) записываетъ— «земли родной минувшую судьбу». Тутъ и воспоминаніе о Грозномъ, и правленіе Ѳедора Іоанновича, и избраніе Бориса: «Владыкою себѣ цареубійцу мы нарекли», и разсказъ объ убіеніи царевича Димитрія. Въ безстрастномъ изложеніи лѣтописца заносятся всѣ событія жизни въ ихъ непрерывной смѣнѣ, какъ часовой маятникъ, отмѣчающій неустанное движеніе времени.

[1]) «Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе, писалъ Пушкинъ (черновой набросокъ неизвѣстному). Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ.

Далѣе событія излагаются согласно Карамзину, съ незначительными отступленіями въ частностяхъ, и съ заимствованіемъ основныхъ очертаній сцены въ корчмѣ, на литовской границѣ,изъ «Сказанія еже содѣяся въ Москвѣ и о Ростригѣ», помѣщеннаго въ примѣчаніяхъ къ «Ист. Госуд. Россійскаго». Сцена въ домѣ Шуйскаго скомбинирована на основаніи историческихъ данныхъ у Карамзина, но съ выдѣленіемъ роли Шуйскаго, который является и въ слѣдующей сценѣ у Бориса вѣстникомъ о первыхъ успѣхахъ Самозванца въ Краковѣ: король и паны за него. Шуйскій вообще особенно интересовалъ поэта, который сообщалъ въ письмѣ къ Раевскому о своемъ намѣреніи къ нему вернуться: онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ бояръ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтьте, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ (enfant perdu). Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которое отличало этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его къ своему двору, осыпаетъ почестями и щедротами. Что же дѣлаетъ Шуйскій, чуть было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, преуспѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ—и въ паденіи своемъ уже проявляетъ больше достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни». Пушкинъ задумывается надъ каждымъ лицомъ, вводимымъ имъ въ дѣйствіе драмы: онъ указываетъ какимъ нашелъ онъ Гаврила Пушкина, одного изъ его предковъ, по даннымъ исторіи и по семейнымъ бумагамъ. «Онъ обладалъ большими талантами, писалъ Пушкинъ Раевскому: воитель (homme de gurre), придворный и, въ особенности, заговорщикъ. Онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца неслыханной дерзостью. Потомъ я опять его нашелъ въ Москвѣ, въ числѣ семи начальниковъ, которые защищали ее въ 1612 г., потомъ въ 1616 г. засѣдающимъ въ Думѣ рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, вѣнчавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже поджигателемъ, какъ свидѣтельствуетъ одна грамота, которую я нашелъ въ Погорѣломъ Городищѣ,—городѣ, который онъ приказалъ выжечь, чтобы наказать не знаю за что именно, по образцу проконсуловъ національнаго конвента».

Пушкинъ проводитъ параллель между Дмитріемъ и Генрихомъ IV: оба храбры, великодушны, хвастливы (gascon), безразличны къ религіи, отказываясь отъ своей вѣры по причинамъ политическимъ; оба любили удовольствія и войну, впадали въ химерическія предпріятія, служили мишенью для заговоровъ». «Однако,у Генриха IV не было на совѣсти Ксеніи—правда, это ужасное обвиненіе не доказано и, что касается меня, то я считаю своимъ священнымъ долгомъ ему не вѣрить».—Пушкинъ упоминаетъ, что Грибоѣдовъ критиковалъ личность патріарха Іова. Онъ отвѣчаетъ на это бутадой: «патріархъ, конечно, былъ очень умнымъ человѣкомъ, я сдѣлалъ изъ него простака по разсѣянности». Очевидно, дѣло не въ «разсѣянности»: вложивъ въ уста патріарха (сц. 16) разсказъ о чудесахъ на могилѣ убіеннаго царевича и предложеніе перенести его мощи изъ Углича въ Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, поэтъ допустилъ, быть можетъ, нѣкоторую наивность у человѣка, не знавшаго или не вѣрившаго молвѣ о Борисѣ—виновникѣ убійства. Это отнюдь не дѣлало патріарха «простакомъ» (sot) и Пушкинъ отшучивался лишь на неумѣстность возраженія Грибоѣдова въ данномъ случаѣ. Предложеніе патріарха, вызвавшее безмолвное смущеніе Бориса, который во время его рѣчи «нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ», даетъ возможность ловкому Шуйскому подслужиться царю, взявъ на себя разубѣдить народъ, обнаруживъ «злой обманъ бродяги».

Въ отличіе отъ Карамзина, Пушкинъ заставляетъ Дмитрія влюбиться въ Марину Мнишекъ, а не ее имъ увлечься. Онъ объясняетъ это желаніемъ рельефнѣе очертить странный характеръ Марины. «Онъ едва намѣченъ у Карамзина,—писалъ Пушкинъ Раевскому.—Но, конечно, это была удивительнѣйшая изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть—честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ представить. Послѣ того, какъ она испробовала царской власти, посмотрите на нее, опьяненную химерой, переходящую отъ одного авантюриста къ другому, то раздѣляющую омерзительное ложе еврея. то палатку казака, всегда готовую отдаться тому, кто сможетъ представить ей

слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существующій. Посмотрите, какъ она бравируетъ войной, нищетой, позоромъ и въ то же время сносится съ Польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ жалкимъ образомъ кончаетъ самое бурное и самое необыкновенное существованіе. У меня для нея только одна сцена, но я къ ней вернусь, если Богъ продлитъ мои дни. Она меня смущаетъ, какъ страсть. Она ужасно какая полька, подобно... (слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка)».

Пушкинъ вывелъ ее въ трехъ сценахъ, и въ знаменитой сценѣ у фонтана показалъ Марину именно такой, какою характеризовалъ—тщеславной до того, что она сознательно идетъ за авантюристомъ, лишь бы онъ окружилъ ее престижемъ власти.

Добавочной къ исторіи Карамзина является и сцена между молодымъ Курбскимъ и Самозванцемъ на Литовской границѣ: патріотическій порывъ сына знаменитаго изгнанника чередуется съ грустными размышленіями Самозванца: «я Литву не звалъ на Русь, я въ красную Москву—кажу врагамъ завѣтную дорогу»...

Въ послѣдовательности сценъ битвъ, приближенія Самозванца къ Москвѣ, присылки боярина съ цѣлью склонить московскій народъ на свою сторону, равно какъ и въ описаніи послѣднихъ распоряженій Бориса,—возвеличеніе Басманова и проектъ упраздненія мѣстничества, въ трагической судьбѣ семьи Годунова, во всемъ этомъ Пушкинъ въ общемъ придерживался Карамзина, допуская нѣкоторыя отступленія для большей сосредоточенности впечатлѣнія. Такъ, онъ соединяетъ въ одно—описаніе двухъ сраженій; къ битвѣ близъ Новгорода-Сѣверскаго,—первой побѣдѣ Самозванца,—онъ пріурочилъ данныя о битвѣ подъ Сѣвскомъ, приведенныя въ изложеніи Бера у Карамзина, и записки Маржерета, съ цѣлью охарактеризовать роль иностранцевъ въ войскѣ Бориса. Вслѣдъ за тѣмъ поэтъ помѣщаетъ сцену съ юродивымъ въ Москвѣ, оттѣняющую отрицательное отношеніе народа къ Борису. Потомъ идетъ разговоръ Самозванца съ плѣннымъ подъ Сѣвскомъ, ночевка въ лѣсу (разговоръ съ Пушкинымъ), смерть Бориса, ставка—переходъ Басманова на сторону Самозванца, подъ вліяніемъ уговоровъ Пушкина. Послѣдній говоритъ Басманову:

Передъ тобой не стану я лукавить,
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,
А мнѣніемъ,—да, мнѣніемъ народнымъ.

Эта мысль положена въ основу всего финала трагедіи: сила Самозванца въ «мнѣніи народномъ», которое на его сторонѣ противъ Бориса. И даже замѣчаніе плѣнника подъ Сѣвскомъ... «ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ, а молодецъ»—служитъ указаніемъ, что и у тѣхъ, которые сомнѣвались въ подлинности Самозванца, онъ не встрѣтитъ столь рѣшительнаго отпора, покоряя своимъ молодечествомъ. Присланный имъ бояринъ Пушкинъ (одинъ, вмѣсто двухъ, какъ у Карамзина) безъ особыхъ усилій склоняетъ народъ въ Москвѣ перейти на сторону Самозванца, и тутъ же раздается жестокій возгласъ мужика на амвонѣ—«Ступай вязать Борисова щенка». Пушкинъ смягчилъ впечатлѣніе безпощаднаго отношенія толпы къ роду Бориса слѣдующей заключительной сценой, гдѣ тоже «одинъ изъ народа» говоритъ: «бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ»... «Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны». Казнь надъ Маріей Годуновой и ея сыномъ совершаютъ всетаки бояре.

Общій тонъ послѣднихъ событій, изложенныхъ въ драмѣ, основная мысль, которая въ нихъ проводится, о народномъ мнѣніи въ пользу Лжедимитрія—все это должно было привести къ тому, чтобы народъ привѣтствовалъ воцареніе Самозванца, какъ настоящаго царя. Извѣстно, что въ первоначальной редакціи, представленной къ напечатанью, трагедія такъ и заканчивалась возгласомъ народа, повторяющаго слова Масальскаго: «Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!» Опущеніе этой фразы и замѣчаніе—«народъ безмолвствуетъ»—приписывалось требованіямъ цензуры. Но уже Поливановъ [1]) обратилъ вниманіе на то, что въ запискѣ чиновника, отмѣтившаго мѣста, подлежащія исключенію, послѣдній возгласъ не обозначенъ, такъ что Пушкинъ могъ самостоятельно передѣлать окончаніе. Оно, конечно, вышло гораздо выразительнѣе для характеристики отношенія народа къ новому злодѣянію бояръ и получило даже современемъ символическое значеніе, вошло въ поговорку. Но все же, по мысли Пушкина,

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ, т. III, Драматическія произведенія.

народъ шелъ навстрѣчу Лжедимитрію, какъ настоящему своему царю: безучастно отнесся онъ къ избранію Бориса (сцена на Дѣвичьемъ полѣ, одинъ изъ толпы: «А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре...»), не возлюбилъ его, несмотря на благодѣянія, не могъ простить закрѣпощенія къ землѣ, и въ силу своеобразной логики, таинственныхъ, едва уловимыхъ процессовъ нарожденія массовыхъ движеній и повѣрій, принялъ на вѣру чудесное спасеніе царевича, утвердился въ мнѣніи, что живъ законный наслѣдникъ престола.

При созданіи «Бориса Годунова» Пушкинъ выказалъ удивительную объективность чисто художественнаго воспроизведенія историческаго сюжета. Личныхъ намековъ и указаній на собственные взгляды автора въ вопросѣ объ отношеніи къ верховной власти мы въ пьесѣ не находимъ. Между тѣмъ, принимая во вниманіе время ея написанія, когда передовая часть русскаго общества увлечена была идеями, составившими зерно неудавшагося заговора 14 декабря 1825 года, близкія связи Пушкина со многими декабристами, его личное положеніе человѣка, признаннаго политически «неблагонадежнымъ» и сосланнаго въ деревню,—все это могло найти хоть какое нибудь отраженіе при разработкѣ темы, которая такъ близко касалась основъ самодержавія. Но Пушкинъ при созданіи «Бориса Годунова»» былъ чуждъ всякой тенденціозности. Онъ отнесся къ избранному сюжету какъ историкъ и глазами историка трактовалъ о событіяхъ минувшихъ.

Въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу (апрѣль, 1830 г.) Пушкинъ, между прочимъ, писалъ: «Императоръ, удостоивъ прочтенія (мою трагедію), сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что Его Величество было какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда недавнія. Но, перечитавъ ихъ теперь, я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно ихъ извѣстному характеру. Нужно, такимъ образомъ, обращать вниманіе лишь на общій духъ, въ которомъ задумано все произведеніе, и на впечатлѣніе, которое оно имѣетъ произвести. Моя трагедія вполнѣ искреннее произведеніе, и я не могу, по совѣсти, вычеркивать то, что мнѣ кажется существеннымъ».

Пушкинъ, конечно, былъ безусловно правъ, и, въ то же время, намековъ на современныя ему событія въ его трагедіи не было: онъ съ чисто художественной, почти научной добросовѣстностью соблюдалъ историческую перспективу въ изображеніи привлекшей его вниманіе «драматической» эпохи жизни русскаго народа.

Пушкинъ колебался въ точномъ обозначеніи вида литературы, къ которому надлежитъ отнести «Бориса Годунова». Правда, въ письмахъ онъ обозначаетъ его терминомъ «трагедія», но также «романтическая драма» и въ концѣ концовъ выпустилъ въ свѣтъ безъ всякаго подзаголовка. Колебались и критики въ точномъ выборѣ термина—историческая драма, трагедія, «эпическая поэма въ разговорной формѣ» (Бѣлинскій), сцены, хроника (Анненковъ) и т. п. Отрывочность сценъ, эпизодическій характеръ изложенія, раздвоеніе вниманія между личностью Годунова и образомъ Самозванца, отсутствіе планомѣрно развивающихся характеровъ или послѣдовательныхъ перипетій страсти, отсутствіе объединяющей всѣ дѣйствія единой интриги—лишаютъ произведеніе Пушкина той цѣлостности, которая давала бы право подвести ее подъ опредѣленную категорію драматической литературы. Его цѣльность заключается въ вѣрности и выдержанности тона въ каждой отдѣльной сценѣ, въ безупречности языка, въ соблюденіи историческаго колорита, въ психологической правдѣ, мѣткости и выразительности отдѣльныхъ положеній. Уже Катковъ обратилъ вниманіе на особенность генія Пушкина быть «поэтомъ мгновеній»: «Его даръ состоялъ въ изображеніи отдѣльныхъ состояній души, отдѣльныхъ положеній жизни. Онъ воспроизводилъ движенія сердца во всей полнотѣ жизни и истины; основное настроеніе даннаго момента умѣлъ онъ возводить до типическаго выраженія. Но не было въ его дарованіи—переходить въ непрерывномъ развитіи отъ положенія къ положенію, и изъ одного момента выводить другой...» Въ этихъ словахъ есть правда, и по отношенію къ «Борису Годунову» они справедливо оттѣняютъ особенности пріемовъ творчества Пушкина въ созданіи одинокаго въ своемъ родѣ произведенія, которое можетъ быть названо и

трагедіей, и историческими сценами, и хроникой въ лицахъ, и есть во всякомъ случаѣ превосходное поэтическое произведеніе само по себѣ, объясняемое особыми условіями, при которыхъ оно возникло и свойствами дарованій поэта.

Въ исторіи мнѣній о «Борисѣ Годуновѣ» усматривается двоякаго рода теченіе. По свидѣтельству Погодина, ему оказанъ былъ восторженный пріемъ, когда Пушкинъ самъ читалъ свое произведеніе въ кругу знакомыхъ у Д. В. Веневитинова, въ 1826 г. (первое чтеніе состоялось у С. А. Соболевскаго). Но вскорѣ стали раздаваться и отрицательные голоса. По выходѣ въ свѣтъ трагедіи въ 1831 г., сочувственную ей рецензію помѣстилъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвигъ, который отмѣчаетъ, что—«нѣкоторыхъ черезчуръ любопытныхъ читателей и двухъ, трехъ журналистовъ занимаетъ важная мысль: къ какому роду должно отнести сіе поэтическое произведеніе? Одинъ называетъ его трагедіей, другой драматическимъ романомъ, третій романической драмой и такъ далѣе. Къ чему приводитъ ихъ разрѣшеніе сей задачи? Не къ познанію-ли, по какимъ правиламъ судить новое сочиненіе? Назовите его, какъ хотите, а судите его не по правиламъ, но по впечатлѣніямъ, которыя получите послѣ долгаго внимательнаго чтенія».

И въ рецензіи, помѣщенной въ «Дамскомъ Журналѣ» (февр. 1831), указывается, что «Борисъ Годуновъ будетъ началомъ новой классификаціи». Отраженіемъ взглядовъ за и противъ «Бориса Годунова» явилась въ «Телескопѣ»—«Бесѣда старыхъ знакомцевъ» Надеждина, критиковавшаго отдѣльныя мѣста, но многое и одобрявшаго (между прочимъ, цитуя послѣднія строки сцены у фонтана, авторъ замѣчаетъ: «Вотъ ужъ гдѣ дѣйствительно жалко Пушкина! Такъ онъ сбился, что не узнаешь!... А между тѣмъ, какъ нарочно, эта злодѣйская сцена, въ отношеніи къ наружной отдѣлкѣ, премастерская!...»).« Сѣв. Меркурій», «Колокольчикъ», «Телескопъ»—отнеслись отрицательно къ трагедіи: «Пушкинъ уронилъ себя, Пушкинъ не самобытно создалъ, на ходульной поэзіи построился, Борисъ Годуновъ—несчастное произведеніе его, Борисъ Годуновъ зарѣзалъ Пушкина, Борисъ Годуновъ—чистое ребячество, повѣсти Сына Отечества лучше Бориса Годунова» [1] и т. п. Были отзывы просто легкомысленные и было, такъ-сказать, добросовѣстное непониманіе, какъ въ пространныхъ статьяхъ В. Плаксина, помѣщенныхъ въ «Сынѣ Отечества» за 1831 г. Еще Гоголь поставилъ вопросъ: «опредѣлилъ ли, понялъ ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?—по крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произносилась имъ (послѣднимъ произведеніямъ Пушкина) вѣрная оцѣнка, и они остались донынѣ нетронуты» («Нѣсколько словъ о Пушкинѣ»; цитовано Бѣлинскимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ.

Иностранецъ, нѣмецкій критикъ Карлъ Авг. Варнхагенъ фонъ Энзе, далъ сочувственный отзывъ о трагедіи, приведенный въ «Отечеств. Запискахъ», 1839 г. (по-нѣмецки «Борисъ Годуновъ» переведенъ былъ бар. Розеномъ): «кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многочисленнаго народа, такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой польки, такъ и кроткой царской дочери; пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота—все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее, отличительнѣйшее существо».

Несмотря на отдѣльные сочувственные отзывы, несмотря на привѣтствія немногихъ друзей, Пушкинъ дѣйствительно почувствовалъ извѣстную обособленность отъ общества, послѣ выхода въ свѣтъ «Бориса Годунова». Онъ это неоднократно выражалъ.

Въ 1833 году напечатана была статья Полевого, о которой была выше рѣчь. Она заключала въ себѣ, при общемъ все же благоговѣйномъ отношеніи къ Пушкину, обстоятельный, хотя и не благопріятный автору разборъ трагедіи. Полевой одновременно подходитъ къ произведенію и съ исторической точки зрѣнія и выдвигаетъ вопросъ о законахъ природы. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ разсуждаетъ субъективно, не принявъ за исходный пунктъ своего анализа само произведеніе поэта и не столько заботясь объ опредѣленіи его сущности изъ данныхъ, заключенныхъ въ самой трагедіи, сколько развивая свои взгляды, давая даже совѣты автору, и споря

1) См. Андр. Филоновъ, Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899.

съ Карамзинымъ, увѣривъ себя, что Пушкинъ «рабски» слѣдовалъ Карамзину» [1]). Но замыселъ поэта подлежитъ самостоятельной оцѣнкѣ, былъ или не былъ Карамзинъ его руководителемъ въ фактическомъ обоснованіи остова его драмы. Полевой не подошелъ къ настоящему пониманію произведенія Пушкина, потому что обратился къ его разбору съ нѣкоторыми предубѣжденіями, не пережилъ его, слѣдилъ за собственными размышленіями.

Вполнѣ основательна поправка Бѣлинскаго къ пріемамъ критики: «чтобы произнести сужденіе о какомъ-нибудь поэтѣ, тѣмъ болѣе о великомъ, должно сперва изучить его, а для этого должно войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ его, себя и все на свѣтѣ. Въ этотъ міръ не должно вносить никакихъ требованій, никакихъ заранѣе приготовленныхъ понятій и вопросовъ, никакихъ страстей, а тѣмъ менѣе пристрастій, никакихъ убѣжденій, а тѣмъ менѣе предубѣжденій». И только послѣ этого предварительнаго проникновенія въ міръ, созданный поэтомъ, можно выступить его судьей, понявъ его призванье изъ его же собственныхъ твореній, «и—требовать отъ него той внутренней послѣдовательности, которая составляетъ необходимое условіе всякой разумной дѣятельности».

Однако, обратившись къ разбору «Бориса Годунова», Бѣлинскій сразу заявляетъ: «ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса для него была истинно Ватерлоовской битвой, въ которой онъ развернулъ во всей широтѣ и глубинѣ свой геній и, несмотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе». Причина такого рѣшительнаго приговора заключается въ томъ, что Бѣлинскій, при разборѣ трагедіи Пушкина все же внесъ нѣкоторыя предубѣжденія — заранѣе составленное мнѣніе о томъ, чѣмъ должна быть драма; мнѣніе о томъ, что въ древней Руси не было элементовъ для драматической колизіи, такъ какъ въ ней не было борьбы «противоположно и враждебно направленныхъ другъ друга идей, которыя проявляются, какъ пафосъ»; наконецъ, представленіе, что—«Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину», вслѣдствіе чего—«Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать».

Выше было указано, что мнѣніе о «рабской» зависимости Пушкина отъ Карамзина должно быть оставлено. И центръ вниманія трагедіи не въ «мелодраматическомъ» положеніи человѣка, котораго мучитъ совѣсть, а въ разобщенности царя съ народомъ, который, по сущности, не избиралъ его, а шелъ за боярами, и не призналъ, почуявъ неискреннее къ себѣ отношеніе. И «мученія совѣсти»—лишь симптомъ душевнаго кризиса у человѣка, который чувствуетъ, что онъ уже не хозяинъ своего положенія. Различныя состоянія, въ которыхъ Пушкинъ намъ показываетъ Бориса—«то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ» и т. д.—отнюдь не должны быть обращены въ порицаніе Пушкину, а, напротивъ того, свидѣтельствуютъ объ его глубокомъ умѣніи въ немногихъ сценахъ развернуть сложную природу человѣка—выдающагося, но безъ «геніальности», какъ характеризовалъ Бориса и Бѣлинскій,—и представить различные моменты его душевныхъ переживаній.

За этими поправками новѣйшаго пониманія трагедіи Пушкина, прочія положенія великаго критика, его разборъ и оцѣнка отдѣльныхъ сценъ остаются въ силѣ и понынѣ. Въ особенности справедливымъ является его общее замѣчаніе: «словно гигантъ между пигмеями до сихъ поръ высится между множествомъ quasi-русскихъ трагедій Пушкинскій «Борисъ Годуновъ», въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля благородной классической простоты».

Ѳ. Батюшковъ.

1) Нѣкоторая запальчивость Полевого въ этомъ вопросѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ, разбирая «Исторію» Полевого въ «Лит. Газетѣ», въ 1830 г., между прочимъ замѣтилъ ему по поводу отношенія Полевого къ Карамзину, что «уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою...—первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется только вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно».

НАРОДЪ И ЦАРЬ ВЪ ТРАГЕДІИ ПУШКИНА.

Въ трагедіи Пушкина не менѣе важную роль, чѣмъ царь Борисъ, играетъ народъ, другой главный герой драмы. Народъ выступаетъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ сценахъ; о немъ, какъ о главномъ героѣ, постоянно говорятъ, давая ему сходныя характеристики, всѣ дѣйствующія лица: и Годуновъ, и Шуйскій, и Басмановъ, и Самозванецъ. Отношенія народа къ царю составляютъ главную основу развитія драмы.

На эту сторону трагедіи обратилъ вниманіе И. Н. Ждановъ въ своей извѣстной статьѣ о Пушкинскомъ Борисѣ Годуновѣ, но, какъ мнѣ кажется, онъ пришелъ къ неправильнымъ выводамъ.

I.

Отстаивая независимость Пушкина отъ Карамзина и самостоятельность его замысла, Ждановъ сдѣлалъ попытку объяснить все развитіе драмы изъ третьей сцены трагедіи, гдѣ при избраніи Бориса «случайно собравшаяся толпа, которая должна представлять народъ, выкрикиваетъ то, что ей подсказано, и сама же подсмѣивается надъ своими восторгами».

«Это не излюбленный, не земскій царь»—вотъ что хотѣлъ сказать Пушкинъ этою сценою, по мнѣнію Жданова. «Пушкинскій Борисъ—говоритъ онъ—въ первыхъ же сценахъ драмы представляется мнимымъ избранникомъ народа», и «развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ». Между царемъ и народомъ не было прочной, объединяющей связи; Борисъ не былъ земскимъ царемъ, такимъ,—поясняетъ свою мысль историкъ,—какимъ былъ позднѣе царь Михаилъ, опиравшійся на народныя силы, на земскій соборъ, на единеніе царя и земли.

Увлекшись развитіемъ этой своей мысли, договаривая ее до конца, Ждановъ, мнѣ кажется, самъ показалъ, какъ далеко отошелъ онъ отъ Пушкинской трагедіи. Пушкинъ, дѣйствительно, показываетъ ясно, что Борисъ не былъ «излюбленнымъ» избранникомъ народа, но онъ отнюдь не ставитъ въ укоръ Борису, что онъ не былъ «земскимъ» царемъ. Это большая разница: излюбленный царь и царь земскій, опирающійся на земскій соборъ. Рисуя отрицательныя черты разобщенности между царемъ и народомъ, Пушкинъ нигдѣ не даетъ ни малѣйшаго намека на возможность иныхъ положительныхъ отношеній между ними въ московской древности.

Идеализація единенія царя съ народомъ, въ которой Ждановъ искалъ ключа къ драмѣ Пушкина, надо полагать, ему была совершенно чужда, потому что эта идеализація выработалась значительно позже 1824—1825 годовъ, когда Пушкинъ писалъ свою трагедію. Въ эти двадцатые годы, какъ и раньше, изъ допетровской исторіи у насъ идеализировали не земскіе соборы, а «республику» Великаго Новгорода. И даже Карамзинъ, описывая паденіе Новгорода, уступилъ нехотя вѣянію времени, и говорилъ своимъ высокимъ слогомъ, что Новгородъ не только «слылъ въ Россіи и Европѣ Державою народною или Республикою», но и «дѣйствительно, имѣлъ образъ Демократіи», что Новгородскій «Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ», что «Новгородцы, имѣя правленіе народное, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ», и даже признавалъ при этомъ, что «сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной».

Въ изображеніи народа, его отношеній къ царю у Пушкина безусловно была скрытая мысль, но не та, какую отыскалъ Ждановъ. Недаромъ Пушкинъ, когда Жуковскій сказалъ, что царь проститъ его за трагедію, усомнился въ этомъ и писалъ князю Вяземскому: «Наврядъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ написана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ юродиваго, торчатъ!»

Гдѣ въ народѣ Пушкинской трагедіи та патріархальная любовь къ царямъ, та преданность самодержавію, которая считалась и считается многими характерною чертою русскаго народа, не только въ древности, но и до настоящаго времени? Ея нѣтъ и слѣда. Пушкинъ очень удачно выбралъ время Годунова, чтобы выразить свое отрицательное отношеніе къ такому воззрѣнію на народъ. На первый взглядъ онъ даетъ только историческую картину, въ которой особое отношеніе народа къ власти объясняется единственно особенностью положенія на престолѣ Бориса Годунова, этого боярина, ставшаго царемъ. Но такая характеристика народа только по виду относится

къ данному историческому моменту, времени Годунова, и на самомъ дѣлѣ въ ней есть общая мысль. Подчеркивая разобщенность царя Бориса съ народомъ, Пушкинъ хотѣлъ показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей исторіи. Онъ возражалъ тѣмъ, кто оправдывалъ самодержавіе исконной патріархальной преданностью народа царямъ. Въ одномъ, невполнѣ искреннемъ письмѣ 1827 года, Пушкинъ писалъ, что въ Пименѣ онъ хотѣлъ показать черту, плѣнившую его въ лѣтописяхъ: «набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ». Но даже въ Пименѣ эта черта закрывается простодушнымъ безстрастіемъ лѣтописца, съ которымъ онъ пишетъ и о свирѣпыхъ казняхъ Іоанна, и о бурномъ новгородскомъ вѣчѣ, и спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ. Въ изображеніи же народа нѣтъ и слѣда такого его «набожнаго усердія къ власти царя». Наоборотъ. Народъ и царь изображаются, какъ двѣ разобщенныя и враждебныя другъ другу стихіи.

Всегда народъ къ смятенью тайно
склоненъ,

Говоритъ въ трагедіи Басмановъ,—

Такъ борзый конь грызетъ свои
бразды:
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ
правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Борисъ отвѣчаетъ:

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ.

Та же общая мысль о разобщенности между народомъ и властью въ словахъ монолога Бориса:

Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна, —
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Какая власть ненавистна для черни? Противъ какой власти народъ всегда тайно склоненъ къ смятенью? Противъ той власти, которая держитъ народъ въ полномъ подчиненіи, какъ всадникъ коня, какъ отрока отецъ, противъ той власти, которая пытается милостями «усыновить сердца своихъ рабовъ», но оставляетъ ихъ рабами, которая убѣждена, что народъ можно сдержать лишь «неусыпной строгостью».

Изображеніе власти въ трагедіи также имѣетъ общій смыслъ, также типично, какъ и изображеніе народа. Въ лицѣ царя Бориса Пушкинъ изображаетъ вообще московскаго царя-самодержца. Тотчасъ по избраніи на престолъ Борисъ въ первомъ же монологѣ говоритъ тономъ абсолютнаго монарха: «Да, правлю я во славѣ свой народъ... Сзывать весь нашъ народъ на пиръ». Этотъ тонъ вообще мало подходитъ къ московскимъ царямъ XVII вѣка, которые не олицетворяли въ своей особѣ всего государства, какъ настоящіе абсолютисты, а различали «государево» и «земское» дѣло. Въ отношеніи же къ Борису Годунову, Пушкинъ намѣренно опустилъ тѣ черты, которыя не подходили къ его типу царя-самодержца. Первыя слова Бориса по его избраніи звучали, на самомъ дѣлѣ, совершенно иначе, чѣмъ слова перваго монолога трагедіи. Во время литургіи, стоя подлѣ патріарха, Борисъ неожиданно воскликнулъ: «Се отче, великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ»,— и схвативъ воротъ своей рубашки, продолжалъ: «и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми». Пушкинъ не могъ не знать этого факта изъ исторіи Карамзина и изъ его примѣчаній, но онъ опустилъ эту живописную, исторически достовѣрную и столь характерную для Бориса черту, потому что онъ изображалъ не Бориса—боярина на престолѣ, а московскаго царя самодержца [1]).

Въ этихъ словахъ Бориса выразилось

1) Эти слова Бориса обратили на себя общее вниманіе и современниковъ, и историковъ Авраамій Палицынъ осуждалъ его за эти слова. «Невѣмы чего ради, испустилъ сицевъ глаголъ зѣло высокъ и богомерзостенъ... Словесе же сего никто не недоумѣвся взбранити». Бѣлинскій говоритъ: что значатъ эти слова, «что видно въ нихъ, если не чрезмѣрная радость о достиженіи давно желанной цѣли, если не благодарность за блестящее бремя не по силамъ?... Не такъ принимаетъ подобную власть геній, великій человѣкъ; онъ беретъ ее, какъ что-то свое, принадлежащее ему по праву». Соловьевъ тоже думаетъ, что въ этихъ «первыхъ словахъ», сказанныхъ Борисомъ при его новомъ положеніи, «обнаружился недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забываться при достиженіи желанной цѣли». Такъ ли это, или не такъ, но слова Бориса исторически очень характерны, и Пушкинъ не опустилъ бы ихъ, если бы изображалъ прежде всего Бориса Годунова, а не царя.

желаніе его быть особымъ царемъ, царемъ-слугою народа. Пушкинъ опустилъ ихъ, такъ какъ они не шли къ типу московскаго царя. Этотъ царь, въ лицѣ Бориса, заботится прежде всего о «силѣ своей державы», онъ завѣщаетъ сыну только временно ослабить власть, изъ рукъ не выпуская, чтобы затѣмъ «понемногу снова затягивать державныя бразды». Между этимъ царемъ и народомъ пропасть взаимнаго непониманія:

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

Объ особомъ «духѣ русскаго народа», выражающемся въ преданности его царямъ, говоритъ въ трагедіи одинъ только Самозванецъ и когда же? въ хвастливой рѣчи передъ патеромъ Черниковскимъ, которому онъ ручается, что въ два года весь русскій народъ обратитъ въ католичество.

Я знаю духъ народа моего

Говоритъ Димитрій:

Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,
Ему священъ примѣръ царя его.

Но значеніе этихъ словъ тутъ же ослабляется третьей чертою народа:

Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.

Въ этой осторожной фразѣ выражена главная причина разобщенности царя и народа; народъ угнетенъ до того, что онъ сталъ равнодушенъ ко всему, даже къ перемѣнѣ вѣры. Удивительно ли послѣ этого, что его не могутъ глубоко тронуть всѣ милости Бориса, царя, сохраняющаго, какъ ни велики его милости, отмѣну Юрьева дня?

Въ этой роли угнетеннаго до потери политическаго сознанія, до равнодушія къ перемѣнамъ на престолѣ, и выступаетъ народъ неизмѣнно во всей трагедіи, какъ «безсмысленная чернь», которая

Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна.

Такимъ является народъ въ первыхъ сценахъ трагедіи, при избраніи царя Бориса; таковъ же онъ и въ послѣднихъ сценахъ, при воцареніи Лжедимитрія. Пассивно соглашается онъ, по рѣшенію бояръ, на избраніе Лжедимитрія, притворно плачетъ, упрашивая Годунова принять престолъ, а затѣмъ также лицемѣрно привѣтствуетъ новаго царя.

Пушкинъ ярко оттѣняетъ эту пассивность, сопоставляя сначала вой и плачъ народа, затѣмъ привѣтственные клики—съ насмѣшливыми разговорами въ толпѣ: «О чемъ мы плачемъ?—А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре—не намъ чета...

— Всѣ плачутъ—заплачемъ, братъ, и мы...
Что тамъ еще?—Да кто ихъ разберетъ!—
Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

Нѣтъ самостоятельныхъ дѣйствій народа и въ послѣднихъ сценахъ признанія Лжедимитрія и убійства дѣтей Бориса. Народъ опять дѣйствуетъ по указкѣ бояръ. Бояринъ говоритъ рѣчь, приглашая бить челомъ Лжедимитрію, и народъ отвѣчаетъ:

«Что толковать? Боярин правду молвилъ:
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ природный!»

По предложенію мужика, взобравшагося на амвонъ, народъ несется толпою вязать, топить Борисова щенка, но останавливается передъ дворцомъ. Приходятъ бояре. Народъ почтительно разступается. Бояре входятъ въ домъ Борисовъ. Народъ недоумѣваетъ: «Зачѣмъ они пришли?—А, вѣрно, приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова». Выходитъ Мосальскій и объявляетъ неожиданно, что Ѳеодоръ и Марія Годуновы отравились. «Народъ въ ужасѣ молчитъ».

Но послѣ словъ боярина: «Что жъ вы молчите? Кричите: Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!»—народъ, съ обычной пассивностью, кричитъ: «Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!»

Этими словами оканчивалась трагедія въ рукописи до цензуры III отдѣленія и Николая. И эти слова еще сильнѣе оттѣняли почти автоматическую покорность народа внушеніямъ власти, чѣмъ знаменитая фраза: «народъ безмолвствуетъ», которымъ заканчивается печатный текстъ.

Рельефно изображая эту пассивность, равнодушную терпимость народа, Пушкинъ говорилъ не какъ историкъ, а какъ политикъ. И его характеристика народа была вѣрна въ приложеніи къ его собственному времени и къ XVIII вѣку, но она менѣе всего подходила къ эпохѣ его трагедіи. Въ эпоху Бориса Годунова и смутнаго времени народъ «безмолвствовалъ» менѣе, чѣмъ когда-либо. Рѣзкая раз-

общенность между властью и народомъ, въ связи съ культурной разобщенностью верховъ и низовъ общества и въ связи съ усилившимся гнетомъ крѣпостнаго права, опредѣлилась у насъ особенно въ XVIII в. Раньше, въ XVI—XVII вв., эта разобщенность вообще была менѣе рѣзкой, а въ смутное время особенно. Эпоха смуты есть время не равнодушной терпимости, а дѣйствій народа и силы «народнаго мнѣнія». Народъ не безмолвствовалъ, а дѣйствовалъ и при избраніи Бориса. Избирательный соборъ 1598 года, какъ это выяснилъ В. О. Ключевскій, не былъ избирательной комедіей, не былъ игрушкою въ рукахъ Годунова. Соборъ былъ созванъ безъ намѣреннаго подбора членовъ, по установившимся, хотя и очень несовершеннымъ формамъ представительства того времени. Кромѣ бояръ и придворныхъ чиновъ, въ числѣ болѣе 500 представителей, на соборѣ было до 150 горожанъ и московскихъ дворянъ и до 50 тяглыхъ людей. Послѣ долгаго обсужденія, хотя, конечно, не безъ давленія Бориса, державшаго власть въ своихъ рукахъ, соборъ сознательно и согласно избралъ его, какъ человѣка, изъ всѣхъ кандидатовъ на престолъ наиболѣе выдававшагося личными достоинствами и опытностью въ управленіи. Низшіе классы народа, особенно жители Москвы, выступающіе въ первыхъ сценахъ трагедіи Пушкина, тоже не пассивно относились къ избранію въ цари Годунова, такъ какъ за время царствованія Ѳеодора Ивановича онъ, какъ главный правитель, съумѣлъ пріобрѣсти широкую популярность. Картина общаго ликованія при избраніи Бориса, которую рисуетъ Карамзинъ и сходно съ нимъ Соловьевъ, основана на многихъ достовѣрныхъ источникахъ [1]).

1) Въ народной сценѣ трагедіи баба нарочно бросаетъ ребенка на землю, чтобъ онъ плакалъ: «Плачь баловень! (бросаетъ его объ земь; ребенокъ пищитъ). Ну, то то же!» Здѣсь, чтобы оттѣнить лицемѣріе народа, Пушкинъ отступилъ отъ историческихъ источниковъ. У Карамзина онъ прочелъ выписку изъ грамоты: «Жены ссущихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху». Это—совсѣмъ иное; это значитъ, что женщины такъ слезно рыдали, что дѣти падали у нихъ съ рукъ, или что «матери кинули своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика» (Карамзинъ). Не болѣе ли это правдоподобно само по себѣ, (принимая во вниманіе торжественность момента избранія царя и торжественность процессіи іерарховъ), чѣмъ бросаніе бабами грудныхъ дѣтей объ земь, чтобы они плакали?

II.

Равнодушіе народа къ царямъ, къ царямъ именно вообще, а не къ царю Борису, исторически неправильное въ отношеніи ко времени Бориса, составляетъ не узелъ драмы (какъ думалъ Ждановъ), а только фонъ, на которомъ она развивается.

Бѣлинскій, съ шокирующей насъ въ отношеніи Пушкина рѣзкостью, сказалъ, что его Годуновъ «вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару». И въ этомъ Бѣлинскій видѣлъ у Пушкина «рабское» послѣдованіе Карамзину. «Мелодраматичность»—конечно, преувеличеніе, какъ и «рабская» зависимость отъ Карамзина. Но въ существѣ дѣла Бѣлинскій, думается, правъ.

Разсказавъ о торжествѣ избранія Бориса на престолъ, Карамзинъ писалъ: «Сей, человѣческою мудростью надѣленный правитель достигъ престола злодѣйствомъ... Казнь небесная угрожала Царю-преступнику и Царству несчастному».

Эта же неизбѣжность возмездія, гибель, роковымъ образомъ связанная съ преступленіемъ, паденіе Бориса отъ тѣни умерщвленнаго имъ царевича Димитрія—и составляетъ развитіе драмы Пушкина.

Въ первой же сценѣ трагедіи князь Шуйскій увѣренно разсказывалъ объ «ужасномъ злодѣйствѣ» Годунова.

И въ кельѣ Пимена идетъ рѣчь о томъ же:

> Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
> Владыкою себѣ цареубійцу
> Мы нарекли.

Эта сцена заканчивается словами Григорія Отрепьева:

> И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
> Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда,

въ которыхъ Пушкинъ точно перефразируетъ слова Карамзина: «Казнь небесная угрожала царю-преступнику».

Проходитъ пять лѣтъ, и Борисъ гибнетъ. Онъ самъ объясняетъ причину своей гибели въ монологѣ, столь извѣстномъ, что изъ него достаточно напомнить послѣднюю, резюмирующую его, фразу:

> Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Нечистая совѣсть парализуетъ его силы, и онъ не выдерживаетъ борьбы съ самозванцемъ, «тѣнью» убитаго имъ дитяти. Самъ

онъ во-время умеръ; но развязка драмы—въ трагической смерти его сына за преступленіе отца.

Бѣлинскій утверждалъ, что если бы Пушкинъ правильнѣе понялъ тайну историческаго значенія Годунова, то онъ нашелъ бы въ ней иную тему, если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, такую тему, въ которой онъ могъ бы развернуть всю силу своего таланта. Это, конечно, еще вопросъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, противопоставляя карамзинскому и пушкинскому Борису свое пониманіе тайны его историческаго значенія и паденія, Бѣлинскій правильно указалъ на несоотвѣтствіе замысла Пушкина болѣе сложной исторической дѣйствительности. Новѣйшія историческія изслѣдованія подтверждаютъ основныя черты взгляда Бѣлинскаго на Годунова.

«Борисъ Годуновъ — писалъ онъ — не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше своего народа». Трагедія его паденія объясняется отнюдь не мученіями совѣсти: «вѣрно понять Годунова исторически и поэтически значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ, виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или не виновенъ». Такъ именно теперь ставятъ вопросъ историки при изученіи личности Бориса Годунова и причинъ его паденія.

Борисъ Годуновъ, несомнѣнно, былъ замѣчательной личностью, человѣкомъ рѣдкихъ дарованій. Онъ не только удивлялъ современниковъ своимъ умомъ, но и весь онъ, и своей внѣшностью, и своимъ обращеніемъ производилъ на нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ былъ очень привѣтливъ и любезенъ, «свѣтлодушенъ», какъ говорили въ то время. Его «свѣтлодушіе» смягчало, заставляло людей легче признавать ту властность, то право на господство, которое давали ему его умъ и настойчивая воля. Впечатлѣніе отъ этихъ его свойствъ усиливалось его внѣшностью, видной фигурой средняго роста и красотой лица. О личномъ обаяніи Годунова дошло до насъ множество указаній въ различныхъ запискахъ и сказаніяхъ его современниковъ. Въ запискахъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, находимъ настоящіе панегирики его талантамъ; въ русскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ даже у писателей, враждебныхъ ему,—полное признаніе его дарованій, у другихъ—восторженные отзывы.

Восторженную характеристику его даетъ кн. Котыревъ-Ростовскій въ своей «Повѣсти», восхваляющій и его умъ, и благолѣпіе лица, и краснорѣчіе, и благочестіе, и милости, и искусство управленія. «Бысть же той Борисъ—образомъ своимъ и дѣлы множество людей превзошедъ; никто бы ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ во благолѣпіи лица и въ разсуженіи ума его; милостивъ и благочестивъ, паче во многомъ разсуженіи доволенъ, и велерѣчивъ зѣло и въ царствующемъ градѣ многое дивное о себѣ творяше во дни власти своея». Другой русскій писатель дьякъ, Ив. Тимофеевъ въ своемъ «Временникѣ» не находитъ достаточно словъ для похвалъ доброты и милостей Бориса ко всѣмъ безпомощнымъ (въ отвѣтѣхъ всѣмъ сладокъ, безпомощнымъ и вдовицамъ отмститель скоръ), и восхваляетъ его умъ, замѣчая, что у его преемниковъ на престолѣ была только «тѣнь» его разума, какъ «познано» всѣми.

Убіеніе царевича Димитрія никакъ не имѣло того значенія въ жизни Годунова, какое приписывали ему Карамзинъ и слѣдомъ за нимъ Пушкинъ. Вина Годунова въ этомъ дѣлѣ представляется очень сомнительной. Бѣлинскій стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, отрицая его вину. Умный и ловкій Борисъ, искушенный въ придворной интригѣ, не могъ такъ неловко обставить убійство, точно нарочно для того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе, тогда какъ ему ничего не стоило такъ обставить воспитаніе царевича, чтобы онъ преждевременно умеръ или сталъ неспособнымъ къ правленію. Анализъ сказаній современниковъ смуты, сдѣланный проф. С. Ф. Платоновымъ, даетъ новый аргументъ въ пользу мнѣнія, что Борисъ не былъ причастенъ къ убійству царевича. Современники, авторы этихъ сказаній, писали уже послѣ того, какъ при царѣ Василіи Шуйскомъ церковь объявила Димитрія святымъ и офиціально признала убійцею его Бориса Годунова, и, тѣмъ не менѣе, они, какъ ни авторитетенъ былъ для людей этой эпохи голосъ церкви, видимо, съ недовѣріемъ относятся къ легендѣ объ убійствѣ царевича Борисомъ. Это были люди, хорошо знавшіе событія своего времени, и въ ихъ словахъ о дѣлѣ царевича Димитрія чувствуется, что они чего-то не договариваютъ, что они, какъ будто, знаютъ что то такое, о чемъ не считаютъ возможнымъ писать. За исключе-

ніемъ автора «Временника», дьяка Тимофеева, всѣ писатели смутной эпохи, какъ замѣчаетъ Платоновъ, «всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія». Такъ, напримѣръ, Авраамій Палицынъ, обличающій Бориса во многихъ и грѣхахъ и беззаконіяхъ, совершенно упускаетъ упомянуть въ числѣ этихъ беззаконій убійство царевича. «Обрушиваясь на Бориса за его гордыню, подозрительность, насилія, за его неуваженіе къ старымъ обычаямъ и непочтеніе къ святынѣ, Палицынъ,—замѣчаетъ Платоновъ—вовсе забываетъ о смерти маленькаго царевича и, говоря о «началѣ бѣды во всей Россіи», утверждаетъ, что бѣда началась, какъ возмездіе за преслѣдованіе (Борисомъ) Романовыхъ». И даже для тѣхъ, кто, какъ дьякъ Тимофеевъ, повѣривъ іерархамъ, призналъ Бориса виновнымъ въ угличскомъ дѣлѣ, даже для нихъ это темное дѣло казалось несовмѣстимымъ съ обаяніемъ его личности и они терялись въ недоумѣніяхъ. «Какъ ни старается Тимофеевъ—говоритъ Платоновъ—разрѣшить свои недоумѣнія, въ концѣ концовъ онъ сознается, что не успѣлъ разгадать Бориса и понять; «откуду се ему доброе прибысть». «Въ часѣ же смерти его—заключаетъ Тимофеевъ свою рѣчь о Борисѣ — никто же вѣсть, что возодолѣ», и какая сторона его дѣлъ перетянула мѣрила (вѣсы), благія его дѣла или злыя?

III.

Какъ же разрѣшить этотъ вопросъ о личности Бориса и о его «часѣ смерти», который представлялся неразрѣшимымъ дьяку Тимофееву, если то простое рѣшеніе вопроса, какое далъ Карамзинъ и слѣдомъ за нимъ Пушкинъ, а именно гибель Бориса преступника отъ угрызеній совѣсти за убійство царевича, должно быть признано неправильнымъ? Отчего тѣнь царевича Димитрія, такъ легко сорвала порфиру, если не съ него самого, то съ его сына?

Соловьевъ такъ пытался разрѣшить этотъ вопросъ. «Для многихъ въ Московскомъ государствѣ—говоритъ онъ—Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый продолжалъ устраивать въ Русскомъ государствѣ много достохвальныхъ вещей, по прежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами. И несмотря на это онъ палъ потому, что, говорятъ русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли... Послѣ повѣрки ихъ объясненія мы не можемъ не согласиться съ ними... Средства Годунова были велики; но по характеру своему онъ не былъ въ уровень своему положенію». «Если бы тернъ завистной злобы не помрачилъ цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царемъ уподобиться». «Эти слова современника, продолжаетъ Соловьевъ объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ... упрочить себя и потомство свое на престолѣ по неумѣнью нравственно возвыситься въ уровень своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжалъ питать завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ... Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, не умѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ».

Бѣлинскій, съ удивительной проницательностью, далъ болѣе широкое и болѣе правильное объясненіе паденія Годунова. Бѣлинскій имѣлъ въ виду и тѣ отношенія Годунова къ боярству, имѣлъ въ виду тотъ «тернъ завистной злобы», помрачившій добродѣтель Годунова, которымъ Соловьевъ, главнымъ образомъ, объясняетъ его паденіе, какъ видно изъ только что приведенныхъ его словъ. «Сперва онъ крѣпился—говоритъ Бѣлинскій—надѣясь лаской и милостью обезоружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но видя, что это не дѣйствуетъ, не вытерпѣлъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоропостижныхъ смертей. У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и наконецъ не сдѣлаться тираномъ».

Но Бѣлинскій этому «терну завистной

злобы» или, какъ онъ говоритъ, отсутствію въ Годуновѣ «великаго сердца» не придавалъ главнаго значенія, и перенесъ обсужденіе дѣла на болѣе широкую платформу. У Годунова—говоритъ онъ—«былъ только умъ и даровитость, но не было геніальности, тогда какъ судьба его поставила въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима. Будь онъ законный-наслѣдный царь, онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ... Но онъ былъ выскочка (parvenu) и потому долженъ былъ быть геніемъ или пасть... и палъ».

Затѣмъ, вспоминая Петра Великаго, Бѣлинскій говоритъ, что Годунову въ его положеніи необходимо было проявить «творческую силу, присущую организму генія, какъ его инстинктъ», ввести въ жизнь Россіи новые элементы, а онъ «былъ только умнѣе своего времени, но не выше его».

Въ наши дни эти слова Бѣлинскаго о творческой силѣ генія, вносящаго въ жизнь новые элементы, кажутся очень старомодными. Объясняя исторію, мы теперь все сводимъ къ условіямъ развитія, вовсе не придавая значенія вліянію отдѣльныхъ личностей или по меньшей мѣрѣ придавая ему третьестепенное значеніе. И съ этой точки зрѣнія мы не будемъ винить Годунова въ томъ, что онъ не былъ геніемъ.

Но думается, все-таки, что Бѣлинскій стоялъ на правильномъ пути въ объясненіи паденія Годунова. Въ терминахъ господствовавшей въ его время философіи исторіи онъ правильно указалъ на чрезвычайную трудность и сложность его положенія, какъ на главную причину его паденія. Говоря, что «судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность ему была необходима», Бѣлинскій, въ сущности, правильно указалъ на чрезвычайную трудность положенія Годунова, требовавшую отъ него для его спасенія чего то необычайнаго, экстраординарнаго, геніальнаго.

Намъ совершенно неясно посейчасъ, послѣ всѣхъ новыхъ историческихъ изслѣдованій эпохи, что именно необычайное-геніальное долженъ былъ сдѣлать Годуновъ, чтобы укрѣпить свой престолъ, иначе говоря, чтобы остановить надвигавшуюся смуту. Намъ теперь только ясна еще лучше, чѣмъ Бѣлинскому, особенная сложность условій, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать, необычная трудность задачи, выпавшей на его долю. Онъ долженъ былъ предотвратить смутное время или пасть. Смутное время не было случайнымъ, нелѣпымъ броженіемъ, а какъ мы знаемъ теперь послѣ новыхъ изслѣдованій и особенно капитальнаго изслѣдованія Платонова, было вооруженной борьбою сословій, которою разрѣшились соціальныя противорѣчія XVI вѣка, вѣка образованія московскаго государства, осложненныя экономическимъ кризисомъ. Насколько естественно вытекла смута изъ этихъ условій, это лучше всего характеризуетъ тотъ фактъ, что не только смута вообще, но даже нѣкоторыя ея событія предсказывались русскими и иностранцами задолго до ея наступленія. Джильсъ Флетчеръ изъ недолгаго наблюденія московскаго общества при Ѳеодорѣ Ивановичѣ сдѣлалъ выводъ, что дѣло идетъ къ открытому междуусобію, къ гражданской войнѣ, и вѣрно предвидѣлъ, что въ этой борьбѣ рѣшающая роль будетъ принадлежать не знати (боярству) и не народной массѣ, а дворянству [1]).

Русскій авторъ Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, еще при Иванѣ Грозномъ писавшій о грядущей смутѣ, предсказалъ даже частыя смѣны царей въ смутное время: «царіе на своихъ степеняхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися начнутъ».

Борисъ Годуновъ, этотъ умный и ловкій человѣкъ, понималъ близившуюся опасность смуты, предпринималъ крупныя реформы, (какъ, напримѣръ, ограниченіе привилегій-тарханов духовенства и отмѣна Юрьева дня) и жертвуя интересами боярства и крестьянства интересамъ дворянства, правильно искалъ опоры въ томъ самомъ среднемъ сословіи дворянъ и дѣтей боярскихъ, который, вмѣстѣ съ посадскими людьми, вышелъ побѣдителемъ изъ соціальной борьбы смутнаго времени.

И если сынъ его не удержался на престолѣ въ ту эпоху, когда «царіе на своихъ степеняхъ царскихъ» начали «почасту премѣнятися», то причина этому смута, а не «тернъ завистливой злобы», омрачившій добродѣтель Бориса Годунова, и не отмщеніе за кровь младенца царевича, которое лежитъ въ основѣ драматическаго развитія трагедіи Пушкина.

Н. П. Сильванскій.

---

[1]) Флетчеръ говорилъ о войскѣ, но войско и дворянство для того времени почти одно и то же, такъ какъ главную часть войска составляло конное ополченіе «дворянъ и дѣтей боярскихъ».

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

Портретъ Карамзина, приложенный къ 2-му изд. «Исторіи Государства Россійскаго» (Спб. 1818).

Драгоцѣнной для Россіянъ

памяти

Николая Михайловича

КАРАМЗИНА.

Сей трудъ, геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

ОДНО ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ЗАГЛАВІЙ «БОРИСА ГОДУНОВА».

Рамка взята изъ рукописи XVII вѣка, изданной Голышевымъ; надпись стилизована Ѳ. Г. Берентамомъ.

ШУЙСКІЙ и ВОРОТЫНСКІЙ.

Постановка Шишкова (1870).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

20 февраля 1598 года.

Князья Шуйскій и Воротынскій.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
Попрежнему.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское,
Ни Патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что ежели Правитель, въ самомъ дѣлѣ,
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

ШУЙСКІЙ.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, Князь.

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные Князья.

ШУЙСКІЙ.

Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, Князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ Князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ Цари любаго изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ *(глядитъ въ окно)*.

Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы... Но полно.
Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

ОДИНЪ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

ДРУГОЙ.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

ТРЕТІЙ.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

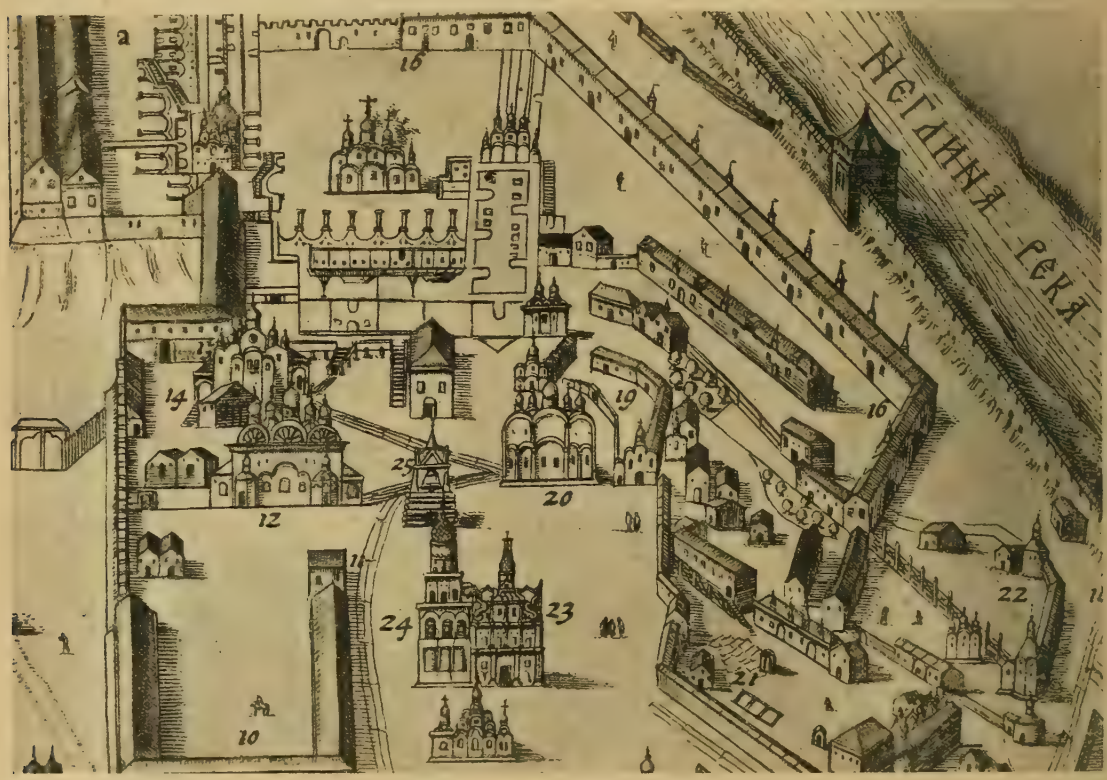
НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думной говоритъ;
Шш—слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ (*съ Краснаго крыльца*).

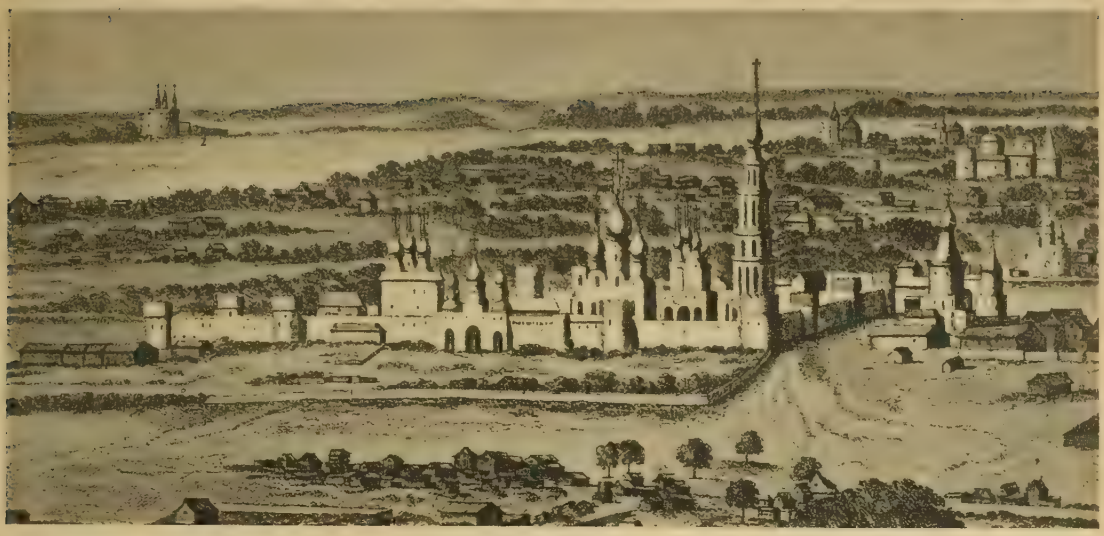
Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь Святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ Иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да Выборные Люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(*Народъ расходится*).



Москва XVII вѣка.

(*Изъ плана XVII вѣка, воспроизведеннаго въ изд. Найденова; Красная площадь обозначена № 14*).



НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.
По рисунку Де-Бруина 1702 года.

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой Бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

БАБА (*съ ребенкомъ*).

Агу! не плачь, не плачь; вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь; смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай! что за шумъ?
Народъ завылъ, тамъ падаютъ, что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ; скорѣе! на колѣни!

НАРОДЪ (*на кольняхъ; вой и плачь*).

Ахъ, смилуйся, Отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

ОДИНЪ (*тихо*).

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ Бояре—
Не намъ чета.

БАБА (*съ ребенкомъ*).

Ну, что жъ? Какъ надо плакать
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, баловень! (*бросаетъ его объ земь, ребенокъ пищитъ*).
Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ;
Заплачемъ братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

ПЕРВЫЙ.

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

ДРУГОЙ.

Нѣтъ, я слюной намажу.
Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ.

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!..
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Со старинная портрета въ кунсткамеръ Академіи Наукъ рисов. Зеленскій. (*Висковатовъ, Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ*).

Постановка Московскаго Художественнаго Театра (1907—1908).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Патріархъ, Бояре.

БОРИСЪ.

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
Наслѣдую и Ангелу-Царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И низпошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей!

БОЯРЕ.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

БОРИСЪ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(*Уходитъ; за нимъ и Бояре*).

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ (*останавливая Шуйскаго*).

Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

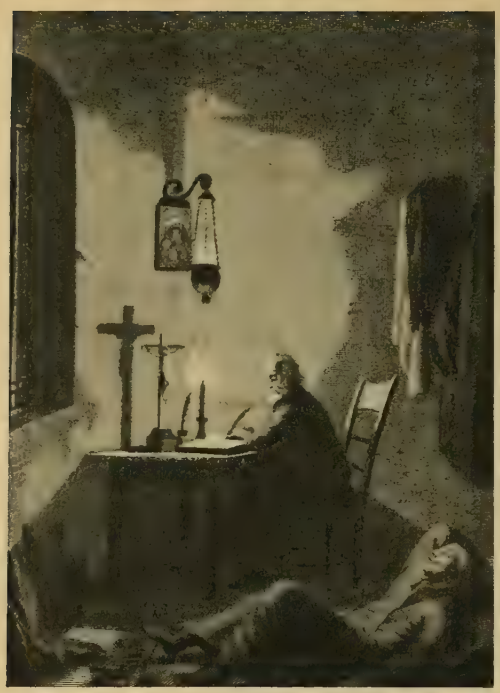
Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ—

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать,
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ—народъ привѣтствуетъ Царя—
Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!



ПИМЕНЪ-ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Гравюра Галактіонова въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (Спб. 1827).

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(*1603 года*).

Отецъ Пименъ, Григорій (*спящій*).
пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною—
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*Пишетъ*).

григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

пименъ.

Проснулся, братъ.

григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно и вовѣки.

григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ

ПИМЕНЪ-ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Рис. В. Васнецова.

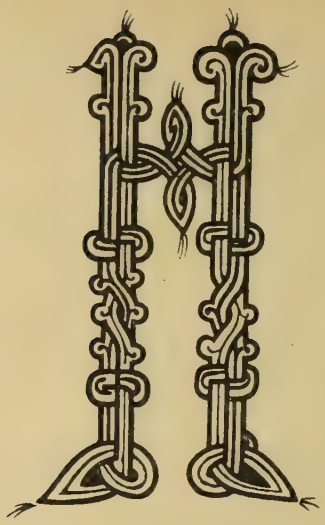
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Щастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ,
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.



ПИМЕНЪ.

е сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромешники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
«Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный,
«Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый Отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ Патріархомъ...,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя...
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Углич
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро въ часъ обѣдни
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ—а тамъ уже весь городъ.

ПИМЕНЪ-ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Картина К. Лебедева. (Музей Академіи Художествъ).

Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ, злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.
(*Уходитъ*).

ГРИГОРІЙ.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи нещастнаго младенца—
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАТРІАРХЪ ІОВЪ.

Гравюра Аѳанасьева изъ собранія Платона Бекетова.

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

ПАТРІАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святый Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРІАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ Дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ, ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ началъ отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога.

ПАТРІАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотеи! что еще выдумалъ! *буду Царемъ на Москвѣ!* ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить Отца-Государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь! *буду Царемъ на Москвѣ!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святый Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ,
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

(*Уходятъ*).

ЦАРЬ (*входитъ*).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но щастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ щастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...

Шаляпинъ въ роли Бориса.

И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, нещастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося;
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги-чернецы, Григорій Отрепьевъ міряниномъ; Хозяйка.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу. (*Уходитъ*).

МИСАИЛЪ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА (*входитъ*).

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Монахи пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню*: «Ты проходишь дорогая и проч.»). (*Григорью*): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку... (*Поетъ*: «Гдѣ неволей добрый молодецъ», и проч.).

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить, какъ мы, милости просимъ—нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

МИСАИЛЪ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда— да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхалъ... (*Идетъ и поетъ*).

ГРИГОРІЙ (*хозяйкѣ*).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы Царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значитъ?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

ГРИГОРІЙ (*про себя*).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!

ВАРЛААМЪ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка; дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка; выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ГРИГОРІЙ (*хозяйкѣ*).

Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ

нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда своротя влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (*Слышенъ шумъ*). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего—чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ...

(*Входятъ Приставы*).

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ *другому*.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (*Монахамъ*) Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ, *Григорью*.

А ты?

МИСАИЛЪ.

Нашъ товарищъ...

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду восвояси.

МИСАИЛЪ.

Такъ ты раздумалъ...

ГРИГОРІЙ *тихо*.

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина—а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ, *тихо*.

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; зато старцы...

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся.—Что, отцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дня трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошёнку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только.—Охъ, плохо! знать, пришли наши послѣднія времена...

ХОЗЯЙКА *плачетъ*.

Господь помилуй и спаси!

Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алёха! при тебѣ ли Царскій Указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ка сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ, слыхалъ ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣглаго еретика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ, *Варлааму*.

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналъ, да разучился.

ПРИСТАВЪ, *Мисаилу.*

А ты?

МИСАИЛЪ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій Указъ.

МИСАИЛЪ.

На что мнѣ его?

ПРИСТАВЪ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.

МИСАИЛЪ.

Я? Помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сей часъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ, *выступаетъ впередъ.*

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ, *даетъ ему Указъ.*

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ, *читаетъ.*

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...»

ПРИСТАВЪ, *Мисаилу.*

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И Царь повелѣлъ изловить его...

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду... (*смотря на Варлаама*) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.»

(*Всѣ глядятъ на Варлаама*).

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ, *вырывая бумагу.*

Отстаньте, б . . . . . дѣти! что я за Гришка? какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (*Читаетъ по складамъ*) «А лѣтъ е-му отъ ро-ду... 20».—Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь 20!

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, 20; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ, *Григорію.*

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(*Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой*).

ВАРЛААМЪ, *продолжаетъ.*

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая.» Да это другъ ужъ не ты ли?

(*Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются, онъ бросается въ окно*).

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

(*Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ*).

СЦЕНА ВЪ КОРЧМѢ (Борисъ Годуновъ).

Картина Г. Г. Мясоѣдова.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

(*Царемъ ;старинный портретъ изъ «Описанія одежды и вооруженія рус. войскъ» Висковатова*).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей. Ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! Ну, гости дорогіе, (*Встаетъ, за нимъ и всѣ*).
Послѣдній ковшъ! Читай молитву мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной—а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Произтекутъ источники на насъ;
И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

ШУЙСКІЙ, *пьетъ*.

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.
(*Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей*).

ПУШКИНЪ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

ШУЙСКІЙ, *слугамъ*.

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ.—Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

ПУШКИНЪ.

Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

ШУЙСКІЙ.

Ну?

ПУШКИНЪ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго... Постой. (*Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ*).
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

ШУЙСКІЙ.

Да это ужъ не ново.

ПУШКИНЪ.

Погоди:
Димитрій живъ.

ШУЙСКІЙ.

Вотъ на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! ну, подлинно чудесно!
И только-то?

ПУШКИНЪ.

Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть.

ПУШКИНЪ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.

ШУЙСКІЙ.

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

ПУШКИНЪ.

Не знаютъ,
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу,
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

ШУЙСКІЙ.

Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

ПУШКИНЪ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецёвъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
И говорятъ, помогу обѣщалъ.

ШУЙСКІЙ.

Все это, братъ, такая кутерма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ)
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать
Правительствомъ подкупленные воры
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! не то, въ Приказъ Холопей.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

ШУЙСКІЙ.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

ПУШКИНЪ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подъ-часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мой развязали...
Прощай же Князь.

ШУЙСКІЙ.

Прощай, братъ, до свиданья.
(*Провожаетъ Пушкина*).

СТАРИННЫЙ КАБИНЕТЪ ВЪ КРЕМЛЕВСКОМЪ ТЕРЕМНОМЪ ДВОРЦѢ.
(*Фотографія Барщевскаго*).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Царевичъ, *чертитъ географическую карту.*
Царевна, Мамка царевны.

КСЕНІЯ, *цалуетъ портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна. (*Входитъ Борисъ*).

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! Зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ѲЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

ѲЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни—
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою—

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.
(*Входитъ Семенъ Годуновъ*).
Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксенiи*). Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.
(*Ксенiя съ мамкою уходятъ*).
Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкiй Князь-Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ—и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сей часъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.
(*Годуновъ уходитъ*).

ЦАРЬ.

Сношенiя съ Литвою! это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...
(*Входитъ Шуйскiй*).
Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКIЙ.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКIЙ, *тихо указывая на Ѳедора*.

Но, Государь...

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскiй. Говори.

ШУЙСКIЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

ЦАРЬ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечёръ гонецъ?

ШУЙСКIЙ.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстiя; иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКIЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКIЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКIЙ.

Конечно, Царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенiю послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрiя воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрiя!.. какъ? этого младенца?
Димитрiя!.. Царевичъ, удались.

ЦАРЕВИЧЪ ѲЕОДОРЪ ПОКАЗЫВАЕТЪ БОРИСУ КАРТУ РОССІИ.

Картина Кившенко.

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

ѲЕОДОРЪ.

Государь,
Дозволишь ли...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(*Ѳеодоръ уходитъ*).
Димитрія!..

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, Государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣны? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ...

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

ШУЙСКІЙ.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

ЦАРЬ.

Довольно, удались.
(*Шуйскій уходитъ*).
Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу—
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха—
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

САМОЗВАНЕЦЪ и КУРБСКІЙ.

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908).

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

Самозванецъ и ратеръ Черниковскій.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признаютъ власть Намѣстника Петра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ;
Твои слова, дѣянья судятъ люди,
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Amen. Кто тамъ!

(*Входитъ слуга*).

Сказать: мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Рускихъ и Поляковъ*).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны Славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны,
Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья. Но кто скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ, *Курбскому.*

Имя громко!
Ты родственникъ Казанскому Герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій...
Руку!
Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да—сына Іоанна!..
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ *бьетъ челомъ.*

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ Царь—и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтеся, безвинные страдальцы—
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ разплатится во всемъ.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
Отъ Козаковъ верхóвыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои Царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцевъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцевъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

ПОЭТЪ (*приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ *подаетъ ему бумагу.*

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ Латинской Музы голосъ,
И я люблю Парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества Піитовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!
Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).
Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я; надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

ВСѢ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Наиболѣе достовѣрный изъ его портретовъ, гравированный въ 1606 г. Лукой Киліаномъ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908).

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

Уборная Марины.

МАРИНА; РУЗЯ УБИРАЕТЪ ЕЕ; СЛУЖАНКИ.

МАРИНА (*передъ зеркаломъ*).

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте—напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА.

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали...
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.
А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.
Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ недаромъ;
Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, панна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,
Забывъ войну, московскій тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
И бѣситъ русскихъ и поляковъ.
Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожою?
Родъ Мнишковъ ничьему еще не уступалъ;
Умомъ—превыше вы похвалъ...
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ—
Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ король
Или французскій королевичъ...
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

Онъ точно—царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА, *вбѣгаетъ*.

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

РУЗЯ.

Сейчасъ, готово все. (*Служанки суетятся*).

МАРИНА (*про себя*).

Мнѣ должно все узнать...

ИСТОРИЧЕСКАЯ МАРИНА МНИШЕКЪ.

Современный (1605) портретъ Снядецкаго.

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

Вишневецкій, Мнишекъ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ...
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.
Ну—думалъ ты, признайся, Вишневецкій,
Что дочь моя Царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса... и думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
Не упускай Димитрія!... и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

(*Музыка играетъ Польской. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ*).

МАРИНА *тихо Димитрію.*

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ я завтра у фонтана.

(*Расходятся. Другая пара*).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Димитрій?

ДАМА.

Какъ! она
Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная Нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(*Новая пара*).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ,
И Царская порода въ немъ видна.

(*Новая пара*).

ДАМА.

Когда жъ походъ?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ Царевичъ.
Готовы мы; но, видно, Панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(*Расходятся; комнаты пустѣютъ*).

МНИШЕКЪ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла
И красота не такъ ужъ весела,
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ открыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ко вдвоемъ
Душистый токъ, струю, какъ жиръ, густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

Польскіе костюмы XVII в.

Рисунки Матейки.

СЦЕНА У ФОНТАНА.

Постановка Шишкова, 1870 г.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ *входитъ.*

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались—я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей—
Но часъ насталъ—и ничего не помню;
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА *входитъ.*

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она!... вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! Вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!
(*Идетъ къ ней*). Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время—
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,

Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой и бурной и невѣрной
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя!

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Щастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной—ты,
Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святаго назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній въ жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему, безумно
Плѣненному моею красотой,
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь—
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно:
Я не хочу дѣлиться съ мертвецёмъ
Любовницей, ему принадлежащей:
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ—и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо—
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О, стыдъ! о горе мнѣ!
(*Молчаніе*).

САМОЗВАНЕЦЪ (*тихо*).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное щастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (*Вслухъ*). Вижу, вижу:
Стыдишься ты не Княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду (*бросается на колѣна*).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилить?

Самозванецъ объясняется въ любви Маринѣ.

(*Рис. Галактіонова къ роману Булгарина «Димитрій Самозванецъ»*).

Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*)

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей,
Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безымянный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, покрайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости—предъ нашимъ Королемъ,
Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, не льзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ Езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
Какъ Царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

САМОЗВАНЕЦЪ, *гордо.*

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,

Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, Князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.

(*Уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ—легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чёртъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(*Портретъ, находившійся въ Самборскомъ замкѣ; теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.*)

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

(*Портретъ, находившійся прежде въ Самборскомъ замкѣ; теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ*)

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, *оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.*

КУРБСКІЙ, *прискакавъ первый.*

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась и въ гробѣ.
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ—гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ—слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надёжу-Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ, *идетъ тихо съ поникшей головой.*

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго Царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРБСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичъ.
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты,
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

КУРБСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(*Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу.*)

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, Патріархъ и бояре.

ЦАРЬ.

Возможно ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

(*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

ЦАРЬ.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога:
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.
Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня садились и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый Самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шёпотъ,
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый Отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРІАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій Государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдётъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишъ ее раздрать—и самъ
Онъ наготой своею посрамится.
Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, я ослѣпъ,
«И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
«До старости: напрасно я лечился
«И зеліемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
«Напрасно я ходилъ на поклоненье
«Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
«Напрасно я изъ кладязей святыхъ
«Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
«Не посылалъ Господь мнѣ изцѣленья.
«Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
«И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
«Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
«А снилися мнѣ только звуки. Разъ
«Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
«Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
«Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья;
«Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
«Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
«Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
«Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
«Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
«И я теперь великій Чудотворецъ.
«Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
«Что жъ? можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
«Мнѣ позднее даруетъ изцѣленье
«Пойду—и въ путь отправился далекій.
«Вотъ Углича достигъ я, прихожу
«Въ святый Соборъ, и слушаю обѣдню,
«И, разгорясь душёй усердной, плачу
«Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
«Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
«Когда народъ сталъ выходить, я внуку
«Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
«Царевича Димитрія. И мальчикъ
«Повелъ меня—и только передъ гробомъ
«Я тихую молитву сотворилъ,
«Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
«И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»
«Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.
Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ Соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Святый Отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилѣжно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданою, столь важной новизною.
Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства—проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре).

ОДИНЪ БОЯРИНЪ, *тихо другому.*

Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

ВТОРОЙ.

Я—признаюсь—не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 декабря).

БИТВА.

ВОИНЫ, *бьютъ въ безпорядкѣ.*

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

(*Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ*).

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons... пошёль назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ БѢГЛЕЦОВЪ.

Самъ *пошёлъ*, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es iſt Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Tudieu il y fait chaud!—Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au col. Qu'en pensez-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

Входятъ нѣмцы.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha! ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(*Нѣмцы строятся*).

Marſch!

НѢМЦЫ, *идутъ.*

Hilf Gott!

(*Сраженіе. Русскіе снова бьютъ*).

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію.

ДИМИТРІЙ, *верхомъ.*

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(*Трубятъ; бьютъ барабаны*).

Польское воинство начала XVII вѣка.

(*Рисунки Матейки*).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и ЮРОДИВЫЙ.
Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Народъ.

ОДИНЪ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

ДРУГОЙ.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

ПЕРВЫЙ.

Что? ужъ проклинали того?

ДРУГОЙ.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ— анаѳема!

ПЕРВЫЙ.

Пускай себѣ проклинаютъ; Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПЕРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ безбожникамъ.

ТРЕТІЙ.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это Юродивый.

(Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами, окруженный мальчишками).

МАЛЬЧИШКИ.

Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... трррр...

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣечку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ, *садится на землю и поетъ.*

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Николка, вставай,
Богу помолися!

(*Мальчишки окружаютъ его снова*).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Здравствуй, Николка, что же ты шапки не снимаешь? (*Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ*). Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣечка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда, ну, покажи.

(*Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ*).

ЮРОДИВЫЙ, *плачетъ.*

Взяли мою копѣечку, обижаютъ Николку.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идетъ!

(*Царь выходитъ изъ Собора, Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре*).

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ Николку.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, Николка!

(*Уходитъ*).

ЮРОДИВЫЙ, *ему вслѣдъ.*

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя-Ирода—Богородица не велитъ.

Царскій выходъ въ XVII вѣкѣ.
(*Изъ атласа къ путешествію Мейерберга*).

СѢВСКЪ.

Самозванецъ, *окруженный своими.*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

ЛЯХЪ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(*Входитъ Русскій плѣнникъ*).

Кто ты?

ПЛѢННИКЪ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ.

Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждутъ меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая, право, притча—
Что день, то казнь. Тюрмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся—глядь—лазутчикъ ужъ и вьется,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

ПЛѢННИКЪ.

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячъ тридцать?

ПЛѢННИКЪ.

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(*Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

САМОЗВАНЕЦЪ (*смѣясь*).

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой. (*Уходитъ*).

ВСѢ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ЛЯХЪ.

Назавтра бой! Ихъ тысячь пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

ДРУГОЙ.

Пустое, другъ: Полякъ
Одинъ пять сотъ Москалей вызвать можетъ.

ПЛѢННИКЪ.

Да, вызовешь! А какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

ЛЯХЪ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (*указывая на свою саблю*) вотъ этимъ бы смирилъ.

ПЛѢННИКЪ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (*показывая кулакъ*), безмозглый!

(*Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются*).

Л Ѣ С Ъ.

Лжедимитрій, Пушкинъ (*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій*).

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь!

ПУШКИНЪ, *про себя.*

Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ,
Объ лошади! когда все наше войско
Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

ПУШКИНЪ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *идетъ къ своему коню.*

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(*Разнуздываетъ и распдлываетъ коня, входятъ нѣсколько Ляховъ*).

Здорово, господа!
Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ;
Гдѣ жъ витязь мой?

ЛЯХЪ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужё! десятаго повѣшу,
Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше,
Я было снялъ передовую рать—
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ
въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь!
(*Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ*).

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его, конечно, Провидѣнье;
И мы друзья не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Басмановъ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ Воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.
(*Входитъ бояринъ*).
Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.
(*Уходитъ*).

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный.
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ Боярству родовому.
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
(*Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ*).

ОДИНЪ.

За лекаремъ!

ДРУГОЙ.

Скорѣе къ Патріарху!

ТРЕТІЙ.

Царевича, Царевича зоветъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(*Царя выносятъ на стулѣ; все Царское семейство, всѣ Бояре*).

ЦАРЬ.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*). Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сей часъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сей часъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую—мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси Боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская—
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать;
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою—
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ *(на колѣняхъ)*.

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входитъ Патріархъ, Святители; за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки, Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ:
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ,
Я Царь еще: внемлите вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цалуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои:.. при гробѣ васъ молю
Ему служитъ усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

(портретъ XVII в. изъ «Корня Россійскихъ Государей»).

Лит. Н. Кадушкина, С.-Пб.

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу...
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала.
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости дарует силу... слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
[illegible]
[illegible]
Почтеннаго породой [illegible]
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью [illegible]
Ты съ малыхъ лѣтъ [illegible]
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя [illegible]
Какъ твоего бл[illegible]
Когда престолъ онъ Грознаго приялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская—
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою —
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ (*на колѣняхъ*).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(*Входитъ Патріархъ, Святители; за ними все бояре. Царицу ведутъ подъ руки, Царевна рыдаетъ*).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ, въ монахи Царь идетъ:
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ,
Я Царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цалуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(*Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ*).

Лит. Н. Кадушина, С.Пб.

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ ВВОДИТЪ ПУШКИНА.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Ѳеодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ:
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ Бояръ—я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
Пустаго мнѣ не говори! я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не Козака ль Карелу, али Мишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячь.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
Что Козаки лишь только села грабятъ,
Что Поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А Русскіе... да что и говорить—
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помогой,
А мнѣніемъ—да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ.
А нынче ль?... нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумной,
Димитрія Царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки удружить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.
(*Уходитъ*).

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣетъ:
Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...
(*Задумывается*).
Сюда! кто тамъ? (*Свищетъ*). Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

Пушкинъ идетъ окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ.
Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ *(на амвонѣ)*.

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. *(Кланяется)*.
Вы знаете, какъ промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо, нѣтъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

(Рисунокъ XVII вѣка изъ атласа къ путешествію Мейерберга).

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцёвъ—и весь честный народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на Царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
Цалуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся, немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ Митрополита,
Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и Государю.

(*Сходитъ. Шумъ народный*).

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

ДИМИТРІЙ ЦАРЬ.

Виньетка Галактіонова къ роману Булгарина «Димитрій Самозванецъ».

ДОМЪ БОРИСОВЪ.

Постановка Шишкова (1869—1870).

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ѲЕОДОРЪ подъ окномъ.

нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ѲЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя; ты на волѣ.

(*Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну*).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Братъ да сестра! бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

ѲЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(*Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шереферединовъ; за ними трое Стрѣльцовъ*).

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(*Они входятъ въ домъ*).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

УБІЕНІЕ ѲЕДОРА ГОДУНОВА.

Рисунокъ Константина Маковскаго.

(«Сѣверное Сіяніе» 1862).

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! Это женской голосъ... Взойдемъ! — Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается.

(*Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ*).

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (*Народъ въ ужасѣ молчитъ*). Что же вы молчите? кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ *безмолвствуетъ.*

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦЪ «БОРИСА ГОДУНОВА».

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Что-жь вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

ЗАЧЕРКНУТАЯ ПУШКИНЫМЪ ВЪ РУКОПИСИ (1825) И НЕ ПОМѢЩЕННАЯ ИМЪ ВЪ ИЗД. 1831 Г. СЦЕНА.

(*Послѣ сцены съ Пименомъ*).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой чернецъ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходитъ, день проходитъ—видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колоколъ.
Днемъ, зѣвая, бродишь, бродишь; дѣлать нечего соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи! Чрезъ ограду, да бѣгомъ.
Міръ великъ: мнѣ путь дорога на четыре стороны,
Поминай, какъ звали.

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы.

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась!
Такъ и быть! Пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ.
Что, когда бы нашъ царевичь изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ: А гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно! не болтай пустова. Мертвыхъ намъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено—
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

ЧЕРНЕЦЪ.

Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты,
Если бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?...

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, ни сколько.

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай: Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ; радъ дивиться чудесамъ и Новизнѣ;
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго Варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Понимаю.

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ.

Рѣшено.
Я Димитрій, я царевичь!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку; будешь царь.

ПУШКИНЪ ВЪ СЕЛѢ МИХАЙЛОВСКОМЪ. (1824—1826).

Высланный изъ Одессы за выраженныя въ перехваченномъ на почтѣ письмѣ мысли объ атеизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключенный изъ службы «за дурное поведеніе», Пушкинъ явился въ Михайловское 9-го августа 1824 года. Уже болѣе четырехъ лѣтъ, со времени первой ссылки изъ Петербурга на югъ весною 1820 года, Пушкинъ находился въ опалѣ, являясь въ глазахъ правительства человѣкомъ подозрительнымъ и опаснымъ. Много пережилъ поэтъ за это время полукочевой жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишиневѣ и въ Одессѣ; немало потратилъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, далекія отъ интересовъ литературы; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на которую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего геніальнаго дарованія. Такимъ именно мѣстомъ явилось для Пушкина, противъ его воли, Михайловское.

Однако, на первое время обстоятельства новой жизни Пушкина сложились для него совершенно неблагопріятно. По его собственному, позднѣйшему, признанію, онъ явился въ деревню уже истомленный «неравной борьбой» и «ожесточенный» (Соч. II, 371) [1]). Новую пищу ожесточенію молодого изгнанника дала его родная семья. Относительно отца и матери Пушкинъ, правда, не могъ предаваться особеннымъ иллюзіямъ, но, все-же, могъ расчитывать и на извѣстное сочувствіе и нравственную поддержку. На дѣлѣ вышло не то. Поводъ къ первому же, весьма крупному, недоразумѣнію подалъ отецъ Пушкина. Маркизъ Ф. О. Паулуччи, лифляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда и Псковская губернія, поручилъ уѣздному опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына и слѣдить за его перепиской, при чемъ въ официальной бумагѣ по этому поводу назвалъ Сергѣя Львовича «однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей»; Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе. Что изъ этого вышло, о томъ менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ деревню, Пушкинъ писалъ Жуковскому 31 окт. 1824 года: отецъ видѣлъ въ сынѣ «чудовище», ограждалъ отъ общенія съ нимъ другихъ дѣтей и даже, въ порывѣ раздраженія, послѣ одного разговора съ сыномъ, объявилъ всему дому, что тотъ хотѣлъ бить отца (VII, 127—128). Въ то же время Пушкинъ писалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу: «Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей» (VII, 126). Мать Пушкина всецѣло стояла на сторонѣ мужа. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было чье-либо дружелюбное вмѣшательство, и оно явилось со стороны Жуковскаго: въ результатѣ, отецъ Пушкина въ ноябрѣ 1824 года со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

Но одиночество поэта оказалось неполнымъ. Въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго лежало село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья владѣлицы, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла сына Алексѣя Николае-

1) Ссылки вездѣ сдѣланы по послѣднему изданію П. А. Ефремова. Т. I — VIII. Спб. 1903—1905.

СЕЛО́ МИХАЙЛОВСКОЕ.

Литографія 40-хъ годовъ изъ коллекціи П. А. Ефремова. Средняго дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ.

вича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксію, а отъ второго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери—Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени наѣзжали молодыя родственницы хозяйки и между ними Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклешова), которой онъ писалъ любовныя стихотворенія, и Анна Петровна Кернъ (рожд. Полторацкая), поразившая Пушкина въ Петербургѣ, незадолго передъ выѣздомъ его изъ столицы, своей красотой и возбудившая въ поэтѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщичья семья, жившая дружно и весело, вполнѣ интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей Пушкиныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже извѣстнаго тогда поэта, должно было возбудить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Вначалѣ знакомство съ Тригорскимъ, повидимому, не показалось для Пушкина особенно привлекательнымъ. Въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ, во французскомъ письмѣ, кн. В. Ѳ. Вяземской о «бѣшенствѣ скуки», которая «пожираетъ» его «глупое существованіе»; о дочеряхъ Осиповой отзывается насмѣшливо и неблагопріятно, а въ началѣ декабря того же года пишетъ сестрѣ Ольгѣ: «твои Троегорскія пріятельницы—несносныя... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы» (VII, 129. 139); но вскорѣ затѣмъ отношенія къ сосѣдямъ мѣняется, и Пушкинъ не только сдѣлался любимымъ и желаннымъ гостемъ въ Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библіотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой Вындомскаго. Видную роль въ этихъ развлеченіяхъ играли и литературныя шалости

большею частію любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ Пушкинъ. Шалости эти находили себѣ пріютъ въ семейныхъ альбомахъ, изъ которыхъ одинъ, принадлежавшій самой хозяйкѣ дома, былъ въ свое время описанъ М. И. Семевскимъ [1]); въ этотъ альбомъ 25 іюня 1825 года вписалъ Пушкинъ свои мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки, вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи къ обитателямъ Тригорскаго. Глубокую и живую привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ Пушкинъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, какъ это можно видѣть, напр., изъ его собственныхъ признаній въ письмахъ къ Осиповой, относящихся къ концу 1835 года (VII, 620. 624).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское представляютъ, кромѣ природы, очень мало такого, что напоминало бы время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Годы и обстоятельства стерли здѣсь живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни Пушкина. Михайловское принадлежитъ теперь казнѣ, будучи пріобрѣтено въ 1899 году отъ сына поэта Г. А. Пушкина, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ къ столѣтію со дня рожденія Пушкина лишь флигель, гдѣ, говорятъ, жила няня поэта, Арина Родіоновна; вещей Пушкина того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то въ настоящее время оно находится во владѣніи семейства бароновъ Вревскихъ; одинъ изъ членовъ этой семьи, Соф. Бор. Вревская была родной дочерью той самой Евпраксіи Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за барона Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году Пушкинъ посвятилъ граціозное стихотвореніе: «Если жизнь тебя обманетъ, не печалься, не сердись!...» По общепринятому предположенію, Евраксія Вульфъ послужила оригиналомъ для созданія образа Татьяны въ «Евгеніи Онѣгинѣ», подобно тому, какъ ея сестра Анна Николаевна считается прототипомъ Ольги. Но сами владѣльцы Тригорскаго теперь тамъ не живутъ, избравши для себя другое имѣніе, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Голубово, гдѣ въ ихъ семьѣ и до сихъ поръ живо хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы «Онѣгина» изд. 1828 года, съ собственноручной надписью Пушкина для Евпраксіи Николаевны: «твоя отъ твоихъ» [1]). Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, видѣвшихъ Пушкина собственными глазами, оставалась къ 1899 году лишь одна Екатерина Ивановна Фокъ, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребыванія поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни [2]).

Та среда, въ которой вращался Пушкинъ въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, если имѣть въ виду его постоянныхъ обитателей, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловское явился Пушкинъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумно-разгульной жизни въ Кишинёвѣ и Одессѣ, то благотворное нравственное вліяніе ея на воспріимчивую натуру поэта будетъ очевидно. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ цѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостьями-родственницами, могло только облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на Пушкина, обуздывая его порывистыя страсти, возбуждая къ поэтической дѣятельности и доставляя ему вполнѣ благопріятную обстановку для отдыха отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая, впрочемъ, не была постоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго кѣмъ-либо изъ прежнихъ товарищей Пушкина и гостей П. А. Осиповой.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на физико-математическомъ факультетѣ). Почти каждыя вакаціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для Пушкина интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начитанности и серьезно-

1) М. Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869, ноябрь, стр. 65—67.

1) В. Острогорскій. Пушкинскій уголокъ земли: «Міръ Божій» 1898, сентябрь, стр. 204—207; Б. Л. Модзалевскій. Поѣздка въ Тригорское въ 1902 году: «Пушкинъ и его современники», вып. I, стр. 6.

2) В. Острогорскій, стр. 227—228.

ПУШКИНЪ ВЪ ДОМИКѢ ИРИНЫ РОДІОНОВНЫ.
Картина В. Максимова.
Домикъ сохранился до настоящаго времени.

сти. Правда, изъ полу-стихотворнаго письма Пушкина къ Вульфу отъ 20-го сентября 1824 года видно, что поэтъ заманивалъ пріятеля на новый пріѣздъ въ Михайловское-Тригорское «полнымъ ящикомъ бутылокъ» и днями, «посвященными любви» (VII, 121—122); однако у нихъ въ дѣйствительности были и другія развлеченія: это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній Пушкина о Вульфѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ (см. V, 577—578).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ выработкѣ неудавшагося плана Пушкина бѣжать за-границу. Еще будучи въ Одессѣ, Пушкинъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Льву Сергѣевичу, что не прочь бы, послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ за-границу, на которыя послѣдовалъ отказъ, «взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь» (VII, 97). Въ Михайловскомъ онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкій кругъ и при условіяхъ болѣе строгаго наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія, неограниченность срока ссылки и опасеніе провести лучшіе годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлекается мыслью о путешествіи за-границу. Подъ вліяніемъ этой мечты Пушкинъ весной 1825 года проситъ Жуковскаго похлопотать о дозволеніи ему поѣхать за-границу для лѣченія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу Пушкина новымъ обращеніемъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе Пушкину лѣчиться и жить нѣкоторое время въ Псковѣ, съ тѣмъ однако, чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами. Такой оборотъ дѣла, конечно, не удовлетворилъ Пушкина, и послѣ этого онъ сталъ думать уже о тайномъ побѣгѣ за границу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Повидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался Пушкинымъ одновременно съ вполнѣ легальными его попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться за границу, на успѣхъ которыхъ онъ мало надѣялся. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ неосторожень и проговаривался о своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ ходили въ Петербургѣ, о чемъ съ досадой писалъ Пушкинъ брату Льву Сер-

гѣевичу еще въ ноябрѣ 1824 года: «мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; да зачѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!» (VII, 140). Послѣднее замѣчаніе было лишь хитростью и объясняется желаніемъ поэта отклонить всякія подозрѣнія о побѣгѣ, такъ какъ около того же времени (24 ноября 1824) Пушкинъ писалъ Жуковскому, въ одномъ черновомъ письмѣ: «стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ» (VII, 134). Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ прощается съ родными мѣстами передъ побѣгомъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года Пушкинъ послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія лѣчиться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о поѣздкѣ за границу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. Н. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который, впрочемъ, посвящена была и П. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила «коляска», будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ, и судьба ея, т.-е. или возвращеніе обратно въ Михайловское, или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое Пушкинымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго «цензора» должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной власти относительно Пушкина, подъ замѣтками «наборщиковъ»—мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ [1]). А хлопоты въ Дерптѣ заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой поѣздкѣ Пушкина знаменитаго тогда хирурга, профессора Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, который бы могъ замолвить слово о Пушкинѣ передъ маркизомъ Паулуччи: для свиданія съ хирургомъ Пушкинъ могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими планами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ государю весной 1825 года: именно на Мойера сталъ дѣйствовать Жуковскій, бывшій его родственникомъ и другомъ и не посвященный въ тайну; имѣя въ виду лишь предполагаемую болѣзнь Пушкина, онъ просилъ Мойера пріѣхать въ Михайловское осмотрѣть Пушкина и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями Пушкина, который вовсе не расположенъ былъ принимать доктора въ Михайловскомъ, а, напротивъ, самъ рвался оттуда и съ досадой писалъ Вульфу: «друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ... Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться» (VII, 223). Въ томъ же смыслѣ, т.-е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ Пушкинъ и самому Мойеру (VII, 200) и Жуковскому, при чемъ поэту приходилось всячески хитрить, увѣрять въ полной ненадобности операціи или въ томъ, что «операція аневризма ничего не значитъ» и что «первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ бы управиться»: «все равно—прибавлялъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому—умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой... Погодимъ, авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. Посидимъ у моря, подождемъ погоды» (VII, 212, 228).

Такимъ образомъ, планъ Пушкина окончился полной неудачей, и онъ продолжалъ оставаться плѣнникомъ Михайловскаго.

Другимъ лицомъ, связывавшимъ Пушкина съ «внѣшнимъ міромъ», былъ товарищъ Вульфа по Дерптскому университету Н. М. Языковъ, студентъ-филологъ въ 1823—1827 годахъ. Личное знакомство обоихъ поэтовъ произошло лѣтомъ 1826 года, когда Языковъ посѣтилъ Тригорское и Михайловское, но какъ поэтъ, Пушкинъ былъ извѣстенъ Языкову, конечно, гораздо раньше, еще въ бытность Языкова студентомъ Горнаго Кадетскаго корпуса (въ Петербургѣ), который онъ оставилъ, не окончивъ курса, въ 1819 году. Въ свою очередь, и Пушкинъ зналъ Языкова по его стихотвореніямъ, начавшимъ появляться въ журналахъ съ 1822 года и сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и читающей публики. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, Пушкинъ въ 1824 году приглашалъ его къ себѣ въ деревню, указывая на «близость» свою къ Языкову въ силу того «сладостнаго союза», который связываетъ «жрецовъ единыхъ музъ»; звалъ Пушкинъ Языкова и въ упомянутомъ письмѣ къ Вульфу отъ 20 сентября 1824 года;

[1]) Анненковъ, П. В. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Ср. Соч. Пушкина, VII, 223. 231.

ЛЮБИМОЕ МѢСТО ПУШКИНА ВЪ ОКРЕСТНОСТИ МИХАЙЛОВСКАГО и ТРИГОРСКАГО.
Рѣка Сороть и озеро.
Картина В. Максимова 1899.

одновременно съ этимъ писала брату и сестра Вульфа, Анна Николаевна, приглашая Языкова зимой въ Тригорское (VII, 122). Но въ 1824 году Языковъ не пріѣхалъ. Весною 1825 года приглашала, черезъ сына, Языкова и П. А. Осипова (VII, 170); однако и въ этомъ году мы его не видимъ въ Тригорскомъ. Къ Пушкину, какъ поэту, Языковъ былъ въ эту пору вполнѣ равнодушенъ, а между тѣмъ Пушкинъ почти въ каждомъ письмѣ къ Вульфу не забывалъ и Языкова (ср. VII, 250). Наконецъ, въ іюнѣ 1826 года Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское и оставался тамъ около мѣсяца, возвратившись въ концѣ іюля въ Дерптъ [1]). Этотъ пріѣздъ Языкова внесъ много оживленія въ лѣтнее времяпровожденіе семьи П. А. Осиповой. А на самого Языкова вся обстановка жизни въ гостепріимно принявшемъ его семействѣ его товарища и особенно близость Пушкина произвели чарующее впечатлѣніе и оставили по себѣ слѣдъ въ его воспоминаніяхъ и въ письмахъ къ друзьямъ, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ эпизодовъ его жизни [1]). Отъ прежняго мнѣнія о Пушкинѣ, какъ поэтѣ, у него не осталось и слѣда, хотя позднѣе, въ 1830-хъ годахъ, Языковъ опять вернулся къ своему болѣе, чѣмъ сдержанному отношенію къ Пушкину, и даже самая смерть поэта не произвела на Языкова, повидимому, особеннаго впечатлѣнія. Но въ 1826 году было не то. Языковъ привѣтствовалъ Пушкина извѣстнымъ стихотвореніемъ отъ 19 августа 1826 года:

«О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы... и т. д. [2]).

[1]) Садовниковъ, Д. Н. Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Историческій Вѣстникъ 1883 № 12, стр. 524.

[1]) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 318—319

[2]) Семевскій. Н. М. Языковъ. 1803—1846. Русскій Архивъ 1867. 722.

Поэтическимъ изображеніемъ посѣщенія Языковымъ Пушкина въ Михайловскомъ является посланіе Языкова къ любимицѣ Пушкина нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, о которой Пушкинъ отзывался, въ письмѣ къ Д. М. Княжевичу, что она «единственная» его «подруга» (VII, 136); но самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ плодомъ пребыванія Языкова въ Тригорскомъ является его извѣстное стихотвореніе «Тригорское», посвященное П. А. Осиповой (1826) [1]. И позднѣе Языковъ не разъ вспоминалъ о счастливыхъ дняхъ своего пребыванія въ Тригорскомъ въ посланіяхъ къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфу [2]. Пушкинъ также надолго сохранилъ воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 1826 года и, попавши 10 лѣтъ спустя въ Михайловское, писалъ оттуда, 14 апрѣля 1836 года, въ самыхъ дружескихъ и трогательныхъ выраженіяхъ, вспоминая старое, Языкову (VII, 636).

Кромѣ Языкова, посѣтили Пушкина въ Михайловскомъ трое его товарищей по Лицею, о которыхъ онъ упоминаетъ въ стихотвореніи «19 октября 1825». Эти трое были—Пущинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

И. И. Пущинъ посѣтилъ Пушкина 11-го января 1825 года и пробылъ у него всего одинъ день, но въ этотъ день они переговорили о многомъ. Пущинъ, между прочимъ, читалъ Пушкину комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума», какъ тогдашнюю литературную новинку, извѣстную пока въ рукописи; по поводу этого чтенія Пушкинъ написалъ А. А. Бестужеву (около 25 янв. 1825) извѣстное письмо, въ которомъ высказалъ весьма мѣткія замѣчанія о знаменитой комедіи (VII, 152—154). Самъ Пущинъ описалъ свое пребываніе у Пушкина въ своихъ «Запискахъ». Художественнымъ памятникомъ этого посѣщенія является извѣстная картина Н. Н. Ге «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ», хотя одна изъ свидѣтельницъ этой эпохи и выразила сомнѣніе въ вѣрности изображенной тутъ внѣшней обстановки житья Пушкина [3]. Пущинъ сдѣлался вскорѣ жертвой событій 14 декабря 1825 года и сосланъ былъ въ Читу. Вѣрный старой товарищеской связи, огорченный Пушкинъ послалъ ему съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей къ своему ссыльному мужу въ Читу, извѣстное посланіе, въ которомъ вспоминаетъ и о посѣщеніи Пущинымъ Михайловскаго (II, 82).

Барона А. А. Дельвига Пушкинъ ждалъ въ своемъ уединеніи съ большимъ нетерпѣніемъ, говоря объ этомъ въ письмахъ къ князю П. А. Вяземскому и брату Льву (VII, 156, 160, 169, 173); послѣднему онъ однажды писалъ: «мочи нѣтъ, хочется Дельвига» (VII, 161). И вотъ въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ пріѣхалъ. Пушкинъ тотчасъ ввелъ этого своего любимѣйшаго товарища по Лицею въ кругъ своихъ знакомыхъ въ Тригорскомъ и былъ очень недоволенъ, что тотъ оставался совершенно равнодушнымъ къ проявленіямъ любезности, которыми старались окружить его молодыя обитательницы Тригорскаго: всему этому предпочиталъ онъ лежать на диванѣ, декламировать стихи и бесѣдовать о литературѣ. Плодомъ его отвѣтной любезности къ обитательницамъ Тригорскаго явилось лишь одно стихотвореніе, вписанное въ альбомъ П. А. Осиповой и воспѣвающее вино и дружбу [1].

Совершенно неожиданнымъ былъ пріѣздъ въ Михайловское князя А. М. Горчакова въ сентябрѣ 1825 года. Но особенной радости это посѣщеніе не доставило поэту: Пушкинъ находилъ Горчакова слишкомъ сухимъ; къ тому же Горчаковъ, повидимому, не сумѣлъ почувствовать тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя испытывалъ поэтъ-изгнанникъ, и отнесся къ Пушкину безъ надлежащаго сочувствія: «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей,—писалъ по этому поводу Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому,—кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я обѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ». Впрочемъ, Пушкинъ читалъ Горчакову нѣсколько сценъ изъ «Бориса Годунова», которымъ онъ въ это время былъ занятъ (VII, 218. 220) [2].

Сношенія съ другими лицами, которыя поддерживалъ Пушкинъ изъ мѣста своего изгнанія, происходили письменно. Это обстоятельство естественнымъ образомъ отразилось на количествѣ и объемѣ писанныхъ Пушкинымъ писемъ изъ Михайловскаго: именно, на время пребыванія здѣсь Пушкина въ продолженіе двухъ лѣтъ приходится

---

[1] Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I. Спб. 1858, стр. 76—80.

[2] Тамъ же, ч. I, 100—101. 105—106. Русскій Архивъ 1867. 733—734, 739—740.

[3] Острогорскій, назв. соч., стр. 227.

[1] Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869, ноябрь, стр. 69.

[2] Ср. въ I т. наст. изд. стр. 230 и слѣд.

ДОМЪ П. А. ОСИПОВОЙ ВЪ ТРИГОРСКОМЪ.
(Снимокъ 1899 г.).

почти четвертая часть всей переписки со стороны Пушкина, между тѣмъ какъ три четверти этой переписки, поскольку она до сихъ поръ извѣстна, падаютъ на остальныя 18 лѣтъ. Письма Пушкина обращены главнымъ образомъ къ брату Льву Сергѣевичу, которому поэтъ давалъ въ Петербургѣ разныя порученія, начиная со своихъ сочиненій и кончая мелкими покупками, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. А. Бестужеву, П. А. Катенину, отчасти Н. А. Полевому и К. Ѳ. Рылѣеву—съ содержаніемъ преимущественно литературнымъ, извѣстіями о своихъ поэтическихъ трудахъ, сужденіями о новыхъ явленіяхъ текущей литературы, порученіями и просьбами касательно изданія собственныхъ сочиненій. Письма къ В. А. Жуковскому почти всѣ имѣютъ характеръ просьбъ о ходатайствѣ объ избавленіи Пушкина изъ заточенія или вообще объ облегченіи его участи въ этомъ смыслѣ; есть дружескія письма къ барону А. А. Дельвигу, В. К. Кюхельбекеру, Н. Н. Раевскому, П. А. Осиповой, упомянутыя выше письма къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову, шутливо-любовныя къ А. П. Кернъ и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Разумѣется, въ дѣйствительности переписка Пушкина не ограничивалась этими лицами; не говоря уже о томъ, что, вѣроятно, не всѣ письма Пушкина за это время сдѣлались достояніемъ печати, можно съ увѣренностью полагать, что по тогдашнему опальному положенію Пушкина, корреспонденція котораго подвергалась бдительному надзору въ Псковѣ, не всѣ его письма доставлялись по назначенію, и не всѣ письма, адресованныя ему, попадали въ его руки; въ одномъ письмѣ къ брату поэтъ замѣчаетъ: «Дельвига письма до меня не доходятъ» (VII, 199).

Несмотря на веселые дни, которые проводилъ Пушкинъ съ пріѣзжими гостями, не смотря на близость Тригорскаго и радушіе его обитательницъ, все-таки въ общемъ жизнь Пушкина въ Михайловскомъ была

уединенной и однообразной. «Знаешь ли мои занятія?—писалъ онъ въ октябрѣ 1824 года брату.—До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія» (VII, 126). Зимой того же года писалъ онъ Д. М. Княжевичу: «Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои, но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна» (VII, 136). Если видѣть въ описаніи жизни Онѣгина, въ IV главѣ романа, автобіографическія черты—къ чему уполномачиваетъ насъ самъ Пушкинъ (въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ начала іюня 1826 года: VII, 254),—то къ сказанному можно прибавить, что жизнь Пушкина въ Михайловскомъ составляли лѣтомъ «прогулки, чтенье, сонъ глубокій... уединенье, тишина», а зимой—опять чтенье, уединенье и иногда посѣщеніе друга (строфы XXXIX, XLIII, XLIV).

Что Пушкину было въ Михайловскомъ «душно», какъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому лѣтомъ 1825 года (VII, 183), объ этомъ можно бы заключить уже изъ тѣхъ рискованныхъ для него приготовленій, которыя дѣлалъ онъ къ своему побѣгу заграницу. Но на это указываютъ и многочисленныя жалобы его въ дружескихъ письмахъ (VII, 188. 229. 237. 241—242. 243 и др.), примѣсь къ которымъ веселой шутки и ироніи нисколько не ослабляетъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внутренняго содержанія этихъ жалобъ.

Невольное уединеніе и досугъ Пушкина въ Михайловскомъ давали ему возможность много и серьезно читать. «Книгъ, ради Бога книгъ!» проситъ онъ брата въ октябрѣ 1824 года (VII, 124), и затѣмъ эти просьбы о присылкѣ ему книгъ повторяются много разъ въ письмахъ къ Льву Сергѣевичу, при чемъ дважды напоминаетъ онъ о присылкѣ ему французской Библіи (VII, 130—131. 132. 138. 139. 157. 160—161. 171—172. 175). «Мнѣ нуженъ англійскій языкъ—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!» (VII, 224), а въ другомъ письмѣ, къ А. А. Бестужеву, къ этому прибавляетъ: «ты, да кажется Вяземскій одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить» (VII, 232—233).

Однимъ изъ счастливыхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ невольнымъ пребываніемъ Пушкина въ Михайловскомъ, біографами признается то, что онъ спасся отъ гибельныхъ послѣдствій 14 декабря 1825 года. Возможно, конечно, что будь Пушкинъ въ это время въ Петербургѣ, онъ, быть можетъ, раздѣлилъ бы участь нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, бывшихъ усердными и дѣятельными участниками заговора (ср. VII, 241), хотя и называлъ себя въ одномъ изъ дружескихъ писемъ этого времени «человѣкомъ мирнымъ» (VII, 242); неясныя и отрывочныя извѣстія объ участи заговорщиковъ, доходившія до Пушкина, волновали его чрезвычайно [1]); однако, придавать особенно большую вѣроятность такому предположенію все-таки нельзя: въ Пушкинѣ этой поры не было въ наличности данныхъ для серьезнаго участія въ дѣлѣ, его «либерализмъ» не былъ особенно глубокимъ, а экспансивность пылкой натуры заставляла заговорщиковъ воздерживаться отъ сообщенія ему опасной тайны [2]).

Перемѣна царствованія окрылила надежды Пушкина на полученіе свободы, и онъ началъ новыя хлопоты. Желая «вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ», какъ онъ писалъ бар. А. А. Дельвигу въ январѣ 1826 года (VII, 243), Пушкинъ въ маѣ того же года подалъ черезъ Псковскаго гражданскаго губернатора барона Адеркаса на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ «съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить» своими мнѣніями «общепринятому порядку» просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы (VII, 250—251). Николай счелъ возможнымъ исполнить просьбу Пушкина и 28 августа 1826 года подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ представленъ государю въ Чудовомъ дворцѣ.

Такъ кончилось двухгодичное заточеніе Пушкина въ Михайловскомъ.

---

[1]) Стоюнинъ, В. Пушкинъ, стр. 278—279.

[2]) Ср. дальше статью «Пушкинъ и Декабристы». *Ред.*

ОСТАТКИ ТРИГОРСКОЙ БАНИ, ВЪ КОТОРОЙ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.
Картина В. Максимова (1898).

По отношенію къ поэтическому творчеству Пушкина время, проведенное имъ въ Михайловскомъ, было весьма плодотворно. Тутъ въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи созрѣвали творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая сила его геніальнаго дарованія.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній Михайловскаго періода стоитъ «Борисъ Годуновъ». Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму Пушкина кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 года (VII, 193). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но въ октябрѣ того же года Пушкинъ писалъ тому же лицу: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ!...» (VII, 229). Извѣстны сохранившіяся въ черновыхъ бумагахъ Пушкина отрывочныя замѣтки позднѣйшихъ годовъ, гдѣ онъ указываетъ на три главныхъ источника для своей трагедіи (которую онъ называетъ также «комедіей» и «драмой»)—Шекспира, Карамзина и старыя лѣтописи: Шекспиру онъ подражалъ «въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ», Карамзину слѣдовалъ «въ свѣтломъ развитіи происшествій», а въ лѣтописяхъ «старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени» (V, 428). Позднѣйшая критика вполнѣ подтвердила эти точныя и совершенно опредѣленныя указанія Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ показала вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился поэтъ къ своимъ источникамъ; зависимость отъ нихъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя изъ нихъ данныя онъ претворялъ и перерабатывалъ въ своемъ творческомъ сознаніи и представилъ, въ концѣ концовъ, трудъ и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно само-

стоятельный. Зависимость отъ Карамзина, о которой говоритъ самъ Пушкинъ и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и Бѣлинскій, въ смыслѣ почти простого пересказа Пушкинымъ нѣкоторыхъ страницъ X и XI томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», теперь, приближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не столь близкою и, напротивъ, обнаруживаетъ независимое отношеніе Пушкина къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполнялъ другими источниками, шедшими иногда даже въ противорѣчіе съ разсказомъ Карамзина [1]). Это свидѣтельствуетъ о самомъ серьезномъ отношеніи Пушкина къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ: «писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладится дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ» (V, 427—428). И тѣмъ не менѣе Пушкинъ опасался неуспѣха своей трагедіи; въ этомъ онъ оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія [2]), трагедія увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ въ печати нашла далеко не единодушное пониманіе какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Работа надъ «Борисомъ Годуновымъ», въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, находилась въ извѣстной связи со стремленіями Пушкина проникнуть въ окружавшую его дѣйствительную народную жизнь. Анненковъ категорически свидѣтельствуетъ о такихъ попыткахъ [3]), и, повидимому, плодомъ ихъ явился тотъ именно сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству Кирѣевскаго, переданъ былъ ему Пушкинымъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевскаго произведеній народной поэзіи, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позднѣе, а также и тѣ, «полународныя, полувыдуманныя произведенія», какъ выражается Анненковъ, въ которыхъ мы находимъ «смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ»: таковы, напр., стихотворенія «Только на проталинкахъ весенних», «Колокольчики звенятъ» и др.

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ «Евгеній Онѣгинъ». Какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній Пушкина, романъ этотъ писался имъ въ теченіе десяти лѣтъ: начатъ въ 1822 году и оконченъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это центральное произведеніе Пушкина, четыре написаны въ Михайловскомъ: именно третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Лариныхъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, поединокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разныя времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія Пушкина надъ окружавшей его жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что же касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже выше приведено было предположеніе о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ Пушкинымъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Евпраксія и Анна Николаевны Вульфъ [2]). Участіе живыхъ впечатлѣній поэта отъ окружающаго въ процессѣ созданія «Евгенія Онѣгина» подтверждается и сообщеніями А. Н. Вульфа въ его дневникѣ, причемъ прототипъ Ленскаго онъ усматриваетъ въ самомъ себѣ [3]). Связь няни Татьяны съ реальнымъ образомъ Арины Родіоновны общеизвѣстна. Отдѣльныя главы «Евгенія Онѣгина» выходили въ печати постепенно съ 1825 по

[1]) Ждановъ, И. Н. О драмѣ А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ». Спб. 1892, стр. 12. Ср. выше предисловія къ «Борису Годунову»

[2]) Исторія эта разсказана по документамъ акад. М. И. Сухомлиновымъ въ ст. «Императоръ Николай Павловичъ критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина»: Изслѣдованія и статьи, II, стр. 218—235.

[3]) Матеріалы, 2 изд., стр. 144.

[1]) Объ этнографическихъ занятіяхъ Пушкина подробнѣе см. въ соч. проф. Вс. Миллера: Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ. М. 1899 (Ср. дальше въ наст. изд. статью Н. Н. Трубицына. *Ред.*)

[2]) Предположеніе это ведетъ свое начало отъ П. В. Анненкова (Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279); разница только въ томъ, что Анненковъ предполагалъ оригиналъ Татьяны въ Евпраксіи, а Ольги въ Аннѣ. Ср. Соч. Пушкина III, 336, 405.

[3]) Майковъ, Л. Н. А. Н. Вульфъ и его Дневникъ. Русская Старина 1899 № 3, стр. 531, и его книга: Пушкинъ. Спб. 1899, стр. 199.

1832 годъ; въ неразрѣзанные листы второй главы, вышедшей въ 1826 году, Пушкинъ вложилъ и поднесъ въ Тригорскомъ А. П. Кернъ свое знаменитое поэтическое признаніе «Я помню чудное мгновенье...», составляющее одинъ изъ перловъ Пушкинской лирики по внутреннему изяществу и красотѣ поэтическаго выраженія.

Изъ менѣе значительныхъ произведеній, написанныхъ въ Михайловскомъ, должны быть названы «Графъ Нулинъ», «Женихъ», нѣсколько экскурсовъ въ область иностранныхъ литературъ въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ произведеній въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ лирическія стихотворенія и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

Въ «Графѣ Нулинѣ» есть одно «лирическое мѣсто», носящее на себѣ явные слѣды личныхъ впечатлѣній поэта-изгнанника (III, 168: «Кто долго жилъ въ глуши печальной...» и т. д.), а стихотвореніе «Женихъ» есть поэтическій пересказъ простонародной сказки, м. б. слышанной Пушкинымъ отъ своей няни [1]).

Крестьянинъ изъ окрестностей Михайловскаго.
Этюдъ В. Максимова. (1872).

Въ Михайловскомъ Пушкинъ усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта. Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и въ память котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе «Андрей Шенье» (1825). Пытался перелагать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825) и написалъ весьма замѣчательную «Сцену изъ Фауста», (1826), навѣянную мыслью о знаменитой поэмѣ великаго германскаго поэта. Несмотря на поклоненіе Гёте, нашедшее себѣ выраженіе въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Пушкина (V, 402, 414; VII, 183, 296), нашъ поэтъ сумѣлъ взглянуть на поэму Гёте собственными глазами. Пушкинъ устами Мефистофеля раскрываетъ передъ Фаустомъ всю глубину его безпощаднаго эгоизма по отношенію къ Маргаритѣ и тѣмъ вызываетъ въ немъ тяжелые упреки и мученія совѣсти. Но вообще Пушкинъ никогда близко не стоялъ къ интересамъ нѣмецкой литературы и, повидимому, зналъ ее мало. Именно, въ Михайловскомъ, въ обществѣ А. Н. Вульфа, онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, ближе подойти къ этимъ интересамъ, но этого не случилось; въ Тригорскомъ нѣмецкіе литературные интересы также не играли большой роли и всецѣло заслонялись французскими, о чемъ можно судить отчасти и по составу библіотеки Тригорскаго, сохранившей, при всѣхъ своихъ позднѣйшихъ перемѣнахъ, общій характеръ времени Пушкина [1]).

Попыткой углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина первый набросокъ стихотворенія «Клеопатра» (1825), который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повѣсть изъ древнеримской жизни, а потомъ въ повѣсть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта; результатомъ этого явились отрывки «Египетскихъ ночей», надъ которыми Пушкинъ работалъ позднѣе (1835) и которыя все-таки оставилъ неоконченными. Пушкинъ именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта для болѣе яркаго изображенія современной ему русской жизни. И хотя, по неоконченности произведенія, послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе «Клеопатра» представляетъ собою, нѣчто въ высшей степени совершенное по глубокому вдохно-

[1]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 113; Сумцовъ, Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина: Харьковскій университетскій Сборникъ въ память Пушкина. X. 1900, стр. 277—278.

[1]) Б. Модзалевскій. Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 году: «Пушкинъ и его современники», вып. I (1903), стр. 19—52.

венію, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть доступна лишь вполнѣ возмужавшему поэтическому генію. Чрезвычайно близко подходятъ къ этому идеалу поэтическаго проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній Пушкина, объединенныхъ общимъ именемъ «Подражаніе Корану» (1824) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой; съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Магомета со всей ея наивной глубиной и риторическимъ паѳосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ Пушкинымъ въ Михайловскомъ, то, кромѣ упомянутыхъ, здѣсь можно указать еще на отголоски завязавшихся на югѣ нѣжныхъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиной искренняго чувства дышатъ стихотворенія «Сожженное письмо» и «Желаніе славы» (оба—1825), въ которыхъ Пушкинъ отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ (повидимому, къ графинѣ Е. К. Воронцовой), съ которой силою обстоятельствъ ему пришлось разстаться. Къ этой же категоріи должна быть отнесена, по характеру внушившаго ее чувства, элегія «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» (1825 или 1826), написанная на смерть г-жи Ризничъ, волновавшей воображеніе поэта даже послѣ своей смерти [1]). Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому настроенію и нѣжности колорита, безспорно, одно изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкинскаго пера. Нѣсколько инымъ характеромъ отличалось увлеченіе Пушкина одной изъ пріѣзжихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшее изъ-подъ пера Пушкина упомянутое стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье...». Совершенно искреннее психологически, оно однако не должно быть использовано въ качествѣ біографическаго матеріала безъ особыхъ оговорокъ.

Въ стихотвореніяхъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (1824) и «Пророкъ» (1826) Пушкинъ раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія и, если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы сдается на доводы практицизма, то во второмъ, далекій отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ предъ нами въ великой роли вдохновеннаго и властнаго проповѣдника

Весьма характерной для общаго настроенія Пушкина въ Михайловскомъ является его «Вакхическая пѣсня», въ которой поэтъ сумѣлъ сочетать молодое увлеченіе виномъ и «нѣжными дѣвами» съ возвышенной идеей служенія «музамъ» и «безсмертному солнцу ума».

Наконецъ, въ прозѣ, за время своего пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ не представилъ ничего особенно замѣчательнаго: это—или краткія журнальныя статьи, или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи. Отсутствіе значительныхъ поэтическихъ трудовъ въ прозѣ показываетъ, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позднѣе, и, идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться почти исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соотвѣтствующей той ступени поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что до насъ, повидимому, не дошли, за исключеніемъ небольшого отрывка (V, 389—392), «Записки» Пушкина, которыя онъ велъ въ пору своей жизни въ Михайловскомъ (ср. письмо къ брату Льву въ октябрѣ 1824 года: Соч. VII, 126), но куда онѣ дѣлись—мы не знаемъ; Предполагаютъ, что поэтъ сжегъ ихъ подъ давленіемъ извѣстій о декабрьскомъ возстаніи 825 года.

* *
*

Таковы были, въ общихъ чертахъ, факты и обстановка личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина во время его невольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Разбираясь теперь въ этихъ данныхъ, мы можемъ видѣть, что поворотъ судьбы, приведшій Пушкина въ его деревенское уединеніе, оказался для него благо

[1]) Незеленовъ, А., цитир. соч., стр. 146 150. Ср. П. Щеголевъ. Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина. Вѣстникъ Европы 1904, № 1, стр. 310, 317—320.

Типы крестьянъ окрестностей Михайловскаго.
Старикъ Алексѣй, хорошо помнившій (1899) Пушкина.
Портретъ В. Максимова.

творнымъ. Отдавши дань «легкой юности», онъ «дружно простился» съ этимъ уже отошедшимъ въ прошлое періодомъ своей жизни и «съ ясной душою» пустился въ «новый путь» (IV, 167), но не для того, конечно, чтобы «отдохнуть»—духовныя силы Пушкина тогда только что вполнѣ окрѣпли,—а чтобы выступить на новую работу. Въ тиши уединенія въ Михайловскомъ страстные элементы богатой духовной натуры Пушкина какъ бы отстоялись: «мутно-чувственное» опустилось внизъ, чтобы возникать потомъ лишь въ исключительные моменты его тревожнаго будущаго, а все лучшее прояснилось, войдя въ качествѣ основнаго элемента въ составъ его богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ много учился путемъ серьезнаго чтенія, пополняя этимъ умственные дефекты своего «проклятаго» воспитанія; тутъ онъ имѣлъ возможность сблизиться съ народной средой, съ которой, какъ поэтъ, онъ всегда потомъ жилъ—посредственно или непосредственно—въ тѣсномъ духовномъ общеніи. Совершенно естественно, что и въ литературной работѣ Пушкина вполнѣ опредѣленно сказалось благотворное вліяніе такого самовоспитанія, когда его творческій геній получилъ послѣднюю чеканку въ сферѣ сосредоточеннаго, спокойнаго, вдумчиваго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной поэтической цѣнности, лежала еще печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона, Пушкинъ

оказывается здѣсь въ состояніи предпочесть ему Шекспира и народную поэзію и оставляетъ Михайловское творцомъ «Бориса Годунова», лучшей части «Евгенія Онѣгина» и «Пророка». Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже вполнѣ серьезный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго, сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ и заключается именно та историческая важность, которая придается въ жизни и дѣятельности Пушкина порѣ его пребыванія въ «уголкѣ земли», гдѣ, по его собственному позднѣйшему признанію, онъ провелъ «отшельникомъ два года незамѣтныхъ».— Незамѣтныхъ именно для самого поэта въ силу глубокой сосредоточенности его духа въ творческой работѣ, но рѣзко замѣтныхъ для біографа Пушкина и историка литературы.

Евг. Пѣтуховъ.

ИРИНА РОДІОНОВНА.

Картина В. Максимова.

454. ВЪ ГЛУШИ, ИЗМУЧАСЬ ЖИЗНЬЮ ПОСТНОЙ.

(Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому).

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю—сижу . . . . . .
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И только за большою нуждой
Но твой затѣйливый . . . . . .
Пріятно мнѣ щекотить носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей
И духъ мой снова нозываетъ
Ко . . . . . прежнихъ дней.

455. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ.
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ.
Рисунокъ Апол. Васнецова.

456. 19 ОКТЯБРЯ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле,
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.
Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.
Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не дощитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!
Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!
Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское-село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,

О Дельвигъ мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.
Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.
Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?
Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди, огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.
Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!
И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.
Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведётъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

457. ПРЕДЪ РЫЦАРЕМЪ БЛЕСТИТЪ ВОДА.

(Неотдѣланный переводъ 100—112 октавъ XXIII пѣсни «Orlando Furioso» Аріосто).

Предъ рыцаремъ блеститъ вода,—
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.
Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ...
Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.
Орландъ ихъ имена читаетъ,
Соединенны вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.
Но (вскорѣ), витязь, молвишь ты:
Однако жъ, эти мнѣ черты
Знакомы... (разумѣю):
Медоръ сей вымышленъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Она [быть можетъ] вспоминала
Такъ, правду басней замѣня,
Онъ мыслитъ, что (судьбѣ) поможетъ.
Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ больше злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ. —
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, (тѣмъ) сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ [ней]
Орландъ идетъ туда, гдѣ (своды)
(Гора склонила на ручей).
Кривой, бродящей повиликой
Завѣшенъ былъ (тѣнистый?) входъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
(Въ день жаркій), въ (тихій?) часъ досуга,
Вздыхать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена [кругомъ?]
Древа, утесы сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Они (повсюду) начертали.
Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись—въ похвалу забавъ.
(Медоръ) ее рукою томной
[Въ тѣ дни] стихами начерталъ—
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-Арабски написалъ—
И вотъ ихъ точное значенье:
«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни—
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дщерью Голофрона,
Любимой многими—порой
Я зналъ утѣхи Купидона!...
Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу—
Хвалой и просьбою смиренной!
«Господъ любовниковъ молю,
Дамъ, рыцарей и всевозможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ и дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ Нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада».
Графъ точно такъ, какъ по-Латынѣ,
Зналъ по-Арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!
Два, три раза, и пять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;

Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что́ есть,
Онъ правду видитъ очень ясно
И нестерпимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно—
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

458. СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

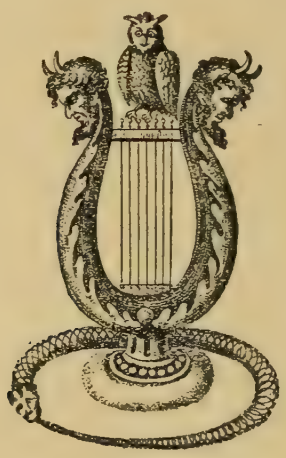
Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.
На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,
И являлася она
У дверей, иль у окна,
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.
Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.
Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,
На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ (ней) цвѣточки сѣялъ.
Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ,
(И я пѣлъ), (ее) встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцая:
«Дѣвы, радости моей,
Нѣтъ,—на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
Кто посмѣетъ—подъ луною
Спорить въ щастіи со мною?
Не завидую Царямъ,
Не завидую богамъ—
Какъ увижу очи томны,
(Стройный) станъ и косы тёмны».
Такъ я пѣлъ, бывало, ей—
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось...
Но блаженство миновалось!
Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я,—
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

Gonzago.

459. Я НЕ РОЖДЕНЪ СВЯТЫНЮ СЛАВОСЛОВИТЬ.

(Начало перевода «Дѣвственницы» Вольтера).

Я не рожденъ святыню славословить,
Мой слабый гласъ не взыдетъ до небесъ;
Но долженъ я васъ нынѣ приготовить
Къ услышанью Іоанниныхъ чудесъ.
Она спасла французскія лилеи;
Въ бояхъ ея дѣвической рукой
Поражены заморскіе злодѣи.
Могучею блистая красотой
Она была подъ юпкою герой.
Я признаюсь,—вечернею порой
Милѣе мнѣ смиренная дѣвица—
Послушная, какъ агнецъ полевой;
Іоанна же была душою львица,
Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ
Являлася всѣхъ витязей славнѣе
И что всего чудеснѣе, труднѣе
Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.
О ты пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
Сѣдой пѣвецъ, чьи хриплые напѣвы,
Нестройный умъ и безтолковый вкусъ
Въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ
Хотѣлъ бы ты, о стихотворецъ хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый
Кому-нибудь изъ модныхъ риѳмачей.



ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Въ началѣ марта 1826 г. Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу по поводу предложеній книгопродавцевъ о новомъ изданіи своихъ стихотвореній: «Знаешь ли? ужь если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ... Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ».

Повѣсть эта, оконченная, какъ видно изъ черновой рукописи, 13 декабря 1825 г., первоначально была озаглавлена: «Новый Тарквиній». Происхожденіемъ своимъ она обязана забавной мысли, которую самъ поэтъ разсказываетъ на уцѣлѣвшемъ среди его бумагъ клочкѣ:

«Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бъ его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы,—и міръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть».

Имя Публиколы, въ поэмѣ Шекспира вовсе не упоминаемое, поставлено Пушкинымъ въ этой замѣткѣ, конечно, по ошибкѣ вмѣсто имени Коллатина, мужа Лукреціи, который «взбѣсился» послѣ того, какъ его жена, обезчещенная Тарквиніемъ, зарѣзалась, разсказавъ обо всемъ, съ нею случившемся; результатомъ этого «бѣшенства» и было, какъ извѣстно изъ легенды Ливія, изгнаніе римскихъ царей. Соблазнившись мыслью о томъ, «что было бы, если бы...» и желаніемъ «пародировать исторію и Шекспира», поэтъ, однако, сразу отказался отъ намѣренія остаться въ пародіи на исторической почвѣ, какъ это сдѣлалъ, напр., Вольтеръ въ своей Дѣвственницѣ. Онъ перенесъ дѣйствіе въ обстановку современной русской помѣщичьей жизни, въ ту самую обстановку, которая окружала его во время написанія этой повѣсти, и далъ не столько, собственно говоря, пародію, сколько новую варіацію на шекспировскую тему. Ближайшее сравненіе Графа Нулина съ Лукреціей показываетъ, что въ расположеніи отдѣльныхъ частей своей повѣсти Пушкинъ, дѣйствительно, слѣдовалъ Шекспиру, отступая тамъ, гдѣ это было необходимо по измѣнившимся взглядамъ эпохи и условіямъ жизни. У Шекспира Тарквиній, согласно легендѣ Ливія и Овидія, пріѣзжаетъ къ Лукреціи изъ лагеря подъ Ардеей, гдѣ находится ея мужъ, Коллатинъ,—пріѣзжаетъ уже съ тайною цѣлью овладѣть ею, возбужденный разсказами мужа объ ея красотѣ и цѣломудріи. Графъ Нулинъ становится гостемъ Натальи Павловны случайно, благодаря поломкѣ экипажа, а ея мужъ отсутствуетъ такъ же случайно, благодаря охотѣ. Далѣе, Тарквиній въ гостяхъ у Лукреціи бесѣдуетъ съ нею о Коллатинѣ и наблюдаетъ за выраженіемъ ея чувствъ къ отсутствующему супругу; Нулинъ разсказываетъ о Парижѣ, о новыхъ модахъ и пр., поетъ шансонетку, болтаетъ всякій вздоръ. Прощаясь передъ отходомъ ко сну, Лукреція подаетъ Тарквинію руку,—въ благодарность за утѣшительныя вѣсти о мужѣ,—и Тарквиній вспоминаетъ объ этомъ рукопожатіи вовсе не затѣмъ, чтобы истолковать его какъ кокетливый намекъ:

> Онъ говоритъ: «Она коснулась нынѣ
> Моей руки, смотрѣла мнѣ въ глаза,
> Когда я говорилъ о Коллатинѣ;
> Страхъ за него смѣняла въ ней слеза,
> . . . . . .
> Ея рука въ моей рукѣ дрожала..*)

Наталья Павловна «тихонько жметъ» руку графу, конечно, вовсе не въ томъ настроеніи, въ какомъ Шекспиръ изображаетъ свою героиню. Затѣмъ у Пушкина слѣдуютъ сцены раздѣванья и укладыванья въ постели Натальи Павловны и графа,

*) Пер. А. М. Ѳедорова, Шекспиръ, подъ ред. С. А. Венгерова, Т. V, стр. 360.

обставленныя разными бытовыми подробностями. Конечно, у Шекспира ничего подобнаго и быть не могло. Англійскій поэтъ прямо переходитъ къ изображенію душевнаго состоянія своего героя. Тарквиній въ длинномъ монологѣ подробно передаетъ обуревающія его противоположныя чувства,—борьбу рыцарской чести съ вожделѣніемъ, осыпаетъ себя упреками, говоритъ, что онъ «опозоритъ свой гербъ» и т. д., но въ то же время уже приближается къ комнатѣ Лукреціи и, наконецъ, преодолѣвая свое смущеніе и всѣ препятствія, входитъ въ спальню. Любопытно отмѣтить нѣсколько мелкихъ совпаденій въ описаніи этого ночного шествія обоихъ героевъ: Лукреція, вставъ съ своей постели, кое-какъ перебросивъ черезъ плечо плащъ; Нулинъ отправляется въ путь,

на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ.

На пути Тарквинія двери своимъ скрипомъ предупреждаютъ о несчастіи; Нулинъ «трепещетъ, если полъ подъ нимъ вдругъ заскрипитъ». Тарквинія, созерцающаго красоту спящей Лукреціи, Шекспиръ сравниваетъ со львомъ, ласкающимъ свою добычу, а дальше, передавая настойчивыя требованія и угрозы Тарквинія и мольбы Лукреціи, сравниваетъ его съ котомъ, который «только забавляется, когда въ его крѣпко сжатыхъ когтяхъ бьется безсильная мышка». У Пушкина мы находимъ также сравненіе съ котомъ, но относящееся къ болѣе раннему моменту,—когда графъ только что отправляется въ путь. Это сравненіе, близко напомнающее другое,—съ «хищнымъ волкомъ», которымъ Пушкинъ воспользовался при изображеніи соблазнителя въ XIII строфѣ 1-й главы Онѣгина*), конечно, могло быть навѣяно и Шекспиромъ; но оно ближе подходитъ къ стихамъ изъ «Pucelle d'Orlèans» Вольтера:

Ainsi qu'un chat, qui d'un regard avide
Guette au passage une souris timide,
Marchant tout doux, la terre ne sent pas
L'impression de ses pieds délicats;
Dès qu'il l'a vu, il a sauté sur elle, и проч.

*) Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада.
Все спитъ . . . И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Но этими мелкими подробностями и ограничивается все сходство между обоими героями: Нулинъ такъ же далекъ отъ угрызеній Тарквинія, какъ Наталья Павловна—отъ римской матроны. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, разумѣется, никакого сходства уже и быть не могло, по самому замыслу Пушкина. Онъ быстрыми штрихами рисуетъ ночное странствіе Нулина и рѣшительную сцену и затѣмъ прямо переходитъ къ развязкѣ. Наталья Павловна, по отъѣздѣ графа, подобно Лукреціи, но, конечно, не въ трагическомъ тонѣ, разсказываетъ о приключеніи. Мужъ «бѣсится», какъ Коллатинъ, а молодой сосѣдъ, вмѣстѣ съ «новой Лукреціей», неудержимо хохочетъ: другія времена,—другіе нравы.

Такимъ образомъ, пародія на шекспировскую Лукрецію отлилась въ форму легкаго, пикантнаго анекдота въ стилѣ байроновскаго Беппо, за которымъ Пушкинъ отдохнулъ отъ только что законченнаго серьезнаго труда надъ Борисомъ Годуновымъ.

Поэтъ, однако, не спѣшилъ съ напечатаніемъ этой повѣсти, ксъ и съ изданіемъ своей трагедіи. Онъ продержалъ Нулина въ своемъ запасѣ больше полутора года и въ теченіе этого промежутка времени имѣлъ даже случай быть свидѣтелемъ того, какъ описанный имъ анекдотъ, волей-неволей, былъ разыгранъ въ лицахъ однимъ изъ его пріятелей, Вульфомъ. Въ январѣ 1827 г. Пушкину, вмѣстѣ съ Вульфомъ, случилось гостить у одного Вульфова родственника, помѣщика Старицкаго уѣзда; тутъ бывшему дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за одною молоденькою поповной, жившею въ томъ же домѣ, и онъ прокрался ночью въ комнату, гдѣ она спала со служанкой; та проснулась, прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и онъ поспѣшилъ уйти; но на утро неудачное похожденіе Вульфа стало всѣмъ извѣстно. Пушкинъ превозносилъ дѣвушку за находчивость и смѣлость, а пріятеля безпощадно поднялъ на смѣхъ: конечно, Вульфъ въ эту пору уже хорошо зналъ Нулина, роль котораго выпала на его долю. *)

При письмѣ отъ 20 іюля 1827 г. Пушкинъ препроводилъ Нулина, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими новыми своими произведеніями, на разсмотрѣніе Бенкендорфа,

*) А. С. Пушкинъ въ Тверской губ. въ 1827 г. В. Колосова, Тверь 1888 г.; Майковъ, Пушкинъ, стр. 166.

а мѣсяцъ спустя, 22 августа, получилъ отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Графа Нулина Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха:

Порою съ бариномъ шалитъ
и
Коснуться хочетъ одѣяла.

Впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать.»

Отмѣченные государемъ стихи были замѣнены двумя другими: «Порою барина смѣшитъ» и «Уже руки ея коснулся, но тутъ опомнилась она» и пр. Отрывокъ изъ повѣсти явился въ № 2 Московскаго Вѣстника 1827 г., а вся повѣсть цѣликомъ—въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ и отдѣльной брошюрой, помѣченной 1827 годомъ; въ 1828 г. она была вновь издана въ одной книжкѣ съ поэмой Баратынскаго Балъ и, наконецъ, вошла въ Поэмы и повѣсти А. Пушкина, Спб. 1835 г., т. II.

По своему содержанію и стилю Графъ Нулинъ явился совершенной новинкой для тогдашней нашей публики и литературной критики. Два—три журнальныхъ рецензента похвалили «повѣсть, у насъ еще небывалую»: такъ, напр., въ Бабочкѣ 1829 г., № 6 было замѣчено, что «въ этой повѣсти все превосходно: живость разсказа, очерки лицъ, изображенія мѣстностей. Она можетъ служить образцомъ остроумія и утонченнаго вкуса. Если бы въ наше время жилъ еще старичекъ Вольтеръ, то вѣрно онъ не отрекся бы подписать свое имя подъ повѣстью Пушкина молодого. Стиховъ въ образецъ красоты изъ сей повѣсти приводить нельзя, ибо мы перепечатывать цѣлыхъ сочиненій, безъ позволенія сочинителей, не въ правѣ. Если бы кто рѣшился приказать намъ въ повѣсти Графъ Нулинъ сыскать непремѣнно слабый стихъ, тогда мы, покорствуя только приказу, указали бы изъ всей повѣсти на одинъ стихъ: «Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ». Что касается до «супруга одна въ отсутствіи супруга», то эти риѳмы, вѣроятно, употреблены здѣсь съ какимъ-нибудь намѣреніемъ».

Рецензентъ Сына Отечества (1829, ч. 123, № 5) писалъ:

«Объ анекдотической повѣсти Графъ Нулинъ не станемъ распространяться: его многіе уже знаютъ наизусть, и всѣ любители словесности давно уже согласились, что бойкость разсказа и живость стиховъ въ ней единственны. Можетъ быть, закоснѣлые любители старины, критики словесности и нравовъ, которые находятъ, что французскія дамы временъ Регента и Людовика XV очень мило падали съ табуретовъ,—сердятся на Пушкина за пощечину, данную Натальею Павловной Графу Нулину. Но пусть ихъ сердятся! Повѣсть Пушкина нисколько отъ того не потеряетъ, и все-таки останется въ памяти у людей, которые умѣютъ оцѣнивать и любить прелестныя игрушки Поэзіи».

Но строгая «классическая» критика того времени отнеслась къ Нулину и его автору далеко не такъ снисходительно. Недаромъ Пушкинъ такъ уморительно разсказывалъ Вульфу, какъ московскіе читатели и читательницы цензировали его повѣсть: «нашли, что неблагопристойно его сіятельство видѣть въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, какъ же одѣть, предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобъ онъ далъ ей хотя салопъ» [1]). Выразителемъ въ печати этихъ мнѣній добровольныхъ московскихъ цензоровъ явился Н. И. Надеждинъ, выступившій въ Вѣстникѣ Европы 1829 г. противъ Нулина во всеоружіи своей тяжелой критической артиллеріи. Въ извѣстной статьѣ Никодима Надоумко съ Патріаршихъ Прудовъ подъ заглавіемъ: «Литературныя опасенія за будущій годъ» (В. Е. 1828, № 22) представитель «моднаго» литературнаго легкомыслія и верхоглядства и безусловный поклонникъ Пушкина Тлѣнскій сообщаетъ, что сейчасъ на вечерѣ у одного изъ его пріятелей «извѣстный нашъ поэтъ Вѣтрогоновъ будетъ читать въ дружескомъ кругу новую свою Тетралогію, коея сюжетъ взятъ изъ Графа Нулина». Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ: «Сонмище нигилистовъ» (В. Е. 1829, № 2) Надеждинъ писалъ: «Еще со временъ Ѳалеса ведется философическая поговорка: изъ ничего ничего не бываетъ! Она оправдывается и теперь непреложными опытами. Нашъ литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіею ничтожества, разражается—Нулиными! Множить ли, дѣлить ли нули на нули,—они всегда остаются нулями!»

---

1) Майковъ, Пушкинъ, 177.

Прошелъ всего мѣсяцъ—и Надеждинъ уже посвящаетъ Нулину, напечатанному въ одной книжкѣ съ Балономъ, особую статью, гдѣ, повторяя прежнія свои выходки, прибавляетъ къ нимъ цѣлый рядъ пространныхъ разсужденій въ томъ же родѣ (В. Е. 1829, № 3). «Графъ Нулинъ,—говоритъ онъ,—есть произведеніе Корифея нашей Поэзіи. Оно пересажено сюда изъ оранжереи Сѣверныхъ Цвѣтовъ, гдѣ явилось, назадъ тому уже годъ, во всей полнотѣ младенческаго простодушія, утрачивающагося, какъ видно, съ лѣтами. И столь ослѣпительно яркое сіяніе славы Поэта, въ лучахъ коея вращается эта милая крошка литературнаго нашего міра, что еще доселѣ ни одинъ дурный глазъ (на недостатокъ конхъ грѣшно бы, однако, было пожаловаться) не изурочилъ ее внимательнымъ разсматриваніемъ и завистливымъ разборомъ. Нулинъ... Пушкинъ!.. Сіе послѣднее имя обдавало невольнымъ благоговѣніемъ всѣхъ и повергало въ безмолвное изумленіе. Честь и слава величію генія! Одно имя его есть уже фирма, подъ которою самое ничтожество пропускается безпошлинно въ храмъ безсмертія!..

«...Поэтъ не оставляетъ безъ отеческаго вниманія дѣтища, имъ на свѣтъ пущеннаго; ему хочется продлить, упрочить и всеобщее вниманіе, созываемое имъ на малютку. Будемъ признательные къ трудамъ высокомощнаго повелителя въ области нашей Поэзіи: отважимся бросить теперь скромный взглядъ на сіе драгоцѣнное произведеніе, въ которомъ, какъ въ микрокосмѣ, отпечатлѣвается типъ всего поэтическаго міра, имъ сотвореннаго!

«...Если имя Поэта должно оставаться всегда вѣрнымъ своей этимологіи, по которой означало оно у древнихъ Грековъ твореніе изъ ничего: то пѣвецъ Нулина есть par excellence Поэтъ. Онъ сотворилъ ничто изъ ничего сію поэму. Но зато и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Іонійской философической школы, на которую столь нападали позднѣйшіе Креаціоналисты, что изъ ничего ничего не бываетъ (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ носимому имъ имени. Графъ Нулинъ есть нуль во всей математической полнотѣ значенія сего слова. Глубокомысленный Кантъ поставлялъ существеннымъ характеромъ комическаго то, что ожиданіе, имъ возбуждаемое, превращается въ нуль. Нашъ Нулинъ не можетъ имѣть и на то претензіи. Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто нульныхъ... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Нулинымъ».

Далѣе критикъ съ такой же тяжелой проніей говоритъ о пушкинскихъ описаніяхъ и, между прочимъ, останавливается на стихахъ о томъ, что Наталья Павловна видѣла, сидя у окна: «Здѣсь изображена Природа во всей наготѣ своей! Жаль только, что сія мастерская картина не совсѣмъ дописана. Неужели въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы двѣ-три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышныхъ диванахъ топучей грязи, въ блаженномъ самодовольствіи и совершенно эпикурейской беззаботности о всемъ окружающемъ ихъ, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображаемому зрѣлищу? Почему поэтъ, представляя бабу, идущую развѣшивать бѣлье черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она, со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ, приподымала выстроченный подолъ своей пестрой понявы,

чтобы ей воскрилій
Не омочить усыпленною грязнаго моря
волною?

«Это едва извинительно въ живописцѣ великомъ и всеобъемлющемъ!»

«... Чудаки покачиваютъ головою и говорятъ сквозь зубы: все это такъ! все это правда! все это вѣрный снимокъ съ натуры?.. Да съ какой натуры? Вотъ тутъ-то и заковычка! Мало ли въ натурѣ вещей, которыя совсѣмъ не идутъ для показу? Дай себѣ волю... пожалуй, залетишь и Богъ вѣсть куда! Отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей—до передней; отъ передней — до сѣней; отъ сѣней—дальше и дальше! Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе вдохновительныхъ, могущихъ представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивыхъ дѣлателей! Немудрено дождаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ! Что жь касается до повѣсничествъ и безшутствъ, то имъ нѣсть числа! Выставлять ихъ на показъ, значитъ оскорблять человѣческую природу, которая не можетъ никогда выносить равнодушно собственнаго уничиженія... Каково покажется это моей двоюродной сестрѣ, кото-

рой невступно еще шестнадцать: если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвическаго любопытства, вытащитъ потихоньку изъ незапирающагося моего бюро это сокровище? Грѣха не оберешься! Съ другой стороны, однако, должно согласиться, что пѣвецъ Нулина не совсѣмъ еще отрѣшился отъ узъ приличія и умѣетъ иногда полагать границы своевольному своему генію. Такъ, напр., при подробномъ описаніи ночныхъ утварей, которыми аккуратный Mr. Picard снабдилъ отходящаго ко сну Графа:

Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ.,.

кто не чувствуетъ, что послѣднее слово есть вставка, замѣнившая другое, равно созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу,— слово, принесенное поэтомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ въ жертву тиранскому приличію?»...

Надеждинъ заключаетъ свою статью общимъ замѣчаніемъ о Нулинѣ и Балѣ: «Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы, но... che chi ha i duo occhi il veda!»

Разсужденія Надеждина о приличіи, вдохновительныхъ мѣстахъ, хавроньяхъ и будильникѣ вызвали насмѣшливую замѣтку Сына Отечества (1829 г., ч. 124, № 12): «О чутьѣ критика Имярекъ, живущаго на Патріаршихъ Прудахъ». «Не правда ли, говорится въ этой статейкѣ,—что у Г. Критика весьма тонкое чутье? Не правда ли, что онъ кстати выбралъ себѣ мѣсто пребыванія? Не правда ли, что подобный подобнымъ и любуется? Кстати о хавроньяхъ: вспомнимъ, какъ въ баснѣ Крылова отвѣчаетъ хавронья пастуху на вопросъ, что она видѣла въ богатомъ и пышномъ барскомъ домѣ»...

За то въ московскомъ Дамскомъ Журналѣ (1829, № 4) статья Надеждина встрѣтила сочувственный откликъ въ видѣ эпиграммы на Пушкина и Баратынскаго:

АВТОРЫ.

Два друга, сообщась, двѣ повѣсти издали,
Точили балы въ нихъ и все нули писали;
Но слава добрая объ авторахъ прошла,
И книжка вдругъ раскуплена была.
Ахъ, часто вздоръ плетутъ извѣстныя намъ лицы,
И часто къ ихъ нулямъ мы ставимъ единицы.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ большой статьѣ по поводу Полтавы (В. Е. 1829, №№ 8 и 9) Надеждинъ опять вспомнилъ Нулина — и на этотъ разъ провозгласилъ его лучшимъ произведеніемъ Пушкина, съ своей особенной точки зрѣнія:

«Поэзія Пушкина есть просто—пародія. Нечего Бога гнѣвить! Что правда, то правда! Мастеръ посмѣяться и посмѣшить... когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру! И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ — на каррикатуры!.. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть Графъ Нулинъ!.. Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи, и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи»...

Пушкинъ отвѣчалъ на критическія приставанья Надоумки эпиграммами: «Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ»... «Притча» и «Надѣясь на мое презрѣнье»... Но, очевидно, не желая ввязываться въ полемику, первыя двѣ эпиграммы онъ напечаталъ только тогда, когда онѣ уже утратили свою остроту и примѣненіе къ текущей злобѣ дня,—одну въ 1830 г., другую въ 1836 г., а третья, наиболѣе отчетливо выражающая его тогдашнее настроеніе и отношеніе къ Надеждину, такъ и осталась ненапечатанною и была извлечена изъ рукописей только въ 1884 г. Здѣсь Пушкинъ ясно указываетъ на самую суть статей своего строгаго судьи,—желаніе подслужиться «сѣдому зоилу» Каченовскому, и говоритъ, что «журнальный шутъ, холопъ лукавый» не дождется отъ него отвѣта:

Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ;
Лакей, сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разсчетъ.

Въ бумагахъ поэта сохранились замѣтки, писанныя въ началѣ 30-хъ гг. по поводу всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ о Нулинѣ:

«Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ»,—говоритъ Пушкинъ. «Нашли его безнравственнымъ,—разумѣется, въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!.. Подняли противъ меня всю класси-

ческую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ; но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности?..»

Объяснивъ, далѣе, ребяческую претенціозность этихъ критическихъ нападокъ и указавъ, въ чемъ заключается безнравственность литературнаго произведенія, Пушкинъ продолжаетъ:

«Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ насъ даже и не смѣшатъ... Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, еслибъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время. Извольте: «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!), Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые... и проч., тутъ личности и ругательства. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ!» Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ. Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни?...»

«Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы... и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть».

Лѣтъ пятнадцать спустя послѣ того, какъ Пушкинымъ были набросаны на бумагу эти мысли, которыхъ онъ при жизни своей такъ и не огласилъ въ печати, онѣ получили подробное развитіе въ статьѣ Бѣлинскаго 1846 г. «Бѣдная критика!»—восклицаетъ Бѣлинскій. «Она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ своемъ знаніи большого свѣта и нещадно преслѣдуетъ Мертвыя Души за нарушеніе условій хорошаго тона,—а большой свѣтъ, неблагодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея, бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ прочелъ Мертвыя Души, съ какимъ нѣкогда читалъ Графа Нулина, не видя ни въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называетъ онъ хорошимъ тономъ и приличіемъ...»

Такимъ образомъ, Бѣлинскій поставилъ Нулина за одну скобку съ поэмой Гоголя. И онъ, конечно, былъ правъ: Нулинъ явился въ нашей литературѣ первой ласточкой того новаго, реальнаго направленія, которое впослѣдствіи, въ эпоху Мертвыхъ Душъ, получило названіе «натуральной школы». Этимъ-то и смутилъ онъ сторонниковъ старой, «классической» эстетики, продолжавшихъ, вопреки духу времени, твердить, что искусство должно быть «украшеніемъ» природы. Сама по себѣ незначительная повѣсть Пушкина для своего времени была и большою смѣлостью, и своего рода литературнымъ откровеніемъ...

П. Морозовъ.

460. ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня;
Онъ холку хвать—и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.
Въ послѣднихъ числахъ Сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.
А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?
Занятій мало ли у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ нещастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы—мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ нещастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.
Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей—
Романъ классической, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Нравоучительной и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.
Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ итти хотѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.
Кто долго жилъ въ глуши печальной,

Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужъ не она ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.
Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
У мѣльницы коляска скачетъ,
Вотъ на мосту—къ намъ точно... нѣтъ,
Поворотила влѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.
Но вдругъ... о радость! косогоръ;
Коляска на бокъ.—Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сей часъ везти ее на дворъ
И барина просить обѣдать!
Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
Скорѣй, скорѣй!
Слуга бѣжитъ.
Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышной локонъ, шаль накинуть,
Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждетъ: да скороль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогѣ дальной,
Опасно раненный, печальной
Кой-какъ тащится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоритъ: allons, courage!
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покамѣстъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежъ отворяютъ дверь,
Пока Picard шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ;
Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краёвъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣеровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ каррикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons-mots Парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера
Et cetera, et cetera.
Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: ничего.
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Святую Русь бранитъ, дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣетъ о Парижѣ страхъ.
«А что театръ?»—О, сиротѣетъ!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ.
Зато Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Донынѣ поддержалъ одинъ.—
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
— Все d'Arlincourt и Ламартинъ.—
«У насъ имъ также подражаютъ.»
— Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!—
«Какъ тальи носятъ?»—Очень низко,
Почти до... вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
Все это къ модѣ очень близко.—
«Мы получаемъ Телеграфъ.»
— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль?—И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»
— Я сытъ и такъ...
Изъ-за стола
Встаютъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядишь—и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!... Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?

РИСУНОКЪ К. ТРУТОВСКАГО.
(«Сѣвер. Сіяніе» 1862).

Проказница—прости ей, Боже!—
Тихонько графу руку жметъ.
Наталья Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою съ бариномъ шалитъ
Порой на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего—
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но Госпожа ей наконецъ
Сказала: полно, надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и вытти вонъ велѣла.
Своимъ Французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ,
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряной стаканъ,
Сигару, бронзовой свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.
Въ постели лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслитъ онъ:
Не ужъ-то вправду я влюбленъ?
Что, если можно?... вотъ забавно;
Однакожъ это было бъ славно;
Я, кажется, хозяйкѣ милъ—
И Нулинъ свѣчку погасилъ.
Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу—бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо

Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій—
Здоровье краше всѣхъ румянъ.
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло: теперь
Отворена конечно дверь—
И тотчасъ, на плеча накинувъ,
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Отправился на все готовый.
Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.
Влюбленный графъ въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ,
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ,
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ;
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.
Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ—
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она... Теперь съ ихъ позволенья
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.
Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа—нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя
И дерзновенною рукой
Коснуться хочетъ одѣяла,
Совсѣмъ смутивъ ее сначала...
Но вдругъ опомнилась она,
И гнѣва гордаго полна
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!
Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую;
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадой страшною пылая,
Но шпицъ косматый, вдругъ залая,
Прервалъ Параши крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку,
И проклиная свой ночлегъ
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.
Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.
Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво,
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая занялся небрежно,
И галстукъ вяжетъ неприлѣжно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженыхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолѣвъ
Неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.
Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ
И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутитъ очень мило,
И чуть ли снова не влюблёнъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
«Наташа, здравствуй!»
— Ахъ, мой Боже!
Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ. —
«Радъ сердечно я.
Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ у огорода
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать?
— Не знаю, право, я спѣшу.—
И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь!»
Но, съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикаръ кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикаръ все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.
Когда коляска ускакала,
Жена все мужу разсказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ.—Почемужъ?
Мужъ?—Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его затравитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.
Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

461. ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; изторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ;
Подъ мышцей палица, въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща, горитъ костеръ; и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ Героя.

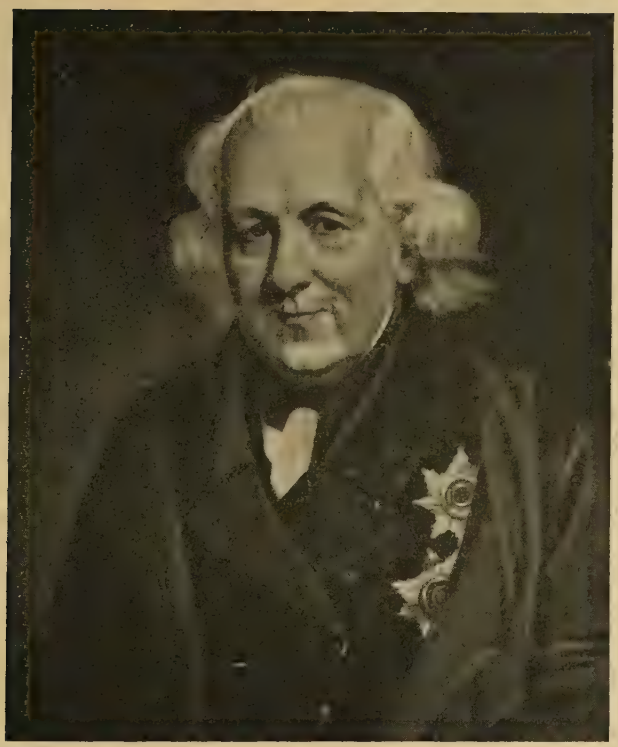
ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІЙ.
Съ портрета рисов. на камнѣ Шевалье.

462. КЪ Б*** (БАРАТЫНСКОМУ).

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоилъ—прямой чухонецъ.

463. ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБЫМЪ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.



ГРАФЪ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ.

464. (Н. С. МОРДВИНОВУ).

(Незакончено).

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.
Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.
М[ордвиновъ]! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Піита.
Какъ славно ты сдержалъ пророчество его,
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты новый Долгорукой.
Такъ, [въ пѣну волнъ] съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ, вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ и волны вкругъ мутясь
И увиваются и плещутъ.
Одинъ, на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдной лептъ и дань Сиб[ирскихъ] рудъ
Равно священны предъ тобою.

465. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

466. Н. Н.

При посылкѣ ей Невскаго Альманаха.

Примите Невскій Альманахъ.
Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете Полевова,
Вел*** [Великопольскаго], Х***ва [Хвостова];
К*** [Княжевичъ], дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?... Дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

467. БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

468. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕИ.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточеннаго страданья.

Черновые наброски.

469. Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны —
И самой красотѣ 17 лѣтъ замѣна.
Но время протекло, настала перемѣна,—
Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
(Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ) на дворѣ,
Какъ милый . . . . , . твой (слухъ обворожаетъ),
А зеркало сильнѣй грозитъ и увлекаетъ.
. . . . . утѣшься и смирись,
Отъ милыхъ прежнихъ . . . . заранѣ откажись.
Ищи другихъ побѣдъ; успѣхи предъ тобой;
Я щастія тебѣ желаю всей душой
. . . . . и опытовъ моихъ
Мой дидактическій благоразумный стихъ.

470. Шумитъ кустарникъ.

Шумитъ кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ.
Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный
И на далекіе брега,
Вѣнчанны чащею древесной—
(Надъ) страшной (бездной) (онъ) стоитъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ
Но дрогнулъ онъ—внезапный звукъ
Его коснулся... и [онъ] вдругъ
(Съ вершины прянулъ).

---

471. Лишь розы увядаютъ.

(Лишь розы) увядаютъ,
Амврозіей дыша,
(Въ Элизій улетаетъ)
(Ихъ легкая) душа,
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ—

472. Скажи мнѣ ночь.

Скажи мнѣ, ночь, за чемъ твой тихой мракъ
(Мнѣ) радостнѣй

---

473. Стрекотунья бѣлобока.

Стрекотунья бѣлобока.
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
(Колокольчикъ небывалой
У меня звенитъ въ ушахъ,
Лучи луны сіяютъ) алой
На зарѣ (свѣтъ)
Серебрится снѣжный прахъ.

---

474. Сосѣдство ваше намъ опасно.

Сосѣдство (ваше) намъ опасно
Хоть мило можетъ быть оно
(Такъ утверждаю не напрасно)
(И доказать не . . . . .)
Твой домъ учтивая бесѣда
И шутки . . . . . пополамъ
Напоминаютъ (живо) намъ
И . . . . опасного сосѣда.

475. СЪ ТОБОЙ МНѢ ВНОВЬ СЧИТАТЬСЯ ДОВЕЛОСЬ.

(Изъ письма къ П. Е. Великопольскому).

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штоссъ:
500 рублей проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
Сейчасъ, мой другъ, увидишь почему.

---

476. ВОТЪ, ЗИНА, ВАМЪ СОВѢТЪ.

(Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ).

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ—играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ—
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

477. ТАКЪ МОРЕ, ДРЕВНІЙ ДУШЕГУБЕЦЪ.

(Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому).

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?

Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

478. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полётъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней розы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,

СЕРАФИМЪ ВЛАГАЕТЪ УГЛЬ ВЪ ГРУДЬ ПРОРОКА.

Гравюра по рис. извѣстнаго французскаго иллюстратора 18 вѣка Marillier.

Изъ Пушкинской коллекціи П. А. Ефремова. При популярности иллюстрацій Мариле, весьма возможно, что Пушкинъ видѣлъ эту гравюру.

И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».

479. Я ВИДѢЛЪ ВАСЪ, Я ИХЪ ЧИТАЛЪ.

(Е. А. Тимашевой).

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сіи прелестныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеалъ.
Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.
Соперницы Запретной Розы
Блаженъ безсмертный идеалъ...
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риѳмъ, и много прозы!

480. ЗАЧѢМЪ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унынѣ робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

481. У ГАЛЬЯНИ ИЛЬ КОЛЬОНИ.

(Изъ письма къ С. А. Соболевскому).

У Гальяни иль Кольони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармазаномъ макарони
Да яишницу свари—
На досугѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься на легкѣ.
Какъ до Яжельбицъ дотащитъ
Колымагу мужичокъ,
То-то другъ мой разтаращитъ
Сладострастный свой глазокъ!
Поднесутъ тебѣ форели!
Тотчасъ ихъ варить вели
Какъ увидишь: посинѣли,
Влей въ уху стаканъ Шабли.
Чтобъ уха была по сердцу
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусокъ—
У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай—

482. ПРОЩАЙ, ОТШЕЛЬНИКЪ БЕССАРАБСКОЙ.

(Изъ писемъ Н. С.).

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою своей.

483. ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Привезенный съ фельдъегеремъ по приказанію Николая I въ сентябрѣ 1826 г. въ Москву, Пушкинъ воспользовался даннымъ ему здѣсь разрѣшеніемъ и остался послѣ коронаціонныхъ празднествъ въ первопрестольной столицѣ. Скука одиночества находила въ немъ въ это время убѣжденнаго защитника; однако, деревенское заточеніе утомило общительнаго поэта, и онъ охотно сблизился съ литературной и свѣтской Москвой. Центромъ оживленной умственной жизни былъ здѣсь въ это время кружокъ молодыхъ шеллингіанцевъ, извнѣ объединенный ихъ общей службой въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, внутри скрѣпленный общностью умственныхъ запросовъ этихъ образованныхъ идеалистовъ, «первыхъ въ Россіи восторженныхъ послѣдователей нѣмецкой философіи». Пушкинъ не былъ любителемъ отвлеченностей, и до насъ дошло извѣстіе о томъ, какъ поэтъ, придя къ Погодину послѣ одного изъ собраній кружка «декламировалъ»—«нелѣпо», по мнѣнію Погодина—противъ философіи. Но съ кружкомъ онъ сблизился, и если его слегка насмѣшливое словечко о московскихъ «архивныхъ юношахъ» рождаетъ въ насъ теплое поэтическое воспоминаніе то въ этой нѣжности мы, вѣроятно, не расходимся съ поэтомъ. Въ свѣтской и культурной средѣ, къ которой они принадлежали по рожденію и воспитанію, молодые московскіе идеалисты пользовались уваженіемъ, впослѣдствіи въ извѣстной мѣрѣ оправданнымъ и закрѣпленнымъ исторіей. Среди «архивныхъ юношей» были П. и Н. Кирѣевскіе, Шевыревъ, Кошелевъ, Соболевскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. Веневитиновъ. Послѣдній—дальній родственникъ Пушкина и горячій поклонникъ нѣмецкой литературы,—какъ позволяютъ предположить нѣкоторыя данныя, быть можетъ, натолкнулъ поэта на мысль объ окончательной обработкѣ задуманной въ деревнѣ «Сцены изъ Фауста». Ему во всякомъ случаѣ принадлежитъ обращенный къ Пушкину призывъ почтить престарѣлаго патріарха нѣмецкой поэзіи достойнымъ привѣтомъ. Въ основѣ этого призыва—какъ и всей, по преимуществу, философской, лирикѣ Веневитинова—была серьезная теоретическая мысль. Тонкій и образованный критикъ, Веневитиновъ полагалъ, что молодое «волненіе духа» еще вредитъ ясности Пушкинскаго творчества, что Байроновскому началу въ поэзіи Пушкина пора смѣниться Гетевскимъ. На прежнихъ поэтическихъ учителей—поскольку имъ принесла дань поклоненія благодарная муза великаго поэта—указывалъ прежде всего Веневитиновъ въ своемъ посланіи «Къ Пушкину». Первымъ изъ этихъ почтенныхъ Пушкинымъ учителей былъ Байронъ:

Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный поэтъ,
Покинулъ міръ осиротѣлый,
Оставя славы жаркій свѣтъ,
И тѣнь всемірныя печали,
Хвалебнымъ хоромъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань принесъ увядшей силѣ,
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ [1]).

Другой, воспѣтый Пушкинымъ поэтъ былъ Андрэ Шенье:

Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго галла...

И Веневитиновъ свидѣтельствуетъ о восторгѣ, который вызывало въ немъ вдохновенное поминаніе о казненномъ французскомъ поэтѣ:

---

[1]) Наполеонъ.

Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала...

Однако, и среди живыхъ учителей есть еще одинъ достойный предметъ любовнаго преклоненія и поэтическаго восторга:

Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ
Онъ нашъ—жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ;
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.

Это—Гете, оказавшій на Веневитинова, конечно, болѣе опредѣленное вліяніе, чѣмъ на Пушкина.

Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонятъ насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой.
И можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ —
И къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

Если на этотъ призывъ привѣтствовать маститаго поэта Пушкинъ отвѣтилъ не лирическимъ панегирикомъ, а вольнымъ подражаніемъ «Фаусту», то это не потому, чтобы у него не было матеріала для похвальнаго слова Гете. Правда, своимъ «наставникомъ» онъ могъ бы его назвать лишь въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ; правда, мы имѣемъ основаніе думать, что онъ читалъ произведеніе нѣмецкаго поэта въ французскомъ переводѣ. Но Пушкинъ зналъ Гете и высоко цѣнилъ его. Онъ, вѣдь, и Шекспира читалъ пофранцузски; однако, несомнѣнно, понималъ его удивительно.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ «признаній», которыя брошены мимоходомъ, но въ своей совокупности убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ умномъ вниманіи, которое творчество Гете встрѣчало въ Пушкинѣ. То, что онъ въ письмѣ къ Бестужеву (іюнь, 1824 г.) называетъ Гете «полупокойникомъ», конечно, относится только къ физическимъ недугамъ симидесяти-шестилѣтняго поэта. Въ мартѣ того же года Пушкинъ сообщалъ изъ Одессы неизвѣстному москвичу: «Читаю Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира». Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній для того, чтобы думать—какъ это дѣлаетъ г. Ѳ. Некрасовъ [1]),—что въ это время Пушкина увлекала въ Гете, главнымъ образомъ, не глубина его поэзіи во всемъ ея объемѣ, а пантеистическій атеизмъ Гете. Во всякомъ случаѣ сведенныя здѣсь замѣчанія Пушкина свидѣтельствуютъ о томъ, что въ дальнѣйшемъ его увлекала не одна какая-нибудь идея Гете, но общее значеніе его поэзіи. Въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчаніяхъ» (1825—1827 года) встрѣчаемъ, въ концѣ ихъ, такое мѣсто, изъ котораго явствуетъ, что Пушкинъ находитъ въ «Фаустѣ» Гете «смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческой мыслію и ставитъ Гете наравнѣ съ Шекспиромъ, Данте, Мильтономъ». Въ 1827 году въ статьѣ «о Байронѣ» Пушкинъ пишетъ: «Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно также, какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности». Чтобы придти къ такимъ сужденіямъ требовалось близкое и внимательное изученіе поэзіи Гете. А въ «Мелкихъ замѣткахъ» (1829—1831 года) читаемъ: «Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи—и остался хромъ, какъ Іаковъ». Итакъ, Пушкинъ, какъ видно изъ этой выписки дошелъ уже до сознанія того, что Гете выше Байрона.—Наконецъ, въ статьѣ «О сочиненіяхъ П. А. Катенина» опять говорится (въ 1833 году), что «Байронъ въ своемъ Манфредѣ... ослабилъ духъ и формы своего образца (т. е. Фауста)».

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго

---

[1]) «Д. В. Веневитиновъ какъ поэтъ и критикъ» въ «Пушкинскомъ Сборникѣ» студентовъ Московскаго университета подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Москва, 1900.

въ томъ характерномъ фактѣ, что во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ о Гете упомянутъ именно «Фаустъ»,—произведеніе, въ которое нѣмецкій поэтъ вложилъ всю полноту своихъ творческихъ переживаній. Изъ разсказа Губера [1]), переводчика «Фауста», мы знаемъ, какъ относился Пушкинъ къ трагедіи Гете. «Пушкинъ принималъ живое участіе въ моемъ трудѣ,—разсказываетъ Губеръ,—и я имѣю право гордиться этимъ участіемъ, но, не смѣя украшать себя собственностью великаго поэта, считаю священною обязанностью указать на тѣ мѣста, которыя принадлежатъ ему». Когда цензура запретила переводъ, Губеръ въ бѣшенствѣ разорвалъ рукопись. Но вскорѣ онъ «по настоятельному желанію Пушкина, съ новою силою принялся за вторичный переводъ «Фауста»; при его совѣтахъ, подъ его надзоромъ, трудъ мой быстро подвигался впередъ; но оконченъ мною только послѣ смерти его... Многія мѣста перевода исправлены Пушкинымъ; но нигдѣ рука мастера не помогала столько слабому ученику, какъ въ томъ отрывкѣ, который помѣщенъ въ 6 т. «Современника» (1837 г.). Самое начало, переведенное мною въ размѣрѣ, такъ называемыми «Knittelverse», мастерски измѣнено имъ въ звучный, прекрасный ямбъ. То мѣсто, гдѣ духъ земли является на отчаянный вызовъ «Фауста», исключительно принадлежитъ ему... Я упомянулъ здѣсь только о тѣхъ мѣстахъ, которыя собственно принадлежатъ Пушкину; при изданіи цѣлаго перевода я не умолчу и о другихъ важныхъ поправкахъ, которыми обязанъ его участію. Я горжусь этими мѣстами; они будутъ перлами въ моемъ переводѣ. Судя по нимъ, намъ остается только пожалѣть, зачѣмъ Пушкинъ, такъ глубоко сочувствуя Гете, не пересоздалъ намъ въ цѣлости всего исполинскаго произведенія этого безсмертнаго философа-поэта».

То, что отрывки перевода, съ восторгомъ цитируемые Губеромъ, какъ произведеніе Пушкина, оказались затѣмъ работой Бека, мало мѣняетъ дѣло: Губеръ ошибся и принялъ отрывки, найденные въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти, за вкладъ великаго поэта въ его переводъ. Но какъ вниманіе Пушкина къ переводу «Фауста», такъ и его участіе въ трудѣ Губера остаются фактомъ несомнѣннымъ. Все это, однако, было значительно позже. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ Пушкинъ только что началъ отходить отъ молодого увлеченія Байрономъ — и ровное глубокое отношеніе къ Гете не вызывало въ немъ восторга, который могъ бы выразиться въ хвалебной одѣ. Вмѣсто похвальнаго посланія Пушкинъ далъ — задуманную еще до московской встрѣчи съ Веневитиновымъ, — варіацію на гетевскую поэму, далъ поэтическое истолкованіе гетевскихъ образовъ: быть можетъ, лучшій способъ, которымъ одинъ большой поэтъ можетъ проявить свое отношеніе къ другому.

«Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» [1]) появилась въ журналѣ Веневитинова и его друзей «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828 г. № 9); нынѣшнее заглавіе она получила въ изданіи 1829 года. По указанію П. В. Анненкова, есть основанія думать, что Гете зналъ о сценѣ, написанной Пушкинымъ. Для Пушкина это могло быть подражаніемъ Гете; для нѣмецкаго поэта, произведеніе котораго примыкало къ длинному ряду аналогичныхъ попытокъ пересоздать народное сказаніе о чернокнижникѣ Фаустѣ, произведеніе Пушкина могло, пожалуй, быть лишь одной изъ такихъ попытокъ, не связанныхъ съ его трагедіей, изъ которой Пушкинъ въ это время зналъ— это полезно помнить—только первую часть; вторая часть появилась въ 1832 году. Во всякомъ случаѣ «разсказываютъ, что онъ (Гете) послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «Подарокъ Гете» [2]). Среди стихотвореній Гете есть одно четверостишіе, которое связываютъ съ этимъ разсказомъ.

Goethes Feder an ***.

Was ich mich auch sonst erkühne,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt' ich treu und frei geschrieben
All' das Lob, das Du verdient.

---

[1]) «Литературное объясненіе» въ «Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду», 1837 г. № 34; цитировано въ статьѣ объ И. А. Бекѣ въ «Критико-біограф. словарѣ» С. А. Венгерова, т. II, стр. 384.

[1]) Гете писалъ «Мефистофель», а Пушкинъ — «Мефистофиль», въ согласіи съ правописаніемъ нѣмецкой народной литературы о д-рѣ Фаустѣ и Шекспира (въ «Виндзорскихъ кумушкахъ»—Mephistophilus) и греческой этимологіей этого имени (отъ phileo-люблю); правильнѣе, производство отъ еврейскаго tophel—лгунъ.

[2]) Анненковъ, «Матеріалы» стр. 177.

Отнесеніе этого маленькаго посланія къ Пушкину представляется намъ мало обоснованнымъ. Трудно думать, чтобы Гете, при удивительной конкретности его творчества, гдѣ каждое слово было отпечаткомъ дѣйствительнаго переживанія, гдѣ нѣтъ ничего отвлеченнаго и принятаго на вѣру, обратился съ этими опредѣленными восхваленіями къ поэту, произведеній котораго онъ не читалъ. «Что бы ни позволялъ я себѣ въ прошломъ, всякій съ радостью полюбилъ бы меня, если бы я вѣрно и свободно написалъ всю хвалу, которой ты достоинъ»,—говоритъ «перо Гете» неизвѣстному объекту посланія. Это—«перо» метафорическое, и ничто въ маленькомъ посланіи не говоритъ, что оно сопровождало перо реальное. Въ напряженной сдержанности четверостишія чувствуется содержательность; чувствуется, что Гете знаетъ, какъ и за что хвалить своего адрессата: что же онъ могъ по существу сказать о Пушкинѣ? Сомнительно даже, чтобы въ 1826 г., когда написано четверостишіе, Гете уже зналъ «Сцену изъ Фауста», появившуюся въ 1828 г. Правда, Анненковъ—не приводя основаній—относитъ ее къ 1826 году. Но въ общемъ отнесеніе четверостишія къ Пушкину основано на слишкомъ большомъ количествѣ предположеній, за которыя слишкомъ мало убѣдительныхъ доводовъ.

Русская критика эпохи Пушкина, вообще въ этотъ періодъ его творчества еще безсильная оцѣнить полетъ его генія обошла «Сцену изъ Фауста» молчаніемъ. Среди позднѣйшихъ критиковъ и изслѣдователей она вызывала разногласія въ подробностяхъ; всѣ, однако, согласны въ одномъ: Фаустъ Пушкина—не Фаустъ Гете; одни видятъ въ этомъ недостатокъ произведенія Пушкина, другіе—особое достоинство; но нѣтъ спора въ томъ, что скучающій и озлобленный герой русскаго поэта не можетъ быть слитъ въ одинъ цѣльный образъ съ неустанно ищущимъ и дѣятельнымъ Фаустомъ трагедіи Гете. Правда, столь близкій Гете Варнгагенъ-фонъ-Энзе какъ будто находилъ, что Пушкинъ «могъ-бы съ успѣхомъ продолжить» «Фауста» Гете; но въ этихъ словахъ, конечно, трудно усмотрѣть что либо кромѣ общаго признанія дарованія русскаго поэта.

Если не считать мимоходомъ брошеннаго Полевымъ замѣчанія, что въ «Сценѣ изъ Фауста» поэтомъ «раскрыта темная сторона, тайна, которую съ ужасомъ прочитаетъ въ сердцѣ своемъ каждый человѣкъ» (1833), то вплоть до Бѣлинскаго мы не имѣемъ въ критикѣ попытокъ охарактеризовать «Сцену» и ея героевъ. Бѣлинскій удѣлилъ ей немного вниманія, но возвращался къ ней не разъ. Уже въ 1835 г. въ отзывѣ о стихотвореніяхъ Бенедиктова, говоря о взаимоотношеніи мысли и чувства въ поэзіи, критикъ напоминаетъ о «дивной Сценѣ изъ Фауста», выражающей почти ту же идею, что и «Демонъ» Пушкина: «идею сомнѣнія, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа» [3]). Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова [4]) Бѣлинскій связываетъ Фауста Пушкина съ характеристикой современности, какъ эпохи рефлексіи по преимуществу. Самый терминъ «рефлексія»—съ оговоркой о неполномъ ихъ совпаденіи—Бѣлинскій передаетъ тѣмъ словомъ «размышленье», которое мы находимъ въ устахъ Пушкинскаго Мефистофеля. «Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленія, «рефлексіи». Вопросъ—вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ,—вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина».

И, процитировавъ значительный отрывокъ «Сцены»—до словъ:

> Такъ на продажную красу,
> Насытясь ею торопливо
> Развратъ косится боязливо.

— Бѣлинскій восклицаетъ: «Ужасно... Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое, въ своей молодости, такъ беззаботно пило и

---

[3]) В. Г. Бѣлинскій. Собраніе сочиненій подъ ред. С. А Венгерова. Т. II. Стр. 285.

[4]) Ibid. Т. VI. Стр. 37—38.

ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должны быть впослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга. Общество живетъ не—годами-вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни».

Наконецъ, въ 1846 г., въ знаменитой серіи статей о Пушкинѣ, Бѣлинскій развилъ свой взглядъ на «Сцену изъ Фауста» [5]). Онъ находитъ нужнымъ сообщить своимъ читателямъ, что «это былъ не переводъ какого-нибудь отрывка изъ знаменитой драматической поэмы Гете, но варіація, разыгранная на ея тему. Многимъ эта сцена такъ понравилась, что они, не зная Гетева «Фауста», порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между нею и Гетевымъ «Фаустомъ», нѣтъ ничего общаго». Бѣлинскій опять связываетъ «Сцену» съ «Демономъ»: «Она—не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно мелкій, изъ самыхъ нечиновныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей

> Въ тѣ дни, когда имъ были новы
> Всѣ впечатлѣнья бытія.

Поэтому ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него, ибо

> Неистощимой клеветою
> Онъ провидѣнье искушалъ;
> Онъ звалъ прекрасное мечтою;
> Онъ вдохновенье презиралъ;
> Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
> На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
> И ничего во всей природѣ
> Благословить онъ не хотѣлъ.

«Печальны, говоритъ Пушкинъ, были мои встрѣчи съ нимъ». Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкою смотритъ на Пушкинскаго чертенка». Бѣлинскій имѣетъ въ виду лермонтовскаго демона—и не столько томнаго возлюбленнаго Тамары, сколько другого демона—изъ «Сказки для дѣтей». Правду сказать, для такого противоположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Можно согласиться, что Мефистофель Пушкина «все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ «Демона». Это просто-на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ». Но демонъ «Сказки для дѣтей»—скорѣе лирическое изліяніе, чѣмъ конкретный въ своей фантастичности образъ; а герой поэмы «Демонъ» теперь способенъ вызвать усмѣшку въ такой же степени, какъ мелкій Мефистофель Пушкина. Очевидно, не такъ было въ эпоху Бѣлинскаго. Что касается самого Фауста, то это, по мнѣнію Бѣлинскаго не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé. Отзывъ Бѣлинскаго заканчивается общей оцѣнкой: «Пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается легко и съ удовольствіемъ».

Болѣе, чѣмъ варіантъ или перепѣвъ «Фауста» Гете увидѣлъ въ отрывкѣ Пушкина Незеленовъ [6]). Для того, чтобы возвеличить «Сцену изъ Фауста» онъ сталъ на вымученно-моральную точку зрѣнія, съ которой ровно ничего не видно въ поэтическомъ произведеніи. Сцена Пушкина, по мнѣнію Незеленова, прежде всего «не только не подражаніе, а даже не творчество въ духѣ Гете»; она—«поправка (съ русской точки зрѣнія) его великаго созданія». Поправка эта заключается въ новомъ, болѣе высокомъ взглядѣ на безнравственные поступки Фауста. У Гете Фаустъ дѣлаетъ гнусности, но поэтъ ему прощаетъ ихъ. Гете «не оцѣниваетъ по достоинству дѣйствій своего героя относительно наивной и чистой дѣвушки. Въ чувствѣ Фауста есть двойственность. Гретхенъ для него предметъ благоговѣнія и романтической любви

[5]) Сочиненія, 2 изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 677—679.

[6]) «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи». СПБ. 1882 Стр. 231—233.

и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ чувственныхъ стремленій. Послѣднія одерживаютъ верхъ надъ романтизмомъ. Фаустъ губитъ Гретхенъ, повергаетъ ее въ бездну сомнѣнія, нищеты, несчастья, доводитъ ее до отчаянія. Онъ не хотѣлъ, впрочемъ, этого сдѣлать: все это произошло нечаянно... Какъ въ началѣ знакомства онъ свысока относился къ ея наивной вѣрѣ, такъ потомъ онъ забылъ ее въ своихъ новыхъ поискахъ за счастьемъ. Онъ винитъ себя, конечно, когда, вспомнивъ о ней, посѣщаетъ ее въ темницѣ; но ему и въ голову не приходитъ, что слово «палачъ», съ которымъ случайно къ нему обращается его сумасшедшая жертва, къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ. Онъ больше жалѣетъ Гретхенъ, чѣмъ считаетъ себя виноватымъ предъ нею: онъ слишкомъ высоко ставитъ свое умственное развитіе надъ ея наивной непосредственностью. И должно замѣтить, что самъ Гете сочувствуетъ Фаусту: нигдѣ не замѣтно, чтобы онъ судилъ своего героя за его возмутительно-безнравственный поступокъ съ Гретхенъ. Пушкинъ посмотрѣлъ на Фауста иначе: онъ произноситъ строгій приговоръ надъ ученымъ докторомъ. Фаустъ у нашего поэта говоритъ, что есть одно благо»,—но когда Мефистофель его обличаетъ, онъ въ ужасѣ прерываетъ его, ибо «тотъ обнажилъ язвы его совѣсти: Гретхенъ «жертва прихоти» Фауста; любовь ученаго мыслителя къ ней—«тщетное злое дѣло»... Гете такъ не думалъ; а между тѣмъ это правда, и эту правду понялъ нашъ поэтъ. Взглядъ Пушкина на жизнь оказался нравственно выше міросозерцанія Гете; умственный кругозоръ его оказался шире. Пушкинъ переросъ и германскаго поэта, какъ переросъ Байрона».

Воззрѣнія Незеленова любопытны, какъ курьезъ морализующей критики; здѣсь особенно очевидно, что по существу ей нѣтъ дѣла до разбираемаго произведенія и особенно до его поэтической жизненности. Выходитъ, что стоило Пушкину построже отнестись къ Фаусту—и онъ уже переросъ Гете съ его нравственнымъ и умственнымъ кругозоромъ. Разумѣется, никакихъ возраженій не нужно тамъ, гдѣ достаточно вспомнить, что Фаустъ Гете, при всѣхъ своихъ громадныхъ силахъ и высокомъ идеалистическомъ порываніи, все-таки есть для поэта не идеалъ, а воплощеніе человѣка во всей его противорѣчивости, въ безднахъ паденія и высотѣ полета. На борьбу между «двумя душами въ его груди» уходятъ лучшія жизненныя силы Фауста, но въ исканіи истины бытія, въ исканіи своего Бога, своего счастія онъ оказывается побѣдителемъ: его не только прощаетъ Гете, но духи небесъ, отстоявъ его «нетлѣнное» отъ злой силы, возносятъ его для прощенія въ горнія обители съ торжественнымъ пѣснопѣніемъ: «Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen»: «кто въ жизни стремится впередъ неустанно, того избавляемъ отъ гибели мы».

Значительно ниже гетевскаго Фауста поставилъ личность Фауста Пушкина Поливановъ въ своемъ комментированномъ изданіи (1887). Для него «Фаустъ Пушкина —Фаустъ только по имени. Это — не человѣкъ борьбы, которому суждено въ концѣ концовъ восторжествовать надъ духомъ отрицанія; это—мышь, созданная для игрушекъ кошки. Онъ заимствовалъ изъ Гетевскаго Фауста лишь недовольство жизнью,... но не носитъ въ груди того бога, котораго чувствуетъ въ себѣ Фаустъ Гете... Онъ не одаренъ тѣмъ двойственнымъ духомъ, который мутитъ Фауста Гете»... Онъ «всецѣло во власти своего Мефистофеля и зараженъ до самаго сердца его скептицизмомъ. Обладая лишь одною изъ тѣхъ двухъ душъ, которыя чувствовалъ въ себѣ Фаустъ Гете, этотъ Фаустъ —ничтожный человѣкъ. О немъ Мефистофель не могъ бы сказать того, что онъ говоритъ о Фаустѣ Гете:

Ему душа дана судьбою,
Впередъ летящая и чуждая оковъ;
Въ своемъ стремленьи пылкою душою
Земныя радости онъ презирать готовъ.

«Съ своимъ ничтожнымъ запасомъ силъ Фаустъ Пушкина перенялъ, однако же, повелительный тонъ Фауста Гете, который привыкъ имѣть бѣса на посылкахъ... Но у Фауста Пушкина этотъ повелительный тонъ звучитъ простымъ капризомъ». Фаустъ Гете не зналъ скуки—его любовь къ Гретхенъ изсякла не отъ пресыщенія; онъ самъ, проклиная своего искусителя, говоритъ Мефистофелю, что она способна возродиться. А пушкинскій Фаустъ ничего не можетъ возразить Мефистофелю, когда тотъ напомнилъ ему о той скукѣ пресыщенія, которая осталась у него одна послѣ первыхъ минутъ обладанія: въ душѣ согласный съ нимъ Фаустъ «въ гнѣвѣ гонитъ его отъ себя, но не потому, почему гналъ отъ себя Мефистофеля Фаустъ Гете, а по-

тому, что видитъ, что Мефистофель слишкомъ правъ и хорошо понимаетъ его. Онъ не умѣетъ сорвать свою злобу иначе, какъ капризнымъ и безсмысленнымъ приказаніемъ утопить испанскій корабль». Общее мнѣніе Поливанова склоняется къ тому, что Фаустъ Пушкина есть, такъ сказать, развитіе образа Онѣгина; здѣсь «Пушкинъ довелъ до конца тотъ образъ слабаго духомъ средняго человѣка, который, какъ кошмаръ, угнеталъ его поэтическую фантазію въ ту пору», когда онъ писалъ «Онѣгина», «послѣ увлеченія гордыми героями Байрона, раздираемыми вѣчно неудовлетворяемыми запросами души, когда поэтъ перенесъ свой взоръ на дѣйствительность и заглянулъ въ душу людей, ихъ окружающихъ». «Сцена изъ Фауста» есть «сатира на байронизмъ тѣхъ людей, у которыхъ царствуетъ въ духѣ какой-то холодъ тайный, когда огонь горитъ въ крови». Наоборотъ, образъ Мефистофеля у Пушкина представляется Поливанову вполнѣ согласнымъ съ образцомъ, даннымъ Гете. «Это тотъ Мефистофель, который проситъ у Господа власти надъ Фаустомъ, чтобы играть съ нимъ, какъ «кошка съ мышью». Это тотъ бѣсъ, который, по словамъ Фауста «не будучи въ силахъ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ». Оставивъ въ сторонѣ всякое иное значеніе Мефистофеля, Пушкинъ именно воспроизвелъ одно изъ этихъ его разрушеній «по мелочамъ». Противорѣчіемъ казалось бы то, что у Пушкина Мефистофель внушаетъ Фаусту необходимость скуки, тогда какъ у Гете онъ обѣщаетъ ему радости. «Но Мефистофель Пушкина не есть повтореніе Мефистофеля Гете, а его продолженіе. Онъ не былъ бы послѣдователенъ самъ себѣ, если бы отвѣтилъ иначе жалобѣ Фауста на скуку».

Болѣе обоснованными, чѣмъ эти, вполнѣ законныя въ своей субъективности, но совершенно недостаточныя оцѣнки, являются научныя попытки связать біографически «Сцену изъ Фауста» съ настроеніями поэта, дать ей историко-психологическое объясненіе на почвѣ извѣстныхъ намъ фактовъ изъ жизни Пушкина. Уже Стоюнинъ [6]) намѣтилъ основы для такой исторической оцѣнки; ихъ пересмотрѣлъ и дополнилъ г. Ѳ. Некрасовъ въ указанной уже работѣ. И для него Фаустъ Пушкина, дѣйствительно, не гетевскій Фаустъ—но почему?

«Потому ли, что Пушкинъ не могъ дать Гетевскаго Фауста? Или потому что онъ не хотѣлъ давать его? Можетъ быть, и потому, что въ то время, когда создавалась сцена (1826 годъ), Пушкинъ еще не проникся вполнѣ духомъ Гетевскаго Фауста: изъ приведенныхъ выше четырехъ отзывовъ о Фаустѣ только одинъ относится къ 1827 году, всѣ другіе болѣе поздняго времени... Намъ кажется, что на созданіе Пушкинымъ своего, а не Гетевскаго Фауста гораздо большее вліяніе имѣли причины совсѣмъ иного свойства, чѣмъ пониманіе или непониманіе Гете, именно причины психологическаго характера, связанныя тѣсно съ тѣмъ, что переживалъ самъ поэтъ, т. е. мы склонны думать, что Пушкинъ и не думалъ давать въ своемъ «Фаустѣ» Гете».

Дѣло въ томъ, что время созданія «Сцены изъ Фауста» было для Пушкина временемъ томительной тоски. Общественная жизнь съ кровавымъ началомъ новаго царствованія придушена желѣзною рукою побѣдителя; друзья поэта, какъ Пущинъ или Кюхельбекеръ жестоко расплачиваются за попытку обновить русскую жизнь; общество, снисходительное къ забавнику «Руслана и Людмилы» перестаетъ понимать творца «Онѣгина»; между тѣмъ поэту—въ лучшемъ случаѣ—приходится жить въ этомъ мелочномъ и пошломъ обществѣ, приходится выносить уколы унизительной борьбы съ Бенкендорфомъ и т. д. Около этого времени онъ горько жалуется Осиповой на «скверную прозу своего настоящаго существованія», набрасываетъ печальную характеристику свѣтской жизни въ VIII главѣ «Онѣгина», 26 мая 1828 г. подчеркиваетъ свою тоску въ чудныхъ строфахъ стихотворенія «Даръ напрасный, даръ случайный»:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ...

Совокупность этихъ данныхъ и дала Стоюнину основаніе охарактеризовать настроеніе поэта въ эпоху созданія «Сцены изъ Фауста», какъ «томительное, тоскливое состояніе, которое онъ называлъ скукою. Это не та обыкновенная скука празднаго человѣка, не знающаго, куда дѣвать свое время. Это совсѣмъ особенное чувство, являющееся отъ неудовлетворенныхъ тре-

[6]) Историческія сочиненія, ч. II. Пушкинъ. СПБ. 1881.

бованій духовной жизни, не оставляющее человѣка и во время труда, и въ минуты пріятныхъ впечатлѣній».

Значительнѣе этихъ указаній считаетъ г. Ѳ. Некрасовъ то, что еще изъ Михайловскаго въ 1825 году, т. е. раньше времени созданія «Сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ», Пушкинъ писалъ Рылѣеву: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?» Изъ этихъ словъ видно, что чувство скуки, неудовлетворенности современной русской дѣйствительностью снѣдало Пушкина еще во время жизни въ Михайловскомъ, и начата была сцена подъ впечатлѣніемъ этого чувства; а по пріѣздѣ въ Москву, когда первое, впрочемъ, очевидно, очень кратковременное увлеченіе свѣтскими удовольствіями, которыхъ Пушкинъ такъ долго былъ лишенъ, прошло послѣ того, какъ онъ понялъ пошлость «высшаго свѣта», это чувство только усилилось, обострилось, стало еще болѣзненнѣе чѣмъ раньше, найдя благопріятную для себя пищу; такъ что, и окончательную отдѣлку сцена получила подъ впечатлѣніемъ того же чувства «скуки». Изъ приведеннаго отрывка, взятаго изъ письма къ Рылѣеву, явствуетъ, что Пушкинъ считалъ такое состояніе духа какъ бы «типической чертой» современнаго образованнаго, мыслящаго человѣка». Въ связи съ этимъ Ѳ. Некрасовъ присоединяется къ мнѣнію Стоюнина, что «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» находится въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ Пушкина. Она была создана, по словамъ Стоюнина, или, вѣрнѣе, получила окончательную обработку какъ разъ «вскорѣ послѣ того, какъ онъ снова вступилъ въ кругъ столичной жизни и, отдаваясь ея удовольствіямъ, быстро дошелъ до мысли объ ея пошлости. Скука его лишь усилилась, и подъ ея впечатлѣніемъ создался у него образъ Фауста съ неизбѣжнымъ его спутникомъ Мефистофелемъ»—таково мнѣніе Стоюнина, не совсѣмъ справедливое только въ послѣдней своей части: сцена начата была еще до пріѣзда изъ ссылки, и по пріѣздѣ изъ ссылки могла только досоздаться. «Пушкинскій Фаустъ», справедливо говоритъ далѣе Стоюнинъ, «съ родни Евгенію Онѣгину, который, въ свою очередь съ родни самому Пушкину. Это—русскій Фаустъ, т. е. современный Пушкину образованный человѣкъ, развитый чтеніемъ и не нашедшій себѣ въ общественной жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ всѣ свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ... Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонне и которые рано извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлеченіяхъ, ослабивъ ими энергію своей души. Это были люди раздвоенные: у нихъ не было дѣятельности, которая занимала бы одинаково ихъ умъ и сердце; оно было пусто и искало себѣ жизни; а между тѣмъ размышляющій умъ анализировалъ всякое чувство и увлеченіе, находилъ его пошлымъ, осуждалъ и подавлялъ въ самомъ началѣ, не давъ развиться тому наслажденію, которое отъ него ожидалось. Люди безъ идеаловъ и съ идеалами, но непримѣнимыми къ жизни, одинаково скучали и постоянно думали о томъ, чѣмъ бы подавить свою скуку. Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями» — что, впрочемъ, «отнюдь не исключаетъ, конечно, принадлежности и Пушкинскому и Гетевскому Фаусту общей имъ «рефлексіи»: разница въ цѣляхъ, къ которымъ они стремились.— «Тотъ искалъ познаній, *чтобы удовлетворить жажду своего ума*; эти, утомляясь одними размышленіями ума, и с*кали жизни для сердца*, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашелъ, что «въ глубокомъ знаніи жизни нѣтъ» и «проклялъ знаній ложный свѣтъ». Мы согласны съ Стоюнинымъ также и въ томъ, что «подъ этотъ типъ (т. е. типъ, отразившійся въ Евгеніи Онѣгинѣ и Фаустѣ) мы не можемъ вполнѣ подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ въ своемъ творчествѣ и ясно сознавалъ задачу своей жизни; но тѣмъ не менѣе онъ переживалъ такое чувство (т. е. чувство скуки въ указанномъ выше смыслѣ), въ виду тѣхъ противодѣйствій жизни, которыя мѣшали ему исполнять эту задачу».

Въ концѣ концовъ г. Некрасовъ полагаетъ, что сближеніе «Сцены изъ Фауста» съ поэтическими произведеніями классиковъ Западной Европы, приводитъ къ мнѣнію Кирпичникова, что «Пушкинскій Фаустъ» представляетъ «амальгаму и изъ Гете и Байрона», такъ какъ находимъ въ немъ тѣ же байроническіе отголоски, какіе встрѣчаемъ, напримѣръ, и въ «Евгеніи Онѣ-

гинѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ общую и Гетевскому и Пушкинскому Фаусту рефлексію. Однако, при этомъ надо замѣтить, что какъ байроническіе отголоски Евгенія Онѣгина, который «съ родни самому Пушкину» и Фауста (Пушкинскаго), который «съ родни Евгенію Онѣгину», такъ равнымъ образомъ и рефлексія, которая присуща и самому поэту, коренятся въ самыхъ условіяхъ жизни тогдашняго русскаго общества, а не представляютъ просто заимствованнаго, наноснаго явленія въ произведеніяхъ Пушкина, т. е. здѣсь простое сходство, совпаденіе настроеній, а не заимствованіе».

Такимъ образомъ изслѣдователи опирающіеся на біографическія данныя, приходятъ къ мысли, что Пушкинъ писалъ своего Фауста—съ себя. Это положеніе можно принять лишь съ оговоркой, что, конечно, въ Фаустѣ Пушкинъ и не думалъ дать свой полный портретъ, а только изображалъ свое преходящее настроеніе. Фаустъ—это, такъ сказать, не больше, чѣмъ моментальная фотографія поэта со всей ея односторонностью и случайностью. Какъ картинка мимолетнаго настроенія, «Сцена изъ Фауста» не такъ ужъ рѣзко противорѣчитъ и образу гетевскаго героя. Да, Фаустъ Гете глубже, сознательнѣе, пытливѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ Фаустъ Пушкина,—но онъ человѣкъ, у него могутъ быть минуты тоскливаго разочарованія, когда онъ готовъ успокоить свое раздраженіе даже безцѣльной жестокостью. Если не преувеличивать различіе, если не требовать, чтобы маленькій эпизодъ, созданный Пушкинымъ, изображалъ всего Фауста Гете, если видѣть въ Фаустѣ Пушкина законное дополненіе къ Фаусту Гете, законный варіантъ въ предѣлахъ образа, даннаго нѣмецкимъ поэтомъ, то никакого глубокаго противорѣчія не окажется; «Сцена изъ Фауста» Пушкина съ ея отчетливыми характеристиками, съ ея живымъ и сильнымъ языкомъ, съ ея увлекательнымъ легкимъ стихомъ достойна занять мѣсто въ великой трагедіи, подтверждая тѣмъ какъ всечеловѣческую чуткость Пушкина, такъ и сверхъ-національную всенародность творенія Гете.

А. Горнфельдъ.

Сцена изъ Фауста

482. СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

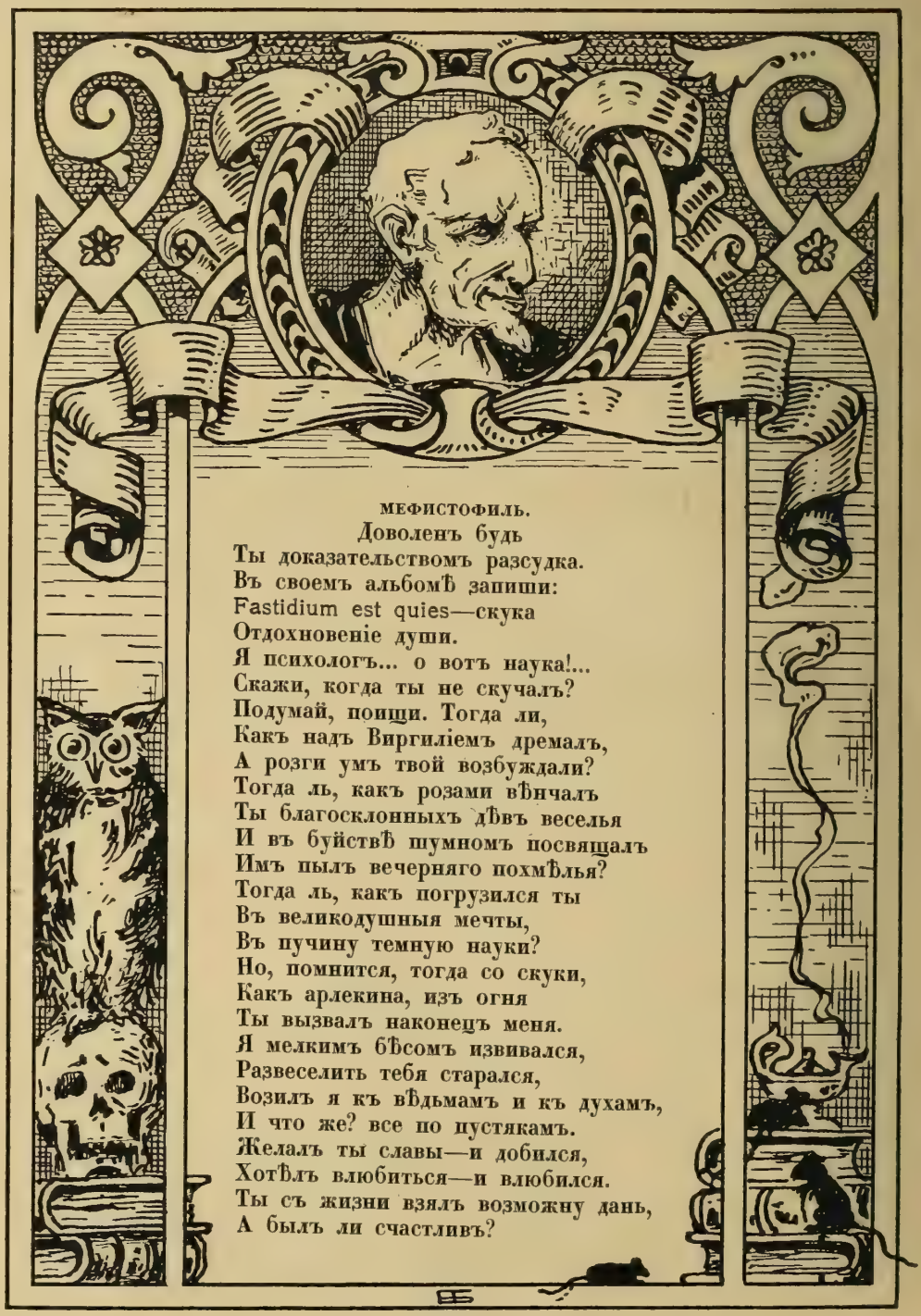
МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ!
Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезмѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ—
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!
Найди мнѣ способъ какъ-нибудь
Разсѣяться.

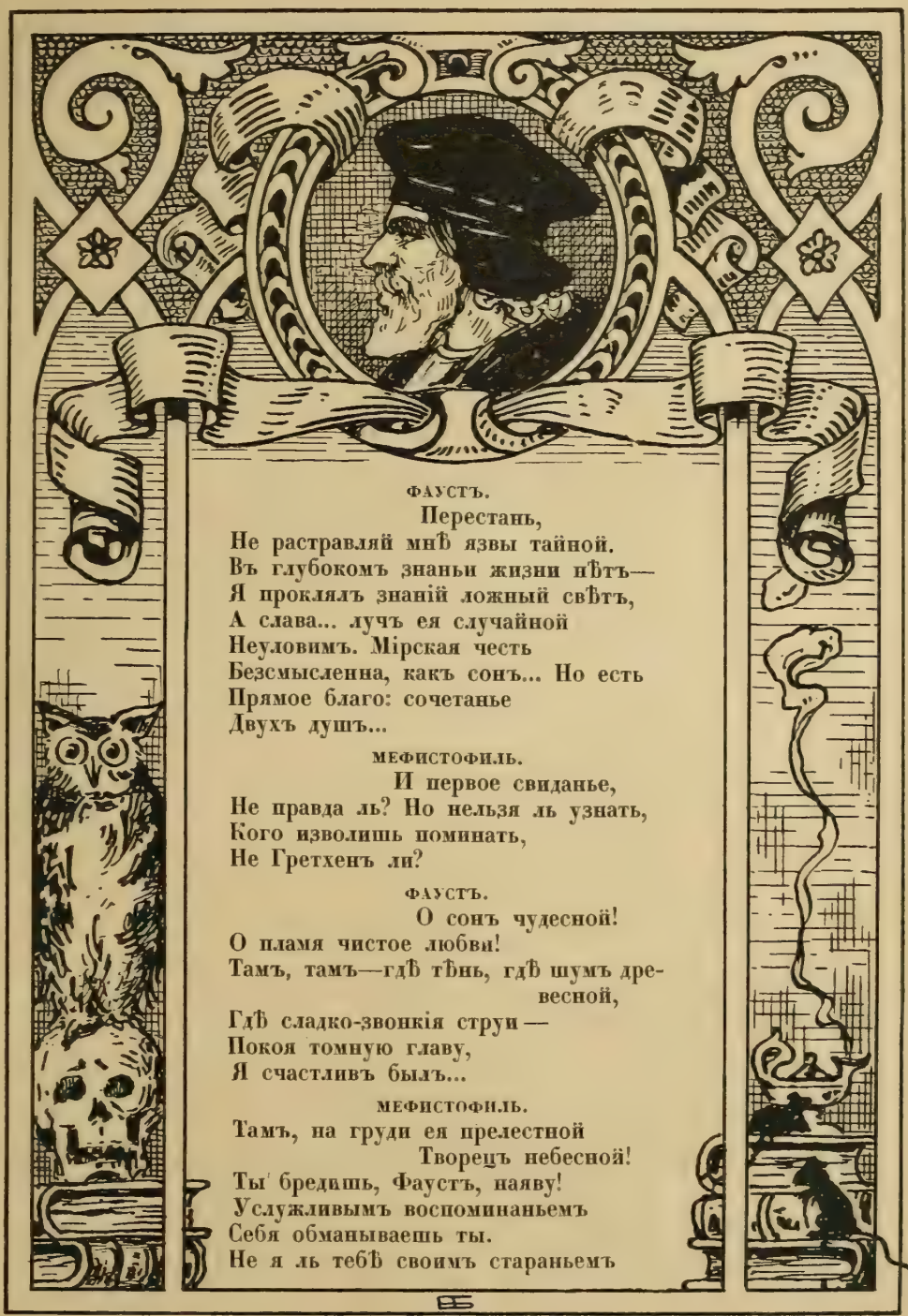
Иллюстраціи Ѳ. Г. Беренштама.



МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies—скука
Отдохновеніе души.
Я психологъ... о вотъ наука!...
Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали?
Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогда ль, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ я къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же? все по пустякамъ.
Желалъ ты славы—и добился,
Хотѣлъ влюбиться—и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

Иллюстраціи Ѳ. Г. Берентштама.



ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ—
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
А слава... лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мірская честь
Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ—гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи —
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

Тамъ, на груди ея прелестной
Творецъ небесной!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ

Иллюстраціи Ѳ. Г. Берентама.

Доставилъ чудо красоты?
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ—все помню я.
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье—скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

мефистофиль.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

Иллюстраціи Ѳ. Г. Берентама.

Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье...

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

мефистофиль.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я—
Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ.

Что тамъ бѣлѣетъ? говори.

мефистофиль.

Корабль Испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

Фаустъ.

Все утопить.

Мефистофиль.

Сей часъ.

(Исчезаетъ).

Иллюстраціи Ѳ. Г. Берентштама.

483. ДУША МОЯ ПАВЕЛЪ.

(Въ дѣтскій альбомъ кн. П. П. Вяземскому—сыну).

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасной!

---

484. ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отвѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.
Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

---

485. МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГЪ, МОЙ ДРУГЪ БЕЗЦѢННЫЙ.

(И. И. Пущину).

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

---

486. О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ.

(Черновой набросокъ).

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и (слогъ примѣрный),
О ты, который избѣжалъ
(Сантиментальности) манерной,
(И самый легкій мадригалъ)—
(Умѣлъ)

ПУШКИНЪ ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ (Посѣщеніе Пушкина).

Картина Ге.

[illegible] Туманскому. О ты, который [illegible]

[illegible] ДУША МОЯ ПАШЕЛЪ

[illegible]

[illegible] ТУМАНСКОМУ.

[illegible]

[illegible] у ней:

[illegible] лучей

[illegible]

ПУШКИНЪ ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ (Посвященіе Пущину).

[illegible] ДРУГЪ БЕЗЦѢННЫЙ.

Картина 1-е.

([illegible] Пущину).

[illegible] мой другъ безцѣнный!
[illegible]
[illegible]
[illegible] занесенный,
[illegible]
[illegible]
[illegible] твоей
[illegible]
[illegible]
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

486. О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ.

(Черновой набросокъ).

О ты, который сочеталъ
[illegible] разумъ вѣрный,
И точный умъ, и (слогъ примѣрный),
О ты, который избѣжалъ
(Сентиментальности) манерной,
И (самый легкій мадригалъ) —
[illegible]

487. СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь Пращуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твёрдъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

ОТГОЛОСКИ УВЛЕЧЕНІЯ БАЙРОНОМЪ: РАЗОЧАРОВАНІЕ, ГРЕЗЫ О СВОБОДѢ ВНѢ ЦИВИЛИЗОВАННАГО ОБЩЕСТВА И СОМНѢНІЯ ВЪ ПОЭЗІИ ПУШКИНА *).

I. Лучшій поэтическій образъ высшихъ стремленій человѣка новаго времени—Гетевскій Фаустъ. Ему присущи глубочайшія муки души, онъ отягченъ сознаніемъ вины, но постепенно возвышается до духовнаго просвѣтленія, до универсальной широты созерцанія и моральнаго сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фаустъ—воспроизведеніе душевной жизни самого поэта, переживавшаго въ сущности то же, что волновало, снѣдало душу и, претворившись, окрыляло новыми порывами его Фауста.

По тому же тернистому пути идетъ и всякій великій поэтъ новаго времени, начиная съ Данте; прошелъ той же дорогой и нашъ первый истинно великій поэтъ Пушкинъ.

Въ годы своей юности Пушкинъ, какъ бы совмѣщая въ себѣ стремленія XVIII-го и начала XIX-го вв., являлся въ серьезной, не эротической, части своего творчества по преимуществу поэтомъ протеста и обличенія, возмнивъ себя какъ бы русскимъ Вольтеромъ, и одновременно—тоски, воспѣтой поэтами т. наз. міровой скорби. Пушкинъ открылъ такимъ образомъ либеральное теченіе въ нашей новѣйшей поэзіи и вполнѣ отчетливо намѣтилъ не только грустныя, но и тоскливыя ноты ея. Онъ съ юныхъ лѣтъ поддавался меланхолическому настроенію, которое прорывалось въ его творчествѣ на ряду съ жизнерадостностью:

> . . . быстрой, быстрой чередой
> Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
> Веселье—тихою тоской,
> Печаль—восторгомъ упоенья [1]).

Правда, въ мартѣ 1816 г. Пушкинъ еще издѣвался надъ любителями сельскаго уединенія [2]), но потомъ грусть и тоска не разъ овладѣвали его душой и отзывались въ его поэзіи. Это теченіе русской поэзіи, вообще склонной къ грустному созерцанію, во главѣ котораго на время сталъ-было Пушкинъ, не было лишь простымъ подражаніемъ иноземнымъ образцамъ. Какъ лучшіе люди Запада во второй половинѣ XVIII-го вѣка и въ началѣ XIX-го, не удовлетворяясь цивилизаціею своего общества и времени, не знали иного выхода, кромѣ духовнаго бѣгства отъ вызывавшей ихъ недовольство общественности, такъ должны были они направиться въ ту же сторону и у насъ въ силу соотвѣтственности условій. Но, конечно, въ выработкѣ поэтической меланхоліи у насъ должны были участвовать и великіе поэты Запада.

Популярнѣйшимъ послѣ Гёте изъ современныхъ Пушкину этихъ поэтовъ былъ Байронъ, «мученикъ суровый», который «страдалъ, любилъ и проклиналъ», по выраженію нашего поэта. Байронъ явился величайшимъ выразителемъ меланхоліи и міровой скорби, глубокаго раздумья надъ судьбою міра и человѣка и также неукротимаго стремленія къ свободѣ, блестящихъ идеаловъ мощной личности, доходившей до демонизма въ мятежномъ отрицаніи лжи и лицемѣрія, въ необъятномъ желаніи справедливости и свободы личности. При этомъ онъ искалъ славы, наслажденій и любви и удивительно соглашалъ свою жизнь со своею поэзіею. Онъ чрезвычайно увлекалъ читателей, въ томъ числѣ и русскихъ [3]), и сталъ образцомъ для подражанія со стороны цѣлаго ряда поэтовъ, названныхъ байронистами.

Пушкина плѣнила довольно рано «поэзія мрачная, богатырская, сильная байроническая» [4]). Нашъ поэтъ находилъ у Байрона

*) Настоящій этюдъ является дальнѣйшею разработкою мыслей, намѣченныхъ въ моей книгѣ «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени», I, К. 1900, гдѣ въ примѣч. 2-мъ на стр. 155 можно найти указанія и на литературу вопроса о байронизмѣ Пушкина, почти не обогатившуюся послѣ того ничѣмъ, заслуживающимъ особаго вниманія, если не считать статьи Алексѣя Н. Веселовскаго: «Этюды о байронизмѣ» (Вѣстн. Евр. 1905, № 3), результаты которой вошли и въ новое (3-е) изданіе книги того же Веселовскаго: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», М. 1906, и перепечатки свода статей В. Сиповскаго въ его книгѣ «Пушкинъ» (Спб.1907).

1) Сочиненія и письма А. С. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. IV, Спб. 1903, 624.

2) Переписка Пушкина, изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. И. Саитова, т. 1, Спб. 1906, стр. 2. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ будемъ обозначать это изданіе инициалами Пер. 3) См. записки К. А. Полевого. Въ Петербургскомъ Англійскомъ Клубѣ бесѣдовали «О Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ», 4) Пер., I, 28.

«страшную истину» [5]), и сколь ничтожною казалась ему въ сравненіи съ послѣднею классическая поэзія французовъ: «Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица; сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ» [6]). Но, тѣмъ не менѣе поэтъ критицизма Байронъ былъ лишь однимъ изъ цѣлаго ряда могучихъ создателей критической мысли, думъ, меланхоліи и вдохновенія нашего поэта въ годы его юности.

Это нерѣдко однако забываютъ, и одностороннее сопоставленіе Пушкина съ Байрономъ можетъ назваться общимъ мѣстомъ многихъ разсужденій о нашемъ поэтѣ, уже начиная съ лѣтъ его молодости. Не совсѣмъ расположенные къ нему хотѣли сказать такимъ сравненіемъ, что Пушкинъ—не болѣе, какъ «слабый подражатель не особенно похвальнаго оригинала» [7]). Почитатели же Байрона и Пушкина въ близости послѣдняго къ первому усматривали еще болѣе правъ на громкую славу, уже въ ранней юности осѣнившую чело нашего поэта. Были, конечно и тогда болѣе осмотрительныя сужденія въ родѣ высказаннаго кн. З. А. Волконской (29 октября 1826 г.) [8]).

Теперь, послѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго изученія отношеній поэзіи Пушкина къ западно-европейской, приходится соблюдать необходимую осмотрительность въ этомъ вопросѣ, воздерживаясь отъ опрометчивыхъ сужденій въ родѣ того, которое было высказано поэтомъ Минскимъ, заявившимъ, что «смятенная тоска, громкая міровая скорбь, духъ гнѣва и печали, словомъ, все то, что принято называть байронизмомъ, по традиціи Пушкина и Лермонтова, до сихъ поръ омрачало русскую поэзію, горѣло на ней, какъ чумное пятно», въ противоположность новѣйшему настроенію ея [9]). Только въ послѣднее время болѣе тщательный анализъ произведеній Пушкина начинаетъ вполнѣ раскрывать значительную оригинальность ихъ въ силу связи съ личною жизнью поэта, такъ что вопросъ о непосредственномъ вліяніи Байрона на Пушкина сводится до значительно меньшихъ размѣровъ.

Это вліяніе было лишь однимъ изъ многочисленныхъ звеньевъ, изъ которыхъ слагалась широкая и многосторонняя духовная жизнь нашего поэта, и было болѣе или менѣе замѣтно только въ одинъ изъ болѣе раннихъ періодовъ творчества Пушкина.

II. Оно давало себя знать преимущественно въ годы 1820—1824, проведенные Пушкинымъ на югѣ, когда такъ наз. освободительныя идеи бродили въ умахъ многихъ выдающихся русскихъ людей того времени, когда было во всей силѣ броженіе еще не установившихся душевныхъ силъ и въ поэтѣ, когда въ немъ кипѣлъ молодой протестъ противъ стѣснительныхъ условій государственности и общественности, достигли высшаго напряженія бурныя стремленія и титаническіе порывы и одолѣвали смутныя томленія по идеалѣ, не вполнѣ еще обрисовавшемся его сознанію. Въ тѣ годы начиналась и у насъ, какъ во Франціи, усиленная борьба классиковъ съ романтиками. Свѣжія силы примыкали въ большинствѣ случаевъ къ послѣднимъ, и тому же теченію послѣдовалъ и Пушкинъ, который въ письмѣ отъ 13 іюня 1824 г. назвалъ себя «Разбойникомъ-Романтикомъ» [10]). Тѣ же годы ознаменовались и наибольшимъ увлеченіемъ нашего поэта Байрономъ, что совпадало и съ наибольшимъ тяготѣніемъ его къ западно-европейскому міру:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной.
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой,

вспоминалъ Пушкинъ [11]).

Байронъ былъ очень по душѣ Пушкину въ тѣ годы изгнанія изъ общества столицы и пылкаго исканія новыхъ темъ. Тогда въ особенности Пушкинъ возлагалъ надежды на вліяніе англійской поэзіи [12]).

Байронъ былъ родственъ Пушкину въ силу совпаденія въ нѣкоторыхъ чертахъ характера, въ бурныхъ порывахъ темперамента, въ судьбѣ и настроеніи, приближавшихъ нашего поэта къ англійскому.

Другъ Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, справедливо замѣтилъ, что душа Пушкина была также кипучая бездна огня, какъ Байроновская, по выраженію Козлова. И у Пуш-

5) Тамъ же I, 55. 6) Тамъ же I, 95. 7) Ср. Записки Смирновой, I, 46. 8) «Tantôt sauvage, tantôt européen; tantôt Shakespeare et Byron, tantôt Arioste, Anacréon, mais tousjours Russe»... Пер., I, 377. 9) Ср. Міръ Божій 1899, № 12, Критич. замѣтки.

10) Пер., I, 117. 11) Ср. тамъ же, I, 34: «пріѣхалъ бы я въ Одессу... подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ»; I, 75: «оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу»»; I, 84: «Одесса городъ Европейскій»; см. еще I, 89. 12) Тамъ же, I 47: «Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія Французской поэзіи робкой и жеманной».

кина была «душа мятежная» [13]). Его также называли «grand libertin» [14]). Самъ Пушкинъ сознавался:

Увы! на разныя забавы
Я много жизни погубилъ,
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья [15]).

Но онъ любилъ также

. . . . бурною душою
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ

и проч. [16]). Онъ былъ знакомъ между прочимъ и «съ Гречанкой, которая цаловалась съ Байрономъ» [17]). Подобно Байрону, Пушкинъ сталъ «жертвой нещастныхъ сплетней»; при первыхъ же шагахъ къ славѣ Пушкинъ встрѣтилъ зависть и ненависть и рисовался этимъ [18]), какъ и древностью своего рода [19]). Наконецъ, и онъ «часто бывалъ подверженъ такъ называемой хандрѣ» [20]), и «страдалецъ вдохновенный» [21]) былъ близокъ ему и въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, Пушкину были уже знакомы Чайльдъ-Гарольдово пресыщеніе, разочарованіе и охлажденіе къ жизни и по личному опыту, а не только литературнымъ путемъ—изъ французскихъ писателей второй поло-

13) Соч. и письма А. С. Пушкина, изд. подъ ред. Морозова, т. I, стр. 366. 14) Пер., I, 332. 15) «Евгеній Онѣгинъ». — Сочиненія Пушкина, изданіе Императорской Академіи Наукъ, т. второй, Спб. 1905, стр. 19. Это изданіе мы будемъ обозначать въ ссылкахъ: Соч. П., II. 16) См. элегію: «Подъ небомъ голубымъ». 17) Пер., I, 68. 18) О сплетняхъ Пер., I, 48; ср. 138. Въ стих. «Желаніе» (1821): «изгнанникъ». Въ посвященіи «Кавказскаго Плѣнника» по одному изъ варіантовъ (см. Соч. А. С. Пушкина, Ред. П. А. Ефремова, т. II, Спб. 1903, стр. 503) говорилось о «пѣньи изгнанной лиры»; Гнѣдичъ исправилъ: «пустынной» (Соч. П., II, примѣч., 447 и 373). Тамъ же:

Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ.

Соч. П., II, 226; ср. примѣч., стр. 449. Въ стих. «Къ Языкову» (1824):

Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
Влачу закованные дни.

Въ сентябрѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы—но помилуй... это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ». Въ концѣ: «Ты вбилъ ему (Горчакову), что я объѣдаюсь гоненіемъ—Охъ душа моя—меня тошнитъ... но предлагаемое да ѣдятъ» (Переп., I, 288 и 290). 19) Рылѣевъ писалъ Пушкину въ іюлѣ 1825 г.: «Ты сдѣлался аристократомъ, это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ» (Переп., I, 232. Отвѣтъ Пушкина—тамъ же, 233; ср. тамъ же, 235, іюль 1825): «я всегда былъ склоненъ аристократичествовать». Но раньше культъ родовитости Пушкинъ соединялъ съ демократическими расположеніями (см. Пер., I, 135 о «демократическихъ друзьяхъ 1818 года» и др.). Объ аристократизмѣ Байрона онъ отозвался такъ:

. . . . . Нашъ лордъ,
Какъ говоритъ о немъ преданье,
Не только былъ отмѣнно гордъ
Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
Но и случайностью рожденья...

(Соч. А. С. Пушкина, Ред. П. А. Ефремова, т. III, стр. 559) и протестовалъ противъ толковъ, что онъ подражалъ въ томъ Байрону: «Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, т. VI, критическія замѣтки (1830—31), стр. 275). Въ письмѣ къ Бенкендорфу 24 ноября 1831 г. Пушкинъ такъ изложилъ свое отношеніе къ гордости родовитостію: «J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés; je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit quoique cela ne rapporte pas grand chose; je tiens beaucoup enfin au nom des mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова т. VIII, 267). См. еще письмо къ Н. Г. Репнину 5 февр. 1836 (тамъ же, 380). 20) Пер., I, 58; ср. тамъ же, 76: «У меня хандра»; I, 87: «скучно: вотъ припѣвъ моей жизни»; I, 137: «la rage de l'ennui qui consume ma folle existance»; I, 138: «l'ennui est une froide muse»; «скука смертная вездѣ»; I, 153 о Вяземскомъ: «какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость»; I, 178: «мнѣ довольно скучно»; I, 203 «у меня хандра»; I, 220: «тебѣ (разумѣется Рылѣевъ) скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа» (П. Морозовъ, Соч. и письма А. С. Пушкина, т. VIII, 461 указываетъ для параллели въ «Сценѣ изъ Фауста»: «скука—отдохновеніе души»); I, 221: «Михайловское душно для меня»; I, 251: «шумно, а скучно»; I, 286—287 «извини... хандру»; I, 321: «скучно, мочи нѣтъ». Такія же признанія находимъ и въ поэзіи Пушкина. Въ «Элегіи» 1821:

Живу печальный, одинокій.

Въ одной рукописи и въ журналѣ есть такой варіантъ:

Живу печальный, равнодушный.

(Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, I, 589). Въ стих. «Война» 1821:

Я таю, жертва злой отравы.
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой...

(Тамъ же, 281). Въ стих. «Къ моей чернильницѣ» 1821:

Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты.

(Тамъ же, III, 670). «Унылый умъ» (тамъ же, I, 306). Въ 1830-хъ годахъ опять прорываются въ письмахъ подобныя жалобы. См. Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 193: «мочи нѣтъ, скучно»; VIII, 210: «грустно, тоска, тоска!» VIII, 218: «Мнителенъ и хандривъ; VIII, 233: «Грустно, тоска!» VIII, 235: «У меня сегодня spleen—прерываю письмо мое, чтобъ тебѣ не передать моей тоски»; VIII, 305: «хандра грызла меня». 21) Стих.: «Къ Гречанкѣ».

вины XVIII-го и начала XIX-го в., наталкивавшихъ на раздумье о человѣческомъ существованіи и смерти. Напрасно Пушкинъ считалъ элегію дѣтищемъ преимущественно XIX-го вѣка. Конечно, Пушкинъ не поддавался всецѣло грусти и тоскѣ и «отдѣлалъ элегиковъ» въ эпиграммѣ «Соловей и Кукушка», какъ выразился Баратынскій, который замѣтилъ, «что стало очень приторно»

Вытье жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ [22]).

Еще болѣе роднило британскаго и русскаго поэтовъ совпаденіе въ творчествѣ того и другого.

У Байрона находимъ страданіе личное и за все человѣчество, за жалкихъ и покорныхъ людей и стремленіе къ освобожденію всѣхъ угнетенныхъ. У Пушкина также видимъ рѣзко выраженныя свободолюбивыя стремленія. Онъ воспѣвалъ

Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ.

Въ 1821 г. онъ писалъ о себѣ то же, что можно было сказать и о Байронѣ:

. . . . . у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И . . . разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
. . . . . пламеннымъ волненьемъ.
И бурями души моей
И жаждой воли и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межь людей [23]).

И Пушкинъ сталъ глашатаемъ независимости другихъ, возставшихъ противъ угнетенія, народовъ, разочаровавшись въ возможности пріобрѣтенія свободы для своего. Въ концѣ 1823 г. онъ писалъ:

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды...
Но... потерялъ я только время,
Благія мысли и труды.
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь *и т. д.* [24]).

Подобно Байрону Пушкинъ очень принималъ къ сердцу дѣло освобожденія Греціи отъ турецкой неволи [25]).

Оба поэта были пѣвцами свободы [26]), и имъ обоимъ послѣ революціонныхъ грезъ пришлось жить въ тяжкое время реакціи и испытывать гоненія, на что они отвѣчали по временамъ вспышкою вражды къ родинѣ [27]). Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга главнымъ образомъ за оду «Вольность» [28]). Еще въ 1824 г., прощаясь съ южнымъ моремъ, поэтъ писалъ:

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ...
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ [29]).

Оба поэта разошлись съ правительствомъ, великосвѣтскою публикою и угождавшею ей журналистикою. Публика казалась Пушкину «дѣтской» [30]), и онъ вступилъ-было въ литературную оппозицію правительству [31]), отъ которой пытались отклонить его авто-

---

22) Пер., I, 310—311, 317. 23) Соч. и письма А. С. Пушкина ред. Морозова, I, 307—перечень проявленій свободолюбивыхъ стремленій Пушкина см. въ ст. Мизинова: «Пушкинъ - сынъ вѣка» (Исторія и поэзія, М. 1900), стр. 513—514. 24) Пер., I, 91. 25) Потомъ Пушкинъ разочаровался въ грекахъ: Пер., I, 118—119.

26) «Одна свобода—мой кумиръ», писалъ Пушкинъ въ 1821 г. Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 419. 27) У Пушкина такая вражда бывала непродолжительна.—Въ началѣ января 1824 г. онъ писалъ: «Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ... меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость» (Пер., I, 94). Пушкинъ замышлялъ-было бѣжать изъ Михайловскаго за границу (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 452). «Что мнѣ въ Россіи дѣлать?» задавалъ онъ вопросъ въ декабрѣ 1825 г. (Пер., I, 314) «Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ... Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь», писалъ Пушкинъ въ маѣ 1826 г. (Тамъ же, 352). 28) Соч. П., II, примѣч., стр. 109 и 305 и слѣд. Самый текстъ оды см. тамъ же, 491—494. Отнесеніе оды къ 1817 г. не выдерживаетъ критики. См. т. I наст. изд., стр. 510—516. См. еще Noël въ Соч. П., II, примѣч., 4, 5 и 6 вообще о политическихъ стихотвореніяхъ Пушкина и далѣе 304—308. 29) Стихотв. «Къ морю». 30) «Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать» (Пер., I, 44); «publique que je méprisais» (тамъ же, I, 222); «публика наша глупа» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 171). 31) Главнымъ образомъ—эпиграммами. Замѣчаніе Пушкина объ оппозиціи—Пер., I, 119 и въ Соч. и письмахъ А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 502 (о времени Александра I: «весь классъ писателей перешелъ на сторону недовольныхъ»); мнѣніе кн. Вяземскаго—Пер. I, 280,—Царь, по мнѣнію Пушкина, «поступилъ съ нимъ не только строго, но и несправедливо» (Пер., I, 140). Въ октябрѣ 1824 г. поэтъ былъ готовъ просить «какъ милости, перевода изъ Михайловскаго въ одну изъ

ритетные друзья [32]), и пренебрежительно относился къ обществу и журналистикѣ [33]).

Потому-то Пушкинъ готовъ былъ подражать Байрону въ жизни [34]) и не могъ остаться внѣ его вліянія въ своей поэтической дѣятельности, когда и его

Средь оргій жизни шумной
. . . постигнулъ остракизмъ [35]).

Прямыя упоминанія о Байронѣ встрѣчаются въ поэзіи Пушкина въ сентябрѣ 1820 г. [36]), а въ перепискѣ поэта еще позднѣе: не ранѣе марта 1821 г. [37]).

Значительнымъ препятствіемъ къ полному усвоенію Пушкинымъ поэзіи Байрона являлось долго плохое знакомство нашего поэта съ англійскимъ языкомъ, которымъ Пушкинъ началъ заниматься довольно поздно. На первыхъ порахъ онъ читалъ Байрона во французскихъ и русскихъ переводахъ. Онъ плохо зналъ англійскій языкъ еще и въ сентябрѣ 1825 г. [38]).

крѣпостей» (тамъ же, I, 141). «Я hors la loi», писалъ тогда Пушкинъ (тамъ же, 142), а въ февралѣ 1826 г. онъ опять жаловался на то, что онъ—человѣкъ, «гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма» (тамъ же, I, 325). 32) Кн. П. А. Вяземскій—Пер., I, 102, 229, 252, 278, 347, 356. 362. Дельвигъ—тамъ же, 133; Катенинъ—тамъ же, 336—337; Жуковскій—тамъ же, 258, 292, 330, 340. Пушкинъ внялъ этимъ совѣтамъ въ 1826 г. (тамъ же, 335).

33) Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ.
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аониъ.

Пер., I. 63. «Je me soucie tout autant de l'opinion de ce public que de l'opinion de nos journaux...» (тамъ же, 115); «признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публикой» (тамъ же, 121). И въ 1831—1832 гг. Пушкинъ писалъ: «плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жь, ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 254); «угождать публикѣ... было бы слишкомъ низко» (тамъ же, 280).

34) «Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là» (Переп., I, 79); «хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону» (тамъ же, 207). 35) Пер., I, 63. 36) Именно въ лирикѣ Пушкина. См. ниже. 37) Пер., I, 28. 38) Пер., I, 286: «Мнѣ нуженъ Англійскій языкъ—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!»—Но 21 сентября 1835 г. Пушкинъ писалъ: «Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою и англійскаго» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 370). Въ «Полтавѣ» эпиграфъ изъ Байрона приведенъ въ англійскомъ текстѣ, но поэтъ подготовлялъ и

Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, понялъ ли Пушкинъ сущность поэзіи Байрона? По мнѣнію нѣкоторыхъ [39]),—нѣтъ, какъ не понялъ-де онъ и Гёте. Это утвержденіе не вѣрно, какъ то показываютъ сужденія Пушкина о Байронѣ, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ жизни нашего поэта. Все дѣло лишь въ томъ, что нашъ поэтъ не могъ вполнѣ идти по слѣдамъ Байрона. Это обусловливалось коренными различіями какъ между личностями, такъ и между поэзіею обоихъ писателей, несмотря на сейчасъ указанную близость ихъ въ другихъ отношеніяхъ.

По словамъ Смирновой, хорошо знавшей Пушкина, нашъ поэтъ «былъ несравненно выше Байрона по столь развитому въ немъ нравственному чувству, по великой прямотѣ своей совѣсти». Ср. ниже о «Братьяхъ-Разбойникахъ».

Еще болѣе было различій между обоими поэтами въ направленіяхъ, въ которыхъ развились основные мотивы ихъ поэзіи. Другъ Пушкина въ годы своего пребыванія въ Петербургѣ, Мицкевичъ справедливо замѣтилъ, что Пушкинъ былъ не Байронистомъ, а только Байроническимъ поэтомъ, поэтомъ въ родѣ Байрона [40]). Весьма важно, что Пушкинъ началъ довольно рано относиться критически къ поэту, который, изображая своихъ героевъ, «погрузился въ описаніе самого себя» [41]). Это наблюденіе Пушкина подтверждено и новѣйшею критикою, напр. Тэномъ, но не охватываетъ всего творчества Байрона, напр., поэмы о Донъ-Жуанѣ, на что и указали Пушкину А. А. Бестужевъ и Рылѣевъ [42]). Тѣмъ не менѣе, не лишено значенія, что Пушкинъ не примыкалъ къ субъективизму Байрона и не всегда

. . . маралъ свой портретъ

переводъ стиховъ Байрона изъ 1-й строфы «Мазепы» (см. тамъ же III, 643). См. еще ниже прим. 59 39) Г. Здѣховскій, напр., говоритъ Byron jego wiek, Krak. 1897, 187, что Пушкинъ «nie dorósł do zrozumienia bohatesw Byrona». Въ послѣднее время сужденіе о томъ, что Байронъ оказался не по плечу русскимъ поэтамъ, въ статьѣ Н. К. Бокадорова: «Система Шопенгауэра и его ученіе о чистой идеѣ красоты» (Сборникъ статей въ честь проф. Ю. А. Кулаковскаго, стр. 160—161). 40) Il n'est qu'un byroniaque. Замѣчанія Мицкевича объ отношеніи Пушкина къ Байрону см. въ русскомъ переводѣ въ «Мірѣ Божіемъ» 1899, № 5, стр. 114—118. 41) Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 260. См. еще соч. А. С. П., ред. Ефремова, т. VII, стр. 222. Ср. ниже подобное же сужденіе Пушкина о драмахъ Байрона. 42) Пер., I, 187 и 216.

Какъ Байронъ, гордости поэтъ [43]).

Пушкинъ, какъ и Байронъ, былъ исполненъ скорби, и это была скорбь не наносная, а искренняя. Западное разочарованіе, основанное, между проч., на неудачномъ исходѣ грезъ, выразившихся въ революціи, передавалось вполнѣ естественно и нашимъ пылкимъ натурамъ. Русскіе порядки возмущали Пушкина до послѣднихъ лѣтъ его жизни [44]). Понятно, что онъ увлекся прежде всего Байроновскимъ протестомъ противъ общественности, стѣснявшей могучую личность, и его плѣнилъ образъ Чайльдъ-Гарольда, въ которомъ достигъ уже значительной силы по художественности выраженія излюбленный Байроновскій мотивъ борьбы страстнаго и озлобленнаго героя съ обществомъ и судьбою. Этотъ образъ въ особенности нравился Пушкину. Нашъ поэтъ усвоилъ отъ Байрона по преимуществу гордо-пренебрежительное отношеніе къ людямъ общества и извращенной городской культуры и къ соціальной порчѣ, первые зародыши котораго могъ почерпнуть у Руссо, явившагося въ томъ учителемъ Байрона [45]). У Байрона находимъ одновременно «и любовь, и горечь, и презрѣніе». Меланхолія начала проникать въ русскую поэзію въ концѣ XVIII-го в. У Жуковскаго она начала превращаться въ тоску, у Грибоѣдова въ негодованіе, у Пушкина, какъ и у Байрона, становится иногда презрѣніемъ [46]). Но нашъ поэтъ оказался не въ состояніи выдерживать постоянно тонъ гордаго презрѣнія. Это вытекало изъ доброты его сердца [47]). Ненависть ко всякаго рода утѣсненію была свойственна и Пушкину, какъ и Байрону. Но «поклонникъ правды и свободы», какъ называлъ себя Пушкинъ [48]), чувствовавшій симпатію даже къ евреямъ [49]), началъ довольно скоро относиться съ большею осмотрительностію и разсудительностію къ поразившимъ его непра[illegible]амъ [50]) и не остался до конца поэтомъ протеста, какимъ пребылъ Байронъ.

Британскій поэтъ искалъ утѣшенія въ своей тоскѣ, обращаясь къ природѣ, любви, искусству и мечтамъ объ освобожденіи народовъ и о реформахъ въ жизни человѣчества. Съ особою полнотою эти стороны Байронова творчества послѣ созданія имъ «Чайльдъ-Гарольда» выразились въ поэмѣ о Донъ-Жуанѣ. Пушкинъ восхищался постоянно и этимъ произведеніемъ [51]), которое также оставило довольно крупный слѣдъ въ его творчествѣ подобно «Чайльдъ-Гарольду». Индивидуализмъ въ смыслѣ Донъ-Жуанства, какъ разнузданности въ исканіи авантюръ, необычнаго прекраснаго въ любви и сатиризма среди всеобщей порчи, были въ особенности по душѣ нашему поэту въ годы его молодости до женитьбы и очень приближали его къ Байрону, какъ поэту Донъ-Жуанства въ литературѣ и въ жизни.

Подобно Байрону, Пушкинъ увлекся роскошною природою юга и востока и изображеніемъ ея, но только—не въ духѣ Мура, «чопорнаго подражателя безобразному восточному воображенію» [52]), а въ духѣ Байрона [53]). Въ особенности очаровали нашего поэта

И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса [54]).

Ср. воспоминаніе о томъ времени въ путешествіи Онѣгина:

Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...

---

43) Евг. Онѣг., I, VI. 44) См. его письма. Россія казалась Пушкину Турціею: Пер., I, 34.

45) O. Schmidt, Rousseau und Byron.

46) . . . . Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

Пер., I, 364. Извѣстны слова Пушкина о томъ, что «кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей» («Евг. Он.», I, XLVI). Ср. однако въ альбомѣ Онѣгина. 47) На доброту своего сердца указывалъ самъ Пушкинъ. См., напр., его письмо 1834 г.: « . . изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, несмотря на опыты жизни« (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 331). 48) Пер., I, 27, 49) См. отрывокъ «Юдиѳь».

50) «Послѣдній либеральный бредъ» Пушкина, по его словамъ, — ода на смерть Наполеона; потомъ-де онъ отрекся отъ провозглашенія свободы. Но онъ все-таки возвращался по временамъ къ излюбленному сюжету и, можетъ быть, въ концѣ 1824 г. сочинилъ новый Noël (Соч. П., II, примѣч., 9). Въ маѣ—іюнѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому: «Я обѣщалъ Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ»; въ февралѣ 1826 г.: «Я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ Его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны (Пер., I, 326; см. потомъ тамъ же, 335). 51) См., напр., Пер., I, 196: «никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж.» 52) Пер., I, 37. 53) Тамъ же, 206—207: Муръ «черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета—Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца. Вотъ почему Байронъ» и т. д. 54) «Желаніе» 1821 (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, I, 278.

Въ Пушкинской лирикѣ слышимъ Байроновскую идею, что отъ всѣхъ утѣхъ юности

Останется унынiе одно [55]).

И Пушкинъ находилъ, что «il n'y a vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté» [56]).

Словомъ, Байронъ значительно расширилъ горизонтъ зрѣнія и усилилъ въ значительной степени романтическіе вкусы Пушкина. «Все, что ты говоришь о романтической поэзіи прелестно, ты хорошо сдѣлалъ, что первый возвысилъ за нее голосъ—французская болѣзнь умертвила бы нашу отроческую словесность»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому въ февралѣ 1823 г.[57]). «Стань за нѣмцевъ и англичанъ—уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи»,—продолжалъ онъ полгода спустя [58]). «Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ то и возродитъ умершую поэзію» [59]). Но, ставъ на сторону новаго литературнаго движенія, Пушкинъ видѣлъ и его недостатки и замѣтилъ, что Байронъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ въ своихъ романтическихъ порываніяхъ. Байронъ заявилъ себя титанической натурой, что въ особенности выступаетъ въ «Манфредѣ» и «Каинѣ», гдѣ поэтъ пытался проникнуть до послѣднихъ предѣловъ познанья. «Мрачное, ненавистное, мучительное лицо проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона»,—говоритъ Пушкинъ [60])—и потому, вѣроятно, назвалъ его «поэтомъ мучительнымъ и милымъ» [61]). Нашъ поэтъ поддался-было обаянію мощи этого «лица», но не вполнѣ, потому что скоро замѣтилъ односторонность Байроновыхъ героевъ:

Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ [62]).

Пушкинъ, находившій и у Байрона «внутреннюю вѣру», не прошелъ всей тяжкой школы сомнѣнья и остался свободенъ отъ Байроновскаго титанизма и сверхчеловѣчества. Ему были не совсѣмъ чужды Байроновы демоническіе порывы и страстное выступленіе противъ небесъ [63]), смѣны полета мыслей и патетической рѣчи, но послѣдняя не такъ часта у Пушкина. Ему были не совсѣмъ присущи глубокомысленныя идеи и проблемы, занимавшія Байрона, страстное стремленіе къ разоблаченію высшихъ и низшихъ тайнъ міра. Равнымъ образомъ Пушкинъ не могъ вполнѣ освоиться и со взрывами Байроновскаго пессимизма и съ темными красками, которыя тотъ пускалъ въ дѣло въ своей поэзіи. Пушкинъ не былъ скорбникомъ; хотя онъ и не разъ хандрилъ, но онъ сознавалъ, что «хандра убиваетъ душу» [64]). По сообщенію Ежова [65]), В. А. Нащокина выразилась о Пушкинѣ: «Какой это былъ весельчакъ, добрякъ и острословъ!» «Какъ онъ звонко хохоталъ!» О его «разговорѣ», «веселости» вспомнилъ Катенинъ въ 1825 г. [66]).

Понятно послѣ всего этого, что Пушкинъ не могъ стать одностороннимъ байронистомъ; онъ, какъ крупный талантъ, могъ лишь, воспринявъ воздѣйствіе Байрона, претворить въ своемъ духѣ то, что согласовалось съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Это видимъ даже въ годы наибольшаго увлеченія Пушкина Байрономъ.

III. Быть-можетъ, первый косвенный слѣдъ такого увлеченія можно усматривать въ эпитетѣ, которымъ надѣляетъ себя поэтъ въ эпилогѣ «Руслана и Людмилы», набросанномъ въ Петербургѣ передъ высылкой и законченномъ на Кавказѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1820 г. [67]): Пушкинъ называетъ себя тамъ «мірожителемъ равнодушнымъ» съ «болѣзненной душой» [68]).

Во всякомъ случаѣ, кому—переводъ, кому подражаніе Байрону — элегія [69]) «Погасло дневное свѣтило», набросанная первоначально въ концѣ августа 1820 г. «ночью на кораблѣ» [70]) и отдѣланная окончательно въ сентябрѣ того же года [71]), можетъ считаться

---

55) Стих. «Унынiе». 56) Пер., I, 257. 57) Пер., I, 66—67. 58) Тамъ же, 74. 59) Тамъ же, 83; ср. 123 и 218. А. А. Бестужевъ писалъ 9 марта 1825 г. Пушкину о Козловѣ: «Не дай Богъ судить о Байронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковскаго пудрѣ.—Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Англинскую литературу и душой благодаренъ Англинскому языку:—онъ научилъ меня мыслить, онъ обратилъ меня къ природѣ—это неистощимый источникъ. Я готовъ даже сказать; il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплоченъ сторицею за трудъ» (Пер., I, 188). «Всѣ имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ»,—писалъ Пушкинъ 25 мая 1825 г. (тамъ же, 219; ср. 308: «сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то»). Ср. Кульмана: «Отношеніе Пушкина къ Романтизму»—въ сборн. «Памяти Леонида Николаевича Майкова», Спб., 1902. 60) Мор. V, 134. 61) Стих. къ «Гречанкѣ. 62) «Евг. Онѣг.», III, XII.

63) См. ниже о стихотв. «Демонъ» и др., а также «Евгенія Онѣгина». 64) Пушк., ред. Морозова, VIII, 255 (22-го іюля 1831 г.). 65) «Новое Время» 1899, № 8343. 66) Пер., I, 211. 67) Соч. П., II, примѣч., 265 — 267. 68) Тамъ же, 191. 69) Такъ наименовалъ это стихотвореніе самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату. 70) Пер., I, 120. 71) Соч. П., II, примѣч., 323.

первымъ поэтическимъ произведеніемъ, навѣяннымъ Байрономъ посредственно или непосредственно.

Она не есть, однако, вполнѣ байроническое произведеніе, хотя самъ Пушкинъ назвалъ ее подражаніемъ Байрону и въ одной изъ рукописей помѣстилъ на англійскомъ языкѣ эпиграфъ, взятый изъ Чайльдъ-Гарольда [72]), да и кн. Вяземскій приписывалъ себѣ то, что онъ «наговорилъ Пушкину эту байроновщину»:

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей [73]).

Въ противовѣсъ признанію прямого вліянія Байрона на созданіе этого стихотворенія указываютъ [74]), что въ этой знаменитой элегіи Пушкина «сказалось вліяніе трехъ пьесъ Батюшкова: «Тѣнь друга» (1814), «Разлука» (1815) и отрывка: «Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...» (1819), который «не что иное, какъ чрезвычайно близкій и прекрасный переводъ строфы CLXXVIII изъ четвертой пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» Байрона». Однако вліяніе Байрона, прямое или косвенное, видно въ обращеніи къ «вѣтрилу» и «океану», въ упоминаніяхъ о «печальныхъ берегахъ туманной родины», о «пламени страстей», о «рано отцвѣтшей младости», о бѣгствѣ изъ «отеческихъ краевъ» отъ «питомцевъ наслажденій». Замѣчаніе кн. Вяземскаго: «въ этой элегіи дѣло о любви одной. Зачѣмъ не упомянуть о другихъ неудачахъ сердца? Тутъ было гдѣ поразгуляться» не совсѣмъ точно, потому что, хотя рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о «пламени страстей», но поэтъ вспомнилъ не только

. . . . прежнихъ лѣтъ безумную любовь,

но

И все, чѣмъ онъ (въ подлинникѣ: я) страдалъ,
и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ.

Байроновскія ноты 1) скорби о невозвратномъ «молодомъ восторгѣ», о «минутахъ умиленья», «младыхъ надеждахъ», «сердечной тишинѣ» «годовъ весны поэта» и 2) «лѣни и тишины въ сердцѣ, бурями смиренномъ», слышатся и въ стихотвореніяхъ «Чаадаеву» и «Мнѣ васъ не жаль»... [75])

Въ стихотвореніи того же 1820 г. «О дѣва—роза, я въ оковахъ» [76]) Н. Ѳ. Сумцовъ [77]) также находитъ матеріалъ для сравненія съ соотвѣтственными образами въ «Гяурѣ», «Паризинѣ» и «Абидосской невѣстѣ» Байрона. Въ элегіи, относящейся къ тому же году: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» [78]) развитъ Байроновскій мотивъ «влеченія задумчивой лѣни надъ моремъ»; но лѣнь эта водворилась и въ сердцѣ нашего поэта послѣ дѣйствительно пережитыхъ имъ бурь [79]):

И тягостная лѣнь душою овладѣла,

читаемъ въ стихотвореніи «Война 1821 г.» [80]). Байронична и «хладная душа», которую «терзаетъ печаль», въ стих. «Черная шаль» [81]).

Такимъ образомъ, къ 1820 г. относится цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина, гдѣ то въ большей, то въ меньшей степени слышатся отголоски увлеченія нашего поэта Байрономъ. Это годъ наиболѣе сильнаго отраженія байронизма въ лирикѣ Пушкина, можетъ быть потому, что тогда наиболѣе свѣжо чувствовалась имъ близость къ судьбѣ и настроенію Байрона и его героя Чайльдъ-Гарольда. Тогда же возникла и первая изъ поэмъ, носящихъ отпечатокъ той же близости и называемыхъ Байроническими.

IV. Такъ называемыя Байронические поэмы Пушкина. Ихъ какъ бы выдѣлилъ въ особую группу произведеній самъ Пушкинъ, заявившій, что Бахчисарайскій фонтанъ, какъ и «Кавказскій плѣнникъ», отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ». Но необходимо сразу отмѣтить, что въ ихъ герояхъ можно открыть наряду съ байроническими черты также героевъ и героинь Руссо, Гёте (Вертера) и другихъ.

«Кавказскій плѣнникъ» написанъ въ начальную пору увлеченія нашего поэта Байрономъ [82]). Пушкинъ хотѣлъ лишь

72) Соч. П., II, прим., 318—319. 73) Тамъ же, II, 322—со ссылкою на Остафьевскій архивъ II, 104 и 107. 74) Чтецъ, Пушкинъ и Батюшковъ—Новое Время 1900, № 8890. Отмѣтимъ еще совпаденія съ элегіею Парни: Sa chagrin dévorant a flétri ma jeunesse и проч. 75) Первое изъ этихъ стихотвореній написано въ 1820 г. на «морскомъ берегѣ Тавриды» (Соч. П., II, 203), а второе также въ Крыму, именно въ Юрзуфѣ, 20 сент. 1820 г. (тамъ же, 205).

76) Соч. П., II, 216. 77) Пушкинъ, 174—177. 78) Соч. П., II, 217, 79) Тамъ же, примѣч., 329—по поводу «лѣни и тишины въ сердцѣ, смиренномъ бурями», упомянутыхъ въ стих. 1820 г. «Чаадаеву». 80) Соч. и п. Пушкина, ред. Морозова, II, 281. 81) Соч. П., II, 209. 82) Начата поэма въ августѣ 1820 г. въ Юрзуфѣ (тамъ же, примѣч., 382 и 480), а можетъ быть еще на Кубани: Бояновскій, Новый списокъ «Кавказскаго плѣнника»—(сборникъ) Памяти Леонида Николаевича Майкова, Спб., 1902, стр. 484—489). 4-го декабря 1820 г. Пушкинъ писалъ: «у меня еще поэма готова или почти готова» (тамъ же, 28). 23-го марта 1821 г.: «кончилъ я новую поэму—«Кавказскій плѣнникъ» (тамъ же, 28).

«изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка». А этими чертами характеризовались и нѣкоторые литературные носители міровой скорби. Ее опредѣляютъ теперь, какъ поэтическое выраженіе необычной чувствительности къ моральному и физическому злу и бѣдствіямъ существованія [83]). У Пушкина находимъ довольно скудное выраженіе ея. Пушкинъ далъ въ своей поэмѣ «изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца (въ первые лѣта своей молодости) въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю; его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы» [84]). Отсюда видно, что нашъ поэтъ въ то время еще не былъ знакомъ со всею ширью стремленій и идеаловъ Чайльдъ-Гарольда и самого его автора, который въ III и IV-й пѣсняхъ Чайльдъ-Гарольда выказалъ болѣе глубокое пониманіе жизни и горя, проникся болѣе благороднымъ вдохновеніемъ и который, слѣдовательно, не останавливался на тоскѣ въ силу преждевременнаго пресыщенія жизнью и не утратилъ чувствительности сердца. Въ этомъ отношеніи «Кавказскаго плѣнника» можно скорѣе сближать—и г. Сиповскій сблизилъ—съ Шатобріановыми повѣстями объ «Аталѣ» и «Рене» [85]). Но и это сближеніе, быть можетъ, не имѣетъ особаго значенія, потому что фабула «Кавказскаго плѣнника» заимствована Пушкинымъ изъ разсказа одного его родственника [86]). Сверхъ того надо считаться съ «La jeune Indienne» Champfort'a и съ трагедіей Вольтера, въ которой выступаетъ индіанка, предшественница Атала [87]). Во всякомъ случаѣ, уже въ этой романтической поэмѣ Пушкинъ старался придерживаться реальной основы [88]), между прочимъ, и въ обрисовкѣ плѣнника. Въ героѣ поэмы Пушкинъ, подобно Байрону, либо хотѣлъ выразить собственное настроеніе, либо внесъ его не вполнѣ сознательно, мимовольно. Потому-то былъ ему любъ его плѣнникъ: «признаюсь, люблю его самъ не зная за что,—писалъ поэтъ: въ немъ есть стихи моего сердца» [89]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ сознавался: «я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія» [90]). Это утвержденіе невѣрно, конечно, и въ поэму о «Кавказскомъ плѣнникѣ» внесено не мало чертъ автобіографическихъ. Въ письмѣ поэта къ кн. Вяземскому, написанномъ въ первой половинѣ марта 1820 г., читаемъ: «Петербургъ душенъ для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу» [91]). Въ одной изъ рукописей «Кавказскаго плѣнника», въ рѣчи послѣдняго, противъ стиховъ:

Безъ упованья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей,

были набросаны сбоку стихи:

Я пережилъ мои желанья и пр.,

выдѣленные потомъ въ особую элегію (изъ поэмы «Кавказъ» [92]). Далѣе, и Пушкинъ называлъ себя «безпечнымъ сыномъ природы» [93]):

И музу поэта . . . плѣнилъ нарядъ суровой
Племенъ, возросшихъ на войнѣ [94]).

Такимъ образомъ характеристика «Кавказскаго плѣнника» не разъ напоминаетъ не только западныхъ носителей міровой скорби, но и нашего поэта, напр., въ стихахъ:

. . . . . пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ. . .
. . . много милаго любилъ. . .
. . . . друзьями окруженный
Онъ съ ними шумно пировалъ
. . . . . вѣрилъ . . . . надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ! [95])

Плѣнникъ въ первоначальномъ наброскѣ охарактеризованъ какъ «слабый питомецъ нѣгъ» [96]). Въ окончательной редакціи онъ также

---

83) W. A. Braun, Types of weltschmerz in german poets, New Jork 1905. 84) Пер., I, 41. 85) Пушкинъ сталъ однако зачитываться Шатобріаномъ, повидимому, позднѣе; «упоминанія о Шатобріанѣ въ Е. О.» см. I, IX; II, XXXI, прим. 18; IV, 26. въ частности упоминаніе объ «Atala» въ его перепискѣ относится къ октябрю 1823 г. (Пер., I, 80). Замѣтимъ, что и Байронъ въ юности увлекался «Atala». См. выдержку изъ «Mémoires d'Outre Tombe» въ V. Giraud, Chateaubriand. Par. 1904, p. 84—85.—Г. Морозовъ (Соч. и п. А. С. Пушкина, т. III, Спб., 1903, прим., 611—612) призналъ указаніе г. Сиповскаго на Шатобріана любопытнымъ, хотя типъ Рене выработанъ не однимъ Шатобріаномъ, а былъ намѣченъ романистами до него. 86) Нѣкоторые, впрочемъ, сомнѣваются въ томъ; см. Соч. П., прим. 480. 87) Слѣдъ знакомства Пушкина съ Champfort'омъ см. въ письмѣ къ кн. Вяземскому: Пер., I, 206. Впрочемъ, можетъ быть, то была ходячая фраза. У Шатобріана также встрѣчается она: «Mais le public! Combient faut il de sots pour former un public? disait Chamfort. Но см. еще «Е. О.», VIII. XXXV. 88) Ср. Соч. П., II, примѣч., 418. 89) Пер., I. 42. 90) Тамъ же, 36. 91) Тамъ же, 15. 92) Она помѣчена Каменкой 22 февраля 1821 г.—Соч. и п. А. С. Пушкина, ред. Морозова, III, 617, прим. 5. и I, 279 и 587. 93) Въ стихотв.: «Къ моей чернильницѣ»—тамъ же, III, 670. 94) Соч. П., II, 255. 95) Соч. П., II, 240, 245. 96) Тамъ же, прим., 384.

ШАТОБРІАНЪ.

. . . бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы
. . въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы,

и

Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ [97]).

Но другія подробности характеристики плѣнника не такъ легко могутъ быть относимы къ самому поэту и скорѣе напоминаютъ типъ Рене и Чайльдъ-Гарольда. Это, можно сказать, напр., о «души печальномъ хладѣ», до котораго не доходилъ Пушкинъ, и о слѣдующихъ чертахъ душевнаго состоянія плѣнника: какъ и отъ героевъ типа Рене,

И вы, послѣднія мечтанья,
И вы, сокрылись отъ него!...
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой. . . [98])
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой... [99])

А равно исповѣдь плѣнника передъ черкешенкой также заставляетъ вспомнить Рене:

Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной...
. . . . . умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ...
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой! ..
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю.
О немъ въ пустынѣ слезы лью,
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сѣрую мою [100]).

Къ тому же образу подходитъ стихъ, хорошо выражающій основную черту душевной жизни плѣнника:

Одно унынье мой удѣлъ, [101])

а равно стихи:

. . . . . я сраженъ судьбою
И горе сердца испыталъ [102]),

Но плѣнникъ не подавленъ всецѣло своею судьбою. На это какъ бы намекаетъ эпиграфъ поэмы, взятый изъ стихотворенія кн. Вяземскаго о гр. Ѳ. И. Толстомъ:

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти легкій листъ [103]).

Въ связи съ этимъ интересно упоминаніе въ концѣ поэмы о «воскресшемъ сердцѣ» плѣнника [104]), который оказывается не вполнѣ разочарованною личностію. Эта упругость характера приближаетъ плѣнника уже къ Чайльдъ-Гарольду. Еще въ большей степени ихъ сближаетъ присущее плѣннику романтическое въ Байроновомъ вкусѣ чувство природы и стремленіе къ свободѣ, обусловившее бѣгство его изъ міра родной гражданственности, которою онъ остался неудовлетвореннымъ.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ [105]).

97) Соч. П., II, 231. См. еще важное мѣсто въ «Е. О.», I, X. 98) Тамъ же, 232, 236. 99) Тамъ же, 244 и 234. 100) Тамъ же, 244—246.

101) Ст. 65-й II-й части по Чегодаевской рукописи, замѣненный потомъ тѣмъ, что стоитъ въ печатномъ текстѣ. 102) Ст. 141—142 по рукописи М. Соч. П., II, примѣч., 462—463. Очень хорошо подходитъ къ настроенію Рене и 2-я строфа «элегіи» изъ поэмы «Кавказъ» по рукописи:

Безмолвно жребію послушный
Влачу страдальческій вѣнецъ,
Живу печальный, равнодушный,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Соч. и п. А. С. П., ред. Мор., I, 589. 103) «Понимаешь, почему не оставилъ его»,—писалъ поэтъ кн. Вяземскому (Пер., I, 78). Ср. Соч. П., II, примѣч. 450. Ср. съ этимъ эпиграфомъ въ первоначальномъ наброскѣ и въ слѣдующемъ:

Въ минуты щастья—сынъ пировъ
Во дни гоненья—хладный камень (зачеркнуто «твердый»).

Соч. П., II, примѣч. 393, 396 и 450; цит. ст. г. Боцяновскаго стр. 413. 104) Ст. 266-й II-й части; ср. въ Ч. рукописи (Соч. П., II, прим. 471):

Живыхъ надеждъ и силы полный.

105) Соч. П., II, 231.—Плѣнникъ (см. тамъ же, 236)

И бури немощному (немолчному?) вою
Съ какой то радостью внималъ.

Ср. по рукописи М. (Соч. П., II, прим. 452):

(Любилъ онъ) вѣтровъ вой ужасной,
Любилъ и бури онъ красы.

См. еще въ первыхъ наброскахъ II-й части (тамъ же, 461):

(Глухихъ морей и вѣтровъ шумъ)
(Могучій вѣтровъ вольный шумъ).

Другія сближенія «Кавк. Плѣнника» съ Ч. Гарольдомъ см. у Поливанова: Соч. П. т. II, М. 1887, стр. 57 и сл.

Онъ оставилъ отечество и, какъ другъ свободы, спѣшилъ въ далекій край, гдѣ надѣялся обрѣсти ее. Наконецъ, по замыслу поэта, плѣнникъ приближался какъ будто къ Чайльдъ-Гарольду и своимъ костюмомъ [106]).

Герой «Кавказскаго Плѣнника» отрекся было отъ «свѣта»; но неосновательно было бы въ силу такого разрыва его съ родиной утверждать вмѣстѣ съ нѣмецкимъ писателемъ Weddigen-омъ [107]), что Пушкинъ—литературный предшественникъ нигилизма. Надлежащую точку зрѣнія на «Кавказскаго Плѣнника» установилъ самъ поэтъ. Онъ былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ произведеніемъ тотчасъ же по окончаніи его [108]), и сужденіе Пушкина вѣрно: «Все это слабо, молодо, неполно [109]), но многое угадано и выражено вѣрно». Уже въ 1821 г. поэтъ признавалъ, что «характеръ Плѣнника неудаченъ». Въ 1828 г. онъ заявилъ, что «соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившихъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и пр.». Дѣйствительно Пушкинъ хотѣлъ изобразить, по его собственнымъ словамъ (см. выше), «равнодушіе къ жизни», но образъ мірового скорбника XIX-го в. очерченъ въ разсматриваемой поэмѣ еще блѣдно и неполно. Пушкинъ справедливо замѣтилъ въ началѣ 1830-хъ годовъ: «Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ». Этотъ отзывъ какъ нельзя лучше опредѣляетъ значеніе «К. Плѣнника». Очевидно, поэтъ разумѣлъ тотъ характеръ, первую окончательную литературную обрисовку котораго далъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Что до Черкешенки, то поэтъ писалъ о ней: «Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ея трогаетъ душу.—Прелестная быль о Пигмаліонѣ, обнимающемъ холодный мраморъ, нравилась пламенному воображенію Руссо (и Шиллера)» [110]). Быть можетъ эти слова даютъ право смотрѣть на Черкешенку, какъ на книжный до извѣстной степени образъ, навѣянный отчасти Руссо [111]). Но она—чудное дитя природы, и любопытно, что уже здѣсь намѣчена особенность, не разъ повторяющаяся въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина и вообще въ русской литературѣ: рядомъ съ героемъ ставится женщина, стоящая выше его по своимъ духовнымъ силамъ. «Дѣву горъ» Пушкинъ назвалъ своимъ «идеаломъ» (Евг. Онѣг., I, LVII).

Наконецъ, къ косвенному вліянію Байрона можно бы отнести усиленное вниманіе поэта къ соблюденію мѣстнаго колорита въ изображеніи полуденной страны и нравовъ ея жителей, но Пушкинъ сознавалъ, что оказался далекимъ отъ этого образца. «Мѣстныя краски вѣрны,—писалъ онъ,—но понравятся ли читателямъ, избалованнымъ поэтическими панорамами Байрона и Вальтеръ-Скотта—я боюсь и напомнить объ нихъ своими блѣдными, тощими рисунками—сравненіе будетъ убійственно» [112]).

Представленный разборъ первой изъ т. наз. Байроническихъ поэмъ Пушкина достаточно, кажется, уясняетъ, насколько Пушкинъ явился уже въ ней истиннымъ и мощнымъ поэтомъ, исходя прежде всего изъ жизни своего общества и собственныхъ душевныхъ переживаній и подчиняя собственной идеѣ литературныя воздѣйствія, которымъ подпадалъ. Самыя эти воздѣйствія не сводились къ вліянію тѣхъ или иныхъ единичныхъ писателей, а основывались уже тогда на довольно широкомъ литературномъ образованіи, и потому не были односторонни. Плѣнникъ Пушкина можетъ быть сопоставляемъ въ частностяхъ съ поэтическими личностями того же рода у другихъ поэтовъ, но въ цѣломъ это образъ, самостоятельно выношенный въ сердцѣ и запечатлѣнный горячимъ молодымъ чувствомъ вдумчиваго поэта. Чайльдъ-Гарольдъ двухъ первыхъ пѣсней Байроновой поэмы могъ заронить въ умъ нашего поэта первую мысль объ эпическомъ объективированіи личности скорбника, но затѣмъ Пушкинъ самостоятельно развилъ эту мысль примѣнительно къ родной обстановкѣ и тому, что самъ переживалъ въ

106) На рисункѣ въ рукописи Чегодаевыхъ будущій плѣнникъ предстаетъ въ пледѣ и шляпѣ: цит. ст. г. Боцяновскаго, стр. 473.—Подробныя сопоставленія «К. Пл.» съ произведеніями Байрона см. въ кн. Незеленова Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи, Спб.—1882, стр. 76—83, 107) Lord Byron's Einfluss auf die europäischen Litteraturen, Hannov. 1884, S. 115. 108) Пер., I, 28 и 31; ср, 308. 109) Чаадаевъ «вымылъ голову» поэту, находя, что Плѣнникъ «недостаточно blasé» (тамъ же, 68). Отмѣтимъ, что въ стих. «Къ моей чернильницѣ» (1821) Пушкинъ назвалъ Чаадаева «унылымъ»: Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, III, 670. 110) Пер., I, 42.

111) Объ окраскѣ, какую придалъ этому древнему сказанію Руссо, см. въ указанной выше статьѣ г. Бокадорова.—Могли повліять на Пушкина и изображенія идеальныхъ женскихъ фигуръ среди племенъ, близкихъ къ природѣ. 112) Пер., I, 41.

своей душѣ. Такимъ образомъ въ «К. Пл.» общій Европейскимъ литературамъ романтическій типъ мірового скорбника предстаетъ не въ заимствованныхъ извнѣ и туманныхъ, а въ болѣе или менѣе реальныхъ, хотя и блѣдныхъ очертаніяхъ.

Въ XVIII в. періодъ бурныхъ стремленій, а затѣмъ, новая романтика въ ряду излюбленныхъ своихъ героическихъ образовъ выдвинула и личности, стоящія внѣ соціальныхъ правилъ, презирающія свѣтъ и людей, типы преступныхъ бѣглецовъ изъ общества, но только болѣе или менѣе идеализованные. Вниманіе Пушкина по образцу Шиллера и Байрона привлекли и эти исключительныя натуры, и опять—потому, что передъ поэтомъ выставила ихъ жизнь.

Въ годъ, когда былъ задуманъ «Кавказскій Плѣнникъ», Пушкину довелось во время путешествія на югъ увидѣть, какъ «два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ». Воображеніе поэта, романтически настроенное, углубилось въ судьбу этихъ людей и отыскало въ ней кое-что, могшее приблизить ихъ къ нашему участію. Братьевъ, ставшихъ разбойниками, къ тому склонила печальная ихъ доля: уже въ дѣтствѣ имъ

. . . . . жизнь была не въ радость:
они
. . . . знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,...
. . . жили въ горѣ, средь заботъ.

Они бѣжали въ иную среду, гдѣ во всю ширь могла развернуться «на волѣ» «юность удалая»; тамъ

Живутъ безъ власти, безъ закона.
Ихъ
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Правда,
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства.
. . . . Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

Но у братьевъ-разбойниковъ, героевъ поэмы Пушкина, совѣсть просыпается раньше: у младшаго изъ нихъ довольно скоро разгорѣлись

Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.

Старшій братъ, лишившись младшаго, унесеннаго смертью, влачился

. . . . . угрюмый, одинокій.

Такимъ образомъ и въ «Братьяхъ-разбойникахъ», какъ и въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», романтически изображены бѣглецы изъ общества, и также повѣствованіе исходило изъ реальной основы [113]). Какъ и для «Кавказскаго Плѣнника», для «Братьевъ-разбойниковъ» подыскали соотвѣтственныя параллели въ поэзіи Байрона [114]), но при этомъ должны были сознаться, что и въ этомъ произведеніи Пушкина нѣтъ настоящаго подражанія, что «если русская природа Пушкина выразилась въ безпощадной послѣдовательности сочувственнаго изображенія зла [115]), то она же сказалась и въ другомъ», въ воплѣ совѣсти въ душахъ разбойниковъ [116]), въ ихъ боязни «Божія гнѣва».

Слѣдовательно, если Пушкинъ и былъ вовлекаемъ «dans les solitudes fantastiques et les cavernes du romantisme» [117]) по выраженію Мицкевича, то вмѣстѣ съ тѣмъ не отклонялся и отъ простой русской дѣйствительности и отъ природы русскаго народа.

Болѣе романтична и вмѣстѣ болѣе фантастична ткань поэмы о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», задуманной, быть можетъ, также въ годы созданія «Кавказскаго Плѣнника» [118]). Согласно со стихотвореніемъ 1820 г. «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» надо думать, что и въ поэмѣ о послѣднемъ

. . . . только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои мгновенныя видѣнья,
Души неясный идеалъ [119]).

Собственное признаніе поэта позволяетъ,

---

113) Пер., I, 86: «Истинное произшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ...». Онъ написанъ въ концѣ 1821 года. 114) Незеленовъ, 101: «поэма написана подъ несомнѣннымъ вліяніемъ «Корсара» и быть можетъ—«Шильонскаго узника». 115) Быть можетъ, правильнѣе было бы сказать, что Пушкинъ раздѣлялъ народное воззрѣніе, по которому преступники—люди «несчастные». 116) Незеленовъ, 104. 117) Самъ Пушкинъ признавалъ, что «какъ сюжетъ, c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ». Пер., I, 78. 118) Въ письмѣ отъ 25 августа 1821 г. (Пер., I, 75) Пушкинъ назвалъ «Бахчисарайскій Фонтанъ» своею «новою поэмою». 119) Соч. П., II, 214. Интересенъ варіантъ двухъ послѣднихъ стиховъ:

Души неясныя видѣнья
(Любви безумной) идеалъ.

Въ стих. «Желаніе» (1821 г.):

. . . . . души моей мечты.

Ср. еще въ «Евгеніи Онѣгинѣ», I, LVII:

Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила и т. д.

такимъ образомъ, открыть и въ этой поэмѣ, какъ и въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» [120]), сильную струю субъективизма [121])—въ восторженномъ изображеніи идеальной женской личности, о-бокъ съ которою сколь невзрачною кажется фигура героя поэмы подобно тому, какъ и плѣнникъ возбуждаетъ менѣе симпатіи, чѣмъ Черкешенка. Центральная фигура «Бахчисарайскаго фонтана», конечно, Марія; краски для изображенія ея дала любовь къ той, которая передала поэту печальную повѣсть, составившую канву всего произведенія. «Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины»,—говоритъ Пушкинъ:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve [122]).

Объ этомъ-то первообразѣ Маріи и говорится въ концѣ поэмы:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную....
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ, полно, перестань...
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань.

Образъ Маріи—эта «дань» и является всецѣло созданіемъ нашего поэта, притомъ въ необычномъ для него стилѣ крайней идеализаціи: самъ Пушкинъ признался, что «роль Петрарки» ему «не по нутру» [122-а]). Правильнѣе было бы сказать, что въ изображеніи Маріи Пушкинъ невольно впалъ въ тонъ Данте подобно нѣкоторымъ польскимъ поэтамъ того времени, сознательно подражавшимъ пѣвцу Беатриче:

Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса, на лоно міра
Родной улыбкою зовутъ....
Промчались дни, Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила,
Она давно—желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ, озарила [123]).

Въ обрисовкѣ поэта Марія, дѣйствительно, неземное созданіе:

Съ какою бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!

Это созданіе христіанскаго идеализма помѣщено поэтомъ въ совершенно чуждой обстановкѣ мусульманскаго Востока, равно очаровывавшаго Байрона и Пушкина [124]).

И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.

Фономъ нарисованной поэтомъ чудной картины является

Волшебный край, очей отрада!

и «ночи роскошнаго Востока» [125]). Предъ нами жизнь гарема, занимающаго видное мѣсто въ поэмѣ Пушкина [126]), какъ и въ нѣсколькихъ поэмахъ Байрона.

На этомъ фонѣ прямую противоположность Маріи съ ея «чистою душой» представляетъ Зарема, устами которой говоритъ

Языкъ мучительныхъ страстей.

А Маріи онъ

Невинной дѣвѣ непонятенъ.

Марія и Зарема—однѣ изъ выразительницъ Пушкинскаго идеала женщины. Эти образы «плѣнницъ береговъ Салгира» [127])—«двѣ розы», «принесенныя» поэтомъ

---

120) Къ сказанному выше прибавимъ вопросъ: не къ Ек. ли Н. Раевской относятся въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» упоминанія о безотвѣтной несчастной любви, о «тоскѣ любви безъ упованья» и т. п.? 121) Съ приведенными только что стихами сходятся упоминанія въ перепискѣ Пушкина: «многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ» (Пер., I, 75); «я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!» (тамъ же, 76); «я выбросилъ то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою» (тамъ же, I, 82). Причина, по которой были выброшены заключительныя строки Фонтана, указана въ предыдущемъ письмѣ: «роль Петрарки мнѣ не по нутру» (т. I, 75). См. еще Пер., I, 121: «чортъ дернулъ меня написать о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строки и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу». Вопросъ о томъ, кто эта «элегическая красавица»—не выясненъ біографіей Пушкина. 122) Пер., I, 99. 122-а) Ср. «Евг.Онѣг.», I, LVIII:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

123) Ср. «Новую жизнь» Данте. 124) Пушкинъ могъ увлекаться имъ подъ вліяніемъ Байрона. См. Пер., I, 207: «Байронъ такъ прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской невѣстѣ и проч.». 125) Ср. подробную характеристику природы Крыма въ стих. «Желаніе» (1821). 126) Въ «Критическихъ замѣткахъ», помѣщенныхъ въ «Денницѣ» «Максимовича» (1830 г.), Пушкинъ сообщилъ, что «Бахчисарайскій фонтанъ» въ рукописи названъ былъ «Харемомъ». Ср. картину гарема въ «Абидосской невѣстѣ». 127) «Евг. Он.», I, LVII.

въ «даръ» «фонтану любви», это «счастливыя мечты» поэта, по его собственному выраженію [128]). О Заремѣ не несправедливо, говорятъ, что въ ней мелькаютъ уже знакомыя почитателямъ Байрона черты его героинь. Зарема напоминаетъ, между проч., Гюльнару «Корсара». О послѣдней и Леилѣ, какъ объ особо прекрасныхъ личностяхъ въ поэзіи Байрона, говорится въ письмѣ Пушкина къ Кернъ 8 декабря 1825 г. [129]) О Леилѣ Пушкинъ вспоминалъ и раньше—въ стих. «Гречанкѣ» (1822);

Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,—
Ужъ не тебя ль изображалъ?

Въ тѣ годы броженія кипучихъ страстей въ поэтѣ Пушкину могли быть любы и эти образы, представлявшіе контрастъ Маріи «Бахчисарайскаго фонтана»,—любы въ силу противорѣчій, которыми была полна жизнь его сердца:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство!

Романтиченъ и созданъ не безъ отраженія Байроновыхъ героевъ и образъ Гирея. Этотъ «грозный ханъ» былъ «повелитель горделивый» (съ «гордою душою»), но смирился предъ неземною красотою и душевной чистотою Маріи и, влюбившись въ нее,

. . . . . скучаетъ бранной славой,
Устала грозная рука.
. . . . . полонъ грусти умъ Гирея.

Послѣ смерти Маріи

. . . снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный:
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный...
. . . . . и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Критика пыталась установить сходство и этого Крымскаго хана съ героями «Гяура» и «Корсара» Байрона, обративъ вниманіе на скуку, которую испытываетъ Гирей, на то, какъ онъ пытался заглушить свое горе въ буряхъ битвъ и т. п., но не надо забывать основную идею поэмы, выразившуюся и въ Гиреѣ,—о великой силѣ идеальной любви, покорившей даже грознаго деспота—татарина: Маріины

. . . унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.

Вообще идея о силѣ возвышенной любви, сообщающей новую прелесть жизни, занимаетъ видное мѣсто въ поэзіи Пушкина [130]), и, если возводить первые зародыши этой идеи къ иноземному вліянію, то можно говорить развѣ о Руссо.

Такимъ образомъ, отзвуки поэзіи Байрона слышатся лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ поэмы, главнымъ образомъ, въ ея фонѣ, въ личности Заремы, которая не играетъ особо видной роли. Основныя чувство и мысль, проникающія поэму,—всецѣло созданіе Пушкина, который «напечаталъ Фонтанъ, потому что деньги нужны», а написалъ его въ пламенномъ порывѣ идеально любившаго сердца, «единственно для себя» [131]).

Еще независимѣе отъ Байрона послѣдняя по времени изъ такъ наз. байроническихъ поэмъ Пушкина—«Цыганы» [132]), которую иные (напр., проф. Стороженко) считаютъ однако отразившею въ наибольшей степени вліяніе Байрона.

Здѣсь, какъ и въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», опять видимъ первобытный восточный народъ и среди него разочарованнаго Европейца. Все значеніе поэмы сосредоточено не въ любовной его исторіи, а въ личности Алеко, въ переживаемыхъ имъ или поэтомъ по поводу его измѣненіяхъ воззрѣнія на міръ: любовная катастрофа—лишь исходный пунктъ этого измѣненія.

Герой поэмы отправился, какъ Чайльдъ-Гарольдъ, въ «добровольное изгнанье» и бросилъ, потому что ненавидитъ, «неволю душныхъ городовъ»:

Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Въ этихъ мысляхъ Алеко, какъ и въ Плѣн-

128) «Фонтану Бахчисарайскаго дворца». 129) Пер., I, 313, «c'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leilà—l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin». «E. O.», IV, XXXVI, «пѣвцу Гульнары подражая...»; въ той-же главѣ упоминается и Леила, какъ и въ стих. 1830 г. («Заклинаніе»—о Ризничъ).

130) См. въ моей книгѣ: Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, стр. 52—56. 131) Пер., I, 101. Ср. выше. 132) Поэма начата еще въ Одессѣ въ декабрѣ 1823 г., между второю и третьею главами «Онѣгина», а закончена въ с. Михайловскомъ 10 октября 1824 г., какъ видно изъ письма къ кн. Вяземскому (Пер., I, 136).

никѣ, узнаемъ самого поэта [133]). Алеко бѣжитъ изъ общества, какъ Чацкій, но, въ отличіе отъ послѣдняго, это личность, отягчившая свою совѣсть, и мы не можемъ уважать его, какъ уважаемъ Чацкаго. Его преслѣдуетъ законъ. И вотъ Алеко, вольнолюбивый герой, какъ и Кавказскій Плѣнникъ, и какъ самъ Пушкинъ [134]), очутился среди «смиренной вольности дѣтей»,—среди народа, которымъ владѣетъ «привязанность къ дикой вольности»:

Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ...
Все живо посреди степей...

Въ характеристикѣ этого народа поэтъ рѣзко отклоняется отъ народнаго воззрѣнія: Цыганы-де «отличаются передъ прочими большой нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами» [135]).

Здѣсь люди вольны, небо ясно . . . .
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо—непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Алеко, презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Теперь . . . вольный житель міра,
. . . . . изгнанникъ перелетный...
Ему вездѣ была дорога.

Его одолѣвала, какъ и Пушкина въ моментъ переселенія въ «край полуденной красы», «сердечна лѣнь» [136]), онъ любилъ

. . . упоенье вѣчной лѣни.

Но, какъ самого поэта, такъ и Алеко

. . . . порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда;
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда . . . .
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!

Слѣдовательно, и къ нему примѣнимы стихи, изъ посланія кн. Вяземскаго къ Ѳ. И. Толстому, предназначенные-было въ качествѣ эпиграфа, которые поэтъ хотѣлъ прежде поставить эпиграфомъ къ «Кавказскому Плѣннику»:

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти легкій листъ.

Сразу можетъ показаться, что это байроническій герой, который лишь не имѣетъ опредѣленнаго оригинала въ ряду образовъ, созданныхъ Байрономъ [137]), но было бы ошибочно остановиться на такомъ заключеніи. Основная мысль поэмы та же, какую нѣкогда проводилъ Руссо, вслѣдъ за которымъ пошелъ Байронъ,—о преимуществахъ жизни въ общеніи съ природой. Однако, хотя устами Алеко прославляется пріобрѣтаемый

. . съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы,

жизнь «на волѣ, безъ уроковъ»:

Безмолвны здѣсь предразсужденья,
нѣтъ
. . . . . ложныхъ нуждъ,
. . . . . нѣгъ и пресыщенья,
И пышной суеты наукъ,
. . . . . идола безумной чести,

---

133) См. стих. В. В. Энгельгардту (1819).

Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы Молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, луга *и т. д.*

Ср. еще въ стихотв. «Всеволожскому» (1819).

Отъ мертвой области рабовъ *и проч.*

Но здѣсь рекомендуется только удаленіе изъ круга большого свѣта, какъ и въ стих. «Князю А. М. Горчакову» (1819). Пушкинъ выражался и потомъ о городахъ весьма нелестно. Въ маѣ 1827 г. «L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses» (Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 166). О «неволѣ Невскихъ береговъ» говорится и въ письмѣ 14 іюня 1827 г. (тамъ же 167). См. еще въ письмѣ отъ 1 января 1828 г.: «le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout—à—fait étranger» (тамъ же, 175);—26 ноября 1828: «я деревенскую жизнь очень люблю» (тамъ же, 183). Ср. еще въ письмѣ отъ 29 іюня 1831 г. къ П. А. Осиповой о проектѣ пріобрѣсти с. Савкино: «J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Pour moi ce projet—là m'enchante, et j'y reviens à tout moment (тамъ же, 249). Ср. отзывы Гоголя о Петербургѣ въ годы до отъѣзда за границу. 134) Самъ Пушкинъ

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный,... бродилъ и т. д.

См. Соч. и п. А. С, Пушкина, ред. Морозова, III, 235 и 628. Сл. еще «Е. Он.», VIII, V:

Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала...

135) Соч. А. С. П., ред. П. А. Ефремова, III, 27—28.

136) См. выше, а также въ стих. «Къ моей чернильницѣ» (1821):

Тебя я . . . . . .
И съ лѣнью примирилъ:
Она—твоя подруга.

137) Незеленовъ, 163; Zdziechowski, 190.

счастье на цыганскій ладъ пришлось не по душѣ Алеко, и послѣдній выходитъ за предѣлы завѣтовъ Байронизма. Напрасно отецъ Земфиры, которая

. . . привыкла къ рѣзвой волѣ,

ссылается въ оправданіе дочери на примѣръ ея матери Маріулы. Нѣтъ, я не таковъ, отвѣчаетъ Алеко. И, дѣйствительно, это не герой въ духѣ Байрона. Это Пушкинъ съ его страстной ревностію въ духѣ Отелло и въ то же время съ самоосужденіемъ. Земфира стоитъ за свободу чувства:

Умру любя!

Алеко же говоритъ:

Отъ правъ моихъ не откажусь,
Или хоть мщеньемъ наслажусь.

Старикъ-цыганъ справедливо называетъ Алеко «гордымъ человѣкомъ», «безумцемъ молодымъ», котораго «тоска погубитъ», и становится на сторону Земфиры, такъ оправдывая удаленіе Алеко изъ табора:

Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли.

Равнымъ образомъ и поэтъ признаетъ въ эпилогѣ, что для такихъ людей

. . . счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны! . . .
И всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Это заключеніе впадаетъ въ тонъ пессимизма, какъ и вообще въ поэмѣ есть и другія пессимистическія замѣчанія во вкусѣ Байрона [138]), вообще не частыя въ поэзіи Пушкина. Такимъ образомъ, протестъ Алеко, говорящаго:

Отъ общества быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина,

какъ бы отклоняется поэтомъ въ пользу общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, откуда дальнѣйшій шагъ долженъ былъ вести къ требованію исполненія скромныхъ обязанностей гражданина, отъ которыхъ обыкновенно отказывались. «Мнѣ жаль,—писалъ Пушкинъ 9 лѣтъ спустя,

. . . . . что мы рукѣ наемной
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ кажется никто...
Что наши села, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état [139]).

Покамѣстъ «Цыганы» показали, что индивидуализмъ, вообще характеризующій отрицаніе общественности XVIII и XIX вв., сталъ въ концѣ концовъ сомнительнымъ для Пушкина ко времени переѣзда его въ с. Михайловское.

Поэма вызвала множество толковъ, надоѣвшихъ поэту [140]). На ряду съ похвалами ему приходилось слышать отзывы, изобличавшіе непониманіе смысла его произведенія [141]) и запечатлѣннаго имъ поворота въ сторону отъ идеаловъ Байрона.

V. Кончина Байрона была вслѣдствіе такого поворота встрѣчена нашимъ поэтомъ безъ особой печали. Въ его поэзіи она была помянута не такъ скоро, да и, повидимому, по почину кн. Вяземскаго. «Маленькое поминаньеце за упокой Байрона» [142]) находимъ лишь въ стихотв. «Къ морю», написанномъ Пушкинымъ при отъѣздѣ на сѣверъ въ концѣ іюля 1824 г. [143]). Поэтъ «было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя—или справляясь въ умѣ съ таблицею умноженія глупости Бирюкова, раздѣленнаго на Красовскаго» [144]). Пришлось ограничиться краткимъ вскользь упоминаніемъ объ «умчавшемся, какъ бури шумъ», «властителѣ нашихъ думъ» въ обращеніи къ морю, пѣвцомъ котораго былъ Байронъ по словамъ Пушкина:

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ . . .
Шуми, взволнуйся непогодой:

---

138) Ср., напр., замѣчаніе Алеко:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ!
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ *и. т. д.*

съ Childe Harold's pilgrimage, I, XXXVI: Teems not each ditty with the glorious tale *и проч.* и Don-Juan, I, CCXVIII.

139) Соч. А. С. П., ред. Ефремова, III, 558—559. 140) Пер., I, 285: «объ ней (разумѣется тутъ комедія) заговорятъ, а она мнѣ опротивитъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ». 141) Тамъ же, 252—253, 198, 212.—Жуковскій въ маѣ 1825 г. писалъ Пушкину: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ! Но, милый другъ, скажи, какая цѣль? Чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?» (Тамъ же, 217).—«Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія,—какъ говоритъ Дельвигъ» (тамъ же, 223). 142) Тамъ же, 136. 143) «Въ прощальный разлученья часъ», какъ говорится въ варіантѣ черновой. 144) Пер., I, 136. Иначе объясняетъ Пушкинъ свое молчаніе въ другомъ письмѣ, о которомъ см. ниже.

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ:
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ . . .

Эти строки важны, какъ поэтическая, а не холодно-критическая, поминка Байрона, вылившаяся въ моментъ вдохновеннаго воспоминанія о «властителѣ думъ», какимъ былъ Байронъ для поколѣнія, къ которому принадлежалъ нашъ поэтъ, и для слѣдующаго. Превосходно передано впечатлѣніе, производимое поэзіею Байрона на великую поэтическую душу, сопоставленіемъ его съ океаномъ; оттѣнены мрачность[145]), постоянно бросавшаяся въ глаза Пушкину въ Байронѣ, и неукротимость—черты, въ которыхъ особенно выступаетъ отличіе британскаго поэта отъ нашего. Но въ моментъ написанія приведенныхъ стиховъ Байронъ уже не былъ «властителемъ думъ» Пушкина. О томъ свидѣтельствуетъ письмо послѣдняго къ кн. Вяземскому, высланное изъ Одессы за мѣсяцъ съ лишнимъ передъ тѣмъ: «тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію... Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣснѣ его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ.—Обѣщаю тебѣ однакоже Вирши на смерть Его Превосходительства». Повидимому, Пушкина раньше плѣнялъ въ Байронѣ «пламенный Демонъ, который создалъ Гяура и Чайльдъ-Гарольда. Первыя 2 пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ». Затѣмъ «его поэзія видимо измѣнилась», «и первые звуки его уже ему не возвратились». Происходило претвореніе демона въ «другого поэта съ высокимъ человѣческимъ талантомъ» [146]).

Очевидно, Пушкинъ уже раньше наблюдалъ критически за этими перемѣнами въ творчествѣ Байрона и испытывалъ постепенное охлажденіе къ нему по мѣрѣ того, какъ отступалъ на задній планъ демоническій пѣвецъ Гяура, Чайльдъ-Гарольда, Донъ-Жуана, въ его начальныхъ похожденіяхъ, и въ Байронѣ выдвигался иной поэтъ.

Въ связи съ этимъ не безынтересно отмѣтить, что задолго до стих. «Къ морю» началъ меркнуть для нашего поэта и ореолъ демонизма. Это видно изъ стих. «Демонъ», редактированнаго въ 1823 г., послѣ того, какъ окончательно выдѣлъ замыселъ поэта, слагавшійся постепенно [147]) по мѣрѣ разростанія въ немъ демоническихъ порывовъ. Поэтъ явственно приписываетъ ихъ постороннему воздѣйствію [148]). Если это вѣрно, то въ числѣ главныхъ будителей демонизма въ душѣ Пушкина надо поставить Байрона [149]), который казался Пушкину «пламеннымъ Демономъ въ Гяурѣ и Чильдъ-Гарольдѣ», а также въ двухъ первыхъ пѣсняхъ Донъ-Жуана и его-то, съ такой же вѣроятностью, какъ и кого-нибудь иного [150]), могъ разумѣть поэтъ въ своемъ «Демонѣ», если послѣдній не былъ простымъ олицетвореніемъ «духа отрицанія или сомнѣнія», какъ истолковалъ его читателямъ самъ Пушкинъ.

145) И въ предисловіи къ изд. 1-й части «Онѣгина» 1825 г. Пушкинъ назвалъ Байрона «мрачнымъ». 146) Пер., I, 118.

147) Быть можетъ, къ «Демону» имѣетъ отношеніе стихотвореніе 1819 г., заключающее бесѣду съ демономъ (Соч. П., II, 68), какъ одинъ изъ первыхъ набросковъ замысла о бесѣдахъ поэта съ демономъ. Въ стих. «Демонъ» вошли и нѣкоторые стихи, сохранившіеся въ рукописяхъ М. и Чегодаевской «Кавказскаго Плѣнника» (тамъ же, примѣч., 461). «Архивы ада» упоминаются въ одномъ изъ набросковъ 1821 г., гдѣ говорится о «бѣшеной любви» (Соч. А. С. П., ред. Ефремова, II, 535; ср. Соч. П., II, примѣч., 488). Ср. послѣднюю строфу въ наброскахъ 1822 г., «Красы Лаисъ...» и, наконецъ, въ поэмѣ, названной «Гавриліадой» (1822) (Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, III, 206):

Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель.

Такимъ другомъ поэта въ «Онѣгинѣ» оказывается этотъ «угрюмый» герой романа (см. «Е. О.» I, II, XLV и XLVI и наброски къ этимъ строфамъ). О дополненіи къ стр. XLV I-й главы «Онѣгина», относимомъ г. Якушкинымъ къ «Демону», см. Соч. А. С. П., ред. Ефремова, т. VIII, 479. 148) См. въ моей книгѣ «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ», стр. 54—55. 149) См. тамъ же стр. 160, прим. и 161. Краковскій профессоръ Tretiak также предполагаетъ, что въ стих. «Демонъ» разумѣлось воздѣйствіе I—II пѣсенъ Донъ Жуана, въ которыхъ Байронъ показался Пушкину уже демономъ (Mickiewicz i Puszkin jako bajroniści—Ateneum, Maj 1899). 150) Объ А. Н. Раевскомъ см., между прочимъ, въ Р. Старинѣ 1899, № 5, записку графа П. Капниста. Князя П. А. Вяземскаго Пушкинъ нерѣдко называлъ Асмодеемъ (Арзамасское прозвище князя Вяземскаго). Это находимъ въ перепискѣ 1817 (Пер., I, 7), 1823 — 1825 гг. (тамъ же 74, 76, 82, 84, 116, 235 и 288). Вяземскій могъ послужить однимъ изъ русскихъ прототиповъ Онѣгина (см. въ моей книгѣ: «Пушкинъ» и пр., 99 и прим). Ср. характеристику Вяземскаго въ надписи «Къ портрету князя П. А. Вяземскаго» (Соч. П., II, 212), гдѣ упомянута «язвительная улыбка» послѣдняго, и въ черновомъ наброскѣ посланія къ нему 1822 г.:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый.

Должно отмѣтить, что и другія лица получали названіе демона въ перепискѣ Пушкина. См.,

БАЙРОНЪ.

Во всякомъ случаѣ это стихотвореніе, на ряду съ соотвѣтственными намеками въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, является однимъ изъ наиболѣе ясныхъ указаній на душевные процессы, происходившіе въ поэтѣ въ годы, когда въ немъ началось усиленное броженіе, долженствовавшее предшествовать выработкѣ вполнѣ сознательнаго и устойчиваго міровоззрѣнія. Въ Пушкинѣ совершался процессъ, аналогичный тому, который нашъ поэтъ наблюдалъ въ Байронѣ, переводя Пушкина отъ демонизма къ болѣе человѣчному міровоззрѣнію. По словамъ Пушкина, Байронъ въ состязаніи съ демонизмомъ «остался хромъ», нашъ же поэтъ попытался обойти эти трудности, послѣ того какъ хорошо извѣдалъ всю глубину пропастей «отрицанія или сомнѣнія», съ которыми отождествилъ демонизмъ [151]).

Несомнѣнно, что годы увлеченія Байрономъ совпали съ безвѣріемъ въ Пушкинѣ. Жуковскій обнималъ послѣдняго за «Демона», но писалъ 1-го іюня 1824 г.: «Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ. Ты созданъ попасть въ боги—впередъ. Крылья у души есть!... Прости, чертикъ, будь Ангеломъ» [152]). Это случилось, однако, не скоро. Еще въ мартѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ: «беру уроки чистаго аѳеизма. Система нестоль утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ нещастію, болѣе всего правдоподобная» [153]). Нѣсколько позднѣе (въ 1826 г.) Пушкинъ сознавался, что онъ былъ повиненъ въ моментъ высылки того письма въ безвѣріи [154]). Байронъ, наоборотъ, никогда не былъ атеистомъ, а сталъ лишь мало-по-малу скептикомъ, не доходившимъ, однако, до послѣднихъ выводовъ, потому что не былъ въ нихъ убѣжденъ. Это замѣтилъ потомъ и Пушкинъ; на первыхъ же порахъ на него произвелъ сильное впечатлѣніе скептицизмъ Байрона.

Почти во всѣхъ произведеніяхъ британскаго поэта поднимается мучительный вопросъ о томъ, что будетъ т а м ъ. Быть можетъ, подъ его вліяніемъ и Пушкина сильно заняла мысль о загробной жизни [155]), и онъ пытался разобраться въ этой загадкѣ, вникая въ увѣренія поэтовъ [156]) и въ философскую аргументацію [157]). Долго онъ не могъ освободиться отъ колебаній, и еще въ «Анджело» (1833) находимъ стихи, вложенные въ уста Клавдіо, которые были выпущены по распоряженію императора Николая I, хотя не принадлежали всецѣло Пушкину:

Тамъ вѣрно не казнятъ...
Нѣтъ, нѣтъ: земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ... будетъ раемъ
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ [158]).

напр., въ письмѣ отъ 3 ноября 1826 г. упоминаніе о спутникахъ: «S. P. est mon bon ange, mais l'a u t r e est mon démon». Интересенъ отвѣтъ княгини Вяземской: «A propos, vous avez si souvent changé d'objet, que je ne sais plus qui est l'autre (Переп., I, 379 и 384). Въ письмѣ 1830 г. къ неизвѣстной: «Surement vous êtes le démon, c'est-à-dire celui qui d o u t e et n i e, comme dit l'Ecriture» (Соч. и п. А. С. Пушкина, ред. Морозова, VШ, 221). Въ письмѣ князя С. Г. Волконскаго отъ 18 октября 1824 г. (Переп., I, 138) находимъ: «Посылаю я вамъ письмо отъ Мельмота... Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ н и ч е г о н е б л а г о с л о в л я л ъ; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы—благородной и неизмѣнной обстоятельствами».—Интересенъ еще варіантъ къ Путешествію Онѣгина:

Мельмотомъ (злодѣемъ), квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.

Соч. А. С. П., ред. Ефремова, VШ, 514. Ср «Е. О», VШ, VШ и XII.

151) Такъ было въ замѣткѣ, приготовленной Пушкинымъ для журналовъ по поводу толковъ о «Демонѣ». А н н е н к о в ъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, Спб., 1874, стр. 153. Ср. еще въ предыдущемъ примѣчаніи выдержку изъ письма 1830 г. 152) Пер., I, 113. 153) Тамъ же, 103. 154) «Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи» (Пер., I, 318); «покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки нерелигіозныя—другихъ художествъ за собою не знаю» (тамъ же, 321); «Его Величество исключивъ меня изъ службы приказалъ сослать въ деревню, за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ Аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія» (тамъ же, 335).

155) Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, 162. 156) См. стих. 1822 г. «Люблю вашъ сумракъ...», напечатанное въ 1826 г. въ сокращеніи. Первоначальный рукописный текстъ см. въ Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, I, 623—624.—Сопоставленіе его съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ Childe Harold's pilgrimage см. въ книгѣ «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ» 163. 157) Пер., I, 103, отрывокъ изъ письма изъ Одессы въ первой половинѣ марта 1824 г.: «Здѣсь Англичанинъ, глухой философъ, единственный умный Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души». 158) Три послѣдніе стиха соотвѣтствуютъ Шекспировымъ въ «Measure for measure».

Особенно безотрадно и пессимистично стихотв. «26 мая 1828 г.», гдѣ «умъ, сомнѣньемъ взволнованный», доходитъ до вопросовъ и отчаянія Байронова Каина: [159])

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Но Пушкинъ не могъ остановиться на такомъ пессимизмѣ и сомнѣніяхъ: байроновскій демонизмъ не давалъ выхода, какъ и индивидуализмъ. Недаромъ уже въ замѣткѣ по поводу «Демона» онъ писалъ, что «вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ сомнѣнье: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ...» Мало-по-малу исчезли и сомнѣнія Пушкина, быть можетъ, въ отличіе отъ Байрона, не занимавшагося философіею, путемъ изученія философскихъ системъ [160]), а также путемъ поэтическаго проникновенія въ высшія тайны жизни, которому, быть можетъ, научилъ его Байронъ.

Не на міровую только скорбь и на «вѣчныя противорѣчія существенности» натолкнула лирику Пушкина поэзія Байрона. Она сообщила нашему поэту политическія темы въ стихотвореніяхъ на борьбу народовъ Балканскаго полуострова за независимость [161]), о Наполеонѣ и въ «Анчарѣ». И, сверхъ того, нѣкоторые образы и темы въ стихотвореніяхъ Пушкина имѣютъ аналогію въ поэзіи Байрона [162]), но иные изъ нихъ были выдвинуты Пушкинымъ ранѣе знакомства его съ поэзіею Байрона [163]).

Въ общемъ надо признать, что байронизмъ отозвался въ лирикѣ Пушкина сравнительно еще слабѣе, чѣмъ въ эпикѣ, и въ связи съ этимъ не безынтересно отмѣтить, что нашъ поэтъ не перевелъ ни одного стихотворенія Байрона, хотя далъ переводы изъ другихъ поэтовъ и писалъ подражанія.

Для надлежащей оцѣнки силы байронизма въ поэзіи Пушкина необходимо указать еще, что вліяніе Байрона уравновѣшивалось другими, въ ряду которыхъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего увлеченіе французскимъ поэтомъ конца XVIII-го вѣка Андре Шенье [164]). «Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта»,—писалъ Пушкинъ въ 1823 г. [165]) Изъ Шенье хотѣлъ онъ взять въ 1825 г. и эпиграфъ для собранія своихъ стихотвореній [166]). Изъ Шенье есть заимствованія уже въ стихотвореніяхъ Пушкина 1820 и 1821 гг. [167]), а въ 1825 г. нашъ поэтъ писалъ [168]):

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно, безъ пѣсенъ, безъ рыданій
Съ кровавой плахи, въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Здѣсь интересно противоположеніе Байрона Андре Шенье въ симпатіяхъ поэта. Пушкинъ давно уже призывалъ молодыя силы къ гражданскому служенію и высказывалъ надежду на торжество новыхъ стремленій:

На обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена [169]).

Въ маѣ 1825 г. Рылѣевъ писалъ Пушкину: «ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета не подражай ему», а осенью 1825 г. взывалъ къ Пушкину: «будь поэтъ и гражданинъ» [170]). Гражданскіе идеалы поэзіи Шенье имѣли въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе, вновь усиливъ въ Пушкинскомъ творчествѣ по-

159) Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, 170, прим. 6. У Байрона: know whateoer thoú hast been something better not to be. 160) Въ замѣткѣ на одномъ изъ черновыхъ листковъ «Путешествія» Онѣгина читаемъ: «Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde, que ces peuples qui penseut du moins que le monde est posé sur un rhinoceros». Соч. А. С. П., ред. Ефремова, т, VII, стр. 316, прим. Не касаемся здѣсь знакомства Пушкина съ философіею Шеллинга и др. 161) «Дочери Карагеоргія» 1820, «Война» 1821, «Возстань, о Грецiя» 1823. Впрочемъ, Пушкинъ разочаровался довольно скоро въ грекахъ. 162) Н. Ѳ. Сумцова, Пушкинъ, Харьк., 1900, 174 и слѣд. 163) См., напр., Соч. П., II, 352.

164) Я. К. Гротъ утверждалъ, что Пушкинъ ознакомился съ А. Шенье впервые въ Крыму благодаря Н.Н.Раевскому («Первенцы лицея»). Однако однимъ стихомъ Шенье Пушкинъ воспользовался въ стих. «Дориду», относящемся къ самому началу 1820 г. (Соч. П., II, 197 и примѣч., 301). Пушкинъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи получилъ вышедшее къ тому времени изданіе посмертныхъ и др. стихотвореній А. Шенье и сразу увлекся «возвышеннымъ Галломъ». 165) «Но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли»,—прибавилъ Пушкинъ (Пер., I. 83). Подобное же читаемъ и далѣе въ перепискѣ (123): «Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier. Но онъ изъ классиковъ классикъ—отъ него такъ и несетъ древней греческой поэзіей». 166) Пер., I, 192. 167) Сюда относится схема «Музы» 1821. Есть заимствованье изъ А. Шенье и въ стих. «Кинжалъ» 1821 г. 168) «Андрей Шенье». 169) «Посланіе къ Чаадаеву», «Уединеніе» и «Деревня». 170) Пер., I, 216 и 299.

литическую струю противорѣчившую Байронизму: Шенье воспѣвалъ идеалы гражданской свободы, Байронъ — неограниченную свободу индивидуализма и страсти [171]).

Можно бы отмѣтить далѣе, что на ряду съ А. Шенье Пушкинъ вскорѣ началъ, подобно Байрону, зачитываться библіею [172]), Шекспиромъ, Вальтеръ-Скоттомъ [173]) и т. д.

Словомъ, Байроническое разочарованіе съ его скорбными и мрачными возгласами, исполненными сомнѣнія и отчасти пессимизма, было лишь временнымъ и преходящимъ явленіемъ въ поэзіи Пушкина. На этомъ разочарованіи, скептицизмѣ и пессимизмѣ не могъ остановиться нашъ поэтъ—тѣмъ болѣе, что и въ годы наибольшаго увлеченія Британскимъ поэтомъ Пушкинъ не подавался всецѣло его вліянію: муза Пушкина не была лишь музою разочарованія, печали и гнѣва. Вліяніе Байрона не было даже такъ продолжительно, какъ обаяніе Вальтеръ-Скотта, окунувшаго нашего поэта въ болѣе здоровую поэзію, «дѣйствіе котораго ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности»: вліяніе Байрона длилось, какъ болѣе или менѣе могучая сила, около четырехъ лѣтъ съ лишнимъ.

VI. Въ годы отъ второй половины 1824-го и до 1830-го Пушкинъ направлялся по новому пути творчества. Заупокойная литургія въ с. Михайловскомъ въ годовщину смерти Байрона, заказанная нашимъ поэтомъ не безъ свойственной ему шутливости [174]), была какъ бы прощальнымъ похоронным отпѣваніемъ идеаловъ Байронизма, увлекавшихъ Пушкина въ предшествовавшіе годы. Послѣ того у него замѣчаемъ болѣе вѣрную и трезвую оцѣнку и личности Байрона и его произведеній [175]).

Съ осени 1825 г. мало находимъ упоминаній о Байронѣ въ перепискѣ Пушкина [176]), хотя послѣдній ознакомился съ произведеніями Британскаго поэта, ранѣе имъ не читанными. Нашъ поэтъ лишь вкратцѣ коснулся Байрона въ нѣсколькихъ журнальныхъ замѣткахъ, а въ своемъ творчествѣ лишь свелъ заключительные счеты съ типомъ, обрисовка котораго составила славу Байрона и который укоренился и въ русской поэзіи. Пушкинъ теперь изрѣдка слѣдовалъ внѣшней манерѣ творчества Байрона въ томъ или иномъ произведеніи [177]).

По мѣрѣ болѣе тщательнаго и критическаго изученія жизни Байрона и его произведеній, Пушкинъ отрѣшалъ его отъ его прежняго ореола. «Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона?—писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ сентябрѣ 1825 г.—Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ—Его бы уличили, какъ уличили Руссо—а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Мы знаемъ Байрона довольно» [178]).

Въ февралѣ 1825 г. Пушкинъ еще не видалъ «Conversations de Byron», но уже говорилъ, что мемуары Fouché «очаровательнѣе Байрона» [179]). Чертами «сильнаго и сложнаго» характера Британскаго поэта Пушкинъ призналъ: orgueil, haine, mélancolie; въ общемъ его характеръ «sombre et énergique». О трагедіяхъ Байрона Пушкинъ былъ невысокаго мнѣнія, углубившись въ изученіе Шекспира [180]). Донъ Жуана теперь онъ поставилъ на первое мѣсто. «Что за чудо

171) См. лекцію В. В. Никольскаго: «Пушкинъ и Андре Шенье». 172) Пер., I, 103, 149, 155. 173) Въ письмѣ конца октября 1824 г. (Пер., I, 207): «Conversations de Byron! Walter Scott! Это—пища души». 174) См. Пер., I, 202 и 204. 175) Слова Пушкина въ письмѣ къ А. П. Кернъ отъ 8 декабря 1825 г.: «Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme, toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai» и т. д. (см. выше прим. 12)—лишь красивая фраза для выраженія не восторга передъ Байрономъ, а любовнаго увлеченія. Рѣчь шла о присланномъ Кернъ экземплярѣ новаго изданія Байрона, касательно котораго находимъ просьбу Пушкина въ письмѣ къ А. П. Вульфъ отъ 21-го іюля 1825 г. («N'oubliez pas la d-re éd. de Byron». Пер., I. 239). До того времени Пушкинъ прочелъ изъ Донъ Жуана «первыя 6 пѣсенъ—другихъ не читалъ» (тамъ же, 196 и 286). Онъ требовалъ отъ брата въ письмѣ отъ 22 и 23 апрѣля 1825 г. высылки 6-й и слѣдующихъ пѣсенъ Донъ Жуана (тамъ же, 207). 176) Послѣднее находимъ въ письмѣ 1835 г., къ которому относится и замѣтка о Байронѣ. 177) «Графъ Нулинъ» «Повѣсть въ родѣ Верро»: Пер., I, 334. «Домикъ въ Коломнѣ». О томъ однако, что монологъ стараго барона въ «Скупомъ рыцарѣ» напомнаетъ строфы VIII—X XII-й пѣсни Д. Жуана, замѣтилъ Морозовъ: Соч. и п. А. С. П., III, 650. 178) Пер., I, 287. Объ «Онѣгинѣ» см. ниже.

179) Тамъ же, 178. Въ мартѣ 1825 г. Пушкинъ опять добивался присылки Conversations de Byron на ряду съ Mémoires de Fouché (тамъ же, 190). 180) Тамъ же, 248. Ср. въ замѣткѣ 1827 г.: «Англійскіе критики оспаривали у Лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Манфредѣ онъ подражалъ Фаусту» и т. д. Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, т. VI, 260—261.

Д. Ж.!... это Chef d'oeuvre Байрона» [181]), отличающійся «удивительнымъ Шекспировскимъ разнообразіемъ». Поэтъ выводилъ «на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое, наконецъ, принялъ онъ на себя въ Чайльдъ-Гарольдѣ». Въ Корсарѣ Пушкина плѣняла «очаровательная и глубокая поэзія»; въ Гяурѣ—«пламенное изображенье страстей»; въ Осадѣ Коринѳа, Шильонскомъ Узникѣ—трогательное развитіе сердца человѣческаго; въ Паризинѣ—«трагическая сила»; въ Чайльдъ-Гарольдѣ—«глубокомысліе и высота паренія». Но «Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ» [182]). Описаніе самого себя Пушкинъ считалъ характернымъ признакомъ Байроничанья въ поэзіи [183]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1835 г., Пушкинъ высказался еще рѣшительнѣе въ томъ же направленіи. «Главными признаками характера» Байрона Пушкинъ призналъ «горечь, раздражительность», его достоинствами «смѣлую предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ», а недостатками—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію; многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго Ньюстидскаго барона. Говорятъ, что Байронъ своей родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями» [184]). Но онъ «продавалъ очень хорошо свои стихотворенія» [185]).

Пушкинъ попрежнему особо чтилъ «Чайльдъ-Гарольда». Онъ писалъ въ 1830-мъ г.: «Мысль, что шутливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти также удерживала меня. Но Child Harold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться» [185]). Въ 1835 г. Пушкинъ перевелъ прозой $3^1/_2$ строфы изъ посвященія «Чайльдъ-Гарольда»: «Къ Зантѣ» [186]).

Тѣмъ не менѣе, въ годы съ 1826-го онъ, очевидно, смотрѣлъ на «скептическую поэзію Чайльдъ-Гарольда» такъ, какъ высказался въ 1827-мъ: «Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой) [187]); все, кромѣ... etc., отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Онъ представилъ намъ свой призракъ».

Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ Корсара, то издыхающимъ подъ схимой, то странствующимъ посреди...»

Понявъ всѣ односторонности и недостатки Байронизма, Пушкинъ пошелъ дорогою, во многомъ прямо противоположною его прежнимъ путямъ.

Уже въ іюлѣ—августѣ 1825 г. онъ писалъ: «Я чувствую, что моя душа совсѣмъ развернулась, я могу творить» [188]).

Сейчасъ же послѣ увлеченія Байрономъ онъ создалъ образъ Пимена, въ которомъ «собралъ черты, плѣнившія въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности» [189]).

Направившись въ сторону родныхъ идеаловъ, Пушкинъ началъ обнаруживать поворотъ и въ своемъ нравственномъ существѣ и во взглядахъ на окружающую жизнь.

Въ Пушкинѣ съ большею силою, чѣмъ прежде, начало пробуждаться нравственное сознаніе, не вполнѣ дремавшее и въ эпоху увлеченія Байронизмомъ.

Въ наброскахъ 1822 г. найдены стихи, изобличающіе такое сознаніе:

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...
Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный [190]).

Вѣроятно, и къ самому поэту могутъ быть отнесены стихи:

Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—

---

181) Пер., I, 286. 182) См. замѣтку 1827 г. о Байронѣ. Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 259-183) Пер., I, 314. 184) «Лордъ Байронъ» 1835г. 185) «Несмотря на великія преимущества...» 1835 г. 186) Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 434—435.

187) Ср. выше, въ письмѣ 1825 г. къ Н. Н. Раевскому (Пер., I, 248). 188) Тамъ же, 249. 189) Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 174. 190) Тамъ же, I, 335. Слѣдующій набросокъ г. Морозовъ (стр. 641) сопоставляетъ со строфою 166 II-й пѣсни Донъ Жуана.

Тому ужъ нѣтъ очарованій
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ [191]).

То нравственное сознаніе грѣха, на которое иностранная критика обратила вниманіе въ русской литературѣ, встрѣчается уже у Пушкина, напр., въ его собственныхъ мимолетныхъ признаніяхъ и въ его Татьянѣ.

Примиреніе съ жизнью и ея законами коренилось еще въ Вольтерьянствѣ Пушкина. Теперь оно получило новое осмысленіе, и въ началѣ 1830-хъ годовъ Пушкинъ, вопреки Руссо и Байрону, писалъ одному пріятелю: «Il n'est de bonheur que dans les voies communes» [192]). Подобно Вольтеру и Гёте, Пушкинъ замѣтилъ: «Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux» [193]). Заключительнымъ аккордомъ поэзіи Пушкина въ этомъ отношеніи является мечта, нѣсколько подобная той, которою заканчивается Гётевскій «Фаустъ»:

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ [194]).

Эти строки написаны незадолго до кончины Пушкина, и интересно сопоставить ихъ со стихотвореніемъ Байрона, вылившимся приблизительно въ томъ же возрастѣ и также относящимся къ послѣднему моменту его творческой дѣятельности и прохожденія земного поприща [195]). Усталость слышится въ рѣчи того и другого поэта, но у Пушкина не замѣчается Байроновской безнадежности, прощанія съ жизнью и тщеславія, «позы и сцены»; напротивъ, нашъ поэтъ помышлялъ о новыхъ, очевидно, литературныхъ «трудахъ» на ряду съ «чистыми нѣгами». Не касаемся различій обстановки, въ которой возникли оба произведенія,—семейной у Пушкина и полной браннаго шума у Байрона.

Помимо несходства характеровъ въ данномъ случаѣ сказались и коренныя различія міровоззрѣнія, какъ оно сложилось у обоихъ поэтовъ къ концу ихъ жизни.

Нашъ поэтъ превозмогъ одолѣвшее его разочарованіе силою нравственныхъ устоевъ и, между проч., чисто русскимъ мистицизмомъ, который такъ не нравится западнымъ критикамъ въ родѣ Цабеля, словомъ, тою русскою духовною силою, которая такъ ярко выразилась и въ Пушкинѣ и неразрывно связана съ народностію и съ ожиданіемъ

Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ,
Суждено еще явить!

Въ этомъ отношеніи вѣрны слова Герцена, что Пушкинъ является представителемъ въ высочайшей степени богатства и глубины русской натуры.

Великіе поэты Запада времени Пушкина, Шатобріанъ и Байронъ не нашли выхода въ с в о е м ъ о б щ е с т вѣ, и излюбленныхъ своихъ героевъ выставили бѣглецами изъ родной земли. Байронъ окончательно выработалъ и упрочилъ въ литературѣ типъ разочарованнаго странника по свѣту, испытывающаго душевный разладъ,—типъ, намѣченный въ жизни и поэзіи уже Ленцемъ, а затѣмъ отчасти Шатобріаномъ. И Шатобріанъ и Байронъ направили своихъ излюбленныхъ героевъ, Рене и Чайльдъ-Гарольда, на чужбину, правда—поэтическую и прекрасную, но все же далекую отъ горя и нуждъ родной земли. То былъ печальный исходъ. И какъ ни очаровывали Шатобріанъ и Байронъ красотою обстановки, въ которую ставили своихъ героевъ, высокимъ подъемомъ чувства, красотою и реторикою страсти, они не могли всецѣло завладѣть воображеніемъ и мыслью нашего поэта, и Пушкинъ поднялся выше этихъ своихъ великихъ современниковъ въ попыткѣ разрѣшенія мучительной проблемы своего вѣка, какъ и вообще онъ выше ихъ полною правдивостію и соблюденіемъ мѣры въ своемъ творчествѣ, а также его положительностію.

Въ изображеніе разочарованной души Пушкинъ, по сравненію съ западными поэтами, внесъ значительную отмѣну. Во 1-хъ, въ пониманіе «современнаго человѣка» Пушкинъ привнесъ отчетливое указаніе на связь его настроенія съ безотрадными условіями общественности съ одной стороны и съ тѣми общеевропейскими интеллектуальными и моральными теченіями, которыя составляли духовную пищу

191) «Евг. Он.», I, XLVI. См. далѣе VIII, III: «И я, въ законъ себѣ вмѣняя, Страстей единый произволъ...» 192) Соч. и п. А. С. П.' ред. Морозова, VIII, 235. 193) Тамъ же, 278. 194) Стих.: „ Къ женѣ. 1836.—О «вольности и покоѣ», какъ о «замѣнѣ счастью», отрицательно говоритъ Онѣгинъ въ письмѣ къ Татьянѣ («Е. О.», VIII, XXXII). Ср. подобныя же мечты Татьяны и «Е. О.», LV. 195) On this day I complete my Thirty-sixth year.

такихъ личностей. Во 2-хъ нашъ поэтъ отнесся весьма критически къ модному герою (даже въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», затѣмъ въ «Цыганахъ» и въ особенности въ «Онѣгинѣ»), чего почти не находимъ у поэтовъ Запада. Такая критика была въ высшей степени важна, потому что не можетъ же жизнь остановиться на отрицательномъ созерцаніи міра, что́ и созналъ Пушкинъ. Развѣнчать байронизмъ такъ, какъ то сдѣлалъ Пушкинъ, могъ только великій умъ, а послѣ него было уже легко слѣдовать далѣе по тому же пути. Наконецъ, у Пушкина была не только тщательно изучена и продумана «скорбь вѣка», но былъ возвѣщенъ и выходъ изъ нея. Потому Пушкинъ—не только отрицательный поэтъ, но и положительный, и въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ приблизился къ величайшимъ нѣмецкимъ поэтамъ не только начала, но и всего XIX-го вѣка,—Гёте и Шиллеру, сколь ни сравнительно слабо было вліяніе ихъ на Пушкина.

Всѣ отмѣченныя только что поэтическія заслуги его выступаютъ со всею отчетливостію въ «Онѣгинѣ»,—поэмѣ, начатой въ годы увлеченія Байрономъ и законченной, когда стала окончательно вызрѣвать мысль нашего поэта послѣ законченныхъ счетовъ съ «легкой юностью». Оглянувшись на протекшіе дни ея,

Довольно!—писалъ Пушкинъ—Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть. —
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ! [196])

На этомъ пути предлежало прежде всего покончить, между проч., съ новою попыткою изображенія «современнаго человѣка», намѣченнаго западно-европейскими поэтами, въ томъ числѣ и Байрономъ.

Съ формальной стороны эта новая попытка была предпринята также не безъ вліянія примѣра Байрона—вѣдь и задумана она была на берегахъ Тавриды, гдѣ впервые со всею силою выступило въ поэзіи Пушкина увлеченіе Байрономъ [197]). Самъ Пушкинъ заявлялъ въ 1823 г., что «Онѣгинъ» писанъ имъ «въ родѣ Донъ-Жуана» [198]); «пишу новую поэму Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлёбываюсь желчью» [199]). Но потомъ (въ мартѣ 1825 г.) нашъ поэтъ отстранялъ это сближеніе: въ «Донъ-Жуанѣ», говорилъ онъ, «нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse), Татьяна или Юлія» [200]). Въ этомъ отреченіи отъ связи съ Донъ-Жуаномъ Пушкинъ былъ не совсѣмъ правъ. Пріемы творчества, рѣзко выступившіе въ знаменитой поэмѣ Байрона, не разъ отзываются въ «Онѣгинѣ», да и самъ этотъ герой романа не чуждъ донъ-жуанству и демонизму Донъ-Жуана, имѣя также и кое-что Чайльдъ-Гарольдовское [201]). Вначалѣ это—настоящій міровой скорбникъ, пропитанный байронизмомъ, хотя поэтъ и называетъ его «странность» «неподражательною» [202]).

Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ [203]).

Онѣгинъ началъ юную жизнь какъ Донъ-Жуанъ:

. . . въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь—
Была наука страсти нѣжной

и т. д. [204]).

Потомъ

. . . рано чувства въ немъ остыли
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ

и т. д. [205]),

Но, и ушедъ отъ мятежной власти страстей,

196) «Е. О»., VI, XLV. 197) Соч. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 404—письмо 1836 г., гдѣ говорится о Крымѣ: «Votre lettre a reveillé en moi bien des souvenirs de tout genre: c'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez surement reconnu certains personnages». 198) Пер., I, 83—84. 199) Тамъ же 91. 200) Тамъ же, 196).—Рылѣевъ писалъ Пушкину раньше объ «Онѣгинѣ»: быть можетъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ (тамъ же, 188). - Въ предисловіи къ I-ой части Онѣгина, Спб. 1825, сдѣлано иное сближеніе: «Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона». 201) См. «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ», стр. 167—168; въ настоящемъ этюдѣ сообщаемъ дополнительныя данныя. 202) «Е. О.», I, XLV. 203) «Е. О.», набросокъ къ XLV-й строфѣ I-й главы. 204) «Е. О.», I, XIII—XIV. 205) «Е. О.», I, XXXVII.

Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья [206]).

Какъ оказалось, и теперь онъ былъ не прочь приволокнуться, но вообще онъ постепенно сталъ превращаться въ байрониста и въ частности напоминать Чайльдъ-Гарольда. Самъ поэтъ въ одномъ изъ примѣчаній къ I-ой главѣ «Онѣгина» отмѣтилъ въ своемъ героѣ «черту охлажденнаго чувства, достойную Чайльдъ-Гарольда» [207]).

Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И не обузданныхъ страстей,

Въ немъ было ропотанье вѣчное души.
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ. [208]).

И т. д. Не станемъ продолжать характеристику Онѣгина и отсылаемъ къ словамъ самого поэта, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстнымъ. Отмѣтимъ лишь, что этотъ «холодный» «бѣглецъ людей и свѣта», «отшельникъ праздный и унылый», съ «душою, полной сожалѣній» [209]), имѣлъ въ своемъ кабинетѣ «лорда Байрона портретъ» [210]).

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгеній
Глазами Байрона читалъ [211])..,
Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ;
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана
и проч. [213])

Татьяна, внимательно разсмотрѣвъ читанныя Онѣгинымъ книги и отмѣтки на ихъ поляхъ его карандаша, начинаетъ понемногу понимать

Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной. . .
Чужихъ причудъ истолкованье
Словъ модныхъ полный лексиконъ,
Ужъ не пародія ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели с л о в о найдено? [214])

Повидимому, поэтъ не склоненъ былъ судить такъ строго, какъ Татьяна, этого «чудака», какимъ, подобно ей, онъ называетъ Онѣгина [215]); онъ считаетъ Онѣгина, какъ и Ленскаго, «полу-русскимъ героемъ» [216]). Признавъ, что причину недуга, овладѣвшаго Евгеніемъ, подобнаго англійскому сплину, но имѣющаго у насъ свою кличку хандры,

Давно бы отыскать пора [217]),

Пушкинъ выдвинулъ въ поэмѣ рядъ данныхъ въ объясненіе этого «недуга», общаго нашимъ интеллигентамъ начала XIX в. съ англичанами. Эти данныя почерпнуты какъ изъ жизни Онѣгина, такъ и изъ жизни современнаго ему образованнаго русскаго общества.

Уже въ началѣ романа, наряду съ изображеніемъ Донъ-Жуанства Онѣгина, говорится, что Евгенію

. . . . . трудъ упорный
. . . былъ тошенъ . . .

«Преданный бездѣлью», Онѣгинъ «томился душевной пустотой» [218]). Въ концѣ также читаемъ:

Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ,

и все ему на свѣтѣ надоѣло [219]). Авторы, которыхъ сравнительно охотно читалъ Евгеній и которые перечислены поэтомъ, очевидно, только поддерживали безотрадное настроеніе пресыщеннаго жизнью и разочарованнаго человѣка, жившаго западными идеями и болѣе или менѣе поверхностно знакомаго съ модными теченіями.

Онѣгинъ могъ

Вести и мужественный споръ
О Байронѣ и Бенжаменѣ,
О карбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жомини [220]).

---

206) «Е. О.», II, XVII. 207) «Е. О.», IV, X. 208) Да и Татьяна говоритъ («Е. О.», VIII, VIII): «Чѣмъ нынѣ явится? Мель мотомъ... Гарольдомъ..? 209) «Е. О.», IV, IX. 210) «Е. О.», V, XXXVII; VI, XLII; VII, V; I, XLVIII. Ср. VII, XXII: «ужели подражанье. Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ?»
211) «Е. О.», VII, XIX. 212) «Е. О.», III, строфа, долженствовавшая слѣдовать за V-й, но не вошедшая въ романъ. 213) «Е. О.», VII, XXV, 214) Тамъ же, XXIV—XXV.

215) Тамъ же мнѣніе Татьяны объ Онѣгинѣ: «Чудакъ печальный и опасный»; VIII, VIII: «Иль корчитъ такъ же чу- дака»? Мнѣніе молодой горожанки VI, XLII: «пасмурный чудакъ»; VII, LV—мнѣніе поэта: «множество причудъ». Въ концѣ романа Пушкинъ («Е. О.», VIII, L) назвалъ Онѣгина «спутникомъ страннымъ». 216) «Е. О.», VII, вар. къ LV-й строфѣ. Ср. замѣтку Ч т е ц а: «Столѣтній юбилей перваго русскаго романа» (Н. Вр. 1900, № 8841) и его же: «Предокъ Евгенія Онѣгина» (тамъ же № 8810). 217) «Е. О.» I, XXXVIII, 218) «Е. О.», I, XLIII, XLIV. 219) «Е. О.», VIII. XII—XIII, 220) «Е. О.», I, наброскокъ къ стр. V

Кромѣ Байрона Онѣгинъ «изъ опалы исключилъ»

. . . . . еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
и т. д. [221])

Отрекшись вновь отъ свѣта,
Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ твореньe Фонтенеля;
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего [222]).

Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ только что приведенной строфы, чтеніе, вслѣдствіе плохого воспитанія Онѣгина, происходило «безъ разбора» и строгаго обдумыванья, и, вѣроятно, и къ Онѣгину можно отнести замѣчаніе поэта:

Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ [223]).

Но главною причиною безотраднаго чудачества поэтъ считалъ, повидимому, то, что тогдашній «современный человѣкъ» и на Западѣ и у насъ отличался

. . . . . безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
. . . озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ [224]).

Къ этому надо прибавить чисто русскія особенности среды, въ которой «мода обветшалая» «морочитъ свѣтъ», по замѣчанію Татьяны. Возражая ей, защитникъ Онѣгина говоритъ:

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла. . . [225])

Не касаемся здѣсь подробностей о русской жизни, производившихъ тоску, которой преисполненъ герой романа. Онѣгинъ былъ въ такой же мѣрѣ порожденіемъ русской среды, какъ и западнаго вліянія, въ которомъ байронизмъ занималъ видное, но не исключительное мѣсто [226]). Онѣгинъ во многомъ—байроническій герой лишь по наружности. Это—байронистъ, но—чисто русскій [227]). Какъ и самъ поэтъ, Онѣгинъ, повидимому, закончилъ жизнь не странникомъ. Мало того: въ его «холодной и лѣнивой» душѣ какъ будто готовился переворотъ. По крайней мѣрѣ, въ неотдѣланныхъ строфахъ, относящихся къ путешествію Онѣгина, сохранилась такая:

Наскуча щеголять Мельмотомъ
Иль маскою другой,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
Россія!... Русь!... она мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической, сухой,
Съ ея разумной суетой... [228]).

Да и въ печатномъ текстѣ «Онѣгина» сообщается о послѣднемъ по времени чтеніи Онѣгина:

Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
и т. д. [229]).

Въ этомъ отношеніи Онѣгинъ сошелся съ

---

221) «Е. О.», VII, XXII. Небезынтересно привести и набросокъ къ этимъ стихамъ:

Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Мабли,
Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локкъ, Фонтенель, Дидротъ, Парни,
Горацій, Кикеронъ, Лукрецій.

222) «Е. О.», VIII, XXXV. 223) «Е. О.», I, IX. 224) «Е. О.», VII, XXII. 225) «Е. О.» VIII, VIII—IX. 226) А. А. Бестужевъ писалъ объ Онѣгинѣ 9 марта 1825 г. (Пер., I, 187): «вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія, и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ». Указывали тѣхъ или иныхъ лицъ, послужившихъ прототипомъ Онѣгина. Самъ Пушкинъ какъ бы поощрялъ къ тому, говоря, напр.: «Второй Каверинъ мой Онѣгинъ» (вар.: Чаадаевъ). 227) Пушкинъ такъ истолковалъ эпитетъ Онѣгина «нелюдимъ»: «Нелюдимъ не есть мизантропъ, т.-е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей» (Пер., I, 151). 228) Такимъ образомъ, переставъ быть космополитомъ, Онѣгинъ готовъ былъ обратиться къ изученію «святой Руси».

вкусами Татьяны, любовь къ которой дѣйствительно встряхнула его душу и, можетъ быть, послужила источникомъ обновленія ея.

Во всякомъ случаѣ, если Татьяна полюбила не Ленскаго, являющагося отчасти отдаленнымъ потомкомъ Вертера [230]), а Онѣгина, то, конечно, не за чудачества послѣдняго, навѣянныя западнымъ вліяніемъ а потому, что, «русская душой», [231]), она поняла въ Онѣгинѣ присутствіе и другихъ началъ, хотя бы тѣхъ, за которыя любилъ его поэтъ, напр., «души прямаго благородства» [232]).

Итакъ, и Онѣгинъ, какъ Кавказскій Плѣнникъ, не есть подражаніе Байрону, а типъ, выхваченный изъ русской жизни того времени, когда въ ней происходилъ большой переворотъ, когда

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы [233]).

Романъ о немъ—послѣдній по существу отзвукъ «гордой лиры Альбіона» въ поэзіи Пушкина.

Окидывая однимъ взглядомъ отношеніе творчества Пушкина къ Байронову, должно прійти къ заключенію, что нашъ поэтъ, хотя и увлекался Байрономъ, не былъ, какъ мощный геній, прямымъ послѣдователемъ и подражателемъ Британскаго поэта, а лишь сошелся съ послѣднимъ преимущественно въ видномъ и яркомъ выдѣленіи явленія, которое было обще русской жизни и поэзіи съ западно-европейскою отчасти подъ вліяніемъ сходныхъ причинъ. Настроеніе «современнаго человѣка» онъ передалъ въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и эпическихъ произведеній, иногда напоминая Байрона, но всякій разъ оригинально и красиво на свой ладъ. Поэтому Пушкинъ долженъ быть выдѣленъ изъ широкаго круга такъ наз. байронистовъ.

VII. Въ концѣ этюда объ отношеніи Пушкина къ Байрону, какъ бы самъ собою напрашивается вопросъ, уже не разъ занимавшій критиковъ: который изъ этихъ поэтовъ долженъ быть поставленъ выше? [234]).

Въ такой формулировкѣ вопросъ долженъ быть признанъ празднымъ. Рѣчь можетъ быть лишь о сравнительномъ сопоставленіи лучшихъ сторонъ поэзіи того и другого.

Богатое разнообразіе тоновъ поэтической лиры было присуще обоимъ поэтамъ, но въ сатирѣ Байронъ былъ выше, что готовъ былъ признать и самъ Пушкинъ [235]). Не могъ Пушкинъ поравняться съ Байрономъ и въ силѣ изображенія того «мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона» [236]). Нашъ поэтъ самъ тоже отмѣтилъ свое отличіе отъ Байрона и превосходство послѣдняго въ художественности и изобразительности, говоря о «Мазепѣ»: «Какое пламенное созданье, какая широкая, быстрая кисть! Еслижъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета» [237]). У Пушкина не находимъ такъ много великолѣпныхъ картинъ дѣйствія и человѣческихъ настроеній, описаній мѣстностей, такихъ широкихъ перспективъ, какія составляютъ принадлежность поэзіи Байрона. У нашего поэта нѣтъ колоссальныхъ фантастическихъ образовъ и видѣній, нѣтъ лучезарнаго фантастическаго освѣщенія, переливовъ чарующихъ красокъ, такихъ волшебныхъ картинъ природы, нѣтъ пышной реторики страсти, нѣтъ такихъ возвышенныхъ и грандіозныхъ созданій, какъ Байроновы Каинъ, Небо и Земля, Манфредъ.

Оба поэта почерпнули немало у своихъ предшественниковъ, но Пушкинъ не утратилъ при этомъ оригинальности. Мало сказать вмѣстѣ съ Боденштедтомъ, что у Пушкина по сравненію съ Байрономъ въ развитіи однѣхъ и тѣхъ же темъ болѣе правды, здоровости и естественности, мы прибавили бы еще духа примиренія и добродушія: у Пушкина болѣе объективности,

229) «Е. О.», VIII, XXXVI. 230) Ср. замѣчаніе Бѣлинскаго о молодомъ Адуевѣ въ романѣ Гончарова «Обыкновенная исторія»—Современникъ 1848, т. VIII, «Взглядъ на русскую литературу 1847 года», стр. 14. 231) «Е. О.», V, IV. 232) «Е. О.», IV, XVIII. 233) «Е. О.», III, XII 234) Этотъ вопросъ былъ затронутъ между проч. Вл. С. Соловьевымъ въ статьѣ: «Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина (Вѣстн. Евр. 1899, № 12), гдѣ выставлено болѣе чѣмъ спорное положеніе: «Байронъ превосходилъ Пушкина напряженною силою своего самочувствія и самоутвержденія; это былъ болѣе сосредоточенный умъ и характеръ, что выражалось, разумѣется, и въ его поэзіи, усиливая ея внушающее дѣйствіе, дѣлая изъ поэта «властителя думъ». Это утвержденіе не выдерживаетъ критики. Если принять во вниманіе не годы только молодости, а всю жизнь того и другого поэта, то характеръ Пушкина надо будетъ признать болѣе устойчивымъ и сосредоточеннымъ. Что до поэзіи Пушкина, то она разностороннѣе, уступая, конечно, въ силѣ тому субъективному теченію въ поэзіи Байрона, которое несомнѣнно производитъ большое впечатлѣніе. 235) См. письмо къ Бестужеву 21—24 марта 1825 г. 236) «Критическія замѣтки» въ «Денницѣ» Максимовича 1830 г. 237) Тамъ же.

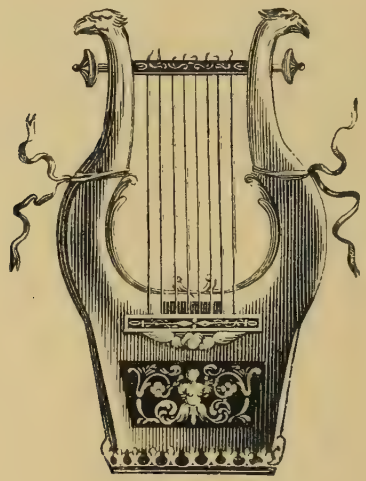
между тѣмъ какъ Байронъ—одинъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ изображавшихъ прежде всего самихъ себя. Благодаря способности къ объектированію, Пушкинъ поднимался до широты и многосторонности народнаго міросозерцанія въ его цѣломъ и вмѣстѣ до широты міросозерцанія такихъ міровыхъ поэтовъ, какъ Гёте и Шиллеръ. Потому, разошедшись довольно рано съ Байрономъ въ разныя стороны творчества, Пушкинъ ничего не потерялъ отъ того, а, напротивъ, скорѣе много пріобрѣлъ [238]),

между тѣмъ какъ Байронъ—одинъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ, изображавшихъ прежде всего самихъ себя. Благодаря способности къ объективированію, Пушкинъ поднимался до широты и многосторонности народнаго міросозерцанія въ его цѣломъ и вмѣстѣ до широты міровоззрѣнія такихъ міровыхъ поэтовъ, какъ Гёте и Шиллеръ. Потому, разошедшись довольно рано съ Байрономъ въ разныя стороны творчества, Пушкинъ ничего не потерялъ отъ того, а, напротивъ, скорѣе много пріобрѣлъ.

Н. Дашкевичъ.

---

238) Сколь близорукими оказались сужденія такихъ лицъ, какъ А. Н. Вульфъ, считавшій себя первообразомъ Ленскаго, котораго Пушкинъ уже въ письмѣ 1826 г. назвалъ «любезнымъ филистеромъ» (Переп., I, 345), а потомъ именовалъ въ своихъ письмахъ «Ловласомъ». Вульфъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Байронъ повторялъ часто, что великимъ поэтомъ можетъ только сдѣлаться независимый. Мысля объ этомъ, я разсчитываю, какъ мало осталось вѣроятности къ будущимъ успѣхамъ Пушкина, ибо онъ не только въ милости, но и женатъ» (стр. 523). Что до «милости», то ее лучше всего освѣщаетъ надзоръ, цензура гр. Бенкендорфа и постоянное стремленіе Пушкина удалиться подальше отъ двора. Женитьба же, дѣйствительно, не принесла счастія поэту.



1827.

490. ВО ГЛУБИНѢ СИБИРСКИХЪ РУДЪ.

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Возбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода;
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ РУДНИКАХЪ.

Акварель Брюлова. Каторжникъ—кн. Серый Волконскій, которому грезится его молодое счастье.

491. СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поетъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; взываешь—нѣтъ отвѣта.

492. ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...
Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!

Перстень-талисманъ Пушкина. (Пушкинскій музей при Лицеѣ).

Подарокъ Пушкину гр. Воронцовой.

493. ЛУКЪ ЗВѢНИТЪ, СТРѢЛА ТРЕПЕЩЕТЪ.

Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ;
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

ГРАФИНЯ Е. К. ВОРОНЦОВА.

494. АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А Демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

495. ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ.

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ румянна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ
Мертвитъ дыханіе мороза—
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

---

496. КОГДА, БЫВАЛО, ВСТАРИНУ.

(Е. Н. Ушаковой).

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ иль привидѣнье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній;
Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они.
Но ты—мой злой иль добрый геній
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя
Я очарованъ, я горю
И содрогаюсь предъ тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.

---

497. ВЪ ОТДАЛЕНІИ ОТЪ ВАСЪ.

(Е. Н. Ушаковой).

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ;
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ—
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

498. КЪ ТЕБѢ СБИРАЛСЯ Я ДАВНО.

(Письмо къ Н. М. Языкову).

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино—
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ—
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ остался я—
Ахъ юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ
Остепенившись, проклинаю—
Прости, пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Русскаго Дворянства.

---

499. КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

При посылкѣ ей поэмы Цыганы.

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ.

Съ миніатюры Isabey, теперь принадлежащей П. П. Дурново.

495. [illegible] НЕВАЯ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

«Аминь, аминь, [illegible]
Горазло [illegible]
Богъ [illegible]

[illegible]
Когда я вижу [illegible]
Твой профиль и глаза и ку[illegible]
Когда я слышу [illegible]
И рѣчи рѣзвыя [illegible]
Я очарованъ, я [illegible]
И содрогаюсь [illegible]
И сердцу, полному [illegible]
«Аминь, аминь, разсып[illegible]

497. ВЪ ОТДАЛЕНІИ ОТЪ ВАСЪ.

(Е. Н. Ушаковой.)

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ;
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ —
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино —
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ [illegible]
Неволю Невскихъ береговъ
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на [illegible]
Окованный, остался я.
Ахъ [illegible]
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
И тяжесть денегъ и годовъ
Остепенившись, проклинаю —
Прости, Пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Русскаго Дворянства.

[illegible] КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

При посылкѣ ей поэмы Цыганы.

[illegible]

Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣн[illegible]
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ [illegible]
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой

КЪ * *

(Княжнѣ Хованской).

Ты . . . . ., нѣтъ сомнѣнья
Не та которая красой
Плѣнила только . . . . . .
Мила ты всѣмъ безъ изключенья
Не та, которая . . . . . .
. . . . не спросясь супруга
Есть богъ другой,—земнаго круга
Ему послушна красота,
Онъ Богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я—
Онъ весь въ тебя—ты мать Амура,
Ты богородица моя!

АРІОНЪ.

Русская гравюра 1809 г. Изъ пушкинской коллекціи П. А. Ефремова.

501. А Р І О Н Ъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружны упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

502. ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

503. ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

504. КЪ ЯЗ*** (ЯЗЫКОВУ).

Яз*** [Языковъ], кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльно́ю брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

505. БЛИЗЪ МѢСТЪ, ГДѢ ЦАРСТВУЕТЪ ВЕНЕЦІЯ ЗЛАТАЯ.

Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

506. 19 ОКТЯБРЯ, 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

507. ЧЕРЕПЪ.

*Посланіе къ Д*** (Дельвигу).*

Прими сей черепъ, Д*** [Дельвигъ]: онъ
Принадлежитъ тебѣ поправу;
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.
Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д*** [Дельвига]. Баронъ,
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.
Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ—студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить Жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Умѣренность, вѣщалъ мудрецъ,
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ однакожъ наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ;
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонмъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.
День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь—
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ—и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рѳмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою б у д у щ а г о, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. [Вульфъ] получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д*** [Дельвигъ]: онъ
Принадлежитъ тебѣ поправу.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

508. ВЪ СІЯНІИ И ВЪ РАДОСТНОМЪ ПОКОѢ.

(Эпитафія сыну декабриста Сергѣя Волконскаго).

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

КН. МАРІЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ (УРОЖ. РАЕВСКАЯ) съ сыномъ Николаемъ († 1827).

Гравюра Унгера съ акварельнаго портрета П. Ѳ. Соколова (1826).

509. ИЗЪ ALFIERI.

(Не отдѣлано).

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!..
Но какъ-же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ—съ наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Изкоренить?—о если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! передъ нимъ
Всегда печальна я—но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ; (онъ) знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено—кто можетъ
Въ душѣ моей читать—ахъ и самой
Не можно мнѣ; и онъ какъ и другіе,
Обманется, и станетъ какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!
Другова нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы преступленье.
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. (Мнѣ) измѣнить
И рѣчь, и взоръ — все можетъ: ахъ уйдемъ.

---

510. ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

---

511. СТО ЛѢТЪ МИНУЛО КАКЪ ТЕВТОНЪ.

Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича Конрадъ Валленродъ.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся, и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.
Между враждебными брегами
Струился Нѣменъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя,
Символъ Германца, на другомъ
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.
Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль, съ молитвой, заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмена гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тросниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Береговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
Постаринѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

---

512. НЕ ЗНАЮ ГДѢ, НО НЕ У НАСЪ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ
Достопочтенный Лордъ Мидасъ
Съ душой посредственной и низкой,—
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова о Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ, и пр.

Отрывки и наброски.

513. ЗЕМЛИ ДОСТИГНУВЪ.

Земли достигнувъ
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ...

514. ЛЮБИМЕЦЪ МОДЫ ЛЕГКОКРЫЛОЙ.

(Ѳ. А. Кипренскому).

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ—
Ты вновь создалъ, (волшебникъ милой),
Меня, питомца (скромныхъ) Музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но (чудо): зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ
Оно гласитъ, что не унижу
Пристрастья (чистыхъ) Аонидъ...

О. А. КИПРЕНСКІЙ.

515. КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗЪ ТРЕСКУЧІЙ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговой;
Лишь только лаетъ стражъ дворовой,
Да цѣпью звонкою гремитъ.
И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни,
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столпъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...
(Недавно) кровь со всѣхъ сторонъ
Еще текла и снѣгъ багрила
И подымался томный стонъ
Но смерть уже какъ поздній сонъ
Свою добычу осѣнила
И въ содроганьи жизнь почила.
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,

Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...» И конь усталый
Въ столбы проскакалъ...

516. ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХЪ СУРОВЫХЪ.

(Къ Нянѣ).

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня—
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь—
То чудится тебѣ...

517. ТОЛПА ХОЛОДНАЯ ПОЭТА ОКРУЖАЛА.

Толпа холодная поэта окружала
И (равнодушныя) хвалы ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внималъ
И звучной лирою разсѣянно бряцалъ...

518. БЛАЖЕНЪ ВЪ ЗЛАТОМЪ КРУГУ ВЕЛЬМОЖЪ.

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Піитъ, внимаемый царями
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Приправя горькой правдой ложь—
Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
. . . . . спѣсь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры
(И сыплетъ Фебовы дары)
И внемлетъ . . . . . .
Межъ тѣмъ . . . . . .
Тѣснясь у ступеней крыльца,
Народъ колеблется волнами,
(Съ почтеньемъ) слушаетъ пѣвца.

519. КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ, ГДѢ НЕБО БЛЕЩЕТЪ.

Kennst du das Land...
Wilh. Moist

«По клюкву, по клюкву,
По ягоду по клюкву».

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?
Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по-неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?
. . . . . .
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!
. . . . . .
На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искуствъ,
Въ стѣсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой—
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Киридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,

ИТАЛЬЯНСКІЕ ВИДЫ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ НАЧАЛА XIX ВѢКА.

Видъ Сорренто С. Щедрина.

Или Мадоны молодой—
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ: какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ,
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный,
Ты вдохновенный Рафаэль?...

---

520. ЧИСТОТОЙ, ПРИСЛУГОЙ И ПОЙЛОМЪ.

. . . Чистотой, прислугой и пойломъ
И везутъ всѣмъ довольные добрые кони
Кормомъ, стойлами и надзоромъ—
Всѣмъ красны боярскія конюшни,
Сбруя блещетъ на столпахъ дубовыхъ,
Стойлы полны борзыми конями,
Кони (сыты, лоснятся)
Лишь однимъ конюшни непригожи:
Домовой повадился въ конюшни.
По ночамъ ходитъ онъ (по конюшнѣ),
Чиститъ, холитъ (онъ) коней боярскихъ,
Заплетаетъ гриву имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбилъ онъ (коня) воронаго:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному,—
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отопрешь конюшню—
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, (грудью) пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна
Во всю ночь Домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ по рѣкамъ по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта—
До заката мѣсяца . . .

Ахъ ты, старый конюхъ (неразумный)
Загадать ли (тебѣ) старый, загадку
Разгадаешь ли старый загадку?
Полюбилъ . . . . дѣвку младой конюхъ,
Младой конюхъ, разгульный парень—

Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку вороново сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ (красной дѣвкѣ въ гости) скачетъ.

---

521. ТАИТСЯ ПЕЩЕРА.

— ◡ | ◡ ◡ — | ◡ ◡ — | ◡ – ◡ ◡ ◡ —
таится пещера
Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями и тѣнью
Входъ . . . . заслонилъ . . . . . въ извивахъ
Плющемъ,—любовникомъ скалъ и разсѣлинъ.
Звонкой дугой съ камня на камень сбѣгая
пещерное дно затопляетъ
Рѣзвый ручей пробиваетъ глубокое русло
(Тихо) по рощѣ густой, веселя ее онъ вiется,
Сладкимъ журчаньемъ...

---

522. СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМЪ.

Сводня грустно за столомъ
Карты разлагаетъ—
Смотрятъ барышни кругомъ,
Сводня имъ гадаетъ—
«Три девятки, тузъ червей
И король бубновый,—
Споръ, досада отъ рѣчей
И притомъ обновы..
А по картамъ—ждать гостей
Надобно сегодня...
Вдругъ стучатся у дверей
Барышни и сводня
Встали, отодвинувъ столъ;
. . . . . .
Шепчутъ: «Катя, кто пришелъ,
Посмотри хоть въ щелку.»
«Что? Хорошій человѣкъ;
Сводня съ нимъ знакома;
Онъ съ . . . . . цѣлый вѣкъ
Онъ у нихъ какъ дома.
. . . въ кухню (руки мыть)
(Всѣ бѣгомъ, прыжками,)
(Обуваться, пукли взбить,)
Прыскаться духами
Гостя сводня между тѣмъ
Ласково встрѣчаетъ
Просить . . . его совсѣмъ
Онъ-же вопрошаетъ
Что какъ торгъ идетъ у васъ—
. . . . . .
Сводня затряслась
И вздохнула больно
Вѣришь-ли съ
Ровно до субботы
Всѣ . . . . у меня
Были безъ работы
(Ночью) 4 гостей
Богъ мнѣ посылаетъ
. . . . . .
. . . . . что жъ
Не платя пошли всѣ прочь
Господи, мой Боже,
Гость ей: «Право, мнѣ васъ жаль:
Здравствуй, другъ, Анета!
Ахъ Луиза! Что за шаль,
Подойди, Жанета,
А Луиза—поцалуй
. . . . . .
Онъ ушелъ. Все смолкло вдругъ,
Сводня пріуныла,
Дремлютъ дѣвушки вокругъ,
Свѣчка вся оплыла.
Сводня карты вновь беретъ,
Молча вновь гадаетъ,
Но никто, никто нейдетъ;
Сводня засыпаетъ.

ПУШКИНЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ.

I.

Въ такомъ цѣльномъ, непрерывно развивающемся явленіи, какъ творчество художника—очень трудно намѣчать какія нибудь грани и ставить вѣхи. Когда имѣешь дѣло съ созидательной работой теоретическаго ума, то перемѣна направленія, въ какомъ этотъ умъ работаетъ, или новый притокъ матерьяла, къ разработкѣ котораго онъ приступаетъ, даютъ всегда довольно прочное основаніе для того, чтобы въ работѣ этого ума установить извѣстные послѣдовательные стадіи развитія... Когда же приходится говорить о развитіи вдохновенія поэта, о развитіи его творческой способности, т.-е. преимущественно его фантазіи, то невольно робѣешь передъ трудностью механическаго раздѣленія на части столь непроницаемаго и невѣсомаго явленія, какъ творческая фантазія вдохновеннаго художника.

А именно въ ней, въ этой творческой фантазіи и заключено то таинственно-особенное, что отличаетъ художника отъ всѣхъ иныхъ творцовъ въ области духа. И кто же, когда, не исключая самихъ художниковъ, можетъ похвастаться тѣмъ, что отчетливо представляетъ себѣ самый ходъ этой таинственной работы вдохновенія—способности настолько своеобразной, что ее никогда не хотѣли признать подчиненной какимъ либо законамъ, не выключая и законовъ логики?

Можно, конечно, упростить задачу и взглянуть на художника какъ на выразителя извѣстныхъ мнѣній, вкусовъ, настроеній, какими жила та историческая эпоха, когда онъ дѣйствовалъ. Понятое въ этомъ смыслѣ, поэтическое вдохновеніе художника явится какъ самое колоритное, самое красивое облеченіе и истолкованіе смысла данной исторической минуты, и сообразно смѣнѣ такихъ историческихъ минутъ могутъ быть установлены и отдѣльныя грани въ развитіи таланта художника — свидѣтеля и участника развертывающихся событій жизни... Исторія его творчества превратится такимъ образомъ въ исторію отраженія въ искусствѣ главнѣйшихъ и характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни его народа за извѣстный періодъ времени.

Можно, однако, взглянуть на поэта и съ иной точки зрѣнія. Можно заинтересоваться психикой самого художника, развитіемъ его душевныхъ и умственныхъ силъ, и тогда исторію его творчества придется дѣлить на особыя грани.

Творчество его станетъ отраженіемъ его психическаго міра и передъ нами явится думающій и чувствующій человѣкъ, поскольку онъ обнаруживается въ своихъ поэтическихъ признаніяхъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ постепенно слагающимся міропониманіемъ, съ чередующимся порядкомъ настроеній, съ волнообразнымъ движеніемъ чувствъ—однимъ словомъ съ человѣкомъ, который для насъ прежде всего—интересная разновидность общечеловѣческаго типа, а затѣмъ уже художникъ.

Но оставить «художника» въ сторонѣ невозможно и несомнѣнно, что исторія развитія творческой способности въ писателѣ имѣетъ такое же — если не больше—право на вниманіе, какъ и исторія его души и ума, какъ и вопросъ объ его большей или меньшей связи со своимъ временемъ.

Но вопросъ о творческой силѣ художника, объ ея наростаніи и полномъ цвѣтѣ—вопросъ крайне запутанный, необычайно сложный, быть можетъ, даже совсѣмъ выходящій изъ сферы наблюденія не только постороннихъ лицъ, но вѣроятно и самого поэта. По крайней мѣрѣ, никто изъ поэтовъ до сихъ поръ не говорилъ намъ въ своихъ письмахъ, воспоминаніяхъ и исповѣдяхъ о томъ, какъ онъ сталъ поэтомъ и какъ онъ себя чувствовалъ какъ поэтъ въ той или

другой общественной или личной обстановкѣ. Всегда, когда критикъ или историкъ силится намъ представить ростъ самого таланта художника, онъ принужденъ бываетъ—отказываясь отъ всякаго объясненія, дать намъ почувствовать этотъ ростъ въ красотѣ и образности своей собственной рѣчи — что въ громадномъ большинствѣ случаевъ ему не удается. Тайна творчества остается тайной, и написать исторію тайны немыслимо.

II.

1825 годомъ принято обыкновенно заканчивать ранній періодъ творчества Пушкина, отдѣляя его отъ періода зрѣлаго, который былъ такъ неожиданно прерванъ смертью въ 1837 году. Словами «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» мы издавна окрестили поэтическій образъ, отличный отъ того, который затѣмъ слагался въ Николаевское царствованіе въ нѣсколько иныхъ очертаніяхъ. Для такого дѣленія жизни и творчества Пушкина, несомнѣнно, есть свое законное основаніе.

Къ 1825 году созрѣла юность поэта, и онъ самъ въ своихъ письмахъ и стихахъ сталъ намекать на то, что прежняя живость чувствъ и впечатлительность его покидаютъ. Онъ, конечно, преувеличивалъ въ такихъ жалобахъ, прятался иногда за афоризмъ—въ родѣ, напр., того афоризма, по которому лирику положенъ будто-бы предѣльный срокъ въ тридцать лѣтъ—но несомнѣнно, что въ его писательскомъ темпераментѣ произошла довольно замѣтная перемѣна. Число его лирическихъ стихотвореній съ годами убываетъ, и—что характернѣе—многія законченныя произведенія остаются въ портфелѣ на гораздо болѣе долгій срокъ, чѣмъ они оставались раньше. Труды историческіе, публицистическія статьи, критическія замѣтки, журнальная работа начинаютъ также съ тридцатыхъ годовъ отнимать у Пушкина все больше и больше времени, конечно, въ ущербъ художественному творчеству. Поэтъ не сердится на эту прозаическую работу—наоборотъ, онъ отдается ей все съ большимъ и большимъ рвеніемъ. Онъ тѣснѣе сближается съ жизнью, общественной и даже политической, и мысль о роли, роли гласной, руководящей общественнымъ мнѣніемъ, не даетъ ему покоя. Прежнимъ «покоемъ» поэта, нѣкогда столь имъ прославленнымъ, онъ теперь бы не удовлетворился. Мужъ свободнаго слова и свободнаго совѣта, какимъ онъ хочетъ быть въ Николаевское царствованіе, непохожъ на свободнаго и «гонимаго» пѣвца александровской эпохи...

Существенное значеніе имѣетъ также перемѣна въ обстановкѣ и въ условіяхъ жизни, какой поэтъ жилъ раньше и какой начинаетъ жить съ 1826 года. Сначала вольный, талантливый юноша на поискахъ пріятныхъ ощущеній бытія, затѣмъ свободный путешественникъ на югѣ, оффиціально аттестованный поднадзорнымъ, потомъ настоящій ссыльный въ деревнѣ, онъ—теперь, съ наступленіемъ новаго царствованія, получаетъ всѣ права обычнаго русскаго обывателя и вмѣстѣ съ ними на него ложатся всѣ обязанности «благомыслящаго» по тѣмъ временамъ человѣка. И человѣкъ этотъ въ одно и то же время и писатель, и членъ самаго высшаго аристократическаго и дворцоваго круга... Наконецъ, не надо забывать, что съ 1831 года онъ женатъ, и что эта женитьба наложила на его характеръ, на его поведеніе, даже на нѣкоторыя его мысли совсѣмъ новый отпечатокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти перемѣны, происшедшія въ жизни писателя, имѣли свою долю участія въ томъ, что называется развитіемъ его таланта.

Но не онъ одинъ мѣнялся, мѣнялись всѣ его друзья и знакомые, мѣнялся и строй всей нашей жизни съ того же 1825 года.

Итакъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху фигура довольно опредѣленная и цѣлостная; мы можемъ говорить о немъ, не считаясь съ тѣмъ, какимъ онъ сталъ позднѣе, какъ и о самой александровской эпохѣ можно говорить какъ о времени въ себѣ замкнутомъ, съ опредѣленнымъ историческимъ смысломъ, съ типами, сформировавшимися въ эту эпоху и вмѣстѣ съ ней умиравшими, съ особыми ей свойственными духовными интересами, исчезнувшими или ослабѣвшими въ послѣдующее царствованіе. Цѣлая полоса нашей культурной жизни стала отходить въ прошлое, начиная съ 1826 года.

Какая часть общей культурной работы въ эту эпоху приходится на долю Пушкина?

Когда имѣешь дѣло съ такимъ молодымъ человѣкомъ, какимъ былъ Пушкинъ въ эти годы, съ характеромъ и умомъ, которые только-что формировались; когда имѣешь дѣло, наконецъ, съ поэтомъ и притомъ чуть ли не первымъ по времени,

истиннымъ художникомъ—крайне трудно говорить объ его вліяніи на цѣлую историческую эпоху, или объ его значеніи въ цѣломъ сложномъ культурномъ движеніи. Если поэтъ вообще, какъ царь міра фантазіи и самовольный творецъ душъ и тѣлесъ, всегда въ извѣстномъ смыслѣ разобщенъ съ жизнью реальной, съ «существенностью», какъ говорили въ старину, то еще больше разъединенъ былъ онъ съ текущимъ историческимъ моментомъ въ тѣ далекіе годы, когда такое разъединеніе онъ считалъ особой добродѣтелью, особымъ преимуществомъ художника. А въ александровскую эпоху, когда только-что зарождалась наша изящная словесность, поэтъ, дѣйствительно, гордился тѣмъ, что житейская суета, во всѣхъ ея видахъ, оставалась за порогомъ его кабинета. Много потребовалось времени и упорнаго труда со стороны художника и много настойчивыхъ требованій со стороны общества, пока не произошло возможное соглашеніе между поэтомъ и жизнью и пока художникъ не призналъ «поэзіи» въ той житейской прозѣ, которая его окружала, пока къ этой прозѣ онъ не сталъ относиться съ той же серьезностью, съ какой раньше относился исключительно къ своей мечтѣ. Въ годы, когда созрѣвалъ Пушкинъ, такого соглашенія между искусствомъ и жизнью не было. Художникъ считалъ себя призваннымъ на иную работу, чѣмъ та, которая вершилась прозаическими орудіями жизни, и онъ былъ доволенъ, если его поздравляли съ умѣньемъ пройти мимо этой прозы, не запыливъ и не запачкавъ своей свѣтлой ризы.

Можно ли было разсчитывать, что при такомъ горделивомъ и брезгливомъ отношеніи къ текущему моменту художникъ способенъ будетъ непосредственно воздѣйствовать на жизнь, которая его создала и воспитала? Нельзя забывать также, что художникъ, какъ таковой, именно въ эти годы только что слагался. До XIX вѣка, до александровской эпохи, мы въ сущности среди насъ не видали художника. Были въ XVIII вѣкѣ писатели съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, которые возвышались иногда до художественности, но, во-первыхъ, они въ своемъ распоряженіи не имѣли настоящаго художественнаго языка, и, кромѣ того, они не сознавали себя художниками по призванью, а были въ большинствѣ случаевъ моралисты, которые свой поэтическій даръ подчиняли моральной и публицистической проповѣди. Да и поэтическое дарованіе ихъ было несовершенное и неглубокое. Только съ выступленіемъ Жуковскаго узнали мы истиннаго поэта, и вслѣдъ за Жуковскимъ искусство въ лицѣ Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова и всѣхъ лириковъ пушкинской плеяды явило себя намъ во всемъ своемъ блескѣ.

Все въ жизни подчинено закону медленнаго роста, въ томъ числѣ, конечно, и поэтическое дарованіе. Прежде, чѣмъ оно разрастется вглубь, вширь и ввысь, пройдетъ немало времени, въ особенности, если это поэтическое дарованіе въ культурной жизни націи—новинка. Поэтому нѣтъ основанія удивляться тому факту, что всѣ наши художники тѣхъ годовъ были очень субъективны въ своемъ творчествѣ, въ центрѣ всего мірозданія и всей окружавшей ихъ жизни ставили свою личность и интересовались только тѣмъ, какъ всѣ явленія и всѣ впечатлѣнія отражаются въ ихъ душѣ и въ ихъ пониманіи. Сама жизнь во всемъ ея богатствѣ, какъ таковая, сама по себѣ не вызывала въ художникѣ того вниманія, того любопытства, какое она вызвала позднѣе когда кругозоръ поэта расширился и его исключительный интересъ къ своему личному внутреннему міру замѣнился широкой симпатіей ко всѣмъ, даже мельчайшимъ деталямъ жизни, которая его окружала. Въ виду этого, требовать отъ поэта александровскаго времени всесторонняго художественнаго воспроизведенія современной ему жизни было бы несправедливо. Онъ могъ дать только неполный откликъ на событія этой жизни и притомъ откликъ очень субъективный, въ большинствѣ случаевъ не идущій дальше передачи личныхъ ощущеній и взглядовъ.

Пушкинъ не составлялъ исключенія въ ряду всѣхъ современныхъ ему художниковъ. Правда, онъ былъ среди нихъ самый одаренный, а потому и самый разносторонній. Если его поэтическій кругозоръ сравнивать съ кругозоромъ его сверстниковъ, то, конечно, поражаешься его широтой, и на первыхъ порахъ кажется, что имѣешь дѣло съ художникомъ, обладающимъ удивительнымъ даромъ спокойнаго объективнаго творчества. Но при болѣе тщательномъ анализѣ поэзіи Пушкина, въ особенности въ первый періодъ ея развитія, видишь, что она насквозь пропитана личнымъ настроеніемъ, что изъ всего разнообразія явленій и впечатлѣній жизни поэтъ выбираетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ въ дан-

ную минуту его личному настроенію, съ чѣмъ онъ связанъ не какъ художникъ, а, главнымъ образомъ, какъ человѣкъ. Если къ тому же вспомнить, какъ молодъ былъ Пушкинъ въ александровскую эпоху и какъ неувѣренъ еще въ себѣ, то предъявлять ему требованія судьи и истолкователя своей эпохи не придется.

Итакъ, первый вопросъ, съ которымъ встрѣчаешься, когда говоришь о Пушкинѣ александровскаго времени, это вопросъ о связи его поэзіи съ историческимъ моментомъ. Моментъ былъ одинъ изъ очень знаменательныхъ въ нашей исторіи. Это было время перваго нашего болѣе или менѣе тѣснаго сближенія съ Европой въ области интересовъ умственныхъ и житейскихъ. Хоть мы въ этомъ сближеніи и являлись въ роли учениковъ, но наша физическая сила сослужила Европѣ все-таки достаточно большую службу, чтобы заставить благодарныхъ сосѣдей хоть на словахъ признавать насъ за равныхъ, и совершеннолѣтнихъ. Такое признаніе, конечно, очень льстило намъ и мы въ собственныхъ глазахъ росли быстро, и прямымъ слѣдствіемъ такого иной разъ очень поспѣшнаго и необоснованнаго самомнѣнія было все-таки несомнѣнное напряженіе всѣхъ имѣвшихся на лицо нашихъ умственныхъ и душевныхъ силъ. Мы въ тѣ годы очень «старались» во всѣхъ смыслахъ и наше молодое интеллигентное общество можно было обвинить и въ поспѣшности, и въ легковѣріи, и въ неправильной оцѣнкѣ своихъ силъ, и въ отсутствіи необходимыхъ знаній, но нельзя было упрекнуть его въ косности, въ нежеланіи двигаться, слѣдовать за тѣмъ или другимъ умственнымъ или гражданскимъ теченіемъ, которое шло къ намъ съ Запада. Стоитъ вспомнить, въ какое движеніе пришла въ тѣ годы наша религіозная, научная, философская и общественно-политическая мысль, чтобы убѣдиться, сколь необычно чувствовалъ себя интеллигентный русскій человѣкъ, сильно запуганный въ концѣ Екатерининскаго царствованія и совершенно безгласный во времена императора Павла I. Положимъ, что этотъ интеллигентъ не могъ приписать своей собственной иниціативѣ тѣхъ благъ относительно свободной мысли и слова, какими онъ сталъ пользоваться въ александровское царствованіе: его на этотъ путь усиленной умственной работы и критики направляло само правительство, державшее въ первое десятилѣтіе либеральный курсъ. Но все-таки за это десятилѣтіе онъ такъ приноровился къ новымъ для него условіямъ умственной и гражданской жизни, что даже тогда, когда правительство свой курсъ измѣнило и стало запрещать и гнать все то, что само разрѣшало, онъ не отказался отъ свободы помысловъ и отъ общественной работы, но продолжалъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Только послѣ декабрскаго возстанія, съ перемѣной царствованія онъ сталъ постепенно впадать въ тотъ гражданскій маразмъ, къ которому былъ издавна пріученъ.

Въ какой-же связи съ этой краткой, но знаменательной эпохой нашей культурной жизни стояла поэзія Пушкина? Посколько отражалось въ ней то движеніе ума, чувства и воли, которое такъ выдѣляетъ александровское царствованіе изъ ряду эпохъ ему предшествующихъ и за нимъ слѣдующей?

Всеобъемлющихъ художниковъ очень мало и кромѣ силы генія нужна еще извѣстная общественная школа, чтобы художникъ въ своемъ творчествѣ какъ въ фокусѣ соединилъ всѣ лучи современной ему жизни. Дантъ—эта поэтическая энциклопедія средневѣковья, Гете и Шиллеръ въ ранній періодъ ихъ дѣятельности, Бальзакъ съ его «человѣческой комедіей», и Викторъ Гюго съ его міровымъ паѳосомъ, объединяющимъ воедино прошлое, настоящее и будущее—вотъ имена, которыя могутъ придти на память, когда думаешь о художникѣ съ многограннымъ талантомъ, который способенъ схватить, вмѣстить въ себѣ, и воплотить въ образахъ духовное содержаніе цѣлой эпохи въ развитіи человѣчества. Какъ художника, мы приравниваемъ Пушкина къ великимъ «царямъ мечты и вдохновенія», но, конечно, въ произведеніяхъ нашего поэта мы не будемъ искать того глубокаго религіознаго, философскаго, историческаго и общественнаго смысла, какой остается за памятниками міроваго искусства на западѣ. Наша жизнь, хоть и самобытная и по своему красивая, была еще слишкомъ юна, чтобы дать художнику матерьялъ для созданія мірового памятника искусства. Эта жизнь могла подарить насъ самимъ художникомъ—какъ она и подарила насъ Пушкинымъ,—художникомъ съ геніальной способностью художественнаго воспріятія жизни и ея претворенія въ поэзію, но этому великому мастеру она для обработки не могла дать особенно богатаго матерьяла, такъ какъ сама еще его не имѣла.

Но не предъявляя такихъ широкихъ требованій творчеству Пушкина и притомъ творчеству, только еще формовавшемуся, творчеству совсѣмъ юнаго человѣка, который еще не вполнѣ нашелъ себя—можно спросить однако, насколько это творчество отразило въ себѣ хоть то относительно скромное содержаніе, какое ему давала жизнь.

Въ Пушкинѣ мы давно привыкли удивляться широтѣ его поэтическаго созерцанія: онъ умѣлъ рисовать образы и положенія, воспроизводить чувства и настроенія очень разнообразныя. Но у него; какъ у художника, всегда была, какъ мы сказали, какая-то странная нелюбовь къ переживаемому историческому моменту. Мы могли бы ожидать, что именно онъ, одаренный такимъ даромъ перевоплощенія, всего чаще и подробнѣе будетъ намъ говорить о той жизни, которую онъ вокругъ себя видѣлъ, объ ея идейныхъ теченіяхъ и общественномъ движеніи. Но онъ объ этомъ говорилъ неохотно и рѣдко. Онъ былъ слишкомъ разборчивъ въ томъ матерьялѣ, который онъ привлекалъ для поэтической обработки. Слѣдуя традиціямъ и взглядамъ своего времени, онъ многое интересное, живое и достойное исключалъ изъ поля своего художественнаго зрѣнія. И тѣмъ не менѣе, когда ставится вопросъ—кто же изъ нашихъ художниковъ александровской эпохи стоялъ всего ближе къ нашей жизни—придется, конечно, указать на него.

Пушкинъ—единственный изъ нашихъ писателей первой четверти XIX вѣка, который въ своихъ мечтахъ и художественныхъ образахъ намекаетъ намъ на то богатство идей и настроеній, которыя его времени придавали такую пеструю окраску.

Если мы рядомъ съ нимъ поставимъ Жуковскаго, писателя съ огромными заслугами передъ нашей словесностью, мы сразу замѣтимъ, какъ при всемъ разнообразіи и обиліи варіацій поэтическій кругозоръ Жуковскаго узокъ и однообразенъ сравнительно съ кругозоромъ Пушкина. Весь родникъ чистаго сентиментализма безъ всякой примѣси Жуковскій въ своей поэзіи исчерпалъ; много красивыхъ, патріотически военныхъ и молитвенныхъ звуковъ въ его поэзіи; много самой интимной любовной лирики и бездонная глубина мечтательнаго настроенія... Но развѣ этимъ исчерпывалось все богатство настроеній того времени? Поэзія Жуковскаго была художественнымъ выраженіемъ лишь одного, правда, широко распространеннаго порядка чувствъ и мыслей, но вѣкъ не нашелъ въ ней своего настоящаго отраженія, потому что одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ той эпохи—тревога души, рвущейся впередъ, рѣзкой, смѣлой въ своей критикѣ настоящаго,—не нашла отклика въ душѣ поэта. Даровитымъ поэтомъ былъ и Батюшковъ, но его творчество было связано съ историческимъ моментомъ еще меньшими нитями любви или нелюбви, чѣмъ поэзія Жуковскаго. Эстетикъ по преимуществу, пѣвецъ чисто личныхъ чувствъ, реставраторъ античной древности—онъ жилъ въ мірѣ мечты, которая осуждена была ощущать лишь свое противорѣчіе, свою несогласуемость съ жизнью дѣйствительной. Товарищи и сверстники Пушкина, художники разной силы, въ своемъ творчествѣ обнаруживали иногда способность глубокаго проникновенія въ смыслъ той или другой стороны вокругъ нихъ развертывающейся жизни, но каждый изъ нихъ имѣлъ свои излюбленные мотивы и настроенія очень субъективныя, которыя отражали правду души писателя, но не позволяли догадываться о всей правдѣ жизни. Баратынскій могъ намъ дать глубокій анализъ человѣческой грусти, печали и меланхоліи; Языковъ могъ показать намъ, какъ поэтъ бываетъ жизнерадостенъ и веселъ; Веневитиновъ могъ научить насъ мыслить поэтическими образами, а Рылѣевъ могъ учить гражданской доблести—все же эти искреннія и художественныя пѣсни были лишь осколками того поэтическаго зеркала, въ которомъ вся жизнь тѣхъ годовъ могла-бы отразиться.

Когда отъ этихъ пѣсенъ свободной мечты переходишь къ памятникамъ искусства, выросшимъ на почвѣ довольно пристальнаго наблюденія надъ жизнью—къ повѣстямъ, романамъ, драмамъ и комедіямъ, то во всѣхъ этихъ формахъ болѣе или менѣе реальнаго воспроизведенія жизни не досчитываешься также той широты замысла, того разнообразія типовъ и положеній, которые позволили бы всѣ эти произведенія счесть за художественныя картины, достойныя оригинала т.-е. цѣлой культурной эпохи. Въ повѣстяхъ и романахъ тѣхъ годовъ очень мало бытоваго и историческаго элемента, а въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ этотъ элементъ есть, какъ, напр., въ романахъ Нарѣжнаго, онъ подчиненъ дидактической тенденціи самого общаго характера. Театръ тѣхъ годовъ имѣлъ также очень мало то-

чекъ соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью. Одна лишь комедія Грибоѣдова можетъ въ полномъ смыслѣ назваться художественнымъ памятникомъ своего времени, но авторъ комедіи былъ прежде всего сатирикъ, а потомъ уже бытописатель, и все вниманіе свое сосредоточилъ лишь на одномъ, правда, очень существенномъ вопросѣ о столкновеніи стараго поколѣнія съ молодымъ.

Такимъ образомъ, если искать художника, въ которомъ александровское царствованіе нашло своего пѣвца, если не истолкователя и критика, то хоть возсоздателя въ образахъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какими жили люди этого знаменательнаго въ нашей исторіи момента, то придется, конечно, назвать только Пушкина, но назвать не безъ оговорокъ.

Несомнѣнно, что Пушкинъ—тотъ художникъ, въ творчествѣ котораго всего больше «духа» его эпохи. Это не значитъ, однако, что въ этомъ творчествѣ много бытового современнаго поэту матеріала.

За весь первый періодъ своего развитія, именно за все александровское царствованіе, Пушкинъ только однажды коснулся современной темы: это было тогда, когда онъ работалъ надъ первыми шестью главами «Евгенія Онѣгина». Но и въ этой работѣ онъ былъ занятъ не столько художественнымъ воплощеніемъ жизни, сколько разработкой одной психологической задачи, въ рѣшеніи которой онъ самъ былъ очень заинтересованъ.

И все-таки, при всемъ своемъ нежеланіи сближать свое творчество съ текущимъ историческимъ моментомъ, Пушкинъ—нашъ единственный художникъ слова, въ творчествѣ котораго сохранилось въ достаточной полнотѣ и глубинѣ міросозерцаніе и господствующее настроеніе его эпохи. Сохранены были эти черты вѣка поэтомъ неумышленно. Онъ не задавался цѣлью отмѣчать ихъ, разбираться въ нихъ, дѣлать ихъ предметомъ строгаго обсужденія—онъ, какъ натура чуткая, улавливалъ ихъ и схватывалъ и, овладѣвъ ими какъ художникъ, довольствовался ихъ воспроизведеніемъ. Вотъ почему всякій изслѣдователь чувствуетъ себя такъ неловко и въ такомъ трудномъ положеніи, когда ему приходится рѣшать задачу, какихъ взглядовъ держался Пушкинъ на тотъ или иной вопросъ—религіозный, философскій, общественный или политическій. Эта же трудность возстаетъ передъ критикомъ, когда ему приходится говорить объ излюбленныхъ настроеніяхъ Пушкина въ эту эпоху. Какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и въ настроеніяхъ нашъ художникъ необычайно разнообразенъ и противорѣчивъ. Онъ ими владѣетъ попеременно, или вѣрнѣе, они имъ владѣютъ и, можетъ быть, эта частая смѣна ихъ есть своего рода откликъ души поэта на «душу» его времени, которая тоже совмѣщала въ себѣ много противорѣчій.

Припомнимъ нѣсколько основныхъ вопросовъ жизни, которыми такъ волновались умы и сердца людей въ тѣ годы нашего общественнаго возбужденія.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ религіозный. Въ александровское царствованіе онъ принялъ совсѣмъ необычное въ Россіи направленіе. Свободы вѣроисповѣданія въ настоящемъ смыслѣ этого слова мы никогда не знали. И въ эпоху царствованія Александра Павловича такой свободы, конечно, не было, хотя были сдѣланы первые шаги къ ней. Высшее общество съ самимъ царемъ во главѣ допускало тогда вторженіе въ канонъ личныхъ настроеній и мистико-піэтической мысли. Многіе религіозные и догматическіе вопросы стали предметомъ довольно гласнаго обсужденія, и могли они, конечно, проникнуть и въ литературу. Но литература на это движеніе идей не откликалась, за исключеніемъ, конечно, литературы спеціальной, франкъ-масонской, богословско-философской, богословско-публицистической или сектантской. На оживленіе религіозной мысли въ эти годы изящная словесность отозвалась только повышеніемъ сентиментальнаго чувства, окрашеннаго въ религіозную краску.

На поэзіи Пушкина это броженіе религіозныхъ идей оставило свой слѣдъ, правда, не очень значительный и говорящій скорѣе о томъ, что Пушкинъ шелъ не со своимъ вѣкомъ по пути углубленія религіозной мысли, а наперекоръ вѣку по пути ея упрощенія. Это все-таки очень характерно, что только его поэзія выиграла отъ той «свободы» въ религіозныхъ вопросахъ, которая временно заступила мѣсто традиціонной косности и неподвижнаго признанія.

Пушкинъ въ свои зрѣлые годы не выходилъ изъ подчиненія обрядовой сторонѣ религіи. Въ его перепискѣ и сочиненіяхъ нѣтъ слѣдовъ, указывающихъ на какой-нибудь религіозный кризисъ; и потому можно предположить, что по натурѣ

своей онъ не былъ антирелигіозенъ, и что только въ александровскую эпоху онъ поддался искушенію свободной мысли, которая, однако, въ отличіе отъ всѣхъ его сверстниковъ, увлекла поэта совсѣмъ не въ сторону мистики или піэтизма.

Много было говорено о такъ называемыхъ вольныхъ стихахъ Пушкина—вольныхъ въ религіозномъ смыслѣ. Стихи эти находились и до сихъ поръ находятся подъ запретомъ. Самъ поэтъ подчасъ отрицалъ, что онъ писалъ таковые и отрицалъ, вѣроятно, не только изъ страха подпасть подъ обвиненіе въ кощунствѣ. Вѣроятно, очень скоро эти стихи, въ которыхъ мистическія ученія христіанской церкви трактовались съ откровеннымъ цинизмомъ, стали ему самому не по душѣ и не только какъ христіанинъ, а, главнымъ образомъ, какъ поэтъ, былъ онъ самъ оскорбленъ такимъ обращеніемъ съ поэтическими символами. Но какого бы мнѣнія объ этихъ стихахъ ни были, и самъ поэтъ, и его современники, историкъ долженъ ихъ отмѣтить, какъ явленіе очень своеобразное и въ русской литературѣ того времени, сколько намъ извѣстно, единственное. Конечно, стихи эти не оригинальны по основной своей «свободной» мысли, которая пришла къ намъ съ запада изъ Франціи XVIII вѣка и которая могла имѣть въ нашемъ обществѣ, и конечно имѣла, многихъ сторонниковъ, многихъ пытавшихся въ русскую рѣчь облечь то, что такъ игриво звучало во французской. Но только подъ перомъ Пушкина такая свободная мысль получила истинно художественное облеченіе и обогащала въ извѣстномъ смыслѣ изящную словесность, свидѣтельствуя въ то-же время о томъ, какъ своеобразно нашъ поэтъ воспользовался вновь открывшимся свободнымъ поприщемъ для своей пытливой мысли.

Слѣды этой-же свободной мысли несомнѣнно замѣтны и на «языческихъ» стихахъ, которыхъ Пушкинъ такъ много писалъ за этотъ періодъ своего развитія. Смѣшно было-бы ставить на счетъ религіозной мысли тѣ условныя языческія метафоры, образы, имена и прозвища, которые къ намъ перешли по наслѣдству отъ такъ называемой ложно-классической литературы. Но если у большинства нашихъ поэтовъ того времени эти языческія слова оставались словами или, въ лучшемъ смыслѣ, красивымъ украшеніемъ, то именно у Пушкина, больше чѣмъ у кого либо, за ними крылся смыслъ во всякомъ случаѣ отличный отъ христіанскаго... Жуковскій, который тоже любилъ античную древность, всегда примѣшивалъ къ ней частицу христіанской вѣры въ Предопредѣленіе. Для другихъ античное міросозерцаніе совпадало просто съ настроеніемъ веселаго и влюбленнаго человѣка. Одинъ Батюшковъ умѣлъ цѣнить въ этомъ міропониманіи чувство красоты и въ нѣкоторыхъ антологическихъ стихотвореніяхъ его художественно выразилъ. Пушкинъ унаслѣдовалъ это чутье къ античной красотѣ и оттѣнилъ его тѣмъ пантеистическимъ, полнымъ довѣрія къ божеству настроеніемъ, какое составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ античной жизни. Въ этомъ бодромъ довѣріи, не слезливомъ и не приниженномъ, какъ у сентименталистовъ, въ этихъ рѣчахъ полныхъ сознанія своей молодости и силы, въ этомъ участіи равно разлитомъ и въ отзывчивости на всѣ впечатлѣнія бытія, Пушкинъ—язычникъ, насколько, конечно, можетъ быть язычникомъ человѣкъ нашего времени. Вся мрачная, трагическая сторона античнаго міропониманія осталась нашему поэту чужда и на его религіозную мысль не повліяла, но несомнѣнно, что свободное отношеніе къ господствующимъ сентиментально религіознымъ взглядамъ лежало въ основѣ этой «языческой» жизнерадостности, и эта жизнерадостность чувствовала себя иногда очень неловко, когда ей приходилось въ силу чисто внѣшнихъ условій читать себѣ самой мораль, какъ это случилось въ 1817 г. съ Пушкинымъ, на выпускномъ экзаменѣ, когда онъ читалъ славословіе «вѣрѣ», въ которую не вѣрилъ («Безвѣріе» 1817 г.).

Итакъ, если говорить о томъ, какъ поэзія Пушкина откликнулась на современное ей броженіе религіозной мысли въ Россіи, то этотъ откликъ надо признать слабымъ, но единственнымъ въ нашей изящной словесности, и притомъ очень самостоятельнымъ откликомъ, такъ какъ поэтъ вмѣсто того, чтобы идти со своимъ вѣкомъ по дорогѣ сентиментально піэтистическихъ и мистически благочестивыхъ размышленій, пошелъ въ противоположную сторону, и свободу религіозной мысли отождествилъ съ понятіемъ свободнаго обращенія съ символами и догмами господствующаго религіознаго сознанія.

На движеніе чисто философской теоретической мысли своей эпохи Пушкинъ совсѣмъ не откликался.

Но за-то общественная мысль въ немъ

опять нашла чуть ли не единственнаго выразителя въ изящной словесности.

Такое сужденіе можетъ показаться страннымъ, если вспомнить, что съ первыхъ же лѣтъ своего зарожденія наша изящная литература была всегда насыщена сатирическимъ элементомъ. Но эта склонность къ сатирѣ была въ большинствѣ случаевъ лишь показателемъ извѣстнаго дидактическаго направленія ума въ писателѣ, и очень мало говорила объ его общественномъ темпераментѣ и его интересѣ къ общественнымъ вопросамъ въ широкомъ смыслѣ слова. Еще задолго до появленія Пушкина общенравственныя сентенціи стали достояніемъ словесности, и такая сатира общаго характера достигала иной разъ извѣстной высоты идейной и литературной. Въ царствованіе Александра Павловича мысль, направленная на общіе вопросы нравственности, стала яснѣе опредѣляться и дробиться и изъ сферы общихъ разсужденій переходила въ область болѣе частныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ непосредственнаго наблюденія и смѣлой оцѣнки фактовъ общественной жизни. Писатель изъ моралиста превращался постепенно въ публициста и прерванныя въ концѣ царствованія Екатерины II традиціи Новикова и Радищева воскресали.

Однако, въ изящной словесности александровской эпохи эти общественные мотивы слышны отнюдь не такъ часто и не съ той силой, на какую мы имѣли бы право разсчитывать. Въ литературныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ и въ поэзіи Карамзина они отсутствуютъ; ихъ нѣтъ и въ пѣсняхъ всѣхъ лириковъ, составляющихъ такъ называемую «плеяду» Пушкина, за исключеніемъ пѣсенъ Рылѣева; изрѣдка и въ очень обобщенной формѣ появляются они въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова и тонутъ среди другихъ басенъ, которыя предостерегаютъ писателя отъ непрошеннаго вмѣшательства въ общественные вопросы. Съ большой силой одинъ изъ общественныхъ вопросовъ, правда очень острый, поднятъ въ комедіи Грибоѣдова, но симпатіи и антипатіи автора проступаютъ въ ней недостаточно ясно. Наконецъ, въ романахъ и повѣстяхъ того времени попадаются кое-какія робкія попытки иллюстрировать тотъ или другой общественный вопросъ бытовой картинкой. Но почти во всѣхъ случаяхъ такія иллюстраціи съ настоящимъ художественнымъ творчествомъ имѣютъ мало общаго.

И опять-таки одна лишь поэзія Пушкина соединяетъ интересъ къ общественности съ высотой художественнаго выполненія. И Пушкинъ александровской эпохи въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе отзывчивый поэтъ, чѣмъ Пушкинъ послѣдующаго времени.

Извѣстная глубина и зрѣлость общественной мысли у молодого поэта сказывается прежде всего на благородствѣ пониманія національной идеи. Эта національная идея служила издавна пищей для литературы. Такъ какъ культурныхъ побѣдъ у насъ было пока очень мало, то естественно, что пришлось выдвигать побѣды военныя, и патріотическая ода XVIII вѣка разыгрывалась преимущественно на бранныхъ трубахъ. 1812 годъ далъ большой толчекъ этому военному патріотизму и болѣе, чѣмъ что-либо въ нашемъ военномъ прошломъ, оправдывалъ нашу національную гордость. Для изящной словесности это патріотическое воодушевленіе дало очень много въ смыслѣ количества и очень мало въ смыслѣ качества. За исключеніемъ звучныхъ военно-религіозныхъ пѣсенъ Жуковскаго и удалыхъ пѣсенъ Дениса Давыдова—національная идея являлась въ своемъ традиціонномъ, трафаретномъ стихотворномъ одѣяніи.

Одинъ Пушкинъ придалъ ей красоту художественную и, кромѣ того, особый глубокій смыслъ, который не былъ заглушенъ военными фанфарами. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній на эту тему «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1815) поэтъ, совсѣмъ еще юный, удовольствовался лишь прославленіемъ одержанной нами побѣды, не вникая пока въ тотъ глубокій смыслъ, который она должна была имѣть для нашей общественности. Но уже въ этомъ раннемъ стихотвореніи Пушкинъ оттѣнилъ «улыбку примиренія и златую оливу», съ какой побѣдитель шелъ на встрѣчу побѣжденному, хищному галлу. Скорбь о нарушенномъ желанномъ мирѣ и гнѣвъ на властителя, который не хочетъ смириться передъ судьбой, продиктовали Пушкину грозное стихотвореніе «Наполеонъ на Эльбѣ» (1815), гдѣ, воздерживаясь отъ всякихъ патріотическихъ угрозъ, поэтъ съ мистическимъ страхомъ остановился въ раздумьи передъ полнымъ великихъ послѣдствій событіемъ. Но вотъ, наконецъ, врагъ сокрушенъ навсегда и русскій царь, увѣнчанный славой, вернулся въ отчизну. Поэтъ признаетъ, что царь свершилъ все,

НЕВПОЛНѢ ДОСТОВѢРНЫЙ ПОРТРЕТЪ МОЛОДОГО ПУШКИНА.

(Историческій музей въ Москвѣ; подпись—Гейденъ 1821).

что могъ свершить на полѣ брани, и потому встрѣчаетъ его пожеланіемъ, чтобы онъ осѣнилъ вселенную желанной тишиной и чтобы война стала залогомъ широкой и мирной культуры («На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа», 1815). Эта мысль о культурномъ значеніи наполеоновскихъ войнъ, высказанная пока лишь въ общей формѣ самаго простого пожеланія мира, крѣпнетъ въ поэтѣ и въ знаменитомъ стихотвореніи «Наполеонъ» (1821) достигаетъ большой глубины. Наполеонъ уже не врагъ Россіи, онъ—величественная историческая фигура, при оцѣнкѣ которой должны смолкнуть всякія національныя симпатіи. На развалинахъ свободы построилъ Наполеонъ свой престолъ, но лишь затѣмъ, чтобы на развалинахъ его самовластія вновь засіяла свобода. Мы русскіе свергли исполина съ высоты и всѣ наши страданія были необходимы для великаго культурнаго дѣла—для возрожденія свободы на западѣ и у насъ. Міру Наполеонъ завѣщалъ изъ мрака ссылки вѣчную свободу, а намъ указалъ высокій жребій. Послѣднія слова поэта возбуждаютъ, однако, нѣкоторое недоумѣніе. Говорить о вѣчной свободѣ на западѣ послѣ Реставраціи и въ ея разгаръ было нѣсколько странно: нелегко также опредѣлить, что разумѣлъ поэтъ подъ «высокимъ жребіемъ» нашимъ? Если подъ этими словами кроется мысль, что послѣ крушенія Наполеона мы, русскіе, вступили на путь свободы (что съ истиной согласно), то несомнѣнно, что поэтъ обнаружилъ большую зрѣлость мысли въ оцѣнкѣ общественнаго смысла историческихъ событій. Но мысль поэта высказана пока очень глухо. Однако, именно эта мысль не переставала занимать его, какъ видно изъ извѣстнаго «Отрывка» (1823): («Недвижный стражъ дремалъ»). Въ этомъ отрывкѣ «владыка сѣвера», въ минуту упоенія своей властью, въ горделивомъ сознаніи своего торжества, какъ побѣдителя, обрушивается грозной рѣчью на «зиждителей свободы» и на мудрецовъ и безумную толпу, которая ищетъ «правъ природы». Владыка грозитъ имъ жезломъ Россіи и желѣзной своей стопой, т.-е. онъ грозитъ свободѣ той самой программой, которая, дѣйствительно, въ годъ, когда стихотвореніе это было написано (1823), восторжествовала у насъ въ Россіи надъ всѣми благими начинаніями. Къ какому окончательному рѣшенію пришелъ владыка сѣвера, мы не знаемъ, такъ какъ Пушкинъ своего стихотворенія не окончилъ и оборвалъ его на томъ моментѣ, когда «владыкѣ сѣвера» явилась тѣнь Наполеона, очевидно, затѣмъ, чтобы напомнить ему, сколь призрачны всякіе «жезлы» и «желѣзныя стопы».

Несомнѣнно все-таки, что въ этомъ стихотвореніи кроется глубокій общественный смыслъ, который мы напрасно будемъ искать у другихъ поэтовъ того времени, противупоставлявшихъ «владыку сѣвера» его побѣжденному супостату.

Такое же широкое пониманіе національной идеи обнаружилъ Пушкинъ и въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ онъ говоритъ объ успѣхахъ нашей образованности и культурности въ широкомъ смыслѣ. Эта тема также давно давала поводъ нашимъ поэтамъ говорить о доморощенныхъ Невтонахъ и Платонахъ и о процвѣтаніи всякихъ разсадниковъ наукъ и искусствъ, насажденныхъ властителями или меценатами. Достаточно прочитать извѣстныя «Посланія» Пушкина къ цензору (1824 г.), чтобы увидать, какой тактъ умѣлъ соблюсти поэтъ въ подсчетѣ нашихъ культурныхъ силъ и силъ имъ враждебныхъ, и какъ гармонично въ этихъ стихахъ сочеталось сознаніе своего національнаго достоинства съ сознаніемъ своихъ грѣховъ передъ культурностью.

Что Пушкинъ близко принималъ къ сердцу всѣ болѣе или менѣе осязательные успѣхи этой культурности—это вполнѣ естественно, но должно отмѣтить, что онъ не упускалъ случая заговорить о нихъ въ своихъ стихахъ, и большинство его «посланій» (къ Жуковскому, Батюшкову, Чаадаеву, Мордвинову) могутъ съ полнымъ правомъ назваться такими стихами на общественную тему.

Обыкновенно, когда говорятъ объ этой общественной тенденціи въ стихахъ Пушкина александровской эпохи, то указываютъ на знаменитое стихотвореніе «Деревня» (1819), чуть ли не первое стихотвореніе, въ которомъ русскій писатель откровенно заговорилъ о безобразіи крѣпостного состоянія. Конечно, это стихотвореніе имѣетъ несомнѣнное общественное значеніе, какъ одна изъ первыхъ попытокъ облечь публицистическую тему въ художественную форму, но едва ли его можно признать за изложеніе вполнѣ зрѣлаго взгляда на самый жгучій общественный вопросъ своего времени. Въ этомъ стихотвореніи больше силы сентиментальнаго чувства, чѣмъ силы общественной мысли—что, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что поэтъ послѣ

«Деревни» къ этой темѣ больше не возвращался, по всѣмъ вѣроятіямъ разочаровавшись въ той сентиментальной надеждѣ, которую онъ возлагалъ на царя. Но при всей своей недоказанности и общности и это стихотвореніе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чуткости, съ какой поэтъ слѣдилъ за теченіемъ общественной мысли своего времени. И какъ бы вообще ни были незначительны слѣды, оставленные этимъ теченіемъ на стихахъ Пушкина, несомнѣнно, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ одинъ только Пушкинъ, какъ художникъ, откликнулся на него въ такой, хоть и скромной степени.

Сильнѣе и рѣзче, чѣмъ на общественное движеніе своего времени, отозвался молодой поэтъ на броженіе политической мысли тѣхъ годовъ. Много было говорено объ этихъ политическихъ увлеченіяхъ Пушкина. Несомнѣнно, что это было «увлеченіе» въ томъ смыслѣ, что источникъ политическихъ пѣсенъ Пушкина заключался не въ развитомъ политическомъ темпераментѣ или сознаніи поэта, а въ его впечатлительности и жизнерадостности, съ какой онъ отзывался на все. Видѣть въ этихъ стихахъ безусловное доказательство зрѣющей или созрѣвшей политической мысли и, стало быть, явно оппозиціонной—было бы неправильно. Дальнѣйшая судьба этой мысли въ сознаніи Пушкина показываетъ, что она вытекла скорѣе изъ поэтическаго отклика на событія, чѣмъ изъ возмущеннаго раздумья надъ ними. Имѣй эта мысль болѣе тѣсную связь со всей психикой поэта, она, конечно, не расплылась бы такъ въ туманностяхъ, какъ это случилось съ ней въ самый рѣшительный моментъ, наканунѣ политическаго возстанія 1825 года. Недостаточно ясное отношеніе Пушкина къ декабрскому возмущенію (не только въ томъ смыслѣ, что онъ въ подготовкѣ возстанія и въ его осуществленіи не принялъ рѣшительно никакого участія; оно неясно потому, что во всѣхъ его словахъ, письмахъ и стихахъ нѣтъ вообще слѣдовъ какого бы то ни было отношенія къ подготовляемому событію) показываетъ, что полноты подъема политическихъ чувствъ у него не было.

Намъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ безразлично, въ какой степени самъ Пушкинъ былъ политикомъ,—импрессіонистомъ или убѣжденнымъ, — важно то, что онъ какъ поэтъ на эту сторону нашей тогдашней жизни откликнулся. Одинъ только онъ да Рылѣевъ, политикъ по природѣ и по складу ума, не прошли мимо явленій жизни несомнѣнно весьма типичнымъ и знаменательныхъ для той эпохи; и тотъ фактъ, что Пушкинъ, по натурѣ своей мало къ политикѣ склонный, тѣмъ не менѣе воспѣлъ ее въ стихахъ—лишнее доказательство его поэтической отзывчивости.

Количество стиховъ, съ политической тенденціей, написанныхъ Пушкинымъ въ александровскую эпоху, довольно значительно. Надпись къ портрету Чаадаева (1817) написана еще на школьной скамьѣ. «Вольность» (1819), самое рѣзкое изъ политическихъ стихотвореній Пушкина, но далеко не самое сильное. Продиктовано оно поэтическимъ чувствомъ, которое въ молодыхъ умахъ всегда возбуждаетъ слово «свобода» и политическая мысль замѣнена въ этой одѣ политической экзальтаціей, которая покрываетъ мѣстами совсѣмъ противорѣчивые политическіе взгляды. Такая же политическая лирика звучитъ и въ извѣстномъ посланіи къ Чаадаеву (1818), гдѣ поэтъ обѣщаетъ Россіи зарю плѣнительнаго счастія и святой вольности, которая должна восторжествовать на обломкахъ самовластія. Это посланіе также едва ли можно счесть за политическую программу и правъ поэтъ, когда онъ свое томленіе по свободѣ сравниваетъ съ состояніемъ молодого любовника, ожидающаго минуты сладкаго свиданія, т. е. человѣкомъ, въ которомъ смутное ощущеніе блаженства оттѣсняетъ всякія отчетливыя мысли.

Одновременно съ этими стихами Пушкинъ писалъ, какъ извѣстно, немало очень мѣткихъ эпиграммъ, которыя и были главной причиной его ссылки на югъ. Видѣть въ этихъ эпиграммахъ опять-таки проявленіе какой-нибудь непримиримой политической вражды едвали возможно: и эти политическіе наскоки были по всей вѣроятности результатомъ вскипѣвшаго поэтическаго чувства, окрыленнаго веселой смѣлостью молодого таланта. Къ эпиграммамъ примыкаетъ и знаменитое стихотвореніе «Кинжалъ» (1821), въ которомъ политическій темпераментъ Пушкина (если о таковомъ можетъ идти рѣчь) достигъ наибольшаго или наиболѣе рѣзкаго проявленія. Стихотвореніе было самаго общаго типа и нѣтъ основанія думать, что оно мѣтило въ русское правительство, о которомъ въ стихотвореніи не сказано ни одного слова. Оно отражало лишь самое напряженное чувство протеста не останавливающагося передъ самыми крайними средствами. Легко воз-

можно, что въ такомъ повышеніи чувства была не столько виновата обострявшаяся въ Пушкинѣ политическая мысль сколько личное ощущеніе раздраженія и обиды, которое въ поэтѣ очень повысилось въ дни его ссылки на югъ.—Но вмѣстѣ съ этимъ повышеніемъ личнаго раздраженія, политическій задоръ шелъ въ Пушкинѣ на убыль. Это очень ясно сказалось на стихотвореніи «Андрей Шенье» (1825), которое причинило Пушкину столько непріятностей, такъ какъ въ немъ усмотрѣли какъ разъ обратное тому, что въ немъ было. Въ стихотвореніи хотѣли видѣть подъемъ политическаго настроенія, тогда какъ въ немъ наоборотъ замѣчалось его успокоеніе. Вмѣсто словъ задора и воинственнаго чувства стихотвореніе полно сожалѣнія и жалости къ людямъ. Призывъ къ борьбѣ за свободу, борьбѣ неотложной, замѣненъ въ нихъ пѣснью въ честь надежды на грядущее ея торжество. Поэтъ какъ будто выговариваетъ себѣ за то, что онъ вмѣшался въ политику и взялся за дѣло мало ему свойственное. Но отъ права произносить свой судъ надъ великими событіями, которыя развертываются передъ его глазами, поэтъ всетаки не отказывается. Только лишь прежняя буря страстей и необузданное волненіе замѣняются грустнымъ и строгимъ итогомъ политической мысли, много поработавшей и утратившей всѣ страсти кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ. Стихотвореніе «Андрей Шенье» было такимъ образомъ своего рода поправкой къ написанному два года раньше безнадежному стихотворенію «Свободы сѣятель пустынный» (1823) въ которомъ Пушкинъ, въ очень правда туманныхъ выраженіяхъ, какъ будто подписывался подъ скорбнымъ афоризмомъ, что народы не доросли до свободы, что ея дары имъ не нужны, а нуженъ «бичъ да ярмо съ гремушками».

Мы можемъ быть какого угодно мнѣнія о Пушкинѣ какъ политикѣ, но неизмѣннымъ остается тотъ фактъ, что изъ всѣхъ поэтовъ своего поколѣнія лишь онъ одинъ (если не считать Рылѣева съ его упорнымъ боевымъ настроеніемъ) отразилъ въ своемъ творчествѣ приливы и отливы, подъемы и пониженія политическихъ взглядовъ и страстей, которые тогда пришли въ необычное для нашей жизни движеніе.

Итакъ, если принять въ разсчетъ всѣ тѣ слѣды, которые на творчествѣ Пушкина оставила александровская эпоха, столь живая въ движеніи религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ идей и настроеній, то связь этого творчества со своимъ временемъ станетъ внѣ сомнѣнія. И какъ бы эта связь въ нѣкоторыхъ областяхъ ни была обща и слаба, но она была единственной, которая соединяла цѣлую историческую эпоху съ нашей словесностью—тогда еще совсѣмъ молодой и неопытной. Всѣ сверстники Пушкина и работники на нивѣ этой словесности были не то, чтобы разобщены со своимъ временемъ (хотя про многихъ изъ нихъ, какъ, напр., про представителей старой литературной школы, это сказать можно), но они не обладали зоркостью, отзывчивостью, широтой поэтическаго кругозора, безъ которыхъ они не могли стать не только судьями своего времени, но просто его свидѣтелями въ области художественнаго его перевоплощенія... Одно творчество Пушкина было то «эхо», какимъ искусство откликнулось на всѣ событія даннаго историческаго момента.

Но, конечно оно было только «эхо», а не самостоятельный голосъ, который, какъ бы то ни было, могъ вліять на ходъ событій или вообще прибавлялъ что-нибудь къ идейному богатству своей эпохи. Но требовать такого вліянія отъ еще совсѣмъ молодого, только зрѣющаго художника въ эпоху, когда наше словесное искусство только что зарождалось, было невозможно. Достаточно, что поэзія Пушкина всему идейному богатству александровской эпохи придала художественную форму и тѣмъ самымъ дала ему стоимость, которую до Пушкина оно не имѣло.

III.

Мы выяснили связь поэзіи Пушкина съ ея временемъ, но какова же была ея связь съ самой психикой поэта?

На этотъ вопросъ даютъ очень ясный отвѣтъ лирическія стихотворенія Пушкина. Онъ любилъ ихъ писать и писалъ ихъ много всегда въ нихъ откровенный и искренній. Какъ всѣ поэты его поколѣнія, онъ былъ очень занятъ собой, и самонаблюденіе было любимымъ его занятіемъ. Благодаря такой откровенности, мы можемъ теперь съ достаточной полнотой возстановить картину смѣны въ его душѣ разныхъ настроеній. Особенно рѣзкихъ переломовъ въ настроеніи эта душа не испытала. Жизнерадостная и веселая вступила она въ жизнь, за-

тѣмъ на короткій срокъ подпала романтической тревогѣ и, быстро поборовъ ее, успокоилась на поэтическомъ созерцаніи житейской суеты. Насколько можно судить по лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина, его душой владѣли попеременно, а, можетъ быть, и нераздѣльно два настроенія, очень тогда распространенныя. Онъ былъ настроенъ меланхолически сентиментально и классически весело. Испытывалъ онъ какое-то «томленіе души», очень неопредѣленное и туманное, которое вызывало въ немъ слезы надъ ранней его могилой, надъ мимолетной радостью, обманами любви и ея быстромъ бѣгѣ, которое дѣлало его особенно воспріимчивымъ къ красотамъ «оссіановской» луны и всѣмъ ощущеніямъ одиночества. Но рядомъ съ этими настроеніями прорывалась въ поэтѣ страшная жажда веселія и наслажденія, и въ удивительно звонкіе и красивые стихи облекалась эта жизнерадостность молодой геніальной натуры. Въ такомъ сочетаніи съ виду противорѣчивыхъ настроеній собственно никакого противорѣчія не было, такъ какъ молодая меланхолія, съ явленіями самой реальной жизни ничѣмъ не связанная, сама вытекала изъ скрытаго сожалѣнія о кратковременности и измѣнчивости всѣхъ веселыхъ ощущеній и всѣхъ наслажденій жизни. Таковъ именно былъ источникъ этой ранней грусти почти у всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ, за исключеніемъ развѣ только Баратынскаго. Пушкинъ въ средѣ этихъ молодыхъ пѣвцовъ своихъ личныхъ чувствъ и настроеній былъ однимъ изъ наибольшихъ весельчаковъ, и его любовныя застольныя пѣсни, веселыя посланія и шутки въ стихахъ, его эпиграммы и экспромпты, написанные въ лицеѣ и въ первые годы его жизни въ Петербургѣ—это блистательно доказываютъ. И сами условія жизни поэта слагались пока такъ, что должны были поддерживать въ немъ такую жизнерадостность.

Наиболѣе художественное и наиболѣе полное выраженіе того настроенія, какимъ была охвачена душа Пушкина на счастливой зарѣ его молодости, даетъ намъ его первое крупное поэтическое созданіе—«Русланъ и Людмила»...

Пушкинъ, не смотря на свои юношескіе годы, давно уже мечталъ о созданіи какого нибудь «крупнаго» произведенія, въ которомъ поэтъ не тратился бы на мелочи, а проявилъ-бы всю силу своего вдохновенія. Ожидать, что начинающій поэтъ дѣйствительно нападетъ сразу на крупный и значительный сюжетъ, въ которомъ сочетались-бы оригинальность и сила вдохновенія—было трудно. Пушкинъ выбралъ простую сказку, которая въ тѣ годы ходила въ разныхъ переработкахъ, но, заимствуя фабулу, онъ вложилъ въ нее свое собственное настроеніе—оригинальное для него самого и для всего его поколѣнія, — почему эта сказка и имѣла такой большой успѣхъ. Поэма была написана въ самомъ веселомъ, мажорномъ тонѣ. Ни въ одномъ изъ современныхъ произведеній веселіе жизни, къ которому такъ чутко относилось тогда молодое поколѣніе, не было схвачено въ такихъ яркихъ и плѣнительныхъ краскахъ, какъ въ этой поэмѣ. Она заполняла такимъ образомъ въ искусствѣ очень существенный пробѣлъ. Въ тогдашней поэзіи было не мало поэмъ, которыя художественно передавали настроеніе минорное и не было такого, въ которомъ-бы лицевая сторона жизни отразилась съ полнотой и яркостью ея достойной. «Русланъ» былъ такимъ жизнерадостнымъ гимномъ въ честь земныхъ радостей и благъ и, кромѣ того, славословіемъ русской старины, русскаго духа, поэмой о доблестномъ русскомъ рыцарѣ, который восторжествовалъ надъ всѣми врагами. Эта патріотическая тенденція поэмы была также въ духѣ того времени—въ духѣ поисковъ за «самобытностью» въ изящной словесности. Но главной приманкой поэмы былъ, конечно, тотъ оптимизмъ, который сквозилъ между всѣми ея строками. Она утверждала торжество всѣхъ видовъ добра надъ всѣми видами зла: торжество свободнаго чувства надъ насиліемъ, свѣтлыхъ духовъ надъ злыми, истинной храбрости надъ лживой, торжество справедливости надъ преступленіемъ; она провозглашала награду добродѣтели и наказаніе пороку. Поэма была выраженіемъ кипучей воли къ жизни, полной юныхъ силъ, была выраженіемъ жажды счастія и довѣрія къ себѣ и къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ поэма «Русланъ и Людмила» можетъ быть названа поэтическимъ итогомъ ранней юности Пушкина—тѣхъ беззаботныхъ лѣтъ, которыя онъ прожилъ въ лицеѣ, въ вихрѣ свѣта, и того товарищескаго круга, который ждалъ его за стѣнами лицея. Мы не ошибемся, если настроеніе «Руслана» примемъ за то основное настроеніе, какимъ поэтъ былъ охваченъ на зарѣ разсвѣта его таланта. Конечно, отдавая дань сентиментальному настроенію своего вѣка, а главное, подчиняясь красотѣ

нѣкоторыхъ иноземныхъ образцовъ поэзіи и удачному ихъ переложенію у Жуковскаго, онъ позволялъ себѣ иногда отдаться грусти и поэтической меланхоліи и сочинялъ въ эти минуты довольно жалобные стихи, но все же на жизнь, его манящую и столь много ему обѣщавшую, онъ смотрѣлъ глазами, полными довѣрія, любви и веселія и, если кто умѣлъ облекать это веселіе въ красивый и звонкій стихъ—пока еще не вполнѣ самобытной чеканки — такъ это былъ онъ, тогда уже прославленный поэтъ, которому старшіе уступали охотно дорогу.

Во всемъ блестѣла эта жизнерадостность, и въ любовныхъ и въ застольныхъ пѣсняхъ, и въ посланіяхъ къ друзьямъ и во всемъ, что Пушкинъ говорилъ о себѣ и о своемъ талантѣ, даже въ его политическихъ стихахъ, въ которыхъ истинно политическаго настроенія было меньше чѣмъ истинно веселой смѣлости, съ какой довѣрчивая юность относится ко всѣмъ самымъ запутаннымъ вопросамъ жизни.

Настроеніе поэта рѣзко перемѣнилось, хотя на короткій срокъ, когда ему пришлось ѣхать «въ ссылку» на югъ Россіи. Ссылка была почетная, да и совсѣмъ не тягостная, но именно въ ней нужно искать причину той перемѣны, которая произошла въ настроеніи поэта. Первый разъ его жизнерадостность была подвергнута неожиданному испытанію, первый разъ ему пришлось встрѣтиться съ порядкомъ немиролюбивыхъ, невеселыхъ чувствъ и настроеній, и такое обогащеніе его духа новыми впечатлѣніями должно было обогатить и его творчество новыми поэтическими мотивами.

Перемѣна, происшедшая въ настроеніи поэта, вытекала, главнымъ образомъ, изъ того ощущенія обиды и причиненной ему несправедливости, какое онъ испытывалъ всякій разъ, когда задумывался надъ своимъ положеніемъ подневольнаго человѣка. Ссылка несомнѣнно подорвала въ немъ его благодушіе и довѣрчивое отношеніе къ людямъ; она озлобляла его и, конечно, не безъ основанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это «изгнаніе» льстило ему и повышало въ немъ его гордость и безъ того большую. Онъ попадалъ въ своего рода герои и начиналъ ухаживать за своей личностью. Не должно, однако, преувеличивать этого, на сей разъ дѣйствительно грустнаго и серьезнаго настроенія. Оно не мѣшало поэту быть попрежнему и очень веселымъ и влюбленнымъ, оно отнюдь не настраивало его враждебно по отношенію къ людямъ вообще, но оно несомнѣнно заставило его заинтересоваться нѣкоторыми психическими состояніями, общечеловѣческими, мимо которыхъ онъ могъ пройдти, такъ какъ не имѣлъ съ ними раньше никакой даже отдаленной душевной связи. Это были тѣ состоянія «романтическія», какъ ихъ иногда называли, которыя въ началѣ XIX вѣка были очень сильны на западѣ и выражали презрительно гордое, разочарованное, мизантропическое отношеніе человѣка почти ко всѣмъ вопросамъ жизни. И у Пушкина срывались иногда очень желчныя рѣчи съ языка и въ письмахъ и въ стихахъ, но все-таки это мрачное настроеніе было въ немъ наноснымъ, и глубокихъ корней въ его сердцѣ не имѣло.

Часто и долго обсуждался въ критикѣ и въ наукѣ вопросъ, насколько Пушкинъ былъ самостоятеленъ въ обнаруженіи этого мрачнаго настроенія въ своей поэзіи. Одно совершенно случайное обстоятельство запутало эти споры. Дѣло въ томъ, что на югѣ, живя въ семьѣ Раевскихъ, съ которыми онъ былъ очень друженъ, Пушкинъ принялся за серьезное изученіе англійскаго языка и за чтеніе Байрона. Трудно теперь отвѣтить на вопросъ—взялъ ли онъ Байрона въ руки для того, чтобы учиться языку, или желаніе ознакомиться съ Байрономъ въ оригиналѣ заставило его приняться за чтеніе. Вопросъ можетъ показаться совершенно празднымъ, если не принять во вниманіе почти полное отсутствіе интереса къ Байрону у Пушкина до этого времени. Семья и кругъ знакомыхъ, среди которыхъ выросталъ Пушкинъ, могли гордиться своимъ литературнымъ образованіемъ: всѣ западныя литературныя новинки попадали всегда во-время въ сферу ихъ интереса, и надо думать, что своевременно въ руки близкихъ Пушкину людей попалъ и Байронъ. Конечно, имя это долетѣло тогда и до Пушкина, но только въ началѣ двадцатыхъ годовъ, на югѣ, стало оно говорить его сердцу. Если на такихъ общихъ соображеніяхъ можно что-нибудь строить, то придется предположить, что когда Пушкинъ садился впервые за серьезное чтеніе Байрона, онъ самъ не зналъ, какое его ожидало художественное наслажденіе и что ему готовила эта поэзія. Къ достойной оцѣнкѣ этого наслажденія его подготовляла не какая-нибудь литературная тенденція, не идейный интересъ, а именно его личная жизнь со всѣми мелочами, которыя казались ему тогда столь важными и которыя такъ огорчали, оби-

жали и оскорбляли его въ годы его «ссылки». Само собою разумѣется, что, открывъ книгу, Пушкинъ остался подъ ея обаяніемъ: поэтъ не могъ не вдохновиться, когда многое, что онъ ощущалъ, онъ нашелъ у другого поэта выраженнымъ такъ сильно и ярко. Но когда внимательно читаешь всѣ такъ называемые «байроническіе» стихи Пушкина, поражаешься одной ихъ чертой, которая совсѣмъ не свойственна всѣмъ стихамъ, писаннымъ «въ подражаніе». Въ нихъ несомнѣнно есть нѣчто, что роднитъ ихъ съ сильнымъ оригиналомъ—есть извѣстное созвучіе въ настроеніи, но ни заимствованныхъ образовъ, ни заимствованныхъ драматическихъ положеній мы не встрѣтимъ. Мы не встрѣтимъ даже основного типа, который Байронъ такъ любилъ рисовать во многихъ повтореніяхъ. Дѣйствительно, наиболѣе яркіе слѣды оставилъ байронизмъ на поэмахъ, которыя Пушкинымъ были написаны на югѣ, на «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», на «Братьяхъ разбойникахъ» и на «Кавказскомъ плѣнникѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти произведенія написаны въ байроническомъ ключѣ, но въ большое затрудненіе былъ бы поставленъ тотъ историкъ, который пожелалъ бы подобрать у Байрона сходные съ этими поэмами мотивы. «Бахчисарайскій фонтанъ»—пѣснь любви, пѣснь личныхъ интимныхъ воспоминаній—перлъ лирики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы. Это очень колоритная картина востока, картина, списанная съ натуры, а не съ иностранной гравюры... Мрачный ея колоритъ похожъ на колоритъ поэмъ Байрона, но ходъ драматическаго дѣйствія, сердечная драма двухъ женщинъ, чувства деспота мужчины совсѣмъ не похожи на обычныя у Байрона завязки и напоминаютъ скорѣе повѣсти сентиментальнаго типа, чѣмъ «романтическаго»... Чаще всего вспоминали Байрона, когда рѣчь шла о «Братьяхъ разбойникахъ». Но въ концепціи этой поэмы большую роль сыграли народныя пѣсни, а самые разбойничьи типы—общеевропейское достояніе, которымъ, однако, Байронъ въ своей поэзіи не воспользовался. Наконецъ, и сходство этой поэмы съ «Шильонскимъ узникомъ» (который будто бы служилъ ей оригиналомъ) чисто внѣшнее и на психику дѣйствующихъ лицъ не простирается... Ярче «байроническое» проступаетъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», но фабула разсказа самостоятельна и аналогій у Байрона не имѣетъ. Только лишь типъ самого плѣнника, неясный, туманный, которымъ самъ авторъ остался очень недоволенъ, какъ будто бы созданъ подъ иноземнымъ вліяніемъ. Но за послѣднее время изслѣдователи стали приходить къ выводу, что и за всѣми туманностями этого типа кроются также личныя воспоминанія.

Итакъ, едва ли можно говорить о какомъ-нибудь прямомъ непосредственномъ вліяніи Байрона на Пушкина, какъ творца-художника. Можно говорить только о той степени вліянія, какое англійскій поэтъ имѣлъ на Пушкина какъ на колориста, полюбившаго на время опредѣленныя краски, а эти краски Пушкинъ полюбилъ опять-таки потому, что онѣ очень подходили къ его собственному личному настроенію. Что это было такъ, это доказываютъ лирическія стихотворенія Пушкина, отъ которыхъ тоже какъ будто вѣетъ байроническимъ духомъ. Всѣ такіе стихи были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго и выстраданнаго лично.

Кому бы Пушкинъ какъ поэтъ ни поклонялся, онъ шелъ своей дорогой, и каждое поэтическое увлеченіе только помогало ему красивѣе выразить то, что ему какъ человѣку давала сама жизнь. И въ эту пору своего артистическаго развитія, на югѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ прошелъ черезъ необычную и дотолѣ ему незнакомую полосу настроенія, вызваннаго въ немъ новыми условіями его жизни. Юношеская жизнерадостность смѣнилась на время ощущеніемъ тревоги, опасности, сознаніемъ незаслуженно полученной обиды, чувствомъ раздраженія противъ общества и людей, а потому и извѣстнымъ горделивымъ самолюбованіемъ. Какъ психическое движеніе, это романтическое настроеніе—лишь разновидность настроенія сентиментальнаго, т.-е. тоже ощущеніе недовольства дѣйствительностью, ощущеніе разлада между идеаломъ и жизнью, но только въ болѣе острой формѣ. Въ этомъ романтическомъ настроеніи, кромѣ меланхоліи и томленія, была своя иногда необузданная энергія, порывъ страсти, который могъ раскалить сердце человѣка и дать его фантазіи самый смѣлый полетъ.

На западѣ это тревожное состояніе духа было необычайно сложное, и самые острые вопросы жизни — вопросы религіозные, философскіе, нравственные, общественные и политическіе способствовали росту и расцвѣту романтическаго настроенія, почему оно и отливало такими разнообраз-

ными красками въ жизни и въ литературѣ у нашихъ сосѣдей. У насъ, у русскихъ, въ Россіи эта сердечная и умственная тревога, охватившая людей на западѣ, ощущалась, конечно, очень слабо, но все-таки ощущалась, въ виду все болѣе и болѣе тѣснаго духовнаго сближенія нашего съ сосѣдями. Однако, широкой религіозной, философской или общественной основы романтизмъ у насъ не имѣлъ. Въ немъ были и страстные порывы, и нѣжныя движенія сердца, и стремленіе опередить жизнь, и желаніе спастись отъ нея въ область видѣній; въ немъ были и слезы меланхолической печали, и слезы досады и гнѣва, приступы большой печали, разочарованія и мизантропіи; но всѣ эти психическія движенія овладѣвали русскимъ романтикомъ какъ то наполовину. Наши романтики вообще скоро успокаивались и до высокихъ степеней тревоги духа не подымались.

Пушкинъ быстрѣе другихъ пережилъ и поборолъ въ себѣ эту тревогу духа, потому что вообще всякое ощущеніе душевнаго разлада, всякое сознаніе нерѣшеннаго вопроса было ему тягостно. Даже Байронъ—самый сильный нѣвецъ этой тревоги—не могъ заставить Пушкина полюбить ее надолго. Во всѣхъ стихахъ Пушкина, писанныхъ, если не подъ вліяніемъ Байрона, то послѣ знакомства съ нимъ, очень мало того, что составляетъ главную прелесть и главный смыслъ байроническаго міропониманія. Ни глубокихъ религіозныхъ вопросовъ, ни философскихъ, ни общественно-политическихъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ такъ бился Байронъ, Пушкинъ не затрогивалъ въ своихъ стихахъ: вся идейная основа байронизма осталась какъ бы чужда ему; онъ интересовался, схватилъ и развилъ только самый конечный выводъ этого міропониманія—психику разочарованнаго, разсерженнаго, тревожно настроеннаго человѣка, мысли и страсти котораго находятся въ напряженіи и бореніи и не приводятъ его ни къ какому соглашенію съ жизнью. И когда Пушкинъ разбирался въ этой психологіи онъ, конечно, имѣлъ въ виду не тотъ міровой типъ, который былъ созданъ Байрономъ, а самого себя, какъ разъ въ эту пору «романтически» настроеннаго.

Тревожный романтическій элементъ сталъ проникать въ поэзію Пушкина въ первые же мѣсяцы его жизни на югѣ... Въ стихотвореніи «Погасло дневное свѣтило» (1820) мы имѣемъ уже налицо всѣ признаки смутнаго душевнаго волненія. О какой отцвѣтшей и потерянной молодости могъ онъ вспоминать, какъ вспоминалъ въ этомъ стихотвореніи? Когда, какая радость ему измѣняла и онъ бѣжалъ отъ наслажденій? Онъ смутно ощущалъ только, что подъ наплывомъ новыхъ тревожныхъ чувствъ въ немъ начинаетъ пропадать любовь къ беззаботному наслажденію и взглядъ его на жизнь начинаетъ туманиться—и все, что въ душѣ было смутнаго, ему показалось какъ будто бы яснымъ и наяву совершившимся.

Такое преувеличеніе «мрачныхъ» сторонъ жизни продолжаетъ расти въ нѣкоторыхъ стихахъ Пушкина. Такъ, напр., въ элегіи. «Я пережилъ свои желанія» (1821) мы имѣемъ уже исповѣдь души, совсѣмъ какъ будто подернутой мракомъ. Самовольный изгнанникъ, какъ онъ себя почему-то называетъ, «недовольный и свѣтомъ, и собой, и жизнью», онъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ той мысли, что были люди, которые не меньше его страдали и такъ же, какъ и онъ, влачили незаслуженно свои дни въ изгнаніи. Эти мысли диктуютъ ему его «Посланіе къ Овидію» (1821). Наконецъ, жалоба какъ будто начинаетъ утомлять поэта: онъ на свою неволю сердится и въ немъ рождается мысль—хорошо было бы вырваться на свободу. Эту мысль онъ выражаетъ необычайно сильно и поэтично въ стихотвореніи «Узникъ» (1822). Но кромѣ злобной и смѣлой мечты, которая лишь увеличиваетъ раздраженіе, есть еще и другое чувство, въ которомъ узникъ можетъ найти утѣшеніе. Это—чувство презрѣнія къ толпѣ и чувство удовлетворенія въ признаніи со стороны людей, которыхъ уважаешь и любишь. Это утѣшеніе доставилъ себѣ Пушкинъ въ посланіи къ Глинкѣ (1822).

Изъ всѣхъ этихъ «байроническихъ» стихотвореній, которыхъ весьма немного и которыя, какъ видимъ, хоть несомнѣнно печальны, но отнюдь не безнадежно мрачны, самое сильное,—это извѣстное стихотвореніе: «Демонъ» (1823). Но это стихотвореніе не можетъ быть принято за автобіографическій документъ. Оно—портретъ одного изъ друзей поэта. Но художественная цѣлостность стихотворенія и необычайная яркость демоническаго типа наводятъ на мысль, что нѣчто родственное этому типу Пушкинъ носилъ тогда въ своей душѣ и что поэтъ былъ, очевидно, подготовленъ къ тому, чтобы вполнѣ понять психику такой демонической организаціи.

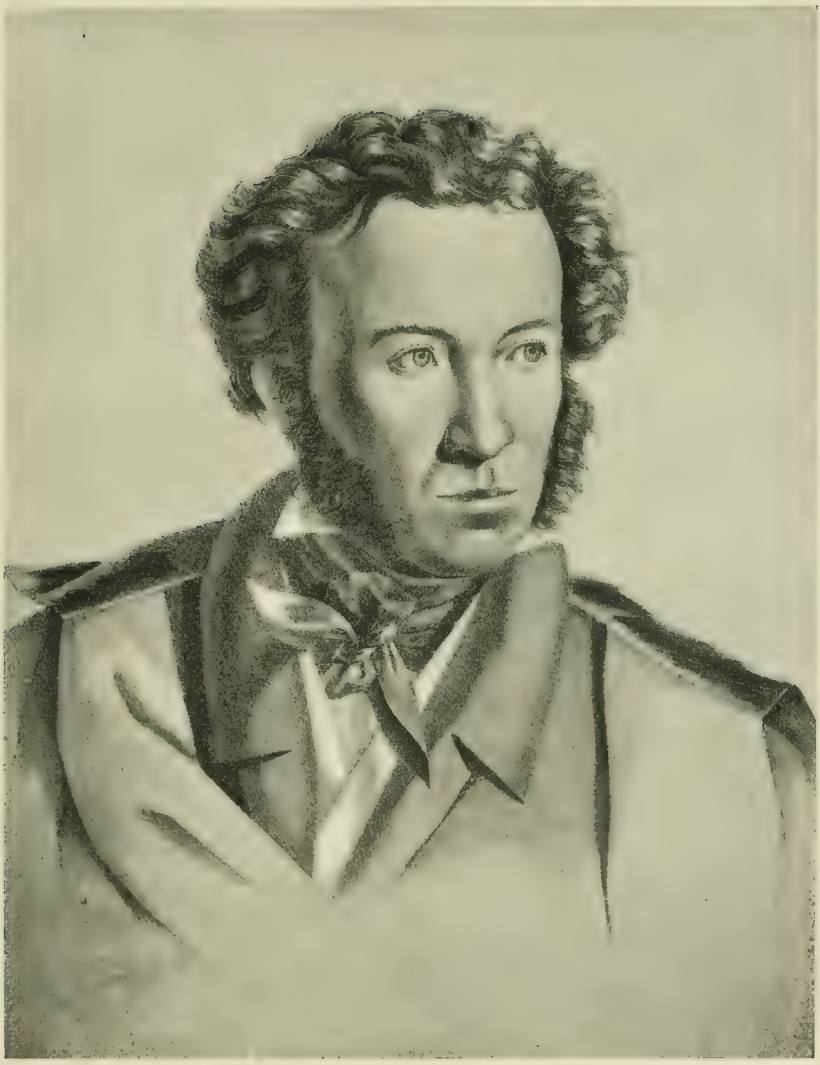
Изъ обзора всѣхъ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ сказалась эта новая для Пушкина тревога души, видно, что ни о какомъ полномъ, даже сильномъ омраченіи его духа не можетъ быть и рѣчи. Веселое, жизнерадостное настроеніе было нарушено, и разныя немирныя чувства, которыя пришлось испытать самому, заставили человѣка нѣсколько недовѣрчиво взглянуть на многія радости жизни, которыми раньше онъ увлекался безъ всякаго раздумья. Такое обезцвѣненіе, если такъ можно выразиться, земныхъ радостей всего яснѣе сказалось на «Евгеніи Онѣгинѣ», первыя пѣсни котораго были написаны Пушкинымъ именно въ эти годы его жизни на югѣ. .

«Евгенію Онѣгину» также ставили на видъ извѣстное будто бы его родство съ байроническими типами. Если говорить о такомъ родствѣ, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть несомнѣнную связь поэмы Пушкина со всей ея эпохой, которая начинала допускать все въ большей и большей степени вторженіе тревоги и разочарованія въ оптимистическое и довѣрчивое сентиментальное міросозерцаніе. Именно это перерожденіе настоящихъ сентиментальныхъ чувствъ въ тревожно романтическія чувства, именно ихъ столкновеніе другъ съ другомъ и составляетъ характерную особенность того настроенія, которое преобладаетъ въ этой поэмѣ.

«Евгеній Онѣгинъ» прежде всего личная исповѣдь автора и затѣмъ уже картина современныхъ нравовъ. Какъ своего рода признаніе, она необычайно богата разсказами изъ жизни автора, воспоминаніями о недавнемъ веселомъ времени, которое теперь стало такъ скучно и однообразно и наводило на раздумье. Съ большой любовью останавливается Пушкинъ на детальныхъ картинахъ молодой и веселой жизни въ столицѣ, жизни, которой онъ самъ жилъ; нѣчто сходное съ тѣми ощущеніями, которыя онъ испытывалъ на югѣ, заставилъ онъ пережить Онѣгина въ деревнѣ, а въ разсказѣ о печальной любви Татьяны и о трагичной дружбѣ Ленскаго—онъ далъ поэтическій пересказъ того перехода сентиментальнаго настроенія въ тревожное романтическое, какой онъ самъ пережилъ. И любовь Татьяны и дуэль Ленскаго должны были показать, какъ много горечи могутъ таить въ себѣ тѣ чувства любви и дружбы, которыя не такъ давно считались самыми надежными и обѣщали, согласно сентиментальному міропониманію, такъ много отраднаго и веселаго. Окрашивая эти чувства въ такой печальный цвѣтъ, Пушкинъ давалъ понять какъ разочарованіе начинало разъѣдать всѣ главныя основы недавняго благодушнаго и жизнерадостнаго настроенія. Въ этомъ смыслѣ «Евгеній Онѣгинъ»—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній этой «тревожной» эпохи въ жизни Пушкина.

Несомнѣнно, что для Пушкина это были тревожные годы, но этотъ «мятежъ духа» былъ очень кратковременъ и не мѣшалъ поэту между двумя мрачными минутами переживать попрежнему минуты радости, довѣрія и спокойствія. Тревога души быстро убывала. По лирическимъ стихотвореніямъ поэта эту убыль такъ же легко прослѣдить, какъ легко было по нимъ же замѣтить наростаніе тревоги. «Усмиреннымъ бурей» называлъ поэтъ свое сердце уже въ 1820 году въ посланіи къ Чаадаеву, и дѣйствительно только миролюбиво настроенный духъ могъ продиктовать знаменитое стихотвореніе «Муза» (1821), въ которомъ говорилось о святомъ очарованіи, наполнявшемъ сердце. Во второмъ посланіи къ Чаадаеву (1821) поэтъ очень откровенно говорилъ о томъ, насколько уже усмирена въ немъ всякая тревога. Онъ говорилъ, что, предавъ проклятію забвенія своихъ враговъ, онъ вкушаетъ новую тишину для сердца; что онъ позналъ тихій трудъ и жажду размышленій; что умъ его дружитъ съ порядкомъ; что онъ учится удерживать свои думы; что въ объятіяхъ свободы онъ стремится вознаградить себя за все, что утрачено въ годы мятежной юности; что онъ отдался занятіямъ и что музы—богини мира—ему вновь улыбнулись. Эти строки писались почти въ то же время, когда онъ сочинялъ свои грустные и тревожные стихи—настолько въ сущности былъ онъ свободенъ и независимъ.

Но лучшимъ доказательствомъ того, какъ легко и быстро Пушкинъ усмирилъ тревогу своей души, было то грозное осужденіе романтизма и всякаго мятежа, которое онъ высказалъ въ «Цыганахъ». Человѣкъ, возмутившійся противъ общества, поклонникъ и искатель свободы былъ преданъ суду за свой страшный эгоизмъ и за неумѣніе пользоваться этой свободой. Поэтъ какъ будто хотѣлъ показать на примѣрѣ, что только тотъ имѣетъ право возмущаться и возставать противъ установленнаго порядка и условій жизни, кто достойно под-



ПУШКИНЪ ВЪ НАЧАЛѢ 1820-хъ гг.

Литографія Гиппіуса (1823).

готовилъ себя къ этому возстанію личнымъ совершенствованіемъ. Положимъ, Алеко не можетъ быть понятъ какъ воплощеніе всѣхъ романтическихъ чувствъ и настроеній. Онъ очень несовершенный и узкій романтикъ и притомъ экземпляръ съ большимъ изъяномъ. Вѣдь не всегда же романтическая буря души была такъ насыщена эгоизмомъ. Для насъ, впрочемъ, это неважно—важно то, что поэтъ осудилъ своего героя безъ всякой попытки оправданія и не давъ ему снисхожденія. Это показываетъ, что изъ сферы романтическихъ волненій художникъ уже вышелъ, что онъ призналъ себя способнымъ судить ихъ даже ускореннымъ судомъ.

И это умиротвореніе души поэта шло очень быстро и неуклонно. Оно продолжалось даже тогда, когда внѣшнія условія жизни Пушкина стали болѣе тяжки для него, чѣмъ это было на югѣ. Какъ извѣстно, ссылка кончилась переселеніемъ въ деревню, и поэтъ, вторично несправедливо оскорбленный, принужденъ былъ жить въ усадьбѣ либо съ родной семьей, съ которой онъ разсорился, либо въ полномъ одиночествѣ. Обстановка была такая, что всякія тревожныя и враждебныя людямъ чувства должны были только разгорѣться. Ихъ пожару могло способствовать и повысившееся къ тому времени въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ политическое броженіе, которое съ 1824 года, когда Пушкинъ съ юга былъ переведенъ на сѣверъ, быстро разгоралось. Оно могло оказать на Пушкина свое вліяніе, такъ какъ среди увлекающихся политикой будущихъ декабристовъ было немало ему близкихъ друзей. Но ни новыя условія личной жизни, ни это политическое броженіе не оказали на поэта никакого давленія; въ немъ догорали послѣднія вспышки бурныхъ чувствъ, и, вѣроятно, это-то спокойствіе, конечно, подмѣченное его друзьями, и было одной изъ причинъ, почему они даже не дѣлали попытокъ замѣшать его въ политическую агитацію. Мѣсто своего новаго заключенія Пушкинъ не возненавидѣлъ и даже полюбилъ за тотъ покой и тишину, которыя такъ благотворно отозвались на его вдохновеніи. Въ послѣдній разъ о своемъ изгнаніи и о своихъ «закованныхъ дняхъ» говорилъ онъ въ посланіи къ своему другу Языкову (1824) и затѣмъ уже больше не вспоминалъ о нихъ. Въ его стихахъ водворилось удивительно гармоничное и величавое спокойствіе, которое такъ и остается въ нихъ до самой смерти поэта. Онъ бываетъ золъ и остеръ до безпощадности, когда берется за сатирическій бичъ или столь любимую имъ эпиграмму, но онъ всегда владѣетъ собой и своей страстью, и нѣтъ примѣра, гдѣ бы тревожное чувство туманило и портило его художественное выраженіе. Это умѣніе владѣть собой ясно сказывается, напр., на извѣстныхъ посланіяхъ къ цензору—на развитіи этой боевой темы, которая, однако, подъ перомъ Пушкина обратилась въ серьезный трактатъ о нуждахъ просвѣщенія и въ разсужденіе, полное довѣрія къ просвѣтительной власти и негодованія къ тѣмъ, кто этой властью злоупотребляетъ. Тоже умиротвореніе видно и въ стихотвореніи «Андре Шенье» (1825)—въ грустномъ и строгомъ итогѣ политической мысли много поработавшей и въ этой работѣ утратившей всѣ страсти, кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ.

Въ особой формѣ этотъ отказъ отъ тревоги или, вѣрнѣе, непріятное ощущеніе, какое она на поэта производила, проявились въ тѣхъ строкахъ его стихотвореній, въ которыхъ онъ говорилъ о поэтѣ и объ его отношеніяхъ къ толпѣ. Тема была для Пушкина—старая: онъ думалъ о ней, когда только что почувствовалъ въ себѣ поэта и тогда уже, не вникая въ ея тонкости, онъ считалъ уединеніе и бѣгство отъ толпы лучшими средствами, чтобы сохранить за поэтомъ свободу вдохновенія. Теперь эта мысль углубляется, и тонъ, взятый по отношенію къ толпѣ, становится болѣе рѣзокъ, какъ это видно изъ стихотворенія «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (1824). За «свободу» своего искусства заступается въ немъ Пушкинъ, и хоть это понятіе о свободѣ остается очень туманнымъ, но чувствуется ясно, что поэту хочется какъ можно подальше стать отъ всякихъ житейскихъ треволненій, т.-е. стать не какъ человѣку, а именно какъ поэту. Уже въ этомъ стихотвореніи намѣчена та особенность поэтической организаціи, которая такъ удивляетъ всѣхъ изслѣдователей творчества и жизни Пушкина, а именно его способность принимать очень близко къ сердцу всѣ живые интересы кипящей вокругъ него жизни и его упорное нежеланіе дать этому кипѣнію какъ-нибудь захватить его творчество. Пушкинъ журналистъ, публицистъ, критикъ и мыслитель уже въ этомъ «Разговорѣ» предостерегалъ поэта отъ излишняго интереса къ суетѣ жизни.

И этому правилу сталъ Пушкинъ слѣдовать въ своихъ стихахъ. Удивительно художественны и спокойны становятся теперь эти стихи, которые Пушкинъ пишетъ въ Михайловскомъ. И всѣ они вытекаютъ изъ чисто личныхъ ощущеній. Первое мѣсто въ нихъ принадлежитъ любви, ясной, хоть и грустной минутами («Признаніе» 1824. «Сожженное письмо» 1825. «Желаніе славы» 1825. «Къ А. П. Кернъ» 1825) наибольшей душевной теплоты достигаетъ эта лирика въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ свѣтится грусть одиночества. Въ этомъ отношеніи «Зимній вечеръ» (1825) «Буря мглою небо кроетъ»—верхъ совершенства художественной передачи въ конкретныхъ образахъ едва уловимаго настроенія. Это настроеніе одиночества, но свѣтлаго и полнаго надеждъ передано отчетливо и въ знаменитомъ стихотвореніи «19 октября 1825 г.»

Жизнь поэта какъ будто скрылась на время, «подъ сѣнь уединенія», какъ онъ выражался. Не надо только думать, что это уединеніе всегда будило въ художникѣ грустныя чувства. Несмотря на далеко неблагопріятную для веселья внѣшнюю обстановку, Пушкина охватывало иногда удивительно жизнерадостное настроеніе. Оно подсказало ему столь бодрое и спокойное стихотвореніе «Если жизнь тебя обманетъ» (1825), и единственную въ своемъ родѣ по кипучему веселью «Вакхическую пѣснь»: «Что смолкнулъ веселія гласъ?»

Умиротвореніе души поэта сказалось и въ томъ подборѣ религіозныхъ стиховъ, которые онъ озаглавилъ «Подражаніями Корану» (1824). Пушкинъ очень рѣдко писалъ стихи на религіозныя темы. Но въ «Подражаніяхъ Корану», въ особенности въ великолѣпной картинѣ: «И путникъ усталый на Бога роптalъ» много религіознаго смысла и настроенія. Если отбросить тѣ строчки, въ которыхъ поэтъ удержалъ мѣстный восточный колоритъ, достаточно чувственный, то весь этотъ маленькій сборничекъ можетъ быть понятъ какъ гимнъ Богу, вознесенному надъ всѣми исповѣданіями.

Въ уединеніи села Михайловскаго Пушкинъ написалъ и «Бориса Годунова», планъ котораго онъ обдумывалъ еще на югѣ, въ періодъ своихъ «бурныхъ стремленій». Эти стремленія вполнѣ улеглись, если судить по тому настроенію, которое возобладало въ драмѣ. Нельзя сказать, что самый сюжетъ драмы располагалъ къ вполнѣ мирной и спокойной ея обработкѣ. Смутное время было въ нашемъ прошломъ эпохой наибольшаго политическаго и общественнаго броженія и самымъ драматическимъ моментомъ нашей старины. Трагедія самодержавнаго деспотизма въ лицѣ Іоанна, безвольнаго мягкосердечія и сентиментальнаго добродушія въ лицѣ Ѳеодора—трагедія Бориса, сильнаго государственнаго ума, который долженъ пройти черезъ преступленіе, чтобы сдѣлать добро и спасти государство отъ разложенія: немыслимое сочетаніе такого преступленія съ понятіемъ о власти, дарованной отъ Бога, и потому недовѣріе народа и ропотъ его на владыку, на царя-узурпатора; Немезида въ лицѣ какого-то Самозванца и, наконецъ, впереди соборъ народный, который избираетъ себѣ царя и какъ бы вмѣстѣ съ Богомъ ставитъ его на царство,—всѣ эти мысли, образы, картины, и факты не могли не поразить мечты и воображенія художника въ особенности въ тѣ годы. Психологія царя-деспота, царя-просвѣтителя, царя-сентименталиста, психологія народа покорнаго, суевѣрнаго, затѣмъ мятежнаго и, наконецъ, въ извѣстномъ смыслѣ законодательствующаго и выбирающаго себѣ правителя—это были темы, о которыхъ въ Александровское царствованіе много говорилось, и Пушкинъ, затрагивая ихъ въ своей драмѣ, рисковалъ не удержаться на высотѣ спокойнаго художественнаго созерцанія и творчества. Однако, трагедія говоритъ несомнѣнно о спокойномъ духѣ ея творца. Всѣ политическіе и общественные вопросы отодвинуты въ ней на второй планъ. Выдвинутъ, главнымъ образомъ, моральный вопросъ—трагедія души, отягченной грѣхомъ и готовой для покаянія. Конечно, Карамзинъ своимъ освѣщеніемъ трагедіи души Бориса оказалъ на Пушкина извѣстное давленіе; несомнѣнно, что нужно было считаться и съ цензурными условіями, но несомнѣнно также, что надо было умѣть владѣть собой, чтобы «немудрствуя лукаво» написать эту лѣтопись въ драматической формѣ. Недаромъ Пушкину такъ удался типъ Пимена, и его лѣтописнаго безпристрастія хватило на характеристики всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя совершенно заслонили самого автора. Если къ тому же вспомнить, что какъ разъ въ то время, когда Пушкинъ работалъ надъ «Борисомъ», около него и въ близкомъ разстояніи закипала политическая буря, направленная противъ самодержавія, то основныя политическія идеи пьесы, съ ихъ возвеличиваніемъ власти, представятся въ еще болѣе характерномъ освѣщеніи. Передъ нами

будетъ еще одно доказательство того мирнаго настроенія, съ какимъ Пушкинъ вступалъ теперь въ самый зрѣлый періодъ своей творческой работы.

И такъ, если обозрѣть бѣглымъ взоромъ всѣ смѣны, которыя испытало настроеніе Пушкина за эти годы, то надо признать, что колебанія эти были незначительны и что никакихъ рѣзкихъ переломовъ въ этомъ настроеніи не было. По натурѣ своей большой сангвиникъ и очень впечатлительный человѣкъ, Пушкинъ умѣлъ какъ-то уберегать въ себѣ поэта отъ волненій житейскихъ; въ зрѣломъ періодѣ своего развитія онъ въ этомъ достигъ большого совершенства, единственнаго въ своемъ родѣ, но уже въ александровскую эпоху онъ учился такому поэтическому самообузданію артиста и вышелъ объективнымъ художникомъ изъ перваго довольно серьезнаго столкновенія съ житейской невзгодой.

Жизнерадостнымъ и веселымъ, при особо счастливыхъ условіяхъ вступалъ онъ въ жизнь. Печали и грусти его учили больше книги, чѣмъ люди, которымъ онъ въ общемъ довѣрялъ и вѣрилъ. Но больше всего довѣрялъ и вѣрилъ онъ самому себѣ и съ веселой смѣлостью рѣшалъ онъ всѣ, даже очень трудныя и запутанныя задачи жизни и духа. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ лицеѣ и за лицейскими стѣнами видна эта жизнерадостная смѣлость, которая развѣ подъ наплывомъ чисто литературныхъ воспоминаній дѣлаетъ иногда уступку грусти. Это ощущеніе увѣренности, силы и въ большой мѣрѣ благодушіе подвергаются на югѣ двойному испытанію. Съ одной стороны сама жизнь цѣлымъ рядомъ мелкихъ и обидныхъ для поэта случайностей ставитъ на пробу его довѣріе къ людямъ и его благодушіе; съ другой стороны внимательное чтеніе Байрона поддерживаетъ въ немъ эту тревогу духа, хотя и не можетъ настроить его на тотъ серьезный глубоко скорбный ладъ, который былъ такъ свойственъ Байрону. Байронистомъ въ настоящемъ смыслѣ слова Пушкинъ не сталъ, потому что стать имъ значило почувствовать на себѣ силу тѣхъ историческихъ событій, которыя переживать въ настоящемъ смыслѣ слова русскому человѣку не приходилось. Но несомнѣнно, что Байронъ болѣе чѣмъ кто либо вносилъ въ душу Пушкина ту дисгармонію, которая, сердя человѣка, воспитывала поэта, такъ какъ открывала ему цѣлую область дотолѣ ему незнакомыхъ ощущеній. Но поэтъ шелъ неохотно на встрѣчу этимъ ощущеніямъ и настроеніямъ: въ годы, когда онъ бывалъ настроенъ всего печальнѣе и тревожнѣе, онъ не переставалъ пѣть свои веселыя и спокойныя пѣсни. Наконецъ, несмотря даже на ухудшеніе условій личной жизни, онъ совсѣмъ успокоился и всѣ «впечатлѣнія бытія» превратились для него въ эстетическія эмоціи. Тѣмъ временемъ надвигалась политическая буря и въ одинъ день отшумѣла. Когда Пушкинъ покинулъ свое деревенское уединеніе—уже сама русская жизнь стала враждебна всякой тревогѣ и старалась разными средствами—менѣе всего впрочемъ идейными,—внѣдрять въ людей довѣріе къ окружающему. Пушкинъ пошелъ на встрѣчу новому царствованію, и художественное творчество его остается спокойнымъ вплоть до смерти; но, конечно, умный, порывистый и чуткій человѣкъ въ немъ не могъ всецѣло подчиниться поэту и искалъ иныхъ способовъ — помимо поэтическаго творчества—выразить свою мысль публициста, критика и историка.

Въ Александровскую эпоху Пушкинъ былъ исключительно художникъ и притомъ опять таки единственный среди всѣхъ современныхъ ему поэтовъ,—единственный по всеобъемлемости своей души, которая съ одинаковой красотой и силой отражала всѣ господствующія настроенія его эпохи: веселое, жизнерадостное, довѣрчивое, патетическое и временами меланхолическое, разочарованное, тревожное и гнѣвное, вплоть до мизантропическаго — впрочемъ, очень слабо представленнаго въ этой цѣпи психическихъ состояній.

Но всѣ эти состоянія были подчинены въ Пушкинѣ его поэтическому вдохновенію, и никогда они не нарушали ни внѣшней, ни внутренней формы его гармоничныхъ созданій.

IV.

Мы знаемъ теперь, въ какой тѣсной и полной связи стояло творчество Пушкина съ идейными теченіями его времени; мы знакомы теперь и съ той богатой оттѣнками смѣной чувствъ и настроеній, какая совершалась въ душѣ поэта за періодъ его веселой жизни на сѣверѣ, подневольной на югѣ и уединенной въ деревенской глуши. .

Намъ осталось отвѣтить на одинъ вопросъ—что сдѣлано было художникомъ за эти годы его развитія, какъ поэта для са-

мой поэзіи, т. е. для той поэтической формы, въ какую надлежало вложить все, что давала жизнь и психика художника.

Этотъ историко-литературный вопросъ, къ сожалѣнію, еще ожидаетъ своего изслѣдователя. А между тѣмъ несомнѣнно, что онъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ.

Мы привыкли называть Пушкина «учителемъ», насколько, конечно, возможны «учителя» въ дѣлѣ поэзіи.

Имѣлъ, конечно, и Пушкинъ своихъ «учителей» и открыто признавалъ ихъ; а эти учителя также были обязаны кое-чѣмъ своимъ предшественникамъ. Вопросъ о Пушкинѣ, какъ о «поэтѣ», сводится, такимъ образомъ, не болѣе, не менѣе, какъ къ вопросу объ эволюціи родовъ и видовъ русскаго художественнаго творчества въ стихахъ и въ прозѣ.

Въ этой эволюціи творчество Пушкина одинъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать этотъ вопросъ по существу и во всемъ его объемѣ.

Достаточно будетъ, если мы только укажемъ на тѣ формы риѳмованной рѣчи, которыя подъ перомъ Пушкина достигли художественнаго совершенства въ этотъ первый періодъ его литературной дѣятельности. Какъ художникъ, Пушкинъ зрѣлъ очень быстро и уже въ александровскую эпоху онъ достигъ той степени художественной техники, выше которой онъ и не могъ подняться. Онъ разнообразилъ форму, но мастерство не могло повышаться, потому что оно было предѣльное, истинное мастерство. Никто, конечно, не можетъ разгадать, какъ это мастерство наростало, каковы были тѣ неуловимые процессы мысли и настроенія, которые вызывали въ творческой фантазіи поэта новые образы и новые поэтическіе замыслы. Эта тайная работа отъ насъ скрыта и намъ видны только ея осязательные, непосредственные результаты, т. е. стихи, которые какъ вехи отмѣчаютъ пройденные поэтомъ этапы его артистическаго развитія.

Первая и большая побѣда была одержана Пушкинымъ надъ нашимъ художественнымъ языкомъ.

Въ годы, когда выступалъ Пушкинъ, этотъ языкъ имѣлъ за собой поразительно краткую исторію. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что въ XVIII в. онъ еще не вышелъ изъ пеленокъ. Обиліе славянскихъ словъ и оборотовъ, большая примѣсь такихъ же словъ и оборотовъ французскихъ—дѣлали его мало пригоднымъ для художественнаго выраженія усложнившихся и назрѣвшихъ мыслей, чувствъ и настроеній. Карамзинъ придалъ этому языку извѣстную гибкость, плавность (хотя и монотонную), очистилъ его отъ устарѣвшихъ архаическихъ формъ и выраженій и, такъ сказать, приготовилъ его для художественной обработки. Прозаическую рѣчь онъ самъ успѣлъ до извѣстной степени обработать: стихотворная ему не далась и осталась подъ его перомъ той же прозой, втиснутой въ стопы и скрашенной риѳмами.

Художественной риѳмованной рѣчью мы обязаны прежде всего Жуковскому и Батюшкову. Они, эти два истинныхъ и первыхъ по времени нашихъ художника, создали ту литературную образцовую художественную рѣчь, которая обыкновенно требуетъ столь долгихъ лѣтъ и усилія многихъ людей для своего расцвѣта: у насъ эта рѣчь расцвѣла поразительно быстро еще до появленія Пушкина. Пушкину пришлось только усовершенствовать то, что было уже сдѣлано его учителями, и онъ довелъ риѳмованную рѣчь до той степени совершенства, выше которой она не поднялась и до сего времени. Правда, количество размѣровъ увеличилось, количество словъ, которыя стали укладываться въ стихи также возросло съ того времени, измѣнялись и вновь рождались настроенія, новые сюжеты стали интересовать поэта. Но ясность и простота риѳмованной рѣчи Пушкина, удивительно гармоничное въ ней сочетаніе формы и содержанія, мѣткость эпитетовъ, исчерпывающая полнота выраженія, плавность и въ мягкомъ и въ бурномъ теченіи стиха остаются образцомъ и до сихъ поръ: пусть Пушкинъ и былъ своимъ учителямъ очень многимъ обязанъ, но получивъ изъ ихъ рукъ художественную рифмованную рѣчь, онъ одинъ и сразу далъ ей высшее совершенство формы внутренней и внѣшней. Онъ достигъ этой высоты еще въ александровскую эпоху. Только одного не успѣлъ онъ сдѣлать въ эту первую половину своей жизни: онъ работалъ исключительно надъ риѳмованной рѣчью и не писалъ прозой. Прозаическую рѣчь онъ сталъ обрабатывать позже, уже въ зрѣломъ возрастѣ и самостоятельно, безъ всякой помощи какихъ-либо учителей, положилъ ей начало.

Если мы перейдемъ теперь къ вопросу, какія же формы и какіе стили этой рѣчи Пушкинъ успѣлъ разработать въ первый

періодъ своего развитія—то обиліе этихъ формъ и стилей не можетъ не поразить насъ.

Мимо недавно господствовавшаго ложноклассическаго стиля Пушкинъ прошелъ, его не замѣтивъ—что̀ указываетъ уже на достаточную силу оригинальности. Стиль «сентиментальный» болѣе простой, широко распространенный на западѣ со середины XVIII вѣка, держалъ его, однако, нѣкоторое время въ плѣну, какъ это видно по его юношескимъ лицейскимъ стихотвореніямъ. Нѣжные, меланхолическіе, печальные и мечтательные мотивы въ этихъ стихахъ представлены довольно полно, хотя нельзя сказать, чтобы они господствовали. Уже въ этихъ раннихъ стихахъ замѣчается одна особенность творчества Пушкина—художественная искренность его вдохновенія; поэтъ вычитывалъ мотивы своихъ пѣсенъ не изъ книгъ, а изъ самой жизни и почти каждое стихотвореніе писалъ подъ впечатлѣніемъ живого чувства. Правда, житейскій опытъ Пушкина былъ въ тѣ годы не особенно великъ, но поэтъ какъ то умѣлъ обойтись безъ всякихъ попытокъ питать свою фантазію надуманными или заимствованными темами. Онъ желалъ говорить лишь о перечувствованномъ и передуманномъ, и вся его юношеская лирика, въ которую онъ иногда любилъ вводить образы, взятые у поэтовъ античной древности, осталась автобіографическимъ признаніемъ и хорошимъ образцомъ «реальнаго» творчества, въ которомъ вымыселъ совпадалъ съ правдой жизни. И въ «романтическій», тревожный періодъ его жизни на югѣ, поэтъ оставался вѣренъ этому правилу. Мы видѣли, что все то «байроническое», что хотѣли подчеркнуть въ его стихахъ, какъ ясный примѣръ заимствованнаго, было въ сущности отголоскомъ живого чувства и впечатлѣній, вынесенныхъ поэтомъ изъ самой жизни. Когда въ Михайловскомъ на душу его легъ давно желанный миръ, величаво спокойна и проста стала его пѣсня; и опять-таки не было въ ней ни одного звука, который не былъ бы подслушанъ у жизни. Все въ ней была правда и эта правда была облечена въ форму съ виду нехитрую, но на самомъ дѣлѣ труднѣйшую форму художественной ясности и простоты.

Въ первый же періодъ своей литературной дѣятельности, Пушкинъ сразу открылъ намъ цѣлую новую область художественнаго творчества. Это была область интимной лирики, столь разнообразной по своимъ отливамъ, по темпу и ключамъ, всегда правдивой и даже не эффектной, въ виду необычайной простоты стиха и кристальной прозрачности образовъ. Этой лирикой мы обязаны болѣе всего Пушкину. Лирика Жуковскаго, т. е. его личная интимная исповѣдь, была очень однообразна и монотонна; лирика Батюшкова—несмотря на два-три истинно-художественныхъ образца — была еще бѣднѣе мотивами, а что касается лирической пѣсни современниковъ Пушкина, то она — у нѣкоторыхъ поэтовъ, какъ, напр., у Веневитинова и у Баратынскаго, несомнѣнно оригинальная — давала по частямъ и въ менѣе совершенной формѣ то, что у Пушкина было дано полностью и въ цѣлости.

Одновременно съ лирикой личной поэтъ разрабатывалъ въ тѣ годы и форму лирической поэмы. Это была одна изъ самыхъ эффектныхъ формъ художественнаго творчества, которая допускала красивѣйшее сочетаніе эпическаго разсказа съ лирической пѣсней. У насъ ее пытались насадить весьма многіе поэты, современники Пушкина, и самъ Пушкинъ былъ ею увлеченъ со школьной скамьи, когда обдумывалъ и тщательно вырабатывалъ своего «Руслана». На югѣ онъ очень много и упорно трудился надъ этой формой, какъ это показываютъ «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Кавказскій Плѣнникъ», «Братья Разбойники» и «Цыганы». Геній помогъ Пушкину осилить трудности этой формы; поэтъ довелъ ее до возможнаго техническаго совершенства, но все-таки самымъ цѣннымъ въ его поэмахъ остались лирическія части, т. е. та же интимная лирика, въ которой онъ былъ такой мастеръ. Чутье къ реальному мѣшало Пушкину на долгій срокъ облюбовать эти сказки и это же чутье заставило его искать новой формы, въ которой искренняя лирика могла бы гармонично и естественно сочетаться съ столь же правдивымъ эпическимъ разсказомъ въ стихахъ. Поиски такой новой формы, въ русской литературѣ пока невѣдомой и имѣвшей очень мало аналогій на западѣ, увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ и подарили насъ «романомъ въ стихахъ»—«Евгеніемъ Онѣгинымъ».

Какъ литературный памятникъ, «Евгеній Онѣгинъ» одно изъ вѣчныхъ завоеваній искусства. О техническомъ совершенствѣ выполненія, о фактурѣ стиха, объ его внутрен-

немъ строеніи—говорить не приходится: говоритъ объ этомъ само время, которое этотъ романъ не состарило ни однимъ годомъ. Онъ остается на страницахъ нашей словесности, какъ примѣръ перваго художественнаго реальнаго романа, если, конечно, имѣть въ виду технику такого романа и разработку опредѣленныхъ типовъ, а не широту самой картины. Широты картины въ «Евгеніи Онѣгинѣ» нѣтъ и въ немъ намъ освѣщенъ только незначительный уголокъ нашей жизни; Пушкинъ, при его нелюбви къ изображенію современности въ искусствѣ, не расширялъ своего поэтическаго взгляда, а, наоборотъ, съуживалъ его въ своемъ «романѣ». Это отсутствіе богатой исторической и современной перспективы хоть и уменьшаетъ значеніе романа, какъ исторической картины, но не отнимаетъ у него цѣнности свидѣтельскаго показанія одного изъ участниковъ той знаменательной эпохи. Евгеній Онѣгинъ, какъ и Ленскій, какъ и Татьяна, несомнѣнно типы александровской эпохи, хотя съ этой эпохой они не умерли и продолжали жить дальше. Въ нихъ сентиментализмъ, спокойный и романтически-тревожный нашелъ самыхъ полныхъ и колоритныхъ выразителей, и это потому, что самъ авторъ былъ этими настроеніями охваченъ и многое въ этихъ типахъ списалъ съ самого себя. Изъ всѣхъ литературныхъ памятниковъ александровской эпохи, «Евгеній Онѣгинъ»—самое законченное и самое обобщающее произведеніе—произведеніе и «творящее эпоху» и эпохой сотворенное.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ идейныхъ теченій этого же періода нашей исторіи былъ созданъ, какъ мы знаемъ, и «Борисъ Годуновъ», первая наша художественная драма, которая дала намъ право говорить о нашемъ національномъ историческомъ театрѣ. «Борисъ Годуновъ» самобытенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что въ немъ нѣтъ ни общихъ собирательныхъ типовъ, ни чужихъ типовъ, одѣтыхъ въ русскіе костюмы. Пушкинъ могъ старину идеализировать или подкрасить, но она—русская, а не какая-нибудь иная. Онъ могъ у Шекспира учиться техникѣ построенія исторической хроники, но въ драмѣ нѣтъ подражанія Шекспиру. Пушкинъ могъ читать наставленіе, проводить извѣстную нравственную идею, но нигдѣ у него эта идея не давила, не искажала формы, нигдѣ не нарушала правдоподобія въ ходѣ дѣйствія или въ разговорахъ. Съ «Бориса» началась исторія нашего художественнаго театра.

V.

Подводя итогъ всей литературной дѣятельности Пушкина за александровскую эпоху, надо признать въ немъ единственнаго художника, который соединялъ въ себѣ силу артиста съ наибольшей отзывчивостью человѣка на всѣ идейныя теченія своего времени и на всѣ оттѣнки его настроенія. Эти настроенія Пушкинъ пережилъ и перечувствовалъ всѣ, и глубже другихъ; большинство мыслей, которыя были тогда въ оборотѣ, онъ передумалъ; иными увлекался, иныя принялъ къ свѣдѣнію, иныя отвергъ, но мимо нихъ не прошелъ.

И все это богатство идей и чувствъ Пушкинъ претворилъ въ поэзію, всему нашелъ художественную форму, совершенствуя одни ея виды и созидая другіе.

Несторъ Котляревскій.

523. ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.
О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.
Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я.
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалой не воспою?
Я льстецъ! Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Страстей и воли духъ мятежный!
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

524. ПОСЛАНІЕ КЪ В. [И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ].

Сочинителю Сатиры на игроковъ.

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта—дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.—
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь и такъ пропалъ!
Дамонъ твой человѣкъ ужасной.
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы Поэты!
А то,- уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды
Хлѣбнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировалъ.
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

---

525. В. С. ФИЛИМОНОВУ,

при полученіи поэмы его: Дурацкой Колпакъ.

Вамъ Музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,—
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынѣче щегольнуть
И, въ откровенномъ разговорѣ,

В. С. ФИЛИМОНОВЪ.

Каррикатура-портретъ Зейделя.

Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынѣче красный цвѣтъ.
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

---

526. ГОРОДЪ ПЫШНЫЙ, ГОРОДЪ БѢДНЫЙ

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ—
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

527. КАКОВЪ Я ПРЕЖДЕ БЫЛЪ.

Отрывокъ изъ Андрея Шенье.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

---

528. НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНѢ.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

---

529. ЕЯ ГЛАЗА.

(Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго).

Она мила—скажу межъ нами—
Придворныхъ витязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но, самъ признайся, то ли дѣло
Глаза О . . [лениной] моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!...
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля—
Въ нихъ скромныхъ граціи торжество;
Подниметъ—ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество.

АННА АЛЕКСѢЕВНА ОЛЕНИНА

въ замужествѣ Андро.

Неизданный портретъ, теперь принадлежащій дочери ея А. Ф. Войдо.

530. TO DAWE, ESQR.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофиль.
Рисуй *** [Олениной] черты,
Въ жару сердечныхъ вдохновеній
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

---

531. ВОСПОМИНАНІЕ.

I.

(Начало стихотворенія, напечатанное Пушкинымъ въ «Съв. Цвѣтахъ» и въ изд. 1829 г.).

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

II.

(Конецъ стихотворенія, не отданный Пушкинымъ въ печать, очевидно, по интимности его).

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ Ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!...

532. ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвясь замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

533. ДАРЪ НАПРАСНЫЙ, ДАРЪ СЛУЧАЙНОЙ.

(26 Maія, 1828).

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

534. КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ.

(*Подражаніе Анакреону*).

Кобылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра̀,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

535. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай Карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

Графиня А. Ѳ. ЗАКРЕВСКАЯ, урожденная гр. Толстая.

ПОРТРЕТЪ.

(Гр. АграфенѢ Ѳед. Закревской).

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О жены СѢвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѢхъ условій свѢта,
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разчисленномъ свѢтилъ.

537. ЩАСТЛИВЪ, КТО ИЗБРАНЪ СВОЕНРАВНО.

Щастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушаетъ твои.

538. НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

539. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.
Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

540. А ВЪ НЕНАСТНЫЕ ДНИ СОБИРАЛИСЬ ОНИ.

(Изъ письма къ кн. Вяземскому).

А въ ненастные дни собирались они часто.
Гнули . . . . ихъ . . . отъ 50-ти на 100
И выигрывали и отписывали мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни, занимались они дѣломъ.

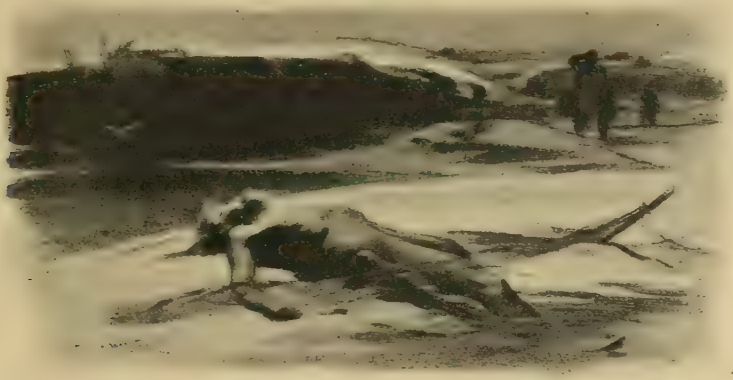
541. АНЧАРЪ. *).

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

*) Древо яда.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.
И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій;
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;
Принесъ—и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.



Рисунокъ А. Архипова.

542. УТОПЛЕННИКЪ.

Простонародная сказка.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.»
Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ робята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нѣчего; хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка.

Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучь луна катится—
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ,
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ:
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

---

543. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

---

544. РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.

(Приписывается Пушкину).

T'en souviens-tu, disait un capitain
Au vétéran qui mendiait son pain

Ты помнишь-ли, ахъ, ваше благородье
Мусью французъ, г. . . . . й капитанъ,
Какъ помнятся у насъ въ простонародьѣ
Надъ нехристемъ побѣды россіянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать,
Но встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи. . . . . .
Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ врасплохъ.
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?
Хоть это намъ, и пр.
Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
Французовъ мы тогда видали. . . .
Да и твою, г. . . . . й капитанъ!
Хоть это намъ, и пр.
Ты помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ казакъ иль полковой нашъ попъ.
Морочилъ васъ, къ винцу подсѣвъ поближе,
И вашихъ женъ похваливалъ, да . . . ?
Хоть это намъ, и пр.

---

545. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

546. ОТВѢТЪ А. И. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный Зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

---

547. ЗА NETTY СЕРДЦЕМЪ Я ЛЕТАЮ.

(А. П. Вульфъ).

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ—
И R и O позабываю
Для N и W.

---

548. ПОДЪѢЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ.

(Е. В. Вельяшевой).

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи *** [Тверской];
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.

---

549. О, ЭГЕЛЬСТРОМЪ! Я ВОСХИЩЕННЫЙ.

О Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
[Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,]
Блест[итъ] какъ солнце въ ясны дни!
Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.
Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.
Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь—
Тогда стенаетъ все съ тобой.
Когда комедіей плѣнять насъ хочешь
Что твой Мольеръ и что Крыловъ
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись какъ хочешь Копыловъ!
Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ твой каждый стихъ!
Скажи почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?
Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ—
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О Эгельстромъ! Ты царь пѣвцовъ!

550. ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?
На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

---

551. ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ—а хладной и надменной,
Кругомъ народъ непосвященной
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

ПОЭТЪ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже;
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

ПОЭТЪ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

---

552. И. В. С*** [СЛЕНИНУ].

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.

---

553. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жъ новаго? «Ей Богу ничего.»
—Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

---

554. СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ *** [Глинка] Божія коровка,
Вотъ *** [Каченовскій] злой паукъ,
Вотъ и *** [Свиньинъ] Россійскій жукъ,
Вотъ *** [Олинъ] черная мурашка,
Вотъ *** [Раичъ] мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

---

555. Е. Н. У * * * ВОЙ. (ЕЛИЗ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ).

(Въ альбомъ).

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши риѳмы, наша проза
Предъ вами—шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр*** [ѣсненское] поле
Еще заборъ не заграждалъ.

---

556. ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЪ.

(Шотландская пѣсня).

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.
Кѣмъ убитъ и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

557. ЛИЩИНСКІЙ ОКОЛѢЛЪ.

Лищинскій околѣлъ, отечеству бѣда.
Князь Сергій живъ еще — утѣшьтесь,
Го[спода].

---

558. НЕВѢДОМСКІЙ—ПОЭТЪ, НЕВѢДОМЫЙ НИКѢМЪ.

Невѣдомскій—поэтъ, невѣдомый никѣмъ
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

---

559. КОГДА СТРОЙНА И СВѢТЛООКА.

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена».

Изъ альбома А. П. Кернъ.

560. ЕСЛИ ВЪ ЖИЗНИ ПОДНЕБЕСНОЙ.

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ;
Я скажу тебѣ резонъ:
Не возможно!

---

561. AMOUR, EXIL.

Amour, exil...
Какая гиль!

562. НЕ СМѢЮ ВАМЪ СТИХИ БАРКОВА.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть.

---

563. КОГДА ПОМИЛУЕТЪ НАСЪ БОГЪ.

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

Черновые наброски.

564. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ.

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ [и скромный], и простой.
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, Ангелъ мой.
[Ты любишь] мѣрные напѣвы,
[Ты любишь] риѳмы гордой звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшитъ любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь.
Благословенъ же будь отнынѣ
Судьбою ввѣренный мнѣ даръ,
Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
(Во мнѣ питая сердца) жаръ
[Одну безплодную] иль лицемѣрную хулу
Мнѣ навлекалъ одно гоненье
Иль клевету, иль заточенье,
И рѣдко—хладную хвалу.

---

565. ВОЛНЕНЬЕМЪ ЖИЗНИ УТОМЛЕННЫЙ.

Волненьемъ жизни утомленный.
Оставя заблужденій путь,
(Къ тебѣ прибрелъ я) отдохнуть
И близь тебя, мой другъ безцѣнный...

---

566. РИѲМА—ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА.

Риѳма—звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?
Твой привычный, милый лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!
Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя;
То—свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива—
Съ нею спорила шутя.
Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей.
Какъ любовникъ добродушной,
Снисходительно послушной,
Былъ я мучимъ и любимъ.
О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
Какъ бы пышно заблистала
Родословная твоя!
Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Фебъ однажды у Адмета.
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.
«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,

И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли—
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!
Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ [тихой] рощѣ Геликона
[мучась, дочку] родила...
. . . . . .
И младенца восприяли
Боги (Сонъ), Діана (Ночь)
И отъ гнѣвного Зевеса
. . . . . сокрыла Ночь...

467. ВЪ СТЕПЯХЪ ЗЕЛЕНЫХЪ БУДЖАКА.

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ (завѣтная) рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья,
При (бѣдномъ) устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
(Въ убогой дикости) живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаясь [тягостнымъ] трудомъ,
И не заботятся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой...

---

568. БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДѢЙ.

Брадатый староста Авдѣй
Съ поклономъ барынѣ своей,
Замѣсто краснаго яичка,
Поднесъ ученаго скворца.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣй инаго мудреца.
Скворецъ, [надувшись величаво]
Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ картаво
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»
(Скворецъ мой былъ не пустомеля
Не вралъ онъ всякой чепухи,
Онъ былъ ученѣе...)

---

569. ТЕБЯ ПОЮ НА ТОМНОЙ ЛИРѢ.

[Тебя пою] на томной лирѣ
«Но гдѣ найду мой (идеалъ)
«И кто пойметъ меня въ семъ мірѣ?»
Но Анатоль не понималъ...

---

570. ВЪ РЮМКѢ СВѢТЛОЙ ПРЕДО МНОЮ.

Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною
Брыжжитъ, пѣнится вино...

ПУШКИНЪ И ДЕКАБРЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

I.

Искусство и гражданственность, красота и правда ведутъ въ нашей литературѣ постоянный споръ. У Пушкина—на зарѣ новой литературы—они находятся еще въ состояніи первобытной гармоніи. «Восторги умиленія» передъ божественной природой и радужная игра индивидуальныхъ переживаній не мѣшаютъ ему быть искреннимъ защитникомъ общественной справедливости.

Связь Пушкина съ декабристами многимъ кажется случайной. Ее объясняютъ кипѣніемъ молодыхъ силъ, искавшихъ выхода, поэтической впечатлительностью, средой, и тѣ чудныя пѣсни о свободѣ, которыя волновали сердца и, дѣйствительно, будили «души высокіе порывы», оказываются, такимъ образомъ, результатомъ внѣшнихъ воздѣйствій, а не свободнымъ порожденіемъ его творческой индивидуальности.

Пушкинъ обладалъ не только поэтическимъ геніемъ, но и свѣтлымъ, зоркимъ умомъ, который соединялся у него съ тонкой способностью критики. Какъ же онъ могъ слѣпо поддаться настроенію среды и очутиться въ положеніи человѣка толпы, который наполняется чужимъ содержаніемъ? Съ 16 до 26 лѣтъ Пушкинъ такъ или иначе принадлежалъ либеральному движенію. Неужели 10 лѣтъ въ короткой жизни генія были только случайностью?

Но вѣрно и то, что служа дѣлу декабристовъ, Пушкинъ никогда не терялъ своей личности. Идеалы ихъ особеннымъ образомъ сходились съ его собственнымъ міросозерцаніемъ. Постороннія вліянія имѣли для него гораздо меньше значенія, чѣмъ для его сверстниковъ—декабристовъ. Любовь къ свободѣ вытекала изъ природныхъ свойствъ его ума и характера и проявлялась у него еще въ дѣтствѣ. Это былъ мальчикъ съ горячимъ сердцемъ и обостреннымъ чувствомъ личности. Малѣйшій намекъ на принужденіе со стороны родителей или воспитателей вызывалъ въ немъ рѣзкій отпоръ, но на ласку онъ отзывался глубокой сердечной привязанностью. Умственная атмосфера, окружавшая его дома, воспитала въ немъ свободомысліе. Отецъ былъ типичный вольтеріанецъ XVIII вѣка. Взрослые въ семьѣ Пушкиныхъ не отдѣлялись отъ дѣтей, которыя присутствовали при всѣхъ бесѣдахъ съ гостями, а собирались у Сергѣя Львовича представители передовой литературы и интеллигенціи того времени: Карамзинъ, Дмитріевъ, начинающій Жуковскій, А. Тургеневъ. Къ этому присоединялось чтеніе. Библіотека отца, въ которой были, между прочимъ, всѣ сочиненія французскихъ философовъ XVIII вѣка, была въ полномъ распоряженіи мальчика. Еще дома онъ успѣлъ напитаться духомъ Вольтера; тогда же познакомился онъ и съ Руссо. Подъ вліяніемъ ихъ философской и политической проповѣди у него въ 12 лѣтъ зарождаются свои собственныя «философскія мысли» (Планъ лицейскихъ записокъ). Такимъ образомъ, ко времени поступленія въ Лицей Пушкинъ былъ уже готовый вольнодумецъ, который привыкъ обо всемъ разсуждать и полагаться только на собственное мнѣніе.

Царскосельскій Лицей, куда поступилъ Пушкинъ, былъ основанъ съ цѣлью приготовить государственныхъ людей съ широкимъ политическимъ образованіемъ. Поэтому въ программѣ важное мѣсто занимали науки нравственно-политическія: этика, философія права и политическая экономія [1]). Преподавателемъ этихъ наукъ былъ молодой профессоръ Куницынъ, воспитанникъ геттингенскаго университета и товарищъ Николая Тургенева [2]).

---

[1]) Это проходилось въ трехъ старшихъ, студенческихъ классахъ, причемъ въ послѣдній годъ требовались даже сочиненія на экономическія темы (Селезневъ, Истор. очеркъ Лицея, 89).

[2]) Куницынъ пробылъ въ Геттингенѣ 2 года

Лицейскій курсъ естественнаго права, изданный Куницынымъ въ 1818 и 1820 г., былъ самой смѣлой книгой «конституціонной» эпохи начала XIX вѣка. Это горячій манифестъ въ защиту правъ человѣка и гражданина, насквозь проникнутый идеей всеобщаго равенства. Всѣ правовыя нормы выводятся у него изъ отвлеченныхъ принциповъ справедливости, безъ всякаго компромисса въ пользу историческихъ формъ права. Основаніемъ курса служатъ теорія общественнаго договора Руссо и нравственная философія Канта. Исходной точкой является для него категорическій императивъ Канта, по которому всякій человѣкъ самъ для себя цѣль и отнюдь не средство. «Каждый долженъ быть признаваемъ нравственнымъ существомъ, цѣлью для себя самого» (Ест. право II, 165). «Каждый человѣкъ и въ самомъ обществѣ остается для себя самого цѣлью. Потому, если цѣль общества иначе не можетъ быть достигнута, какъ съ нарушеніемъ сего права, то оная должна быть оставлена» (II, 9). Изъ основного принципа, что человѣкъ самъ для себя цѣль, вытекаютъ его прирожденныя, неотъемлемыя права: право личности, право слова и право на свободу совѣсти. Люди соединяются въ общество только для достиженія общей цѣли, и всякая власть есть результатъ договора. «Соединеніе людей для достиженія общей цѣли не можетъ произойти иначе, какъ черезъ договоръ, ибо никто не имѣетъ первоначальнаго права принуждать другихъ желать того, чего онъ самъ желаетъ, и дѣйствовать для цѣлей, имъ назначенныхъ» (II, 4). «По договору соединенія люди пріобрѣтаютъ взаимныя права и обязанности только въ разсужденіи цѣли, но остаются въ состояніи равенства. Договоръ подданства слѣдуетъ за договоромъ соединенія, ибо прежде должна быть опредѣлена цѣль, а потомъ уже можетъ быть поручено кому-нибудь исполненіе оной» (II, 23). Власть монарха ограничена «естественными» правами человѣка—свободой личности, слова, совѣсти—и договоромъ, на основаніи котораго общество вручило ему власть. «Употребленіе власти общественной безъ всякаго ограниченія есть т и р а н с т в о (курс. Куницына), а кто оное производитъ, тотъ есть т и р а н ъ (тоже)». (II, 24). Нечего и говорить объ отношеніи Куницына къ крѣпостному «праву». Рѣзкій протестъ противъ него проходитъ красной нитью черезъ весь его курсъ. «Никто не можетъ пріобрѣсть право собственности на другого человѣка ни противъ воли, ни съ его на то согласія—ибо право личности неотчуждаемо» (I, 86). «Никакими заслугами нельзя пріобрѣсти право на свободу и собственность другихъ людей» (II, 106). «Никто не имѣетъ права употреблять кого-либо изъ согражданъ, какъ средство или простую вещь для себя» (II, 105).

Въ 1821 г. книга Куницына и авторъ ея подверглись гоненію. Руничъ, разсматривавшій ее, писалъ, что «Маратъ былъ не кто иной, какъ искренній и практическій послѣдователь той науки, которую преподаетъ Куницынъ» (Сухомлиновъ, Изслѣдованія I, 205). Какъ будто въ pendant къ этому Пушкинъ въ 1822 г. упрекаетъ не въ мѣру ретиваго цензора:

Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь:
Гласъ правды мятежомъ, Куницына—Маратомъ.

Куницынъ преподавалъ неровно—былъ увлекателенъ, когда касался задушевныхъ убѣжденій, и скученъ, если рѣчь шла о второстепенномъ вопросѣ финансовой или юридической науки. Отсюда различіе отзывовъ о Куницынѣ. Тѣ, кому не нравилось его направленіе, обращаютъ вниманіе на недостатки его преподаванія, а другіе говорятъ о достоинствахъ. Съ одной стороны—рѣзкое сужденіе злобнаго карьериста Корфа, а съ другой—свидѣтельства Пушкина и Пущина. По словамъ Пущина, Пушкинъ охотнѣе всего занимался у Куницына—однако, уроковъ не училъ, а довольствовался тѣмъ, что запоминалъ въ классѣ. Интересовали Пушкина только общіе вопросы; подробности были для него скукой (письмо къ Вяземскому 1817 г.) [1]. Куницынъ имѣлъ огромное значеніе для Пушкина. Ученіе о человѣкѣ, какъ самоцѣли, нашло благодарную почву въ природныхъ индивидуалистическихъ стремленіяхъ молодого поэта и сдѣлалось основой его общественныхъ идеаловъ. Куницыну, главнымъ образомъ, Пушкинъ обязанъ пробужденіемъ своей гражданской музы. Естественное право читалось въ 1814—1815 гг., а къ 1815 г. относятся «Бова», «На возвращеніе государя изъ Па-

(1808—1810). См. M. Wischnitzer, Die Univ. Gött. und die liberalen Ideen in Russland, Berlin, 1907.

1) Этимъ объясняется замѣчаніе Комовскаго, что Пушкинъ не любилъ политическихъ наукъ.

рижа» и «Лицинію» [1]). Такимъ образомъ, слова Пушкина о Куницынѣ:

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена,—

далеко не были поэтическимъ преувеличеніемъ.

Нѣкоторое вліяніе на Пушкина имѣлъ и «добрый» Галичъ, «апостолъ нѣги и прохладъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободный мыслитель, пострадавшій въ 1821 г. по дѣлу Петербургскихъ профессоровъ. Пушкинъ говоритъ о немъ, какъ о честномъ гражданинѣ:

Поклону ты не сроденъ—
Другъ мудрости прямой
Правдивъ и благороденъ [2]).

Появленіе первыхъ гражданскихъ мотивовъ у Пушкина отчасти связано съ кратковременнымъ пребываніемъ Галича въ Лицеѣ (1814—1815 гг.) [3]). Французъ Будри, братъ Марата, своими «демократическими мыслями» и разсказами о революціи тоже вносилъ либеральный духъ въ лицейскую атмосферу. (TableTalk, XXX).

Сказалось ли возбужденіе эпохи, или компанія подобралась счастливо, но товарищескій кружокъ лицеистовъ жилъ интенсивной умственной жизнью. Собирались, сообща читали, говорили о политикѣ (Л. Майковъ, Пушкинъ, 326). Въ Лицеѣ Пушкинъ продолжалъ поглощать книгу за книгой. Онъ читаетъ Вольтера, Руссо, Радищева, Шатобріана, Ювенала. Вольтеръ—«сынъ Мома»—ближе ему въ это время, но онъ цѣнитъ и «сына Минервы»—«Фернейскаго злого крикуна». Скоро затѣвается самостоятельная литературная дѣятельность. Пишутся стихи, издаются журналы, гдѣ, кромѣ любовной лирики и насмѣшекъ надъ «Кюхлей» (Кюхельбекеромъ), есть статьи, показывающія политическія симпатіи лицейской молодежи [1]).

Строгости въ Лицеѣ не было, ученики пользовались почти полной свободой. Все это были дѣти знатныхъ фамилій, съ аристократическимъ чувствомъ личнаго достоинства. Анонимный доносчикъ 1826 г. жалуется, что «начальники, подъ предлогомъ благороднаго обхожденія, позволяли ученикамъ своевольничать» (Р. Ст. 1877, апр. 657). Лицеисты жили бокъ-о-бокъ съ Александромъ I и были au courant всѣхъ придворныхъ сплетенъ — это тоже сыграло свою роль. Знакомству съ интимной жизнью дворца А. Тургеневъ приписывалъ раннее развитіе Пушкинскаго либерализма (Ост. Арх. 5 августа 1819 г.) [2]).

Николай Ивановичъ ТУРГЕНЕВЪ.

Огромное значеніе для Пушкина и его товарищей имѣла героическая эпоха 1812—1815 гг., которую они пережили въ возрастѣ, когда формируются основныя черты характера и міросозерцанія. Она

[1]) Одна изъ главъ романа: «Фатамъ», писаннаго въ декабрѣ 1815 г., носила заглавіе: «Право естественное». Доказательство интереса Пушкина къ лекціямъ Куницына.

[2]) Въ 1821 г. Галичъ своимъ поведеніемъ не оправдалъ этихъ комплиментовъ.

[3]) «Воспом. въ Царск. С.»—первое стихотвореніе Пушкина съ общественнымъ содержаніемъ—было написано по совѣту Галича.

[1]) Вотъ, напр., какъ «Лицейскій Мудрецъ» высмѣиваетъ самобытниковъ шишковскаго толка: «Стоялъ я въ лѣсу и думалъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ-чужестранцевъ изъ Россіи, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты самоѣдовъ и чукчей. Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая когтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

[2]) В. Н. Каразинъ въ 1820 г. отмѣтилъ въ дневникѣ любопытный лицейскій обычай—«называть государя дуракомъ» (В. И. Семевскій, Былое 1907 II).

возбудила цѣлый вихрь раздвигающихъ горизонтъ мыслей и чувствъ. Либеральное настроеніе, охватившее русское общество послѣ заграничныхъ походовъ, тоже нашло въ Лицеѣ подходящую почву. Лицей сдѣлался хранилищемъ запрещенной литературы (Р. Ст. 1877, апр., 657). Пущинъ, еще нося лицейскій мундиръ, былъ постояннымъ гостемъ въ «артели» Семеновскаго полка, изъ которой вскорѣ образовалось тайное общество. По словамъ доноса 1826 г., лицеисты «уѣзжали въ Петербургъ и куликали съ офицерами». Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ гусарскаго полка (1816—1817 гг.), въ которомъ либерализмъ свилъ прочное гнѣздо, между офицерами полка и воспитанниками лицея было постоянное общеніе [1]). Особенно популяренъ былъ среди лицеистовъ «Брутъ» и «Периклесъ» Чаадаевъ. Тогда же началась дружба Чаадаева съ Пушкинымъ (Р. В. 1862 XI, 124). Въ числѣ гусарскихъ друзей Пушкина были еще Николай Раевскій, примыкавшій по взглядамъ къ декабристскому кругу, и Каверинъ, который, хотя и отличался «скиѳской жаждой», однако, былъ человѣкъ мыслящій [2]). Въ Каверинѣ Пушкинъ видѣлъ доказательство того, что «дружно можно жить и съ книгой и съ бокаломъ» и «умъ высокій можно скрыть безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ». Сношенія съ гусарскимъ кружкомъ не ограничивались «кутежами на распашку», о которыхъ говоритъ Корфъ,— они помогали гражданскому воспитанію Пушкина.

Лицеисты покидали свои «хранительныя сѣни», не зная дѣйствительности, но «сердцемъ чистые, въ правдѣ смѣлые», какъ говорилось въ прощальной пѣснѣ Дельвига. Дельвигъ никогда не отличался гражданскими стремленіями, и декабристскій тонъ его пѣсни только отражалъ настроеніе товарищей:

Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла—кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо правды въ судъ!
Храните, о друзья, храните
То жъ къ правдѣ юное стремленье,
Ту жъ юную ко славѣ кровь!

Лицей справедливо считался разсадникомъ вольнодумства. «Свободомысліе, внушенное лицеистамъ въ высочайшей степени,—говоритъ декабристъ Штейнгель,— поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ, что они должны были встрѣтить въ жизни» (А. К. Бороздинъ, Изъ показаній декабристовъ, 66). Въ 1826 г. была представлена по начальству цѣлая записка о зловредности «Лицейскаго духа»: «Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ порицаетъ всѣ мѣры правительства, знаетъ всѣ самыя сильныя мѣста изъ революціонныхъ сочиненій. Онъ долженъ толковать о конституціяхъ и представляться филантропомъ и русскимъ патріотомъ. Вѣрноподданный—значитъ укоризну на ихъ языкѣ; европеецъ, либералъ—почетныя названія» [1]).

Первый выпускъ Лицея далъ нѣсколькихъ декабристовъ. Пущинъ былъ принятъ въ тайное общество сейчасъ по окончаніи курса. «Бурцевъ нашелъ, что, по мнѣніямъ и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла» (Майковъ, 69). Вмѣстѣ съ Пущинымъ, былъ принятъ и первый ученикъ Лицея—«Sapientia» и «Суворочка» Вальховскій [2]):

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первый
(1825).

«Анахарсисъ-Клоцъ» Кюхельбекеръ вступилъ въ общество передъ самымъ 14 де-

[1]) Жихаревъ, В. Е. 1871, іюль.

[2]) Онъ учился въ Геттингенѣ (1810—1812), вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Н. Тургенева—Сергѣемъ (M. Wischnitzer, Die Univ Gött.).

[1]) О лицейскомъ либерализмѣ—А. Н. Михайловскій-Данилевскій (Р. Ст. 1890 XI, 505), В. Н Каразинъ (Р. Ст. 1899 V, 279), Гротъ, Пушкинъ. его лицейскіе товарищи и наставники, 278, В. И. Семевскій (Былое 1907, II).

[2]) Майковъ 69, Гротъ 252, Зап. кн. Трубецкого 34, Бороздинъ 163 и 176. Участіе Вальховскаго въ тайномъ обществѣ оставалось незамѣченнымъ (проф. Довнаръ-Запольскій путаетъ его съ Волконскимъ—напр., на стр. 6 «Тайнаго общества»). Какъ видно изъ дѣла его, съ которымъ мнѣ удалось ознакомиться, благодаря любезности В. И. Семевскаго, Вальховскій проявлялъ малодѣятельности въ качествѣ члена общества, но оставался въ обществѣ до 1825 г. Онъ всегда былъ на сторонѣ конституціонной монархіи (показ. Рылѣева и Назимова). Въ 1823 г. Вальховскій принималъ участіе въ важномъ совѣщаніи у Пущина, гдѣ рѣшено было усилить дѣятельность Сѣвернаго общества. Тогда же онъ присутствовалъ на чтеніи конституціи Ник. Муравьева на квартирѣ Рылѣева. Въ концѣ концовъ, его освободили отъ суда по незначительности обвиненій. О его службѣ на Кавказѣ—въ запискахъ декабриста Розена. Письмо Пушкина къ нему въ 1835 г.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЩИНЪ.

кабря, но онъ былъ готовъ для принятія и раньше.

Преподаваніе, либеральные гусары, товарищи—все это придало опредѣленныя формы вольнолюбивымъ стремленіямъ Пушкина. Уже со времени перехода въ студенческіе классы (осенью 1814 г.), въ его поэзіи—среди пѣсенъ «легкокрылаго веселья»—начинаютъ проявляться общественные интересы. Прежде всего это были отклики на грандіозныя событія 1812—1815 гг. Въ 1836 г. Пушкинъ вспоминалъ, съ какимъ волненіемъ лицеисты провожали войска, шедшія мимо Царскаго Села, и какъ жаждали принять участіе въ великой борьбѣ:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣни наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умиратъ
Шелъ мимо насъ...

Въ это время Пушкинъ далекъ отъ позднѣйшаго своего взгляда на Наполеона. Онъ для него не великій человѣкъ, который «русскому народу великій жребій указалъ и міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ»,—а «тиранъ», «хищникъ», мелодраматическій злодѣй, свирѣпо шепчущій угрозы, царь, вѣнчанный коварствомъ и дерзостью. Борьба съ нимъ—это борьба за правду и с в о б о д у.

. . . Воспылалъ свободы ярый бой!

Пушкинъ раздѣляетъ всеобщій восторгъ передъ молодымъ царемъ, который далъ святую клятву—«отъ ига оградить страну свою родную».

Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!

Въ Александрѣ I онъ видитъ «грознаго ангела», поднявшагося противъ тирана и освободившаго Европу:

Какъ былъ великъ, какъ былъ прекраснъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

Эту восторженную любовь къ царю переживали тогда всѣ будущіе декабристы. «Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекраснѣ въ Германіи—но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ Парижъ. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего питомца» (Якушкинъ).

У юнаго Пушкина на первомъ планѣ—родина, а царь восхваляется, только какъ ея слуга и освободитель отъ иноземнаго ига. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ»—сквозь грохотъ Державинскаго одопѣнія слышится голосъ того живого, почвеннаго патріотизма, который привелъ декабристовъ на Сенатскую площадь:

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ.
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ
и жизни—
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Пушкинъ вспоминалъ свое прежнее ощущеніе, когда писалъ въ 1821 г.:

Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ Россія!

Тѣмъ же патріотизмомъ декабристскаго оттѣнка проникнута ода: «На возвращеніе государя изъ Парижа», полная участливой заботы о благополучіи «селянина». «Громъ побѣды» не соблазняетъ Пушкина... Онъ призываетъ царя—оставить «шлемъ стальной» и склонить «смиренья полный взглядъ» на свой народъ:

Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ.

И ему рисуется идиллическая картина, какъ молодежь соберется нѣкогда вокругъ старца, который—

Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Русская интеллигенція — главнымъ образомъ, либеральное офицерство—ждала, что по возвращеніи изъ-за границы Александръ I, «корифей европейскихъ либераловъ» [1]), примется за реформы—и ода Пушкина явилась выраженіемъ этихъ надеждъ.

Одновременно появляются первыя мысли о политической свободѣ. Посланіе «Лицинію», написанное въ духѣ классическаго республиканства, кончается знаменательными словами:

Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.

---

[1]) Якушкинъ. См. еще—Зап. Фонвизина, Ост. Арх. I 20—21, предисловіе Ж. Б. Сэя въ его Traité d'économie politique (Paris, 1814).

Въ тирадахъ «друга истины» Дамета противъ Рима, гдѣ продажно все: «законы, правота, и консулъ, и трибунъ»—нельзя не видѣть намековъ на русскую дѣйствительность. Критическое отношеніе къ дѣйствительности обнаруживается и въ «Бовѣ». Совѣтъ «многомыслящихъ» бородачей живо напоминаетъ Котошихинскую старину, а о Бендокирѣ Слабоумномъ—Людовикѣ XVI—говорится совсѣмъ не въ тонѣ любителя законной власти.

Слова—свобода, свободный, гордый и т. д.—дѣлаются любимыми понятіями Пушкина. Рядомъ съ идеаломъ политической свободы созрѣваетъ его идеалъ личной независимости, свободы индивидуалистической. «Другъ истины» Даметъ («Лицинію») уходитъ изъ продажнаго Рима въ деревню. Пушкинъ тоже мечтаетъ о деревенской свободѣ:

. . . Намъ
Уединенье и свободу!
(1817).

Кондратій Ѳедоровичъ
РЫЛѢЕВЪ.

Кончая курсъ, Пушкинъ былъ уже проникнутъ декабристскимъ либерализмомъ. По словамъ Пущина, Пушкинъ всегда мыслилъ одинаково съ нимъ о «дѣлѣ общемъ (res publica)». Прощаясь съ Кюхельбекеромъ, нашъ поэтъ желалъ ему не «разставаться со свободой». Самъ онъ тоже хочетъ только свободы:

Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.

Для служебныхъ успѣховъ надо являться «покорнымъ плутомъ у плута знатнаго въ прихожей», и Пушкинъ предоставляетъ это тому, кто «рожденъ быть вельможей» и «любитъ не честь, а почести». У Пушкина другія желанія, другія мысли. Русскіе порядки заставляютъ его почти ненавидѣть свое отечество и мечтать о западной цивилизаціи, которую онъ, впрочемъ, по собственному сознанію, мало знаетъ:

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Отечество почти я ненавидѣлъ (1817) [1].

II.

Въ то время, когда Пушкинъ вступалъ въ свѣтъ, либерализмъ былъ господствующимъ настроеніемъ въ широкихъ кругахъ общества. «Строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ» (Романъ въ письмахъ 1832 г.). Дэнди, въ родѣ Евгенія Онѣгина, читали Адама Смита и умѣли разсуждать о томъ,

Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не надо золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.

Даже дамы толковали о Бентамѣ и Сэѣ (Онѣгинъ, гл. I).

Пушкинъ, такимъ образомъ, встрѣчалъ политику повсюду. Духъ времени сказывался и въ шуточныхъ засѣданіяхъ «Арзамаса», членами котораго были тогда Н. Тургеневъ, М. Орловъ, Никита Муравьевъ. Веселый кружокъ «Зеленой лампы» тоже былъ мѣстомъ политическихъ разговоровъ. Декабристъ Фонвизинъ считаетъ даже его отдѣленіемъ «Союза Благоденствія» [2]). Дѣйствительно, въ этомъ кружкѣ не только кутили. Въ числѣ лампистовъ были члены тайнаго общества—кн. С. Трубецкой, вовсе не расположенный къ оргіастическимъ развлече-

[1]) Написано черезъ полгода послѣ окончанія Лицея.

[2]) Пестель въ своихъ показаніяхъ, ссылаясь на Трубецкого, тоже причисляетъ «Зеленую лампу» къ тайнымъ обществамъ—можетъ быть, не безъ задней цѣли.

ніямъ, и Яковъ Толстой, «философъ ранній», который, по словамъ Пушкина, «промѣнялъ на лампаду Эпиктета златой Гораціевъ фіалъ» [1]). Недолгимъ гостемъ въ кружкѣ Всеволожскаго былъ Якубовичъ—будущій декабристъ, а пока—дуэлистъ и отчаянный кутила [2]). Пушкинъ потомъ называлъ его «героемъ своего воображенія»: «въ немъ въ самомъ дѣлѣ много романтизма» (1825 г.). Трубецкому «Зеленая лампа», повидимому, казалась возможнымъ ядромъ тайнаго общества. Участники ея—Всеволожскій, Энгельгардтъ, Мансуровъ, судя по обращеніямъ къ нимъ Пушкина, подчинялись либеральнымъ воззрѣніямъ эпохи. Любовь, вино, веселые разговоры—перемѣшивались съ язвительными эпиграммами

Насчетъ глупца, вельможи злого,
Насчетъ холопа записного,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земного.

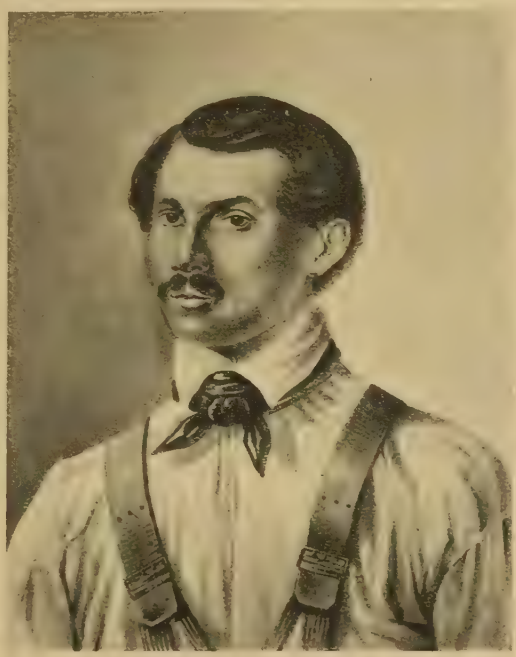
«Поговори мнѣ о себѣ, — пишетъ Пушкинъ Мансурову въ Новгородъ, — о военныхъ поселеніяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ — прощай, лапочка». Этотъ тонъ типиченъ для «Лампы». Но иногда бывали и серьезные споры.

И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина [3]).

Кружокъ, собиравшійся вокругъ уютной лампы, давалъ просторъ уму и чувству.

МнѢ во сто разъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъя,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе...

Пушкинъ былъ чуть ли не ежедневнымъ гостемъ у Тургеневыхъ, гдѣ происходили сборища «высокоумныхъ молодыхъ вольнодумцевъ»—будущихъ декабристовъ (Вигель, VI, 10; см. также Ост. А. I, 110). Въ Петербургѣ окрѣпла его духовная связь съ Чаадаевымъ; Чаадаевъ дѣлается его лучшимъ, «единственнымъ» другомъ. Молодой поэтъ живетъ въ тѣсномъ сердечномъ общеніи съ товарищами—лицеистами Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, изъ которыхъ первый уже успѣлъ поступить въ тайное общество. Среди его друзей находятся—Николай Раевскій, который тогда, по собственному показанію передъ судомъ, былъ еще противникомъ самодержавія [1]), и такой же нестроевой декабристъ Кривцовъ, либералъ англійскаго типа, заслуживший репутацію якобинца и вольтеріанца [2]). Въ «Зеленой лампѣ», въ «Арзамасѣ», въ «Вольномъ обществѣ любителей россійской словесности», въ свѣтскихъ салонахъ, у Чаадаева, у Н. Тургенева — вездѣ Пушкинъ сталкивался съ членами тайнаго общества или съ близкими ихъ единомыш-



Александръ Александровичъ
БЕСТУЖЕВЪ.
(Марлинскій).

[1]) Объ отношеніяхъ Я. Толстого къ тайному обществу - П. Е. Щеголевъ, Пушкинъ и его современники, II. Ср. въ I т. настоящаго изд. статьи П. О. Морозова, Алексѣя Веселовскаго и Б. Л. Модзалевскаго (стр. 485, 542, 560).

[2]) Въ 1818 г. Якубовичъ былъ переведенъ на Кавказъ.

[3]) Письмо къ Я. Толстому 1822 г.

[1]) Онъ съ братомъ Александромъ были первые схвачены на югѣ.

[2]) Въ 30-хъ гг. Кривцовъ составилъ проектъ освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа, въ общемъ схожій съ положеніями 19 февраля (Гаевскій, В. Е. 1887, № 12). Его младшій братъ Сергѣй былъ въ числѣ декабристовъ. Въ 1818 г. Кривцовъ уѣхалъ въ Англію, но и оттуда продолжалъ «развращать» Пушкина своимъ безбожіемъ и политическимъ вольнодумствомъ (Ост. Арх. I, 117). Кривцовъ былъ на 8 лѣтъ старше Пушкина, обладалъ солидными знаніями (спеціально по общественнымъ вопросамъ),—и это давало ему руководящую роль въ дружбѣ съ Пушкинымъ. Ср. I т. настоящ. изд. стр. 458.

ленниками. Мы видимъ его въ сношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ, А. Бестужевымъ, Рылѣевымъ [1]), Якушкинымъ [2]), М. Орловымъ [3]). Онъ дружилъ съ поэтомъ Ѳ. Н. Глинкой, однимъ изъ учредителей «Союза Благоденствія». Пушкинъ отдавалъ должное гражданскимъ добродѣтелямъ Глинки и даже позволялъ ему наставлять себя на путь истинный [4]), но при этомъ не могъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ его богомольной музой:

Нашъ другъ Ѳита, Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ,—
Поэтъ Ѳита, не становися фертомъ,
Дьячекъ Ѳита, ты инпца въ поэтахъ (1825).

По поводу этой эпиграммы Пушкинъ просилъ Вяземскаго «не выдавать» его: «Ѳита бо другъ моего сердца, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся всякія скверны» [5]).

Черезъ Н. Тургенева Пушкинъ сошелся съ кружкомъ «молодыхъ якобинцевъ», собиравшихся въ домѣ писателя М. Н. Муравьева—у его сына Никиты. Тамъ были—Илья Долгоруковъ (одинъ изъ основателей тайнаго общества, потомъ отставшій), кн. СергѣйТрубецкой, М. С. Лунинъ [6]) и др. («Русскій Пеламъ»). Первенствовалъ здѣсь Никита Муравьевъ—«пылкій и умный молодой человѣкъ», характеризуетъ его Пушкинъ.

Въ этомъ «обществѣ у м н ы х ъ»—по нѣсколько ироническому опредѣленію Пушкина—онъ видѣлъ мало живого пониманія вещей и много доктринерства. Уже тогда опредѣлялась духовная грань между нимъ и декабристами. Они не сходились, напр., въ оцѣнкѣ «Исторіи» Карамзина. Критику Ник. Муравьева Пушкинъ считалъ односторонней и узкой. Какъ поэтъ, онъ былъ очарованъ широкой картиной старины, нарисованной рукой мастера, и прощалъ за это Карамзину его политическую тенденцію, которую, однако, высмѣялъ въ своихъ эпиграммахъ. Точно такъ же Пушкина возмущала патріотическая претензія М. Орлова, который пенялъ Карамзину, зачѣмъ тотъ не помѣстилъ въ началѣ исторіи какой-нибудь «блестящей» гипотезы о происхожденіи славянъ,—т. е., говорилъ Пушкинъ, требовалъ отъ исторіи романа: ново и смѣло! (1825 г.)

Но среди этихъ мимолетныхъ встрѣчъ и неглубокихъ отношеній дѣйствительно важное значеніе имѣли только духовная связь съ Чаадаевымъ, идейное общеніе съ Н. Тургеневымъ и крѣпкая сердечная дружба съ Пущинымъ и Кюхлей. Пущинъ и Кюхельбекеръ составляли ту сердечную нить, которая соединяла Пушкина съ декабристами. Мысль о Пущинѣ играла всегда крупную роль въ его психологіи. Идеалистъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, съ кристально-чистой душой и честнымъ, самоотверженнымъ характеромъ, Пущинъ внушалъ своему геніальному другу чувство особаго душевнаго уваженія. Дружба съ нимъ не терялась среди многочисленныхъ привязанностей Пушкина, выдѣляясь какой-то сердечной сосредоточенностью, особой серьезностью. Въ обращеніяхъ къ нему всегда слышатся глубокіе душевные звуки. При упоминаніи о немъ у Пушкина точно мѣняется голосъ:

Товарищъ милый, другъ прямой,
Тряхнемъ рукою руку!

Но между друзьями — еще въ лицейскую пору—происходили «размолвки дружества», которыя давали только лучше чувствовать «сладость примиренья». «Въ иныхъ случаяхъ, — говоритъ Пущинъ, — мы разно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи».

Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ—
И тотчасъ помиримся.

Уже тогда намѣчалось расхожденіе, расколъ духовныхъ началъ, воплощеніемъ которыхъ были эти двѣ жизни: великаго альтруизма и великаго, солнечнаго эгоизма. Оба понимали, что не имѣютъ права судить другъ друга. Пушкинъ становился чище въ обществѣ Пущина, бросалъ съ нимъ тотъ тонъ, въ которомъ, напр., переписывался съ Вяземскимъ, а Пущинъ просвѣтлялся подъ вліяніемъ его духовной легкости. Говоря о нѣкоторыхъ проявленіяхъ этой легкости, Пущинъ бросаетъ многозначительныя слова: «Видно, не могло быть иначе; видно, нужна

[1]) Рылѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ около начала 1820 г.; въ тайное общество былъ принятъ въ 1823 г.

[2]) Они познакомились у Чаадаева, который былъ сослуживцемъ Якушкина по Семеновскому полку.

[3]) См.—Гершензонъ, Былое 1906, окт., стр. 368.

[4]) Р. Арх. 1866, ст. 917.

[5]) Потомъ, когда Глинка подвергся ссылкѣ, Пушкинъ хлопоталъ объ немъ (Р. А. 1880, т. III—2).

[6]) Лунинъ былъ въ родствѣ съ Ник. Муравьевымъ и Батюшковымъ. На знакомство его съ Пушкинымъ есть указаніе въ Ост. Арх. (I, 150).

была и эта разработка, **коловшая намъ, слѣпымъ, глаза»**. Къ общественному служенію Пушкина, который промѣнялъ военную карьеру на скромное мѣсто надворнаго судьи, Пушкинъ относился съ благоговѣйнымъ вниманіемъ:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ почтеніе гражданъ.

Въ 1820 г. друзья разстались и свидѣлись только въ 1825 г., когда Пушкинъ пріѣхалъ къ опальному поэту въ Михайловское.

. . . Поэта домъ
опальный,
О Пушкинъ мой, ты
первый посѣтилъ.

Объ этомъ посѣщеніи говорится и въ прощальныхъ стихахъ, полученныхъ Пушкинымъ въ Сибири:

И я тотъ день благословилъ,
Когда мой дворъ
уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ
занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.

Надъ Кюхлей Пушкинъ много смѣялся—особенно въ юные годы,—но сердечно любилъ его. Онъ называлъ его въ 1825 г. «роднымъ братомъ по музѣ, по судьбамъ»—оба они находились въ гоненіи. Участіе Кюхельбекера въ бунтѣ вызывало въ дружеской лицейской компаніи шутливое отношеніе. Дельвигъ писалъ, что Кюхля былъ воспламененъ, какъ длинная ракета, а Пушкинъ нарисовалъ въ смѣшномъ видѣ, какъ Кюхля стрѣляетъ. Но эти добродушныя шутки не мѣшали Пушкину относиться къ Кюхельбекеру съ трогательной сердечностью. Вотъ какъ двойной товарищъ Кюхельбекера — Пущинъ—писалъ о немъ своему директору Энгельгардту въ 1845 г. изъ Сибири: «Если бы вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы со смѣху, несмотря на то, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической». (Гротъ). Послѣ ссылки Кюхельбекера Пушкинъ хлопочетъ объ его «Ижорскомъ», называетъ его не иначе, какъ «нашъ Кюхля», «мой бѣдный Кюхельбекеръ» [1]).

Вильгельмъ Карловичъ
КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

Вліяніе Чаадаева начинается еще съ лицейской поры:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней! [2])

Чаадаевъ только въ 1821 г. былъ принятъ въ тайное общество (Зап. Якушкина; М. О. Гершензонъ, Чаадаевъ, Спб. 1907), но онъ и раньше былъ декабристомъ по настроенію и по взглядамъ. Съ принятіемъ его медлили, сомнѣваясь въ немъ—въ виду своеобразія его характера и міросозерцанія. Чаадаевъ не обладалъ общественнымъ темпераментомъ; онъ былъ уединенный мыслитель. Дѣйствительность была для него предметомъ наблюденія и размышленія, но не мучила его, какъ, напр., Н. Тургенева. Отъ общественнаго дѣланія онъ какъ то сторонился. Разгадка этого — въ письмѣ къ брату отъ 25 мая 1820 г.: «Меня называютъ демагогомъ. Глупцы! они не понимаютъ, что кто презираетъ свѣтъ, не станетъ заботиться о его исправленіи»(Гершензонъ, 17). О разочарованности Чаадаева говоритъ и Пушкинъ: «Чаадаевъ вымылъ мнѣ голову за Плѣнника; онъ находитъ, что онъ недостаточно blasé; Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ по этой части. Оживи его прекрасную душу, поэтъ!» (Вяземскому, 6 III 1823). Отъ Чаадаева—«безстрастнаго наблюдателя вѣтре-

[1]) Въ 1827 г. Пушкинъ по дорогѣ въ Петербургъ встрѣтилъ Кюхельбекера, котораго перевозили изъ одной крѣпости въ другую, и эта встрѣча страшно взволновала обоихъ.

[2]) О своемъ вліяніи на Пушкина именно во времена Лицея свидѣтельствуетъ и самъ Чаадаевъ (Майковъ, 328).

ной толпы»—Пушкинъ учился презрѣнію къ свѣтской черни:

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть,
Умѣлъ я презирать...

Но, несмотря на свою пессимистическую складку, Чаадаевъ зналъ власть мечты. Разговоръ его манилъ куда то, раскрывалъ невѣдомые горизонты. Въ немъ уже тогда были зародыши позднѣйшаго мистицизма. Съ нимъ Пушкинъ отдавался «вольнолюбивымъ надеждамъ»:

Всегда мудрецъ, а иногда мечтатель—

Это сочетаніе холода и свѣта, холодной иронiи и свѣтлыхъ мечтаній чаровало Пушкина. Несомнѣнно, что, говоря о дружбѣ своей съ Онѣгинымъ, онъ вспоминалъ Чаадаева:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ... (1823 г.)

И не о Чаадаевѣ ли онъ думалъ, когда писалъ:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей [1])? (1823)

Декабристы цѣнили въ Чаадаевѣ крупную силу. Бенкендорфъ въ запискѣ о тайныхъ обществахъ, поданной Александру I въ 1821 г., говоритъ, что Чаадаевъ «воспитывается для общества» (Шильдеръ, Александръ I, IV). Николай Тургеневъ въ 1820 г. заинтересованный сужденіями Чаадаева объ освобожденіи крестьянъ, пишетъ ему цѣлое письмо, гдѣ убѣждаетъ его сдѣлать «изъ этого святого дѣла предметъ своихъ занятій и размышленій». «Дѣйствуйте,—пишетъ онъ,—«обогащайте насъ сокровищами гражданственности» (Гершензонъ, 2).

Дружба Пушкина съ Чаадаевымъ, какъ и съ Пущинымъ, имѣла особенный характеръ. Ихъ сближали мечты о прекрасной, справедливой жизни и культъ личной независимости. Оба выше всего ставили индивидуальные запросы духа. Чаадаевъ дѣйствовалъ на Пушкина не столько умственно, сколько обаяніемъ всей своей личности. Когда они познакомились, Чаадаеву было едва 22 года. Онъ былъ нѣжно красивъ и изящно гордъ. Ни о комъ Пушкинъ не говорилъ въ такихъ выраженіяхъ любви, какъ о Чаадаевѣ. «Получилъ письмо отъ Чаадаева,—записано въ Кишиневскомъ дневникѣ, въ 1821 г.—Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба замѣнила мнѣ счастье—одного тебя можетъ любить холодная душа моя»:

Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Одно желаніе: останься ты со мной—
Небесъ я не томилъ молитвою другой... (1821 г.)

Въ Кишиневѣ онъ вспоминаетъ о совмѣстныхъ чтеніяхъ— «живыхъ разговорахъ знакомыхъ мертвецовъ»:

. . . посмотримъ, перечтемъ [1])

Въ тихомъ кабинетѣ Чаадаева, въ его манящей, вдумчивой бесѣдѣ—Пушкинъ отдыхалъ отъ «оргій жизни шумной» и отъ бурь чувственности, Чаадаеву Пушкинъ приписывалъ спасеніе лучшихъ своихъ чувствъ—любви къ правдѣ и свободѣ:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ.
О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
. . . чувства, можетъ быть, спасенныя тобою...
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный...
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ.
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь.

Воспламенялъ къ высокому любовь—вотъ въ чемъ было значеніе Чаадаева для Пушкина.

А въ отношеніи идейнаго содержанія Пушкинъ больше былъ обязанъ Николаю Тургеневу.

Николай Тургеневъ былъ тогда весь поглощенъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1818 г. онъ издалъ свой «Опытъ теоріи налоговъ», гдѣ проповѣдывалъ идею «представительства народнаго», выводя ее, подобно Куницыну, изъ теоріи общественнаго договора [2]), и говорилъ о несправед-

[1]) Другимъ оригиналомъ Онѣгина, кромѣ самого Пушкина, могъ быть Александръ Раевскій.

[1]) И въ 1824 г.: «Съ моимъ Чадаевымъ читалъ».

[2]) «Люди, соединившись въ общество,—говорится въ началѣ книги Тургенева,—и, вручивъ правительству власть верховную, вручили ему вмѣстѣ съ тѣмъ и право требовать налоговъ. Но не должно смѣшивать право требовать податей съ правомъ налагать оныя. Если первое вездѣ неоспоримо принадлежитъ правительству, то въ послѣднемъ оно бываетъ иногда ограничено. Во многихъ государствахъ введеніе налога дѣлается съ согласія народныхъ представителей. Тамъ польза сего согласія ощутительна не только для народа, но и для самого правительства» («Опытъ», стр. 11—13).

ливости угнетенія одного класса гражданъ другимъ (стр. 11—13, 137, 568). Рабство крестьянъ волнуетъ его и мучитъ. «Единая мысль одушевляетъ меня,—говорится въ письмѣ къ Чаадаеву,—единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда не умерла еще въ моемъ сердцѣ: освобожденіе крестьянъ». Онъ скорбитъ, что нельзя публично говорить «о ненавистномъ рабствѣ, показывать всю его мерзость и беззаконность» (Ост. А. I, 103). Тургеневъ не ограничивался пропагандой—онъ и на дѣлѣ являлся крестьянскимъ заступникомъ (см., напр., Ост. Арх. I, 152). Онъ не теоретически осуждалъ крѣпостное право, но всѣмъ сердцемъ болѣлъ о немъ.

Связь Пушкина съ Н. Тургеневымъ была чисто идейная. Личной дружбы между ними не было и не могло быть. Слишкомъ велика была разность характеровъ, образованія и возрастовъ (Тургеневъ былъ на 10 лѣтъ старше). Пушкину очень импонировали знанія Тургенева. Въ запискѣ о воспитаніи, написанной по заказу Николая I, Пушкинъ указываетъ на «нравственность» и «умѣренность» Н. Тургенева, какъ на слѣдствіе «истиннаго просвѣщенія» и «положительныхъ познаній». Во время суда надъ декабристами Пушкинъ безпокоился о судьбѣ Тургенева: «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково наше море хваленое!»

Молодой поэтъ со вниманіемъ и любопытствомъ прислушивался къ сужденіямъ Тургенева и заражался его пафосомъ. Ода «Вольность», написанная, по словамъ Вигеля, на квартирѣ Тургеневыхъ, построена на теоріи общественнаго договора, которую Тургеневъ и Куницынъ вывезли изъ Геттингена. Подъ явнымъ вліяніемъ Тургеневскихъ хлопотъ о крестьянахъ написана «Деревня», проникнутая глубокой скорбью о рабствѣ. И знаменитыя заключительныя строки «Деревни» представляютъ несомнѣнное отраженіе не исчезавшихъ надеждъ Тургенева на реформу свыше:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя—
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря...

Кн. Сергѣй Григорьевичъ ВОЛКОНСКІЙ.

III.

Пушкинъ жилъ бурной личной жизнью, но средимучительнаго угара страстей въ «душевной глубинѣ» его шла серьезная, творческая работа - созрѣвали высокія думы о прекрасной, правдивой, солнечной жизни.

. . . исчезаютъ заблужденья
Съ изм у ченной души моей—
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней...

Какъ ни смотрѣть на отношенія Пушкина къ декабристамъ, одно остается не перекаемымъ: Пушкину принадлежатъ самыя полныя и красочныя поэтическія воплощенія освободительныхъ идеаловъ эпохи. «Это были мечты о свободѣ, величіи и счастіи отечества,—говоритъ одинъ изъ младшихъ декабристовъ, А. Бѣляевъ. — Всѣ мы мечтали о золотомъ времени народныхъ собраній, гдѣ царствуетъ пламенная любовь къ отечеству, свобода, никѣмъ и ничѣмъ не ограниченная, кромѣ з а к о н а, полное благосостояніе народа. Словомъ, въ нашихъ мечтахъ осуществлялся чудный идеалъ в с е с о в е р ш е н н а г о с ч а с т і я ч е л о в ѣ ч е с к а г о р о д а н а з е м л ѣ». Стихи Пушкина—яркая иллюстрація этого настроенія. Онъ тоже «любитъ Россіи честь» и горячо вѣритъ въ близкое воцареніе свободы, которая представляется ему въ та-

комъ же ослѣпительномъ сіяніи. Конституція—это для него не просто форма правленія, а «плѣнительное счастіе». Онъ хочетъ побѣдить скептицизмъ Чаадаева и обратить его силы къ общественной борьбѣ:

Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она –
Заря плѣнительнаго счастья—
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Въ одѣ «Вольность» проповѣдуются, какъ сказано, «геттингенскіе» принципы Куницына и Н. Тургенева, заимствованные у Руссо и Канта. Законность—вотъ основная идея Пушкина. Только тамъ, — говоритъ онъ,—

. . . надъ царскою главой
Народовъ не легло стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье...
Владыки вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа...

И горе тѣмъ странамъ,

Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно.

Это не что иное, какъ поэтическое претвореніе идей Куницына о законныхъ правахъ человѣка, которыхъ не можетъ нарушать никакое большинство (Ест. право II 9). Пушкинъ признаетъ неизбѣжность катастрофы 11 марта, но она внушаетъ ему отвращеніе, такъ какъ все-таки является беззаконіемъ:

О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары—
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

Такимъ же преступленіемъ противъ закона представляется ему и всенародная казнь Людовика XVI:

Молчитъ законъ—народъ молчитъ—
Падетъ преступная сѣкира...

«И днесь учитеся, цари»—заключаетъ Пушкинъ—

Ни наказанья, ни награды,
Ни кровъ темницъ, ни алтари—
Не вѣрныя для васъ ограды.
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона—
И стануть вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

Вопросу объ освобожденіи крестьянъ посвящена «Деревня», написанная лѣтомъ 1819 г.—въ «величавомъ уединеніи» Михайловскаго. Зрѣлище рабства мучитъ Пушкина, и онъ восклицаетъ съ искренней скорбью:

О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?

«Деревня» вполнѣ лойальна и написана, вѣроятно, не безъ мысли воздѣйствовать на Александра I. По разсказу Жихарева, императоръ передалъ черезъ Чаадаева благодарность автору за его хорошія чувства.

Свобода личности, культъ закона и освобожденіе крестьянъ—вотъ основныя общественныя идеи Пушкина. Мы видимъ у него очень ясную политическую систему—составившуюся подъ вліяніемъ раціоналистическихъ теорій Куницына и Н. Тургенева, но продуманную и прочувствованную совершенно самостоятельно. Его политическій идеалъ—свобода, ограниченная однимъ закономъ—въ смыслѣ закона естественной справедливости. Онъ любитъ деревенское уединеніе, потому что тамъ можно—

Свободною душой законъ боготворить.

Идеалъ политической свободы находитъ поддержку въ сентиментально-романтической мечтѣ о свободѣ на лонѣ природы. На протяженіи многихъ лѣтъ повторяется одинъ и тотъ же мотивъ:

Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ пѣвицей, нѣгой и природой—
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ...

Этой же «тайной свободы»—до которой никому дѣла нѣтъ, и которой ни до кого дѣла нѣтъ—онъ хотѣлъ и въ 1836 г.: «Никому отчета не давать—себѣ лишь самому служить и угождать»...

Подпольныя стихотворенія Пушкина далеки отъ лойальности его «Деревни». Въ нихъ онъ не очень надѣется на какую бы то ни было свободу «по манію царя». Остроуміе «Сказокъ» (Noël), написанныхъ по поводу конституціонныхъ обѣщаній Александра I въ Варшавской рѣчи 1818 г., очень колко и выступаетъ изъ обычныхъ границъ острословія того времени:

«И людямъ всѣ права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли».
Отъ радости въ постели

Распрыгалось дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ,
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай-бай! закрой свои ты глазки,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки»

Стихотворенія 1817—1820 гг. изобилуютъ выходками противъ военщины, большого свѣта и Петербурга—этой «мертвой области рабовъ и капральства». Въ тѣсной компаніи одинаково настроенныхъ друзей или наединѣ съ природой—поэтъ спасается отъ «святыхъ невѣждъ» и «почетныхъ подлецовъ» и не завидуетъ тогда «злодѣю иль глупцу въ величіи неправомъ». Этотъ духъ протеста сказался особенно въ ядовитыхъ эпиграммахъ на отдѣльныхъ лицъ—Стурдзу «библическаго» и «монархическаго», А. Н. Голицына, Фотія, Карамзина.

Въ началѣ 1820 г. — подъ вліяніемъ извѣстій объ испанской революціи—Пушкинъ въ особенно воинственномъ настроеніи:

Мнѣ бой знакомъ—
люблю я звукъ мечей:
Отъ первыхъ лѣтъ
поклонникъ бранной
славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

Онъ полонъ мыслями о революціонномъ дѣлѣ. «Нашъ вѣкъ не вѣкъ поэтовъ—жалѣть, кажется, нечего,»—пишетъ онъ Вяземскому въ мартѣ 1820 г. Безъ всякой осторожности онъ восхваляетъ убійство Коцебу, показываетъ въ театрѣ портретъ Лувеля съ надписью: урокъ царямъ, и намекаетъ, что пора бы начать дѣйствовать (Майковъ, 71). У него даже мелькаетъ мысль о цареубійствѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ черновикѣ письма къ Александру I въ 1825 г. Съ этимъ сходится разсказъ Пущина о томъ, какъ Пушкинъ—по поводу исторіи съ медвѣдемъ, чуть не растерзавшимъ императора—воскликнулъ: «Нашелся одинъ человѣкъ—да и то медвѣдь!» (Майковъ, 70).

Это все разрѣшилось рѣзкими эпиграммами на Аракчеева (Холопъ вѣнчаннаго солдата—ты стопишь - смерти нѣмца Коцебу!)—которыя, главнымъ образомъ, и были поводомъ ссылки Пушкина на югъ. Его покровитель Карамзинъ сурово писалъ о немъ Вяземскому: «если Пушкинъ и теперь не исправится—то будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ».

Кн. Сергѣй Петровичъ
ТРУБЕЦКОЙ.

IV.

Южное небо, горы и море, нѣжный семейный уютъ Раевскихъ, новое чувство застѣнчивой любви—на время отвлекли Пушкина въ сферу личныхъ ощущеній. Онъ отдался радости покоя и тишины:

Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ иныхъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина...

Пушкинъ очутился въ районѣ расположенія 2-ой арміи, при штабѣ которой—въ Тульчинѣ — находилось средоточіе южнаго общества [1]). Кишиневъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, былъ однимъ изъ важныхъ центровъ либеральнаго движенія на югѣ. Тамъ стояла дивизія Мих. Орлова [2]), гдѣ, кромѣ самого начальника, членами тайнаго

[1]) Начальникомъ штаба былъ Киселевъ—врагъ коварства и невѣждъ», по отзыву Пушкина—и его адъютантомъ П. И. Пестель.

[2]) Онъ былъ переведенъ въ Кишиневъ въ 1820 г.

общества были офицеры—В. Ѳ. Раевскій, К. А. Охотниковъ, И. П. Липранди [1])—и бригадный генералъ П. С. Пущинъ [2]). Послѣдній былъ основателемъ масонской ложи въ Кишиневѣ, которая отличалась опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ. Потомъ Пушкинъ—въ числѣ своихъ «преступленій»—указывалъ на участіе въ кишиневской масонской ложѣ, за которую,—говоритъ онъ,—уничтожены всѣ ложи въ Россіи [3]). Въ Кишиневѣ имѣлись агенты, слѣдившіе за мѣстнымъ либерализмомъ и въ особенности за пропагандой, которую члены тайнаго общества исподволь вели въ войскахъ. Въ одномъ донесеніи 1821 г. описывается, какъ Липранди задабриваетъ солдатъ, а Пушкинъ «ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство (т.-е. корпусное), но даже и правительство» (Р. Ст. 1883 дек., 657).

М. Орловъ, маіоръ Владиміръ Раевскій [4]) Охотниковъ, Липранди [5]) и генералъ Пущинъ — составляли постоянное общество Пушкина. Важнѣе всего была близость его съ «первымъ декабристомъ» Раевскимъ. Но и тутъ настоящей дружбы не было. Былъ большой интересъ, большое уваженіе—и только. Въ Кишиневѣ Пушкинъ чувствовалъ себя душевно одинокимъ—«знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ» (1821 г.). Въ февралѣ 1822 г. Раевскій былъ арестованъ по обвиненію въ пропагандѣ среди солдатъ и препровожденъ въ Тираспольскую крѣпость (въ Тирасполѣ былъ штабъ корпуса). Пушкинъ очень волновался судьбой «спартанца», какъ онъ прозвалъ Раевскаго, но въ 1824 г., при проѣздѣ черезъ Тирасполь, отказался отъ свиданія съ арестованнымъ, опасаясь доноса въ Петербургъ. Этого во всякомъ случаѣ не могло бы быть, если бы ихъ связывали крѣпкія личныя отношенія. Общество Владиміра Раевскаго имѣло, главнымъ образомъ, образовательное значеніе для Пушкина. Липранди разсказываетъ, что Пушкинъ нарочно втягивалъ Раевскаго въ споры, чтобы заставить того выкладывать свои историческія и политическія знанія, а потомъ бралъ книги по затронутымъ вопросамъ. Но тѣснѣе сойтись имъ не позволяло слишкомъ большое различіе вкусовъ. Мы видимъ Раевскаго въ постоянныхъ спорахъ съ Пушкинымъ. Темой была большей частью литература. Раевскій былъ патріотомъ въ духѣ декабристовъ и проповѣдовалъ архаически-національные сюжеты въ поэзіи; между прочимъ, онъ доказывалъ, что не слѣдуетъ употреблять именъ греческихъ и римскихъ боговъ, когда у славянъ есть собственная миѳологія. Пушкинъ не могъ не чувствовать въ этомъ безвкусія—вещь, которую онъ трудно прощалъ—и какую-то узость. Раевскій самъ тоже писалъ стихи—далекіе отъ художественнаго совершенства, но съ гражданскимъ содержаніемъ. Пушкинъ иногда находилъ въ нихъ оригинальныя и сильныя выраженія, но въ общемъ не очень высоко ставилъ стихотворство Раевскаго. «Это не въ моемъ родѣ, а въ родѣ Тираспольской крѣпости—а хорошо»,—отозвался онъ объ одной энергичной строфѣ «Пѣвца въ темницѣ», присланнаго Раевскимъ изъ мѣста своего заключенія. Вообще къ мотивамъ протеста въ произведеніяхъ Раевскаго Пушкинъ относился внимательнѣе, а все остальное—любовь и другія индивидуальныя переживанія—ставилъ, такъ сказать, внѣ предѣловъ его поэтической компетенціи [1]). Однако, Раевскій оказалъ своими совѣтами нѣкоторое литературное вліяніе на Пушкина—Пушкинъ взялся за легендарнаго новгородскаго революціонера Вадима. Но эта скудная тема была скоро имъ брошена.

Уваженіемъ и дружескимъ расположеніемъ Пушкина пользовался также Охотниковъ, дѣятельный членъ тайнаго общества, который умеръ до 1825 г. По разсказамъ Липранди, это былъ человѣкъ выдающагося ума и образованія, прямой до рѣзкости и всегда невозмутимо спокойный. М. Орловъ называетъ его «воплощеннымъ нравственнымъ совершенствомъ» и «ходячей совѣстью» своихъ друзей [2]).

Домъ дивизіоннаго командира —М. Орлова—былъ какъ бы якобинскимъ клубомъ [3]). «Сей благодушный мечтатель,—го-

[1]) При Николаѣ I онъ былъ спеціалистомъ по части политическаго сыска.

[2]) Другой кишиневской бригадой командовалъ генералъ Болховской, участникъ убійства Павла. Онъ писалъ воспоминанія и читалъ ихъ Пушкину. О немъ см. Р. Ст. 1881, т. 30, стр. 83; Зап. Фонвизина (Библ. дек—овъ IV), стр. 133; Былое 1906, апр., стр. 189.

[3]) Ср. В. П. Семевскій. Минувшіе годы, 1908, мартъ, стр. 162—170, и Н. Кульманъ, Ж. М. Н. Пр. 1907, окт.

[4]) О немъ книжка П. Е. Щеголева (Спб. 1905).

[5]) «Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) не любимъ нашимъ правительствомъ и не любитъ его»,—писалъ о немъ Пушкинъ въ 1822 г.

[1]) Рус. Арх. 1866, ст. 1451.

[2]) Былое, 1906, окт.—ст. М. О. Гершензона.

[3]) Объ Орловѣ—М. О. Гершензонъ, Былое

воритъ Вигель,—болѣе чѣмъ когда бредилъ въявь конституціями. Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы являться въ немъ, надо было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина. Два демагога, два изувѣра—адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій—съ жаромъ витійствовали» (VI, 115). «У насъ,—пишетъ жена Орлова, Екатерина Николаевна Раевская, своему брату Александру, — безпрестанно идутъ шумные споры—философскіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты» (1821 г.—Былое 1906, X, 308). Пушкинъ былъ постояннымъ гостемъ у Орловыхъ. «Съ Орловымъ спорю, мало пью»,—говоритъ онъ о своемъ Кишиневскомъ времяпровожденіи. «Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ»,—пишетъ Екатерина Николаевна. Орловъ—со своими неопредѣленными политическими убѣжденіями, фантастическими планами насчетъ палаты пэровъ и патріотизмомъ кваснаго оттѣнка — не могъ оказать замѣтнаго умственнаго вліянія на Пушкина и даже не внушалъ ему особеннаго уваженія. «Le seul homme qui est heureux à force de vanitè».—отозвался о немъ Пушкинъ (Бартеневъ, P. A. 1866, ст. 1131). «Орловъ умный человѣкъ,—писалъ Пушкинъ въ 1836 г.,—и очень добрый малый, но я до него какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ». Даже о безспорныхъ заслугахъ Орлова—напр., о его гуманномъ отношеніи къ солдатамъ—Пушкинъ говоритъ непремѣнно съ шуткой: «Орловъ... дѣлаетъ палки сургучныя, а палки въ дивизіи своей уничтожилъ» (Переписка изд. Акад. Наукъ, п. р. Саитова, т. I, 38) [1]). Орловъ былъ близокъ Пушкину, какъ родственникъ Раевскихъ—они видѣлись почти каждый день—и этотъ шуточный тонъ прикрывалъ отсутствіе симпатій, какъ это всегда бываетъ между людьми внутренно-чуждыми, но по обстоятельствамъ бывающими постоянно вмѣстѣ.

Пушкинъ чувствовалъ себя какъ-то неуютно въ компаніи своихъ «конституціонныхъ» друзей, но все-таки они составляли единственный интересъ его кишиневской жизни. Послѣ ареста маіора Раевскаго и послѣдовавшаго вскорѣ увольненія генераловъ Орлова и Пущина, Пушкину Кишиневъ становится невыносимымъ. «Здѣсь у насъ молдаванно и тошно»; «Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ»,—этотъ мотивъ повторяется съ варіяціями въ его Кишиневскихъ письмахъ, начиная съ лѣта 1822 года (Раевскій былъ арестованъ въ февралѣ, а Орловъ и Пущинъ уволены въ маѣ) [2]). Изъ Кишинева Пушкинъ ѣздилъ въ Тульчинъ — къ Киселеву, котораго зналъ по Петербургу («XIX вѣкъ», стр. 80). Онъ бывалъ также въ Кіевѣ у Раевскихъ и въ Одессѣ. Это были тоже центры декабристскаго движенія. Наконецъ, онъ часто гостилъ въ Каменкѣ—кіевскомъ имѣніи Давыдовыхъ (братьевъ стараго генерала Н. Н. Раевскаго) [2]). Тамъ былъ сборный пунктъ для тайнаго общества. Одинъ изъ хозяевъ—В. Л. Давыдовъ—былъ главой отдѣльной «Каменской» управы. «Я въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ от-

Михаилъ Семеновичъ
ЛУНИНЪ.

1906 №№ 10 и 11 и В. И. Семевскій. Русск. Бог. 1907 дек. Показанія Орлова—у проф. Довнара-Запольскаго (Мемуары декабристовъ).

[1]) У Орлова была сургучная фабрика. Въ этомъ же письмѣ (писанномъ у Орлова) Пушкинъ пронизируетъ, что «Рейнъ (Арзамасское прозвище Орлова) ужасно занятъ сургучемъ».

[2]) См. объ этомъ—А. Лобода, Кіевск. Унив. Изв. 1899 г., май, и въ наст. изд. т. II, стр. 104—118.

шельниковъ,—писалъ Пушкинъ 4 декабря 1820 г.—Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами [1]). Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ Россіи»... Въ 1821 г.—вскорѣ послѣ посѣщенія Каменки — Пушкинъ въ посланіи къ В. Л. Давыдову вспоминаетъ, какъ тотъ съ братомъ («рогоносцемъ величавымъ»)—

Передъ каминомъ надѣвали
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безцѣнной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали...

Подъ тѣми и тою Пушкинъ разумѣлъ карбонаріевъ и конституцію.

Съ Александромъ Раевскимъ, своимъ «демономъ», Пушкинъ особенно сблизился во время совмѣстнаго житья въ Одессѣ—въ 1823—1824 гг. Вигель называетъ Раевскаго человѣконенавистникомъ, который относился съ презрѣніемъ и къ либераламъ и къ реакціонерамъ.

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ...

Однако, «вѣрноподданничество, привязанность къ монархическимъ правиламъ,—по словамъ Вигеля,—казались ему отвратительными и ненавистными. На друзей конституціи—въ томъ числѣ на зятя своего Орлова—онъ смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, но съ нѣкоторою снисходительностью» (VI, 170). Кн. С. Волконскій говоритъ о Раевскомъ, что онъ «какъ человѣкъ умный, не былъ въ числѣ отсталыхъ, но, какъ человѣкъ хитрый и осторожный, видѣлъ, что тайное общество не минуетъ преслѣдованія правительства» (Зап. Волконскаго, 410). Однако, въ 1820 г. Раевскій выражалъ еще готовность вступить въ общество, если оно будетъ составлено, и даже доказывалъ пользу его учрежденія (существованіе общества было ему неизвѣстно) [2]).

Черезъ Раевскихъ Пушкинъ познакомился съ кн. Сергѣемъ Волконскимъ, который вскорѣ женился на младшей Раевской (о своемъ сватовствѣ онъ счелъ долгомъ увѣдомить Пушкина, который тогда уже былъ сосланъ въ Михайловское). Пушкинъ понималъ трагическую красоту исторіи Волконскихъ и съ благоговѣніемъ отнесся къ подвигу княгини Волконской, которая пошла за мужемъ въ Сибирь. Смерть ихъ маленькаго сына, оставленнаго на попеченіи родныхъ, дала ему поводъ написать эпитафію. Пушкинъ всегда съ тихой грустью вспоминалъ уютное гнѣздышко Каменскихъ друзей, уничтоженное грозой 1826 г.

Въ южномъ обществѣ, въ атмосферѣ котораго жилъ Пушкинъ, настроеніе было рѣшительнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Тутъ преобладали республиканскіе идеалы и радикальные планы борьбы. Террористическіе проекты составлялись, главнымъ образомъ, на югѣ. Среди «конституціонныхъ» друзей Пушкина только одинъ Орловъ былъ умѣренныхъ взглядовъ,—В. Раевскій, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ принадлежали къ крайней группѣ декабристовъ. Отчасти подъ вліяніемъ среды, отчасти вслѣдствіе нетерпѣнія и озлобленія—Пушкинъ становится рѣзче и въ своихъ мнѣніяхъ и въ ихъ проявленіи...

Мысль Пушкина постоянно вертится вокругъ революціонныхъ темъ. Въ рукописяхъ 1821—1822 г. разбросаны рисунки фригійскихъ революціонныхъ шапокъ, силуэты Марата, Занда и т. д. Съ волненіемъ слѣдитъ Пушкинъ за успѣхами революціи на Западѣ—въ Испаніи и Италіи. Старикъ Инзовъ, чтобы доставить ему удовольствіе, приходитъ къ нему, когда онъ сидитъ подъ арестомъ за свои сраженія съ молдаванами, потолковать о «гишпанской революціи» и «конституціи кортесовъ» (Переписка, 124). Нервность, съ какой Пушкинъ относился ко всему этому, сказалась въ его негодованіи на Воронцова, который выразилъ удовольствіе по поводу повѣшенія Ріего (1823 г.):

Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться такъ надъ жертвой палача?

Въ апрѣлѣ 1821 г. вспыхнуло подъ бокомъ греческое возстаніе. Предводителемъ сдѣлался князь Александръ Ипсиланти, житель Кишинева. «Нашъ безрукій князь»,—зоветъ его Пушкинъ [1]). Пушкинъ ждетъ важныхъ послѣдствій отъ греческаго возстанія для всей Европы—и особенно для Россіи (Переп. 24). Онъ съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми

[1]) Образецъ этихъ демагогическихъ споровъ приводитъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ.

[2]) Зап. Якушкина.

[1]) Въ 1812 г. онъ потерялъ руку.

перипетіями борьбы. Еще въ 1823 г. онъ привѣтствуетъ грековъ:

Возстань, о Грецiя, возстань!

Но съ переѣздомъ въ Одессу, въ центръ гетеріи, наступаетъ разочарованіе. «Грецiя мнѣ огадила,—пишетъ онъ.—Мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный потомокъ Ѳемистокла и Перикла и наслѣдникъ ихъ школьной славы» (лѣто 1824 г.) [1])

Въ апрѣлѣ 1821 г. въ Кишиневъ пріѣзжалъ Пестель, командированный Киселевымъ на Бессарабскую границу, чтобы собрать свѣдѣнія о греческомъ возстаніи. На Пушкина онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ,—читаемъ мы въ Кишиневскомъ дневникѣ.—Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Однако, не все въ Пестелѣ Пушкину нравилось. Онъ говорилъ Липранди, что не могъ бы съ нимъ сблизиться. Однажды за столомъ у М. Орлова у него даже явилась мальчишеская охота подразнить серьезнаго и самоувѣреннаго Пестеля. «Пушкинъ,—разсказываетъ Липранди,—какъ бы не зная, что этотъ Пестель сынъ Иркутскаго губернатора, спросилъ: не родня ли онъ сибирскому злодѣю?—Орловъ, улыбнувшись, погрозилъ ему пальцемъ». Оттѣнокъ недружелюбнаго отношенія есть и въ позднѣйшемъ упоминаніи Пушкина о Пестелѣ. Въ 1833 г.—въ разговорѣ съ Суццо, бывшимъ молдавскимъ господаремъ, знакомымъ Пушкина по Кишиневу—онъ совсѣмъ несправедливо приписалъ Пестелю намѣреніе скомпрометировать дѣло гетеріи въ глазахъ Александра I, представивъ ее отраслью карбонаризма [2]).

---

[1]) О значеніи греческаго возстанія для декабристовъ—В. И. Семевскій, Р. Б. 1907, ноябрь, стр. 53—59. См. также —Заблоцкій-Десятовскій, П. Д. Киселевъ, I 136 и слѣд.

[2]) Отчетъ Пестеля о началѣ греческаго возстанія, гдѣ онъ, дѣйствительно, сравниваетъ гетерію съ карбонаризмомъ, но совсѣмъ не съ цѣлью очернить ее, былъ представленъ Киселеву, а не императору. См. Заблоцкій-Десятовскій, Киселевъ I 138 и В. И. Семевскій, 1907 Русск. Бог., ноябрь, 55.

V.

Несмотря на внѣшнее ухарство, внутренно Пушкинъ въ Кишиневское время какъ-то серьезнѣе, вдумчивѣе.

Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружен умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ.

И главнымъ предметомъ этихъ думъ былъ вопросъ о правильномъ устройствѣ жизни:

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Итакъ Пушкинъ склоненъ даже ставить свой Кишиневскій либерализмъ выше прежняго; предыдущіе годы—время «Деревни» и «Вольности»—онъ называетъ утраченными для свободы.

О серьезности занятій и размышленій Пушкина свидѣтельствуютъ написанныя имъ въ Кишиневѣ «Историческія замѣтки» (1822 г.), гдѣ онъ проводитъ ту мысль, что въ Россіи «политическая свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ». Онъ понимаетъ истинное значеніе дѣлавшихся въ XVIII вѣкѣ попытокъ ограничить самодержавіе и считаетъ, что ихъ неудача была счастіемъ для Россіи. «Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчной чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бъ число дворянъ и заградили бъ для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство». Интересны сужденія Пушкина объ Екатеринѣ Великой. Пушкинъ ставитъ ей въ вину раздариваніе государственныхъ крестьянъ и закрѣпощеніе вольной Малороссіи. Личное невѣріе не мѣшаетъ Пушкину признавать важное значеніе духовенства для народнаго просвѣщенія. Онъ упрекаетъ Екатерину за то, что она, угождая духу времени и своему неограниченному властолюбію, гнала духовенство и отняла у него монастырскіе доходы. Бѣдностью и невѣжествомъ священниковъ Пуш-

кинъ объясняетъ паденіе религіозныхъ чувствъ въ народѣ. «А жаль,—говоритъ онъ,—ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ». Эти (замѣтки), во многомъ обнаруживающія удивительную трезвость и ясность историческаго взгляда, показываютъ въ то же время самостоятельность Пушкина. Въ упрекѣ, что Екатерина «унизила духъ дворянства»—мы видимъ начало дворянскихъ теорій Пушкина, которыхъ онъ, конечно, не могъ заимствовать отъ своихъ «конституціонныхъ» друзей. Защищая справедливость въ отношеніи другихъ сословій, Пушкинъ допускаетъ, однако, существованіе идеальнаго дворянства, основаннаго на чести, и вовсе не стоитъ за уничтоженіе всякихъ гражданскихъ привилегій.

Нетерпѣливое ожиданіе революціи и проповѣдь террора становятся преобладающими политическими темами Пушкина. Въ «Кинжалѣ» онъ воспѣваетъ, какъ подвигъ, убійство Марата—своимъ палачествомъ изуродовавшаго идею свободы—и убійство Коцебу. Кинжалъ является «послѣднимъ судіей позора и обиды»—тамъ, гдѣ «дремлетъ мечъ *закона*», который остается основой политическаго credo Пушкина.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ.
Державный Римъ упалъ—главой поникъ *законъ*
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый—
Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ опъ
Помпея мраморъ горделивый...

Воспѣвая терроръ и «кровавую чашу» революціи, Пушкинъ въ то же самое время увлекался идеями аббата Сенъ-Пьера о вѣчномъ мирѣ (Былое, 1906, X, 308). Это показываетъ, какъ плохо мирилось его чувство съ *принципіальнымъ* допущеніемъ насилія. О сербскомъ Карагеоргіи онъ говорилъ, что тотъ «и *ужаса* людей и славы былъ достоинъ» (1820 г.). Терроръ былъ для Пушкина, дѣйствительно, послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ. Весь «Кинжалъ»—не что иное, какъ крикъ отчаянія. Пушкинъ былъ правъ, заявляя потомъ, что «бунтъ и революція ему никогда не *нравились*». Отношеніе его къ революціи можно формулировать такъ, что онъ привѣтствовалъ революцію совершающуюся—пока она *борьба* за свободу—но не торжествующую, которая сама становится насиліемъ.

Послѣднимъ своимъ «либеральнымъ бредомъ» Пушкинъ считалъ «Наполеона», написаннаго въ началѣ 1821 г. (Переписка, 91). Тамъ онъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что деспотизмъ неизбѣжно приводитъ къ революціи.

. . . На площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, *неизбѣжный*,
Свободы яркій день вставалъ...

Та же вѣра въ переворотъ высказывается въ шутливомъ обращеніи къ генералу Пущину, товарищу Пушкина по масонской ложѣ:

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!

Въ стихотворномъ письмѣ къ В. Л. Давыдову есть уже начало сомнѣній, но пока надежда побѣждаетъ:

Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: Христосъ Воскресъ!

Арестъ Владиміра Раевскаго въ 1822 г. и увольненіе генераловъ Орлова и Пущина, повидимому, тяжело подѣйствовали на Пушкина. При видѣ всеобщаго равнодушія онъ начинаетъ сознавать безнадежность революціонныхъ попытокъ въ Россіи. Но онъ еще вѣритъ—и призываетъ освѣжающую грозу:

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій?..
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? Символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

Наконецъ, въ 1823 г.—вскорѣ послѣ переселенія въ Одессу—мы видимъ уже полное разочарованіе. Пушкинъ поддается вліянію Александра Раевскаго и приходитъ къ горькому убѣжденію, что, проповѣдуя свободу, онъ только тратилъ время, благія мысли и труды:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками—да бичъ.

«Я закаялся»,—пишетъ Пушкинъ А. Тургеневу въ декабрѣ 1823 г. И, дѣйствительно, со временъ Одессы въ его произведеніяхъ больше не слышно боевыхъ звуковъ.

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благороднаго—
Я замолчалъ... (1823).

Но никогда Пушкинъ такъ глубоко не ощущалъ кошмарную тяжесть самодержавія.

Владыка сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ
стѣсненные лежали,
Чредою выпадали—
И міру тихую неволю въ даръ несли...
Все молча ждетъ
удара—
Все пало—подъ яремъ
склонились всѣ главы...

Мертвую силу сѣвернаго исполина, который накладываетъ на міръ цѣпи «тихой неволи», Пушкинъ сопоставляетъ съ живой энергіей Наполеона, являющагося носителемъ индивидуальнаго начала:

Онъ міру вѣчную
свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ [1]).

Никита Михайловичъ
МУРАВЬЕВЪ.

«Гордый идолъ» индивидуальной свободы неизмѣнно царитъ въ творчествѣ Пушкина. Духомъ этой свободы проникнутъ «Кавказскій плѣнникъ»:

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ...
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Вслѣдъ за Шиллеромъ и Байрономъ, Пушкинъ изображаетъ романтическихъ разбойниковъ. Декабристъ баронъ Штейнгель въ письмѣ къ Николаю I причисляетъ «Братьевъ разбойниковъ» къ тѣмъ произведеніямъ Пушкина, которыя питали революціонное настроеніе молодежи. Въ Михайловскомъ Пушкинъ занимается Стенькой Разинымъ, о которомъ говоритъ, что это «самое поэтическое лицо въ русской исторіи» (Переп. 141). Тогда же онъ начинаетъ изученіе Пугачева (144). Въ февралѣ 1822 г.—сейчасъ послѣ ареста Владимира Раевскаго—написанъ «Узникъ». Его содержаніе—жажда свободы и тоска неволи:

. . . Давай—улетимъ!
Мы вольныя птицы—
пора, братъ, пора,
Туда, гдѣ синѣютъ
морскіе края...

Тогда же написана «Птичка»:

Зачѣмъ на Бога мнѣ
роптать,
Когда хоть одному
творенью
Я могъ свободу даровать?

Вопросъ о свободѣ изъ политической плоскости уходитъ вглубь и превращается въ общую философію жизни. Стихотвореніе: «Къ морю», написанное лѣтомъ 1824 г.—передъ отъѣздомъ въ Михайловское, является уже манифестомъ индивидуалистическаго міросозерцанія.

Только что еще кончивъ Лицей, Пушкинъ рекомендовалъ себя, какъ всегдашняго хулителя своего отечества. Съ годами эта критика выработалась въ прочный пессимистическій взглядъ на русскую дѣйствительность. Письма Пушкина пересыпаны ядовитостями насчетъ «родной Турціи»: «отечества и грязь сладка намъ и пріятна», «сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи» и т. д. (Переп. 34, 61, 93).

Особенно часто Пушкинъ жалуется на цензуру, которую честитъ всякими словами: сукой, дурой и т. д.

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для пныхъ не Русью пахнетъ.

[1]) Вотъ замѣтка въ записной книжкѣ 1821 г.: «O. disait en 1820 –révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détroner Napoléon».

О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

«Vale, sed delenda est censura»—приписано на письмѣ къ Гнѣдичу (1822 г.). «Пора дать вѣсъ нашему мнѣнію—говоритъ Пушкинъ въ 1823 г.—и заставить правительство уважать наши голоса—презрѣніе къ русскимъ писателямъ нестерпимо». Онъ не требуетъ полной свободы печати («что нужно Лондону, то рано для Москвы») *)—онъ хочетъ только, чтобы пишущую братью не лишали «послѣднихъ, жалкихъ правъ». «Дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную» (1823 г.).

Все сильнѣе и сильнѣе разгорается у Пушкина тоска по Петербургу. Эта тоска начинается еще въ Кишиневѣ—съ того времени, какъ съ Кишиневскаго горизонта исчезли В. Раевскій, Орловъ и П. С. Пущинъ.

О други, Августу мольбы мои несите—

пародируетъ Пушкинъ своего Овидія—«но Августъ смотритъ сентябремъ». Въ Одессѣ онъ продолжаетъ тосковать. «Пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія»—говорится въ письмѣ къ Дельвигу. Тутъ появляется первая мысль о побѣгѣ. «Осталось одно—писать прямо на его имя—такому то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости — не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ. Ubi bene, ibi patria» (письмо къ брату въ янв. 1824 г.). Мечты о томъ, чтобы спастись заграницу, принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ въ Михайловскомъ. Пушкинъ вмѣстѣ съ братомъ подробно разрабатываетъ планъ бѣгства (дек. 1824—окт. 1825):

Благослови побѣгъ поэта...
Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнимъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ...

Одновременно Пушкинъ ищетъ примиренія съ царемъ и добивается позволенія вернуться въ Петербургъ или уѣхать заграницу, но «Октавію—въ слѣпой надеждѣ—молебновъ лести» не поетъ и даже продолжаетъ «подсвистывать» ему эпиграммами (1824 г.). Онъ нервничаетъ и бѣсится въ своей клѣткѣ, а отъ Жуковскаго слышитъ только одно—терпѣніе. Въ сентябрѣ 1825 г. Пушкина посѣтилъ его лицейскій товарищъ Горчаковъ. «Ты ему вбилъ въголову,—пишетъ Пушкинъ Вяземскому,—что я объѣдаюсь гоненіями... Охъ, душа моя, меня тошнитъ—но предлагаемое да ѣдятъ».

VI.

Пушкинъ жилъ въ атмосферѣ заговора, подозрѣвалъ существованіе таинственной организаціи, рѣшающей судьбы Россіи, и страстно хотѣлъ попасть туда. Но это было въ первый періодъ его либерализма, когда ни ему, ни другимъ не была еще ясна та идейная и психологическая грань, которая отдѣляла его отъ декабристовъ. Онъ измучилъ Пущина просьбами о томъ, чтобы тотъ открылся ему и ввелъ его въ тайное общество. Но Пущинъ медлилъ. Его смущалъ «подвижный и пылкій» характеръ Пушкина, отсутствіе въ немъ выдержки, строгой принципіальности. Онъ не понималъ, напр., его интереса къ людямъ такихъ мнѣній, какъ Алексѣй Орловъ, не понималъ его грубыхъ чувственныхъ увлеченій. Кромѣ того, онъ просто не довѣрялъ конспиративнымъ способностямъ своего друга. Разъ отецъ Пушкина разсказалъ ему о какой-то шалости сына; въ ней было столько мальчишества, что мысль о принятіи Пушкина въ число заговорщиковъ какъ-то сама собой исчезла изъ его головы. Но со стороны Пушкина это желаніе было не пустымъ тщеславіемъ—оно было глубокимъ и серьезнымъ. Это видно изъ той сцены, которая произошла въ Каменкѣ въ ноябрѣ 1820 г. Одновременно съ Пушкинымъ тамъ гостили три члена «Союза Благоденствія»—Якушкинъ, М. Орловъ и Охотниковъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ хозяевъ, В. Л. Давыдовымъ, собралось четыре декабриста. Съ цѣлью подразнить Александра Раевскаго и сбить его съ толку, они затѣяли споръ о томъ, стоитъ ли основывать тайное общество. Пушкинъ ухватился за эту мысль и сталъ съ жаромъ доказывать, что это имѣло бы огромное значеніе. Когда же выяснилось, что весь разговоръ велся въ шутку, Пушкинъ разволновался почти до слезъ и былъ истинно несчастенъ. «Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ»,—говоритъ Якушкинъ.

Но вскорѣ наступаетъ охлажденіе—вопросъ о свободѣ переходитъ въ иную плоскость. Въ 1825г. Пущинъ уже не боится прямо сообщить Пушкину о своей при-

*) Конечно, это сужденіе не выражаетъ дѣйствительнаго мнѣнія Пушкина—тутъ онъ такъ же «подличаетъ благонамѣренно», какъ и во второмъ посланіи къ цензору (Переп. 170).

надлежности къ обществу. Пушкинъ вскакиваетъ со стула: «Вѣрно, это все въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго держатъ въ Тираспольской крѣпости!» Но дальнѣйшихъ подробностей онъ не требуетъ и больше не заговариваетъ о томъ, чтобы принять его въ заговоръ. «Можетъ быть, ты и правъ, что не довѣряешь мнѣ,—грустно говоритъ онъ,—вѣрно, я этого довѣрія не стою—по многимъ моимъ глупостямъ». «Молча, я крѣпко расцѣловалъ его,—разсказываетъ Пущинъ,— мы обнялись и пошли ходить; обоимъ нужно было вздохнуть».

«Чтобы полюбить Пушкина настоящимъ образомъ,— говоритъ Пущинъ,—надо было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ—товарищѣ». Неудивительно поэтому, что на тѣхъ изъ декабристовъ, которые мало знали и мало понимали Пушкина, личность его подчасъ производила очень неблагопріятное впечатлѣніе. «Отъ верховной думы,—говоритъ декабристъ Горбачевскій,—намъ было запрещено знакомиться съ Пушкинымъ; а почему? Прямо было указано на его характеръ». Такъ же рѣзокъ отзывъ Мих. Бестужева [1]). Басаргинъ, видѣвшій Пушкина въ Тульчинѣ и въ Одессѣ, говоритъ, что, «какъ человѣкъ, онъ ему не понравился—какое-то бреттерство, suffisance, желаніе уколоть, осмѣять». Первое впечатлѣніе Якушкина было такое же: «Пушкинъ былъ чрезвычайно неловокъ въ обществѣ, корчилъ иногда лихача, при чемъ разсказывалъ про себя отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло». Якушкинъ, однако, сумѣлъ замѣтить и подлинное лицо Пушкина: «чуть заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ тотчасъ просвѣтлялся».

Иванъ Дмитріевичъ
ЯКУШКИНЪ.

Но эти мелочи были только признакомъ болѣе глубокихъ различій. Пушкинъ былъ, подобно своему Моцарту, «гуляка праздный», и его духовная легкость, эллинская жизнерадостность, оскорбляла спартанскій пуризмъ декабристовъ. Передъ лицомъ ихъ строгой добродѣтели Пушкинъ какъ-то сжимался, и его «глупости» были для него иной разъ предметомъ горькихъ раздумій. Это самоуничиженіе выразилось въ словахъ, сказанныхъ женѣ Н. Муравьева въ 1827 г.: «Я понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество — я не стоилъ этой чести» (Якушкинъ).

Въ свою очередь, и Пушкину было какъ-то тяжело, душно съ декабристами. Недалекая Кернъ дѣлаетъ одно замѣчаніе по поводу отношеній Пушкина къ женщинамъ: «Живо воспринимая добро, Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало остроуміе, блескъ, красота». Таковъ былъ вкусъ Пушкина не только относительно женщинъ. Нѣжная душа поэта откликалась на правду, но выше всего стояла для него свободная, солнечная красота.

Это въ особенности сказывалось въ его литературныхъ разногласіяхъ съ декабристами. Тѣ смотрѣли на искусство исключительно съ гражданской точки зрѣнія, искали въ немъ только гражданскаго поученія, оставляя въ сторонѣ художественность. Съ этой точки зрѣнія они смотрѣли и на поэзію Пушкина. Владиміръ Раевскій хотѣлъ сдѣлать изъ Пушкина орудіе поли-

[1]) Р. Ст. 1880., янв., 130. Редакція не рѣшилась даже напечатать цѣликомъ отзывы Горбачевскаго и М. Бестужева вслѣдствіе ихъ крайней рѣзкости.

тической пропаганды и совѣтовалъ «оставить другимъ пѣвцамъ любовь».

Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой.

Кн. Волконскій тоже подсказывалъ Пушкину, на что обратить свое поэтическое вниманіе: «Сосѣдство и воспоминанія о великомъ Новгородѣ,—пишетъ онъ ему въ Михайловское,—о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ піитическихъ занятій, а соотечественникамъ вашимъ трудъ вашъ — памятникомъ славы предковъ и современника». То же самое говорилъ Пушкину и Рылѣевъ, самъ поэтъ и притомъ понимавшій свойства Пушкинскаго дарованія: «Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы—настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы?»

Но Пушкинъ судилъ о поэтическихъ произведеніяхъ прежде всего по исполненію и не допускалъ и мысли о томъ, чтобы ставить поэзіи какія бы то ни было внѣшнія цѣли, хотя бы и самыя добродѣтельныя. «Вотъ на!—отвѣчаетъ онъ Жуковскому на вопросъ о цѣли «Цыганъ»—цѣль поэзіи поэзія. Рылѣева Думы и цѣлятъ, да не впопадъ». Пушкинъ требовалъ, чтобы стихи прежде всего были стихами, и никакая «дѣльность» содержанія не могла въ его глазахъ искупить неудачной формы. «У васъ ересь,—пишетъ онъ брату по поводу разсужденій Рылѣева и Бестужева,—говорятъ, что въ стихахъ стихи не главное. Что же главное—проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компаніи и т. д.» (Переп. 191). Къ своимъ собратьямъ—поэтамъ изъ числа декабристовъ Пушкинъ относился доброжелательно и очень радовался, когда находилъ въ ихъ произведеніяхъ что-нибудь по своему вкусу, но все-таки считалъ, что это—«не въ его родѣ, а въ родѣ Тираспольской крѣпости», какъ онъ отозвался объ одной понравившейся ему строфѣ изъ стихотворенія Владиміра Раевскаго. Думы Рылѣева онъ называлъ дрянью и самое заглавіе ихъ производилъ отъ нѣмецкаго: dumm. Зато «Войнаровскій» ему искренно нравился, и онъ отыскалъ тамъ даже «какого-то палача съ засученными рукавами, за котораго дорого далъ бы» [1]). Но съ точкой зрѣнія Бестужева и Рылѣева на искусство онъ рѣшительно не мирился. Переписка его съ ними (1822—1825) представляетъ собой цѣлый рядъ литературныхъ споровъ, гдѣ одна сторона защищаетъ литературное мастерство — «искусство», а другая стоитъ за «вдохновеніе» и «высокіе предметы», способные «колебать душу» и «трогать русское сердце» (Переп. 168, 177, 187) [1]).

Были и другія разногласія—общественнаго характера. Поэтическое чувство связи со стариной и раздраженіе противъ высокомѣрія разныхъ Воронцовыхъ сдѣлали изъ Пушкина сторонника родовитаго дворянства, въ которомъ онъ видѣлъ опору для личнаго достоинства. Онъ объяснялъ дворянскимъ происхожденіемъ независимость русскихъ писателей и самое протестующее настроеніе декабристовъ. «Воронцовъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ одой или съ посвященіемъ, а онъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ 600-лѣтній дворянинъ—дьявольская разница». «Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать,—отвѣчалъ на это честный демократъ Рылѣевъ,—да они для поэта Пушкина ни къ чему не служатъ... Чванство дворянствомъ непростительно—особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза всей Россіи—тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ».

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ имѣлъ полное право считать себя пѣвцомъ декабристовъ («пловцамъ я пѣлъ»—въ «Аріонѣ»). Его политическія стихотворенія расходились въ тысячахъ списковъ—«сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ кружкахъ» (А. Бѣляевъ). По словамъ Якушкина, не было грамотнаго прапорщика, который не зналъ бы ихъ наизусть [2]). «Въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся твои стихи»,—писалъ Пушкину Жуковскій въ 1826 г.

И Пушкина стихи цензуры не видали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.

---

[1]) Этотъ палачъ потомъ появился въ «Полтавѣ».

[1]) Александръ Бестужевъ-Марлинскій былъ постояннымъ жителемъ Петербурга, и Пушкинъ встрѣчалъ его въ 1817—1820 гг. Рылѣева онъ тоже зналъ лично (можетъ быть по «Вольному обществу») и даже имѣлъ какой-то случай «застрѣлить его» (Переп. 45, 196), но знакомство ихъ было очень непродолжительно, такъ какъ Рылѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ только въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 г.

[2]) См. еще Р. Ст. 1871., т. III—стихи Ѳ. Н. Глинки.

Вся свободолюбивая поэзія Пушкина дѣйствовала зажигательно на молодежь. «Кто изъ молодыхъ людей не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою?»—говоритъ декабристъ Штейнгель (Бороздинъ, 70) [1]).

. . . У столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,
. . . разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ...
. . . Пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей,
И ж а ж д о й в о л и, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей.

VII.

Ж а ж д а в о л и—вотъ что соединяло и въ то же время разъединяло Пушкина съ декабристами. Они пришли къ одному и тому же, къ политической свободѣ, но съ разныхъ сторонъ. Тѣ были беззавѣтные альтруисты, общественники, для которыхъ «общее благо» было единственной цѣлью и единственнымъ смысломъ жизни, а у Пушкина рано опредѣлилось то, что онъ называетъ: «мой эгоизмъ» (Переп. 119, 122). Исходной точкой для Пушкина являлся индивидуализмъ — «жажда воли» — а стремленіе къ политической свободѣ было только однимъ изъ частныхъ проявленій этой жажды. Замкнуться въ сферѣ общественныхъ интересовъ Пушкинъ не могъ. Неотразимо привлекали его и прекрасное небо, и любовныя радости и творческія наслажденія.

Александръ Ивановичъ
ЯКУБОВИЧЪ.

Мало по малу Пушкинъ теряетъ интересъ къ политической злобѣ дня и даже цитируетъ сочувственно изреченіе, что tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille. Сентиментально-романтическая мечта о «деревенской свободѣ», пройдя сквозь горнило политическихъ ученій, спускается въ глубину и претворяется въ индивидуалистическую философію жизни. «Цыганы», оконченные въ Михайловскомъ въ 1824 г., представляютъ собой одну изъ глубочайшихъ въ своей простотѣ трагедій индивидуализма. Обстановка поэмы—цыганская вольность, жизнь на подобіе «птички Божіей», которая не знаетъ «ни заботы ни труда»—отзывается еще романтической идиллій, но въ драмѣ, которая разыгрывается на этомъ фонѣ между Алеко и Земфирой, заключена глубокая, значительная мысль. Индивидуализмъ Алеко не знаетъ границъ и переходитъ въ насиліе надъ личностью Земфиры, которая осуществляетъ идеалъ настоящей духовной свободы:

Твои угрозы проклинаю,
Твое убійство п р е з и р а ю—
Умру любя!

И въ словахъ стараго цыгана, въ его осужденіи «гордаго человѣка»—*ты для себя лишь хочешь воли* — брезжитъ широкій идеалъ гармоническаго общественнаго строя, гдѣ индивидуальная воля ограничена только закономъ естественной справедливости по отношенію къ другой волѣ:

. . . нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ.

Это уже Толстовскій анархизмъ. Вотъ когда разгорѣлась солнечнымъ свѣтомъ «чистая лампада», зажженная Куницынымъ, и недаромъ Пушкинъ въ 1825 г. помянулъ добрымъ словомъ своего лицейскаго учителя.

Этотъ «анархизмъ» дѣлалъ непереходимой пропасть между Пушкинымъ и декабристами, все міросозерцаніе которыхъ основывалось на полномъ подчиненіи правъ личности интересамъ общаго блага. Въ

[1]) О значеніи Пушкина для декабристовъ—В. И. Семевскій, Р. Б. 1907 окт. Генералъ Михайловскій-Данилевскій называлъ Пушкина въ 1826 г. «корифеемъ мятежниковъ» (Р. Ст. 1890 XI 505).

«Андре Шенье», написанномъ подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ Пущинымъ (январь 1825 г.) и полномъ загадочныхъ предчувствій, проявляется, если не сознаніе, то неясное ощущеніе этой органической розни. Что обозначаетъ это отожествленіе себя съ жертвой «убійцъ и палачей», выбранныхъ въ цари? Зачѣмъ это отграниченіе идеала свободы отъ ужасовъ террора въ устахъ А. Шенье, alter ego Пушкина?

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты—
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ!...

Пушкинъ самъ придавалъ своему «Шенье» значеніе предзнаменованія. «Суди объ А. Шенье, какъ іезуитъ — по намѣренію». «Я пророкъ, ей Богу, пророкъ! Я А. Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына». О чемъ это пророчество? Нѣтъ ли тутъ чего-то въ родѣ предвидѣнія своей судьбы въ случаѣ успѣха революціи?

Подъ вліяніемъ этого настроенія, у Пушкина возникаетъ сомнѣніе, имѣло ли вообще какой нибудь смыслъ его участіе въ политической борьбѣ, и не правы ли Дельвигъ и Вяземскій, которые не видѣли въ его либерализмѣ ничего кромѣ «поддразниванія» правительства (Переп. 104, 133):

И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безплодной ревности и дерзости ничтожной!
Но—нѣтъ!—говоритъ онъ—
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ—
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ...
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву—Евмениду!

Павелъ Ивановичъ
ПЕСТЕЛЬ.

Отрѣзанный отъ міра въ своемъ Михайловскомъ, Пушкинъ точно угадывалъ надвигающуюся грозу. Передъ самымъ бунтомъ онъ вдругъ собрался въ Петербургъ, и только заяцъ, перебѣжавшій дорогу, заставилъ его воротиться (Майковъ, 420). Извѣстіе о 14 декабря повергло его въ неописанное волненіе. Декабристы сразу получаютъ въ его глазахъ ореолъ героизма и мученичества. Сужденіе Вяземскаго (истиннаго человѣка толпы, который во время оно вслѣдъ за всѣми либеральничалъ насчетъ конституціи о дѣятеляхъ возстанія, какъ о «сорванцахъ и подлецахъ», отзывается острой болью въ сердцѣ Пушкина: «Если ужъ Вяземскій такъ, то что же другіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю». Въ то время, какъ даже сравнительно порядочные люди, въ угоду общему настроенію, считали нужнымъ громко порицать «измѣнничество» мятежниковъ, Пушкинъ, несмотря на свое сомнительное положеніе и страстное желаніе вырваться изъ тюрьмы, нарочно афишируетъ и даже преувеличиваетъ свою связь съ декабристами. У него нѣтъ для нихъ другого названія, какъ — братья, товарищи, друзья [1]). Николаю I онъ прямо заявляетъ, что былъ бы на площади съ бун-

[1]) Жуковскому Пушкинъ писалъ, что былъ «въ связи съ большей частью заговорщиковъ», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ зналъ лично едва ли десятую часть изъ нихъ числа. Близкихъ же знакомыхъ и друзей его среди привлеченныхъ къ суду было счетомъ человѣкъ 10. Надо еще добавить, что большинство декабристовъ принадлежало къ Петербургскому свѣтскому кругу, и личнымъ знакомствомъ съ ними могли похвалиться всѣ, бывавшіе въ Петербургскихъ гостиныхъ. Кромѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь выше, можно еще указать на возможное знакомство Пушкина съ А. О. Корниловичемъ, наѣзжавшимъ въ Одессу въ 1824 г. (упоминается въ письмахъ 1824 г.), и Н. Х. Граббе (упоминанія

ЛИСТЪ 38-й ПУШКИНСКОЙ ТЕТРАДИ № 2368.

(Декабристы на висѣлицѣ).

Воспроизводится впервые.

товщиками, если бы очутился въ Петербургѣ [1]).

Горячія надежды на освобожденіе переплетаются у него съ глубокимъ страданіемъ за декабристовъ. «Съ нетерпѣніемъ жду рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя». И черезъ мѣсяцъ: «Мнѣ сказывали, что 20-го (февраля) участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не требуется»... Пушкинъ видитъ трагизмъ совершившагося, и развязка представляется ему роковой неизбѣжностью: «взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира». То же повторяется и въ запискѣ о воспитаніи, написанной для Николая I: «Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей».

Казнь и каторга декабристовъ поразили Пушкина до глубины души—глубже, чѣмъ смерть Дельвига въ 1831 г. «Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 братьевъ товарищей, друзей—ужасна. Еще надѣюсь на коронацію». Наканунѣ извѣстія о казни пришло извѣстіе о смерти Ризничъ. Оба эти извѣстія стоятъ рядомъ подъ стихотвореніемъ, посвященнымъ ея памяти,—обозначенные понятными инціалами: Усл. о. см. 24—У. о. с. Р. П. Б. М. К. 25. Въ тетрадяхъ сохранилось нѣсколько рисунковъ: валъ, крѣпость, пять висѣлицъ съ тѣлами—и сбоку задумчивыя надписи: *и я бы могъ.... и я бы могъ, какъ тутъ на....*, потомъ: видѣлъ во снѣ... [2]).

Мечта Пушкина осуществилась: онъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Его жизнь превращается въ рядъ тріумфовъ. Публика, писатели—всѣ носятъ его на рукахъ. Но его тревожитъ, мучаетъ мысль о декабристахъ. «Какъ онъ вѣренъ имъ!»—это говорила Смирнова уже въ 30-хъ гг. (I, 94). На лицейскомъ праздникѣ 1827 г. онъ, съ рискомъ нажить непріятности (которыя и получилъ на самомъ дѣлѣ) [1]), привѣтствуетъ бодрымъ: Богъ помочь!—товарищей «въ мрачныхъ пропастяхъ земли». Онъ посылаетъ прощальные стихи своему Пущину, полные хватающей за сердце нѣжности и въ посланіи въ Сибирь предсказываетъ торжество декабристовъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье—
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...
...Свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ...

Пушкинъ сравниваетъ ихъ участь со своею:

А я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою
И гимны прежніе пою... [2]).

14 декабря не было переломомъ въ политическихъ взглядахъ Пушкина. Перелома вообще не было—была эволюція, и начало ея восходитъ еще къ 1823 г. Пушкинъ Николаевской эпохи — прежній Пушкинъ, «поклонникъ правды и свободы». Онъ не унизилъ измѣной беззаконной—

Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной—

остался вѣренъ далекой мечтѣ о разумной правдивой, прекрасной, солнечной жизни:

Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яркимъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума!
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!...

въ письмѣ къ Кривцову въ авг. 1819 г., и къ Вяземскому въ янв. 1825 г.). У Чаадаева въ Петербургѣ Пушкинъ, вѣроятно, встрѣчалъ его товарищей—семеновцевъ братьевъ Матвѣя и Сергѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ.

[1]) Р. Ст. 1880 янв. 132 и 1899 авг. 310.

[2]) Ср. замѣтку на стр. 529.

[1]) Гротъ, 109.

[2]) Поведеніе Пушкина по отношенію къ декабристамъ отличается вообще прямо рыцарскимъ благородствомъ. Эпитетъ «буйныхъ», который онъ прилагаетъ къ нимъ въ «Стансахъ» и въ запискѣ о воспитаніи, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно обиднаго въ его глазахъ и является уступкой обстоятельствамъ—слишкомъ ничтожной, въ сравненіи съ тѣми инсинуаціями, которымъ декабристы подвергались со стороны бывшихъ единомышленниковъ, желавшихъ громко засвидѣтельствовать передъ правительствомъ свою политическую невинность.

Александръ Слонимскій.

По поводу рисунка Пушкина

на листѣ 38 тетради № 2368.

На стр. 527 воспроизведенъ листъ 38-ой пушкинской тетради № 2368. На немъ, какъ говоритъ авторъ предыдущей статьи, «задумчивыя слова» Пушкина:

И я бы могъ, какъ тутъ на

Воспроизведеніе этой страницы дается въ настоящемъ изданіи въ первый разъ. Но по описанію она извѣстна уже давно. Еще въ 1884 г. В. Е. Якушкинъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о находящихся въ Румянцевскомъ Музеѣ пушкинскихъ рукописяхъ далъ слѣдующую справку («Русская Старина» 1884, іюнь, стр. 550):

«Нарисованы: Валъ и ворота [крѣпость], на валу висѣлица и на ней пять повѣшанныхъ, съ боку начата фраза: и я бы могъ, (какъ тутъ на...) Внизу страницы опять повторенъ тотъ-же рисунокъ, а посреди страницы снова начата фраза: и я бы могъ...—Рисунки эти относятся къ 1826 г. и напоминаютъ смерть Рылѣева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго. († 13 іюля 1826 г.). Въ запискѣ «О народномъ воспитаніи». [«О народномъ воспитаніи» писано въ половинѣ ноября] Пушкинъ высказываетъ надежду, что братья, друзья, товарищи погибшихъ [декабристовъ] успокоятся временемъ и размышленіемъ. Онъ самъ еще не былъ въ это время успокоенъ. Обласканный царемъ, восторженно встрѣченный москвичами, онъ продолжалъ думать о погибшихъ братьяхъ, и не только о живыхъ, но и о мертвыхъ. Такимъ образомъ рисунокъ на этой страницѣ и надпись показываютъ намъ, что сказанное имъ въ письмѣ къ князю Вяземскому «Повѣшанные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна» было невполнѣ искренно, что Пушкинъ, повторяю, думалъ и о мертвыхъ братьяхъ, *мысленно присоединялъ себя къ ихъ судьбѣ*».

Такое толкованіе «задумчивыхъ словъ» Пушкина прочно установилось въ литературномъ сознаніи. На нихъ смотрятъ какъ на одно изъ самыхъ яркихъ проявленій духовной близости Пушкина съ декабристами. Въ нихъ видятъ вполнѣ опредѣленное подтвержденіе заявленія Пушкина, что будь онъ въ Петербургѣ, онъ 14 декабря былъбы и на Сенатской площади. И никто не сомнѣвается, что въ законченномъ видѣ фраза, начатая на 38-мъ листѣ, примѣрно, читалась-бы такъ: и я бы могъ, какъ тутъ на висѣлицѣ погибнуть, пострадать, заплатить жизнью за свои убѣжденія или какъ-нибудь иначе въ томъ же родѣ.

Когда мы, однако, ознакомились съ 38-ой страницей въ подлинникѣ, насъ поразило начертаніе 6 слова верхней строки. Почему В. Е. Якушкинъ прочиталъ *тутъ* когда оно совершенно опредѣленно читается *шутъ?*

Чтеніе *шутъ* съ перваго разу, понятно, очень коробитъ. Получается впечатлѣніе, что Пушкинъ обозвалъ декабристовъ шутами. Приходили на умъ, невольно, даже такія сближенія. Припоминалось намъ, что видѣли мы у покойнаго П. А. Ефремова большой рисунокъ Пушкина [1]), въ юмористическомъ видѣ изображающій какъ «Кюхля стрѣляетъ 14 декабря». Кюхля, т.-е. Кюхельбекеръ былъ закадычнымъ другомъ Пушкина, былъ уже въ это время, когда рисовалась карикатура на каторгѣ, и это, однако же, не останавливало веселаго расположенія духа Пушкина.

Припоминались затѣмъ «Стансы», гдѣ на одну доску поставлены стрѣльцы и декабристы, Николай и Петръ. Припоминалась, наконецъ, вообще «многогранность» Пушкина, и невольно складывалось убѣжденіе, что какъ тамъ Пушкинъ ни сочувствовалъ, по прирожденному благородству, страданіямъ декабристовъ, но, въ общемъ, онъ, все-таки, оказался человѣкомъ толпы, въ глазахъ которой побѣжденный всегда неправъ и смѣшонъ. И переходы-то, въ данномъ случаѣ, такъ естественны: «мятежники»—этапъ первый, «безумцы»—этапъ второй, а тамъ и «шуты».

Отдѣлавшись, однако, отъ перваго впечатлѣнія, которае произвело на насъ неожиданное чтеніе *шутъ*, мы пришли къ рѣ-

1) Мы не потеряли надежды дать воспроизведеніе этого интереснаго рисунка въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ.

шенію, что въ этомъ чтеніи никакого пренебреженія къ декабристамъ нѣтъ. Почему если декабристы висятъ на висѣлицѣ какъ «шуты», то это значитъ, что они и сами шуты? Если я про кого-нибудь скажу: его зарыли какъ собаку, значитъ ли это, что я его считаю собакой? Повѣшеніе недаромъ считается казнью позорною. Сложить голову на плахѣ—тутъ есть нѣчто героически-красивое, а повѣшенный именно болтается какъ шутъ.

Считаемъ нужнымъ привести эти соображенія, чтобы перенести споръ исключительно на объективную почву и лишить его всякой остроты. Если и читать *шутъ*, то никакихъ выводовъ о пренебрежительномъ отношеніи Пушкина къ декабристамъ изъ этого дѣлать не слѣдуетъ.

Но оставивъ въ сторонѣ всякія политическія соображенія, какъ же, все-таки, читать: *шутъ* или *тутъ?*

Мы показывали листъ 38 кое-кому въ подлинной рукописи, показывали очень многимъ фотографію, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ всѣ читали *шутъ*.

Передавали намъ, однако, изъ авторитетнаго источника, что Пушкинъ и н о г д а будто бы пишетъ *т* какъ *ш*. Принявъ это въ соображеніе, мы стали внимательно присматриваться къ имѣющимся у насъ многочисленнымъ снимкамъ пушкинскихъ рукописей и такого впечатлѣнія не вынесли. Ни на одно такое смѣшеніе мы не наткнулись.

Въ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исключеніи, onus probandi никогда не лежитъ на тѣхъ, кто говорятъ объ общемъ правилѣ. Вотъ почему пока не будетъ указано, гдѣ именно Пушкинъ писалъ *т* какъ *ш*, мы должны читать *шутъ*, а не *тутъ*.

Но кромѣ графическаго метода, вопросъ можетъ быть рѣшенъ и чисто-литературнымъ путемъ и притомъ, какъ намъ кажется, совершенно безапелляціонно. Намъ представляется, что чтеніе *тутъ*, если въ него вдуматься по существу, есть просто недоразумѣніе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могло даже въ наброскѣ литературнаго произведенія, притомъ по всей вѣроятности стихотворенія, появиться такое совершенно инородное тѣло какъ механическое указаніе на рисунокъ? Всякій поэтъ даетъ самостоятельный образъ, самъ по себѣ рисующій картину, и кто-же ссылается на приложенный рисунокъ? Подпись къ картинкѣ что-ли сочинялъ Пушкинъ? Да и то въ подписяхъ подъ картинками только уже въ очень примитивно-лубочныхъ пишутъ: «т у т ъ изображено» и т. д.

С. Венгеровъ.

Обложка Герценовской «Полярной Звѣзды» 1861 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

НЕДОШЕДШІЕ и ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ СТИХИ 1817—1819 гг.

I.

1817 годъ.

131-а. СТИХИ НА П. П. КАВЕРИНА.

Забудь любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи—

писалъ П. П. Каверину Пушкинъ. Эти «нескромные стихи» не дошли до насъ, и о содержаніи ихъ мы можемъ лишь догадываться по посланію Пушкина «Къ П. П. Каверину» (см. примѣчанія къ этой пьесѣ, т. I, стр. 408, и ниже къ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ»). Предметомъ стиховъ, направленныхъ противъ Каверина, были, конечно, «счастливые грѣхи» гусара, котораго Пушкинъ выставлялъ, должно быть, далеко не «апостоломъ Зенонова ученья», а любителемъ «умно, хотя неосторожно дурачиться».

---

159. МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

(т. I, стр. 445).

Впервые объ этой пьесѣ упомянулъ А. Н. Аѳанасьевъ (псевдонимъ: «И. М—къ»), въ своей статьѣ «По поводу послѣдняго изданія сочиненій Пушкина («Библіографическія Записки» 1858 г., ст. 337), отнесшій ее къ 1817 г. и сообщившій, что она «надѣлала было большихъ хлопотъ поэту». Напечатана она была въ первый разъ въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) сборникѣ «Стихотвореній А. С. Пушкина», не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 7—8, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ (стр. 228 — 229): «Помянутая молитва, написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего носа Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя,—и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса князя Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненья съ цѣлью помирить ихъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣло дружескимъ, пустяшнымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой». Послѣ этихъ словъ отмѣтка въ скобкахъ: «Сообщено Сабуровымъ». Этого скандала касается напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., III, 406—407, письмо кн. И. В. Васильчикова къ князю П. М. Волконскому. «У гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая исторія, и такъ какъ она можетъ дойти до васъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее разскажу самъ. Графъ Завадовскій, офицеръ этого полка, позволилъ себѣ написать эпиграммы на своихъ товарищей въ одной изъ книгъ гауптвахты. Я узналъ это, не подозрѣвая еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобы разыскать виновнаго. Возвратившись изъ Ладоги, я услышалъ, что офицеры узнали про это обстоятельство и, обиженные, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, дабы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Завадовскій почувствовалъ неприличіе своего поведенія и извинился передъ своими товарищами. Офицеры его простили и всѣ меня умоляли не наказывать его, а главное—никакъ не доводить до свѣдѣнія Е. И. В. Государя шалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха». Письмо не датировано и снабжено примѣчаніемъ, что въ немъ говорится о графѣ Александрѣ Петровичѣ Завадовскомъ. Гаевскій, а за нимъ другіе комментаторы говорятъ, что эта пьеса вызвала извиненіе Пушкина передъ задѣтымъ въ ней П. П. Каверинымъ, къ которому поэтъ обратился съ просьбой: «Забудь, любезный мой Каверинъ, минутной рѣзвости нескромные стихи»(1817 г.). «Молитва» была перепечатана В. П. Гаевскимъ («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 392—393), какъ несомнѣнно пушкинское стихотвореніе, и внесена въ изданія П. О. Морозова (Литерат. фонда, т. VII, стр. LIV, и «Просвѣщенія», т. I, стр. 500) и П. А. Ефремова (А. С. Суворина, т. VIII, стр. 76—77), причемъ послѣднее слово ея измѣнено; Л. Н. Майковъ (I т. академ. изд., 2-ое изд., прим., стр. 376) не отвергъ этихъ стиховъ, хотя, надо замѣтить, въ текстъ (его трудъ завершенъ 1817 годомъ), не внесъ ихъ. Въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ находится копія этой пьесы, сдѣланная П. В. Анненковымъ; по словамъ составителя «Описанія» принадлежащей академіи пушкинской коллекціи («Пушкинъ и его современники», т. I, вып. IV, стр. 36), «подъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова, въ концѣ объяснительная къ стихотворенію Пушкина приписка Анненкова».

Въ книгѣ К. Манзея «Исторія лейбъ-гвардіи гусарскаго полка» ч. III, Спб., 1859, гдѣ перечислены всѣ офицеры полка, мы не находимъ имени графа Александра Петровича Завадовскаго, а находимъ имя его брата, графа Василія Петровича (стр. 95), который изъ камеръ-юнкеровъ Е. И. В. перешелъ въ л.-гусарскій полкъ корнетомъ 18 февраля 1818 г. А. В. Пашковъ, будто бы хотѣвшій поколотить Пушкина, 4 іюня 1817 г. (стр. 58—59) перешелъ въ Тверской драгунскій полкъ. Князей Любомірскихъ въ гусарскомъ полку было двое: одинъ перевелся въ Преображенскій полкъ 27 октября 1817 г. (стр. 45), а другой 26 іюня

1817 г. вышелъ въ отставку (стр. 73). Баронъ Н. Ѳ. Кнабенау перешелъ на службу въ Стародубскій кирасирскій полкъ 17 октября 1817 года (стр. 76). Рахмановыхъ было въ полку двое юнкерами, а потомъ офицерами, одинъ съ 1819 г., другой съ 1820 г. (стр. 102—103). С. Ѳ. Гернгросъ былъ въ полку съ 11-го марта 1818 г. (стр. 95). Въ «Молитвѣ» поименованы, повидимому, не только наличные офицеры полка, но даже нѣкоторые ушедшіе изъ него и младшіе товарищи-юнкера. Изъ того, что Завадовскій сталъ корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка лишь въ 1818 г., видно, что письмо князя Волконскаго, гдѣ онъ названъ офицеромъ, могло быть написано, конечно, не ранѣе этого года. Такимъ образомъ «Молитва» позднѣе 1817 г., и, значитъ, въ посланіи «Къ П. П. Каверину», несомнѣнно, относящемуся къ 1817 г., подъ «нескромными стихами», которымъ Пушкинъ проситъ прощенія, разумѣется никакъ не «Молитва».

А. Н. Аѳанасьевъ не говоритъ, откуда почерпнуто имъ извѣстіе объ этой пьесѣ и о непріятностяхъ, которыя будто бы навлекла она на Пушкина. Гербель, ссылаясь на Сабурова, не указываетъ его имени и отчества; между тѣмъ въ гусарскомъ полку было, судя по сообщенному К. Манзеемъ списку, одновременно четверо Сабуровыхъ (стр. 82, 83—84, 95—96): Яковъ Васильевичъ, Андрей Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ. На кого изъ нихъ ссылается Гербель, неизвѣстно. Съ какимъ-то Сабуровымъ Пушкинъ былъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, близокъ въ Царскомъ Селѣ (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 220). Объ одномъ Яковѣ Сабуровѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1825 г.: «Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч.» Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина...»; «если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать...» Есть у Пушкина относящійся къ 1824 г. черновой набросокъ.

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ и т. д.

Какой-то Сабуровъ упоминается въ «Онѣгинѣ» (глава 8, стр. XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслуживши
Извѣстность низостью души...

Если гербелевскій Сабуровъ тотъ, о которомъ такъ нелестно отзывался Пушкинъ, то его сообщеніе нужно признать очень сомнительнымъ. Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли написалъ «Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ»? Нѣтъ основаній рѣшительно отвергнуть его авторство, но нельзя положительно признать пьесу принадлежащею ему, тѣмъ болѣе, что ничего специфически-пушкинскаго нѣтъ въ этой слабой вещицѣ.

160-а. КЪ ПОРТРЕТУ П. Х. МОЛОСТВОВА.

Не большой онъ русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ въ вѣкъ
Онъ татаринъ, онъ татаринъ,
Онъ не русскій человѣкъ.

Эти стихи къ портрету П. Х. Молоствова были впервые напечатаны въ «Русс. Архивѣ» 1898 г., т. II, стр. 332, якобы съ «автографа», находящагося на оборотѣ акварельнаго портрета П. Х. Молоствова, хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицея. Пьеска эта, не внесенная Л. Н. Майковымъ въ первое изданіе I т. академическаго Пушкина, появилась во второмъ его изданіи (стр. 246, прим., стр. 370—371); напечаталъ ее и П. О. Морозовъ («Сочиненія» П., изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 207, 497—498). Но уже П. А. Ефремовъ, («Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ»—«Новое Время» 1903 г., № 9851) вполнѣ правильно сообщилъ что «мнимая пушкинская надпись не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ настоящимъ почеркомъ его». Ефремовъ не внесъ ее въ свое изданіе и упоминаетъ о ней лишь въ примѣчаніяхъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 77—78), повторяя снова, что «по-, черкъ не пушкинскій», и вполнѣ основательно находя, что «и текстъ не напоминаетъ Пушкина:— если «татаринъ» (даже дважды), то, конечно, «не русскій человѣкъ»; притомъ же и сопоставленіе или противуставленіе «русскаго барина» и «дурака» что-то слишкомъ неожиданно и не подходитъ къ пушкинскому взгляду на дворянъ». Дѣйствительно, надпись такъ жалка и скудоумна, что остается только удивляться, какъ эта плохая поддѣлка могла сойти за подлинные пушкинскіе стихи. Имя Молоствова встрѣчается въ приписываемой Пушкину «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ».

---

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

(т. I, стр. 447).

Въ писарской книгѣ Московскаго публичнаго музея № 2395, служившей для посмертнаго изданія произведеній Пушкина, есть (л. 773) списокъ этого четверостишія, впервые напечатаннаго В. Е. Якушкинымъ въ его описаніи «Рукописей А. С. Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ» («Русс. Стар.» 1884 г., декабрь, стр. 576). Печатая его, г. Якушкинъ усомнился въ принадлежности его Пушкину, такъ какъ «вся книга составлена очень небрежно, и въ ней дважды помѣщено посланіе на смерть Державина, принадлежащее Дельвигу». Ссылаясь на Якушкина, но не упоминая почему-то о высказанномъ имъ сомнѣніи, четверостишіе перепечатали П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 206, 495) и П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. I, стр. 264, т. VIII, стр. 83). Л. Н. Майковъ (см. 2-ое академ. изд. I т., стр. 242, прим., 362) тоже безъ всякой оговорки печатаетъ четверостишіе какъ подлинную пушкинскую пьесу. Стихи эти относятся къ баронессѣ Софіи Вельо, къ которой, по словамъ графа М. А. Корфа (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 238, 247), «очень благоволилъ императоръ Александръ», бывавшій у Вельо въ Царскомъ Селѣ и на «уединенныхъ свиданіяхъ въ Баболовскомъ дворцѣ». Разсказывая объ этомъ, Корфъ привелъ вторую половину пьески какъ «стихи по этому случаю въ нашей антологіи». Очевидно, Корфъ не помнилъ имени автора стиховъ, которое такъ и осталось неизвѣстнымъ. Приписать Пушкину эту слабую, слащавую вещицу трудно: она была бы плоха даже для Илличевскаго, этого присяжнаго лицейскаго сочинителя стиховъ на случай.

160-6. СЪ ПОЗВОЛЕНІЯ СКАЗАТЬ...

Въ примѣчаніи къ «Couplets» (т. I, стр. 448) сказано о литературныхъ вечерахъ, устраивавшихся въ Царскомъ Селѣ у Теппера де Фергюсона. В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 386–387) напечаталъ со словъ товарищей поэта куплеты «*Съ позволенія сказать*», будто бы написанные Пушкинымъ для этихъ бесѣдъ. Бездарность этихъ виршей сразу бросается въ глаза, и настоящее изданіе въ текстъ ихъ не включило.

СЪ ПОЗВОЛЕНІЯ СКАЗАТЬ.

Съ позволенія сказать,
Я сердитъ на васъ ужасно
Нѣтъ! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать:
Можно ль честному поэту
Ставить къ каждому куплету:
Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
Моськина [1]), по мнѣ, прекрасна
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары, вѣдь, невинны,
Что у мужа роги длинны,
Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ риѳмодѣевъ,
Все ученыхъ грамотѣевъ,
Чтобы всякій вздоръ писать;
Но въ примѣръ и страхъ Европы,
Многимъ можно бъ высѣчь . . . .
Съ позволенія сказать.

П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр: 82) вполнѣ основательно замѣтилъ, что конецъ пьесы едва ли былъ бы удобенъ для чтенія на семейномъ литературномъ вечерѣ. По написаннымъ Пушкинымъ для одной изъ такихъ бесѣдъ французскимъ куплетамъ и отвѣту на нихъ г-жи Смитъ, по именамъ лицъ, посѣщавшихъ ихъ, не трудно разсудить, что стихи такого вкуса и тона не могли быть читаны тамъ.

176. ПРО СЕБЯ.

(т. I, стр. 481).

Съ какого-то неизвѣстнаго нынѣ списка [2]) эта пьеса была впервые напечатана въ «Библіографическихъ Записках» 1858 г., ст. 370, и, начиная съ изданія 1880 г. (т. I, стр. 213), почему то отнесшаго ее къ 1818 г., стала входить во всѣ изданія произведеній Пушкина. Редакторъ академическаго изданія говоритъ (т. II, прим., стр. 55): «разъ такое стихотвореніе приписано Пушкину списками, разъ оно было напечатано около пятидесяти лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ получило общее признаніе, вошло во всѣ авторитетныя изданія сочиненій Пушкина, безъ всякихъ колебаній даже въ хронологіи, мы тоже должны были его взять, не имѣя никакихъ основаній отвергнуть его». Съ этими доводами никакъ нельзя согласиться. Извѣстно, что въ «спискахъ» еще при жизни Пушкина его имя ставилось подъ такими стихами, какихъ онъ никогда не писалъ; засореніе изданій Пушкина разнымъ мусоромъ, въ которомъ поэтъ неповиненъ, началось именно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (см. интересную статью П. А. Ефремова «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ»—«Новое Время» 1903 г., №№ 9845, 9851). Въ частности, помѣщать настоящее четверостишіе прямо въ текстъ, безъ оговорокъ, неосторожно. Близкій Пушкину человѣкъ – князь П. А. Вяземскій, прочитавъ четверостишіе въ берлинскомъ изданіи 1870 г., замѣтилъ на поляхъ книги: «Едва ли Пушкина, во всякомъ случаѣ, стихи довольно пошлые» («Старина и Новизна», VIII, М., 1904, стр. 36). Есть пьесы, въ которыхъ сразу узнаешь Пушкина, которыхъ никто другой не могъ написать, вещи, отмѣченныя печатью генія.—«Про себя» слишкомъ грубая, неуклюжая и прозаическая пьеска, чтобы можно было приписать ее Пушкину. Стоитъ вспомнить, съ какой силою, съ какимъ паѳосомъ говорилъ Пушкинъ о своемъ призваніи, о своемъ будущемъ.

. . . Рѣшился я безъ страха въ трудный путь...
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой—

писалъ онъ Жуковскому («Благослови, поэтъ»...) уже въ 1817 г.

... Пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей
И жаждой воли и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей—

говорилъ онъ въ 1821 г. («Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ»...)

Горды и величавы тѣ строки въ «Онѣгинѣ», гдѣ поэтъ разсказываетъ, какъ его «старикъ Державинъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ», и вспоминаетъ, какъ Жуковскій ему «руку подавалъ и къ славѣ чистой призывалъ»... Вотъ какъ Пушкинъ говорилъ п р о с е б я!

---

177. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЪ...

(т. I, стр. 481).

Съ неизвѣстной нынѣ рукописи это четверостишіе было впервые напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г., стр. 130 и съ 1880 г. стало входить въ легальныя собранія произведеній поэта; оно въ разныхъ изданіяхъ было относимо то къ 1818, то къ 1819 г.

---

178. НАДЕНЬКѢ.

(т. I, стр. 481).

Это четверостишіе, находившееся въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ, начиная съ изданія 1880 г., стало входить во всѣ изданія произведеній Пушкина, причемъ было относимо безъ всякихъ объясненій то къ 1818, то къ 1819 г. П. О. Морозовымъ (изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 541) невѣрно указано, будто бы оно появилось впервые въ «Библіографич. Записках» 1858 г., (стр. 370). По совершенно справедливому мнѣнію академи-

1) Жена одного изъ служившихъ въ царскосельскомъ дворцовомъ правленіи.

2) Съ одного стараго списка она напечатана, между прочимъ, въ «Щукинскомъ Сборникѣ», М., 1905 г., стр. 287.

ческаго изданія (т. II, прим., стр. 54), «не видно точныхъ основаній для отнесенія этого четверостишія къ тому или другому году, да и самая принадлежность стихотворенія Пушкину не представляется вполнѣ установленной». Дѣйствительно, для Пушкина очень плохи эти сладенькіе стишонки. Написать ихъ могъ человѣкъ не даровитѣе Нелединскаго-Мелецкаго или Василія Пушкина.

II.

ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ СТИХИ

1818—1819 гг.

Число приписываемыхъ Пушкину стихотвореній, начиная съ періода 1818—1819 гг., значительно возрастаетъ. Выйдя изъ лицея въ шумную и разгульную свѣтскую жизнь, поэтъ быстро сталъ одной изъ замѣтныхъ фигуръ столичнаго общества и даже «историческимъ лицомъ для сплетницъ Санктъ-Петербурга» [1]); ему стали приписывать «всякое слово вольное» [2]). Тогда-то и начала появляться впервые въ спискахъ «сочиненій, презрѣвшихъ печать», подпись поэта, которую и поклонники, и враги его ставили щедро и неразборчиво подъ произведеніями, далеко недостойными его. Это неряшливое освященіе именемъ геніальнаго поэта чуть ли не всякаго достоянія «запретной» литературы было однимъ изъ самыхъ колючихъ шиповъ въ вѣнкѣ его славы. Благодаря этому засорены плохими и псевдопушкинскими стихами даже лучшія изъ вышедшихъ до сихъ поръ собраній его произведеній. Среди приписываемыхъ Пушкину пьесъ есть вещи различной «вѣроятности». Принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ Пушкину менѣе достовѣрна; другія, быть можетъ, написаны имъ, но за отсутствіемъ точныхъ подтверждающихъ это данныхъ должны быть оставлены подъ сомнѣніемъ.

179. ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я...

(т. I, стр. 481).

Эпиграмма на Кюхельбекера сообщена П. И. Бартеневымъ въ его статьѣ: «Пушкинъ въ Южной Россіи» («Русс. Рѣчь» 1861 г., № 94; «Русс. Арх.» 1866 г., 1161—1162) при слѣдующемъ примѣчаніи: «Кюхельбекеръ хаживалъ къ Жуковскому и отчасти надоѣдалъ ему своими стихами, Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: «я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ, къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома». Это разсмѣшило Пушкина, и онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами: «За ужиномъ»... и т. д. Выраженіе «мнѣ кюхельбекерно» сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуэли. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять товарища, котораго сильно любилъ, но тотъ неистово кричалъ: «стрѣляй, стрѣляй!» Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились». Съ этимъ разсказомъ, извлеченнымъ изъ записки В. И. Даля о пушкинскихъ дуэляхъ, вполнѣ сходится разсказъ Н. И. Греча («Записки о моей жизни», стр. 384). Выраженіе «кюхельбекерно» у Пушкина встрѣчается не разъ (см. его письма отъ 27 іюня 1822 г., 30 января и 13 іюня 1823 г., середины іюня 1824 г., 17 августа 1825 г.). Яковъ—слуга Жуковскаго; въ уста послѣдняго вложена эпиграмма. Дуэль съ Кюхельбекеромъ происходила, по словамъ Бартенева, около 1818 г. Можно, слѣдовательно, отнести эпиграмму приблизительно къ этому году. Она весела, остроумна, и принадлежность ея Пушкину едва-ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію.

203. НА Н. И. ГНѢДИЧА.

(т. I, стр. 555).

Начиная съ изданія 1859 г. (т. I, стр. 213), въ различныя собранія произведеній Пушкина вносится это четверостишіе, впервые напечатанное М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1857 г., № 4, стр. 267. Въ своихъ «Библіографическихъ Запискахъ» Лонгиновъ передалъ слѣдующій разсказъ Я. Н. Толстого о происхожденіи этой эпиграммы. Члены общества Зеленой Лампы въ 1819 г., по отъѣздѣ Н. В. Всеволожскаго въ Москву, собирались у Я. Н. Толстого. «Однажды»,—передаетъ Толстой—«Гнѣдичъ читалъ отрывки изъ своего перевода Иліады. Въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчали мы шероховатость. Пушкинъ морщился и зѣвалъ. Гнѣдичъ, подошедши къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ, А. С., стихи, которые вамъ не нравятся». Пушкинъ отказывался; Гнѣдичъ настаивалъ; тогда Пушкинъ произнесъ слѣдующій экспромтъ...» и т. д.

Трудно признать эту вещь пушкинской. Грубоватая и неуклюжая эпиграмма не вяжется ни съ тѣмъ, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Гнѣдичу, ни съ общеизвѣстнымъ представленіемъ о блескѣ и остроуміи пушкинской эпиграммы. Да и вообще экспромптистомъ Пушкинъ не былъ, стиховъ «на случаи» не говорилъ, и почти всѣ разсказы о его экспромптахъ наивно-анекдотичны и не заслуживаютъ вѣры.

Говорятъ, что во всякой лжи есть доля правды. Можетъ быть, Толстому измѣнила память? Если Пушкинъ и сказалъ Гнѣдичу что-нибудь о его стихахъ, то во всякомъ случаѣ не такъ, какъ передали Толстой и Лонгиновъ. (См. «Былое» 1906 г., іюнь, 305; «Вѣсы» 1906 г., іюнь, 58. «Русс. Арх» 1906 г., II, 603; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, ноябрь, 199).

Л. Н. Майковъ внесъ эту эпиграмму въ свои «Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина». П. А. Ефремовъ также не исключилъ ее изъ своего послѣдняго изданія и внесъ ее въ текстъ, хотя въ примѣчаніяхъ (т. VIII, стр. 125) заявилъ, что она ему кажется сомнительною. Академическое изданіе (т. II, стр. 175, примѣч.) защищаетъ подлинность ея и печатаетъ ее тоже въ текстѣ. В. Е. Якушкину кажется рѣшающимъ то, что разсказъ Лонгинова напечатанъ при жизни

1) Письмо къ Вяземскому въ апрѣлѣ 1820 г.

2) «Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I».

Толстого. Но развѣ мало мистификацій было пущено насчетъ Пушкина въ ходъ при жизни мистификаторовъ?

204—205. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА.

(т. I, стр. 555).

Объ эти эпиграммы, относящіяся по содержанію къ 1818—1819 гг., печатаются съ 1880 г. во всѣхъ собраніяхъ произведеній Пушкина. Первая изъ нихъ была впервые напечатана въ сборникѣ М. П. Погодина «Утро», ч. III, М., 1859; вторая—въ анненковскомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VII, стр. 99—100. Потомъ онѣ были напечатаны М. П. Погодинымъ въ біографіи Карамзина («Н. М. Карамзинъ», ч. II, М., 1866 г., стр. 204). Автографовъ не существуетъ, и нѣтъ указаній, были ли они когда-нибудь. Въ различныхъ спискахъ тексты неодинаковы.

Молва приписывала Пушкину еще при его жизни оскорбительную эпиграмму на Карамзина. 28 апрѣля 1825 г. А. И. Тургеневъ, который любилъ Пушкина, писалъ князю П. А. Вяземскому, что чувствуетъ къ Пушкину «омерзеніе» за то, что онъ «поднялъ руку на отца-Карамзина» («Остафьевскій Архивъ», III, 117). По смерти Карамзина (22 мая 1826 г.) Вяземскій обратился къ Пушкину въ письмѣ изъ Петербурга, 12 іюня 1826 г., съ упрекомъ, что онъ «грѣшилъ иногда эпиграммами противъ Карамзина» («Русс. Архивъ» 1879 г., II, 478), но поэтъ отвѣтилъ ему 10 іюля, что написалъ на Карамзина только одну эпиграмму. «Что ты называешь»—спрашивалъ Пушкинъ—моими эпиграммами противу Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены: ужели ты мнѣ приписываешь?» Въ своей статьѣ о Карамзинѣ поэтъ разсказываетъ, что ему приписали «одну изъ лучшихъ эпиграммъ» на Карамзина. Статью эту, отъ которой дошли до насъ отрывки, начинающіеся словами:» ...[запечат]лѣны печатью вольномыслія», принято считать «остатками автобіографіи» Пушкина и относить къ 1825 или 1826 г., тогда какъ, по уцѣлѣвшимъ наброскамъ и другимъ даннымъ, она, несомнѣнно, представляетъ собою воспоминанія поэта о недавно умершемъ Карамзинѣ и относится къ серединѣ 1826 г. «Читая»,—писалъ далѣе Пушкинъ,—«въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти»! И поэтъ совѣтовалъ другу написать біографію Карамзина. Вяземскій отвѣчалъ ему 31 іюля: «Все русское просвѣщеніе начинается, вертится и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозою: вотъ прекрасный предметъ! Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ твоихъ записокъ». Пушкинъ началъ, но статья у него не вышла. 9 ноября онъ писалъ Вяземскому: «сейчасъ перечелъ мои листы о Карамзинѣ—нечего печатать». Въ слѣдующемъ году Пушкинъ писалъ барону А. А. Дельвигу, которому Ѳ. В. Булгаринъ прислалъ для его «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» статью «Вечеръ у Карамзина»:—«не печатай его въ своихъ Цвѣтахъ. Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять,—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично; не Булгарину прерывать его: это было бъ еще неприличнѣе». Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти своего лучшаго друга, Дельвига, Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу 21 января 1831 г.: «вотъ первая смерть, мною оплаканная; Карамзинъ подъ конецъ мнѣ былъ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій». Въ замѣткахъ, набросанныхъ на поляхъ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина (1870 г., 2-ое изд. Русскаго—Н. В. Гербеля), кн. П. А. Вяземскій, хранившій, конечно, въ памяти отвѣтъ Пушкина, рѣшительно отмѣтилъ противъ эпиграммы: «Въ его исторіи»...: «я убѣжденъ, что стихи не Пушкина» («Старина и Новизна», кн. VIII, М., 1904 г., стр. 37).

Что эпиграммъ на Карамзина ходило въ свое время въ свѣтѣ нѣсколько, видно изъ приведенныхъ словъ Пушкина: «другія [эпиграммы], сколько знаю, глупы и бѣшены». П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 123) сообщаетъ еще одну, приписывавшуюся Пушкину эпиграмму, въ которой знаменитый историкъ названъ «хамомъ». Изъ всѣхъ извѣстныхъ отзывовъ Пушкина о Карамзинѣ должно вывести заключеніе, что Пушкинъ не могъ назвать «хамомъ», проповѣдникомъ самовластья и цѣнителемъ прелестей кнута человѣка, душу котораго считалъ «прекрасной», въ трудѣ котораго видѣлъ, по словамъ его упомянутой статьи, повтореннымъ въ запискѣ «О народномъ воспитаніи», не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка». Если даже отбросить панегирическій тонъ этихъ словъ, если принять во вниманіе, что Пушкинъ былъ такъ холоденъ къ Карамзину, что не могъ докончить начатой статьи о немъ, все-же приходится думать, что первая эпиграмма, съ точки зрѣнія Пушкина «бѣшеная», принадлежитъ не ему.

Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли авторъ второй эпиграммы, добродушной, веселой, «острой и ничуть не обидной»? Можетъ быть, и эта эпиграмма не Пушкина,—а подлинная, которую самъ поэтъ признавалъ своею, не дошла до насъ. Точныхъ данныхъ, позволяющихъ считать вторую эпиграмму пушкинской, не имѣется [1]). Ее приписывали Грибоѣдову, но Вяземскій склоненъ былъ считать ея авторомъ Пушкина, который «при всемъ своемъ уваженіи и нѣжной преданности къ Карамзину могъ легко написать эту шалость; она, вѣроятно, заставила бы усмѣхнуться самого Карамзина» (Соч. Вяземскаго, VII, 341) «Илья Богатырь», о которомъ въ ней говорится,—сказка Карамзина «Илья Муромецъ», написанная въ 1794 г. и оставшаяся безъ окончанія.

---

206. ТЫ И Я.

(т. I, стр. 555).

Пьеса эта, цѣликомъ печатаемая только въ заграничныхъ изданіяхъ, была впервые напечатана, изъ неизвѣстнаго нынѣ источника, въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., стр. 369, не вся,

1) См. «Былое» 1906, іюнь, 155—156.

конечно, а лишь до стиха: «И тебѣ нерѣдко лѣнь». Цѣликомъ напечаталъ ее Н. В. Гербель въ берлинскомъ томикѣ 1861 г. П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. I, стр. 329) напечаталъ ее съ подзаголовкомъ: «На Ал. П.». П. О. Морозовъ (изд. литерат. фонда, т. VII, стр. LXI), сначала отнесъ эпиграмму къ 1818 или 1819 г. Въ новомъ изданіи («Просвѣщенія», т. I, стр. 262) Морозовъ отнесъ ее опредѣленно къ 1819 г. Принадлежность ея Пушкину ничѣмъ не доказана, хотя нельзя утверждать категорически, что ее написалъ не Пушкинъ: и по стиху, и по содержанію она въ духѣ пушкинскихъ шутокъ.

207. НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ.

(т. I. стр. 559).

Эта шутка, появившаяся сначала въ заграничныхъ «запретныхъ» изданіяхъ Пушкина, была напечатана П. А. Ефремовымъ въ его послѣднемъ изданіи (А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 117) въ исправленномъ видѣ. Ефремову ее сообщила племянница Нимфодоры Семеновой, сестры знаменитой Екатерины Семеновой.

208. СОЖАЛѢНЬЕ НЕ ПОМОЖЕТЪ...

(На графа Д. И. Хвостова).

(т. I. стр. 559).

Эта эпиграмма была впервые и, по словамъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 359), невѣрно напечатана въ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, выпущенномъ въ 1861 г. Русскимъ (Н. В. Гербелемъ), стр. 110. Въ примѣчаніи (ор. с., 234) сообщено, что «экспромтъ этотъ сказанъ Пушкинымъ на одномъ литературномъ вечерѣ, когда Хвостовъ, послѣ чтенія своихъ стиховъ, вышелъ помочиться». Рукописный сборникъ, изъ котораго она была взята Гербелемъ, былъ у П. А. Ефремова («Сочиненія П., изд. А. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 111—112). Трудно, конечно, поручиться за принадлежность ея Пушкину, но и безусловно отвергнуть его авторство нельзя. Съ этой эпиграммой Гаевскій сближаетъ стихи изъ «Городка»:

Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

209. Гр. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

210. РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ Гр. ОРЛОВОЙ.

(т. I, стр. 561).

Объ эпиграммы, съ неизвѣстнаго намъ оригинала, были впервые напечатаны Н. В. Гербелемъ (Русскимъ) въ его изданіи «Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 123 и 124. Принадлежность ихъ Пушкину ничѣмъ не доказана, но рѣшительно отвергнуть ее тоже нѣтъ основаній. Вторая нѣсколько тяжеловата, и ее можно приписывать Пушкину съ гораздо меньшей вѣроятностью, чѣмъ первую,—игривую, легкую и злую. Онѣ, видимо, относятся къ періоду 1818—1820 гг., когда Пушкинъ яростно преслѣдовалъ своимъ перомъ «украшенныхъ глупцовъ, святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ» и презиралъ «мистика придворнаго кривлянья». Фигуры изступленнаго фанатика-архимандрита и его «духовной дочери», всецѣло предавшей ему свою волю и свое огромное богатство, были въ глазахъ русскаго общества столпами реакціи. Молодой «либералистъ», конечно, могъ остановить свое вниманіе на этихъ личностяхъ и заклеймить ихъ (см. также № 201). Клерикальную партію Пушкинъ ненавидѣлъ; въ «Гавріліадѣ» Анненковъ («П. въ Александр. эпоху», 146), склоненъ былъ даже видѣть «отвѣтъ на корыстное ханжество клерикальной партіи». Къ удаленію Пушкина изъ столицы она приложила особое стараніе, мстя ему за язвительныя эпиграммы.

210—а. ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, МОЯ ДРАГАЯ...

Въ текстъ мы нашли неудобнымъ включать это четверостишіе:

Ты хочешь знать, моя драгая,
Какая разница межъ Буало и мной?
У Буало была лишь запятая,
А у меня двѣ точки съ запятой.

Четверостишіе впервые было напечатано въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина, выпущенномъ въ 1861 г. Русскимъ (Н. В. Гербелемъ), стр. 128. По словамъ П. А. Ефремова, автографъ этой пьески былъ у М. И. Семевскаго («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 75).—См. примѣчаніе къ эпиграммѣ: «Вотъ Виля,—онъ любовью дышетъ...»

III.

НЕСОХРАНИВШІЯСЯ СТИХОТВОРЕНІЯ 1818—1819 гг.

210—б. IMPROMTU ПРИ ПРОВОДАХЪ БАТЮШКОВА.

19 ноября 1818 г. К. Н. Батюшковъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Италію. Друзья провожали его до Царскаго Села; въ числѣ ихъ были А. И. Тургеневъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и Пушкинъ. Они—писалъ Тургеневъ князю П. А. Вяземскому («Остафьевскій архивъ», т. I, стр. 150)—«горевали, пили, смѣялись, спорили, горячились, готовы были плакать, горячились и опять пили. Пушкинъ написалъ impromtu, котораго послать нельзя»... 1 декабря 1818 г. Вяземскій просилъ Тургенева прислать ему «Прощаніе» Пушкина,—по объясненію В. И. Саитова (ibid., 158, 536), то самое impromptu, о которомъ писалъ Тургеневъ. Оно осталось неизвѣстнымъ. По туманному намеку Тургенева, приходится думать, что эта пьеса была либо очень неприличнаго содержанія, либо опасна въ политическомъ отношеніи. Въ слѣдующемъ году Тургеневъ не рѣшился послать Вяземскому пушкинскую оду «Вольность» (ibid., 335, 342).

ЖУКОВСКІЙ.

Этотъ портретъ является наиболье яркимъ выраженіемъ огромнаго впечатлѣнія, которое произвело «Руслань и Людмила». Стоявшій во главѣ литературы Жуковскій присылаетъ Пушкину свой портретъ съ надписью:

«Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго-учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму Руслань и Людмила. 1820, марта 26, Великая пятница».

210—в. ПОСЛАНІЕ КЪ ПАВЛОВСКИМЪ ФРЕЙЛИНАМЪ.

Въ числѣ недошедшихъ до насъ пушкинскихъ пьесъ есть одно посланіе. 26 августа 1819 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому («Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 296), что Пушкинъ, который былъ съ нимъ на дняхъ въ Павловскѣ у Жуковскаго, «дорогой изъ Царскаго Села въ Павловскъ писалъ послание о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ». Была ли окончена эта пьеса, судя по заглавію, вѣроятно, шуточная, вродѣ тѣхъ, которыя писалъ павловскимъ фрейлинамъ самъ Жуковскій, неизвѣстно; никакихъ свѣдѣній о ней больше нѣтъ.

210—г. МОНАХЪ.

О другой неизвѣстной еще пушкинской пьесѣ говоритъ кн. П. А. Вяземскій, который 4 октября 1819 г. въ письмѣ изъ Варшавы просилъ А. И. Тургенева прислать ему стихотвореніе Пушкина «Монахъ» («Остаф. Арх. кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 323). Въ примѣчаніяхъ къ этому письму редакторъ «Остаф. Архива» В. И. Саитовъ замѣтилъ (ibid., 646): «подъ «Монахомъ», быть можетъ, разумѣется «Русалка», напечатанная впервые въ изданіи 1826 г., или же поэма «Монахъ», которую кн. А. М. Горчаковъ сжегъ, какъ произведеніе недостойное имени Пушкина («Русс. Арх.», 1883 г., III, 206)». По мнѣнію В. Е. Якушкина (акад. изд., т. II, прим., стр. 80), «Монахъ»—другое названіе «Русалки» (см. выше): «можетъ быть первоначально поэтъ даже такъ и назвалъ свою пьесу, а потомъ измѣнилъ заглавіе ради цензуры» (см. ibid, стр. 98). Что «Монахъ» и «Русалка» не одно и то же, видно изъ разсказа кн. Горчакова, который передалъ кн. А. И. Урусову («Русс. Арх.», l. c.), что это произведеніе «могло бы оставить пятно на памяти» Пушкина. Правда, что цензура косилась на «Русалку», но едва ли даже чинный Горчаковъ могъ такъ отзываться о ней. Я. К. Гроту («Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899, стр. 268) Горчаковъ разсказалъ, что «когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать дурную поэму, разорвавъ три пѣсни ея». По словамъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155), Пушкинъ въ лицеѣ, въ 1815—1816 гг., «сочинилъ въ подражаніе Баркову поэму «Монахъ», которую уничтожилъ по совѣту одного изъ своихъ товарищей». Ужъ не ошибся ли Гаевскій, отнеся «Монаха» къ лицейскому періоду? Во всякомъ случаѣ, вполнѣ ясно, что «Монахъ» вовсе не «Русалка»: это была поэма въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, написанная въ стилѣ Баркова. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, «Монахъ» сохранился до нашихъ дней, и владѣющее рукописью лицо держитъ ее подъ спудомъ.

Н. Лернеръ.

211. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Отрывокъ изъ первой пѣсни поэмы появился въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г., 1 листъ, стр. 44—52; это было первое появленіе «Руслана и Людмилы» въ печати. О другихъ изданіяхъ см. I т. настоящаго изданія, стр. 572. Черновая рукопись дошла до насъ въ неполномъ видѣ. Она находится во второй половинѣ тетради Румянцовскаго музея № 2364, гдѣ черновики поэмы перемѣшаны съ черновыми стиховъ 1817 - 1819 гг. Она чрезвычайно обстоятельно изслѣдована В. Е. Якушкинымъ (во II т. академич. изданія), попытавшимся дать возможно точную транскрипцію всѣхъ особенностей и разночтеній отъ печатнаго текста. (Ср. въ исторіи текста). Въ той же тетради находимъ первоначальный набросокъ эпилога, болѣе полный черновикъ котораго находимъ въ записной тетради Пушкина, хранящейся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. П. В. Анненковъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 135) говорилъ о другихъ черновикахъ «Руслана и Людмилы»,—«въ отдѣльныхъ листахъ, составляющихъ дополненіе» къ 2364-ой тетради; эти отдѣльные листы нынѣ неизвѣстны. Вступленіе «У лукоморья дубъ зеленый...» появилось въ изданіи 1828 г.; черновикъ его находится въ тетради Румянцовскаго музея № 2368.

«Посвященіе» поэмы красавицамъ напоминаетъ державинское «Приношеніе красавицамъ» анакреонтическихъ пьесъ пѣвца Фелицы: «Вамъ, красавицы младыя, и супругѣ въ даръ моей пѣсни Леля золотыя приношу я въ книжкѣ сей... Бью стихами вамъ челомъ...» См. примѣчаніе къ пьесѣ «Разлука (Унынье)», 1816 г. Ученаго кота Пушкинъ могъ взять не только изъ сказокъ няни, но и изъ пьесы Державина «Царь-Дѣвица» Въ саду ея порхали:

по вѣткамъ птички райски,
Скакивалъ заморскій котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужжукалъ водометъ...

Царица гуляла «въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ». Въ саду Черномора (II пѣснь) также «свищетъ соловей китайскій во мракѣ трепетныхъ вѣтвей; летятъ алмазные фонтаны»... И. Ѳ. Анненскій («П. и Царское Село», Спб., 1899 г., 21—22) справедливо замѣтилъ, что, можетъ быть, «на извѣстное изображеніе волшебныхъ садовъ и чертога во второй пѣснѣ «Руслана и Людмилы» не остались безъ вліянія картины царскосельскаго сада и дворца; только, конечно, переработанныя фантазіей на основаніи преданій о золотой роскоши 18-го вѣка».

Описаніе осени въ четвертой пѣснѣ напоминаетъ вторую строфу оды Державина «Осень во время осады Очакова»:

Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ...

Въ поэмѣ здѣсь и тамъ разсѣяно множество мелкихъ литературныхъ отраженій—изъ Богдановича, Хераскова, Жуковскаго.

Н. Л.

Черновые наброски 1818—1819 г.г.

Главный источникъ установленія текста перваго періода творчества Пушкина—находящаяся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ черновая тетрадь № 2364, изъ которой почерпнуты нижеслѣдующіе черновые наброски, представляетъ изслѣдователю огромныя трудности въ разборкѣ и датировкѣ пьесъ. Поэтъ пользовался ею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и заполнялъ ее не постепенно, страницу за страницей, а какъ попало, то забѣгая впередъ, то возвращаясь за нѣсколько листовъ назадъ. Редакторъ академическаго изданія печаталъ нѣкоторые наброски между достовѣрно датируемыми стихотвореніями, среди которыхъ они находятся, но безусловно слѣдовать этому пріему нельзя, потому что наличіе наброска между двумя пьесами вовсе не доказываетъ, что онъ былъ написанъ позднѣе первой и ранѣе второй; такихъ примѣровъ много даютъ составленное В. Е. Якушкинымъ описаніе хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ рукописей поэта и примѣчанія ко второму тому академическаго изданія. Лишь кое-гдѣ удается (да и тутъ нельзя считать эти выводы незыблемо вѣрными) установить даты набросковъ и обозначить ихъ годами.

Авторъ лучшаго и прекраснаго, до сихъ поръ единственнаго общаго обзора произведеній Пушкина—Бѣлинскій не зналъ пушкинскихъ набросковъ, въ его времена еще не вышедшихъ изъ-подъ спуда.

Первый оцѣнилъ ихъ Анненковъ, въ своихъ «Матеріалахъ» для біографіи Пушкина посвятившій цѣлую главу (XXIX-ую) «общему обозрѣнію всѣхъ оставшихся стихотворныхъ отрывковъ Пушкина», обозрѣнію слишкомъ бѣглому и краткому, но блестящему. «Вѣроятно»,—говоритъ онъ, — «Пушкинъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зиждущей способности, даже въ минуты ея наружнаго покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ; но слѣдуетъ прибавить, что онъ внимательно прислушивался къ нимъ, что онъ наслаждался ими почти безъ перерыва. Это было важное дѣло его жизни, несмотря на всѣ усилія его скрыть тайну свою отъ свѣта и увѣрить другихъ въ равнодушіи къ поэтической своей способности. Отдѣльные листки и страницы его тетрадей поражаютъ этими стихотворными нотами разныхъ метровъ и разныхъ ключей, возникшими мгновенно и сбереженными самимъ художникомъ въ минуту ихъ рожденія».

Съ благоговѣйнымъ умиленіемъ обозрѣлъ критикъ эту «кабинетную дѣятельность поэта, обширную мастерскую художника, гдѣ навалены груды разнородныхъ матеріаловъ съ неясными помѣтками его, и гдѣ со всѣхъ сторонъ бросаются въ глаза рисунки, модели, частности и обломки произведеній, вполнѣ возбуждающіе вниманіе, но иногда не вполнѣ удовлетворяющіе его». И Анненковъ первый обратилъ вниманіе на «необходимость познакомить читателя со всѣми этими матеріалами, заготовленными Пушкинымъ, изъ которыхъ многіе остались безъ употребленія. Всякій поймете, какъ важно и какъ любопытно собрать и сохранить первые проблески поэтическихъ мыслей его, образы и стихотворныя фразы, набѣгавшія мимолетомъ, такъ сказать, на способность воображенія и фантазію его. Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зараждавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возставшіе въ душѣ его».

Поэтъ самъ разсказалъ объ этой сторонѣ своего творческаго процесса въ стихахъ «Къ моей чернильницѣ»:

... подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Незванное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровый,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль...

Пушкинскіе фрагменты способны доставить высокое наслажденіе: — это настоящіе осколки драгоцѣнныхъ камней, подчасъ хранящіе весь блескъ и красоту крупныхъ сокровищъ. Пробѣгаешь ихъ, и не разъ приковываетъ вниманіе иной

нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ... [1]

Завороженный пушкинской гармоніей слухъ жадно ловитъ эти

летучія слова,
Отрывки безъименныхъ чувствъ и мнѣній... [2]

212. ПОЗВОЛЬ ДУШѢ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕДЪ ТОБОЮ.

(т. II, стр. 1).

Этотъ черновой набросокъ находится въ хранящейся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ тетради Пушкина № 2364 (л. 44, оборотъ). Въ подлинникѣ онъ читается не безъ труда, такъ какъ въ немъ немало поправокъ и помарокъ. Впервые напечаталъ его В. Е. Якушкинъ въ «Русс.

[1] «Онѣгинъ», 4, XXVII.
[2] Лермонтовъ, «Сказка для дѣтей».

Старинѣ» 1884 г., мартъ, 649; затѣмъ онъ появился въ изданіи литерат. фонда, т. I, стр. 196—197, майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій Пушкина», стр. 14, и изданіяхъ «Просвѣщенія», ред. Морозова, т. I, 237, и Суворина, ред. Ефремова, т. I, 311. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ даны различные тексты. Въ настоящемъ изд. набросокъ воспроизведенъ по подлиннику. (Ср. въ исторіи текста).

М. Г. Халанскій («О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина»—«Харьковс. универс. сборникъ въ память Пушкина», Харьковъ, 1900 г., стр. 354, 384) высказалъ предположеніе, вполнѣ, слѣдуетъ признать, вѣроятное, что эти стихи, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, обращены къ подругѣ его дѣтскихъ лѣтъ—сестрѣ поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Къ 1818 г. набросокъ можно отнести по его положенію среди черновыхъ записей Пушкина.

Девятый стихъ наброска читаемъ также въ другомъ наброскѣ, № 222, который начинается этимъ стихомъ. Противъ конца стихотворенія, съ лѣвой стороны, стихотворная строчка:

Она мила, твоя подруга...

затѣмъ зачеркнуто:

Ей въ прежнемъ.

Можетъ быть, это относится къ «Руслану и Людмилѣ».

213. КАКЪ СЛАДОСТНО, НО, БОГИ, КАКЪ ОПАСНО...

(т. II, стр. 1).

Этотъ черновой набросокъ, находящійся въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2364 (л. 48), былъ напечатанъ впервые въ «Русск. Стар.» 1884 г., мартъ, стр. 650, а затѣмъ въ изданіи литературнаго фонда, «Матеріалахъ» Майкова и послѣднихъ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Здѣсь печатается съ подлинника, въ которомъ довольно много помарокъ и поправокъ. (См. исторію текста). «Удобную» для чтенія редакцію прежнія изданія выдѣляли изъ чернового текста, одно оставляя, другое отбрасывая, какъ казалось ««лучше» тому или другому редактору. Въ такомъ «хозяйничаньи» въ пушкинскомъ текстѣ критика справедливо обвиняла П. А. Плянкина (см. статью П. Е. Щеголева «Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина»—«Историч. Вѣстн.» 1904 г., январь, стр. 263—274) и В. Е. Якушкина (см. рецензію В. Я. Брюсова на II томъ академическаго изданія—«Золотое Руно» 1906, декабрь).

Къ 1818 г. набросокъ: «Какъ сладостно»... можно отнести по его положенію среди набросковъ второй пѣсни «Руслана и Людмилы».

---

214. И Я СЛЫХАЛЪ, ЧТО БѢЛЫИ СВѢТЪ...

(т. II, стр. 1).

Этотъ трудно поддающійся чтенію набросокъ находящійся въ той же 2364-ой музейной тетради (л. 49, оборотъ), исчерканный и испещренной небрежными поправками, былъ впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 651, а потомъ вошелъ и въ другія изданія. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его въ болѣе исправномъ видѣ и съ нѣкоторыми дополненіями во II томѣ академическаго изданія. Здѣсь дается набросокъ съ нѣкоторыми разночтеніями, о которыхъ см. въ исторіи текста.

Къ 1818 г. набросокъ можно отнести по его положенію среди черновиковъ «Руслана и Людмилы».

Какъ сообщилъ пишущему настоящія строки извѣстный владѣлецъ пушкинскаго музея въ Парижѣ А. Ѳ. Онѣгинъ въ письмѣ отъ 13 сентября н. с. 1906 г., у него есть позднѣйшая чистовая этого наброска.

Несвязанные общностью мысли съ всей пьесою и словно вкрапленные въ набросокъ зачеркнутые стихи:

Все ненавистно становится...
Сіятельный Аристофанъ...
Сіятельный больной всегда мнѣ...

относятся, по всей вѣроятности (мнѣніе П. О. Морозова—изд. «Просвѣщенія», т. I. стр. 542), къ князю А. А. Шаховскому.

---

215. Къ*** (ЩАСТЛИВЪ, КТО БЛИЗЪ ТЕБЯ...)

(т. II, стр. 2).

Этотъ отрывокъ, впервые напечатанный П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2364 (л. 41, оборотъ); съ этого подлинника онъ и печатается въ настоящемъ изданіи. Пушкинъ, вѣроятно, хотѣлъ его продолжить: слѣдующая въ рукописи за четверостишіемъ буква «К», повидимому, должна была начать собою первый стихъ. Хронологія наброска весьма спорна. П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г. и 1903 г.), изданіе литературнаго фонда и майковскіе «Матеріалы» отнесли его къ 1820 г. Въ изданіи «Просвѣщенія (т. I, стр. 541) П. О. Морозовъ отнесъ его къ концу 1817 или началу 1818 г. Какъ попытался показать В. Е. Якушкинъ (академич. изд., т II, прим., стр. 64—65), четверостишіе это, за которымъ слѣдуютъ въ рукописи на листахъ 42-мъ и 43-мъ стихи: «Я вижу вновь сіи дубравы», 1818 г. или 1819 г., «На лирѣ дикой, благородной», 1819 г., и отрывокъ изъ пьесы «Мечтателю», 1818 г.,—«непосредственно примыкаетъ къ двумъ стихотвореніямъ 1819 г.; и, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ, мы можемъ по указаніямъ тетради предположить вѣрнѣе, что четверостишіе это относится также къ 1819 г.» Между тѣмъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ самого комментатора, изъ названныхъ здѣсь трехъ стихотвореній къ 1819 г. относится несомнѣнно только первое—«Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны». Не правильнѣе ли будетъ отнести стихотвореніе вообще къ 1818—1819 годамъ?

Анненковъ отнесъ его къ числу тѣхъ «чисто-лирическихъ звуковъ, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта».

На одномъ листѣ съ этимъ наброскомъ Пушкинъ записалъ французскіе стихи:

Je t' aime tant,
Je t' aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le repète cependant
A chaque instant que je respire.

Въ «Историч. Вѣстн.» 1905 г., іюнь, 1069, пишущій эти строки выразилъ догадку, что, «можетъ быть, Пушкинъ записалъ, балуясь перомъ, эти стихи, слышанные имъ въ комической оперѣ или заимствованные изъ какого-нибудь водевиля изъ моднаго романса». По сообщенію Н. В. Трескиной, племянницы воспѣтыхъ Пушкинымъ сестеръ Ушаковыхъ, эти стихи—начало очень популярнаго въ старину романса Garat.

---

216. ЭЛЕГІЯ.

(Воспоминаньемъ упоенный...)

(т. II, стр. 2).

Въ первомъ изданіи анненковскихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» появился этотъ отрывокъ, находящійся въ принадлежащей московскому Румянцовскому музею черновой тетради Пушкина № 2367 (л. 9). Въ первоначальной редакціи эта пьеса сохранилась въ двухъ черновыхъ наброскахъ въ музейной тетради № 2364 (на листахъ 64 и 77 оборотъ). Въ первой тетради она находится среди пьесъ 1821 г., что дало Анненкову поводъ отнести ее въ своихъ «Матеріалахъ» (первое изданіе, стр. 90—91) къ 1821 г., причемъ онъ замѣтилъ, что эти стихи внушены поѣздкой по Бессарабіи, когда «Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи», и свидѣтельствуютъ объ этомъ «несомнѣнно». Между тѣмъ набросокъ въ тетради № 2364 (л. 77), озаглавленный: «Къ Кагульскому памятнику» и датированный: «1819. 30 mars», ясно указываетъ, что стихотвореніе было навѣяно Пушкину стоящимъ въ Царскомъ Селѣ памятникомъ кагульской побѣды графа Румянцова. Что касается до наброска на 64 листѣ той же тетради, то онъ, представляя собою, повидимому, первоначальную работу, носитъ больше всего поправокъ и измѣненій. Редакціи 1819 и 1821 г.г. настолько близки другъ къ другу, что пьесу, которую Пушкинъ въ 1821 г. или около этого времени записалъ снова съ незначительными измѣненіями, слѣдуетъ признать произведеніемъ 1819 г. (Ср. въ исторіи текста). Въ другой своей книгѣ—«Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (Спб., 1874 стр. 43) Анненковъ перенесъ эти стихи въ 1819 г.; но ошибочно прочиталъ дату: «30 мая» вмѣсто «марта» и, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, увидѣлъ въ нихъ «намекъ на одну изъ любовныхъ шашней, которыми былъ такъ богатъ первоначальный лицей». П. О. Морозовъ (П. изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 569) признаетъ это объясненіе «вѣроятнымъ». Въ пьесѣ нельзя найти ни малѣйшаго намека ни на любовь, ни на лицей; данное пьесѣ въ послѣдней редакціи названіе «Элегія» ничего не говоритъ о любовномъ содержаніи: элегическое настроеніе могло быть навѣяно Пушкину вовсе не любовью, а чувствомъ грусти при видѣ близкихъ его сердцу царскосельскихъ картинъ, пруда, памятниковъ, садовъ, среди которыхъ прошли его безмятежные отроческіе дни. Величавый въ своей простотѣ памятникъ румянцовской побѣды не разъ привлекалъ вниманіе Пушкина. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» Пушкинъ говоритъ:

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой.

Среди набросковъ 1821 г. есть одинъ—о кагульскомъ боѣ (см. ниже, № 326).

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для Русскаго, для друга славы...

Посѣтивъ Царское Село въ 1829 г., снова полюбовавшись «славой мраморной и мѣдными хвалами Екатерининыхъ орловъ», поэтъ писалъ:

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;

Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!..

217. НАПРАСНО, МИЛЫЙ ДРУГЪ, Я МЫСЛИЛЪ УТАИТЬ...

(т. II, стр. 2).

Сохранившійся на 56 листѣ музейной тетради № 2364 черновой набросокъ этотъ былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 654. Въ изданіяхъ П. О. Морозова (литерат. фонда, I, 213, и «Просвѣщенія» I, 262) и П. А. Ефремова (т. I, 1903 г., стр. 354) онъ напечатанъ, какъ и всѣ остальные наброски, безъ слѣдовъ работы Пушкина надъ этой неоконченной пьесой. Ср. исторію текста.

По положенію своему среди пушкинскихъ черновиковъ стихи эти, стоящіе передъ началомъ шестой пѣсни «Руслана и Людмилы» и «Недоконченной картиной», относятся, вѣроятно, къ 1819 году.

---

218. ДУБРОВЫ, ГДѢ ВЪ ТИШИ СВОБОДЫ...

(т. II, стр. 2).

Стихотвореніе это, находящееся въ двухъ черновыхъ редакціяхъ въ музейной тетради № 2364 (л. л. 42 и 43 оборотъ), было напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 648—649. Передъ первымъ наброскомъ, на л. 42-мъ, Пушкинъ написалъ: «O, Zaubere der ersten Liebe!... Wieland»; Якушкинъ считаетъ эти слова эпиграфомъ къ пьесѣ.

Въ рукописи стихотвореніе заключаетъ въ себѣ 8 строкъ, очень исчерканныхъ. Изъ нихъ приведены первыя четыре, поддающіяся опредѣленному чтенію. (Ср. исторію текста).

Въ академическомъ изданіи (т. II, прим., стр. 139) стихотвореніе по «даннымъ біографіи Пушкина» отнесено къ іюлю 1819 г., между тѣмъ какъ ранѣе, на стр. 65, сказано, что этотъ набросокъ «можетъ быть относимъ или къ 1818 г., или къ 1819». Дѣйствительно, только такъ и можно его датировать по его положенію между черновыми: «Щастливъ, кто близъ тебя»... (см. примѣчаніе къ этой пьесѣ) и «Отвѣта на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны».

По формѣ набросокъ стоитъ въ связи съ

пьесой 1817 г.: «Простите, вѣрныя дубровы...», что дало П. О. Морозову (изд. «Просвѣщенія, т. I, стр. 519) поводъ ошибочно отнести его къ 1817 г. По мнѣнію В. Е. Якушкина, онъ представляетъ «обращеніе къ Михайловскому (дубравы, знакомыя поля, знакомая синѣетъ даль): поэтъ вспоминаетъ, какъ онъ проводилъ уже тутъ время въ тишинѣ и на свободѣ». Съ такимъ объясненіемъ трудно согласиться; мудрено видѣть Михайловское въ этихъ общихъ и неясныхъ признакахъ. Можетъ быть, поэтъ думалъ о Бакунинской, и воспоминанія отроческой любви въ немъ пробудилъ видъ Царскаго Села?

219. СКАЖИ, КАКІЯ ЗАКЛИНАНЬЯ...

(т. II, стр. 2).

На 70-мъ листѣ музейной тетради № 2364 сохранился исчерканный, съ неразборчивыми поправками, этотъ черновой набросокъ. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 659. Впрочемъ, еще П. В. Анненковъ въ первомъ изданіи своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 347—348, привелъ изъ него, не совсѣмъ точно, два стиха, какъ примѣръ «стихотворныхъ фразъ, записанныхъ Пушкинымъ на лету, для памяти. Они не относятся къ какому-либо впечатлѣнію извнѣ или къ душевной его повѣсти, а представляютъ только подробности, орнаменты, части созданій, замышленныхъ въ тиши кабинета. Работающая фантазія поэта тотчасъ помѣчала оборотъ или идею, мелькнувшіе въ головѣ, для употребленія ихъ въ дѣло, когда наступитъ часъ творчества». Въ изданіяхъ П. О. Морозова, майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія» и самомъ академическомъ изданіи текстъ мѣстами различенъ. Точнѣе всего переданъ онъ въ академическомъ изданіи (т. II, стр. 66). Въ наст. изданіи напечатанъ съ небольшою поправкою (ср. исторію текста).

Судя по положенію стиховъ среди пушкинскихъ черновиковъ, гдѣ они помѣщаются между окончаніемъ «Руслана и Людмилы» и наброскомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, мои друзья»..., они относятся къ 1819, если не къ 1820 году. По переданному П. А. Ефремовымъ («Сочиненія» II., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 136) мнѣнію П. В. Анненкова, этотъ набросокъ—«попытка перевода изъ «Фауста», хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣйшая [1820 г.]». «Въ такомъ случаѣ»,—замѣчаетъ Ефремовъ,—«не признать ли это скорѣе не переводомъ, а наброскомъ для сцены изъ «Фауста»? Указаніе Анненкова разъясняетъ не совсѣмъ понятное содержаніе отрывка». В. Е. Якушкинъ думаетъ, что это «первый опытъ той демонической сатиры, которую потомъ Пушкинъ писалъ и не докончилъ въ Кишиневѣ» (см. ниже № 314—318). Всѣ эти предположенія довольно проблематичны, такъ какъ содержаніе наброска слишкомъ неясно и туманно.

220. ВСЕ ПРИЗРАКЪ, СУЕТА...

(т. II, стр. 3).

Этотъ черновой набросокъ, сохранившійся на 77 листѣ черновой тетради Пушкина, нынѣ принадлежащей Румянцевскому музею и носящей № 2364, былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ 661, В. Е. Якушкинымъ, съ нѣкоторыми ошибками и произвольными «извлеченіями» (ср. исторію текста).

Первое четверостишіе написано отдѣльно отъ остальныхъ стиховъ, приписанныхъ сбоку. За этимъ наброскомъ слѣдуютъ стихи «Къ Кагульскому памятнику», носящіе помѣту: «1819. 30 mars».

221. ДАВНО ЛИ ТАЙНЫМИ СУДЬБАМИ...

(т. II, стр. 3).

Черновой набросокъ этотъ напечатанъ впервые въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, стр. 67. Онъ находится на 71 листѣ музейной тетради № 2364. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его съ нѣкоторыми произвольными коньектурами (ср. исторію текста).

По положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, стихи эти, написанные на одной страницѣ съ черновымъ письмомъ къ Кривцову, относящемуся къ лѣту 1819 г., могутъ быть датированы этимъ годомъ. См. ниже набросокъ «Нѣтъ, нѣтъ, (мои друзья)...

222. Я МАЛО ЖИЛЪ...

(т. II, стр. 3).

Этотъ набросокъ находится въ 2364-ой тетради Румянцовскаго музея (л. 78 об.) и впервые напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, 662. В. Я. Брюсовъ («Лицейскіе стихи Пушкина», М., 1907, стр. 78—79) устанавливаетъ, что эти стихи не составляютъ начало самостоятельной пьесы и относятся къ первоначальному варіанту посланія 1817 г. къ Н. И. Кривцову («Не пугай насъ, милый другъ...) Ср. въ исторіи текста. Въ тетради этому наброску предшествуютъ стихи 1819 г.—«Къ Кагульскому памятнику» и «Платонизмъ». Первый стихъ встрѣчаемъ также въ наброскѣ (№ 212) «Позволь душѣ моей открыться предъ тобою»...

223. НЕДАВНО ТИХИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ...

(т. II, стр. 3).

Это четверостишіе, находящееся въ 2364-ой музейной тетради (л. 66 об.), впервые было напечатано въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, 658. и затѣмъ перешло въ изданіе «Просвѣщенія», I, 264 Разбирая послѣднее, В. Е. Якушкинъ («Еще новое изданіе сочиненій Пушкина»—«Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 120) замѣтилъ объ этихъ стихахъ: «въ рукописи можно прочесть—въ черновомъ, неотдѣланномъ видѣ—гораздо больше, и тутъ, несомнѣнно, видно, что приведенные четыре стиха составляютъ часть трижды начатой и недописанной картины: поэтъ припоминаетъ, какъ онъ поцѣловалъ спящую Наташу, и она позволяла себя цѣловать, притворяясь спящей. Все это относится къ «Руслану и Людмилѣ» и сотвѣтствуетъ стихамъ 236—239 пятой пѣсни».

Стихи эти слѣдующіе:

Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой лубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый... [1])

---

224. ЗА СТАРЫЕ ГРѢХИ...

(т. II, стр. 3).

На 64 листѣ музейной тетради № 2364, передъ черновымъ наброскомъ стиховъ о кагульскомъ памятникѣ («Воспоминаньемъ упоенный»...) находимъ исчерканные стихи, начинающіеся словами:

За старые грѣхи наказанный судьбой...

Напечатаны они впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 657. П. О. Морозовъ («Сочин.» II., изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 550—551) и В. Е. Якушкинъ (акад. изд., т. II, прим., стр. 83—84) относятъ эти стихи къ болѣзни, перенесенной самимъ Пушкинымъ: первый—въ іюнѣ 1819 г., а второй—весною этого года. Между тѣмъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что поэтъ здѣсь говорилъ о себѣ. И у лирическаго поэта, даже столь субъективнаго какъ Пушкинъ, «я» и пишущій это «я», вовсе не всегда одно и то же. «Я стражду» вовсе не значитъ: «я, Пушкинъ, стражду», тѣмъ болѣе, что въ разбираемыхъ стихахъ говорится о «Меркуріи», а Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ очень здоровъ (хотя мнителенъ) и едва ли хворалъ той болѣзнью, отъ которой лѣчатъ ртутью.

[1]) Сходство, указанное В. Е. Якушкинымъ, конечно, несомнѣнно. Но то, что отрывокъ помѣщенъ наискось, какъ нѣчто постороннее (ср. исторію текста), говоритъ о чемъ-то самостоятельномъ отъ общаго состава поэмы. Притомъ сейчасъ цитированные стихи изъ пятой пѣсни представляютъ собою совершенно вводный эпизодъ, и вполнѣ возможно, что Пушкинъ выдѣлилъ ее для самостоятельной разработки. Вотъ почему и намъ казалось болѣе осторожнымъ выдѣлить четверостишіе изъ простыхъ варіантовъ поэмы. Ред.

Набросокъ относится къ 1819 г. по положенію его среди пушкинскихъ черновиковъ.

---

225. НО Я НЕ ТОТЪ!...

(т. II, стр. 4).

Автографъ отрывка неизвѣстенъ. Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданномъ Н. В. Сушковымъ сборникѣ «Раутъ», кн. III, М., 1854 г., стр. 249, въ качествѣ продолженія посланія къ князю А. М. Горчакову: «Питомецъ модъ, большого свѣта другъ»... Въ изданіе Анненкова (т. VII, стр. 24—27) онъ вошелъ какъ самостоятельный отрывокъ изъ другого, неоконченнаго стихотворенія. Въ «Раутѣ» онъ былъ, по словамъ Г. Н. Геннади («Приложенія къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Исаковымъ», Спб., 1860, стр. 38), «сообщенъ изъ списка»; при этомъ Геннади говоритъ, что Анненковъ не считалъ его принадлежащимъ Пушкину. Этому показанію противорѣчитъ то, что Анненковъ не исключилъ его изъ своего изданія. И Ефремовъ (Сочиненія П., изд. Суворина, т. VIII, стр. 133) и В. Е. Якушкинъ (академич. изд., т. II, примѣч., 146) не рѣшаются считать эти стихи посланіемъ къ Горчакову. За принадлежность ихъ Пушкину ручается авторитетъ Анненкова, довольно строго критиковавшаго матеріалъ въ этомъ отношеніи. Въ изданіи 1880 г. I,, 226, текстъ пьесы нѣсколько измѣненъ. (Ср. исторію текста).

---

226. ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

(т. II, стр. 4).

2 апрѣля 1819 г. А. И. Тургеневъ писалъ изъ Петербурга князю П. А. Вяземскому по поводу своего пожалованія въ камергеры, состоявшагося въ концѣ февраля, что«Пушкинъ началъ посланіе:

Въ себѣ всѣ блага заключая»

и т. д. (Остафьевс. Архивъ I, 210.) Неизвѣстно, была ли пьеса продолжена или такъ и осталась незаконченною.

«Ключи отъ рая»—намекъ на службу Тургенева по вѣдомству духовныхъ дѣлъ, которая часто подавала Пушкину поводъ къ шуткамъ. Пушкинъ въ письмахъ «препоручалъ себя молитвамъ» Тургенева, называлъ его «муфти» и титуловалъ «преосвященствомъ».

Н. Лернеръ.

Черновики 1818—1819 гг., совершенно неотдѣланные.

Въ тетради Румянцовскаго музея № 2364 есть еще нѣсколько черновыхъ набросковъ, настолько малоразборчивыхъ или неотдѣланныхъ, что въ нихъ трудно уловить мысль и стихъ. Не внося ихъ въ текстъ, мы даемъ ихъ здѣсь, въ примѣчаніяхъ, и располагаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, насколько можно было приблизительно установить его. Относятся они къ періоду 1818—1819 г.г.

226-а. (НАДЕЖДА ПАРНАСА...)

(Надежда Парнаса)
(Самъ Ѳебъ)
(Амуръ тебя обрелъ)
(Тебя готовилъ)

(На славу) (для славы) (къ славѣ) нашей сцены
(Ты) (Ты будешь) надежд(ой)а
(Моина) Слава нашей сцены
(Вездѣ готовятся)
(Когда ты въ .....
Торжества готовятся

Явилась)
(На пышныхъ играхъ Мельпомены)
(Явилась) (въ) (ты)
На пышн. игр. Мел.
[У тихихъ] алтарей любви
(Когда) явилась ты предъ нами въ первый разъ.

Въ 2364-ой музейной тетради (л. 48) находится совершенно неотдѣланный, густо исчерканный черновикъ этого стихотворенія, изъ котораго В. Е. Якушкинъ, выбравъ всѣ показавшіяся ему удобными слова, чрезвычайно произвольно составилъ такое «неотдѣланное еще стихотвореніе»:

Самъ Фебъ тебя готовилъ
На славу нашей сцены
На пышныхъ играхъ Мельпомены
Явилась ты предъ нами въ первый разъ

(«Русс. Стар.» 1884 г. мартъ, 651; академич. изд., т. II, прим. стр. 49). Это нескладное четверостишіе, приписанное Пушкину, который въ немъ неповиненъ, Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 116—117) даже нашелъ возможнымъ отнести «вѣроятно къ Екатеринѣ Семеновнѣ Семеновой»; судя по упоминанію въ этихъ строкахъ о Моннѣ, рѣчь идетъ, можетъ быть, объ А. М. Колосовой; см. ниже, примѣч. къ стихамъ «П. А. Катенину» («Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»...), 1821 г. См. I т. настоящаго изданія, стр. 504.

— —

226-б. ЧУДЕСНЫЙ (АНГЕЛЪ), ГЕНІЙ МОЙ...

Чудесный (Ангелъ), Геній мой
(Пред...) (И ты, которая навѣкъ)
Не ты ль любви (безумно) (жестокою) (пр) (меня)
(меня) меня страд. покор.
(Меня къ унынью приучила)
(Меня къ унынью) безумн. стр.
И хладной...

На листѣ 43 музейной тетради № 2364 сохранился этотъ черновой набросокъ, сильно исчерканный. Онъ впервые напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 140—141. Судя по положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, онъ относится къ концу 1818—началу 1819 г., такъ какъ находится между стихотвореніемъ «Дубровы, гдѣ въ тиши свободы»... и наброскомъ «Позволь душѣ моей открыться предъ тобою...» Въ академическомъ изданіи эти стихи слишкомъ категорически включены въ число набросковъ 1819 г. По содержанію они принадлежатъ къ тѣмъ, въ которыхъ, какъ замѣтилъ Анненковъ, бываетъ совершенно невозможно уловить мысль и стихъ: «замѣтки эти авторъ писалъ только для самого себя и одинъ зналъ настоящій смыслъ и форму ихъ».

226-в. (ОНА МНѢ)...

(Она мнѣ)
(Не знаешь) (Она она я видѣлъ)
(Она) (она) (она) при мнѣ
(Цвѣла) (вчер) красою нѣжной разцвѣтала
Въ уединенной тишинѣ
(Потомъ) любовь моя
(Я видѣлъ) другъ уединенный
Ея младенчества (свободы)
(З) Знаком... юность (простивъ?)
Въ тѣни (плѣнительныхъ) дубравъ
Я былъ свидѣтелемъ (щастливымъ) умиленный
Ея (младенческихъ) забавъ
Ея (плѣнительной весны)
(Я былъ) (я сердцемъ видѣлъ)
(Я пылкимъ сердцемъ обожалъ)
Она цвѣла передо мною
И волшеби...
Ея чудесной красоты
(Ловилъ я пламенной душою) мечтою
Уже отгадывалъ
Еще неясныя черты—
(Она меня) одушевила (мнѣ внушила)
И мысль объ ней одушевила
(Влюбленной лиры) моей цѣвницы первый звукъ
(И серд. страсть) пріучила
(И тайны сердца)...

Этотъ черновой набросокъ, находящійся въ музейной тетради №2364, (л. 43 оборотъ), непосредственно за наброскомъ: «Чудесный Ангелъ, (Геній) мой»... впервые напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 141—142. Онъ очень исчерканъ и читается съ трудомъ. Здѣсь воспроизводится онъ съ возможной точностью (съ нѣкоторыми отличіями отъ чтенія В. Е. Якушкина. См. Исторію текста). Стихи эти принадлежатъ къ тѣмъ небрежнымъ наброскамъ, которыми Пушкинъ пользовался впослѣдствіи какъ своего рода поэтическимъ запасомъ для новыхъ произведеній; такіе примѣры попадаются у него часто. Цѣлый рядъ стиховъ изъ этого наброска вошелъ впослѣдствіи во вторую главу «Евгенія Онѣгина», строфы XXI—XXII, въ которыхъ поэтъ знакомитъ читателя съ Ольгой Ларина.

Сосѣдство съ наброскомъ: «Дубровы, гдѣ въ тиши свободы» .., и особыя красноватыя чернила, которыми писаны эти стихи и сдѣлана одна поправка въ «Дубровахъ», даютъ возможность отнести ихъ къ 1818—1819 годамъ. В. Е. Якушкинъ съ излишней точностью отнесъ ихъ опредѣленно къ 1819 году.

226-г. ТАКЪ ТОЧНО! ЭТО ОНЪ!...

Такъ точно! Это онъ! (не правда ли) не правдаль,
(Не) Сходнѣе нѣтъ. (Подъ) подъ шляпой съ розами
И грудь открытая и эти кружева
И на одно [плечо?] (и опущенная) накинутая шаль...

На 50-мъ листѣ (об.) 2364-ой тетради Румянцовскаго музея, среди черновиковъ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы», находится этотъ черновой набросокъ, напечатанный впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 651, и приведенный позднѣе въ академическомъ изданіи, т. II, прим., стр. 89. В. Е. Якушкинъ (l. c.) отмѣтилъ, что въ этомъ наброскѣ, «судя по описанію наружности, рѣчь идетъ о женщинѣ, но въ 1-мъ стихѣ написано четко: «Это онъ!» Можетъ быть, «онъ» означаетъ портретъ».

По положенію наброска среди черновиковъ «Руслана и Людмилы» его можно отнести къ концу 1818 или началу 1819 г.

226—д. (ФЕБЪ И ГЕРКУЛЕСЪ...)

На сохранившемся клочкѣ 62 листа музейной тетради № 2364, среди черновыхъ «Руслана и Людмилы», есть сильно исчерканный черновой набросокъ, начинающійся зачеркнутыми словами:

Ѳебъ и Геркулесъ...

Прочтенію въ немъ поддаются только отдѣльныя слова. Здѣсь онъ приводится въ томъ видѣ, въ какомъ его можно прочитать:

(Ѳебъ и Геркулесъ)
Сегодня
Ожидаетъ сводня
(Щастливыхъ) повѣсъ
Вакхъ и
(Юн) (юный) Геркулесъ
Бахусъ [будетъ?] дома
Приглашаетъ онъ
Три бутылки рома
Съ бочкою

Впервые набросокъ былъ напечатанъ во II томѣ академич. изданія сочиненій Пушкина (прим., стр. 85). «Бѣшеные повѣсы», «Вакхъ», «бутылки рома» создаютъ картину, напоминающую обстановку Зеленой Лампы.

226—е. ЛАИСА, Я ЛЮБЛЮ...

Часть этого наброска, находящагося на 63 листѣ (об.) музейной тетради № 2364, была впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 656, затѣмъ повторена имъ въ акад. изд. (II, прим. стр. 85). Приводимъ его такъ, какъ онъ сохранился въ пушкинской черновой тетради, не дѣлая при этомъ, никакихъ «извлеченій», какъ бы они ни казались соблазнительны

Лаиса, я люблю твой смѣлый (вольный)
(взоръ) (разговоръ)
взоръ (разговоръ)
Твои (нѣмые вызовы) жаръ желанья
твои (частыя) непрерывныя лобзанья
И (страсти полный) (пылкій?) жизни разговоръ
. . . . . .
Люблю (горящихъ) устъ твоихъ очей я вызовы
нѣмые
Люблю восторги (пылкіе) бурные, живые

Указавъ всѣ поправки, всѣ зачеркнутыя въ данной пьесѣ слова, г. Якушкинъ «извлекаетъ» изъ черновой шесть строкъ стихотворенія,—по его болѣе чѣмъ спорному мнѣнію,—такъ, «какъ оно складывалось у Пушкина».

Получилось стихотвореніе довольно стройное:

Лаиса, я люблю твой смѣлый взоръ
Жаръ откровеннаго желанья
И непрерывныя лобзанья
И страсти пылкій разговоръ)
. . . . . .
Люблю твоихъ очей я вызовы нѣмые
Восторги бурные, живые.

Но имѣемъ-ли мы право придавать стройность тому, что не стройно?

Черновые наброски Пушкина интересны блестками пушкинскаго вдохновенія, удачными кое-гдѣ стихами, счастливыми эпитетами и, конечно, имѣютъ высокое научное значеніе какъ матеріалъ для пушкинскаго словаря, но, все-таки, это только поэтическая руда. «Извлекать» изъ этой руды то, что тому или другому редактору кажется болѣе стройнымъ, значитъ, часто, творить за Пушкина. Возьмемъ напр. 4 стиха

И страсти пылкій разговоръ—

«извлекаетъ» г. Якушкинъ. А въ подлинникѣ читаемъ (въ скобки заключены зачеркнутыя слова): (И страсти полный) (пылкій) (жизни) (разговоръ).

Почему изъ двухъ эпитетовъ къ слову «разговоръ», «полный» и «пылкій», равно зачеркнутыхъ Пушкинымъ, г. Якушкинъ избралъ второй?

226—ж. КРАСНОРѢЧИВЫЙ ЗАБІЯКА...

Къ кому относится находящійся на 64 листѣ музейной тетради № 2364 зачеркнутый поэтомъ набросокъ, впервые напечатанный въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, стр. 657, и состоящій изъ двухъ стиховъ:

Краснорѣчивый забіяка,
Повѣса, пламенный поэтъ...

неизвѣстно. Вѣроятно, это начало задуманнаго посланія къ кому-нибудь изъ друзей поэта. По положенію среди черновиковъ эти два стиха относятся вѣроятно къ 1819 г.

226—з. ТЫ МНѢ ВЕЛИШЬ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕДЪ ТОБОЙ...

На 65 листѣ черновой тетради Пушкина, принадлежащей нынѣ московскому Румянцовскому музею, № 2364, находится этотъ черновой набросокъ, одинъ стихъ котораго былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 657. Въ академическомъ изданіи, т. II, прим., стр. 164, онъ напечатанъ со всею возможной тщательностью и на этотъ разъ безъ произвольныхъ «извлеченій». Воспроизводимъ его во всей полнотѣ и точности. Наше чтеніе почти совпадаетъ съ чтеніемъ В. Е. Якушкина. (Ср. еще въ исторіи текста):

Ты мнѣ велишь открыться предъ тобой
(Незнаемый) (тебя) (любить безвѣстный я
дерзалъ)
(Но) (я назовуль) (чего и пот) дерзалъ я обѣ
(Я) (Но) (на) чего
Но (можешь) (ты) одно повелѣвая мною
Увы зачемъ (по,
За осмѣлился любить

По положенію среди черновиковъ пятой пѣсни «Руслана и Людмилы», набросокъ относится, вѣроятно, къ 1819 году.

226—и ОСТАВЬ, О ЛЕЗБІЯ...

Оставь о Лезбія, (свѣ) лампаду
Близъ ложа тихова любви

Этотъ маленькій черновой набросокъ нахо-

дится на 67 листѣ (оборотъ) музейной тетради Пушкина № 2364. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 658, а затѣмъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 164—165. Какъ уже отмѣтилъ В. Е. Якушкинъ, это, очевидно, начало антологическаго стихотворенія.

Судя по положенію среди черновиковъ конца пятой пѣсни «Руслана и Людмилы», набросокъ относится къ 1819 году.

226—к. НѢТЪ, НѢТЪ, (МОИ ДРУЗЬЯ)...

Нѣтъ нѣтъ (мои друзья) напрасны ваши пѣни
Дни наши, (милые) милые
Я васъ люблю, все тотъ же я
(Пус (Златые наши дни) милые
Бѣгутъ какъ утреннія тѣни
(Какъ воды быстраго ручья)
Мы наслаждаемся, цвѣтемъ,
Но часто сердцемъ (душою) ищемъ
ищемъ усыпиться
Въ минувшемъ (времени живемъ)
память ищемъ [жадными?]
(Но чувство любить забываться)
Но сердце (тихимъ) сномъ
въ минувшемъ любитъ забываться

На одномъ листѣ съ наброскомъ «Давно ли тайными судьбами»... (№ 221) въ музейной тетради № 2364 (л. 71) сохранился этотъ исчерканный набросокъ, изъ котораго нѣсколько словъ напечаталъ впервые г. Якушкинъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 659. Гораздо полнѣе напечатанъ онъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 163—164, внѣ текста, такъ какъ съ трудомъ поддается разбору. Мы воспроизводимъ его со всей возможной точностью. Къ чтенію г. Якушкина мы прибавляемъ догадку чтенія въ 11-ой строкѣ одного неразобраннаго имъ слова: (жадными).

По вполнѣ справедливому замѣчанію г. Якушкина, «мѣстная» близость приведенныхъ двухъ набросковъ «сама по себѣ еще не означаетъ внутренней связи между ними», хотя, конечно, нельзя согласиться съ нимъ, что «по содержанію надо признать болѣе вѣроятнымъ, что эти наброски самостоятельные, между собой не связанные». Полная чаша жизни, изъ которой «мы пьемъ восторги и любовь», и наши дни, которые «бѣгутъ какъ утреннія тѣни»,—только разные образы, но имѣютъ въ основѣ одну и ту же мысль—о скоропреходящемъ земномъ счастьѣ.

226—л. ТАКЪ Я, БЫВАЛО, ПОВѢРЯЛЪ...

Находящійся на 52-мъ листѣ музейной тетради № 2364 черновой набросокъ этотъ былъ впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 653, въ черезчуръ стройномъ «извлеченіи», а вполнѣ точно воспроизведенъ имъ-же въ академическомъ изданіи, т. II, прим., стр. 264. По мнѣнію В. Е. Якушкина, онъ относится къ эпилогу «Руслана и Людмилы», начало котораго эти стихи дѣйствительно напоминаютъ. По своему положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, они должны быть отнесены къ 1819 г. или началу 1820 г. Записывая эти безпорядочныя строки, Пушкинъ, можетъ быть, и не имѣлъ еще въ виду эпилога, написаннаго имъ лишь въ іюнѣ 1820 г. и сохранившагося въ другой черновой тетради. Можетъ быть, это былъ, говоря словами Анненкова («Матеріалы», изд. 2-ое, стр. 339), «первый проблескъ поэтическихъ идей, развитыхъ впослѣдствіи авторомъ ихъ».

Вотъ этотъ набросокъ, который мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ читаемъ иначе, чѣмъ В. Е. Якушкинъ:

(II) Такъ я бывало (провождалъ?) (повторялъ
(забывалъ) (я жи)
(въ) (Однообра) преданья (праздной) свободы
празд
(преданія) (разсказы) (небылицы) (небылицы)
(Умѣлъ (И мой) твой И свой досугъ однообразный Златые дни
(Веселой игривой лирой оживлялъ—
Я пѣлъ—и вымысловъ живые
И сладострастія,

* * *

Среди напечатанныхъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г. набросковъ Пушкина есть три стиха (ор. с., мартъ, стр. 660):

О, если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья...

Пушкинъ записалъ эти строки на 75 листѣ тетради, принадлежащей нынѣ московскому Румянцовскому музею, № 2364. Перепечатавъ эту «поэтическую замѣтку» въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, прим., стр. 173), г. Якушкинъ воспользовался ею для заключенія, что «черновая тетрадь отражаетъ намъ противоположныя настроенія, владѣвшія поэтомъ». Тутъ произошла ошибка: приведенные три стиха только записаны Пушкинымъ, а написалъ ихъ Жуковскій, въ посланіи 1814 г. къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину; въ нихъ говорится объ Озеровѣ. (См. Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», 2-ое изд., стр. 440; «Русс. Стар.» 1908 г. мартъ 657).

Ред.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1820 ГОДА.

277. ДОРИДѢ.

(т. II, стр. 6).

Напечатано впервые въ Невскомъ Зрителѣ 1820, ч. 1, янв., стр. 96, съ подписью: А. П. Оттуда перепечатано въ Новостяхъ Литературы 1823, кн. V, № 34, стр. 128, и затѣмъ въ изд. 1826 и 1829 гг., причемъ обоими этими изданіями отнесено къ 1820 г., подъ которымъ и печаталось въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Л. Н. Майковъ въ «Матеріалахъ для акад. изд. соч. Пушкина» 1902 и, вслѣдъ за нимъ, Морозовъ и Ефремовъ въ изд. 1903 г. перенесли это стихотвореніе въ 1819 г. на томъ основаніи, что книжка журнала, въ которой оно впервые появилось, уже вышла изъ цензуры 6 января 1820 г., а слѣдовательно,

въ цензуру была представлена не раньше половины декабря 1819 г. В. Е. Якушкинъ, во II-мъ томѣ акад. изд., помѣщаетъ стихотвореніе опять подъ 1820 г., на томъ основаніи, что такъ оно было датировано въ изданіяхъ самого автора [1]).

Еще Анненковымъ (Соч. Пушк., I, 312) было замѣчено, что послѣдній стихъ этой пьесы представляетъ буквальный переводъ стиха Шенье:

Et des noms caressants la mollesse enfantine.

Стихъ этотъ взятъ изъ XXV элегіи Шенье, остальные стихи которой не имѣютъ ничего общаго съ содержаніемъ пушкинскаго стихотворенія.

Рукопись этого стихотворенія была извѣстна Анненкову и Майкову, которые, сообщая, что пьеса «Доридѣ» помѣщена въ ряду стиховъ, озаглавленныхъ «Подражанія древнимъ», не указываютъ, есть ли это автографъ или списокъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ приводимый отсюда варіантъ послѣдняго стиха:

И ласковыхъ рѣчей младенческая нѣжность

надо считать просто опиской, такъ какъ слово «рѣчей» уже имѣется въ предыдущемъ стихѣ.

---

228. ДОРИДА.

Впервые напечатано въ Невскомъ Зрителѣ 1820, ч. I, февр., стр. 92, съ подписью: *А. П.* и подъ заглавіемъ: «Доридѣ». Съ исправленнымъ заглавіемъ явилось въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ помѣщена между стихотвореніями 1820 г. «Есть у меня какая-то Дорида,—писалъ Пушкинъ въ 1825 г. своимъ издателямъ—Плетневу и брату: «если достойна тисненія,—отыщите ее».

Находится въ рукописи Моск. Музея № 2364 (л. 53 об.) среди произведеній 1819 г., къ которому Морозовъ и отнесъ это стихотвореніе; но всѣми прочими изданіями, въ томъ числѣ и настоящимъ [2]), помѣщается подъ 1820 г.

Въ рукописи 1-й стихъ читается:

Мнѣ въ Лидѣ (В. Е. Якушкинъ читаетъ: «въ Лизѣ» [3]) нравятся...

Подобный же стихъ есть и у Батюшкова:

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ.

3-й стихъ можетъ быть, пришелъ на память Пушкину, когда онъ писалъ впослѣдствіи въ «Альбомѣ Онѣгина»:

Вчера, у N оставя пиръ,
R. С. летѣла какъ зефиръ...

---

1) В. Е. Якушкинъ представилъ доказательства, что въ книжку «Нев. зрителя» попадало кое-что и позже цензурной даты. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія отступать отъ датировки автора. *Ред.*

2) Мы не видѣли никакого основанія отступать отъ пушкинской датировки. То, что «Дорида» находится среди набросковъ произведеній 1819 года совершенно не доказательно. Пушкинъ пользовался своими тетрадями всего менѣе листъ за листомъ. *Ред.*

3) Мы тоже присоединяемся къ чтенію «Лидѣ». Кромѣ безспорного, какъ намъ кажется, начертанія именно *д*, а не *з*, за «Лиду» говоритъ и то, что это было одно изъ обычныхъ тогда нарицательныхъ женскихъ именъ. Лиза звучитъ слишкомъ реальпо. *Ред.*

---

229. МНѢ БОИ ЗНАКОМЪ...

(т. II, стр. 6).

Впервые напечатано въ изд. 1859 г. съ ошибкой («языкъ мечей», вм. «я звукъ мечей»), повторенной въ послѣдующихъ изд. до 1887 г. и въ «Матеріалахъ» Л. Майкова. Къ 1820 г. отнесено на основаніи показаній П. А. Ефремова, видѣвшаго подлинную рукопись, нынѣ уже утраченную: стихотвореніе «накидано на четверкѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1819 г., а на оборотѣ чьею-то рукою набросанъ недѣльный репертуаръ на двѣ недѣли», относящійся къ 5—17 апрѣля 1820 г. (Изд. 1882 г., т. I, стр. 507) Выходитъ, такимъ образомъ, что стихотвореніе написано въ началѣ апрѣля 1820 г.

В. Е. Якушкинъ, замѣчая, что по своей темѣ это стихотвореніе, конечно, стоитъ въ связи съ воинственными помыслами Пушкина, только въ половинѣ 1819 г. отказавшагося отъ мысли о мундирѣ, обращаетъ, однако, вниманіе на то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1820 г. никакой войны не было, почему и затрудняется принимать это стихотвореніе въ буквальномъ смыслѣ. Быть можетъ, воинственность, какую высказываетъ здѣсь «свободы вѣрный воинъ», его восторженность передъ смертельною опасностью, находится въ связи съ тою серьезною опасностью, какой именно въ это время подвергся Пушкинъ изъ-за своихъ стиховъ. Это предположеніе редактора академическаго изданія находитъ себѣ какъ бы косвенное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что настоящее стихотвореніе является послѣднимъ произведеніемъ петербургскаго періода жизни поэта: въ началѣ мая Пушкину пришлось уже уѣхать на югъ...

230. (ОЛЕНЬКѢ МАССОНЪ).

Впервые напечаталъ это стихотвореніе П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (VII, 26—27), подъ заглавіемъ «Ольга» и съ отнесеніемъ къ 1820 г., безъ 14-го и 15-го стиховъ (о «рѣзвомъ развратѣ» и «піаническихъ затѣяхъ»), возстановленныхъ въ «Библіографич. запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 347. Въ полномъ видѣ пьеса вошла въ первое изданіе Геннади (1859 г., I, 312—313). Заглавіе «Оленькѣ Массонъ» дано ефремовскимъ изданіемъ 1880 г., I, 312—313. П. А. Ефремовъ разсказываетъ («Русс. Стар». 1879 г., декабрь, 729), что рукопись VII тома анненковскаго изданія была взята для просмотра княземъ П. А. Вяземскимъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Вяземскій поручилъ просмотръ поэту Н. Ѳ. Щербинѣ, числившемуся при немъ чиновникомъ особыхъ порученій. Щербина составилъ о ней докладную записку. «Поистинѣ можно было дивиться его придирчивости, ибо, напримѣръ, онъ признавалъ невозможнымъ печатаніе прекраснаго стихотворенія «Ольга, крестница Киприды»... потому только, что въ этомъ стихѣ «смѣшанъ православный обрядъ съ миѳологическою богинею». Впрочемъ, князь Вяземскій не принялъ ни одного замѣчанія Щербины». Разсказывая о послѣлицейской жизни Пушкина, Анненковъ («П. въ Александровск. эпоху, глава «Большой свѣтъ», 64) сообщаетъ фамилію героини этой пьесы—Масонъ. По указанію Ан-

ненкова, стихотвореніе всегда относилось къ 1820 г., по Морозовъ (изд. «Просвѣщенія», I, 241—242, 548) перенесъ его къ 1819 г., «на основаніи письма А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому отъ 18 іюня 1819 г. («Остафьевск. архивъ» I, 253), гдѣ говорится, что Пушкинъ простудился, дожидаясь у дверей одной....., которая не пускала его въ дождь къ себѣ для того, чтобы не заразить его своею болѣзнью»... [1])

231—232. НА АРАКЧЕЕВА.

(т. II, стр. 7).

Обѣ эпиграммы впервые напечатаны въ изданномъ Н. П. Огаревымъ въ Лондонѣ, въ 1861 г., сборникѣ: «Русская потаенная литература XIX столѣтія», въ русскихъ же изданіяхъ становятся извѣстными съ 1880 г. Автографовъ, конечно, нѣтъ, но подлинность обѣихъ эпиграммъ никѣмъ не оспаривается, хотя первая изъ нихъ—«Всей Россіи притѣснитель»—какъ будто несовсѣмъ подходитъ къ пушкинскому складу стиха и выраженія. Въ поясненіе предпослѣдняго стиха этой эпиграммы слѣдуетъ замѣтить, что девизомъ Аракчеева, вырѣзаннымъ на его именной печати, были слова: «Безъ лести преданъ». Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто начальнаго слова: «Просто», въ иныхъ спискахъ встрѣчается другое, непристойное слово изъ пяти буквъ, характеризующее возлюбленную всемогущаго временщика, извѣстную Настасью Минкину.

Что касается второй эпиграммы, то кн. П. А. Вяземскій на поляхъ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина сдѣлалъ о ней такое замѣчаніе: «Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, написавшаго современно смерти Коцебу политическую записку о нѣмецкихъ университетахъ. Второй стихъ пропущенъ:

Благослови свою судьбу.

---

1) Основаніе это слишкомъ шатко чтобы поколебать анненковскую датировку: стихи могли быть написаны и гораздо позднѣе самаго случая, разсказаннаго Тургеневымъ, если они не вызваны другимъ случаемъ. Лишь недавно отыскался подлинникъ этихъ стиховъ, хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина (см. II т. академич. изданія сочиненій Пушкина, примѣч., стр. 369; «Пушк. и его современн.», вып. IV, стр. 8, № 28). Настоящему изданію онъ былъ недоступенъ. По словамъ цитированныхъ источниковъ, на немъ есть дата: «22 Nov»., и онъ записанъ на большомъ листѣ, гдѣ набросано еще нѣсколько стихотвореній приблизительно двадцатыхъ годовъ. В. Е. Якушкинъ (акад. изд., I. с.) поэтому рѣшилъ, что и разбираемая пьеса написана «позднѣе 1820 года». И для такого вывода нѣтъ достаточныхъ основаній.

Среди набросковъ 1818 г. есть одинъ (тетрадь московскаго Румянцовскаго музея № 2364, л. 47 об.), неотдѣланный и весь зачеркнутый, немного напоминающій конецъ нашей пьесы (акад. изд., II, прим., стр. 50):

(Ты) (мнѣ)
(Ты не внемлешь)
(Въ часъ восторговъ упоенья) (и забвенья)
(Лида, Другъ мой). X.

Послѣдній послѣ прибавленъ, а, можетъ быть, и не Пушкинымъ Когда эти стихи ходили по рукамъ, пятаго стиха не было». («Старина и Новизна», вып. VIII).

Дѣйствительно, мы знаемъ, что современники Пушкина говорили не о «пятистишіи», а о «четверостишіи» къ Аракчееву, въ рукописяхъ же эпиграмма встрѣчается то съ пропускомъ 2-го, то съ пропускомъ 5-го стиха. Мнѣніе кн. Вяземскаго о томъ, что, можетъ быть, этотъ послѣдній стихъ, заключающій въ себѣ «русскій титулъ», прибавленъ для риѳмы къ 4-му и не Пушкинымъ, представляется, пожалуй, вѣроятнымъ; но относить всю эпиграмму на счетъ Стурдзы, вопреки утвержденію всѣхъ ея списковъ, едва ли есть основаніе [1]).

---

233. ВЪ ЖИЗНИ МРАЧНОЙ И ПРЕЗРѢННОЙ.

(На Ѳ. Толстого, т. II, стр. 7).

Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 1352, по записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., находящейся теперь въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

Графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой (род. 6 февр. 1782, ум. 24 окт. 1846), племянникъ извѣстнаго собирателя рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, пріятель В. Л. Пушкина и кн. Вяземскаго, участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи адмирала Крузенштерна (1803—1806) и за непослушаніе былъ высаженъ на берегъ русской колоніи въ Сѣв. Америкѣ. Оттуда онъ отправился на Алеутскіе острова, посѣтилъ дикія племена колошей и вернулся въ Россію сухимъ путемъ, черезъ Сибирь. «Съ этихъ поръ»,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Булгаринъ, «его прозвали американцемъ. У себя дома онъ одѣвался по-алеутски, и стѣны его увѣшаны были оружіемъ дикарей». Въ 1808 г. Толстой, въ чинѣ поручика Нейшлотскаго гарнизоннаго батальона, участвовалъ въ шведской кампаніи, затѣмъ два раза былъ разжалованъ въ солдаты «за дуэли и разныя безчинства» и съ 1809 г. проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Въ войну 1812 г. онъ былъ ратникомъ ополченія и своею отчаянною храбростью снова заслужилъ офицерскій чинъ. По окончаніи войны поселился въ Москвѣ и въ 1821 г. женился на цыганкѣ Авдотьѣ Максимовнѣ Тугаевой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей. Старшая изъ нихъ, Сарра (1821—1838) получила впослѣдствіи нѣкоторую литературную извѣстность. См. о немъ Остафьевскій Архивъ, I, 518—519; Записки Вигеля, II, 143—144 и III, 43—44, 74—75; Соч. В. Л. Пушкина, изд. 1893 г., стр. 86—88; Соч. кн. Вяземскаго, III, 161 и IV, 8; Воспоминанія М. Ѳ. Каменской въ Историч. Вѣстникѣ 1894, т. 37, стр. 41—45.

«Плотный, сильный, небольшого роста брюнетъ съ смуглымъ лицомъ и черными блестящими глазами, Толстой по натурѣ былъ эксцентрикъ, любившій во всемъ однѣ крайности. Отчаянный

---

1) Едва-ли Пушкинъ сталъ-бы съ такою силою выступать противъ какого-нибудь Стурдзы. Стурдза былъ маленькій человѣчекъ, и его достаточно было пришелкнуть эпиграммой, вродѣ «я вкругъ Стурдзы хожу» (т. I, стр. 529), а не угрожать ему кинжаломъ. Ред.

головорѣзъ и храбрецъ, онъ до страсти любилъ дуэли, въ которыхъ, не смотря на пылкость характера, отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Это же хладнокровіе никогда не покидало его въ сраженіяхъ и въ карточной игрѣ. Побѣждая имъ своихъ противниковъ, онъ постоянно выигрывалъ огромныя суммы, которыя безумно тратилъ на кутежи, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ. Живя открыто и роскошно, онъ въ особенности любилъ задавать обѣды, отличавшіеся тончайшей гастрономіей. Поэтому кн. Вяземскій, въ своемъ посланіи къ нему, и называетъ его: «Обжоръ властитель, другъ и богъ»... Съ прекраснымъ образованіемъ онъ соединялъ знаніе нѣсколькихъ языковъ, любилъ музыку, литературу, много читалъ и охотно сближался съ артистами и писателями» (В. П. Сантовъ, въ Остаф. Арх., I, 519—520).

Кн. Вяземскій, въ посланіи, написанномъ 19 октября 1818 г., даетъ такую характеристику Толстого:

Американецъ и цыганъ,
На свѣтѣ нравственномъ—загадка,
Котораго, какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая—въ адъ, изъ ада– въ рай;
Котораго душа есть пламень,
А умъ холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьи страсти—легкій листъ.

Два послѣдніе стиха этого посланія понравились Пушкину, который хотѣлъ поставить ихъ эпиграфомъ къ «Кавказскому Плѣннику» но, поссорившись съ Толстымъ изъ за какой-то нескромности кн. Шаховскаго, отбросилъ этотъ эпиграфъ и излилъ свою досаду въ эпиграммѣ, впослѣдствіи почти дословно повторенной въ посланіи 1821 г. къ Чаадаеву:

Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?

Въ эпиграммѣ третій стихъ былъ сперва начатъ такъ:

Долго всѣ четыре

но затѣмъ слово «четыре» зачеркнуто и вмѣсто него написано: «концы вселенной». (Ср. Исторію текста).

Толстой отвѣчалъ также эпиграммой, о которой Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ брату отъ 22 апрѣля 1825 г.: «Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ «Онѣгина», если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ кн. Вяземскаго (непремѣнно)».

Къ Толстому относятся извѣстныя слова Репетилова въ IV актѣ «Горя отъ ума»:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ...

Впослѣдствіи Пушкинъ помирился съ Толстымъ, который даже принялъ на себя роль посредника въ сватовствѣ поэта къ Н. Н. Гончаровой.

234. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТИЛО...

(т. II, стр. 8).

Напечатано впервые въ Сынѣ Отечествѣ 1820, ч. 65, № 46, стр. 271, подъ заглавіемъ «Элегія», безъ подписи и съ помѣтою: «Черное море, 1820. Сентябрь». Въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября того же года Пушкинъ говоритъ, что изъ Ѳеодосіи «моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи». Въ записной книжкѣ поэта, сопровождавшей его въ этомъ путешествіи и находящейся теперь въ Имп. Публ. Б—кѣ, находится крайне исчерканный конецъ этого стихотворенія, писанный чернилами по почти стершемуся уже карандашному черновику другихъ стиховъ, не имѣющихъ отношенія къ «элегіи» (см. въ статьѣ: «Исторія пушкинскаго текста»). Въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., стихотвореніе, по словамъ Анненкова, имѣло заглавіе: «Черное море» и эпиграфъ изъ Чайльдъ-Гарольда: «Good night, my native land!» [1]). Но въ печати какъ заглавіе, такъ и эпиграфъ были откинуты, и только въ оглавленіи поставлено: «Подражаніе Байрону». Въ такомъ же видѣ стихотвореніе перепечатано и въ изд. 1829 г.

При первомъ появленіи этой элегіи въ печати А. И. Тургеневъ спрашивалъ кн. Вяземскаго: «Читалъ ли «Черное море» Александра Пушкина въ послѣднемъ Сынѣ Отечества?»—«Не только читалъ Пушкина», отвѣчалъ Вяземскій,—«но съ ума сошелъ отъ его стиховъ. Что за шельма! Не я ли наговорилъ ему эту байроновщину:

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

«Мнѣ жаль, что въ этой элегіи дѣло о любви одной. Зачѣмъ не упомянуть о другихъ неудачахъ сердца? Тутъ было гдѣ поразгуляться». (Ост. Арх., II, 104, 107).

Дѣйствительно, въ этомъ стихотвореніи мы видимъ первые слѣды вліянія Байрона на пушкинскую поэзію: здѣсь, въ общемъ, воспроизводится мотивы знаменитаго «Прощанія» Чайльдъ-Гарольда и даже нѣкоторыя отдѣльныя выраженія изъ этой пѣсни: 1-й стихъ близокъ къ байроновскому:

Yon sun that sets upon the sea.

Четверостишіе, начинающееся стихомъ: «Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ» довольно близко передаетъ соотвѣтствующее мѣсто въ «Чайльдъ-Гарольдѣ»:

With thee, my bark, I'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
No care what land thou bearst me to,
So not again the mine.

Но далѣе сходство не идетъ, ограничиваясь, такимъ образомъ, только аналогичностью общаго настроенія. Комментаторами указывалось, что стихъ: «Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!» представляетъ воспроизведеніе 1-го стиха 179-й строфы IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда»:

Roll on, thou deep and dark blue ocean,—roll!

который у Батюшкова переданъ съ тѣмъ же эпитетомъ: «угрюмый»:

Шуми же ты, шуми, угрюмый океанъ!

1) У Байрона—«My native land, good night!»

Едва ли, однако, Пушкинъ, въ пору сочиненія своей элегіи, могъ такъ хорошо знать и помнить поэму Байрона: вѣдь извѣстно, что въ то время онъ еще совсѣмъ на зналъ по-англійски, а о Байронѣ имѣлъ только общее представленіе—изъ бесѣдъ хотя бы съ тѣмъ же Вяземскимъ. Скорѣе можно предположить, что стихъ, о которомъ идетъ рѣчь, явился безсознательнымъ воспоминаніемъ изъ Батюшкова, переводъ котораго хотя и появился въ печати только въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г., но написанъ былъ въ 1819 г. и могъ быть извѣстенъ Пушкину по рукописи.

Слѣдуетъ прибавить, что элегія Пушкина является п е р в ы м ъ, по времени своего появленія въ печати, отголоскомъ «Чайльдъ-Гарольда» въ русской литературѣ. Рядомъ съ нимъ должны быть поставлены упомянутый (незаконченный) отрывокъ переложенія Батюшкова изъ IV-й пѣсни и прощаніе Чайльдъ-Гарольда въ переводѣ Ив. Козлова, подъ заглавіемъ «Добрая ночь», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1825 г. (Подробности см. въ «Библіотекѣ великихъ писателей», подъ ред. Венгерова, Соч. Байрона, т. I, стр. 582—594).

На слова этой элегіи была сочинена впослѣдствіи музыка извѣстнымъ въ свое время композиторомъ Г е н и ш т о ю. «Въ Москвѣ», писалъ кн. Вяземскій, «домъ княгини Зинаиды Волконской въ 20-хъ годахъ былъ изящнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя было забыть впечатлѣніе, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контральто... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ (1826), пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништою. Пушкинъ былъ живо тронутъ...» (Р у с. А р х. 1873, 1, 1086).

---

235. МНѢ ВАСЪ НЕ ЖАЛЬ.

(т. II, стр. 8).

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 г., находящейся въ Имп. Публ. Б—кѣ, въ изд. Литературнаго Фонда, 1887 г., I, 230.

Настроеніе, выразившееся въ этомъ стихотвореніи, особенно сильно сказалось у Пушкина два года спустя (см. черновые наброски 1822 г.). Нѣкоторые стихи близко напоминаютъ соотвѣтствующія выраженія въ элегіи: «Погасло дневное свѣтило»... (напримѣръ: «И вы забыты мной, измѣнницы младыя»...) и въ посланіи 1817 г. къ Дельвигу («Но гдѣ же вы, минуты упоенья, неизъяснимый сердца жаръ, одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?»). Варіанты см. въ «Исторіи пушкинскаго текста».

---

236. ЧААДАЕВУ.

(т. II, стр. 9).

Напечатано въ Сѣверной Пчелѣ 1825, № 12, подъ заглавіемъ: «Къ Ч.» и съ подписью: А. П.; въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ, стр. 104—105, въ статьѣ: «Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.» и въ изд. 1826 и 1829 гг. Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ посланіе отнесено къ 1820 г. и сопровождается помѣтою: «Съ морского берега Таврицы», которая была дана также и въ Сѣв. Пчелѣ.

Въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, писанномъ въ серединѣ декабря 1824 г. и напечатанномъ въ Сѣв. Цвѣтахъ, Пушкинъ, вспоминая о своемъ пребываніи въ Крыму, между прочимъ, говоритъ: «Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами. Вотъ они». И далѣе приводится посланіе, написанное, очевидно, подъ вліяніемъ воспоминаній объ Ифигеніи, Орестѣ и Пиладѣ, дружба которыхъ напомнила поэту его собственныя отношенія къ Чаадаеву. Въ черновомъ текстѣ того же письма соотвѣтствующая фраза звучитъ еще опредѣленнѣе: «Тутъ посѣтили меня рифмы на п а м я т н и к ъ д р у ж б ы.» Странно только, что Пушкинъ тутъ же прибавляетъ: «Я думалъ стихами о Г—»: буква Г— не вяжется съ именемъ Чаадаева. А между тѣмъ, посланіе, несомнѣнно, относится къ Чаадаеву и находится въ тѣсной связи съ заключительными стихами посланія къ нему 1818 г.:

Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Нѣсколько загадочнымъ представляется также то обстоятельство, что единственная дошедшая до насъ и несомнѣнно первоначальная черновая второго посланія къ Чаадаеву находится въ тетради Моск. Музея № 2369 (лл. 44 об. и 45) среди произведеній, писанныхъ въ началѣ 1824 г. (стихотвореніе къ М. А. Голицыной и письмо къ Бестужеву отъ 12 января 1824), почему Л. Н. Майковъ рѣшительно относилъ это посланіе не къ 1820, а къ 1824 г., вопреки показанію самого поэта, а В. Е. Якушкинъ, желая примирить это противорѣчіе, указалъ на обычный для Пушкина пріемъ: давать окончательную отдѣлку раннимъ стихотвореніямъ нѣсколько лѣтъ спустя. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и еще на одну странность: посланіе распадается на двѣ части, раздѣленныя между собою строкой точекъ; въ первой части говорится объ Ифигеніи и Орестѣ и о «святомъ торжествѣ» дружбы, памятникомъ котораго служатъ развалины храма Діаны; вторая часть заключаетъ въ себѣ обращеніе къ Чаадаеву, имя котораго поэтъ пишетъ рядомъ съ своимъ, «на камнѣ, дружбой освященномъ». Черновое стихотвореніе въ рукописи Моск. Музея представляетъ только первую часть; ко второй относятся только два стиха:

Хотѣлъ развалинамъ инымъ
Оставить имя роковое.

Не объясняется ли эта загадка слѣдующимъ образомъ: въ 1820 г., въ Крыму, Пушкинъ написалъ къ Чаадаеву посланіе, въ которомъ несомнѣнно находились стихи, слѣдующіе въ извѣстной намъ редакціи за строкой точекъ: «Чадаевъ, помнишь ли былое?» и пр. Но начиналось ли это посланіе тѣми же, или такими же, стихами, какъ нынѣ извѣстное,—это утверждать трудно; быть можетъ, начало было и другое. Затѣмъ, въ январѣ

1824 г., въ Одессѣ, поэтъ вспомнилъ о другомъ своемъ другѣ,—кн. Маріѣ Аркадьевнѣ Голицыной—и, можетъ быть, началъ писать ей посланіе съ воспоминаніями объ Ифигеніи и Орестѣ и о торжествѣ Пиладовой дружбы. Можетъ быть, именно Голицыну и означаетъ таинственная буква Г—, попавшаяся подъ перо Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Дельвигу? Какъ бы то ни было, въ началѣ 1824 г. Пушкинъ, видимо, желалъ дать своему прежнему посланію новую обработку или даже написать новое посланіе—уже не къ Чаадаеву, а къ другому лицу, но потомъ оставилъ это намѣреніе, и начатый черновикъ остался въ тетради неотдѣланнымъ. Въ декабрѣ, уже въ Михайловскомъ, желая напечатать въ Сѣв. Цвѣтахъ свое посланіе къ Чаадаеву, Пушкинъ къ наскоро передѣланной первой части прибавилъ старую вторую часть, которую, конечно, хорошо помнилъ, а для того, чтобы отстранить упрекъ въ недостаточной связности обѣихъ частей, поставилъ между ними строку точекъ, какъ будто указывающую на какой-то пропускъ. Это предположеніе представляется правдоподобнымъ, потому что оно объясняетъ указанныя выше несообразности.

Варіанты Музейной рукописи см. въ «Исторіи пушкинскаго текста».

---

237. О ДѢВА-РОЗА Я ВЪ ОКОВАХЪ.

(т. II, стр. 9).

Впервые напечатано въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ: «Подражаніе турецкой пѣснѣ». Въ изд. 1829 г. это заглавіе находится только въ оглавленіи. Въ обоихъ изданіяхъ отнесено къ 1820 г., но черновая стихотворенія, несомнѣнно—первоначальная, какъ и двухъ предыдущихъ, находится въ тетради №2370, почему Морозовъ отнесъ ее къ 1824 г. [1])

Считая, что стихотвореніе написана въ 1820 г., нѣкоторые комментаторы предполагали, что оно относится къ Ел. Ник. Раевской, и что Пушкинъ воспользовался заглавіемъ: «Подражаніе турецкой пѣснѣ» чтобы устранить всякій намекъ на личность, вызвавшую это произведеніе. Такое толкованіе, однако, представляется слишкомъ искусственнымъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ («А. С. Пушкинъ, изслѣдованія», и пр., Харьк. 1900) сопоставляетъ это стихотвореніе съ пьесой 1827 г. «Соловей», гдѣ также говорится о любви соловья къ розѣ, со стихами въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»:

И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ,

съ мотивами Байрона въ «Гяурѣ», «Паризинѣ», «Абидосской Невѣстѣ», съ подобными же сравненіями, обычными въ восточной поэзіи, и пр. В. Е. Якушкинъ указываетъ другія параллели въ стихахъ самого Пушкина,—напр. въ «Измѣнѣ»:

Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ,

а также—выраженія: «Розы, дѣвы красоты» (въ «Ледѣ»), «Дѣвы-розы пьемъ дыханье» (въ «Пирѣ во время чумы».

Варіанты см. въ «Исторіи пушкинскаго текста».

---

1) Ср. дальше примѣч. къ № 242 и 243. *Ред.*

238. УВЫ, ЗАЧѢМЪ ОНА БЛИСТАЕТЪ.

(т. II, стр. 9).

Впервые напечатано въ Полярной Звѣздѣ 1823 г., стр. 335, подъ заглавіемъ: «Элегія» и съ подписью: «А. Пушкинъ», и тогда же перепечатано Воейковымъ въ Новостяхъ Литературы 1823 г., № 1, стр. 13. Затѣмъ воспроизведено, уже безъ заглавія, въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ отнесено къ 1819 г. Между тѣмъ, въ рукописи Моск. Музея (№ 2367, л. 2 об. и 3) это стихотвореніе помѣчено: «1820. Юрзуфъ», а въ записной книжкѣ поэта, гдѣ есть также помѣта: «Юрзуфъ», вписано послѣднее четверостишіе съ двумя помѣтами: «8 февраля 1821. Кіевъ» и «9 fév. ap. d.», т. е., очевидно «9 février après dîner». Относится-ли, однако, послѣдняя запись именно къ элегіи сказать трудно. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что элегія написана, безъ сомнѣнія, въ Юрзуфѣ, но окончательную отдѣлку получила, можетъ быть, въ Кіевѣ. Перенесеніе ея въ болѣе раннее время находитъ себѣ объясненіе въ личныхъ отношеніяхъ Пушкина. По преданію, въ элегіи идетъ рѣчь объ одной изъ дочерей генерала Н. Н. Раевскаго, у котораго поэтъ гостилъ въ Юрзуфѣ, именно—объ Еленѣ Николаевнѣ, которая была очень болѣзненна, такъ что состояніе ея здоровья постоянно возбуждало опасеніе родныхъ (старшая сестра ея, Екатерина Николаевна, вышла въ 1821 г. за М. Ѳ. Орлова, а младшая—Марія Николаевна—за князя С. Г. Волконскаго, впослѣдствіи—декабриста. См. выше статью «Пушкинъ и Раевскіе») Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ семьѣ Раевскихъ узнали, къ кому относится его стихотвореніе, что было бы ясно изъ помѣты: «Юрзуфъ, 1820», и потому помѣтилъ эту пьесу 1819-мъ годомъ, т. е. отнесъ ее ко времени ранѣе знакомства съ Раевскими.

Не смотря на свою болѣзненность, Ел. Ник. Раевская, однако, надолго пережила поэта: она скончалась въ 1853 г.

Варіанты см. «Исторія пушкинскаго текста».

---

239. ХАВРОНІОСЪ, РУГАТЕЛЬ ЗАКОСНѢЛЫЙ.

(т. II, стр. 10).

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина, въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 1351, откуда перешло въ изд. 1880 г. и послѣдующія. Относится, несомнѣнно, къ Каченовскому, съ его «журнальнымъ шумомъ», столь враждебнымъ Пушкину.

Варіанты см. въ «Исторіи пушкинскаго текста».

---

240. КОГДА-БЪ ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛЪ СДУРУ.

(т. II, стр. 10).

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина, въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 1529.

Въ рукописи 3-й стихъ первоначально читался:

Сквозь нашу узкую цензуру:

затѣмъ слово «узкую» зачеркнуто и сверху надписано: «тѣсную».

---

241. КАКЪ БРАНЬ ТЕБѢ НЕ НАДОѢЛА!

(т. II, стр. 10).

Впервые напечатано въ изд. 1826 г., откуда перешло въ изд. 1829 г. Находится въ той же записной книжкѣ, что и первыя двѣ эпиграммы: всѣ три написаны на одной и той же страницѣ и объединены общимъ заголовкомъ: «Эпиграммы». Стихъ 3-й первоначально былъ написанъ такъ:

Я не бездѣльникъ, хоть безъ дѣла;

затѣмъ первыя 4 слова зачеркнуты и сверху надписано:

Ты правъ, я празденъ, я

и, наконецъ, слова: «Ты правъ» зачеркнуты и рядомъ приписано «Ну, такъ!»:

---

242. ВИНОГРАДЪ.

(т. II, стр. 10).

Впервые напечатано въ изд. 1826, откуда перешло въ изд. 1829 г. Въ обоихъ изданіяхъ помѣщено подъ 1820 г., но первоначальная черновая находится въ тетради Моск. Музея № 2370 (л. 38), и на этомъ основаніи отнесено Морозовымъ къ 1824 г. П. А. Ефремовъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому стихотворенію, говоритъ, что въ Кишиневѣ къ дому Инзова, въ которомъ жилъ Пушкинъ, примыкалъ большой садъ, расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ, такъ что «любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ своего Кишиневскаго дома», а въ Михайловскомъ виноградъ не растетъ. Но неужели для того, чтобы написать стихи о винградѣ, нужно непремѣнно въ это время смотрѣть на виноградникъ? [1])

243. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА

(т. II, стр. 11).

Впервые появилось въ изд. 1826 г., откуда перешло въ изд. 1829 г. Въ обоихъ изданіяхъ помѣщено среди стихотвореній 1820 г. Но въ рукописи Моск. Музея № 2370, (л. 38) гдѣ находится первоначальный черновой текстъ этого стихотворенія, нѣтъ ни одной записи, сдѣланной раньше 1824 г.: нѣсколько стиховъ изъ пьесы 1815 г. «Гробъ Анакреона» являются здѣсь въ новой передѣлкѣ стараго текста. На этомъ основаніи я, вслѣдъ за Л. Н. Майковымъ («Матеріалы», 224), отношу настоящее стихотвореніе къ 1824 г., именно—къ осени этого года, когда на Пушкина, только что устроившагося въ Михайловскомъ и еще не успѣвшаго привыкнуть къ своему вынужденному одиночеству послѣ шумной одесской жизни, съ особенной силой нахлынули южныя и въ частности крымскія воспоминанія. Въ декабрѣ 1824 г. поэтъ написалъ Дельвигу подробное письмо о своихъ крымскихъ впечатлѣніяхъ, гдѣ, между прочимъ, разсказываетъ и о своей поѣздкѣ въ Бахчисарай:

«Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** (Екатерина Николаевна Раевская, вышедшая впослѣдствіи за М. Ѳ. Орлова) поэтически описывала мнѣ его, называя его la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. (Н. Раевскій) почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила. Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М. (И. М. Муровьевъ-Апостолъ),—я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался. Растолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?»

В. Е. Якушкинъ (акад. изд., т. II, прим., стр. 347—348) несогласенъ съ моимъ пріуроченіемъ этого стихотворенія (какъ и двухъ другихъ: «Виноградъ» и «О дѣва-роза») къ 1824 г. и въ опроверженіе ссылается на то, что самъ Пушкинъ дважды напечаталъ эти стихотворенія подъ 1820 годомъ. Но, вѣдь, извѣстно, что Пушкинъ вовсе не строго относился къ датированію своихъ произведеній, особенно—мелкихъ, и нерѣдко ставилъ подъ ними помѣты, неоправдываемыя рукописями. Указаніе на то, что въ тетрадяхъ поэта «очень часто матеріалъ идетъ въ хронологическомъ смѣшеніи» непримѣнимо къ тетради № 2370, въ которой записаны исключительно произведенія и черновыя письма 1824—1826 гг. Болѣе важнымъ было бы другое указаніе—на тотъ общеизвѣстный фактъ, что поэтъ нерѣдко «значительно передѣлывалъ стихотвореніе, написанное раньше, оставляя подъ нимъ дату перваго созданія, какъ бывало и наоборотъ, что онъ бралъ прежнюю черновую, передѣлывалъ ее и отмѣчалъ новой датой». Но дѣло въ томъ, что черновая стихотворенія «Фонтану» въ тетради № 2370—несомнѣнно—первоначальная, а не передѣлка болѣе ранней, какъ тутъ же написанныя строфы «Наполеона» или «Гроба Анакреона». Именно этотъ характеръ черновой и долженъ, кажется мнѣ, имѣть рѣшающее значеніе при датированіи стихотворенія. Поэтому я, несмотря на опроверженіе г. Якушкина, все-таки остаюсь при ранѣе высказанномъ убѣжденіи, что настоящее стихотвореніе написано не въ 1820, а въ 1824 г. [1])

---

1) См. ниже, прим. къ стихотворенію: «Фонтану Бахчисарайскаго дворца».

1) Соображенія П. О. Морозова можно было-бы подкрѣпить еще однимъ: Пушкинъ опредѣленно говоритъ не только о Маріи, но и о Заремѣ. А вѣдь Зарему-то онъ выдумалъ, и о ней въ легендѣ о Маріи Потоцкой ничего не говорится. Откуда же Зарема могла появиться въ стихотвореніи 1820 года, когда еще Пушкинъ не приступалъ къ поэмѣ?

Можно, однако, провести и соображеніе въ пользу 1820 г.: поэзія Пушкина въ огромномъ большинствѣ случаевъ—дневникъ его переживаній, и почти немыслимо допустить, чтобы четыре года спустя ему вдругъ пришла охота вернуться къ

244. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

(т. II, стр. 11).

Впервые напечатано въ изд. 1826 г., откуда перешло въ изд. 1829 г. Черновое—въ записной книжкѣ, гдѣ имѣется и помѣта: «Кишиневъ, 5 окт.» О варіантахъ см. «Исторію пушкинскаго текста».

Кара-Георгій,—Георгій Петровичъ, прозванный турками «кара»,что значитъ «черный», за то, что убилъ своего отца, не захотѣвшаго присоединиться къ сербскому возстанію (см. «Пѣсни западныхъ славянъ»), род. въ 1760-хъ гг., участвовалъ въ возстаніи сербовъ противъ турецкаго владычества, затѣмъ дрался съ турками въ 1788—1790 гг. подъ австрійскими знаменами и въ припадкѣ гнѣва повѣсилъ своего брата. Въ 1804 г. онъ поднялъ въ Сербіи новое возстаніе противъ турокъ, въ 1806 г. овладѣлъ Бѣлградомъ и правилъ Сербіею, какъ «господарь», до 1813 г., когда турки снова завоевали эту страну. Тогда Кара-Георгій, разбитый турками, бѣжалъ въ Россію и поселился въ Молдавіи, пользуясь покровительствомъ и пенсіею отъ русскаго правительства; но въ 1817 г. опять тайно вернулся въ Сербію. Узнавъ объ этомъ, сербскій князь Милошъ Обреновичъ, по приказу турокъ, подослалъ къ нему убійцъ; Кара-Георгія зарѣзали, и голову его отослали къ султану. Семья сербскаго вождя долго еще жила въ Хотинѣ, недалеко отъ Кишинева; но, какъ увѣряютъ И. П. Липранди и А. Ѳ. Вельтманъ (Рус. Арх. 1866, ст. 1265 и Майковъ, Пушкинъ, 133), дочери Кара-Георгія Пушкинъ никогда не видалъ, а разсказы объ ея отцѣ могъ слышать отъ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди: впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни. Въ черновой настоящаго стихотворенія въ записной книжкѣ поэта подъ заглавіемъ: «Дочери Чернаго Георга» приписано чужой и, судя по почерку, не-русской рукой: «Καρα Γεωργύ». Можетъ быть, это имя вписано, по просьбѣ Пушкина, какимъ-нибудь сербомъ.

245. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(т. II, стр. 12).

Впервые напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, ч. 69, № 15, апрѣль, стр. 34, съ подзаголовіемъ: «Молдавская пѣсня» и съ варіантами въ ст. 1-мъ: «Гляжу я безмолвно на черную шаль», 4-мъ: «Гречанку младую я страстно любилъ» и 17-мъ: «Вхожу въ отдаленный покой я одинъ». Эти варіанты Пушкинъ не призналъ своими и перепечаталъ стихотвореніе въ Благонамѣренномъ 1821, ч. 14, № 10, май, стр. 142 съ примѣчаніемъ: «Напечатана съ ошибками въ въ 15-мъ № Сына Отечества. Прим. Соч.». Затѣмъ стихотвореніе вошло, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, въ изд. 1826 и 1829 гг. Черновое стихотвореніе находится въ записной книжкѣ 1820—1821 гг. О варіантахъ см. въ «Исторіи пушкинскаго текста».

Окончательно отдѣланный, бѣловой автографъ (Собраніе П. Я. Дашкова) носитъ помѣту: «14 ноября 1820. Кишиневъ».

О происхожденіи этой пьесы В. Г. Тепляковъ въ своихъ запискахъ («Общезанимательный Вѣстникъ» 1857, № 1, стр. 125) и Липранди сообщаютъ что Пушкинъ въ Кишиневѣ нерѣдко заходилъ въ «Зеленый трактиръ», гдѣ прислуживала молодая молдаванка Маріонилла или Маріула, со словъ которой онъ и записалъ тему этой пѣсни; по словамъ Вигеля («Записки», изд. Рус. Арх. 1891—1893, ч. VI, стр. 153) пѣсня записана со словъ гречанки Калипсо Полихрони, о которой см. ниже, въ примѣчаніи къ стихотворенію «ГречанкѢ»; но это извѣстіе невѣрно, потому что Калипсо пріѣхала въ Россію только въ половинѣ 1821 г.

А. И. Яцимирскій, въ статьѣ: «Черная шаль А. С. Пушкина и румынская пѣсня» («Извѣстія Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1906, т. XI, кн. 4, стр. 372—378), указываетъ источникъ стихотворенія Пушкина въ румынской пѣснѣ, до сихъ поръ распѣваемой въ Бессарабіи. Дословный переводъ этой пѣсни, записанной г. Яцимирскимъ съ живого голоса, дѣйствительно очень близко подходитъ къ пушкинскому переложенію. Вотъ этотъ переводъ:

«Безмолвно гляжу я на черную шаль, и душа моя холодна и неутѣшна. Когда я былъ помоложе, съ наслажденіемъ любилъ я молодую гречанку съ кудрявыми волосами, съ черными рѣсницами, румянымъ лицомъ и нѣжнымъ обликомъ. Я чувствовалъ себя счастливымъ у своей красивой гречанки, которую сильно любилъ. Однажды я пригласилъ къ столу нѣсколькихъ друзей, съ которыми бесѣдовалъ, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ одинъ изъ вѣрныхъ и шепчетъ мнѣ: «Господинъ, твоя гречанка, которую ты сильно любишь, измѣняетъ тебѣ и коварно обманываетъ тебя, коварно тебя обманываетъ; иначе и не думай!» Тогда я сейчасъ же позвалъ своего раба, подарилъ ему золота и заклялъ его. И тогда я вдругъ ожесточился, быстро, словно мысль, бросился на конюшню, вскочилъ на своего коня Ажера и, отпустивъ удила, полетѣлъ, словно вѣтеръ. Не чувствовалъ я ни боли, ни состраданія: былъ подобенъ камню. Но едва издали завидѣлъ я порогъ гречанки, какъ потерялъ мужество и силы. Добравшись до воротъ, я слѣзъ съ коня, а когда посмотрѣлъ въ окно, то увидалъ—позоръ!—въ объятіяхъ армянина моя измѣнница, лобзается съ нимъ уста въ уста. И тогда я сразу свирѣпо ожесточился, вытащилъ палашъ изъ ноженъ, жестокимъ ударомъ повалилъ ее на землю и дико топталъ ногами ея голову. Я помню теперь ея горячую мольбу. Открытыя губы просили поцѣлуя, просили поцѣлуя въ ту минуту... Черной шалью вытеръ я палашъ. Ихъ трупы я взялъ въ охапку и бросилъ ихъ въ дунайскія волны. Вотъ какъ окончилось съ красивой гречанкой, съ красивой гречанкой съ вьющимися волосами».

Любопытно, что вмѣсто вѣрнаго друга, кото-

мимолетному посѣщенію. Все обобщающее было выражено въ поэмѣ, которая въ 24 г. уже была изжита, и неестественно, чтобы поэтъ отъ общаго опять вернулся къ частному. Всегда бываетъ наоборотъ.

Думается, что стихотвореніе относится и къ 1820 и къ 1824 г. Начато въ 1820, отдѣлано въ 1824—25 г., для изданія 1826 г.

Но для редактора изданія, во всякомъ случаѣ, колебанія тутъ не должно быть. Пушкинъ дважды датировалъ стихотвореніе 1820-мъ годомъ, и мы считаемъ, что просто права не имѣемъ игнорировать столь категорическій императивъ. Ред.

рый въ пѣсни предостерегаетъ героя, у Пушкина является «презрѣнный еврей», которому герой съ проклятіемъ даетъ деньги; въ пѣснѣ онъ даетъ деньги вѣрному рабу и при этомъ его «заклинаетъ», т.-е. беретъ съ него клятву молчать. Трудно сказать, принадлежитъ ли эта разница самому Пушкину или, быть можетъ, тому варіанту пѣсни, которой сталъ извѣстенъ поэту 80-ю годами ранѣе г. Яцимирскаго. Возможенъ также и общій вопросъ: не имѣемъ ли мы тутъ дѣла съ обратнымъ вліяніемъ, т.-е. нельзя ли разсматривать записанную г. Яцимирскимъ пѣсню какъ вольное переложеніе пушкинской?

Стихотвореніе Пушкина быстро получило извѣстность въ кишиневскомъ обществѣ. Липранди разсказываетъ, что Пушкинъ охотно читалъ свою «Черную шаль», а одинъ армянинъ, Арт. Мак. Х., «лѣтъ за 50, смѣшной наружности, принялъ на свой счетъ «армянина» пѣсни. Шутники подтвердили это, и онъ давалъ понимать, что дѣйствительно отбилъ кого-то у Пушкина. Этотъ, узнавъ, не давалъ ему покоя и, какъ только увидитъ Х—ва,—что случалось очень часто,—начиналъ читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствіе между ними обыкновенно оканчивались смѣхомъ и примиреніемъ, которое завершалось тѣмъ, что Пушкинъ бросалъ Х-ва на диванъ и садился на него верхомъ (одинъ изъ любимыхъ тогда пріемовъ Пушкина и съ нѣкоторыми другими), приговаривая: «Не отбивай у меня гречанокъ!» Это нравилось Х-ву, воображавшему, что онъ можетъ быть соперникомъ» (Рус. Арх. 1886, ст.1230).

Въ іюнѣ 1821 г. Пушкинъ писалъ брату: «Черная шаль» тебѣ нравится,—ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали: пахнетъ Глинкой». Выше приведены отличія текста Сына Отечества отъ исправленнаго поэтомъ; очевидно, его неудовольствіе относилось только къ стиху 1-му, гдѣ слова: «какъ безумный» были замѣнены словомъ: «безмолвно»,—другія два «искаженія» заключаются только въ перестановкѣ словъ.

Въ 1823 г. «Черная шаль» была положена на музыку А. Н. Верстовскимъ и, подъ названіемъ «кантаты», исполнялась на московской сценѣ извѣстнымъ въ то время пѣвцомъ Булаховымъ: «Занавѣсь поднимается, представляется комната, убранная по-молдавански; Булаховъ, одѣтый по-молдавански, сидитъ на диванѣ и смотритъ на лежащую передъ нимъ черную шаль; ритурнель играютъ печальную, онъ поетъ...» (Рус. Арх. 1866, ст. 811; 1901, № 5, стр. 30). Публика была въ восторгѣ отъ этой новинки. Вѣстникъ Европы посвятилъ кантатамъ Верстовскаго особую статью, восхвалявшую ихъ музыкальныя достоинства (кантатъ было три:—одна на слова Пушкина, а двѣ другія—«Три пѣсни», и «Бѣдный пѣвецъ»—Жуковскаго). Здѣсь по поводу «Черной шали», между прочимъ, было сказано: «Зрители съ удовольствіемъ замѣтили, что сія кантата, вопреки обыкновенію, была пѣта въ приличномъ костюмѣ и съ приличными декораціями. До сихъ поръ вездѣ выводятся дѣйствующія лица (напр. въ Гайденовомъ Сотвореніи міра или въ другой какой-либо ораторіи) во фракахъ и съ нотами въ рукахъ. Подобныя нелѣпости не только уничтожаютъ половину наслажденія зрителей, но сковываютъ руки самому актеру, не позволяя ему совершенно войти въ роль, имъ изображаемую» (Вѣстн. Евр. 1824, февр., стр. 68, Смѣсь. Нѣсколько словъ о кантатахъ г. Верстовскаго. Письмо къ Редактору).

Въ другой, болѣе обширной, статьѣ по поводу «Черной шали» критикъ того же журнала писалъ:

«... Шлюсь, наконецъ, на извѣстную пѣсню А. Пушкина («Гляжу я безмолвно»), которую съ обыкновеннымъ своимъ, всегда плѣнительнымъ искусствомъ поетъ г. Булаховъ и которой музыка открываетъ въ господинѣ Верстовскомъ великую способность дѣйствовать на сердца посредствомъ могущественныхъ, потрясающихъ звуковъ гармоніи.

«Я слышалъ многіе отзывы о семъ отличномъ произведеніи музыки, и всѣ они были въ пользу любителя и опытнаго знатока въ оной, господина Верстовскаго; удивительнымъ образомъ выразивши остатокъ сильной любви, тоску по красавицѣ погибшей, раскаяніе въ нанесеніи ей смертнаго удара, непреодолимую злобу на соблазнителя, онъ показалъ намъ, что всѣ средства музыки находятся въ полной его власти. Я желалъ бы, однако, получить разрѣшеніе на слѣдующіе вопросы:

«Почему господинъ Верстовскій возвелъ простую пѣсню на степень кантаты? Такого ли содержанія бываютъ кантаты, собственно такъ называемыя? Такими ли мы находимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Баптиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? Истощивъ средства свои на страсти, бунтующія въ душѣ безвѣстнаго человѣка, что употребитъ онъ, когда нужно будетъ силою музыки возвысить значительность словъ въ тѣхъ кантатахъ, гдѣ историческія или миѳологическія, во многихъ отношеніяхъ намъ извѣстныя и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей занимательныя лица страдаютъ или торжествуютъ? Въ пѣснѣ господина Пушкина представляется намъ какой-то Молдованинъ, убившій какую-то любимую имъ красавицу, которую соблазнилъ какой-то Арменинъ. Достойно ли это того, чтобы искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобы для пѣсни тратилъ сокровища музыки? Не значитъ ли это воздвигать огромный пьедесталъ для маленькой красивой куклы, хотя бы она сдѣлана была на Севрской фабрикѣ? Угадываю причины, побудившія г. Верстовскаго къ сему подвигу, и знаю напередъ одинъ изъ отвѣтовъ: «Господинъ А. Пушкинъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъ». Что касается до стихотворенія, я самъ отдаю ему совершенную справедливость. Стихи его отмѣнно гладки, плавны, чисты; не знаю, кого изъ нашихъ сравнить съ нимъ въ искусствѣ стихосложенія; скажу болѣе: господинъ Пушкинъ неохотникъ щеголять епитетами, не бросается ни въ сентиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ, наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей; все это составляетъ внѣшнюю красоту его стихотворенія. Гдѣ же, однако, тѣ качества, которыя, по словамъ Горація, составляютъ поэта? гдѣ mens divinior? гдѣ os magna sonaturum? Малыя дѣти, забавляясь куклами, остаются довольны блестящею наружностію своихъ игрушекъ, не заботясь о прочемъ, не спрашивая, кого онѣ представляютъ, на кого походятъ, имѣютъ ли приличную выразительность, соблюдена ли соразмѣрность въ ихъ формахъ. И мы—такія же дѣти, если ослѣпляемся блескомъ наружности, если, остановившись надъ тѣмъ, что называется у насъ хорошій слогъ, считаемъ уже за лишнее повѣрять все прочее на вѣсахъ здраваго вкуса и ученой критики, если, наконецъ, красивой бездѣлкѣ при-

писываемъ достоинства, ей непринадлежащія.» (Вѣстн. Евр. 1824, янв., стр. 69—72: «Московскія записки. Театръ» Статья Н. Д.).

246. КЪ ПОРТРЕТУ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

(т. II, стр. 14).

Впервые напечатано въ Полярной Звѣздѣ 1824 г., стр. 319, подъ заглавіемъ: «Надпись къ портрету» и съ звѣздочкою вмѣсто подписи; но въ оглавленіи указана принадлежность этого четверостишія Пушкину. Затѣмъ перепечатано въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ вмѣсто имени Вяземскаго поставлены три звѣздочки. Черновые наброски находятся въ записной книжкѣ 1820—1821 гг. и въ рукописи Моск. Музея № 2367, л. 3. См. «Исторію пушкинскаго текста».

247. НЕРЕЦДА.

(т. II, стр. 14).

Впервые напечатано въ Полярной Звѣздѣ 1824, стр. 29, откуда перепечатано въ Литературныхъ Листкахъ Булгарина 1824, № 4, съ полною подписью автора. Затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг.

Въ Полярной Звѣздѣ стихотвореніе было помѣщено съ опечаткой въ 5-мъ стихѣ: «Какъ ясной влагою» вм. «Надъ ясной влагою»; опечатка была допущена также и въ другомъ, тутъ же помѣщенномъ стихотвореніи: «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты». Раздосадованный Пушкинъ отослалъ объ пьесы Булгарину 1 февраля 1824 г., при письмѣ, въ которомъ писалъ: «Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ Листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди».

Текстъ стихотворенія въ изд. 1826 г. отличается отъ исправленнаго текста Листковъ только однимъ словомъ: въ первоначальномъ видѣ ст. 3-й читался: «Сокрытый межъ оливъ», а въ позднѣйшей редакціи онъ читается: «Сокрытый межъ деревъ». Стихотвореніе написано въ Каменкѣ, въ одно время съ элегіей «Рѣдѣетъ облаковъ...», и оба имѣютъ одинъ общій заголовокъ: «Эпиграммы во вкусѣ древнихъ». Въ статьѣ Морозова: «Пушкинъ и Парни» (наст. изд. т. 1, стр. 391) указано сходство «Нерецды» съ началомъ картины XIII изъ «Переодѣваній Венеры».

248. РѢДѢЕТЪ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА.

(т. II, стр. 15).

Напечатано впервые въ Полярной Звѣздѣ 1824 г.. стр. 198 съ полною подписью автора. Затѣмъ явилось въ изд. 1826 и 1829 гг. съ пропускомъ трехъ послѣднихъ стиховъ, за напечатаніе которыхъ Пушкинъ сдѣлалъ выговоръ Бестужеву въ письмѣ отъ 12 января 1824 г.: «Конечно, я на тебя сердитъ», писалъ поэтъ, «и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Великая важность!»

Мѣсяцъ спустя, Пушкинъ опять писалъ Бестужеву и, между прочимъ, говоря о новой поэмѣ «Бахчисарайскій Фонтанъ», замѣтилъ: «недостатокъ плана—не моя вина. Я суевѣрно переклады-валъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve».

Именно эти строки о поэмѣ Пушкина были напечатаны Булгаринымъ въ Литературныхъ Листкахъ. «Богъ тебя проститъ!»—писалъ Пушкинъ Бестужеву 29 іюня 1824 г.: но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. Чортъ дернулъ меня написать еще некстати о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что же она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдую объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ пріятелей»? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одною мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналистовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственномъ журналѣ, на который не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ былъ не въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ это все забвенію.

Изъ этого письма дѣлаютъ заключеніе, что «элегическая красавица», воспѣтая Пушкинымъ, была та же самая особа, которая разсказывала поэту о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, т. е. Екатерина Николаевна Раевская. [1])

Стихотвореніе «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» первоначально имѣло заглавіе: «Таврическая звѣзда», впослѣдствіи отброшенное авторомъ. Въ рукописи Моск. Музея оно имѣетъ еще помѣту: «Каменка»,—извѣстное помѣстье Давыдовыхъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Изображенная въ стихотвореніи картина природы соотвѣтствуетъ описанію Каменки: А. М. Лобода, въ статьѣ «Пушкинъ въ Каменкѣ» («Памяти Пушкина», сборникъ Кіевскаго университета, 1899 г., II, 82) говоритъ, что «берега Тясмина здѣсь довольно возвышенны; въ одномъ мѣстѣ они нѣсколько сближаются и образуютъ нависшіе

1) Какъ уже указано выше, въ статьѣ «Пушкинъ и Раевскіе» (стр. 104 и слѣд.), вопросъ объ «элегической красавицѣ» не поддается опредѣленному рѣшенію. М. О. Гершензонъ («Вѣстн. Евр.» 1908, № 1) недавно выдвинулъ теорію «сѣверной любви», съ которою Пушкинъ пріѣхалъ будто бы изъ Петербурга. Но тогда вопросъ окончательно запутывается, потому что всѣ любовныя стихотворенія 1820 г. опредѣленно говорятъ о любви, зародившейся въ Крыму, на берегу Чернаго моря, межъ хатъ татарскихъ. *Ред.*

надъ рѣкой скалистые утесы, отъ которыхъ и самое мѣстечко получило свое названіе; особенно красивы утесы и съ рѣки». Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Якушкинъ, мы можемъ думать, что въ элегіи описанъ заливъ р. Тясмина и окружавшіе его утесы.

Варіанты см. въ статьѣ «Исторія пушкинскаго текста». Здѣсь же упомянемъ только объ одномъ изъ нихъ, въ связи съ первоначальнымъ заглавіемъ пьесы. Именно въ ст. II-мъ было сначала: «таврическія волны», а потомъ поставленъ болѣе общій эпитетъ: «полуденныя». Можетъ быть, поэтъ сдѣлалъ эту замѣну, а также и уничтожилъ заглавіе: «Таврическая звѣзда» ради того, чтобы затушевать мѣстную окраску.

---

249. АПТЕКУ ПОЗАБУДЬ.

(т. II, стр. 16).

Впервые напечатано Морозовымъ въ изд. 1903 г. (съ ошибкою въ послѣднемъ стихѣ: «утѣшай» вмѣсто «усыпляй»), по записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., причемъ отнесено, предположительно, къ доктору Рудыковскому, лѣчившему поэта на Кавказѣ и въ Крыму. Такое предположеніе, возможное при чтеніи: «утѣшай», конечно, является неумѣстнымъ въ исправленной редакціи двустишія. [1])

---

250. ТАМЪ, НА БРЕГУ, ГДѢ ДРЕМЛЕТЪ ЛѢСЪ СВЯЩЕННЫЙ.

(т. II, стр. 16).

Подлинной рукописи нѣтъ, отрывокъ извѣстенъ по «Матеріаламъ» Анненкова (1-ое изд., стр. 346). У Анненкова первый стихъ напечатанъ:

Тамъ, на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный.

Ошибка или опечатка ясна, и разные издатели поневолѣ, должны были ее исправлять Ефремовъ въ изд. 1880 г., и позднѣе, опускаетъ «тамъ» и печатаетъ «На берегу», Морозовъ принялъ это чтеніе. Майковъ, въ «Матеріалахъ», В. Е. Якушкинъ во II т. акад. изданія и настоящее изд., оставляютъ «тамъ» и вмѣсто «берегу» пишутъ «брегу». Это чтеніе не можетъ, однако, считаться вполнѣ правильнымъ: предложный падежъ отъ слова «брегъ» будетъ «на брегѣ», а не «на брегу», и этой послѣдней формы мы нигдѣ у Пушкина не встрѣчаемъ. Грамматически-правильной поправкой было бы устраненіе начальнаго слова: «Тамъ», какъ явно лишняго. Такія лишнія слова въ стихахъ не разъ попадаются у Анненкова; напр., въ тѣхъ же «Матеріалахъ» онъ напечаталъ: «Счастливъ тотъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный»...

Къ 1820 г. отнесено П. А. Ефремовымъ, видѣвшимъ въ этомъ наброскѣ связь съ юрзуфскими воспоминаніями поэта.

П. Морозовъ.

---

251. Я ВИДѢЛЪ АЗІИ БЕЗПЛОДНЫЕ ПРЕДѢЛЫ.

(т. I, стр. 16)

Рукопись (записная книжка, хранящаяся въ Публич. Библіотекѣ) очень исчеркана. Здѣсь взяты только болѣе законченныя и разборчивыя строки (ср. исторію текста). Отрывокъ этотъ введенъ въ литературу П. О. Морозовымъ въ его изд. 1903 г. Онъ относитъ его (т. III, стр. 111—112) къ «первоначальнымъ наброскамъ» «Кавказскаго Плѣнника». Трудно согласиться съ этимъ. Мотивы, здѣсь набросанные, въ поэмѣ совершенно не встрѣчаются. Повидимому, мы здѣсь имѣемъ дѣло просто съ откликомъ посѣщенія Пятигорска. *Ред.*

---

1) П. О. Морозовъ соглашается съ указаніемъ В. Е. Якушкина (Акад. изд., т. II, примѣч., стр. 335) и беретъ свое чтеніе «утѣшай» обратно. Мы съ этимъ новымъ чтеніемъ не согласны и оставили въ текстѣ «утѣшай». Карандашная запись Пушкина почти исчезла, но, все таки, по нашему мнѣнію, можно установить чтеніе «утѣшай». *Ред.*

СТИХОТВОРЕНІЯ 1821 ГОДА.

252. ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

(т. II, стр. 22).

Автографы этой пьесы находятся въ рукописи Румянцовскаго музея № 2367 (л. 1 об. и 2), гдѣ она озаглавлена «Морской берегъ, идиллія Моска» и носитъ помѣту: «8 февраля 1821. Кіевъ»; въ альбомѣ друга поэта Н. Н. Раевскаго-младшаго (Л. Майковъ, «Матеріалы для академич. изданія сочиненій П.,» стр. 78—79; «Пушкинъ и его современники», вып. II, стр. 14—16); въ рукописи, принадлежавшей графу П. И. Капнисту, на л. 5, отмѣченъ первый стихъ пьесы уже съ заглавіемъ «Земля и море» («Автографы П., принадлежащіе гр. П. И. Капнисту», сообщеніе Л. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 3). Впервые она была напечатана въ «Новостяхъ литературы» 1825 г., январь, стр. 27; затѣмъ въ собраніяхъ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 113, и 1829 г., ч. I, стр. 129—130; въ оглавленіяхъ обоихъ изданій было сказано, что это—идиллія Моска. Въ «Новостяхъ литературы» это указаніе отсутствовало, и Пушкинъ писалъ брату: «надъ или подъ «Моремъ и землею» должно было поставить: Идиллія Моска. Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ». (Переписка Пушкина, академич. изд. I, 183). Пушкинъ въ шутку назвалъ издателя «Новостей литературы» А. Ѳ. Воейкова, своего «друга», Біономъ, другомъ Моска. Стихотвореніе воспроизведено здѣсь по тексту изданія 1829 г.

Съ сиракузскимъ идилликомъ II вѣка до Р. Х. Мосхомъ Пушкинъ, вѣроятно, познакомился еще въ лицеѣ; профессоръ Н. Ѳ. Кошанскій въ 1811 г. издалъ книгу «Цвѣты греческой поэзіи», въ ко-

торой были помѣщены переводы изъ Біона и Моска и, между прочимъ, переводъ этой идилліи. Пушкинъ не перевелъ ее, а переработалъ со своей обычной геніальностью. Онъ сохранилъ безмятежно-спокойное идиллическое чувство, но сократилъ пьесу, глубоко пропиталъ ее духомъ субъективности и замѣнилъ ея героя, поселянина, поэтомъ, который любитъ «веселую лѣнь» и забываетъ пѣсни музъ, убаюканный величавымъ спокойствіемъ моря. Сравнивая пушкинское стихотвореніе съ идилліей греческаго поэта, С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, Спб., 1901, стр. 8, 34—36), замѣчаетъ объ особенностяхъ вдохновеннаго пушкинскаго переложенія: «картина тихой погоды распространена, впечатлѣніе бури усилено упоминаніемъ о блещущей молніи; наоборотъ, сокращено описаніе контраста въ дѣятельности рыбака и мирной нѣгѣ поселянина,—но во всякомъ случаѣ этотъ сравнительно ранній экскурсъ въ область оригинальной античной поэзіи отмѣченъ какъ бы извѣстною долей уваженія къ оригиналу. Артистическая натура поэта выручила его здѣсь, замѣнивъ изученіе чутьемъ красоты, даннымъ отъ природы... Слышится столь свойственное Пушкину и овладѣвавшее имъ въ спокойныя минуты чувство душевнаго мира, навѣваемое тихой сельской обстановкой. Поэтъ заимствуетъ для выраженія этого чувства у греческаго пѣвца черты южной природы, подъ чарующимъ вліяніемъ которой Пушкинъ былъ послѣ своего пребыванія въ Гурзуфѣ»... (См. также П. Черняева, «П. какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ» Казань, 1899, стр. 50—51).

Бѣлинскій отнесъ «Землю и море» къ числу тѣхъ пьесъ Пушкина, гдѣ присутствуютъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы—отличительные признаки антологическаго стихотворенія» (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 266). Въ своемъ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества великій критикъ выдѣлилъ это стихотвореніе изъ ряда «переходныхъ» какъ «чисто-пушкинскую пьесу, отличающуюся уже оригинальностью и самостоятельностью», одну изъ тѣхъ, въ которыхъ «найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество» (Бѣлинскій, VIII т. изданія Солдатенкова). Б. Никольскій видитъ въ ней отраженіе «идеаловъ личной независимости», которую такъ любилъ Пушкинъ («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», Спб., 1899 г., стр. 50). См. объ этой пьесѣ «Русс. Архивъ» 1899 г., III, 451, 612. Другіе современные Пушкину переводы идиллій—Мосальскаго въ «Сѣвер. Цвѣтахъ» на 1825 г. (изданіе 1881 г., стр. 278—279); Д. С—на въ «Сѣверной Минервѣ» 1832 г., февр., № III, стр. 213—214.

---

253. ДѢВА.

(т. II, стр. 22).

Автографы «Дѣвы» находятся въ тетради Румянцовскаго музея № 2367 (л. 4 об.) и въ рукописи графа Каннпста («Автографы Пушкина, принадлежащіе гр. П. И. Каннпсту», сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 3). Впервые она была напечатана въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» 1825 г., ч. 29, № 3, стр. 295, безъ заглавія; подъ заглавіемъ вошла въ сборники стиховъ Пушкина 1826 г., стр. 130, и 1829 г., ч. I, стр. 127. Здѣсь она воспроизведена по редакціи, тождественной въ обоихъ этихъ изданіяхъ.

Пушкинской «Дѣвою» Л. Н. Майковъ («Пушкинъ», 1899 г., стр. 105—106) былъ склоненъ считать кишиневскую красавицу Пульхерію Варфоломей, которой, по словамъ А. Ѳ. Вельтмана, поэтъ «посвятилъ нѣсколько восторженныхъ стиховъ». Догадка Майкова ничѣмъ не подтверждается, и нѣтъ основаній искать въ этой пьесѣ автобіографическій элементъ: Какъ ни была значительна субъективность Пушкина, нельзя видѣть въ каждомъ душевномъ переживаніи его отраженія реальныхъ событій его личной жизни. Пульхерія Варѳоломей, какъ разсказываетъ Вельтманъ (ibid., 122—124), была существо холодное, безстрастное, совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства», напоминавшее автоматъ. Къ ней мало подходитъ образъ пушкинской «Дѣвы», которая не безстрастна, а «чувства ненавидитъ». Вельтманъ (ibid., 124) не могъ припомнить стиховъ, которые Пушкинъ ей посвятилъ. Конечно, эти стихи не «Дѣва», которая была не разъ напечатана, когда Вельтманъ писалъ свои воспоминанія о Пушкинѣ и которую онъ не могъ бы не вспомнить. (О стихахъ, посвященныхъ Пульхеріи и приписываемыхъ Пушкину, будетъ сказано ниже).

«Хладная красота», недоступная мольбамъ и слезамъ,—одинъ изъ самыхъ плѣнительныхъ образовъ въ поэзіи Пушкина, не разъ занимавшій его воображеніе. Въ этомъ смыслѣ къ «Дѣвѣ» особенно близки стихи 1827 г. «Соловей», стихи о розѣ, не слушающей страстнаго соловьинаго пѣнья: «она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта; глядишь—она цвѣтетъ; взываешь—нѣтъ отвѣта»... Благородная пластика пьесы отмѣчена нѣкоторымъ вліяніемъ Шенье, въ этомъ случаѣ снова превзойденнаго Пушкинымъ. Разсматривая пушкинскую поэзію «переходнаго» періода, Бѣлинскій выдѣлилъ «Дѣву» изъ ряда, какъ «чисто-пушкинскую пьесу». Строгое спокойствіе тона пьесы, написанной словно отъ лица старшаго друга, совѣтующаго младшему беречься чаръ «дѣвы милой», совершенно въ антологическомъ духѣ, и Анненковъ справедливо упоминаетъ «Дѣву» въ перечнѣ «тѣхъ художественно-спокойныхъ образовъ, въ которыхъ уже очень полно отражается артистическая натура Пушкина» («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., стр. 83). Сближеніе «Дѣвы» съ «Красавицей», 1831 г., сдѣланное Незеленовымъ («П. въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 85), неудачно и непріемлемо: въ «Красавицѣ» нѣтъ главной черты «Дѣвы»—ея холодности; «Красавица» съ душевной стороны никакъ не охарактеризована.

---

254. КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

(т. II, стр. 23).

Въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 2) эта пьеса записана Пушкинымъ безъ заглавія, а въ рукописи графа Каннпста—съ даннымъ заглавіемъ («Автографы Пушкина, принадлежащіе гр. Каннпсту», сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 4). Напечатана она была впервые въ издававшемся вольнымъ обществомъ любителей словесности «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» 1825 г., ч. 29, № 3,

стр. 295, безъ заглавія и съ подписью: «А. Пушкинъ», а затѣмъ съ заглавіемъ—въ изданіяхъ стихотвореній 1826 г., стр. 134, и 1829 г., ч. I, стр. 131. Здѣсь воспроизведенъ текстъ обоихъ послѣднихъ изданій, вполнѣ тождественный.

Пушкинская «Красавица передъ зеркаломъ»—прелестная танагрская статуэтка. Въ «вѣрномъ стеклѣ» пушкинскаго вдохновенія не мимолетно отразилась ея красота, но закрѣпилась навѣки—какъ одно изъ лучшихъ сокровищъ въ богатой сокровищницѣ великаго поэта. «Въ четырехъ строкахъ»—говоритъ С. Любомудровъ—«какой портретъ: какъ мѣтко схвачены пріемы, уловки и вся тонкая психологія кокетства» («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, Спб., 1901, стр. 30). Въ этой пьесѣ, говоря словами отмѣтившаго ее Бѣлинскаго (Сочиненія, изд. Венгерова, VI, 266). «въ простомъ и немногосложномъ образѣ схвачена одна изъ тѣхъ картинъ жизни, которыя находятъ свое выраженіе только на языкѣ боговъ, въ поэзіи». Въ своемъ обзорѣ Бѣлинскій назвалъ эту пьесу «чисто-пушкинской»—титулъ, который далъ Бѣлинскій далеко не всѣмъ произведеніямъ этого періода.

255. ДІОНЕЯ.

(т. II, стр. 23).

Эта пьеса дошла до насъ въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л.л. 34 и 39 об.) и № 2367 (л. 9 об., въ послѣдней она озаглавлена: «Идиллія») и въ рукописи гр. Каниста («Автографы П., принадлежащіе графу П. И. Капнисту», сообщеніе Л. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 3). Въ музейной рукописи и въ «Новостяхъ литературы» 1825 г., II, апрѣль, стр. 50, гдѣ пьеса озаглавлена: «Антологическій отрывокъ»,—первая редакція (см. исторію текста). Въ тетради графа Капниста и въ сборникахъ стиховъ Пушкина, 1826 г., стр. 128, и 1829 г., ч. I, стр. 126, гдѣ пьеса озаглавлена «Діонея»,—вторая редакція, которая здѣсь и воспроизводится. Въ первой редакціи пьеса состояла не изъ шести стиховъ, а изъ десяти; но Пушкинъ отбросилъ начальные четыре стиха. М. В. Юзефовичъ разсказываетъ («Русс. Арх.» 1880 г., III, 440), будто онъ сдѣлалъ это потому, что Александръ Раевскій пародировалъ при другихъ второй стихъ: «Ты нынѣшней весной отъ нашихъ игръ удрала», вмѣсто «отстала». Надо думать, что Пушкинъ отбросилъ эти стихи не потому, чтобы испугался плоской и невинной пародіи, извѣстіе о которой, къ тому же, довольно сомнительно, а просто оттого, что, отдѣлывая свои произведенія, гнался не за количествомъ, а за качествомъ и былъ безпощадно строгъ къ себѣ. На пьесѣ лежитъ печать вліянія Шенье.

С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, Спб., 1901, стр. 30) усмотрѣлъ связь «Діонеи» съ подражаніемъ Шенье, 1824 г., «Ты вянешь и молчишь»...: «въ обѣихъ схвачены примѣты влюбленныхъ. Если высказанная догадка справедлива, то это даетъ намъ возможность сдѣлать интересное наблюденіе относительно подражаній Пушкина: онъ переживалъ ихъ, настолько усвоивая ихъ себѣ, что они, иногда не получивъ еще сами опредѣленной формы, опредѣленнаго выраженія, становились источниками вдохновенія, вызывая въ душѣ поэта отвѣтные образы». Бѣлинскій отнесъ «Діонею» къ «чисто-пушкинскимъ» пьесамъ «переходнаго» періода, къ тѣмъ антологическимъ произведеніямъ, которыя всегда любилъ Пушкинъ, особенно въ молодости: «созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ особенно соотвѣтствуетъ эпохѣ юности каждаго человѣка». Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., стр. 83) причислилъ ее къ «художественно-спокойнымъ образамъ» пушкинскаго творчества.

---

256. МУЗА.

(т. II, стр. 23).

Одинъ автографъ «Музы» находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 4), съ датой: «14 февраля»; другой, очевидно, тотъ, снимокъ съ котораго помѣщенъ въ приложеніи къ анненковскимъ «Матеріаламъ для біографіи П.», принадлежитъ теперь великому князю Константину Константиновичу; онъ носитъ ту же дату: «1821, февр. 14». Въ рукописи гр. Каниста («Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», сообщеніе Л. Майкова, Спб., 1896, стр. 3) приведены заглавіе и первый стихъ. Напечатана была «Муза» впервые въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., ч. 70, № 23, стр. 132—133, съ помѣтой: «Кишиневъ, Апрѣля 5. 1821»; эта помѣта обозначаетъ вѣроятно, день, когда пьеса была отдѣлана или переписана начисто, или отправлена въ журналъ. Затѣмъ «Муза» вошла въ собранія стиховъ Пушкина, 1826 г., стр. 123, и 1829 г., ч. I, стр. 125.

Образъ Музы зародился въ душѣ Пушкина самостоятельно, но самая пьеса была внушена отрывкомъ изъ одной идилліи Шенье: «Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche»... У французскаго поэта ребенка учитъ играть учитель, у Пушкина замѣненный Музой. «Самый образъ Музы»—говоритъ Л. Поливановъ—«у Пушкина не описанъ, но намѣченъ улыбкою и двумя движеніями: яснаго изображенія ея нѣтъ, но, читая стихотвореніе, чувствуешь ея присутствіе. Вся техника музыкальнаго урока, описанная у Шенье (прикладываніе флейты къ его губамъ, самое складываніе его губъ, подниманіе и опусканіе его юныхъ пальцевъ разъ по двадцати, чтобы научить послѣдовательно затыкать отверстія флейты),—у Пушкина исключена: его Муза только по временамъ беретъ изъ его рукъ флейту, чтобы сыграть ему очаровательную пѣсню: онъ учится только тѣмъ, что внимаетъ прилежно ея пѣснямъ, а играетъ уже самъ слабыми перстами своими. Тогда Муза слушаетъ его дѣтскіе опыты съ улыбкою: для него достаточно этой улыбки Музы, достаточно слушанія ея игры, чтобы научиться искусству». Образъ Музы былъ нашему поэту родной и близкій. Ея прообразъ — тотъ геній («Городокъ»), который невидимкой леталъ въ его лицейской комнаткѣ, она—та богиня («Мечтатель»), которая осѣнила его «на слабомъ утрѣ дней златыхъ... и горнимъ свѣтомъ озарясь, влетала въ скромну келью и чуть дышала, преклонясь надъ дѣтской колыбелью»... Вскорѣ мы опять встрѣтимся съ воспоминаніями о ней—«веселой старушкѣ», «наперсницѣ волшебной старины»; она «юный слухъ напѣвами плѣнила и межъ пеленъ оставила свирѣль», волшебную свирѣль, завороженную губами Музы.

Бѣлинскій выдѣлилъ «Музу» какъ «чисто-пушкинскую» пьесу изъ числа произведеній «переходнаго» періода. На внѣшней сторонѣ пьесы видна печать вліянія Батюшкова, которую признавалъ самъ Пушкинъ, сказавшій однажды объ этомъ стихотвореніи: «Я люблю его—оно отзывается стихами Батюшкова» («Москвитянинъ» 1842 г., № 3, стр. 147). Но Пушкинъ, шагнувшій гораздо дальше всѣхъ своихъ учителей, и въ этомъ отношеніи превзошелъ Батюшкова. «Посмотрите»—сказалъ о «Музѣ» Бѣлинскій,—«какъ эллински или какъ артистически (это одно и то же) разсказалъ Пушкинъ о своемъ художественномъ призваніи, почувствованномъ имъ еще въ лѣта отрочества... Несмотря на счастливые опыты Батюшкова въ антологическомъ родѣ, такихъ стиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина!» Можно прибавить, что и послѣ Пушкина не было такихъ стиховъ въ русской поэзіи. «Нельзя не дивиться»—продолжаетъ Бѣлинскій—«въ особенности тому, что онъ умѣлъ сдѣлать изъ шестистопнаго ямба, этого несчастнаго стиха, доведеннаго до пошлости русскими эпиками и трагиками добраго стараго времени-За него уже было отчаялись, какъ за стихъ неуклюжій и монотонный, а Пушкинъ воспользовался имъ, словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ для чудныхъ изваяній, видимыхъ слухомъ»... П. А. Плетневъ (Сочиненія, т. I, 1885 г., стр. 53), разбирая «Музу», говоритъ: «полнота звуковъ для взятой мысли необыкновенная. Онъ въ 14 стихахъ все заключилъ, чего можетъ требовать воображеніе и чувство. Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семъ сочиненіи составляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха?... Какая вѣрность въ выраженіяхъ и свѣжесть въ подборѣ эпитетовъ... Это стихотвореніе въ русской антологіи останется отпечаткомъ первыхъ картинъ природы, которыя питали юное воображеніе поэта. Читая оное, каждый почувствуетъ, что стихотворецъ увидѣлъ въ первый разъ свою Музу не въ блестящей столицѣ, не въ шумномъ кругу свѣта, но въ мирномъ сельскомъ уединеніи»... Въ 8-ой главѣ «Онѣгина» Пушкинъ какъ будто вспоминаетъ ласковые уроки «въ нѣмой тѣни дубовъ»—«въ таинственныхъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ, являться Муза стала мнѣ»... Для Бѣлинскаго «тайная дѣва», съ обрамленнымъ локонами «милымъ челомъ», невольно стала символомъ пушкинской поэзіи. «Муза Пушкина»—сказалъ онъ—«это—дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородной простотой, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ея второй природою». Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., № 5, стр. 20), вспоминая стихи: «тамъ нѣжила меня деревъ прохлада, я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ, и праздно мыслить было мнѣ отрада» («Въ началѣ жизни школу помню я»...), говоритъ: «у другого это бы и осталось однимъ праздномысліемъ дѣтства, но къ этому ребенку явилась иная таинственная наставница — Муза». Стоитъ отмѣтить мнѣніе Владиміра Соловьева объ этомъ стихотвореніи. Оно, «при всей своей художественной прелести, не можетъ быть причислено къ настоящимъ выраженіямъ поэтическаго самосознанія Пушкина, хотя сущность поэзіи уже указана здѣсь въ самой общей своей чертѣ. Но именно слишкомъ общей. Въ началѣ 1821 г., когда создалось это стихотвореніе, Пушкинъ созрѣлъ для художественнаго творчества, но не для углубленія въ его смыслъ. Онъ шелъ впередъ къ созиданію многихъ геніальныхъ произведеній, но за нимъ, въ прошедшемъ, ихъ было еще слишкомъ мало: его поэтическій опытъ не могъ быть еще слишкомъ великъ и ясенъ. Онъ и самъ, въ этотъ первый годъ своего совершеннолѣтія, обращаясь назадъ, къ прошлому, видитъ только Музу своего младенчества... Впрочемъ, признать здѣсь дѣйствительное воспоминаніе о чемъ-нибудь опредѣленно пережитомъ душою поэта въ его младенчествѣ,—точнѣе, отрочествѣ или ранней юности,—было бы очень рискованно, тѣмъ болѣе, что литературный источникъ этого произведенія налицо... Пушкинъ двадцатилѣтній бралъ у Шенье и содержаніе вмѣстѣ съ формой, хотя въ настоящемъ случаѣ онъ далъ своему подражанію такое поэтическое совершенство, до котораго далеко его образцу. Это есть, однако, совершенство классической формы, заключающей, для русскаго поэта XIX вѣка, непремѣнно и нѣкоторую школьную условность (муза, боги, цѣвница, фригійскіе пастухи), что опять таки мѣшаетъ пользоваться этимъ стихотвореніемъ какъ документомъ поэтическаго опыта» («Вѣстн. Европы» 1899 г., декабрь, 674—675).

---

257. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(т. II стр. 39).

Поэма извѣстна въ четырехъ автографахъ Пушкина. Въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ записной тетради Пушкина 1820–1821 гг. находится ея первоначальная редакція, носящая слѣды очень тщательной работы, озаглавленная: «Кавказъ, поэма». Въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 1—24) текстъ бѣловой, но въ него внесены разныя поправки. Въ пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицея хранится списокъ поэмы, близкій къ музейному; онъ подробно описанъ В. Ѳ. Боцяновскимъ («Памяти Л. Н. Майкова», Спб., 1902 г., стр. 469—488). Бѣловой списокъ, посланный Пушкинымъ издававшему поэму Гнѣдичу, находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ. О варіантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ статьѣ П. О. Морозова, можно прибавить, что въ альманахѣ «Новыя Аониды» (Москва, 1823 г.) были перепечатаны семь отрывковъ изъ «Кавказскаго Плѣнника»: первое свиданіе съ черкешенкой, посѣщеніе плѣнника черкешенкой, — описаніе Кавказа, разсказъ о жизни горцевъ, признаніе черкешенки, черкесская пѣсня и освобожденіе плѣнника. «Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался», писалъ Пушкинъ Гречу, предлагая ему издать поэму. Гнѣдичъ, уже успѣвшій обработать Пушкина на изданіи «Руслана и Людмилы», сумѣлъ повліять на деликатнаго поэта, который отдалъ ему новую поэму. Пушкинъ снова сталъ жертвой безсовѣстной эксплоатаціи; издавая «Опыты въ стихахъ и прозѣ» Батюшкова, Гнѣдичъ не посовѣстился заплатить Батюшкову, который къ тому же бралъ на себя денежную отвѣтственность въ случаѣ, если книга дастъ убытокъ, жалкія двѣ

тысячи, самъ выручивъ на этомъ изданіи до пятнадцати тысячъ (С. А. Венгеровъ «Критико-біограф. словарь», т. II, стр. 242—243). Поплатился за свою довѣрчивость и Пушкинъ. Когда Гнѣдичъ предлагалъ ему, въ 1823 г., выпустить второе изданіе «Руслана» и «Плѣнника», поэтъ писалъ Вяземскому, прося его взяться за это дѣло: «timeo Danaos», т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде». Черезъ нѣсколько дней Пушкинъ писалъ брату: «изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу... Все и всѣ меня обманываютъ»... Когда Вяземскій выгодно продалъ «Бахчисарайскій Фонтанъ», принесшій Пушкину гонораръ, какого онъ никогда и не ожидалъ, поэтъ, думая, что Вяземскій не вычелъ изъ этихъ денегъ своихъ расходовъ на изданіе, журилъ его: «ты пакостишь со мною, даришь меня... Ты задорный издатель, а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, зато ужъ копѣйки не подаритъ»...

По поводу сказаннаго выше, на стр. 38, объ ольдекоповской контрафакціи «Плѣнника» можемъ привести слова самого Пушкина, который писалъ Вяземскому 15 іюля 1824 г.: «Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала». Пушкинъ попробовалъ черезъ Вяземскаго остановить продажу хищническаго изданія, но это не удалось (см. «Переписку П.», академич. изд., I, 135, 144—145), и Пушкинъ вскорѣ писалъ Вяземскому: «плюнемъ на него, и квитъ!» (ibid., 150—203). Впрочемъ, матеріальнаго вреда Ольдекопъ причинилъ Пушкину меньше, чѣмъ Гнѣдичъ. 3 марта 1825 г. П. А. Плетневъ сообщалъ Пушкину, что «Кавказскаго Плѣнника» уже нѣтъ въ книжныхъ лавкахъ; вскорѣ (18 іюля) Плетневъ снова писалъ, что «перваго изданія нигдѣ нѣтъ», будучи вынужденъ послать другу ольдекоповскую перепечатку.

Въ числѣ находящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ набросковъ Пушкина—есть одинъ, начинающійся словами: «Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ»... («Пушк. и его соврем.» IV, 20, № 81). Повидимому (набросокъ, какъ и всѣ Майковскія матеріалы, недоступенъ), въ немъ выражена та же мысль, что въ цитированныхъ выше, на стр. 32, письмахъ поэта къ В. П. Горчакову и Вяземскому.

Николай Николаевичъ Раевскій (1801—1843 гг.), которому Пушкинъ посвятилъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Андрея Шенье», былъ младшій сынъ генерала Н. Н. Раевскаго, членъ той семьи, которая прославилась важной ролью въ жизни Пушкина (См. статью «Пушкинъ и Раевскіе»). Объ отношеніяхъ Пушкина и Раевскаго см. Л. Н. Майкова въ его сборникѣ «Пушкинъ» (Спб., 1899). Посвященіе «Кавказскаго Плѣнника»—памятникъ этой юношеской дружбѣ, которую Пушкинъ характеризуетъ такъ полно и съ такимъ благодарнымъ умиленіемъ. Когда Пушкинъ лежалъ больной въ Екатеринославѣ, Раевскій отыскалъ его и устроилъ ему поѣздку на Кавказъ и въ Крымъ. «Ты знаешь»—писалъ Пушкинъ брату 24 сентября 1820 г.—«нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя». Что это были за услуги, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, это была та нравственная поддержка, о которой поэтъ говоритъ въ посвященіи: «когда я погибалъ... я близъ тебя еще спокойство находилъ». Посвященіе указываетъ, что въ поэмѣ отразились не только душевныя переживанія Пушкина, но и впѣчатлѣнія, данныя Кавказомъ. Сравнивая счастливую жизнь друга съ своей, невзгоды которой Пушкинъ нѣсколько преувеличилъ въ порывѣ элегическаго пафоса, поэтъ вспомнилъ объ извѣстномъ эпизодѣ дѣтства своего друга, котораго отецъ въ битвѣ подъ Дашковкой взялъ за руку, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Александромъ, и повелъ впередъ; десятилѣтній мальчикъ принялъ катившіяся ядра за мячи и плакалъ, когда его отнесли подальше отъ опасности. Объ этомъ см. также стихи Пушкина 1819 г. (т. I, 529, 536).

«Мстислава древній поединокъ», упоминаемый въ эпилогѣ поэмы, занималъ тогда воображеніе Пушкина. Друзья поощряли поэта. Вяземскій говорилъ въ своей статьѣ о «Кавказскомъ Плѣнникѣ»: «съ жадною поспѣшностію и признательностію вписываемъ въ книгу литературныхъ упованій обѣщаніе поэта... Слишкомъ долго поэзія русская чуждалась природныхъ своихъ источниковъ и почерпала въ посторонихъ родникахъ жизнь заемную, въ коей оказывалось одно искусство, но не отзывалось чувству біеніе чего-то роднаго и близкаго». Гнѣдичъ упрекалъ его за то, что «тѣнь Святослава скитается не воспѣтая»; взять сюжетъ изъ родной исторіи ему совѣтовали кн. С. Г. Волконскій и К. Ѳ. Рылѣевъ («Переписка П.», акад. изд., I, 138, 166, 182). На эти пожеланія Пушкинъ вскорѣ отвѣтилъ «БорисомъГодуновымъ».

Князь Пав. Дим. Циціановъ (1754—1806), покоритель лезгинъ и мингрельцевъ, присоединилъ къ Россіи Имеретію; онъ былъ измѣнически убитъ при сдачѣ Баку. О немъ см. «Жизнь кн. Циціанова», М., 1823; «Девятнадцатый вѣкъ» II. И. Бартенева, II, 1–2). Петръ Степ. Котляревскій (1782—1851) былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ героевъ Кавказа; взялъ Ленкорань. О немъ см. гр. В. Соллогубъ, «Біографія генерала Котляревскаго», Тфл. 1854; 2-ое изд., Спб., 1901; Ф. Ф. Вигель, «Записки», IV, 182; VII, 166).

О талантливомъ А. П. Ермоловѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1820 г.: «Ермоловъ наполнилъ [Кавказъ] своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними». Впослѣдствіи Пушкинъ былъ близко знакомъ съ Ермоловымъ. По дорогѣ на Кавказъ въ 1829 г. Пушкинъ побывалъ въ Орлѣ, гдѣ жилъ тогда впавшій въ немилость покоритель Кавказа,—поэтъ «сдѣлалъ двѣсти верстъ лишнихъ, зато увидѣлъ Ермолова»; въ «Путешествіи въ Арзрумъ» Пушкинъ посвятилъ Ермолову теплую, сочувственную страницу.

Стихи «Измѣны, гибель Россіянъ»...—внушены Пушкину, между прочимъ, воспоминаніемъ о гибели генерала Лазарева, которому Циціановъ поручилъ вывезти изъ Тифлиса царицу Марію, вдову грузинскаго царя Георгія, и котораго царица убила (въ 1803 г.); царицу за это увезли на жительство въ Воронежъ.

258—259. ПРИМИТЕ НОВУЮ ТЕТРАДЬ... О ВЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛИ...

(т. II, стр. 58).

Этотъ черновой набросокъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 23), непосредственно вслѣдъ за эпилогомъ «Кавказскаго Плѣнника», почему со временъ П. В. Анненкова, впервые помѣстившаго его въ своемъ

изданіи (т. VII, стр. 85), онъ печатался какъ приписки къ «Кавказскому Плѣннику». В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 90) исправилъ и дополнилъ анненковскій текстъ. Обѣ строфы, судя по содержанію и по виду подлинника, представляютъ одинъ набросокъ. Трудно видѣть въ немъ связь съ «Кавказскимъ Плѣнникомъ». Намъ уже было указано («Бессар. Губернс. Вѣдом.» 1902 г., № 88) что мудрено приложить эти строки къ «Кавказскому Плѣннику». Трогательную любовь черкешенки къ плѣннику нельзя назвать «проказами бѣшеной любви», исторія которыхъ извлечена изъ «архивовъ ада». «Сочетанія смѣшного съ важнымъ» мы не найдемъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ». Непонятно также, почему поэтъ проситъ своихъ поклонниковъ спасти его «тайныя мечты» «отъ рукъ невѣжества слѣпого»: чѣмъ могли «невѣжество слѣпое» и «косая зависть» грозить этой поэмѣ, такой чистой и цѣломудренной? Съ этимъ согласился В. Е. Якушкинъ (академич. изд., II, прим., 488), отдѣлившій въ своемъ изданіи «приписки» отъ поэмы. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о «Гавриліадѣ» или отрывкахъ «адской поэмы» (стр. 85—87).

«Усыпительный журналъ»—намекъ на статьи о «Русланѣ и Людмилѣ», помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы».

— —

260. Я ПЕРЕЖИЛЪ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ...

(т. II, стр. 58).

Элегія извѣстна въ нѣсколькихъ автографахъ Въ рукописи московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 13) среди черновыхъ «Кавказскаго Плѣнника» находится первоначальный набросокъ ея. Въ 2867-ой музейной тетради (л. 3) данъ уже болѣе совершенный и полный текстъ; эта редакція озаглавлена «Элегія (изъ поэмы К а в к а з ъ)» и носитъ помѣту: «Каменка, 22 февр. 1821». Въ извѣстной рукописи графа П. И. Капниста, описанной Л. Н. Майковымъ, текстъ вполнѣ согласный съ изданіями 1826 и 1829 г. и помѣта «1821». Впервые пьеса напечатана въ «Новостяхъ литературы» 1823 г., кн. VI, № 48, стр. 144, подъ заглавіемъ: «Элегія» и съ полной подписью поэта; затѣмъ вошла въ сборники стиховъ Пушкина 1826 г. (стр. 14) и 1829 г. (ч. I, стр. 107). Печатается здѣсь въ окончательной редакціи.

Судя по положенію первоначальнаго наброска элегіи среди черновыхъ «Кавказскаго Плѣнника», онъ долженъ былъ входить въ рѣчь героя послѣ словъ: «Безъ упованья, безъ желаній я вяну жертвою страстей»... По смыслу и по настроенію она вполнѣ примыкаетъ къ грустной рѣчи плѣнника, въ которой Пушкинъ выразилъ свои личныя переживанія. Отдѣливъ набросокъ отъ поэмы, поэтъ развилъ его въ отдѣльное лирическое стихотвореніе, въ которомъ выразилъ не разъ овладѣвавшее имъ тогда чувство скуки и недовольства прошлымъ. Бѣлинскій отнесъ элегію къ числу еще незрѣлыхъ, «переходныхъ» стихотвореній Пушкина, но выдѣлилъ ее изъ длиннаго ряда такихъ пьесъ. «Собственно пушкинскій элементъ въ нихъ» – сказалъ Бѣлинскій—«составляетъ элегическая грусть, преобладающая въ нихъ... Изъ переходныхъ пьесъ лучшія тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти... при немъ и незначительныя пьесы получаютъ значеніе. Такъ, напримѣръ, пьеска «Я пережилъ мои желанья»..., какъ ни слаба она, невольно останавливаетъ вниманіе читателя своимъ послѣднимъ куплетомъ.» Элегія проникнута чувствомъ тоски и апатіи. Источникъ этихъ тупыхъ страданій—сердечная пустота, душевная усталость, такъ рѣзко расходящаяся съ общимъ бодрымъ и радостнымъ взглядомъ поэта на жизнь. Въ извѣстныхъ стансахъ 1828 г. «Даръ напрасный, даръ случайный»..., жалуясь на томившую его тоску, Пушкинъ анализировалъ себя: «с е р д ц е п у с т о, празденъ умъ»..

— —

261. КОКЕТКѢ. (Къ Аглаѣ).

(т. II, стр. 59).

Въ пожертвованной знакомымъ Пушкина и членомъ опеки надъ его дѣтьми Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ въ Имп. Публичную Библіотеку записной книгѣ Пушкина (1820—1821 гг.) находятся (л. л. 46—47) эти стихи, озаглавленные: «Къ Аглаѣ». Въ рукописи московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (лл. 23—24) есть другой автографъ этой пьесы, озаглавленный: «Кокеткѣ». Ни въ одной, ни въ другой рукописи мы не находимъ окончательно отдѣланнаго авторомъ текста. Въ музейной рукописи стихи значительно сокращены; и по тексту пьесы, и по положенію ея въ 2367-ой тетради можно заключить, что эта редакція позднѣе библіотечной рукописи. Пушкинъ пьесы не печаталъ, и впервые появилась она въ изданіи Анненкова (т. VII, стр. 27—29). Анненковъ выработалъ для нея сводный текстъ, взявъ въ основу библіотечную рукопись и внеся нѣкоторыя по правки изъ музейной, т. е. произвольно смѣшавъ обѣ редакціи. Здѣсь дана позднѣйшая редакція; о разночтеніяхъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Стихи написаны въ Каменкѣ, гдѣ Пушкинъ гостилъ у Раевскихъ приблизительно въ теченіе декабря 1820 г., января и февраля 1821 г. «Кокетка Аглая», жена Александра Львовича Давыдова, единоутробнаго брата генерала Н. Н, Раевскаго, Аглая Антоновна, по происхожденію француженка, рожденная герцогиня Граммонъ, славилась общепризнанной и испытанной легкостью своего поведенія. Современникъ разсказываетъ, что Аглая Антоновна, «весьма хорошенькая, вѣтреная и кокетливая, какъ истая француженка, искала въ шумѣ развлеченій средство не умереть со скуки въ варварской Россіи. Она въ Каменкѣ была магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей александровскаго время. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ все жило и ликовало въ селѣ Каменкѣ, но главное—умирало у ногъ прелестной Аглаи. Д. В. Давыдовъ воспѣвалъ ее въ стихахъ «Если Боги милосердые» и «Не пробуждай»... («Русс. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 632). Судя по посланію «Къ Аглаѣ», Пушкинъ не долго «умиралъ» у ногъ красавицы, казавшейся въ ея тридцать лѣтъ зеленому юношѣ уже слишкомъ зрѣлой для сердечныхъ увлеченій. Очевидно, поэтъ разыгралъ комедію, притворившись влюбленнымъ до безумія и даже пообѣщавъ умереть отъ любви; смѣшная сцена, которую устроила ему однажды принявшая фарсъ за драму Аглая, заставила его покончить съ этой забавной исторіей и съ компческой холодностью прочитать довольно ядовитое наставленіе опытной кокеткѣ. Злополучный мужъ Аглаи, Александръ Львовичъ,

слылъ присяжнымъ рогоносцемъ и въ званіи «величаваго рогоносца» попалъ на страницы «Евгенія Онѣгина». Пушкинъ любилъ добродушнаго Александра Львовича и посвятилъ ему въ 1824 г. небольшое посланіе. (О немъ см. въ примѣчаніи № 380). Супружеская жизнь Аглаи и Александра Львовича вызвала у Пушкина остроумную эпиграмму: «Иной имѣлъ мою Аглаю»... (№ 328). Надо думать, что она же—предметъ грубой выходки Пушкина: «Оставя честь судьбѣ на произволъ». (См. примѣчанія № 287, 311). Дочь Аглаи Антоновны—та Адель, которой въ 1822 г. Пушкинъ написалъ стихи: «Играй, Адель»... Въ 1822 г. И. П. Липранди посѣтилъ въ Петербургѣ А. Л. Давыдова и Аглаю Антоновну и «замѣтилъ, что жена Давыдова въ это время не очень благоволила къ Александру Сергѣевичу, и ей видимо было непріятно, когда мужъ ея съ большимъ участіемъ о немъ разспрашивалъ... Потомъ уже узналъ я, что между ней и Пушкинымъ вышла какая-то размолвка, и послѣдній наградилъ ее стишками»! («Русс. Арх.» 1866 г., 1485).

---

262. ДРУГЪ ДЕЛЬВИГЪ, МОИ ПАРНАССКІЙ БРАТЪ..

(т. II, стр. 60).

Этими стихами начинается письмо Пушкина, изъ Кишинева, 23 марта 1821 г., къ барону А. А. Дельвигу. Одинъ автографъ ихъ находится въ тетради Московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 19). Впервые они были напечатаны, вмѣстѣ со всѣмъ письмомъ въ «Москвитянинѣ» 1854 г., т. II, № 5; затѣмъ были перепечатаны П. В. Анненковымъ въ его «Матеріалахъ для біографіи П.» (Сочин. П., I, 81—82). В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884, май, 342) и П. О. Морозовъ (Соч. П., изд. «Просвѣщ.», VIII, 418—419) опубликовали варіанты музейной рукописи, представляющей собою, вѣроятно, черновикъ стиховъ, вошедшихъ въ письмо къ Дельвигу, подлинникъ котораго неизвѣстенъ. Объ этихъ разночтеніяхъ см. въ статьѣ о текстѣ. Цѣликомъ музейная редакція воспроизведена въ майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій П.», стр. 93—94. Весьма характерно, что въ «Москвитянинѣ» и у Анненкова (даже во второмъ изданіи его «Матеріаловъ», стр. 76) слово «свободы» въ 10-мъ стихѣ замѣнено точками.

«Проза» Дельвига, на которую Пушкинъ отвѣтилъ стихами, намъ неизвѣстна. Это письмо было получено Пушкинымъ, какъ видно изъ его письма къ Н. И. Гнѣдичу отъ 24 марта, приблизительно 20 марта. «Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанья муза чахнетъ», жаловался Пушкинъ въ стихахъ, но тутъ же писалъ въ прозѣ: «кончилъ я новую поэму Кавказскій Плѣнникъ». Дѣйствительно, мѣсяцъ назадъ Пушкинъ закончилъ эту поэму; въ началѣ 1821 г. онъ написалъ нѣсколько стихотвореній,—но усердному молодому автору это казалось мало, и онъ не прочь былъ упрекать себя въ лѣности, хотя писалъ другу: «у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы»... «Я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?» Стихи, написанные Дельвигу, полны этихъ сердечныхъ воспоминаній. Ихъ вскорѣ найдемъ цѣлый рядъ—въ стихахъ Катенину, Чаадаеву, «Къ моей чернильницѣ», «Къ Овидію»...

---

263. Н. И. ГНѢДИЧУ (ВЪ СТРАНѢ, ГДѢ ЮЛІЕИ ВѢНЧАННЫЙ..)

(т. II, стр. 60).

Этими стихами начинается письмо Пушкина, изъ Кишинева, 24 марта 1821 г., къ Н. И. Гнѣдичу. Впервые оно было напечатано въ сборникѣ «Складчина» 1874 г., въ статьѣ Я. К. Грота «Первенцы лицея и его преданія», вошедшей потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ его сборникъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Автографъ нынѣ принадлежитъ извѣстному собирателю рукописей П. Я. Дашкову.

Пушкинъ отвѣчаетъ Гнѣдичу на его «вдохновительное письмо, которое не дошло до насъ. Приблизительно 20 марта Пушкинъ получилъ отъ Гнѣдича отпечатанную поэму—«Руслан и Людмила». Вскорѣ Пушкинъ понялъ (см. примѣчанія къ «Кавказскому Плѣннику»), что Гнѣдичъ былъ издатель-кулакъ и «невыгодный пріятель», но первая книга обрадовала молодого поэта. Онъ благодарилъ Гнѣдича за «платье, сшитое на Руслана и Людмилу», а также «за воспоминаніе, за дружбу за хвалу, за упреки»... Пушкинъ тогда уже, конечно, читалъ Овидія, съ судьбою котораго любилъ сравнивать свое положеніе, не разъ называя сославшаго его государя Августомъ. «Вольный гласъ цѣвницы», волновавшій кишиневское общество, конечно, намекъ на сенсацію, которую производили стихотворныя выходки Пушкина. «Сонныхъ молдованъ»—очень мѣткая характеристика; въ «Путешествіи Онѣгина» Пушкинъ отмѣтилъ «молдована тяжелаго», грузная фигура котораго не разъ попадалась навстрѣчу поэту на улицахъ Одессы. Генералъ М. Ѳ. Орловъ, одна изъ тѣхъ немногихъ личностей, которыя оставили по себѣ свѣтлый слѣдъ въ біографіи Пушкина, былъ его постояннымъ собесѣдникомъ въ Кишиневѣ. Его семья (онъ былъ женатъ на Ек. Н. Раевской) была той средой, въ которой Пушкинъ находилъ въ Кишиневѣ всего больше пищи для души и отдыхалъ отъ окружавшей пустоты. Въ Каменкѣ у Раевскихъ время Пушкина проходило «между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами» (письмо къ Гнѣдичу, 4 декабря 1820 г.). Эти споры продолжались въ Кишиневѣ, у Орловыхъ. Въ томъ же 1821 г. Е. Н. Орлова писала своему брату А. Н. Раевскому: «У насъ безпрестанно идутъ шумные споры—философскіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты»... Въ этихъ спорахъ Пушкинъ иногда, по выраженію Орловой, «корчилъ изъ себя жестокаго» («Былое» 1906 г., октябрь, 308). «Дружбѣ легкихъ посланій» вышло въ 1821 г. изъ-подъ пера Пушкина много. Слова «Ахилла призракъ величавый» и слѣд. относятся къ работѣ Гнѣдича надъ переводомъ Иліады, часть которой онъ, продолжая трудъ Е. И. Кострова, къ тому времени переложилъ въ александрійскіе стихи, но, оставивъ ихъ, сталъ переводить Гомера гекзаметромъ. «Я сокрылся отъ гоненья»... говоритъ о себѣ Пушкинъ. Ту же мысль встрѣчаемъ въ пьесѣ «Къ Овидію», гдѣ Пушкинъ называетъ себя «изгнанникомъ самовольнымъ»;

ссылка на югъ совпадала съ желаніемъ самого поэта, уставшаго отъ петербургскихъ дрязгъ, сплетенъ и пересудовъ. Въ апрѣлѣ 1820 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Петербургъ душенъ для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу» (Переписка П., академич. изд., I, 15). Слова Пушкина объ уединеніи, спасающемъ его отъ «ханжи и гордаго глупца», напоминаютъ пьесу 1819 г. «Уединеніе» (см. т. I, стр. 479, 484). Послѣдніе стихи выражаютъ взглядъ Пушкина на личную полемику, на борьбу перомъ съ врагами, которая не должна захватывать цѣликомъ вниманіе поэта и привлекаетъ его только на мгновеніе. Ихъ можно взять эпиграфомъ къ пушкинскимъ эпиграммамъ, этимъ быстрымъ, хлесткимъ ударамъ «поучительной лозы».

---

264. КАТЕНИНУ (КТО МНѢ ПРИШЛЕТЪ ЕЯ ПОРТРЕТЪ...).

(т. II, стр. 60).

Пьеса извѣстна въ трехъ автографахъ. Нѣсколько исчерканныхъ стиховъ есть въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 гг. Шесть послѣднихъ стиховъ находятся въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 5), съ помѣтой: «5 апр.». Вся пьеса записана на 8-мъ листѣ извѣстной тетради графа Капниста («Автографы Пушкина, принадлежащіе гр. П. И. Капнисту», сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 4). Судя по ея положенію въ музейной рукописи, она относится къ 1821 г. Въ плетневскомъ спискѣ стиховъ Пушкина, предназначавшемся для изданія сборника 1826 г., она датирована 1823 г. (Переписка П., академ. изд., I, 296); та же дата повторена въ капнистовской тетради, но Пушкинъ, зачеркнувъ ее, проставилъ 1821 г. Посланіе появилось впервые въ сборникѣ 1826 г., стр. 155, а затѣмъ въ изданіи 1829 г., I, 135—136. Воспроизводится здѣсь въ его послѣдней редакціи.

Въ 1819 г. Пушкинъ обидѣлъ А. М. Колосову незаслуженной эпиграммой: «Все плѣняетъ насъ въ Эсѳирѣ»... (см. т. I, 504, 505). Теперь онъ жалѣлъ объ этомъ и извинялся передъ артисткой. Стихи, написанные въ тотъ періодъ, когда Пушкинъ любилъ писать друзьямъ посланія въ стихахъ, были отправлены Катенину, но не дошли до него. Катенинъ прочиталъ ихъ въ собраніи стихотвореній Пушкина 1826 г., гдѣ они были озаглавлены: «К***ну», и въ письмѣ 3 февраля спрашивалъ его: «Скажи, пожалуй, къ какому К***ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ». Пушкинъ отвѣчалъ: «Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ» (Переписка П., академич. изд., I, 322, 326). Очевидно, Пушкинъ послалъ эти стихи Катенину тогда же, когда они были написаны, и думалъ, что Катенинъ ихъ получилъ. 28 августа 1822 г. Катенинъ писалъ Колосовой: «Саша Пушкинъ пишетъ ко мнѣ изъ Кишинева и на счетъ васъ даетъ мнѣ тысячу порученій: винится, проситъ прощенія и расхваливаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ» (Русс. Стар. 1893 г., мартъ, 635). Колосова очень интересовалась Пушкинымъ; въ 1824 г. Катенинъ сообщалъ ей слухъ, будто Пушкинъ, жившій тогда въ Одессѣ, возвращенъ изъ ссылки (ор. с., апрѣль, 182—183). Въ 1827 г. Пушкинъ встрѣтился съ Колосовой въ первый разъ послѣ его ссылки на югъ; привелъ его къ ней ея неизмѣнный поклонникъ—Катенинъ. Она встрѣтила поэта привѣтливо, со смѣхомъ повторяя слова его старой эпиграммы: «Размалеванныя брови»...—«Полноте, Бога ради», перебилъ онъ меня, конфузясь и цѣлуя мою руку—«кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Позвольте мнѣ взять съ васъ честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моемъ мальчишествѣ»... Слово было дано; мы вполнѣ примирились» (Русс. Стар. 1880 г., іюль, 571; см. также ея воспоминанія въ Русск. Вѣстн. 1881 г., №№ 4 и 5).

Объ исполненіи Колосовой роли Моины, одной изъ первыхъ ея ролей, см. цитированное примѣчаніе въ I томѣ (стр. 504). Въ роли Селимены (въ «Мизантропѣ» Мольера, переведенномъ на русскій языкъ, Селимена была окрещена Прелестиной) Колосова впервые выступила 27 ноября 1823 г., и имѣла шумный успѣхъ (П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб., 1861, стр. 346—347). Эту роль она изучила въ Парижѣ, подъ руководствомъ знаменитой Марсъ (ibid. и И. Н. Божеряновъ, «Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка», I, Спб., 1904, примѣч., стр. 21). Въ двѣнадцатый стихъ посланія къ Катенину, который въ рукописяхъ и въ изданіи 1826 г. читается: «Предъ Мелпоменой. и Моиной», Пушкинъ, готовя изданіе 1829 г., внесъ лестный намекъ на успѣхъ Колосовой въ этой роли, замѣнивъ Мельпомену Селименой

---

265. В. Л. ДАВЫДОВУ.

(т. II, стр. 61).

Посланіе дошло до насъ въ исчерканномъ черновикѣ, находящемся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 30—31). Впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ его изслѣдованіи «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» («Вѣстн. Европы» 1874 г., № 1; отдѣл. изданіе, стр. 183—184); дополнили анненковскій текстъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 92—93), П. О. Морозовъ (изд. литерат. фонда, VII, 20—21), Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академич. изданія сочиненій П.», 101—103) и П. А. Ефремовъ (Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, I, 433—435; VII, 31; VIII, 172—174). Здѣсь впервые появляется почти въ полномъ видѣ. Анненковъ не рѣшился напечатать всей пьесы. Передавъ содержаніе стиховъ о смерти митрополита, Анненковъ говоритъ, что подробности о его похоронахъ «находятся въ печатныхъ запискахъ Пушкина, но тонъ печатной замѣтки, конечно, значительно разнится отъ тона посланія, постоянно отличающагося характеромъ развязной до неприличія шутки». Рѣшивъ, что посланіе доходитъ «до послѣднихъ предѣловъ глумленія», Анненковъ зачеркнулъ и даже совсѣмъ замазалъ чернилами нѣсколько стиховъ въ рукописи поэта.

30 марта скончался въ Кишиневѣ митрополитъ

Гаврінлъ Банулеско-Бодони (о немъ см. книгу А. Стадницкаго, Кишиневъ, 1894 г.), и 1 апрѣля Пушкинъ видѣлъ его похороны, о которыхъ записалъ въ своемъ дневникѣ 3 апрѣля. Значитъ, посланіе написано въ началѣ апрѣля. М. Ѳ. Орловъ женился на Е. Н. Раевской 15 мая (Былое 1906 г., октябрь, 307). «Безрукій князь»—Александръ Ипсиланти (1783—1828), поднявшій въ 1821 г. на Дунаѣ возстаніе противъ Турокъ; въ битвѣ подъ Дрезденомъ онъ лишился руки. «Демократическій халатъ», въ который облачался Давыдовъ,—воспоминаніе о тѣхъ «демагогическихъ спорахъ» въ Каменкѣ, о которыхъ Пушкинъ сообщалъ Гнѣдичу въ письмѣ 4 декабря 1820 г. В. Л. Давыдова и его брата Александра Львовича, мужа красавицы Аглаи, Пушкинъ рекомендуетъ въ этомъ письмѣ какъ «милыхъ и умныхъ отшельниковъ». «Чаша спасенья», «бутылки ай», «бесѣда шумная» напоминаютъ слова этого письма: «много шампанскаго, много острыхъ словъ». «Тѣ и та», по вѣрному объясненію Анненкова,—итальянскіе карбонаріи и Франція, въ которой снова утвердились Бурбоны. Пушкинъ уже чуялъ торжество реакціи, когда писалъ: «народы тишины хотятъ, и долго ихъ яремъ не треснетъ», хотя самъ еще готовъ былъ надѣяться—«счастьемъ насладиться»... [1])

«Умный проказникъ», одинъ изъ хозяевъ Каменки, Василій Львовичъ Давыдовъ, единоутробный братъ генерала Н. Н. Орлова, родился въ 1792 г.; получилъ французское воспитаніе, пятнадцати лѣтъ поступилъ въ лейбъ-гусары, участвовалъ въ отечественной войнѣ, былъ раненъ подъ Козельскомъ и Лейпцигомъ. Въ 1820 г. Давыдовъ вышелъ въ отставку подполковникомъ. Принадлежа къ Южному тайному обществу, Давыдовъ служилъ однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ звеньевъ, связывавшихъ его съ Сѣвернымъ обществомъ, и состоялъ предсѣдателемъ каменской управы тульчинской думы. Причисленный къ виновнымъ I разряда, онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Умный и добрый, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ человѣкъ безхарактерный. Скончался въ Красноярскѣ 25 октября 1855 г. (О Давыдовѣ см. сборникъ «Декабристы, 86 портретовъ». М. 1906, стр. 93—94). Давыдовъ былъ человѣкъ незаурядный по образованію, уму и остроумію. По разсказу И. Д. Якушкина («Записки», Лейпцигъ, 1874 г., 68—70), «демагогическіе споры» и «вольнолюбивыя» бесѣды происходили на половинѣ Василія Львовича. В. П. Горчаковъ, знававшій его, отмѣтилъ, что онъ «щеголялъ какимъ-то особымъ пріемомъ простолюдина» («Москвитянинъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 152). [2])

---

266. ЧААДАЕВУ. («Въ странѣ, гдѣ я забылъ»...). (т. II, стр. 62).

Черновикъ этого посланія, исчерканный и неразборчивый, находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 26—29); въ болѣе обработанномъ видѣ оно записано въ 2367-ой музейной тетради (лл. 5—7), гдѣ озаглавлено: «Къ Чадаеву» и помѣчено: «6 апрѣля 1821. Кишиневъ». Впервые оно было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., ч. 72, № 35, стр. 82—84, подъ заглавіемъ: «Къ Ч—ву», съ подписью имени и фамиліи автора и съ помѣтой: «20 апрѣля 1821. Кишиневъ». П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1142) высказалъ по поводу датировки пьесы весьма вѣроятное мнѣніе, что посланіе было «начато 6-го, кончено 20 апрѣля»; разумѣется, такая большая пьеса, подвергавшаяся тщательнымъ исправленіямъ, не могла быть написана въ одинъ день. Съ нѣкоторыми измѣненіями она была напечатана Пушкинымъ въ сборникахъ его стиховъ 1826 г., стр. 169—172, и 1829 г., I, 177—180. Подробно о текстѣ и о варіантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Здѣсь укажемъ только, что въ изданіи 1826 г. восемь стиховъ, слѣдовавшихъ за словами: «Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть», были замѣнены строкою точекъ, а въ концѣ книги (стр. 191) было сказано: «всѣ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ». Въ изданіи 1829 г. точекъ уже нѣтъ и не видно слѣдовъ сдѣланнаго пропуска. Происхожденіе этого пропуска таково: четыре стиха о «философѣ» и «картежномъ ворѣ» повторяютъ слова эпиграммы 1820 г., на графа Ѳ. И. Толстого (Американца) «Въ жизни мрачной и презрѣнной»... (см. выше, № 233), гдѣ Толстой уже былъ названъ картежнымъ воромъ. О причинѣ ихъ ссоры А. Н. Вульфъ разсказывалъ М. И. Семевскому («Прогулка въ Тригорское» «Спбургс. Вѣдом». 1866 г., № 139; Л. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 222), что, сидя въ Михайловскомъ, Пушкинъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль и «готовился стрѣляться съ извѣстнымъ, такъ называемымъ американцемъ Толстымъ. Гдѣ-то въ Москвѣ Пушкинъ встрѣтился съ Толстымъ за карточнымъ столомъ. Была игра. Толстой передернулъ. Пушкинъ замѣтилъ ему это. «Да я самъ это знаю,»—отвѣчалъ ему Толстой,—«но не люблю, чтобъ мнѣ это замѣчали». Вслѣдствіе этого Пушкинъ намѣревался стрѣляться съ Толстымъ и, готовясь къ этой дуэли, упражнялся въ стрѣльбѣ». Разсказъ не внушаетъ особаго довѣрія въ томъ отношеніи, что едва ли Толстой и Пушкинъ поссорились изъ-за карточной исторіи; замѣтимъ, что Вульфъ (или Семевскій) ошибся, указывая, что игра происходила въ Москвѣ: тамъ Пушкинъ не бывалъ почти съ дѣтства до возвращенія изъ Михайловскаго. Отношенія ихъ остались съ виду дружескими, хотя это не помѣшало Пушкину написать на Толстого извѣстную эпиграмму. 18 октября 1822 г. Пушкинъ писалъ брату, укоряя его за то, что тотъ показалъ одно его письмо Плетневу: «вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности К. Шаховского». М. Н. Лонгиновъ (Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1752) думалъ, что, «вѣроятно, первая эпиграмма Пушкина дошла до графа Толстого черезъ нескромность князя А. А. Шаховского». Въ первой печатной редакціи посланія о Толстомъ было напечатано: «глупца—философа». Поэтъ, увидѣвъ это въ печати, писалъ Н. И. Гречу 21 сентября 1821 г.: «зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ, но лишняя брань не бѣда». Тутъ же Пушкинъ задѣлъ М. Т. Каченовскаго—«не изъ ненависти къ нему,»—признавался поэтъ въ письмѣ къ Вяземскому 2 января 1822 г.,—«но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстого, котораго презирать мудренѣе». Эпиграфомъ къ «Кавказскому Плѣннику» Пушкинъ хо-

---

1) Ср. статьи «Пушкинъ и Раевскіе» и «Пушкинъ и декабрьское движеніе».

2) Помѣщаемый здѣсь портретъ Давыдова въ молодости (Изъ сборника «86 декабристовъ») вполнѣ подтверждаетъ сообщеніе Горчакова. Давыдовъ одѣтъ тутъ, повидимому, малороссійскимъ парубкомъ. *Ред.*

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ДАВЫДОВЪ
въ молодости.

тѣлъ было взять стихи изъ посланія князя П. А. Вяземскаго къ Толстому: «подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьяхъ страсти—легкій листъ», но отъ этого эпиграфа Пушкинъ отказался, хотя онъ ему очень нравился: «понимаешь, почему не оставилъ его»,—писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г.; очевидно, поэтъ боялся подать читателямъ поводъ къ сравненію и сопоставленію популярнаго Американца съ плѣнникомъ, а Толстому—къ какому-нибудь новому вранью и хвастовству. Вяземскому очень не понравились стихи о Толстомъ въ посланіи къ Чаадаеву, и, готовя сборникъ своихъ стихотвореній, Пушкинъ, по совѣту друга, исключилъ эти стихи изъ посланія: «вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились»,—писалъ онъ Вяземскому въ серединѣ апрѣля 1825 г.—«единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не по нутру». Вяземскій былъ очень друженъ съ Толстымъ и въ стихахъ своихъ и разсказахъ объ американцѣ выказалъ глубокую симпатію къ нему (Сочин. Вяземскаго, III, 161—163; VIII, 58—60). Брату, который вмѣстѣ съ Плетневымъ хлопоталъ по изданію, Пушкинъ писалъ тогда же: «о посланіи къ Ч. скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно)». Эта эпиграмма-пасквиль намъ неизвѣстна. Можно думать, что она-то едва и не стала причиной дуэли между Толстымъ и Пушкинымъ, который немедленно по пріѣздѣ въ Москву хотѣлъ драться съ Толстымъ; но противниковъ помирили общіе пріятели, и бывшіе враги подружились. Впрочемъ, несмотря на сближеніе съ Толстымъ, который въ 1829 г. былъ даже сватомъ поэта, Пушкинъ отвелъ ему обѣщанное мѣсто въ «Онѣгинѣ», безъ злобы и раздраженія придавъ нѣкоторыя его черты секунданту Ленскаго Зарѣцкому (Н. Л е р н е р ъ, «Съ кого Пушкинъ списалъ Зарѣцкаго?»—«Русс. Стар.» 1908 г., февр., 419—427).

Два слѣдующіе стиха направлены противъ литературнаго противника всего карамзинскаго кружка—М. Т. Каченовскаго, который въ «Вѣстн. Европы» подписывался иногда псевдонимомъ: «Лужницкій старецъ»; имя «Лужниковъ» можетъ быть разсматриваемо или какъ родительный падежъ слова «Лужники» (часть Москвы, гдѣ жилъ Каченовскій), или какъ шуточная фамилія, ясно намекающая на «Лужницкаго старца». Стихъ: «И сплетней разбирать игривую затѣю»... обидѣлъ П. А. Катенина, который, не понявъ, что здѣсь рѣчь идетъ о сплетняхъ, отравлявшихъ существованіе Пушкина въ послѣдніе мѣсяцы передъ его высылкой изъ Петербурга, увидѣлъ намекъ на свою комедію «Сплетни» и попенялъ на это Пушкину (въ недошедшемъ до насъ письмѣ). Пушкинъ отвѣчалъ ему 19 іюля 1822 г.: «Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ... Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?» Черезъ два дня Пушкинъ писалъ брату: Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ

немъ». Въ письмахъ и стихахъ Пушкина 1820—1821 гг. часто встрѣчаются жалобы на «сплетни шумныя глупцовъ», «шопотъ клеветы»...

Извѣстно, какъ Пушкинъ въ молодости любилъ Чаадаева. Разбираемое посланіе къ нему—отчетъ младшаго друга старшему другу-мудрецу, высокому литературному и нравственному авторитету въ глазахъ поэта. Это настоящая исповѣдь высоко настроеннаго сердца и просвѣтленной упорною работою надъ собою души. Пушкинъ оцѣниваетъ пережитыя имъ недавно впечатлѣнія. Изгнаніе изъ Петербурга совпадало съ желаніями самого поэта, который писалъ въ 1820 г. (Погасло дневное свѣтило»...): «Искатель новыхъ впечатлѣній, я васъ бѣжалъ, отечески края; я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій, минутной младости минутные друзья»... Эти стихи стоятъ въ связи съ словами разбираемаго посланія о «безумцахъ молодыхъ» и о «сѣтяхъ», разорванныхъ поэтомъ, который вскорѣ, въ стихахъ «Къ Овидію», назвалъ себя «изгнанникомъ самовольнымъ». Поэтъ съ наслажденіемъ, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія разсказываетъ другу о своей новой жизни; это мѣсто посланія даетъ очень важныя свѣдѣнія о тогдашней душевной жизни Пушкина, о его стараніяхъ «стать съ вѣкомъ наравнѣ», познать «заботы, цѣль и системы». Пушкинъ тогда много читалъ; книгами его снабжали М. Ѳ. Орловъ, И. Н. Инзовъ, П. С. Пущинъ, И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., 1140, 1260—1261). Посланіе проникнуто дружеской любовью и благодарностью. Чаадаевъ не только былъ для Пушкина нравственной опорой, но въ 1820 г. въ критическую минуту сумѣлъ придти ему на выручку и своимъ вмѣшательствомъ помогъ ему попасть изъ Петербурга на югъ, а не въ менѣе теплые края. «Строгій взоръ», сочетающійся съ внутреннимъ «жаромъ», «всегда мудрецъ, а иногда мечтатель, вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель»—эти черты даютъ великолѣпный обликъ Чаадаева. Только съ нимъ, «единственнымъ другомъ», Пушкинъ могъ говорить о «системахъ и цѣляхъ», которыхъ такъ страстно доискивался Чаадаевъ. Впослѣдствіи Пушкинъ охладѣлъ къ Чаадаеву, и благодѣтельное вліяніе этого человѣка на Пушкина изсякло, но Чаадаевъ не переставалъ гордиться своей ролью въ жизни Пушкина; когда, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, П. И. Бартеневъ въ своихъ статьяхъ о молодости Пушкина не сказалъ о немъ ни слова, Чаадаевъ обидѣлся и жаловался С. П. Шевыреву: «это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня... Бартеневъ находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла... Надѣюсь, однако жъ, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія... Неужто г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго впослѣдствіи онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на это развитіе?» (Л. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 327—328). Въ томъ же 1821 г. Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, отъ котораго до насъ дошелъ одинъ листокъ: «Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя»...

«Вольнолюбивыя надежды» напоминаютъ извѣстное посланіе къ нему же 1818 г.; съ обѣщаніями «отчизнѣ посвятить души высокіе порывы». (Отмѣтимъ кстати, что въ поступившихъ въ Импер. Публичн. Библіотеку бумагахъ Н. Н. Шильдера отыскалась копія этого посланія, относящаяся къ тому же году и добытая, вѣроятно, путемъ почтовой перлюстраціи). Это слово, «вольнолюбивыя», заставило цензуру вычеркнуть изъ «Сына Отечества» весь стихъ, вошедшій въ пьесу впервые въ изданіи П. А. Ефремова, (1880 г.). По этому поводу Пушкинъ писалъ Гречу 21 сентября 1821 г.: «Ужъ эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ». Такъ какъ этотъ стихъ былъ выброшенъ, то пришлось для связи предыдущаго стиха съ послѣдующимъ замѣнить слово «Или» въ послѣднемъ другимъ словомъ, и редакція придумала—«глупца», что вызвало (см. выше) нѣкоторое недовольство Пушкина. Шеппингъ, о которомъ упоминается въ послѣднемъ стихѣ и имя котораго Пушкинъ въ печати замѣнилъ ***, должно быть, являлся въ глазахъ Пушкина и Чаадаева символомъ скуки и пошлости. О немъ Пушкинъ упоминаетъ въ посланіи къ кн. А. М. Горчакову, 1819 г., какъ о «царѣ вялаго, бездушнаго собранья», «гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель, а скука—предсѣдатель». О баронѣ Дим. Андр. Шеппингѣ (1790—1874гг.) см. «Остаф. Архивъ кн. Вяземскихъ», III, прим. В. И. Саитова, стр. 685—686; «Вѣстн. Европы» 1887 г., декабрь, 456; Сочин. Пушкина, изд. Суворина, ред. Ефремова, VIII, 157; «Былое» 1906 г., апрѣль, 188—189; «Русс. Арх.» 1906 г., III, 616—617; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» III, 401, 412; Сб. И. Р. Ист. Об., т. 78, стр. 249. А. О. Смирнова («Русс. Арх.» 1895 г., II, 197) говоритъ о немъ какъ объ извѣстномъ сплетникѣ. [1])

Бѣлинскій отнесъ посланіе къ Чаадаеву къ числу «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ «найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество». П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П», 2-е изд., стр. 82—83) говоритъ, что оно «по твердости кисти, мѣткости эпитетовъ и простотѣ поэтическаго языка есть первообразъ знаменитаго посланія Вельможѣ». Слова Анненкова («Пушкинъ въ Александровскую

1) Мы даемъ мѣсто этимъ свѣдѣніямъ о Шеппингѣ, потому что, за исключеніемъ П. О. Морозова и насъ, всѣ редакторы *** замѣняютъ фамиліею Шеппингъ. П. О. Морозовъ въ изд. «Просвѣщенія» (1903 г., т. I, стр. 366) первый опредѣленно заявилъ:

«Въ черновой рукописи посланія къ Чаадаеву 1821 г. (моск. публ. музей № 2367, л. 7 оборотъ), вполнѣ четко написано: «Гони ты Шенинга отъ нашего порога».

Мы провѣряли указаніе Морозова по рукописи и вполнѣ его подтверждаемъ. Поэтому мы тоже въ текстѣ посланія къ Чаадаеву приняли чтеніе Шенингъ, а не Шеппингъ, хотя въ пушкинской литературѣ ничего о Шенингѣ неизвѣстно. Вполнѣ опредѣленныя указанія и пушкинскаго текста считаемъ для себя обязательными. Въ посланіи къ Горчакову (т. I, стр. 547) мы, на этотъ разъ не соглашаясь съ П. О. Морозовымъ, приняли чтеніе Шеппингъ, потому что тамъ рукописи Пушкина нѣтъ, а въ первоисточникѣ Шеппингъ. *Ред.*

эпоху», стр. 156), что «спокойный, мудро-эпическій тонъ пьесы находится въ совершенномъ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о бѣшеной жизни Пушкина въ эту эпоху», вызвали справедливое возраженіе В. А. Мякотина («Изъ пушкинской эпохи»—Сборникъ «Русс. Богатства», II, 1900 г., стр. 209): «осторожность завела въ данномъ случаѣ біографа черезчуръ далеко и сообщила ему нѣкоторую близорукость... Если бы даже у насъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ жизни Пушкина въ Кишиневѣ, одного перечня созданныхъ и задуманныхъ имъ здѣсь произведеній было бы достаточно, чтобы видѣть, какъ энергична и плодотворна была его работа за это время».

---

267. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

(Т. II, стр. 64).

Пьеса находится въ рукописи московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 31 и 33). Впервые она была напечатана въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 245—248), съ пропусками и ошибками, понемногу возстановленными и исправленными Анненковымъ, Ефремовымъ, Якушкинымъ, Морозовымъ и Л. Майковымъ. Въ тетради, гдѣ записаны эти стихи, недостаетъ цѣлаго листа (32-го), и послѣ стиха: «Въ немъ быстрой чередою»... слѣдуетъ пробѣлъ, вѣроятно, довольно значительный. Въ концѣ пьесы помѣта: «Кишиневъ, 11 апрѣля 1821». Печатается здѣсь съ подлинника; о варіантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Стихи «Къ моей чернильницѣ» написаны, повидимому, одновременно съ посланіемъ Чаадаеву, о которомъ такъ тепло и нѣжно вспоминаетъ Пушкинъ въ концѣ пьесы. Они вводятъ насъ въ тайникъ пушкинскаго творчества и знакомятъ съ физіологіей поэзіи. Пушкинъ самъ разсказываетъ, какъ часто случалось ему забываться съ перомъ въ рукѣ и забывать назначенный друзьями «часъ похмѣлья». Можно горько пожалѣть, что до насъ не дошло, вѣроятно, находившееся на вырванномъ листкѣ описаніе «пира воображенья», и поэтъ не разсказалъ намъ, какія видѣнія носились передъ нимъ въ волшебной дымкѣ, окутывавшей его чернильницу въ эти вдохновенные часы. Разсказъ о такихъ видѣніяхъ онъ оставилъ въ «Осени», 1830 г.: «Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ... И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей, знакомцы давніе, плоды мечты моей»... И поэтъ рисуетъ цѣлую галлерею видѣній—тутъ и Русланъ, и Скупой Рыцарь, и Ольга съ Татьяной. Можетъ быть, и здѣсь передъ нимъ «быстрой чередою» проносились подобныя видѣнія. Въ такія минуты ему писалось свободно и легко, и онъ самъ дивился той простотѣ и легкости, съ какою ему давались новое сочетаніе словъ, новая странная риѳма. Въ «Домикѣ въ Коломнѣ» онъ съ шутливой увѣренностью сказалъ: «Вѣдь риѳмы запросто со мной живутъ: двѣ придутъ сами, третью приведутъ». «Въ этомъ небрежномъ наброскѣ»—замѣтилъ Н. Ѳ. Сумцовъ («Харьковс. универс. сборникъ въ память П.», 1900 г., 62),—«заслуживаетъ вниманія признаніе поэта, что концы стиховъ открываютъ иногда нежданное стеченье звуковъ или словъ, другими словами—открываютъ для ума новыя перспективы и для сердца новые источники сильнаго чувства». Стихотвореніе бросаетъ свѣтъ на понятіе Пушкина о «лѣни», томъ кажущемся бездѣйствіи, въ тиши котораго зрѣютъ творческія думы, которое поэтъ призывалъ («Сонъ», 1816 г.): «Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!... Учи меня, води моей рукой; все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!» Пушкинъ обозрѣваетъ въ нѣсколькихъ словахъ свое творчество, славившее свободу, радости жизни и природу, клеймившее злобу и пошлость веселой эпиграммой и не запятнанное «ни лестью, ни измѣной» Отвѣчая на упреки друзей, ожидавшихъ отъ него писемъ, поэтъ превосходно характеризуетъ свою переписку съ ними, живо и полно отражавшую всю его жизнь. П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1143—1144), цитируя это мѣсто, обращаетъ вниманіе «на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ схваченъ характеръ его дружеской переписки». Пьеса проникнута радостнымъ и свѣтлымъ духомъ, и очень трогателенъ переходъ къ Чаадаеву, которому поэтъ завѣщаетъ свою чернильницу, вѣря, что дружба сохранитъ ее неприкосновенной, что она «останется вѣкъ нѣмая».

Бѣлинскій, пользовавшійся посмертнымъ изданіемъ, гдѣ стихи были невѣрно помѣщены въ числѣ лицейскихъ, удивлялся, «какъ рано проснулся въ Пушкинѣ артистическій элементъ. Еще отрокомъ»... и т. д. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 308) увидѣлъ въ нихъ «послѣдній отголосокъ длинныхъ и легкихъ посланій во вкусѣ Батюшкова, которыми Пушкинъ началъ свое литературное поприще».

---

268. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ...

(т. II, стр. 65).

Автографы этой шутки находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 24) и № 2367 (л. 8); въ послѣднемъ болѣе отдѣланный текстъ, вышеозначенное заглавіе и дата: «12 апр.». Судя по положенію ея среди черновиковъ, она написана въ 1821 г.; Ефремовъ (Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, I, 452; VIII, 181) невѣрно отнесъ ее къ 1822 г., а Морозовъ (Сочиненія П., изд. «Просвѣщенія», I, 289) по ошибкѣ помѣтилъ ее 12 февраля. Въ первый разъ она была напечатана, съ невѣрнаго списка, въ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1861 г. Русскимъ (Н. В. Гербелемъ), стр. 26, 228, 236, съ примѣчаніемъ: «написано къ одной кишиневской еврейкѣ, бывшей въ 1821 г. предметомъ нѣжной привязанности нашего поэта». Анненковъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 178) говоритъ: «циническія эпистолы къ еврейкѣ, содержательницѣ одного постоялаго дома, довершаютъ рядъ застольныхъ экспромтовъ (?) и произведеній... оставшихся у Пушкина отъ кишиневской жизни и написанныхъ для потѣхи пріятелей». Еврейка упоминается въ началѣ «Гавріліады»; о ней говорится въ наброскахъ о кишиневскихъ дамахъ: «Вотъ Еврейка съ Тодорашкой» и въ варіантахъ посланія къ Алексѣеву (№ 270). Есть извѣстіе, что Еврейкой называли М. Е. Эйхфельдтъ за ея воображаемое сходство съ Ревеккой изъ романа Вальтера Скотта «Айвенго»,

О ЕврейкѢ Пушкинъ иногда спрашивалъ Н. С. Алексѣева, который писалъ ему 30 октября 1826 г., въ отвѣтъ на разспросы о кишиневскихъ знакомыхъ: «сцена кишиневская опустѣла... одна Еврейка осталась на своемъ мѣстѣ...» 1 декабря, отвѣчая Алексѣеву, Пушкинъ вспомнилъ Еврейку. Упоминаніе въ письмѣ Пушкина къ Алексѣеву, 26 декабря 1830 г., объ «ЕврейкѢ, которую такъ долго и такъ упорно таилъ ты отъ меня», показываетъ, что этой Еврейкой была именно М. Е. Эйхфельдтъ (о ней см. ниже, № 282). Отвѣчая на это письмо, Алексѣевъ извѣщалъ Пушкина, 14 января 1831 г., что Еврейка овдовѣла. Мужъ М. Е. Эйхфельдтъ скончался въ 1827 или 1828 г. (см. дѣла Архива упраздненнаго Новоросс. и Бессарабск. генералъ-губернатор. управленія №№ 190—192, 1825 и 1828 г.). Можетъ быть, здѣсь рѣчь идетъ о настоящей еврейкѢ-корчемницѢ, а не объ Эйхфельдтъ [1]). Сообщая въ письмѣ Вяземскому въ концѣ декабря 1822 г. или началѣ января 1823 г. «нѣсколько пакостей», Пушкинъ послалъ другу въ числѣ ихъ и эти стихи. В. Я. Брюсовъ («Письма П. и къ П-ну», стр. 13—15) напечаталъ ихъ «со старинной копіи».

.....

269. НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ...

(т. II, стр. 65).

Автографъ этой пьесы, бывшій у П. В. Анненкова, находится въ библіотекѢ академіи наукъ, въ майковской коллекціи, по словамъ описанія которой («Пушкинъ и его современники» IV, 3, № 5), это бѣловой списокъ, съ немногими поправками, на четвертушкѢ синей бумаги. Съ этого подлинника впервые напечаталъ ее Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ» (1-е изд., стр. 35, 40—41), съ замѣчаніемъ, что въ ней Пушкинъ «соединилъ въ одной, удивительно изящной рамѣ лицейскія воспоминанія съ воспоминаніями своего младенчества, видѣнія семнадцатаго года съ портретомъ бабушки, Марьи Алексѣевны, занимавшей его ребяческія лѣта». Автографъ недоступенъ (см. «Пушк. и его соврем.», IV, 1—2); Анненковъ не датировалъ пьесы. Геннади въ своемъ изданіи (т. I, стр. 258) напечаталъ ее подъ 1821 г., и съ тѣхъ поръ она такъ и датируется. Геннади руководствовался, вѣроятно, близостью этой пьесы по духу и содержанію къ «МузѢ», носящей помѣту 14 февраля 1821 г., и съ нѣкоторымъ «приближеніемъ» можно принять геннадіевское опредѣленіе. И. С. Аксаковъ (сб. «Пушкинъ», II, М., 1885, стр. 189) обратилъ вниманіе на ея «зрѣлое художественное совершенство». Несомнѣнно, она не могла принадлежать къ раннему періоду пушкинскаго творчества. О «МузѢ», такъ напоминающей это стихотвореніе, Пушкинъ сказалъ, что она отзывается стихами Батюшкова. («Ты былъ младенцемъ, и тебя лелѣялъ весь Парнасъ, и Музы гимны пѣли, качая колыбель усердною рукой»).

Весьма возможно, что поэтъ дѣйствительно вспоминаетъ здѣсь о своей бабушкѢ, хотя изъ самаго стихотворенія прямо этого не видно. Описанная здѣсь старушка въ шушунѣ могла быть и няней. Въ пьесѣ «Сонъ», 1816 г., поэтъ подобными чертами описалъ свою мамушку, разсказывавшую ему сказки, отъ которыхъ «въ вымыслахъ носился юный умъ». ВѢрнѣе будетъ рѣшить, что здѣсь не опредѣленная, реальная фигура, не портретъ одного, а не другого лица, а сліяніе чертъ двухъ старыхъ подругъ его младенчества въ одномъ образѢ, въ которомъ поэтъ увидѣлъ первое воплощеніе своей музы. Когда изсякло очарованіе старухи-сказочницы, муза сумѣла явиться поэту въ новомъ видѣ, еще плѣнительнѣе и краше—какъ «дѣва тайная», и учила его поэзіи «въ нѣмой тѣни дубовъ» («Муза»), «въ таинственныхъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѢ» («Евгеній ОнѢгинъ»). Описаніе красавицы-Музы въ разбираемыхъ стихахъ такъ реально и конкретно, при удивительной чистотѢ и нѣжности, что можно думать, нѣтъ ли въ ея образѢ чертъ какой-нибудь красавицы, плѣнившей молодого поэта. Въ галлереѢ созданій пушкинскаго вдохновенія эти полупризрачные, воздушные лики Музы-старушки и Музы-красавицы принадлежатъ къ самымъ прекраснымъ, вызывающимъ радость и умиленіе. Увлекающаяся и талантливая Кохановская сдѣлала «два довольно достовѣрныхъ предположенія. Первое: что эта пѣснь о Музѣ была задушевной пѣснью Пушкина, которою онъ не спѣшилъ подѣлиться съ публикою, и такимъ образомъ она забылась и затерялась въ его бумагахъ. И второе: что она написана послѣ «Музы»: «Въ младенчествѢ моемъ»... Высоко-художественный, но вполнѣ классической образъ этой Музы, по всей вѣроятности, не удовлетворилъ живыхъ ощущеній поэта, принимаемыхъ полнѣе и многообразнѣе его душою въ наитіи ласкающаго вдохновенія; и потомъ еще: онъ не удовлетворялъ самобытности творческаго представленія Пушкина въ образахъ его фантазіи. И вотъ, отвергнувъ имя и самую память преданій древняго классицизма, является намъ эта «наперсница волшебной старины» со всей чудной прелестію простого жизненнаго образа, со всею самобытностію народнаго представленія поэта!... Какая грація въ преображеніи этого образа!... Здѣсь все фантазія, начиная отъ мысли до поэтическаго образа, придаваемаго ей. И въ самый этотъ миѳъ восторженной поэтической грезы Пушкинъ могъ внести такіе жизненные образы, что біографъ его въ состояніи назвать ихъ по имени»... («Русс. БесѢда» 1859 г., № 5, стр. 53—55).

---

270. АЛЕКСѢЕВУ.

(т. II, стр. 66).

Посланіе къ Алексѣеву находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 13—14), подъ заглавіемъ: «А—ву» и съ датой: «1821». Оно было напечатано, въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ въ музейной рукописи, въ «Полярной ЗвѢздѢ» на 1825 г., стр. 109—110, и въ сборникахъ стиховъ Пушкина, 1826 г., 153—154, и 1829 г., 1,

[1]) Головка, которую мы дали на стр. 65, какъ будто говоритъ о томъ, что Пушкинъ заинтересовался въ КишиневѢ настоящею еврейкою. Нескромный конецъ стихотворенія, обращеніе: Ревекка, указанія на Моисея, противопоставленія Христа, все это обиліе указаній на еврейство, тоже приводятъ къ мысли, что тутъ рѣчь идетъ о дѣйствительной еврейкѢ. *Ред.*

132—134. Въ рукописи оно гораздо пространнѣе, чѣмъ въ печатной пушкинской редакціи; даемъ послѣднюю, отсылая читателя, интересующагося варіантами, къ статьѣ о текстѣ.

О Николаѣ Степановичѣ Алексѣевѣ, имя котораго сдѣлала извѣстнымъ его дружба съ Пушкинымъ, сохранилось очень немногое, въ разсказахъ И. П. Липранди и Ф. Ф. Вигеля, знававшихъ обоихъ друзей въ Кишиневѣ. Н. С. Алексѣевъ былъ старше Пушкина лѣтъ на десять; онъ родился въ Москвѣ, учился въ французскомъ пансіонѣ Форсевиль, былъ одно время въ военной службѣ и участвовалъ въ бородинскомъ бою. Онъ приходился родственникомъ П. Д. Киселеву, начальнику штаба второй арміи; Киселевъ опредѣлилъ его въ штатъ намѣстника Бессарабской области Бахметева. Пушкинъ засталъ его въ Кишиневѣ, гдѣ онъ жилъ уже съ 1818 г. Ф. Ф. Вигель («Записки» VI, 114—116) говоритъ, что это былъ типичный москвичъ, со «степеннымъ, благороднымъ видомъ». Онъ бывалъ у Орлова, куда проникъ «посредствомъ легонькаго московскаго оппозиціоннаго духа. Для него, по крайней мѣрѣ, знакомство сіе было полезно, ибо оно сблизило его съ Пушкинымъ, который и писалъ къ нему извѣстныя посланія въ стихахъ». Они подружились и одно время жили вмѣстѣ; у Алексѣева, разсказывалъ Вельтманъ, былъ полный сборникъ произведеній Пушкина, многія изъ которыхъ не могли быть изданы (Л. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 124, 125). Онъ, по словамъ Липранди, «былъ вполнѣ достоинъ дружескихъ къ нему отношеній Александра Сергѣевича. У нихъ были общіе знакомые въ Петербургѣ и Москвѣ; и въ Кишиневѣ Алексѣевъ, будучи старожиломъ, ввелъ Пушкина во всѣ общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словомъ, онъ изъ гражданскихъ чиновниковъ былъ одинъ, въ лицѣ котораго Пушкинъ могъ видѣть въ Кишиневѣ подобіе образованнымъ столичнымъ людямъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть». Онъ обладалъ хладнокровіемъ и тактомъ: при столкновеніи Пушкина съ полковникомъ С. Н. Старовымъ онъ способствовалъ примиренію противниковъ и успокоилъ Пушкина во время скандала съ бояриномъ Тодоромъ Балшемъ. Въ Одессѣ Алексѣевъ навѣщалъ Пушкина. Въ серединѣ марта 1824 г. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ и прожилъ двѣ недѣли у Алексѣева (Вигель, VI, 152). Въ его бумагахъ сохранился отрывокъ извѣстной статьи Пушкина о русской исторіи XVIII вѣка. Впослѣдствіи они переписывались. Въ концѣ 1826 г. Алексѣевъ обрадовалъ Пушкина сердечнымъ, теплымъ письмомъ, въ которомъ вспомнилъ трехлѣтнее пребываніе поэта въ Кишиневѣ, разсказалъ ему о кишиневскихъ знакомыхъ. Пушкинъ отвѣтилъ ему веселымъ дружескимъ письмомъ 1 декабря 1826 г. Въ 1827 г. Алексѣевъ писалъ Пушкину, сердясь на пропуски, съ которыми посланіе къ нему было напечатано: «Я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на цензуру и на издателей: литера А не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю пьесу. Именемъ всего прошу тебя—исправь эту ошибку; мое самолюбивое желаніе было, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни въ познаніяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему». Тѣмъ не менѣе, въ изданіи 1829 г. стихотвореніе было напечатано такъ же, какъ и прежде. Въ письмахъ Алексѣева два раза встрѣчаются цитаты изъ «Гавріліады». Въ послѣдній разъ Алексѣевъ подалъ Пушкину вѣсть письмомъ 23 января 1835 г.: «въ скоромъ времени я обѣщаю тебѣ сообщить нѣкоторую часть моихъ записокъ, то есть эпоху кишиневской жизни. Онѣ сами по себѣ ничтожны, но, съ присоединеніемъ къ твоимъ, могутъ представить нѣчто занимательное, потому что волею или неволею, но наши имена не разъ должны столкнуться на пути жизни» (сб. «Пушкинъ», I, М., 1881, стр. 86). О запискахъ Алексѣева намъ ничего неизвѣстно. Пушкинъ собирался писать свои воспоминанія о жизни въ Кишиневѣ и, намекая на нихъ, сообщалъ Алексѣеву 26 декабря 1830 г.: «пребываніе мое въ Бессарабіи не оставило доселѣ никакихъ слѣдовъ, ни поэтическихъ, ни прозаическихъ. Дай срокъ, надѣюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто». Въ его черновыхъ остался слѣдъ программы этихъ записокъ, относящейся къ 1833 году (см. «Русс. Стар.» 1884, сентябрь, 648), но Пушкинъ ихъ не осуществилъ. Умеръ Алексѣевъ въ концѣ пятидесятыхъ или первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. О немъ см. въ «Русс. Арх.» 1866 г., статьи П. И. Бартенева и И. П. Липранди passim; «Москвитянинъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 150—151, 156—157, «Выдержки изъ дневника» В. П. Горчакова; «Моск. Вѣд.» 1858 г., № 19, стр. 80. И. П. Липранди, «Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля», М., 1873, стр. 120, 143, 186—187; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», III, 401—412.

Посланіе вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Алексѣевъ былъ въ связи съ М. Е. Эйхфельдтъ (о ней см. №№ 268 и 282), ради которой остался на долгое жительство въ Кишиневѣ, не желая воспользоваться заманчивой возможностью перейти на службу въ Одессу къ Воронцову (Вигель, VI, 116; Липранди, 1225). По мнѣнію Липранди, Пушкинъ, «зная связи Алексѣева, не посягнулъ бы на его права». Но самъ Алексѣевъ былъ другого мнѣнія и не желалъ даже познакомить Пушкина съ г-жей Эйхфельдтъ. Пушкинъ и увѣрялъ Алексѣева, что не можетъ быть ему опаснымъ, такъ какъ уже недоступенъ увлеченію. Пьеса 1822 г. «Пріятелю» служитъ продолженіемъ на ту же тему: «она—прелестная Лаура, да я въ Петрарки не гожусь»,—говорилъ Пушкинъ. Въ варіантахъ есть стихъ: «Надеждѣ и Еврейкѣ вѣрь». Еврейкой прозывали М. Е. Эйхфельдтъ. Въ письмѣ къ Алексѣеву 26 декабря 1830 г., начинающемся первымъ стихомъ этого посланія, Пушкинъ вспоминаетъ о «Еврейкѣ, которую такъ долго и такъ упорно таилъ ты отъ меня». Стихи о старомъ инвалидѣ, иллюстрирующіе ту же мысль объ «осторожномъ наперсникѣ», почти дословно повторены въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (гл. 2, XVIII); см. также В. Брюсова «Письма П-на и къ П-ну», стр. 140, 165. Бѣлинскій отнесъ эти стихи къ «чисто-пушкинскимъ», въ которыхъ «чистая поэзія, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы».

271. НЕДАВНО Я, ВЪ ЧАСЫ СВОБОДЫ.

(т. II, стр. 67).

Автографъ этой пьесы находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Онъ написанъ на листкѣ синей бумаги, со многими поправками, безъ заглавія

(«Пушкинъ и его современники» IV, 4, № 7). Въ первый разъ пьеса была напечатана въ посмертномъ изданіи (IX, 128), подъ заглавіемъ: «Сѣтованіе». Вплоть до второго ефремовскаго изданія восьмой стихъ выбрасывался и замѣнялся точками; П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. А. С. Суворина, I, 397; VIII, 626) впервые возстановилъ его. Въ 1861 г. Н. В. Гербель (Русскій) никакъ не могъ узнать этого стиха (см. его изданіе стихотвореній Пушкина, Берлинъ, 1861 г., стр. XI—XII); не зналъ его и П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1144).

Посланіе къ Денису Вас. Давыдову, извѣстному партизану 12-го года, было вызвано его книжкой «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій», М., 1821 г. Пушкинъ зналъ Давыдова, вѣроятно, еще какъ члена «Арзамаса», потомъ могъ встрѣтиться съ нимъ въ Кіевѣ и Каменкѣ, у тамошнихъ Давыдовыхъ, его родственниковъ. Талантъ его Пушкинъ не только цѣнилъ, но даже переоцѣнивалъ, говоря, что оригинальностью своею обязанъ Давыдову: «онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ» («Русс. Арх.» 1874 г., II, 732). Въ разбираемыхъ стихахъ Пушкинъ тоже говоритъ о его «неподражаемомъ слогѣ». Вращаясь въ военной средѣ, самъ едва не ставши военнымъ, Пушкинъ не считалъ себя чуждымъ военному дѣлу; и тема, взятая Давыдовымъ, и личность теоретика и практика партизанской войны интересовали его, и онъ прочиталъ «уставъ наѣзднка». О Давыдовѣ и объ его отношеніяхъ къ Пушкину см. въ III т., примѣч. къ посланію къ нему 1836 г. Весьма вѣроятно, что къ этому стихотворенію относится черновой набросокъ, также 1821 г., «Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю»... (см. ниже, № 301). Бурцовъ, тѣнью котораго Пушкинъ заклинаетъ Давыдова не унижаться до прозы,— боевой товарищъ Давыдова, которому поэтъ-казакъ написалъ нѣсколько залихватскихъ стихотвореній. О немъ см. замѣтку Е. Г. Вейденбаума въ «Кавказской поминкѣ о Пушкинѣ», Тифл., 1899 г., стр. 54—55. Быть можетъ, эта пьеса и вызвала «Отвѣтъ» Дениса Давыдова, который писалъ: «Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ; я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ, и беззаботно, кое-какъ раскидывалъ передъ кастальскимъ токомъ мой независимый бивакъ»...

Бѣлинскій указываетъ на «Сѣтованье», какъ на одно изъ доказательствъ, что Пушкинъ, «взявшись за перо по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

---

272. ЖЕЛАНІЕ.

(т. II, стр. 68).

Стихотвореніе это, появившееся впервые въ посмертномъ изданіи (IX, 125), извѣстно въ трехъ автографахъ. Одинъ находится въ хранящейся въ Императ. Публичн. Библіотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 гг. (лл. 43—45); другой—въ рукописи московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 25); третій, тоже со многими поправками, въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, на двухъ листкахъ («Пушкинъ и его современники» IV, 4, № 6). Дата устанавливается по положенію пьесы среди черновиковъ. П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1137) безъ всякихъ основаній отнесъ ее къ январю или февралю 1821 г., рѣшивъ, что она «очевидно (?), вызвана свиданіемъ съ Раевскими» въ Каменкѣ. Часть музейнаго автографа воспроизведена въ снимкѣ въ «Русс. Вѣстн.» 1899 г., іюнь, 385: на 396—397 стр. дана транскрипція этого снимка.

«Желаніе» полно воспоминаній о Крымѣ и о женщинѣ, которую любилъ тамъ Пушкинъ. Ея имя онъ скрылъ подъ безличнымъ, нарицательнымъ именемъ Эльвины; оно встрѣчается и въ лицейскихъ стихахъ (см. пьесы «Наѣздники» «Къ ней», 1816 г.), и въ «Онѣгинѣ» (гл. 1, XXXII). Въ эту женщину Пушкинъ влюбился въ Крыму. Это видно изъ того мѣста въ «Путешествіи Онѣгина», гдѣ Пушкинъ, описывая Крымъ, говоритъ:

А т а м ъ, межъ хижинокъ Татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

Въ концѣ «Бахчисарайскаго Фонтана», гдѣ почти дословно повторенъ цѣлый рядъ стиховъ изъ «Желанія», Пушкинъ такъ же останавливаетъ себя, говоря объ этой женщинѣ, и не хочетъ «лирою нескромной свое безумство разглашать». Въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» (1824 г.) Пушкинъ говоритъ.

О д н а была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви...

Такая любовь въ жизни Пушкина была, но его признанію, о д н а, и, судя по обстановкѣ, въ которой протекала она, поэтъ зналъ эту женщину въ Крыму. Эта любовь отразилась въ разбираемой пьесѣ и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, между прочимъ въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ». Это подтверждаетъ ошибку М. О. Гершензона, искавшаго предметъ этой любви въ Петербургѣ и пытавшагося найти его въ лицѣ княгини М. А. Голицыной (см. ниже, примѣч. къ №№ 275, 276, 378). Побывать въ Крыму Пушкину больше не пришлось, и, когда въ 1824 г. А. Л. Давыдовъ звалъ его туда, Пушкинъ отвѣтилъ: «Нельзя, мой толстый Аристиппъ»... Въ этихъ немного тягучихъ, томныхъ, словно усталыхъ строкахъ, гдѣ отражаются «ясныя, какъ радость, небеса» Крыма, отразилась и душа молодого поэта, съ ея жаждой мира и сладкаго созерцательнаго покоя, въ тиши котораго зрѣютъ творческія думы, съ ея вѣчнымъ стремленіемъ къ прекрасному, съ глубоко затаенной въ ней памятью самой чистой, нѣжной юношеской любви.

---

273. ГРОБЪ ЮНОШИ.

(т. II, стр. 69).

Извѣстны три автографа этой пьесы. Самая ранняя редакція находится въ 2365-й тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 43—45), безъ заглавія; другая, съ нѣкоторыми измѣненіями,— въ 2366-й музейной тетради (лл. 2—3), гдѣ озаглавлена: «Элегическій отрывокъ»; окончательная редакція находится въ тетради гр. Капниста (лл 2—3), подъ заглавіемъ: «Гробъ юноши (отрывокъ)».

написаннымъ вмѣсто другого, зачеркнутаго: «Отрывокъ изъ Элегіи», и съ помѣтой: «1821» (*Л. Майковъ*, «Автографы П., принадлежащіе графу П. И. Капнисту», Спб., 1896, стр. 3; «Матеріалы для академич. изданія сочиненій П.», стр. 121—124). Послѣдній текстъ почти одинаковъ съ печатнымъ. Пушкинъ напечаталъ пьесу въ своихъ сборникахъ 1826 г., стр. 16—18, и 1829 г., ч. I, стр. 109—111.

«Превосходное стихотвореніе»—говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи (т. II, стр. 311)—«навѣяно, быть можетъ, извѣстіемъ о смерти одного изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Корсакова, скончавшагося во Флоренціи, но частный случай, какой бы онъ ни былъ, является здѣсь въ свѣтломъ отраженіи поэзіи и искусства». Николай Александровичъ Корсаковъ, лицейскій товарищъ Пушкина, былъ выпущенъ въ 1817 г. изъ лицея однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, съ правомъ на серебряную медаль и съ чиномъ коллежскаго ассессора. Онъ умеръ во Флоренціи, секретаремъ нашего посольства въ Римѣ, 26 сентября 1820 г. Въ Италію онъ уѣхалъ уже больной; предъ отъѣздомъ онъ записалъ на память въ альбомъ Е. А. Энгельгардту: «Богъ знаетъ, вернусь ли; Богъ знаетъ, увижу ль мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней»... Онъ, по словамъ барона М. А. Корфа, «былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ... Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ» («Русс. Стар.» 1894 г., № 6, стр. 552). О Корсаковѣ см. т. I, 138; *И. Селезневъ*, «Историческій очеркъ Имп. Александр. Лицея», Спб., 1861, стр. 167, прилож.. 147; «Русс. Стар.» 1902, августъ, 358; *Д. Ѳ. Кобеко*, «Шесть упраздненныхъ мѣстъ» («Пушкинъ и его современники», вып. V, стр. 77—78). Въ 1825 г. Пушкинъ помянулъ Корсакова тепло и нѣжно: «Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ»... и т. д. (см. выше, стр. 382). Корсаковъ положилъ на музыку стихи Пушкина и Илличевскаго «О Делія драгая!...» Въ «Пирующихъ студентахъ» Пушкинъ назвалъ его—«милый нашъ пѣвецъ, любимый Аполлономъ»...

«Изъ переходныхъ пьесъ Пушкина»—сказалъ Бѣлинскій—«лучшія тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти...» Сколько этой поэтической грусти, этого поэтическаго раздумья въ прелестномъ стихотвореніи «Гробъ юноши»! Все окончаніе этой прекрасной пьесы, заключающее въ себѣ картину гроба юноши, дышетъ такой свѣтлой, ясной и отрадной грустью, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа Пушкина». А. И. Незеленову («П. въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 109) почудилось безъ всякихъ основаній къ тому, «субъективное чувство» въ словахъ о женщинѣ, любившей умершаго юношу. Б. В. Никольскій («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», Спб., 1899 г., стр. 9) нашелъ, что матеріаломъ для этой элегіи послужила лицейская пьеса «Наѣздники», 1816 г.; съ этимъ, конечно, нельзя согласиться, но сходство между обоими стихотвореніями есть. Слова: «Пріспѣютъ годы, и будешь то, что нынѣ мы»... напоминаютъ варіантъ конца посланія Алексѣеву (№ 270): «Пройдутъ любви мечтанья,—и будешь то, чѣмъ я теперь»... Вопросъ «Къ чему?», которымъ Пушкинъ обрываетъ разсказъ о скорби той, которая любила юношу, чрезвычайно характеренъ для жизнерадостнаго міроощущенія Пушкина, который не любилъ подолгу задерживаться на тяжелыхъ чувствахъ и, отдавъ имъ должное, легко и просто оставлялъ ихъ. Такъ же въ «Онѣгинѣ» (7, XIV) обрываетъ онъ слова о томъ, что о Ленскомъ «два сердца, можетъ быть, еще грустятъ... на что грустить?» Вся пьеса проникнута жаждой мира и покоя. Смерть юноши такъ же прекрасна и легка, какъ была легка и прекрасна его жизнь, въ которой не довелось ему узнать ни измѣны въ дружбѣ и любви, ни холода черствой старости.

---

274. КИНЖАЛЪ.

(т. II, стр. 70).

Первоначальная редакція «Кинжала», неполная и безъ заглавія, находится въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 г. (лл. 45—46 и 64). Бѣловая редакція, переписанная чужой рукою, находится въ принадлежащемъ московскому Румянцовскому музею сборникѣ С. Д. Полторацкаго (№ 3015, стр. 104—106); въ этой рукописи конецъ пьесы, отъ словъ: «О Зандъ, твой вѣкъ угасъ»... дописанъ самимъ авторомъ, который, очевидно, въ шутку, тутъ же подписался: *Не А. Пушкинъ*. Впервые пьеса была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» 1856 г., II, стр. 8—9, затѣмъ перепечатана въ «Русс. Библіотекѣ» 1858 г., I, 11—12 и въ «Русс. Архивѣ 1876 г., III, 211 - 212. Здѣсь принятъ текстъ рукописи Полторацкаго, авторизованной рукою самого поэта.

Пьеса написана въ 1821 г., какъ видно изъ составленнаго Пушкинымъ списка произведеній 1821 г. (Румянц. муз., № 2365, л. 53; «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 103). П. О. Морозовъ («Сочиненія П»., изд. «Просвѣщ.», I, 593) безъ объясненія причинъ отнесъ ее къ іюлю 1821 г. М. Н. Лонгиновъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1749) говоритъ, что «по нѣкоторымъ извѣстіямъ стихотвореніе «Кинжалъ» написано или, лучше сказать, импровизировано Пушкинымъ позже 1821 г.», но это сообщеніе, конечно, невѣрно. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому: «я обѣщалъ Н. М. [Карамзину] два года ничего не писать противу правительства и не писалъ. Кинжалъ не противу правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно» (см. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву», Спб., 1866 г., стр. 290). Обѣщаніе, данное Карамзину, относится къ апрѣлю 1820 г., когда Карамзину пришлось ходатайствовать передъ властями за Пушкина, которому грозила худшая участь, нежели высылка на югъ. «Кинжалъ» дѣйствительно написанъ въ этотъ обѣщанный Карамзину періодъ «затишья» пушкинской политико-сатирической музы. Графъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ П. И. Бартеневу, что Пушкинъ прислалъ Карамзину «не раньше 1821 г. изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои «Кинжалъ». У Карамзиныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ»... (Русс. Арх.» 1866 г., 1099). Разсказъ И. Д. Якушкина («Записки», изд.

2-ое, М., 1905 г., стр. 50), что уже въ 1820 г. «не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика», который бы не зналъ «Кинжала» наизусть, явно, основанъ на ошибкѣ памяти На 64 листкѣ записной книжки съ черновымъ наброскомъ «Кинжала» находится дата 22 іюня 1822 г., но къ «Кинжалу» она, очевидно, не относится («Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. ред. «Русс. Стар.» и Ѳ. К, Опочинина, Спб., 1873 г., сним. № 62; прилож., стр. 49).

1821 годъ еще былъ временемъ пушкинскихъ «вольнолюбивыхъ надеждъ», когда онъ мечталъ «кровавой чаши причаститься», и гимнъ кинжалу, по вполнѣ справедливому увѣренію самого поэта не имѣющій прямого отношенія къ русскому правительству, былъ внушенъ Пушкину и всѣмъ строемъ его политическихъ мыслей, и свѣжими воспоминаніями о недавнихъ громкихъ революціонныхъ выступленіяхъ въ Европѣ. 23 марта 1819 г. студентъ тюбингенскаго университета Карлъ-Людвигъ Зандъ закололъ въ Мангеймѣ извѣстнаго писателя Августа Коцебу, бывшаго однимъ изъ столповъ реакціи и не безъ основанія подозрѣвавшагося въ сношеніяхъ съ всемогущимъ тогда русскимъ правительствомъ. 20 мая 1820 г. н. ст. Зандъ былъ казненъ. Онъ надолго сталъ однимъ изъ любимыхъ героевъ воображенія поэта, восторгавшагося подвигомъ «юнаго праведника», «Ты стоишь лавровъ Герострата иль смерти нѣмца Коцебу»,—писалъ онъ въ эпиграммѣ 1820 г. Такъ же восхищался Пушкинъ Пьеромъ Лувелемъ, который, рѣшивъ, что родъ Бурбоновъ долженъ быть искорененъ, убилъ 13 февраля н. ст. 1820 г. наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго, отца извѣстнаго впослѣдствіи претендента на французскую корону графа Шамбора (Генриха V). А. Г. Родзянко разсказывалъ историку отечественной войны Михайловскому-Данилевскому, что «видѣлъ самъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портретъ убійцы герцога Беррійскаго, Лувеля, съ его надписью: «Урокъ царямъ»... Онъ присовокупилъ, что, служа въ гвардіи съ 1816 по 1820 годъ, онъ видѣлъ, что духъ либерализма чрезвычайно усиливался между молодыми людьми, и что слѣдующій стихъ, помѣщенный въ одной изъ его пьесъ: «Гимнъ Занду на устахъ, въ рукахъ портретъ Лувеля»... не есть вымышленный, но истинно списанъ съ натуры» («Русс. Стар.» 1890 г., ноябрь, 504—505). «Кинжалъ», повидимому, быстро распространился. Уже въ маѣ 1822 г. В. И. Туманскій бранилъ Родзянко за его подлость и привелъ два стиха изъ его сатиры, недошедшей до насъ: «И всѣ его права: иль два иль три ноэля, гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля»... («Пис. и неиздан. стихотв.» В. И. Туманскаго», Черниг., 1891, стр. 11, 147). «Всѣ его права»—можетъ быть, намекъ на оду «Вольность», гдѣ Пушкинъ провозглашаетъ ненарушимость правъ гражданина и превозноситъ твердость законовъ. См. ст. Н. Лернера «П. и Родзянко» («Русс. Арх.» 1900, III, 145—148). Среди рисунковъ, встрѣчающихся въ пушкинскихъ бумагахъ 1821 г., есть (Рум. муз., № 2365, л. 46) кудрявая юношеская голова, съ надписью «Sand»; тутъ же, подъ другой головою, въ ночной повязкѣ, подписано «Magat» («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 100; «Русс. Вѣстн.» 1899 г., іюнь, 398 см. снимокъ выше, стр. 159). По силѣ гражданскаго чувства, по энергіи стиха «Кинжалъ» среди всѣхъ «свободолюбивыхъ» произведеній Пушкина стоитъ на первомъ мѣстѣ; много лѣтъ ходилъ онъ по Россіи въ тысячахъ списковъ; маленькій Герценъ тайкомъ переписывалъ его въ свою тетрадку («Былое и думы», «Сочиненія» Герцена, II, Спб., 1905 г., 44). Самъ Пушкинъ смотрѣлъ на эти стихи, какъ на послѣднюю дань увлеченію молодости, и въ цитированномъ выше письмѣ къ Жуковскому, вступая на путь компромисса съ правительствомъ и объясняя своему заступнику, что эта пьеса направлена не противъ правительства, говорилъ: «теперь же все это мнѣ надоѣло». По словамъ О. Н. Смирновой, отъ которыхъ отдаетъ явнымъ сочинительствомъ, Пушкинъ сказалъ ея матери о «Кинжалѣ»: «Это плохо, высокомѣрно! На самомъ дѣлѣ есть только два-три хорошихъ стиха, но теперь я гораздо требовательнѣе. Мнѣ кажется, что это стихотвореніе я написалъ на ходуляхъ, такъ оно напыщенно. Какъ человѣкъ глупъ, когда онъ молодъ!» Въ другой разъ онъ будто бы сказалъ А. О. Смирновой: «Увѣряютъ, что «Кинжалъ» мое credo, мое политическое и религіозное исповѣданіе вѣры. Точно у мальчика девятнадцати-двадцати лѣтъ можетъ быть серьезный символъ вѣры. Это ребячество!» («Записки» А. О. Смирновой, I, 19, 94) Силой чувства «Кинжалъ» напоминаетъ знаменитый монологъ Кассія въ шекспировскомъ «Юліи Цезарѣ», который схожъ содержаніемъ съ 4—5 строфами «Кинжала». 6—7 строфы навѣяны одой Шенье «A Charlotte Cordaу», «дѣвѣ Евменидѣ», убившей Марата; на это указалъ В. Д. Спасовичъ («Вѣстн. Евр.» 1888, № 3, стр. 61; сочин. Спасовича II, 307).

---

275. УМОЛКНУ СКОРО Я....

(т. II, стр. 72).

Элегія извѣстна въ трехъ автографахъ. Два черновика находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 7) и № 2367 (л. 10), съ помѣтой въ обоихъ: «23 августа 1823 г.» и съ заглавіемъ во второмъ: «Элегія». Бѣловая редакція находится въ тетради графа Капниста (л. 18), съ помѣтой: «1821» («Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 7). Въ этой редакціи Пушкинъ напечаталъ элегію въ своихъ сборникахъ 1826 г., стр. 15, и 1829 г., I, 108.

Изъ словъ самого Пушкина, который, подготовляя въ 1825 г. сборникъ своихъ стихотвореній, писалъ (27 марта) брату: «Тиснуть еще стихи Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ нея», можно видѣть, къ кому относится элегія, дѣйствительно, какъ сказано выше, появившаяся въ изданіи 1826 г. О княгинѣ Маріи Аркадьевнѣ Голицыной извѣстно очень мало. Она была внучка знаменитаго Суворова, родилась 26 февраля 1802 г., 9 мая 1820 г. вышла замужъ за князя Мих. Мих. Голицына, (1799—1856), дѣятеля 12-го года и военнаго писателя, и умерла 6 февраля 1870 г. О ней см. В. И. Саитовъ, «Петербургскій Некрополь», М., 1883 г., 36 и прим. къ «Остаф. Архиву» III, 476; князь Н. Н. Голицынъ, «Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ», Кіевъ, 1880, 31. Въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1825 г. были напечатаны стихи, посвященные ей И. И. Козловымъ.

Съ разсматриваемымъ стихотвореніемъ тѣсно связано слѣдующее: «Мой другъ, забыты мной». Въ 1823 г. Пушкинъ написалъ ей стихи: «Давно

объ ней воспоминанье»... (см. ниже, № 378). М. О. Гершензонъ («Сѣверная любовь Пушкина»,—«Вѣстн. Европы» 1908 г., январь, 288 сл.) пытался истолковать посвященные ей стихи какъ исторію любви Пушкина къ Голицыной и нарисовать ея образъ. «Это была очень молодая женщина, еще полуребенокъ, съ яснымъ духомъ, тихимъ умомъ, нѣжная и полная участья, неопытная въ страстяхъ и злѣ. Пушкинъ давно ее любилъ («дивились *д о л г о м у* любви моей мученью»). Любила ли она его? Онъ этого долго не зналъ. Была только одна минута, когда ему показалось, что онъ любимъ: онъ узналъ, отъ нея самой или чрезъ другое лицо, что ей понравились какіе-то (опредѣленные) его стихи, и что она твердила ихъ про себя. Въ августѣ 1821 г. случилось что-то, что *п о ч т и* увѣрило его въ ея взаимности; возможно, что это былъ именно тотъ случай съ его стихами. Какъ бы то ни было, 23 августа онъ пишетъ первую элегію: онъ слишкомъ поздно узналъ о ея любви, онъ мертвъ духомъ, жизнь кончена для него. Вторую пьесу онъ пишетъ черезъ два дня: она просила его разсказать ей о его бурной молодости, о томъ, сколько разъ и въ кого онъ былъ влюбленъ до нея; нѣтъ, онъ не разскажетъ ей этого; его разсказъ омрачилъ бы ея свѣтлый духъ, ее испугала бы его любовь, въ которой—его послѣднее наслажденіе. Но о ея любви къ нему онъ все время, и въ первой пьесѣ, и во второй, говоритъ неувѣренно: въ первой—«*е с л и* я любимъ», а во второй—ни разу о ея любви, все только о *с в о е й*... Эти два стихотворенія составляютъ, очевидно, одинъ этюдъ. Они написаны въ Кишиневѣ 23—25 августа 1821 г. и свидѣтельствуютъ, что предметъ его любви былъ тутъ же,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пушкинъ былъ слишкомъ правдивъ и слишкомъ конкретенъ въ своемъ творчествѣ, чтобы выдумывать сюжеты для своихъ стихотвореній». И г. Гершензонъ считаетъ Голицыну той самой (?) женщиной, которая (въ Петербургѣ (?) разсказала Пушкину легенду о бахчисарайскомъ фонтанѣ слезъ,—«сѣверной любовью Пушкина», той особой, имя которой Пушкинъ ревниво скрывалъ, таинственной красавицей, одна мысль которой была ему дороже «мнѣній всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики». Внѣ всякаго сомнѣнія, будь Голицына этой женщиной, Пушкинъ не сталъ бы направлять брата (а также и Плетнева, хлопотавшаго по изданію) прямо къ ней за этими стихами. Вполнѣ вѣроятно, что стихи были лишь подарены Голицыной, поднесены ей, посвящены ей, но нельзя искать въ нихъ зеркально-точнаго отраженія чувствъ, внушенныхъ ею поэту. Художественная правда и конкретность въ творчествѣ—и точное изображеніе случившейся дѣйствительности не одно и то же, и часто вымыселъ, лишенный всякихъ корней въ дѣйствительности, родитъ художественную правду. Поэзія не протоколъ.

Еще въ 1830 г. въ петербургской французской газеткѣ «Le Furet» (№ 24, 23 марта, стр. 95), по поводу выпущеннаго кѣмъ-то, обозначившимъ себя иниціалами L.—G. D.Z., сборника переводовъ «Almanach littéraire polonais, russe et français», гдѣ былъ помѣщенъ очень недурной и близкій къ подлиннику переводъ элегіи «Умолкну скоро я»..., было замѣчено, что въ послѣднихъ стихахъ пьесы видна *реминисценція изъ Ламартина*:

Et qu' au moins tu puisses te dire:
Ces vers qui m'ont ému c'est moi qui les inspire,
Et sa muse est mon souvenir.

Бѣлинскій причислилъ пьесу къ «чисто-пушкинскимъ» произведеніямъ, въ которыхъ «найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы». Анненковъ находилъ, что здѣсь «глубокое чувство выразилось въ удивительно-величавой и спокойной формѣ» («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 83). «Изящество внѣшней формы»,—писалъ Анненковъ въ своихъ примѣчаніяхъ (Сочиненія П., II, 314),—«находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, кроткимъ чувствомъ, какое предназначено ей содержать».

---

276. МОЙ ДРУГЪ, ЗАБЫТЫ МНОЙ...

(т. II, стр. 72).

Въ тетрадяхъ Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 47—48) и № 2367 (л. 11) находятся черновыя этой пьесы, слѣдующія непосредственно за черновикомъ элегіи «Умолкну скоро я...», тѣсно связанной съ нею по содержанію. Въ первой рукописи нѣтъ заглавія, и есть дата: «24 авг. въ ночь»; во второй—заглавіе «Элегія» и дата «25 авг. 1821». Бѣловая редакція находится въ тетради гр. Каннста (л. 16), съ датой «1821» («Автографы П—на, принадлежащіе графу П. И. Каннисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 6). Пушкинъ напечаталъ пьесу въ «Новостяхъ литературы» 1825 г., кн. XI, мартъ, 149, подъ заглавіемъ «Къ ***» и въ сборникахъ своихъ стихотвореній, 1826 г., стр. 8, и 1829 г., I, 103—104; въ обоихъ сборникахъ—безъ заглавія.

На тѣсное единство между этой пьесой и предыдущей, написанной днемъ раньше, указалъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (II, 313—314). Повидимому, эту элегію Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи П» (2-ое изд., 83) обозначилъ иниціалами «М. А. Г.», говоря о ней въ связи съ предшествующей элегіей, посвященной княгинѣ М. А. Голицыной. Бѣлинскій отнесъ ее къ числу лучшихъ, «чисто-пушкинскихъ» пьесъ. (См. также «Сочиненія» Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, VII, 285.) М. О. Гершензонъ (см. предыдущее примѣчаніе) и раньше его А. П. Незеленовъ («П. въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 107—108) усматриваютъ въ элегіи разсказъ о личномъ переживаніи Пушкина, о строго реальномъ фактѣ.

---

277. НАПОЛЕОНЪ.

(т. II, стр. 73).

Два автографа оды находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 62—65) и № 2370 (л. 20—22). Первый представляетъ собою черновой набросокъ, безъ заглавія и съ эпиграфомъ: «Ingrata patria» и съ программой (на оборотѣ 62-го л.): «Народы спрашиваютъ, тотъ ли ты, который...? Гдѣ онъ?... Угасъ тотъ, который то и то—и Россію... Но да не упрекнетъ его русскій... Россія славна—бѣдная Франція въ униженіи—онъ объ ней мыслилъ—островъ Елены—тамъ онъ думалъ объ Россіи». Эту программу напечаталъ П. В. Анненковъ (Сочин. П., изд. 1855 г., I, 140). Въ этомъ черновикѣ много помарокъ, часть наброска вырвана; внѣшность его

свидѣтельствуетъ о долгой и упорной работѣ автора. Текстъ 2367-ой музейной тетради, подъ заглавіемъ: «На смерть Наполеона», уже значительно отдѣланъ. Окончательно редактирована пьеса, вѣроятно, въ 1825 году, когда Пушкинъ готовилъ сборникъ своихъ стиховъ. Третій и четвертый автографы, содержащіе лишь нѣкоторыя строфы оды, находятся въ бѣловикѣ (сним. въ «Ист. Вѣстн.» 1879 г., май) и черновикѣ письма, изъ Одессы, 1 декабря 1823 г., къ А. И. Тургеневу. Пьеса была напечатана Пушкинымъ въ сборникахъ своихъ стиховъ 1826 г., стр. 91—95, и 1829 г., I, 118—124, съ пропускомъ строфъ 4, 5, 6 и 8 и 3-го стиха въ 10 строфѣ. Дополненія были даны въ изданіи Анненкова (II, 316 и VII, 57—58), «Полярной Звѣздѣ» на 1856 г., стр. 14—15, «Русск. Библіотекѣ» 1858 г., I, 34—36, «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 349, берлинскомъ изданіи запрещенныхъ стихотвореній Пушкина Русскаго (Н. В. Гербеля) 1861 г., 78, 148—149. Наиболѣе полный текстъ напечатанъ П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 г., I, 371—375, (см. также «Русс. Стар.» 1880 г., іюль, 541—542). Кое-какія выдержки изъ 2365-ой музейной тетради напечатали П. И. Бартеневъ («Русс. Арх. 1881 г., № 1; см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881 г., 132) и В. Е. Якушкинъ («Руск. Стар.» 1884 г., апрѣль, 108). Музейные варіанты изслѣдовалъ Л. Н. Майковъ. («Матеріалы для академич. изд. сочин. П.», 115—119).

На оборотѣ 45-го л. 2365-ой музейной тетради есть такая помѣта: «18 juillet. Nouvelle de la mort de Napoléon».. 12 ноября 1821 г. Е. Н. Орлова писала изъ Кишинева своему брату А. Н. Раевскому: «Пушкинъ больше не корчитъ изъ себя жестокаго, онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно. Онъ только что кончилъ оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ». Вскорѣ (23 ноября) Орлова писала брату о Пушкинѣ: «его теперешній конекъ—вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера. Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ, и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предпріимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія» (М. О. Гершензонъ, «Семья декабристовъ»—«Былое» 1906 г., октябрь, 308; «Исторія Молодой Россіи», М., 1908 г., 27—28). Эта мысль о «мирѣ міру» и составляетъ идею оды.

Мальчикомъ Пушкинъ пережилъ славную эпоху 1812—1814 гг. Тогда онъ смотрѣлъ на Наполеона тѣми же глазами, что и все современное общество, ненавидѣвшее «корсиканскаго звѣря». Въ стихотвореніи 1815 г. «Наполеонъ на Эльбѣ» онъ обращался къ «хищнику» и «губителю», готовившемуся бѣжать съ острова-тюрьмы:

Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою,
И жребій твой еще сокрытъ!

Въ одѣ «На возвращеніе государя императора изъ Парижа» Пушкинъ подводилъ Наполеону окончательный итогъ:

Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ...
... съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!

Отрокъ-поэтъ патетически восклицалъ въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ»:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ 1826 г. онъ говорилъ («Къ принцу Оранскому):

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ..

Но вскорѣ Пушкинъ разочаровался въ «подвигѣ царей» и постарался понять и оцѣнить Наполеона. Прежде онъ его не понималъ: Наполеонъ представлялся ему грандіознымъ, но безсмысленнымъ явленіемъ, какою-то жестокой случайностью, роковой игрою рока, страшнымъ сномъ... Теперь для него выяснилась историко-философская идея этого явленія. Извѣстіе о смерти Наполеона, заточеннаго, но не забытаго на затерянномъ среди океана островкѣ, потрясло міръ. «Намъ теперь трудно»—говоритъ П. И. Бартеневъ («П. въ Южной Россіи»—«Русс. Арх.» 1866 г., 1152—1153)—«составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ... Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ еъ дѣтства останавливать свои думы на немъ... Теперь, когда не стало этого властителя его думъ, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что накопилось въ теченіе лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи «Чудесный жребій совершился» по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ-то въ родѣ оды. Что касается внутренняго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ ни тогда, ни долго послѣ не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлые томы русскихъ стихотвореній о немъ, и Пушкину пришлось писать на эту, повидимому, избитую тему. Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное. «Ругательныхъ стиховъ о Наполеонѣ было тогда много, и еще въ 1814 г. «Сынъ Отечества» иронически совѣтовалъ наказать «изверга» неслыханно-лютымъ образомъ: «На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте: ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ». Но лучшіе умы эпохи иначе цѣнили Наполеона. Въ 1816 г. Жуковскій («Стихи, пѣтые на праздн-

нествѣ англійскаго посла») выразилъ мысль, что «по слѣдамъ его свобода съ дарами жизни протекла»; Пушкинъ записалъ эти стихи (2370-ая музейная тетрадь, л. 8). Байронъ въ «Ode to Napoleon Bonaparte», по поводу паденія Наполеона, говорилъ: «Прекрасная свобода! Мы можемъ теперь наслаждаться тобою, дорогая, когда твои могущественнѣйшіе враги такъ малодушно испугались»... О послѣдней строфѣ пьесы Пушкинъ писалъ А. И. Тургеневу въ концѣ 1823 г.: «Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ *) 1821 года, впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся»... И тутъ поэтъ привелъ стихи «Свободы сѣятель пустынный»... Въ немъ уже совершился поворотъ. и мечта объ общемъ мирѣ теперь казалась ему бредомъ, когда онъ отрезвился и сталъ заключать компромиссы съ дѣйствительностью, такъ не похожей на его юношескія мечты. «Самыя сносныя» строфы оды, которыя онъ послалъ Тургеневу, 4, 5 и 6-я, не могли появиться въ его время въ печати; въ 1825 г. онъ писалъ брату: «богатая мысль напеч. Nap., да цензура... Лучшія строфы потонутъ». Но какъ бы ни измѣнился взглядъ Пушкина на свое произведеніе, его идея вошла въ литературное и историческое сознаніе. Вотъ какъ объясняетъ основную мысль оды Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., I, 124): «Наполеонъ въ произведеніи Пушкина получилъ значеніе личности, искупившей грѣхъ властолюбія своимъ паденіемъ и страданіемъ и ихъ послѣдствіями для человѣчества, которое онъ такъ презиралъ (строфа 5). Поэтъ это презрѣніе поставилъ въ трагическую вину герою. На ряду съ нимъ, въ одѣ выступаетъ и другой герой—русскій народъ, въ которомъ, согласно возвышенному патріотическому чувству, поэтъ видитъ высокій образъ самопожертвованія. Глубокая мысль оды въ этомъ неожиданномъ соединеніи обѣихъ жертвъ побѣжденной и самопожертвовавшей, на пользу одной цѣли открываетъ въ историческомъ фактѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ высокій смыслъ, чѣмъ и ставитъ это произведеніе по идеѣ въ число глубокомысленныхъ откровеній, какъ можно назвать многія произведенія Пушкина позднѣйшей эпохи его творчества. Одою было сказано слово дѣйствительно новое. Притомъ слово было сказано о событіи, столь близкомъ ко времени ея появленія, что даже люди послѣдующаго поколѣнія не вполнѣ оцѣнили всю правдивость его, и принимали за холодную декламацію. Причиною этого, конечно, было во 1-хъ несовершенство формы стихотворенія—несоразмѣрность частей его, а именно: растянутое изложеніе всѣмъ памятныхъ событій въ строфахъ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, которыя и самъ Пушкинъ отнесъ къ слабымъ (см. упомянутое письмо къ А. И. Тургеневу); во 2-хъ то, что строфы 4, 5 и 6 были исключаемы изъ печати до 1858 г., между тѣмъ какъ въ этихъ строфахъ проницательно изъясняется самый процессъ возникновенія подобной исторической личности, какъ слѣдствія разъяренныхъ страстей революціи, и дается тонкое психологическое освѣщеніе героя трагедіи, «плѣненнаго разочарованной красой самовластія». Глубокая мысль поэта, достойная драматическаго произведенія, не улеглась въ форму оды; въ самой этой формѣ поэтъ не вполнѣ отрекся отъ общихъ мѣстъ произведеній этого рода—и она не произвела впечатлѣнія, какого заслуживала бы по идеѣ своей».

*) Такъ въ подлинникѣ. Это, конечно, ошибка.

Свирѣпо шепчущій «Наполеонъ на Эльбѣ» показался Бѣлинскому забавно-дѣтскимъ и, сопоставивъ его съ послѣдними стихами «Наполеона», критикъ сказалъ: «эти стихи и особенно этотъ взглядъ на Наполеона, какъ освѣжительная гроза, раздались въ 1821 году надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мѣстъ, и многіе поэты, престарѣлые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднявъ встревоженныя головы вверхъ, словно гуси на громъ»... О внѣшней сторонѣ пьесы Бѣлинскій замѣтилъ, что она «не чужда декламаціи и риторической напряженности»; «это стихотвореніе двойственно: въ нѣкоторыхъ куплетахъ его видишь Пушкина самобытнаго, а въ нѣкоторыхъ чувствуешь что-то переходное... Впрочемъ, и тутъ много оригинальнаго, что было до Пушкина неслыхано и невидано въ русской поэзіи». Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскій назвалъ «Наполеона», эту «поэтическую тризну надъ урной великаго», «вѣщую думу», поэмой; этимъ словомъ онъ опредѣлилъ гордую величавость пьесы. Катковъ («Катковъ о Пушкинѣ», М., 1900 г., 15—16) указалъ на нее, какъ на образецъ душевнаго «величія и благородства, всеобъемлющей дальновидности, зрѣлаго сознанія, кроткой теплоты при мысли объ общемъ благѣ, высокой любви къ родинѣ; ни одинъ поэтъ въ мірѣ не воспѣлъ такъ достойно смерть Наполеона»... В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», Спб., 1881 г., 141—144) отмѣчаетъ «настоящій, истинный, человѣколюбивый патріотизмъ» Пушкина: «въ качествѣ безпристрастнаго потомка, какъ геніальный представитель того народа, который храбро отстоялъ собственными силами свободу свою и другихъ народовъ, онъ могъ произнести самый честный приговоръ... Онъ хочетъ возвысить народный патріотизмъ не ненавистью и злобой, которыя въ свое время были причиной, а прекраснымъ чувствомъ освободителя народовъ. Поэту кажется, что новое порабощеніе народовъ невозможно благодаря жертвамъ, принесеннымъ русскимъ народомъ... Человѣчность и уваженіе взаимной свободы должны соединить всѣ народы и очистить патріотизмъ отъ грубыхъ вспышекъ и своекорыстныхъ разсчетовъ»...

Хотя отблески пушкинскаго «Наполеона» сверкаютъ тамъ и сямъ въ русской поэзіи, но равнаго ему по высотѣ идеи нѣтъ ничего. Пушкинъ научилъ Лермонтова преклоняться передъ величіемъ героя, который палъ въ схваткѣ съ «русскимъ витяземъ», но палъ грозно,—«въ дальнемъ морѣ, на невѣдомый гранитъ, тамъ, гдѣ буря на просторѣ надъ пучиною шумитъ» («Два великана»), угасъ «одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ, безмолвною и гордою тоской». («Послѣднее новоселье»). Стихи о Наполеонѣ Хомякова, Тютчева и Брюсова говорятъ о немъ какъ о громадной и враждебной силѣ. И лишь Пушкинъ сказалъ его тѣни слово мира и прощенія; только Пушкинъ пытался такъ благородно осмыслить это поразительное историческое явленіе.

Какъ для Генриха Гейне, Наполеонъ былъ для Пушкина предметомъ удивленія и поклоненія, раздѣлявшагося всѣмъ тогдашнимъ передовымъ поколѣніемъ. Въ кабинетѣ Евгенія Онѣгина (гл. 7, XIX) рядомъ съ портретомъ Байрона стоялъ «столбикъ съ куклою чугунной, подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ, съ руками, сжатыми крестомъ». Прощаясь съ Чернымъ моремъ (1824 г.), и не видя кругомъ ничего, что бы стоило любить и жалѣть, Пушкинъ говорилъ:

[1]) Такъ въ подлинникѣ. Это, конечно, ошибка.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ...

Пушкинъ любилъ рисовать Наполеона (см. «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 371; «Русс. Вѣстн.» 1899 г., іюнь, 387, 398; «П. и его современники» IV, 9, № 31); у него была чернильница, изображавшая гробницу Наполеона («Каталогъ Пушкина, выставки», Спб., 1880, стр. 32). Пушкинъ порицалъ «надменнаго» титана за его презрѣніе къ человѣчеству—и это же чувство не вмѣнилъ въ вину Петру Великому за его стремленіе ко благу, за то, что онъ «не страшился народной свободы», хотя «презиралъ человѣчество можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ». Величіе Наполеона было, по убѣжденію Пушкина, вмѣстѣ съ тѣмъ «плѣномъ Европы». Почти одновременно съ одой онъ записалъ остроумное замѣчаніе (вѣроятно, М. Ѳ. Орлова): «О... говорилъ въ 1820: революція въ Испаніи, революція въ Италіи, революція въ Португаліи, конституція здѣсь, конституція тамъ... Господа государи, глупо поступили вы, лишивъ Наполеона престола». Слова 10-ой с т р о ф ы: «Исчезни, краткій нашъ позоръ! Благослови Москву, Россія!» напоминаютъ патріотическую XXXVII строфу 7-й главы «Онѣгина». Объ отношеніи Пушкина къ Наполеону также говорится ниже, въ примѣчаніяхъ къ стихамъ «Недвижный стражъ дремалъ»... (№ 376).

---

278. ВОЙНА.

(т. II, стр. 75).

Извѣстны три автографа этой пьесы. Одинъ, принадлежавшій П. В. Анненкову, находится въ майковской коллекціи рукописей Пушкина, хранящейся въ академіи наукъ; по словамъ описанія этой коллекціи («П. и его современники», вып. IV, 4, № 9), это отрывокъ, съ немногими поправками, сохранившій не всѣ стихи пьесы; на немъ дата: «29 ноября 1821» (прежде было: «окт.») и подпись-монограмма: «А. П.» Другой автографъ находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 12), съ помѣтой: «1821». Третій, съ той же помѣтой, на 17-мъ л. тетради графа Капниста («Автографы П—на, принадлежащіе гр. П. И. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 7). Впервые стихотвореніе было напечатано въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», 2-ое изд., ч. IV, Спб., 1822, стр. 221—222, безъ подписи и подъ заглавіемъ: «Мечта воина». Подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи оно было перепечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., стр. 338—339, а подъ заглавіемъ «Война» вошла въ сборники стиховъ Пушкина 1826 г., стр. 12—13, и 1829 г., I, 105—106. Воспроизводится здѣсь по этому послѣднему изданію. Въ забавно-ироническомъ письмѣ, 30 января 1823 г., къ брату, «благоразумному Левинькѣ» Пушкинъ, будучи самъ, видно, невысокаго мнѣнія объ этой пьесѣ, говорилъ по поводу ея появленія въ «Полярной Звѣздѣ»: «Ради Бога, люби двѣ звѣздочки; онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. М е ч т а в о и н а привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка»...

П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій П. (II, 311) сообщилъ дату своей рукописи—29 ноября 1821 г., повторенную въ послѣдующихъ изданіяхъ; но Л. Н. Майковъ («Пушкинъ», 119—120, прим.), не зная объ анненковскомъ автографѣ, рѣшилъ, что сообщеніе Анненкова «не вѣрно», и что пьеса должна относиться къ первымъ мѣсяцамъ 1821 г.: «первыя строки намекаютъ (?) на освященіе знаменъ Ипсиланти въ Яссахъ, о чемъ Пушкинъ писалъ А. Н. Раевскому еще въ мартѣ 1821 года»; эти слова повторилъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщ.» I, 592). Между тѣмъ о с е н ь ю 1821 г. въ Кишиневѣ носились слухи о предстоящемъ объявленіи войны Турціи (П. И. Бартеневъ, «П. въ Южной Россіи»—«Русс. Арх.» 1866 г., 1159—1160); «этой войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за грековъ»... «Трудно угадать причину, заставившую автора скрыть свое имя»,—говоритъ Анненковъ (l. c.). Но причина могла лежать въ томъ, что цензура тогда была вообще напугана именемъ Пушкина, и онъ это зналъ. Затѣмъ, можетъ быть, Пушкину, какъ чиновнику, служившему въ странѣ, едва не ставшей театромъ войны, неудобно было своей подписью прямо указать, о какой именно войнѣ говорилось здѣсь, и, такимъ образомъ, выходило, что рѣчь идетъ вообще о войнѣ.

Военная служба и война всегда интересовали и привлекали Пушкина. Попавъ въ Бессарабію, онъ жадно слѣдилъ за ходомъ греческаго возстанія (см. примѣч. къ пьесѣ «Возстань, о Греція»... и др.). Въ томъ же 1821 г. онъ просилъ А. И. Тургенева похлопотать о прекращеніи его ссылки, но вскорѣ (21 августа) писалъ его брату, Серг. Иван.: «если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи». Въ томъ же августѣ на сѣверѣ М. П. Погодина и Ѳ. И. Тютчева занимали слухъ о мнимомъ побѣгѣ Пушкина къ греческимъ повстанцамъ (В. Я. Брюсовъ, «Лѣтопись жизни Тютчева»—«Русс. Арх.» 1903, III, 486), и Погодинъ сообщалъ объ этой вѣсти В. Д. Корнильеву (Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», I, 109). Тогдашняго Пушкина Анненковъ («П. въ Александровск. эпоху», 209) вѣрно характеризуетъ слѣдующими словами: «ему нужно было дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадавшаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза и не выступила краска на лицѣ»... «Пушкинъ,—говоритъ Липранди (Русс. Арх.» 1866 г., 1453—1454), всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о

военныхъ эпизодахъ; лицо его краснѣло и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотверженія, глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался. Не могу судить о степени его славы въ поэзіи, но могу утвердительно сказать, что онъ созданъ былъ для поприща военнаго и на немъ, конечно, онъ былъ бы лицомъ замѣчательнымъ»... Война всегда казалась ему прекрасной. «Люблю я звукъ мечей»,—писалъ онъ въ 1820 г. (см. № 229)—«отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы, люблю войны кровавыя забавы», и въ эпилогѣ «Кавказскаго Плѣнника» упоенно воспѣлъ Котляревскаго, мечъ котораго, «какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена», и Ермолова, предъ которымъ смиряется Кавказъ и поникаетъ снѣжною главой. Мальчикомъ (1815 г., «Посланіе къ Юдину») онъ мечталъ: «Трепещетъ бранью грудь моя, при блескѣ браннаго булата огнемъ пылаетъ взоръ, и я лечу на гибель супостата»... Въ 1817 г., выйдя изъ лицея, онъ писалъ дядѣ: «что восхитительнѣй, живѣй войны, сраженій и пожаровъ, кровавыхъ и пустыхъ полей, бивака, рыцарскихъ ударовъ?» Въ 1819 г. онъ обѣщалъ А. Ѳ. Орлову: «Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ съ мечемъ и лирой боевой сражаться буду предъ тобой и славу пѣть твоихъ ударовъ». Лишь въ 1829 г. удалось ему побывать въ бою. Беззавѣтно-храбрый, онъ и погибъ смертью бойца—«на поединкѣ твердый, хладный, встрѣчая гибельный свинецъ»... Объ отношеніи его къ войнѣ см. т. I, № 140, примѣч., и ст. С. Ашевскаго «П. и война» въ «Мірѣ Бож.» 1899 г., іюнь. «Война» свидѣтельствуетъ о тогдашней душевной неудовлетворенности Пушкина, искавшаго новыхъ впечатлѣній, чтобы въ ихъ шумѣ заглушить свои мучительныя думы, разсѣять овладѣвавшую имъ апатію, которая казалась ему горше смерти. Ему близка была жажда гибели, то таинственное чувство, о которомъ онъ говорилъ впослѣдствіи («Пиръ во время чумы»): «Есть упоеніе въ бою... Все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья»...

Бѣлинскій увидѣлъ въ «Войнѣ»—«еще не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей» (Сочин. Б., изд. Венгерова, VII, 32—33), и включилъ ее въ число «переходныхъ» пьесъ, еще не «чисто-пушкинскихъ» (VIII-й томъ солдатенковск. изданія). Стоитъ отмѣтить курьезный отзывъ А. И. Незеленова («П. въ его поэзіи», Спб., 1882, стр. 125), что пьеса Пушкина—«холодна и напыщена», что «жажда участвовать въ бою напускная, вызванная, должно быть, подражаніемъ Байрону», что «эти слабые стихи—довольно явное подражаніе (?) монологу Орлеанской Дѣвы Шиллера»...

---

279. КЪ ОВИДІЮ.

(т. II, стр. 75).

Черновая этого стихотворенія находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (лл. 53 об.—56), безъ заглавія; передѣланный и болѣе полный текстъ—въ тетради № 2367 (лл. 14 об.—16), съ заглавіемъ: «Овидію» и съ помѣтой: «1821 дек. 26». Отдѣльные стихи находятся въ 2365-ой тетради (л. 66 об.) и 2366 (л. 18). Въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранится бѣловой автографъ, принадлежавшій Е. А. Масальской-Суриной, рожд. Шахматовой (описаніе см. въ «П. и его соврем.», IV, 40—41). Текстъ 2365-ой тетради, очевидно, первоначальный; въ немъ много помарокъ и недописанныхъ словъ и строкъ. О варіантахъ см. ниже, въ статьѣ о текстѣ и «Матеріалы для академ. изд. сочин. П.», Л. Н. Майкова, стр. 134—136. Стихотвореніе было впервые напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., стр. 81—84, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи; затѣмъ Пушкинъ включилъ его въ свои сборники стиховъ, изд. 1826 г., стр. 39—43, и 1829 г., I, 112—117. Послѣдніе два стиха пьесы, которые Пушкинъ, по личнымъ соображеніямъ и по цензурнымъ условіямъ своего времени, замѣнилъ стихами:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны,—

были сообщены въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 342.

Посылая свои стихи А. А. Бестужеву для «Полярной Звѣзды», Пушкинъ побаивался цензуры и писалъ ему (21 іюня 1822 г., изъ Кишинева): «кланяйтесь отъ меня Цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла... Предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа,—повидимому, ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ, услужливаго Плетнева или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавриидѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но, впрочемъ, довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено». Пушкинъ самъ очень цѣнилъ эту вещь, и когда она появилась въ «Полярной Звѣздѣ», писалъ брату: «Каковы стихи мои Къ Овидію?... Душа моя, и Русланъ, и Плѣнникъ, и Noël, и все—дрянь въ сравненіи съ ними». 4 сентября 1822 г. онъ просилъ брата перемѣнить одно мѣсто въ пьесѣ, а въ октябрѣ, разсказывая о своей попыткѣ добиться освобожденія изъ ссылки, шутилъ надъ самимъ собою: «О други, Августу мольбы мои несите! Но Августъ смотритъ сентябремъ»... и тутъ же спрашивалъ: «Кстати: получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано?»... Анненковъ (Сочин. П., II, 315; «Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 83) разсказываетъ, что Пушкинъ былъ этими стихами больше доволенъ, чѣмъ «Наполеономъ».

Ссыльный поэтъ интересовался судьбой другого ссыльнаго поэта, и Пушкинъ любилъ сравнивать сѣверную столицу съ Римомъ, русскаго царя съ цезаремъ Августомъ, а себя съ Овиміемъ. Письмо къ Гнѣдичу, 24 марта 1821 г., онъ началъ словами о «странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный и хитрымъ Августомъ изгнанный Овидій мрачны дни влачилъ»... Такъ же онъ вскорѣ обращался къ Чаадаеву съ посланіемъ изъ страны, «гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ». «Пушкину»—говоритъ П. В. Анненковъ («П. въ Александров. эпоху», 166—167)—«пріятно было думать, что на разстояніи тысячъ двухъ лѣтъ онъ испытываетъ одинаковую участь и страдаетъ одинаковыми нравственными страданіями съ изгнанникомъ перваго римскаго императора. Онъ оплакивалъ судьбу Овидія, трогательно взывалъ къ его тѣни и, не довольствуясь спорами о мѣстѣ погребенія его, совершилъ поѣздку въ обществѣ Липранди къ предполагаемому мѣсту Овидіевой гробницы. Все

это факты вполнѣ опредѣленные, но остается затѣмъ неразъясненнымъ вопросъ: какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго денди, лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшагося постоянно въ лести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ? Дѣло въ томъ, что и Байронъ, и Овидій были олицетвореніе противоположныхъ стремленій самого Пушкина въ ту эпоху. Онъ жилъ тогда двойною жизнью, именно—потребностью отрицанія современныхъ условій общественнаго быта, которая въ отдаленіи отъ главныхъ административныхъ центровъ находила себѣ большій просторъ. Это настроеніе хорошо уживалось съ Байрономъ, питаясь духомъ и мыслью британскаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ жилъ еще надеждами и планами, прямо противоположными этому настроенію, діаметрально исключавшими его. Пушкинъ жаждалъ именно, на подобіе своего предшественника, Овидія, наслажденій столичнаго жителя, свѣтскихъ и блестящихъ литературныхъ успѣховъ, которые тянули его въ Петербургъ, гдѣ они преимущественно обрѣтались и раздавались». Но коренную разницу между собою и Овидіемъ Пушкинъ отлично понималъ. Онъ указалъ ее, сказавъ объ Овидіи, что римскій поэтъ «лиру глухому своему кумиру малодушно посвятилъ», и гордясь тѣмъ, что самъ онъ, «суровый славянинъ, слезъ не проливалъ» и «не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной». Тѣмъ не менѣе, онъ въ рецензіи (1836 г.) на стихотворенія В. Г. Теплякова съ явнымъ несочувствіемъ процитировалъ слова одного французскаго поэта, который писалъ, что «перестаетъ уважать» Овидія за его длинныя, плаксивыя ламентаціи, и благодарилъ русскаго поэта, который (въ стихахъ о гробницѣ Овидія) «не ищетъ блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостью заступается за него». Особенно нравились Пушкину «Понтійскія Элегіи» Овидія: «сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!. Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. Lib. IV, El. I). Какъ пѣвца любви, Пушкинъ давно зналъ Овидія и еще въ 1814 г. совѣтовалъ Батюшкову: «Играй, тебя младой Назонъ, Эротъ и Граціи вѣнчали»... «Пускай любовь Овидіи поютъ, мнѣ не даетъ покоя Цитерея»... писалъ онъ въ 1816 г. («Сонъ»). На югѣ Овидій сталъ для него также пѣвцомъ изгнанья, и онъ говорилъ («Желаніе», 1821 г.): «Въ моихъ рукахъ Овидіева лира, счастливая пѣвица красоты, пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки»... Баратынскому Пушкинъ писалъ въ 1822 г.: «Еще донынѣ тѣнь Назона дунайскихъ ищетъ береговъ... И съ нею часто при лунѣ брожу вдоль берега крутого»...

«Овидій»—разсказываетъ И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., 1267 сл.)—«очень занималъ Пушкина; не знаю, читалъ ли онъ его прежде, но знаю то, что первая книга, имъ у меня взятая, былъ Овидій, во французскомъ переводѣ, и книги эти оставались у него съ 1820 по 1823 годъ». Впрочемъ, Пушкинъ тогда же читалъ его и въ подлинникѣ. Посылая Гнѣдичу въ 1822 г. «Кавказскаго Плѣнника», онъ началъ письмо латинской цитатой изъ Овидія, удачно и остроумно примѣняя ее къ себѣ самому. Овидія онъ считалъ геніемъ, да еще такимъ, который никогда не шелъ «столбовою дорогою подражанія» (письмо къ А. А. Бестужеву въ концѣ мая или началѣ іюня 1825 г.). Пушкинъ, по словамъ Липранди, зналъ, что легенда о томъ, что Овидій былъ сосланъ въ нынѣшнюю Бессарабію, не заслуживаетъ довѣрія: «зналъ положительно, что Овидій не могъ быть сосланъ Августомъ на лѣвый берегъ Дуная». Въ предисловіи къ стихотворенію, оставшемся въ рукописи и внесенномъ потомъ въ первую главу «Евгенія Онѣгина», какъ приложеніе къ VIII строфѣ, гдѣ говорится о Назонѣ, «кончившемъ свой вѣкъ блестящій и мятежный въ Молдавіи, въ глуши степей», Пушкинъ писалъ: «Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Аккерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ Ex ponto онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томы, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія десять лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ—не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла: Alterius facti culpa silenda mihi». Объ Овидіи онъ часто бесѣдовалъ съ В. Ѳ. Раевскимъ и К. А. Охотниковымъ (Липр., 1268). Преданія, которымъ, какъ мы видимъ, Пушкинъ не вѣрилъ, считали мѣстомъ ссылки и кончины Овидія Бессарабію и въ частности берега Днѣстра (см. А. И. Яцимирскій, «Румынскіе параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина», Варш., 1891, стр. 8—16), вслѣдствіе чего имя Овидія связывали то съ Аккерманомъ, то съ расположеннымъ на противоположномъ берегу днѣстровскаго лимана городкомъ, который назвали Овидіополемъ. «Близость Овидіополя напоминала и Пушкину объ Овидіи», говоритъ П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1140), который даже думалъ, что Пушкинъ «былъ въ Овидіополѣ» (ibid., 1163). Описывая въ Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 г. свою поѣздку по Бессарабіи, Н. И. Надеждинъ (стр. 332), сообщаетъ: «Мой чичероне, одинъ изъ учителей уѣзднаго училища, указалъ мнѣ прибрежную башню, въ которой Пушкинъ провелъ будто бы однажды цѣлую ночь, погруженный въ созерцаніе: я этому очень вѣрю. Прибавляютъ, что эта башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевою»... Липранди смѣется надъ этимъ разсказомъ и подробно передаетъ о своемъ путешествіи съ Пушкинымъ по Бессарабіи въ 1821 г. Отправившись въ служебную поѣздку, онъ взялъ съ собою Пушкина, который не безъ труда отпросился у Инзова; они провели въ поѣздкѣ двѣ недѣли и побывали, между прочимъ, въ Аккерманѣ, гдѣ Пушкинъ осматривалъ тамошній замокъ, развалины котораго возвышаются надъ лиманомъ, но не ночью, а днемъ. «Въ эту поѣздку»—говоритъ Липранди (ст. 1271—1272, 1273, 1280)—«Пушкинъ не проводилъ ночи на прибрежной аккерманской башнѣ; можетъ быть, это было въ слѣдующемъ году, когда я уѣзжалъ на пять мѣсяцевъ изъ Бессарабіи, но и въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы узнать о томъ». По дорогѣ изъ Аккермана дальше Пушкинъ «что то писалъ по обычаю на маленькихъ

лоскуткахъ бумаги и какъ ни попало складывалъ ихъ по карманамъ, вынималъ опять, просматривалъ и т. д... Помню очень хорошо, что онъ жалѣлъ, что не захватилъ съ собой какого-то тома Овидія». Въ Аккерманѣ они были приблизительно 11—12 декабря, 23-го вечеромъ вернулись въ Кишиневъ (Липр. 1276, 1284), и помѣта подъ стихотвореніемъ въ 2367-ой музейной тетради, конечно, означаетъ день окончательной отдѣлки пьесы, начатой, можетъ быть, въ эту поѣздку. П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщ.», I, 615) ошибается, говоря, что Пушкинъ «въ этотъ день посѣтилъ Аккерманъ», и приписывая Липранди извѣстіе, наоборотъ—опровергаемое имъ, будто бы поэтъ «старался отыскать гробницу Овидія».

Судьба римскаго поэта и его элегіи глубоко трогали Пушкина, и русскій поэтъ, проводя строгое различіе между собою и безхарактернымъ Овидіемъ, сумѣлъ удержаться на высотѣ гуманнаго проникновенія въ чужое страдающее сердце и не позволилъ себѣ упрекнуть его тѣнь; за это впослѣдствіи похвалилъ онъ и Теплякова. Тѣнь изнѣженнаго римскаго аристократа, заброшеннаго на сѣверъ, вообразившаяся ему среди суроваго зимняго пейзажа, вызывала особенное сочувствіе. Въ той же вызывающей жалость обстановкѣ является у Пушкина Овидій въ легендѣ, которую разсказываетъ Алеко отецъ Земфиры. «Участью я равенъ былъ тебѣ», обращался къ Овидію Пушкинъ. Но тутъ же нашъ поэтъ называлъ себя «изгнанникомъ с а м о в о л ь н ы м ъ». Въ 1820 г., незадолго до высылки, онъ писалъ Вяземскому: «я жажду краевъ чужихъ, авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу»... Вскорѣ онъ снова говорилъ (№ 234):

«Искатель новыхъ впечатлѣній, я васъ бѣжалъ отечески края»...

Гнѣдичу (№ 263) онъ писалъ о своемъ уединеніи, «гдѣ сокрылся отъ гоненья ханжи и гордаго глупца». О томъ же настроеніи говоритъ его признаніе въ стихахъ Чаадаеву (№ 266), что онъ «въ объятіяхъ свободы» не жалѣетъ ни о чемъ, кромѣ общенія съ другомъ. Изгнаніе совпадало съ его собственными желаніями, чего никакъ нельзя сказать объ авторѣ «Tristium», который никогда не могъ примириться со своей ссылкою. И хотя страна, бывшая для римскаго поэта суровымъ сѣверомъ, русскому казалась благодатнымъ югомъ, но Пушкинъ умѣлъ понимать слезы Овидія. «Высокое чувство человѣчности»—говоритъ Л. И. Поливановъ (Соч. П., I, 133)—«проникающее насквозь всю тонкую ткань элегіи, составляетъ ея главное достоинство».

Бѣлинскому посланіе казалось «переходнымъ» произведеніемъ, гдѣ «вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей» (Сочин. Б., изд. Венгерова, VII, 32—33); повторивъ черезъ нѣсколько лѣтъ эту неудачную оцѣнку и прибавивъ, что стихотвореніе «въ цѣломъ сбивается нѣсколько на старинный дидактическій (?) тонъ посланій», великій критикъ все-таки замѣтилъ, что «въ немъ много прекраснаго... и лучшую сторону составляетъ его элегическій тонъ». «Сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своемъ геніи»—писалъ В. Стоюнинъ («Пушкинъ», 1881, стр. 140—141)—«рѣдко овладѣвало душою поэта; тѣмъ болѣе эти минуты были для него тяжелыми. Пушкинъ и не подозрѣвалъ, что геній его выше того, что за восемнадцать столѣтій страдалъ на дунайскихъ берегахъ... Онъ только страдалъ, связывая свою мысль съ воспоминаніемъ о родной странѣ и объ оставленныхъ друзьяхъ, и, какъ артистъ, нашелъ выраженіе своей души въ образѣ, прославленномъ исторіей».

Въ такую минуту тоски и сомнѣнія онъ и повторилъ о себѣ: «среди толпы, затерянный пѣвецъ», стихъ, уже сказанный имъ въ одномъ изъ посланій къ кн. А. М. Горчакову, 1816 г. Стихъ: «Златой Италіи роскошный гражданинъ» напоминаетъ начало наброска 1829 г.: «Критонъ, роскошный гражданинъ очаровательныхъ Аѳинъ»... «Великодушный грекъ»... въ концѣ пьесы можетъ означать либо вообще греческій народъ, либо вождя тогдашняго возстанія—Ипсиланти. Къ стиху: «Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ» Пушкинъ (въ рукописи) приписалъ замѣчаніе: «Овидій провелъ 9 лѣтъ въ своемъ изгнаньи, а не 20, какъ говоритъ Шатобріанъ». Тѣнь Овидія долго была спутницей Пушкина, и онъ любилъ вызывать ее: «она летитъ на сладкій зовъ питомцевъ Музъ и Аполлона», писалъ онъ Баратынскому въ 1822 г. Въ посланіи къ Языкову, 1824 г., онъ клялся Овидіевой тѣнью, что «издревле сладостный союзъ поэтовъ межъ собой связуетъ».

---

280. ВЪ КРОВИ ГОРИТЪ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ...

(т. II, стр. 78).

Черновой набросокъ этой пьесы находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 53), съ слѣдующей программой: «Пѣснь пѣсней Соломона. Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Перси твои пріятнѣе вина. Запахъ мура твоего лучше всѣхъ ароматовъ, имя твое сладостно какъ [изліянное] муро, для того юная возлюбилъ я тебя». Слова эти представляютъ собою переложеніе двухъ начальныхъ стиховъ «Пѣсни Пѣсней». Этотъ черновикъ былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., апрѣль, 103. По его положенію среди другихъ черновиковъ видно, что онъ относится къ 1821 г. Пушкинъ напечаталъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ другимъ: «Вертоградъ моей сестры»... въ «Московск. Вѣстн.» 1829 г., ч. I, стр. 44, подъ общимъ заглавіемъ: «Подражанія», и внесъ его, безъ всякихъ перемѣнъ и безъ заглавія, въ свой сборникъ изданный въ 1829 г., ч. I, стр. 56, подъ 1825 г. По вполнѣ вѣрному замѣчанію В Е. Якушкина. («Новыя изданія текстовъ Пушкина» — «Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 66), «мы можемъ сказать, что Пушкинъ сдѣлалъ первый набросокъ этой пьесы еще въ 1821 г., но отдѣлалъ его въ 1825» [1]).

---

1) Весьма трудно назвать «наброскомъ» то, что находимъ въ тетради № 2365, на листѣ 53:

Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мура и вина
Въ крови горитъ огонь желанья
Душа тобой упоена.

Если не считать перестановки строкъ, то тутъ разница противъ «окончательнаго текста» всего въ одномъ словѣ «упоена», вмѣсто «уязвлена».

П. О. Морозовъ первый, въ изданіи Литер. фонда (1887), помѣстилъ настоящее стихотвореніе среди стихотвореній 1821 года. Намъ это ка-

Бѣлинскій въ 1839 г. писалъ Н. В. Станкевичу, что читалъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ, для котораго оно «было предметомъ безконечно-глубокаго наслажденія, эстетическаго блаженства... Послѣдній стихъ («И двигнется ночная тѣнь») по-нашему даетъ художественный колоритъ всей пьескѣ и принадлежитъ къ немногому числу такихъ стиховъ, которые, повидимому ничего не заключая въ себѣ, заключаютъ въ себѣ цѣлые міры» (А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій», 1-ое изд., I, 294). Въ 1841 г., разсуждая въ своей статьѣ по поводу «Римскихъ элегій» Гете объ антологической поэзіи (Сочин. Б., изд. Венгерова, VI, 267), Бѣлинскій привелъ эту пьесу какъ примѣръ антологическаго произведенія гдѣ «тонъ и форма запечатлѣны эллинскимъ духомъ», гдѣ видѣнъ «эллинизмъ формы». Позднѣе, въ своемъ извѣстномъ обзорѣ, Бѣлинскій причислилъ ее къ тѣмъ стихотвореніямъ, которыя свидѣтельствуютъ «о разнообразіи поэзіи Пушкина, о его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни» и «принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ пушкинскаго генія-протея».

---

281. П. С. ПУЩИНУ.

(т. II, стр. 78).

Копія этой пьесы находится въ майковской коллекціи Академіи Наукъ, въ числѣ бумагъ П. В. Анненкова. По словамъ описанія этой недоступной коллекціи («П. и его современники» IV, 37, № 5), она начинается стихомъ:

Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ...

Анненковъ впервые напечаталъ ее, безъ первыхъ четырехъ стиховъ, въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ

жется правильнымъ. Разъ цѣлая половина стихотворенія уже имѣется въ тетради 1821 г. (рукописи второй половины нѣтъ), то дата 1825, установленная Пушкинымъ въ изд. 1829 г., даетъ намъ основаніе отнести стихи и къ 1821 и къ 1825 г. Но для исторіи творчества писателя ранняя дата всегда поучительнѣе.

Съ чѣмъ, однако, уже никакъ невозможно согласиться, это то, что Ефремовъ, принявъ въ изд. 1903 г. датировку Морозова, присоединилъ къ настоящему стихотворенію и «Вертоградъ моей сестры» (см. № 432), относительно котораго имѣется только одна дата изд. 1829 г., т.-е. 1825. Вдобавокъ, Ефремовъ еще самъ сочинилъ заглавіе для стихотренія: «Пѣснь пѣсней Соломона».

Мотивировка Ефремова поражаетъ своею необоснованностью: «Я помѣстилъ оба стихотворенія подъ 1821 г., потому что они составляютъ одно цѣлое и если второго не оказалось въ Кишиневской тетради, то, вѣроятно, потому, что изъ этой тетради сдѣлано очень много вырывокъ» (т. VIII, стр. 171).

Эдакъ, что угодно можно доказать. Скажемъ въ заключеніе, что «Въ крови горитъ огонь желанья» и «Вертоградъ моей сестры» вовсе не составляютъ такого неразрывнаго цѣлаго. По жгучести настроенія первое стихотвореніе замѣтно разнится отъ гораздо менѣе страстнаго «Вертограда моей сестры», и потому раздѣленіе отрывковъ вполнѣ допустимо. *Ред.*

въ Александровскую эпоху («Вѣстн. Европы» 1874 г., № 1, стр. 40; отдѣльн. изд., стр. 199). Остальные три стиха перваго четверостишія недоступны, потому что майковская коллекція открыта только редактору академическаго изданія. Но нетрудно догадаться, что въ стихахъ рѣчь идетъ о Россіи и русскихъ дѣлахъ, хотя для того, чтобы провести ихъ сквозь цензуру, Анненковъ «перенесъ дѣйствіе въ Пизу» и сдѣлалъ замѣчаніе, что они написаны «нѣсколько позднѣе» существованія въ Кишиневѣ масонской ложи «и уже въ эпоху греко-турецкой войны», (послѣднія два слова Анненковъ оттѣнилъ курсивомъ, очевидно, желая остановить на нихъ вниманіе читателя). Анненковъ указываетъ на «ироническій оттѣнокъ» пьесы, который дѣйствительно легко подмѣтить. Эта иронія подтверждаетъ отзывъ о Пущинѣ Ф. Ф. Вигеля, писавшаго («Записки», М., 1892, VI, 115), что, вращаясь въ кружкѣ М. Ѳ. Орлова, который «бредилъ въявь конституціями», Пущинъ «не имѣлъ никакого мнѣнія, а приставалъ всегда къ господствующему». Въ другомъ мѣстѣ (VII, 183) Вигель говоритъ о Пущинѣ, «некстати попавшемся въ либералы и за то лишившимся службы»:—«нѣкогда камеръ-пажъ, офицеръ и потомъ полковникъ въ Семеновскомъ полку, онъ, разумѣется, часто бывалъ въ петербургскихъ обществахъ. Держать въ нихъ себя пристойно, не слишкомъ выставлять себя, говорить недурно по-французски достаточно было тогда, чтобы почитаться образованнымъ человѣкомъ, и всѣ сіи условія выполнялъ онъ .. Никогда, бывало, ничего умнаго не услышишь отъ него; никогда ничего глупаго онъ не скажетъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ иногда называютъ, но о коихъ никогда не говорятъ».

Генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ, командовавшій въ Кишиневѣ бригадой, былъ основателемъ тамошней масонской ложи «Овидій, № 25», членомъ которой состоялъ Пушкинъ, признававшійся Жуковскому въ 1826 г.: «въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи». Она зародилась 7 іюля 1821 г. и 9 декабря уже была закрыта, просуществовавъ всего пять мѣсяцевъ; Пущинъ былъ ея начальникъ (vénérable). На новую ложу правительство взглянуло очень неблагосклонно, и Пущинъ былъ взятъ «въ особенное замѣчаніе», несмотря на свою превосходную служебную репутацію; начальники называли его — «малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ прекраснѣйшій», «офицеръ дѣятельный и полезный службѣ», «исполнительный и усердный». Масонство стоило Пущину карьеры: въ мартѣ 1822 г. онъ былъ уволненъ изъ службы; даже въ заграничномъ паспортѣ ему было отказано (Н. К. Кульманъ, «Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа», Спб., 1907). По разсказу И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1429—1441), Пущинъ пострадалъ по дѣлу арестованнаго тогда маіора В. Ѳ. Раевскаго и за нѣкоторыя служебныя оплошности, главнымъ же образомъ за свою репутацію свободомыслящаго; пострадалъ и его начальникъ М. Ѳ. Орловъ (см. также Вигеля VI, 116). Говоря объ отношеніи Пушкина къ этой ложѣ, г. Кульманъ справедливо замѣчаетъ: «какую роль игралъ онъ въ ней, сказать трудно, но врядъ ли эта роль и по свойству характера Пушкина, и по недолговѣчности самой

ложи могла быть значительной». По словамъ Липранди (Русс. Арх. 1866 г., 1258), «Пушкинъ неоднократно подсмѣивался надъ Пущинымъ, въ особенности послѣ исторіи съ болгарскимъ архимандритомъ». Эта исторія разсказана Липранди выше (ст. 1248—1249). Анненковъ выразилъ мнѣніе, что въ одномъ изъ кишиневскихъ рисунковъ Пушкина 1821 г. (Рум. муз., № 2365, л. 68; воспроизведенъ выше, стр. 176) воспроизведена разсказанная Липранди продѣлка съ архимандритомъ; В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 109) въ этомъ весьма основательно сомнѣвается.

Имя Пущина встрѣчается въ перепискѣ Пушкина еще разъ, въ относящемся къ тридцатымъ годамъ письмѣ поэта къ П. А. Осиповой, которая судилась съ Пущинымъ, сосѣдомъ ея по имѣнію. Пушкинъ тогда писалъ ему по этому дѣлу; письмо не дошло до насъ («Былое» 1906 г., декабрь, зам. Н. Лернера). О Пущинѣ см. также «Пушкинъ» Л. Н. Медкова, стр. 82.

---

282. М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

(т. II, стр. 78).

Выше, въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ «Христосъ воскресъ»... (№ 268) и «Алексѣеву «(№ 270) упомянуто объ М. Е. Эйхфельдтъ, бывшей въ связи съ другомъ поэта Н. С. Алексѣевымъ. Стихи, обращенные къ ней, сообщены кишиневскимъ знакомцемъ Пушкина В. П. Горчаковымъ въ «Выдержкахъ изъ дневника объ А. С. Пушкинѣ» («Москвитянинъ» 1850 г., ч. 1, кн. 1, № 2, стр. 157—159, 176), отрывки изъ которыхъ приведены П. И. Бартеневымъ («Пушкинъ въ Южной Россіи» — «Русс. Арх.» 1866 г., 1157). Въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Бартенева П. И. Липранди разсказываетъ о четѣ Эйхфельдтъ (ibid, 1225): «Пушкинъ былъ любезенъ со всѣми хорошенькими, а Эйхфельдтъ... дѣйствительно была хороша и хорошо образована; мужъ ея не соотвѣтствовалъ ей ни тѣмъ, ни другимъ; и чуть ли не Пушкинъ первый далъ этой парѣ кличку—«Земира и Азоръ», сдѣлавшуюся скоро общей. Образованіе Ивана Ивановича Эйхфельдта состояло въ тяжелой учености горнаго дѣла... Онъ, никакъ не стѣсняя жены, жилъ, какъ нѣмецъ, безъ общества у себя»... Иванъ Ивановичъ Эйхфельдтъ былъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, оберъ-берггауптманомъ, занимался нумизматикой. Молодая жена его, можетъ быть, для того, чтобы немного замаскировать свои отношенія къ Алексѣеву, по словамъ Бартенева, «окружала себя разными родственниками, молдованами и греками» (она была рожденная Мило), «желала казаться равнодушною къ русской молодежи». Пушкинъ въ своей эпиграммѣ и выразилъ насмѣшливую надежду найти путь къ ея сердцу, ставъ ея родственникомъ черезъ Зою, ея некрасивую племянницу. Стихи дошли до насъ не цѣликомъ; Горчаковъ говоритъ, что они оканчивались такими подробностями, что отдать ихъ Марьѣ Егоровнѣ было уже невозможно; вѣроятно, по той же причинѣ Горчаковъ не напечаталъ конца эпиграммы.

---

283. ЛИЗѢ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ...

(т. II, стр. 78).

Пьеса находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 10) и № 2370 (л. 41); во второй она записана безъ первыхъ трехъ стиховъ и начинается словами: «Лида, новая Діана притала»... и т. д. Впервые напечаталъ ее П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (VII, 100), съ замѣчаніемъ: «эпиграмма изъ временъ пребыванія поэта на югѣ». По положенію ея въ черновикахъ Пушкина опредѣленъ годъ, когда она была написана. Здѣсь напечатана по тетради № 2367.

---

284. ВСЕГДА ТАКЪ БУДЕТЪ И БЫВАЛО.

(т. II, стр. 78).

Эта грустная сентенція, оригиналъ которой неизвѣстенъ, была впервые напечатана въ альманахѣ «Листки Граціи», М., 1829, стр. 56; въ собраніе сочиненій Пушкина вошла въ изданіи Анненкова (т. VII, стр. 97). Въ альманахѣ четвертое слово перваго стиха было не «и», а «какъ». [1])

Пушкинъ любилъ и цѣнилъ своихъ настоящихъ друзей какъ Жуковскій, Н. Раевскій, Чаадаевъ. Въ эпилогѣ «Руслана и Людмилы» онъ писалъ, вспоминая услугу Чаадаева: «Я погибалъ... Святой хранитель первоначальныхъ, бурныхъ дней, о дружба, нѣжный утѣшитель болѣзненной души моей! Ты умолила непогоду, ты сердцу возвратила миръ; ты сохранила мнѣ свободу»... Въ посвященіи «Кавказскаго Плѣнника» Н. Раевскому онъ говорилъ: «счастье моихъ друзей мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ»... Такихъ мѣстъ въ пушкинской поэзіи много. Но есть и другіе отзывы, проникнутые скептицизмомъ. У поэта было мало истинныхъ друзей. Большинство было изъ тѣхъ, кого онъ называлъ—«минутной младости минутные друзья», «кругъ товарищей презрѣнныхъ», и о комъ писалъ въ «Онѣгинѣ», «что нѣтъ презрѣнной клеветы, на чердакѣ вралемъ рожденной и свѣтской чернью ободренной, что нѣтъ нелѣпицы такой, ни эпиграмы площадной, которой бы вашъ другъ съ улыбкой, въ кругу порядочныхъ людей, безъ всякой злобы и затѣй, не повторилъ стократъ ошибкой; а впрочемъ, онъ за васъ горой: онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!» Любопытныя слова Пушкина о дружбѣ передалъ П. А. Плетневъ Я. К. Гроту («Переписка Грота съ Плетневымъ» II, 221—222).

---

285. КЛЕВЕТНИКЪ БЕЗЪ ДАРОВАНЬЯ.

(т. II, стр. 78).

Эпиграмма написана на М. Т. Каченовскаго, какъ видно изъ письма Пушкина къ брату отъ 24 января 1822 г. Въ концѣ декабря 1822 г. или въ началѣ января 1823 Пушкинъ послалъ ее князю П. А. Вяземскому въ числѣ «нѣсколькихъ пакостей» подъ заглавіемъ: «Эпиграмма». Она дошла до насъ въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 3; по этому источнику здѣсь и

---

1) Анненковъ даты подъ стихотвореніемъ не выставилъ. Геннади въ изд. 1859 г. отнесъ его къ 1821 г., не приведя, однако, для этого никакихъ мотивовъ. Дата была принята всѣми позднѣйшими изданіями. Приняли и мы ее, но только потому, что у насъ нѣтъ данныхъ оспаривать ее. *Ред.*

напечатана), подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ хранящемся также въ музеѣ упомянутомъ письмѣ къ брату и въ рукописи гр. Каннста (л, 11), гдѣ озаглавлена «Надпись къ портрету», но зачеркнута карандашемъ (Л. Н. Майковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Каннсту», Спб., 1896 г. стр. 5). Очевидно, Пушкинъ хотѣлъ ее напечатать въ своемъ сборникѣ стиховъ, вышедшемъ въ 1826 г., но раздумалъ, и при его жизни она не печаталась, а впервые появилась въ «Библіографич. Записках» 1858 г., № 1, ст. 6, и вошла во второе изданіе Геннади. 1870 г., I, 262.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Каченовскому еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи; см. также т. I, № 169. Находившійся подъ вліяніемъ вѣрнаго панегириста Карамзина—князя П. А. Вяземскаго, Пушкинъ явился въ ней однимъ изъ неудачныхъ, слишкомъ усердныхъ ревнителей славы Карамзина, и эпиграмма не свидѣтельствуетъ ни о справедливости поэта, ни о самостоятельности его сужденій. Это скорѣе ругань, чѣмъ эпиграмма на литературнаго противника. О подобныхъ незаслуженныхъ нападкахъ вспоминалъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» (Сочин. Б., изд. Венгерова, I, 345): «Помните ли, какъ пришлись г. Каченовскому его замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго, эти замѣчанія старца, въ коихъ было высказано почти все, что говорили потомъ объ исторіи Карамзина юноши? Да, много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетикъ, не то что авторитетъ»... Влад. Соловьевъ привелъ эпиграмму «Клеветникъ безъ дарованья»... какъ образецъ такихъ выходокъ Пушкина, которыя «столько же постыдны для автора, сколько оскорбительны для его сюжетовъ» («Судьба Пушкина», Спб., 1898, стр. 27—28).

286. СОСТАВЛЕНЪ ОНЪ ИЗЪ ПОДЛОЙ СПЕСИ.

(т. II, стр. 78).

Эпиграмма эта, находящаяся въ черновомъ наброскѣ въ принадлежащей Имп. Публичн. Библ. записной книжкѣ 1820—1821 гг. (л. 59), была впервые напечатана П. О. Морозовымъ въ изданіи литерат. фонда (I, 263). Она имѣетъ въ виду опредѣленное лицо, имя котораго неизвѣстно. Пьеска озаглавлена «К. Г.» и въ началѣ ея стоятъ зачеркнутыя слова: «Мишурный князь». Князь «шутъ народный» упоминается въ черновикѣ эпиграммы «Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный». (№ 288). Въ рѣзкомъ лаконизмѣ и внушительной лапидарности законченныхъ и яркихъ опредѣленій эпиграммы слышенъ свистъ «сатирической лозы» выведеннаго изъ себя Пушкина. [1])

1) Еще разъ присмотрѣвшись къ этому карандашному наброску, отчасти уже стершемуся, мы пришли къ убѣжденію, что въ эпиграммѣ не 4, а 5 строкъ и что читаться она должна вотъ какъ:

Я не видалъ негоднѣй смѣси
Составленъ онъ изъ подлости и спѣси
Но подлости побольше спѣси
Въ сраженьи трусъ, въ трахтирѣ онъ бурлакъ,
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ.

Ред.

287. ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБѢ.

(т. II, стр. 78).

Находящаяся въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 4) эпиграмма эта впервые была напечатана въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 340; затѣмъ вошла въ изданіе литерат. фонда (VII, дополнит, примѣч., стр. LVIII). Судя по ея положенію среди черновиковъ, она относится къ 1821 г. Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академ. изд. сочин. П.», 180) помѣтилъ ее 1822 г., съ чѣмъ согласенъ и П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. А. С. Суворина, VIII, 178). Посылая князю П. А. Вяземскому въ концѣ декабря 1822 г. или началѣ января 1823 г. нѣсколько эпиграммъ, въ числѣ которыхъ были «Иной имѣлъ мою Аглаю»... и «Оставя честь судьбѣ»..., Пушкинъ писалъ: «этихъ двухъ не показывай никому—ни Денису Давыдову» (Переписка П., академич. изд. I, 62). Денисъ Давыдовъ приходился родственникомъ мужу каменской Мессалины, А. Л. Давыдову. Очевидно, эпиграмма написана на Аглаю Антоновну Давыдову (о ней см. №№ 261, 311, 328). Среди пушкинскихъ эпиграммъ она выдѣляется своей исключительной грубостью.

288. ХОТЬ ВПРОЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ИЗРЯДНЫЙ.

(т. II. стр. 78).

Эпиграмма находится въ первоначальной редакціи въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 5) и въ рукописи графа Каннста (л. 19), гдѣ приведена цѣликомъ, причемъ зачеркнутъ послѣдній стихъ, тотъ же, что въ первой редакціи: «Ты полонъ глупости большой»... («Автографы П—на, принадлежащіе графу П. И. Каннсту», сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896 г., 7). Она была напечатана въ сборникахъ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 114, и 1829 г., ч. 1, стр. 165, въ числѣ пьесъ «разныхъ годовъ». Къ 1821 г. она относится по положенію черновика среди другихъ черновыхъ. Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академич. изд. сочин. П.», 180) неправильно отнесъ ее къ 1822 г., а П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія» I, 316. 622) напечаталъ вмѣсто бѣлового текста, даннаго самимъ Пушкинымъ, первоначальную черновую редакцію, объясняя, что въ прежнихъ изданіяхъ печаталась «измѣненная» редакція (В. Е. Якушкинъ, «Еще новое изданіе сочиненій Пушкина»—«Русс. Вѣд.» 1903 г., № 120). Противъ кого эпиграмма направлена, неизвѣстно; въ черновикѣ это лицо названо—«мой князь». «Мишурный князь» упоминается въ черновикѣ эпиграммы «Составленъ онъ изъ подлости и спеси»... (№ 286). Вмѣсто «Эмилій» во второмъ стихѣ въ первой редакціи было «Людмилинъ»—намекъ поэта на самого себя, автора «Руслана и Людмилы».

289—295. (КИШИНЕВСКІЯ ДАМЫ).

(т. II, стр. 79).

Куплеты находятся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея—первые шесть на 37 листѣ, а послѣдній—на 43-мъ, 1-й, 3-й, 4-й, 6-й и 7-й были впервые напечатаны въ «Русс.

Архивѣ» 1881 г., № 1, и вошли въ сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 129—130, 131. Остальные два напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи румянцовскихъ рукописей Пушкина («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 96—97), причемъ сообщилъ поправки къ тексту, напечатанному въ «Русс. Архивѣ» и въ первомъ изданіи Ефремова.

Пушкинъ написалъ ихъ въ темпѣ джока, молдованской плясовой пѣсни. Подобные стихи писали еще и другіе; примѣры ихъ приведены П. И. Бартеневымъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1158—1159), И. П. Липранди (ibid., 1411—1412), Л. Мацѣевичемъ (см. сборн. В. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887, стр. 81—82). Куплеты Пушкина рисуютъ легкомысленно-распутную сферу «вертепъ, гдѣ скучалъ три года» поэтъ, какъ писалъ онъ Ф. Ф. Вигелю въ 1823 г. изъ Одессы, сравнивая Кишиневъ съ Содомомъ, этимъ «библейскимъ Парижемъ».

П. А. Ефремовъ, пользовавшійся собственноручными замѣтками П. В. Анненкова, въ своемъ второмъ изданіи (т. I, стр. 444—445; VIII, 177—178) привелъ изъ нихъ «примѣчанія К. К. Данзаса»,—что Катакази (въ подлинникѣ—К)—«губернаторъ Бессарабіи, женатый на Ипсиланти»; что Маврогеній (въ подлинникѣ М)—«молдованинъ, женатый на Стурдзѣ»; что «круглая сосѣдка»—«m-me Богданъ, вдова молдавскаго боярина» содержала открытый домъ, гдѣ также играли»; что въ 5-мъ куплетѣ «кажется, дѣло идетъ тоже о ней», что Тодорашка—«Ѳедоръ Крупенскій, братъ кишиневскаго вице-губернатора» О еврейкѣ (въ 4-мъ куплетѣ) сказано, что «одна еврейка содержала въ старомъ городѣ chambres garnies, и дочка ея была предметомъ стиховъ и страсти Пушкина и многихъ его пріятелей». Константинъ Антоновичъ Катакази, по происхожденію грекъ, былъ бессарабскій губернаторъ; онъ былъ женатъ на дочери молдавскаго господаря Ипсиланти (о немъ см. записки Вигеля, VI, 112—113; «Русс. Арх.» 1866 г., 1125, 1226, 1235). Петраки Маврогени, крупный бессарабскій помѣщикъ, женатый на дочери старѣйшаго молдавскаго бояра Георгія Стурдзы, жилъ очень широко, и домъ его былъ открытъ съ утра до вечера (Вигель VI, 160; И. П. Липранди, «Замѣчанія на воспоминанія Вигеля», 151; «Р. Арх.» 1866 г., 1227, 1243, 1244). Госпожа Богданъ, почти старуха, но молодившаяся, богатая молдавская аристократка, часто устраивала у себя танцовальные вечера (Вигель VI, 194; Липранди, ор. с., 151; «Р. Арх». 1866 г, 1242—1244). Еврейка—можетъ быть, М. Е. Эйхфельдтъ (о ней см. выше, примѣч. №№ 268 270, 282). «Тодорашка»—Ѳедор. Егор. Крупенскій, братъ вице-губернатора, титулярный совѣтникъ; въ 1818 г. въ его домѣ, сохранившемся понынѣ, бессарабское дворянство принимало Александра I («Русс. Арх» 1866 г., 1411; П. Халиппа, «Городъ Кишиневъ, время жизни въ немъ А. С. Пушкина», 15; Л. Н. Майковъ, «П[illegible]кинъ», 104, 118). Тарспсъ—сестра Катакази, по словамъ Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., 1235), «дѣва лѣтъ сорока, некрасивая, но образованная, и прозванная Кишиневская Жанлисъ». «Греческія бредни» (въ 3-мъ стихѣ 1-го куплета), вѣроятно, намекъ на водевиль Н. И. Хмѣльницкаго «Греческія бредни или Ифигенія въ Тавридѣ на изнанку» (Собр. сочин. X., т. II).

296. ДОБРА ЧУЖОГО НЕ ЖЕЛАТЬ...

(т. II, стр, 80).

Безъ послѣднихъ восьми стиховъ эта пьеса была впервые напечатана въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 года, № 11, ст. 342, а затѣмъ, въ болѣе полномъ и «исправленномъ» видѣ, появилась въ «Атенеѣ» 1858 года, III, 596—597, Затѣмъ Н. В. Гербель (Русскій) напечаталъ ее въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ тогда (1861 г.) въ Россіи стихотвореній Пушкина, стр. 27—28, подъ заглавіемъ «Десятая заповѣдь», и съ примѣчаніемъ (стр. 217), что «послѣдніе восемь стиховъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не принадлежатъ Пушкину». Повидимому, и вся пьеса приписывается Пушкину безъ достаточныхъ основаній. Она прѣсна и весьма мало остроумна. Издатели печатая ее. оговаривались, что принадлежность ея Пушкину сомнительна. (См. также письмо П. О. Морозова въ «Образованіи» 1903 г., ноябрь, отд. III, стр. 162). Мнѣніе Г. С. Чирикова («Бумаги А. С Пушкина», I, М., 1881 г., 99), что это стихотвореніе «превосходное»,—остается единственнымъ.

297. ПОВѢРЬ МНѢ, БЫТЬ ТЕБѢ ПАНГЛОСОМЪ [1])

(т. II, стр. 80).

Эта шутка находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 41, об.), среди черновиковъ 1821 г. Пушкинъ въ концѣ 1822 г. или началѣ 1823 г. послалъ ее Вяземскому (Переп. П., академ. изд. I, 62; есть отличія въ текстѣ). Впервые она была напечатана въ «Русс. Архивѣ» 1881 г., № 1; см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М. 1881 г., стр. 131, и въ собраніе сочиненій Пушкина внесена П. А. Ефремовымъ (изд. 1882 г., I, 525). Ученый докторъ Панглоссъ—одинъ изъ героевъ популярной сатирической повѣсти Вольтера «Кандидъ или оптимизмъ», преподаватель «метафизико-теологокосмоло-нигологіи»; онъ страдаетъ той болѣзнью, которая влечетъ за собою разрушеніе носового хряща.

298. ЗАВИДУЮ ТЕБѢ, ПИТОМЕЦЪ МОРЯ СМѢЛЫЙ.

(т. II, стр. 81).

Стихи эти находятся въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 12), безъ заглавія, и были напечатаны (первые пять стиховъ) П. В. Анненковымъ въ его изданіи (т. I, стр. 353) какъ «примѣръ посланія къ одному изъ товарищей поэта», подъ заглавіемъ: «Къ М*.»—«Матюшкину», какъ сказано въ алфавитномъ указателѣ (цитир. изд., VII, 166). Это, конечно, ошибка: Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ (о немъ см. примѣчаніе № 456), лицейскій товарищъ Пушкина, не могъ быть названъ «подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлымъ»... Можетъ быть, Пушкинъ самъ относилъ ихъ не къ опредѣленному лицу, а къ типу стараго моряка, «морского волка». Они находятся среди черновиковъ первой главы «Евгенія Онѣгина», начатой въ 1823 г. и, можетъ быть, ихъ съ большимъ основаніемъ можно датировать 1823 годомъ, чѣмъ 1821.

[1]) Въ подлинникѣ написано «Эпиграмма». По неопредѣленности этого надписанія, замѣняемъ его первымъ стихомъ. *Ред.*

299. НАПЕРСНИЦА МОИХЪ СЕРДЕЧНЫХЪ ДУМЪ.

(т. II, стр. 81).

Этотъ набросокъ, находящійся въ хранящейся въ Императ. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ Пушкина (л. 56), впервые былъ напечатанъ П. О. Морозовымъ [1]) въ изд. «Просвѣщенія» (I, 306). Морозовъ (ibid., 617—618) сближаетъ его со второй строфой пьесы «Разлука» («Уныніе») (см. выше, т. I, № 98):

И ты со мной, о лира пріуныла,
Наперсница души моей больной...
О, вѣрная, грусти, грусти со мной!..

Своихъ стиховъ 1816 г. Пушкинъ не печаталъ, и можно думать, что набросокъ 1821 г. представляетъ собою попытку переработать ихъ, остановившуюся въ самомъ началѣ.

---

300. ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО.

(т. II, стр. 81).

Этотъ набросокъ находится въ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг. (л. 51—52). Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданіи «Просвѣщенія», I, 305—307, гдѣ былъ разобранъ не безъ ошибокъ («жена» вмѣсто «монахъ» и др.; см. исторію текста); впрочемъ, мѣстами онъ разбирается съ большимъ трудомъ. Стихи 19—21 напоминаютъ одно мѣсто въ окончаніи «Бахчисарайскаго Фонтана», для котораго Пушкину пригодился этотъ «запасъ»:

Безумецъ! полно, перестань...
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань...

---

301. Я СЛУШАЮ ТЕБЯ И СЕРДЦЕМЪ МОЛОДѢЮ.

(т. II, стр. 81).

Черновой набросокъ находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 38); впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Архивѣ» 1881 г. (см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881 г., 130) и вошелъ въ ефремовск. изданіе 1882 г. (I, 524). Затѣмъ онъ появился въ изданіи литерат. фонда (I, 264). Рукопись вся исчеркана и очень неразборчива; поэтому тексты, даваемые разными изданіями, далеко не тождественны [2]). Весьма возможно, что это набросокъ посланія къ Д. В. Давыдову (см. выше, № 271), пѣвцу любви, бутылки и усовъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ знаменитому «ёрѣ-забіякѣ» Бурцову Давыдовъ писалъ: «Пусть мой усъ, краса природы, чернобурый, въ завиткахъ, пзсѣчется въ юны годы»... Къ 1821 г. набросокъ относится и по связи съ посланіемъ «Недавно я въ часы свободы»..., и по положенію среди черновиковъ.

[1]) Нашъ текстъ отличается отъ этого текста тѣмъ, что зачеркнутыя въ рукописи слова мы поставили въ скобки. *Ред.*

[2]) Майковъ (Матеріалы, 142) произвольно выбросилъ начало. Наша редакція менѣе стройна, но и нѣтъ надобности принаряживать черновой набросокъ. *Ред.*

302. НЕ ТѢМЪ ГОРЖУСЬ Я, МОЙ ПѢВЕЦЪ.

(т. II, стр. 81).

Черновой набросокъ этотъ находится въ хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг. (лл. 48—49). Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданіи литературнаго фонда (I, 264—265). Рукопись мѣстами неразборчива (ср. исторію текста). Къ кому обращается Пушкинъ, неизвѣстно. Набросокъ чрезвычайно интересенъ какъ выраженіе взгляда Пушкина на свое призваніе; въ поэзіи для него заключается нѣчто выше и славы, и любви, и плодотворной роли общественнаго дѣятеля, дающей высокое нравственное удовлетвореніе; все это—ничто въ сравненіи съ радостью творчества, съ его думами и мечтаньями. Высшей гордостью для него была не чарующая прелесть стиха, смирявшая непокорное дѣвичье сердце, не сила наводившаго страхъ сатирическаго бича, не широкая извѣстность его имени, а поэтическій даръ самъ по себѣ. Въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» (1824 г.) мы находимъ слова поэта, взятыя Пушкинымъ изъ «запаса», даваемаго этимъ наброскомъ: «Мои слова, мои напѣвы коварной силой иногда смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы волненье страха и стыда»... Книгопродавецъ говоритъ своему собесѣднику: «Завиденъ вашъ удѣлъ: поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ, злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ въ потомствѣ дальномъ поражаетъ... Слава замѣнила вамъ мечтанья тайнаго отрады»... Поэтъ отвѣчаетъ: «Блаженъ кто молча былъ поэтъ»... Тѣ же мысли и много общаго въ выраженіяхъ. Въ стихахъ «Къ моей чернильницѣ» Пушкинъ вспоминалъ: «Съ глупцовъ сорвавъ одежду, я весело клеймилъ зоила и невѣжду».

---

303. ВЪ ТВОЮ СВѢТЛИЦУ.

(т. II, стр. 82).

Этотъ набросокъ сохранился въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 42 оборотъ); первые четыре стиха находятся въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 л.г. (л. 49). Впервые напечаталъ его В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи румянцовскихъ рукописей поэта («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 99). Въ предпослѣдній стихъ онъ вставилъ по догадкѣ, вполнѣ, впрочемъ, вѣроятной, слово «лучей», рифмующее съ послѣднимъ словомъ—«свѣчей»; третій стихъ былъ прочитанъ невѣрно; П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (I, 265) исправилъ его, сохранивши, однако, вставленное слово «лучей» [1])

Стихотвореніе не закончено поэтомъ, но и въ неотдѣланномъ наброскѣ оно поражаетъ художественной цѣльностью, геніальной простотою, теплотою и нѣжностью. Повидимому, въ немъ говорится о разлукѣ, предстоящей влюбленнымъ, и чувство щемящей тоски превосходно выражено тѣмъ, что послѣдній, короткій стихъ жалобно обрываетъ пьесу,—словно внезапно порвалась стру-

[1]) Придерживаясь тетради № 2365, (здѣсь стихотвореніе разработаннѣе), мы не помѣстили «лучей» даже какъ догадку, потому что на это и намека нѣтъ въ рукописи. Ср. въ исторіи текста. *Ред.*

па... У полузабытаго поэта Н. Г. Цыганова, пѣсни котораго еще живутъ въ народѣ, есть стихи, начало которыхъ приводимъ какъ параллель пьесѣ Пушкина:

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полупочи...

304. ВО ВРЕМЕНА ЦАРЯ ДОДОНА.

(т. II, стр. 82).

Извлечено изъ исчеркапнаго наброска, находящагося въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 43), который впервые пробовалъ разобрать В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар». 1884 г., апрѣль, 99). Видимо, представляетъ собою начало шуточнаго стихотворенія. Къ 1821 г. набросокъ относится по положенію среди черновиковъ. Ср. исторію текста.

305. ВОТЪ МУЗА, РѢЗВАЯ БОЛТУНЬЯ.

(т. II, стр. 82).

Этотъ набросокъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 39). Впервые онъ былъ напечатанъ П. И. Бартеневымъ въ «Русс. Архивѣ» 1881 г.; см. сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина» I, М., 1881, стр. 130. Въ собраніе сочиненій Пушкина внесенъ П. А. Ефремовымъ (изд. 1882 г., I, 524). П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія» I, 308) напечаталъ его въ исправленномъ видѣ. Къ 1821 г. онъ относится по положенію среди черновыхъ этого года. Повидимому, это начало дружескаго посланія. Ср. исторію текста.

306. ПРИМИ ВЪ ЗАЛОГЪ ВОСПОМИНАНЬЯ.

307. НЕ УДИВЛЯЙСЯ, МИЛЫЙ МОЙ

(т. II, стр. 82).

Оба наброска, относящіеся, можетъ быть, къ одному цѣлому, но недодѣланному стихотворенію, находятся въ очень исчерканномъ, неразборчивомъ черновикѣ въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго Музея (л. 39). Впервые ихъ напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 97. П. А. Ефремовъ (Соч. П. изд. А. С. Суворина, VIII, 185), связывая эти стихи вмѣстѣ, считаетъ ихъ наброскомъ посланія къ Н. С. Алексѣеву (?), при которомъ Пушкинъ собирался сообщить другу «Гавриліаду», начатую, быть можетъ, еще въ 1821 г. П. О. Морозовъ расчленяетъ наброски, относя первый къ «ГавриліадѢ» (изд. «Просвѣщенія III, 199), а второй (цитир. изд. I, 603) къ пьесѣ «Христосъ воскресъ, моя Ревекка».. (см. выше, № 268). По содержанію они, пожалуй, могутъ относиться къ «ГавриліадѢ», героиня которой—еврейка и гдѣ, дѣйствительно, есть «опасные стихи», и проч. (Н. Лернеръ, «НѢчто новое о ПушкинѢ въ Кишиневѣ»—«Бессар. Губернск. Вѣдом.» 1902 г. № 88).

308. ГРЕЧАНКА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

(т. II, стр. 82).

Въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 34) находится этотъ набросокъ, который впервые попробовалъ разобрать В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 94. Полнѣе разобралъ его П. О. Морозовъ въ изд. «Просвѣщенія», I, 631—632 [1]). Какъ Морозовъ, такъ и Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, VIII, 186) относятъ эти стихи къ той женщинѣ (Калипсо Полихрони), которой Пушкинъ въ 1822 г. посвятилъ стихотвореніе «ГречанкѢ». Между тѣмъ, судя по имени «гречанки»—Ἐλευθερία, свобода, здѣсь подъ этой «Эллеферіей» разумѣется свобода, въ годъ греческаго возстанія олицетворенная поэтомъ въ образѣ прекрасной гречанки, «пышной южной красотѣ», которой «вредна холодная Россія». Образомъ женщины, видимо, прикрыта абстракція, и искать здѣсь слѣдовъ сердечнаго увлеченія Пушкина нѣтъ достаточныхъ основаній.

309. ВЪ ЮРЗУФѢ БѢДНЫЙ МУЗУЛЬМАНЪ.

(т. II, стр. 82).

Черновой набросокъ, находящійся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 34—35), былъ впервые разобранъ и напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 94—95; полнѣе онъ былъ напечатанъ въ изданіи литературнаго фонда (I, 266—267), еще полнѣе—въ майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій Пушкина», стр. 143—145. Рукопись вся исчеркана и мѣстами, особенно въ концѣ, очень неразборчива (ср. исторію текста). «БѢдный Музульманъ» въ одномъ мѣстѣ названъ Махмутъ, а въ другомъ - Мехметъ; жена его въ одномъ мѣстѣ—Селима, а въ другихъ—Фатима. Повидимому, это начало шуточнаго разсказа изъ быта крымскихъ татаръ, который полюбился Пушкину. Въ извѣстномъ письмѣ къ Дельвигу (декабрь 1824 г.) поэтъ живо описывалъ «картину плѣнительную» Крыма—«плоскія кровли хижинъ татарскихъ... тополи, какъ зеленыя колонны... синее чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный...» Въ пьесѣ, тоже 1821 г., «Желаніе» («Кто видѣлъ край»...) (см. выше, № 272) упоминаются «бѣдныя простыхъ татаръ семьи», которыя «среди заботъ и съ дружбою взаимной полъ кровлею живутъ гостепріимной»...

310. КРАСЫ ЛАИСЪ, ЗАВѢТНЫЕ ПИРЫ.

(т. II, стр. 83).

Неотдѣланное стихотвореніе это находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 36 оборотъ) и впервые было напечатано въ «Русс.

[1]) Въ чтеніи П. О. Морозова не мало произвольнаго (ср. исторію текста). Нашу редакцію слѣдуетъ дополнить. Мы не обратили вниманія, что на верху л. 34 можно еще прочитать совершенно отчетливо:

Живи сама Эллеферія
красотѢ
Вредна холодная Россія
(Привыкнешь тамъ) Ред.

Стар.» 1884 г., апрѣль, 95—96, а затѣмъ вошло въ изданіе П. О. Морозова (1887 г. I, 287), съ отнесеніемъ къ 1822 г., повтореннымъ Морозовымъ въ слѣдующемъ его изданіи («Просвѣщ.», I, 335), съ чѣмъ согласенъ и П. А. Ефремовъ (сочин. П., изд. А. С. Суворина, I, 475). Вѣрнѣе будетъ отнести пьесу по ея положенію среди пушкинскихъ черновиковъ къ 1821 г. Л. Н Майковъ («Матеріалы для академич. изд. сочин. П.», стр. 176—177) считаетъ ее частью или варіантомъ стиховъ 1822 г. «Ты правъ, мой другъ»... (ниже, № 364), «Ужели онъ казался прежде мнѣ»... (№ 365) и «Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ»... (№ 366). По элегическому настроенію[1]) стихи дѣйствительно допускаютъ такое сближеніе, но настроеніе это слишкомъ общее; оно отъ времени до времени не разъ навѣщало Пушкина. Къ тому же эти стихи находятся въ разныхъ тетрадяхъ. П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщ.» I, 640—641) отмѣчаетъ сходство пьесы съ слѣдующими строфами посланія Батюшкова «Къ другу» (1816 г.):

Скажи, мудрецъ младой,—что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы облаетъ призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья...
Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ,
Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

311. A SON AMANT EGLÉ.

(т. II, стр. 83).

Эпиграмма эта находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 39 оборотъ). Впервые она была напечатана въ «Русс. Архивѣ» 1881 г., № 1; см. сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина» I, М., 1881 г., 130. П. А. Ефремовъ внесъ ее въ оба свои изданія Пушкина (первое, I, 524; второе, VIII, 175—176). П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ игнорировалъ ее, очевидно, считая не принадлежащей Пушкину, а только записанной имъ. Имя Eglé приводитъ на память Аглаю Антоновну Давыдову, къ которой эпиграмма по содержанію могла относиться (см.№№ 261, 287, 328). Въ рукописи есть поправки, но и онѣ не свидѣтельствуютъ объ авторствѣ Пушкина, который могъ поправить вспоминаемые имъ чужіе стихи, желая возстановить ихъ какъ можно точнѣе въ своей памяти. Пушкину случалось записывать чужіе французскіе стихи; см. выше, прим. къ № 90 (I т.) и 215. Но и категорически отрицать его авторство нѣтъ основаній[2]). Можно предположить, что французскіе стихи должны были скорѣе дойти до Давыдовой, чѣмъ русскіе; (вопросъ, знала ли она по-русски; въ ея кругу всѣ говорили по-французски), и Пушкинъ даже жаловался однажды брату (письмо 27 іюня 1821 г.); «съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку». Весьма возможно, что эти-то, а не другіе, стихи и были причиной ея гнѣва на Пушкина, который подмѣтилъ Липранди (см. выше, примѣч. къ № 261). Осторожнѣе было-бы эту эпиграмму отнести къ числу приписываемыхъ Пушкину стиховъ.

312. ПРОГРАММА И ОТРЫВОКЪ КОМЕДІИ ВЪ СТИХАХЪ.

(т. II, стр. 83).

Программа и отрывокъ комедіи находятся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 40—41). Программу впервые напечаталъ П. В. Анненковъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», стр. 160—163), причемъ не сообщилъ, что въ рукописи непосредственно за программой находится и начало комедіи, сначала въ прозѣ, потомъ въ стихахъ. Часть стиховъ (отъ «Казармы нравятся»... до конца) напечаталъ впервые П. И. Бартеневъ въ «Русс. Архивѣ» 1881 г., № 1 (см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 130—131), но передалъ текстъ небрежно. Всю неопубликованную Анненковымъ часть напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи румянцовскихъ рукописей поэта («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 98—99). На оборотѣ 40-го листа тетради, между словами: «Конецъ» и «Бр. Рам. С.» есть помѣта: «4 іюня ночью. 5 іюня поутру» (и немного ниже: «Дегилье»—фамилія француза, съ которымъ у Пушкина было столкновеніе), быть можетъ, служащая датой набросковъ комедіи; (въ настоящемъ изданіи—первый абзацъ, а затѣмъ—все остальное) Анненковъ (l. c.) даетъ слѣдующее объясненіе: «Пушкинъ хотѣлъ написать комедію или драму потрясающаго содержанія, которая могла бы выставить въ позорномъ свѣтѣ безобразіе крѣпостничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать и темныя стороны самаго образованнаго общества нашего. Программа такой комедіи или драмы, затерявшаяся въ бумагахъ поэта, изложена въ довольно странной формѣ. Всѣ дѣйствующія лица будущей драмы названы въ ней по именамъ предполагаемыхъ ея исполнителей на сценѣ, т.-е. фамиліями тогдашнихъ знаменитыхъ актеровъ петербургскаго театра... Изъ сличенія обѣихъ программъ оказывается возможность предположить правдоподобное изъясненіе всего плана будущей комедіи. По нашему мнѣнію, дѣло должно было заключаться въ томъ, что аристократическая вдова (Валберхова), имѣющая любимаго ею брата, желаетъ спасти его отъ несчастной страсти къ игрѣ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ, тоже изъ высшаго свѣта и тоже игрокомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продѣлками шулеровъ. Любовникъ обѣщаетъ ей содѣйствіе и на первомъ же игорномъ вечерѣ у Сосницкаго встрѣчаетъ полнаго (?) шулера, Рамазанова, узнаетъ его и принуждаетъ обыграть хозяина пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Подъ конецъ сеанса они заставляютъ Сосницкаго поставить на карту своего стараго дядьку Величкина. Происходитъ раздирающая сцена, кончаю-

1) Мы ввели въ текстъ зачеркнутыя въ 5 стихѣ усталыя слова (Все скучно мнѣ) и тогда стихотвореніе получаетъ цѣльность. Въ редакціи В. Е. Якушкина, принятой Морозовымъ и Ефремовымъ, между 1 и 2 куплетами нѣтъ связи. Ред.

2) Мы задумывались надъ вопросомъ о томъ, сочинилъ-ли Пушкинъ это стихотвореніе или только вписалъ въ тетрадь. Но обиліе поправокъ какъ будто говоритъ о творчествѣ. Характерно именно для творчества то, что Eglé первоначально названа у Пушкина Laïs—имя постоянно тогда вертѣвшееся подъ перомъ Пушкина. Ред.

щаяся наставленіями и поученіями и проч. Вотъ какого рода обличительную комедію задумывалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ». Дѣйствительно, начало программы (первый абзацъ) представляетъ собою небрежный очеркъ того, что нѣсколько подробнѣе развивается далѣе, но Анненковъ, довольно правдоподобно истолковавъ предполагаемое содержаніе пьесы, безъ достаточныхъ основаній придалъ ей своеобразное политическое истолкованіе, рѣшивъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду обличеніе. Между тѣмъ мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ комедіей нравовъ. По именамъ актеровъ, впрочемъ, нельзя заключить, что авторъ надѣялся провести комедію на сцену; въ его представленіи эти имена, выражавшія каждое особое амплуа, могли просто служить краткими символами намѣченныхъ характеровъ.

Въ комедіи есть бытовыя и политическія черты. Главный герой пьесы Сосницкій, типичный представитель тогдашней передовой молодежи, о которой Пушкинъ писалъ впослѣдствіи («Отрывки изъ романа въ письмахъ»): «Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами». Евгеній Онѣгинъ тоже отдалъ дань этому духу времени: онъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокій экономъ»... Отвѣты молодого «либералиста» (Сосницкаго) сестрѣ (Валберховой), что въ свѣтѣ «всѣ бранчивы—скучно», «не найдешь живого человѣка въ отборномъ обществѣ», напоминаютъ слова самого Пушкина въ посланіи 1819 г. къ кн. А. М. Горчакову:

... Признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я...
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены...
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.

Усматривая въ задуманной комедіи духъ политическаго протеста, Анненковъ видитъ въ ней переходную ступень къ политической трагедіи «Вадимъ», которая тоже остановилась въ самомъ началѣ. Комедія отражаетъ также интересъ Пушкина къ театру, гдѣ «подъ сѣнію кулисъ златые дни мои неслись», какъ писалъ онъ въ «Онѣгинѣ».

Яковъ Григ. Брянскій (Григорьевъ, 1790—1853) поступилъ на сцену 11 сентября 1811 г. О немъ см. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1853 г., № 6, и воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой «Русскіе писатели и артисты», Спб., 1890 г., стр. 1—30. Марья Иван. Валберхова (1788—1867), дочь балетмейстера Императорскихъ театровъ, ученица кн. А. А. Шаховского, была выдающеюся величиной на русской сценѣ первой половины XIX вѣка; она счастливо соперничала съ Е. С. Семеновой (И. Н. Божеряновъ, «Иллюстрир. ист. русс. театра XIX вѣка», I, отд. III, стр. 13—14). Мих. Васил. Величкинъ (1783—1848)—комикъ, подвизавшійся на петербургской сценѣ въ 1815—1840 г.г. Александръ Никол. Рамазановъ (1797—1828) былъ хорошимъ актеромъ на амплуа слугъ. Боченковъ игралъ вторыя роли. Пв. Пв. Сосницкій (1794—1871), съ которымъ Пушкинъ былъ близко знакомъ, шестьдесятъ лѣтъ подвизался на сценѣ и сыгралъ болѣе 560 ролей; Аристъ въ «Молодыхъ супругахъ» Грибоѣдова, Репетиловъ Тартюфъ, Городничій, Фальстафъ. (Божеряновъ I, вып. 2, отд. III, 15—17).

Жомини (1779—1860)—извѣстный французскій военный писатель, бывшій тогда въ большой модѣ; образованные военные увлекались имъ, и на это жаловался Денисъ Давыдовъ, слова котораго: «Жомини да Жомини, а объ водкѣ—ни полслова» вошли въ поговорку. Онѣгинъ, который былъ, по мнѣнію свѣта «ученый малый, но педантъ», могъ поговорить и поспорить «о карбонарахъ, о Парни, объ генералѣ Жомини».

---

313. ВСЕ ЖАЛОБЫ, УПРЕКИ, СЛЕЗЫ.

(т. II, стр. 84).

Автографъ этого отрывка, недоступный для общаго пользованія, находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его современники IV, 4, № 8); по словамъ описанія коллекціи, исчерканный карандашный черновикъ начинается стихомъ, который Анненковъ выпустилъ:

Она меня зоветъ, поѣду или нѣтъ...

Конецъ также не приведенъ Анненковымъ. Вѣроятно, съ этого подлинника впервые напечаталъ его Анненковъ въ первомъ изданіи своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 352, съ замѣчаніемъ: «можетъ быть этотъ любопытный отрывокъ порожденъ какой-нибудь ближайшей причиной, которая уже для насъ потеряна». Впослѣдствіи Анненковъ («П. въ Александровскую эпоху», стр. 163) думалъ, что эти стихи «принадлежатъ къ той же мысли о комедіи изъ крѣпостного и шулерскаго міра (т. е. къ № 312. *С. В.*), только планъ ея уже измѣнился нѣсколько, и вмѣсто брата и сестры являются на сцену мать и сынъ». [1]

314—318. ОТРЫВКИ «АДСКОЙ» ПОЭМЫ

(т. II, стр. 85).

Изъ этихъ отрывковъ впервые появился въ печати тотъ, который обозначенъ у насъ № 2, опубликованный П. В. Анненковымъ въ VII томѣ

---

1) Попытку Анненкова установить связь между отрывками, обозначенными у насъ №№ 312 и 313 мы признаемъ совершенно произвольной и потому ихъ раздѣлили. Въ самомъ дѣлѣ: благодаря программѣ, остовъ комедіи, отрывки которой обозначены у насъ № 312, вполнѣ ясенъ: предъ нами и всѣ дѣйствующія лица и ось пьесы—картежъ. Въ отрывкѣ-же № 313 совершенно новыя лица: мать, Адель, мужъ и совсѣмъ иные мотивы: постылая жена, исканіе новыхъ связей, увлеченіе свѣтской жизнью.

Недостаточно критически отнесшись къ попыткѣ Анненкова, П. О. Морозовъ и вслѣдъ за нимъ Ефремовъ печатаютъ оба отрывка какъ части якобы одного цѣлаго, что явно ошибочно. Проблематична и датировка второго отрывка, такъ какъ рукопись «Все жалобы, упреки» пока недоступна. Собственно говоря, всякое пріуроченіе къ извѣстному году тутъ не обосновано. Помѣщаемъ оба отрывка рядомъ, чтобы подчеркнуть, что передъ нами два творческихъ замысла, а не одинъ, какъ до сихъ поръ считалось. Ред.

своего изданія, стр. 88—89, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Представляемъ одинъ нѣсколько связный отрывокъ изъ сатирической поэмы, какую задумалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ и бросилъ послѣ нѣсколькихъ стиховъ. Дѣйствіе поэмы должно было происходить при дворѣ сатаны, а дѣйствователями назначались люди, событія, понятія той эпохи съ приличной обстановкой, но онъ еще былъ молодъ для большой насмѣшки, да и сатира не лежала никогда въ свойствахъ его таланта. (Объ этомъ отрывкѣ см. въ ст. П. И. Бартенева «П. въ Южной Россіи»—«Русс. Арх.» 1866 г., 1179). Другіе отрывки Анненковъ напечаталъ въ своей книгѣ «П. въ Александровскую эпоху», стр. 176—178. Наброски сохранились въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 50) и № 2370 (л. 54 об.), и нѣсколько стиховъ изъ нихъ привели В. Е. Якушкинъ въ описаніи румянцовскихъ рукописей Пушкина («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 102; іюль, 28—29), и П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1881 г., № 1; «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 131).

Якушкинъ (II т. академич. изданія, прим., стр. 161) видитъ первый опытъ этой поэмы въ черновомъ наброскѣ 1819—1820 г.г. «Скажи, какія заклинанья»... (см. выше, № 319, примѣч.).

Разсказывая о «бѣсовскомъ» циклѣ рисунковъ Пушкина (образцы ихъ см. выше, на 86 и 87 страницахъ), Анненковъ выражаетъ мнѣніе, что «они были предтечами и, такъ сказать, живописной пробой серьезнаго литературнаго замысла — именно большой политической и общественной сатиры, которая и начинается въ средѣ ихъ, какъ въ своемъ настоящемъ источникѣ. Дѣйствіе ея должно было происходить тоже въ аду, при дворѣ сатаны. Если судить по нѣсколькимъ стихамъ или лучше, по нѣкоторымъ обломкамъ стиховъ, вырваннымъ нами изъ хаоса (и то съ великимъ усиліемъ) ея перемаранныхъ строчекъ, поэма начиналась у Пушкина довольно торжественно. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдующія строчки отзываются чѣмъ-то торжественнымъ: Во тьмѣ кромѣшной... и т. д. Пріемы эти, однако же, скоро пропадаютъ, и уже въ отрывкахъ, добытыхъ нами изъ второго приступа Пушкина къ своей поэмѣ, они смѣняются ироніей и шуткой, обнаруживая гораздо большую развязность кисти, чѣмъ прежде. Считаемъ нужнымъ еще разъ повторить, что стихи, которые мы приводимъ, никакъ не могутъ (?) считаться стихами въ настоящемъ смыслѣ слова, и о томъ, что бы вышло изъ нихъ у Пушкина, не даютъ ни малѣйшаго (?) понятія». Приведя отрывокъ, помѣченный въ наст. изданіи № 4, Анненковъ замѣчаетъ: «Кто этотъ отвѣтчикъ, мы не знаемъ. Разговоръ между посѣтителемъ ада и его руководителемъ, неизвѣстнымъ Виргиліемъ поэмы, продолжается еще далѣе въ томъ же тонѣ»... Процитировавъ отрывки, обозначенные въ наст. изданіи № 5 и № 3, и предположивъ, что упоминаемый въ послѣднемъ докторъ Ф.—«не Фрикенъ ли, извѣстный кишиневскій врачъ того времени», Анненковъ заключилъ: «Итакъ, вотъ всѣ осколки какого-то литературнаго замысла. По отсутствію программы, на этотъ разъ совершенно недостающей, сверхъ обыкновенія, сатирической поэмѣ Пушкина, всякія догадки о ея содержаніи, конечно, становятся невозможны, но, однако же, позволительно, думаемъ, сдѣлать предположеніе, что въ числѣ грѣшниковъ, варящихся въ аду, и въ сонмѣ гостей, созванныхъ на праздникъ геенны, явились бы у Пушкина нѣкоторыя лица городского кишиневскаго общества и наиболѣе знаменитыя политическія имена тогдашней Россіи, пріемъ которыхъ въ подземномъ царствѣ соотвѣтствовалъ бы, разумѣется, представленію автора о ихъ бывшей или текущей земной дѣятельности... По роду своего таланта Пушкинъ не могъ долго выдерживать, несмотря на всѣ искусственныя возбужденія духа, чисто-сатирическаго настроенія. Вотъ почему сатанинская поэма, задуманная имъ, была брошена послѣ нѣсколькихъ пріемовъ и уступила мѣсто другой, не менѣе сатанинской, но болѣе чувственной и страстной поэмѣ». (Рѣчь идетъ о «Гавріліадѣ»). Анненковъ такъ же неправильно оцѣниваетъ содержаніе и значеніе этихъ отрывковъ, какъ и особенности таланта Пушкина, будто бы недоступнаго долгому сатирическому настроенію. Почему Анненковъ рѣшилъ, что поэма должна была имѣть политическій замыселъ понять трудно. Самъ же біографъ правильно нашелъ, что о содержаніи ея можно лишь смутно догадываться.

---

319. ТЕКЛТЕ МЕДЛЕННѢЙ ВЪ МОЕМЪ ВОСПОМИНАНЬИ

(т. II, стр. 88).

Исчерканный и неоконченный набросокъ этотъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 43). Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., апрѣль, 100 [1]). Своимъ общимъ тономъ и грустнымъ лиризмомъ эти два стиха приближаются къ нѣкоторымъ мѣстамъ пьесъ «Чаадаеву» (№ 266) и «Къ Овидію» (№ 279), гдѣ Пушкинъ говоритъ о себѣ или намекаетъ на свою судьбу.

---

320. НАПРАСНО РОЩУ ОГЛАШАЕТЪ.

(т. II, стр. 88).

Эти два стиха единственные, которые можно разобрать въ исчерканномъ черновикѣ, находящемся на оборотѣ 45 л. 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея. Они впервые напечатаны въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 100. [2])

---

321. ОДНА ЧЕРТА РУКИ МОЕЙ.

(т. II, стр. 88).

Эти два нѣжные, ласковые стиха записаны въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 46). Впервые они были напечатаны В. Е. Якуш-

---

1) Въ собраніе соч. Пушкина до сихъ поръ не вводился. Наша редакція нѣсколько разнится отъ редакціи В. Е. Якушкина, который читаетъ: медленно, безпечной радости. Ред.

2) Въ собраніе соч. Пушкина до сихъ поръ не вводился. Ср. исторію текста.

Эти сами по себѣ совершенно незначительные стихи имѣютъ интересъ какъ указанія на замыселъ какого-то произведенія эпическаго характера. Ред.

кинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 100 [1]). См. снимокъ съ рукописи выше, на стр. 159.

---

322. ДО МЕНЯ ДОХОДЯТЪ.

(т. II, стр. 88).

Эти строчки находятся въ черновикѣ въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 48). Впервые онѣ были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 101 [2]). Быть можетъ, онѣ составляютъ одно цѣлое съ идущими за ними (на той же страницѣ и на слѣдующей) черновыми стихами: «Молвой покинутый изгнанникъ»...,«Непримиримою судьбою»..., «Младыхъ пировъ утихли смѣхи»...

---

323. МОЛВОЙ ПОКИНУТЫЙ ИЗГНАННИКЪ.

324. НЕПРИМИРИМОЮ СУДЬБОЮ.

325. МЛАДЫХЪ ПИРОВЪ УТИХЛИ СМѢХИ.

(т. II, стр. 88).

Черновые наброски эти, представляющіе собою, и по виду рукописи и по содержанію, одно цѣлое, находятся на той же оборотной страницѣ 48 л. 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, гдѣ записанъ предыдущій набросокъ «До меня доходятъ»..., и на слѣдующей страницѣ 49 л. Пушкинъ воспользовался кое-чѣмъ изъ нихъ для стиховъ «Горишь-ли ты, лампада наша»..., которые послалъ Я. Н. Толстому въ письмѣ 26 сентября 1822 г. Ихъ напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 101—102, кромѣ двухъ стиховъ, обозначенныхъ въ настоящемъ изд. № 323, появившихся въ майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій П»., стр. 164 [1]).

---

326. ЧУГУНЪ КАГУЛЬСКІЙ, ТЫ СВЯЩЕНЪ.

(т. II, стр. 88).

Этотъ набросокъ, находящійся въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2365 (л. 30), былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 334, а затѣмъ вошелъ въ изданіе литературнаго фонда (I, 265). Здѣсь говорится, очевидно, о битвѣ при Кагулѣ. Бессарабія плѣняла Пушкина героическими воспоминаніями. Въ 1822 г. онъ писалъ Баратынскому: «Сія пустынная страна священна для души поэта, она Державинымъ воспѣта и славой русскою полна». Въ эпилогѣ «Цыганъ» Пушкинъ говоритъ о ней, какъ о «странѣ, гдѣ долго, долго брани ужасный гулъ не умолкалъ, гдѣ повелительныя грани Стамбулу Русскій указалъ, гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый еще шумитъ минувшей славой»... (См. выше, примѣч. къ № 216).

---

1) Въ собраніе соч. Пушкина до сихъ поръ не вводился. Ред.

2) Въ собр. соч. Пушкина не вводилось. Съ помарками набросокъ имѣетъ такой видъ:

до меня доходятъ—
мнѣ
И (милый) звукъ (знакомыхъ) струнъ
Печаль на душу мнѣ наводитъ.

Ред.

1) № 325 (гдѣ мы кое-что читаемъ не такъ какъ Майковъ, ср. исторію текста) очень характеренъ для изученія пушкинскаго творчества. Въ такой же мѣрѣ, въ какой Пушкинъ былъ медлителенъ въ окончательной отдѣлкѣ, онъ былъ быстръ въ первоначальной концепціи: начавъ строчку, онъ ее не доканчиваетъ, у него уже сложилась слѣдующая строка и онъ быстро къ ней переходитъ, чтобы затѣмъ съ тою-же быстротою переходить къ слѣдующимъ. Ред.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1822 ГОДА.

327. У КЛАРИСЫ ДЕНЕГЪ МАЛО.

(т. II, стр. 119).

Появилось первоначально въ изд. 1826 (стр. 101), затѣмъ повторено въ изд. 1829 (II, 158). Рукопись въ тетради Румянц. музея № 2367, л. 11 обор., гдѣ эпиграмма читается такъ:

Эпиграмма.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ—*иди-жъ* къ вѣнцу:
И богатство *къ ней* пристало
И рога тебѣ къ лицу.
1822 Генв.

Въ печатной редакціи исправлено: вмѣсто иди-жъ—иди и вмѣсто къ ней—ей, (что, конечно, совершенно необходимо, потому что «къ ней пристало»—одинъ смыслъ, а «ей пристало»—совсѣмъ иной). По недоразумѣнію, мы оставили во 2 строкѣ редакцію рукописи, между тѣмъ какъ слѣдовало держаться редакцій изд. 1826 и 1829 гг.

Возможно, что и эта эпиграмма направлена противъ дочери разореннаго эмигранта Аглаи Давыдовой и ея злополучнаго мужа (ср. прим. № 261, 287, 311, 328). Ред.

---

328. ИНОЙ ИМѢЛЪ МОЮ АГЛАЮ.

(т. II, стр. 119).

«Вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай, въ ней каждый стихъ—правда», говоритъ Пушкинъ въ письмѣ изъ Кишинева къ брату, 24 января 1822 г., сообщая ему эту пьесу; подлинникъ письма находится въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. Въ числѣ «нѣс-

колькихъ пакостей», посланныхъ Пушкинымъ Вяземскому въ концѣ 1822 или началѣ 1823 г., есть и эта эпиграмма, которую авторъ просилъ «не показывать никому—ни Денису Давыдову», родственнику мужа Аглаи. Пушкинъ было хотѣлъ напечатать эпиграмму, но потомъ раздумалъ; въ тетради гр. Каннноста, въ спискѣ пьесъ, предназначенныхъ для подготовлявшагося Пушкинымъ сборника 1826 г., записано (л. 19): «Иной имѣлъ мою Данаю (а не Аглаю)», и затѣмъ эта строка зачеркнута (Л. Майковъ, «Автографы П., принадлежащіе гр. П. И. Капнисту», Спб., 1896, стр. 7). Стихи появились впервые въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., т. I, № 1, ст. 6, и навлекли на журналъ кару. «Петерб. Вѣдомости» перепечатали ихъ (№ 31), и тогда цензурный чиновникъ обратилъ вниманіе министра нар. просв. А. С. Норова, что «содержаніе эпиграммы — безнравственное, и выраженія, въ ней употребленныя, весьма неблагопристойныя». Редактору «Библ. Зап.» Н. М. Щепкину и цензору фонъ-Крузе было объявлено «строгое замѣчаніе» («Пушк. и его соврем.», вып. VI, 37—38).

Объ Аглаѣ Антон. Давыдовой, противъ которой направлена эпиграмма, см. примѣч. №№ 261, 287, 311, 327 ея мужѣ, А. Л. Давыдовѣ,—№ 380.

Н. Л.

---

329. МОЙ ДРУГЪ УЖЕ ТРИ ДНЯ [1])

(т. II, стр. 119).

П. О. Морозовъ полагаетъ, что Орестомъ Пушкинъ называетъ Н. С. Алексѣева, съ которымъ поэтъ близко сошелся (ср. прим. № 270). Предположеніе это вполнѣ правдоподобно, такъ какъ трудно указать другое лицо среди Кишиневскихъ знакомыхъ поэта, къ которому П. относился бы съ большей пріязнью, чѣмъ къ Н. С. Алексѣеву.

Пушкинъ разсказываетъ въ этой пьесѣ о своемъ арестѣ, которому подвергъ его Ив. Никит. Инзовъ («Смиренный Іоаннъ») за дикую расправу съ молдавскимъ бояриномъ Теодоромъ Балшемъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

У Балша была довольно пригожая, острая и словоохотливая супруга, женщина лѣтъ подъ тридцать, Марія (Маріола) Егоровна.

Она хорошо владѣла французскимъ языкомъ и была дама съ претензіями. П. былъ не прочь поболтать съ ней. Онъ могъ иногда доходить до рѣчей весьма свободныхъ, что ей очень нравилось, и она въ этомъ случаѣ не оставалась въ долгу... Очевидно, Марія Егоровна склонна была думать, что П. ею сильно заинтересованъ. Въ это время появилась въ кишиневскихъ салонахъ нѣкая «Альбрехтша»; она была годами двумя старше Балшъ, но красивѣй; много читала романовъ, была очень любезна и въ общемъ отодвинула Балшъ на второй планъ; она умѣла поддерживать салонный разговоръ съ П. и до извѣстной степени увлекала его. У Балшъ зародилась ревность; она начала пикироваться съ П., а получивъ однажды отъ него отвѣтъ, что Албрехтша женщина пылкой страсти, надулась окончательно. Пушкинъ сталъ съ ней сдержаннѣе и вздумалъ любезничать съ ея дочерью, Аникой, столь же острой на словахъ, какъ и мать ея, но любезничалъ такъ, какъ можно было любезничать съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Оскорбленное самолюбіе матери и ревность къ Албрехтшѣ (она поняла любезничанье съ ея дочерью-ребенкомъ такъ, что будто-бы П. желалъ этимъ показать, что она имѣетъ уже взрослую дочь) дошли до апогея. Однажды, въ домѣ Крупя(е)нскаго, въ разговорѣ съ Маріей Егоровной, П. сказалъ: «Экая тоска! Хоть бы кто нанялъ подраться за себя!» (П. намекалъ этимъ на обычай молдованъ пользоваться наемниками для расправы съ оскорбителями). Молдованка вспыхнула. «Да вы деритесь лучше за себя», возразила она.—Да съ кѣмъ-же?—«Вотъ хоть со Старовымъ; вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили». Это была преднамѣренная ложь: П. стрѣлялся съ командиромъ егерскаго полка Сем. Никит. Старовымъ; обоими противниками было выпущено по двѣ пули, «но мятель съ сильнымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно» и дуэль не дала никакихъ результатовъ; ее отсрочили на нѣкоторое время, а пріятели П. и Старова помирили ихъ.

П. почувствовалъ себя оскорбленнымъ словами М. Ег.; онъ замѣтилъ ей, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ съумѣлъ бы поговорить съ нимъ; поэтому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея П. идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызываетъ его и объясняетъ, въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ разспросить жену, но та ему отвѣтила, что П. наговорилъ ей дерзостей. «Какъ-же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену»—сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомѣріемъ, что П. не вытерпѣлъ, тутъ-же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша. Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха вышла страшная и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію Крупянскаго и П. С. Пушина, Балшъ согласился извиниться передъ П., который нарочно для этого пришелъ къ Крупянскому. Но каково-же было П-ну, когда Балшъ вмѣсто извиненія началъ: «Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?» П., не говоря ни слова, далъ Балшу пощечину. Инзовъ посадилъ за это П. подъ арестъ на двѣ недѣли. См. Бартеневъ. П. въ южн. Россіи. Р. Арх. 1866 ст. 1166—1169; И. П. Липранди. Р. Арх. 1866 г. ст. 1416—1423.

Г. К.

---

1) Ср. выше статьи А. Н. Яцимірскаго «Пушкинъ въ Бессарабіи».

Настоящее стихотвореніе впервые извлечено изъ пушкинской тетради № 2366, л. 8, В. Е. Якушкинымъ («Русс. Ст. 1884, май, стр. 326). Верхній уголъ листа 8 оборванъ, и получился перерывъ, обозначенный въ текстѣ строчкою точекъ. Наше чтеніе отличается отъ чтенія В. Е. Якушкина тѣмъ, что 1) въ строкѣ 10 мы читаемъ *нашъ*, а не намъ (чтеніе намъ принято также Майковымъ и Морозовымъ) и 2) Въ 9-ой Яской, а не Ясскій. Майковъ въ своихъ «Матеріалахъ», вѣроятно по недосмотру, пропустилъ стихъ 7 (Законовъ провозвѣстникъ).

Ред.

330. БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

(т. II, стр. 120).

Напечатано впервые въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 г., стр. 29; вошло въ изданіе соч. П. 1829 г. О покореніи Бессарабіи Державинъ говоритъ въ одѣ «На взятіе Измаила» (1790 г.).

О тѣсной дружбѣ Пушкина и Баратынскаго еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи.

---

331. ДРУЗЬЯМЪ.

(т. II, стр. 120).

Напечатано это стихотвореніе впервые въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ, стр., 24 и перепечатано въ томъ же году въ «Новостяхъ Литературы» № 10 стр. 159. Здѣсь печатается по изд. 1829 г. О варіантахъ см. въ исторіи текста.

Въ стихотвореніи говорится о прощальной пирушкѣ, устроенной М. А. Полторацкимъ по поводу отъѣзда свитскаго офицера Валерія Тимофеевича Кека; на пирушкѣ П. «отличили почетной чашей», т.-е. поднесли ему вино въ самомъ большомъ изъ складныхъ походныхъ стакановъ, вставлявшихся одинъ въ другой. (Горчаковъ, Моск. Вѣд. 1858 г. № 19. Бартеневъ Р. Арх. 66 ч., ст. 1188 — 89). Бѣлинскій отнесъ это стихотвореніе къ «переходнымъ», въ которыхъ П. «является счастливымъ ученикомъ прежнихъ мастеровъ особенно Батюшкова,—ученикомъ, побѣдившимъ своихъ учителей». Образцомъ такихъ стихотвореній Бѣлинскій считаетъ пьесу «Друзьямъ». Отмѣчая въ ней переходъ отъ веселости къ грусти, критикъ говоритъ, что «грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованьице нѣжной, но слабой души; это всегда грусть души мощной и крѣпкой, и тѣмъ обаятельнѣе дѣйствуетъ она на читателя, тѣмъ глубже и сильнѣе отзывается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца и тѣмъ гармоничнѣе потрясаетъ его струны. Пушкинъ никогда не раскаивается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи и другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ-будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако уныніи, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такъ и въ приведеноій нами сейчасъ пьесѣ внезапное чувство мгновенной грусти тотчасъ-же смѣнилось у него бодрымъ и широкимъ размахомъ прояснѣвшей души»...

(Соч. В. Бѣлинскаго. М. 1892, г. т. VIII стр. 329—330 (133—30, 331—33, 38.)

Стихотвореніе было отослано П. въ Петербургъ; А. А. Бестужевъ прочелъ его въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности 22 мая 1823 г. (См. «Труды» В. О. Л. Р. С., ч. XXII, стр. 296—297).

Г. К.

---

332. БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

(т. II, стр. 127).

Полная бѣловая редакція поэмы не дошла до насъ въ автографѣ, а сохранились лишь приведенные выше, на стр. 122, планъ (2365-ая тетрадь московскаго Румянцовскаго музея, л. 46) и черновые наброски (ibid, лл. 51, 52; тетрадь № 2366, л. 19; тетрадь 1820—1821 гг., хранящаяся въ Имп. Публичной Библіотекѣ). «Мой отрывокъ написанъ въ концѣ 821 года»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому 11 ноября 1823 г., но мы находимъ эту поэму въ спискѣ произведеній 1822 г. (Румянц. муз., № 2365, л. 53), что, вѣроятно, указываетъ годъ окончанія. Сначала онъ не хотѣлъ печатать этихъ стиховъ, о чемъ П. А. Мухановъ 13 апрѣля 1824 г. писалъ К. Ѳ. Рылѣеву: «авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и поэтому не хочетъ, чтобы ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ» («Девятнадцатый вѣкъ», I, М., 1872, стр. 368—369), но потомъ раздумалъ и писалъ, 13 іюня 1823 г., А. А. Бестужеву: «Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Николая Раевскаго; если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его». Въ слѣдующемъ году Пушкинъ увѣдомлялъ Бестужева, что не согласенъ поступиться «грезами» и «харчевней», но уступалъ «попа» и лишь на этимъ условіи соглашался на напечатаніе поэмы, которая появилась въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г. Въ 1827 г. вышли въ Москвѣ два изданія; одно (15 стр., цѣна 105 коп.) процензуровано 28 марта, другое (14 стр., ц. 42 коп.)—9 іюня; это были продѣлки кулаковъ-издателей (см. замѣтку В. П. Чернышева въ «Пушк. и его современ.» VI, 133—156). Затѣмъ поэма вошла во II часть «Поэмъ и повѣстей» (Спб., 1835). Въ прижизненныхъ изданіяхъ нѣтъ послѣднихъ 16 стиховъ, появившихся впервые въ посмертномъ изданіи (II, 202), и оригиналъ ихъ неизвѣстенъ. Но нужно помнить, что мы знаемъ не всю поэму, а лишь «отрывокъ изъ поэмы», какъ гласитъ подзаголовокъ въ «Полярной Звѣздѣ».

Бѣлинскому «Братья Разбойники» не нравились: «въ нихъ все ложно, все натянуто, все мелодрама, и ни въ чемъ нѣтъ истины, отчего поэма очень пригодна для пародій... Поэмка бѣдна еще поэзіей... Есть даже плохіе стихи и прозаическіе обороты»... Вопреки мнѣнію Н. А. Котляревскаго (см. выше, стр. 125, 126), Незеленовъ («П. въ его поэзіи», 1882 г., стр. 100—104) думаетъ, что Пушкинъ прямо подражалъ Байрону. О подражаніи Байрону говоритъ и Л. Майковъ («Пушкинъ», Спб., 1899 г. «Изъ сношеній П. съ Н. Н. Раевскимъ»). Мало вниманія удѣлила поэмѣ даже критика двадцатыхъ годовъ. «Сынъ Отечества» (1827 г., № 16, стр. 399) подчеркнулъ моральную сторону поэмы: «человѣкъ даже въ крайнемъ униженіи своемъ не вовсе еще отметаемъ отъ чувствованія, которое милосердный Промыселъ вложилъ въ душу его при самомъ рожденіи». Самое произведеніе лучше оцѣнила «Сѣверная Пчела» (1827 г., № 101): многіе считаютъ это стихотвореніе «эпизодомъ изъ новой поэмы», но это—самостоятельная, цѣльная поэма вслѣдствіе «полноты дѣйствія, живости картинъ и разнообразія ощущеній, попеременно тревожащихъ душу писателя». И. В. Кирѣевскій (Соч. I, 12) писалъ, что «Братья Разбойники»—

«больше карикатура Байрона, нежели подражаніе».

5—6 стихи поэмы напоминаютъ стихи Державина («На рожденіе царицы Гремиславы»):

Какіе разные народы,
Языкъ, одежды, лица, станъ!

Слова разбойника: «Въ товарищи себѣ мы взяли булатный ножъ да темну ночь» приводятъ на память пѣсню «Не шуми, мати зеленая дубровушка»..., которую поютъ, въ «Капитанской дочкѣ» пугачевцы за столомъ у самозванца:

Еще первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ

Въ сороковыхъ годахъ поэму пародировалъ Н. И. Куликовъ, написавшій «Братьевъ Мошенниковъ» или «Братьевъ Журналистовъ»; пародія была направлена противъ Булгарина и Греча (см. «Русс. Арх.» 1884, I, 237—239, «Русс. Стар.» 1885, февраль, 471 473). Она очень нравилась Бѣлинскому (Пыпинъ, «Бѣлинскій», изд. 1876 г., II, 189; переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 38, 638). Н. Л.

---

333. ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

(т. II, стр. 132).

Черновикъ пьесы находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 4 6), подъ даннымъ заглавіемъ и съ помѣтой въ концѣ: «1 марта 1822». На 4 листѣ къ слову «щитъ», въ 4-мъ стихѣ 5-ой строфы, сдѣлана сбоку выноска: «но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (для риѳмы къ Византіи), во-первыхъ потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же онъ ничего не значитъ». Въ музейной рукописи есть варіанты, о которыхъ см. въ статьѣ о текстѣ. Впервые стихотвореніе было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 253—257; затѣмъ въ сборникахъ стиховъ 1826 г., стр. 59—64, и 1829 г., I, 145 150, причемъ всюду въ той же редакціи, безъ измѣненій, только съ замѣной нѣкоторыхъ прописныхъ буквъ строчными. М. Л. Михайловъ (т. CXXIII, 1854 г., январь, отд. VI, литерат. лѣтопись, «Старыя книги», стр. 50) замѣтилъ, что стихъ Пушкина въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ»: «И внемлютъ отвѣту»... былъ сначала написанъ такъ: «И внемлетъ отвѣту»... Въ альманахѣ, гдѣ была впервые напечатана эта баллада, стихъ, напечатанный такъ, какъ печатается онъ до сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, былъ исправленъ въ спискѣ опечатокъ; но Пушкинъ, найдя, что съ опечаткою онъ и сильнѣе, и выразительнѣе, оставилъ его безъ поправки или, лучше сказать, съ поправкою наборщика». Дѣйствительно, и въ «Сѣв. Цвѣтахъ», и въ сборникахъ стиховъ Пушкина 1826 и 1829 г. всюду—«внемлютъ», но, начиная съ посмертнаго изданія, появляется—«внемлетъ». «Скажи [Дельвигу]» писалъ въ началѣ 1824 г. авторъ брату, - «чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщаго и напечаталъ»... Въ плетневскомъ спискѣ стиховъ, предназначавшихся для сборника 1826 г., баллада помѣчена 1823 г. (Переписка П., академич. изд., I, 294), но Пушкинъ перенесъ ее въ 1822 г.

Эпилогъ «Кавказскаго Плѣнника» содержитъ обѣщаніе поэта, что его муза, «богиня пѣсенъ и разсказа... быть можетъ... разскажетъ... Мстислава древній поединокъ», и Вяземскій внесъ это обѣщаніе въ «книгу литературныхъ упованій» (см. примѣч. № 257). Въ 1882 г. Пушкинъ очень интересовался русской исторіей, много думалъ о ней и, было, принялся за составленіе плана поэмы изъ древне-русской жизни; набросокъ этого плана сохранился въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 8 об.—9, 10). Въ немъ фигурируютъ и князь Владиміръ, имя котораго записано на заглавномъ листѣ первоначальнаго черновика «Кавказскаго Плѣнника», и Мстиславъ. Пушкинъ, судя по программѣ поэмы, думалъ ввести въ нее сказочный элементъ; впрочемъ, изъ приводимаго имъ списка сыновей и наслѣдниковъ Владиміра видно, что поэтъ внимательно изучалъ исторію. Къ этому его, по словамъ Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., 1255—1256), «подстрекалъ» его кишиневскій другъ В. Ѳ. Раевскій, который «утверждалъ, что въ русской поэзіи не должно приводить имена ни изъ миѳологіи, ни историческихъ лицъ древней Греціи и Рима, что у насъ и то, и другое есть—свое и т. п.»; впрочемъ, Пушкинъ съ этимъ не соглашался. Поэта интересовали и русскія сказки, и В. П. Горчаковъ привезъ ему изъ Кіева отъ Н. Н. Раевскаго нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ (ibi l., 1140). Эти интересы не остались безплодны, и 1822-й годъ отмѣченъ, кромѣ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» и программы поэмы о Мстиславѣ, попыткой разработать сюжетъ о любимомъ героѣ русской свободы Вадимѣ и замѣтками о русской исторіи XVIII вѣка. Быть можетъ, на «русскую» балладу Пушкина навели бесѣды съ В. Ѳ. Раевскимъ, пламеннымъ проповѣдникомъ національной самобытности. Баллада осталась единственнымъ, изъ всѣхъ предпринятыхъ тогда, законченнымъ произведеніемъ Пушкина съ русскимъ содержаніемъ. Къ поэмѣ съ сказочнымъ сюжетомъ послѣ «Руслана и Людмилы» ему уже незачѣмъ было возвращаться; что же до исторической стороны, то онъ не раздѣлялъ гражданскаго паѳоса Влад. Раевскаго и Рылѣева во всей его силѣ и глубинѣ. Больше къ этимъ темамъ Пушкинъ не возвращался, предоставляя ихъ другимъ, и въ 1825 г. совѣтовалъ Гнѣдичу взяться за нихъ: «Я жду отъ васъ эпической поэмы. Пѣснь Святослава скитается не воспѣтая, писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту?» Князь С. Г. Волконскій писалъ ему, когда онъ былъ высланъ въ Михайловское: «сосѣдство и воспоминанія о Великомъ Новгородѣ, о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ піитическихъ занятій»... Такъ же писалъ вскорѣ и Рылѣевъ: «ты около Пскова, тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія, – и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы?» Но остывающаго Пушкина уже привлекала не эта Русь, гордая и свободолюбая, а другая, царская Русь, и онъ принялся за «Бориса Годунова», стараясь создать трагедію «въ хорошемъ духѣ», хотя въ то же время заботливо «пряча уши подъ колпакъ юродиваго».

На мысль о балладѣ, помимо разговоровъ съ Раевскимъ, направлявшихъ его общій интересъ къ исторіи, Пушкина легко могла навести и вѣроятно навела дума Рылѣева «Олегъ Вѣщій».

Что Пушкинъ зналъ ее, видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія въ черновикѣ «Пѣсни», направленнаго противъ Рылѣева, у котораго Олегъ «прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ царьградскимъ воротамъ»; въ началѣ 1823 г. Пушкинъ писалъ брату, что недурно было бы завести «Revue des Revues», куда вошелъ бы рылѣевскій «гербъ россійской на вратахъ византійскихъ» и проч. Фабулу баллады поэтъ взялъ изъ извѣстнаго разсказа лѣтописи, приведеннаго Карамзинымъ. Въ величаво-спокойный размѣръ Пушкинъ вложилъ мрачную легенду о силѣ непреложной судьбы. Все въ балладѣ—темный лѣсъ, загадочный кудесникъ, суровые дружинники, хмурое чело Олега, угрюмый холмъ надъ Днѣпромъ, все дышитъ таинственностью, проникнуто трепетомъ предъ неизбѣжнымъ рокомъ. И лишь одна теплая черта въ балладѣ—привязанность князя къ товарищу-коню. «Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню»—писалъ Пушкинъ Бестужеву «и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго».

Когда баллада появилась въ печати, «Сынъ Отечества» рѣшилъ, что она холодна, безъ чувства и воображенія, а Плетневъ («Труды Вольн. Общ. любит. росс. словесн.») писалъ: «истинный геній съ перваго раза чувствуетъ поэзію своего новаго предмета, поэзію его изложенія, не отнимая у него красокъ времени и мѣста.... Имена лицъ, вѣрность происшествія, мѣсто дѣйствія, упоминаемыя въ стихотвореніи, только прозаически дѣлаютъ его національнымъ... Кто въ состояніи оживить все это и оживить цѣлую картину необходимыми для поэзіи подробностями избраннаго имъ времени и мѣста, тотъ не напрасно будетъ воскрешать давно минувшія событія: они сдѣлаются священными для современниковъ и потомковъ. Таково стихотвореніе Пушкина». Бѣлинскій, считавшій «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ»—«превосходнымъ образцомъ народности во взглядѣ и выраженіи» (Сочин. Бѣл., изд. С. А. Венгерова, VI, 103), выдѣлилъ ее изъ «переходныхъ» пьесъ Пушкина: «поэтъ умѣлъ набросить какую-то поэтическую туманность на эту болѣе лирическую, чѣмъ эпическую пьесу,— туманность, которая очень гармонируетъ съ исторической отдаленностью представленнаго въ ней героя и событія и съ неопредѣленностью глухого преданія о нихъ. Оттого пьеса эта исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаетъ разлитый въ ней элегическій тонъ и какой-то чисто-русскій складъ изложенія... Вся пьеса удивительно выдержана въ тонѣ и въ содержаніи; послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собой поэтическій смыслъ цѣлаго и оставляетъ на душѣ читателя полное впечатлѣніе». Изъ позднѣйшихъ критиковъ А. И. Незеленовъ («П. въ его поэзіи», 1882 г., стр. 120) пришелъ къ курьезному выводу, что, «вопреки Байрону, Пушкинъ проводитъ идею, что личная гордость человѣка должна уступать нравственному закону». Н. А. Котляревскій («Литературныя направленія въ Александровс. эпоху» 85—86) увидѣлъ въ балладѣ, «съ ея фаталистической тенденціей», отраженіе той «тревоги духа», о которой разсказалъ поэтъ въ своемъ «Демонѣ». В. В. Сиповскій («Пушкинъ, жизнь и творчество», 525), неправильно думая, что баллада въ ряду другихъ стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко и по содержанію, и по настроенію» (какъ будто тогда не были задуманы и даже начаты поэмы о Вадимѣ и Владимірѣ и Мстиславѣ), нашелъ въ этомъ «ясное доказательство, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній или интересовъ, а было «случайнымъ» произведеніемъ написаннымъ подъ впечатлѣніемъ «нечаянно (?!) блеснувшей идеи».

Олега и «Олеговъ щитъ» патріотическое чувство Пушкина вспомнило въ 1829 г. когда Россія была близка къ овладѣнію Константинополемъ.

Н. Л.

---

334. ПРИМѢТЫ.

т. I, стр. 136).

«Примѣты» впервые напечатаны въ изданіи 1826 года, отнесшимъ ихъ къ «подражаніямъ древнимъ».

По своему мотиву «Примѣты» напоминаютъ начало стих. «Деревня» (1819 г.) и стих. «Домовому» (1819 г.); по исполненію—близки стихотвореніямъ «На статуи» (1836 г.).

П. любилъ антологическій родъ творчества и достигъ въ немъ удивительной художественности какъ въ отношеніи стиля, такъ и стиха; предшественники и современники П., создавая стихотворенія антологическаго характера, обыкновенно сильно насыщали свой языкъ славянскими словами и оборотами, что давало возможность придать стихамъ «античный пошибъ». П. шелъ той же дорогой, но въ его передачѣ античныхъ мотивовъ не чувствуется прозаичности и тяжести «библейскаго» языка. Какъ отмѣтилъ уже Поливановъ, Пушкинъ нашелъ надлежащій для антологической поэзіи языкъ, «пользуясь сокращенными прилагательными, но весьма осторожно, и со свойственнымъ ему вкусомъ избирая изъ церковно-славянскаго словаря такія слова, которыя не лишали бы картину античнаго колорита и не вытѣсняли бы его колоритомъ библейскимъ, искусно сплавляя ихъ съ чисто-русскими словами» (Полив. изд. Пушк. т. I стр. 104).

Бѣлинскій, причисливъ «Примѣты» къ антологическимъ стихотвореніямъ, даетъ возможность отнести къ нимъ его слова объ «антологіи» Пушкина: «... Обратимъ вниманіе, говоритъ Бѣлинскій, на тѣ маленькія пьесы, которыя, и по содержанію и по формѣ, отличаются характеромъ античности и которыя съ перваго раза должны были показать въ Пушкинѣ художника по преимуществу. Простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія: это музыка въ стихахъ и скульптура въ поэзіи. Пластическая рельефность выраженія, строгій классическій рисунокъ мысли, полнота и оконченность цѣлаго, нѣжность и мягкость отдѣлки въ этихъ пьесахъ обнаруживаютъ въ Пушкинѣ счастливаго ученика мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ, онъ не зналъ по-гречески, и вообще многосторонній, глубокій художническій инстинктъ замѣнялъ ему изученіе древности, въ школѣ которой воспитываются всѣ европейскіе поэты. Этой поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра и въ каждой сферѣ жизни быть какъ у себя дома; жизнь и природа, гдѣ бы не встрѣтилъ онъ ихъ,

свободно и охотно ложились на полотнѣ подъ его кистью» (Соч. Бѣлинскаго М. 1892 г. ч. VIII стр. 368—369; 371 и сл.) Ср. Анненк. Матер. 1855 г. стр. 83; А. Незеленовъ Пушкинъ въ его поэзіи. Спб. 1882 г. стр. 117, Любомудровъ, Антич. мотивы въ поэзіи П., 23—24. [1]) Г. К.

335. ВАДИМЪ

(т. II, стр. 136).

I.

Образъ Вадима въ русской литературѣ.

Сбивчивы и туманны преданія, сохранившіяся о личности новгородца Вадима Храбраго.

Никоновская лѣтопись называетъ Вадима вожакомъ неудачнаго возстанія, поднятаго новгородцами противъ власти одного изъ первыхъ варяго-русскихъ князей, Рюрика.

«Того-же лѣта (863), говоритъ эта лѣтопись, оскорбившася Новгородцы глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его» [2]).

Татищевъ, повторяя «извѣстіе Нестора» о томъ, что послѣ упомянутаго возстанія «славяне бѣжали отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ, зане убилъ Вадима храбраго, Князя Славенскаго, иже не хотѣша яко рабы быти Варягомъ» [3]), сообщаетъ, что «сей Вадимъ, видимо, по сказанію Іоакимову, былъ сынъ большой дочери Гостомысловы Князь Изборскій и по старшинству матери его наслѣдникъ престола, и по той враждѣ убитъ» [4]). Но такъ какъ Татищевъ также считаетъ Рюрика, Синеуса и Трувора внуками славянскаго князя Гостомысла, то Вадимъ приходится двоюроднымъ братомъ первымъ варяго-русскимъ князьямъ [5]); его же борьба съ Рюрикомъ, пріобрѣтая смыслъ обычнаго спора о власти между младшей и старшей линіями одного и того же рода, сильно расходится съ характеромъ той борьбы, о которой говоритъ никоновская лѣтопись.

Если эти полуисторическія, полулегендарныя сообщенія склонны различно объяснять столкновеніе Вадима съ Рюрикомъ, то объ исходѣ его они говорятъ согласно: Вадимъ и его приверженцы были убиты Рюрикомъ.

Не освѣщаемая никакими другими лѣтописями или легендарными сказаніями, личность Вадима съ самаго своего появленія въ произведеніяхъ русской литературы должна была носить на себѣ печать раздвоенности, такъ какъ обрисовка нравственнаго облика Вадима вполнѣ находилась въ зависимости отъ того, какое изъ двухъ объясненій мотивовъ его борьбы съ княземъ Рюрикомъ будетъ принято тѣмъ или инымъ писателемъ. Создать въ лицѣ Вадима защитника новгородцевъ, угнетенныхъ княжеской властью, или же властолюбиваго соперника—было лишь дѣломъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ нашихъ писателей XVIII и XIX столѣтій.

Образъ Вадима впервые появляется въ «Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика», драматическомъ произведеніи императрицы Екатерины II [1]). Это произведеніе императрицы, написанное въ 1786 году подъ впечатлѣніемъ чтенія Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ Эшенбурга,—явилось плодомъ интереса Екатерины къ древней русской исторіи. Сюжетомъ «Историческаго представленія» является уже знакомая намъ борьба Вадима съ Рюрикомъ въ освѣщеніи, данномъ ей Іоакимовской лѣтописью и Татищевымъ; Екатерина измѣнила только ея конечный исходъ.

Іоакимовское объясненіе борьбы Вадима съ Рюрикомъ, видимо, было гораздо удобнѣе для основной мысли ея произведенія, и она легко отказалась отъ тѣхъ «историческихъ» данныхъ, которыя были ею занесены въ ея «Записки касательно россійской исторіи». Въ нихъ она говоритъ о Гостомыслѣ, Рюрикѣ и Вадимѣ, далекая отъ мысли связать ихъ узами фантастическаго родства; о столкновеніи-же Вадима съ Рюрикомъ она записываетъ слѣдующія строки. «Пока..... Рюрикъ старался о безопасности своихъ границъ, въ Новгородѣ начались безпокойствія, по сказаніямъ писателей, отъ зависти Новгородцевъ противу Варягъ. Начальникъ оныхъ былъ мужъ храбрый именемъ Вадимъ, князь Славянскій. Мнятъ, что жалобы состояли въ томъ, будто народъ Славянскій уничиженъ, и мало гдѣ въ знатности Славянъ находится; но повсюды Варяги посылаются и употребляются. Но великій князь Рюрикъ вскорѣ усмирилъ тѣ безпокойствія и начинщиковъ наказалъ. Въ сіи времена многіе Славяне бѣжали отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ не хотѣли яко бы рабы быти Варяговъ» [2]).

Задуманное драматическое произведеніе не позволяло Екатеринѣ остановиться на той обрисовкѣ Вадима и Рюрика, которую давали этимъ будущимъ героямъ ея «историческаго представленія»ея-же собственныя «Записки касательно россійской исторіи». Рюрикъ, наказывающій зачинщиковъ возмущенія и въ числѣ ихъ, конечно, Вадима; Рюрикъ, отъ котораго бѣгутъ славяне изъ Новгорода въ Кіевъ—не могъ привлечь къ себѣ симпатій Екатерины,которая хотѣла создать въ его лицѣ образъ гуманнаго правителя. И выборъ ея палъ на іоакимовскую легенду. Правда, іоакимовская легенда говорила объ убіеніи Вадима Рюрикомъ, но императрица сочла необходимымъ сохранить въ своемъ произведеніи Вадиму и жизнь. Въ ея произведеніи Вадимъ борется съ Рюрикомъ за обладаніе княжеской властью, которая, по завѣщанію его дѣда Гостомысла, перешла къ его двоюродному брату, князю Рюрику. Онъ подымаетъ противъ Рюрика новгородскихъ гражданъ, но возстаніе оказывается для него неудачнымъ.

Приведенный, послѣ пораженія, на судъ къ Рюрику, въ рукахъ котораго его судьба, Вадимъ выказываетъ геройское мужество и стойкость.

---

[1]) О варіантахъ см. въ исторіи текста. Изд. 1826 и 1829 г. помѣстили «Примѣты» среди стихотвореній 1821 года, но въ составленномъ самимъ Пушкинымъ спискѣ своихъ стихотвореній (Рум. муз. № 2365, л. 53) въ числѣ пьесъ 1822 г. находимъ «Старайся пр.». Рѣчь очевидно о «примѣтахъ». И такъ какъ этотъ списокъ находится въ кишиневской тетради 1822—1823 гг., то, конечно, даты ея достовѣрнѣе, чѣмъ даты изд. 1826 и 1829 гг. *Ред.*

[2]) Полное Собр. Р. Лѣтописей. Спб. 1862 г. Т. IX, стр. 9.

[3]) Исторія Россійская В. Н. Татищева, 1773 г. кн. II, стр. 13.

[4]) Ibid. стр. 365.

[5]) Ibid. кн. I, ч. I, стр. 34.

[1]) Собраніе сочин. Имп. Екатер. II, изд. Ак. Наукъ, Т. II, стр. 219—252.

[2]) Ibid. Т. VIII, стр. 27.

Нравственная мощь Вадима располагаетъ въ его пользу Рюрика, который великодушно прощаетъ родственника, провинившагося противъ него.

Разстроенный Вадимъ бросается на колѣни предъ княземъ и восклицаетъ:

«О государь ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдишь, ты дерзость тѣмъ-же обуздаешь... Я вѣрный твой подданный вѣчно».

Центральной фигурой этого произведенія, такимъ образомъ, является не Вадимъ, а Рюрикъ, въ лицѣ котораго Екатерина II желала создать образъ гуманнаго правителя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма и идей своего «Наказа». Грѣша противъ легенды, она сохранила Вадиму жизнь, чтобы конкретно показать всю нравственную силу милосердія, показать благодѣтельные результаты гуманной политики правителей.

Въ «историческомъ представленіи» императрицы Екатерины II Вадимъ не является идейнымъ противникомъ Рюрика. Какъ принципіальный противникъ князя онъ выведенъ въ трагедіи Я. Б. Княжнина «Вадимъ Новгородскій», которая вышла въ свѣтъ въ 1793 году [1]). Въ этой трагедіи онъ является носителемъ республиканскихъ идей, самоотверженнымъ защитникомъ былой вольности новгородцевъ.

Судьба этого произведенія Я. Б. Княжнина была очень печальна. Еще въ 1789 году Княжнинъ отдалъ ее въ распоряженіе директора театра Стрекалова, который успѣлъ распредѣлить роли между актерами и сдѣлать нѣсколько репетицій; но событія французской революціи убѣдили Княжнина, что сюжетъ его трагедіи нѣсколько несвоевременъ, и онъ взялъ ее обратно, не думая ее опубликовывать. Въ 1791 году Княжнинъ умеръ, и книгопродавецъ Иванъ Петровичъ Глазуновъ купилъ у наслѣдниковъ его многія рукописи покойнаго писателя и въ числѣ ихъ трагедію «Вадимъ Новгородскій». Въ 1793 году она была отпечатана отдѣльнымъ изданіемъ въ академической типографіи, а президентъ Академіи, княгиня Е. Р. Дашкова, видимо, выговорила у Глазунова право перепечатать эту трагедію въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», (1793 г., ч. XXXII), издававшемся въ пользу Академіи [2]). Сначала трагедія не обратила на себя большого вниманія, и въ «Санктъ-Петербургскомъ Меркуріи» успѣлъ появиться довольно строгій отзывъ, принадлежащій перу А. Клушина, но вскорѣ услужливые люди извѣстили Екатерину о появленіи вредной пьесы. Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, при содѣйствіи фаворита императрицы князя Платона Александровича Зубова, сообщили Екатеринѣ о новой «французской заразѣ». У Екатерины въ рукахъ вскорѣ появился экземпляръ «Вадима Новгородскаго», и она была крайне изумлена, замѣтивъ, что, вредное произведеніе Княжнина было отпечатано въ академической типографіи. Она сильно разсердилась на кн. Е. Р. Дашкову и грозила сжечь трагедію рукою палача [3]). Дашкова, какъ могла, оправдывалась, и Екатерина, въ концѣ концовъ, простила ее. Но трагедію было рѣшено изъять изъ обращенія. Въ академическомъ книжномъ магазинѣ былъ сдѣланъ обыскъ и изъ «Россійскаго Ѳеатра» были вырѣзаны страницы, на которыхъ было помѣщено злополучное произведеніе. Далѣе дѣло поручается генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ извѣщалъ сенатъ о «непристойной трагедіи» покойнаго Я. Б. Княжнина:

«Въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова, не токмо соблазнъ подающія и къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть израженія противу цѣлости законной власти, что усмотритъ правительствующій сенатъ изъ самой той трагедіи». Въ концѣ своего донесенія генералъ-прокуроръ просилъ «столь съ дерзкими словами трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе». Сенатъ же рѣшилъ: «оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи нетерпимую, сжечь—въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично»... [1]). Рѣшеніе сената, однако, не было приведено въ исполненіе. Нѣкоторую непріятность испыталъ также и Глазуновъ; его, по приказанію генералъ-прокурора изъ Петербурга, допрашивалъ въ Москвѣ главнокомандующій кн. А. А. Прозоровскій и отобралъ много экземпляровъ «Вадима Новгородскаго». [2])

По основной идеѣ своей, трагедія Княжнина, однако, не заслуживала квалификаціи «вредной». Симпатіи Княжнина, какъ и императрицы Екатерины, были на сторонѣ гуманнаго князя Рюрика, который своей «разумной властью» спасъ Новгородъ отъ «анархіи»; но писатель такъ ярко изобразилъ два противоположныхъ политическихъ міросозерцанія, что личные его взгляды какъ-то стушевались, и ихъ невольная неясность могла, дѣйствительно, ввести въ заблужденіе относительно истинныхъ убѣжденій автора трагедіи. Намъ кажется, что, помимо общихъ неблагопріятныхъ условій появленія «Вадима Новгородскаго», эта объективность автора сыграла немаловажную роль въ злополучной судьбѣ трагедіи.

Трудно было рѣшить, кто изъ двухъ противниковъ, князь или гражданинъ, достойны лавровъ моральной побѣды:

И нерѣшенною осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ гражданина [3]).

По Княжнину, въ то время, какъ Вадимъ долго и успѣшно воевалъ въ далекихъ странахъ, въ самомъ Новгородѣ произошелъ крупный государственный переворотъ, рѣзко измѣнившій весь складъ жизни. Въ его отсутствіе въ Новгородѣ разыгралась кровопролитная междоусобная война, концемъ которой положилъ старѣйшина Гостомыслъ, воспользовавшись помощью внука своего, варяжскаго князя Рюрика. Желая чѣмъ-либо отблагодарить внука за оказанную имъ услугу, умирающій Гостомыслъ совѣтуетъ новгородцамъ передать послѣ его смерти дѣло управленія страной Рюрику. Желаніе его было исполнено, и болѣе свободное самоуправленіе смѣнила самодержавная власть.

---

[1]) Перепечатана П. А. Ефремовымъ въ Р. Стар. 1871 г., т. III, № 6, стр. 723—781.

[2]) В. Стоюнинъ. Еще о К. и его трагедіи Вадимъ Р. Вѣстникъ 1860 г., т. XXVII, стр. 104; Записки кн. Е. Р. Дашковой. Лондонъ, 1859 г., стр. 237—241.

[3]) Записки кн. Е. Р. Дашковой, стр. 238 и сл.

[1]) Р. Ст. 1871 г., т. 4, стр. 91—92.

[2]) Р. Арх. 1863 г. выпускъ 5—6, стр. 467—373.

[3]) А. Ѳ. Воейковъ. В. Евр. 1819, ч. CIV, стр. 252.

Возвратившемуся Вадиму тяжело видѣть свою родину въ оковахъ чуждой ей власти. Онъ не понимаетъ, какъ могли его сограждане добровольно создать надъ собою неограниченную власть, добровольно обречь себя на рабство.

Онъ думаетъ, что чувство истинной любви къ родинѣ не потухало еще въ сердцахъ новгородцевъ, что любовь къ свободѣ выведетъ ихъ на путь былой вольной жизни. Ему, дѣйствительно, удается поднять противъ Рюрика новгородцевъ, но возстаніе не имѣетъ желаннаго успѣха, побѣдителемъ остается Рюрикъ и его войско. Вадимъ, приведенный на судъ къ Рюрику, сѣтуетъ на свою печальную судьбу, пославшую ему тяжкое испытаніе быть свидѣтелемъ полнаго пораженія своихъ завѣтныхъ идеаловъ; стономъ изъ груди вырывается у него восклицаніе:

Свершилось все теперь, рабами стали мы!

Въ послѣднемъ актѣ трагедіи князь Рюрикъ дѣлаетъ неудачную попытку поколебать свободолюбивыя убѣжденія Вадима, поколебать въ немъ органическую ненависть къ единоличной власти. Призвавъ народъ въ судьи между собою и Вадимомъ, Рюрикъ произноситъ длинную рѣчь о своей гуманной политикѣ, защищая свое нравственное право на управленіе страной; но такъ какъ власть его, видимо, не всѣмъ угодна, онъ снимаетъ съ головы княжескую корону и тѣмъ самымъ даетъ новгородцамъ возможность перемѣнить свое первоначальное рѣшеніе—или вовсе упразднить княжескую власть или облечь ею Вадима.

Вадимъ заявляетъ, что, ненавидя рабство, онъ не можетъ стать княземъ—олицетвореніемъ этого рабства. Народъ на колѣняхъ проситъ Рюрика править по-прежнему. Отчаяніе овладѣваетъ Вадимомъ:

Ты хочешь рабствовать подъ скипетромъ попранъ
Нѣтъ болѣ у меня отечества гражданъ!—

говоритъ онъ новгородцамъ. Оправданный подданными, Рюрикъ и не думаетъ покарать Вадима; но для Вадима жизнь уже потеряла свою цѣнность, и онъ закалывается на глазахъ князя, бросая ему въ лицо гордый вызовъ:

Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть?

Такимъ образомъ, Екатерина II и Княжнинъ, рисуя борьбу новгородцевъ съ княземъ Рюрикомъ и подходя къ ней съ аналогичной цѣлью, создали два противоположныхъ нравственныхъ облика Вадима.

Въ произведеніяхъ русской литературы начала XIX столѣтія образъ Вадима сохраняетъ свою родственную связь съ Вадимомъ Княжнина и неоднократно завладѣваетъ свободолюбивой фантазіей нашихъ поэтовъ, становясь воплощеніемъ ихъ гражданскаго протеста.

Такъ, въ 1803 году, въ «Вѣстникѣ Европы» появилось начало исторической повѣсти «Вадимъ Новгородскій», принадлежавшей перу начинавшаго свое литературное поприще В. А. Жуковскаго [1]).

Редакторъ журнала, Карамзинъ, рекомендовалъ читателямъ автора этой повѣсти, какъ своего хорошаго пріятеля, уже заявившаго себя прекраснымъ переводомъ «Сельскаго Кладбища» Грея. Въ концѣ отрывка говорилось, что «продолженіе и конецъ этой повѣсти будутъ напечатаны особливо». Продолженія повѣсти, однако, не появилось, да, видимо, она и не была окончена поэтомъ, но по началу повѣсти вырисовывается довольно яркій образъ Вадима.

Повѣсть написана подъ сильнымъ вліяніемъ Флоріана—по направленію своему моралиста, по формѣ идиллика [1]).

Какъ Вадимъ, такъ и Гостомыслъ—герои повѣсти—окружены той сантиментально-романтической атмосферой, которая была такъ близка личнымъ наклонностямъ начинавшаго писателя. И сѣдой какъ лунь, Гостомыслъ, и юный божественно-красивый Вадимъ обречены на полную уединенія жизнь въ безлюдной пустынѣ у Ладожскаго озера; славянскій князь Гостомыслъ безъ завѣтно-храбро сражался за своихъ согражданъ новгородцевъ противъ инородцевъ, но вражья сила одолѣла—«могучіе новгородцы пали, иные сокрылись»... Вотъ уже семь лѣтъ, какъ Гостомыслъ живетъ въ жалкой хижинѣ на безлюдной равнинѣ, его силы слабѣютъ, и близокъ часъ его смерти. Въ звукахъ арфы онъ выливаетъ свою грусть и скорбь о погибшей родинѣ, о закатившейся ея славѣ... Застигнутый бурей Вадимъ идетъ на звуки арфы и попадаетъ въ лачугу Гостомысла, который радъ страннику какъ свѣтлому видѣнію, явившемуся ему въ его мрачной жизни, и радушно предлагаетъ ему жалкій ужинъ и ночлегъ. На утро Вадимъ разсказываетъ Гостомыслу о своей злосчастной судьбѣ: послѣ пораженія новгородцевъ, онъ съ отцомъ своимъ, Радегастомъ, покинулъ Новгородъ и долго жилъ въ пустынной мѣстности; но отецъ уже умеръ, и онъ теперь совсѣмъ одинокъ; онъ не хочетъ оставить своей вольной жизни, не хочетъ покинуть родныя мѣста, гдѣ покоится прахъ его родителя. Разсказъ Вадима глубоко тронулъ Гостомысла: Радегастъ, отецъ Вадима, былъ его враннымъ товарищемъ. Между старикомъ-изгнанникомъ и юношей, узнающимъ отъ гостепріимнаго старца, что онъ Гостомыслъ, происходитъ нѣжная сцена. Прелестному юношѣ кажется, что слезы, обильно льющіяся изъ глазъ старика,—слезы горькихъ мукъ, на которыя обрекла его судьба. Но Вадимъ заблуждается; Гостомыслъ уже давно примирился со своей одинокой, но свободной жизнью; среди утесовъ онъ свободенъ, среди дикихъ утесовъ онъ не знаетъ властелина; онъ льетъ слезы о погибшей славѣ, о горестной отчизнѣ, надъ безсиліемъ которой смѣется иноплеменникъ, о павшихъ друзьяхъ. Вадимъ бережно хранитъ память объ отцѣ, и въ его юношеской головѣ живетъ мечта объ освобожденіи Новгорода, его фантазія рисуетъ ему заманчивыя картины.

«Я воображалъ себя гражданиномъ Великаго Новгорода, воиномъ побѣдителемъ, видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста; видѣлъ вѣнцы, летящіе къ ногамъ его сына; славу, благоденствіе могучаго народа, ужасъ враговъ его»...

Замѣтя слезы на глазахъ Гостомысла, онъ прерываетъ свой разсказъ и на этомъ кончается отрывокъ повѣсти.

Созданный Жуковскимъ сентиментальный образъ Вадима, значительно разнится отъ предшествовавшихъ ему изображеній этого противника

---

[1]) В. Евр. 1803 г. часть 23 и 24.

[1]) Ср. П. Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883 г., стр. 48.

Рюрика, но все-же сквозь дымку поэтическаго вымысла, окутывающаго сына Радегаста, чувствуется его родственная связь съ Вадимомъ Княжнина—патріотомъ и защитникомъ угнетенной родины.

Нѣсколько позже В. А. Жуковскій окрестилъ героя второй части «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» именемъ новгородца Вадима, но кромѣ имени, онъ ничѣмъ не напоминаютъ собою легендарнаго Вадима.

Въ 20-хъ годахъ вопросъ о первоначальномъ строѣ русскаго государства живо интересовалъ наиболѣе передовую часть общества. Фантазія либерально-настроенной молодежи, изъ среды которой вскорѣ вышли декабристы, рисовала себѣ въ древней Руси существованіе республиканскаго образа правленія, и многіе мечтали о возстановленіи древней политической свободы... Этою молодежью была сухо принята по вполнѣ понятнымъ причинамъ, «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. «Свѣтская эрудиція усматривала въ старыхъ порядкахъ древняго нашего быта высокій идеалъ общественнаго и политическаго существованія, достойный возстановленія и подражанія»,—вполнѣ правильно констатируетъ Анненковъ [1]).

Это стремленіе къ «вольной старинѣ», къ «народной свободѣ»—явилось не только отголоскомъ «освобожденія Европы«, но вмѣстѣ съ тѣмъ и данью, отданной тому романтизму, который съ большимъ увлеченіемъ обращался къ старинѣ вообще.

Для такого круга идей—вольный Новгородъ и защитникъ его свободы, Вадимъ, должны были стать благодарной темой. Яркимъ выразителемъ этого литературно-историческаго теченія является поэтъ-декабристъ К. Ф. Рылѣевъ.

Вся его революціонная душа была полна образовъ древнихъ республикъ Новгорода и Пскова; къ нимъ обращается онъ за подкрѣпленіемъ своего политическаго міросозерцанія. Его свободолюбивая мысль сжилась съ вольными городами древней Руси и не порвала съ ними связи вплоть до трагической кончины поэта.

Еще въ началѣ 1825 года Рылѣевъ писалъ Пушкину, жившему тогда въ с. Михайловскомъ, «Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы».

Одна изъ историческихъ «думъ» Рылѣева, появившаяся въ печати лишь въ 1871 году, но относящаяся, по всей вѣроятности, къ 1823—1824 гг., рисуетъ намъ Вадима.

Въ ней легендарный защитникъ Новгорода произноситъ пламенную рѣчь о «самовластительномъ князѣ»:

До какого насъ безславія
Довели вражды гражданъ,
Насылаетъ Скандинавія
Властелиновъ для славянъ!..
Грозенъ князь самовластительный,
Но наступитъ мракъ ночной.
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой.

И этотъ часъ ознаменуется, конечно, борьбой новгородцевъ съ утѣснителемъ-княземъ.

Изъ подъ пера революціонера-романтика Рылѣева долженъ былъ вылиться образъ Вадима—борца за свободу.

II.

Письмо Рылѣева нѣсколько запоздало, чтобы склонить Пушкина къ созданію тенденціозной поэмы, о которой мечталъ самъ поэтъ-декабристъ и которая такъ родственна была его общественно-литературнымъ взглядамъ. Былъ моментъ въ творчествѣ Пушкина когда его влекла къ себѣ и обличительная комедія, и тенденціозная драма и поэма; когда его вольнолюбивая душа остановилась на древнемъ Новгородѣ и Вадимѣ, отдавая дань времени; но это было въ кишиневскій періодъ его жизни. Въ это время онъ написалъ свою замѣтку о царствованіи Екатерины II, въ которой рѣзко раскритиковалъ ея «двуличную» политику и вспомнилъ о томъ, будто въ ея «гуманное» правленіе погибъ подъ розгами Шешковскаго авторъ трагедіи «Вадимъ Новгородскій» Я. Б. Княжнинъ; въ Кишиневѣ онъ весь кипѣлъ республиканизмомъ и гражданственностью и тогда онъ безъ всякихъ предложеній со стороны задумалъ политическую драму изъ жизни древняго Новгорода. Однако, этой драмѣ не посчастливилось. Вскорѣ она была замѣнена поэмой аналогичнаго содержанія. Но какъ и драма, поэма, въ концѣ концовъ, осталась тоже неоконченною.

Драма «Вадимъ», должна была дать исходъ оппозиціонному духу Пушкина, такъ какъ и «славянскія племена», и «иноплеменники», о которыхъ говорится въ отрывкахъ этого произведенія составляли весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Пушкинъ такъ ясно хотѣлъ выразить свою истинную цѣль, что въ сценѣ трагедіи, напечатанной въ изданіяхъ его сочиненій, стихъ, вложенный имъ въ уста Рогдая, одного изъ заговорщиковъ, описывающій всеобщій ропотъ новгородцевъ:

Къ пришельцамъ ненависть
Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ —

первоначально былъ выраженъ такъ, какъ будто дѣло шло о событіи очень близкомъ и современномъ:

Вражду къ *правительству*
Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.

Уцѣлѣвшій отрывокъ «Вадима» Пушкина рисуетъ намъ этого героя свободнаго Новгорода—уже знакомыми штрихами, но кое-что есть въ немъ и оригинально-пушкинскаго. Созданіе отрывка относится къ 1822 году т. е. къ тому времени, когда Пушкинъ былъ особенно сильно увлеченъ Байрономъ. Это увлеченіе сказалось на обрисовкѣ Вадима, который очень пессимистически относится къ толпѣ, къ ея любви, къ ея враждѣ. И Вадимъ и Рогдай не пожелали преклонить своихъ головъ подъ ярмо чужеземной власти и были изгнаны изъ Новгорода въ тотъ моментъ, когдасограждане ихъ.

Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ.

Но новая власть уже тяготитъ новгородцевъ «горделивыхъ питомцевъ старинной вольности», молодежь «кипитъ и негодуетъ» и съ надеждой произноситъ имя Вадима: Вадимъ, испытавшій уже на себѣ «невѣрную любовь» толпы, не особенно высоко цѣнитъ и настоящій призывъ своихъ со-

[1]) П. Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Алекс. эпоху. Спб. 1874 г., стр. 93 и сл.

отечественниковъ. Но любовь къ родинѣ заставляетъ его забыть объ оскорбителяхъ-согражданахъ, изгнавшихъ его изъ Новгорода, и вновь отдаться дѣлу освобожденія родины.

Что же касается до отрывка изъ поэмы «Вадимъ», то онъ уже не даетъ возможности сколько нибудь ясно представить себѣ образъ Вадима; не помогаетъ въ этомъ отношеніи даже и планъ поэмы, набросанный поэтомъ. Мѣстный и историческій колоритъ здѣсь почти исчезъ.

Въ общемъ сюжетъ, видимо, не захватилъ Пушкина.

Отрывки поэмы въ первый разъ были напечатаны въ альманахѣ Б. Ѳедорова «Памятникъ Отечественныхъ Музъ», 1827 г., стр. 253 (здѣсь были помѣщены стихи отъ словъ «Проходитъ ночь» до «Межъ тѣмъ привычныя заботы»): въ томъ же году въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1827 г. стр. 3—7) былъ помѣщенъ болѣе полный отрывокъ, но съ пропускомъ 25 стиховъ отъ стиха «Онъ видитъ Новгородъ» до «Межъ тѣмъ привычныя заботы»... (Ср. въ исторіи текста).

Посмертное изданіе отнесло стихи, пропущенные «М. Вѣстникомъ» къ «лицейскимъ», а всѣмъ остальнымъ стихамъ дало заглавіе «Два путника». Ср. Незеленовъ, Пушкинъ стр. 127—128; «Памяти А. С. Пушкина», сборникъ кіевскаго ун—та, статья Владимірова стр. 42—43; Н. И. Коробка, Личность въ русскомъ общ. и литер. начала XIX вѣка. Спб. 1903 г, стр. 25—26; 52. В. Г. Бѣлинскій, Сочиненія М. 1892 г. часть VIII, стр. 332—333.

Г. Карасикъ.

---

336. УЗНИКЪ

(т. II, стр. 139).

Впервые появился въ III части «Стихотвореній Александра Пушкина» (1832 г.). О варіантахъ см. въ исторіи текста.

«Узникъ» является стихотвореніемъ автобіографическаго характера. Пушкинъ, покидавшій «сѣверъ» съ опредѣленной надеждой на скорое возвращеніе въ Петербургъ, въ кругъ своихъ пріятелей, сильно сталъ тяготиться въ Кишиневѣ своей неволей, долгій срокъ которой становился все болѣе и болѣе вѣроятнымъ; онъ сѣтуетъ на друзей, забывшихъ его, на измѣнчивую любовь, и жажда воли объемлетъ его. Въ посланіи къ Ѳ. Н. Глинкѣ (1822 г.) читаемъ: «Пускай мнѣ дружба измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь»; въ черновомъ наброскѣ того же года (Къ ***.) имѣется такая фраза: «И свѣтъ, и дружбу, и любовь! Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу»... Въ письмахъ поэта за 1822 годъ часто встрѣчаются тѣ-же мысли: сѣтованіе на друзей, забывшихъ его, и желаніе побывать въ Петербургѣ. «Представь себѣ,—пишетъ П. брату Льву, 24 января 1822 г.,—что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно». Затѣмъ, напоминая брату о какихъ-то «порученіяхъ, самыхъ важныхъ въ отношеніи къ нему», прибавляетъ: «чортъ съ ними: постараюсь тамъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе». «Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ, а постараюсь»,—читаемъ въ письмѣ поэта къ брату отъ 21 іюля того-же года. Отвѣчая Я. Н. Толстому на его письмо объ изданіи стихотвореній, Пушкинъ говоритъ (въ письмѣ отъ 26 сентября): «...милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ». Но къ концу года скорый пріѣздъ въ Петербургъ становится для Пушкина маловѣроятнымъ, и онъ его назначаетъ на будущій годъ, причемъ вполнѣ сознаетъ, что надо объ этомъ похлопотать не въ Кишиневѣ, а въ Петербургѣ. Попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы поэтомъ.

«Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите! но Августъ смотритъ Сентябремъ». (Изъ письма къ Л. С. Пушкину, Кишиневъ, 6 октября 1822 г.). Въ минуту унынія Кишиневъ могъ показаться поэту «темницей сырой» и заронить въ его душу страстное желаніе, уподобившись орлу, улетѣть туда, «гдѣ синѣютъ морскіе края», гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ, да свободный царь птицъ.

Очень близко, по своему мотиву, къ «Узнику»—стихотвореніе «Птичка», въ которомъ поэтъ чувствуетъ нравственное удовлетвореніе въ томъ, что онъ «хоть одному творенію «могъ даровать свободу». Когда Пушкинъ сживется съ мыслью о неволѣ, онъ заставитъ «невольника-чижика» «забыть и рощу и свободу, зерно клевать и брызгать воду и тѣшиться живой пѣснью» (См. № 422).

Г. К.

---

337. ПТИЧКА.

(т. II, стр. 139).

Впервые напечатано въ «Литературныхъ листкахъ» Булгарина 1823 г., № 2, стр. 28, за подписью: А. П. и съ слѣдующемъ примѣч. изд. журнала: «Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ, должниковъ и проч.—Изд.» Здѣсь напечатано по изд. 1829 г. О варіантахъ см. въ исторіи текста.

Стихотвореніе это П. сообщилъ Н. И. Гнѣдичу въ письмѣ своемъ изъ Кишинева отъ 13 мая 1822 года:

«Знаете-ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку?—писалъ поэтъ. Вотъ вамъ стихи на это». Затѣмъ, выписавъ стихотвореніе, П. спрашивалъ Н. И., напечатаютъ ли его безъ имени въ Сынѣ Отечества? О сказавшемся здѣсь настроеніи Пушкина см. примѣч. къ «Узнику» (№ 336).

Г. К.

338. ЛЮБЛЮ ВАШЪ СУМРАКЪ НЕИЗВѢСТНЫЙ.

(т. II, стр. 139).

Впервые появилось въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1826 года, часть VII, № 1, стр. 5—6, подъ заглавіемъ: *Элегія*. Первоначальный текстъ, помѣщенный въ изд. 1838—1841 г., т. IX, 168 (у Анненк., VII стр. 324—326), носитъ на себѣ слѣды болѣе яркаго непосредственнаго чувства, чѣмъ позднѣйшая его обработка, но основная мысль о тлѣнности тѣла и безсмертіи духа остается почти неизмѣнной [1]). Въ данномъ случаѣ сказалась характерная особенность творчества П.—вытравлять, при окончательной обработкѣ, изъ своихъ произведеній все, что открыто говорило о его личныхъ переживаніяхъ. Въ первоначальномъ наброскѣ сердце поэта не можетъ примириться съ туманностью «небытія»; но его гордый умъ не ищетъ смерти, ибо смерть «чужда мыслямъ человѣка»; если духъ его безсмертенъ, то неужели «съ ризой гробовой» душа его не сохранитъ «минутныхъ жизни впечатлѣній», неужели «образъ милой» не останется вѣчной собственностью его духа? Чувствуется, что въ душѣ поэта готовъ утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы.

Въ окончательной обработкѣ этихъ стиховъ вопросовъ нѣтъ, чувствуется неопредѣленность настроенія, отчетливо проступаютъ слѣды холодной разсудочности. «Образъ милой», который рѣшительнѣе всего заставляетъ вѣрить поэта въ безсмертіе духа, не фигурируетъ вовсе въ окончательной редакціи стихотворенія. (Ср. А. Незеленовъ. Пушкинъ въ его поэзіи, СПБ. 1882 стр. 97, 109—110, Бѣлинскій, изд. Венгерова т. VI, 101—102; изд. Солдатенкова т. VIII, 332—333, 377—378).

Намъ кажется, что не слѣдуетъ слишкомъ близко сопоставлять содержаніе этого стихотворенія съ какимъ либо опредѣленнымъ фактомъ изъ жизни поэта въ Кишиневѣ, какъ это сдѣлалъ Бартеневъ, предположивъ, что «стихи эти можетъ быть, были написаны наканунѣ одного изъ поединковъ» (Р. Арх. 1886 г., ст. 1189—1190). Мысли о смерти, загробной жизни, какъ и о цѣли жизни земной слишкомъ часто встрѣчаются въ лирическихъ стихотвореніяхъ П., чтобы нуждаться въ подъискиваніи всякій разъ спеціальнаго повода. Черновому наброску очень близки по содержанію стихи въ «Безвѣріи»: «Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ» (1817 г.) и французская фраза, сказанная по всей вѣроятности, Пестелемъ о Пушкинѣ, который и записалъ ее въ свой кишиневскій дневникъ 1821 г.: «Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse» («Сердцемъ я матеріалистъ, но умъ противится этому»). Все стихотвореніе сильно напоминаетъ стихи 20—25 «Войны» 1821 г. Г. К.

---

339. ГОРИШЬ ЛИ ТЫ, ЛАМПАДА НАША...

(т. II, стр. 140).

Первый приступъ къ этимъ стихамъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 49); имъ кончается находящійся на этой страницѣ музейной тетради, относящейся еще къ 1821 г. наброскъ: «Младыхъ пировъ утихли смѣхи»... (см. выше, № 325). Другой, тоже черновой, но уже довольно обработанный отрывокъ находится въ хранящейся въ Имп. Публичн. Библіотекѣ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., лл. 60, 60 об., 65. Въ отдѣланномъ видѣ стихи вошли въ письмо Пушкина къ Я. Н. Толстому отъ 26 Сентября 1822 г. Принадлежавшая П. В. Анненкову, списанная Я. Н. Толстымъ копія находится въ майковской коллекціи академіи наукъ («П. и его современники», IV, 36). Впервые посланіе было напечатано П. В. Анненковымъ («Матеріалы для біографіи П.», 1-ое изд., стр. 187) съ пропускомъ шести стиховъ, возстановленныхъ М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1857 г., № 4, смѣсь, стр. 265, и воспроизведеннымъ Анненковымъ въ VII томѣ его изданія, стр. 58—59. Въ полномъ видѣ посланіе вошло въ первое изданіе Г. Н. Геннади, 1859 г., I, 271—272. Стихи музейной рукописи были сообщены въ «Рус. Стар.» 1884 г., апрѣль, 102, а библіотечной—въ изданіи литерат. фонда, VII, 40—41.

О Я. Н. Толстомъ и объ его отношеніяхъ къ Пушкину см. ст. Б. Л. Модзалевскаго въ I т. настоящаго изданія, прим. № 194. Сфера, въ которой протекали эти отношенія, и о которой Пушкинъ вспоминаетъ такъ тепло и весело,—общество «Зеленая Лампа» (о немъ см. въ I т. статьи Алексѣя Веселовскаго и П. О. Морозова; см. также «Общества нетрезвости въ Россіи» Т. А. Мартемьянова—«Историч. Вѣстн.» 1903, апрѣль, и записку Бенкендорфа о тайныхъ обществахъ—М. К. Лемке, «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.», Спб., 1908, стр. 576). «Вино кометы» было тогда очень популярно. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (I, XVI):—«вина кометы брызнулъ токъ»... Пріятель Пушкина, поэтъ-гурманъ В. С. Филимоновъ упоминаетъ о немъ въ своей извѣстной гастрономической поэмѣ «Обѣдъ» (Спб., 1837 г., стр. 73): «еще въ бокалахъ пѣна бьется, еще кометная звѣзда на волю изъ бутылки рвется»... Есть повѣрье, что лучшее вино бываетъ изъ винограда, уродившагося въ годъ появленія выдающейся кометы (см. Соч. Герцена, Спб., 1905, I, 454). Калмыкъ былъ мальчикъ, слуга Всеволожскаго, прислуживавшій въ засѣданіяхъ Зеленой Лампы. Послѣдній стихъ посланія намекаетъ на курьезный обычай лампистовъ, о которомъ Толстой писалъ Лонгинову (Соврем., ibid., 226): какъ скоро кто-нибудь отпускалъ пошлое красное словцо, калмыкъ нашъ улыбался насмѣшливо, и наконецъ мы рѣшили, что этотъ мальчикъ всякій разъ, какъ услышитъ пошлое словцо, долженъ подойти къ тому, кто его отпуститъ, и сказать: «здравія желаю!» Съ удивительной смѣтливостью калмыкъ исполнялъ свою обязанность. Впрочемъ, Пушкинъ ни разу не подвергался калмыцкому желанію здравія. Онъ иногда говорилъ: «Калмыкъ меня балуетъ, Азія протежируетъ Африку»... Вспоминая въ письмѣ къ брату, 27 іюня 1821 г., о Зеленой Лампѣ, Пушкинъ писалъ: «пожелай здравія Калмыку». Отвѣчая Пушкину на вопросъ, заданный въ первыхъ стихахъ посланія, Толстой писалъ ему:

Ахъ! Лампа погасла:
Не стало въ ней масла!

Въ библіотечныхъ варіантахъ (см. ихъ въ статьѣ о текстѣ) упоминается «прелестный Адонисъ, любимецъ вѣтряныхъ Лаисъ»... Это—лам-

---

1) Здѣсь воспроизведено по изд. 1829 г. Первоначальную редакцію см. въ исторіи текста. Ред.

пистъ Ѳ. Ф. Юрьевъ, первое посланіе Пушкина къ которому такъ и начинается: «Любимецъ вѣтряныхъ Лаисъ»...; о немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго въ I т. настоящаго изданія, стр. 488, 482.

Н. Л.

340. ЦАРЬ НИКИТА.

(т. II, стр. 140).

Въ подлинномъ автографѣ поэта, сохранившемся въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 9 об.), находятся только первые двадцать шесть стиховъ сказки, переданные В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., май, 328—329) и напечатанные въ настоящемъ изданіи выше, въ 1 столбцѣ стр. 140-ой. Дальше въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, можетъ быть содержавшихъ продолженіе сказки. Начальные 22 стиха были напечатаны въ «Библіограф. Запискахъ» 1859 г., № 4, ст. 107, но не совсѣмъ точно; еще съ меньшей точностью эти стихи да еще 53 слѣдующіе (отъ стиха: «Какъ бы это изъяснить» до стиха: «Провинись жена моя!») еще ранѣе появились въ «Русс. Библіотекѣ» 1858 г., I, 29—32, и были перепечатаны Н. В. Гербелемъ (Русскимъ) въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 30—33; въ своихъ библіографическихъ замѣчаніяхъ (ibid., 167—173) Гербель сообщилъ съ какого-то списка конецъ сказки, «возстановленный кѣмъ-то на память, причемъ, конечно, только нѣмногіе стихи Пушкина уцѣлѣли во всей первобытной своей чистотѣ; все остальное, очевидно, присочинено самимъ возстановителемъ текста и передаетъ одно игривое содержаніе сказки, не передавая ея поэтическихъ красотъ... Среди наноснаго сора попадаются чисто-пушкинскіе стихи, горящіе подобно алмазу среди навозной кучи». П. А. Ефремовъ («Мнимый П.»—«Нов. Время» 1903 г., № 9851) тоже полагаетъ, что «въ окончаніи «Царя Никиты» много совершенно-пушкинскихъ, стиховъ» (см. также его послѣднее изданіе сочин. П., VIII, 184). Вѣроятно, сказка дѣйствительно была закончена Пушкинымъ, который, готовя свой первый сборникъ стиховъ, писалъ (15 марта 1825 г.) брату Льву Сергѣевичу и П. А. Плетневу: «60 піесъ! Довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?» «Вѣроятно»—говоритъ Ефремовъ (II. сс.)—«она не однажды читалась Языкову, Вульфу и брату, который могъ запомнить и впослѣдствіи записать ее по памяти. Конечно, и образцовая память Льва Сергѣевича могла иногда измѣнять, и этимъ можно объяснить, что въ о к о н ч а н і и «Царя Никиты» много совершенно-пушкинскихъ стиховъ, а на ряду съ ними встрѣчаются стихи не совсѣмъ удачные и неловкіе». Правда, Левъ Пушкинъ славился своею удивительною памятью, и его называли «живымъ изданіемъ» сочиненій брата, но нужно помнить, что онъ самъ писалъ иногда стихи и любилъ помистифицировать знакомыхъ. Влад. Соловьевъ (Сочин., VIII, Спб., 1903, стр. 348), почему-то увѣренный, что «Царь Никита» и «Гавріліада» остались неоконченными, писалъ: «попытки запрягать поэзію въ ярмо сложнаго порнографическаго остословія не удавались Пушкину». Болѣе справедливо мнѣніе А. Брикнера («Русская литература въ ея историческомъ развитіи», I, Спб., 1906, стр. 113), считающаго «Царя Никиту» вещью остроумной.

Жалобами на дуру Цензуру [1]) наполнены пушкинскія письма 1822 г. («Переписка П.», академич. изд., I, 43, 45, 46—47, 54, 60—61). Въ «Царѣ Никитѣ» впервые встрѣчается тотъ размѣръ стиха, которымъ впослѣдствіи Пушкинъ написалъ рядъ сказокъ.

Н. Л.

341. ГРЕЧАНКѢ.

(т. II, стр. 141).

Напечатано впервые въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» 1823 г., стр. 107. Здѣсь печатается по изд. 1829 г. (Ср. исторію текста).

Стихотвореніе это относится къ одной изъ знакомыхъ П. по Кишиневу—гречанкѣ Калипсо Полихрони, которой, быть можетъ, интересовался поэтъ не столько благодаря сомнительной ея красотѣ, сколько благодаря ореолу любовницы Байрона, окружавшему ее; знакомство съ Калипсо произошло какъ разъ въ періодъ наиболѣе сильнаго увлеченія П. музой Байрона и личностью самого поэта.

О Калипсо, очевидно, говоритъ П. въ письмѣ своемъ отъ 5 апрѣля 1823 г. изъ Кишинева къ кн. П. А. Вяземскому. Приглашая Вяземскаго, собиравшагося въ Одессу, завернуть въ Кишиневъ, поэтъ обѣщаетъ познакомить его «съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ».

Въ стихотвореніи своемъ Пушкинъ все время связываетъ гречанку съ Байрономъ, «страдальцемъ вдохновеннымъ». Очевидно, только поэтическимъ оборотомъ является обращенный къ весьма доступной Калипсо, вопросъ: не ее-ли изображалъ «пѣвецъ Леилы», создавая «свой неизмѣнный идеалъ», не ея ли образъ запалъ въ душу его «подъ небомъ Греціи священной», не ее ли искушалъ онъ своей лирой, и она, объятая «невольнымъ трепетомъ», «склонялась къ его плечу»... Слѣдовъ глубокаго чувства П. къ гречанкѣ нѣтъ въ этомъ стихотвореніи; стихи о «пламени ревнивой мечты», о грусти по недолговѣчности счастья, по вѣрному замѣчанію П. Бартенева, сравнительно холодны (Р. Арх. 1866, ст. 1188).

Калипсо Полихрони бѣжала вмѣстѣ со своей матерью изъ Константинополя послѣ возстанія гетеріи въ Одессу, а оттуда около половины 1821 года переселилась въ Кишиневъ. Мать ея, вдова логофета, потеряла все, что имѣла во время

1) Мы оставили замѣчаніе Н. О. Лернера относительно «дуры цензуры», по тому что въ публикѣ наиболѣе распространена такая версія конца I-го отрывка:

Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры,
Нашей ч о п о р н о й ц е н з у р ы.

Въ подлинной рукописи, однако, которою мы руководствовались, печатая I отрывокъ, Пушкинъ дѣлаетъ двѣ вылазки: одну противъ предполагаемой «богомольной дуры» и особо противъ «чопорной цензуры»:

Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры.

Власть имущими «богомольными дурами» кишѣли тѣ годы великаго ханжества и господства Голицыныхъ, Фотіевъ и графинь Орловыхъ-Давыдовыхъ.

Ред.

бѣгства. Мать и дочь жили очень бѣдно въ Кишиневѣ, занимая двѣ маленькія комнаты. Кишиневскаго общества онѣ не посѣщали, но молодежь, видимо, заглядывала къ нимъ; бывалъ у нихъ и Пушкинъ. (И. П. Липранди, Р. Арх. 66 г. ст. 1246).

Разсказъ Ф. Ф. Вигеля о матери Калипсо мало вѣроятенъ. Онъ рисуетъ ее чародѣйкой, умѣвшей различными заговорами смягчать сердца недоступныхъ женщинъ и обезпечивать успѣхъ отчаявшимся любовникамъ... (Зап. Вигеля, VI, стр. 152—153).

Калипсо была чрезвычайно маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью; у нея было длинное сухое лицо, всегда, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстъ Турціи, нарумяненное; огромный носъ, какъ бы сверху до низу, раздѣлялъ ея лицо; у Калипсо были густые длинные волосы, огромные огненные глаза, которымъ она еще болѣе придавала сладострастія употребленіемъ «сурьме».

Она хорошо пѣла сладострастныя турецкія пѣсни на восточный ладъ, въ носъ, что забавляло Пушкина (И. П. Липранди, Р. Арх. 66 г., ст. 1246). Ф. Ф. Вигель въ описаніи наружности Калипсо не расходится съ И. П. Липранди. Огромный ястребиный носъ, по его словамъ, не портилъ ея пріятнаго лица, и она многимъ нравилась.

Особенной нравственностью, видимо, она не отличалась. Ф. Ф. Вигель говоритъ о ея любовной связи съ княземъ Телемахомъ Ханбжери, объ отсутствіи въ ея обращеніи и поведеніи «строгости» и предполагаетъ, что «если бы она жила въ вѣкъ Перикла, исторія сохранила бы ея имя вмѣстѣ съ именами Фрины и Лансы» (Зап. Ф. Ф. Вигеля, VI, стр. 152—153).

Болѣе нѣжными штрихами рисуетъ образъ Калипсо румынскій писатель Негруци, познакомившійся съ Калипсо и П. въ Кишиневѣ, въ отрывкѣ «Калипсо», вошедшемъ въ его сборникъ «Pacatele Fineretiĭborû» («Грѣхи юности»).

Въ отрывкѣ этомъ, написанномъ много лѣтъ спустя послѣ встрѣчи Негруци съ Пушкинымъ, (румынскій писатель упоминаетъ въ немъ о «трагической участи» нашего поэта), много фантастичности и особенно въ послѣдней его части, рисующей странную судьбу Калипсо.

Калипсо, въ изображеніи Негруци,—«красавица-гречанка», «женщина ангельской красоты»; она гуляетъ всегда одна; Пушкинъ сопровождаетъ ее иногда, когда встрѣчаетъ на гуляньи; Калипсо владѣетъ только греческимъ и румынскимъ языками; Пушкинъ не знаетъ ни того, ни другого, но, впрочемъ, «двадцатидвухъ-лѣтній возрастъ поэта и восемнадцатилѣтній куртизанки не нуждается въ переводчикѣ». Въ городскомъ саду, въ обществѣ Калипсо и Негруци, Пушкинъ декламируетъ свои стихи, переводя ихъ тутъ же на французскій языкъ, очевидно, болѣе понятный его слушателямъ. Въ 1823 году Негруци покинулъ Кишиневъ, вернулся въ Молдавію и потерялъ изъ виду и Калипсо и Пушкина.

О дальнѣйшей судьбѣ Калипсо мы узнаемъ изъ окончанія того же самаго отрывка, Здѣсь все явно сочинено.

Выходитъ очень романтично. Мы узнаемъ, что въ монастырѣ Нямцу, въ Молдавіи, лѣтъ пять спустя послѣ встрѣчи Негруци съ Калипсо въ Кишиневѣ, внезапно умираетъ юноша-послушникъ, круглый сирота, отличавшійся строгимъ благочестіемъ. Онъ прожилъ въ монастырѣ три года, найдя въ немъ пріютъ въ одну изъ дождливыхъ осеннихъ ночей... При погребеніи, на груди его нашли слѣдующую записку: «Согрѣшихомъ, Господи! Беззаконовахомъ, Господи, и несмь достоинъ воззрѣти на высоту славы Твоея! Господи, прости и помилуй грѣшную Калипсо!»

Юноша-послушникъ была Калипсо; черепъ этой красавицы-гречанки, какъ говоритъ Негруци, можно было видѣть въ его время въ катакомбахъ монастыря»... (Ср. Х. С. Кировъ. «Пушкинская Гречанка» Ист. Вѣстникъ 1884 г., № 2, стр. 336—340).

Чувство П. къ Калипсо, «рожденной для нѣги томной и упоенія страстей», было явно мимолетно. И. П. Липранди свидѣтельствуетъ о томъ, «что Пушкинъ не былъ влюбленъ въ Калипсу», такъ какъ «были экземпляры несравненно лучше» и, какъ онъ полагаетъ, «ни одна изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Кишиневѣ не могла въ немъ порождать ничего болѣе временнаго каприза», (Р. Арх. 66 ч. ст. 1246). Ф. Ф. Вигель, прибывшій въ Кишиневъ въ 1822 году, «былъ представленъ» поэтомъ» Калипсѣ и ея родительницѣ; въ Пушкинѣ онъ не замѣтилъ «и остатковъ любовнаго жара, которымъ онъ прежде горѣлъ къ Калипсо». (Зап. VI, стр. 152—153). Ср. Анненк. Матер., стр. 79, Незеленовъ, libr. cit; стр 142—143, Бѣлинскій, 331—333, 338. «Маякъ» 1843 г. XI, № 4, стр. 45—46. Г. К.

---

342. (БАРАТЫНСКОМУ).

(т. II, стр. 141).

Четверостишіе находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 25) и было впервые напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 г., отд. II, 29, а затѣмъ внесено Пушкинымъ въ сборникъ его стиховъ 1829 г., I, 167, подъ 1822 г. По весьма вѣроятному предположенію П. И. Бартенева («Русс. Арх.» 1866 г., 1193), стихи эти указываютъ на недошедшія до насъ письма Пушкина къ Баратынскому, хотя, замѣтимъ, Пушкинъ могъ послать ихъ Баратынскому не прямо, а при письмѣ къ кому-нибудь другому (напримѣръ, къ брату). 13 мая 1822 г. поэтъ жаловался Н. И. Гнѣдичу: «отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ также,—но я люблю ихъ и лѣнивыхъ», а 27 сентября писалъ ему: «Баратынскому буду писать». Можетъ быть, Баратынскій обѣщалъ прислать Пушкину тетрадь своихъ стиховъ [1]). Н. Л.

---

1) Настоящее стихотвореніе всѣ издатели помѣщаютъ рядомъ со стихотвореніемъ «Баратынскому изъ Бессарабіи» (№ 330), потому что такъ помѣстилъ ихъ самъ Пушкинъ сначала въ «Сѣв. Цвѣтахъ», а потомъ въ изд. 1829 г. Но несомнѣнно, однако, что стихотворенія написаны въ разное время: черновики въ разныхъ тетрадяхъ, творческое настроеніе тоже совершенно разное. «Баратынскому изъ Бессарабіи»—этотъ отголосокъ поѣздки по Бессарабіи (конецъ 1821) представляетъ собою серьезное поэтическое произведеніе, а четверостишіе—просто записочка въ стихахъ.

Разъединивъ № 330 и 342, мы не могли оставить пушкинскаго заглавія «Ему-же», и поэтому назвали его «Баратынскому», но такъ какъ заглавіе не пушкинское, то и помѣстили его въ скобкахъ. Ред.

343. АДЕЛИ.

(т. II, стр. 142).

За подписью, впервые напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г. (стр. 60) подъ заглавіемъ «Въ Альбомъ малюткѣ». Перепечатано въ изд. 1826 и 1829 г. подъ заглавіемъ «Адели». Черновикъ въ Румянц. тетради № 2367, л. 8 оборотъ. Въ подготовительной для изд. 1826 г. тетради, принадлежащей гр. П. И. Капнисту (на л. 9 об., см. Майковъ, Автографы П., принадл. гр. П. И. Капнисту, стр. 4), есть помѣтка Пушкина: «Аделѣ (а не въ альбомъ малюткѣ)». «Аделѣ» названо стихотвореніе и въ рукоп. № 2367, изъ чего можно заключить, что мало подходящее къ содержанію пьесы заглавіе «Въ Альбомъ малюткѣ» дано не Пушкинымъ, а редакціею. О варіантахъ см. въ исторіи текста.

О странной исторіи ухаживанія Пушкина за 12-лѣтней Аделью Давыдовой см. выше, стр. 114—115.

Пушкинъ оказался плохимъ пророкомъ, когда утверждалъ:

Для наслажденья
Ты рождена.

«Дальнѣйшая судьба дѣвочки не оправдала пожеланій поэта. Аглая Антоновна, послѣ смерти мужа, переѣхала въ Парижъ: ревностная католичка, она обратила двухъ своихъ дочерей въ католичество, и Адели, вмѣсто наслажденій большого свѣта, выпало на долю уединеніе монастыря». (А. М. Лобода, Пушкинъ въ Каменкѣ. «Памяти Пушкина», сборникъ Кіев. унив. Кіевъ 1899, стр. 98). Ред.

---

344. ПРІЯТЕЛЮ.

(т. II, стр. 142).

Впервые напечатано въ изданіи 1826 г. Видимо, относится къ Н. С. Алексѣеву, съ которымъ поэтъ былъ очень друженъ. Ср. выше, стр. 568—69. Черновикъ въ тетради № 2367 (л. 24). Здѣсь только одинъ варіантъ противъ печатнаго текста, въ 7 стихѣ:

Она къ несчастію не дура:

Ред.

---

345. ГАВРІЛІАДА

(т. II, стр. 143).

I.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился такой набросокъ, относящійся къ началу 30-хъ годовъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
«Смотрите, вы поэтъ—уклонный, лицемѣрный,
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна?
Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?»—Я? для себя!—«За что же
Печатаете вы?»—Для денегъ!—«Ахъ, мой Боже!
Какъ стыдно!»—Почему жъ...

Раньше, въ 1824 г., Пушкинъ высказалъ ту же мысль въ письмѣ къ кн. П. Вяземскому (8 марта): «Я пишу для себя, а печатаю для денегъ», и повторялъ ее не разъ въ другихъ письмахъ, въ «Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ», въ «Родословной моего героя».

И, дѣйствительно, Пушкинъ всю жизнь оставался вѣренъ этому афоризму: «Пишу для себя, печатаю для денегъ», притомъ не только второй его половинѣ, но и первой. Пушкинъ продавалъ («бросалъ толпѣ, рабынѣ суеты») лишь «плоды» своего труда, а не самый трудъ, и въ этомъ смыслѣ называлъ свою лиру «свободной». Начиная новое произведеніе, Пушкинъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, напечатаетъ ли онъ его или принужденъ будетъ оставить въ своихъ тетрадяхъ и сообщить лишь близкимъ друзьямъ. Извѣстно, что даже «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ началъ безъ надежды увидѣть его въ печати, и тогда писалъ кн. Вяземскому: «О печати и думать нечего», брату: «Бируковъ ея (поэмы) не увидитъ», А. А. Бестужеву: «Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ».

Число стихотвореній Пушкина, не напечатанныхъ при его жизни, огромно. Здѣсь есть и лирическія строфы, слишкомъ интимныя для печати, и эпиграммы, слишкомъ для нея колкія, и политическія оды, слишкомъ вольныя, и цѣлыя поэмы. Замѣчательно, что художественный уровень этихъ произведеній нисколько не ниже, чѣмъ стиховъ, предназначавшихся для широкаго распространенія. Пушкинъ работалъ надъ тѣми своими стихами, которыхъ онъ могъ остаться единственнымъ читателемъ, тѣми же самыми методами, съ тѣмъ же упорствомъ и вниманіемъ, какъ и надъ всѣми другими своими созданіями, и по праву примѣнялъ онъ къ себѣ стихи Андрэ Шенье:

... безъ отзыва утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

Только этимъ правиломъ «пишу для себя», только этой любовью «обдумывать тайные стихи» можно объяснить созданіе «Гавріліады», поэмы, напечатать которую полностью невозможно еще и теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Пушкина, и самое существованіе которой едва не повлекло за собой тяжкія бѣды для автора. Черновыхъ «Гавріліады» до насъ не дошло (онѣ были, вѣроятно, истреблены Пушкинымъ), но мы знаемъ, что такіе плавные, безукоризненные стихи давались Пушкину только послѣ упорной работы, и мы не можемъ сомнѣваться, что существовало два или три варіанта поэмы, прежде чѣмъ она приняла свой окончательный видъ. Въ тотъ самый годъ (1822), когда Пушкинъ писалъ въ одномъ письмѣ: «на конченную свою поэму я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ, и продаю съ барышомъ»,—онъ же работалъ надъ поэмой, которую, кончивъ, не могъ продать ни за грошъ, и которую самъ признавалъ «опасными стихами». Нужно ли большее доказательство, что искренно были написаны стихи о поэтѣ:

Твой трудъ
Тебѣ награда; имъ ты дышишь...

II.

«Гавріліада» занимаетъ среди сочиненій Пушкина особое положеніе, такъ какъ авторъ принужденъ былъ отъ нея отречься.

Въ іюнѣ 1828 г. дворовые люди нѣкоего штабсъ-капитана Митькова донесли петербургскому митрополиту, что «господинъ ихъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ православной вѣры», читая имъ по рукописи «развратное сочиненіе подъ заглавіемъ Гавриліады». При доносѣ была приложена и рукопись поэмы. Дѣло было доведено до государя, который повелѣлъ вести его генералъ-губернатору и образовать для разбора особую комиссію изъ гр. В. Кочубея, гр. П. Толстого и кн. А. Голицына.

Къ отвѣту вскорѣ былъ привлеченъ и Пушкинъ, потому ли что на рукописи стояло его имя, или потому, что на него, какъ на автора поэмы, указалъ Митьковъ. При первомъ допросѣ, въ августѣ 1828 г., Пушкину были поставлены вопросы: а) имъ ли была писана поэма Гавриліада? б) въ которомъ году? в) имѣетъ ли онъ у себя оную? Пушкинъ какъ указано въ оффиціальномъ «дѣлѣ», на эти вопросы «рѣшительно отвѣчалъ, что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 году, и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ ее».

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ государя, и онъ повелѣлъ Толстому вновь призвать Пушкина и спросить у него: «Отъ кого получилъ онъ въ 15-мъ или 16-мъ году, находясь въ Лицеѣ, упомянутую поэму, изъяснивъ, что открытіе автора уничтожитъ всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина». Отвѣтъ Пушкина на этотъ новый запросъ дошелъ до насъ въ подлинникѣ; вотъ онъ:

«1828 года Августа 19, нижеподписавшійся 10 класса Александръ Пушкинъ вслѣдствіе высочайшаго повеленія, объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С.-Петербургскому Военному Губернатору, спрашиваемъ, отъ кого именно получилъ поэму подъ названіемъ Гавриліада, показалъ:— Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году. Осмѣливаюсь прибавить, что не въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я наиболѣе раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе жалкое и постыдное».

28 августа отвѣтъ Пушкина былъ доложенъ государю. На докладѣ, со словъ государя, рукою Бенкендорфа написано такое рѣшеніе: «Гр. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобы онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ». Послѣ этого Пушкинъ былъ призванъ къ допросу въ третій разъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ протоколѣ Комиссіи отъ 7 октября такъ: «Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, исполнивъ вышепомянутую собственноручную Его Величества отмѣтку, требовалъ отъ Пушкина, чтобъ онъ, видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ по довольномъ молчаніи и размышленіи спрашивалъ: позволено ли будетъ ему написать прямо Государю Императору, и получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ къ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное вручилъ графу Толстому. Комиссія положила, не раскрывая письма сего, представить оное, Его Величеству, донося и о томъ, что графомъ Толстымъ комиссіи сообщено».

Содержаніе письма Пушкина къ государю въ точности неизвѣстно. Но «дѣло» послѣ этого письма было прекращено.

Замѣтимъ еще, что Пушкинъ во время хода этого дѣла, 1 сентября, писалъ въ частномъ письмѣ кн. П. Вяземскому: «Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди, что я поѣду далѣе,—«Прямо, прямо на востокъ». Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла, наконецъ, Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если Кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами».

III.

Итакъ, Пушкинъ, нѣсколько разъ, опредѣленно отрекся отъ «Гавриліады» и даже указалъ, какъ на ея автора, на другое лицо.

Можемъ ли повѣрить этому отреченію?—Рѣшительно нѣтъ.

Хотя у насъ нѣтъ ни одной строчки «Гавриліады», писанной Пушкинымъ, но есть нѣчто болѣе убѣдительное: программа этой поэмы, составленная Пушкинымъ, какъ составлялъ онъ обычно программы и другихъ своихъ большихъ произведеній (см. факсимиле на стр. 143). Рукопись «Гавриліады» руки Пушкина можно было бы выдавать за списокъ, сдѣланный имъ съ чужого оригинала, но одно существованіе этой программы въ Кишиневской тетради уже неопровержимо доказываетъ принадлежность «Гавриліады» Пушкину.

Затѣмъ въ той же Кишиневской тетради Пушкина есть набросокъ стихотворенія, которое нельзя истолковать иначе, какъ намеками на «Гавриліаду». Среди безсвязныхъ, недоконченныхъ строфъ мы читаемъ здѣсь такіе стихи:

Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи...
И подъ печатью потаенной
Прими опасные стихи.
Не удивляйся, милый другъ,
или: (Не испугайся, милый мой)
Ея израильскому платью...
Вотъ Муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась шалунья
Престижъ двора ея плѣнилъ
или: (Придворный тонъ ея плѣнилъ)...
Ея Всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью
Она ду . . . . ому занятью
Опасной жертвуетъ игрой!

Въ этихъ наброскахъ еще трудно уловить общій остовъ слагавшагося стихотворенія, но основная мысль его совершенно ясна: это обращеніе, envoi къ кому-то (кн. Вяземскому? Н. С. Алексѣеву?) при посылкѣ «Гавриліады».

Авторъ «Гавриліады» въ концѣ поэмы называетъ себя:

Другъ демона, повѣса и предатель.

Выраженія эти вполнѣ подходятъ къ Пушкину. «Предателемъ», т.-е. предателемъ въ любви, могъ назвать себя Пушкинъ, вспоминая «коварныя старанья преступной юности своей»; «повѣсой» называлъ онъ себя и въ другихъ стихотвореніяхъ, какъ, напр., «а я повѣса вѣчно праздный», «другомъ демона» былъ онъ какъ другъ А. Н. Раевскаго.

Кн. П. А. Вяземскій, 10 декабря 1822 г., посылая А. И. Тургеневу значительный отрывокъ изъ Гавриліады, писалъ про нее вполнѣ опредѣленно, какъ про поэму Пушкина: «Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость».

Уже всѣхъ этихъ «формальныхъ» и «документальныхъ» доказательствъ совершенно достаточно, чтобы установить авторство Пушкина [1]).

Но, быть можетъ, еще убѣдительнѣе доказательства, такъ сказать, внутреннія, почерпаемыя изъ самой поэмы, ея строенія, ея языка.

Форма «Гавриліады» вполнѣ соотвѣтствуетъ обычнымъ формамъ поэмъ Пушкина, съ фабулой, развивающейся сжато и быстро, со смѣлыми лирическими отступленіями, при необыкновенной стройности составныхъ частей. Стихъ «Гавриліады»—прозрачный, кристальный стихъ Пушкина, тайной котораго владѣетъ онъ одинъ и «поддѣлать» который могъ бы только поэтъ, не уступающій Пушкину по дарованію. Образы поэмы четки и ярки, эпитеты точны и обдуманны, многія отдѣльныя мѣста по-истинѣ составляютъ драгоцѣнныя жемчужины русской поэзіи.

Наконецъ, весь стиль, вся манера въ «Гавриліадѣ» чисто Пушкинская. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Пушкинъ любилъ называть глаза—«томными» или «внимательными». Мы читаемъ у него: «И томныхъ дѣвъ устремлены на васъ внимательныя очи», или: «Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ», Въ «Гавриліадѣ» соотвѣтственно этому:

Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательныя очи.

—

Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый.

Вообще слово «томный» встрѣчается у Пушкина очень часто; столь же часто встрѣчается оно и въ «Гавриліадѣ». Вотъ еще примѣръ:

жилась на ложѣ томной лѣни.

(Этотъ стихъ къ тому же напоминаетъ другой, изъ стихотворенія «Желаніе»: «Душой заснуть на ложѣ мирной лѣни»).

Пушкинъ любилъ «красотѣ» придавать эпитетъ «стыдливый». Напр.: «Она покоится стыдливо въ красѣ торжественной своей». «Стыдливо холодно, восторгу моему едва отвѣтствуешь». Въ «Гавриліадѣ» читаемъ:

И къ радостямъ, на ложе наслажденій.
Стыдливую склонили красоту.

Въ посланіи Н. С. Алексѣеву Пушкинъ упоминаетъ «докучливую мать»; тотъ же эпитетъ встрѣчается и въ «Гавриліадѣ»:

При матери докучливой и строгой.

Въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» есть стихъ, «Языкъ мучительныхъ страстей»; въ «Гавриліадѣ» это выраженіе повторяется буквально:

. . . тайный гласъ мучительныхъ
страстей.

Въ «Русланѣ и Людмилѣ» есть выраженіе «Любви готовятся дары»; въ «Гавриліадѣ» сказано почти такъ же:

Его любви готовя новый даръ.

Такихъ же параллелей можно было бы привести немало. Вотъ еще нѣсколько выраженій «Гавриліады», которыя трудно не признать «Пушкинскими»:

И скоро ждетъ плѣнительнаго сна.

—

Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови.

—

Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ...

—

Скучна была ихъ дней однообразность

—

Въ объятіяхъ лѣнивой тишины.

—

И счастлива въ прелестной наготѣ.

Можно утверждать одно: если «Гавриліада» написана не Пушкинымъ, то одновременно съ нимъ жилъ въ Россіи другой равный ему по дарованію поэтъ, обладавшій къ тому же поразительнымъ даромъ имитаціи.

IV.

Какъ же должны мы относиться къ отреченію Пушкина отъ своей поэмы?

Прежде всего надо вспомнить положеніе Пушкина въ то время, когда возникло дѣло о «Гавриліадѣ» (августъ, 1828 г.). Не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ Пушкинъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Ему были очень памятны мѣсяцы, «высиженные глазъ на глазъ со старой няней, въ Михайловскомъ». Правительство имѣло не мало поводовъ смотрѣть на него косо. Лѣтомъ 1827 г. разыгралось дѣло о стихахъ «Андрей Шенье». Въ октябрѣ того же года надѣлала шума встрѣча Пушкина съ Кюхельбекеромъ.

Съ другой стороны, незадолго передъ тѣмъ Пушкинъ впервые повстрѣчался съ Н. Н. Гончаровой. Новая, могущественная любовь наполняла его душу. Новыя надежды встали передъ его воображеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ былъ

1) Есть еще извѣстіе, будто нѣсколько стиховъ «Гавриліады» предназначались потомъ для стихотворенія «19 октября 1825 г.» (см. Гротъ, «Пушкинъ», 2 изд., стр. 280). Но извѣстіе это, сообщаемое однимъ С. Д. Комовскимъ, по справедливости подвергается сомнѣнію. Полагаютъ, что Комовскій, огорченный тѣмъ, что Пушкинъ ни разу не упомянулъ его имени въ своихъ стихахъ, попытался самъ пополнить этотъ пробѣлъ и смастерилъ изъ стиховъ «Гавриліады» будто бы новую, пропущенную строфу «19 октября 1825 г.» (см. Сочиненія Пушкина, изд. Ефремова, томъ VIII, стр. 223).

уже далекъ отъ невѣрія своей юности. Близились годы религіозныхъ раздумій, приведшихъ къ такимъ стихотвореніямъ, какъ «Отцы-пустынники», «Какъ съ древа сорвался» «Галубъ». Въ 1828 г. Пушкинъ былъ уже авторомъ «Бориса Годунова», уже создавалъ «Полтаву».

И вдругъ на него падаетъ обвиненіе, что онъ—авторъ кощунственной поэмы, которую государь называетъ «мерзостью», обвиненіе въ преступленіи противъ первыхъ параграфовъ нашего законодательства. Что могло грозить Пушкину? только ли немилость двора? а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ поѣздка «прямо на востокъ», «рудники сибирскіе»! Во всякомъ случаѣ все зданіе нѣкотораго спокойствія и нѣкоторой независимости, воздвигнутое съ такимъ трудомъ, рушилось. Рушилась и надежда на бракъ съ Н. Н. Гончаровой.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ такихъ невеселыхъ думъ Пушкинъ и писалъ тогда:

Снова тучи надо мною
Собрался въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Пушкинъ не сохранилъ «презрѣнья» къ судьбѣ, не понесъ ей навстрѣчу «непреклонность» своей «гордой юности». Онъ попытался обмануть своихъ судей, «отпирался» (по выраженію кн. А. Н. Голицына), сваливалъ свою вину на другого—сначала на какихъ-то офицеровъ гусарскаго полка», потомъ (письмо къ кн. Вяземскому) на кн. Д. П. Горчакова. И только, такъ сказать, «припертый къ стѣнѣ» явно выраженнымъ недовѣріемъ государя,—рѣшилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ его великодушію.

Первое увѣреніе Пушкина, что онъ получилъ «Гавріліаду» въ Лицеѣ, въ 1815 или 1816 г., отъ офицеровъ гусарскаго полка, не заслуживаетъ опроверженія. До 1815 г., т. е до подвига совершеннаго самимъ Пушкинымъ, никто не могъ написать такой поэмы по-русски: не существовало для того ни языка, ни стиха.

Столь же неправдоподобно и увѣреніе, что авторъ «Гавріліады»—кн. Д. П. Горчаковъ. Хотя самъ Пушкинъ хвалилъ въ его сатирахъ «слога чистоту» («Городокъ»), но стихъ Горчакова, во всѣхъ его подлинныхъ произведеніяхъ, характерный до-Пушкинскій стихъ, даже болѣе близкій къ стиху XVIII вѣка, чѣмъ къ стиху Жуковскаго и Батюшкова. (Ср. т. I, стр. 180 и слѣд.).

Кромѣ того, Пушкинъ не могъ серьезно увѣрять кн. Вяземскаго, что авторъ «Гавріліады»—кн. Горчаковъ, когда самъ послалъ кн. Вяземскому «Гавріліаду» какъ «с в о ю шалость». То мѣсто въ письмѣ Пушкина, гдѣ говорится о кн. Горчаковѣ, нельзя счесть ничѣмъ инымъ какъ косвеннымъ предупрежденіемъ кн. Вяземскому: опровергать въ обществѣ слухи объ авторствѣ Пушкина. Опасаясь обычной въ тѣ дни перлюстраціи писемъ, Пушкинъ не рѣшился выразиться опредѣленнѣе, но кн. Вяземскій понялъ его, и писалъ ему въ отвѣтъ: «Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу «Гавріила», но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ».

Замѣтимъ, что, намекая какъ на автора «Гавріліады», именно на кн. Горчакова, Пушкинъ поступалъ очень осторожно. Горчаковъ и ранѣе былъ извѣстенъ, какъ авторъ разныхъ нецензурныхъ стиховъ. Новая такая поэма не измѣнила ничего въ его худой или доброй славѣ. Лично же кн. Горчакову никакихъ непріятностей угрожать не могло: онъ былъ уже внѣ земного суда, такъ какъ скончался четыре года назадъ, въ 1824 г.

Что касается письма Пушкина, которое было передано государю нераспечатаннымъ, то, какъ мы говорили, содержаніе его неизвѣстно. Возможны два предположенія: Пушкинъ въ этомъ письмѣ называлъ или того же кн. Д. П. Горчакова или себя. Есть косвенное указаніе въ пользу второго предположенія.

Въ программѣ записокъ, продиктованной кн. А. Н. Голицынымъ, членомъ Комиссіи по разбору дѣла о «Гавріліадѣ» и лицомъ, очень близкимъ къ Николаю Павловичу, подъ 30 декабря 1837 г. записано слѣдующее: «Гавріліада» Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе. Обращеніе съ нимъ государя. Важный отзывъ самого князя, что не надобно осуждать умершихъ». Послѣднія слова добавлены тѣмъ лицомъ, которому кн. А. Н. Голицынъ диктовалъ свою программу.

Кн. Голицынъ, по положенію своему, могъ знать лично отъ государя содержаніе письма Пушкина. Только это, неизвѣстное намъ письмо Пушкина и могло быть тѣмъ «признаніемъ», о которомъ говоритъ Голицынъ: всѣ другія показанія Пушкина были именно «отпирательствомъ». Заключительный «отзывъ князя» можно истолковать такъ: онъ желалъ оставить себѣ напоминаніе (на то время, когда будетъ обрабатывать свою «программу»), что не должно осуждать уже покойнаго (1837 г.) Пушкина за проступокъ его молодости.

Если въ письмѣ къ государю Пушкинъ, дѣйствительно, назвалъ авторомъ «Гавріліады» себя, съ него до нѣкоторой степени снимается и обвиненіе въ сознательной лжи, которое очень многимъ казалось несовмѣстнымъ съ образомъ Пушкина.

V.

Время написанія «Гавріліады» опредѣляется тѣмъ, что программа ея написана среди чернового наброска посланія къ Чаадаеву, помѣченнаго 6 апрѣлемъ 1821 г. Въ декабрѣ 1822 г. «Гавріліада» была уже въ рукахъ кн. Вяземскаго. Такимъ образомъ «Гавріліада» была создана съ половины 1821 по конецъ 1822 г.

За это время въ поэзіи Пушкина встрѣчается цѣлый рядъ созданій, одѣтыхъ въ «израильское платье», цѣлый рядъ образовъ, почерпнутыхъ изъ Библіи. Тогда были написаны: «Десятая Заповѣдь», переводы изъ «Пѣсни Пѣсней», «Еврейкѣ», «Свободы сѣятель пустынный» и наброски «адской поэмы», дѣйствіе которой должно было происходить въ аду. Судя по этимъ стихамъ, надо заключить, что тогда среди «царицъ сердца» у Пушкина была какая-то еврейка [1]), къ которой и относится обращеніе «моя Ревекка». Возможно, что и вся «Гавріліада» обращена къ ней, по крайней мѣрѣ такъ позволяютъ думать стихи:

Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбнулась
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя .... описалъ.
Ахъ, милая, ты, право, обманулась.

Нѣсколько позже (въ началѣ 1824 г.) Пуш-

1) Ср. выше, прим. къ № 268, 282.

кинъ въ письмѣ, послужившемъ поводомъ къ его ссылкѣ, писалъ: «Читаю Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу»...

Литературные образцы для «Гавріліады» Пушкинъ могъ найти въ поэмахъ на библейскіе сюжеты любимца своей юности Парни. Отдѣльные стихи «Гавріліады» довольно близко напоминаютъ нѣкоторыя мѣста этихъ поэмъ.

«Гавріліада» написана пятистопнымъ ямбомъ, притомъ пятистопнымъ ямбомъ перваго періода Пушкинскаго творчества. До 1830 г. Пушкинъ въ пятистопномъ ямбѣ всегда строго соблюдалъ мужскую цезуру послѣ второй стопы. Такъ написаны стихотворенія «Желаніе» (1821 г.), «19 октября» (1825 г.), переводъ отрывка «Дѣвственницы» (1825 г.), «Я васъ любилъ» (1829 г.), эпиграммы на Каченовскаго (1829 г.), весь «Борисъ Годуновъ» и вся «Гавріліада». Въ «Домикѣ въ Коломнѣ» Пушкинъ самъ говорилъ:

Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.

Но начиная съ 1830 г. Пушкинъ начинаетъ позволять себѣ нѣкоторыя вольности въ этомъ стихѣ. Не только онъ допускаетъ женскую цезуру послѣ второй стопы (единичные примѣры чего встрѣчаются у него и раньше), но и цезуру послѣ третьей стопы, и даже стихи безъ опредѣленной цезуры. Такихъ стиховъ сколько угодно: въ отрывкѣ «Въ началѣ жизни», въ драмахъ 1830 г., въ «Русалкѣ» и въ томъ самомъ «Домикѣ въ Коломнѣ», въ которомъ прославляется «въ пятистопной строчкѣ цезура на второй стопѣ». Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Но видомъ величавая жена. («Въ началѣ жизни»).

—*

Другой женообразный, сладострастный. (Ibid.)

—

Вѣдь рѣомы запросто со мной живутъ. («Домикъ въ Коломнѣ»).

—

Изъ мелкой сволочи вербую рать. (Ibid.)

—

Онъ сутки замертво лежалъ, и врядъ ли. («Скупой Рыцарь»).

—

Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ. (Ibid).

—

Ребенкомъ будучи, когда высоко. («Моцартъ и Сальери»).

—

Послѣдней въ Андалузіи крестьянки. («Каменный гость»).

—

Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ. («Русалка»).

Этотъ списокъ, изъ стиховъ 1830—1837 г., можно было бы сдѣлать очень длиннымъ. Напротивъ, до 1830 г. у Пушкина пятистопные ямбическіе стихи безъ мужской цезуры на второй стопѣ—составляютъ величайшее исключеніе. Если мы не ошибаемся, во всемъ «Борисѣ Годуновѣ» только одинъ подобный стихъ; въ «Гавріліадѣ» ни одного *), и это можетъ служить лишнимъ доказательствомъ, что ея авторъ—Пушкинъ.

Остается сказать о заглавіи поэмы. Въ оффиціальномъ «дѣлѣ» она вездѣ называется «Гавріліада». Въ письмѣ къ кн. Вяземскому такъ называетъ ее и Пушкинъ. Кн. Вяземскій въ отвѣтномъ письмѣ говоритъ о «Гавріилѣ». Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, отъ 13 іюня 1823 г., Пушкинъ говоритъ о какомъ-то «Благовѣщеніи». Можетъ быть, это первоначальное названіе его поэмы.

Исторія распространенія «Гавріліады» среди читателей еще не изучена. Если въ письмѣ къ А. А. Бестужеву подъ «Благовѣщеніемъ» разумѣется именно «Гавріліада», надо будетъ признать, что Пушкинъ самъ сообщилъ свою поэму по меньшей мѣрѣ двумъ лицамъ: кн. Вяземскому и А. Бестужеву. То обстоятельство, что «Гавріліада» оказалась въ рукахъ штабсъ-капитана Митькова, человѣка вообще чуждаго литературѣ, доказываетъ, что поэма въ 20-хъ годахъ получила уже широкое распространеніе. Въ позднѣйшіе годы жизни Пушкинъ (такъ разсказываетъ кн. Вяземскій) не терпѣлъ даже упоминанія о «Гавріліадѣ» въ своемъ присутствіи.

Критика текста «Гавріліады» находится еще въ зачаткѣ. Отрывки изъ поэмы печатались П. Гербелемъ, П. Ефремовымъ и П. Бартеневымъ на основаніи неизвѣстныхъ списковъ. По неизвѣстному же спискѣ напечатанъ и полный текстъ поэмы въ изданіи Н. Огарева «Русская потаенная литература», Лондонъ 1861 г., съ котораго перепечатываются другія заграничныя изданія. Сколько-нибудь достовѣрнымъ, въ отношеніи текста, можетъ почитаться только отрывокъ, переписанный кн. Вяземскимъ для А. И. Тургенева (Остафьевскій Архивъ, II, 287).

Полный списокъ поэмы имѣется въ собственной Его Величества библіотекѣ (см. «Новое Время» 1903 г. № 9874 и 9877). Кромѣ того, есть всѣ основанія предполагать, что въ архивахъ Остафьева еще сохраняется собственноручная рукопись Пушкина. На экземплярѣ «Стихотвореній А. С. Пушкина» изд. 1870 г., Берлинъ, есть такая надпись кн. П. А. Вяземскаго: «У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гавріліады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему». Будемъ надѣяться, что варварскій актъ сожженія Пушкинской рукописи, когда она будетъ разыскана, не состоится, и что эта находка дастъ намъ достовѣрный текстъ одного изъ значительнѣйшихъ созданій Пушкина [1]).

Валерій Брюсовъ.

---

*) Въ «Борисѣ Годуновѣ»:
Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре. (Сц. IV).
Въ «Гавріліадѣ» (по изд. Н. Огарева) есть одинъ шестистопный стихъ:
Сказалъ: Безумный врагъ небесной красоты.
Надо полагать, что это мѣсто испорчено. Можетъ быть, слѣдуетъ вовсе выпустить, какъ лишнее, слово: «сказалъ».

1) Ср. еще въ исторіи текста. Тамъ же указанія на литературу предмета. Ред.

341. Ѳ. ГЛИНКѢ.

(т. II, стр. 149).

Посланіе было сообщено Пушкинымъ брату Льву въ письмѣ конца 1822 года или начала 1823; но это письмо не дошло до брата, и поэтъ вновь повторилъ свои «стихи Ѳ. Глинкѣ» въ письмѣ отъ начала января 1823 г. Отрывокъ посланія былъ напечатанъ Бартеневымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1855 г., № 145, стр. 592; полностью—

въ «Соврем.» 1856 г. № 7 и у Анненк., т. VII, стр. 29. [1])

Это посланіе къ Ѳедору Николаевичу Глинкѣ было отвѣтомъ П. на стихи Ѳ. Н., появившіеся въ «Сынѣ Отечества» 1820 г. (ч. 64-ая, стр. 231; перепечатано у В. В. Каллаша, «Русскіе поэты о Пушкинѣ» М. 1899 г. стр. 6); въ нихъ Глинка привѣтствовалъ Пушкина, восторгаясь его «чудесными стихами», ободрялъ «молодого пѣвца» и предрекалъ ему великое будущее:

«Слѣды исчезнутъ поколѣній
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній!»

П., сообщая брату свое посланіе къ Ѳ. Н., проситъ его «показать стихи Глинкѣ, обнять его за себя и сказать ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра». Когда же порученіе его было исполнено, и объ этомъ онъ получилъ увѣдомленіе отъ брата съ отзывомъ Глинки объ адресованныхъ къ нему стихахъ, П. остался доволенъ. «Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль», писалъ П. брату Льву 30 янв. 1823 года. Ср. Стоюнинъ, Пушк., стр. 105.

Съ Ѳ. Н. Глинкой Пушкинъ близко сошелся вскорѣ послѣ выхода своего изъ Лицея, оцѣнивъ его нравственныя достоинства. Къ нему же онъ обратился за совѣтомъ, когда получилъ предложеніе явиться на допросъ къ петербургскому генералъ-губернатору гр. М. А. Милорадовичу. Ѳ. Н. состоялъ въ то время адъютантомъ генералъ-губернатора (См. т. I стр. 500—501). Пушкинъ встрѣчался съ Глинкой въ Вольн. Общ. Любит. Россійской Слов., предсѣдателемъ котораго съ 1819 года состоялъ Ѳ. Н., Впрочемъ, П. не особенно высоко цѣнилъ литературное дарованіе Глинки въ посланіи къ В. Л. Пушкину (1817 г.) поэтъ называетъ его «довольно плоскимъ пѣвцомъ».

Будучи лѣтъ на 10—11 старше Пушкина, Глинка могъ понять увлеченія молодого поэта и отнесшись къ нимъ совершенно безпристрастно, не подчиняясь одностороннимъ толкамъ. Видимо, не всѣ пріятели П. выказали такую самостоятельность въ сужденіяхъ своихъ о литературныхъ и иныхъ грѣшкахъ поэта; вотъ почему Пушкину были «отрадой» стихи «великодушнаго гражданина», Ѳ. Н.; вотъ почему оправданіе Аристида Глинки даетъ ему возможность забыть несправедливыя обиды измѣнившихъ поэту друзей...

Ѳ. Н. Глинка родился въ 1788 году въ дворянской семьѣ Смоленской губерніи. По окончаніи Перваго Кадетскаго Корпуса, былъ зачисленъ прапорщикомъ въ пѣхотный Апшеронскій полкъ; онъ принималъ участіе въ заграничныхъ походахъ 1805—1806 годовъ состоялъ адъютантомъ при гр. М. А. Милорадовичѣ, былъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. По возвращеніи изъ похода, Глинка вышелъ въ отставку, поселился въ Смоленской губерніи и принялся за литературныя занятія; свои стихотворные и прозаическіе опыты онъ помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», издававшемся его братомъ, Сергѣемъ. Въ 1808 г. Ѳ. Н. выпустилъ въ свѣтъ въ двухъ частяхъ «Письма Русскаго Офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи; съ подробнымъ описаніемъ похода Россіянъ противъ Французовъ въ 1805—1806 годахъ», доставившія ему большую извѣстность. Отечественная война вновь призвала Ѳ. Н. въ ряды дѣйствующей арміи. Онъ вернулся въ Россію въ 1814 году и за отличіе былъ переведенъ въ Петербургъ въ Измайловскій полкъ и прикомандированъ къ гвардейскому штабу. Въ 1815—1816 годахъ Глинка издалъ вновь свои письма о походахъ 1805—1806 годовъ, добавивъ къ нимъ еще подробное описаніе отечественной и заграничной войны. Патріотическій подъемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ легкость разсказа обезпечили новымъ письмамъ большой успѣхъ: молодежь восторгалась описаніемъ Бородинской битвы и знала его наизустъ. Живя въ Петербургѣ, Ѳ. Н. вскорѣ сталъ своимъ человѣкомъ въ литературномъ кругу; онъ былъ членомъ Вольн. Общ. Любит. Росс. Слов., а съ 1819 года и его предсѣдателемъ. Въ этомъ Обществѣ онъ встрѣчался часто съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Николаемъ и Александромъ Бестужевыми, съ К. Ѳ. Рылѣевымъ (см. отрывокъ посланія его къ Ѳ. Н. Глинкѣ. Соч. К. Ѳ. Рылѣева, Спб. 1874 г. стр. 164 и др. Глинка не чуждъ былъ либеральнаго теченія, захватившаго лучшую часть гвардейской молодежи. Онъ принималъ участіе въ созданіи «Союза благоденствія» въ первые годы его дѣятельности; въ январѣ 1821 г., Ѳ. Н. былъ отправленъ «союзомъ» въ Москву на совѣщаніе представителей сѣверной и южной тайной организаціи. (См. Зап. И. Д. Якушкина М. 1905 г., стр. 32, 52; Зап. бар. А. Е. Розена. Спб. 1907 г., стр. 48, 50). Въ это-же самое время Ѳ. Н. состоялъ правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго генералъ-губернатора гр. М. А. Милорадовича (съ 1819 г.). Въ періодъ времени отъ 1816 г. по 1821 годъ онъ издалъ: «Письма къ другу, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: Зиновій Богданъ Хмельницкій или Освобожденная Малороссія» 3 ч. Спб. 1816—1817 г.; «Лука да Марья; народная повѣсть» Спб. 1818 годъ и «Мечтанія на берегахъ Волги» Спб. 1821 г.

Въ Петербургѣ Глинка, по природѣ склонный къ мистицизму, посѣщалъ также масонскую ложу «Избраннаго Михаила», основанную Ѳ. П. Толстымъ въ 1815 году; здѣсь онъ встрѣчался съ Н. П. Гречемъ, В. К. Кюхельбекеромъ и др По всей вѣроятности, послѣ московскаго съѣзда 1821 г. Ѳ. Н. отстранился отъ «Союза благоденствія». Тѣмъ не менѣе 14 декабря отозвалось на его дальнѣйшей судьбѣ. Вскорѣ послѣ окончанія суда надъ декабристами онъ былъ исключенъ изъ военной службы и сосланъ въ Петрозаводскъ. Здѣсь онъ занялъ должность совѣтника Олонецкаго губернскаго правленія, а въ 1830 году перешелъ на ту-же должность въ Тверь, гдѣ женился на поэтессѣ Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой - Кутузовой († 26 іюля 1863 г.). Авд. Павл. была довольно извѣстной переводчицей (перевела «Пѣснь о Колоколѣ», Шиллера, изд. въ М. 1832 г.) и духовной писательницей (Жизнь Пресвятыя Богородицы М. 1840 г., а 7-ое изд. М. 1869 г.; Житіе великомуч. Анастасіи, М. 1863 г.). Она поддерживала въ мужѣ религіозность, получившую яркое выраженіе въ его «Опытѣ Священной поэзіи» 1826 г. Въ 1835 г. Ѳ. Н. вышелъ окончательно въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ домъ его въ опредѣленные дни собиралъ подъ своей кровлей многихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ. Въ 1839 г. онъ издалъ «Духовныя Стихотворенія» и «Очерки Бородинскаго Сраженія». Съ теченіемъ времени мистическое благочестіе все болѣе и болѣе увлекало его, результатомъ чего

---

1) О рукописи и варіантахъ см. въ исторіи текста.

явились (въ 1859 г.): «Іовъ, свободное подражаніе книгѣ Іова» и поэма, написанная въ сотрудничествѣ съ женой—«Таинственная капля» (Изд. въ Берлинѣ въ 1861 году и въ 1871 г. въ Москвѣ въ 2 ч.). Съ конца 50-хъ годовъ Ѳ. Н. поселился въ Твери, гдѣ принималъ живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтическій талантъ Ѳ. Н. съ этого времени ни въ чемъ себя не проявляетъ и интересы его сосредоточиваются на археологіи. Когда въ 1866 году Общ. Любит. Росс. Слов. при Импер. Московск. Универс. хотѣло торжественно отпраздновать 50-лѣтіе избранія Ѳ. Н. въ члены общества, онъ отговорился нездоровьемъ и прислалъ письмо, въ которомъ довольно живо изобразилъ путь своей литературной дѣятельности:

«Было время, когда съ пламеннымъ увлеченіемъ я весь преданъ былъ Отечественной Словесности и самъ много лѣтъ носилъ званіе предсѣдателя въ одномъ изъ С.-Петербургскихъ Обществъ Словесности, въ которомъ между многими современными извѣстностями, членами были и засѣдали: Пушкинъ, Дельвигъ, Николай и Александръ Бестужевы... и три брата Княжевичей. Тогда я и писалъ и печаталъ много. Впослѣдствіи и какъ-то нечаянно измѣнилась вся прежняя обстановка, и я поставленъ былъ далеко отъ круга литераторовъ и въ отношенія, не дружившія литературѣ. Между тѣмъ поэты и писатели, отжившіе заслуженную славу, одни за другими, сходили съ поля словесности. Замолкали соловьи въ нашихъ нарнасскихъ рощахъ, и я, едва ли не одинъ, оставался запоздалымъ колосомъ на нивѣ, зеленѣвшей уже новою жатвою... Но радуясь и сочувствуя процвѣтанію новыхъ дарованій, я не покидалъ еще труда и пера... Бури жизни не сломили бы и позднѣе упорныя стремленія къ прекрасному, но оно ослабѣвало, улеглось глубоко на дно души, когда едва-ли не развѣнчанная поэзія уступила мѣсто, конечно почтенной, но вмѣстѣ и угрюмой прозѣ: сухой разсчетъ разочарованной жизни замѣнилъ безотчетныя стремленія сердца и вывелъ изъ обаятельнаго міра надеждъ и мечтаній.

Теперь причисленный къ заштатнымъ городамъ литературы, я въ тишинѣ и уединеніи гляжу издали на развитіе кипучей жизни и радуюсь за новыхъ дѣятелей въ литературѣ и обществѣ»...

Ѳ. Н. умеръ въ Твери въ февралѣ 1880 года.

Ср. Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Сл. 1867 г., т. I стр. 33 и сл.—А. П. Милюковъ Ист. Вѣстн. 1880 № 3 и № 7.—А. К. Жизневскій, Ѳ. Н. Глинка. Тверь 1890 г.—Русскій Художественный Листокъ 1858 г. № 7 (біографія)—В. Г. Бѣлинскій сочин., М. 59 г. ч. III стр. 205—251. Другіе источники см. у Венгерова, Источники словаря рус. писателей т. I. Объ Авд. Павл. Глинка:—Московскія Вѣдомости, 1863 г. № 198; О жизни и кончинѣ Авд. Павл. Глинки. С.-Петербургъ, 1863 г. 8°25 стр. и у Венгерова, Источ. Словаря рус. писателей.

Г. К.

---

347. ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

(т. II, стр. 150).

Первое посланіе, какъ и второе, было впервые напечатано, подъ вынужденнымъ заглавіемъ «первое посланіе къ Аристарху» и съ большими пропусками, Анненковымъ (т. VII, стр. 30) и отнесено къ 1824 году. На невѣрность этой даты обратилъ вниманіе П. О. Морозовъ въ изд. «Просвѣщенія» 1903 г. Морозовъ указываетъ, что Пушкинъ упоминаетъ о стихотвореніи «Цензору» въ своемъ реестрѣ произведеній 1822 г. (тетрадь Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 53) и несомнѣнно говоритъ о настоящемъ посланіи въ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому отъ 6 февр. 1823 г.: «Читалъ ли ты мое посланіе къ Бирукову? Если нѣтъ,—вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича».

Это установленіе новой хронологической даты для перваго посланія разбиваетъ толкованія, данныя посланію біографами Пушкина, пытавшимися установить связь посланія съ наступившимъ въ 1824 г. «успокоеніемъ» поэта. Въ дѣйствительности, общій тонъ посланія и отдѣльныя мысли даютъ важный матеріалъ для сужденія о политическомъ міросозерцаніи Пушкина, въ годы относительно очень бурные.

Если оставить въ сторонѣ рѣзкія, но индивидуальныя нападки на цензора Бирукова, къ которому относится это посланіе, и постараться обрисовать взглядъ П. на цензуру, выводы получаются болѣе чѣмъ умѣренные.

Поэтъ не видитъ зла въ самомъ институтѣ цензуры; онъ и не думаетъ «прельститься ложной мыслью» и поносить цензуру «хулой неосторожной»; она намъ нужна, нельзя приравнивать въ этомъ отношеніи Россію къ Западу, мы не доросли до Запада: «что нужно Лондону, то вредно для Москвы»; вреда цензура не принесетъ, если она будетъ поручена цензору-гражданину съ просвѣщеннымъ умомъ, если цензоръ будетъ «благороденъ, твердъ, свободенъ, справедливъ» и самостоятеленъ... Писатели съ «чистой душой» всегда будутъ правы передъ цензурой, «цензурная расправа не будетъ тѣснить ихъ мыслей», а тѣ—что осмѣиваютъ «законъ, правительство и нравы», не отдадутъ своихъ твореній на судъ цензуры: рукописи ихъ будутъ «разгуливать въ свѣтѣ» безъ разрѣшительной подписи цензора...

Впрочемъ, эти основныя положенія не особенно устойчивы; въ концѣ посланія поэтъ отмѣчаетъ полную зависимость цензора отъ вѣяній времени («На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ, У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ; А нынѣ и Миллотъ попался въ наши сѣти»), указываетъ на «прекрасное начало дней Александровыхъ» и ужасается при мысли о возможности возвращенія временъ Павла I, «когда никто не смѣлъ «отечества» назвать»; все это умаляетъ личную вину цензора и разбиваетъ иллюзію П. о цензорѣ-гражданинѣ.

Нельзя также не отмѣтить раздѣленіе писателей на два раздряда: на «чистыхъ душою» и на «осмѣивающихъ правительство, законъ и нравы». Съ послѣдними, очевидно, церемониться нечего.

По мнѣнію Анненкова, первое, какъ и второе посланіе, «очищенное отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, теряетъ всякій признакъ сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ (!) общественныхъ служеній» (т. VII, стр. 35). Анненкову, да и всѣмъ послѣдующимъ изслѣдователямъ творчества П., относившимъ посланіе къ 1824 году, не приходилось задумываться надъ «примирительнымъ» тономъ стихотворенія; этотъ тонъ находилъ въ ихъ глазахъ оправданіе въ душевномъ затишьѣ, наступившемъ для поэта въ Михайловскомъ (См. Анненк. Пушк. въ Алекс. эпоху СПБ. 74 г. стр. 297—298; Незеленовъ. П. въ его поэзіи СПБ. 1882 г. стр. 204—205.)

Такое объясненіе разбиваетъ новая хронологическая дата. То-то и характерно, что присматриваясь къ сѣтованіямъ П. на цензуру, разсѣяннымъ въ его письмахъ изъ Кишинева и Одессы, мы увидимъ, что поэтъ еще до своего «успокоенія» относился безъ особенной злобы къ цензурѣ и готовъ былъ признать ея необходимость. «Vale, sed delenda est censura (Прощай, но цензуру надо уничтожить)», пишетъ поэтъ Н. И. Гнѣдичу, 13 мая 1822 г.;—и отъ этой строчки вѣетъ юношескимъ задоромъ; но не прошло и года, какъ П. говоритъ: «дайте намъ цензуру строгую,—согласенъ, но не безсмысленную» (изъ письма къ П. А. Вяземск. отъ 6 февр. 1823 г.). Серьезныхъ столкновеній у Пушкина съ цензурой не было. И если онъ не видѣлъ въ ней серьезнаго общественнаго гнета, то это объясняется тѣмъ, что цензура, по крайней мѣрѣ, за время его скитанія на югѣ, скорѣе причиняла глубокую боль его эстетическому, чѣмъ гражданскому чувству; ей не нравились, правда, отдѣльныя слова и выраженія, иной разъ выбрасывалось изъ стихотвореній до 10 стиховъ, но съ этимъ можно было мириться (См. письма: къ Н. И. Гречу отъ 21 сент. 1821 г., къ Н. И. Гнѣдичу отъ 27 іюня и 27 сент. 1822 г.; къ кн. Вяземск. отъ 4 окт. 1823 г.).

Ко времени написанія посланія (1822 г.) цензура, идя рука объ руку съ сгущавшейся атмосферой мистической реакціи конца царствованія Александра I, свирѣпѣла все болѣе и болѣе. «Литературная братія» въ столицѣ волновалась: у нея назрѣвалъ планъ массовой жалобы на дѣйствія цензуры.

Объ этомъ планѣ писалъ Пушкину столь умѣренный кн. П. А. Вяземскій, но опальный поэтъ не одобрилъ плана.

«Сдѣлай милость, писалъ онъ кн. Вяземскому въ концѣ 1822 г., изъ Кишинева, напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ своей съ цензурой: это касается всей православной кучки. Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ,—таковой поступокъ пріемлется за бунтъ. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду; но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасное подозрѣніе и причинить большія безпокойства. Соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку кажется вѣрнѣе... Думаю скоро сражаться съ Бируковымъ, и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ, но за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу».

«Сраженіе» Бирукову было дано въ «первомъ посланіи», которое дошло по назначенію. (См. «Второе посланіе къ цензору» 1824 г.: «Свои посланія хоть очень я люблю, Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою»...)

Александръ Степановичъ Бируковъ (1772—1844) былъ цензоромъ Спб. Цензурнаго Комитета съ 2 апр. 1821 г. по 2 окт. 1826 года.

Посредственная поэтесса Анна Петровна Бунина (1774—1828), дочь прапорщика Петра Максимовича и Анны Ивановны Ладыгиной, род. 7 янв. 1774 г. въ с. Урусовѣ, Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ. Матери она лишилась въ дѣтствѣ и воспитаніе свое получила въ домѣ тетки. Съ 13 лѣтъ стала писать стихи. Съ 1798 года она часто посѣщаетъ Москву, гдѣ заводитъ литературныя знакомства; затѣмъ переселяется въ Петербургъ съ цѣлью пополнить свое образованіе. Въ 1808 году напечатала «Правила поэзіи; сокращенный переводъ абб. Батте съ присовокупленіемъ Россійскаго стопосложенія». Въ 1809 году вышелъ сборникъ ея стихотвореній «Неопытная Муза; въ 1811 издала «Сельскіе вечера» и дидактическую поэму «О счастіи»; одно изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ ея сборникѣ «Сельскіе вечера» — «Падающій фаэтонъ», — создало ей извѣстность; государыня Елизавета Алексѣевна, уже назначившая ей годовую пенсію въ 400 р. за первый сборникъ, наградила ее за указанное стихотвореніе золотой лирой, усыпанной брилліантами для ношенія на плечѣ въ торжественныхъ случаяхъ. Въ 1812 г. вышла вторая часть «Неопытной Музы». Съ 1811 года была членомъ архаической Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Близость къ Шишковскимъ сферамъ доставила ей милости всякаго рода. Такъ, заболѣвъ въ 1815 году ракомъ, она была отправлена на казенный счетъ лечиться въ Англію; возвратилась въ 1817 г. въ Петербургъ, гдѣ жила до 1821 года. Въ 1819—1821 г.г. издала въ трехъ частяхъ собраніе своихъ стихотвореній, которое было поднесено имп. Александру I, назначившему Буниной ежегодный пенсіонъ въ 2000 рублей. Остальную часть своей жизни провела въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. Послѣдніе годы жизни переводила прозой проповѣди Блера, которыя были изданы уже послѣ смерти ея (въ 1829) подъ заглавіемъ «Нравственныя и философическія бесѣды (изъ Блера)». М. 1829 г. Ср. М. Д. Хмыровъ, «Русскія писательницы прошлаго времени»—Разсвѣтъ 1861 г. № 11, стр. 213—229; Венгеровъ. Источники Словаря писателей.

Александръ Петровичъ Куницынъ (1783—1841), извѣстный лицейскій профессоръ Пушкина и проф. Петербургскаго университета. О немъ см. выше стр. 503—505 «Шѣвецъ Пировъ»—Баратынскій, написавшій поэму «Пиры».

Миллотъ (Claude François Millot), 1726—1785, аббатъ, историкъ. Его всеобщая исторія была въ первый разъ переведена въ 1785 г. въ Москвѣ. Въ 1819—1820 г. вышло два изданія: одно въ 11 частяхъ, въ Москвѣ, другое въ 14 частяхъ, въ С.-Петербургѣ (1820 г.). Г. Карасикъ.

---

348. ЖАЛОБА.

(т. II, стр. 132).

Эта эпиграмма, направленная противъ Дмитрія Петровича Сѣверина, была впервые напечатана въ посм. изд. ч. IX, стр. 151.

П. «не жаловалъ» Дм. Петр. и поссорился съ нимъ, по всей вѣроятности, еще до своего переѣзда въ Одессу, гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился.

«Здѣсь Сѣверинъ,—писалъ П. кн. Вяземскому изъ Одессы 14 окт. 1823 г.,—но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь».

Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ родился въ 1792 г. Отецъ его Петръ Ивановичъ, гвардейскій капитанъ, былъ въ началѣ прошлаго столѣтія витебскимъ губернаторомъ, а затѣмъ сенаторомъ. Мать, воспитанница А. С. Строгоновой, Анна Гр. Брагина. Не съ этой-ли стороны «дѣдъ портной» и «дядя-поваръ»?

Дм. Петр. воспитывался въ іезуитской коллегіи; съ 1807 по 1809 г. онъ служилъ въ москов-

скомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ; затѣмъ перешелъ въ министерство юстиціи, но тамъ, видимо, пробылъ недолго и перекочевалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Во время конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ, Сѣверинъ состоя при министрѣ иностр. дѣлъ. гр. Нессельроде, находился въ свитѣ императора Александра I. Позднѣе былъ посланникомъ въ Швейцаріи и Баваріи.

Школьный товарищъ кн. П. А. Вяземскаго (по іезуитской коллегіи), пріятель Жуковскаго, Дашкова, Блудова, В. Л. Пушкина, Сѣверинъ былъ дѣятельнымъ членомъ «Арзамаса», гдѣ носилъ кличку «Рѣзваго Кота». Ср. Сочин. Вяземск., т. I, стр. XVI—XVIII, Р. Арх. 1899 г. № 7; Р. Стар. т. 87, іюль, стр. 83—98, т. CX, апр., стр. 137—166; іюнь, стр. 511—519. [1] Г. К.

349. НѢТЪ НИ ВЪ ЧЕМЪ ВАМЪ БЛАГОДАТИ.

(т. II, стр. 152).

Первоначально напечатано въ альманахѣ Погодина «Уранія» на 1826 г. подъ заглавіемъ «Мадригалъ». Затѣмъ вошло въ изд. 1829 г.

---

1) Въ посмертномъ изд. эпиграмма напечатана въ такомъ видѣ (варіанты подчеркнуты):

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы *модный* господинъ—
Таковъ объ васъ народный говоръ
И дива нѣтъ—не вы одинъ.
Потомокъ предковъ благородныхъ, и т. д.

Текстъ посмертнаго изданія перепечатывался всѣми изданіями, вплоть до Ефремовскаго изд. 1880 года, который ввелъ текстъ, напеч. Гербелемъ въ Берлинскомъ изд. 1861. Съ тѣхъ поръ печатается всѣми издателями берлинско-гербелевскій текстъ, взятый изъ какихъ-то неизвѣстныхъ источниковъ. Взяли его и мы, потому что текстъ посмертнаго изданія явно не исправенъ (что значитъ: не вы одинъ потомокъ предковъ благородныхъ? Въ берлинскомъ текстѣ и въ сейчасъ приводимомъ подлинникѣ потомку не шьютъ фраковъ и т. д.), а затѣмъ, потому что замѣна всего 4-го стиха прямымъ обращеніемъ къ Сѣверину слишкомъ важна, чтобы ею пренебречь. Теперь, однако, насъ беретъ сомнѣніе, точно-ли эпиграмма направлена противъ Сѣверина? Почему его имени совсѣмъ нѣтъ въ оригиналѣ? Почему Пушкинъ сталъ-бы стѣсняться хотя-бы иниціалами обозначить Сѣверина? Достаточно-ли авторитетенъ источникъ, изъ котораго взялъ новую строку о Сѣверинѣ Гербель?.

На всякій случай приводимъ полную транскрипцію эпиграммы (тетрадь Рум. Муз. 2369, л. 22 оборот.), оставшейся неотдѣланной и въ музейномъ текстѣ, и въ Берлинскомъ:

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ
А вы вы (знатный) модный господинъ—
Таковъ объ васъ народный говоръ
И дива нѣтъ—не вы одинъ—
Потом(о)к(ъ)у предковъ благородныхъ —
(Я бѣденъ) увы (за то) никто (и) въ моей родинѣ
(Никто) не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

Отмѣтимъ еще кстати, что «Жалоба» написана внизу страницы, а на верхней половинѣ заканчена I глава «Евгенія Онѣгина» съ такою датою:

Octobre 22
1823
Одесса.

Такимъ образомъ, пріурочиваніе «Жалобы» къ 1822 г. тоже теряетъ почву подъ собой.

Ред.

350. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(т. II, стр. 153).

Впервые эта эпиграмма появилась въ «Опытѣ Русской Анѳологіи» 1828 г., изданномъ лицейскимъ товарищемъ Пушкина—Мих. Яковлевымъ (ср. т. I, стр. 138); М. Н. Лонгиновъ вновь напечаталъ ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 153 стр. 653; у Анненк. VII, 101. Эпиграмма направлена противъ Владиміра Ивановича Панаева, довольно извѣстнаго идиллика, послѣдователя нѣмецкаго поэта Соломона Геснера (1730—1787).

Идилліи стали появляться въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ съ конца XVIII столѣтія; идилліи Геснера переводили Фонвизинъ и Княжнинъ; но въ первой четверти XIX столѣтія этотъ родъ поэзіи сталъ умирать естественною смертью: искусственность его слишкомъ била въ глаза. Панаевъ, не обладавшій серьезнымъ талантомъ, не могъ внести свѣжую струю въ отживавшую свой вѣкъ форму литературнаго творчества, и молодое поколѣніе отнеслось къ его идилліямъ отрицательно. Не только Пушкинъ посмѣялся надъ «блѣдностью въ изобрѣтеніи», надъ сухостью и холодностью, надъ бѣднымъ и холоднымъ языкомъ русскаго Геснера. Еще раньше нашего поэта не болѣе лестный приговоръ В. И. Панаеву былъ произнесенъ Батюшковымъ:

«Кто такой Панаевъ?—писалъ въ іюлѣ 1817 года Батюшковъ Н. И. Гнѣдичу.—Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шаликова и тминъ, спрыснутый водой». (Сочин. К. Н. Батюшкова т. III, стр. 457).

В. И. Панаевъ родился 6 ноября 1792 г. въ Казанской губерніи, въ приволжскомъ городкѣ Тетюшахъ, въ дворянской семьѣ. Среднее образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, гдѣ въ то время былъ и Сергѣй Аксаковъ. Еще въ гимназіи, Панаевъ сталъ писать стихи и свое первое стихотвореніе «Зима» посвятилъ Аксакову, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По окончаніи Казанскаго Университета со степенью кандидата словесности, переселился въ Петербургъ и поступилъ въ 1816 г. въ Департаментъ Юстиціи. Съ 1817 году стали появляться въ «Сынѣ Отеч.» и «Благонамѣренномъ» его идилліи. Въ «Благонамѣренномъ» 1818 г. № 10—было имъ напечатано «Разсужденіе о пастушеской поэзіи». Въ 1820 г. онъ издалъ отдѣльнымъ изданіемъ свои «Идилліи». (Идилліи соч. Владиміра Панаева Спб. въ типогр. Греча 1820 г.) Академія Наукъ удостоила Панаева за его стихотворные труды малой золотой медали (Ист. Ак. Н. т. VIII стр. 244—247). Трудолюбіе и административныя способности обезпечили ему быструю чиновничью карьеру. В. И. служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія при министрахъ А. Н. Голицынѣ и А. С. Шишковѣ; онъ много приложилъ старанія и труда

для разоблаченія дѣятельности печально-извѣстнаго Магницкаго въ роли ревизора Казанскаго Университета.

Изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Панаевъ перешелъ въ Министерство Удѣловъ (министерство двора), гдѣ дослужился до чина статсъ-секретаря. Умеръ въ 1859 году Ср.: Воспоминанія В. И. Панаева. В. Евр. 1867 г. № 9 и № 12; Р. Стар. 92 г. № 11 и № 12; Р. Стар. 93 г. № 2 и № 5; Ѳедоровъ, В. И. Панаевъ. Воспоминаніе съ обозрѣніемъ его идиллій. Спб. 1860 г. Воспоминанія Ив. Ив. Панаева. М. Мазаевъ, Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой Спб. 1892 г. [1] Г. К.

351. ПИРЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, ДРУЗЬЯ...

(т. II, стр. 153).

Впервые напечатано В. Е, Якушкинымъ въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 332. [2])

П. О. Морозовъ (Сочин. Пушк., изд. Просвѣщ. Спб. 1903 г., т. I, стр. 641) сближаетъ эти стихи съ содержаніемъ 166 строфы 2-й пѣсни «Донъ-Жуана» Байрона; намъ кажется, что въ такомъ сближеніи нѣтъ никакой надобности, такъ какъ мотивъ стиховъ не является единичнымъ въ этотъ промежутокъ творчества П.; они отражаютъ то же настроеніе, что и отдѣльные стихи различныхъ произведеній, относящихся къ 1822 г.: въ стихотвор. «Друзьямъ» (И сны любви воспоминалъ—Меня смѣшила ихъ измѣна), къ Ѳ. Н. Глинкѣ (Пускай мнѣ дружба измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь) Къ*** («И свѣтъ, и дружбу, и любовь. Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу»).

Разочаровавшись въ любви и дружбѣ, П. почувствовалъ себя одинокимъ: «одинъ, одинъ остался я!»—восклицаетъ поэтъ. Г. К.

1) Пріурочиваніе настоящей эпиграммы къ 1822 году едва-ли не есть результатъ ошибки или опечатки Анненковскаго изд. Въ дополнительномъ VII т. этого изданія Анненковъ помѣстилъ эпиграмму, не давъ ей никакой даты и сказавъ въ примѣчаніи «напечатана въ Опытѣ Русской Анѳологіи 1822, изд. М. Яковлевымъ» (стр. 101). Въ дѣйствительности «Опытъ» Яковлева вышелъ не въ 1822, а въ 1828. Геннади не только не замѣтилъ ошибки Анненкова, но принялъ ее за нѣкоторую базу и поставилъ подъ стихотвореніемъ дату 1822. Поставилъ, впрочемъ, довольно робко; съ вопросительнымъ знакомъ, такъ: (1822?). Во второмъ Геннадіевскомъ изданіи 1870 г. соблюдена та же осторожность. Ефремовъ, не провѣривъ указанія Анненкова, всякую робость, однако, отбросилъ и вопросительный знакъ уничтожилъ. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія»), правильно указываетъ годъ изд. «Опыта Рус. Анѳологіи», но продолжаетъ относить эпиграмму къ 1822 г. Не имѣя данныхъ оспаривать эту дату, мы ее принимаемъ, но вполнѣ допускаемъ, что эпиграмма могла быть написана и позже. Ред.

2) П. О. Морозовъ, а вслѣдъ за нимъ Ефремовъ относятъ стихотвореніе къ черновымъ наброскамъ. Формально они имѣютъ на это извѣстное право, потому что послѣдніе 2 стиха не имѣютъ соотвѣтственныхъ риѳмъ. Но по мысли и образамъ стихотвореніе совершенно закончено, и мы поэтому помѣстили его въ отдѣлѣ законченныхъ произведеній. Ред.

352. ИЗГНАНЬЕ СЛАВНО

(т. II, стр. 154).

Изъ Румянцевской тетради № 2366, л. 1 оборотъ, впервые извлечено В. Е. Якушкинымъ въ «Рус. Ст.» 1884, май, стр. 325. Здѣсь воспроизведено нѣсколько точнѣе (*я* взято въ скобки, потому что въ подлинникѣ зачеркнуто). Ред.

353. (ИЗЪ ПОЭМЫ ИЛИ СКАЗКИ О ЦАРѢ ЗЕНЗЕВЕѢ)

(т. II, стр. 154).

Впервые извлечено В. Е. Якушкинымъ изъ Румянц. тетради № 2366, лл. 18 обор. и 33 обор. («Рус. Ст.» 1884, май, стр. 333 и 335). Къ этимъ извлеченіямъ, вошедшимъ затѣмъ въ изданія Ефремова и Морозова, въ настоящемъ изд. прибавлены еще стихи 8 и 17.

Сами по себѣ совершенно не интересные, эти наброски, однако, очень любопытны, какъ приступъ къ какому-то большому замыслу. Ред.

354. ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

(т. II, стр. 154).

Подъ заглавіемъ «Записка къ пріятелю» напечатано въ VII, дополнительномъ томѣ изд. П. В. Анненкова, стр. 84—85. [1])

Къ кому изъ пріятелей П. относится отрывокъ этой стихотворной записки, сказать сколько-нибудь достовѣрно нѣтъ возможности. Собутыльниковъ у П. было много: поэтъ любилъ проводить время въ теплой компаніи за стаканомъ вина и принимать участіе въ различныхъ пирушкахъ. «Сколько я понималъ Пушкина,—говоритъ И. П. Липранди,—то я думалъ видѣть въ немъ всегда готоваго покутить за стаканами»... (Р. Арх. 66 г., ст. 1412).

Упоминаемый здѣсь Тардифъ—извѣстный въ то время петербургскій ресторатеръ, судьба котораго не лишена извѣстнаго интереса. Французъ по рожденію, Тардифъ до начала отечественной войны держалъ ресторанъ «Hotel de l'Europe», который помѣщался въ зданіи нынѣшняго Главнаго Штаба, занимая лѣвую его половину (къ Адмиралтейству). «Роскошь, богатство убранства и пространство помѣщенія были огромны. Два посланника, Баварскій и Шведскій, постоянно жили тутъ. По внезапномъ выступленіи гвардіи въ мартѣ 1812 года, на гвардіи осталось много долговъ; это было еще ничего, но Тардифъ былъ кутила; прелестная жена его вдругъ исчезла съ кирасирскимъ полковникомъ, забравъ все, что было цѣннѣе, и всю кассу. Тардифъ скрылся отъ описи и былъ увезенъ тайно однимъ фельдъегеремъ къ собрату своему Отону, въ Одессу, но уже совершенно спившимся и чуть не голымъ. Онъ пробовалъ брать мѣста, но его выгоняли. Одно время онъ былъ у Пав. Дм. Киселева въ Тульчинѣ, и

1) Анненковъ неправильно отнесъ «Записку» къ 1820 г. Тардифъ появляется въ Кишиневѣ только въ 1822 году. Ред.

отъ него былъ прогнанъ, посидѣвъ прежде на гауптвахтѣ». Въ 1822—1825 г. г. онъ проживалъ въ Кишиневѣ. Служилъ поваромъ нѣкоторое время у Ф. Ф. Вигеля, В. П. Горчакова, И. П. Липранди, но его страсть къ винѣ всюду являлась причиной отказа отъ мѣста. Недавно еще очень богатый человѣкъ, Тардифъ получалъ у Ф. Ф. Вигеля за свое кулинарное искусство двадцать пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, у Липранди—червонецъ. Тардифъ, «любимецъ Кома», часто приглашался въ кишиневскіе дома готовить званые обѣды и ужины. Въ 1825 году ему помогли открыть въ Кишиневѣ «одну комнату» для завтраковъ; но Тардифъ вскорѣ сильно запилъ и пропалъ безъ вѣсти. (Ср. И. П. Липранди, Р. Арх. 66 г., ст. 1458—1459; Вигель, Записки, VI, стр. 105). П. В. Анненковъ (VII т., стр. 85) въ примѣчаніи къ этой «запискѣ» говоритъ, что Тардифъ «подъ конецъ сдѣлался и стихотворцемъ», что «онъ писалъ для своихъ Русскихъ знакомыхъ въ Парижѣ пышные и плохіе стихи и выдавалъ себя за литератора, путешествовавшаго по Россіи для изученія ея». Сообщеніе Анненкова, такимъ образомъ, сильно расходится съ указаніями Липранди. Г. К.

---

355. БРАТЪ МИЛЫЙ, ОТРОКОМЪ РАЗСТАЛСЯ ТЫ СО МНОЙ.

(т. II, стр. 154).

Впервые напечатано въ Матер. Анненк. 1855г., стр. 234. 1)

Пушкина сильно интересовала судьба брата Льва, котораго онъ оставилъ юношей [«Отрокомъ разстался ты со мной»... «Скажи мнѣ—выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ» (Изъ письма отъ 21 іюля 1822 г.)]; ему казалось, что окружающіе «будутъ стараться изгладить его изъ сердца Льва», позаботятся о томъ, чтобы лишить его, поэта, вполнѣ понятнаго нравственнаго вліянія на младшаго брата. Предполагая въ себѣ достаточный запасъ житейскаго опыта, Пушкинъ даетъ брату въ письмахъ различные совѣты о выборѣ поприща и службы.

«Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть 26 лѣтъ полковникомъ»,—пишетъ поэтъ брату, 21 іюля 1822 г.

Въ письмѣ отъ 4 сентября того же года поэтъ совѣтуетъ брату, если онъ изберетъ военную карьеру, не идти въ гвардію, а «опредѣлиться въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго», что ускорило бы производство его въ офицеры; будучи же офицеромъ, онъ легко сможетъ перевестись въ гвардію: «Раевскій или Киселевъ—оба не откажутъ» въ содѣйствіи. Брату же, который начинаетъ «цѣсти для радости, для свободы» и «ввѣряться любви», онъ адресуетъ пространное письмо на французскомъ языкѣ, гдѣ, излагая свои житейскіе «принципы, добытые горькимъ опытомъ», предостерегаетъ его отъ ложныхъ шаговъ въ свѣтѣ, показываетъ ему изнанку жизни и человѣческихъ отношеній; озлобленность и разочарованіе разлито по всему письму поэта:

«Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible... Soyez froid avec tout ce monde. J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ces plus douces illusions... etc.»

Такъ говорилъ Пушкинъ съ братомъ изъ Кишинева въ прозѣ и не исключена возможность, что въ дальнѣйшемъ развитіи настоящаго посланія нашлись бы отзвуки тѣхъ же «принциповъ, добытыхъ горькимъ опытомъ», которые изложены въ приведенномъ французскомъ письмѣ. Но пока онъ говоритъ другимъ языкомъ и останавливается только на радостной и поэтической сторонѣ жизни. Г. К.

---

356. НА ТИХИХЪ БЕРЕГАХЪ.

(т. II, стр. 155).

Напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 333 [1]). П. О. Морозовъ указалъ на сходство этихъ стиховъ со стихами изъ посланія Батюшкова къ Д. В. Дашкову. (Соч. Бат. 5-ое Общед. изд. Спб. 1887 г., стр. 62—64).

И тамъ, гдѣ мирно почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

Противъ этихъ стиховъ П. отмѣтилъ въ своемъ экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова: «Прелесть!» (Майковъ, Пушкинъ стр. 297). Г. К.

---

1) Исчерканный черновикъ въ московской тетради № 2369, л. 4. Подробнѣе въ исторіи текста. Пока отмѣтимъ только, что въ 5 стихѣ, пожалуй, будетъ правильнѣе принять Майковское, хотя и спорное, чтеніе о т к р ы л о с ь вмѣсто безусловно зачеркнутаго Пушкинымъ о т в е р з л о с ь.

Анненковъ относилъ посланіе къ 1821 году. Но, помимо того, что тетрадь № 2369 позднѣе 1821 года, противъ этого года, какъ указывалъ Ефремовъ, говоритъ стихъ «въ разлукѣ протекли медлительные годы». Въ 1821 протекъ всего одинъ годъ. Ред.

1) По рукописи Рум. Музея № 2366, л. 18 оборотъ. Въ нашемъ текстѣ, согласно чтенію Майкова, прибавленъ 9-ый стихъ. Остальные 3 зачеркнутыхъ стиха не поддаются чтенію. Конецъ листа оборванъ и Майковъ поэтому пишетъ: «Черновой отрывокъ, со многими помарками, п р о д о л ж е н і е котораго было внизу листа оборваннаго» (Матеріалы, 179). Но намъ (по виду оторваннаго конца) кажется, что никакого «продолженія» тутъ не было». Ред.

357. (КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ).

(т. II, стр. 155).

Впервые напечатано въ изд. Литерат. Фонда. СПБ. 1887 г., т. I. стр. 283 [1]). Отрывокъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду выступленія кн. П. А. Вяземскаго противъ Каченовскаго и его сторонниковъ; объ этихъ выступленіяхъ, какъ роняющихъ сатирическій талантъ кн. Вяземскаго, говоритъ П. въ письмѣ своемъ къ П. А. изъ Кишинева отъ 2 янв. 1822 г. «Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны... Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихого хлыста, а не сатирической твоей палицы»... Кн. Вяземскій помѣстилъ свое посланіе, полное сильныхъ выраженій, въ Сынѣ Отечества (1821 г., ч. 67, стр. 76); но Каченовскій не остался въ долгу и въ томъ же духѣ отвѣтилъ своему противнику въ Вѣстн. Евр. (1821 г., ч. 118 № 6, стр. 12). Г. К.

---

358. КАКЪ НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО.

(т. II, стр. 156).

Напечатано впервые въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 336, В. Е. Якушкинымъ по Рум. тетради № 2366, л. 34 и 34 оборотъ. Пропускъ въ началѣ 2-го стиха въ оригиналѣ. Не будь этого пропуска, мы бы имѣли почти законченное, превосходное стихотвореніе. Поправокъ въ рукописи не много (ср. исторію текста). Ред.

---

359. КТО ВОЛНЫ ВАСЪ ОСТАНОВИЛЪ,

(т. II, стр. 156).

Помѣщено впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Рус. Ст.» 1884 г., т. 42, стр. 555; по рукоп. Рум. Музея 2369, л. 9 оборотъ. Первые 4 стиха писаны карандашемъ и теперь почти стерлись. Ср. въ исторіи текста. Ред.

---

360. ВЕНЕРѢ, ФЕБУ И ѲЕМИДѢ.

(т. II, стр. 156).

Впервые напечатано въ Р. Ст. 1884 г., т. 42, стр. 566, В. Е. Якушкинымъ по рукоп. Рум. музея № 2369, л. 35 об. Находится среди отрывковъ II главы «Евгенія Онѣгина», но ничего общаго съ нею не имѣетъ. Ср. въ исторіи текста. Ред.

---

361. ДОГОРАЛА МОЛОДАЯ.

(т. II, стр. 156).

Первоисточникомъ текста является «Библ. Зап.» 1858 г., № 1 (ср. въ исторіи текста).

Мотивъ этого наброска стоитъ совершенно одиноко среди всѣхъ стихотвореній П. до 1822 г. и не находитъ себѣ параллелей во всемъ послѣдующемъ творчествѣ поэта; весьма отдаленное сближеніе даннаго отрывка (въ смыслѣ экзотичности) возможно съ «Испанскимъ романсомъ» (1824 г.). «Я здѣсь Инезилья» и «Предъ испанкой благородной»... (1831 г.). Случайность даннаго мотива даетъ возможность предположить, что онъ былъ навѣянъ чтеніемъ «венеціанскихъ» произведеній Байрона. Продолженіе даннаго отрывка написалъ А. Н. Майковъ. См. Полн. собр. сочин. А. Н. Майкова, изд. Маркса, Спб., 1893 г., т. II, стр. 125—128. Г. К.

---

362. ВЪ ЛѢСАХЪ ГАРГАРІИ ЩАСТЛИВОЙ

(т. II, стр. 156).

Впервые напечатано у Анненкова, VII т., стр. 84 [1]). По характеру своему должно быть отнесено къ антологическимъ стихотвореніямъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи этого наброска, быть можетъ, поэтъ обрисовалъ бы сказаніе о гибели Актеона, ѳиванскаго героя.

Гаргарія источникъ близъ Платеи; Актеонъ былъ превращенъ разгнѣванной Артемидой въ оленя и растерзанъ собственными собаками; гнѣвъ богини былъ вызванъ тѣмъ, что А. подсмотрѣлъ ее во время купанья съ нимфами. Эврипидъ объясняетъ гнѣвъ Артемиды тѣмъ, что А. задѣлъ ея самолюбіе, хвастаясь своимъ превосходствомъ въ искусствѣ охотничьяго дѣла. Г. К.

---

363. ТАВРІДА.

(т. II, стр. 156).

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 331. [2])

Время, проведенное на Кавказѣ и въ Крыму въ семьѣ Раевскихъ, Пушкинъ вспоминалъ всегда съ восторгомъ, П. вспоминаетъ о немъ въ стих. «Желаніе» (1821 г.), которое близко по содержанію къ данному отрывку. Ср. выше статью «Пушкинъ и Раевскіе».

---

1) По рук. Рум. Музея № 2565, л. 36. Нашъ текстъ точнѣе передаетъ орѳографію подлинника. У Майкова (Матеріалы), совершенно неправильно второй стихъ читается такъ:

И смѣлой колкостью, и шутками богатый.

Эти слова зачеркнуты. Правда и часть нашего текста (колкихъ словъ), зачеркнута, но наше чтеніе взято изъ того, что надписано надъ 2-ымъ стихомъ, слѣдовательно это текстъ несомнѣнно позднѣйшій. Ред.

1) Анненковъ отнесъ отрывокъ къ 1820 г., и эта датировка держалась до Морозовскаго изданія 1903 г., гдѣ отрывокъ отнесенъ къ 1822 г. Съ этимъ вполнѣ можно согласиться, потому что черновикъ находится въ концѣ кишиневской тетради № 2365, листъ 56 оборотъ. Въ стихѣ 4-мъ мы, вмѣстѣ съ Майковымъ, читаемъ «темной», а не «чистой», какъ у Анненкова и Морозова. Ср. исторію текста. Ред.

2) По рукоп. Рум. музея л. 13 и 16. Ср. въ исторіи текста.

364. ТЫ ПРАВЪ, МОЙ ДРУГЪ.

(т. II, стр. 157).

Напечатано впервые въ Матер. Анненкова 1855 г., стр. 88. Здѣсь напечатано по рукописи. (Рум. музей, № 2365, л. 57 и 58). Ср. исторію текста.

Анненковъ высказалъ предположеніе, что отрывокъ этотъ былъ отвѣтомъ на «увѣщеваніе», полученное поэтомъ отъ одного изъ его почитателей, «безпрестанно требовавшихъ отъ него дѣятельности и предрекавшихъ ему славную будущность въ отечествѣ». «Увѣщеваніе», написанное на французскомъ языкѣ, сохранилось въ бумагахъ П.; оно гласитъ:

«Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатаемъ. Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю объ васъ, а думаю я объ васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша». Г. К.

365. УЖЕЛИ ОНЪ КАЗАЛСЯ ПРЕЖДЕ МНѢ.

(т. II, стр. 157).

Отрывки элегіи свидѣтельствующей о моментахъ прилива горькой обиды у П. на людей, не оправдавшихъ его довѣрчивыхъ ожиданій, слѣды оскорбленнаго чувства гражданина.

«Хладная толпа» не поняла «гласа его благороднаго сердца». Вездѣ онъ видитъ насиліе, «злодѣевъ» людей сознательно кривящихъ своею душою въ угоду сильныхъ міра сего—или «малодушныхъ», людей, боящихся сказать свое слово, «послушныхъ рабовъ предразсужденія». Душевное состояніе П. въ Кишиневѣ могло его привести къ такому печальному выводу. Если онъ могъ разочароваться въ своихъ близкихъ пріятеляхъ, въ ихъ дружбѣ и привязанности, сѣтовать на ихъ измѣну, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ могъ отнести тѣ-же чувствованія свои на окружавшее его общество и заклеймить русскую дѣйствительность за ту жизнь, на которую она его обрекла. [1]) Г. К.

366. ВСТРѢЧАЛИСЬ МНѢ НАПЕРСНИКИ МОЛВЫ.

(т. II, стр. 157).

Этотъ набросокъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 58), непосредственно вслѣдъ за предыдущимъ (см. выше, № 365) наброскомъ: «Я говорилъ предъ хладною толпой»...,; вторая часть его, отъ словъ: «Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ»..., была впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 105), который нашелъ, что это «замѣтки, въ родѣ программы». О коньенктурахъ Л. Н. Майкова см. въ исторіи текста.

Въ настоящемъ, маленькомъ наброскѣ отразилось тогдашнее политическое настроеніе Пушкина. Въ немъ уже слышны усталость и разочарованіе, сказавшіяся такъ полно и рѣзко въ извѣстной «притчѣ» 1823 г. о «пустынномъ сѣятелѣ свободы». Еще черезъ годъ поэтъ повторилъ («Къ морю»): «Судьба людей повсюду та же: гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ иль просвѣщенье, иль тиранъ»... Л.

1) Довольно запутанный вопросъ о текстѣ настоящаго отрывка см. въ исторіи текста. Ред.

367. О ГЕЛІОСѢ.

(т. II, стр. 157).

Напечатано впервые въ изд. Просвѣщ., подъ редакціей П. О. Морозова (т. I, стр. 339), по рукоп. Моск. Муз. № 2366 л. 37—38. Какъ указано Морозовымъ, отрывокъ этотъ представляетъ собою черновой набросокъ перевода идилліи А. Шенье («Слѣпецъ»). Пушкинымъ переведены слѣдующіе стихи:

«Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute
«O Sminthée-Apollon! Je périrai sans doute,
«Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant».
C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près de bois marchait, faible, et sur une pierre
S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,
Le suivaient, accourus aux abois turbulents
De molosses, gardiens de leurs troupeaux bélants.
Ils avaient, retenant leur fureur indiscrète,
Protégé du vieillard la faiblesse inquiète;
Ils l'écoutaient de loin, et s'approchant de lui:
«Quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui?
«Serait-ce un habitant de l'empire céleste?
«Ses traits sont grands et fiers; de sa ceinture agreste
«Pend une lyre informe, et les tons de sa voix
«Emeuvent l'air et l'onde, et le ciel, et les bois».
Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
Se trouble, et tend déjà les mains à la prière.
«Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger,
«(Si plutôt, sous un corps terrestre et passager,
«Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grèce,
«Tant une grâce auguste ennoblit ta vieillesse!)
«Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,
«Les humains près de qui les flots t'ont amené,
«Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures
«Les destins n'ont jamais de faveurs qui soient pures
. . . . . .

Г. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1823 ГОДА.

368. ЗИМА МНѢ РЫХЛОЮ СТѢНОЮ...

(т. II, стр. 179).

Автографъ этихъ стиховъ неизвѣстенъ. Ихъ сообщилъ В. П. Горчаковъ въ статьѣ «Воспоминаніе о Пушкинѣ», помѣщенной въ «Московс. Вѣдомостяхъ» 1858 г., № 19, литерат. отд., стр. 81. Въ концѣ января 1823 г., въ четвергъ, разсказываетъ Горчаковъ (ibid., 80, 83), Пушкинъ былъ на вечерѣ у Е. К. Варфоломея. Тамъ же былъ и отставной полковникъ А. П. Алексѣевъ, хорошій знакомый Пушкина. «Когда начался разъѣздъ, Алексѣевъ объявилъ секретъ... По связямъ съ хозяиномъ Алексѣевъ провѣдалъ, что въ первый понедѣльникъ Варѳоломей намѣренъ дать балъ на славу... На другой день мы видѣлись съ Пушкинымъ, потолковали объ импровизированномъ вечерѣ и обѣщанномъ Алексѣевымъ балѣ; но состоится ли самый балъ, мы нисколько не были увѣрены. Встрѣчаясь съ Пушкинымъ всякій день и по нѣскольку разъ, мы въ остальную часть этого дня почему-то не видались, а на другой день я получилъ его записку слѣдующаго содержанія: «Зима мнѣ рыхлою стѣною»... и т. д. Продолженіе этой записки принадлежитъ собственно къ дневнику нашему»... Гдѣ находится дневникъ Горчакова, неизвѣстно.

Съ Владиміромъ Петровичемъ Горчаковымъ Пушкинъ познакомился въ Кишиневѣ вскорѣ послѣ своего пріѣзда туда; Горчаковъ, питомецъ основаннаго Н. Н. Муравьевымъ училища колонновожатыхъ, былъ тогда прапорщикомъ генеральнаго штаба. Они встрѣтились сначала въ театрѣ, потомъ у начальника Горчакова, М. Ѳ. Орлова, гдѣ продолжали видаться часто. Есть извѣстіе, что Горчаковъ самъ пописывалъ стихи; поэзіей Пушкина онъ искренно восхищался. «Онъ вмѣстѣ съ Н. С. Алексѣевымъ»—разсказываетъ Липранди, у котораго часто были Пушкинъ и Горчаковъ—«были неразлучны съ Пушкинымъ, оба были поклонниками поэтическихъ дарованій и прекрасной душевной натуры, и онъ не оставался къ нимъ равнодушнымъ». Бывали пріятели и у Варѳоломея (о немъ см. примѣч. № 375), который хотѣлъ женить его на своей Пульхеріѣ и очень забавно уговаривалъ «Мусье Горчаковъ, вы можете положиться на мою любовь и уваженіе къ вамъ». «Помилуйте, я очень цѣню вашу привязанность, но мнѣ не съ вами жить». «Повѣрьте мнѣ, что она васъ любитъ», говорилъ Варѳоломей. Но товарищъ мой не вѣрилъ клятвамъ отцовскимъ», разсказываетъ А. Ѳ. Вельтманъ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 1899 г., стр. 122). Н. Н. Раевскій (младшій) прислалъ однажды Пушкину съ Горчаковымъ, ѣздившимъ въ Кіевъ, нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ.

Какъ и многіе, Горчаковъ упрекалъ Пушкина за холодность Кавказскаго Плѣнника къ черкешенкѣ; отвѣтъ Пушкина на замѣчанія Горчакова—единственное дошедшее до насъ письмо поэта къ нему. «Моя радость», обращается къ нему Пушкинъ, часто называвшій такъ своихъ пріятелей. Впослѣдствіи они встрѣчались на сѣверѣ, и въ 1831 г. Горчаковъ былъ кредиторомъ Пушкина. Посылая ему черезъ П. В. Нащокина послѣднюю часть долга, Пушкинъ писалъ: «доставь съ моей сердечной благодарностью моему любезному заимодавцу». Горчаковъ отвѣчалъ припиской къ письму Нащокина: «будь здоровъ и не забывай преданнаго Горчакова». (Переписка П., изд. акад. наукъ II, 238, 243, 258, 286, 291, 295, 304, 315). Оставивъ службу, Горчаковъ поселился въ Москвѣ, занимаясь благотворительностью и усердно посѣщая англійскій клубъ. Горчаковъ былъ интересный собесѣдникъ и любилъ вспоминать о М. Ѳ. Орловѣ, о московской старинѣ, о Пушкинѣ. Свои воспоминанія о жизни поэта въ Кишиневѣ онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» 1850 г., янв., кн. 2, 146—182; февр., кн. 1, 233—264; апр., кн. 1, 169—198. («Выдержки изъ дневника»); въ «Московс. Вѣдомостяхъ» 1858 г., № 19, стр. 79—84. («Воспоминанія о Пушкинѣ»). Умеръ онъ 18 февраля 1867 г. въ Москвѣ. О Горчаковѣ см. «Русс. Арх.» 1866 г., 1132, 1133, 1134, 1140, 1177—1178, 1211, 1225, 1238, 1249, 1251, 1255; «Московс. Вѣдом.» 1867 г., № 42 гр. С. Шереметевъ, «В. П. Горчаковъ», Спб., 1891.

Объ отставномъ гусарскомъ полковникѣ А. П. Алексѣевѣ, съ которымъ у Пушкина однажды было столкновеніе, см. «Русс. Арх.» 1866 г., 1413—1416; П. П. Липранди, «Замѣчанія на воспоминанія Вигеля», 143, Сборн. Имп. Русс. Истор. Общ. т. 78, стр. 85. Братъ его жены Н. И. Павлищевъ впослѣдствіи женился на сестрѣ Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ.

---

369. ВОЗСТАНЬ, О ГРЕЦІЯ, ВОЗСТАНЬ...

(т. II, стр. 179).

Подъ заглавіемъ «Планъ стихотворенія въ честь Греціи» П. В. Анненковъ впервые напечаталъ эти стихи въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. VII, стр. 87—88), отнеся ихъ къ 1823 г. и сдѣлавъ примѣчаніе, что они—«изъ эпохи пребыванія Пушкина на югѣ, когда глаза всего края были обращены на происшествія въ Греціи». По цензурнымъ условіямъ изъ седьмого стиха было выброшено слово «Святые», появившееся въ изданіи Г. Н. Геннади (1859 г., I, 282). Въ бумагахъ Анненкова сохранился автографъ Пушкина, принадлежащій нынѣ И. А. Шляпкину («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, стр. 18—19); онъ написанъ на бумагѣ 1830 г. и представляетъ столь существенныя отличія отъ напечатаннаго Анненковымъ текста, что, зная точность этого издателя, приходится заключить, что Анненковъ напечаталъ стихи съ другого оригинала, который намъ нынѣ неизвѣстенъ. И. А. Шляпкинъ склоненъ отнести принадлежащую ему редакцію къ 1829 г., что, замѣтимъ, недопустимо въ виду того, что бумага, на которой она написана, носитъ водяное клеймо 1830 г. «Около 1830 г.»—предполагаетъ съ большимъ вѣроятіемъ В. Е. Якушкинъ («Новыя изданія текстовъ Пушкина»—«Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 72)—«Пушкинъ могъ вспомнить эту пьесу и задумать отдѣлать ее для предпринятаго тогда изданія своихъ стихотвореній». О текстѣ пьесы см. въ концѣ тома, въ статьѣ о текстѣ. Якушкинъ (l. c.) согласился съ анненковской датировкой, принятою и всѣми издателями послѣ Анненкова. Настоящее изданіе, придерживаясь единственнаго первоисточника — Анненкова, тоже помѣстило стихотвореніе подъ 1823 г. Есть, однако, важные доводы въ пользу перенесенія его въ 1821 г. Не говоря уже о томъ, что въ стихахъ рѣчь идетъ о началѣ греческаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1821 г., есть еще другія вѣскія основанія относить

ихъ именно къ 1821 г. Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. Пушкинъ совершенно измѣнилъ своему прежнему энтузіастическому отношенію къ грекамъ и греческому движенію. Въ 1821 г. Пушкинъ говорилъ о греческомъ возстаніи съ сочувствіемъ и восторженно писалъ о «прекрасномъ и блистательномъ шагѣ» «счастливца Ипсиланти» (Переписка П., академич. изд., I, 25, 26). Поэтъ велъ, было, журналъ греческаго возстанія и записалъ въ своемъ дневникѣ 2 апрѣля 1821 г., что въ одномъ кишиневскомъ обществѣ, гдѣ говорили объ Ипсилапти, онъ «между пятью греками одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2,500,000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла». Въ душѣ поэта еще были живы «вольнолюбивыя надежды»—«въ тѣ дни, какъ на брега Дуная великодушный грекъ свободу вызывалъ». Въ 1823 г. революціонныя движенія уже не возбуждали въ Пушкинѣ, на глазахъ котораго происходило крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Испаніи, Неаполѣ (см. стихи 1823 г. «Недвижный стражъ дремалъ»...—выше, стр. 208—209), прежняго пламеннаго сочувствія, и онъ скептически писалъ:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ о «полнѣйшемъ ничтожествѣ» видѣнныхъ имъ въ Одессѣ и Кишиневѣ «современныхъ Леонидовъ», лишенныхъ энтузіазма, не имѣющихъ понятія о чести. Правда, онъ говорилъ, что «очень интересуется греческимъ дѣломъ»,—но прежняго восторга, которымъ дышутъ его отзывы о грекахъ 1821 г., уже не слышно, и ему даже приходилось защищаться противъ чьихъ-то упрековъ во враждѣ къ освобождающейся Греціи и въ симпатіи къ турецкому игу. (Переписка П., I, 111—113). Тогда же онъ писалъ Вяземскому: «о судьбѣ грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Грецiей,—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился» (ibid., 118—119). Очевидно, пылкій призывъ къ возстанію не могъ сорваться съ пера Пушкина въ концѣ его пребыванія на югѣ, когда онъ былъ уже подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ чувствъ и думъ. Другое дѣло—1821 г., къ которому поэтъ самъ относилъ свой «послѣдній либеральный бредъ» (ibid., 91). И по настроенію, и по мыслямъ стихи: «Возстань, о Грецiя, возстань»... вполнѣ гармонируютъ съ отношеніемъ Пушкина къ греческому движенію 1821 г. и только въ 1821 г. и могли быть написаны. («Русс. Стар.» 1908 г., мартъ, 661—662, зам. Н. Лернера).

Тиртей—спартанскій поэтъ VII вѣка до Р. Х., авторъ воинственныхъ гимновъ. Константинъ Рига (или Ригасъ), казненный турками въ Бѣлградѣ въ 1798 г., написалъ греческую національную пѣсню: «Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων»... Пушкинъ зналъ этотъ гимнъ, вѣроятно, по переводу Байрона (см. «Чайльдъ-Гарольдъ», пѣснь II, строфы XLIV и LXXIII).

---

370. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

(т. II, стр. 193).

Черновой текстъ поэмы находится въ хранящейся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ тетради № 2366 (лл. 20—29); многое изъ него вырвано неизвѣстно кѣмъ. Въ румянцовскихъ тетрадяхъ № 2365 (лл. 49 об., 50, 69), и № 2369 (л. 3 об.) есть стихи, относящіеся къ «Бахчисарайскому Фонтану». «Въ бумагахъ Пушкина»—говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П», 2-ое изд., 98 -99)—«есть неизданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступленіемъ къ поэмѣ. Откинутое при окончательной переправкѣ и совсѣмъ забытое впослѣдствіи, оно подтверждаетъ свидѣтельство о происхожденіи поэмы». Это свидѣтельство—письмо Пушкина къ Дельвигу (декабрь 1824 г.), гдѣ поэтъ разсказываетъ: «я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes»... Вотъ стихи, приведенные Анненковымъ (они начинаются стихомъ, который Пушкинъ впослѣдствіи повторилъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ»):

Печаленъ будетъ мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ—
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ упоенья.

«Поэтическая передача разсказа»—продолжаетъ Анненковъ—«должна была, какъ легко понять, упустить изъ вида развитіе драмы и только сохранить тонъ и живость впечатлѣнія, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ-слушатель. И дѣйствительно, въ поэмѣ существенное одно: стихи и благоуханіе женскаго чувства, которымъ она проникнута отъ начала до конца». Копія этихъ стиховъ, съ зачеркнутымъ заглавіемъ: «Эпилогъ», сохранилась въ бумагахъ Анненкова, принадлежащихъ нынѣ И. А. Шляпкину («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», 66), а подлинникъ ихъ, на оборотѣ отрывка конца поэмы, находится въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащей академіи наукъ («П. и его современники», IV, 4, № 10); онъ озаглавленъ: «Вступленье», но кѣмъ это слово написано, въ описаніи коллекціи не сказано, а подлинникъ недоступенъ (см. ibid, 1—2). Черновой набросокъ этихъ стиховъ находится въ 2369-ой румянцовской тетради (л. 1 об.) и впервые былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» (1884 г., іюнь, 551); воспроизводимъ его полностью, такъ какъ онъ довольно отличенъ отъ приведеннаго, передѣланнаго текста:

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разсказъ.

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье,
Тогда я грустью омрачился,
Но не надолго юный умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Въ унынье, думы углубился.
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
Восторги—тихою тоской,
Печаль—порывомъ упоенья...

Изъ того, что эти стихи находятся на одномъ листкѣ съ отрывкомъ поэмы, Анненковъ сдѣлалъ выводъ, что они должны были служить вступленіемъ (или эпилогомъ) къ «Бахчисарайскому Фонтану». Между тѣмъ слова Пушкина: «Я прежде слыхалъ о памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его»... не даютъ намъ никакихъ существенныхъ подробностей, и нѣтъ рѣшительно ни малѣйшихъ основаній связывать поэтическій разсказъ К** о памятникѣ съ тѣмъ «преданьемъ любви», о которомъ такъ неясно и глухо говорится въ предполагаемомъ вступленіи; послѣднее, быть можетъ, имѣло свое особое значеніе, нынѣ едва ли и могущее быть выясненнымъ. Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» разсказано «любви преданье», но нѣтъ основаній категорически утверждать, что именно объ этомъ преданіи говорится въ приведенныхъ стихахъ. Но предположеніе Анненкова, какъ и многія догадки этого талантливаго біографа, никогда никѣмъ не было подвергнуто сомнѣнію; слѣдуя ему, другіе издатели считали эти стихи связанными съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», и лишь недавно М. О. Гершензонъ («Сѣверная любовь Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1908, январь, 288) писалъ: «вполнѣ несомнѣнно, что о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» Пушкинъ впервые услыхалъ въ Петербургѣ, отъ женщины, побывавшей въ Крыму; объ этомъ съ полной ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала (?) «Бахчисарайскаго Фонтана»: «Давно, когда мнѣ въ первый разъ»... и т. д.» Авторъ «Сѣверной любви Пушкина» счелъ незыблемо установленнымъ и неопровержимымъ то, что можно разсматривать лишь какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе Анненкова.

Нужно думать, что Пушкинъ со времени своего пріѣзда изъ Крыма въ Кишиневъ вынашивалъ мысль о поэмѣ, къ которой пробовалъ приступить еще въ 1821 г. Среди набросковъ этого года въ 2365-ой румянцевской тетради (л. 48 об.) есть одинъ, написанный пятистопнымъ размѣромъ, но напоминающій начало «Бахчисарайскаго Фонтана» (впервые онъ появился въ «Русс. Арх.» 1881 г., № 1; см. также «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 131; полнѣе—въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 101):

Девлетъ Гирей задумчиво сидитъ,
Драгой янтарь въ устахъ его дымится,
Ужасный дворъ кругомъ его молчитъ...

Одно четверостишіе, вошедшее впослѣдствіи въ поэму, находится въ хранящейся въ Императ. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг.:

Чей голосъ выразитъ яснѣй
И нѣжность и тоску желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?

Нѣсколько стиховъ, начинающихся словами: «Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ»..., вошедшихъ въ начало поэмы, находятся въ той-же 2365-ой румянцовской тетради (л. 50); Анненковъ («П. въ Александровскую эпоху», 176) связалъ ихъ съ «адскими» набросками Пушкина и предположилъ, что этотъ «онъ»—сатана... Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій П., II, 93) склоненъ видѣть «первый замыселъ» поэмы въ наброскѣ 1822 г. «Таврида» (см. выше, № 363), но именно никакого замысла и нѣтъ въ этомъ наброскѣ, посвященномъ впечатлѣніямъ Крыма и не имѣющемъ никакого отношенія ни къ бахчисарайскому фонтану, ни къ связанной съ нимъ легендѣ.

Въ VII, дополнительномъ томѣ своего изданія (стр. 86—87) Анненковъ напечаталъ «Отрывокъ»:

Блеститъ луна, недвижно море спитъ,
Молчатъ сады роскошные Гассана;
Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
И съ нимъ его товарищъ молодой.
«Недугъ любви, недугъ тоски душевной
Не отъ меня сокроешь ты
Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный,
Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали»...

«Трудно угадать»—говоритъ Анненковъ, — «къ какому изъ извѣстныхъ стихотвореній принадлежитъ этотъ мотивъ, быстро промелькнувшій въ головѣ поэта. Мы полагаемъ, что этотъ отрывокъ вмѣстѣ съ другими, совершенно безсвязными въ томъ же родѣ, составляетъ первую пробу «Бахчисарайскаго Фонтана». Подлинникъ этихъ стиховъ недавно оказался въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, по словамъ описанія которой («П. и его современники», IV, 7, № 24) написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г. и носитъ дату: «22 іюля 1825». Предположеніе Анненкова тоже было безъ оговорокъ принято всѣми послѣдующими изданіями, но едва ли оно вѣрно; противъ него говоритъ не только дата, о значеніи которой, впрочемъ, нельзя судить лишь по академическому описанію (подлинникъ наброска недоступенъ), но и содержаніе этихъ стиховъ; можетъ быть и такъ, что въ 1825 г. Пушкинъ хотѣлъ использовать черновой «запасъ», оставшійся послѣ обработки «Бахчисарайскаго Фонтана». Въ той же майковской коллекціи, по словамъ описанія (ibid., 5, № 11) находится набросокъ посвященія «Бахчисарайскаго Фонтана» князю П. А. Вяземскому; въ печати поэма появилась безъ всякаго посвященія.

Стихъ: «Но вѣра матери моей»... (въ разговорѣ Заремы съ Маріей), быть можетъ, исправленъ Вяземскимъ, которому Пушкинъ писалъ (ноябрь 1823 г.): «Но вѣрой матери моей была твоя— Если найдетъ удачную перемѣну, то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно»... Въ томъ же письмѣ, по поводу стиха о «хладномъ скопцѣ», котораго Пушкинъ сначала было «уничтожилъ изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.» (смѣшной тетушки поэта, старой дѣвы Анны Львовны Пушкиной), поэтъ писалъ: «меня ввелъ въ заблужденіе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Таридѣ: Подъ стражею скопцевъ Гарема. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ-бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую похабность». О Бобровѣ см. настоящее изданіе, I, т.

стр. 69, 70. Слѣдующіе ниже стихи: «Символъ, конечно, дерзновенный, Незнанья жалкая вина» вызвали замѣчаніе Пушкина въ письмѣ къ Вяземскому 20 декабря 1823 г.: «Вина, culpa, faute. symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенья; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла». Конецъ поэмы содержитъ почти перифразу нѣсколькихъ строфъ пьесы 1821 г. «Желаніе» (выше, № 272); см. также «Евгенія Онѣгина», 7, III.

О «Татарской пьесѣ» см. «Харьковс. Универс. Сборн. въ память Пушкина», 1900 г., стр. 179—181, ст. Н. Ѳ. Сумцова. Упомянутыя выше (стр. 185, 186) статьи Вяземскаго о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», не вошедшія въ изданное гр. С. Д. Шереметьевымъ собраніе его сочиненій, перепечатаны В. И. Саитовымъ въ «Остафьевс. Архивѣ», т. III, примѣч., стр. 392—393, 399—402, 405—413, 415—417; тамъ же, стр. 422—423, перепечатана замѣтка Булгарина изъ «Литерат. Листковъ» 1824 г., VII, стр. 280—282.

---

371. ДЕМОНЪ.

(т. II, стр. 205).

Подъ другимъ заглавіемъ, прямо и рѣзко опредѣлявшимъ интимно-личный характеръ стихотворенія—«Мой Демонъ», оно появилось впервые въ извѣстномъ сборникѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера «Мнемозина», М., 1824 г., ч. III; стр. 11—12, съ ошибками, за которыя Пушкинъ въ письмѣ 4 декабря 1824 г. къ брату бранилъ Кюхельбекера: «Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать съ ошибками моего Демона! моего Демона! Послѣ этого онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно»... Изъ этихъ словъ видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ своему стихотворенію. Затѣмъ въ исправленной и нѣсколько измѣненной редакціи оно было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г. и вошло въ сборники стихотвореній Пушкина (здѣсь воспроизведено по изданію 1829 г., I, 178—179). Бѣлового автографа пьесы не существуетъ, но исчеркапный черновикъ ея находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л.л. 41 об.—42). Черновикъ этотъ очень важенъ для уясненія характера Демона. Отдѣлывая пьесу, Пушкинъ отбросилъ нѣсколько яркихъ, сильныхъ стиховъ, подробно говорившихъ о вліяніи Демона; приведемъ этотъ набросокъ, напечатанный В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 337):

Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями... возмущалъ
И я его существованье
Съ своимъ невиннымъ сочеталъ...
Я видѣлъ міръ его глазами
Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...
...Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ...

Не только по духу, но и по содержанію тѣсно связаны съ этими стихами XLV—XLVI строфы 1-й главы «Евгенія Онѣгина», гдѣ поэтъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ героемъ романа:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ,
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ...

Сюда же относятся и сообщенные П. В. Анненковымъ («Матеріалы для біографіи П.» 1-ое изд., 229) стихи (въ 2369-ой тетради московс. Румянц. музея, л. 29 об., съ помѣтой: «1 Novembre»—«Русс. Арх.» 1881 г., № 1; «Бумаги А. С. Пушкина», 1, М., 1881, стр. 139; «Русс. Стар.» 1884 г., іюнь, 562):

Мнѣ было грустно, тяжко, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами:
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...

Анненковъ говоритъ: «Синтаксическая ошибка (?) въ четвертомъ стихѣ доказываетъ, что это не болѣе, какъ бѣглая, черновая замѣтка, но она содержитъ основную мысль «Демона» и важна еще для насъ сознаніемъ Пушкина, что представляемый имъ идеалъ дѣйствовалъ болѣзненно на него самого. Дѣйствительно, въ жизни поэта вліяніе подобной личности могло быть только минутнымъ, скоропреходящимъ случаемъ».

Есть еще одинъ подходящій къ «Демону» набросокъ (въ 2369-ой тетради московск. Румянц. муз., л. 40 об.):

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ...

Наброски эти относятся къ 1823 г.; 1823 г. датировалъ Пушкинъ своего «Демона». 29 ноября этого года А. И. Тургеневъ писалъ, изъ Петербурга, кн. П. Вяземскому: «Онъ написалъ пьесу: Мой Демонъ. Ее хвалятъ болѣе всѣхъ другихъ его произведеній» («Остафьевс. Архивъ», II, 368).

«При появленіи своемъ»—говоритъ Анненковъ (ibid., 94)—«пьеса породила живѣйшій восторгъ. Одинъ журналъ, въ Москвѣ, хотѣлъ посвятить ей цѣлую статью, но не сдержалъ обѣщанія; другой, называя произведеніе геніальнымъ, искалъ объясненія ему въ дѣйствительномъ существованіи подобнаго характера». Въ слѣдующей, IV книжкѣ «Мнемозины» Одоевскій («Новый демонъ», стр. 35) пытался разъяснить общее значеніе пьесы: «съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ поэтъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди восторговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нея похитилъ ткани, неприкосновенныя для простолюдина, которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона. Но не только внутри существуетъ сей злобный Геній, онъ находится и внѣ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый, но не менѣе мучителенъ». Эти слова служатъ предисловіемъ къ апологу Одоевскаго, герой котораго, все отрицающій, все презирающій, похожъ на пушкинскаго демона. Въ образѣ Демона читатели сразу увидѣли не только олицетвореніе «духа отрицанья, духа сомнѣнья», не только вполнѣ реально-возможнаго человѣка, но даже прямо портретъ опредѣленной личности. Эта личность—Александръ Раевскій. Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ о немъ и объ его отношеніяхъ къ Пушкину, а пока ограничимся лишь указаніемъ, что въ Демонѣ сразу узнали Раевскаго люди, близко знавшіе и Пушкина, и его; женихъ М. Н. Раевской, князь С. Г. Волконскій, писалъ Пушкину 18 октября 1824 г.: «посылаю вамъ письмо отъ Мельмота... Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничего не благословлялъ; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы - благородной и неизмѣнимой обстоятельствами». Слухи о томъ, что Демонъ списанъ съ живого лица, были непріятны Пушкину; они не только понижали въ общественномъ мнѣніи истинное, главное значеніе пьесы, но давали ему пищу для разныхъ толковъ объ отношеніи поэта къ человѣку, имѣвшему на него сильное вліяніе, и слишкомъ близко касались интимной жизни Пушкина. Чтобы разсѣять эти слухи, Пушкинъ приготовилъ для печати, но не опубликовалъ, вѣроятно, боясь опроверженіемъ только усилить нежелательные толки, замѣтку о своемъ стихотвореніи, написанную будто бы отъ чужого лица. Намъ извѣстна часть ея, впервые напечатанная П. В. Анненковымъ («П. въ Александровск. эпоху», 152 153). «Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто бы хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они неправы: по крайней мѣрѣ *я* вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называетъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?» Анненковъ, который находитъ, что будто бы не было «никакихъ дѣльныхъ основаній» для сближенія Демона съ Александромъ Раевскимъ, указываетъ на «извороТливость языка и нѣкоторый тонъ лицемѣрія» этой замѣтки, «обусловливаемые тогдашней цензурой». Конечно, Анненковъ неправъ. Съ цензурной стороны замѣткѣ Пушкина о «Демонѣ» даже и въ то время ничего не могло грозить, потому что въ ней, какъ и въ самой пьесѣ, не видно сочувствія «злобному генію». На вопросъ, вѣрить ли Пушкину въ этой замѣткѣ, мы можемъ отвѣтить: и да, и нѣтъ. Черты живого человѣка въ стихотвореніи такъ же несомнѣнны, какъ и символизмъ облика Демона.

Восторгъ, вызванный пьесой, былъ всеобщій. «Обнимаю тебя за твоего демона»—писалъ Пушкину Жуковскій (1 іюня 1824 г.).—«Къ чорту чорта! Вотъ пока твой девизъ. Ты созданъ попасть въ Боги - впередъ. Крылья у души есть! вышины она не побоится, тамъ настоящій ея элементъ! дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое. Вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣется надеждою за тебя»... Пришелъ въ восхищеніе и Дельвигъ и писалъ Пушкину (10 сентября 1824 г.) о «толпѣ, которая не поймета всей красоты Демона»... Другой прекрасный цѣнитель—Мицкевичъ разсказывалъ, что, прочитавъ «Демона», онъ впервые получилъ «высокое понятіе о Пушкинѣ» (Соч. П., ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, VIII, 191).

Не разъ останавливался на «Демонѣ» Бѣлинскій. Впервые онъ упомянулъ о «Демонѣ» лишь мимоходомъ, какъ о примѣрѣ «мысли въ поэзіи» (рецензія на стихи Бенедиктова — «Телескопъ» 1835 г., т. XXVII), указавъ, что въ этомъ стихотвореніи «неизмѣримо глубоко выражена идея сомнѣнія, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа». Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ говорилъ о немъ подробнѣе и глубже по поводу выхода собранія стихотвореній Лермонтова («Отеч. Записки» 1841 г., т. XIV): «со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе»... Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи... Литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина—«Демонъ»... Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе—врагъ жизни! «Демонъ» Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго»... И тутъ великій критикъ переходитъ къ демону лермонтовской поэзіи. О героѣ пьесы Пушкина, являющейся, по словамъ Бѣлинскаго («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—«Отеч. Зап.», т. XV), одинъ изъ «лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій

лирической музы Пушкина», В. П. Боткинъ тогда же писалъ Бѣлинскому: «въ молодости демонъ на мгновеніе являлся Пушкину, но кроткая, нѣжная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою говорилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Лермонтовъ взглянулъ ему прямо въ глаза, сдружился съ нимъ и сдѣлалъ его царемъ своей фантазіи»... Бѣлинскій отвѣчалъ: «Совершенно согласенъ съ тобою. Особенно поразили меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: «печальны были наши встрѣчи»; именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ» (А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій», 2-ое изд., 403, 407). Въ сдѣдующемъ году, говоря о Баратынскомъ, Бѣлинскій снова повторилъ свою мысль («Отеч. Зап.» 1842 г., № 12): «Пушкинъ, какъ первый великій поэтъ русскій, котораго поэзія выходила изъ жизни, первый и встрѣтился съ демономъ... Тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встрѣчи съ нимъ... Онъ не палъ отъ него, но и не узналъ, не понялъ его»... Выше Бѣлинскій говорилъ о демонѣ, какъ о «вѣчно движущей силѣ духа человѣческаго и историческаго», которая сама «уважаетъ силу и сторицею воздаетъ ей за временное зло, которымъ ее терзаетъ». «Для Пушкина»—продолжаетъ Бѣлинскій—«демонъ такъ и остался темною, страшною стороною бытія, и такимъ является онъ въ его созданіяхъ. Поэтъ любилъ обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не высказался весь и унесъ съ собою въ могилу много нетронутыхъ струнъ души своей»... Прошли еще два года, и пушкинскій Демонъ сталъ еще мизернѣе въ представленіи Бѣлинскаго, который въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи писалъ: «пьеса, которая при своемъ появленіи поразила всѣхъ изумленіемъ по глубокости высказанной въ ней мысли и по совершенству художнической формы,—сказать ли? эта пьеса теперь пережила свою славу, и время изрекло надъ ней свой судъ. Есть что-то простодушно-юношеское въ ея выраженіи, и теперь нельзя читать безъ улыбки этихъ, нѣкогда столь дивныхъ стиховъ... Самъ этотъ демонъ давно уже поступилъ въ разрядъ демоновъ средней руки... Сердца возмужалыя и умы опытные теперь уже не страшатся, и другого демона, пострашнѣе пушкинскаго»... Далѣе Бѣлинскій говоритъ: «Пушкинскій демонъ не изъ самыхъ опасныхъ; это скорѣе чертенокъ, нежели чортъ... И не будучи демоническимъ поэтомъ, Пушкинъ имѣлъ право и не могъ не знать иногда муки сомнѣнія, ибо этой муки совершенно чужды только натуры мелкія, ничтожныя, сухія и мертвыя»... Сравнивая «Демона» со «Сценой изъ Фауста», въ которой онъ видѣлъ развитіе и распространеніе идеи «Демона», возвращаясь къ мысли о демонѣ «вѣчнаго возрожденія», высказанной въ статьѣ о Баратынскомъ, Бѣлинскій отзывается о пушкинскомъ демонѣ еще рѣзче: «знакомое съ демономъ другого поэта наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка», которому критикъ противопоставляетъ иного демона; онъ «отрицаетъ для утвержденія, разрушаетъ для созиданія», а вовсе не «отрицаетъ все для одного отрицанія», вовсе не «старается представлять существующее не существующимъ», какъ поступаетъ будто бы пушкинскій демонъ. Ясно, что Бѣлинскій здѣсь приписалъ Пушкину то, чего поэтъ не говорилъ. Пушкинскій демонъ отрицаетъ, но для чего, во имя чего поэтъ вѣдь намъ не сказалъ, и великій критикъ обрушился здѣсь на свою же мысль, произвольно предположенную имъ въ основѣ пушкинскаго стихотворенія. Этотъ отзывъ не можетъ быть признанъ критическимъ взглядомъ на пьесу, которая служила тутъ Бѣлинскому не объектомъ изслѣдованія, а орудіемъ теоріи, попавшимъ ему подъ руку и самовластно примѣненнымъ къ дѣлу. Увлекшись, Бѣлинскій забылъ, что̀ писалъ самъ когда-то о значеніи пьесы, утратилъ историческую перспективу, не взвѣсилъ роли стихотворенія въ поэзіи Пушкина и въ историческомъ ходѣ литературы. Гораздо правѣе былъ Боткинъ, увидѣвшій въ пушкинскомъ демонѣ все того же, вѣчно «страшнаго духа», котораго, по мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ «не понялъ» и «обошелъ».

Не обошелъ Демона Пушкинъ, а преодолѣлъ—таковъ смыслъ вывода Анненкова («Матеріалы», 94—95): «изъ произведенія относительно превосходнаго вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а, напротивъ, съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на міръ—процессъ, безпрестанно повторявшійся съ нимъ и оправдывающій мнѣніе тѣхъ людей, которые поэзію Пушкина считаютъ по преимуществу существенною, реальною, приносящею съ собою бодрость для духа и свѣжесть для мысли». Анненковъ заинтересовался и генезисомъ Демона, въ которомъ видитъ «осколокъ неудавшагося образа» Кавказскаго Плѣнника. (ibid, 99). Въ черновыхъ «Кавказскаго Плѣнника» есть сходные съ началомъ «Демона» варіанты:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ...
. . . . . .
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ,..

Подробно изслѣдовалъ вопросъ о происхожденіи Демона и набросалъ его родословную, прослѣдивъ развитіе мысли о немъ въ пушкинскомъ творчествѣ Л. И. Поливановъ въ извѣстной статьѣ «Демонъ Пушкина» («Русс. Вѣст.» 1886 г., августъ, 827—850). Критикъ разсмотрѣлъ постепенное развитіе чувства усталости и разочарованія въ пушкинской поэзіи 1821—1823 гг., сказывающагося въ цѣломъ рядѣ стихотвореній и набросковъ, какъ-то: «Я пережилъ мои желанья»..., «Ты правъ мой другъ, напрасно я презрѣлъ»..., «Ужели онъ казался прежде мнѣ»..., «Я говорилъ предъ хладною толпой»..., «Свободы сѣятель пустынный»... Но сквозь это тяжелое, удрученное настроеніе мелькаютъ проблески иного, свѣтлаго чувства; душа поэта борется съ мрачнымъ скептицизмомъ, живущій въ ней могучій идеализмъ протестуетъ противъ «духа отрицанія». Объ этой борьбѣ говорятъ стихи: «Ничтожество, пустой призракъ, не жажду твоего покрова!.. Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка, я все не вѣрую въ тебя. Ты чуждо мысли человѣка, тебя страшится гордый умъ»... Этотъ духъ недолго владѣлъ поэтомъ, который скоро справился съ нимъ и, въ свою очередь его «одолѣлъ въ борьбѣ», одолѣлъ окончательно и безповоротно. Мятежный титанъ Лермонтовъ испыталъ на себѣ его силу и разсказалъ («Сказка для дѣтей») о своей борьбѣ съ нимъ: «Мой юный умъ, бывало, возмущалъ могучій образъ... И душа тоскою сжималася,—и этотъ дикій бредъ преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.

Но я, разставшись съ прочими мечтами, и отъ него отдѣлался стихами»... Такъ же «отдѣлался» и Пушкинъ, передавъ кое-что Онѣгину. Ни Анненковъ, ни Поливановъ не замѣтили, что съ этимъ духомъ Пушкинъ познакомился задолго до Байрона, до «Кавказскаго Плѣнника»—еще «въ началѣ жизни», когда въ «великолѣпномъ мракѣ чужого сада» его плѣняли «двухъ бѣсовъ изображенья: одинъ, Дельфійскій идолъ, ликъ младой, былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной и весь дышалъ онъ силой неземной; другой—женообразный, сладострастный, сомнительный и лживый идеалъ, волшебный демонъ—лживый, но прекрасный»... («Въ началѣ жизни школу помню я»...). Въ дѣтствѣ поэта «плѣняла волшебная краса» этого духа, таинственной, ирраціональной стороны бытія; въ юности онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, былъ побѣжденъ, пережилъ періодъ подчиненія ему и, наконецъ, сломилъ его власть и могъ съ грустнымъ спокойствіемъ разсказать объ этомъ. Поливановъ пришелъ къ выводу, что «Демонъ»—«прекрасный эскизъ великаго художника, набросанный имъ при созданіи одной изъ знаменательныхъ картинъ своего романа», усиленіе чертъ Онѣгина; «онъ довелъ искусительныя чары этого лица со всею послѣдовательностью до крайнихъ предѣловъ, искренно холодѣя въ непонятной тоскѣ передъ этимъ порожденіемъ своего артистическаго каприза,—и вышелъ Демонъ». Въ самостоятельномъ значеніи «Демону» Поливановъ, такимъ образомъ, отказываетъ. Ошибка критика, очевидно, въ томъ, что, увлекшись сходствомъ Демона съ Онѣгинымъ, онъ рѣшилъ, что они всецѣло тождественны. Между тѣмъ какъ не подходитъ къ «москвичу въ гарольдовомъ плащѣ», скучающему «чудаку», выступающему уже въ первой главѣ романа въ полуироническомъ освѣщеніи, этотъ обликъ «злобнаго генія», съ его могучей властью «внезапной тоски». Въ смыслѣ «демонизма» Онѣгинъ относится къ демону какъ маленькая часть къ огромному цѣлому.

Въ Демонѣ слишкомъ ярокъ абстрактный символизмъ, чтобы можно было назвать его чьимъ-нибудь портретомъ; но Александръ Раевскій изъ всѣхъ, кого зналъ Пушкинъ, ближе всѣхъ подходилъ къ этому образу. Объ этомъ разсказывалъ дядя Раевскаго, А. Л. Давыдовъ, М. Ф. де-Рибасу (см. сборн. В. Яковлева, «Отзывы о П—нѣ съ Юга Россіи», стр. 115—116); то же говоритъ и Вигель (Записки, VI, 169). Членъ славной семьи Раевскихъ, оставившей въ жизни Пушкина такой глубокій слѣдъ, (см. выше «Пушкинъ и Раевскіе») Александръ Николаевичъ, былъ четырьмя годами старше Пушкина. Когда они познакомились, неизвѣстно; вѣроятно, еще въ Петербургѣ, до высылки Пушкина на югъ. Впервые Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ томъ письмѣ къ брату, гдѣ описываетъ свою поѣздку (1820 г.) на Кавказъ и въ Крымъ и пріютившую его семью: «старшій сынъ будетъ болѣе нежели извѣстенъ». Въ «Путешествіи въ Арзрумъ» Пушкинъ вспоминалъ, какъ на берегу Подкумка съ нимъ «бывало сиживалъ Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ». Умный, начитанный и многое видавшій на своемъ еще недолгомъ вѣку, Раевскій могъ многое разсказать Пушкину. Съ пятнадцати лѣтъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ походахъ, побывалъ во Франціи адъютантомъ при Воронцовѣ, жена котораго приходилась ему роднею. Ему еще не было двадцати двухъ лѣтъ, когда Воронцовъ просилъ о его производствѣ въ полковники и собирался готовить его въ командиры полка. Въ 1818—1819 гг. онъ служилъ на Кавказѣ при Ермоловѣ, который замѣтилъ, что онъ былъ привязанъ къ Воронцову, что не мѣшало ему вѣрно и мѣтко опредѣлять Воронцова какъ служаку par excellence, и больше ничего (Сб. П. Русс. Ист. Сбщ., т. 73, стр. 353, 487, 489). Въ 1820 г. онъ вмѣстѣ съ Чаадаевымъ служилъ адъютантомъ при князѣ И. Васильчиковѣ. Гостя въ Бѣлой Церкви у графини Браницкой и встрѣчаясь тамъ съ ея дочерью Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, Раевскій полюбилъ ее. Въ 1823 г. Воронцовы поселились въ Одессѣ, куда любовь къ Воронцовой привела и Раевскаго, бывшаго тогда полковникомъ въ отставкѣ. Здѣсь они съ Пушкинымъ встрѣтились снова, хотя отношеній, повидимому, не прерывали и раньше. Сохранился черновикъ одного письма Пушкина 1821 г. о греческомъ возстаніи—думаютъ, что оно писано къ Раевскому. По словамъ Анненкова («П. въ Александр. эпоху», стр. 151), Пушкинъ говорилъ о немъ «какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій». Этотъ отзывъ можетъ быть связанъ съ отношеніями Раевскаго къ тайному обществу. Но Пушкинъ ошибался: Раевскій былъ скептическій созерцатель и въ дѣятели не годился. Онъ, по разсказу декабриста, князя С. Г. Волконскаго (Записки, 1902, стр. 410) «не былъ въ числѣ отсталыхъ», хотя «какъ человѣкъ хитрый и осторожный, видѣлъ, что тайное общество не минуетъ преслѣдованія правительства». Современнику, А. В. Капнисту врѣзалась въ память оригинальная наружность Раевскаго: «высокій, худой, даже костлявый» съ небольшой круглой и коротко обстриженной головой, съ лицомъ темно желтаго цвѣта, съ множествомъ морщинъ и складокъ,—онъ всегда (я думаю, даже когда спалъ сохранялъ саркастическое выраженіе, чему, быть-можетъ, немало способствовалъ его очень широ-) кій съ тонкими губами ротъ. Онъ по обычаю двадцатыхъ годовъ, всегда былъ гладко выбритъ и хотя носилъ очки, но они ничего не отнимали у его глазъ, которые были очень характеристичны. Маленькіе изжелта-каріе, они всегда блестѣли наблюдательно-живымъ и смѣлымъ взглядомъ, съ оттѣнкомъ насмѣшливости, и напоминали глаза Вольтера... Вообще, онъ былъ скорѣе безобразенъ, но это было безобразіе типичное, породистое»... («Русс. Стар.» 1899 г., май, 241). Оно не мѣшало Раевскому, притомъ еще одѣвавшемуся небрежно, производить сильное впечатлѣніе на женщинъ. Обаятельно дѣйствовалъ онъ на всѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ впослѣдствіи самъ удивлялся былому вліянію на него этого человѣка. Блестящая образованность Раевскаго, таинственная репутація опаснаго человѣка (Вигель, VI, 170—171), его холодный, насмѣшливый умъ не могли не привлечь Пушкина. О проявленіяхъ скептицизма и сарказма Раевскаго мы знаемъ очень мало. Однажды, читая «Діонею» Пушкина, онъ пародировалъ одинъ стихъ такъ: «ты нынѣшней весной отъ нашихъ игръ у д р а л а», вмѣсто «отстала» (см. выше, стр. 558); Пушкинъ помнилъ, какъ онъ хохоталъ надъ стихами о Гиреѣ, который «часто въ сѣчахъ роковыхъ подъемлетъ саблю»... и т. д., и смѣялся надъ характеромъ Кавказскаго Плѣнника. Едва ли Раевскій всегда говорилъ искренно и отъ души; родные знали за нимъ мистификаторскую слабость, такъ мало свойственную настоящему «демоническому» характеру. Ек. Н. Орлова разсказывала Я. К

Гроту (см. его сборникъ «Пушкинъ», изд. 1899 г., стр. 52), что братъ, «замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ недовольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего «Демона». Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но, наконецъ, признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе». Мы знаемъ, что «Демонъ» произошелъ не такъ просто, но для пониманія личности Александра Раевскаго разсказъ его сестры не теряетъ своего значенія. Крайности соприкасаются, а Раевскій во многомъ не походилъ на Пушкина, плѣнявшагося въ немъ тѣмъ, чего недоставало натурѣ самого поэта. Одинъ чувствовалъ, другой разсуждалъ. Одинъ былъ поэтъ «съ ногъ до головы», другому, по вѣрному опредѣленію Вигеля (ibid, 171), «поэзія была дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство». это видно изъ его отзыва о «Горѣ отъ ума»: «глупая пьеса, отвратительная во всѣхъ отношеніяхъ... отсутствіе плана... нелѣпость характеровъ... жесткость и безпорядочность версификаціи, достойной Тредьяковскаго... Грибоѣдовъ, съ его острымъ умомъ, становится тяжелъ и нелѣпъ, лишь только возьметъ въ руки перо» (М. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», 1908 г., стр. 41). Пушкина тянуло къ оригинальному человѣку, но онъ не могъ выносить взгляда этихъ иронических глазъ, и поэтъ любилъ бесѣдовать съ Демономъ впотьмахъ, безъ свѣчей. (Рус. Арх. 1880 г., III, 440). Сухой, холодный анализъ Раевскаго не встрѣчалъ сначала въ Пушкинѣ никакого противорѣчія: въ немъ самомъ накопилось немало недовольства жизнью и людьми,—но вскорѣ имъ была до дна исчерпана вся неглубокая мудрость Демона. «Кладъ жизни» оказался «бѣднымъ кладомъ», ничтожнымъ даромъ. Въ Пушкинѣ стало что-то возставать противъ діалектики Демона, съ виду такой могучей, а въ сущности дающей своему обладателю такъ ничтожномало, противъ этого односторонняго міропониманія, обѣщающаго все объяснить, все осмыслить, но не дающаго отвѣта ни на одинъ изъ «проклятыхъ вопросовъ» жизни и низводящаго ея цѣнность до нуля, до «пустой и глупой шутки». Но въ наивномъ великомъ язычникѣ Пушкинѣ, какими бы прихотливыми изворотами ни шла его мысль, всегда было много мудраго жизнелюбія; что-то говорило ему если не о прямыхъ цѣляхъ жизни, то о ея высокой, радостной цѣнности, о ея безконечной сложности, которую не привести къ той унылой плоскости, что раскрывали передъ нимъ уроки Демона. Но едва ли не сильнѣе всего на Пушкина долженъ былъ подѣйствовать урокъ факта. Въ непроницаемой, казалось бы, стѣнѣ иронiи и скептицизма, за которой такъ уютно долженъ былъ и старался чувствовать себя Демонъ, открывалась широкая брешь. «Не все онъ въ мірѣ презиралъ». Демонъ любилъ Воронцову.

Выше (см. нашу статью «П. въ Одессѣ», стр. 275—276, 279—280) мы разсказали объ увлеченіи Пушкина Воронцовой и о томъ, какъ Раевскій воспользовался своимъ другомъ и соперникомъ въ качествѣ громоотвода, на который и обрушился гнѣвъ Воронцова, и безъ того не имѣвшаго причинъ быть довольнымъ навязаннымъ ему чиновникомъ-ссыльнымъ. Разсказу двухъ современниковъ, Вигеля и Капниста, нельзя не довѣрять. Правда, по мнѣнію П. П. Липранди («Замѣчанія на воспоминанія Вигеля», стр. 163), «Вигель повѣствуетъ о причинахъ отсылки Пушкина изъ Одессы съ отклоненіемъ отъ истины», но здѣсь разумѣется, очевидно, какая-нибудь частная ошибка Вигеля, и будь разсказъ невѣренъ въ главномъ, Липранди, подробно и строго разобравшій записки Вигеля, конечно, прямо и категорически опровергъ бы его. 30 іюля 1824 г. Пушкинъ былъ увезенъ изъ Одессы, а въ августѣ Раевскій послалъ ему письмо, быть можетъ въ отвѣтъ на письмо поэта къ самому Раевскому или къ кому-нибудь другому, но гдѣ говорилось о Раевскомъ. Строки Раевскаго—очень теплыя и дружескія, особенно для такой себялюбивой и холодной натуры. Зная, должно быть, объ «атеистическомъ» письмѣ Пушкина, послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ высылкѣ поэта, Раевскій два раза, въ началѣ и въ концѣ письма, наставляетъ его—«уважать религію». Демону, конечно, до религіи мало было дѣла, но онъ просто хотѣлъ предостеречь отъ какой-нибудь новой бѣды Пушкина, зная невоздержность его языка насчетъ религіозныхъ темъ (см. Анненкова «П. въ Алекс. эпоху», 170) «Нельзя» писалъ Раевскій—«прожить вмѣстѣ столько времени безнаказанно». (Это слово очень характерно для Раевскаго, стыдившагося проявленій сердечнаго чувства). «Не говоря уже о разныхъ поводахъ питать къ тебѣ истинную дружбу, достаточно одной привычки, чтобы создать крѣпкую связь между нами... Знай, что помимо твоего прекраснаго и великаго таланта, я давно поклялся въ братской дружбѣ къ тебѣ, и ни за что не отступлю назадъ»... Но Пушкинъ вскорѣ понялъ глубокую грань между ними. Раевскій уже не былъ дорогъ ему какъ другъ и пересталъ быть интересенъ въ качествѣ Демона. Связи между ними уже не могло быть, какъ между изсохшимъ, одинокимъ листкомъ, у Лермонтова, и молодой чинарой, которая отвѣчала на призывъ скитальца: «Иди себѣ дальше о странникъ! тебя я не знаю. Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю»... Отвѣчалъ ли Пушкинъ ему, неизвѣстно; единственный слѣдъ ихъ переписки—это письмо. Въ немъ Раевскій говоритъ о «Татьянѣ»: «она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ. Пишу съ ея согласія: нѣжная и добрая душа ея сознаетъ тутъ только несправедливость, жертвой которой ты сталъ; она мнѣ высказала это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны». Имя это приводитъ на мысль о героинѣ «Онѣгина»; напрашивается такая параллель: Онѣгинъ и Татьяна—Раевскій и Воронцова. Въ этой параллели много вполнѣ вѣроятнаго, если вспомнить, что въ началѣ романа поэтъ говорилъ объ Онѣгинѣ въ выраженіяхъ, повторенныхъ въ варіантахъ «Демона», что въ концѣ Пушкинъ словно проговаривается, что Онѣгинъ прослылъ «Демономъ» (а въ «Демонѣ» всѣ видѣли Раевскаго), что поэтъ встрѣчается со своимъ героемъ въ Одессѣ. Слова Раевскаго о характерѣ «Татьяны» совпадаютъ съ его отзывомъ (1822 г.) о Воронцовой: «характеръ—самый очаровательный какой я знаю» (Гершензонъ, ор. с., 44). Замѣтимъ, что письмо помѣчено Бѣлой Церковью, имѣніемъ матери Воронцовой. Далѣе говорится о дочкѣ «Татьяны»; по словамъ графа М. Д. Бутурлина («Русс. Арх.» 1897 г., II, 11), дѣти Воронцовыхъ весь 1824 г. прожили у бабушки въ Бѣлой Церкви. Данное «Татьяной» Раевскому позволеніе сообщить Пушкину ея слова о несправедливости,

жертвой которой сталъ поэтъ можно понять только въ виду особой близости этой женщины къ выславшему Пушкина изъ Одессы генералъ-губернатору. Сочувствуя поэту, она этимъ самымъ осуждала Воронцова, и не будь это графиня Елизавета Ксаверьевна,—для чего было бы Раевскому писать Пушкину именно съ ея вѣдома или позволенія? Слишкомъ ясно, что эта «Татьяна»—Воронцова, вѣроятно, гостившая тогда у матери въ Бѣлой Церкви, куда за нею поспѣшилъ и влюбленный Раевскій. Очевидна связь между «Демономъ» и «Ангеломъ», 1827 г. Демонъ, который прежде «ничего во всей природѣ благословить не хотѣлъ» и «не вѣрилъ любви», видя чистаго ангела, долженъ былъ сознаться: «Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ, не все я въ мірѣ презиралъ». Это исторія любви Раевскаго къ Воронцовой, возведенная въ символическій перлъ поэзіи. Воронцова была любима и Пушкинымъ, и еще Анненковъ (ор. с., 170) обратилъ вниманіе, какъ часто повторяются въ его одесскихъ бумагахъ «профили прекрасной женской головы, спокойнаго, величаваго типа», такъ подходящаго къ Ангелу.

«Отголосокъ лирическихъ пѣсенъ прошлаго года», т.-е. 1823, услышалъ Анненковъ въ пьесѣ 1824 г. «Коварность». Человѣкъ, отъ руки котораго другъ отдергиваетъ свою «какъ отъ змѣи»; который «затѣйливо язвилъ пугливое его воображенье и гордую забаву находилъ въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ; цѣпь ему накинулъ... и соннаго врагу предалъ со смѣхомъ»,—какъ этотъ человѣкъ и эти стихи напоминаютъ Раевскаго и интригу, жертвой которой былъ Пушкинъ въ Одессѣ! «Коварность» подтверждаетъ разсказъ Вигеля и Капниста. И Раевскій былъ въ душѣ Пушкина «осужденъ послѣднимъ приговоромъ». Близости между ними съ тѣхъ поръ не было.

Воронцовъ, прежде благоволившій къ Раевскому, теперь ненавидѣлъ его (см. Записки Вигеля, VI, 172, 188). Послѣ 14 декабря были арестованы зятья Раевскаго, М. Ѳ. Орловъ и кн. С. Г. Волконскій, братъ Николай; былъ взятъ и Александръ. Сообщая А. А. Закревскому объ арестѣ его вмѣстѣ съ «порядочной партіей мудрецовъ 2-ой арміи», Воронцовъ писалъ не безъ злорадства: «сожалѣю о немъ...; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ и говорить» (Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 73, стр. 506). Арестъ Раевскаго встревожилъ добраго и незлопамятнаго Пушкина. Однако, вскорѣ осторожный Раевскій былъ отпущенъ, да еще съ званіемъ камергера, и вернулся въ Одессу. Романъ продолжался, и Воронцовъ, выведенный изъ терпѣнія, наконецъ (это было въ 1828 г.) грубо оборвалъ его, выславъ Раевскаго изъ Одессы и клеветнически выставивъ его, какъ четыре года назадъ Пушкина, неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи. Отецъ Раевскаго прямо жаловался государю на ложный доносъ Воронцова («Русс. Стар.» 1885 г., ноябрь, 402—403; «Щукинс. Сборн.», IV, М., 1905, стр. 296—297; «Русск. Арх.» 1908 г., I, 315—316, 317). Пушкинъ интересовался этимъ скандаломъ, принесшимъ мало чести ненавидимому имъ Воронцову (см. письмо къ Вяземскому 1 сентября 1828 г.).

Покинувъ Одессу, Раевскій долго жилъ въ деревнѣ; въ тридцатыхъ годахъ онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ съ нимъ иногда встрѣчался Пушкинъ. Послѣдніе годы жизни провелъ въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ 23 октября 1868 г. Ср. № 394.

372. ПРОСТИШЬ ЛИ МНѢ РЕВНИВЫЯ МЕЧТЫ.

(т. II, стр. 206).

Существуютъ три автографа этой пьесы. Одинъ, первоначальный, находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 15 об.—16); другой, болѣе отдѣланный, принадлежавшій прежде Е. А. Масальской-Суриной, рожд. Шахматовой, теперь хранится въ библіотекѣ академіи наукъ; онъ записанъ на отдѣльномъ листкѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ записана «Нереида», 1820 года, («П. и его современники», IV, 41—42); третій находится въ тетради стиховъ, подготовленныхъ Пушкинымъ для сборника, изданнаго въ 1826 г., извѣстной подъ именемъ тетради гр. Капниста, лл. 1—2 (Л. Майковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», Спб., 1896, стр. 3); здѣсь редакція уже болѣе отдѣланная, но еще не окончательная, и помѣта: «1823». Первый автографъ не имѣетъ заглавія, а два другіе озаглавлены: «Элегія». Первоначальный набросокъ въ румянцовской тетради находится на одной страницѣ съ черновикомъ письма къ Вяземскому, бѣловикъ котораго датированъ 14 октября 1823 г.; вѣроятно, около этого времени написана и элегія. Впервые она появилась въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г., стр. 314—315, подъ заглавіемъ «Элегія», съ одной звѣздочкой вмѣсто подписи и съ досадными, грубо искажающими смыслъ опечатками, которыя заставили Пушкина вскорѣ перепечатать ее. Пушкинъ горько пенялъ Бестужеву за опечатки и писалъ ему (12 января 1824 г.), жалуясь на допущенную безсмыслицу: «я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности». Прося Булгарина перепечатать эти стихи, Пушкинъ вскорѣ (1 февраля) писалъ ему: «они были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди». Булгаринъ исполнилъ просьбу; элегія появилась въ его «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г., февраль, № IV, стр. 134—135, съ примѣчаніемъ издателя: «Авторъ сихъ стиховъ прислалъ оные ко мнѣ для помѣщенія въ «Литературныхъ Листкахъ» по той причинѣ, что они были напечатаны въ другомъ изданіи съ нѣкоторыми ошибками»; стихи 26—28 здѣсь пропущены, хотя въ «Полярной Звѣздѣ» они были сохранены. Затѣмъ, съ новыми исправленіями, соотвѣтствующими тексту тетради гр. Капниста, элегія была напечатана Пушкинымъ, безъ заглавія и подъ 1823 г., въ сборникахъ стиховъ 1826 г., стр. 19—20, и 1829 г., I, 173—175.

«Эта пьеса»—сказалъ П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 345—346)—«принадлежитъ, съ двумя слѣдующими (здѣсь у Анненкова идутъ «Ненастный день потухъ»... и «Ночь»), къ лирическимъ пѣснямъ Пушкина, выражающимъ сильно возбужденное состояніе души его». Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., стр. 88) причисляетъ «Простишь ли мнѣ»... къ тѣмъ немногочисленнымъ произведеніямъ Пушкина, которыя «наполнены бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія... Какъ ни великолѣпенъ еще этотъ ураганъ уязвленнаго сердца въ поэтическомъ своемъ направ-

вленіи, но здѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованіями искусства, и выраженіе его столь же изящно, какъ и выраженіе задумчивости и граціозныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды Сочин., изд. Венгерова, VI, 101—102) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи одно изъ «лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы» Пушкина... большая часть ихъ безъ названія и означается первымъ стихомъ: это свойство лирическихъ произведеній, содержаніе которыхъ неуловимо для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе». Та величавая умѣренность въ выраженіи жгучаго порыва страсти, которая такъ плѣнила Анненкова, дала Бѣлинскому (Сочин., I. с., 268) возможность причислить пьесу даже къ антологическимъ произведеніямъ: «поэтъ можетъ вносить въ антологическую поэзію содержаніе совершенно новаго и, слѣдовательно, чуждаго классицизму міра, лишь бы только могъ выразать его въ рельефномъ и замкнутомъ образѣ, этими волнистыми, какъ струи мрамора, стихами, съ этою печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древняго рѣзца». Въ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества Бѣлинскій упоминаетъ «Простишь-ли мнѣ»... въ числѣ «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, а въ этотъ разрядъ Бѣлинскій вносилъ лишь лучшія вещи Пушкина: «вглядитесь» — сказалъ онъ, — «вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства, во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество»...

К. П. Зеленецкій, первый собиратель свѣдѣній о жизни Пушкина въ Одессѣ, написавшій по показаніямъ одесскихъ старожиловъ, знавшихъ Пушкина въ 1823 г., извѣстный очеркъ «Г-жа Ризничъ и Пушкинъ» («Одесс. Вѣстн.» 1856 г.; «Русс. Вѣстн.» 1856 г., т. III, № 11, іюнь, кн. 1, соврем. лѣтопись, 203—209; «Отзывы о Пушкинѣ съ Юга Россіи», сборн. В. А. Яковлева, Од., 1887, стр. 137—148), въ которомъ разсказана исторія увлеченія Пушкина одесской красавицей, писалъ: «первое стихотвореніе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, есть «Элегія» 1823 года... Стихотвореніе это носитъ на себѣ самые рѣзкіе и очевидные слѣды своего возникновенія изъ дѣйствительности»,—говоритъ Зеленецкій и указываетъ эти слѣды въ пьесѣ, оправдывая свои указанія собранными имъ свѣдѣніями о Ризничъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ или въ началѣ пятидесятыхъ братъ поэта, замѣтимъ жившій тогда въ Одессѣ, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, что подъ полуденнымъ небомъ «любовь овладѣла сильнѣе его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интригъ, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаянія. Однажды, въ бѣшенствѣ ревности, онъ пробѣжалъ пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ по 35 градусамъ жара» (см. Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 9). Левъ Пушкинъ, конечно, разсказывалъ о любви къ Ризничъ, потому что ни интригъ, ни кокетства не было въ другомъ одесскомъ, чистомъ и воздушномъ увлеченіи Пушкина (см. выше, «П. въ Одессѣ» и примѣч. № 371). Единственный изслѣдователь, усомнившійся въ возможности относить элегію 1823 г. къ Ризничъ — П. О. Морозовъ; по его мнѣнію (Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», I, 651—652), элегія потому не можетъ относиться къ ней, что «здѣсь говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ». Между тѣмъ, по двукратному показанію Зеленецкаго, «мать г-жи Ризничъ въ первые шесть мѣсяцевъ жила съ нею», а привезъ Ризничъ свою молодую жену, вмѣстѣ съ ея матерью, въ Одессу весной 1823 г.

Нашъ взглядъ на біографическое значеніе элегіи мы высказали въ статьѣ о жизни Пушкина въ Одессѣ (выше, стр. 278—279); во всякомъ случаѣ, повторяемъ, элегія даетъ возможность судить о любви Пушкина къ красавицѣ, но не объ отношеніи ея къ нему. Судя по тону пьесы, по робкимъ и нерѣшительнымъ, молящимъ напоминаніямъ: «ты мнѣ вѣрна... я любимъ... наединѣ со мною ты такъ нѣжна... лобзанія твои... слова твоей любви»..., онъ самъ не былъ увѣренъ въ любви этой женщины, которая хотѣла «для всѣхъ казаться милой»... Ясно только одно: что о н ъ любилъ и страдалъ. Амаліи Ризничъ уже не было въ живыхъ, когда Пушкинъ писалъ въ шестой главѣ «Онѣгина» о терзаніяхъ ревности и, думая о своей одесской любви, о своемъ «жестокомъ другѣ», вызвалъ въ воспоминаніи ея «мучительную тѣнь»:

Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадки,
Какъ поврежденіе ума...
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ!..
Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ,—о ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ.
Какъ учатъ слабое дитя,
Ты, душу нѣжную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь!

«Циклъ Ризничъ въ творчествѣ Пушкина»,— говоритъ П. Е Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1904, январь, 327),—«обнимаетъ элегію 1823 г. («Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»...), элегію 1825 года («Подъ небомъ голубымъ»...) и XV—XVI строфы шестой главы «Онѣгина», оставшіяся въ рукописяхъ». Осторожный авторъ этого интереснаго изслѣдованія старался избѣгнуть весьма возможной въ данномъ случаѣ ошибки и, строго изслѣдовавъ вопросъ, ограничилъ ризничевскій циклъ тремя пьесами. Краткій списокъ г. Щеголева дѣйствительно нельзя уменьшить, но, намъ думается, къ нему слѣдуетъ прибавить элегію «Для береговъ отчизны дальной»... Вопросъ, какіе стихи Пушкина относятся къ Ризничъ, очень запутанъ, и разные изслѣдователи рѣшаютъ его каждый по своему. Въ примѣчаніяхъ къ элегіи «Для береговъ отчизны дальной»... мы вернемся къ нему.

373. НОЧЬ.

(т. II, стр. 206).

Автографы находятся въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367 (л. 25), безъ заглавія и съ помѣтой передъ началомъ пьесы: «26 окт. 1823. Одесса», и въ рукописи графа Каннста, съ даннымъ заглавіемъ (Л. Н. Майковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе гр. П. И. Каннсту», Спб., 1896, стр. 3). Пушкинъ напечаталъ пьесу въ своихъ сборникахъ стиховъ, изд. 1826 г., стр. 131, и 1829 г., I, 282. Текстъ въ рукописяхъ и въ прижизненныхъ изданіяхъ одинаковъ.

Въ изданіи 1826 г. пьеса была напечатана въ отдѣлѣ «Подражаній древнимъ». Бѣлинскій, разсуждая въ своей статьѣ по поводу «Римскихъ элегій» Гете объ антологической поэзіи и говоря о пушкинской антологіи, упомянулъ «Ночь» въ числѣ антологическихъ стихотвореній, отличительные признаки которыхъ—«простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простота и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація въ формѣ. Тутъ обыкновенно, въ краткой рѣчи, молніеноснымъ и неожиданномъ оборотѣ, въ простыхъ и немногосложныхъ образахъ, схватывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на вседневномъ языкѣ человѣческомъ, и которыя находятъ свое выраженіе только на языкѣ боговъ въ поэзіи». (Сочин. Бѣл., изд. Венгерова, VI, 266). Въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій снова вспомнилъ о «Ночи», перечисляя антологическія стихотворенія Пушкина.

Нѣжность и грація этой пьесы, не разъ привлекали къ ней вниманіе композиторовъ. С. К. Буличъ («П. и русская музыка»—«Памяти П., сборн. стат. преподав. и слушат. и.—фил. фак. СПбургск. Унив.», Спб., 1900, стр. 87—88) насчитываетъ десять романсовъ на тэму «Ночи». Попытки пріурочить ее къ той или иной особѣ произвольны, и С. Южаковъ («Любовь и счастье въ произведеніяхъ П.», Од., 1895, стр. 54), а за нимъ В. Спиовскій («Пушкинъ, жизнь и творчество», Спб., 1907, стр. 201) связываютъ ее съ Ризничъ безъ всякихъ основаній къ этому. Глубокая субъективность лирики Пушкина все-же не даетъ права истолковывать каждое поэтическое изліяніе его сердца какъ отраженіе опредѣленно-реальнаго факта.

---

374. СВОБОДЫ СѢЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ...

(т. II, стр. 207).

Черновые наброски пьесы находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2366 (л. 41), 2367 (л. № 25 об.) и № 2369 (л. 25). Четвертый и пятый автографы находятся въ черновомъ письмѣ Пушкина къ А. П. Тургеневу 1 декабря 1823 г., принадлежащемъ Имп. Александр. Лицею (Соч. П., ред. Ефремова, изд. Суворина VIII, 198), и въ бѣловикѣ этого письма, принадлежащемъ П. Я. Дашкову (снимокъ см. въ «Историч. Вѣстн.» 1899 г. май; отд. отт. «Автографы рукописей А. С. Пушкина», Спб., 1899, стр. 5, 16—17); въэтой редакціи мы ее воспроизводимъ. Впервые стихи были напечатаны въ Герценовской «Полярной Звѣздѣ» на 1856 г., кн. II, стр. 116, и перепечатаны въ «Русской Библіотекѣ» 1858 г., I, 33, а затѣмъ въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина 1861 г., стр. 51, 224. Въ Россіи они впервые появились въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, помѣщенномъ въ «Русс. Арх.» 1866 г., 655—656, а въ собранія сочиненій Пушкина стали входить съ 1880 г. Рядомъ съ первоначальнымъ наброскомъ притчи въ 2366-й тетради, на той же страницѣ, находятся черновые стихи, очевидно, связанные съ нею единствомъ мысли (впервые напечатаны въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 337):

Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ,
Глупцовъ, всегда къ злодѣйству близкихъ...
Предъ боязливой ихъ толпой
Ничто [и] опытъ вѣковой...
Напрасно...

Сожалѣя о своемъ недавнемъ «либеральномъ бредѣ», Пушкинъ писалъ Тургеневу: «я закаялся и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣреннаго Демократа I. X. (изъ сѣятель сѣятъ сѣмена своя)». Въ черновикѣ письма поэтъ говоритъ о своемъ настроеніи подробнѣе: «на дняхъ я закаялся, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой». Что настроеніе это было не мимолетнымъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего три первые наброска притчи въ трехъ разныхъ тетрадяхъ. Въ политическихъ воззрѣніяхъ Пушкина въ то время произошелъ переломъ. Онъ уже наслушался рѣчей «Демона», который «не вѣрилъ свободѣ» и открылъ поэту «жизни бѣдный кладъ». Первый набросокъ притчи (2366-ая тетр.) находится рядомъ съ черновикомъ «Демона». Въ 1821 г., еще надѣясь «кровавой чаши причаститься», онъ писалъ В. Л. Давыдову (№ 263): «Народы тишины хотятъ, и долго ихъ яремъ не треснетъ. Ужель надежды лучь исчезъ? Но—нѣтъ! мы счастьемъ насладимся»... Косность Европы, успокоившейся на лонѣ реакціи (см. №. 376), внушила поэту чувство презрѣнія къ «народамъ», достойнымъ своей участи, и онъ разочаровался въ томъ, во что недавно вѣрилъ; оставшись «демократомъ», сдѣлался «умѣреннымъ». Отъ этихъ стиховъ вѣетъ холодомъ глубокаго скептицизма. Поэтъ одинаково презираетъ и глупыхъ овецъ, покорно дающихъ бить себя и стричь, и усердно стригущихъ ихъ пастырей. Это стихотвореніе ярко и точно опредѣляетъ отношеніе Пушкина къ политикѣ; прежній политическій романтизмъ окончательно оставленъ имъ. Рѣшительно и прямо вступаетъ онъ на новый путь. «Было бы крайне ошибочно»,—замѣчаетъ Б. В. Никольскій, («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», Спб., 1899, стр. 44),—«какъ многіе, видѣть въ этой желчной пьесѣ отреченіе отъ свободы. Ничуть не бывало. Ни отъ свободы закрѣпощеннаго народа, ни отъ своей личной свободы Пушкинъ никогда, до послѣдняго своего дыханія, не отрекался; но мысль о трибунствѣ онъ дѣйствительно оставилъ... Разочарованный трибунъ вырастаетъ въ мудраго, внутренне-свободнаго гражданина».

---

375. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ...

(т. II, стр. 207).

Этими стихами, изъ которыхъ первый вошелъ въ поговорку, начинается черновое письмо Пушкина къ Ф. Ф. Вигелю, находящееся въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (лл. 23—24). Впервые они были напечатаны въ «Русс. Архивѣ» 1863 г., ст. 384, съ замѣчаніемъ, что были записаны не совсѣмъ вѣрно, «по преданіямъ» кишиневскихъ жителей; дополненіе къ нимъ явилось въ «Русс. Арх.» 1876 г., III, 234; затѣмъ стихи появились, съ музейной рукописи, въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюнь, 558—559, и въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, редактируемомъ В. И. Саитовымъ (I, 80—81). Въ хранящихся въ библіотекѣ академіи наукъ майковской коллекціи бумагъ П. В. Анненкова находится копія этихъ стиховъ («П. и его современники» IV, 37, № 5), но Анненковъ, по цензурнымъ условіямъ, ихъ не напечаталъ.

Письмо, начинающееся этими стихами, относится къ октябрю или ноябрю 1823 г. Съ Ф. Ф. Вигелемъ Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ: въ концѣ іюля 1823 г. они встрѣтились въ Одессѣ («Записки» Вигеля VI, 97). Съ половины сентября до Рождества 1823 г. Вигель жилъ въ Кишиневѣ (ibid, 103, 119; письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г.) Кишиневъ ему очень не понравился, и онъ, вѣроятно, жаловался Пушкину въ недошедшемъ до насъ письмѣ, на которое поэтъ и отвѣчалъ стихами, причемъ писалъ: «это—стихи, слѣдственно, шутка—не сердитесь и усмѣхнитесь. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ скучалъ [я] три года». Вигель звалъ Пушкина въ Кишиневъ; добрый Инзовъ желалъ видѣть своего бывшаго подчиненнаго. «Я писалъ къ Пушкину» говоритъ Вигель (ibid., 152),—«что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ марта [1824 г.] пріѣхалъ недѣли на двѣ, остановился у Алексѣева и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ». Должно быть, объ этомъ-то пріѣздѣ и писалъ Пушкинъ: «лишь только будетъ мнѣ досугъ, прощусь съ Одессою, явлюсь»... Вигель, вѣроятно, эти стихи хотѣлъ послать своему старому пріятелю А. И. Тургеневу, который 29 ноября писалъ кн. П. А. Вяземскому: «я получилъ отъ Вигеля премилое письмо о Пушкинѣ и стихи его, изъ коихъ двѣ піесы тебѣ посылаю, третью...» («Остаф. Архивъ» II, 368); надо думать, что эти стихи, которыхъ Тургеневъ не рѣшался послать по почтѣ, и были—«Проклятый городъ Кишиневъ»...

Филиппъ Филипп. Вигель (12 ноября 1786 г. – 20 марта 1856 г.), начавшій вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ службу въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, служившій по администраціи въ Новороссіи, гдѣ былъ бессарабскимъ областнымъ вице-губернаторомъ и потомъ керченскимъ градоначальникомъ, а впослѣдствіи занимавшій постъ директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, оставилъ извѣстные мемуары. Ихъ вѣрно оцѣнилъ князь П. А. Вяземскій—какъ «любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей народной и общежитейской литературы; онѣ писаны умно и мѣстами довольно художественно»,—но «слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью... Ничего имъ не провѣрено, не изслѣдовано критически... Узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмевали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы... Все это отражается въ запискахъ его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ записокъ»; («Русс. Арх.» 1866 г., 219—220). Задѣтый въ нихъ И. П. Липранди написалъ «Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» (М., 1873). Вигель въ политикѣ былъ узкій реакціонеръ; когда, въ 1836 г., появилось извѣстное «Философическое письмо» Чаадаева, Вигель, «какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви», поспѣшилъ съ злобнымъ доносомъ на Чаадаева («Русс. Стар.» 1870 г., I, 164). Гоголевскаго «Ревизора» онъ разбранилъ за «наглость и цинизмъ» («Русс. Стар.» 1902 г., № 7, 101). Въ тридцатыхъ годахъ, бросивъ «либеральный бредъ», Пушкинъ сблизился съ Вигелемъ. Ср. И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 146—149, 280—283, 293—294; В. И. Саитова, прим. къ «Остафьевс. Архиву», III, 622—623; М. Н. Лонгинова въ «Соврем. Лѣтописи» 1863 г., № 46).

«Шестрый домъ Варѳоломея», нынѣ не существующій (И. Халиппа, «Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ А. С. Пушкина», Кишиневъ, 1899, стр. 18), упоминается въ запискахъ Вигеля (VI, 104, 105, 166); въ полудикомъ Кишиневѣ этотъ домъ, съ мебелью обитой атласомъ и бархатомъ, съ расписанными стѣнами, считался образцомъ вкуса и роскоши. Хозяинъ его, молдаванскій бояринъ Егоръ Кирилловичъ Варѳоломей, членъ областного совѣта, давалъ балы и вечера, на которыхъ часто бывалъ Пушкинъ. Его привлекали гостепріимство хозяевъ и красота хорошенькой куконицы Пульхерицы, дочери Варѳоломея, къ которой Пушкинъ былъ одно время неравнодушенъ; ея имя онъ внесъ въ свой «донжуанскій списокъ» (въ ушаковскомъ альбомѣ). О Варѳоломеѣ см. статьи П. И. Бартенева и Липранди о пребываніи Пушкина въ южной Россіи («Русс. Арх.» 1866 г., 1125, 1158—159; 1217, 1227, 1238, 1243—1244; 1253—1254); Липранди, «Замѣчанія на воспоминанія Вигеля», 1151; Записки Вигеля, VI, 140—143; бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 1899, стр. 121—124) и повѣсть Вельтмана «Два маіора» («Москвитянинъ» 1848 г., № 1); Н. Гербановскій, «Нѣсколько словъ о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ» (В. Яковлевъ, «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887, стр. 108—109). См. также примѣч. къ № 368.

Болѣе пространная характеристика Кишинева-Содома находится въ наброскахъ 1821 г. о кишиневскихъ домахъ (см. выше, № 289—295) и въ отрывкахъ «адской» поэмы (№ 314—318); въ письмѣ къ Вяземскому 14 октября 1823 г.—Содомомъ Пушкинъ называетъ Кишиневъ. О «трехъ красавицахъ» говорится далѣе, въ томъ же письмѣ Пушкина къ Вигелю. Тамъ же можно найти объясненія послѣдняго стиха; также въ извѣстныхъ эпиграммахъ С. А. Соболевскаго на Вигеля, въ «Замѣчаніяхъ» Липранди, стр. 193, въ одномъ письмѣ Пушкина къ женѣ (21 октября 1833 года).

376. НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖЪ ДРЕМАЛЪ...

(т. II, стр. 208).

Черновой набросокъ первыхъ двухъ строфъ находится на оборотѣ 41 л. 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, вслѣдъ за стихами XXXIX и XL строфъ второй главы «Евгенія Онѣгина», помѣченными 8 декабря 1823 г. На первой страницѣ листа находится черновикъ письма къ кн. П. А. Вяземскому, написаннаго между 4 и 11 ноября 1823 г. На первой страницѣ 42-го листа тетради записанъ одинъ стихъ четвертой строфы: «Но вновь свободою Гишпанія кипѣла»... Въ академической библіотекѣ хранится автографъ, на двухъ листахъ, уже передѣланный, но съ рядомъ новыхъ поправокъ и передѣлокъ («Пушк. и его современники», IV, 5, № 14). На оборотѣ, хранящагося въ той же коллекціи чернового письма Пушкина къ А. Н. Раевскому находится набросокъ, начинающійся словами: «Но ты предвидѣньемъ»..., приводимый авторомъ «описанія» коллекціи (ibid, 33, № 2) въ связь съ пьесой «Недвижный стражъ дремалъ»... Пьеса долго не могла быть напечатана цѣликомъ. Часть ея, отъ словъ: «И нѣкій духъ»... до конца, съ пропусками внутри, была напечатана въ «Современникѣ» 1857 г., № 11 («Библіографическія записки» М. Н. Лонгинова, стр. 15—16), откуда ее перепечаталъ Анненковъ въ VII, дополнительномъ томѣ своего изданія сочиненій П., стр. 108—109, и Г. Н. Геннади (изд. 1859 г. I, 255—256). Цѣликомъ стихи появились въ «Полярной Звѣздѣ» на 1859 г., кн. V, стр. 21—22, въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 22—25, 149—150, въ «Русс. Архивѣ» 1876 г., III, 232—234, и, наконецъ, вошли въ первое ефремовское изданіе (1880 г., I, 442—444). Ср. въ исторіи текста.

Анненковъ предпослалъ стихамъ такое замѣчаніе: «отрывокъ этотъ написанъ, по нашему мнѣнію, на югѣ Россіи, около 1821, вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Наполеона и усмиреніи итальянскихъ волненій. Поэтъ вызываетъ тѣнь Наполеона и, кажется, намѣревается вложить въ уста ея трогательную и поучительную (?) рѣчь». П. И. Бартеневъ («П. въ южной Россіи»—«Русс. Арх.» 1866 г., 1153, 1171) согласился съ Анненковымъ, что стихотвореніе написано «несомнѣнно» въ 1821 г. «и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человѣка». М. Н. Лонгиновъ въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Бартенева говоритъ (ibid., 1750): «меня всегда удивляло, какимъ образомъ стихотвореніе могло быть относимо къ 1821 году. Въ немъ говорится о подавленіи революціонныхъ движеній и попытокъ не только въ Италіи и Германіи (тогда еще можно бы допустить такое показаніе), но и въ Испаніи, гдѣ революція была побѣждена лишь въ концѣ 1823 года, при помощи французскихъ войскъ. Я убѣжденъ, что означенное стихотвореніе написано Пушкинымъ въ 1824, а можетъ быть даже и въ 1825 г.» Судя также по черновику, пьеса должна быть датирована декабремъ 1823 г.

Этотъ годъ былъ временемъ грубаго торжества всеевропейской реакціи. Александръ I, въ 1818 г. произнесшій въ Варшавѣ извѣстную конституціонную рѣчь, въ 1820 г. закрылъ сеймъ и заявилъ, что «польская національность—nonsens»; въ Пьемонтѣ революція была задавлена, и Европу облетѣло крылатое словцо Меттерниха: «Италія только географическое названіе». Въ Германіи неслыханныя гоненія обрушились на печать и науку, были закрываемы газеты и университеты. Послѣ конгрессовъ въ Лайбахѣ (1821 г.) и Веронѣ (1822) Австрія взяла на себя обязанность искоренить оружіемъ въ Италіи «ложныя ученія и преступныя сообщества», и Россія обѣщала въ случаѣ надобности прислать ей на подмогу свои войска. Въ Испаніи возстаніе Ріего (см. ниже, примѣч. № 402) окончилось тоже бѣлымъ терроромъ и казнью вождя возстанія. Священный Союзъ не останавливался ни передъ чѣмъ и на время достигъ своей цѣли. Россія уже вступала на поприще международнаго жандарма. Въ самой Россіи все снаружи казалось спокойно, только гдѣ-то неслышно назрѣвало недовольство, разрѣшившееся взрывомъ 14 декабря 1825 года. «Императоръ Александръ много нанесъ намъ бѣдствія» писалъ Николаю Павловичу изъ Петропавловской крѣпости энтузіастъ П. Г. Каховскій, вскорѣ повѣшенный:—«не имъ ли раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ-ли она была послѣ такъ жестоко удавлена не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ? Онъ помогъ Фердинанду задавить законныя права народа Испаніи и не предвидѣлъ зла, тѣмъ причиненнаго всѣмъ тронамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ голосъ воскликнула: нѣтъ договора съ царями... Въ войну съ Наполеономъ что цари не обѣщали, и кто же изъ нихъ что исполнилъ?»... Письмо Каховскаго, напечатанное въ «Былomъ» (1906 г., № 1, стр. 148—152)—поразительно яркая филиппика противъ тогдашней русской политики, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрную картину кроваваго замиренія Европы. Но то, что только разжигало пламенную, дерзновенную натуру прирожденнаго революціонера Каховскаго, идеаломъ котораго были Брутъ и Зандъ, совсѣмъ иначе подѣйствовало на Пушкина. Онъ охладѣлъ и разочаровался и, грустно «смотря на западъ Европы и вокругъ себя», предался политическому скептицизму, оставилъ навсегда прежній «либеральный бредъ» и язвительно рѣшилъ: «Насытесь, мирные народы! Къ чему стадамъ дары свободы?» (См. примѣч. № 374).

Н. А. Котляревскій («Литературныя направленія Александровской эпохи», Спб., 1907 г., стр. 87) готовъ видѣть въ отрывкѣ «Недвижный стражъ»... ту же идею, что въ «Наполеонѣ», 1821 г. То же думалъ и П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1153): «идею о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ думалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ... Наполеонъ сопоставленъ съ императоромъ Александромъ и, какъ можно навѣрное догадываться, долженъ былъ передать ему завѣщаніе о свободѣ міра»... Александръ, упоенный своимъ могуществомъ,— самодержавный владыка, не знающій границъ своей волѣ. Его слова о народахъ, которые свергли «Великій Кумиръ» чтобы «цѣловать жезлъ» самодержца и ползать у его «желѣзныхъ стопъ», полны гордости и презрѣнія,—но на него вѣетъ «мгновеннымъ хладомъ», когда появляется грозящій призракъ, не замѣчаемый стражей, и предстаетъ предъ нимъ—словно молчаливое напоминаніе о бурѣ, готовой нежданно подняться изъ глубинъ народныхъ. Пушкинъ не кончилъ пьесы и, быть можетъ, выводъ изъ геніальной антитезы ему самому не былъ ясенъ. Энтузіастъ сдѣлалъ бы тотъ или иной выводъ, но не могъ его сдѣлать скеп-

тикъ. Онъ не осуждаетъ Владыку Сѣвера, но не видно, чтобы онъ отдалъ свое сочувствіе «хладному кровопійцѣ», смирившему «мятежную вольницу». Отрывокъ поражаетъ величавымъ, суровымъ безстрастіемъ, и напрашивается мысль, не хотѣлъ ли Пушкинъ сказать, что на всякую силу, посягающую на «права природы», найдется своя гроза... Эта морально-философская строгая трезвость не мѣшала ему преклоняться передъ величіемъ героя, черты котораго набросаны такъ торжественно, рѣзко и отчетливо.

«Права природы»—отголосокъ ученія о естественномъ правѣ, первое понятіе о которомъ дали Пушкину лекціи А. П. Куницына въ лицеѣ.

Стихъ: «Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари» – напоминаетъ стихъ изъ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ»: «Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ». Въ «Героѣ», 1830 г., Наполеонъ названъ: «пришлецъ сей бранный, предъ кѣмъ смирялися цари, сей ратникъ, вольностью вѣнчанный, исчезнувшій какъ тѣнь зари». Въ этой же пьесѣ говорится, что Наполеонъ былъ «мучимъ казнію покоя,» – стихъ, напоминающій конецъ 8-й строфы разбираемыхъ стиховъ.

Въ 2370-ой музейной тетради (л.л. 6 об.—7), среди записей 1824 г., находится набросокъ стиховъ о Наполеонѣ, разобрать который пробовали В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 3), П. О. Морозовъ (изд. литерат. фонда, I, 254—255; «Просвѣщ»., 1, 611), Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академ. изд. сочин. П.», 119):

Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя
послалъ?
Чего—добра ильзя—ты (чудный) былъ свершитель
(Земли чудесный посѣтитель)?
. . . . . .
Вѣщали книжники, тревожились цари,
. . . . . .
Разоблаченные пустѣли алтари,
(Свободы буря) подымалась
И вдругъ нагрянула.
Свободы тѣнь упала въ прахъ,
Разбились ветхія скрижали...
Явился мужъ земныхъ судебъ...
. . . . . .

По тону эти стихи—въ несомнѣнной связи съ отрывкомъ «Недвижный стражъ»... Морозовъ, Майковъ и Ефремовъ связываютъ ихъ съ одой «Наполеонъ» 1821 г., къ которой они, однако, не могутъ быть отнесены по положенію въ рукописи и по бросающейся въ глаза близости ихъ къ отрывку «Недвижный стражъ»... Ср. въ исторіи текста.

377. ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

(т. II, стр. 209).

Подлинникъ пьесы дошелъ до насъ въ письмѣ Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 20 ноября 1824 г. Она, повидимому, сначала не предназначалась для печати, и, сообщая ее Вяземскому, авторъ писалъ: «можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ . . . . .» (въ восьмомъ стихѣ). Составляя планъ сборника 1826 г., онъ спрашивалъ: «Телѣгу жизни напечатать ли?» (Л. Н. Майковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», Спб., 1896, стр. 5). Несмотря на эти колебанія, пьеса появилась сначала въ «Московск. Телеграфѣ» 1825 г., ч. V, № 1, стр. 49, а затѣмъ въ обоихъ сборникахъ стихотвореній Пушкина—1826 г., стр. 90, и 1829 г., I, 180—181, въ числѣ произведеній 1823 г. (см. также плетневскій списокъ пьесъ, вошедшихъ въ изданіе 1826 г.—Переписка П., академич. изд., I, 294). По послѣднему прижизненному изданію и напечатана пьеса въ настоящемъ изданіи. Въ «Московскій Телеграфъ» она была отдана, вѣроятно, Вяземскимъ, котораго Пушкинъ, въ письмѣ 25 января 1825 г. спрашивалъ: «Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега?»

Бѣлинскій причислилъ «Телѣгу жизни» къ «переходнымъ» пьесамъ Пушкина; лучшими изъ нихъ онъ считалъ «тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти». «Телѣга жизни»—именно такова. Л. И. Поливановъ отмѣтилъ «простоту избранной поэтомъ аллегоріи и народнаго языка... Избранная Пушкинымъ форма какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ безстрастному взгляду, брошенному здѣсь поэтомъ на предметъ, служащій темою стихотворенія. Намѣренная грубость аллегоріи сообщаетъ стихотворенію характеръ глубокой ироніи, обнажающей жизнь отъ всякой иллюзіи; такая иронія не чужда русскому народному воззрѣнію». А. П. Незеленову («П. въ его поэзіи», изд. 1882 г., стр. 158) здѣсь послышалась скептическая нота: «насмѣшливо-отрицательно и оттого даже цинически относится поэтъ къ земному существованію человѣка». Въ ряду другихъ тогдашнихъ стихотвореній «Телѣга жизни» звучитъ далеко не случайнымъ мотивомъ; въ ней отразилось тогдашнее настроеніе поэта, уже склоннаго скептически смотрѣть на жизнь—какъ на дорогу, которая становится съ каждымъ шагомъ все скучнѣе и скучнѣе. Такія пьесы, какъ «Недвижный стражъ дремалъ»... и «Свободы сѣятель пустынный»..., говорятъ намъ о пушкинскомъ скептицизмѣ въ политикѣ; «Демонъ» въ сильной и яркой степени отражаетъ скептицизмъ общаго міроотношенія Пушкина въ то время, и менѣе сильно, но зато спокойнѣе и проще выразился этотъ взглядъ въ «Телегѣ жизни».

Глубокій слѣдъ «Телега жизни» оставила и въ русской поэзіи. Баратынскій, которому не стать занимать было мотивовъ грусти и разочарованности, написалъ подражаніе ей—«Прогоны жизни». Подражалъ и Полонскій («Въ телѣгѣ жизни»).

378. (Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ).

(т. II, стр. 209).

Черновикъ этой пьесы, озаглавленный «Къ М. А. Г.», находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 44 обор.). Впервые она была напечатана въ изданной В. Н. Олинымъ «Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности» на 1830 г., стр. 30—31, подъ заглавіемъ: «Княгинѣ Голицыной, урожденной Суворовой», и съ помѣтой: «1823. Одесса». Пушкинъ не далъ ей мѣста въ своихъ сборникахъ стиховъ, выпущенныхъ въ 1826 и 1829 гг., и она вошла въ посмертное изданіе (IX, 156), подъ заглавіемъ: «М. А. Г.». Въ посмертномъ изданіи въ 9-мъ стихѣ вмѣсто «тайной муки», было, какъ въ музейной рукописи, «хладной скуки». П. В. Анненкову («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 144—145) былъ извѣстенъ пушкинскій списокъ стихотвореній, гдѣ упоминалась эта пьеса.

Г. Н. Геннади въ своемъ изданіи 1859 г. (I, 281; прилож., 55) отнесъ стихи къ княгинѣ Е. А. Голицыной, рожденной свѣтл. княжнѣ Салтыковой, бывшей въ первомъ бракѣ за кн. В. С. Голицынымъ, а во второмъ за кн. А. А. Суворовымъ; сынъ ея, кн. Н. Н. Голицынъ, указалъ («Русс. Стар.» 1878 г., декабрь, 749), что стихи относятся не къ его матери. Конецъ пьесы напоминаетъ послѣднія слова посвященныхъ кн. М. А. Голицыной въ 1821 г. стиховъ «Умолкну скоро я»... (см. выше, № 275): «онъ мнѣ былъ одолженъ и пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ»... М. О. Гершензонъ («Сѣверная любовь А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1908, январь, 292), истолковывающій, какъ мы говорили выше, (прим. №№ 272, 275, 276), связанные съ именемъ Голицыной стихи какъ точную исторію ея отношеній къ поэту, говоритъ объ этомъ стихотвореніи: «оно написано чрезъ два года послѣ первыхъ пьесъ. Чувство Пушкина уже остыло. Онъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нѣчто другое—объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно. Возможно, что она чрезъ сестру Башмакову, съ которой Пушкинъ встрѣтился у Воронцовыхъ, прислала ему какіе-нибудь свои, вѣроятно французскіе, стихи въ отвѣтъ на его поэтическія пѣсни: «вновь лирѣ слезъ и тайной муки она съ участіемъ вняла и нынѣ ей передала свои плѣнительные звуки». Это послѣднее стихотвореніе онъ, конечно, чрезъ Башмакову, переслалъ Голицыной. По крайней мѣрѣ, въ 1825 году, готовя изданіе своихъ стихотвореній, онъ поручаетъ брату взять эту пьесу у Голицыной». Удивительно, что, признавая «неясность» пьесы, г. Гершензонъ думаетъ, что Голицына прислала Пушкину свои стихи, и почему-то французскіе... Передать лирѣ Пушкина «свои плѣнительные звуки» она могла и иначе—спѣть стихи Пушкина, сказать ихъ наизусть («такъ мило ею повторенный»)... Почему думать, что Пушкинъ переслалъ ей свое стихотвореніе? Къ тому же въ 1825 г. онъ поручалъ брату взять у Голицыной не эту пьесу, а другую—«Умолкну скоро я»..., дѣйствительно вошедшую въ сборникъ 1826 г. Мысль г. Гершензона о романѣ Пушкина и Голицыной далеко не нова. Ее высказывалъ еще А. П. Незеленовъ («П. въ его поэзіи», Спб., 1882, стр. 151—152), по мнѣнію котораго чувство Пушкина къ ней удержало его въ Одессѣ отъ побѣга изъ Россіи: «могучей страстью очарованъ у береговъ остался я»... Разбираемая пьеса показалась критику «загадочной», и онъ пытался разрѣшить загадку, такъ же, какъ и г. Гершензонъ, видя въ этихъ стихахъ выраженіе любви поэта къ Голицыной: «серьезность тона всего произведенія, сдержаннаго, но далеко не холоднаго, показываетъ, что слова: «въ гордости моей я мыслить буду»... и т. д., сказаны не на вѣтеръ, не въ видѣ простой любезности, мадригала. Но они не совсѣмъ понятны, потому что темно (и, должно быть, Пушкинъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ) выраженіе: «вновь лирѣ слезъ и т. д.»,—тутъ Незеленовъ приводитъ четверостишіе, показавшееся неяснымъ и г. Гершензону. Къ Голицыной Незеленовъ (ibid., прим.) склоненъ отнести и «Ночь», и «Ненастный день потухъ»... и даже находитъ упоминаніе о ней въ черновомъ письмѣ Пушкина, вѣроятно, къ А. И. Раевскому («Переписка П.», изд. акад. наукъ, I, 79), гдѣ говорится о какой-то M. S., которую Незеленовъ считаетъ *M. Суворовой*, упуская изъ виду, что она тогда уже болѣе трехъ лѣтъ звалась по фамиліи мужа Голицыной. Конечно, Незеленовъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ М. О. Гершензонъ, желающій, во что бы то ни стало, видѣть въ Голицыной «сѣверную» любовь Пушкина, предметъ самаго нѣжнаго и прекраснаго увлеченія поэта,—предметъ, замѣтимъ, можетъ быть, принадлежавшій болѣе мечтательному воображенію, чѣмъ реальной дѣйствительности. Въ записанномъ Пушкинымъ въ ушаковскомъ альбомѣ «донжуанскомъ спискѣ» поэта, гдѣ названы имена тѣхъ, кого онъ любилъ, упоминается «Марія»; вѣроятно, Пушкинъ здѣсь думалъ о Голицыной; но чье-то имя, несомнѣнно то, которое такъ ревниво скрывалъ онъ всю жизнь, въ этомъ спискѣ обозначено: «N. N.», Кн. Авдотью (Голицыну), Аглаю (Давыдову), Пулхерію (Варѳоломей), Амалію (Ризничъ), Элизу (Воронцову), Калипсо (Полихроніи), Софью (Пушкину), Аграфену (Закревскую) въ спискѣ легко узнать. Не названо только имя N.N., а два раза въ одномъ спискѣ М. А. Голицына, конечно, упоминаться не могла, и, очевидно, не она была той таинственной страстью Пушкина, которую М. О. Гершензонъ выводитъ съ сѣвера, между тѣмъ какъ самъ Пушкинъ опредѣленно и ясно указалъ, что любилъ эту особу въ Крыму, «гдѣ сладостно шумятъ таврическія волны,—тамъ нѣкогда въ горахъ»... («Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда»...), и назвалъ ее «дѣвой юною», чего онъ не могъ сказать о Голицыной, вышедшей въ маѣ 1820 г. замужъ. См. также примѣч. № 272.

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ упомянулъ стихи «М. А. Г.» въ числѣ лучшихъ пьесъ, вошедшихъ въ IX томъ посмертнаго изданія.

379. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

(т. II, стр. 209).

Съ неизвѣстнаго намъ оригинала князь Н. Н. Голицынъ, братъ умершаго ребенка, напечаталъ эту надпись въ «Библіографич. запискахъ» 1858 г., т. I, № 16, ст. 496. Здѣсь воспроизведена по изданію Геннади (1859 г., I, 282), который напечаталъ ее въ томъ видѣ, какъ она была вырѣзана на памятникѣ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Князь Александръ Голицынъ, сынъ кн. Ник. Борис. Голицына и княгини Елены Александровны, рожденной свѣтл. княжны Салтыковой, родился, по показанію кн. Н. Н. Голицына въ «Библіографическихъ запискахъ» (l. c), въ Парижѣ 22 апрѣля 1822 г., а умеръ въ Петербургѣ 18 мая 1823. Принадлежность надписи Пушкину утверждается только показаніемъ князя Н. Н. Голицына. Въ «Петербургскомъ Некрополѣ» В. И. Саитова (М., 1883) ея нѣтъ. Въ собранныхъ княземъ Н. Н. Голицынымъ «Матеріалахъ для полной родословной росписи князей Голицыныхъ», коррект. изд. Кіевъ, 1880 г., младенецъ А. Н. не упоминается, равно какъ и въ «Родословной книгѣ» кн. Долгорукова.

Томъ достигъ предѣльнаго объема и потому примѣчанія къ стихотвореніямъ 1824—1828 гг. и статья о текстѣ переносятся въ слѣдующіе томы.

Рисунки второго тома.

I.

Фототипіи и хромолитографіи.

стр.

12. Кавказскій Плѣнникъ. Неизданный рисунокъ Г. Кондратенки 45
13. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Акварель В. Васнецова 134
14. Бахчисарайскій Фонтанъ. Картина К. Брюлова 194
15. Земфира. Неизданная акварель В. Сурeньянца 243
16. Прощай свободная стихія. Картина Рѣпина и Айвазовскаго 214
17. Сцена въ корчмѣ (Борисъ Годуновъ). Картина Г. Мясоѣдова 332
18. Борисъ Годуновъ, (портретъ XVII в. изъ «Корня Великихъ Государей и великихъ князей россійскихъ») 358
19. Пушкинъ въ Михайловскомъ (посѣщеніе Пущина). Картина Ге 422
20. Княгиня Зинаида Волконская. Съ миніатюры Isabey, теперь принадлежащей П. П. Дурново 454

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

9. Пушкинъ въ 1820 г. Карандашный портретъ Ж. Верне 32
10. Черкешенка. Неизданный рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина 48
11. Пушкинъ въ Крыму. Картина Айвазовскаго 96
12. Пушкинъ въ Бахчисараѣ. Картина В. Сурeньянца 184
13. Графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова (Воронцовскій дворецъ въ Одессѣ) 273
14. Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Сооруженъ по проекту Х. К. Васильева. Бюстъ работы Ж. А. Полонской (открытъ въ 1889 г.). Съ фотографіи 1907 г. 280
15. Шатобріанъ 433
16. Байронъ. Съ портрета Сандерса 1809 г. 449

стр.

17. Не вполнѣ достовѣрный портретъ молодого Пушкина. (Историческій музей въ Москвѣ. Подпись—Гейденъ 1821) . . 473
18. Пушкинъ въ началѣ 1820-хъ гг. Литографія Гиппіуса (1823) 481
19. Анна Алексѣевна Оленина, въ замужествѣ Андро. Неизданный портретъ, теперь принадлежащій дочери ея, А. Ф. Войдо 490
20. Иванъ Ивановичъ Пущинъ. (Изъ акварельной группы, принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной) 507

III.

Рисунки и автографы въ текстѣ.

238. Графъ Ѳ. И. Толстой (Американецъ).—Съ портрета Рейхеля 1817 г. 7
239. Графъ А. А. Аракчеевъ.—Съ гравированнаго портрета Уткина. 7
240. Храмъ Діаны въ Тавридѣ.—Рисунокъ-реконструкція А. Шмитца. (A. Schmitz) . . 9
241. Пушкинъ у Бахчисарайскаго фонтана.—Рисунокъ В. Сурeньянца 11
242. Черная шаль. Лубочная картина второй половины XIX в. (Изъ пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота). 13
243. Кн. П. А. Вяземскій.—Съ гравюры 1820-хъ гг. 14
244. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.—Рисунокъ И. Левитана. 15
245. «Колоссъ двуглавый». (Эльбрусъ съ Машукомъ). Съ фотогр. Ѳ. Г. Берештама. 17
246. Изъ рисунковъ Пушкина въ черновой «Кавказскаго Плѣнника» (тетрадь Румянцевскаго музея № 2365; воспроизводится въ первый разъ). 21
247. Заглавный листъ «Кавказ. Плѣнника». Спб. 1822 39
248. Николай Николаевичъ Раевскій-младшій.—Рисунокъ 1819 г., кн. И. Долгорукаго, въ альбомѣ М. Н. Раевской (въ замужествѣ Орловой), нынѣ принадлежащемъ внучкѣ ея, Е. Н. Орловой 41

стран.

249. Изъ Чегодаевской рукописи «Кавказскаго Плѣнника», нынѣ принадлежащей Александровскому лицею. По подлинной рукописи воспроизводится здѣсь впервые. . . 43

250. Плѣнникъ и Черкешенка.—Рисунокъ Галактіонова («Полярная Звѣзда» 1824 г.) . . 45

251. Изъ рукописи «Кавказскаго Плѣнника», находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ (тетрадь № 2365). 47

252. Горный Аулъ.—Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина. 49

253. Набѣгъ.—Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина. 51

254. Изъ итальян. перевода «Кавказскаго Плѣнника» Rocchigiani (Неаполь, 1834). (Пушкинская коллекція П. Е. Рейнбота) . . . 52

255. Кн. П. Д. Циціановъ 53

256. Генералъ П. С. Котляревскій. 54

257. А. П. Ермоловъ.—Съ портрета Доу въ Зимнемъ Дворцѣ. 55

258. «Кавказскій Плѣнникъ» въ лубочныхъ картинахъ.—Изъ пушкинской коллекціи Академіи Наукъ. Число лубочныхъ картинъ, посвященныхъ «Кавказскому Плѣннику» очень велико. Здѣсь взята серія изъ 4-хъ картинъ, сравнительно лучшихъ. 57

259. Одинъ на вѣткѣ обнаженной трепещетъ запоздалый листъ.—Рисунокъ Левитана. 58

260. Аглая Антоновна Давыдова. 59

261. Декабристъ В. Л. Давыдовъ (въ старости). 61

262. Одна изъ головокъ пушкинской тетради № 2365, повидимому, еврейки. Воспроизводится впервые 65

263. Денисъ Давыдовъ.—Съ портрета Орловскаго 67

264. Николай Александровичъ Корсаковъ—лицейскій товарищъ Пушкина. Предполагаютъ, что стихотвореніе «Гробъ юноши» вызвано извѣстіемъ о его смерти во Флоренціи (1820). 69

265. Karl Ludvig Sand. 70

266. Занд прощается съ родиной 70

267. Занд убиваетъ Коцебу 70

268. Занд въ темницѣ 71

269. Чтеніе смертнаго приговора 17 мая 1820 г. 71

270. Занда отвозятъ на мѣсто казни 20 мая 1820 г. 71

271. Занд на плахѣ. 71

272. Казнь Занда. Кромѣ гравюры—портрета Занда, всѣ остальныя картинки, иллюстрирующія подвигъ Занда, кѣмъ-то (какъ видно изъ русскихъ помѣтокъ) рисованы или срисованы, акварелью, въ ноябрѣ и декабрѣ 1835 г. въ Либавѣ. Гравюры и акварели были доставлены на Московскую Пушкинскую выставку 1899 г. П. А. Ефремовымъ. 71

273. Наполеонъ на смертномъ одрѣ.—Картина Ораса Верне 73

274. Могила Наполеона на островѣ Св. Елены. 74

275. Листъ 43 кишиневской тетради № 2365. Воспроизводится впервые. Въ крайнихъ двухъ наброскахъ Пушкинъ, видимо, изобразилъ какихъ-то кишиневцевъ; полный мужчина можетъ быть «Тодорашка» Крупенскій или «Маврогеній». 79

276. Изъ кишиневскихъ силуэтовъ пушкинской тетради № 2365. Воспроизводится впервые. 85

стран.

277. Изъ «Адскихъ» рисунковъ кишиневской тетради № 265.—Листъ 50 (оборотъ); воспроизводится впервые. Чтобы разсмотрѣть нижніе рисунки, надо повернуть книгу бокомъ 86

278. Изъ «Адскихъ» рисунковъ Пушкина въ кишиневской тетради № 2365 (листъ 49, оборотъ). Воспроизводится впервые. . . . 87

279. Аю-Дагъ. Съ очень рѣдкой литографіи (Брауна и Бигаты) 1820-хъ гг., изъ собранія П. А. Ефремова. 89

280. Гурзуфъ (Юрзуфъ)во времена Пушкина.—Съ очень рѣдкой литографіи (Бигати въ Одессѣ) 1820-хъ гг., изъ собранія П. А. Ефремова. 90

281. Пушкинъ съ Раевскими на южномъ берегу Крыма.—Картина Айвазовскаго . . . 91

282. Пушкинъ на южномъ берегу Крыма. Картина Айвазовскаго. 92

283. Пушкинъ на Ай-Петри.— Картина Айвазовскаго 93

284. Пушкинъ у скалъ Аю-Дага.—Картина Айвазовскаго. 94

285. Домъ Ришелье (впослѣдствіи Губонина) въ Гурзуфѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ. Картина Г. П. Кондратенки. Воспроизводится впервые. 95

286. «Платанъ Пушкина» въ Гурзуфѣ, передъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ.—Съ фотографіи, снятой въ 1907 г. 97

287. «Скала Пушкина» въ Гурзуфѣ.—Съ фотографіи, снятой въ 1907 г. 99

288. «Гротъ Пушкина» въ Гурзуфѣ.—Съ фотографіи, снятой въ 1907 г. 100

289. Любимый кипарисъ Пушкина въ Гурзуфѣ.—Съ фотографіи, снятой въ 1907 г. 101

290. Пушкинъ въ Крыму.—Автопортретъ, рисованный Пушкинымъ во время его пребыванія въ Крыму, (Румянцевскій музей). . . 103

291. Гравюра Кардели (1812). Внизу изображенъ эпизодъ изъ Отечественной войны, воспѣтый Жуковскимъ въ его «Пѣвцѣ во станѣ Русскихъ Воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала, передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

«Отважные сыны» - Александръ и Николай Николаевичи. 105

292. Каменка.—Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1853 г. 106

293. Александръ Раевскій въ 1813 г.—Изъ альбома Е. Н. Раевской-Орловой. 107

294. Ник. Николаев. Раевскій-младшій въ гусарскомъ мундирѣ. 108

295. Софья Алексѣевна Раевская. Жена генерала Н. П. Раевскаго 109

296. Софья Николаевна Раевская, младшая изъ дочерей Раевскаго. 110

297. Екатерина Николаевна Раевская, въ замужествѣ Орлова.—Съ портрета, принадлежащаго теперь ея внучкѣ Е. Н. Орловой . . 111

298. Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ. Съ портрета, принадлежащаго теперь его внучкѣ Е. Н. Орловой. 112

СТРАН.

299. «Рекрутъ Гименея». Орловъ въ строгомъ подчиненіи у своей «Марфы Посадницы». Силуэты-каррикатуры въ альбомѣ Ек. Ник. Раевской-Орловой. 113

300. Екатерина Николаевна Давыдова. . . 115

301. Александръ Львовичъ Давыдовъ. . . 116

302. «Пушкинскій гротъ» въ Каменкѣ. Съ фотографіи, хранящейся въ библіотекѣ Кіевскаго Университета. 117

303. Изъ кишиневскихъ портретовъ пушкинской тетради № 2365; воспроизводится впервые. 119

304. Заглавный листъ «Братьевъ разбойниковъ». Москва. 1827 121

305. Разбойники у костра.—Рисунокъ Галактіонова («Полярная Звѣзда» 1825). 127

306. Братья разбойники. — Литографія Тима («Рус. Худож. Листокъ» 1859 г.). . . . 129

307. Побѣгъ братьевъ-разбойниковъ.—Рисунокъ К. Трутовского. («Сѣверное Сіяніе» 1862 г.). 130

308. Младшій изъ братьевъ-разбойниковъ въ бреду. – Рисунокъ С. Иванова. 131

309. Олегъ и кудесникъ.—Акварель В. Васнецова. 132

310. Олегъ прощается съ конемъ.—Акварель В. Васнецова. 133

311. Тризна по Олегѣ.—Акварель В. Васнецова. 135

312. Гречанка эпохи Байрона. (Портретъ аѳинской дѣвушки, относящійся къ 1813 г. По наброску Кокериля рис. Чалонъ для «Byron Gallery». London 1833). 141

313. Адель Александровна Давыдова (позднѣйшій портретъ ея, когда она перешла въ католичество и стала монахиней) . . . 142

314. Листъ 28 кишиневской тетради № 2365 съ отрывкомъ программы «Гавріліады» . 143

315. Ѳедоръ Николаевичъ Глинка . . . 149

316. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ . . 153

317. Кн. П. А. Вяземскій.—Портретъ, рисованный Пушкинымъ, повидимому, въ 1826—27 гг. Изъ собранія И. С. Остроухова. Воспроизводится впервые 155

318. Листъ 46 кишиневской тетради № 2366. Воспроизводится впервые. Тутъ представлены основные интересы кишиневскаго періода: увлеченіе древне-рус. исторіей (программа; изображеніе Ольги), греческимъ возстаніемъ (портретъ Ипсиланти), настроеніе «Кинжала» (портреты Занда и Марата). Тутъ же программа «Братьевъ Разбойниковъ» и нѣсколько кишиневскихъ портретовъ. 159

319. Домъ Инзова около 1840 г. («Одесскій Альманахъ» на 1840 г.) 161

320. Развалины дома Инзова въ 1854 г. (Литографія 1864 г.) 163

321. Иванъ Никитичъ Инзовъ. (Литографія Песоцкаго) 165

322. Старо-молдавскій боярскій костюмъ. (Тудоръ Владимиреску) 169

323. Рисунокъ Пушкина изъ кишиневской тетради № 2365 (л. 42). Воспроизводится впервые. Относится къ малоизслѣдованному эпизоду бессарабскаго періода. Пушкинъ вызвалъ на дуэль бывшаго французскаго офицера-авантюриста Дегильи, а тотъ струсилъ, спрятался за жену, и дуэль не состоялась. (См. переписку Пушкина 1822 г.) 171

СТРАН.

324. «Пушкинскій» таборъ у Чугурскихъ воротъ на Прутѣ. Со снимка архитектора А. Н. Смирнова 173

325. Остатки Аккерманской крѣпости. Съ фотографическаго снимка А. П. Яцимирскаго 175

326. Кишиневскіе типы, зарисованные Пушкинымъ. Карандашный рисунокъ въ кишиневской тетради № 2365. Должно быть, сцена въ церкви. Воспроизводится впервые . 176

327. Кишиневскіе типы, зарисованные Пушкинымъ. — Очевидно, греки-повстанцы. Воспроизводится впервые. Изъ кишиневской тетради № 2365. 177

328. Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ. Снимокъ 1907 г. 178

329. Изъ надписей Бахчисарайскаго дворца. Рис. В. Суреньянца 180

330. Фонтанъ слезъ въ Бахчисарайскомъ дворцѣ.—Съ рѣдкой литографіи изъ коллекціи П. А. Ефремова 192

331. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ подлинника, принадлежащаго теперь Импер. Александровскому Лицею 193

332. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ подлинника 194

333. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ подлинника 196

334. Зарема и Марія. Рис. Зичи. (По фотографіи съ очень рѣдкой литографіи Поля Пети, должно быть, 1860-хъ гг. Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота) 197

335. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ подлинника 199

336. Входъ въ «забвенью брошенный» дворецъ. Рис. В. Суреньянца 200

337. Ханскій гаремъ Бахчисарайскаго дворца. (Литографія Киротена. Изъ коллекціи П. А. Ефремова) 201

338. Садъ Бахчисарайскаго дворца. Рисовалъ съ натуры и на камнѣ Пав. Св., т.-е. Павелъ Свиньинъ. (Рѣдкая литографія 1829 г. изъ коллекціи П. А. Ефремова 202

339. Гробница Маріи Потоцкой въ Бахчисараѣ. (Съ рѣдкой литографіи, рис. М. Дараганомъ, изъ коллекціи П. А. Ефремова) . . . 203

340. Александръ Николаевичъ Раевскій . 205

341. Ф. Ф. Вигель 207

342. Иванъ Осиповичъ Тимковскій. Литографія Эстерейха, 1823 г. 211

343. «Прощай, свободная стихія». Картина Айвазовскаго. (Художникъ ошибочно поставилъ годъ: 1827—вмѣсто 1824) 213

344. Алексѣй Николаевичъ Вульфъ. . 215

345. Николай Михайловичъ Языковъ. Портретъ дерптскаго періода 217

346. Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій . 220

347. Александръ Шишковъ 221

348. Заглавный листъ «Цыганъ». Москва. 1827. 223

349. Цыганка. Изъ «Description ethnographique des peuples de Russie» Паули. . . . 224

350. Цыганскій таборъ.—Рѣдкая гравюра по рисунку Т. Г. Шевченко для несостоявшагося изданія соч. Пушкина. Воспроизводится впервые. Съ экземпляра коллекціи П. А. Ефремова 241

351. Земфира поетъ пѣсню «Старый мужъ, грозный мужъ». Рисунокъ Микѣшина 245

352. Алеко у трупа Земфиры.—Рис. К. Трутовскаго 248

СТРАН.

353. «Оставь насъ, гордый человѣкъ». Рис. Зичи 249
354. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe, par Prisse d' Avennes, d'après les monuments de Caire. P. 1877) 251
355. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes) 252
356. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes) . . . 253
357. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей (L'art arabe par Prisse d'Avennes) 254
358. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes) 255
359. Испанская серенада. — Неизданная акварель Николая Брюлова. (Библіотека Академіи Художествъ). 257
360. «Полярная Звѣзда». С.-Петербургъ 1825. 259
361. Графъ Олизаръ. Силуэтъ въ альбомѣ Е. Н. Раевской-Орловой. Воспроизводится впервые 261
362. Видъ Одессы съ моря въ 1824 году.— Рисунокъ тушью Л. Мануони. Принадлежитъ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ. Изъ собранія М. М. Толстого. Воспроизводится впервые 263
363. Видъ входа въ Ришельевскую улицу г. Одессы. (Съ литографіи тридцатыхъ годовъ, принадлежащей Одесской Городской Публичной Библіотекѣ. Воспроизводится впервые 265
364. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ, на Пушкинской улицѣ, бывшій Сикаръ, нынѣ Альтдорферъ. (Съ фотографіи 1907 г.) . 269
365 Графъ, позднѣе князь, М. С. Воронцовъ. Портретъ Доу 277
366. Старинная Генуэзская башня у входа въ Одесскій портъ 280
367. Женихъ. Рисунокъ К. Трутовскаго. (Сѣверное Сіяніе 1862) 283
368. Андрей Шенье 285
369. Графиня Е. К. Воронцова. Портретъ Доу (George Daw Esq,) 287
370. Иванъ Ивановичъ Козловъ 290
371. Анна Петровна Кернъ.Силуэтъ 1825 г. Воспроизведенъ по подлиннику 291
372. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ 293
373. Заглавный листъ «Бориса Годунова». Спб. 1831. 315
374. Портретъ Карамзина, приложенный къ 2-му изд. «Исторіи Государства Россійскаго» (Спб. 1818) 316
375. Одно изъ первоначальныхъ заглавій «Бориса Годунова». Рамка взята изъ рукописи XVII вѣка, изданной Голышевымъ; надпись стилизована Ѳ. Г. Беренштамомъ . . . 317
376. Шуйскій и Воротынскій.—Постановка Шишкова (1870) 318
377. Москва XVII вѣка. (Изъ плана XVII вѣка, воспроизведеннаго въ изд. Найденова. Красная площадь обозначена № 14) . . . 320
378. Новодѣвичій монастырь. По рисунку Де-Брунна 1702 года 321
379. Борисъ Годуновъ.—Со стариннаго портрета въ кунсткамерѣ Академіи Наукъ рисов. Зеленскій. (Висковатовъ, Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ) . . . 322
380. Постановка Московскаго Художественнаго театра (1907—1908), Кремлевскія палаты 323

СТРАН.

381. Пименъ-лѣтописецъ. Гравюра Галактіонова въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (Спб. 1827) 324
382. Пименъ-лѣтописецъ. Рис. В. Васнецова 325
383. Пименъ-лѣтописецъ. Картина К. Лебедева. (Музей Академіи Художествъ) . . 327
384. Патріархъ Іовъ. Гравюра Аѳанасьева изъ собранія Платона Бекетова 328
385. Шаляпинъ въ роли Бориса. 329
386. Василій Шуйскій царемъ; (старинный портретъ изъ «Описанія одежды и вооруженія рус. войскъ» Висковатова) 333
387. Старинный кабинетъ въ Кремлевскомъ теремномъ дворцѣ. Фотографія Барщевскаго 335
388. Царевичъ Ѳеодоръ показываетъ Борису карту Россіи. Картина Кившенки. . 337
389. Самозванецъ и Курбскій. Постановка Моск. Художественнаго театра (1907—1908) . 339
390. Дмитрій Самозванецъ. Наиболѣе достовѣрный изъ его портретовъ, гравированный въ 1606 г. Лукой Кіліаномъ 341
391. Уборная Марины. Постановка Моск. Художественнаго театра (1907—1908) . . . 342
392. Историческая Марина Мнишекъ. Современный (1605) портретъ Снядецкаго . . . 343
393. Польскіе костюмы XVII в. Рисунки Матейки 344
394. Сцена у Фонтана. Постановка Шишкова, 1870 г. 345
395. Самозванецъ объясняется въ любви Маринѣ. (Рис. Галактіонова къ роману Булгарина «Дмитрій Самозванецъ») 347
396. Марина Мнишекъ. (Портретъ, находившійся въ Самборскомъ замкѣ, теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ 348
397. Дмитрій Самозванецъ. (Портретъ, находившійся прежде въ Самборскомъ замкѣ; теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ) . 349
398. Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908) 350
399. Польское воинство начала XVII вѣка (Рисунки Матейки) 352
400. Борисъ Годуновъ и Юродивый. Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908) 353
401. Царскій выходъ въ XVII вѣкѣ. (Изъ атласа къ путешествію Мейерберга) . . . 354
402. Лобное мѣсто. (Рисунокъ XVII вѣка, изъ атласа къ путешествію Мейерберга) . . 360
403. Димитрій Царь. Виньетка Галактіонова къ роману Булгарина «Димитрій Самозванецъ» 361
404. Домъ Борисовъ. Постановка Шишкова (1869—1870) 362
405. Убіеніе Ѳедора Годунова. Рисунокъ Константина Маковскаго. («Сѣверное Сіяніе» 1862 г.) 363
406. Село Михайловское. Литографія 40-хъ годовъ изъ коллекціи П. А. Ефремова. Средняго дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ 367
407. Пушкинъ въ домикѣ Прины Родіоновны. Картина В. Максимова. Домикъ сохранился до настоящаго времени 369
408. Любимое мѣсто Пушкина въ окрестности Михайловскаго и Тригорскаго. Рѣка Сороть и озеро. Картина В. Максимова. 1899 . . 371
409. Домъ П. А. Осиповой въ Тригорскомъ. (Снимокъ 1899 г.) 373

стран.

410. Остатки Тригорской бани, въ которой жилъ Пушкинъ. Картина В. Максимова (1898) . 375
411. Крестьянинъ изъ окрестностей Михайловскаго. Этюдъ В. Максимова (1872) . . 377
412. Типы крестьянъ окрестностей Михайловскаго. Старикъ Алексѣй, хорошо помнившій (1899) Пушкина. Портретъ В. Максимова 379
413. Ирина Родіоновна. Картина В. Максимова 380
414. Осенній вечеръ въ Михайловскомъ. Рисунокъ Аполлинарія Васнецова 381
415—21. Миніатюры: 1) Корсаковъ, 2) Яковлевъ, 3) Пущинъ, 4) Горчаковъ, 5) Дельвигъ, 6) Кюхельбекеръ, 7) Пушкинъ . . 381—383
422. «Графъ Нулинъ». Рисунокъ К. Трутовскаго. («Сѣвер. Сіяніе» 1862) 395
423. Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Съ портрета, рисов. на камнѣ Шевалье . . . 398
424. Николай Семеновичъ Мордвиновъ . . 399
425. «Невскій Альбомъ». Спб. 1826. . . . 400
426. Серафимъ влагаетъ уголь въ грудь Пророка. Гравюра по рис. извѣстнаго французскаго иллюстратора 18 вѣка Marillier. Изъ Пушкинской коллекціи П. А. Ефремова. При популярности иллюстрацій Мариле, весьма возможно, что Пушкинъ видѣлъ эту гравюру 405
427. Виньетка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація Ѳ. Г. Беренштама. . . . 417
428. Виньетка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація Ѳ. Г. Беренштама. . . . 418
429. Виньетка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація Ѳ. Г. Беренштама. . . . 419
430. Виньетка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація Ѳ. Г. Беренштама. 420
431. Виньетка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація Ѳ. Г. Беренштама. . . . 421
432. Декабристы въ Рудникахъ. Акварель Брюлова. Каторжникъ—кн. Сергій Волконскій, которому грезится его молодое счастье. . . . 451
433. Перстень-талисманъ Пушкина. (Пушкинскій музей при Лицеѣ). Подарокъ Пушкину гр. Воронцовой. 452
434. Графиня Е. К. Воронцова. . . . 453
435. Аріонъ. Русская гравюра 1809 г. Изъ пушкинской коллекціи П. А. Ефремова. . . 455
436. Кн. Марія Николаевна Волконская. (Урожд. Раевская) съ сыномъ Николаемъ († 1827). Гравюра Унгера съ акварельнаго портрета П. Ѳ. Соколова (1826). 459
437. О. А. Кипренскій. 461
438. Итальянскіе виды русскихъ художниковъ начала XIX вѣка. Видъ Сорренто. С. Щедрина. 463
439. Филимоновъ, В. С. Каррикатура-портретъ Зейделя 489
440. Графиня А. Ѳ. Закревская, урожденная гр. Толстая. 493

стран.

441. Утопленникъ. Рисунокъ А. Архипова. 495
442. Николай Ивановичъ Тургеневъ. . . . 505
443. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. . . 508
444. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) 509
445. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. 511
446. Кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій. 513
447. Кн. Сергѣй Петровичъ Трубецкой . . 515
448. Михаилъ Семеновичъ Лунинъ. . . . 517
449. Никита Михайловичъ Муравьевъ . . 521
450. Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ. . . . 523
451. Александръ Ивановичъ Якубовичъ. . 525
452. Павелъ Ивановичъ Пестель. 526
423. Листъ 38-й пушкинской тетради № 2368. (Декабристы на висѣлицѣ). Воспроизводится впервые. 527
454. Обложка Герценовской «Полярной Звѣзды» 1861 г. 530
455. Жуковскій. Этотъ портретъ является наиболѣе яркимъ выраженіемъ огромнаго впечатлѣнія, которое произвело «Русланъ и Людмила». Стоявшій во главѣ литературы, Жуковскій присылаетъ Пушкину свой портретъ съ надписью: «Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго-учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму Русланъ и Людмила, 1820, марта 26, Великая пятница» 537
456. Василій Львовичъ Давыдовъ въ молодости. 565

IV.

Орнаментъ.

Заставки и концовки начала XIX вѣка.

457—495. На стр. 1, 4, 16, 22, 23, 60, 63, 77, 81, 88, 102, 118, 119, 139, 154, 158, 179, 209, 210, 240, 250, 258, 281, 385, 386, 393, 397, 401, 403, 408, 416, 423, 450, 451, 464, 487, 503, 635.

Виньетки и боковики начала XIX вѣка.

496—497. На стр. 5, 288,

Орнаментъ XVIII вѣка.

498—499. На стр. 152, 630.

Старорусскій орнаментъ и мелкія изображенія быта.

500—509. На стр. 136, 137, 137-bis, 138, 326, 333, 356, 358, 364.

Оглавленіе II тома.

I. СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

	стр.
1. Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 году. Е. Вейденбаума	17
2. «Кавказскій плѣнникъ». П. О. Морозова.	24
3. «Адскіе рисунки». С. В.	87
4. Пушкинъ въ Крыму. Валерія Брюсова.	89
5. Пушкинъ и Раевскіе. Проф. А. Лободы	104
6. «Братья-разбойники». Проф. Н. А. Котляревскаго	122
7. Пушкинъ въ Бессарабіи. Прив. доц. А. И. Яцимирскаго.	158
8. «Бахчисарайскій фонтанъ». Ю. И. Айхенвальда и Н. О. Лернера.	180
9. «Цыганы». Вячеслава Иванова.	225
10. Пушкинъ въ Одессѣ. Н. О. Лернера	263
11. «Борисъ Годуновъ». Ѳ. Д. Батюшкова	296
12. Народъ и царь въ трагедіи Пушкина. Н. Павлова-Сильванскаго	308
13. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Проф. Е. Пѣтухова.	366
14. «Графъ Нулинъ». П. О. Морозова	387
15. «Сцена изъ Фауста». А. Г. Горнфельда	408
16. Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина. Академика Н. П. Дашкевича.	424
17. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Проф. Н. А. Котляревскаго.	465
18. Пушкинъ и декабрьское движеніе. Александра Слонимскаго. .	503
19. По поводу рисунка Пушкина «Декабристы на висѣлицѣ». С. Венгерова.	529
20. Недошедшіе и приписываемые Пушкину стихи 1817—1819 г. Н. О. Лернера.	531
21. Черновые наброски 1818—1819 г. Н. О. Лернера.	539
22. Черновики 1818—1819 гг., совершенно неотдѣланные. Ред. . .	543
23. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1820 года. Н. О. Морозова. .	546
24. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1821 года. Н. О. Лернера. .	556
25. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1822 года. Г. Н. Карасика, Н. О. Лернера и Ред. . . .	589
26. Гавриліада. Валерія Брюсова.	602
27. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1823 года Н. О. Лернера. . .	615

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ

и недошедшихъ произведеній 1818—1819 гг.

	стран.
212. Позволь душѣ моей открыться предъ тобой	1 и 539
213. Какъ сладостно!.. но, Богп, какъ опасно.	1 » 540
214. И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ	1 » 540
215. Къ ***	2 » 540
216. Элегія (къ Кагульскому памятнику.).	2 » 541
217. Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить	2 » 541
218. Дубровы, гдѣ въ тиши свободы	2 » 541
219. Скажи, какія заклинанья .	2 » 542
220. Все призракъ, суета . . .	3 » 542
221. Давно-ли тайными судьбами.	3 » 542
222. Я мало жилъ и наслаждался мало	3 » 542
223. Недавно тихимъ вечеркомъ.	3 » 542
224. За старые грѣхи наказанный судьбой.	3 » 543
225. Но я не тотъ! Мои златые годы (Кн. А. М. Горчакову).	4 » 543
226. Посланіе А. И. Тургеневу.	4 » 543

ЧЕРНОВИКИ 1818—1819 гг., СОВЕРШЕННО НЕОТДѢЛАННЫЕ.

226—а. (Надежда Парнаса) . . .	543—544
226—б. Чудесный (Ангелъ), Геній мой.	544
226—в. (Она мнѣ).	544
226—г. Такъ точно! Этотъ—онъ! . .	545
226—д. (Фебъ и Геркулесъ)	545
226—е. Лаиса, я люблю	545
226—ж. Краснорѣчивый забіяка. . .	545
226—з. Ты мнѣ велишь открыться предъ тобой	545
226—и. Оставь, о Лезбія	545—546
226—к. Нѣтъ, нѣтъ, (мои друзья).	546
226—л. Такъ я, бывало, повѣрялъ. . .	546

СТИХОТВОРЕНІЯ 1820 г.

227. Дориді.	6 и 546
228. Дорида	6 » 547
229. Мнѣ бой знакомъ. . . .	6 » 547
230. (Оленькѣ Массонъ) . . .	6 и 547
231—232. На Аракчеева . . .	7 » 548
233. Въ жизни мрачной и презрѣнной (на Ѳ. Толстого) .	7 и 548
234. Погасло дневное свѣтило. Подражаніе Байрону. . .	8 » 549
235. Мнѣ васъ не жаль, года весны моей	8 » 550
236. Чаадаеву. Съ морского берега Тавриды	9 » 550
237. О, дѣва-роза, я въ оковахъ. Подражаніе турецкой пѣснѣ.	9 » 551
238. Увы, зачѣмъ она блистаетъ.	9 » 551
239. Хавроніосъ, ругатель законснѣлый (На Каченовскаго).	10 » 551
240. Когда-бъ писать ты началъ сдуру	10 » 551
241. Какъ брань тебѣ не надоѣла	10 » 552
242. Виноградъ	10 » 542
243. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.	11 » 543
244. Дочери Карагеоргія . . .	11 » 553
245. Черная шаль	12 » 553
246. Къ портрету Вяземскаго .	14 » 555
247. Перенда	14 » 555
248. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда	15 » 555
249. Аптеку позабудь	16 » 556

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

250. Тамъ на брегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный	16 и 556
251. Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы	16 » 556

СТИХОТВОРЕНІЯ 1821 г.

252. Земля и море. Идиллія Моска	22 » 556
253. Дѣва	22 » 557
254. Красавица передъ зеркаломъ	23 » 557
255. Діонея	23 » 558
256. Муза	23 » 558
257. Кавказскій плѣнникъ. . .	40 и 559

	стран.
258. Примите новую тетрадь. .	58 » 560
259. О вы, которые любили . .	58 » 560
260. Я пережилъ свои желанья.	58 » 561
261. КокеткѢ (къ АглаѢ) . . .	59 » 561
262. Къ Дельвигу	60 » 562
263. Къ ГнѢдичу	60 » 562
264. Катенину	60 » 563
265. Вас. Льв. Давыдову . . .	61 » 563
266. Чаадаеву	62 » 564
267. Къ моей чернильницѢ . .	64 » 567
268. Христосъ воскресъ. (Еврейкѣ)	65 » 567
269. Наперсница волшебной старины	65 » 568
270. АлексѢеву.	66 » 568
271. Недавно я, въ часы свободы. (СѢтованія)	67 » 569
272. Желаніе	68 » 570
273. Гробъ юноши	69 » 570
274. Кинжалъ	70 » 571
275. Умолкну скоро я	72 » 572
276. Мой другъ, забыты мной .	72 » 573
277. Наполеонъ	73 » 573
278. Война	75 » 576
279. Къ Овидію	75 » 577
280. Въ крови горитъ огонь желанья (Подражаніе ПѢснѢ ПѢсней)	78 » 579
281. П. С. Пущину	78 » 580
282. М. Э. Эйхфельдтъ. . . .	78 » 581
283. ЛизѢ страшно полюбить .	78 » 581
284. Всегда такъ будетъ и бывало	78 » 581
285. Клеветникъ безъ дарованія (на Каченовскаго) . .	78 » 581
286. Составленъ онъ изъ подлой спеси	78 » 582
287. Оставя честь судьѢ . . .	78 » 582
288. Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный.	78 » 582
289—295. (Кишиневскія дамы) .	79 » 582
296. Добра чужаго не желать (Десятая заповѢдь)	80 » 583
297. ПовѢрь мнѢ, быть тебѢ Панглоссомъ	80 » 583

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ 1821 г.

298. Завидую тебѢ, питомецъ моря смѢлый	81 и 583
299. Наперсница моихъ сердечныхъ думъ	81 » 584
300. Вечерня отошла давно . .	81 » 584
301. Я слушаю тебя и сердцемъ молодѢю	81 » 584
302. Не тѢмъ горжусь я, мой пѢвецъ	81 и 584
303. Въ твою свѢтлицу, другъ мой нѢжный	82 » 584
304. Во времена царя Додона .	82 » 585
305. Вотъ муза, рѢзвая болтунья.	82 » 585
306. Прими въ залогъ воспоминанья	82 » 585
307. Не удивляйся, милый мой.	82 » 585
308. Гречанка, я люблю тебя .	82 » 585
309. Въ ЮрзуфѢ бѢдный Музульманъ	82 » 585
310. Красы лаисъ, завѢтные пиры	83 » 585
311. A son amant Eglé sans rasistance	83 » 586
312. Программа и отрывокъ изъ комедіи въ стихахъ . . .	83 » 586
313. Все жалобы, упреки, слезы.	84 » 587
314—318. Отрывки «адской» поэмы	85 » 587
319. Теките медленнѢй въ моемъ воспоминаньи . . .	88 » 588
320. Напрасно рощу оглашаетъ.	88 » 588
321. Одна черта руки моей . .	88 » 588
322. До меня доходятъ. . . .	88 » 589
323. Молвой покинутый изгнанникъ	88 » 589
324. Непримиримою судьбою .	88 » 589
325. Младыхъ пировъ утихли смѢхи	88 » 589
326. Чугунъ Кагульскій, ты священъ	88 » 589

СТИХОТВОРЕНІЯ 1822 г.

327. У Кларисы денегъ мало .	119 » 589
328. Иной имѢлъ мою Аглаю .	119 » 589
329. Мой другъ, уже три дня .	119 » 590
330. Баратынскому изъ Бессарабіи	120 » 591
331. Друзьямъ	120 » 591
332. Братья-разбойники . . .	127 » 591
333. ПѢснь о вѢщемъ ОлегѢ .	132 » 592
334. ПримѢты	136 » 593
335. Вадимъ.	136 » 594
336. Узникъ	139 » 598
337. Птичка	139 » 598
338. Люблю вашъ сумракъ неизвѢстной	139 » 599
339. Горишь ли ты, лампада наша (Я. Н. Толстому)	140 » 599
340. Царь Никита	140 » 600
341. ГречанкѢ	141 » 600
342. (Баратынскому).	141 » 601
343. Адели	142 » 602

стран.

344. Пріятелю . . . . . 142 и 602
345. Гавриліада . . . . . 143 » 602
346. Ѳ. Глинкѣ . . . . . 149 » 606
347. Первое посланіе цензору . 150 » 608
348. Жалоба . . . . . 152 » 609
349. Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати. . . . . 152 » 610
350. Русскому Геснеру . . . . 153 » 610
351. Пиры, любовницы, друзья . 153 » 611

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

352. Изгнанье славно . . . . . 154 » 611
353. (Изъ поэмы или сказки о царѣ Зензевеѣ) . . . . 154 » 611
354. Записка къ пріятелю. . . 154 » 611
355. Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной . . . 154 » 612
356. На тихихъ берегахъ Москвы. 155 » 612
357. (Кн. П. А. Вяземскому). . 155 » 613
358. Какъ наше сердце своенравно . . . . . 156 » 613
359. Кто, волны, васъ остановилъ . . . . . 156 » 613
360. Венерѣ, Ѳебу и Ѳемидѣ. . 156 » 613
361. Догорала молодая. (Въ голубомъ эѳирѣ полѣ). . . . 156 » 613
362. Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой. . . . . 156 » 613
363. Таврида . . . . . 156 » 613
364. Ты правъ, мой другъ . . 157 » 614
365. Ужели онъ казался прежде мнѣ . . . . . 157 » 614
366. Встрѣчались мнѣ наперсники молвы . . . . . 157 » 614
367. О, Геліосъ, внемли . . . 157 » 614

СТИХОТВОРЕНІЯ 1823 г.

368. Зима мнѣ рыхлою стѣною (Изъ записки В. П. Горчакову) . . . . . 179 » 615
369. Возстань, о Греція, возстань! 179 » 615
370. Бахчисарайскій фонтанъ . 193 » 616
371. Демонъ . . . . . 205 » 618
372. Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты . . . . . 206 » 623
373. Ночь . . . . . 206 » 625
374. Свободы сѣятель пустынный 207 » 625
375. Проклятый городъ Кишиневъ . . . . . 207 » 626
376. Недвижный стражъ дремалъ. 208 » 627
377. Телѣга жизни . . . . . 209 » 628
378. (Кн. М. А. Голицыной). . 209 » 629
379. Надгробная надпись Кн. А. Н. Голицыну . . . . 209 » 629

СТИХОТВОРЕНІЯ 1824 г.

стран.

380. Давыдову 210
381. Иностранкѣ 210
382. Полу-герой, полу-невѣжда . 210
383. Саранча летѣла, летѣла. . 210
384. Тимковскій царствовалъ. . 211
385. Къ морю 211
386. Прозерпина 214
387. А. Н. Вульфу 215
388. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ 215
389. Къ Языкову. 217
390. Аквилонъ. 218
391. Туманскій правъ 218
392. Ненастный день потухъ. . 219
393. Второе посланіе къ цензору 219
394. Коварность 222
395. Ты вянешь и молчишь. . 222
396. Цыганы. . . . . 224 и 241
397. Привѣтъ Алеко сыну . . 250
398. Подражанія Корану . . . 251
399. Признаніе (А. И. Осиповой). 257
400. Ночной зефиръ струитъ эфиръ. 257
401. Прости, украинскій мудрецъ. 258
402. Сказали разъ царю . . . 258
403. Воспитанный подъ барабаномъ 258
404. Охотникъ до журнальной драки 258
405. Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ. 258
406. Мнѣ жаль великія жены . 258
407. Напрасно ахнула Европа . 259

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ 1823—1824 гг.

408. Блеститъ луна, недвижно море спитъ 260
409. Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи 260
410. Все кончено: межъ нами связи нѣтъ 260
411. Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ 260
412. (На одесскихъ дамъ). . . 260
413. Ты издалъ дядю моего (П. А. Плетневу) 260
414. Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья 260
415. Слабъ и робокъ человѣкъ. 260
416. Что-же, будетъ ли вино? . 260
417. Презрѣвъ и шопотъ укоризны 261
418. Сабуровъ, ты оклеветалъ . 261

стран.

419. Едва уста краснорѣчивы . 261
420. Графу О.... (Олизару) . . 261
421. Пока супругъ тебя, красавицу младую 262
422. Забылъ и рощу, и свободу 262
423. Младенцу 262
424. Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ 262
424-а. У моря подъ скалой . . 262

СТИХОТВОРЕНІЯ 1825 г.

425. Пріятелямъ 281
426. Нашъ другъ Өпта (На Ѳ. Н. Глинку) 281
427. Женихъ 281
428. Андрей Шенье. Посвящено Н. Н. Р. (Раевскому). . . 284
429. Сожженное письмо . . . 287
430. Дружба 288
431. Вакхическая пѣсня . . . 288
432. Ветроградъ моей сестры . 288
433. Къ именинницѣ 288
434. Живъ, живъ курилка! (На М. Т. Каченовскаго). . . 289
435. Семейственной любви и нѣжной дружбы ради . . 289
436. Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради 289
437. Элегія на смерть Анны Львовны 289
438. Если жизнь тебя обманетъ. 290
439. Сафо 290
440. Козлову 290
441. П. А. О*** (Осиповой) . . 290
442. Ex ungue Leonem. . . . 290
443. Къ*** (А. П. Кернъ). . . 291
444 Желаніе славы. 292
445. (Посланіе А. Г. Родзянкѣ). 292
446. Ода Его Сіятельству Гр. Д. И. Хвостову. 293
447. Прозаикъ и поэтъ . . . 294
448. Движеніе. 294
449. Соловей и кукушка . . . 294
450. Совѣтъ 294
451. Сатирикъ и поэтъ любовный (Кн. Вяземскому) . . 295
452. Брови царь нахмуря. . . 295
453. Борисъ Годуновъ. . . . 315
454. Въ глуши, измучась жизнью постной 381
455. Послѣдніе цвѣты 381
456. 19 октября 381
457. Передъ рыцаремъ блеститъ вода (Изъ «Orlando Furioso») 384
458. Съ португальскаго . . . 385

стран.

459. Я не рожденъ святыню славословить 386
460. Графъ Нулинъ. 393
461. Изъ А. Шенье. 397
462. Къ Б*** (Баратынскому) . 398
463. Подъ небомъ голубымъ страны своей родной . . 398
464. (Н. С. Мордвинову) . . . 399
465. Зимній вечеръ. 400
466. Н. Н. При посылкѣ ей Невскаго Альманаха 400
467. Буря 401
468. Все въ жертву памяти твоей. 401

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

469. Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны 402
470. Шумитъ кустарникъ. . . 402
471. Лишь розы увядаютъ . . 402
472. Скажи мнѣ ночь 402
473. Стрекотунья бѣлобока . . 402
474. Сосѣдство ваше намъ опасно. 402

СТИХОТВОРЕНІЯ 1826 г.

475. Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось 403
476. Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ . 403
477. Такъ море, древній душегубецъ. 404
478. Пророкъ 404
479. Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ (Е. А. Тимашевой) . 406
480. Зачѣмъ безвременную скуку. 406
481. У Гальяни иль Кольони . 406
482. Прощай, отшельникъ бессарабскій. 407
483. Зимняя дорога. 417
482-а. Сцена изъ Фауста. . . . 422
483-а. Душа моя Павелъ. . . . 422
484. Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому . 422
485. Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный (И. И. Пущину) 422
486. О ты, который сочеталъ . 422
487—89. Стансы 423

СТИХОТВОРЕНІЯ 1827 г.

490. Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ 451
491. Соловей 452
492. Талисманъ 452
493. Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ 452

стран.

494. Ангелъ. 453
495. Есть роза дивная 454
496. Когда, бывало, встарину (Е. Н. Ушаковой). . . . 454
497. Въ отдаленіи отъ васъ (Е. Н. Ушаковой). . . . 454
498. Къ тебѣ сбирался я давно. 454
499. Кн. З. А. Волконской . . 454
500. Къ*** (КняжнѢ Хованской). 455
501. Аріонъ. 455
502. Три ключа 455
503. Поэтъ 456
504. Къ Яз*** (Языкову) . . . 456
505. БлизъмѢстъ, гдѢ царствуетъ Венеція златая. 456
506. 19 октября 1827 г. . . . 456
507. Черепъ. Посланіе къ Д*** (Дельвигу) 457
508. Въ сіяніи и въ радостномъ покоѢ. 459
509. Изъ Alfieri 460
510. Золото и булатъ 460
511. Сто лѢтъ минуло, какъ Тевтонъ 460
512. Не знаю гдѢ, но не у насъ. 460

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ.

513. Земли достигнувъ. . . . 461
514. Любимецъ моды легкокрылой (Ѳ. А. Кипренскому) . 461
515. Какая ночь! Морозъ трескучій 461
516. Подруга дней моихъ суровыхъ 462
517. Толпа холодная поэта окружала 462
518. Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ. 462
519. Кто знаетъ край, гдѢ небо блещетъ 462
520. Чистотой, прислугой и пойломъ 463
521. Таится пещера 464
522. Сводня грустно за столомъ. 464

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 г.

523. Друзьямъ. 487
524. Посланіе къ В. (И. Е. Великопольскому). 488
525. В. С. Филимонову. . . . 488
526. Городъ пышный, городъ бѢдный 489
527. Каковъ я прежде былъ . . 490
528. Не пой, красавица, при мнѢ. 490
529. Ея глаза 490
530. To Dawe Esqr 491

стран.

531. Воспоминаніе 491
532. Ты и вы 492
533. Даръ напрасный, даръ случайный. 492
534. Кобылица молодая . . . 492
535. Н. Д. Киселеву. 492
536. Портретъ (Гр. А. Ѳ. Закревской) 493
537. Щастливъ, кто избранъ своенравно 494
538. Наперсникъ 494
539. Предчувствіе 494
540. А въ ненастные дни собирались они 494
541. Анчаръ 494
542. Утопленникъ 495
543. 19 октября 1828 года . . 496
544. Рефутація Беранжера . . 496
545. ОтвѢтъ Катенину 496
546 ОтвѢтъ А. И. Готовцовой . 497
547. За Netty сердцемъ я летаю (А. И Вульфъ). 497
548. ПодъѢзжая подъ Ижоры (Е. В. Вельяшевой) . . . 497
549. О, Эгельстромъ! я восхищенный 497
550. ЦвѢтокъ 498
551. Чернь 498
552. И. В. С*** (Сленину) . . . 499
553. Любопытный 499
554. Собраніе насѢкомыхъ. . . 499
555. Е. Н. У***вой (Е. Н. Ушаковой). 500
556. Воронъ къ ворону летитъ. 500
557. Лицинскій околѢлъ . . . 500
558. НевѢдомскій поэтъ, невѢдомый никѢмъ. 500
559. Когда стройна и свѢтлоока. 500
560. Если въ жизни поднебесной 500
561. Amour exil 500
562. Не смѢю вамъ стихи Баркова 500
563. Когда помилуетъ насъ Богъ 500

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

564. Увы, языкъ любви болтливой. 501
565. Волненьемъ жизни утомленный 501
566. Риѳма-звучная подруга . . 501
567. Въ степяхъ зеленыхъ Буджака 502
568. Брадатый староста АвдѢй . 502
569. Тебя пою на томной лирѢ. 502
570. Въ рюмкѢ свѢтлой предо мной 502

Просимъ исправить грубую опечатку на стр. 404, стихъ 22:
Напечатано: р о з ы; надо: л о з ы:

Duke University Libraries
D02760726U